ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСТВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ
ЕВРАЗИЯ

Москва 2002

«Арктогея центр»

Серия: **Национальная Идея**
Политическая партия «Евразия»

УДК 329
ББК 87.3 (2)
0 72

«Основы Евразийства», Москва, «Арктогея-Центр», 2002, 800 стр.

Книга представляет собой антологию основных программных материалов по идеологии и политическим воззрениям представителей евразийского движения — от его основателей до современных неоевразийцев (П.Савицкий, Н.Трубецкой, Н.Алексеев, Г.Вернадский, Э.Хара-Даван, П.Сувчинский, Я.Бромберг, Л.Гумилев, А. Г. Дугин). Приводятся доктринальные материалы, политические манифесты, теоретические статьи, дающие исчерпывающее представление о классическом и современном евразийстве.

Для широкого круга читателей, интересующихся общественно-политической и философской мыслью России.

ISBN — 5-8186-0018-1

Раздел I

РОЖДЕНИЕ ПАРТИИ

ЕВРАЗИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Манифест современного евразийского движения

Кризис идей в современной России

В российском обществе на старте нового тысячелетия болезненно ощущается дефицит идей — особенно в социально-политической сфере.

Большинство людей — в том числе, правителей, политиков, ученых, тружеников — руководствуются в своей жизни, в политическом выборе набором сиюминутных факторов, случайных интересов, преходящих, случайных эмоций. Мы стремительно утрачиваем общее представление о смысле жизни, о логике истории, о задачах человека, о судьбе мира.

Жизненный, исторический и социальный выбор подменен агрессивной рекламой. На месте осмысленной и ответственной политической идеологии стоит эффективный (или неэффективный) «пиар». Исход выборов и мировоззренческих дискуссий определяется объемами инвестиций в зрелищные инсценировки. Драматические столкновения народов, культур и религий превращены в теле-шоу, оплаченные транснациональными корпорациями и нефтяными холдингами. Человеческая кровь, человеческая жизнь, человеческий дух превратились в пустые фигуры речи. На место тоталитарного одномыслия пришло полное безразличие к мысли вообще.

Большинство политических партий, оформленных социальных движений преследуют конъюнктурные цели. Практически нигде не встретить ясной и последовательной идеологии, способной вывести человека из состояния политического сна и растерянности, сделать жизнь наполненной.

Глобализм как угроза

За неимением оригинальных мыслей, в отсутствии укорененности в национальной истории и ее константах, многие политические силы сегодняшней России предпочитают слепо копировать идеологию Запада, видя в либерализме, западной демократии (американского образца) и глобализме решение всех российских проблем. Либеральная идеология и сценарий глобализации по западному образцу действительно неплохо проработаны интеллектуалами Запада, но при этом они не только не учитывают российскую специфику, но исходят из исторических, культурных и цивилизационных предпосылок, радикально отличающихся (до противоположности) от логики российской истории. Нормы космополитизма, индивидуализма, исчисления духовных и культурных ценностей через денежный эквивалент, полное отрицание нравственности, этики, гуманизма, заботы об окружающей среде, атомизация общества, презрение к традициям, насмешка над древними культами, прославление жестокой конкуренции, безразличие к слабому, злорадство в отношении обездоленных — все эти явления есть результат логичного вырождения западной цивилизации, пожертвовавшей прогрессом моральным ради прогресса материального и технологического. Запад сделал свой выбор не вчера, а уже в эпоху Просвещения, встав на путь богоборчества, индивидуализма, поклонения Золотому тельцу. И сейчас он подошел к критической черте, когда эта система ценностей активно навязывается всем остальным народам мира как безусловная норма жизни, мысли, культуры, экономического, социального и политического уклада. Это и есть глобализация: не просто диалог народов и культур, но повальное приведение национального государственного религиозного и этнического разнообразия к американскому стандарту.

Люди, которые провозглашают неизбежность глобализма, воспевают его, по-своему последовательны — но так же последовательны коллаборационисты, услужливо преклоняющие колено перед видимой мощью оккупанта-завоевателя. На самом деле они совершают преступление перед самобытностью своей собственной цивилизации, предают веру и нравственность отцов, становятся слабым звеном в эстафете поколений, создавших, укрепивших и приведших к расцвету уникальную российскую цивилизацию, которая вобрала в себя исторический, духовный и религиозный опыт многих народов и народностей.

Очевидно, что американизация России, всего мира, рабская покорность новому мировому гегемону многим не нравится. Но это проявляется чаще всего лишь эмоционально, фрагментарно, непоследовательно. Люди и целые общественно-политические движения по инерции хватаются за старое, за остатки того, что принадлежит к другим, более гармоничным и благородным эпохам, что хоть чем-то отличается в лучшую сторону от потопа глобализации. Неприязнь к американскому образу жизни, насильственно навязываемому нам, к пресловутому «новому мировому порядку» — это целиком положительное черта, которую следует приветствовать везде, где мы с ней сталкиваемся. Но этого недостаточно. Нам необходим активный контрпроект, реалистичная, конкретная и емкая альтернатива.

Условия начала тысячелетия радикально новы. И те, кто хочет иного будущего, нежели растворение народов, культур и государств в глобализме, в управляемом хаосе общества ярких, но безнравственных зрелищ, обязаны не только сказать «нет», но и сформулировать, выдвинуть, доказать и отстоять другой, наш собственный, цивилизационный План.

Самым масштабным, самым обобщающим мировоззрением, предлагающим такую альтернативу однополярному миру, глобализму, является евразийство.

Отцы-основатели евразийства

Исторически евразийство сложилось в 20-е годы в качестве попытки осмыслить логику политико-социального, культурного и геополитического развития России как единого и по сути непрерывного процесса от Киевской Руси до СССР. Евразийцы разгадали за диалектикой национальной судьбы русского народа и русского Государства единую историческую миссию, выражавшуюся на разных этапах по-разному.

Главный тезис ранних евразийцев (кн. Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Н.Н.Алексеев и др.) звучал так: «Запад против человечества», народы мира, цветущая сложность культур и цивилизаций против унитарной, тоталитарной западной модели, против экономической, политической и культурной доминации Запада. Россия (и древняя, и православно-монархическая, и советская) виделась евразийцам как оплот и авангард этого мирового процесса, как цитадель духовной свободы против одномерной гегемонии безбожного, секулярного, прагматического и эгоистического нароста на человечестве — западной цивилизации, претендующей на материальное и духовное господство.

На этом основании евразийцы приняли СССР как новую — парадоксальную — форму изначального пути России. Не одобряя атеизма и материализма в культуре, они распознали за внешним фасадом коммунизма глубоко национальные черты, признали за Советской Россией геополитическое правонаследие русской миссии.

Евразийцы, будучи последовательными и убежденными русскими пат-

риотами, пришли к выводу о недостаточности традиционных форм, в которые облекалась в последние века Национальная Идея в России. Романовские лозунги — «Православие, Самодержавие, народность» — были лишь консервативным фасадом, скрывавшим за собой вполне западническое содержание. Советский патриотизм выражал национальную идею в классовых терминах, которые также не покрывали существо цивилизационной проблемы, не точно определяли смысл исторической миссии России. Светский национализм Романовых был формальным и имитировал европейские режимы. Советский патриотизм игнорировал национальную стихию, обрывал связь традиций, отметал Веру отцов.

Был необходим синтез, новый подход. Такой подход и получил развитие в евразийской философии, в социально-политическом движении евразийцев.

Отцы-основатели евразийства впервые в высшей степени положительно оценили многонациональную (имперскую) природу Российского Государства. Особенно внимательны они были к тюркскому фактору. Роль наследия Чингисхана, эстафета монгольской государственности, воспринятая Москвой в XVI веке, виделась ими как решительный поворот России к Востоку, к самобытности, к самоценности. В православном предании именно это время обозначается как период Святой Руси, с превращением Москвы — в Третий Рим (после падения Царьграда и конца Византийской Империи). Миссия Святой Руси выражалась в отстаивании особой евразийской культуры, оригинального общественного устройства, по основным параметрам отличных от католического и протестантского Запада.

Россия мыслилась евразийцами как авангард Востока (шире, всего «третьего мира») против Запада, как передовая линия обороны традиционного общества против общества секулярного, атеистического, поклонившегося маммоне.

Но в многовековой борьбе за сохранение своего культурного «я» Россия, в отличие от многих обществ Востока, активно усваивала опыт Запада, перенимала технические, прикладные его стороны, заимствовала отдельные методологии — но всякий раз лишь с целью защититься от Запада, прагматически используя для этого его же оружие. На современном языке это называется «модернизация без вестернизации». Поэтому-то России и удалось дольше других традиционных обществ сохранить свою независимость.

Из этого евразийцы сделали важнейший вывод: России необходим не просто возврат к корням, но сочетание консервативного и революционного начал. Россия должна активно модернизироваться, развиваться, частично открываться окружающему миру, при этом строго сохраняя и укрепляя собственную идентичность.

Увы, исторически, это замечательное движение не было затребовано в должной мере. Впечатляющие успехи марксистской идеологии в СССР делали утонченное, консервативно-революционное мировоззрение евразийцев излишним. К концу 30-х годов первоначальный импульс евразийского движения и в России и в среде русской эмиграции угас.

Эстафету евразийской мысли несли отныне не столько политики и идеологи, сколько ученые (в первую очередь, великий русский историк Лев Гумилев).

Неоевразийство

Драматические события последних десятилетий в России, во всем мире, снова сделали идеи евразийцев актуальными. Запад справился со своим самым серьезным в XX веке идеологическим противником — СССР. Марксистская идеология резко утратила свою привлекательность. Однако новой обобщающей альтернативы глобализму и либерализму (которые сегодня воплощены в наиболее совершенном и законченном виде в планетарной мировоззренческой, экономической и политической стратегии США) пока не появилось. Впрочем, и не могло появиться.

Разрозненные фрагменты — дореволюционного национализма, клерикализма, инерциального советизма или экстравагантные фантазии экологизма и левачества — не могли сложиться в единый фронт. Отсутствовала общая мировоззренческая база, общий знаменатель. Ситуативное сближение позиций противников американизации не приводило к истинному мировоззренческому синтезу.

Именно в этот момент наиболее внимательные умы, чистые сердца и пламенные души России обратились к евразийскому наследию. И обнаружили в нем спасительный источник, зародыш того учения, той идеологии, которая оптимально соответствовала потребностям исторического момента.

Неоевразийство стало складываться как социальное, философское, научное, геополитическое, культурное течение с конца 80-х. Отталкиваясь от наследия русских евразийцев 20 — 30-х годов, вобрав в себя духовный опыт традиции Русского Православия от древности до наших дней, обогатившись социальной критикой русских народников и европейских «новых левых», по-новому осмыслив достижения советского этапа отечественной истории, и вместе с тем освоив философию традиционализма и консервативной революции, развитую геополитическую методологию, неоевразийство стало самой серьезной мировоззренческой платформой в современном российском обществе, оформилось в целую научную школу, в систему социальных и культурных инициатив.

Неоевразийство заложило основы современной российской геополитики, приобрело мощный кадровый потенциал сторонников во властных структурах, силовых министерствах и ведомствах, основывающих на евразийской геополитике многие серьезные оперативные международные, военные и экономические проекты.

Неоевразийство повлияло на современную отечественную политологию, социологию, философию.

Неоевразийство постепенно стало важным концептуальным инструментом российских государствообразующих монополий, нуждающихся в эффективном моделировании, в долгосрочной стратегии макроэкономической деятельности, зависящей не от сиюминутной политической конъюнктуры, но от исторических, географических и цивилизационных констант.

Неоевразийство легло в основу целого веера авангардных течений в молодежной культуре, дало живительный импульс для творческого, пассионарного развития оригинального направления в искусстве.

Неоевразийство оказало значительное влияние на политические партии и движения современной России — как «правые», так и «левые». Однако евразийские мотивы в программах большинства российских политических партий и движений остаются фрагментарными, сочетаются с другими — разнородными и противоречивыми элементами (все это делает крупные российские партии скорее конъюнктурными, деидеологизированными образованиями, созданным для решения краткосрочных, ситуативных политических задач).

Новый социально-политический субъект

Приходит время сделать следующий шаг, придать евразийству конкретное социально-политическое измерение.

Неоевразийская идеология постепенно переросла уровень чисто теоретических разработок. Сегодня, как никогда ранее, российская власть нуждается в надежной мировоззренческой и социально-политической опоре. Новое государственное мировоззрение, новые отечественные нормы евразийской политкорректности назрели. Об этом свидетельствует тот настойчивый поиск Национальной Идеи, которым озабочена сегодня власть.

Если для решения сиюминутных задач сложившаяся политическая и партийная система пригодна, то в среднесрочной перспективе (не говоря уже о долгосрочном стратегическом взгляде) она нуждается в радикальном реформировании. Данная система сложилась в процессе слома советской модели и замены ее западническим либерал-демократическим образцом. Но сегодня для России неприемлемо ни то ни другое. А тем более неуместно перед лицом сложнейшей ситуации, с которой сталкивается страна, продолжение политики «опереточного», зрелищного характера. Необходимы партии и движения, основанные на мировоззрении, отражающем интересы конкретных слоев населения, просвещающие, обучающие и защищающие его, а не эксплуатирующие доверие (и наивность) масс ради частной или групповой выгоды.

Все условия для появления полноценного евразийского движения в новой России налицо.

И те, кто стоял у истоков неоевразийства, кто сформировал теоретические предпосылки и основы российской геополитики, евразийской философии, традиционализма (стратегического союза представителей ортодоксальных конфессий России — православия, ислама, буддизма, иудаизма и т.д.), консервативно-революционной политологии и социологии, экономики «третьего пути», кто отдал много лет борьбе за идеалы Евразии, за возрождение русского народа и нашей Великой державы, приняли решение образовать новое Общероссийское Политическое Общественное Движение «ЕВРАЗИЯ».

Кто станет участниками движения «Евразия»?

К кому мы обращаемся с призывом войти и поддержать наше движение?

К каждому россиянину, образованному и не очень, влиятельному и лишенному самого последнего, к рабочему и к менеджеру, к страждущему и процветающему, к русскому и татарину, к православному, мусульманину, буддисту и иудею, к консерватору и модернисту, к студенту и стражу порядка, к десантнику и ткачихе, к губернатору и рок-музыканту.

Ко всем тем, кто любит Россию, не мыслит себя без нее, кто осознал необходимость серьезного коллективного напряжения и личного усилия, которые требуются от всех нас для того, чтобы страна наша и наш народ остались на политической карте нового тысячелетия (откуда нас упорно пытаются стереть). Мы обращаемся к тем, кто хочет, страстно хочет, чтобы мы наконец распрямились во всю богатырскую мощь, сбросили с нашего общего организма паразитические наросты, разорвали бы пелену умственного тумана, утвердили над страной, материком, миром наши солнечные русские идеалы — идеалы Свободы, Справедливости, Верности Истокам.

Радикальный Центр

Движение «Евразия» основывается на принципах радикального центра. Мы не левые и не правые, мы не послушное властям раболепное «болото» и не оппозиционеры «любой ценой». Мы понимаем, что сегодня

власть в России нуждается в помощи, в поддержке, в солидарности, в сплоченности.

Но вместе с тем слепая покорность начальству, некритичное потворство власти только потому, что она власть, сегодня не менее (если не более) губительны, чем прямой бунт. Мы — центристы в той мере, в какой Президент и власть действуют во благо Державы, во благо народа, причем не популистски и сиюминутно, а в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Но наш радикальный центризм не пассивен. Мы ясно осознаем, что нынешняя власть в России, по самой логике вещей, не обладает (и не может обладать) ясным представлением о фундаментальных стратегических целях, о философской и духовной драматической проблеме, которую несет новое тысячелетие — страшное, рискованное, угрожающее, ничему не научившееся за века кровавых боев и жестоких страданий...

Власть сегодня растеряна и нуждается в помощи, в ориентирах, в вехах, указать которые должен народ, его наиболее активная, волевая, умная, идеалистическая, патриотичная часть. Именно она должна собраться в наше движение, стать его ядром.

Нам предстоит, в некотором роде, поменяться местами – теперь приходит черед власти прислушаться к голосу Евразии. Это не голос покладистых, искусственных, экранных или «диванных» партий. Это могучий зов почвы, голос поколений, рев глубин нашего духа и нашей крови.

Приоритеты движения «Евразия»

Наше движение распространяет евразийские принципы на все уровни жизни.

В религиозной сфере это означает конструктивный солидарный диалог традиционных для России конфессий — православия, ислама, иудаизма, буддизма. Евразийские ветви мировых религий имеют много отличий от тех форм, которые укоренились в других регионах земли. Существует общий стиль евразийской духовности, который, однако, ни в чем не ущемляет различия и оригинальности догматов. Это серьезное и позитивное основание для сближения, взаимоуважения, взаимопонимания. Благодаря евразийскому подходу к религиозным вопросам многие межконфессиональные трения можно будет обойти или урегулировать.

В области внешней политики евразийство предполагает широкий процесс стратегической интеграции. Воссоздание на основе СНГ солидарного Евразийского Союза — аналога СССР на новой идейной, экономической и административной основе.

Стратегическая интеграция внутренних пространств СНГ постепенно должна распространиться и на значительно более широкие области —

страны оси Москва-Тегеран-Дели-Пекин. Евразийская политика призвана открыть России выход к теплым морям, не путем войн и страданий, но путем мира и открытого дружеского сотрудничества.

Евразийская политика на западном направлении предполагает приоритетные отношения со странами Европы. Современная Европа — в отличие от эпохи, когда творили отцы-основатели евразийства — не является более источником «мирового зла». Стремительные политические события XX века способствовали передаче этой сомнительной инициативы еще западнее — в Северную Америку, США. Поэтому на нынешнем этапе Россия может найти в Европе стратегических партнеров, заинтересованных в возрождении своего былого политического могущества. Евразийская Россия должна выступить в роли освободительницы Европы, но на сей раз от американского политического, экономического и культурного контроля.

Евразийская политика России ориентирована на активное сотрудничество со странами Тихоокеанского региона, в первую очередь, с Японией. Экономические колоссы этой зоны должны увидеть в евразийской политике России ориентир для самостоятельного политического развития, а также стратегический и ресурсный потенциал, новые рынки.

На планетарном уровне евразийство выражается в противостоянии однополярной глобализации. Евразийство отстаивает «цветущую сложность» народов, религий и наций. Все антиглобалистские тенденции являются потенциально «евразийскими». Мы предлагаем вместо глобализации по американскому образцу веер альтернативных проектов — диалог культур, «многополярную глобализацию» и «региональную глобализацию», что позволит при развитии открытости стран и народов друг другу сохранить в то же время их самобытность, свободу и суверенность.

Мы являемся последовательными сторонниками «евразийского федерализма». Это понятие означает сочетание стратегического единства и этно-культурной (в определенных случаях, экономической) автономии, многообразие укладов на местном уровне в сочетании со строгим централизмом в основных моментах, связанных с интересами Государства.

Мы должны возродить традиции русского народа, способствовать восстановлению устойчивого демографического роста русских. И самое главное, пробудить в народе присущую ему органически духовность, нравственность, высокие идеалы, живой и страстный патриотизм. Без приоритетного возрождения русской нации евразийский проект не имеет никаких шансов стать реальностью. Понимание этого факта лежит в основе нашего мировоззрения.

Евразийство в социальной сфере означает приоритет принципа общественного над индивидуальным, подчинение экономических моделей страте-

гическим, социальным задачам. Вся история хозяйства Евразии демонстрирует, что развитие хозяйственных механизмов здесь происходит по логике, альтернативной либерал-капиталистическим, индивидуалистическим моделям личного обогащения, жесткой конкурентной борьбы, развившимся на Западе на основе протестантской этики. Либеральная логика хозяйствования чужда Евразии, и не стоит путем колоссальных усилий ломать эту укорененную черту нашего народа. Коллективный, общинный принцип ведения хозяйства, привнесение критерия «справедливости» в процесс распределения — является устойчивой чертой нашей экономической истории. Евразийство настаивает на позитивной оценке этого обстоятельства, на его учете, и на этом основании отдает предпочтение социально-ориентированным хозяйственным моделям. Экономическая структура России должна основываться на православном учении о личности, где личность представляет собой не только индивидуальное, но и соборное начало, сочетающее частную ответственность с коллективной на основе особой хозяйственной этики, национальной философии хозяйства.

Евразийство предполагает положительную переоценку традиционного, древнего, трепетно относится к прошлому. Развитие культурного процесса евразийство видит в новом обращении к глубинам истории, во вплетении изначальных мотивов культуры в ткань современных форм. Приоритет в этой области отдается церковному преданию, национальным мотивам, истокам народного творчества, фольклору, эпосу, продолжению и возрождению традиций.

Будучи мировоззрением новым и свежим, только складывающимся в окончательные формы, евразийство приоритетно обращается к молодежи, к людям, чье сознание еще не испорчено хаотическими скачками от одной неадекватной идеологической модели к другой, еще менее адекватной. Евразийский идеал — сильный, пассионарный, страстный, здоровый и красивый человек, готовый к ответственной деятельности, подвигам и свершениям, испытаниям и победам, к большой любви и семейному счастью, к продолжению рода, к насыщенной и одновременно благочестивой жизни. Мы готовы предложить молодежи систему позитивных ценностей, учитывающую энергии и возможности, заложенные в новых поколениях. Наша задача — осуществить на основании этих энергий новый евразийский отбор, дать наиболее достойным возможность соучастия в определении судеб страны и народа. Мы не позволим убивать, насиловать, унижать, извращать, продавать и «сажать на иглу» наших детей. Наш идеал — это праздник физического и духовного здоровья, силы и доблести, веры, достоинства и чести.

Движение «Евразии» может стать реальностью только в том случае,

если вокруг него сплотятся многие. Немало может сделать и один человек, но Евразия — это дело всех!

Теперь все зависит от наших усилий. Никто не обещает только побед, повышения благосостояния или зрелищных акций. Впереди ежедневный кропотливый труд, часто не видимый со стороны.

Впереди трудности и битвы, но впереди также радость победы и великая цель!

А.Г. Дугин
Москва, 2000 г.

А.Г. Дугин

ЕВРАЗИЙСТВО: ОТ ФИЛОСОФИИ К ПОЛИТИКЕ Доклад на Учредительном съезде ОПОД "Евразия" (21 апреля 2001 г., Москва)

Евразийство как мировоззрение

Евразийская философия выражает основные константы русской истории. В нашей истории были разные периоды. Менялись идеологии, модели государственного устройства, место, которое наш народ и наше государство занимали в контексте других народов и государств. Но всегда, от Киевской Руси до нынешней демократической России, пройдя через времена страшного упадка и невероятного взлета (когда влияние нашего государства простиралось на половину мира), Россия сохраняла нечто неизменное — то, без чего не было бы самого понятия «Российское Государство», не было бы единства нашего культурного типа.

Философия евразийства стремится охватить и обобщить именно этот вектор — неизменный, сохраняющий свою внутреннюю сущность, и вместе с тем постоянно развивающийся.

Основным принципом евразийской философии является «цветущая сложность». Никогда в истории нашей страны мы не имели моноэтнического государства. Уже на самом раннем этапе русский народ формировался через сочетание славянских и финно-угорских племен. Затем в сложный этнокультурный ансамбль Руси влился мощнейший чингисхановский, татарский импульс. Русские не являются этнической и расовой общностью, имеющей монополию на государственность. Мы существуем как целое благодаря участию в нашем государственном строительстве многих народов, в том числе мощного тюркского фактора. *Именно такой подход лежит в основании философии евразийства.*

Евразийство сегодня существует в крайне сложной международной ситуации. Сегодня *евразийский принцип «цветущей сложности» является точным аналогом многополярности*, о которой говорится в доктрине национальной безопасности Российской Федерации. Как прежде российское государство строилось на евразийском сочетании различных самобытных элементов, так и теперь, уже на международной арене, Россия выступает как поборник сложного, многополюсного мира. Можно сказать, что *сама концепция нашей национальной безопасности заключает в себе фундаментальный принцип евразийства...*

История возникновения евразийской идеологии сложна и драматична. Ее выстрадали лучшие русские умы в наиболее драматический период российской истории. Впервые основы евразийства сформулировали великие русские мыслители: князь Николай Трубецкой, Петр Савицкий, Николай Алексеев, Георгий Вернадский (сын великого русского ученого), Владимир Ильин, Яков Бромберг, Лев Карсавин, Петр Сувчинский и другие лучшие люди России. К сожалению, в то время идеология евразийства в полной мере не была востребована. Тогда в России победил марксизм...

Однако евразийцы не считали большевиков абсолютным злом, как это делали многие в эмигрантской среде. Оценивая советский период российской истории, они пришли к парадоксальному выводу: в Советском Союзе реализовалась специфическая, экстремальная, если угодно, *еретическая разновидность евразийства. Если рассматривать евразийство как язык, то евразийцы считали советский период диалектом этого языка,* крайне противоречивой разновидностью, и потому обреченной на крах. Евразийцы лишь немного ошиблись в расчетах, так как неожиданная мобилизация патриотического, национального инстинкта во время Второй Мировой войны несколько оттянула неизбежный конец.

При этом евразийцы видели в советском государстве положительные, созидательные аспекты: последовательное отстаивание национальных интересов и подлинно идеократический строй (хотя и базирующийся на губительной для России идеологии).

Евразийцы утверждали, что у России есть *свой собственный путь*. И этот путь *не совпадает с основным направлением западной цивилизации. Россия и Запад реализуют разные цивилизационные модели, у них разные системы ценностей*. Это не пропагандистское клише времен «холодной войны». Вся мировая история последнего тысячелетия показывает противоположность «пестрого» евразийского мира и западной цивилизации. Евразийцы считали, что это противостояние никуда не исчезло и исчезнуть не может. Здесь евразийцы вплотную подошли к основному закону геополитики, утверждающему, что *между евразийской метацивилизацией, ядром которой является Россия, и западным атлантическим сообществом изначально существует неснимаемое противоречие*. Противоречие, при котором исключен любой продуктивный синтез или жизнеспособный стратегический альянс.

Здесь мы имеем четкую оппозицию: или мы, или они. И евразийцы были первыми, кто занял столь бескомпромиссную позицию. Это важнейшая идентификационная черта евразийства. Там где ее нет, нет и евразийства.

Никакого слияния с Западным миром, плодотворного для нашей цивилизации, для нашего государства, для русского и других народов, населяющих Россию, быть не может. Это особенно очевидно сегодня, когда Запад из благодушного поставщика просроченных консервов, словно по волшебству, превратился в жесткого и прагматичного претендента на мировое господство. Запад игнорирует наши интересы в Восточной Европе, расширяет свои военные блоки, проводит собственную, не учитывающую наши интересы, политику на Кавказе, осуществляет масштабные PR- компании по дискредитации нашей страны. Все это иначе как «*холодной агрессией*» против современной, *демократической* (!) России не назовешь.

Евразийцы были абсолютно правы, когда утверждали, что *никакое изменение нашего политического строя, никакое приспособление нашей идеологии к «общечеловеческой» (на самом деле «западной», точнее, «американской») не избавит Российское Государство от жесткой оппозиции со стороны Запада*. Любопытно, что тезис евразийцев подтверждает виднейший идеолог современного Запада Збигнев Бжезинский. В своей книге «Великая шахматная доска» он недвусмысленно заявляет, что «*для американца «хорошая Россия» — это несуществующая Россия*». Россия расчлененная. Россия угнетенная. Россия, разбитая на несколько секторов и освоенная соседними государствами. Отпраздновав победу в «холодной войне», Запад «взял» Россию как контрибуцию, и поступать он с ней намерен соответствующим образом.

Все это не ново. За последние несколько столетий мы неоднократно убеждались, что за гуманистической, просветительской риторикой Запада стоит неумолимость прирожденного колонизатора, жестко отстаивающего свои интересы, лишенного сентиментов по отношению к покоренным народам.

Все вышеизложенное, а также насущная необходимость в национальной идее делает евразийство крайне важным стратегическим, философским и социально-политическим инструментом, необходимым элементом нашей внутренней и внешней политики.

Неоевразийство

Интерес к евразийству в 80-е годы XX века был тесно связан с ростом популярности трудов Льва Николаевича Гумилева — последнего евразийца «старой плеяды». Однако параллельно с интересом к отцам-основателям евразийства в научной среде стала формироваться идеология неоевразийства, основанная на новом прочтении этой глубокой, исполненной творческой интуиции, философии.

К началу 90-х годов сбылись предсказания лучших представителей старой школы евразийства. *Советская идеология не справилась с вызовом времени.* Марксизм, которому были принесены в жертву наша духовность и национальное самосознание, рухнул. Великое евразийское государство стало неудержимо распадаться. Обращение к евразийской идеологии в этот момент давало шанс избежать трагедии. Можно было не идти на поводу у Запада и, сохранив мощь советского государства, постепенно демонтировать архаичную идеологию, тормозящую наше развитие, мешающую нам занять подобающее место в стремительно меняющемся мире. *К величайшему сожалению, в тот момент евразийство оказалось невостребованным*. И тогда идейный вакуум временно заполнил губительный для России *атлантизм*...

Решающий вклад в создание неоевразийской идеологии внесла совпадающая с ней по своим основным ценностным ориентирам российская геополитическая школа, фактически созданная (или воссозданная) нами в конце 80-х – начале 90-х годов. Современная геополитика дала неоевразийской философии научный арсенал, рациональную и действенную методологию, актуальность и применимость к реальной политике. Отцы-основатели евразийства исходили из гениальных догадок и интуиций. Благодаря геополитике их наработки приобрели строго научный характер. Научное изложение евразийской геополитики изменило сам статус евразийского мировоззрения. Теперь это не просто философская идея, это еще и инструмент стратегического планирования, а также, своего рода, «научный патриотизм» (по аналогии с «научным коммунизмом»). Ведь практически все сферы нашей внутриполитической и внешнеполитической деятельности могут быть проиндексированы с точки зрения выявления евразийской или атлантистской подоплеки того или иного масштабного проекта.

Кроме того, евразийство было обогащено традиционалистской философией и историей религии, так как этот аспект у отцов-основателей евразийства был развит фрагментарно. В настоящее время неоевразийская философия представляет собой стройный историко-религиоведческий аппарат, позволяющий осмыслить и осознать тончайшие нюансы в религиозной жизни различных государств и народов.

В неоевразийстве были развиты и оригинальные экономические модели, представляющие «гетеродоксальную экономическую традицию» — как бы «*третий путь» между классическим либерализмом и марксизмом*. Этот «третий путь» можно назвать «неортодоксальным либерализмом» или «неортодоксальным социализмом» — как кому нравится. Когда мы обращаемся к отцам-основателям этой гетеродоксальной экономичес-

кой школы — к Фридриху Листу, Сисмонди, Сильвио Гезеллю, Йозефу Шумпетеру, Густаву Шмоллеру, Франсуа Перру, даже к Кейнсу — и применяем их подходы к современной российской ситуации, то получаем идеальные модели для решения задач, стоящих перед российской экономикой. Трагическим недоразумением следует признать то, что «третий путь» в экономике не сменил марксизм в России в начале 90-х. Вместо этого мы из одной губительной для России догматической ортодоксии (марксистской) перешли к другой, не менее губительной, догматической ортодоксии (гиперлиберальной).

Политическая эволюция евразийства в последнее десятилетие

В конце 80-х годов при крахе советской системы в российском обществе возобладали атлантистские, проамериканские ценности, модели, тенденции, ориентации. Если марксизм был «диалектом» евразийства, «евразийской ересью», то атлантизм является не «ересью», а *полной антитезой* евразийства, его *полной противоположностью*. А поскольку наше Государство изначально основано на евразийских ценностях, то *ни к чему хорошему либерально-демократические «реформы» (одностороннее, экстремистское западничество) привести не могли*.

Следуя за нашей философией, за нашей системой взглядов и ценностей, мы были вынуждены находиться в *политической оппозиции* проатлантистскому режиму. Эта оппозиция не была оппозицией Государству, власти как таковой. Евразийцы всегда *поддерживали государственный принцип, стремились к усилению национальной безопасности, стратегического могущества Государства, были апологетами и поборниками социальной, национальной и религиозной гармонии*. Но модель «переходного периода», которая сложилась в последнее десятилетие и во внешней и во внутренней политике, была выстроена не таким образом, чтобы утвердить государственные институты, сделать наше Государство, наш народ более сильными, процветающими, свободными. Это был самоубийственный курс. *Все, что делалось в атлантистском ключе*, вершилось сознательно (возможно, кем-то бессознательно) *против России, против всех народов, населяющих Российскую Федерацию*. Было ослаблено, почти разрушено Государство, была проведена незаконченная и непоследовательная, неумная, фрагментарная экономическая «реформа», в результате которой мы очутились на краю пропасти.

В этот период носители евразийских идей, представители евразийского мировоззрения солидаризовались с тем патриотическим флангом в нашем обществе, который громогласно предупреждал о гибельности данного курса. Причем, подчеркну, что само по себе евразийство не являлось и не является ни «правым», ни «левым», ни либеральным, ни социалистическим. Евразийцы готовы поддержать представителей любого идеологического лагеря, у которых увидят волю к укреплению государственности, геополитической мощи державы, верности традиции, общественному согласию, сохранению и укреплению исторической идентичности, цивилизационной самобытности России-Евразии. Изменническая позиция политического руководства того времени исключала возможность ее поддержки со стороны последовательных евразийцев. В свою очередь, западники у власти использовали свой административный и информационный ресурс для искусственной политической маргинализации евразийского движения, замалчивания или искажения его мировоззренческой платформы.

Большинство евразийских научных центров, изданий, евразийский анализ текущих политических и экономических событий не могли в тот период пробить себе дорогу на авансцену политической и культурной жизни. Евразийство в период доминации атлантистских ценностей, в период «идеологической оккупации» России было признано «политнекорректным».

После публикации нашей работы «Великая война континентов» в 1991 году, где мы впервые предложили ввести индекс деления на евразийцев и атлантистов как методологическую модель в политике, экономике, культуре и т.д., тогдашний министр иностранных дел Андрей Козырев публично заявил, что, по такой классификации, он – атлантист. Симметричное заявление, например, в США, абсолютно немыслимо. Если бы какой-то высокопоставленный американский чиновник или политический деятель заявил о своем евразийстве, он был бы просто интернирован. Такое высказывание — нарушение всех принятых в Америке неписаных правил, дерзкий вызов нормативам атлантистской политкорректности. Америка выстраивает стратегическую модель планетарной политики как противостояние евразийскому цивилизационному и стратегическому пространству. Это константа атлантистской геополитики, начиная с эпохи мирового владычества Англии, описана во всех учебниках геополитики.

А в России еще совсем недавно происходила невероятная вещь: министр иностранных дел(!) заявлял о своем атлантизме. А ведь это означало, что интересы американского государства и западного атлантического блока НАТО для него, российского государственного деятеля, важнее интересов собственного народа.

Большинство отечественных СМИ также, прямо или косвенно, исходило из атлантистских антигосударственных и антинациональных представле-

ний. По их мнению, существовала только одна модель идеального социально-политического устройства — модель Соединенных Штатов Америки и ее аналоги. Были только одни «правильные» стратегические проекты — проекты западного мира, НАТО. Те, кто противостоят США и их глобальным интересам — нецивилизованные «варвары», «дикари», «реваншисты» и т.д. В такой ситуации, при катастрофическом атлантистском перекосе, евразийская идея, конечно же, не могла пробиться на экраны телевидения, получить широкое освещение в прессе. Как могли проходить в такой ситуации парламентские слушания по евразийству? Как могло быть положено начало адекватному евразийскому обучению и воспитанию, преподаванию геополитики в школах и вузах? Понятно, что на тот момент это было нереально...

Десять лет мы боролись с таким положением дел. Мы боролись *за наше Государство, за возрождение России, за мир между народами, за глубокий, активный, содержательный (а не поверхностно-«гуманитарный») межконфессиональный диалог.*

Ситуация стала меняться с середины 90-х годов. Российское руководство после беспрецедентного крена в атлантизм постепенно начало понимать, что это — убийственное для страны направление. Несмотря на наши шаги навстречу Западу, НАТО не прекращает расширяться на Восток, западные «партнеры» жестоко убивают наших братьев-сербов. Стало совершенно очевидным, что Запад воспринял наше доброжелательное к нему отношение как признак слабости, еще раз доказав, что гуманитарная риторика – не более чем «дымовая завеса». Единственный понятный Западу язык – это язык силы. С сильным они считаются, слабого презирают, унижают, третируют. И вот после того, как российское общество столкнулось с этим напрямую, увидело несостоятельность атлантистских реформ, гибельность и самоубийственность этого курса, *отношение к евразийской тематике начало меняться.*

С надеждой евразийцы восприняли курс Президента В.В.Путина на укрепление российской государственности, на возрождение геополитической мощи российской державы. Нам не могли не импонировать его шаги по противодействию развалу России, его усилия по укреплению стратегических связей со странами СНГ. Особого одобрения заслуживает азиатская составляющая международной политики президента: укрепление связей с Ираном, Индией, Китаем, другими странами и народами Востока. Следует также выделить символический акт провозглашения преобразования таможенного союза в Евразийское экономическое содружество. Евразийцы с энтузиазмом поддержали конкретные шаги президента по введению семи федеральных округов, по отдалению от центра власти олигархических кланов, по упорядочиванию информационной сферы и

исключению из нее наиболее одиозных фигур, бравировавших своей русофобией и лояльностью радикально атлантистской модели. В русле неоевразийской стратегии мы расшифровали действия В.В.Путина по приоритетному укреплению связей России с Евросоюзом и Японией, распознав в этом волю к реализации исконной цели евразийской геополитики – созданию континентальной оси Москва – Берлин – Токио.

Все эти стороны деятельности Президента РФ В.В.Путина стали основанием для его поддержки движением «Евразия», предопределили переход носителей евразийской идеологии на позиции Радикального Центра.

Однако мы считаем эти шаги лишь началом пути к устойчивому освоению российской властью евразийской платформы. Способствовать закреплению, расширению и развитию достигнутых успехов в евразийском возрождении — главная цель нашего движения.

Евразийство особое внимание уделяет истории религии, межконфессиональным отношениям. Среди евразийцев (и особенно, неоевразийцев) есть серьезные и глубокие знатоки основных классических традиционных религий — Православия, в первую очередь, а также ислама, иудаизма, буддизма. С нашей точки зрения, тонкие материи религии, духа, метафизики, которыми часто пренебрегают при решении экономических и социально-политических задач, играют огромную, подчас решающую роль. Религиозный фактор не предрассудок, чудом сохранившийся с древнейших времен, это активная глубокая жизненная позиция, формирующая основы человеческой культуры, психологии, социальные и даже хозяйственные рефлексы.

Несмотря на формы прямого уничтожения, прямой агрессии против веры и религии, практиковавшиеся в течение долгих десятилетий, никто не смог выжечь веру из сердец представителей евразийских народов: православных, мусульман, иудеев, буддистов. Евразийское благочестие, общеобязательная нравственность — один из важнейших императивов евразийства. И в этом отношении между различными конфессиями и религиями нет принципиальной разницы в поддержке курса Государства на утверждение базовых нравственных критериев.

Цель создания «Евразии»

Мы хотим создать *движение нового типа*, движение, которое не ставит своей задачей бросаться в предвыборную гонку, не стремится становиться еще одним политическим кланом, в котором коррупция свила бы еще одно гнездо. Мы создаем движение, которого в Российской Федерации пока еще нет, *движение, основанное на мировоззренческом подходе.* Это *мировоззренческое, евразийское движение. Наша цель – не*

прийти к власти и не бороться за власть, наша цель – бороться за влияние на власть. Это разные вещи.

Партийная модель предполагает определенный шантаж власти. Партии могут покинуть заседание Государственной Думы, могут поставить ультиматум, могут отклонить нужный исполнительной власти закон. Это форма торга. Нам кажется, такая, свойственная Западу, форма демократии в российских условиях порождает лишь клановость и коррупцию. Мы полагаем, что действительно эффективное влияние на власть должно проходить по другим каналам и схемам. Мы должны выдвигать обоснованные евразийские проекты, предлагать эти проекты российскому руководству и демонстрировать на конкретных примерах, насколько они эффективны в действительности.

Есть несколько направлений, которые способна освоить исключительно евразийская философия. В первую очередь, это *межнациональные, межконфессиональные конфликты*. Разрешение межконфессиональных обычно видят в тихом и мирном сосуществовании людей, прохладных в собственной вере и поэтому безразлично относящихся к вероисповеданию других. Это конъюнктурные пацифисты межконфессионального толка. Они присутствуют на различных круглых столах по утихомириванию межрелигиозных конфликтов. Само по себе это, может быть, и неплохо, но, увы, большого толку от этого, как правило, не бывает. Другая крайность — так называемые «фанатики» или «радикалы», призывающие к жесткому межконфессиональному или межэтническому противостоянию. Это, безусловно, еще хуже, поскольку наносит сокрушительный удар нашему народу, стравливает между собой силы, которые должны были бы вместе, во имя благочестия и веры (у каждого своей), ополчиться на современные, диктуемые Западом, безнравственные, псевдоэтические культурные, клише.

Евразийство для решения межконфессиональных проблем предлагает третий путь — диалог активных, глубоко, *фундаментально* верующих людей (если угодно, *фундаменталистов* в своих религиозных традициях), стратегический союз созидательных фундаменталистов как в России, так и шире — в странах СНГ и в мире. Такой подход должен стать новой моделью межконфессионального диалога, основанного на понимании глубин собственной традиции и традиций другого народа. Мы объединяем полюса, призываем людей, глубоко и живо переживающих уникальность своей веры, не к слиянию, но *к глубинному взаимопониманию и стратегическому альянсу традиций*.

Ни для кого не секрет, как обострились сейчас межконфессиональные проблемы на Северном Кавказе. Новый очаг напряженности возникает в

Татарстане, других исламских регионах России. С нашей точки зрения, для органичного сосуществования (как это было веками) мусульман и православных как полноправных граждан нашей общей Державы евразийский проект предлагает *идеальную модель*.

Точно так же на евразийской платформе решаются межэтнические конфликты. Уникальность евразийского подхода заключается в том, что в нем не противопоставляется национализм и интернационализм. Еще отец-основатель классического евразийства князь Трубецкой говорил об *общеевразийском национализме*, когда самоутверждение каждого народа и каждой нации в составе России поддерживается центром. Только такой позитивный, созидательный, гармоничный, *симфонический* (если использовать церковную терминологию) евразийский принцип позволяет решить все возникающие в России межнациональные конфликты.

Те, кто считают, что в России решен «национальный вопрос», глубоко ошибаются. Беспристрастный и неангажированный анализ показывает, что у нас (не без влияния геополитических оппонентов-атлантистов) всюду зреют зерна новых серьезных конфликтов. Недавно стала достоянием гласности информация о наличии кадровых сотрудников ЦРУ в руководстве чеченских вооруженных формирований. По нашим оперативным данным, сотрудники западных спецслужб присутствуют там *с самого начала* чеченского конфликта. Если бы не их деятельность (не имеющая, разумеется, ни к Чечне, ни к исламу никакого отношения), если бы не многочисленные другие посторонние факторы, то этого кровавого конфликта не было бы вообще. Опять мы видим, что вмешательство *третьей силы* («атлантистского фактора») – источник всех наших бед.

Заключение

Итак, опираясь на поддержку наших представителей, многочисленных друзей и единомышленников в более чем пятидесяти субъектах Федерации, мы приняли решение о создании Общероссийского Политического Общественного Движения «Евразия». Отрадно, что в наше движение входит немало представителей бизнеса, финансовой элиты. Ответственные, уверенно смотрящие вперед деловые люди давно поняли, что краткосрочные, чисто спекулятивные модели извлечения прибыли никогда не обеспечат уверенности, стабильности, безопасности и подлинного процветания. В мутной воде хаоса, экономического разложения и депрессии, могут «ловить рыбку» лишь дельцы самого низкого пошиба. Сегодня многие предприниматели и банкиры осознают значение долгосрочного и среднесрочного планирования, понимают важность и жизненную необходи-

мость активного участия в социально-политических процессах. Как выясняется, далеко не все российские бизнесмены (и даже «олигархи») работают в компрадорском ключе, любой ценой стремясь вывести свое состояние в оффшорные зоны. Постоянно растет число тех, кто осознает неразрывную связь своего бизнеса с судьбой России, ее стратегическим курсом. Наше движение поддержали представители ресурсодобывающих компаний, транспортных систем, военно-промышленного комплекса — ведь от успеха евразийского курса российского руководства зависит стабильность и процветание нашей экономики, а значит и успех их деятельности.

Так постепенно складывается костяк евразийского предпринимательства, евразийской финансовой системы.

Евразия – это дело всех нас. Таких разных, таких непохожих, но объединенных высшим духом и верой в наше Отечество, любовью и преданностью ему. И раньше предпринимались попытки сделать в российской социально-политической жизни нечто пристойное, одушевленное, по-настоящему ценное и живое. К сожалению, до сих пор эта идея так и не была реализована. Я считаю делом чести для себя и для всех нас нарушить эту печальную закономерность. На символическом пороге тысячелетий мы должны наконец основать и выпестовать нечто действительно стоящее. И тяготы и победы в деле возрождения великой Евразии, нашей общей Родины, нашего идеала отныне, мы надеемся, будем делить вместе с вами.

Евразия прежде всего!.. Остальное потом...

Москва, 21 апреля 2001 г

Талгат-Таджуддин
Шейх-уль Ислам, Верховный муфтий
Центрального Духовного Управления Мусульман

«НАС ВСЕВЫШНИЙ СВЯЗАЛ ЦЕЛИКОМ И ПОЛНОСТЬЮ. И ЕВРОПУ И АЗИЮ...»
Выступление на Учредительном съезде ОПОД «Евразия»(21 апреля 2001 г., Москва)

Во имя Творца Всемилостивого и Милосердного! Дорогие соотечественники, уважаемый президиум, я сердечно приветствую вас от имени мусульман России. Мира, благости Всевышнего и его помощи вам желаю в этом огромном деле. Может, кому-то показалось удивительным, что здесь мусульмане представлены, и притом немалая часть духовенства, и мы, может быть, пораньше пришли, только поэтому в первых рядах, еще за полтора, за два часа, но почему мы сюда пришли и зачем мы здесь, с вами? Да потому, что вот то, что мы видим на стенах — "Россия — евроазиатская страна", слава Богу, об этом ясно и явно говорит наш Президент, но это так, кто может сказать, что не так? Ни один континент на земном шаре так не связан, как Европа и Азия. Даже Америка, Северная и Южная одним перешейком с мизинец. И то, они хотят сейчас свободной зоной, полной экономической зоной тридцать с лишним государств объединить. А нас Всевышний связал, целиком и полностью. И Европу, и Азию. И народы, которые здесь живут. Не жили, а живут. А и татары, и башкиры, и мусульмане, и буддисты здесь жили еще даже когда и России, и Татарстана, и Башкортастана не было. И дай Бог, чтобы и наши дети, и наши внуки всегда жили. Вот ради этого мы здесь, вместе с вами на этом съезде. *И это движение считаем своим движением*. Не просто измышлением ученых, философов, потому что все, что написано в программе, подавляющее большинство, мы слышали это от своих отцов, от матерей, от бабушек, от дедушек. Это передавалось нам нашими предками. Нас объединила одна единая Отчизна. И мы неустанно повторяем: "*Да, наша Родина, наша Отчизна — это святая Русь*".

Может, кому-то даже не нравится. Иногда, может быть, даже некоторые мусульмане нас за это критикуют, или ругают, или даже выносят на шариатских судах постановления о нашем предательстве или измене интересам ислама. Но кому своя Родина не святая? Любому, даже папуасу. На островке, вот на таком, это святая его отчизна. А это ог-

ромная наша отчизна, и мы, поэтому, с огромной радостью и удовольствием встали и встаем, когда звучит гимн нашей Отчизны. Богом хранимая наша Отчизна. И вот эту Богом хранимую Отчизну если и мы не будем беречь, как святой дар, Божий дар, то кто мы здесь, и зачем мы здесь Богу нужны?

А наша Отчизна кому- то нужна, вот эта земля, даже без нас она нужна кому-то, потому что здесь есть что взять. Святая Русь, потому что наша Отчизна, и нашим православным соотечественникам, и нам, мусульманам, и иудеям, которые здесь живут, и буддистам, традиционным конфессиям, а для тоталитарных, экстремистских сект откуда бы то ни было, с Запада, с Востока или с Юга, для них она никогда и отчизной не будет, и никогда святой она не будет. Это Божий дар, и, поэтому, любить ее, сохранять ее, и оставить ее нашим детям и нашим внукам, какой мы получили ее от Бога, это наш святой долг. И наши предки, и предки наших православных соотечественников приняли веру добровольно. Наши предки из древних Булгар, на берегах Волги приняли ислам в 310 году по хиджре, в 922 году по христианскому летоисчислению. Затем, через 66 лет, Киевская Русь приняла, и уже четыреста с лишним лет нас объединяет одна, единая отчизна, и за всю историю нашей отчизны никогда не было противостояния на религиозной основе. Хотя нам долго и очень долго говорили и внушали, что царская Россия была тюрьмой народов, но в этой царской России во время самодержавия были и мусульманские полки, и имамы в этих полках, в этих войсках, и здесь, в столице нашей отчизны во время войны с Наполеоном стояли мусульманские полки, на этом месте сейчас стоит мечеть. И в российских законах были статьи, которые учитывали и законоположения шириата, и никогда в то время того, что сейчас происходит, не получилось бы.

Почему мы здесь? Да потому, что мы видим, то, что происходит в Чечне, попытки противопоставления ислама и христианства, мусульман и христиан, народов нашей отчизны, то, что повторяется в Югославии, то, что делается в Афганистане — все это идет издалека, очень издалека. Те, которые на островах живут, и сейчас это, оказывается, "атлантизмом" называется, в ограниченном пространстве, им всегда чего-то не хватает. Всегда чего- то не хватает, где-то что-то сделать, и во время этого шума что-то взять, что-то ухватить и увести. И исламский мир несколько столетий от этого страдал. Но не беспокойтесь, и сегодня в Англии 5 миллионов мусульман есть. Хороший десант. Из 50-ти миллионов сегодня 5 миллионов там мусульман. И поэтому здесь мы участвуем, я полностью могу сказать, и все мусульманские общины, которые объединяет Центральное Духовное Управление Мусульман России, а их 26 на сегодняшний день, две с половиной тысячи общин.

Мы вместе с вами хотим сказать, что мы не позволим убивать, насиловать, унижать, извращать, продавать и сажать на иглу наших детей. Мы не хотим этого, и если сегодня Государство этого не в состоянии сделать, но, слава Богу, хотя бы стремится, и здесь такое движение, общественное движение, противостоящее злу, которое идет извне, у нас и своих предостаточно, очень уж умных. Все общество должно в этом участвовать. И мы видим в Коране, когда Всевышний говорит: "Всевышний положения ни одного народа, ни одного Государства никогда не изменит, пока они сами не возьмутся за дело, засучив рукава." И поэтому мы обязательно будем участвовать в этом движении. И сердцем, и делом, даст Бог, и действиями, потому что это для нас близко и потому что это наша Отчизна, а Родину, как и мать, не выбирают, а по воле Всевышнего, и соседей мы не сами выбирали, а Всевышний нас здесь собрал, а сосед — все равно, что брат. Так нас учит и пророк Мухаммед (мир ему!), так учили до него и Иисус Христос, и Моисей, и Авраам, и Ной (мир им!). Говорят, разные веры, разные религии... А я говорю, разные только конфессии могут быть, а вера одна, раз Бог один. Очень много об этом спорили в прошлых столетиях, но за 70 лет государственного атеизма мы уже и кровью и потом испытали, и всем сердцем прочувствовали, что Бог только один для всех народов, для всего человечества, для всего мира. Мы пришли к этому осознанию, и поэтому отчизну делить никому не позволено. И мы видим и в советах пророка Мухаммеда (мир ему!), что мы — мусульмане, он говорит: "И ты будь добродетельным к соседу". Именно к твоему соседу, тогда только ты будешь верующим, а не тогда, когда с автоматом будешь рушить и крушить.

Сколько тысяч и десятков тысяч погибло на Кавказе, в Чечне... Сколько мечетей, сколько домов, а сколько россиян погибло... Только из Башкортостана — несколько сот. А в любом городке, в любом селе, в любой области в России сколько людей погибло? А в Таджикистане сколько? Кто эти горячие точки подогревает? Ясно уже, что это уже не противоречия какие-то. Противоречия, или недопонимания, они каждый день есть. Утром уже встаешь, как жена на тебя посмотрит? А как я ей отвечу? Или домой когда приходишь, как я ей отвечу? Они всегда были и есть, но все дело в том, кто их подогревает, и кому это выгодно? И, слава Богу, есть теперь вот это общественно-политическое движение, которое сегодня проводит и учредительный съезд. Проведена огромная работа, и есть осмысление тех прошлых веков, когда жили наши предки, и нам не ревизию проводить в наших отношениях, а просто любить Богом данную Отчизну и беречь ее, и завещать нашим детям, и в этой программе я полностью это вижу. И пророк Мухаммед (мир ему!) нас учил: "И люби для людей и желай людям то, что любишь для самого себя".

Мы считаем — вот здесь главы Региональных Духовных Управлений со всей России — что участие наше здесь — это не только наше участие, но и всех мусульман. Нам только нам предстоит по крупицам собирать те разбросанные камни, или то, что пытались разрушить, и, дай Бог, чтобы Божья помощь и благословение всегда способствовали нам на этом пути истины и добра.

Мир вам!

А. Г. Дугин

«МЫ — ПАРТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ»
Выступление на Политконференции ОПОД "Евразия", посвященной преобразованию движения в Политическую партию (1 марта 2002 г.)

Евразийство и внешняя политика

Основные принципы евразийства (общие соображения)

1) *Пути, которыми идет Запад, губительны для него самого и для тех, кто ими соблазнится.* Спасать надо и сам Запад. За экономическим процветанием стоит всеобщая духовная деградация. Ценой потери человеческого лица экономического процветания России не нужно. Если Запад настаивает на своем, пусть идет в бездну в одиночку.

2) *Самобытность России, ее отличия и от Запада и от Востока есть позитивная ценность.* Ее надо сохранять, развивать и пестовать.

Из этого вытекает оценка внешнеполитической ситуации.

Что мы видим в мире? Глобализацию. Американизацию.

Оба эти процесса, с точки зрения евразийства, крайне негативны. Мы видим как они прогрессируют и как, параллельно, нарастает сопротивление им. Это НАШЕ сопротивление. Мы вносим в него посильную лепту и должны встать в авангарде этого процесса не только в России, но и в мировом масштабе.

События 11 сентября 2001 года:

Мы скорбим о тысячах невинных жертв, сочувствуем пострадавшим. Но с типичным для себя лицемерием США превратили трагедию в повод для экспансии: свое страдание они искупают стократным страданием других и укреплением свои позиций в мире. США воспользовались горем, чтобы укрепить свои позиции в Средней Азии, бесцеремонно, под прикрытием борьбы с терроризмом, внедрившись в зону влияния России, в азиатские страны СНГ. Это был мощный удар по евразийской стратегии. Американские базы пришли и надолго. Наше влияние в регионе подорвано.

Продолжение стратегической агрессии против России — в событиях в Панкийском ущелье. Запад протестует против ужесточения действий России в борьбе против терроризма, но сам готов бороться с ним.

Это явное присвоение монополии на насилие американцами. Кто будет следующим? А если объявят, что Бин Ладен скрывается в Подмосковье?

Всему этому пора дать решительный отпор, пересмотреть позиции по Лурдесу и Камрани, закончить позорное братание с Западом, которое пока дает только отрицательные результаты и радует горстку городских правозащитников, приводя в отчаяние и бешенство массы россиян.

Другая тема: католическая экспансия. Здесь геополитический смысл сложнее. Католицизм символизирует Европу, так же, как Православие — Россию. Провоцируемый конфликт препятствует развитию российско-европейских отношений. Эти отношения очень важны для евразийства.

Современная объединенная Европа после окончания холодной войны стала новым геополитическим субъектом.

С культурной и социально-политической точек зрения, она *близка* с США, но ее геополитические, геостратегические ,экономические *интересы*, напротив, близки России-Евразии.

С Россией-Евразией у Европы серьезные культурные и социально-политические *различия*, но общие геополитические и экономические *интересы*, особенно в ресурсной общности.

В этом ключ к странному, несвоевременному решению Ватикана. Это — шаг, направленный на отдаление России и Европы через акцентирование ценностного, духовного зазора. Кому это выгодно? Не Европе, не России, не Ватикану, не Русской Православной Церкви. Только США.

Мы — за диалог с католичеством, но в данном случае это не диалог, а провокация, аналогичная расширению НАТО на Восток.

Евразийство и внутренняя политика

Основными теоретическими тезисами евразийства во внутренней политики являются

● *Укрепление стратегического единства России*, геополитической однородности, вертикали власти, умаление влияния олигархических кланов, поддержка национального предпринимательства, борьба с сепаратизмом, экстремизмом, местничеством.

Этой линии президент Путин последовательно придерживается. Развивается система Федеральных округов.

В этом направлении достигнуты серьезные успехи.

● *Евразийский федерализм*. Придание этно-культурным образованиям, статуса политической субъектности, усиление принципов "прав народов".

В этом направлении пока сделано мало. Этот автономистский момент должен компенсировать геополитическую централизацию. Но это авангардная идея, и мы будем ее развивать.

● *Евразийская экономика*.

Автаркия больших пространств, экономический национализм, подчинение рыночных механизмов интересам национальной экономики. Этот процесс находится на начальной стадии и ведется пока не очень последовательно.

Евразийский образ Путина

Подробнее стоит остановиться на евразийском взгляде на нашего Президента, В.В.Путина, которого мы радикально поддерживаем.

У нас, евразийцев, есть свой образ Путина, его евразийский образ.

В наших глазах, Путин — державник, патриот, укрепляющий вертикаль власти, православный христианин, верный русским духовным корням, но лояльно относящийся к другим евразийским традиционным конфессиям. Для нас Путин — тот, кто спасает страну от сепаратизма и развала, содействует интеграционным процессам в рамках ЕвразЭС и СНГ, один из инициаторов создания ЕврАзЭса.

Для нас Путин президент надпартийный, воплощение надежд и ожиданий большинства россиян — того самого "путинского большинства". По опросам ВЦИОМ 73 % россиян считают Россию евразийской цивилизацией, лишь 13% — частью Запада. Для нас Путин — евразийский, мажоритарный, народный Президент, опирающийся на 73% населения и переубеждающий остальные 13%.

Такого евразийского Путина "Евразия" полностью и радикально поддерживает.

Но определенные силы в нашем обществе пытаются создать Президенту иной, гораздо менее привлекательный образ: "Путин как вождь горстки столичных правозащитников", "Путин как закадычный друг Буша-младшего", "Путин как последователь реформ Гайдара-Чубайса", т.е.. "Путин как Президент прозападного атлантистского меньшинства". Неадекватность такого малопривлекательного образа подобные имидж-мэйкеры рассчитывают возместить политтехнологиями и тоталитарным пиаром. Это опасный путь, медвежья услуга, если не нечто намного худшее.

Самым лучшим пиаром и самой эффективной политтехнологией является Истина, Добро, Справедливость, искреннее служение нашему великому народу и государству.

За Путина мы намерены бороться. Нам нужен президент большинства. Надпартийный, народный, евразийский Президент. И мы уверены, что истинный Путин именно такой.

ОПОД "Евразия" — этапы пути

За 9 месяцев своего существования движение "Евразия" созрело до превращения в Партию.

Евразийская идея оказалась удивительно привлекательной.

Она захватила интеллигенцию, ученых, молодежь, на "ура" была воспринята верующими традиционных конфессий. Многие представители национальных движений — в том числе и русского — нашли в ней идеальный выход для реализации своих политических чаяний. "Евразия" стала рупором "общеевразийского национализма" (по выражению кн. Трубецкого), созидательных стремлений каждого этноса России выразить, сохранить и укрепить свою идентичность.

По социологическим опросам 100% представителей гуманитарной интеллигенции в курсе евразийства как философии идеологии, политического явления. Приблизительно 50% либо отождествляют себя с евразийством, либо симпатизируют ему. Из остальных 50% (половина) считает его любопытным, но спорным явлением, вторая половина относится отрицательно. Цифры вдохновляют.

У нас есть серьезные успехи и в массовом секторе. Лучше всего ситуация складывается на Урале, в Свердловской и Челябинской областях, в Воронеже, в Курске, в Красноярском крае. Урал, по нашему замечанию, вообще компактно населен евразийцами. Сегодня больше 5 тысяч членов — это около половины всей численности членов движения — уральцы, свердловчане и челябинцы (включая области). Это явление культурно-этническое, историческое.

Огромные успехи у нас на направлении традиционных конфессий.

Мы активно участвовали в VI Всемирном Русском Народном Соборе (13-14 декабря 2001), возглавляемом патриархом. В мероприятии участвовал Президент В.В.Путин. Нами издан сборник "РПЦ в пространстве Евразии" с материалами Собора.

С Центральным Духовным Управлением мусульман у нас вообще особые отношения. Мы рассматриваем российских мусульман как органическую часть "Евразии". Наша конференция "Угроза ислама или угроза исламу?" оказалась , увы, пророческой. Мы показали, что отдельные экстремистские секты, выступающие как агенты-провокаторы Запада, дискредитируют весь ислам. Много на этой конференции говорилось о провокационной роли ваххабизма и лично Бин Ладена. Все полностью подтвердилось 11 сентября 2001 г. и дальнейшими событиями. Материалы сборника стали бестселлером.

Крепнут связи с другим конфессиями — с иудаизмом и буддизмом. В числе других мероприятий, нами изданы книги еврейского евразийца Якова Бромберга "Евреи и Евразия" и буддистского калмыцкого евразийца Хара-Давана "Русь монгольская" В ближайшее время состоятся презентации этих книг.

Большие успехи евразийства в странах СНГ.

Евразийские движения, стоящие на грани преобразования в партии "Евразия", существуют в Казахстане, Армении, на Украине, в Беларуси, Таджикистане, Грузии. Зарегистрирована партия "Евразия" в Латвии.

Даже в дальнем зарубежье есть евразийские течения. В Англии — "Eurasian Movement", в Италии — "Аркивьо Еуразия", в Израиле, в Пакистане, в Австрии. Готовятся к регистрации группы во Франции, Бельгии и Испании.

Мы издали значительное количество теоретической литературы с мировоззренческими материалами. Многие тексты переведены на иностранные языки, так что можно говорить о первых шагах настоящего *Евразийского Интернационала*.

Партстроительство и электоральные перспективы

Следует еще раз сформулировать наши партийные принципы. Отталкиваясь от них, можно строить планы в отношении электоральных перспектив.

Мы выработали пять направлений, показывающих, что такое партия "Евразия".

1. Партия "Евразия" — партия патриотов России, государственников. Наш патриотизм не только эмоциональный, но научный, основанный на геополитике и ее методах. Евразийство = научный патриотизм. Можно сказать, что "Евразия" — это геополитическая партия.

2. Партия "Евразия" — партия социальная. Евразийская экономика отрицает либеральный догматизм, считает, что развитие рынка должно быть подчинено национальным интересам, а не наоборот. Наши авторитеты в экономике — не Маркс и не Фридман, но Дж. М.Кейнс, Фридрих Лист, Франсуа Перру, Сильвио Гезелль. Это экономика "третьего пути", где во главе — интересы Государства, где административный ресурс деприватизирован. Можно назвать нашу евразийскую модель, вслед за Листом, "экономическим национализмом".

3. Партия "Евразия" — партия традиционалистская. Она основывается на системе ценностей, выработанных веками традиционных евразийских конфессий — православия, ислама, иудаизма, буддизма. Для нас это очень важный момент. Мы не просто делаем реверанс в сторону религий как культурного пережитка, как дань политкорректности. Возрождение традиционных конфессий, утверждение религиозных ценностей в обществе как главенствующих и основополагающих, борьба за духовность, интеллектуальное развитие, высокие нравственные идеалы — осевая, главная задача партии "Евразии". Церковь у нас отделена от

Государства, и это правильно, но она неотделима от общества, от культуры, от образования, от информации. У нас сегодня — тотальный кризис нравственных и духовных ценностей. Мы прибегаем к традиционным конфессиям как к спасительному прибежищу, доверяем в этом вопросе только им. Подавляющее большинство членов "Евразии" — верующие, в первую очередь православные, потом мусульмане, иудеи, буддисты, и так далее.

4. Партия "Евразия" — партия национальная. В ней представители национальных движений — в первую очередь, русского, но также татарского, якутского, тувинского, чеченского, калмыцкого, ингушского и всех остальных — смогут найти способ выражения своих политических и культурных чаяний. Для евразийства народ является высшей ценностью. По словам Гердера, "народы — мысли Бога".Мы стоим за сохранение народов перед лицом нивелирующей глобальной псевдокультуры, перед лицом экономического геноцида и правового насилия. Национальные движения народов России имеют позитивные созидательные черты. Партия "Евразия" — идеальная политическая платформа для их реализации. Вместе с тем, мы являемся жесткими противниками всех форм шовинизма, ксенофобии, экстремизма, расизма, национальной исключительности. С негативным национализмом и сепаратизмом мы будем вести самую непримиримую борьбу.

5. Партия "Евразия" — партия регионалистская. Жизнь в мегаполисах развращает людей. Связи между людьми в них отчуждаются. Процветают махинации, авантюризм, произвол, насилие. Мы убеждены, что очищение и спасение России придет из регионов, где люди сохранили корни, солидарность, чувство земли, природы, товарищества, семейных ценностей. Невнимание мегаполисов и столиц к регионам сегодня вызывает у наших людей "из глубинки" возмущение действиями федерального центра. Его образ отталкивает. Но справедливая неприязнь переходит в местничество, используется местными царьками для разжигания искусственного сепаратизма. Так позитивный регионализм переходит в негативный. В партии "Евразии" найдут свою платформу все позитивные регионалистские тенденции. Мы намерены стать выразителем чаяний реальной России в федеральном центре, постоянно забывающего о том, что творится за пределом МКАД. В далекой перспективе мегаполисы надо будет расселять. Наш лозунг: "Вперед — к земле"!

Из этого обзора легко сделать выводы об огромных электоральных перспективах партии "Евразия". Особенно в регионах, национальных республиках.

Мы не являемся и не стремимся являться партией власти. В еще меньшей степени мы принадлежим оппозиции. Ни одно, ни другое.

Мы — *партия Идеи*.

Именно в этом направлении нам предстоит идти следующие три месяца, к 30 мая 2002 г. — на эту дату намечен наш учредительный съезд, если, конечно, Политсовет сегодня примет решение поддержать идею руководства ОПОД "Евразия" о превращении движения в партию.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ «ЕВРАЗИЯ»

А.Г. Дугин

«ПАРТИЯ «ЕВРАЗИЯ»И СЕГОДНЯ ЗАТРЕБОВАНА САМОЙ ЖИЗНЬЮ» Выступление на I Учредительном Съезде Политической партии «Евразия» (30 мая 2002 г., Москва)

Дорогие друзья, уважаемые делегаты и гости Съезда!

Хочу начать свой доклад с вопроса о том, почему мы принимаем сегодня важнейшее решение о преобразовании движения «Евразия» в партию, о создании политической партии «Евразия».

На наш взгляд, все предпосылки для столь ответственного шага сегодня созрели. Евразийство постепенно вышло за уровень чисто идеологического, мировоззренческого направления в философии и осмыслении национальной истории. Бурное развитие *евразийской мысли* на новом этапе означает, фактически, превращение евразийства в Национальную Идею России XXI века.

Сегодня наше общество переживает колоссальный кризис мировоззрения. Отсутствие скрепляющей мировоззренческой платформы может дорого стоить всем нам, стране, народу, в самое ближайшее время. Потребность в идеологической модели, которая бы служила путеводной нитью для всего нашего национального, государственного и общественного развития, ощущается всеми.

Именно поэтому мы решили, просуществовав ровно год в качестве общественного движения (которое по старой версии законодательства и так приравнивалось к политической партии), перерегистрировать его по новому закону в политическую партию.

Мы полагаем, что сегодня созрели все условия для выступления евразийства как самостоятельной политической силы. У «Евразии» есть мировоззрение, есть оптимальная и целостная версия *Национальной Идеи*.

Конечно, есть сегодня еще и те, кто полагают, что общество, народ, государство могут и должны обходиться без всякой идеи. Более того, они пугают нас тем, что предыдущая российская версия идеократии (т.е. общественной системы, основанной на главенстве Идеи), а именно, советская система, стоила нашему народу стольких жертв и испытаний. Но здесь — нарушение логики: если одна конкретная форма идеократии привела к столь страшным издержкам, это еще не означает, что отныне мы должны отказаться от следования идеям вообще — какими бы они ни были. Евразийство — это, действительно, идеократия. Но в отличии от «коммунизма», который был «идеократией прошлого», евразийство — это идеократия будущего. Евразийство — это мировоззрение, основанное на верности традициям, на преемственности, на торжестве гармонии и согласия, соборности и исторического динамизма. Это импульс, обращенный в будущее, но коренящийся в глубоком прошлом. Евразийство не стремится никого сбросить с «корабля современности», оно стремится отвести этот корабль к счастливой пристани Вечного Настоящего, к преображающему духу Традиции и Веры.

Партия «Евразия» сегодня затребована самой жизнью.

За год существования движения в «Евразию» влились тысячи новых членов. Это разные люди разного социального положения, разных профессий, вероисповеданий, этносов. Но все они объединены общим порывом, общей верой, общей волей. Все они видят в евразийстве единственный путь спасения Родины, ее возрождения.

Евразийство как идея созрело и состоялось. «Евразия» как движение доказало свою состоятельность, свой масштаб, свою эффективность в решении важных проблем межконфессионального, межнационального характера, смогло привлечь, организовать и объединить вокруг себя множество людей. Теперь евразийство переходит на следующий этап — воплощается в партию. Это серьезный шаг. Он требует от всех нас большой ответственности. И мы должны совершить его все вместе. Соборно.

Основные этапы евразийской мысли

Евразийское движение появилось в 20-е годы прошлого века. Основателями его были такие замечательные русские философы, мыслители, ученые, как Н.Трубецкой, П.Савицкий, Н.Алексеев, А.Сувчинский, Э.Хара-Даван, Я.Бромберг, В.Ильин, Л.Карсавин и т.д.

Смысл исторического евразийства, сформировавшегося в среде белой иммиграции, состоял в позиционировании себя *как третьей силы*, не относящейся ни к белым, ни к красным. Несмотря на то, что евразийцы были выходцами из белого (а значит, консервативного) движения, они первыми и единственными среди белой эмиграции осознали серьезность и необратимость победы большевиков и первыми сформировали платформу, позднее известную как «оборончество». Евразийцы никогда не желали поражения своей стране, России-Евразии, независимо от того, какие

политические силы ею руководили. Евразийцы видели в русской истории проявление исторических и геополитических констант, которые подстраивали под вечный державный узор различные идеологические, политические и религиозные системы. «Россия остается Россией, Евразией и при большевиках», — утверждали евразийцы, и жестко выступали против тех представителей белых, которые злорадствовали, слыша о трудностях СССР, и желали России поражения в столкновении с европейскими интервентами.

Евразийцы еще в 20-е годы сформулировали два важнейших политических «диагноза», два политических пророчества, которые не утратили силы и актуальности до сих пор.

Первое политическое пророчество евразийцев. — Вопреки доминирующему среди белой иммиграции мнению, что «большевикам недолго осталось пребывать у власти», евразийцы утверждали, что коммунисты пришли к власти всерьез и надолго, и что следует ожидать постепенной эволюции этой экстравагантной и заимствованной с Запада идеологической концепции в национальном ключе. Это предсказание оправдалось: в течение 70 лет мы наблюдали, как большевики укрепляли Государство, переняв в государственной политике, во внешнеполитическом курсе многие собственно евразийские тенденции, идущие из дореволюционных эпох. С геополитической точки зрения, большевики являлись в XX веке преемниками именно Царской России.

Однако евразийцы никогда не утверждали, что они причисляют себя к коммунистам. *Их идеология была совершенно самостоятельна*. Они не призывали к сотрудничеству с Советской властью. Вместе с тем их евразийское мировоззрение существенно отличалось и от других белых — и православных монархистов, и тем более либерал-демократов. В отличие от большинства белых они считали, что революция не сводится к «теории заговора», что были объективные причины крушения Романовской Империи. В противовес обычным консерваторам евразийцы считали, что формула «Православие, Монархия, Народность» были пустым фасадом, за которым скрывалась диктатура антинациональной, отчужденной (и духовно и религиозно) от основной массы россиян западнической элиты. Сам санкт-петербургский период русской истории евразийцы насмешливо называли «романо-германским игом».

Будучи в большинстве своем православными, евразийцы полагали, что официальное, казенное, синодальное «православие» в значительной степени утратило свой подлинный дух. Вера охладилась и поэтому не смогла удержать страну на пороге бездны.

Силу большевиков евразийцы видели именно в их идеократии. Отрицая догматическое содержание большевистской идеи, они с воодушевлением восприняли ее страстность, ее порыв, ее динамизм, ее мобилизационный потенциал, столь контрастировавший с вялым угасанием монархии.

Это был их первый диагноз. И он оказался верен. И если бы к ним прислушалось большинство других представителей белой иммиграции, они, возможно, по-другому отнеслись бы к собственной судьбе.

Второе пророчество евразийцев заключалось в том, что Советский Союз обязательно рухнет, если он не откажется от материалистической, атеистической концепции, если не оживит свой социальный проект традиционными, духовными, национальными мотивами. И это не так быстро, как думали сами евразийцы, но, увы, *произошло*.

Был поворотный момент на перепутье, в конце 80-х годов, когда вожди СССР могли бы прислушаться к этому евразийскому прогнозу. Может быть, тогда мы бы сохранили страну и нашу позицию в мире. Однако и на этот раз, евразийское предупреждение осталось не услышанным. СССР не стал эволюционировать в идейном ключе в сторону национальных и духовных российских корней, не перевел постепенно закостенелую догматическую хозяйственную модель в более гибкую и соответствующую новым историческим условиям, сохраняя свой стратегический потенциал и свои позиции на мировой арене. А именно это напрямую следовало из предписаний евразийцев. И снова, пренебрежение евразийскими рецептами дорого стало стране и народу. Мы до сих пор пожинаем печальные плоды того, что из одной крайности мы кинулись в другую, отвергнув с порога более взвешенный, эволюционный и гармоничный евразийский проект.

Еще одним из важнейших открытий евразийцев было то, что *Россия является самостоятельной и самобытной цивилизацией*. Это не просто европейское или азиатское государство — периферия Запада или Востока, не «мировое захолустье», но самостоятельная уникальная цивилизация со всеми отличительными признаками, где западные мотивы тесно переплетены с восточными в неповторимом самобытном и оригинальном сочетании.

В отличие от высокомерия французской поговорки: «Grattez le russe, trouvez le tartare» («поскребите русского — и вы найдете татарина»), евразийцы принимают этот факт вполне позитивно. «Да, — говорят евразийцы, — вы найдете татарина. *И это замечательно*». Кстати, приведенная пословица довольно ярко высвечивает европейский расизм, пропитывающий даже либеральные формы западного самосознания. Он явно угадывается не только в преступных теориях нацизма, но и в современном глобализме, навязывающем народам и расам земли западный код с пол-

ным убеждением, что для «дикарей» он явится «наивысшим благом». Евразийцам же любые формы расизма абсолютно чужды.

Именно из славяно-тюркского симбиоза, из симбиоза леса и степи, оседлых и кочевых народов, индоевропейских славян и туранцев (тюрко-монгольской расы) и возникла, согласно евразийству, великая российская Держава, великая российская Империя. И это не является нашим минусом, нашим бременем. Этим мы, русские люди, должны гордиться. Тюркско-славянский элемент (шире, туранский, а значит, и угрский, и монгольский также) и есть основа нашего государственного, евразийского пути сквозь историю.

Запад (славянство) хранил Россию от растворения в Востоке. Чингисхан (Восток) уберег Россию от растворения в Западе. Такая самобытность — это абсолютный плюс.

На следующем историческом этапе евразийскую мысль развивал Л.Н. Гумилев, сформулировав свою *теорию пассионарности*, которая является неотъемлемой частью евразийского мировоззрения. Что такое пассионарность, по Гумилеву? Это прежде всего способность жертвовать материальными интересами ради высоких целей. Именно это и есть градус измерения евразийства. Люди, не способные поступиться материальными интересами, люди, являющиеся рабами механических закономерностей, не могут быть евразийцами. Не могут строить Империи, не могут верить в Бога и исповедовать его культ. Только тот человек, который видит как свою цель, как свой исток и как свое призвание нечто большее, нежели материальные эгоистические интересы, достоин называться человеком. Евразия — это ядро пассионарности, а туранские кочевые племена являются эталоном пассионарной этики, как утверждает теория Льва Гумилева. На этих принципах жертвенности, солидарности, взаимовыручки, общинности, идеализма, активной динамики и формировалась веками евразийская нравственность.

Древние законы ясы Чингисхана основаны на преобладании такого пассионарного типа. Только тот считается полноценным воином (гражданином), кто способен «положить душу свою за други своя». Как это созвучно Евангелию!

Неоевразийство как наследие политической и духовной философии евразийства

В 80-е годы евразийский комплекс идей был возрожден мной и группой моих сторонников и коллег. Большинство из них и сегодня являются остовом евразийского движения, партии «Евразия», которую мы сегодня учреждаем.

Мы развили (в том числе и с помощью научного аппарата) в форме *неоевразийства* те интуиции, которые заключались в текстах основателей евразийства, обогатив их современной геополитической мыслью, традиционализмом, новой методологией концепции «консервативной революции», экономическими (хозяйственными) моделями экономики «третьего пути». Сегодня у нас есть полноценное, выстраданное мировоззрение, сформулированное в начале прошлого века и существовавшее сложно, драматично, диалектически в течение почти столетия. Это наше наследие. Это наша база.

Теперь несколько слов, о той ситуации, в которой мы принимаем решение о создании политической партии «Евразия». Какова экономическая ситуация России, в которой мы будем действовать?

Оценка экономической ситуации в России

Следует выделить один фундаментальный (теоретический) вопрос. Является ли экономика, как утверждают представители либерального направления, *судьбой*? Является ли материальное благополучие и эффективность хозяйственной системы *высшим критерием цивилизации*? Является ли экономика *альфой и омегой человеческого существования*? Исчерпывает ли она его?

На этот вопрос есть два четких и абсолютно различных ответа.

Есть идеологии, в частности, либерально-демократическая (особенно развитая на атлантистском полюсе), которая утверждает: «Да, является. Экономика это судьба: выше экономики нет ничего».

С такой же ясностью, последовательностью и непримиримостью другая идеология утверждает, что *экономика судьбой не является* и этот второй ответ — ответ евразийский. *Экономика не есть последний критерий оценки цивилизации*. Да, она крайне важна: хозяйственный уклад есть жизненная среда человека. И, тем не менее, экономика ни в коей мере не является высшей ценностью.

Экономика, с точки зрения евразийцев — *это инструмент*. Если нет смысла жизни, если нет исторической цели у человека и общества, то благополучие и благосостояние бессмысленны.

Мы видим основную историческую проблему не в том, что хозяйственные механизмы в России сейчас пробуксовывают. Да, идет обнищание населения, социальная сфера полностью провалена, миллионы людей существуют практически на подножном корме. Это, естественно, неприемлемо и плохо. Но причина такого положения дел не лежит на поверхности. В силу исторических обстоятельств сегодня мы заимствовали у Запада не столько преимущества либеральной рыночной системы,

сколько ее дефекты. Либеральные модели эффективны и действенны в определенной социальной среде в определенные исторические эпохи. Слепое копирование этих предписаний как несомненных догм ни одной стране мира не приносило пользы — лучше всех справлялись с задачей те страны, которые могли сочетать позитивные методики либерализма с национальными особенностями, тщательно и тонко адаптируя их к конкретной исторической среде.

В экономическом споре двух фундаментальных сил нашего общества — сторонников реформ и противников реформ — мы (современные евразийцы) придерживаемся позиции третьего пути. Либералы говорят: «Все идет хорошо, идут реформы, и пусть они продолжаются». На это коммунистическая оппозиция отвечает: «Все идет плохо. Надо вернуться к Госплану и к чрезвычайным мерам мобилизационной экономики». В этом споре мы не видим себя ни на той, ни на другой стороне.

Евразийство предлагает свое решение экономической ситуации.

Мы считаем, что *России нужна экономика, подчиненная целям национального и государственного строительства*. Нам нужна эффективная, применительно к нашей эпохе, к нашим конкретным условиям, экономическая модель. А это предполагает наличие двух элементов.

Во-первых, относительно частного сектора: в мелком и среднем бизнесе либеральная модель доказывает свою оптимальную эффективность. И чем больше будет развиваться рынок на этих уровнях, тем будет полезнее для державы. Этот подход отвечает национальным интересам, и поэтому здесь требуется создать условия максимального благоприятствования мелкому и среднему бизнесу.

Во-вторых, есть сектора, — социальный, государственный, стратегический, военный, ВПК, природные ресурсы, — которые, по определению, не могут и не должны находиться в частных руках, поскольку это стратегический ресурс всего общества. Следовательно, на уровне мелкого и среднего бизнеса евразийцы поддерживают либерально-капиталистический (рыночный) подход. На крупных стратегических уровнях должны быть введены механизмы стратегического планирования и государственного контроля.

Сегодня правительство (я не скажу Президент, он — политик прагматичный) поддерживает, в основном, *курс на либерализацию,* причем либерализацию тотальную и догматическую.

Мы полагаем, что этот *курс ошибочен*, что безоглядная культивация западных либеральных моделей ни к чему хорошему не приведет. Даже, если эффективно исполнить в этом направлении то, что сейчас делается плохо, *результат все равно будет отрицательный*. И спор относительно темпов роста, запечатленный в послании Президента к Федеральному Собранию, демонстрирует очень важный момент. — Развиваясь в либеральном ключе, российская экономика не может превысить те темпы роста, которые указаны в правительственных прогнозах.

Сама постановка вопроса в нынешней полемике Президента с Правительством, если перевести ее на уровень более серьезных экономических обобщений, выглядит следующим образом. — Президент настаивает на необходимости экономического роста, *поскольку от этого зависит стратегический статус России*. На это либеральное правительство отвечает: «это противоречит законам рынка и, по имеющимся прогнозам, мы можем обеспечить рост ВВП всего лишь на 4%».

Эти 4% губительны для страны как стратегического и геополитического образования. В этом конкретном вопросе мы приходим к фундаментальному противоречию приоритетов: что важнее — законы экономики или законы национального государственного развития? Что должно определять что?

Если приоритетно государство, то вполне можно искать способы различной мотивации развития и роста, пусть даже с помощью мер протекционизма или даже элементов мобилизационного похода. В этом отношении мы, безусловно, стоим на стороне Президента и считаем, что ресурсы для повышения экономического роста ВВП есть, стоит лишь честно определить приоритеты.

Евразийская модель, суть которой можно выразить одним словом — «евразийский патернализм» или «автаркия больших пространств» — означает создание экономической модели, максимально развивающей внутренние ресурсы в сочетании с дифференцированной открытостью всей территории евразийского «таможенного союза» внешним геоэкономическим зонам.

Этот и есть классический *протекционизм*, и если посмотреть на реальную экономическую историю, то американское чудо и взлет японской экономики связаны именно с подобными протекционистскими мерами, а не с полным открытием границ для внешней торговли.

Таким образом, *прагматический подход к хозяйственной сфер*е, отказ от отождествления всех ценностных систем только с рынком — это евразийский взгляд на нынешнюю ситуацию. И это освобождает нас от того, чтобы каждый раз солидаризоваться либо с либералами, либо с социалистической (коммунистической) оппозицией.

Наша цель, наша задача — великое мощное государство, процветающий народ. Какими экономическими методами это может быть достигнуто?

Мы считаем, что евразийская модель, концепция евразийского патернализма здесь оптимальна.

Но надо иметь политическую волю и определенные инструменты, чтобы на этом настоять. Именно поэтому мы намерены превратиться в партию: одно дело — проекты и теория, другое дело — продвижение конкретных мер и осуществление конкретных шагов.

Оценка внешнеполитической ситуации России

В мире сегодня происходит довольно сложный и тревожный процесс глобализации. Это не просто сближение между собой различных культур и цивилизаций. Глобализация — это унитарное одномерное навязывание всему миру кода американского (западного) общества с его специфической системой ценностей. При этом выигрывает одна сторона — та, которая создает правила, устанавливает образец и парадигму планетарного устройства. Известно, что тот, кто придумывает правила игры, лучше знает, как их использовать и обойти, чем те, кому они навязываются.

Американский глобализм является базовой и основной тенденцией современной картины мира. Все остальные геополитические трения, все основные проблемы в международных отношениях являются производными от этой тенденции. После распада Советского блока Америка осталась гипердержавой и, соответственно, проецирует собственные цивилизационные коды на всю планету, взяв на себя, как объявляют сами американцы, функции «мирового правительства».

Этот процесс глобализации является целиком *негативным*, поскольку он объективно разрушает всякую цивилизационную самобытность, все культуры, все национальные и религиозные сообщества. Атлантизм диктует всем совершенно чуждую цивилизационную модель, определяя и навязывая «что морально, что позволено, что прогрессивно» и т.д. Это однополярный глобализм, который не собирается учитывать ничьих мнений. Иногда такой глобализм пытается выдать себя за диалог, но это иллюзия. На самом деле, это монолог, в котором никакого ответного голоса не предполагается.

Глобализм является кризисным и тупиковым явлением еще по одной фундаментальной причине. Существует нечто, что можно назвать «*основным противоречием глобализма*». Для того, чтобы перейти к более или менее реальному управлению планетой, координированному контролю над человечеством, необходимо осуществить ряд геополитических трансформаций.

История показывает, что существует процесс расширения определенных геополитических организмов от «городов-государств» к «государствам-территориям» и, далее, к «государствам-континентам».

Эти «государства-континенты», «большие пространства» и сама

неизбежность этой стадии сегодня игнорируются глобализмом. Кризис традиционных Государств-Наций налицо. Они, безусловно, обречены на распад, рассеяние и трансформацию в нечто иное, так как все они утратили основные черты подлинной стратегической суверенности и не являются более полноценными геополитическими субъектами. Но теоретики глобализма делают из этого верного наблюдения неверный вывод, и переходят сразу к модели единого управления миром, минуя промежуточную континентальную стадию или стадию «континентального (иначе, многополярного) глобализма». Это заблуждение может дорого стоить не только США, но и всему миру.

Достаточных реальных — цивилизационных, экономических, геополитических и силовых — ресурсов для единоличного доминирования и унификации мира сегодня у США нет. Об этом говорит и известный американский политолог Сэмуэль Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций», утверждая, что глобальный либеральный проект сегодня не пройдет, поскольку цивилизационные особенности мира дадут о себе знать в самое ближайшее время. Мы принимаем анализ Хантингтона, он совпадает с нашим стратегическим видением. Мы считаем, что вместо «глобальной» глобализации и «однополярной» глобализации мы должны предложить систему нового видения мира — мира альтернативного, основанного на «многополярной глобализации» — и осуществить промежуточный этап объединения ряда цивилизационных пространств в (более или менее) единые стратегические, цивилизационные, культурные и экономические блоки.

Если глобализация будет развиваться по американскому сценарию (и ничто не заставит Америку отказаться от него), мы предвидим *колоссальный кризис всей планетарной системы балансов*, геополитических альянсов и т.д. Ничего иного, кроме как большой крови и большой гражданской войны в планетарном масштабе, продолжение глобализации не сулит.

Мы видим уже *дугу нестабильности* от Балкан через Ближний Восток Ирак, Кавказ, Афганистан к Пакистану и Индии. Это линия, по которой осуществляется дезинтеграционный разлом Евразии. Конфликты по этой цивилизационной линии разлома неизбежны. Они будут кровавыми и жестокими и будут тяготеть к тому, чтобы вовлечь в них максимальное число стран. А это напрямую угрожает системе безопасности России.

Мир по-американски, Pax Americana или однополярный глобальный мир, не может быть установлен без насильственного слома существующих цивилизационных моделей. Глобально править США смогут только в том случае, если вместо цивилизаций и стран они будут иметь дело с раздробленными враждебными анклавами.

Следует обратить внимание на то, что Америка сегодня выступает не как одна из сил в локальных конфликтах, поддерживая ту или иную из них, но сплошь и рядом *с обеих сторон*. Это мы видели в Афганистане: сначала были созданы талибы (американская и пакистанская резидентура для противостояния вначале просоветскому режиму, потом пророссийскому Северному Альянсу), через посредство ваххабитской Саудовской Аравии инициирован Бен Ладен и Аль-Каеда. Затем Америка наносит по ним удар.

Америка поддерживала долгое время Пакистан в его противостоянии с Индией, одновременно заключая с последней военные договора.

Углубленный геополитический анализ показывает, что и в израильско-арабском конфликте (несмотря на кажущуюся приоритетную поддержку Израиля Америкой) мы имеем дело с довольно неоднородным распределением сил американского потенциала.

В этом отношении мы должны твердо заявить, что *нас не устраивает «мир по-американски»* — Pax Americana. Мы предлагаем альтернативную модель *«мира по-евразийски»* — Pax Euroasiatica. Он заключается в сплочении «больших пространств», в интеграционных процессах на материке. Мы должны сделать зоны цивилизационных конфликтов зонами диалога культур.

Мы — сторонники объединения Европы, объединения Евразии, покрывающей приблизительно пространство СНГ, включая некоторые страны, которые цивилизационно входят в наш блок (такие, как Болгария, Монголия и Сербия). Речь не идет о создании единого государства. Речь идет о создании единой цивилизационной блоковой системы.

Продолжая линию евразийского блока, можно говорить о распространении его на юг в сторону Ирана и Индии.

Также мы имеем евразийский проект для тихоокеанского региона. В любой точке планеты может быть применена евразийская стратегическая модель.

Мы имеем не только общую идею, что многополярный мир является более справедливым и истинным, нежели мир однополярный, но и методологию построения многополярного мира. Таким образом, это не просто лозунг, но и целый арсенал разработанных в современном евразийском ключе средств.

На Pax Americana необходимо ответить Pax Euroasiatica. Это наш цивилизационный глобальный проект. В нем есть позитивный сценарий для каждой из сторон. Есть позитивный проект и для США. Если США откажутся от претензий на планетарную гегемонию и от проведения однополярной глобализации, обратившись к той или иной форме изоляционистского проекта (доктрина Монро), они могут стать важным, уважаемым и позитивным элементом многополярной системы. Мы, евразийцы, не имеем ничего против США, американского народа, американских ценностей и американской цивилизации. Но мы радикально и последовательно выступаем против *насильственного навязывания этих американских ценностей* тем народам и странам, которым они совершенно чужды исторически, геополитически, культурно. Евразийский антиамериканизм существует только до тех пор, пока США претендуют на глобализм и универсализм своей модели. Как только атлантический полюс откажется от претензий на глобальную доминацию и признает локальность своих цивилизационных полномочий, из врага и соперника он превратится в друга и союзника.

Внешнеполитическая доктрина евразийства развита более подробно, нежели у всех остальных политических партий, и не зависит от конъюнктуры. Она, в основном, отражена в партийных документах, в политической Программе, книгах «Евразийский Взгляд» и «Евразийский Путь», в других материалах, подготовленных движением «Евразия».

Евразийство имеет отчетливую и детальную методологию построения многополярного мира. Не только лозунг, но и логистику, развитый арсенал средств.

Анализ внутриполитической ситуации в России

Мы видим, что внутриполитическая ситуация в стране очень сложна и является в достаточной степени критической.

Сегодня не определен сам статус нашего Российского Государства. Да, существуют законодательные акты, Конституция, границы... Но все это пока довольно приблизительно. Следует учитывать, что такой формы государства, как Российская Федерация, никогда в истории не существовало.

Что это? Остаток Советского государства? Национальное государство регионального масштаба? Искусственное эфемерное образование, на глазах распадающееся на части? Или ядро грядущего Евразийского блока?

Сегодня на эти вопросы никто не может дать окончательного ответа. РФ — *это геополитическая конструкция, находящаяся в переходном состоянии*. В любой момент чаша весов может сдвинуться в любом направлении. В случае продолжения вовлечения в процессы глобализации и движения на Запад нас ждет дальнейшее расчленение, т.к. в формате национального государства удержать без специальных силовых или идеологических методов сложную конфигурацию разрозненного российского федерального пространства невозможно.

Повсюду зреют опасные «завязи» внутрироссийского сепаратизма.

В Чечне мы видим лишь один из примеров этого: на Северном Кавказе, в Поволжье, в Сибири постепенно формируются более глубинные и более опасные тенденции. В этом отношении, отсутствие мобилизующей идеологии и продолжение вовлечения в либерально-демократическую модель грозит распадом России.

Это худший вариант, но именно он описан в книге «Великая шахматная доска» Збигнева Бжезинского, главного современного теоретика атлантизма. Бжезинским Россия уже поделена на несколько марионеточных государств. Это может стать нашим будущем, если мы не предпримем в этом направлении каких-то кардинальных и решительных мер.

Ощущая серьезность угрозы распада, многие сегодня считают главной задачей укрепление России в качестве «национального государства» в тех границах, которые у нее есть. Это позиция патриотического фланга российской власти. Однако, когда мы будем утверждать мобилизационную идеологию этого государства-нации (без чего никакого укрепления быть не может), мы будем вынуждены провести *жесткую границу с нашими соседями*, бывшими союзными республиками, отгородиться от них «железным забором» (в том числе и таможенным). Это сделает евразийскую интеграцию и консолидацию СНГ маловероятными. Следовательно, такой проект «державности» не является евразийским. Кроме того, для создания законченной «патриотической» идеи, ограниченной рамками РФ, потребуется серьезная консолидация общества. На каком основании такая консолидация могла бы происходить? На основании тех буржуазных представлений о мире, которые лежат в основе исторических государств-наций? Причем именно эти представления и привели сегодня большинство европейских (да и азиатских) государств на грань распада...Сложно придумать более неудачное время для построения государства-нации в России. Эта инициатива заведомо не может кончиться ничем хорошим.

У нас много народов, много культур, региональных отличий, и уравнять это все в некоем «якобинском» единстве может только гильотина.

Но, я уверен, что для репрессивных мер у нас нет сегодня ни сил, ни желания, ни ресурсов, ни воли.

Единственный оптимальный вариант существования России — это существование в качестве мировой державы. И как ни странно, России проще быть великой и мировой державой, чем сохранить свой региональный статус.

Конечно, мы не можем сделать Россию великой державой в том формате, в каком существовала Царская Россия или Советский Союз. Идеологическое обеспечение нового планетарного статуса следует искать ни в имперском колониализме на православно-монархической основе,

ни тем более в возврате к марксизму. Прямого повторения история не терпит. *Мы можем стать великой мировой державой, только если найдем новое выражение для евразийской геополитической миссии объединения континента и для выражения нового альтернативного глобального проекта*. А вот для этого у России есть все основания: исторические традиции, многообразие и многополярность собственного устройства, недавнее прошлое, когда мы жили в гораздо более широком геополитическом контексте.

Будущее России заключается в том, чтобы стать ядром и платформой нового континентального образования. Пусть в ближайшем будущем им станет *Евразийский Союз*, наподобие Европейского Союза, но это не предел. С помощью ряда геополитических альянсов и блоков мы должны выстроить совершенно новую уникальную, никогда не существовавшую доселе, и, тем не менее, вполне надежную континентальную конструкцию.

Это наш евразийский взгляд на внутреннюю политику. И в этом отношении именно *выбор геополитического статуса России сегодня определяет все остальные процессы нашего политического существования*. Если мы будем убеждены и солидарны в том, что мы строим великую державу, мы примем как абсолютную историческую необходимость евразийскую идеологию в качестве базового духовного, философского и политического инструмента .

О нашей евразийской поддержке Президента РФ

В данной политической ситуации и в дальнейшей перспективе мы поддерживаем Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, который воплощает в себе сложный и переходный период нашего государства от неопределенности, в которой мы находились последние 10 лет, от инерции распада и развала к некому новому этапу.

Я хочу подчеркнуть, что сегодня (за три года пребывания Владимира Владимировича у власти) еще очень трудно сказать, куда мы вместе с ним пойдем.

Этот вопрос не закрыт. Путин — это выражение того исторического состояния, в котором сегодня находится Россия. А это состояние неопределенности. Это состояние вопросов, а не ответов.

Это состояние есть понимание необходимости укрепить наше государство и дать ему новый импульс исторического бытия. Но мы еще не решили, быть может, пока сами не знаем — *как*. И нам представляется, что и он еще не совсем твердо знает *как*. В принципе и нельзя требовать от одного человека, чтобы он и мыслил, и решал, и делал за весь народ.

Но вместе, сообща, сплотившись вокруг нашего Президента, делегировав ему евразийские модели, планы Евразийского Проекта, которые являются спасительными в нашей исторической ситуации, я полагаю, мы найдем такой выход.

Мы поддерживаем Президента Путина за его запрос на выработку национальной идеи. На самом деле, это уже есть признание евразийства. Почему? Давайте попробуем рассуждать в этом направлении методом исключений.

Какая национальная идея может быть в России? Может ли она быть советской, т.е. возвратом в прошлое? Кажется, по общему убеждению, нет. Советское государство родилось в революции. Оно прошло море крови, оно стало огромным. Другими словами, родилось, пожило и умерло. Для того, чтобы повторить все сначала? Такого в истории не бывает.

Может ли либерализм выступать в качестве национальной идеи? Вовсе нет.

Во-первых, — это полная копия западной модели, во-вторых, — национальную идею, которая полностью отрицает какую бы то ни было форму идеалистического импульса в человеке, воплотить в жизнь невозможно. Либерализм — это антитеза идеократии. Менее всего в качестве национальной идеи пригоден именно он.

Узкий национализм также не может быть национальной идеей, поскольку у нас много народов, много конфессий и насильственная русификация или приведение всех в Православие абсолютно исключены. Это только расшатает наше единство, а не укрепит его.

Методом исключения мы приходим к евразийству, которое выполняет две фундаментальные функции в решении этой задачи: утверждает консолидирующую, мобилизующую державно-патриотическую идею, с одной стороны, а с другой, вовлекает многообразные, многополярные и многовекторные этно-культурные формы в процесс общего исторического делания (в построение «общей судьбы»).

Это совсем не национализм, но, скорее, плюрализм, где множество культур и этносов получают возможность сохранения и развития. Одновременно, это и не отказ от национальной идеи, а наоборот — выработка мобилизационной евразийской идеологии, новой исторической версии идеократии. Таким образом, *сам запрос на национальную идею — это запрос на нас, на евразийство.*

Мы приветствуем в Путине укрепление вертикали власти. Расшатывание этого механизма чревато тем, что мы упустим еще один уровень нашей обороны, еще один уровень нашей державности. И как говорил один бельгийский геополитик: «Федерация — это как шоколад: легко разломить, но для того, чтобы фрагменты соединились, необходимо переплавить все заново».

Если сейчас экстренным образом не противодействовать сепаратистским, местническим тенденциям, то мы потеряем даже то, что имеем сейчас.

Мы поддерживаем в Путине его внимание к геополитике. Конечно, сейчас трудно говорить о том, каким геополитическим курсом руководствуется наша власть. Самое точное определение ему, я думаю — прагматизм. Но интерес и внимание к геополитике есть, этому способствует и его профессиональное образование. И это является прекрасной базой для геополитического осмысления положения России в мире. А это уже и есть евразийство: как я показал в учебнике «Основы Геополитики», любой человек, занимающийся геополитикой на территории РФ или СНГ, объективно становится на позицию евразийства; здесь, как и в квантовой механике, сам ход процесса зависит от позиции наблюдателя. Геополитика — это дисциплина, связанная с точкой наблюдения. В зависимости от того, в какой геополитической зоне мы находимся, такова наша геополитика: есть геополитика Бжезинского, находящегося по ту сторону океана и это о — атлантизм; есть модели геополитики тех, кто находится в промежуточной сфере — береговой зоне; и есть геополитика «сердцевинной земли», heartland'а, это — евразийство.

Мы поддерживаем интеграционные процессы, которые продолжает, развивает и закрепляет Президент в рамках ЕврАзЭс. Мы приветствуем вступление Украины и Молдовы в ЕврАзЭС в качестве наблюдателей. На наш взгляд — это судьбоносное явление. Мы должны использовать все возможные формы интеграции в рамках СНГ. Экономическая интеграция это один из аспектов инфраструктуры в рамках будущего Евразийского Союза. Подчеркну, что здесь без евразийства также не обойтись, поскольку *евразийство есть философия интеграции.*

Сейчас дело доходит и до стратегической интеграции, подписан важный документ о создании новой «Организации Договора о Коллективной Безопасности». Это очень важный стратегический шаг. Осталось сделать третий шаг — обратиться к евразийскому мировоззрению как к философии и политике интеграции. Я думаю, этот шаг на определенном этапе будет сделан.

О демографической катастрофе в России

Анализируя происходящее у нас в стране, нельзя не сказать несколько слов о демографической проблеме. Это проблема падения рождаемости, вырождения нашего народа, проблема социальной деградации, появления

миллионов беспризорников и распада семей. И ее, с нашей точки зрения, нельзя свести только к экономической платформе.

В ее решении в высшей степени важен нематериальный, *нравственный фактор*. Общеизвестен характер катастрофических демографических процессов в богатых странах с развитой «либеральной культурой». Плоды этой «культуры» можно видеть по телевизору, по MTV, наблюдая все формы извращения, патологии, самые низменные пороки, которые себе только возможно представить. Именно богатые и благополучные страны страдают максимальным падением рождаемости. Западные «ценности», полное снятие этических, нравственных и религиозных рамок, вместе с материальным процветанием, способствуют чему угодно, только не деторождению и не укреплению семейных уз.

Одновременно мы видим бедные страны, которые живут в сложных экономических условиях, но сохраняют элементы традиционного общества и там — всплеск рождаемости.

Циничные представители «золотого миллиарда» говорят так: «Вот если бы вы не верили в Бога и не следовали своим традициям, то вы бы тоже рожали меньше, как мы, и занимались бы другими делами».

Эта логика представляется нам чудовищной, кощунственной, несовместимой с человеческим достоинством.

Необходимо переломить демографический процесс в России. Единственный способ — возврат к нравственной, религиозной, традиционной евразийской системе ценностей. Никакого иного способа возрождения демографии не существует.

Проблема детства также не лежит исключительно и всецело в материальной плоскости, а решается принципиальным изменением морального и информационного климата.

Евразийство и «четвертая власть»

Здесь следует подчеркнуть, что мы своей задачей ставим, в первую очередь, взятие власти над медиакратией.

Общее содержание основного потока, транслируемого по нашим и западным СМИ, это приглашение к массовому самоубийству и безумию. Взгляните однажды холодным взором: какие ценности, образцы, клише, коды транслируют СМИ не только в фильмах, но в информационных выпусках и рекламных роликах — наслаждение кровью, извращение, навязчивое приглашение к разврату, осмеяние всех традиционных социальных и этических норм. И такая ситуация не ограничивается кругом независимых частных масс-медиа, а присуща государственным, федеральным каналам в не меньшей степени.

В этом отношении мы должны быть непримиримы. Современные российские СМИ являются бастионом вырождения, проводниками радикально чуждой нам системы ценностей. Они в огромной мере ответственны за миллионы бездомных детей, за распад семей, за извращение, вырождение и гибель нашего евразийского населения.

В этой связи, не случайны напряженные баталии между государством и СМИ. Это сила, которая очень слабо контролируется даже нашими чиновниками. Искушенному телевизионщику сегодня ничего не стоит формально в точности исполнить заказ чиновника, по сути дела, легким трюком перевернув смысл. К примеру, получили «заказ» на репортаж освещения съезда пропрезидентской центристской партии «Единая России», который выполняют все телеканалы. Но что мы видим? Ернический тон, косые планы, ехидные интонации и комментарии. И в результате, выполняя заказ власти, СМИ транслирует совершенно иную, прямо противоположную идею. Таковы методологии и технологии новых СМИ.

Это особая корпорация, и мы видим, что все три года Путина у власти идет эта битва со СМИ. Они ответственны в большей степени, чем кто бы то ни был за то, что происходит у нас в стране. Они не просто транслируют, они кодируют и гипнотизируют, закладывая определенные парадигмы в человеческое сознание.

Наше государство не религиозное, но оно не должно быть агрессивно атеистическим или сектантским. Не должно покрывать прямую пропаганду разврата, греха, насилия и вырождения. Фактически, широко транслируемые зловещие информационные коды способны убивать в наше время не хуже обычного оружия, если не сильней.

СМИ — это проблема проблем.

Краткий анализ и оценка других политических партий

Мы становимся партией, поэтому должны хотя бы в самых общих чертах определить наше отношение к другим политическим партиям.

«Единая Россия» — партия административного ресурса.

Она поддерживает Президента и поддерживается Президентом, являясь центристской. Это партия административного ресурса и адекватно выполняет эту функцию. В этом отношении она позиционируется как наш союзник. Другое дело, что идеологизация и постепенное превращение этой партии в мировоззренческий аппарат, в оплот политической философии заведомо невозможны, и даже тратить силы в этом направлении бессмысленно.

Функция нашей партии «Евразия» и заключается в том, чтобы быть партией идеологии, партией идеи, которая поддерживает Президента.

При правильном развитии ситуации, я надеюсь, у нас с «Единой Россией» сложатся вполне конструктивные отношения.

КПРФ — партия ностальгии по идеократии старого типа.

Очень многое связывает нас с КПРФ, и в последнем номере нашей газеты «Евразийское обозрение» я рассказываю, о том, как при переходе от КПСС к КПРФ Геннадий Андреевич Зюганов, — и напрямую, через мои личные с ним контакты, и косвенно, — заимствовал отдельные моменты евразийской идеологии, поставив ее на службу политической структуре КПРФ.

На мой взгляд, этим в значительной степени объясняется успех этой партии: не просто эксплуатацией ностальгии, но также прививкой отдельных аспектов евразийской идеологии. Для ортодоксального коммунизма концепции геополитики, методология истории религии, теория цивилизационной преемственности СССР в отношении Романовской Империи, — чем изобилуют труды Зюганова, — абсолютно чужды, но в то же время в контексте евразийства они естественны и уместны.

Зюганов взял их не из марксистских коммунистических источников, а у евразийства, и очень удачно привил кое-что КПРФ. И все же вся конструкция оказалась довольно искусственной, созданной не по убеждению, но для прагматических целей. То, чем обладает КПРФ, больше похоже на идеологию, чем остальные политические партии. Но все же это не идеология, а ее суррогат.

Коммунистический проект был примером успешной реализации идеократии. Но все это позади. Постепенно последние иллюзии о возможности возврата в прошлое рассеются. Евразийский же идеократический проект, который обращен в будущее и основан на другой системе нравственных и духовных ценностей, призван сменить его собой.

ЛДПР — партия талантливого юмориста с дурным вкусом.

Это крайне удачный политический шоу-бизнес. Такие шоу-корпорации эффективны для люмпенизированной части нашего населения и действительно могут рассчитывать на какой-то успех. Однако, их время прошло. Серьезно об этом остроумном человеке, способном превратить в посмешище любую серьезную тему, говорить едва ли имеет смысл. Структуры же ЛДПР ничто иное как коммерческая корпорация. Собственно политики там нет.

СПС — либеральная партия благополучного меньшинства.

Эта партия обращается к имущим. В этом отношении мы не видим в СПС, по большому счету, больших идеологических противников, если не считать крайних западников. В основном, там — прагматики, и они занимаются своими узкими темами. У них крайне ограниченный спектр

электората. Он не наш. Мы обращаемся ко всем слоям населения, но в первую очередь к неимущим. «Евразия» — это партия обездоленного большинства. Но наша задача не организовать реванш или очередное перераспределение, но привить имущим чувство ответственности за неимущих. Если определенные политики из СПС разделяют беспокойство за державу и общество, искренне желают процветания стране, мы готовы с ними сотрудничать. И все же, СПС — это партия, ограниченная капиталистическим классом, которая никак не может стать общенародной партией. У «Евразии» цели иные.

«Яблоко» — партия запутавшейся в себе интеллигенции.

Долгое время партия Явлинского ассоциировалась с апологией западничества. Подозрительным является факт участия ее лидера в важном атлантистском консультативном органе «Трехсторонней комиссии». Однако к «Яблоку», больше по имиджу, чем по сути, тяготеют научные, интеллигентские круги, определенные группы молодежи. В эпоху увлечения атлантизмом эти круги с энтузиазмом осваивали либерализм и западничество. Сегодня ситуация изменилась, и те же среды все более увлекаются евразийством. Показательно и то обстоятельство, что в политсовет партии «Евразия» входит бывший вице-спикер от партии «Яблоко». Если политики из «Яблоко» признают национальные интересы России и евразийские подходы, мы будем нормально с ними сотрудничать. У нас нет никаких предрассудков.

Что касается экстремистских организаций, хочу подчеркнуть, что партия «Евразия» категорически отмежевывается от всех форм экстремизма —социального, национального или либерального.

И последнее.

Существует один очень неприятный момент — *это создание сегодня псевдоевразийских структурр*. Люди, которые еще вчера занимались расшатыванием российской государственности, раскалывали традиционные религии, провоцировали национальную рознь, участвовали в повстанческих движениях крайних еретических псевдоисламских сект на Кавказе, сегодня, чтобы уйти от ответственности, «рядятся» в евразийские тоги. Речь идет о так называемой «Евразийской партии России» Абдул-Вахеда Ниязова (Вадима Медведева). Я полагаю, что это крайне неприятное недоразумение и, одновременно, очень грамотный авантюристический ход со стороны определенных сил в нашем обществе.

Есть такое выражение: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». Это не значит, что патриотизм плох сам по себе. Это значит, что негодяи, наворовав и наделав кучу грязных дел, становятся патриотами для того, чтобы им списали прошлые грешки.

Евразийство сегодня чрезвычайно популярно, оно притягивает огромные массы и ресурсы, привлекательно и для элиты и для широких слоев населения. И этим, к сожалению, начинают пользоваться прохвосты.

Еще раз хочу подчеркнуть, что так называемая «партия» Ниязова никакого отношения к евразийству не имеет. Это самозванцы, которые эксплуатируют и паразитируют на чистых и светлых идеях, апеллируя постоянно к нашим авторитетам, приписывая себе итоги проведенных нами акций, раздавая от своего имени нашу литературу и наши газеты. Это все уже было в политической жизни, это мы все уже проходили, и не раз. Такими авантюристами полна была Россия, особенно в период последних десятилетий. Однако их время закончилось.

Я хотел бы призвать своих коллег и единомышленников к активному противостоянию этому авантюризму, чтобы не позволить порочить светлые и чистые идеи евразийства, дав решительный отпор временщикам-узурпаторам.

Пять принципов Политической партии «Евразия»

Пять основных принципов евразийской идеологии изложены в нашей Политической программе, и я хотел бы кратко перечислить их. Это: научный патриотизм, социальная ориентация, традиционализм, евразийский этнизм и евразийский регионализм.

Научный патриотизм

Евразийский «научный патриотизм» основан на геополитике. Мне часто говорят, что геополитика — очень непростая дисциплина, и ее сложно объяснить народу. Наверно, это так. Но, большинство нашего населения окончило хотя бы среднюю школу. С точки зрения методологической, геополитика и евразийство гораздо проще, чем учебник 7-го класса по тригонометрии или «Анна Каренина» Л.Н.Толстого. Мы это все читали, сдавали, мы это понимали и писали об этом сочинения. Не понять, что в мире существуют две цивилизационные модели — сухопутная и морская, континентальная и островная, — и между ними находится промежуточная береговая зона, могут только двоечники.

Два геополитических полюса — атлантизм и евразийство — ведут планетарную дуэль. Атлантизм сегодня выигрывает и стремится закрепить свой выигрыш в однополярном мире. Это и есть глобализм. Противоположный полюс хочет восстановить баланс, возродиться в новой форме, с учетом печального опыта поражения. И возродившись, он создаст иной мир — многополярный, а не однополярный. Это — евразийство. Все предельно просто. Вся геополитика в 6 предложениях. Если это мы способны усвоить и осознать, то все остальное нам автоматически будет понятно.

На этом основании евразийством и формулируется проект России как мощной мировой державы. Это требует стратегического централизма, оперативности, силы, возрождения государственности — всего того, о чем говорилось выше. «Россия может быть или великой или никакой».

Нам всем необходимо потратить усилия, чтобы понять основы геополитической методологии. Это наш козырь, это наша идея, это и есть наш «научный патриотизм». Вот что значит любить Родину по-научному, не только сердцем, но и умом. Давайте приложим усилия и усвоим геополитический минимум — без этого невозможно.

Сделаем еще несколько уточнений по поводу нашего видения мира.

Мы принимаем вызов глобализации и понимаем, что *либо Россия будет действовать глобально при защите своих интересов*, т.е. будет *глобальным субъектом*, либо она станет *объектом*, т.е. предметом манипуляции извне и в конечном итоге подпадет под внешнее управление.

Россия не может быть региональной державой — у нее только один выбор: *либо своя роль в мировой политике, либо исчезновение*. Вопрос стоит остро.

Кроме того Россия не способна сохранить свой геополитический суверенитет и стратегическую независимость *в одиночку*. Исторические, материальные и идеологические ресурсы изоляционизма исчерпаны. Нам необходима система альянсов — осей — как внешних, так и внутренних. Евразийство утверждает многополярность во внешней и внутренней политике, считает необходимым создание единого стратегического пространства, объединяющего Европу и Азию.

Социальная ориентация

Мы считаем, что необходимо строить *социально ориентированное государство*, общество, нацеленное в первую очередь не на индивидуальное, а *на общественное благополучие*. И в этом отношении этика либерализма чужда нашей национальной истории — как славянской, так и общеевразийской.

Либеральная рыночная экономика в определенных секторах приносит очевидные плоды — их нельзя отрицать. Но у рынка должны быть границы. На определенном уровне социальной системы — на уровне ценностей — рынку нет места. Свободно продавать товары и услуги — хорошо. Свободно продавать душу, веру, Родину, традицию, честь, нравственность, достоинство — плохо, невозможно, недопустимо.

Рыночная экономика должна быть помещена в контекст нерыночного общества, общества справедливого, солидарного, нравственного. Невозможно рассматривать социальную трагедию наших соотечественников как «неизбежные издержки капитализма». Миллионы беспризорников, малолетних проституток, брошенных стариков, обесчещенное

научное сообщество, нищета, жесточайшая эксплуатации рабочего класса, вездесущая коррупция — это неприемлемо. Если это неизбежность капитализма, то нам такой капитализм не нужен. *Рынок должен быть ограничен требованиями социальной справедливости и императивом национального возрождения*.

Россия сегодня в сложной ситуации, и можно признать, что объем социальных средств в бюджете невелик. Но не все измеряется цифрами: необходимо установить в обществе в обязательном порядке «диктатуру справедливости». Если обездоленным не может помочь государство, пусть им помогут имущие. Следует обложить бизнес социальной рентой, которая не должна проходить долгий цикл полного огосударствления (так как в этом цикле деньги имеют тенденцию растворяться в карманах ненасытных чиновников). Следует связать конкретный бизнес с конкретной социальной средой, в рамках которой он находится. Частный характер предпринимательства должен сочетаться с социальными целями.

Это «евразийский капитализм». Капитализм с национальной душой и социалистическим лицом. Это экономика третьего пути.

Традиционализм

Сегодня всем очевидно — технический прогресс и эффективность экономики — это одно, а нравственный прогресс — другое. Наращивая технологический потенциал, мы пропорционально утрачиваем потенциал культурный и духовный. В XIX веке казалось, что эти вещи идут параллельно. Оказалось, что они противоположны. Цивилизация как техника противоположна культуре как духовности. Однако прямое противодействие традиции технологическому развитию проиграно. И вместе с тем, наше сознание отказывается признать как неизбежность ту чудовищную картину нравов и грехов, которые открылись на пороге XXI века: от легализации всех типов извращений до клонирования людей. Это неприемлемо. Нельзя исповедывать традиционную религию и принимать тот мир, который открывается перед нашими глазами — с его цинизмом, галлюцинациями, извращением, воспеванием всевозможных пороков.

И никакой «новой духовности», «новой нравственности», «новой религии» в таких условиях не появляется и не появится. Чтобы противостоять этому, необходимо *вернуться к нашим духовным корням*.

Никто не опроверг основы традиционных конфессий. Вся атеистическая риторика с эпохи Просвещения была, как сейчас выясняется, лишь агрессивным и навязчивым пиаром, манипуляцией. Этому способствовал и внутренний упадок традиционных религий, неспособность дать адекватный ответ «нигилистической науке», претендовавшей на «позитивность» и «объективность».

Мы утверждаем необходимость обращения к интегральному традиционализму, к основам традиционных конфессий — православия, ислама, буддизма, иудаизма. Неколебимые истины, основы нравственности и духовности — базу обновления и возрождения следует искать именно там и нигде более.

При этом интегральный традиционализм должен смело вступать в диалог с уловками модерна и постмодерна, оттачивать свой интеллектуальный аппарат, принимать вызов современной секулярной рациональности. Как это ни парадоксально, но наш традиционализм должен быть, в свою очередь, современным и искушенным, свободно принимающим вызов критики и находящим неотразимые аргументы. Отсидеться больше не удастся. Сегодня кризис секулярной культуры и науки дает нам, традиционалистам, верующим, фундаменталистам традиционных религий уникальный шанс для интеллектуального и социального реванша. Спасение от сумерек светского общества следует искать только в вечных истинах Веры.

Россия должна быть многоконфессиональной страной, но не светской. Общество должно быть религиозным, духовным, но не единообразным.

Мы за союз традиционных евразийских конфессий, за их стратегическое объединение в общий фронт против сект, агрессивного секуляризма, постмодернистического цинизма.

Евразийский этнизм

Мы — сторонники евразийского этнизмаа, т.е. предоставления этносам политического статуса и политического пространства на более достойной основе. Забота о каждом народе России, о каждом народе Евразии — это общая забота. Государство должно заботиться о всех народах, сохраняя их язык, не подвергая их русификации, не сваливая всех в нерасчленимую «общегражданскую» массу.

Мы считаем, что высшей категорией истории, высшей ценностью является народ. Человек есть часть народа, он целиком и полностью им создан, воспитан, организован. Язык, культура, образ жизни, обычаи, верования, внешний вид человека — все это производная от его этнической принадлежности. Народы должны сохраняться, свободно развиваться.

Сегодня народы под угрозой. Они растворяются в отчужденной государственной бюрократии, переплавляются в космополитическом котле. Их сталкивают друг с другом, рассеивают, отрывают от корней. Национальные культуры, фольклор, обычаи, навыки, ремесла стремительно исчезают. Спасение народов от исчезновения в тлетворном процессе глобализации — это требование времени.

Все народы различны и непохожи друг на друга. В этом их богатство. Сегодня всем им, как и традиционным конфессиям, угрожает гибель.

Постмодернистические общества, глобализм губительны для всех них вместе и по отдельности не меньше, нежели экстремизм, шовинизм и ксенофобия.

Евразийство предлагает народам путь совместного спасения. Этническая программа евразийства — третий путь между национализмом и космополитизмом. Это союз народов, солидарный евразийский фронт.

Конечно, русский народ является в евразийстве центральным. Последние столетия именно он был основой евразийской цитадели. Он отдал все свои силы, все свои соки великому начинанию. А это был огромный риск. Он перенапряг свои усилия. Сейчас он в состоянии шока, временного исторического паралича. Отсюда — падение рождаемости, пассивность, растерянность. Если мы не пробудим и не возродим русский народ, у евразийства, у Евразии нет будущего. Русские — этнос молодой, энергичный, мессианский, проникновенный, могущественный и вдумчивый. На земле мало таких. Но в данный момент сон его глубок, усталость кажется неодолимой... Однако, мы не закончили наш исторический путь, нашу речь в мировом созвездии народов. Мы просто переводим дыхание. И завтра, ну, в крайнем случае, послезавтра мы проснемся... Возвратимся в мир с волей и внутренним русским светом.

Мы, русские, должны не только возродиться сами, но и сплотить вокруг себя другие братские народы Евразии. По отдельности ни у кого ничего не получится. Только вместе, все вместе — русские, татары, калмыки, якуты, мордвины, евреи — мы способны в страшном новом мире отстоять право на жизнь, язык и культуру.

Евразийский регионализм

Мы — сторонники реальной страныы. Мы видим часто, как, приезжая из глубинки в Москву или другие крупные мегаполисы, люди быстро забывают свой родной край, его нужды, обычаи, превращаясь в некий федеральный, аморфный, бесцветный, некачественный, невыразительный планктон. Крупные центры, особенно мегаполисы, портят человека. Истинные этические, нравственные, духовные образцы мы должны искать в глубинке — *в реальной стране*.

Евразийство имеет дело не с абстракцией, а с живыми просторами реальной страны. Каждая область, каждый край России имеет свои уникальные черты. Наша огромная страна представляет собой целый континент, целый мир. Климатические зоны — от субтропиков до вечных льдов, степи и леса, лугов и пустынь, болот, озер, рек и морей. И везде — разные люди, разные хозяйственные системы, подчас разные культуры.

Евразийство стремится объединить их не по формальному признаку: мол, население — одна цифра, территория — другая, объем производства — третья и т.д. Каждый регион — особый, и подход к нему должен быть особым. Будучи частью великой державы, каждый регион должен иметь свое представительство, свой полновесный голос в Центре.

Мы выделяем *эти пять принципов* в качестве главных, партийных аспектов нашей программы. Они должны быть изучены и четко освоены каждым нашим последователем, и каждый, кто вступает в наше движение, должен твердо знать, в чем заключается пять аспектов политической программы партии «Евразия», и разделять их.

Наш Съезд должен сегодня принять очень важное решение: теория переходит в практику. Проекты близятся к своему осуществлению. Мы выходим на политическую арену в качестве самостоятельного *субъекта*. Это не значит, что мы исключаем альянсы и возможности взаимодействия с другими политическими силами. Но, на самом деле, мы принимаем сегодня решение о том, чтобы иметь свое собственное лицо, свои собственные структуры, собственную мощь. Это все надо наращивать, сегодня мы делаем только первый шаг.

В заключение я выношу на рассмотрение Съезда вопрос о преобразовании Политического Общественного Движения «Евразия» в политическую партию «Евразия», о преобразовании региональных отделений ОПОД «Евразия» в региональные отделения партии «Евразия», а также о принятии Программы и Устава Политической партии «Евразия».

Спасибо за внимание.

Талгат Таджуддин
Верховный муфтий ЦДУМ России и Европейских стран СНГ

«ЕВРАЗИЙСТВО ЕСТЬ САМЫЙ ГАРМОНИЧНЫЙ И ИСКРЕННИЙ РОССИЙСКИЙ ПАРТИОТИЗМ...» Выступление на I Учредительном Съезде Политической партии «Евразия» (30 мая 2002 г., Москва)

Во имя Творца всемилостивого и милосердного!

Дорогие соотечественники, участники первого Съезда партии «Евразия»!

Сегодня движение ОПОД «Евразия» проводит свой первый учредительный съезд в качестве политической партии. Это очень важное событие. Почти век прошел с эпохи первых евразийцев, и, наконец их идеи получают свое конкретное политическое воплощение.

Все случилось, как они и предвидели: без опоры на духовность, на традиции, на нравственные устои Советская империя выстоять не смогла, и все социальные, державные ее достижения пошли прахом. Увы, это не стало освобождением: минусов в этом больше, чем плюсов. Однако без всякого злорадства и с величайшим сожалением мы констатируем сегодня: евразийцы 20-х годов были совершенно правы, их исторический анализ оказался верным.

И сегодня нельзя забывать то многообещающее, но в то же время тревожное пророчество: «Россия либо примет евразийство в качестве основной идеологии и, в таком случае возродит свое величие как гигантская континентальная самобытная Держава, либо ее постигнет катастрофа».

Все остальные пути испробованы — доверие им исчерпано. Только взаимопонимание, взаимоуважение и доброе сотрудничество народов России, которая является основой евразийской идеи, поможет нам возродить достоинство нашей великой Отчизны.

Ни коммунизм, ни империя, ни тем более либерально-демократическое западничество не могут быть более для нас спасительным путем.

Впереди — евразийство, идеология спасения и возрождения России как мировой державы.

Это начинает понимать все больше людей, истинных патриотов нашей необъятной и прекрасной Родины. Поэтому мы здесь, в самом центре Евразии, в ее духовном средостении в Свято-Даниловском монастыре.

Хочу сказать несколько слов о связи евразийства с исламским миром и отдельно с тюркским этносом. К огромному сожалению, к благородной, патриотичной и возвышенной евразийской идее сейчас приходят не только множество достойных и искренних людей, но и отдельные авантюристические элементы, рассматривающие политику и даже религию как средство достижения своих личных низменных целей.

Более того, пример отдельных людей, прикрывающихся якобы «евразийством» — в частности, того же авантюриста Ниязова-Медведева (не подумайте, что это мусульмане его к вам заслали) — показывает, что это высокое название узурпируют те силы, которые замараны в самых темных политических экстремистских делах, направленных не за, а против Евразии и евразийства.

Вместе с тем, как ни парадоксально, в этом есть и положительная сторона. Если евразийство стало столь популярно, что привлекает даже таких личностей, значит, мы — на верном пути. Нам осталось лишь уберечь великую идею от грязных лап мошенников, способных ее скомпрометировать — а далее, с Божьей помощью, все получится.

И все же деятельность подобных отщепенцев и самозванцев искажает в определенной мере образ евразийства. Даже на местах у нас люди спрашивают о том, кто есть настоящий евразиец...Это заставляет нас сделать несколько уточнений относительно связи евразийства с исламом.

Историческая истина состоит в том, что евразийскую идеологию выработали и сформулировали русские мыслители православной державной ориентации. С самого начала это была идея державности и патриотизма: Российская Национальная Идея, основанная на Православии, народности и сильной государственной власти. Евразийство было логичным этапом развития русской патриотической мысли — линии славянофилов, Данилевского и Константина Леонтьева.

В 50-80-е годы эту линию продолжал величайший русский историк, православный патриот, наш соотечественник Лев Николаевич Гумилев — сын двух величайших русских поэтов: Анны Ахматовой и Николая Гумилева.

Православный русский элемент в евразийской философии играл и играет основополагающую роль. Поэтому было бы совершенно неверно и исторически, и концептуально, и конфессионально рассматривать евразийство как нечто постороннее для магистральной линии развития патриотического мировоззрения в России.

Только так мы понимаем евразийство и в таком качестве осознаем и принимаем его — мы, российские мусульмане. Ибо видим мы и в досточтимом Коране слова Всевышнего: «Подлинно создали мы вас от одной матери и одного отца различными народами и племенами, дабы вы познавали друг друга, сотрудничали и были достойны милости Всевышнего».

Однако, сама структура евразийской идеологии в ее изначальной и современной ортодоксальной версии (от Н.С.Трубецкого через Л.Н. Гумилева и вплоть до нашего уважаемого Председателя — Александра Дугина) основана на том, что видит в самих корнях русской государственности огромный тюркский, тюркско-монгольский, степной пласт — от половецких князей до булгарских татар и монголов Орды. И в отличие от западнической школы русской истории, этот степной кочевой тюркско-монгольский элемент оценивается в целом положительно. Тот же факт, что степной уклад отдалил Русь от Европы, также осмысляется с положительным знаком.

Отдалив Русь от Европы (утверждали Трубецкой, Савицкий и Гумилев), тюрки спасли и укрепили самобытность Руси как особой православной цивилизации, сделали ее Евразией, открыли выход к Востоку.

Великороссы как этническое ядро новой Московской государственности сложились на основании глубинного славяно-тюркского симбиоза. Православный византизм плюс ордынский административный централизм породили особую собственно евразийскую, не западную и не восточную, русскую государственность.

Такая позитивная оценка тюркско-монгольского фактора со стороны русской патриотической мысли делает ее крайне привлекательной для патриотических россиян самых разных народностей, автохтонов Евразии. Мы не можем не быть признательны философам-евразийцам, которые вернулись к исторической правде, нашли в себе мужество преодолеть некоторые националистические предрассудки, повернуться лицом к восточным корням российской государственности, столь же важным и значимым, как и собственно славянские корни.

Евразийство не противопоставляет друг другу народы России-Евразии, не является способом закрепления ни славянского, ни тюркского влияний. Евразийство требует от всех нас, россиян, от славян, татар, башкир,

угров, других народов, только лояльности нашему общему Государству. Не как дань необходимости, не как формальность, но как свидетельство искренней любви к Отечеству, к Родине, которую не выбирают. Другой Родины, кроме России, у всех нас нет!

Евразийство и есть надежный и глубокий, самый гармоничный и искренний российский патриотизм. И этот российский патриотизм является неотделимым достоянием всех остальных россиян.

Теперь об отношении евразийства к исламу. К сожалению, среди первых евразийцев мусульманских авторов не было. В большинстве своем классики евразийства были православные. Вместе с тем, среди них был и калмык Хара-Даван и еврей Яков Бромберг.

В самих истоках евразийства содержится симпатия к традиционным конфессиям народов России и отсутствует даже намеки на религиозную исключительность. Да, Православие традиционно является вероисповеданием большинства россиян. И мы помним, что Православие отличалось удивительной терпимостью к иным традиционным конфессиям, было абсолютно чуждо агрессивности и миссионерству (чаще всего с помощью меча и огня) западных христиан — католиков и протестантов. И я убежден, что так должно оставаться и впредь — тот, кто верен своей вере, дает пример истинной богобоязненности и стойкости всем остальным.

И даже, как мирило этому, можно привести пример круглого стола, который прошел у нас вчера, где участвовали региональные духовные управления из состава ЦДУМ России, координационный центр мусульман Северного Кавказа и представители мусульман европейской части. На круглом столе, в том числе, выступили представители совета муфтиев России с заявлением и осуждением прежде всего нашего участия в евразийском общественном движении, которое мы поддержали с самого начала, которое близко нам и которое завещано нам нашими предками. Ваххабистов и экстремистов всех мастей евразийское движение не устраивает. И в этом для нас признак верности движения.

Вместе с тем евразийцы и особенно последовательно неоевразийцы подчеркивали единство религиозного стиля между традиционными евразийскими конфессиями, определенную близость не в догматике, но в духовной созерцательной ориентации.

Следовательно, на основе общего цивилизационного евразийского типа открывается прекрасная перспектива для межконфессионального диалога традиционных религий.

Здесь мы обнаруживаем очень много общих моментов: у нас сходные

угрозы, общие противники, единый нравственный и духовный идеал. Всем традиционным конфессиям Россия в равной мере угрожают агрессивные зарубежные тоталитарные секты, чужестранные проповедники, сплошь и рядом находящиеся на содержании у зарубежных спецслужб и преследующие отнюдь не религиозные цели, экстремистский секулярный либерализм, грубо попирающий основы религиозной нравственности. Особенно катастрофична ситуация в СМИ — бытовой материализм, пережитки антирелигиозных, воинствующихе атеистических воззрений, утрата связи с нашими духовными корнями, глубокое невежество в отношении религиозной культуры и догматики, обрядов, обычаев.

Вчера только известнейший наш писатель Джамиль Мустафин отмечал свое 75-летие и награжден по этому случаю Орденом от имени его Святейшества Патриарха Алексея II. Так вот, он был на своей Родине в Тайшете, в самой отдаленной части Сибири, почти что в тайге, так он с ужасом обнаружил, что и туда добрались ваххабиты и уже распространяют свое влияние.

Все это делает традиционные конфессии Евразии самыми естественными союзниками. И православные, и мусульмане, и буддисты, и иудеи России являются гражданами единого Отечества, их скрепляет история, идеалы, общие цели. Это не значит, что мы должны отказаться от своих богословских различий. Совсем нет.

Мы должны свято чтить основы своей Веры, но это предполагает и глубокое уважение к искренней Вере других.

Ислам в России существует с незапамятных времен. Ежегодно мы отмечаем день принятия Ислама в древних Булгарах, на берегу великой Волги. В этом году 12 июня исполняется 1113 лет с этого дня. Десятки и десятки тысяч мусульман собираются в этом священном месте.

Мусульмане разных народов внесли свой вклад в становление российской государственности. Мы не гости и не чужеродные элементы и не порабощенные меньшинства, но полноценные и полноправные граждане своего Отечества, неотъемлемой части великой России-Евразии.

Наш ислам — это ислам традиционный, уходящей корнями в глубь веков, бережно хранящий заветы предков. Такому исламу чужды все формы экстремизма — как модернистического, так и фундаменталистского. Особенно неприемлемы для него агрессивные экстремистские ереси — такие как ваххабизм, идеи талибанов, ахмади и прочее. Это не только не традиционный и не евразийский ислам, это вообще не ислам. Они являются выражением зловредных ересей. Политически это направлено против России, конфессионально — против христиан и иудеев. Но больше всего от них страдают сами мусульмане и, в первую очередь, мусульмане традиционные.

Мы вместе с православными резко осуждаем бесцеремонную экспансию католичества в Россию, проникновение на нашу Родину коварных сектантских проповедников, прикрывающихся якобы «учением Христа». Казалось бы, какое нам, мусульманам, дело до внутрихристианских противоречий? Есть дело!

Те, кто подрывают наши духовные пространства, наши духовные корни, те, кто бесцеремонно вторгаются на нашу духовную территорию со своими «уставами», осуществляют акт «духовной агрессии» против нашей Родины, бросают вызов «духовной безопасности», и этому мы обязаны противостоять все вместе. Это типично евразийская позиция.

Но точно так же православные вместе с нами резко осуждают и псевдоисламские ереси — кровавый ваххабизм, религиозный экстремизм, приходящие из-за рубежа и соблазняющие (за приличное вознаграждение) неокрепшие души «мусульман», делающих только первые шаги возврата к вере отцов.

И такое евразийское отношение с нами разделяют и традиционные иудеи, и традиционные буддисты. Таким образом, мы вполне можем говорить о наличии общего «евразийского конфессионального поля», основанного на традициях гармонии и добрососедства.

Сегодня мы создаем политическую партию «Евразия». Почему мы поддерживаем это? Почему мусульмане России приветствуют евразийство?

Во-первых, хочу сказать, что как глава ЦДУМ России и как священнослужитель, я нахожусь над партийными разделениями. Те мусульмане, которые сделают иной политический выбор, реализуют свою свободу.

Мусульмане России участвуют в партии Евразия как граждане России, как индивидуальные лица, реализующие свое конституционное право. Я убежден, что в этой партии мусульмане России найдут действенную и правильную форму участия в общероссийской политике, смогут эффективно соучаствовать в политической жизни страны, реализовать свою волю и интересы в деле укрепления российской державности. Цели и задачи партии «Евразия», ее философия, ее структуры оптимально соответствуют интересам российских мусульман, позволяют гармонично и созидательно участвовать в общественной, партийной, политической, избирательной жизни нашей страны.

Партия «Евразия» не разделяет, но сближает, не противопоставляет, но объединяет. И делает это грамотно, последовательно, опираясь не на конъюнктуру, но на жизненную философию — на сокровищницу евра-

зийской мысли, на заветы наших предков.

Много было хорошего в советском периоде, много было и плохого, но в любом случае — возврата в прошлое быть не может.

Прекрасны лозунги демократии — но на деле это сплошь и рядом оборачиваются произволом, хаосом, узурпацией, олигархией, коррупций, анархией, разгулом преступности и разложением нравов.

Много замечательного на Западе — но простое копирование этого опыта, мы уже видим, чем отражается на нашей действительности.

Нет ничего лучше патриотизма и национального чувства, но без серьезной евразийской основы в многонациональной стране они могут легко выродиться в шовинизм и ксенофобию.

Сегодня мы начинаем не с нуля. Основные структуры сложились уже больше года назад и были оформлены в Общественное Политическое Общероссийское Движение «Евразия», зарегистрированное ровно год назад и успевшее сделать за этот год немало. Совместно с движением «Евразия» мы провели прямо-таки пророческую международную конференцию «Угроза ислама или угроза исламу?» в июне прошлого года, где за несколько месяцев до трагических событий в Нью-Йорке, предсказали не только перспективы экстремистского террора, но и подробно описали, заклеймив его идеологию и корни, назвали основных его носителей.

В декабре прошлого года «Евразия» активно участвовала в проведении «VI Всемирного Русского Народного Собора», где принял участие Президент России и Святейший Патриарх Московский и Всея Руси.

Изданы десятки книг, брошюр, проведены сотни круглых столов, осуществлено множество интернетовских проектов. Все это время велась активная партстроительная работа в регионах. Партия созрела, сложилась, она затребована жизнью. В ее рядах — верующие, молодежь, интеллигенция, представители бизнеса, военные и ветераны. И это только начало.

Теперь остается только одно — активный и безустанный труд на благо Родины, Отечества: во имя его духовного и нравственного возрождения, во имя укрепления его достоинства и процветания.

Даст Бог, наши дети и внуки увидят плоды деяний своих и возрадуются.

Мира вам, счастья и Божьей помощи!

о. Антоний Ильин
секретарь Отдела Внешних Церковных Связей МП РПЦ

«ЕВРАЗИЙСТВО ЯВЛЯЕТСЯ ВЫРАЖЕНИЕМ ПРАВОСЛАВНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

Выступление на I Учредительном Съезде Политической партии «Евразия» (30 мая 2002 г., Москва)

Дорогие братья и сестры!

Позвольте мне поприветствовать от имени священноначалия Русской Православной Церкви всех собравшихся в этом зале: делегатов съезда и лидеров движения «Евразия».

Регистрация партии «Евразия», на самом деле, решение глубоко органичное.

Тот огромный философский и исторический потенциал, который евразийская идеология к сегодняшнему дню имеет, несомненно, должен был в какой-то момент воплотиться в конкретные структурные формы, для того, чтобы идея стала реальной программой к действию.

Отношение Русской Православной Церкви к политическим партиям всем хорошо известно: мы открыты к диалогу и сотрудничеству со всеми людьми доброй воли, со всеми политическими партиями и движениями, не отождествляя и не противопоставляя себя кому-то конкретно.

Люди, исповедующие Православие, могут реализовывать различные политические выборы и принадлежать к совершенно разным партиям и движениям.

Приветствуя сегодня создание партии «Евразия», я хочу еще раз подчеркнуть, что Русская Православная Церковь не отождествляет себя ни с одной политической платформой, но открыта к деятельному соработничеству со всеми здравыми силами нашего общества.

Говоря о евразийстве, нельзя не отметить, что евразийская идеология, безусловно, укоренена в православной традиции. Евразийство является выражением православной национальной патриотической мысли, и насчитывает уже практически столетие своего существования. А если считать предтечами этой идеологии философов-славянофилов, то получается

гораздо больший временной период.

Мне хотелось бы, находясь в этом зале (фактически, под сенью куполов Свято-Даниловского монастыря), сказать следующую дерзновенную фразу. Истоки евразийства находятся очень глубоко, поскольку духовным предтечей евразийства можно считать и Святого благоверного Александра Невского. Он еще в XIII веке сделал тот геополитический выбор, который был понят далеко не всеми его современниками и принят далеко не всеми его потомками. Александр Невский тогда действовал в условиях конфликта (как говорят сейчас) двух цивилизационных проектов, и им был сделан выбор в пользу союза леса и степи, в пользу союза Руси и Орды.

Другой тогдашней альтернативой был союз и поддержка Запада, за которым, на самом деле, стояла идеологическая и цивилизационная экспансия. Все было во многом так же, как и сегодня.

Благоверный Князь Александр Невский предпочел внутреннюю свободу, внешнему принуждению и зависимости. Как мы можем видеть спустя уже века, что в то время, когда московская Русь достигала своего расцвета, этот выбор был исторически провиденциальным.

Мы находимся сейчас рядом со стенами Свято-Даниловского монастыря. Князь Даниил Московский, как мы знаем, был внуком Александра Невского и продолжал эту идею строительства евразийского центра, тогда еще в маленьком и мало кому известном городе Москва.

Спустя века, вспоминая слова о том, что «Москва — это Третий Рим и четвертому не быть», становится видно, что *вся идеология Московской Руси как Святой Руси, по сути, является евразийской идеологией*. И на самом деле не так уж много меняется с течением веков: меняются внешние формы, но основное противостояние остается тем же самым.

На одном полюсе — традиционное сообщество, на другом полюсе то, что сегодня облекается в форму глобального мондиалистского либерального проекта, претендующего на то, чтобы быть эсхатологическим свершением всей человеческой истории.

Сегодня много раз звучали слова «традиционная религия», «традиция»... За ними стоит очень важная духовная и цивилизационная реальность.

Действительно, народы нашей страны, будь то великороссы, будь то тюркские народы, являются носителями традиционных ценностей, являются традиционными сообществами, ориентированными не на материальное преуспеяние, а на вертикальные ценности. Ведь отношение с Богом, глубинное восприятие сакральных архетипов своей цивилизации

конструирует и все отношения в социуме и традиционном сообществе.

Когда сегодня говорят о правах человека, порой полностью забывают о правах на защиту духовной и культурной идентичности традиционных сообществ. С этой точки зрения, евразийский проект является, конечно, выражением такой глубинной потребности традиционных сообществ Евразии на сохранение идентичности.

Сегодня часто говорят о многополярном мире, и это стало уже довольно типичной внешнеполитической риторикой. Однако, мы прекрасно понимаем, что подлинную многополярность с подлинным полюсом и центром Евразия реализует только тогда, когда будет цивилизационным центром. Лишь тогда, когда мы осознаем себя носителями традиционных ценностей.

Я думаю, что потенциал партии «Евразия» этому очень соответствует. В общепартийных документах, в идеологии партии «Евразия», на самом деле, есть много параллелей с основами социальной концепции Русской Православной Церкви: и в отношении проблем глобализации и глобализма, и в отношении СМИ, и по проблемам труда и собственности.

Я думаю, что это не случайно. В сердцах многих православных верующих мирян эти идеи найдут свой отклик, и они, вместе с нашими братьями из других традиционных религий, будут совместно работать в осуществлении этого евразийского проекта.

По многим направлениям и культурным программам мы — Русская Православная Церковь — готовы сотрудничать с партией «Евразия». И это сотрудничество во многих направлениям и разных формах уже осуществляется и будет далее продолжать осуществляться.

Мне хочется еще раз пожелать успеха работе Съезда и помощи Божьей и выразить надежду, что, действительно, в ближайшем будущем партия «Евразия» займет достойное место в политической жизни нашей страны.

Благодарю.

Дорджи-Лама,
координатор Объединения буддистов Калмыкии

«ДАЖЕ ЛОКАЛЬНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ДОСТОЯНИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА...» Выступление на I Учредительном Съезде Политической партии «Евразия» (30 мая 2002 г., Москва)

Уважаемые делегаты и гости съезда!

На сегодняшнем съезде я представляю небольшой народ, богатый своей историей и являющийся потомками Чингисхана.

Современная Калмыкия является единственным представителем буддийской веры в европейской части России, и нам, как никому, понятны и импонируют идеи евразийства.

Необходимо отметить, что у истоков евразийства в 20-е годы стоял и представитель калмыцкой интеллигенции — Эренжен Хара-Даван. Вместе с тем позиции современного евразийства являются также близкими калмыкам по своей нравственной направленности.

Вот уже в течение трех веков мы живем на берегу Волги. Мы сумели сохранить и приумножить свою национальную культуру и, соответственно, самобытность.

И в то же время мы впитали в себя культуру других народов: русских, народов Северного Кавказа. Сегодня, когда республика переживает свое национальное возрождение, мы лишний раз убеждаемся в правильности тезиса Движения «Евразия», о том, что никто не имеет права принуждать народы отказаться от своей уникальности. Мы не хотим унификации в общем плавильном котле, как того желают глобалисты.

Пусть нас мало, но наша история гораздо древнее и богаче, и мы не хотим быть унифицированными по образу американского народа.

Только сохранив свои национальные традиции, народы России смогут противостоять попыткам Запада насадить нам свою идеологию.

Сегодня в республике Калмыкия проживает около 400 тысяч человек, свыше 20 национальностей. 46 % населения составляет коренной народ.

В связи с событиями на Северном Кавказе последние десять лет приток мигрирующего населения значительно увеличился. Но это не сказалось на осложнении межнациональных отношений в республике. Этот факт связан не только с политикой и деятельностью руководства республики, а также и с деятельностью религиозных общин. В республике действуют представители всех традиционных конфессий России. Ведущая роль среди них принадлежит буддизму. Одним из главных буддистских постулатов является толерантность, т.е. терпимость к приверженцам других религиозных конфессий.

Являясь представителями одной из древних мировых религий, мы согласны с тезисом Движения «Евразия», что каждая, даже локальная религиозная традиция или система верований является достоянием всего человечества. Традиционные религии народов, их духовное и культурное наследие, безусловно, заслуживают внимательного и бережного отношения.

Традиционные конфессии России должны пользоваться всесторонней поддержкой Центра в оказании противодействия религиозным экстремистским сообществам — проповедникам нетрадиционных учений и доктрин.

И только объединившись, прислушиваясь к мнению друг друга, мы сможем сохранить мир для наших потомков.

Объединение буддистов Калмыкии выражает полную поддержку идеям партии «Евразия» и считает ее создание своевременным и необходимым для сохранения целостной, единой и неделимой России.

Желаю Вам всем исполнения целей и решения задач, которые провозглашены в программе нашей с вами партии «Евразия».

Благодарю за внимание.

А.С. Шаевич
главный раввин России

Выступление на I Учредительном Съезде Политической партии «Евразия» (30 мая 2002 г., Москва)

Дорогие друзья!

Сердечно благодарю вас за приглашение участвовать в Учредительном Съезде Политической Партии "Евразия". К моему большому сожалению, я не смогу принять личное участие в работе съезда.

Хочу от всей души поздравить организаторов и участников с открытием.

Считаю чрезвычайно важным в сегодняшних условиях объединение и координацию усилий представителей различных конфессий и организаций, которым не безразлична судьба страны, в которой мы живем. Сейчас в России — многонациональном государстве — чрезвычайно важно утверждение политического строя на базе евразийской идеологии, что и является целью создания партии "Евразия".

Я полностью поддерживаю вашу инициативу и уверен, что помощь Вс-вышнего будет сопутствовать этому делу.

Пусть благословение Вс-вышнего всегда пребывает с вами!

С уважением и наилучшими пожеланиями,

главный раввин России
А. С. Шаевич

ОБЗОР ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ (основные понятия, краткая история)

1. Классическое евразийство

Краткая история евразийского движения в 10-30 гг. XX в.

Евразийство — идейное и общественно-политическое течение первой волны русской эмиграции, объединенное концепцией русской культуры как неевропейского феномена, который обладает в ряду культур мира уникальным соединением западных и восточных черт, а потому одновременно принадлежит Западу и Востоку, в то же время не относясь ни к тому, ни к другому.

Несмотря на свой явно выраженный интерес к "предельным", метафизическим проблемам русской и мировой культуры и истории, представители этого течения не были отвлеченными мыслителями и тяготели не столько к философии (культуры и истории), сколько к различным областям конкретного гуманитарного знания. Так, основатели евразийства кн. *Н.С. Трубецкой* (1890 — 1938) — филолог и лингвист, основатель (совместно с *Р.О. Якобсоном*) Пражского лингвистического кружка; *П.Н. Савицкий* (1895 — 1965) — географ, экономист; *П.П. Сувчинский* (1892—1985) — музыковед, литературный и музыкальный критик; *Г.В. Флоровский* (1893 — 1979) — историк культуры, богослов и патролог, *Г. В. Вернадский* (1877—1973) — историк и геополитик; *Н.Н. Алексеев* — правовед и политолог, историк общественной мысли; *В.Н. Ильин* — историк культуры, литературовед и богослов; первоначально к евразийству примыкал и *Бицилли* — историк культуры, филолог, литературовед, кн. *Д. Святополк-Мирский* — публицист, *Эренжен Хара-Даван* — историк. Каждый из названных здесь представителей "классического" евразийства (1921—1929), отталкиваясь от конкретного культурно-исторического материала и опыта (географического, политико-правового, филологического, этнографического, искусствоведческого и т.п.), ссылаясь на него, анализируя и обобщая, обращался к проблематике философии культуры и одновременно — историософии, связанной с диалектикой Восто-

ка и Запада в русской и мировой истории и культуре.

Термин "Евразия" введен *Гумбольдтом,* ученый обозначил им всю территорию Старого Света: Европу и Азию. В русский язык введен географом *В.И. Ламанским* (1833-1914).

Евразийцы призывали бороться с "кошмаром всеобщей европеизации", требовали "сбросить европейское иго". "Мы должны привыкнуть к мысли, что романо-германский мир со своей культурой — наш злейший враг". Так, ясно и недвусмысленно, писал Н. Трубецкой в вышедшей в Софии в 1920 г. программной книге "Европа и Человечество".

В середине 20-х гг. один из лидеров евразийцев Пётр Савицкий предпринимает попытку создания на базе евразийской идеологической платформы *политической организации,* ориентированной на подпольную работу в Советской России.

Савицкий втягивается в организованную ГПУ "Операцию Трест". (Чекисты создали видимость существования в СССР разветвлённой конспиративной организации антибольшевистского толка, основанной на евразийских принципах.) Савицкий несколько раз инкогнито посещает Россию. Крах "Треста" наносит серьёзный удар по идее политической организации евразийства на длительное время.

В 1926 году в Париже начинает выходить газета "Евразия", в которой все яснее проявляется откровенная пробольшевистская направленность движения. С другой стороны, Пражский кружок, объединяющий отцов-основателей (в частности, самого Савицкого, Алексеева), все более тяготеет к консервативным позициям.

Главная ценность евразийства состояла в идеях, одновременно оригинальных и в то же время внутренне родственных глубинным традициям русской истории и государственности. Евразийство рассматривало русскую культуру не просто как часть европейской, но как совершенно самостоятельную цивилизацию, вобравшую в себя опыт не только Запада, но и в равной мере Востока. Русский народ, с этой точки зрения, нельзя относить ни к европейцам, ни к азиатам, он принадлежит к совершенно самобытной евразийской этнической общности. Подобная оригинальность русской культуры и государственности (одновременное присутствие европейских и азиатских элементов) определяет и особый исторический путь России, её национально-государственную программу, не совпадающую с западноевропейской традицией. Причем азиатские истоки для России внутренне ближе западных. Восточность ориентации России евразийцы прежде всего связывали с геополитической сферой, не распространяя ее на религиозную область, где они, как писал П.Н. Савицкий, оставались глубоко "православными людьми", для которых "Православная

церковь есть тот светильник, который им светит".

Евразийство раскалывается, а к середине 30-х годов затухает. Левые евразийцы фактически становятся послушными инструментами Москвы, отказываясь от изначальной оригинальности движения, а правые сосредоточивают свое внимание на узкоспециальных областях — истории, геополитике, экономике и т.д.

Основные положения классического евразийства

Цивилизационный подход

— Запад (Европа) против Человечества

Романо-германская цивилизация выработала особую систему принципов и ценностей, которую она отождествила с системой универсальной. Эта романо-германская система стала навязываться остальным народам и культурам силой и хитростью. Духовная и материальная колонизация Западом всего остального человечества является негативным явлением. Каждый народ и каждая культура имеют внутреннее право развиваться по своей собственной логике. Россия — самобытная цивилизация. Она призвана не просто сопротивляться Западу, отстаивая свой путь, но и стать в авангарде других народов и стран Земли в деле обоснования и защиты своих цивилизационных свобод.

— Критика романо-германской цивилизации

Романо-германская цивилизация в результате секуляризации западного христианства (католицизм, протестантизм) построила особую пост-христианскую систему, ставящую на первое место индивидуализм, эгоизм, конкуренцию, материализм, технический прогресс, потребительские ценности, экономическую эксплуатацию сильными слабых. Эта цивилизация приравняла к "отсталым" культурам не только культуры Востока и Третьего мира, но и незападные направления христианского мира, в частности, Православие. Свое право на глобальность романо-германская цивилизация основывает не духовным величием, но грубо материальной силой, хотя и духовность других народов она оценивает только на основании своих представлений о превосходстве "рассудка" ("рационализм"). Начиная с эпохи Просвещения романо-германская цивилизация вообще встала на путь открытого богоборчества, заменив традицию и поклонению Божеству на превознесение человеческой гордыни. Эта цивилизация глубоко больна, пребывает во внутреннем кризисе, ее материальное преуспеяние скрывает духовное вырождение и упадок. Распространение ее

влияния на другие части света равнозначны волне духовной эпидемии. Романо-германская цивилизация в ее колониально-империалистическом выражении (а другого она исторически не знает) является "угрозой человечества" и противоречит всем остальным моделям цивилизаций, так как отказывает им в праве на существование.

Пространственный фактор

— Теория месторазвития

Географическое пространство в огромной (подчас в решающей) степени влияет на культуру и национальную историю народов. Каждый народ, развиваясь в определенной географической среде, вырабатывает свою национальную, этическую, правовую, языковую, обрядовую, хозяйственную и политическую формы. "Место", где происходит "развитие" народа или государства, в значительной степени предопределяет траекторию и смысл этого "развития" — вплоть до того, что они становятся неотделимыми. Нельзя отрывать историю от пространственных условий, и анализ цивилизации должен проходить не только по временной оси ("раньше", "позже", "развитые" нации, "неразвитые" нации и т.д.), но и по пространственной ("восток", "запад", "пустыни", "горы" и т.д.). Универсальной модели развития не существует, многообразие ландшафтов Земли порождает многообразие культур, каждая из которых имеет свои циклы, свои внутренние критерии, свою логику. Никакое месторазвитие не имеет права претендовать на то, чтобы быть эталоном для остальных. Каждый народ имеет свою модель развития, свое "время", свою "рациональность" и должен быть понят и оценен исходя из внутренних оригинальных критериев.

— Географический детерминизм

Климат Европы, миниатюрность ее пространств, влияния ее ландшафтов породили специфическую европейскую цивилизацию, в которой преобладают влияние леса (Северная Европа) и побережья (Средиземноморье). Другие ландшафты породили другие типы цивилизаций: степные массивы — кочевые империи (от скифов до тюрок), пустыня — аравийскую (исламскую) цивилизацию, лессовые почвы — китайскую, островное высокогорье — японскую, слияние леса и степи — русско-евразийскую. Отпечаток ландшафта лежит на всей истории каждой из этих цивилизаций и не может быть преодолен или изжит.

Государство и нация

— Неославянофильство

Первые русские славянофилы XIX века (Хомяков, Аксаков, Киреевский) настаивали на том, что русская (славянская, православная) цивилизация является уникальной и самобытной. Она нуждается в защите, сохранении и укреплении перед лицом Запада, с одной стороны, и либерального модернизма (также идущего с Запада), с другой. Славянофилы утверждали ценность традиций, величие древности, любовь к русской старине и указывали на "темные стороны" прогресса, на тупиковость материализма и нигилизма, на чуждость многих аспектов западной модели для России. Поздние славянофилы (Данилевский, Леонтьев, В.И. Ламанский — ввел понятие "Евразии") считали, что Россия не просто должна отстоять свою самобытность, но и закрыться перед лицом Запада, общий баланс влияния которого на Россию расценивался как в целом совершенно негативный (в отличие от первых славянофилов, которые были в этих оценках осторожнее). Евразийцы унаследовали от этой философской школы позиции поздних славянофилов, еще более развили их тезис в смысле позитивной оценки влияний Востока. У евразийцев (Савицкий) русская самобытность не просто "нуждается в защите и изоляции", но должна быть активно противопоставлена романо-германской цивилизации и стать оплотом для освободительного движения всего человечества. Миссия России универсализируется.

— Туранский фактор

Россия сложилась как самостоятельная цивилизация при сочетании собственно славянского начала с туранским. Наследие монголо-татарского периода было тем важнейшим элементом русской истории, который превратил несколько периферийных раздробленных восточно-славянских княжеств в остов мировой империи. Те сектора Киевской Руси, которые подпали в XIII веке под европейское влияние, постепенно растворились в нем, утратив политическую и культурную самостоятельность. Те земли, которые вошли в состав Орды, позже стали ядром континентальной империи. Татары сохранили духовную самобытность Древней Руси, которая воскресла в Московском Царстве и вступила в "наследие Чингизхана" (название книги кн. Н.С. Трубецкого). Евразийцы первыми среди русских философов и историков переосмысли туранский фактор в положительном ключе, распознав в диалектике русско-татарских отношений живой исток евразийской государственности.

— Диалектика национальной истории

Национальная история России диалектична. В Киевской Руси мы встречаем первые интуиции будущего мессианства (митр. Илларион), но это типичное восточно-европейское слабое государство, находящееся на северной периферии Византии. Монгольские завоевания не разруша-

ют цветущую Русь, но устанавливают контроль над разрозненными восточнославянскими областями, находящимися в вечных усобицах. Миф о Киевской Руси созревает в монгольскую эпоху, как ностальгия по "золотому веку" и имеет "проектный", "мобилизующий" характер для будущего державного возрождения. Московское Царство представляет собой высший подъем русской государственности. Национальная идея получает новый статус: после отказа Москвы от признания Флорентийской унии (заточение и изгнание митр. Исидора) и скорого падения Царьграда Русь берет на себя эстафету православного царства. Москва становится Третьим (последним) Римом. Параллельно происходит освобождение от власти Орды. Москва во второй половине XV века получает и политическую независимость и по-новому сформулированную религиозную миссию. 200 лет Московского царства — расцвет Святой Руси. Раскол XVII века отмечает конец этого периода. Раскол имеет не только церковное, но и геополитическое, и социальное значение. Россия обращается к Европе, аристократия стремительно отчуждается от народных масс. Прозападное (полукатолическое или полупротестантское) дворянство на одном полюсе, архаичные народные массы, тяготеющие к староверию или национальным формам сектантства, с другой. Евразийцы называли петербуржский период "романо-германским игом". То, от чего уберегла русских Орда, случилось через Романовых. Романовская система, простояв 200 лет, рухнула, и на поверхность вылилась донная народная стихия. Большевизм был распознан евразийцами как выражение "московской", "дораскольной", собственно "евразийской" Руси, взявшей реванш над "романо-германским" Санкт-Петербургом. Под экстравагантным идейным фасадом марксизма евразийцы распознали у русских большевиков национальную и имперскую идею. Будущее России евразийцы видели в "преодолении большевизма" и в выходе на магистральные пути евразийского державостроительства — православного и национального, но сущностно отличного от петербуржской эпохи, а тем более, от любых форм копирования европейской "либерал-демократии".

Политическая платформа

— Идеократия

Государство, общество, народ, каждый конкретный человек должен служить высшей духовной цели. Материальные условия земного существования не могут и не должны быть самоцелью. Богатство и процветание, сильная государственность и эффективное хозяйство, мощная армия и развитая промышленность должны быть средством достижения высших идеалов. Смысл государству и нации придает только существование

"идеи-правительницы". Политический строй, предполагающий постановку "идеи-правительницы" в качестве высшей ценности, евразийцы называли "идеократией" — от греческого "идея" и "кратос" ("власть"). Россия всегда мыслилась как Святая Русь, как держава, исполняющая особую историческую миссию. Евразийское мировоззрение и должно быть национальной идеей грядущей России, ее "идеей-правительницей". Этой идее-правительнице должны быть подчинены остальные аспекты политики, экономики, общественного устройства, промышленного развития и т.д.

— Евразийский отбор

Россия-Евразия как выражение лесостепной империи континентального масштаба требует особой модели управления на основании особого "отбора". Этот "евразийский отбор" осуществляется на основании особой этики, соответствующей ландшафтным условиям. Это этика коллективной ответственности, бескорыстия, взаимопомощи, аскетизма, воли, выносливости, беспрекословного подчинения начальству. Только такие качества могут обеспечить сохранение контроля над обширными слабозаселенными землями евразийской лесостепной зоны. Правящий класс Евразии формировался на основе коллективизма, аскетизма, воинских добродетелей, строгой иерархии. Формализация этих принципов легла в основу свода законов Чингизхана — "Яса". Позже основные мотивы "евразийского отбора" воплотились в политическом устройстве Московской Руси. При любых идеологических фасадах реальный механизм управления Россией-Евразией естественно тяготеет к логике "евразийского отбора".

— Демотия

Западная демократия сложилась в специфических условиях древних Афин и через много веков островной Англии. Эта демократия отражает специфические характеристики европейского "месторазвития". Эта "демократия" не является универсальным мерилом. Иные "месторазвития" предполагают иные формы соучастия народов в политическом управлении; все они различаются как по формальным, так и по сущностным признакам. Для России-Евразии копирование норм европейской "либеральной демократии" бессмысленно, невозможно и вредно. Соучастие народа России в политическом управлении должно называться иным термином — "демотия", от греческого "демос" — "народ". Это соучастие не отвергает иерархии, не должно быть формализовано в партийно-парламентских структурах. "Демотия" предполагает систему земских советов, уездных и национальных (в случае малых народов) представительств. "Демотия" развивается на основах общинного самоуправления, крестьянского "мира". Пример "демотии" — выборность настоятеля Церкви прихожанами

в Московской Руси. Если "демократия" формально противоположна автократии, то "евразийская демотия" вполне может сочетаться с "евразийским авторитаризмом".

II.Творчество Л.Н.Гумилева как развитие евразийской мысли

Лев Николаевич Гумилев (1912 — 1992), сын русского поэта *Н.Гумилева* и поэтессы *А.Ахматовой*, этнограф, историк, философ. Участник многих экспедиций в Азию. Неоднократно арестовывался. Участник Великой Отечественной войны. В 1965 году вышла работа "По поводу предмета исторической географии", в которой он впервые изложил свою теорию этноса. В 1976 г. закончил написание "Этногенез и биосфера Земли". В 1989 году вышло его произведение "Древняя Русь и Великая Степь". Умер в 1992 году.

Большое влияние на Гумилева оказала книга калмыка-евразийца Э.Хара-Давана "Чингиз-хан как полководец" и труды П.С. Савицкого. В своем творчестве Л. Гумилев развивает основные тезисы евразийства. В конце жизни называл себя "последним евразийцем".

Основные моменты теории Гумилева:

— *теория "пассионарности" как развитие евразийского идеализма.*

Гумилев принимал основные историко-методологические выводы евразийцев. Однако у них он не находил ответа на главный для себя вопрос: что является причиной положительной или отрицательной комплиментарности между этносами? Дело, на его взгляд, заключалось в том, что этносы, как природные образования, подвержены воздействию неких "энергетических импульсов", исходящих из космоса и вызывающих "эффект пассионарности", т.е. высшей активности, сверхнапряжённости. В таких случаях этносы претерпевают "генетические мутации", приводящие к зарождению "пассионариев" — людей особого темперамента и дарований. Они и становятся создателями новых этносов, культур и государств.

— *фиксация научного внимания на протоистории "кочевых империй" Востока и открытие колоссального этнического и культурного наследия автохтонов Древней Евразии*, вполне сопоставимого с величайшими культурами Древности, но незаслуженно забытого (хунны, тюрки, монголы и т.д.);

— *развитие тюркофильского подхода в теории "этнической комплиментарности"*.

Этнос — это вообще всякая совокупность людей, "коллектив": народ, народность, нация, племя, родовой союз, основанный на общности исторической судьбы. У всякого этноса есть начало и конец; он рождается, мужает, стареет и умирает. Вместе с тем ни один этнос, ни один народ "не живёт одиноко". Между ними существуют многообразные этнические контакты, которые обусловливаются наличием соответствующей "комплиментарности", симпатии, дружественности. У русских такая комплиментарность легко установилась с "монголоидами", но была страшно затруднена с европейцами, в особенности с католиками. "*Наши предки великорусы, — писал Гумилев, — в XV-XVI-XVII веках смешивались легко и довольно быстро с татарами Волги, Дона, Оби и с бурятами, которые восприняли русскую культуру. Сами великорусы легко растворялись среди якутов, объякутивались и постоянно по-товарищески контактировали с казахами и калмыками. Женились, безболезненно уживались с монголами в Центральной Азии, равно как и монголы и тюрки в XIV-XVI веках легко сливались с русскими в Центральной России*". Поэтому историю Московской Руси нельзя рассматривать вне контекста русско-татарских этнических контактов, истории евразийского континента.

III.Появление неоевразийства: историко-социальный контекст

Кризис советской парадигматики

К середине 80-х годов советское общество стало утрачивать связность и адекватность рефлексии и саморефлексии. Модели советского самосознания рушились. Общество теряло ориентацию. Все чувствовали необходимость перемен, но это ощущение было смутным, и никто не знал в каком направлении их ждать. В тот период сформировалась маловразумительная линия водораздела: "силы прогресса" и "силы реакции", "реформаторы" и "защитники старого", "сторонники реформ" и "противники реформ". Вопрос ставился таким образом: одни утверждали, что советская система находится в кризисе, другие продолжали настаивать, что никакого кризиса нет. Так как все вращалась вокруг такой (довольно фиктивной) проблемы, о содержании "реформ", об их ориентации, об их соотношении с другими историческими этапами никто не задумывался. Показательно, что "реакционные" и "антиреформаторские" силы давно утратили связную мировоззренческую систему (на основе марксизма и советизма) и, действительно, противились "реформам", скорее, по инерции, чем по убеждению.

Увлечение западными моделями

В такой ситуации термин "реформы" "сам собой" стал синонимом "либерал-демократии". Из факта кризиса советской системы был сделан по-

спешный и неаргументированный вывод об *очевидном превосходстве западной модели и о необходимости ее скопировать.* На теоретическом уровне это совершенно неочевидно, поскольку "карта идеологий" имеет гораздо более разнообразную систему выбора, нежели примитивный дуализм: социализм — капитализм, Варшавский договор — НАТО. Однако возобладала именно примитивная двоичная логика: "сторонники реформ" стали безусловными апологетами Запада, логике и структуре которого они ускоренно обучались, "противники реформ" выступали как инерциальные защитники позднесоветского уклада, логика и структура которого все больше ускользала от них самих. В такой неравновесной ситуации на стороне реформаторов-западников был энергетический потенциал, новизна, ожидания перемен, созидательный импульс, перспектива, у "реакционеров" оставалась инерция, косность, апелляции к привычному и знакомому. Именно в такой психологической и эстетической оболочке западная либерал-демократическая модель политически возобладала в России 90-х, хотя ясного и сознательного идеологического выбора никому осуществить не дали. Западничество и либерал-демократия установились в России конца 80-х — начала 90-х "под шумок", под слишком общим и неконкретным лозунгом "за реформы!" (без пояснения того, за *какие* именно реформы). Со стороны определенной части "реформаторов" это была сознательная хитрость, для большинства населения — очевидная подмена свободного выбора, т.е. *манипуляция*.

Распад государственности

Результатом "реформ" стал распад советской государственности и начало распада России как остатка СССР. По мере разрушения советской системы и "советской рациональности" *новой системы и новой рациональности, адаптированных к национальным и историческим условиям, не создавалось.* Постепенно к России и национальной истории возобладало специфическое отношение: прошлое, настоящее и будущее России стали рассматривать *с западной точки зрения*, оценивать как нечто внешнее, постороннее, отчужденное ("эта страна" — типичное выражение "реформаторов"). *Это был не взгляд из России на Запад, но взгляд на Россию с Запада.* Неудивительно в такой ситуации, что заимствование западных механизмов даже в теории "реформаторов" было призвано не создать и укрепить национальную структуру государственности, но разрушить последнее. Деструкция Государства была не случайным результатом "реформ", но фактически, одной из их стратегических задач.

Зарождение антизападнической (антилиберальной) оппозиции в постсоветских условиях

По мере развития "реформ" и их "углубления" неадекватность простой реакции стала очевидна для многих. В этот период (1989-90) стала формироваться "национально-патриотическая оппозиция", куда вошли часть "советских консерваторов" (способная к минимальной рефлексии), ряд "реформаторов", разочаровавшихся в "реформах" или "осознавших их антигосударственную направленность", ряд представителей патриотического движения, сформировавшегося уже в перестройку и пытающегося оформить державные эмоции в некоммунистическом контексте (православно-монархическом, националистическом и т.д.) С серьезным опозданием и при полном отсутствии внешней стратегической, интеллектуальной и материальной поддержки стала хаотически складываться концептуальная модель *постсоветского патриотизма*.

Неоевразийство

Неоевразийство возникло как идеологическое и политическое явление *в этом контексте*, став постепенно одним из основных направлений патриотического самосознания в постсоветской России, наряду (а подчас и вместе) с инерциальным советизмом (КПРФ, РКРП, "Трудовая Россия"), маргинальным монархизмом и смутным национализмом (ЛДПР).

IV Этапы развития неоевразийской идеологии и побочные течения

1 этап (1985-90 гг.): "правое неоевразийство" в русле национал-консервативного течения

На этом этапе стало складываться «правое евразийство», в контексте некоммунистических патриотических кругов. В полемическом поле той эпохи данные направления были «демонизированы» либерал-реформаторами и не поддержаны коммунистическим истеблишментом. Отношение к этим группам со стороными властей и СМИ было подчас крайне негативным, поэтому их образ был сильно искажен. Вместе с тем, следует признать, что многие проекты этих групп, казавшиеся «экстремальными», были реализованы на практике в самом близком будущем и вполне политкорректными инстанциями. В конце 80-х бурю негодования вызывала, например, идея национал-патриотов о восстановлении Храма Христа Спасителя, о необходимости повсеместного восстановления церквей, о канонизации царской семьи, о возвращении дореволюционной церковно-монархической культуры и преподовании русской истории вне советской марксистско-материалистической традиции, о введении в армии должно-

сти «полковых священников» и т.д.. Такие «консервативные» тенденции единодушно клеймились и реформаторами, и советскими консерваторами как «черносотенство». И тем не менее, все это стало общепризнанным фактом в самое ближайшее время, хотя инерция демонизации групп, инициировавших данные предложения, сохранилась до сегодняшнего дня и отношение к ним явно необъективно.

В этом контексте становления «национал-консервативного» движения стали складывать первые группы «неоевразийцев».

1989 г. появляются первые неоевразийские публикации в журнале "Советская Литература" (А.Дугин "Конец пролетарской эры"), осуществляется издание альманаха "Континент-Россия" (1989), печатаются статьи А. Дугина "Континент-Россия", "Подсознание Евразии" и т.д.. Выход в Италии книги: A. Dughin "Continente Russia" (1989) в Испании A. Dughin "Rusia: Misterio de Eurasia" (1990).

В этот же период осуществлены первые публикации классиков традиционализма. В 1990 г. выходит 1-е издание "Кризиса современного мира" *Р. Генона* с развернутыми комментариями А. Дугина и книги А. Дугина "Пути Абсолюта" с изложением основ традиционалистской философии.

В этот период неоевразийство носит "*право-консервативный*" характер, близкий к историческим традиционалистам, с элементами православно-монархическими, "почвенно-этническими", с жесткой критикой "левой" идеологии.

На этом этапе с Дугиным «евразийство» разделяет *Г. Джемаль*, который позже откажется от этой позиции в пользу "исламизма". С Гумилевым (последние годы жизни) и его последователями прямых пересечений нет.

Этот период становления «неоевразийства» характеризуется преобладанием метафизических, философских, теоретических , религиоведческих исследований, лекций, публикаций. Основной акцент падает на традиционализм.

2 этап (1991-1993гг.): неоевразийство сближается с патриотической оппозицией

Оказавшиеся в сложном идеологическом положении коммунисты-консерваторы срочно ищут *эрзац-идеологию*. После неудавшегося путча 1991 г. *Зюганов* сближается с Дугиным, а главный редактор «Дня» А.*Проханов* транслирует отдельные евразийские идеи Зюганову. Так постепенно складывается "красно-белая" оппозиция (уничижительно названная "красно-коричневой"). Она становится вначале идейной платформой "Фронта Национального Спасения", потом ложится в основу программы КПРФ. В качестве общего знаменателя, позволяющего осуществить такое сочетание идей, выступает именно *евразийская парадигма*.

В кругах неоевразийцев в этот период происходит относительный пересмотр "антикоммунизма", свойственного первому этапу неоевразийства и переоценка "советского периода" в духе исторических национал-большевиков («сменовеховцев») и "левых евразийцев".

В этот период выходит серия статей в патриотических газетах и журналах «День», "Наш Современник", "Советская Россия". Появляются первые публикации, посвященные геополитике (А. Дугин "Великая война континентов", 1992), сакральной географии, традиционализму, консервативной революции. Это было время бурного развития неоевразийства, множества публикаций, семинаров, лекций, круглых столов, симпозиумов, дискуссий и т.д. Вокруг неоевразийского направления, как вокруг непроявленной оси, выстраиваются серьезные политические проекты.

В Москву в эти годы приезжают теоретики европейских "новых правых" (*А. де Бенуа, Р. Стойкерс, Ж. Тириар, К. Террачано, М. Баттарра, К. Мутти* и т.д.). Это консервативное направление современной европейской мысли оказывается в резонансе идейным поискам неоевразийцев. Европейские «новые правые» (в отличие от англо-саксонских) сочетают консервативные ценности с социальным динамизмом и авангардом, испытывают явные симпатии к левым моделям экономики, начисто лишены антикоммунизма, отличаются русофильскими тенденциями. Интенсивный диалог неоевразийцев с этими кругами существенно обогащает их концептуальный багаж, куда интегрируются современные геополитические, социологические, политологические, философские, религиоведческие, экономические теории, активно развиваемые в идейных лабораториях «европейских новых правых». Определенное влияние «новые правые» оказывают и на коммунистические круги (в совместных с ними семинарах участвуют Г.Зюганов, Е.Лигачев, В.Чикин и т.д.).

В это время Г. Джемаль отходит от неоевразийства, концентрируется на чисто исламистской политико-религиозной деятельности, становится активистом «Исламской Партии Возрождения» (развязавшей в Таджикистане кровавую гражданскую войну), вовлекается в «салафитские» («вахабитские») круги на Кавказе.

Постепенно неоевразийство становится популярным в патриотической оппозиции и среди интеллигенции. Показательно, что в этот период осуществляется первая попытка пересмотреть евразийство в либерал-демократическом ключе. Ряд умеренных "демократов" пытаются выдвинуть проект "демократического евразийства" (*Г. Попов, С. Станкевич, Л. Пономарев*). Основанием для этого служит определенная путаница терминов — известный правозащитник *А. Сахаров* тоже говорил о Евра-

зии, но не в философском, политическом и геополитическом смыслах, а в чисто географическом (он никогда не обращался к "евразийству" как таковому, так как был убежденным "атлантистом"). К понятию «Евразия» Саханов прибегал прагматически в русле своей антикомунистической деятельности. Поскольку полное разрушение СССР тогда казалось чем-то немыслимым, Сахаров призывал к тому, чтобы признать за СССР чисто территориальный, географический статус с параллельным отказом от советской идеологии. Никакого отношения к идейному евразийству первой половины XX века или к неоевразийству это не имело. «Демократические евразийцы» пытались использовать тот же самый ход мысли из опасения, что слишком быстрый слом советизма породит на постсоветском пространстве очаги радикального национализма и архаического консерватизма. Такой подход носил определенные «социал-демократические» черты. С этой же стороны к "демократическому евразийству" подошли и некоторые активисты Горбачев-фонда (в частности, *Г. Шахназаров)*. Серьезного теоретического и практического развития эта линия не получает.

Показательно, что перед расстрелом "Белого Дома" в 1993 г. глава Парламента *Р. Хасбулатов* и глава Конституционного Суда (*В.Зорькин*) заявили в интервью газете «День» о том, что являются сторонниками именно «евразийства" (в смысле «Дугина-Проханова-Зюганова»).

О своем «евразийстве» говорят в этот период такие полтики как *О. Лобов, О. Сосковец, С. Бабурин.*

В 1992-93 гг. осуществлен выпуск первых 3 номеров теоретического жеурнала"Элементы. Евразийское Обозрение", где закладываются теоретические основы неоевразийской теории, публикуются многочисленные материалы и переводы по геополтике, традиционализму, теориям «новых правых» и т.д.

Тогда же начинается преподавание геополитики и основ евразийства в высших учебных заведениях и на многочисленных семинарах и лекциях.

3 этап (1994-1998гг.): теоретическое развитие неоевразийской ортодоксии

После серьезного поражения национально-патриотической оппозиции в 1993 г.неоевразийство начинает постепенно приобретать значение самостоятельного направления. Делается серьезный вывод о том, что прагматического и фрагментарного усвоения неоевразийских тем в общем русле национал-патриотической политики (КПРФ, ЛДПР и т.д.) явно недостаточно, а основные силовые линии и организации не обладают достаточной степенью исторической субъектности, необходимой для полноценной реализации Евразийского Проекта.

В такой ситуации неоевразийцы концентрируют основные усилия на более тщательном развитии основных теоретических направлений —геополитика, философия истории, религиоведение. В эти годы осуществляется публикация основных работ А.Г.Дугина — "Мистерии Евразии" (1996), "Конспирология" (1994), "Метафизика Благой Вести" (1996), "Основы Геополитики. Геополитическое будущее России" (1997), "Консервативная революция" (1994), "Тамплиеры пролетариата" (1997), издание в издательстве "Аграф" трудов Н.С.Трубецкого, Г.В.Вернадского, Н.Н.Алексеева, П.Н.Савицкого (1995-1998 гг.) с комментариями А.Г.Дугина.

В 1996 начинается активная деятельность неоевразийцев в Интернете. Осуществляется создание евразийского философского портала "Арктогея" — www.arctogaia.com.

В этот период можно отметить наличие прямых и косвенных обращений к "евразийству" в программных документах КПРФ, ЛДПР, НДР (т.е. левых, правых и центристов), а также увеличение объема публикаций на тему "евразийства". Важная деталь: интерес к евразийскому наследию, как правило, ограничивается уровнем историографии. Попыток реактуализации евразийства как мировоззрения, фиолософии, политического учения, исторического метода практически никем не предпринимается.

Вместе с тем набирает силу критика "евразийства" со стороны националистов, православных «фундаменталистов» и коммунистов-ортодоксов. В рамках самого патриотического движения постепенно складываются три позиции по отношению к евразийству: отождествление с этой идеологией (сами неоевразийство), фрагментарное заимствование отдельных положений (КПРФ, ЛДПР), жесткое отрицание евразийства (с ортодоксально коммунистичсеких позиций у крайне левых, с православно-монархических и расистских позиций у крайне правых, с гуманистически-западнических позиций у «патриотов-демократов» — С.Е.Кургинян).

Тогда же происходит появление "академического" смягченного неоевразийства (проф. *А.С. Панарин*) — с элементами просвещенческой парадигмы (отрицаемой в евразийской ортодоксии) — которое эволюционирует в сторону радикализации антизападных, антилиберальных, антиглобалистских позиций. Основные работы А.С. Панарина печатаются в это время.

В этот период складываются основные направления тюркско-туранского понимания евразийства, окрашенного в разной степени в русофобские тона. От классического наследия евразийцев берется только тюркофилия (действительно там присутствующая), но сочетается она с пантуранизмом и стремлением максимальной автономизации от федерального центра. Показательно, что в Татарстане евразийство развивают бывшие идеологи ТОЦ, националистической, антирусской, сеператистской организаци.

Иная модель «евразийства» складывается в Казахстане. Носителем этой модели выступает Президент Назарбаев, который выступает, с одной стороны, за вполне пантуранское сближение с тюркским миром, но в то же время подчеркивает свои интеграционные намерения в отношении Москвы. В этом русле происходит знаковое событие — открытие Университета им. Л.Н. Гумилева в Астане.

В эти же годы в качестве крайне левого политико-молодежного проекта некоторые неоевразийцы (в духе сменовеховства и левого евразийства Н.Устрялова) участвуют в создании "НБП", выпуске молодежной газеты "Лимонка". Задача: предложить российской молодежи (потерянному поколению) незападные, автохтонные формы творческого самовыражения. Когда в 1996-1997 гг. происходит резкая деградация НБП и ее эволюция от эстетико-интеллектуального течения в "политико-хулиганское", неоевразийцы идут на полный разрыв и позиционируют себя окончательно как совершенно самостоятельное явление.

4 этап (1998-2001): неоевразийство становится центристской политической позицией, превращается в самостоятельное направление ("Арктогея", "Новый Университет", "Евразийское Вторжение").

Неоевразийская мысль этого периода сосредоточена на углубленном развитие геополитической методологии, применении ее к анализу конкретных политических и международных явлений. Параллельно с уточнением отдельных теоретических сторон геополитической дисциплины разрабатываются схемы и модели ее более конкретного применения.

В религиозной сфере на этом этапе происходит углубленное изучение старообрядческого наследия в лоне русского Православия, развивается идея о фундаментальном значениеи русского раскола для логики всей национальной истории.

В политике этот этап знаменуется окончательным переходом *на центристские позиции*, что выливается практически в поддержке Е.М.Примакова.В 1998 г. лидер неоевразийцев А.Г. Дугин становится советником спикера Госдумы Г.Н. Селезнева.

В 1998 году осуществлено издание евразийской брошюры А.Дугина "Наш Путь" (1998), позже переизданной как «Евразийский Путь» (2002). Осуществляется регулярное издание "Евразийского Вторжения" как приложения к газете "Завтра", хотя зазор между КПРФ-ской и часто экстремистской позицией редакции «Завтра» и неоевразийцами все более увеличивается (как по основополагающим, так и по частным вопросам). В 2001 г. выходит двухтомник А.Г.Дугина "Русская Вещь", где дается обширная панорама неоевразийского подхода к самым различным областям — политологии, экономики, истории религий, литературе критике, искусствоведению, геополитике, социологии и т.д. Публикуются многочисленные статьи и интервью в прессе — "Независимая Газета", "Московские Новости", «Литературная Газета». В 1998 г. Дугин выпускает цикл музыкально-философских программ на Радио 101 "Finis Mundi"; в течение 1998 — 1999 г. ведет еженедельную часовую программу по неоевразийству и геополитике на радио "Свободная Россия".

В 2000 г. А.Г.Дугин делает последнюю попытку встроить неоевразийскую мировоззренческую парадигму в параллельный политический проект, принимая активное участие в разработке теоретической программы левоцентристского движения «Россия» (Лидер Г.Н.Селезнев), входит на начальных этапах в Центральынй Совет Движения. Несмотря на симпатию Г.Н.Селезнева к евразийству серьезных политических последствий эта инциатива не получает. С этого момента неоевразийские структуры, организовавшиеся на более формальной основе в ходе участия в создании движения «Россия», берут курс на самостоятельное политическое проявление.

С момента назначение В.В.Путина и.о. Премьера неоевразийцы заявляют о его политической поддержке. Центристские тенденции укрепляются. Они подкреплены серьезными выводами, полученными в процессе многолетнего и теснейшего сотрудничества с оппозицией относительно исторической бесперспективности этого направления и убежденности в том, что евразийский курс в современных условиях может реализоваться лишь в эволюционном, а не в революционном формате (что представлялось вероятным на предыдущих этапах).

В 2001 г. Путин оправдывает ожидания евразийцев, провозглашая вместе с главами стран "таможенного союза" в Бишкеке образование»Евро-Азиатского Экономического Содружества». В дополнение к этому в Брунее Президент Путин делает серьезное заявление: «Россия — евроазиатская страна".

В 2000 году предпринимаются первые попытки узурпировать евразийскую идеологию со стороны группы исламистов-ваххабитов (*А.-В. Ниязов*) В 2001 провозглашается создание эфемерной "Евразийской партии России". Г.Джемаль, со своей стороны, формулирует критику "евразийства" с позиций радикального исламизма.

5 этап (2001-2002): создание ОПОД "Евразия" на позициях "Радикального Центра", декларация о полной поддержке Президента РФ В.В. Путина

В октябре 2000 года неоевразийцы принимают решение о придании

движению статуса Общероссийского Политического Общественного Движения «Евразия», с января 2001 года это решение переходит к стадии окончательных организационных мер.

21 апреля 2001 в Москве проходит Учредительный съезд ОПОД «Евразия». О вхождении в "Евразию" объявляет глава ЦДУМа, шейх-уль-ислам Талгат Таджуддин. ОПОД «Евразия» заявляет о своей центристской ориентации (Радикальный Центр), о поддержке Президента РФ В.В.Путина.

В мае 2001 г. ОПОД «Евразия» официально зарегистрировано Минюстом. Начинается регулярный выпуск газеты "Евразийское Обозрение".

В июне 2001 г. в Москве (Президент-отель) ОПОД «Евразия» проводит международную конференцию "Угроза ислама — угроза исламу?", где подробно вскрываются противоречия между *традиционным исламом* (лояльным России и евразийству) и *радикальным исламизмом,* который, напротив, идейно и геополитически является источником террора, дестабилизации, подрывной антироссийской деятельности. В ходе конференции особое внимание уделяется структурам «Аль-Каеды», Бин Ладену, движению талибан, а также вскрывается информация о наличие ответвлений этого радикального направления в России.

В 2002 г. совместно с издательством «Аграф» продолжается публикация классиков евразийства. Выходят книги Э. Хара-Давана («Русь монгольская») и Я. Бромберга («Евреи и Евразия») с комментариями А.Г.Дугина и других современных евразийцев (в частности, израильского неоевразийца А.Эскина). В декабре 2001 года принято решение о начале преобразования ОПОД «Евразия» в Политическую Партию. Это решение официально подтверждено на расширенном заседании Политсовета ОПОД «Евразия» 1 марта 2002 г. в «Президент-отеле» в Москве.

В этот период выходят теоретические материалы "Евразии" — "Евразийство: от теории к практике", «Евразийский взгляд", "Геополитика террора", "Материалы VI Всемирного Русского Народного Собора", «Евразийский Путь» и т.д.

Растет количество региональных организаций и их численность. Многие региональные отделения имеют свои интернетовские и печатные издания, проводят активную самостоятельную деятельность как теоретического, так и политико-практического характера.

6 этап (2002): учреждение политической партии "Евразия"

30 мая 2002 в Москве в Свято-Даниловом монастыре состоялся Учредительный (преобразовательный) съезд Политической Партии «Евразия». Приняты «Программа» и «Устав», проведены выборы лидера партии

(А.Г.Дугин) и членов Политсовета.

24 июня 2002 г. — вручение регистрационного свидетельства Минюста РФ. Регистрация партии "Евразия".

V Основные философские положения неоевразийства

Неоевразийство теоретически состояло в возрождении классических принципов этого движения на качественно новом историческом этапе и в превращении этих принципов в основу идеологической, мировоззренческой и политической программы. Наследие евразийской классики было взято мировоззренческого основания для идейной (политической) борьбы в пост-советский период, в качестве духовно-политической платформы "интегрального патриотизма" (по ту сторону деления на "красных" и "белых"). Эта идеологическая, мировоззренческая и политическая актуализация принципиально отличает неоевразийство от трудов историков, занимавшихся евразийством как идейным и социально-политическим феноменом прошлого. "Археологией" и библиографией евразийства, а также развитием взглядов Льва Гумилева строго в рамках исторической науки занимались разные группы (*Кожинов, Новикова, Сизямская, Шишкин, Ключников, Балашов*). Но активно и адресно взяли евразийство на вооружение — единицы. Их-то и следует называть в строгом смысле "неоевразийцами".

Неоевразийцы объединили основные положения классического евразийства, приняли их в качестве платформы, отправной точки, теоретической базы и основы для дальнейшего развития и практического применения.

В теоретической области неоевразийцы значительно развили основные принципы классического евразийства с учетом широкого философского, культурного и политического контекста идей XX века.

Каждое из основных положений евразийской классики (см. "Основные положения классического евразийства") получило концептуальное развитие.

Цивилизационный подход

Тезис кн. Н.С.Трубецкого "*Запад (Европа) против человечества*" дополняется германской политической философией (*О.Шпенглер, В.Зомбарт, К.Шмитт, А.Мюллер ван ден Брук, Л.Фробениус, Э.Юнгер, Ф.Юнгер, Ф.Хильшер, Э.Никиш* и т.д.), европейским традиционализмом (Р.Генон, *Ю.Эвола, Т.Буркхардт, Ф.Шуон, Г. да Джорджо* и т.д.), "новой левой" критикой западного капитализма (*Ж.Батай, Ж.-*

П.Сартр, Г.Дебор, М.Фуко, Ж.Делез), марксистской критикой "буржуазного строя" (*А.Грамши, Д.Лукач* и т.д.), европейскими "новыми правыми" (А.де Бенуа, Р.Стойкерс и т.д.). Критика западного буржуазного общества с "левых" (социальных) позиций накладывается на критику того же общества с "правых" (цивилизационных) позиций. Евразийская идея "отвержения Запада" подкрепляется широким арсеналом "критики Запада" представителями самого Запада, не согласных с логикой его исторического пути (по меньшей мере, в последние несколько столетий). К идее слияния самых разных (подчас политически противоположных) концепций отрицания западной цивилизации в качестве "нормативной" неоевразийцы приходят не сразу, но постепенно с конца 80-х до середины 90-х.

В "критический анализ романо-германской цивилизации" вносится важный акцент, поставленный на критику приоритетно *англосаксонского мира*, США. В духе немецкой Консервативной Революции и европейских "новых правых", "западный мир" *дифференцируется* на атлантические США + Англию и континентальную (собственно, романо-германскую) Европу, где континентальная Европа рассматривается как явление нейтральное и способное к позитивному сотрудничеству. Термин "романо-германский" в неоевразийстве не употребляется (в отличие от классического евразийства), намного чаще говорится об "атлантизме", "англо-саксонском мире", "мондиализме" ("глобализме"), "новом мировом порядке", "планетарном либерализме".

Пространственный фактор

Тезисы "месторазвитие" и "географический детерминизм" получают фундаментальное базовое парадигмальное значение, сопрягаются с "пространственным мышлением", "синхронизмом", отказом от идеи "универсальной истории", от историцизма в целом.

Неоевразийство выдвигает идею тотальной ревизии истории философии с позиций "пространства". В этом обобщаются самые разнообразные модели циклического взгляда на историю — от *И.Данилевского* до О.Шпенглера, А.Тойнби и Л.Гумилева.

Наиболее полного выражения этот принцип получает в контексте традиционалистской философии, которая радикально отвергает идеи "эволюции" и "прогресса" и развернуто обосновывает это отвержение подробными метафизическими выкладками. Отсюда традиционная теория "космических циклов", "множественного состояния бытия", "сакральная география" и т.д. Основные принципы теории циклов развернуто представлены в трудах Р.Генона (и его последователей *Г.Жоржель,* Т.Буркхардт, *М.Элиаде, А.Корбен*). Полностью реабилитируется понятие "традиционное общество", которое либо не знает "истории", либо релятивизирует ее обрядами и мифами "вечного возвращения". История России видится не просто как одно из месторазвитий, но как авангард "пространственных" систем ("Восток"), противопоставленных "временным" ("Запад").

Государство и нация

Тезис "*неославянофильство*"уточняется в сторону противопоставления народов Востока народам Запада, особый положительный акцент ставится на *великороссах* в отличие от западных славян. Это не противоречит классикам евразийства, но развивает и заостряет их интуиции (это видно уже у Гумилева). Народы Запада квалифицируются как носители "профанного" начала, в отличие от "сакральной" структуры народов Востока (и Третьего мира). Для славян, а еще точнее, для автохтонов России-Евразии не просто требуется "равноправие" наряду с другими европейскими народами (как можно понять ранних славянофилов), но центральное место в авангарде народов всего мира, стремящихся противостоять "глобализации Запада". Это предельная форма универсализации национального мессианства в новых постсоветских терминах. От собственно "славянофильства" в неоевразийстве остается *любовь к национальным корням русского народа, повышенная чувствительность к старообрядчеству, критичность в отношении петровских реформ*. При этом подчеркивание расового родства славян между собой не только не приветствуется, но отвергается, так как культурно, конфессионально, геополитически и цивилизационно славяне глубоко различны. Вслед за *К.Леонтьевым* неоевразийцы подчеркивают: "славяне есть, славизма (в смысле расового единства, осознанного как основа интеграционного проекта) нет". В некоторых случаях определение "славянофил" в последнее время может выступать как антитеза определению "евразийца", что несет смысл противопоставления патриота с этно-расистскими (ксенофобско-шовинистическими) наклонностями патриоту, осознающему свою идентичность геополитически и цивилизационно.

Туранский фактор, позитивно оцененный классиками евразийства в становлении российской государственности, рассматривается в более широком контексте — как положительное влияние традиционного и сакрального Востока, оказанное на русских, занимавших промежуточное положение между Европой и Азией. Функция Турана осмысляется в терминах сакральной географии и священной истории.

Диалектика национальной истории доводится до окончательной "догматической" формулы, с включением историософской парадигмы "национал-большевизма" (Н.Устрялов) и его осмысления (М.Агурский). Модель

следующая:

Киевский период как провозвестие грядущей национальной миссии (IX-XIII вв.);

Монголо-татарские завоевания как щит от нивелирующих европейских тенденций, геополитический и административный заряд Орды передается русским, распад русских на западных и восточных, разделение культурных типов, формирование на базе "восточных русских" под контролем Орды великороссов (XIII-XV вв.);

Московское царство как пик национально-религиозной миссии Руси (Третий Рим) (XV — конец XVII вв.);

Романо-германское иго (Романовы), распад национального единства, разделение на западнические элиты и национальные массы (конец XVII — начало XX вв.);

Советский период, реванш национальных масс, период "советского мессианства", восстанавливающего основные параметры Московского вектора (XX в.);

Смутное время, которое должно завершиться новым евразийским рывком (начало XXI в.).

Политическая платформа

Тезис "*евразийский отбор*" пополняется методологией школы В.Парето, движется по логике реабилитации "органической иерархии", обретает некоторые ницшеанские мотивы. Развивается учение об "онтологии власти", о православном "катехоническом" значении власти в Православии. Идея "элиты" дополняется конструкциями европейских традиционалистов, исследовавших кастовую систему древних обществ, онтологию и социологию каст (Р.Генон, Ю.Эвола, *Ж.Дюмезиль, Л.Дюмон*). Гумилевская теория "пассионарности" ложится в основу концепции "новой евразийской элиты".

Тезис "*демотия* " пополняется политическими теориями "*органической демократии*" от *Ж.-Ж.Руссо* до *К.Шмитта*, *Ж.Фройнда, А.де Бенуа, А.Мюллера ван ден Брука*. Определение неоевразийского понимания "демократии" ("демотии") как "соучастия народа в своей собственной судьбе".

Тезис "*идеократия*" фундаментализируется апелляциями к идеям "консервативной революции", "третьего пути", учитывается полной опыт "советской", израильской, исламской, "фашистской" идеократий, анализируются причины их исторического провала. Критически переосмысляется качественное содержание идеократий XX века, разрабатывается последовательная критика советского периода (доминация количественно-

го подхода, профанические теории, диспропорция классового подхода).

К развитию идей классических евразийцев добавляются следующие концептуальные моменты:

— *Философия традиционализма* (Р.Генон, Ю.Эвола, Т.Буркхардт, А.Корбен), идея радикального упадка "современного мира", глубинное исследование Традиции. Глобальная концепция "современного мира" (негативная категория) как антитезы "мира Традиции" (позитивная категория) придает критике западной цивилизации фундаментальный метафизический характер, уточняет эсхатологическое, кризисное, фатальное содержание основных процессов — интеллектуальных, технологических, политических, экономических — исходящих с Запада. Интуиции русских консерваторов от славянофилов до классических евразийцев дополняются фундаментальной теоретической базой (см. А.Дугин "Абсолютная Родина", М., 1999, "Конец Света", М., 1997, A. Dugin "Julius Evola et le consevatisme russe",Roma, 1997).

— *Исследование структур сакрального* (М.Элиаде, *К.Г.Юнг, К.Леви-Стросс),* представление об архаическом сознании как о парадигмальном манифестационистском комплексе, лежащем в основе культуры. Приведение многообразия человеческой мысли, культуры к древнейшим психическим слоям, где сосредоточены фрагменты архаических ритуалов инициации, мифы, изначальные сакральные комплексы. Интерпретация содержания современной рациональной культуры через систему дорациональных древних верований (А.Дугин "Эволюция парадигмальных оснований науки", М. 2002).

— *Поиск изначальной символической парадигмы пространственно-временной матрицы*, лежащей в основе обрядов, языков и символов (*Г.Вирт*, палео-эпиграфические исследования). Стремление на основании лингвистических ("ностратика, *Свитыч-Иллич*), эпиграфических (рунология), мифологических, фольклорных, обрядовых и иных памятников воссоздать изначальную картину "сакрального мировоззрения", общего для всех древних народов Евразии, нахождение общих корней (См.А.Дугин "Гиперборейская Теория", М., 1993).

— *Учет развития геополитических идей на Западе* (*Макиндер, Хаусхофер, Лохаузен, Спикмен, Бжезинский, Тириар* и т.д.). Геополитическая наука с эпохи Макиндера получила существенное развитие. Роль геополитических закономерностей в истории XX века оказалась настолько наглядно подтвержденной, что геополитика стала самостоятельной дисциплиной. В рамках геополитики сами понятия "евразийство", "Евразия" приобрели новый смысл, более широкий, нежели ранее. "Евразийством" в геополитическом смысле начиная с некоторых пор стали обозначать континентальную

конфигурация стратегического блока (существующего или потенциального), созданного вокруг России или на ее расширенной основе и противодействующего (активно или пассивно) стратегическим инициативам противоположного геополитического полюса — "атлантизма", во главе которого с середины XX вв. утвердились США, сменив Англию. Философия и политическая идея русских классиков евразийства в такой ситуации были осознаны как наиболее последовательное и емкое выражение (дополнение) "евразийства" в стратегическом и геополитическом смысле. Благодаря развитию геополитических исследований (А.Дугин "Основы геополитики" М.,1997) неоевразийство становится развитой методологической системой. Особо выделяется значение пары "Суша -Море" (по Карлу Шмитту), проекция этой пары на многомерные явления — от истории религий до экономики.

— *Поиск глобальной альтернативы "мондиализму" ("глобализму")* как ультрасовременному феномену, резюмирующему все то, что оценивается евразийством (и неоевразийством) со знаком минус. "Евразийство" в широком смысле становится концептуальной платформой "антиглобализма" или "альтернативного глобализма". "Евразийство" обобщает все современные тенденции, отказывающиеся признавать "объективное" и тем более "позитивное" содержание "глобализма", придает антиглобалистской интуиции новый характер доктринального обобщения.

— *Ассимиляция социальной критики "новых левых" в "право-консервативной интерпретации"* (переосмысление наследия *М.Фуко, Ж.Делеза, А.Арто, Г.Дебора*). Освоение критической мысли противников современного западного буржуазного строя с позиций анархизма, неомарксизма и т.д. Это концептуальное поле представляет собой развитие на новом этапе "левых" ("национал-болшевистских") тенденций, присутствовавших и у ранних евразийцев (*Сувчинский, Карсавин, Эфрон*), а также методология взаимопонимания с "левым" крылом "антиглобализма".

— *Экономика "третьего пути", "автаркия больших пространств"*. Применение к российской постсоветской действительности моделей "гетеродоксальной" экономики. Применение теорий "таможенного союза" Ф.Листа. Актуализация теорий *С.Гезелля, Ф.Шумпетера, Ф.Леру*, новое "евразийское" прочтение *Кейнса*.

Раздел II

КЛАССИКИ ЕВРАЗИЙСТВА

(МАНИФЕСТЫ, ПРОГРАММНЫЕ СТАТЬИ)

ПРЕДЧУВСТВИЯ И СВЕРШЕНИЯ*
(предисловие к сборнику "Исход к Востоку")

Статьи, входящие в состав настоящего сборники, сложились в атмосфере катастрофического мироощущения. Тот отрезок времени, в котором протекает наша жизнь, начиная от возникновения войны, переживается нами как поворотное, а не только переходное время. В совершавшемся и совершающемся мы видим не только потрясение, но кризис и ожидаем от наступающего — глубокого изменения привычного облика мира.

В катастрофичности происходящего мы видим знамение назревающего, ускоряющегося переселения и перерождения культуры. Культура представляется нам в постоянном движении и непрестанном обновлении. Она не медлит сверх срока в той или иной конкретно-исторической своей оседлости. Она не исчерпывается до конца теми или иными конкретными достижениями, не укладывается сполна в предначертанные рамки измышленных формул. Мы не верим, чтобы существовали народы, предназначенные навеки быть избранными носителями культуры; мы отрицаем возможность "последних слов" и окончательных синтезов. История не есть для нас уверенное восхождение к некой доисторически предначертанной абсолютной цели, но свободная и творческая импровизация, каждый момент которой исполнен не какого-либо задуманного в общем плане, но своего значения...

Культура романо-германской Европы отмечена приверженностью к "мудрости систем", стремлением наличное возвести в незыблемую норму... Мы чтим прошлое и настоящее западноевропейской культуры, но не се мы видим в будущем. С трепетной радостью, с дрожью боязни предаться опустошающей гордыне, — мы чувствуем, вместе с Герценом, что ныне "история толкается именно в наши ворота". Толкается не для того, чтобы породить какое-либо зоологическое наше "самоопределение", — но для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия так же раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие.

Созерцая происходящее, мы чувствуем, что находимся посреди "катаклизма, могущего сравниться с величайшими потрясениями, известными в истории, с основоположными поворотами в судьбах Культуры, вроде завоевания Александром Македонским Древнего Востока или велико-

* Коллективный манифест первых евразийцев, 1921, Прага

го переселения народов. Такие повороты не могли и не могут совершаться мгновенно. Процессы, приведшие в результате к растворению Древнего Востока в эллинистический мир, получили свое начало еще в период великих персидских войн. А поход Кира Младшего с 10 тысячами греков на Восток уже прямо предвосхищал намерения македонского завоевателя. Но Кир Младший пал, и Александр утвердил господство эллинской культуры на Востоке через несколько десятилетий после его смерти. Мы не знаем, какое из восстаний России против Запада окажется попыткой Кира Младшего, какое — делом Александра... Но мы знаем, что историческая спазма, отделяющая одну эпоху мировой истории от следующей, — уже началась. Мы не сомневаемся, что смена западноевропейскому миру придет с Востока...

Здесь нельзя требовать доказательств. И думающие по-иному вправе называть нас безумцами, как мы их — слепорожденными. Для нас тревожнее вглядеться в черты того культурного переворота, который предносится нам в бурях и содроганиях современности.

Всякое современное размышление о грядущих судьбах России должно определенным образом ориентироваться относительно уже сложившихся в прошлом способов решения, или, точнее, самой постановки русской проблемы: "славянофильского" или "народнического", с одной стороны, "западнического" — с другой. Дело здесь не в тех или иных отдельных теоретических заключениях или конкретно-исторических оценках, а в субъективно-психологическом подходе к проблеме. Смотреть, вслед за некоторыми западниками, на Россию как на культурную "провинцию" Европы, с запозданием повторяющую ее зады,- в наши дни возможно лишь для тех, в ком шаблоны. мышления превозмогают власть исторической правды: слишком глубоко и своеобразно врезались судьбы России в мировую жизнь, и многое из национально-русского получило признание романо-германского мира. Но утверждая вслед за славянофилами самостоятельную ценность русской национальной стихии, воспринимая тон славянофильского отношения к России, мы отвергаем народническое отождествление этой стихии с определенными конкретными достижениями, так сказать, формами сложившегося быта. В согласии с нашим историософическим принципом, мы считаем, что вообще невозможно определить раз навсегда содержание будущей русской жизни. Так, например, мы не разделяем взгляда народников на общину как на ту форму хозяйственной жизни, которой принадлежит и которой, согласно народническому воззрению, должно принадлежать экономическое будущее России. Как раз в области экономической существование России окажется, быть может, наиболее "западническим". Мы не видим в этом никакого противоречия возможности и факту настоящей и грядущей культурной

своеобычности России. Ведь для тех, кто не принадлежит к числу последователей исторического материализма, культура не есть "надстройка" над экономической базой.

Исторического индивидуализма мы не сочетаем с экономическим коллективизмом, как это бывало в прошлом в иных течениях русской мысли (Герцен), но утверждаем творческое значение самодержавной личности также и в области хозяйственной: чем, как нам кажется, становимся на точку зрения последовательного индивидуализма.

Задачам мощного экономического развития России не все мы придаем одинаковое значение. Но никто из нас не враждебен этому развитию, — между тем, в народничестве, в его конкретном выражении, лежала, несомненно, органическая враждебность творческому расцвету и разливу русских экономических сил. Мы совмещаем славянофильское ощущение мировой значительности русской национальной стихии с западническим чувством относительной культурной примитивности России в области экономической и со стремлением устранить эту примитивность.

Мы не отказываемся определить — хотя бы для самих себя — содержание той правды, которую Россия, по нашему мнению, раскрывает своей революцией. Эта правда есть: отвержение социализма и утверждение Церкви.

Мы не имеем других слов, кроме слов ужаса и отвращения, для того, чтобы охарактеризовать бесчеловечность и мерзость большевизма. Но мы признаем, что только благодаря бесстрашно поставленному большевиками вопросу о самой сущности существующего, благодаря их дерзанию, по размаху неслыханному в истории, — выяснилось и установилось то, что в ином случае долгое время оставалось бы неясным и вводило бы в соблазн: выяснились материальное и духовное убожество, отвратность социализма, спасающая сила Религии. В исторических сбываниях большевизм приходит к отрицанию самого себя и в нем самом становится на очередь жизненное преодоление социализма.

Мы знаем, что эпохи вулканических сдвигов, эпохи обнажения таинственных, черных глубин хаоса суть в то же время эпохи милости и озарения. Смиряясь перед революцией, как перед стихийной катастрофой, прощая все бедствия разгула ее неудержимых сил, — мы проклинаем лишь сознательно-злую ее волю, дерзновенно и кощунственно восставшую на Бога и Церковь, Только всенародным покаянием может быть замолено греховное безумие восстания. Мы чувствуем, что тайна вдохновенной эпохи нашей раскрывается не только в безбрежном разливе мистических ощущений, но и в строгих формах Церковной жизни. Вместе с огромным большинством русских людей мы видим, как Церковь оживает

в новой силе Благодати, вновь обретает пророческий язык мудрости и откровения. "Эпоха Науки" снова сменяется "эпохой веры" — не в смысле уничтожения науки, но в смысле признания бессилия и кощунственности попыток разрешить научными средствами Основные, конечные проблемы существования.

В делах мирских настроение наше есть настроение национализма. Но его мы не хотим заключать в узкие рамки национального шовинизма. Более того, мы думаем, что стихийный и творческий национализм, российский по самой природе своей, расторгает и разрывает стеснительные для него рамки "национализмов" западноевропейского масштаба; что даже в этническом Смысле он плещет так же широко, как широко расплескались по лицу земному леса и степи России. В этом смысле мы опять-таки примыкаем к "Славянофильству", которое говорило не только о русском народе, но о "славянстве"; Правда, перед судом действительности понятие "славянства", как нам кажется, не оправдало тех надежд, которые возлагало на него славянофильство. И свой национализм мы обращаем, как к субъекту, не только к "славянам", но к целому кругу Народов "евразийского" мира, между которыми народ российский занимает срединное положение. Такое приобщение целого круга восточноевропейских и азиатских народов к мыслимой сфере Мировой культуры Российской вытекает, как нам кажется, в одинаковой мере из сокровенного "сродства душ", — делающего русскую культуру понятной и близкой этим народам и, обратно, определяющего плодотворность их участия в русском деле, — и из общности экономического интереса, из хозяйственной взаимообращенности этих народов...

Русские люди и люди народов "Российского мира" не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающей нас стихией культуры и жизни, Мы не стыдимся признать себя — евразийцами.

ЕВРАЗИЙСТВО (опыт систематического изложения)*

I. Вред ложных идеологий и жизненная необходимость истинной идеологии

Всякое жизненное движение определяется некоторой идеологией и вытекающей из нее системой конкретных задач (программой), которые, с другой стороны, обусловлены данной исторической обстановкой. Естественно, что задачи и система их меняются в зависимости от условий, места и времени, что всплывают и ставятся новые практические цели и меняются и даже отмирают старые. Однако, именно идеология проводит некоторые определенные границы, за которыми "прагматизм" или практицизм движения вырождается в беспринципный оппортунизм. Ибо оппортунизм как раз и связан с отсутствием идеологии или, в лучшем случае, с ее неясностью и неразработанностью. Поучительным примером может служить сменовеховство. Сменовеховцы исходили из сильного и правильного ощущения того, что русская история совершается на территории России и что — худо ли это или хорошо — в основе русского революционного процесса под поверхностью коммунистического безумия протекает подлинное, национальное развитие России, жизненно важное для ее будущего и даже для будущего всей человеческой культуры. Но признание этого факта, давно уже очевидного для многих русских людей, стонущих под игом коммунизма и все же не отчаивающихся в будущем, еще не есть идеология. Не дав себе труда определить, в чем смысл искажаемого коммунизмом русского развития, в чем идеалы и цели России, сменовеховцы не сумели противопоставить коммунистическим декламациям что-нибудь новое, жизненное и ясное. От признания факта они сразу же перешли к поклонению факту, и поворот к России стал для них началом растворения в коммунизме. Сменовеховцы превратились в оппортунистов, чтобы затем переродиться в бардов коммунизма. Вместо того чтобы сделаться носителями исторического процесса, они сделались его рабами и игрушками.

Обреченность всякого оппортунизма заключается в отсутствии идеологии и, собственно говоря, есть само это отсутствие. Оговоримся. Нельзя, конечно, отрицать, что оппортунисты иногда считают себя обладателями некоторой идеологии. Но эта "идеология" никак не связана именно с данным конкретным моментом, никак не определяет поведения, но хранится про запас на случай неопределенного будущего, которого, вероят-

* Коллективная монография первых евразийцев, 1926 г.

но, никогда не будет. Она отвлечена от конкретности, отвлеченна или абстрактна и потому расплывчата и недейственна. Она не идеология, а абстракция; и мы делаем ей честь, называя ее "абстрактной идеологией"; лучше называть ее доктринерством. Подобная абстрактная идеология может оставаться сравнительно безобидной, губительной лишь для тех, кто ее исповедует и тем самым превращается в безыдейного оппортуниста. Тогда ее все равно, что совсем нет. Но она может стать в высокой степени опасной и вредной, если носители ее поверят в ее осуществимость и постараются ее осуществить. Ведь ясно, что попытка осуществить абстракцию необходимо приводит к пренебрежительному и отрицательному отношению ко всему конкретному, в абстрактные формулы не укладывающемуся. Живая конкретная действительность отрицает, высмеивает и разрушает абстрактные формулы, к тому же — по немощи человеческой — чаще всего ошибочные; и, если носитель абстрактной идеологии не хочет от нее отказаться и в то же самое время охвачен пафосом деятельности, ему остается один только выход: ломать и разрушать конкретную действительность, чтобы в конце концов погибнуть в борьбе с ней.

Тут мысль наша также поясняется поучительными примерами. Образцом абстрактной идеологии, которая в силу неудержимого позыва "идеологов" к деятельности вредоносна не только для них и представляет собой некоторую, хотя, впрочем, не особенно серьезную опасность, может служить "идеология" всякого рода реставраторов. Они вопреки очевидности просто-напросто отрицают совершившееся и совершающееся в России и, как типичные бывшие люди, считают настоящее несуществующим. История России, по их мнению, остановилась в 1917 или 1905 г. (смотря по вкусу) и будет стоять на одном месте, пока им не удастся приняться за ее продолжение. Они исходят из прошлого, которого не было, так как они идеализуют это прошлое, подсовывая на его место некую бледную отвлеченную схему, размалеванную — чтобы создать иллюзию действительности — дешевыми, но яркими красками. Они стремятся к будущему, которого не будет, так бледная и сентиментально-ложная схема никогда не может сделаться конкретной действительностью. Чтобы осуществить свое мнимое будущее, они должны и они хотят целиком смести настоящее и на голом месте приняться за постройку своего народного дома с петушками. Но целиком смести ничего нельзя: людей не останется. Жизненные остатки старого в самой России уже приспособились к новому, уже перерождаются в новое. Реставраторы обречены на задыхание в разреженном воздухе своих абстракций.

Коммунистическая идеология, покоящаяся на пламенной, но критически не проверенной, наивной и ошибочной вере коммунистов, — второй

пример опасностей, сопряженных с абстрактной идеологией. Идеология коммунизма представляет собой попытку предвидеть будущее, которое никому не известно и менее всего предвидится коммунистами. На основании этой, во всяком случае, гадательной картины будущего, которая, несмотря на свою абстрактность, довольно детальна, но именно в силу своей абстрактности безжизненно-схематична, коммунисты начертывают мнимые законы развития. И хотя ими они принципиально исключают всякую возможность свободной деятельности, они с фанатическим упорством ломают жизнь и ведут тоже принципиально отрицаемую ими идеологическую борьбу. Так они становятся вредными идеологами, вредными потому, что их идеология и ненаучна, являясь полуграмотным толкованием плохо понятой гегелевской философии, и ошибочна, потому что она абстрактна, т. е. лежит вне связи с конкретной действительностью. Однако, коммунистов как вредных доктринеров надо отличать от большевиков, проводя эту разграничительную линию внутри всякого индивидуума. Большевизм как таковой (максимализм) есть абсолютность заданий или, по крайней мере, грандиозность их и требование предельного (максимального) усилия для их осуществления. Он психологически связан с верой в полную и близкую осуществимость своих заданий, и в этом его порок. Но он не связан с какой-нибудь определенной идеологией и не исключает того, что большевик учится у жизни и научается сообразовывать с ней свою деятельность. Он может под влиянием опыта даже преодолевать указанный свой порок. Вот почему "большевики-коммунисты", несмотря на всю ложность и абстрактность своей теории, не остались нечувствительными к потребностям русской действительности. Они вынуждены были делать то, что их идеологии противоречило, и отказываться от того, что их идеологией требовалось, в обоих случаях успокаивая себя надеждой, что противоречат себе "тактически" и временно. Это не мешало и не мешает им приносить вред, особенно там, где, как на "идеологическом фронте", губительные последствия глупой меры сказываются не сразу; но это позволило русскому народу использовать их как орудие для спасения русской территории и воссоздания русской государственности. Более того, русский народ заставил большевиков-коммунистов помимо их воли и сознания осуществлять многое, для его будущего чрезвычайно важное. Но если теперь большевики-коммунисты уже явно должны отказаться от своей программы, на практике, все более делаясь оппортунистами, они, тем не менее, вредны и опасны как нераскаянные и ничему не научившиеся доктринеры. Надеясь на временность своего отступления, они тем самым держат за пазухой камень, могущий при их обиде на неудачу, нервозности и реальной силе оказаться весьма неприятным. Большевики

опасны, пока они коммунисты, т. е. пока искренне и окончательно не отказались от своей абстрактной идеологии. Но они все еще нужны и останутся, пока внутри России не появятся те, кто сможет заменить их, по крайней мере, с меньшим вредом для России.

Вред абстрактных доктрин настолько очевиден и для живущих в России настолько осязателен, что невольно закрадывается мысль, не лучше ли отказаться от всякой идеологии вообще. Из такого, в эпохи революций весьма естественного умонастроения, проистекает оппортунизм, чуждый всякого пафоса и всякой энергии. Люди живут изо дня в день и делают по инерции и без охоты свое дело, в лучшем случае — со слабой надеждой, что из него что-то выйдет и что оно для чего-то, может быть, и нужно. Более живые и по природе своей более энергичные уходят в узкую сферу деятельности только для себя, в индивидуальную жизнь. Здесь многие из них даже находят себе некоторое утешение в мнимо — и ложнорелигиозном оправдании своего "индивидуализма": своей целью они поставляют религиозно-нравственное самоусовершенствование или индивидуальное спасение. Но так как с религиозно-нравственной точки зрения из жизни политических и социальных проблем не выкинешь, им приходится успокаивать себя мистической надеждой на то, что все прочее либо приложится само собой, без их усилий, либо каким-то таинственным образом произойдет именно через их нравственно-религиозное самоусовершенствование. Полагаем, что подобная установка настоящего выхода не дает и что пассивное, бездеятельное созерцание мук родины — не меньшая беда и не меньший грех, чем губительная деятельность абстрактного идеолога. Не отрицая индивидуального религиозно-нравственного самоусовершенствования, надо напоминать, что оно также не должно быть абстрактным, но должно осуществляться во всей полноте жизненной обстановки, т. е. не путем бегства из жизни, а путем деятельного изменения жизни к лучшему из того самого места, на котором стоишь. Говорим о "мирском" призвании и чине — не о христианском подвижничестве, к коему призваны немногие, у коего свои особые задачи, не вмещающиеся в рамки эмпирической деятельности.

Таким образом, для того чтобы обезвредить абстрактные и ложные идеологии и вместе с тем не отнять у конкретной деятельности одушевляющего ее пафоса, необходимо противопоставить им идеологию истинную — не абстрактную, а с конкретной жизнью органически связанную, не ложную и гадательную, а несомненно истинную. Прежде всего, надо хорошенько понять, что такое идеология и как к ней надлежит относиться.

Идеология может быть определена как органическая система идей. Этим уже сказано, что она не простая совокупность их и не внешнее их

соположение. Она именно органическое единство идей. В своем существе и идеале она подобна развивающемуся из семени растению и является внутренне необходимым самораскрытием одной основной идеи. Говорим: "самораскрытием" — ибо идея не вне людей, как внешний закон или некая внешняя необходимость, но в самих раскрывающих ее свободно людях и сами эти люди. Развивая и осуществляя подлинное свое существо, человек и раскрывает истинную идеологию, вернее, особый аспект ее. Другой, соответственно своей индивидуальности, раскроет ту же самую идеологию несколько иначе: с иной точки зрения и в иной связи. Но это еще не значит, что необходимо возникнет противоречие: оно существует лишь между ложным и ложным или между истинным и ложным, никогда — иначе как временно и в процессе развития — между истинным и истинным. Истинная идеология вовсе не универсальная отвлеченная система и не может быть выражена одной отвлеченной формулой. Она живой организм, в котором существен всякий орган. Она не отвлеченно универсальна, а симфонична, или соборна, согласуя и объединяя многие свои выражения. Равным образом не может истинная идеология отрицать конкретную действительность и противоречить ее существу. Ведь истинная идеология, осуществляясь и требуя своего осуществления в полноте жизни индивидуума, многих индивидуумов, общества, уже как бы предсодержит в себе жизненные стихии конкретной деятельности. В этом как раз и заключается одно из самых важных внешних отличий истинной идеологии от ложной, критерий истинности идеологий, хотя критерий только внешний и практический. Людям, которые стоят вне истинной идеологии и убежденно и энергично стремятся к каким-нибудь целям, связывая их с идеологией ложной, может казаться, что истинная идеология говорит о чем-то другом и даже противоположном. Но из самой этой идеологии видны и ясны как, правило, основные стремления этих людей, так и их ошибки, которые мешают им осмыслить собственное свое стремление и видеть оправдание его существа именно и только в истинной идеологии.

Такова природа истинной идеологии, но не таковы, конечно, эмпирические ее выражения. Эмпирически можно только более или менее приближаться к ее природе. Эмпирически она предстает лишь как внутренне связанная и вечно развивающаяся система идей. При этом не всегда и не всеми вполне и точно улавливается (иногда — лишь чуется) связь этих идей; и часто идеология не всем раскрывается как всеобъемлющая, но противостоит отрицающим ее ложным идеологиям и словно и не показывает, что, обличая их ложь, она содержит в себе их правду. Однако, всегда уловимо то, что можно назвать ее "духом", — ее целостность и органичность, ее действительная связь с конкретной жизнью. По самому су-

ществу своему истинная идеология в полноте своего раскрытия и содержания должна достичь предельной конкретности и индивидуализованности: в конкретизации смысл ее развития. Поэтому вполне и до конца в отвлеченных формулах она невыразима, хотя и должна постоянно быть выражаемой и отвлеченно. Иначе как ее означить и понять? Как проникнуться ее духом? Отвлеченное выражение идеологии необходимо как символ ее, как приближение к ней, которое должно будет уступить место новому и большему приближению — и чем скорее, тем лучше. С помощью отвлеченного выражения идеологии создается возможность органического ее освоения, схватывается ее основная идея, которая потом уже как бы сама собой раскрывается в индивидууме — и в каждом индивидууме по-особому. Отвлеченная формулировка играет служебную роль; и признание любой данной формулировки идеологии за полное ее выражение означает смерть ее, означает, что она на место истины прокралась ложью. Однако, сознание того, что всякая формулировка относительна, не заключает в себе никакого релятивизма. Ибо всякой формулировкой все же дается и само существо.

Истинная идеология проистекает из некоторой абсолютно несомненной основной идеи и, развиваясь через систему идей, конкретизируется до последнего предела, т.е. становится самой конкретной жизнью, которую она осмысливает, преобразует и творит. Поскольку идеология обращается к данной конкретной жизни и превращается в нее, поскольку идеология становится основанием сознательно-волевой деятельности, она выражается в программе, по необходимости временной, условной и подлежащей изменениям. Это путь от идеи к жизни, нужный и плодотворный, если истинна исходная идея. Ибо истинная идея и есть смысл самой действительности, почему и может ее совершенствовать, но не может ее калечить. Поскольку сама конкретная жизнь в инстинктивном и стихийном своем самораскрытии остается верной своему существу, а не заблуждается во тьме, поскольку она начинает себя осмыслять — она приводит к своей идее, к истинной идеологии. Можно поэтому двигаться от жизни к идее так же, как от идеи к жизни. Идеология осмысляет жизнь, что не умаляет самостоятельности жизни, ибо семя идеи — сама жизнь. Жизнь рождает идеологию, что не умаляет идеологии, ибо жизнь и есть конкретность идеи. Поэтому в разные эпохи то идеология опережает жизнь, то жизнь опережает идеологию. Так, в эпоху немецкого идеализма и наших славянофилов идеология раскрывалась в удаленности от жизни, которая своих проблем ясно еще не ставила. Идеология Шеллинга и Гегеля явилась как предвозвестница новой жизни. Естественно, что она осталась непонятой и скоро была урезана и искажена в позитивистических

и материалистических толкованиях и программах, чтобы умереть в социалистическом, так называемом, мировоззрении. В нашу эпоху, наоборот, жизнь опередила идеологию и властно требует идеологического осмысления и оправдания. Занимающаяся у нас, в России, заря новой жизни — заря новой философской эпохи.

II. О некоторых необходимых предпосылках истинной идеологии

Новая эпоха предполагает и новую установку сознания, видение того, что прежде оставалось в тени, переоценку старого и в связи со всем этим новую терминологию. Чтобы заново жить и что-нибудь понимать в новой жизни, нужно переучиваться и прежде всего непредвзято, критически отнестись к обветшалой традиции, внимательно прислушиваясь к нарождающемуся. Конечно, вздор, будто есть какая-то "буржуазная" наука, которую надо заменить пролетарской, — вздор не только потому, что нет ни малейших признаков появления "пролетарской", но и потому, что все выдающее себя за таковую оказывается не чем иным, как плохо и наивно усвоенными элементами прежней. Но прежняя-то, несомненно, переживает кризис. Этот кризис науки и научного миросозерцания, прикрытый ныне действительно блестящими успехами техники, начался уже давно — вместе с упадком великих философских систем XIX в., с "убыванием души" европейской культуры. Заключается он в исчезновении органически-синтетических идей, в замене органического единства внешним и механическим, что и сказывается, с одной стороны, в скептическом релятивизме и специализации, с другой — в безнадежных попытках объяснить все явления по типу механических связей и материального бытия. Весьма естественно и понятно, что в то самое время, как само научное мировоззрение начинает уже превозмогать наивный материализм, появившийся как упрощение идеалистической философии и восторжествовавший как реакция на ее отвлеченность, популярная литература с особенным увлечением выдает за науку все уже обличенное в ненаучности, в частности, материализм, дарвинизм, социализм. Настоятельно необходимо хотя бы самое малое научное и критическое сомнение. Превозмогая человеческую склонность верить словам и авторитетам, надо задать себе самый простой и естественный вопрос: точно ли наука то, что выдают, а частью считают за науку люди, научно не квалифицированные, научных открытий не сделавшие, даже развитию техники не способствовавшие, — вроде называющих себя "научными" социалистами, но годных лишь в объекты науки полуинтеллигентов? Человек, желающий обладать научным мировоззрением, должен и относиться к нему научно, т. е. критически. Если же ма-

териалистически-социалистическая идеология кажется благоприятной для угнетенных, так простой расчет должен побудить к вопросу, нет ли другой идеологии, не менее, а может быть, и более благоприятной, но наверно истинной, ибо, если социалистическая ошибочна, так ее посулы все равно ни к чему не приведут.

В этом изложении мы, само собой разумеется, не можем задаваться целью исчерпать и объяснить основы нового научно-философского миросозерцания. Тем не менее, для того, чтобы сделать дальнейшее изложение и нашу терминологию более доступами мы должны предпослать несколько общих замечаний.

Основному понятию старого миросозерцания — понятию отеленного и замкнутого в себе социального атома — мы противопоставляем понятие личности как живого и органического единства многообразия; понятию механической связи и внешней, отвлеченной системы — понятие органического единства или, вернее и точнее, единства личного. Личность — такое единство множества (ее состояний, проявлений и т. д.), что ее единство и множество отдельно друг от друга и вне друг от друга не существуют. В самом деле, нет личного сознания и личности вне ее мышления, хотения и других ее состояний, и нет личного состояния, которое не было бы проявлением самой личности и не связывалось бы со всеми прочими ее состояниями. Личность — единство множества и множество единства. Она — всеединство, внутри которого нет места внешним механическим и причинным связям, понятие которых уместно и удобно лишь в применении к познанию материального бытия.

Вместе с тем мы признаем реальностью не только индивидуальную личность (которая по существу-то своему вовсе не только "индивидуальная"), а и социальную группу, и притом не только "сословие" и "класс", как это делают и марксисты, но и народ, и субъект культуры (например, культуры русско-евразийской, объемлющей многие народы, культуры европейской и т. д.), и человечество. Заменяя понятие внешней связи понятием связи органической или личной, мы считаем и называем их личностями, но, в отличие от индивидуумов, личностями соборными, или симфоническими. Поэтому такие являющиеся в системе марксистского миросозерцания неуместными и все же неустранимыми метафорами выражения, как "классовое или народное сознание", "миросозерцание", "желания", "стремления", "идеология класса или народа" и т. п., для нас соответствуют реальности и точно ее описывают. Говоря несколько упрощенно, симфоническая личность отличается от индивидуальной тем, что ее множество есть не множество стремлений, состояний и т. д., но множество самих индивидуальных личностей или — для высших симфонических личностей (например, народа, человечества) — множество личностей симфонических (например, социальных групп, народов). Этим объясняется более резкая взаимопротивопоставленность ее моментов (индивидуумов) в ее не связанном с индивидуальным телом единстве. Симфоническая личность не пространство и среда, содержащие в себе, как вода рыб, индивидуальные личности, но сами они в их единстве. Таким образом, то, что мы называем индивидуумом, вовсе не только ограниченная в себе и отграниченная от других индивидуальная личность, а в значительной мере еще и им лишь индивидуализуемые симфонические личности. Эмпирически симфоническая личность как, впрочем, и личность индивидуальная, всегда несовершенна. Ее единство эмпирически полноты не достигает, сказываясь во взаимообщении и взаимопознании индивидуумов, в частности, и в таких явлениях, как обучение, воспитание, соединение их в увлеченности общей идеей и т. п. Все это объяснимо только на основе здесь лишь намечаемого учения о личности, которое избавляет историка или социолога от необходимости строить свою науку не на фактах, а на метафорах. Даже реальность и достоверность самого знания можно показать и доказать лишь на почве формулируемого нами учения, как оно же позволяет преодолеть непонятность факта причинной связи. Собственно говоря, оно является не чем иным, как простым обобщением ряда специальных выводов, к которым привели современная философия и современная наука. Для дальнейшего нашего изложения следует заметить, что эмпирически единство симфонической личности сказывается в согласованности или соборном единстве составляющих ее симфонических же и индивидуальных личностей, каковое единство индивидуальности своих моментов не уничтожает, но ее обнаруживает и раскрывает. Поэтому мы и пользуемся термином "соборная" или "симфоническая" (т.е, согласованная, хоровая) личность. Эмпирическое несовершенство такой личности и сказывается как раз в том, что согласованность ее не вполне достигнута и достигается часто путем ожесточенной взаимной борьбы составляющих ее личностей, народов, групп и индивидуумов.

Учение о личности (просопология) является первой предпосылкой для правильного и полного понимания той евразийской идеологии, уяснению и развитию которой посвящено данное изложение. Вторая предпосылка относится к области религиозной и вытекает из самого существа дела. Ведь мы должны найти идеологию не предположительную и потому, "может быть, и ошибочную, а несомненно истинную", по крайней мере, в основных, исходных идеях. Не стоит искать и строить идеологию, которая при попытках ее осуществить может привести к разрушительным для жизни потрясениям и так же бесславно и трагикомически обнаружить свою

ложность, абстрактность и бессилие, как уже обнаружила все это материалистически-социалистическая теория. Не стоит, с другой стороны, трудиться и над идеологией, которая окажется недейственной или оправдывающей лишь нудное приспособление к серой действительности. Нам необходима идеология, которая бы одушевляла пафосом вечного, абсолютноценного, властно призывала к абсолютно оправданной деятельности и была, несомненно, т. е. абсолютно обоснованной в своих истоках. Но найти абсолютное основание чего-либо — значит, найти основание это не в чем-либо частном, не в интересах какого-либо индивидуума, отдельной социальной группы, отдельного класса, народа, культуры, но в целом. Это значит найти основание идеологии в человечестве и мире и даже более — прежде всего в том, что обуславливает человечество и мир. Человечество же и мир обусловлены уже "необусловленным", или абсолютным, которое составляет предмет действенной религии и религиозной философии. Эту мысль необходимо ясно и глубоко осознать — прежде всего, затем, чтобы не смешивать подлинно религиозного с мниморелигиозным. Подлинно религиозно то, что действительно относится к самому абсолютному, а не то, к чему я отношусь так, как должен бы был относиться к абсолютному. Считая идола Богом и относясь к нему как к Богу, человек еще очень далек от Богопочитания. Так, например, коммунисты верят в свою теорию, как в религиозную истину, т. е. в истину, связанную с самим Богом. Их вера, которую они по недоразумению и по слабому своему умственному развитию называют научным убеждением, объясняет их пафос и необычайную их энергию. Но так как абсолютным, или Богом, они считают идола, т. е. человеческую выдумку, вера их есть вера мниморелигиозная и не устоит перед верой религиозно подлинной. Коммунизм, который представляет собой самый зрелый плод всего материалистического миросозерцания и самое последовательное развитие материалистического социализма, есть вера. Ибо коммунизм верит в опровергнутый наукой материализм, верит в необходимость прогресса и своего торжества, верит в гипотезу классового строения общества и миссию пролетариата. Он — вера, ибо одушевляет своих сторонников религиозным пафосом и дает свои священные книги — которые, по его мнению, подлежат только истолкованию, но не критике, — своих святых и подобную церковной организацию. Но он — внутренне противоречивая вера, ибо, вопреки своим утверждениям, он не ждет терпеливо результатов необходимого процесса, но пытается насильственно осуществить свои цели и ведет идеологическую борьбу. Наконец, он — вера ложная, ибо, слепо веруя в науку, он верит в опровергнутое наукой же и ничем не доказанное, и вера вредная, ибо осуществляет себя путем самого жестокого насильничества.

Мы настаиваем на правильности наименования коммунизма верой и употреблять слово "вера" не боимся, а для себя не считаем его унизительным. Напротив, унизительным для человека мы считаем, когда он называет свою веру наукой и, рассуждая о науке и вере, не понимает ни той ни другой. Ибо это тоже лишь порожденный заблуждениями западной науки предрассудок, будто вера и наука — две независимые друг от друга и даже взаимно враждующие области. Нет веры без науки и нет науки без веры. Истинная вера содержит в себе свою науку со всеми ее исканиями и сомнениями. В основах своих вера не меньше, а больше, чем наука, обоснована. Ведь для того чтобы признать истины веры субъективными выдумками, надо предварительно признать, что абсолютного, или Бога, абсолютно нет или что абсолютное отделено от человека и ему абсолютно недоступно. Но, не говоря уже о том, что утверждение абсолютного несуществования Бога или абсолютной его недоступности возможно только, если есть нечто "абсолютное", — указанное "предварительное признание" нуждается в каких-то доказательствах. Мыслящий и добросовестный человек не может не признать своей обязанности свои утверждения доказывать. Однако, мы от него таких доказательств не будем и спрашивать, ибо православная христианская вера как раз из того и исходит, что Божество с человечеством соединено и только потому человечеству ведомо и доступно. Иначе христианство не было бы религией Богочеловечества.

Итак, если мы хотим найти идеологию, в основаниях своих абсолютно истинную, абсолютно несомненную, мы должны искать эти основания в религии, в религиозной вере. Отказываясь от религиозной веры, мы обрекаем себя либо на серый оппортунизм и даже индифферентизм, либо на опасное экспериментирование — на испытание гадательных идеологий путем попыток их осуществления в надежде, что какая-нибудь из них, в конце концов, окажется не губительной, а плодотворной. Рассуждая же чисто практически, нельзя надеяться на преодоление коммунизма, если религиозной, хотя и мнимой вере коммунистов и их мниморелигиозному одушевлению не будет противопоставлена другая вера; и можно надеяться на верную победу лишь в том случае, если новая вера, новая идеология будут подлинными и несомненно истинными. В случае же естественной или насильственной смерти коммунистической партии нельзя без религиозной веры и религиозного одушевления рассчитывать на то, что жизнь развернет всю свою полноту и потенциальную энергию. Грубо говоря, надо противопоставить идеологии коммунистов идеологию не менее, а более ценную.

Против этого практического соображения могут выдвинуть два возражения. Во-первых, станут указывать на то, что будто бы христианская религия аскетична, отрицая эмпирическую деятельность во имя спасения души

и загробной жизни. Но это предрассудок, возникший на почве еретического католического христианства и на почве невежества русских людей, которые и русское-то Православие понимают по-католически. На самом деле, усматривая высшую форму христианской жизни в христианском самоотречении и, частью, в монашеском аскетизме, Православие признает эту форму приемлемой лишь для немногих избранных и связывает с особым служением человечеству. Тут столь же мало мироотрицания и даже еще меньше, чем в признаваемой всяким разумным правительством и всяким разумным человеком необходимости освобождать ученого от обязательного физического труда, а рабочего от обязательного решения уравнений с тремя неизвестными или изучения "Капитала". Что касается эмпирической деятельности, а Православие провозглашает как раз ее необходимость, признавая ее ценность и ее включенность в "царство Божие", спасение же души мыслит как усовершенствование ее путем жизнедеятельности и в самой жизнедеятельности. Царство Божие осуществляется в мире: мир входит в него и в нем не исчезает, а преображается. Надо только проводить различие между Церковью и грешными людьми, которые ошибочно себя с нею отожествляют, хотя и входят в нее лишь частично.

Второе возможное возражение сводится к упреку в использовании религиозной веры и Церкви как средства, т. е. к фактическому отрицанию за религией абсолютного смысла и значения и, значит, к самопротиворечию. Но и этот упрек покоится на недоразумении. Мы вовсе не пытаемся обосновать данную идеологию Религией, но в религии находим основы идеологии или выводим идеологию из религии потому, что сама религия требует от нас ее идеологического и действенного раскрытия. Поэтому фактически мы резко отграничиваем нашу позицию от позиции, например, монархистов-реставраторов, для коих без их политической доктрины (самодержавия) нет и Православия. Стремлением подчинить религию и Церковь политике в значительной мере объясняют упадок церковно-религиозного сознания и появление мнимых религий (атеизма, материализма, социализма) в русском обществе и народе уже задолго до революции.

Итак, из абсолютно несомненных истин религии, т. е. русской православной веры, проистекают основы истинной идеологии. Идеология же эта, будучи смыслом и существом конкретной действительности, раскрывается в систему и программу, объясняющие совершающееся и дающие правильный путь к сознательно-волевому воздействию на него. Таким образом, путь от идеи к жизни совпадает с путем от веры к жизни; и осуществляющая идеологию жизнь становится опытной проверкой идеологии, ибо, как уже указано, и обратный путь от жизни или осмысление жизни приведет к той же идеологии и, следовательно, к вере. Последнее обладает для нас большим практическим значением. Мы должны кратко коснуться некоторых положений Православия и раскрыть нашу идеологию, из него исходя и на него опираясь. С другой стороны, мы очень хорошо понимаем, на какие затруднения и на какую толщу предубеждений наталкивается наш замысел. Приходится считаться и с поразительным невежеством большинства русских людей в области православной веры, и с воспитанным десятилетиями религиозным индифферентизмом, и с укоренившейся отчасти под влиянием Запада "религией" позитивизма, материализма и атеизма, и с ненавистью к старому режиму, переносимой на Церковь, которую он пытался превратить в орудие своей политики. Многие искренне верующие люди испугаются смешения веры с политикой и насторожатся при мысли, что мы хотим оправдывать и обожать греховно-эмпирическое бытие, хотя мы самым строгим образом отличаем Божественное от тварного и совершенное от греховно-эмпирического. Другие успокоятся на ленивом сомнении в том, что вера и практическая деятельность нерасторжимы; и таким образом верующие люди сойдутся со считающими себя ни во что не верующими на одном предвзятом нежелании вникнуть в дальнейшее изложение. Мы знаем, что многие даже верующие люди еще не доросли до сознания единства веры и деятельности, что еще больше людей, не доросших до религиозного сознания. Но мы уверены, что с теми, кто вникает в русский революционный процесс и непредвзято его переживает и осмысляет, мы найдем общий язык и столкуемся на почве конкретной программы. Пусть для них она будет достаточным и последним, а для нас — выводом из высшего; пусть они, по нашему мнению, слишком к себе не требовательны, а мы, по их мнению, метафизики. Мы идем от идеи к жизни, они идут от жизни к идее, но где-то посредине мы с ним и встречаемся, находя и общую почву, и общее дело. Ради этого дела мы просим у них внимания и готовы даже освободить их от чтения следующих двух отделов.

III. Православие как основа идеологии

Православие не одно из многих равноценных христианских исповеданий. Подобная точка зрения возможна лишь на почве внеконфессионального или мнимонадконфессионального христианства. Но внеконфессиональное христианство абстрактно и безжизненно; и оно даже не христианство, ничем не отличаясь от "универсальной" религии, т. е. от язычества. Православие — высшее, единственное по своей полноте и непорочности исповедание христианства. Вне его все — или язычество, или ересь, или раскол. Этим, однако, ценность инославия целиком не отрицается. В инославии, хотя и еретическом — в католичестве и протестантстве, —

даны особые и по существу своему абсолютно ценные аспекты христианства, которые чужды православным народам и могут быть раскрыты только народами романо-германскими и жизненно важны именно для них. Однако, лишь отрекшись от своей ереси, т. е. от горделиво-упорного пребывания в своем одностороннем и потому ложном уединении, лишь покаявшись, в силах будут католики и протестанты раскрыть вполне собственное свое достояние, нужное для всей Церкви Христовой, т. е. для будущего Церкви Православной. И время не терпит: если они не сделают этого, они погибнут в начавшемся уже процессе культурного разложения, в позитивизме и серой гражданственности, в бесплодном революционном бунтарстве и материалистическом социализме, из страшной борьбы с которым мы победно выходим. Не следует толковать высказываемые здесь мысли "по-католически", т. е. понимать их как провозглашение какого-то отвлеченно универсального, исключающего или оставляющего вне себя все индивидуальные или индивидуально-культурные и национальные особенности и потому безжизненно абстрактного неконфессионального христианства или как стремление русифицировать или грецизировать инославие. Идеал Православия, практически, особенно в европеизованный императорский период русской истории, часто остававшийся непонятым, заключается не в "религиозном интернационале", а в симфоническом и органическом, в соборном единстве многих исповеданий, православных не в том смысле, что они греческие или русские, а в том, что они не еретичны. Такое соборное единство не отрицает романской или германской индивидуальности и не оставляет их вне Церкви как нечто несущественное. Напротив, оно требует от этих индивидуальностей полного и свободного самораскрытия их в Христовой вере и так именно понимает "возвращение" их в лоно Православия. Существуя пока только как русско-греческое и преимущественно как русское, Православие хочет, чтобы весь мир сам из себя стал православным и чтобы иные симфонически-личные аспекты Православия в союзе христианской любви и свободы соединились соборно, или симфонически, с русским, греческим и славянским.

Таково по существу и отношение Православия к язычеству. Язычество есть потенциальное Православие. Само собой разумеется, что по степени осознания христианских истин язычество стоит ниже, чем инославие, и более его удалено от православия русского. Однако, не будучи сознательно-упорным отречением от Православия и горделивым пребыванием в своей отъединенности, язычество скорее и легче поддается призывам Православия, чем западнохристианский мир, и не относится к Православию с такой же враждебностью. Как потенциальное христианство, как смутное и печальное опознание истины язычество само по себе особенной стойкостью не отличается. С другой стороны, если мы сосредоточимся на язычестве, этнографически и географически близком России и частью входящем в ее состав, мы легко обнаружим некоторое особо близкое родство его первичного религиозного уклада именно с русским православием. Это родство позволяет предполагать, что русское и среднеазиатское язычество в христианизации своей создаст формы и аспекты Православия, более близкие и родственные русским, чем европейским. Факт "родства" уже давно отмечен и русскими и иностранными наблюдателями. Для пояснения только указываем на живое и глубокое сознание примата религии, т. е. религиозного основания всего бытия, на специфическое отношение к природе и миру, причем православная идея преображения мира (а не католическая — замены его другим) и признание существенной оправданности этого Богом созданного и обожаемого мира усматривают нечто ее предчувствующее в отношении к миру у буддистов. Сюда же надо отнести и так называемую мистическую созерцательность Православия, дающую повод к нелепым обвинениям его в пантеизме, равно и специфичность религиозной этики, которая в Православии выдвигает идеи самопожертвования, смирения и покорности Божьей воле, в язычестве — идеи кармы и судьбы. Религиозно-этическая категория расширяется на все бытие и, не признавая ничего религиозно-этически индифферентного, не ограничивается только человеческим, в человеке же не выделяет особой сферы. В связи с этим религиозный обряд и культ уже не могут толковаться как магия, но приобретают смысл существенной для всего мира деятельности, и само религиозное учение получает жизненность и реальную силу в бытовом исповедничестве. Религиозная идея становится конкретной, и развитие ее делается развитием самой жизни. Понятно, что появляется принципиально отличное от европейского понимание проблемы зла. На место активно-агрессивной борьбы с ним выступают преодоление его терпением и вера, что оно само себя уничтожает при свете активно осуществляемого добра. Буддизм с наибольшей для язычества силой и притом в родственных Православию тонах раскрывает идею искупления и в своей теории "бодисаттв" предчувствует идею Богочеловечества. Но если буддизм своей "созерцательностью" и "пассивностью" отражает одну из сторон Православия, — мусульманство, активное, хотя и не стойкое, умаленно выражает ту направленную на преображение мира действенность, которая в русском народе часто принимает болезненную форму стремления катастрофически преобразить все и немедленно и всецело сделать мир совершенным и святым.

Подробное развитие и обоснование высказанных сейчас мыслей увело бы нас слишком далеко. Но приведенных наблюдений достаточно для то-

го, чтобы говорить о тяготеющем к русскому православию, как к своему центру, религиозно-культурном мире. Мы называем его, поскольку он лежит за оградой Православной Церкви, потенциально православным не в том смысле, что он хочет, может и должен быть обращенным в Православие извне и принудительно (дух Православия отвергает всякое "заставь войти", требует свободы), но в том, что, если он свободно устремится к саморазвитию, свободное его саморазвитие будет его развитием к Православию и приведет к созданию новых, специфических его форм. Как иначе объяснить его религиозно-существенное единство, не ниспадая до точки зрения религиозно-индифферентной и мнимой научности и не исповедуя бесплодную и абстрактную "общечеловеческую" религию, т. е. не отрекаясь от Православия? Мы не предлагаем иноверию компромиссов, которые бы и для нас, и для него были равнозначны вероотступничеству, но, ценя его своеобразие и его будущее, мы предоставляем ему объяснять факты по-своему, сами же верим, что оно придет к нам, хотя сейчас это и отрицает, и что общение в духе взаимной "христианской" любви его саморазвитию поможет. Так объясняется разница в отношении русского Православия, с одной стороны, к европейскому христианству, с другой — к "язычеству". Будущее и возможное православие нашего язычества нам роднее и ближе, чем христианское инославие; и миссия Православия по отношению к инославию требует большей энергии обличения. При этом в самом западном христианстве романское католичество по своим устремлениям и, предположительно, по своему будущему от нас дальше, чем германское протестантство, особенно же протестантство церковное и преимущественно англиканство, через раннее галльское монашество и "иро-скоттскую" церковь органически связанное с христианским Востоком. Католичество закоренело и упорствует в своем заблуждении, тогда как протестантство уже посягнуло на застывшие формы и нормы и через "отрицание отрицания" двинулось, хотя и по пути новых заблуждений, к истине, приобщаясь к духу христианской свободы. Протестантство ищет и хочет учиться и познавать, а католичество думает, будто нашло абсолютную истину и одно целиком ею обладает, запрещая другим искать и думать. Русское же Православие, признавая себя обладающим полнотой истины в одном из ее аспектов, не отрицает других существующих и возможных ее аспектов как иных выражений Православия, но хочет их свободного самораскрытия, дабы приблизилась его собственная полнта в христианском взаимообщении с ними. Оно не замыкается в себе, но в своем саморазвитии призывает к свободному саморазвитию и других.

Итак, единственное непорочное выражение христианства есть Православная Церковь, ныне достигшая наибольшего раскрытия в Русской

Церкви, которая главенствует среди других Православных и на себя приняла главный натиск зла. Историческая задача русского народа заключается в том, что он должен осуществить себя в своей Церкви и должен, себя в ней развивая, т е. осуществляя и познавая ее, путем исповедничества и самораскрытия, создать возможность самораскрытия в Православии и для "неплодящей языческой церкви", и для мира, отпавшего в ересь.

Раскрывая идею и существо Православия, мы проводим строгое различие между Православием и Православной Русской Церковью, с одной стороны, и тем, что считают "православным" и "церковно-православным" отдельные православные люди, хотя бы и обладающие высоким авторитетом и влиятельным церковно-иерархическим положением, — с другой. Наш критерий не во внешнем авторитете, к коему, однако, мы относимся с величайшим вниманием, а в "соборном", т. е. в церковном, единстве и церковной согласованности, которые не исключают индивидуального, но необходимо его предполагают. Утверждаясь в "соборном единстве" Церкви, мы отличаем ее, святую, непорочную и безошибочную, и от иерархических представителей ее, которые, как все люди, могут ошибаться и поступать нецерковно, и от эмпирического церковного народа, который лишь становится Церковью. Поэтому мы не идеализируем эмпирической действительности и не отвергаем ни грехов церковных иерархов, ни распространившегося среди них под обер-прокурорским гнетом прислужничества, ни недостойного политиканства, ни, наконец, тяжких грехов и заблуждений всего русского православного народа. Но мы относим все это не к Церкви, а к тому "миру, который ею только становится и в котором добро смешано со злом". Как недостойно и недостаточно опровергать социализм указанием на взяточничество, безнравственность и всякие пороки отдельных социалистов, так еще более недостойно нападать на Церковь за грехи тех, которые именно в этих грехах своих остаются вне Церкви. Поскольку к Церкви и социализму прилагается религиозно-нравственный критерий, надо применять его не к единицам, а к целому. Дело не в том, есть ли грешники — где на земле их нет? — но в том, требует ли идея для своего осуществления вещных и дурных средств. И тут очевидно, что Православие как идея для своего осуществления требует не ненависти, а любви" что она отрицает убийства, насилия, грабежи и обманы, тогда как коммунизм перестанет существовать, если откажется от борьбы классов, насильственной экспроприации и т. д. Правда, нам возразят, что известная мера насилия в эмпирической жизни неизбежна. Конечно. Но Церковь как раз сама и не занимается конкретной политикой, в которой насилие эмпирически неизбежно, хотя Церковь и требует полноты конкретного. Она не чертит политических программ и не дает конкрет-

ных практически указаний, но указывает нам наш идеал и предоставляет нам свободу в его осуществлении. Это уже наше дело, сумеем ли мы и найдем ли в себе силы осуществить его в духе Церкви, в духе любви, а не злобы. Церковь только говорит, что мы должны его осуществить и что мы грешим, прибегая к насилию, но она же прибавляет, что мы не менее грешим, если бездействуем, и что во всяком, даже грешном, деле есть зерно нужного и благого.

Все сказанное до сих пор является не чем иным, как толкованием и изложением одного из существеннейших понятий Православия — понятия "соборности". Словом "соборный" церковнославянский Символ Веры передает греческое слово "кафолический", "katholikos". "Соборный", или "katholikos", — значит "единый по всему и во всем", единый в целом и во всех частях. "Вселенскость", "вселенский" ("oikoumenikos" от "oikoumenes" — вселенная) означают факт и — еще более — идеал распространенности Церкви по всему миру, по всей населенной людьми земле. Это обозначение географически-этнографическое и внешнее. Напротив, "соборность" и "соборный" (katholikos) определяют внутреннюю природу Церкви. Церковь была соборной с самого своего возникновения, когда она не распространилась еще и по всему римскому миру, и пребыла бы соборной даже в том случае, если бы в ней осталось всего два-три человека. Вселенскость, конечно, вытекает из соборности, будучи полнотой ее осуществления вовне; но эмпирически Церковь может и не охватывать вселенную иначе как в идеале, хотя всегда была, есть и будет актуально соборной.

Исповедуя свою соборность, Церковь говорит, что она сама и ее истина не есть нечто отвлеченно-общее, "интернациональное", одинаково приемлемое всяким и потому не делающееся его плотью и кровью, его индивидуальностью. Она говорит, что ее истина и она сама абсолютно конкретны и содержат в себе все действительное и благое, все индивидуальное. Нет ничего благого и действительно существующего вне соборной Церкви; и в ней полнота всякой личности, как индивидуальной, так и симфонической. В Церкви основание и оправдание личности; через нее, и только через нее всякой личности даруется бессмертие. Однако, все личности составляют в Церкви и совершенное единство, их индивидуального бытия не исключающее, ибо Церковь есть и иное единство множества, и множество единства, всеединство, как совершенная всеединая личность. Правда, такова Церковь лишь в святом своем совершенстве, в славе своей, эмпирически всецело не являющейся. Эмпирически Церковь предстает нам только как симфоничность или согласованность многих своих личностей, как соборное единство всех членов ее в духе веры

и любви, как "собор всей твари". Христова вера и Христова любовь так соединяют всех членов Церкви, что сохраняется и расцветает всякая личность, а все индивидуально отличное и только эмпирическое, с другим не согласуемое, все же со всем и согласуется. Христианин понимает, что он не прав, если его индивидуальная, субъективная правда отрицает правду других. Он не утверждает своей субъективной правды самовольно, сознавая свою ограниченность и уповая, что Бог согласует истинное существо его правды с истинным существом правды всякого другого. Отдавая должное греховному несовершенству мира, он ценит даже в ошибке другого искаженную другим и лишь Богу иногда ведомую правду, смотрит на свое субъективное убеждение только как на свою попытку приблизиться к церковной истине, церковной же, т. е. абсолютно удостоверенной, истиной признает лишь то, что провозглашено самой соборной Церковью.

IV. Русская Церковь и русская культура

Православие не признает рационалистического разъединения веры и дел, зная только веру, любовью споспешествуемую, "веру живую", т. е. с органической необходимостью выражающуюся во всей полноте жизнедеятельности. Поэтому ни богословие, ни философия, взятые в отдельности, последней целью быть не могут, как не может быть последней целью и одна ограничивающаяся только собой практическая деятельность. Практика должна осмысливаться, объясняться и оправдываться идеей, в конце концов — религиозной; теория должна становиться тактикой, на практике оправдываться и осуществляться. Это следует и из раскрытого выше православного понимания истины как "истины соборной и конкретной". И ясно, что нельзя выделить особую сферу деятельности, как только религиозно-нравственную и только церковную, все же прочие признать религиозно-нравственно безразличными и совсем не церковными; хотя и должно различать сферы деятельности по степени их церковности, хотя и должно в известном смысле выделить Церковь как центр преображающегося в нее грешного мира. И деятельность и бытие являются как бы средой и материалом не внешней по отношению к ним религиозно-нравственной и церковной деятельности. Церковно-христианская деятельность есть искупление и спасение человека, т. е. его усовершенствование и в конце концов и в существе, говоря терминами святоотеческого богословия, его обожание (theosis). Совершенствоваться же — значит совершенствовать в себе и через себя весь мир, т. е. возводить и образовывать его из материала для Царства Божия в действительное Царство Божие. Полнота Церкви предполагает оцерковление всего. Становление мира Церковью объясняет, почему лишь средоточие его явственно пред-

стает как Соборная Православная Церковь и ныне — как Церковь Русская в соборном единстве Церквей Православных.

Таким образом, ни культура, ни государство не находятся вне Церкви и не являются чем-то нецерковным, хотя они и отличаются от Церкви в собственном или узком смысле этого слова. Культура и государство — начально организованный материал собственного своего церковного бытия. Они то, что может и должно стать Церковью, что становится уже Церковью, хотя бы мы и не могли еще точно различать в них между "уже церковным" и "еще не церковным". Для православного сознания государство, народ, культура не что-то внешнее и случайное, не какая-то допустимая и терпимая, но несущественная кора или случайное одеяние отвлеченно-общей сущности. Благословляя и преображая всякую личность, Церковь не делает в этом отношении различия между индивидуумом и личностью симфонической. Для нее и народ, и культурное единство многих народов тоже живые, развивающиеся личности. Все, за что Церковь молится, становится "кем-то", приобретает личное бытие. Деятельность же личности и продукты ее деятельности от личности неотделимы, будучи ее проявлениями. В идеале и существе своем весь мир — единая соборная вселенская Церковь, как единая совершенная личность, которая вместе с тем есть и иерархическое единство множества личностей, симфонических и — в последнем счете — индивидуальных, притом единство, превышающее пространство и время. Эмпирически многие из этих личностей (даже индивидуальные, например, последовательные коммунисты) не достигают сознательно-религиозного, церковного и даже просто личного бытия; но возможностью его все они "гадают. И они не повторяют друг друга, а — каждая — выражают или, по крайней мере, пытаются выразить свою индивидуальность.

В начале нашей эры средоточие мира находилось в древней христианской Церкви, как особой и высшей симфонической Юности, которая делает личной и церковной так называемую эллинистическую культуру и сама является высшим ее "олицетворением". Но по мере своего роста Церковь предстает как соборное единство ряда церквей-культур, из которых главные — восточно-эллинистическая и западно-латинская, в свою очередь, являющиеся симфоническими личностями. Скоро (постепенно: начиная с IV в. и кончая XI в.) из соборного единства Церкви выпадает, отделяется и уединяется в себе западно-латинская. Свои индивидуальные особенности она признает за самое истину и за всю истину; понимая истину отвлеченно, практически же отожествляя ее со своим местным, провинциальным, она отрицает все иное, а следовательно, и самое соборность истины. В искаженном этой ересью развитии своем западно-латинское христианство, христианство Filioque и папы, индивидуализуется, с одной стороны, в культуре романской, с другой — в так и оставшейся зачаточной культуре германской. В подобной же дифференциации и индивидуации, только без ереси, развивается и сама Православная Церковь. Среди ее симфонических личностей первенствует сначала Церковь греческая, потом и доныне русская.

Православная русская Церковь эмпирически и есть русская культура, становящаяся Церковью. Этой целью и вытекающими из нее задачами определяется существо русской культуры. Русская Церковь, уже существующая как средоточие русской культуры, есть цель всей этой культуры. Она же является истинным центром тяготения всего потенциально-православного мира. И чтобы устранить всякие рационалистически-упрощающие толкования, т.е. чтобы исключить всякую возможность предполагать какое-то принудительное подведение всех под русские формы Православия, лучше называть субъект культуры, географически определяемой границами русского государства, не именем России, которая означает лишь первенствующую и основную народность и, как таковая, остается в полной своей силе, и не именем Российской Империи, что выдвигает лишь внешнее и к тому же на западный образец понимаемое, хотя и существенное государственное единство, но каким-нибудь новым именем. Сознание того, что религиозно-культурное единство, объемлемое и выражаемое русским государством, шире, чем русская — в узком смысле этого слова — культура, должно получить некоторое терминологическое закрепление. Надо выбирать между уже вошедшими в употребление понятиями: неудобопроизносимым четырехбуквием СССР и Евразией.

Евразия понимается нами как особая симфонически-личная индивидуация Православной Церкви и культуры. Основание ее единства и существо его в Православной Вере, которая отлична от Православия греческого, славянского и т. д., не в порядке их отрицания, а в порядке симфонического единства с ними и взаимовосполнения. Православие евразийского мира, почитаемое нами за высшее ныне выражение Православия, должно мыслиться как симфония или соборное единство разных его пониманий. Впрочем, доныне явственно и действенно существует лишь одно из них: все прочие еще находятся в состоянии потенциальном, как неосознанные и нераскрывшиеся своеобразия и специфические тяготения евразийского мира.

Религиозное единство России-Евразии — в смысле специальной ее религиозной потенции и в смысле наибольшего осуществления этой потенции в Православии русском — должно выразиться и как единая симфоническая культура, в коей руководящее положение принадлежит опять-таки культуре собственно русской. По существу, религия создает и опреде-

ляет культуру; и культура есть одно из проявлений религии, а не наоборот, как твердят до сих пор плохие учебники. Культурное единство, в свою очередь, сказывается и как единство этнологическое, этнологии же культурного целого соответствует его география. Выясняя ряды этих соответствий, можно защищать тезис, что как религия создает культуру, так и культура — этнологический тип, а этнологический тип выбирает или находит "свою" территорию и существенно по-своему ее преобразует. Однако для нас в данной связи вполне достаточно лишь выдвинуть основоположное значение этого тезиса, а практически утверждать только органическую, а вовсе не причинную связь культуры, этнографии и географии, их так называемую "конвергентность" ("сообращенность"),

С указанными выше оговорками мы можем теперь обратиться к рассмотрению Евразии как целого с точки зрения чисто культурной, не заботясь уже о последнем, т. е. религиозно-философском, обосновании евразийского единства.

V. Евразийско-русский культурный мир

В эпоху начавшейся вместе с императорским периодом острой европеизации России русское национальное сознание подверглось коренному извращению. Религиозно-культурная и национальная идея Москвы, как наследницы Византийского царства и потому действительного средоточия христианского мира, как оплота христианства в борьбе с язычеством и с западной еретической культурой, утратила именно религиозный свой смысл и религиозное, т. е. абсолютное, обоснование. На место ее выдвинулась европейская позитивно-политическая идея империи и империализма; культурная задача формулировалась обедненно и чисто эмпирически — как рост государственной территории и государственной мощи. Это случилось в то самое время, когда активная борьба с Востоком сменилась неудержимым и относительно мирным распространением России на Восток и когда в обороне своей от еще активного, но уже утратившего свой религиозный пафос Ислама Русская Империя оказалась неожиданным союзником вчерашнего врага — Европы. Прежняя разграничительная линия между русской и азиатско-языческой культурами перестала ощущаться потому, что она просто исчезла: безболезненно и как-то незаметно границы русского государства почти совпали с границами монгольской империи, и не от кого стало с этой стороны защищаться. В связи с религиозным упадком Турции и под влиянием Европы борьба с турками воспринималась уже по-новому — в категориях европейской политики и в системе этой политики. С другой стороны, победоносный поворот России к Европе и вызванное им затишье в наступлении Европы на Россию, как и процесс самой европеизации, затушевали исконный антагонизм и способствовали помутнению национального самосознания. Утрачивалось сознание и западной границы. И так проблема русского национального самосознания ставилась во всей ее широте, во всем своеобразии ее, которое чуждо определяющему себя близкими и резкими границами любому из европейских народов. Не замечая своего легкого, но органического расширения в Азии, не углубляясь в собственное свое существо, Россия в лице своего европеизовавшегося правящего слоя начала считать себя частью Европы. Русские люди гордились не тем, чем они были, а тем, что хотели стать аванпостом Европы и европейской культуры в борьбе с иными культурами, в том числе и со своей собственной. Они стали стыдиться своего, как варварского. Правда, факта русской мощи они отрицать не могли, как не могли подавить в себе и самое стихию национального самосознания; к тому же национальное самосознание значилось и в категориях европейской культуры. И вот в замену старой московской идеологии создается по европейскому образцу новая, ложноклассическая и романтическая генеалогия русской культуры, чему способствуют остатки старого религиозного миросозерцания и факт Православной Церкви. Оказывается, что основа русской культуры — культура великоросская — связана со славянством (от слова "слава"), в пользу чего, конечно, свидетельствует язык (хотя никто, например, не считает евреев арамейцами, немцами или испанцами), но что совершенно несправедливо по отношению к финской и туранской, вообще, крови. Неясность была настолько велика, что даже пробуждение русского национального самосознания увлекло частью на ложные пути и получило наименование "славянофильство". Только К. Леонтьев решился формулировать выводы своего богатого и непредвзятого опыта и мужественно выступить против растворения русской культуры в отвлеченном и романтическом панславизме. Но на его слова также никто не обращал внимания, как и на — пускай часто даже поверхностные, но все же непредвзятые — впечатления иностранцев. А иностранцы не смешивают русскую культуру ни с европейской, ни со славянством. Они воспринимают Москву, русский быт, русское искусство, русский психический уклад как "Азию", хотя, конечно, и отличают эту "Азию" от Индии или Китая. Для иранцев же русские — преемники Турана.

Это предисловие нам кажется небесполезным для правильной постановки проблемы и для правильного ее разрешения. К ней надо подойти непредвзято и, прежде всего, освободиться от шаблонов и ложных традиций. В прошлом лучше всего ее чувствовали все-таки славянофилы, и наша критика стремится лишь освободить здоровое зерно славянофильства от всего ему чужеродного и наносного. Славянофилы правы, посколь-

ку связывают проблему культуры с религией и русскую культуру — с судьбами Православия. Но как раз с этой точки зрения надо отнести к европейской культуре не только поляков, но и чехов и все славянское инославие. Далее следует поставить вопрос: насколько Православие славян южных является существом и двигательной силой их культуры и насколько умирающим их прошлым. Наконец, в последнем случае, нет оснований говорить о славяно-русском мире как о культурном целом, но самое большее — об островах родственной нам славянской культуры в море культуры европейской. С религиозной идеей славянофилы сочетали — и притом не только внешне — идею этнического родства. Это родство не так велико, как казалось им и их ложноклассическим предшественникам. По крови и этническому типу нам ближе болгары, чем сербы, и сами мы, т. е. господствующие наши народности, этнологически относимся к славянам с большой натяжкой. Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те, и другие), а — русские. Этнологически сопоставляя населяющие территорию России народности, мы можем построить некоторый ряд, в середине которого окажутся великороссы и между двумя последовательными членами которого переход будет неуловим. Мы должны констатировать особый этнический тип, на периферии сближающийся как с азиатским, так и с европейским и, в частности, конечно, более всего славянским, но отличающийся от них резче, чем отличаются друг от друга отдельные, "соседние" в нашем ряду его представители. Этническое единство русской территории становится еще очевиднее, когда мы сосредоточиваемся на формах быта, на основных тенденциях народного искусства и, особенно, на типичном психическом укладе. Но оно усматривается даже в данных сравнительного языкознания, которое позволяет уловить некоторую общую потенцию в далеко отстоящих друг от друга по своему происхождению и структуре языках России.

Было бы очень плохо, если бы мы пытались противопоставить одностороннему отожествлению русской культуры со славянской или славяногреческой столь же одностороннее отожествление ее с туранской. Тогда бы мы оставались в одной плоскости с нашими противниками — внизу. Только в порядке критики и указания на их односторонность имеет смысл говорить о "туранском элементе" в русской культуре, вовсе не в порядке ее существенного истолкования. Так же можно говорить и об элементе "славянском" иранском, даже об элементе европейском, хотя практически о туранском говорить и нужнее. Культура России не есть культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Она — совершенно особая, специфическая

культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатские. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную, евразийскую культуру. Этот термин не отрицает за русским народом первенствующего значения в ней, но освобождает от ряда ложных ассоциаций, вскрывая вместе с тем зерно правды, заключенное в раннем славянофильстве и заглушенное его дальнейшим развитием. Мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими. Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго.

Культура не есть случайная совокупность разных элементов и не может быть такой совокупностью. Культура — органическое и специфическое единство, живой организм. Она всегда предполагает существование осуществляющего себя в ней субъекта, особую симфоническую личность. И этот субъект культуры (культуро-личность), как всякая личность, рождается, развивается, умирает. Но рождается он в какой-нибудь среде — в среде другой культуры, других культур или обломков и элементов разных культур. Возникая, он осваивает, т. е. преобразует и делает собой эти элементы: и это и есть его рождение и развитие. Новую культуру можно смешать со старыми и счесть простой комбинацией их элементов только в том случае, если мы, стремясь ее познать, смотрим не на ее субъекта, а на еще не освоенный им строительный материал — на окружающую его среду и на еще не переваренные им инородные тела. Когда мы говорим об "элементах" культуры, о ее "заимствованиях" и о "влияниях" на нее, мы делаемся жертвой поверхностных наблюдений, принимая за свойственное культуре то, что еще ею не освоено, или называя чужим то, что когда-то было чужим, но зато и совсем другим. С внешней точки зрения нет самостоятельных культур, ибо ни одна из известных нам не свалилась готовой с неба, но все родились в какой-то уже существовавшей среде других культур. Но по существу всякая культура, в собственном смысле этого слова, самобытна и рождается как нечто абсолютно новое и специфическое, что мы и выражаем, когда говорим об "идее" или "духе" данной культуры.

Весь смысл и пафос наших утверждений сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта, как симфонической личности. Нам уже недостаточно того смутного культурного самосознания, которое было у славянофилов, хотя мы и чтим их как наиболее нам по духу близких. Но мы решительно отвергаем существо западничества, т. е. отрицание самобытности и, в конце концов, самого существования нашей культуры. Нам стыдно за русских людей, которым приходится узнавать о суще-

ствовании русской культуры от немца Шпенглера. Отметая лукавые попытки западнического духа — заразившего и славянофилов — растворить проблему евразийско-русской культуры в расплывчатом учении о племенном родстве, мы полемически подчеркиваем "туранские элементы" и, отрицая мнимонаучный механический подход к вопросу, выдвигаем единство и органичность, целостность культуры, ее личное качество. Культура рождается и развивается как органическое целое. Она сразу ("конвергентно") проявляется в формах политических и социально-хозяйственных, и в бытовом укладе, и в этническом типе, и в географических особенностях ее территории.

Именно с географической целостностью и определенностью русско-евразийской культуры стоит в связи наименование ее евразийской, причем давно уже утвердившийся в науке и обозначавший Европу и Азию как один материк термин получает более узкое и точное значение. Евразия в старом смысле слова подразделяется уже не на Европу и Азию, а на 1) срединный континент или собственно Евразию и два периферических мира; 2) азиатский (Китай, Индия, Иран) и 3) европейский, граничащий с Евразией примерно по линии: реки Неман-Западный Буг-Сан-Устье Дуная. Эта последняя граница является и водоразделом двух колонизационных волн, идущих одна на Восток, а другая на Запад и сталкивающихся на берегах Берингова моря. Таким образом, в общем и целом, с отклонениями в обе стороны, границы Евразии совпадают с границами Русской Империи, "естественность" которых засвидетельствована в последнее время тем, что они уже более или менее восстановились, несмотря на страшные потрясения войны и революции. Представляя собой особую часть света, особый континент, Евразия характеризуется как некоторое замкнутое и типичное целое и с точки зрения климата, и с точки зрения других географических условий. Ограниченная с севера полосой тундр, на юге она окаймляется горными цепями и лишь в малой степени соприкасается с океаном и дающими к нему свободный выход морями. Этим и величиной ее определятся и ее экономические возможности. Для Евразии исключено активное участие в океаническом хозяйстве, характерном для Европы. Зато естественные богатства Евразии и их распределение открывают ей путь к экономическому самодовлению и превращают ее как бы в континент-океан. Единство этого океана-континента отличается весьма своеобразными чертами, которые соответствуют этническому типу евразийца и явственно сказались в истории Евразии. Тогда как почти все ее реки текут в направлении меридиональном, непрерывная полоса степей, не пересекаемая трудно преодолимыми естественными преградами, прорезает и объединяет ее с Запада на Восток. Степная полоса — становой хребет

ее истории. Объединителем Евразии не могло быть государство, возникшее и оставшееся на том или другом из речных ее бассейнов, хотя как раз водные пути и способствовали тому, что на них культура Евразии достигала своего высшего развития. Всякое речное государство всегда находилось под угрозой со стороны, перерезавшей его степи. Напротив, тот, кто владел степью, легко становился политическим объединителем всей Евразии. И в связи со степью находится тот факт, что единство Евразии обладает несравнимо большей силой и потому большим стремлением и внешне себя выразить, чем единство других континентов. Конечно, степь, как таковая, больше сказывается в прошлом Евразии. Но, во-первых, прошлым определяется настоящее, а во-вторых — здесь империя оказалась на высоте русской исторической задачи: постройкой великого сибирского пути она транспонировала степную идею в условия современной политической и хозяйственной жизни. Природа Евразии нашла и выразила себя в совершенно новой обстановке.

Естественные условия равнинной Евразии, ее почва и особенно ее степная полоса, по которой распространилась русская народность, определяют хозяйственно-социальные процессы евразийской культуры и, в частности, характерные для нее колонизационные движения, в которых приобретает оформление исконная кочевническая стихия. Все это возвращает нас к основным чертам евразийского психического уклада — к сознанию органичности социально-политической жизни и связи ее с природой, к "материковому" размаху, к "русской широте" и к известной условности исторически устаивающихся форм, к "материковому" национальному самосознанию в безграничности, которое для европеизованного взгляда часто кажется отсутствием патриотизма, т. е. патриотизма европейского. Евразийский традиционализм совсем особенный. Он является верностью своей основной стихии и тенденции и неразрушимой уверенностью в ее силе и окончательном торжестве. Он допускает самые рискованные опыты и бурные взрывы стихии, в которых за пустой трескотней революционной фразеологии ощутимы старые кочевнические инстинкты, и не связывает себя, как на Западе, не отожествляет себя с внешней формой. Ему ценна лишь живая и абсолютно значимая форма. А есть ли такие формы вне истинной религии? И не знает ли евразиец по опыту своего необозримого континента, что подлинно ценное в своих формах многообразно, что за всякой живой формой скрывается нечто подлинное и важное? Он и ценит традицию, как родственный ему туранец, определенный и примитивный, и остро ощущает ее относительность, и ненавидит ее деспотические границы, как другой его близкий родственник — иранец. Он до наивности прост и элементарен, как Л. Толстой,

и вместе с тем сложен, изощрен и диалектичен, как Достоевский, и еще — хотя и редко — гармоничен, как Пушкин или Хомяков.

Так Евразия предстает перед нами как возглавляемый Россией особый культурный мир, внутренне и крепко единый в бесконечном и часто, по видимости, в противоречивом многообразии своих проявлений. Евразия-Россия — развивающаяся своеобразная культуро-личность. Она, как и другие многонародные культурные единства, индивидуализует человечество, являя его единство во взаимообщении с ними, и потому, осуществляя себя, осуществляет свою общечеловеческую, "историческую" миссию. Но она притязает еще и на то и верит в то, что ей в нашу эпоху принадлежит руководящая и первенствующая роль в ряду человеческих культур. Она верит в это, вопреки видимости выражая свою веру в наивных и младенческих еще мечтах о себе, как о "третьем Риме", и в отвлеченной тарабарщине "третьего интернационала". Но обосновать свою веру она может только религиозно. Как индивидуация общечеловеческой культуры, которая как отвлеченно и общеобязательно общая совсем не существует, евразийская культура связана, конечно, с другими. Однако ей ближе и родственнее культуры азиатские. Она в Азии у себя дома. И для ее будущего необходимо восполнить и закончить дело, начатое Петром, т. е. вслед за тактически необходимым поворотом к Европе совершить органический поворот к Азии.

VI. Единство Евразии

Обвинения и самообвинения русских в негосударственности, т.е. в слабости их государственного единства, не только противоречат фактам — всей прежней истории России и устойчивости ее государственности, не только упускают из виду совершенную несоизмеримость масштабов русского и европейского. Они основываются на смешении двух разных понятий: единства культурно-материкового и единства национально-государственного. Нельзя сопоставлять Россию-Евразию с Францией, Германией или вообще с каким-нибудь из европейских государств. Надо проводить аналогию между Россией и империей Карла Великого, Священной Римской империей, Империей Наполеона; и в этом случае сразу же обнаруживается большая крепость, органичность и реальность единства Евразии. Нечто подобное России представляет собой колониальная империя Англии, но эта империя объемлет лишь часть англо-саксонского мира. Еще менее, чем Европа, объединена Азия, разделенная тремя центрами тяготения: китайским и буддистски-конфуцианским, индийским и буддистски-брахманистским и иранским или исламо-мазденстским.

Европа являет сравнительно сильное и длительное культурное единство только как Европа католическо-романская. Но романскому универсализму искони противостоит германско-протестантская стихия, которой романизм освоить и растворить в себе до конца все-таки не мог, хотя и смог искалечить и ограничить ее развитие. Вслед за отпадением Запада в ересь и раскол и в глубочайшей связи с этим он перешел в стадию разложения первичного и потенциального единства своей культуры, что, разумеется, не мешало ей раскрывать, хотя и неполно, свою природу. Постепенно отрываясь от абсолютного, религиозного основания своей культуры, т. е. омирщаясь или секуляризуясь, Запад все более понимал свое единство как "светски" или безрелигиозно культурное. От попытки объединения в полурелигиозной монархии Карла Великого он перешел к расколу на мирскую католическую Церковь и мниморелигиозную "священную империю" германского народа, которая незаметно закончила свою жизнь в гибели Австрии. Последняя судорожно-феерическая вспышка — Империя Наполеона — привела к комедии Священного Союза и фарсу Лиги Наций. И весьма знаменательно, что единство европейского мира мыслится им позитивистически-рационалистически — как отвлеченное и не включающее в себя полноте национального своеобразия (почему бы не отделить австрийских немцев от имперских, а полякам не подсыпать тех же немцев и русских?) и не исключающее народов иных культур (почему бы не оставить в Лиге Наций места для Турции и не включить в нее Японию?). Отвлеченный универсализм одинаково характерен на Западе и для религиозной концепции католичества, и для позитивистической концепции социалистического интернационала. Для обеих национальное бытие и национальная культура кажутся лишь помехами, чем-то низшим и, в лучшем случае, терпимым. Но это и значит, что единство западной культуры в конкретных формах неосуществимо и что на Западе есть Франция, Германия, Италия, а Европа потерялась.

Исторически первые обнаружения евразийского культурного единства приходится искать не в Киевской Руси, которая была лишь колыбелью будущего руководящего народа Евразии и местом, где родилось Русское Православие, не в Хазарском царстве, конечно, и даже не в Руси Северо-Восточной. Впервые евразийский культурный мир предстал как целое в империи Чингисхана, правда, быстро разлившейся за географические пределы Евразии. Монголы сформулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя. Они ориентировали к этой задаче евразийские национальные государства, прежде всего и более всего — Московский улус. Это Московское государство, органически выросшее из Северо-Восточной Руси и еще до окончательного своего оформления решившее в лице Алек-

сандра Невского ценой татарского ига предпочесть верность своему исконному Православию окатоличению, теперь заступило место монголов и приняло на себя их культурно-политическое наследие. Вырастая в национально-московское государство, собирая русские земли и становясь общерусским, Москва явилась новой объединительницей евразийского мира. Она направила его силы к его истинному центру, к которому он бессознательно тянулся и который нашел в ней ясное идеологическое выражение и несомненное, т. е. религиозное, оправдание. Евразия стояла перед своим самораскрытием и перед своей исторической миссией.

Однако развитие пошло медленнее и болезненнее, чем можно было ожидать. Формально империя продолжила дело Москвы в некоторых существенных направлениях. Империя почти закончила государственное объединение евразийского материка и, отстояв его от посягательств Европы, создала сильные политические традиции. Но самое существо русско-евразийской идеи осталось неосознанным и даже искаженным, правда, лишь в призванном его осуществлять правящем слое.

Правящий слой (правительство и интеллигенция) дорого расплатилась за свою науку у Европы, необходимую для самого существования России, ибо Европа технически ее опередила и ей угрожала. Этот слой настолько европеизовался, что почти потерял свою русскую душу, не приобретя, впрочем, и европейской. Он сохранял русские свойства и даже часто специфически русские дарования, но без организующей их русской идеи. Русское Православие, как принцип евразийско-русской культуры, сменилось или недейственной, бледной и мнимой общехристианской и даже общечеловеческой религией, или европейским религиозным индифферентизмом, или европейским же рационалистическим сектантством, религией человечества и социализма. При таких условиях правящий слой был не в силах даже для себя самого оправдать евразийско-русскую идею. Но он не мог ее и как следует понять. Россия-Евразия представлялась ему как культурно отставшая часть Европы, и, болезненно стыдясь и вечно сомневаясь, он всячески старался доказать себе и европейцам свою "культурность" и предлагал Европе свои вредные или ненужные для России услуги. Естественно, что между ним и народными массами сначала установилось взаимное непонимание, а потом разверзлась непреодолимая пропасть. Он оторвался от взрастившего его народа, встал к нему во враждебные, хотя у интеллигенции долго считавшиеся народолюбством, отношения и, не питаемый здоровыми народными соками, стал засыхать или разлагаться. Однако и здесь поразительной оказалась сила политического единства. Оно держалось вопреки полной негодности правящих. Его не уничтожили ни война, ни преступные эксперименты, произведенные наследниками великого Петра; сначала безвольными интеллигентами-непротивленцами, потом волевыми интеллигентами-фанатиками и — ультраевропейцами. Из невероятных потрясений Россия-Евразия выходит не потрясенной и обессиленной, не усталой, а обновленной и полной рвущихся наружу сил. Это что-нибудь да значит.

VII. Церковь и государство как формы личного бытия и их взаимоотношение

Всякий народ, всякий культуро-субъект, как и всякий индивидуум даже, остаются потенциальными личностями, пока не выльются в соответствующую им форму своего "личного бытия" пока не создадут ее из себя или, в худшем случае, не освоят заимствованную у других личину. Истинной формой личного бытия, индивидуального, так и симфонического, является бытие церковное. А оно — в идеале — есть жизнь личности не только в меру направленности этой жизни к Богу, но и во всех иных сферах одним словом — вся полнота личной жизни. Однако всякая эмпирическая личность несовершенна, неполна и греховна. Она не есть еще совершенный член Церкви и не есть Церковь. Она лишь стремится стать и становится, хотя бы и бессознательно, церковной и Церковью. Поэтому эмпирическая личность не обладает полнотой живого конкретного единства или личного бытия, но как бы разъята в самой себе на явственно и сознательно церковное и личное и на потенциально-церковное или "мирское". Притом личность разъята так, что и ее потенциально-церковное в противостоянии действительно церковному тоже становится в некотором смысле личным (именно как потенциально-церковное). Болезнь эмпирической личности — ибо это ее болезнь — можно пояснить и определить хорошо известным термином психопатологии — понятием "раздвоение личности". Впрочем, не должно забывать, что нормальная личность характеризуется как раз ее личным усовершенствованием, ее становлением личностью, и это раздвоение, к тому же относительное, происходит "внутри" единства.

По заданию своему симфоническая культуро-личность должна быть совершенной, действительной личностью, т. е. Церковью, особой индивидуацией Соборной Вселенской Церкви. И то же самое справедливо в применении ко всякой симфонической личности. Но в силу эмпирического несовершенства культуры личности и она болеет "раздвоением". Потенциально-церковное в ней, т. е. грешное и несовершенное, противостоит ее лично-церковному бытию и в этом противостоянии все же некоторым образом лично. Так, наряду с Церковью (индивидуацией Церкви в особой симфонической личности), которая и есть истинная форма личного бытия культуры (народа и т. д.), возникает и другая, производная, или вторич-

ная, форма личного бытия той же культуры (того же народа и т.д.). Ее-то мы и называем государством, а ее сферу и бытие — государственностью, понимая под "государственным" и "политическим" направление к целостности или единству культур (или народов), как объединяющееся и единое. Принципиальное государство есть сама культура в ее единстве и в качестве единства многообразия, т. е. принципиально государство объемлет все сферы жизни. Но в силу несовершенства или — конкретно — разъединенности государства удобно и практически иногда неизбежно называть политическим только явственно и сознательно направленное к единству и противопоставлять государственности сферы экономической и социальной жизни.

Чтобы понять отношение государства к Церкви, необходимо не только помнить об основополагающем их различии, как различии совершенного и несовершенного, святого и грешного, определенного направлением к Богу и сознательно этим направлением не определенного, и не только не забывать о том, что государство должно становиться и становится Церковью. Необходимо еще осознать во всех его выводах то положение, что водораздел между государством и Церковью проходит внутри всякого индивидуального сознания. Поэтому, хотя и Церковь, и государство вполне конкретны и противостоят друг другу как видимые организации, следует остерегаться от смешения их с их личным составом: много нецерковного и государственного, а потому и подлежащего оценке как таковое в церковной организации и иерархии, поскольку мы рассматриваем их со стороны их людского состава, и обратно — много церковного в организации государственной. Есть политическая, и потому порочная, церковность (например, Карловацкий собор, попытки "догматического обоснования" самодержавия и т. д.), и церковная или мнимоцерковная государственность (например, использование Церкви государством в политических целях, антирелигиозная политика большевиков, проводимая ими во имя их мнимой религии, попытка насадить атеизм и коммунизм). Так возникает незаконное смещение сфер, часто практически неустранимое и вполне, во всяком случае, понятное ввиду органической связи государства с Церковью. Практически обе сферы разграничить очень трудно, теоретически же можно установить лишь общий принцип.

Церковь — сфера свободной истины и деятельности, сфера соборного единства, свободной согласованности в освоении и раскрытии несомненного соборного предания. Церковь — область несомненного и святого, того, что на земле непорочно совершенствуется. Она не знает ни внешнего авторитета, ни внешнего принуждения. Вовлекая в себя всю жизнь и будучи конкретной, Церковь хочет, чтобы конкретное бытие свободно оцерковлялось. Поэтому, указывая несомненные идеалы и цели, она дает свои указания в общей форме и призывает личность к самостоятельной и свободной конкретизации их в ее личности, качестве. Если личность грешит и ошибается, Церковь называет грех грехом и ошибку ошибкой, но не отвергает правды, как истинного существа искажаемого грехом стремления, и не говорит, как и что надо сделать, ибо это уже сфера индивидуальной свободы, которую Церковь ревниво оберегает. Ясно, что у Церкви не может и не должно быть политической и вообще конкретно-практической программы. Она изменила бы своей природе, если бы стала говорить, какой политический строй в данный момент лучше: монархия или республика, как решать крестьянский вопрос или как организовать товарищество на паях. Ожидать и требовать от Церкви подобных конкретных указаний — значит превращать ее в чисто эмпирическое учреждение, отожествлять ее с государством и, отдаваясь в рабство внешнему эмпирическому авторитету, отрекаться от своей свободы, от своего церковного бытия. В Церкви — источник всякой идеологии; но идеологии и программы — сфера мира, свободно их развивающего и только еще становящегося Церковью.

Государство — единство еще не церковного мира, отъединенного в известной мере от Церкви и разъединенного в себе самом. Государство почерпает основы своей жизни и своей идеологии в Церкви, в органической, интимной и часто несознаваемой связи с ней, но оно конкретизирует и осуществляет эти основы в своей "мирской" сфере и направляет свою деятельность на "мирское", как бы горизонтально. Государство неизбежно ошибается и грешит, хотя, стараясь быть христианским и прислушиваясь к голосу Церкви, свои ошибки и исправляет. Действуя в конкретной греховной сфере, оно не грешить не может, но не может и бездействовать, ибо его бездействие равнозначно самому тяжкому греху — самоубийству. В факте внутренней своей разъединенности, и, прежде всего в разъединенности на правящих и управляемых, государство, конечно, никогда не достигнет соборного и свободного единства Церковного. Правящий слой, или отбор (интеллигенция и правительство), органически вырастает из самого народа из самой культуры личности. Он осознает, выражает и осуществляет их бессознательную идеологию и их стихийную волю. Но он и противостоит породившей его массе (культуро-личности, народу), и между ним и ею неизбежно некоторое натяжение. Он может осуществлять свою волю, которая в нормальных условиях и по существу есть воля самой культуры личности, самого народа, только применяя силу и принуждение. Сфера государства — сфера силы и принуждения. И здесь менее всего уместно сентиментальное прекраснодушие, способное лишь породить анархию и появление на месте здоровой силы дикого

насильничества. Чем здоровее культура или народ, тем большей властностью и жестокостью отличается их государственность.

Отрицание органической и необходимой связи между Церковью и государством есть отрицание факта. Оно приводит к тому, что государство само старается быть Церковью, конечно, мнимой, и превращает сферу свободы в сферу принуждения. То же самое получается, если государство выделяет из себя новую мнимую церковь (например, коммунистическую) и свою программу делает религиозной догмой. Государство не может самодовлеть. Но признавать органическую связь государства с Церковью не значит еще сливать их в некотором расплывчатом единстве, называемом то церковью (папоцезаризм), то государством (цезаре-папизм). Европа думает найти выход в так называемом "отделении Церкви от государства". Тут прежде всего неправильна — характерно неправильна — сама терминология; нельзя отделить Церковь от государства, скорее уж государство может попытаться отделить себя от Церкви, т. е. отрицать свою связь с ней, последствия чего мы только указали. Церковь понимает государство как то, что стремится стать и становится ею. От этого понимания она, не переставая быть собой, отказаться не может, ибо, не может уничтожить содержащиеся в ней основы государственной идеологии и отречься от лежащего на ней долга провозглашать истину, призывать к исповеданию и осуществлению истины и обличать грех. Таким образом, осуществляемое на Западе, а в России провозглашенное "отделение" не дает никакого принципиального решения вопроса. Из всего уже сказанного такое решение, однако, намечается. Мы бы связали его с термином византийских канонистов — "симфония", т.е, согласование и согласованная деятельность. При ясном понимании того, что такое Церковь и государство и какова их истинная связь, теория симфоний трудностей не представляет; затруднения же практического характера разрешимы лишь в данной конкретной обстановке. Нам представляется, например, возможным следующий выход. Не посягая на свободную волю Церкви в не договариваясь с ней, государство своим односторонним актом провозглашает и признает для себя обязательной независимость Церкви от государства. Оно признает за Церковью полную свободу ее религиозной жизни, учения, проповеди и пропаганды, а также право предстательства и обличения, но оно оставляет за собой право по своим законам карать всякое их нарушение со стороны представителей Церкви, отличая их от самой Церкви, его суду не подлежащей.

Признавая Церковь правомочным юридическим лицом, государство принципиально — чтобы и косвенным образом не нарушать независимости Церкви — отказывается от всякой материальной поддержки Церкви и от всякого совместного с Церковью официального выступления. Оно обязуется не только воздержаться от использования Церкви в своих политических целях, но и всемерно устранять политические выступления от лица Церкви. Практически получается нечто очень близкое к европейскому законодательству об "отделении Церкви от государства" (еще более близкое к линии поведения, намеченной уже в России свят. патриархом Тихоном). Но существеннейшее отличие заключается в том, что европейское отрицание связи между государством и Церковью заменяется утверждением этой связи и провозглашением оправдывающего само государство религиозно-нравственного примата Церкви, который, отрицая подчинение Церкви государству, отрицает и подчинение государства Церкви. Таким образом, государство получает возможность раскрыть религиозную свою природу и руководствоваться определяемыми им самим, а не диктуемыми "Церковью" религиозными конкретными заданиями. Оно может, например, взять на себя именно в данный момент необходимую защиту Православия от воинствующего католичества и организовать религиозное воспитание и обучение в своих школах, предложив Церкви принять в нем под контролем государства доброхотное участие, но, отнюдь не оплачивая этого участия из государственных средств и, во всяком случае, не превращая духовенства в зависимое от государства чиновничество. Разумеется, все эти и тому подобные им законодательные нормы могут иметь смысл и значение лишь в том случае, если ясно и до конца будут осознаны принципы.

Из всего сказанного следует, что историю России, поскольку мы берем эту историю в ее подлинном существе, надо понимать как историю рождения, становления и развития Православной Русской Церкви, которая и есть симфонически-личное бытие евразийско-русской культуры и высшая форма этого бытия. Но, поскольку мы отвлекаемся от последних и высших целей, от последнего и высшего смысла и оправдания евразийско-русского культурного процесса, поскольку мы снижаемся в плоскость чисто эмпирического рассмотрения, мы усматриваем форму симфонически-личного бытия еврзайиско-русского мира в его государственности. Путем изучения истории государства российского, путем самосознания находим мы опорные пункты для новой идеологии и новой практической деятельности. Но в этом случае нельзя пренебрегать и последним моментом в развитии русской государственности, т. е. революцией. Осмысление русской революции есть осмысление русской истории, и наоборот: уясняя смысл революции, мы уясняем смысл истории. И так как практически мы, прежде всего, ищем такого выхода из русской революции, который бы соответствовал существу русской истории, наша историософская концепция становится прагматической и в высшей степени актуальной. Мы ощущаем в себе веяние того необыкновенного стихийного подъема сил,

той энергии, которые столь непохожи на безвольные мечты умирающих элементов старой России и столь характерны для совершающихся в самой России процессов.

VIII. Смысл русской революции

Закончившая императорский период революция отнюдь не дикий и бессмысленный бунт, который бы можно было сопоставить с мятежом боровшейся с ее огосударствлением вольницы Разина и Пугачева, и который будто бы прервал мирное, идиллическими красками изображаемое развитие России. Еще менее русская революция является организованным группой злоумышленников, да еще прибывших в запломбированных вагонах, переворотом. Она — глубокий и существенный процесс, который дает последнее и последовательное выражение отрицательным тенденциям, исказившим великое дело Петра, но вместе с тем открывает дорогу и здоровой государственной стихии. Это вовсе не значит, что смысл революции правильно понят и действительные ее задачи верно сформулированы ее официальными идеологами и так называемыми "вождями" ее, которые, не исключая и Ленина, сочетавшего гениальное государственное чутье с тупостью доктринера-фанатика, были не руководителями ее, а ее орудиями. Резолюция прежде всего — саморазложение императорской России, гибель старой России как особой симфонической личности, ивдивидуировавшей русско-евразийскую культуру, и смерть ее в муках рождения России новой, новой индивидуации Евразии. В революционной анархии, начавшейся еще до войны и достигшей апогея в эпоху Временного правительства, с полной ясностью обнаружился давний трагический разрыв между народом, который со времени Петра не хотел европейской культуры, и, так как правящий слой, европеизуясь, вытягивал из него и европеизовал все живые силы, оставался в — потенциально-культурном состоянии, и правящим слоем, который в европеизации утрачивал свою народность, связь с народом и способность понимать и выражать народную идеологию. Этот разрыв повторился в распаде самого правящего слоя на правительство и "общество" и в распаде этого "общества" на цензовиков и "демократию" или третий элемент. Части правящего слоя вели друг с другом борьбу не на жизнь, а на смерть и одинаково самозванно выступали от имени неизвестного им народа, что и было разложением самого правящего слоя. Мы не хотим сказать, что в деятельности и идеологиях своих правительство и интеллигенция не обнаруживали никаких национальных черт и свойств. Национальные черты и свойства их были не лучшими и самыми ценными, а худшими и вредными, признаваемые ими народными задачи как раз и являлись не народными; так что правительство и интеллигенция оказывались правыми главным образом в отрицании: правительство — в борьбе с интеллигенцией, интеллигенция — в борьбе с правительством. Сейчас на "facies Hyppocratica" правящего слоя мы задним числом ясно улавливаем саркастическую улыбку России, для будущего которой нужна была смерть старого правящего слоя, т. е. его саморазложение.

Вымирание старого правящего слоя совершалось в эпоху революции и заканчивается теперь весьма различными путями. Часть его была физически и насильственно уничтожена, часть погибла в героической борьбе за свою старую идеологию. Многие тихо и незаметно умерли физически или душевно в отчаянии, разочаровании и апатии под гнетом невыносимых условий жизни. Некоторые бежали и после безнадежных попыток организовать европейский крестовый поход против России или перерождаются в европейцев, или медленно умирают, задыхаясь в разреженном воздухе своих абстракций и гальванизуя себя истерикой никому не нужных споров и наивными надеждами. Среди них преобладают "лидеры", т. е, люди, которых революционная анархия на мгновение выбросила на поверхность и которые на этом основании пришли к лестному для их честолюбия заключению, что они-то и есть настоящие государственные "мужи", призванные "возродить" Россию. Однако для жизненных элементов старого давящего строя смерть оказалась новым рождением; они были органически освоены новым, поднявшимся снизу правящим слоем и сделались живыми его клеточками.

Новый правящий слой естественно-органически вырос из народного материка. Однако в период революционной анархии условием его образования было воплощение государственной стихии в сравнительно небольшой волевой и "религиозно"-идеологически одушевленной группе, которая, резко и фанатически разрывая со старым, поняла — что в эпоху революции, разрушающей все старые санкции власти, эта власть может утвердиться и убедить народ в своей годности только мерами дикого насилия и неразборчивостью в средствах. Такой группой оказались худшие из интеллигентов, наименее умственно развитые и образованные, наиболее примитивные и фанатические, и примкнувшие а ним уголовные преступники. Это, пользуясь терминологией XVI-XVII вв., — "воры". Идеология новой революционной власти была примитивна, нелепа и выражала идеологию народной массы только там, где в практических своих выводах для данного момента скрещивалась с ней. Она приносила много неудобств и вреда, и чем дальше, тем приносит все более. Но выбора у народа не было, так как вся прочая интеллигенция или старалась навязать ему свою волю, или обнаруживала полную свою неспособность

и безволие, или прикрывала свою неспособность принципиальным саботажем. Впрочем, не следует преувеличивать расхождения между "идеологическими" мерами коммунистов и народными нуждами. Конечно, коммунисты, по своему обыкновению, лгут, когда заявляют теперь, будто они всерьез вводить коммунизм не думали. Но, по существу, они, называя свой эксперимент "военным коммунизмом", высказывают и нечто справедливое. Запрещая свободную торговлю (но, не будучи в состоянии справиться с мешочниками), экспроприируя и реквизируя, сажая городское население на голодный паек, который позволял выжить только здоровым и приспособленным, коммунисты верили в наступление коммунизма, а на самом деле являлись бессознательными орудиями возрождавшейся государственности. Ибо иначе нельзя было спасти от полной гибели хоть часть, и притом нужную для будущего часть, старого правящего слоя, сохранить остатки государственного аппарата и удержать угрожаемое государственное единство. Не обладая ни исторической санкцией, ни политическим кредитом, который был окончательно подорван Временным правительством, ни моральным авторитетом, они мерами насилия утверждали и укрепляли государственную власть и вместе с тем канализировали и организовали стихийную и объяснимую исторически ненависть масс к "барину" и "барству". Под влиянием идеологических традиций, идущих от кровожадной французской революции, и в силу неизбежного в революционной власти наличия уголовных элементов это выродилось в чудовищный террор. Коммунисты верили, может быть, некоторые из них и все еще верят, будто их "третий интернационал" успешно подготовляет мировую коммунистическую революцию. На самом деле этот "интернационал" являлся вначале одним из бессознательных орудий в международной политике ослабленной войной и революцией России, но очень скоро встал в решительное противоречие с ее задачами и превратился в осознанную наиболее государственными элементами помеху. Коммунисты, сами того не замечая, возобновили политику Москвы, которая тоже поддерживала и поощряла "угнетаемых" в Новгороде или Пскове, чтобы легче и скорее эти государства подчинить себе, а в гетманской Украине XVII-XVIII вв. поощряла посполитых против старшины, дабы вобрать в себя тех и других. Разумеется, теперь о завоевании Европы никто не думает: речь идет о необходимой самообороне и о территории Евразии. Ведь по опыту Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля мы очень хорошо уже знаем, что такое доброе отношение "союзников" к русским правительствам. Мы не сторонники тех форм монополии государственной торговли и "Госплана", какие существуют в современной России, но мы не согласны оценивать их в отвлечении от всего целого русских проблем и сомневаемся, что без замены их чем-то родственным можно сохранить и русский червонец, и хозяйственную независимость России.

Как бы то не было, коммунистически-большевистская партия — тот кристаллизационный центр, вокруг которого создался новый правящий слой. Великолепно организованная и властная до тираничности, она была становым хребтом правительства и — шире — правящего слоя. Лишь за последнее время обнаружилось, что она уже значительно растратила запас своей энергии и своего волевого напряжения, и главное — то, чем это напряжение было вызвано и до сих пор поддерживалось — коммунистическая идеология, — стоит перед окончательным крахом. Обоснованная неправомерной абсолютизацией относительного, одностороннего и ошибочного, коммунистическая идеология порождает в своих носителях сознание ее неосуществимости и нежизненности, которое нельзя заглушить настойчивыми уверениями себя во временном и тактическом отступлении. Она может осуществляться лишь на "идеологическом фронте", самим существованием своим ее опровергающем. Государственная стихия заставляет коммунистов действовать вопреки своей идеологии и испытывать жестокие разочарования именно там, где они поступают в согласии с ней. Чем более усложняется жизнь, тем неодолимее для них ее требования и тем более они у нее учатся; а учиться у жизни — значит разучиваться в коммунизме. Все труднее становится спорить с фактом умирания, и окончательного умирания коммунистической идеологии. Иные уже готовы отказаться от власти и, "хлопнув дверью", уйти опять в подполье в надежде заработать на чистоте идеологии и на новой возможной анархии; другие готовы вместе с идеологией отречься от созданных в процессе революции, и не только для коммунистов, важных форм. Третьи пытаются наметить и удержать среднюю, компромиссную линию, однако же, не с точки зрения ее государственного значения, а с точки зрения нелепых идеологических предпосылок и "заветов" Ленина. Но возможна ли длительно такая линия? И какой пафос поддержит их слабеющую и подрываемую внутрипартийными распрями энергию, если пафос коммунизма уже выдохся, а другого они не знают?

Эти вопросы обладают весьма жизненным значением для ближайшего будущего русской государственности. Ведь до сих пор новый государственный аппарат и новый правящий слой держатся инициативой, энергией и организованностью партии, которая прослаивает и связывает их и все еще держит над уровнем простой, будничной деловитости, необходимой, может быть, более всего необходимой, но еще недостаточной. Сплоченный и прослоенный партией непартийный правящий слой сыграл и играет еще боль-

шую роль. Он является главным проводником конкретных потребностей народа и здоровых традиций старой государственности. В нем будущее связывается с прошлым и расплавляющая все стихия революции возвращается к самым истокам народной жизни, в которых настоящее осмысляется прошлым и становится смыслом прошлого. В нем происходит взаимообщение партии с народом и вырабатывается, рождается правящий слой будущего. В нем же создаются и развиваются сами формы новой государственности. Но если бы партия сразу и без замены чем-либо ей равнозначным исчезла, наметившиеся, по крайней мере, новые формы и новый правящий слой оказались бы в очень затруднительном и даже опасном положении. Перед нами предстала бы серая масса добросовестных, умелых и самоотверженных, но никому не известных безынициативных и безыдейных работников, прекрасная армия без штаба и без идеологии. В кредит ее силы никто не поверит, а перед ней тотчас же вырастут выходцы с того света — монархические, демократические и социалистические претенденты на власть, некоторые из которых не постесняются сыграть на аппетитах Европы. Если даже новому правящему слою удастся сравнительно безболезненно удержаться у власти или, в чем можно не сомневаться, довольно скоро ее себе вернуть, едва ли желательны серые будни и топтание на месте.

Итак, коммунистическая идеология, несомненно, и окончательно погибает, увлекая за собой и социалистические идеологии вообще. Ее гибель угрожает гибелью и большевистской партии, которая без идеологии не может обладать ни пафосом, ни должной энергией, ни сильной организацией. С гибелью же большевистской партии, если она не будет заменена, связаны серьезные опасности для всего нового правящего слоя, для создавшихся новых форм государственности и для нормального развития самой Евразии-России. И опасность не только в том, что России угрожают новые потрясения, но и в том, что "гора родит мышь", т. е. страшное напряжение революционных годов сойдет на нет или приведет к очень малым результатам.

Есть ли возможность предотвратить хотя бы частично эти угрожающие уже стране опасности? Или мы должны, констатировав факт, склониться перед его неизбежностью и уповать на инстинктивную мудрость и творческие силы русского народа? Но если эти свойства у него есть, в чем мы не сомневаемся, и если мы — русские люди, они должны сказываться в нас не как пассивное упование, а как активное искание и нахождение действительного выхода. Он вытекает из всего предшествующего изложения. Необходима новая идеология и необходима, как носительница ее, новая партия, не менее одушевленная и сплоченная, чем первые большевики.

IX. Проблемы перехода и ближайшего будущего

Формальные требования, предъявляемые нами к новой идеологии, уже ясны: она прежде всего должна быть абсолютно обоснованной и — в формулировании ее — быть обращенной к конкретной действительности сегодняшнего дня. Ее основные принципы и общее содержание достаточно уяснены в предшествующем изложении. Попытка наметить главные пункты конкретной программы будет сделана далее.

Ясно, что одни идеологические рассуждения, как бы умны и верны они ни были, дела не подвинут. Наши слова и мысли должны претворяться в деятельность; и, если на нас лежит тяжкая ответственность за всякую теоретическую ошибку, мы еще более ответственны за бездействие. Слово должно становиться делом; и иные слова уже и есть дело, ибо, только раскрыв и оправдав истинный смысл происходящего, может Россия выйти из тупика. Ложной и лживой программе коммунистов, с одной стороны, беспрограммности и безыдейности — с другой, необходимо противопоставить ясную идеологию и четкую программу. Иного выхода нет.

Простое провозглашение и развитие новой идеологии недостаточно. Такой роскоши мы позволить себе уже не можем. Оставаясь в области чистой теории, мы расплываемся в ненужных словесных спорах и вредных абстракциях, в писании законов, которые будут оказываться устаревшими ранее их написания. Теоретическая разработка идеологии нужна, но не в ней центр тяжести. Необходимо создать новую партию, которая бы явилась носительницей этой новой идеологии и смогла занять место коммунистической. Эта партия должна вместо большевиков стать основой и направляющей силой уже создавшегося в России нового правящего слоя. И если без новой идеологии такой партии не создать, то без нее новая идеология обречена на очень долгую недейственность.

Мысля новую партию как преемницу большевиков, мы уже придаем понятию партии совсем новый смысл, резко отличающий ее от политических партий в Европе. Она — партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключающая существование других таких же партий. Она — государственно-идеологический союз; но вместе с тем она раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления, а идеологией. Формально нечто подобное этому представляет собой итальянский фашизм, лишенный, впрочем, глубокой идеологии; но, разумеется, большую аналогию дают сами большевики. Возможность такой партии связана не только с тем, что она мыслится как часть того же правящего слоя, частью которого сейчас являются большевики, но и с тем, что сохраняются суще-

ствующие ныне в России формы демократии (система Советов с многостепенностью выборов). Ведь именно они устраняют опасности западной демократии, т. е. господство группы политиков-профессионалов и объясняемую этим многопартийность.

Само собой разумеется, было бы наивно предполагать, будто подобную партию-правительство можно создать в эмиграции. Помимо того, что эмиграционной партии никто в России не поверит и что из-за границы нельзя сделаться русским правительством, иначе как на бумаге, новая партия по самому существу дела должна находиться в тесной связи с правящим слоем, из него вырастать или, по крайней мере, частью впитывать его в себя и с ним сливаться. Роль эмиграции здесь очень скромна и может лишь несколько возрасти, как только в России станет возможной легальная политическая борьба. Зато уже теперь на эмиграцию падает идеологическая работа.

Если мы называем новую партию (союз) возможной наследницей большевистской и с большевистской ее сопоставляем, мы имеем в виду форму и структуру, а не содержание ее идеологии. Коммунистической идеологии противопоставляется принципиально иная — сознательно-религиозная, православная и не отвлеченно-интернациональная, а евразийско-русская. И если новая партия притязает на то же самое место в государственном строе современной России, строй этот, а потому и "партия" понимаются иначе. Именно: в первую голову необходимо устранить то нелепое и вредное смешение религии (мнимой) с политикой, которое называется у большевиков отделением церкви от государства. Положение Церкви надо определить в уже сказанном направлении (§7), а партию и государство освободить от религиозных черт и тенденций, в то же самое время утверждая религиозно-нравственный примат Церкви (§7), т. е. религиозную или абсолютную обоснованность государства. Конечно, речь идет не о каком-то подчинении государства Церкви — против тенденции коммунистов подчинить политику религии (разумеется, своей "религии" коммунизма-атеизма) мы как раз и хотим бороться, но не для того, чтобы заменять коммунистическое насилие православно-церковным и насильственно оцерковлять. Таким злостным истолкованиям нашей мысли противоречит уже то, что мы считаем необходимым базироваться на нынешнем правящем слое и исходим из признания основ ныне существующего государственного строя России, созданной революцией формы демократии.

С нашей точки зрения, революция привела к созданию наилучшим образом выражающей евразийскую идею форме — форме федерации. Ведь федеративное устройство не только внешне отмечает многочленность евразийской культуры, вместе с тем сохраняя ее единство. Оно способствует развитию и расцвету отдельных национально-культурных областей, окончательно и решительно порывая с тенденциями безумного руссификаторства. Это — сдвиг культурного самосознания, несомненное и важное его расширение и обогащение. Но это еще и путь к безболезненному исправлению кое-где поврежденных границ Евразии. Правда, за время революции разыгрались сепаратистски-националистические страсти местной интеллигенции, да и политика большевиков иногда вызывала к бытию народности, которые сами о своем существовании и не подозревали. Однако большевики же нашли средство для борьбы с болезненным разрастанием национализма в так называемом районировании. Всякое новое правительство должно будет руководствоваться этими правильно намеченными основными линиями.

Необходимым условием народности (демотичности) государственного строя является органическая связь между массой народа, которая, будучи не простой совокупностью индивидуумов-атомов, а органическим целым, все же обладает лишь потенциальным личным бытием, лишь неосознанным, хотя и определенным миросозерцанием и лишь бессознательной, стихийной волей, с одной стороны, и вырастающим из народа правящим слоем, который находится с народом в постоянном взаимообщении и, порождая правительство, формулирует народное миросозерцание, выражает и осуществляет народную волю — с другой. Конечно, правящий слой раскрывает свою идеологию и проводит свою волю, но и та и другая в нормальных условиях являются в целом и главном лишь индивидуацией и конкретизацией народного сознания. Таким образом, правящий слой, как организованное меньшинство, сознательно осуществляет бессознательную волю целого. Существо этого процесса индивидуации и конкретизации органично. Оно лишь в очень малой степени выразимо отвлеченно-рациональными формулами и не может быть канализованным в рационалистически построенных формах политического бытия. Поэтому при известных условиях ненародной бывает и самая совершенная теоретически республика. Равным образом народной (демотической) может быть и абсолютная монархия, — тем более и во всяком случае —русское царство, как наилучшая форма государственного единства Евразии.

Внешние формы, не имеющие полноты процесса, имеют значение второстепенное, хотя и важное, так как есть формы более совершенные и длительные. Если произошел разрыв органической связи между народом и правящим слоем, самые лучшие формы ничему не помогут; если же такая связь существует и сильна, то даже плохие формы особого вреда не принесут. Независимо от качества форм нарушение органической связи

приводит к тяжелой болезни государственного целого и часто к революции. Этим нарушением мы объясняли выше русскую революцию. Оно же — а не плохое качество политических форм, которые и действительно плохи, но являются лишь симптомом болезни, — лежит в основе переживаемого Европой кризиса.

Считая необходимостью народность государственного строя, т. е. приемля идею демократии в подлинном ее существе, мы не должны смешивать принцип демократии с ее исторически относительными формами и, повторяя ошибки наших предков, делаться рабами форм, да еще чуждых нам европейских форм. Вовсе не отвергая того, что те или иные формы нужны и что желательны наилучшие, мы сознаем условность всякой формы и предпочитаем органические выдуманным. Органическими формами отличался парламентский строй Англии, выросший на почве широкого местного самоуправления и выдвигавший в правительство живых людей, а не абстрактные и бездушные программы. Но это вовсе не универсальная, а конкретная английская форма. Попытка пересадить ее на континент привела к потрясениям, которые доныне еще не кончились и затормозили органическое развитие Европы. Континентальные теоретики не присматривались к жизни, а выдумывали. Органическое единство народа они подменили отвлеченным понятием суммы индивидуумов-атомов. Факт симфонической воли претерпел крайнее искажение в отвлеченном понятии ее. Из всеобъемлющего напряжения она превратилась в единичное волеизлияние по определенному вопросу, который ставился извне отвлеченными теоретиками, оставался неучитываемым в конкретных своих следствиях, а часто даже и непонятным для народа. Симфоничность была подменена большинством голосов и, значит, грубым насилием большинства. Ясно, что сфера народной воли оказалась, во-первых, до крайности суженной, а во-вторых, от конкретных проявлений фактически устраненной, так как народное голосование превратилось в собирание большинства голосов по непонятным большинству философско-теоретическим вопросам, в слепой выбор между отвлеченными программами, которые не предусматривали как раз проблем конкретных, неожиданно возникающих и часто самых жизненных, и в передачу полноты власти профессионалам-политикам, известным большинству и в подавляющем большинстве лишь понаслышке. Демократия выродилась в свою противоположность. Попытка истолковать государственность индивидуалистически, а вернее, механистически кончилась олигархией парламентариев, и эта олигархия, оторвавшись от народа, в конце концов обнаружила свое бессилие. Таковы общие результаты европейского развития, которые старая наша интеллигенция предлагала России и — в последышах своих — предлагает еще и теперь. Правда, в Европе наблюдается уже борьба со старыми формами демократии и намечается целый ряд поправок и выходов. Уже говорят о первостепенной важности и основоположности "солидарности" (ср. Дюргейм, Дюги). Но, во-первых, все это пока только мечты и опыты (наибольшее обещает итальянский фашизм), а во-вторых, весь спор ведется о формах и нет правильного диагноза самой болезни, т. е. разрыва органической связи между народом и правящим слоем. Если так будет продолжаться, то Европе не избежать или ряда революций, или медленного умирания.

Разумно ли России снова заимствовать у Европы ее специфические формы, уже в Европе подвергаемые сомнению, и таким образом прививать себе трупный яд, если в самой России уже возникли новые и органические формы государственности? Мы думаем, что проблема народности государства, в общем и целом, разрешается современной Россией органически и удачно, как опосредствованная демократия. Задача заключается в том, чтобы развить и окончательно оформить наметившееся, освободив его от искажений, вызванных коммунистической идеологией и коммунистической политикой. В дальнейшем надо исходить из системы советов, сочетающейся с сильной центральной властью и построенной на многостепенных выборах, которые гарантируют личную, а не программно-бумажную связь правительства с народом, и на принципах местно-профессионального объединения. В пользу советской системы говорит и то, что она несомненно "привилась": выросши из народных потребностей, она принята народом и встречает сопротивление лишь постольку, поскольку искусственно сплетена с коммунизмом. Достоинства ее были сразу же оценены народным сознанием. Именно этот смысл имели популярные лозунги: "За власть Советов!" и "За большевиков, но против коммунизма!" Нас не смутят возражения, что в системе Советов нет ничего нового, кроме коммунизма, ибо такие возражения не учитывают всей конкретности явления и относятся к области бесплодных отвлеченно-теоретических споров. Но мы подчеркиваем связь советской системы с бытовым демократизмом, снимающим, наконец, психологический антагонизм между барином-интеллигентом и мужиком.

Удивляет и объясняется только исключительной государственной мудростью русского народа то, с какой быстротой и как верно намечены основные формы его политического бытия. Мы приписываем это именно народной стихии, а не коммунистам, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями. Почти во всех отраслях государственной жизни приходится исходить из того, что уже создалось, и создалось, по существу, хорошо, а не плохо, почему и нуждается не

в разрушении, но только в развитии и поправках, прежде всего в очищении от коммунизма. Так, уже заложены основы, на которых наилучшим и наиболее скорым образом может восстановиться наша военная мощь: действительно всеобщая воинская повинность, определяемая принципом военной годности, и территориально-милиционная система комплектования. Понятие стратегии расширяется благодаря осознанию органической связи армии с государственным строем и всей политикой государства. С другой стороны, принцип политического воспитания армии заменяет действительным фактом вывеску ее мнимой аполитичности. Наиболее бедственной и ложной представляется школьная политика большевиков. Но и здесь главное зло — в коммунизме. Эта политика — частью положительно, но главным образом отрицательно — выясняет значение некоторых руководящих идей. В сфере чистого знания выдвинулось значение синтетического момента, казалось, уже погибшего в научной специализации последних десятилетий, и стала на очередь примитивно и ложно разрешаемая "научными" материалистами, но потому настоятельно нуждающаяся в правильном разрешении проблема общего научного миросозерцания, т. е. философии. А эта проблема и по существу, и по условиям времени (т. е. в силу "религиозности" самого коммунизма) есть и религиозная проблема. Понятно, какое революционизирующее воздействие на всю систему образования должен оказать миросозерцательный сдвиг.

Философско-религиозные начала обучения должны утвердить на пустом месте марксистской идеологии, и гуманитарные науки, и методы уже оправляются от эпохи естественно-"научного" засилья. Разрыв с классицизмом их успеху содействует, а не мешает, так как он вознаграждается широкими возможностями — ориентацией науки и обучения к евразийской культуре и к народностям Евразии и частью к более близкой нам Азии. Исключительно важным представляется нам далее тот факт, что большевики попытались порвать с беспринципным либерализмом, т. е. с анархией в сфере обучения и воспитания. Система народного образования понята ими как функция государства, что является наиболее правильным и разумным решением вопроса, поскольку государство тратит на народное образование свои средства и заинтересовано в результатах своих трат и усилий, а не в создании никому не нужного "человека вообще" или "образованного индивидуума". Государство обязано определять цели и задачи образования своими государственными целями и гипертрофии общего образования противопоставлять покровительство профессиональному. Предоставляя известную свободу частной инициативе (чего большевики не делают), оно обязано сохранять за собой право контроля и высшего руководства. И здесь, как везде, надо различать между государственным существом дела и одиозным коммунизмом. Конечно, вредны комсомольство и коммунистическая политграмота, но, несомненно, нужны не только политическое образование молодежи, но и политическое воспитание ее, т. е. и приучение ее к политической жизни. Если большевики вывели из подполья политические кружки молодежи, не следует эти кружки загонять назад в подполье, как, впрочем, поступают сами большевики со всеми инакомыслящими.

X. Проблематика новой России

Новая государственность России-Евразии, основы которой мы приемлем как исходный пункт дальнейшего развития, выражает новое личное самосознание нашей культуры и нашего народа. Но это самосознание есть вместе с тем и осознание Россией-Евразией своей исторической, общечеловеческой миссии. Серединное положение Евразии между Азией и Европой получает новый и конкретный смысл. И не случайно и не ошибочно, что, выходя из революции, Россия отворачивается от Европы и поворачивается лицом к Азии. До войны и революции русские интеллигенты старались растворить Россию в Европе и сделать Россию аванпостом европейской борьбы с "желтой опасностью". А ныне оказывается, что "цветная опасность" направлена не на Россию и угрожает Европе совсем на иных путях. Она уже колеблет колониальные империи европейских держав, оставляя Россию-Евразию как неподвижный центр, вокруг которого закипает борьба и на который как будто склонны опереться своим тылом неевропейские культуры. И когда большевики пытаются двинуть коммунизм на Европу через азиатские страны, они пользуются некоторым реальным фактом — тем, что отношения Азии к Европе отличаются от отношений Азии к Евразии. Наши взаимоотношения с Азией могут измениться и стать для нас даже угрожающими только в том случае, если мы забудем свое родство с ней и, пренебрегая им, снова начнем усиленно европеизоваться. Но не в том ли международный смысл революции, что она покончила и с европеизмом империи?

Отсюда не следует, что мы должны враждебно замыкаться в себе от Европы и что у нас нет с ней точек жизненного соприкосновения. По отношению к Европе Россия есть Православие, т. е. истинное христианство по отношению к ереси, т. е. упорному отречению от Христовой веры, которую некогда Европа исповедовала как свою. Это не проповедь священной войны Европе и не отрицание самобытности и ценности ее культуры: но это — признание европейской культуры за еретическую, за променявшую небо на землю и потому искаженную и неудержимо стремящуюся к своей гибели. Это вместе с тем призыв к покаянию, т. е. к возвращению европейской

культуры к ее подлинным христианским истокам, что единственно может ее спасти и открыть ей новые пути развития. Выражаясь более позитивистически, Россия призывает Европу к осознанию того, что культура должна сознательно обосновывать себя на ценностях религиозных, если только она не обрекает себя на разложение и смерть. Мы подчеркиваем понятие призыва, ибо Европа может выйти из тупика своей истории только собственным своим свободным саморазвитием. Если большевики под влиянием традиций старого русского империализма мечтают о русификации Европы, переименовывая, впрочем, русификацию в коммунизацию, — они ошибаются и выходят за пределы жизненных русских задач, как в свое время за эти пределы выходили Александр I и Николай I. Русское воздействие на Европу должно ограничиваться только призывом, примером (разумеется, не примером коммунистического "строительства") и содействием.

К призыву, примеру и содействию сводится роль России и в Азии. Но здесь проблема упрощается: благодаря тому, что в Азии перед нами не еретическое упрямство, а языческая помощь. Обращаясь к язычеству, христианство призывает не столько к покаянию и самоотречению, сколько к саморазвитию, ибо неискажаемое саморазвитие язычества и есть развитие его в христианство, а развиваться язычество, в противность ереси, не отказывается. Надо не уставать подчеркивать родство азийских культур с евразийской и их давнее интимное взаимообщение, до сих пор достаточного внимания к себе не привлекавшее. Знаменательно, что в Азии сейчас всплывают проблемы, аналогичные евразийским. И в Азии не верят в единоспасаемость европейской культуры, европеизуясь лишь для борьбы с Европой за свою независимость, и еще менее обольщены внешним блеском техники, чем простой русский человек. И в Азии обострилась проблема национального бытия, превозмогая даже религиозное взаимопротивостояние мусульманства, буддизма, брахманизма. И в Азии живо сознание примата религии. Наше отношение к Азии интимнее и теплее, ибо мы друг другу родственнее. Практически же не следует забывать, что в случае возможней борьбы Азии с Европой нам благоразумнее предпочесть наше евразийское самодовление превращению равнин Евразии в поля сражений.

Вникнем в последние "подсознательные" мотивы международной политики большевиков. Они ведут борьбу с "капитализмом". Но "капитализм", поскольку он мыслится конкретно, и есть синоним современной Европы. Борьба с ним есть борьба с "европеизмом" в Европе и в Евразии, в частности, саморазрушение социализма посредством коммунистического опыта. И как ни беспомощно наивны все попытки большевиков поднять и развить "трудящихся", сплотить "трудовые элементы" и т. д., по существу, эти попытки нечто совсем иное, чем европейская культура. Европейская культура превратила массы рабочих в системы атомов, от личности которых она отвлекается и о личности которых не думает. Она, как некогда египетские фараоны, сумела заставить толпы "рабов капитала" трудиться над созданием этим-то "рабам", во всяком случае, недоступных "благ" и воспользовалась их насущными потребностями, как средствами господства. Она стремится к безличному производству и бесцельному накоплению, ибо производимое и накопляемое в малой степени нужно ничтожному меньшинству, да и то в значительной мере потому, что производство рождает новые и чаще всего вредные потребности. Кому нужны все эти продукты производства? это производство ради производства и накопление ради накопления? Дело тут не только в анархии производства, не только в том, что попутно с производством необходимого производится несравнимо больше лишнего, а в самом принципе капитализма и европеизма, выражаясь совершенно точно, — в европейской форме капитализма. Стремления и бессознательный замысел большевиков-коммунистов, несмотря на их европеизм, на отожествление ими своего коммунизма европейской политической идеей, несмотря на увлечение их абстрактными планами, тейлоризмом и канцелярщиной, все же иные. Сознательно думают они, конечно, о массе и индивидуумом пренебрегают; но они не только отвлеченные теоретики, а еще и правящий слой, обусловленный конкретными воздействиями жизни. Вопреки себе они шире себя, и подсознательные мотивы у них иные, так что на деле выходит, будто они думают об индивидууме. В сложном скрещении ряда процессов из русских рабочих выходят люди. Большевики выступают против "капитализма", т. е. против европейского капитализма, а потому и против европейского социализма. Их внимание направлено на угнетенных, которых они хотели бы сделать свободными людьми с развитым личным самосознанием и фактически делают рабами, личное самосознание все-таки пробуждая. Сами, не зная того, большевики бьются над конкретизацией религиозно-этических основ русской государственности, но у них ничего не выходит, потому что это проблема и общеисторическая миссия самой России. Здесь проблема России становится и проблемой Европы; и мировая значимость русской революции должна быть сопоставляема с мировым значением европейской цивилизации.

В одном большевикам удалось убедить своих противников — в том, что русская революция есть революция социальная, хотя бы и неудавшаяся или плохая. А между тем как раз в этом вопросе с большевиками так скоро и легко соглашаться не следовало. Всякая значительная и глубоко проникающая революция "социальна", но нет различия между "социальными" и "несоциальными" революциями, ибо по существу и смыслу своему революция есть процесс политический. Ведь она сводится к распаду

и восстановлению государственного или политического единства, и ее цель — создание нового правящего слоя. В революции культура переходит от одной формы ее личного бытия к другой; в революции умирает одна индивидуация симфонической личности и рождается другая. И так как личность объемлет, а содержит в себе все сферы своего жизненного проявления, не может подлинная революция ограничиться лишь одной сферой, "политикой" в узком смысле этого слова.

Само деление социально-политического бытия на сферы: церковную, собственно политическую, экономическую — деление относительное, условное, имеющее свои границы. Оно не затрагивает последнюю глубину бытия и уже предполагает существенное единство всех сфер, без которого необъяснимо их взаимодействие и нет симфонической личности, ибо личность и есть единство множества. И если мы хотим понять историю и жизнь, мы не можем подменять понятие живого многоединства или соборного единства понятием мертвой системы, не можем толковать государство и общество атомистически. Это не значит, что в многоединстве надо пренебрегать множеством и что классификация сфер не имеет никакого реального основания. На основе своего единства сферы реально отличаются друг от друга, и их различие очень удобно и важно методологически, хотя не всегда, не везде и не при всяких условиях. Взаиморазличие их обладает относительной четкостью и устойчивостью (да и то, видимо, тяготясь этим, говорят "социально-экономический", "социально-политический", "экономический быт" и т. п.) в период нормальной жизни и нормального развития, когда единство симфонической личности так же незаметно, как незаметно для здорового человека его здоровье. Не осознавая целого, все пронизывающего единства, люди как бы погружают это единство в стихию бессознательного и живут и действуют каждый в своей узкой сфере. Один занимается своим хозяйством и не сознает органической связи своего хозяйствования с целым социально-политической, иногда даже с целым экономической жизни; другой ничего не видит, кроме классовой борьбы или "происков всемирного капитала"; третий всецело погружен в политику, т. е. в то, что явственно связано с единством целого, но что он сам, может быть, отожествляет с парламентскими словоговорениями или ораторством на митингах. Эта неизбежная и вполне естественная дифференциация может заходить так далеко, что утрачивается почти всякое сознание целого. И вот реальное единство начинает казаться отвлеченной системой, каким-то пустым пространством, в котором движутся и сталкиваются "политика", "социальный строй", "экономический строй" и т. д., пока и они не окажутся тоже только "системами" или "отношениями", — политическими, социальными, экономическими. Так рано или поздно приходим к полному атомизму: почему индивидуума не признать системой восприятий, чувствований и волевых актов? На пути от ясного сознания единства симфонической личности к атомистически-систематическому представлению о ней есть момент, когда разграничение еще не разложенных сознанием сфер особенно четко. Тогда-то вместо признания политической сферы, органически связанной с другими и среди них главенствующей, ибо выражающей и их единство, начинают рассматривать ее как одну из равноценных, взаимно разделенных и лишь внешне соположенных сфер. Но почему же в этом случае она необходима? И нельзя ли ее заменить другой, например социальной? Не есть ли она просто система социальных классов? Такие извращенные представления о симфонической личности свойственны периодам ее болезни, упадка и умирания. И характерные для Европы и для европеизованной России историко-материалистические теории и проповедь классовой борьбы являются весьма грозными симптомами.

В периоды мирного развития, устойчивой и создавшей традиции жизни известная дифференциация сфер естественна. Не так в эпоху революции. Переживая революцию, государственное целое приходит в расплавленное состояние. Пережигается старый костяк, и, пока не создается новый и расплавленная масса не остынет, нет и не может быть никаких перегородок. Все — и социальное, и экономическое, и политическое — одинаково оказывается отнесенным к единству, т. е. политическим. Рождающаяся новая государственность не признает никаких ограничений, и сознание единства до крайности обострено опасностью его исчезновения. В революции предстает перед нами бурно рождающаяся, еще не оформленная, вечно меняющая свои очертания симфоническая личность, которая выражает свое единство как всепоглощающую государственность. Но тут-то и сказывается в иные эпохи часто не совсем заметный примат политики. Все социальные, экономические, бытовые процессы обнаруживают себя как функции политического процесса, который сводится к нарождению, образованию и укреплению нового правящего слоя. С этой точки зрения нужно рассматривать сопровождающие революцию социально-экономические сдвиги, перераспределение собственности и прав. Когда историки революции отмечают — в порядке причинного объяснения — привязанность к новому политическому строю всех разбогатевших на революции, они такой "социально-экономической" формулировкой действительного факта затемняют его существо. Так как социальное и экономическое положение индивидуума является функцией и выражением его политической роли, можно сказать, что революция, определяя его политическую роль, тем самым создает его социально-политическое

положение. Она его "инвестирует". И это не попытка укрепить "завоевания революции", т. е. новый политический строй, чем-то внешним, задабриванием или подкупом, а — сама революция. Конечно, придет время, когда взволнованное народное море успокоится, когда лава остынет. Тогда вновь ясно разграничатся сферы, наполненные уже иным содержанием. Смысл совершившегося может остаться непонятым или понятым скверно. Существенное единство сфер и первенство политической могут опять быть позабыты. Поучительным примером служит французская революция.

Французская революция создала новый правящий слой и инвестировала его политической властью через новое социально-экономическое положение его членов. Она перераспределила политические права и роли в связи с перераспределением социальных прав и собственности. Но французская революция, дитя рационалистического века, исходила из индивидуалистского или, вернее, атомистического представления о государстве. Единственной реальностью она признавала индивидуума, понимаемого как обособленный и ничем особенным от других не отличающийся атом, т. е. на деле-то совсем не индивидуума, который понятен лишь из целого. Общество казалось ей только совокупностью или системой "индивидуумов". Формально она мыслила в категориях римского права, т. е. права, которое отражало уже разлагавшуюся римскую государственность. И революционерам индивидуум преподносился как обладающий неотчуждаемыми правами, и прежде всего правом собственности (dominium). Этим была закрыта возможность осознать смысл революции и понять государство иначе, как атомистически. В результате органического революционного процесса Франция перешла от болезненного, но все же органического дореволюционного своего бытия к бытию неорганическому — к медленному внутреннему разложению и материализму.

Несмотря на все старания императорских университетов, римское право у нас в России не привилось. Его принципы были слишком чужды духу русского правосознания. Это сказалось и в сфере основной проблемы — проблемы собственности. Как иностранные, так и русские (см. богатые данные у Пахмана) юристы часто и настойчиво указывают на отсутствие у русского народа западной идеи собственности. Мы не склонны преуменьшать наивность увлечения "миром", наивность большинства славянофилов, народников и обусловленных европейской теоретической мыслью социалистов-революционеров. Русская идея "собственности" не укладывается в рамки "национализации" или "муниципализации" земли. Но мы столь же не склонны считать эту идею симптомом хозяйственной и правовой отсталости русского народа и, просто-напросто отожествляя

ее с "феодальной" европейской идеей "условного владения", видеть желательный выход в скорейшей европеизации (романизации) русского правосознания. Ввиду первостепенной важности факта и ввиду затемненности его чужеродными схемами необходимо с величайшей осмотрительностью относиться к разгоревшейся вокруг него полемике. Пламенность аргументации в пользу того, что русский "мир" — архаизм и интеллигентская выдумка и что русский крестьянин по природе своей — своекорыстный собственник, свидетельствует об идеологической, а не фактической ее мотивированности. Разумеется, русский крестьянин крепко держится за кормящую его землю, приобретает и накопляет; разумеется, он по-человечески предпочитает свой эгоистический интерес соблюдению норм, обеспечивающих социальную справедливость и интерес государственный. Большевистская революция даже способствовала развитию собственнического инстинкта. Но, когда дело касается другого, крестьянин будет не за страх, а за совесть аргументировать именно этими нормами. Не из зависти и эгоистического интереса он возмущается бесхозяйственным мужиком, и не только сознание несправедливой обиженности делало его врагом барина — помещика; и, несмотря на весь свой хозяйственный эгоизм, он примирится со справедливым ограничением его прав.

В русском правосознании, как оно всегда выражалось лучшими и непредвзятыми его представителями и как оно живет в крестьянстве, да и не только в нем, собственность связана с обязанностями по отношению к целому и обладает значением Функциональным. Естественно, напрашивается аналогия с Римом и средневековой феодальной Европой; но, аналогизируя, необходимо энергично выдвигать различия. Если пользоваться терминологией римского права, можно напомнить о римских понятиях "dominium" (собственность-господство) и "possessio" (владение). Так, римские земельные магнаты, неограниченно эксплуатировавшие занятые ими участки государственной земли (aqer publicus), были только "владельцами" (possessores), "собственность" же (dominium) сохранялась за государством! Поэтому государство было вправе земли у них отнять; однако произведенная Гракхами попытка кончилась неудачей, ибо "владение" магнатов, как факт, слишком крепко охранялось правосознанием, а с другой стороны, индивидуализация права и ряд других условий сделали в данном случае различие между "dominium" и "possessio" чисто теоретическим архаизмом. К тому же изначала понятие "possession" не было связано с идеей обязанностей владельца (ср. особенно "possessio precaria"), и сама категория "dominium-possessio" была быстро перенесена в сферу частноправовых отношений и утратила государственный смысл окончательно. В средневековой Европе условность владения и свя-

занные с ним обязанности получили определенное выражение, но одновременно всецело сосредоточились в сфере частноправовых отношений; все строилось на отношении индивидуума к индивидууму, и государство существовало и собирало свои земли и права так, как если бы оно было одним из индивидуумов. Во всех подобных сопоставлениях русской действительности с древнеримской и европейской необходимо помнить, что в Риме и в Европе понятие собственности строилось из индивидуума, а всякое право симфонической личности, государства, коллектива оказывалось производным от индивидуального. Это развитие было закреплено признанием собственности как священного и неприкосновенного права индивидуальной личности. Если оно ограничивается сверху, такое ограничение воспринимается и понимается как печальная государственная необходимость и несомненное правонарушение. Даже социалисты говорят не об осуществлении государством своего высшего и действительно неотчуждаемого права, а об "экспроприации", т. е. о правонарушении. Это происходит оттого, что европейскому социализму чужды понятия симфонической личности и целого как многоединства, а не простой и случайной суммы равных частей. Социализм только отрицает то индивидуалистически понимаемое право собственности, которое утверждается нормальным европейским правознанием в применении к индивидууму.

В России собственность всегда рассматривалась с точки зрения государства, понимаемого к тому же религиозно-этически. Сюда относятся и поместная система, и борьба Грозного с боярами-княжатами, перенесшими свои политические традиции в частноправовую сферу, и прикрепление крестьян государством (законодательство об урочных летах), и освобождение их с землей, и государственно-фискальное значение общины-мира. Понятие собственности строится не индивидуалистически, не из индивидуума, которому потом аналогизируется государство, но — политически, т. е. из симфонического целого, которое, как единство, и утверждает всякое индивидуальное право. Высшее право государства можно, конечно, назвать "собственностью", но тогда и конституируемое им индивидуальное право, во избежание недоразумений, лучше всего обозначить не термином "владение", а как-нибудь иначе. Мы говорим о "функциональной собственности" или о "собственности, обусловленной государством", т. е. проистекающей от него и связанной с обязанностями по отношению к нему. Признание и одобрение этого факта отнюдь не есть социализм, который исходит совсем из иных принципиальных и исторических предпосылок и, не зная и не желая знать предпосылок русских, является специфически европейским медикаментом против европейского капитализма. Социализм — в той же плоскости, что и капитализм; ползая

по земле, он головы кверху поднимать не хочет. Поэтому он не видит, в каком смысле здесь скрещиваются пути Евразии и Европы и как в раскрытии идеалов и природы России раскрывается ее общеисторическая миссия. Большую ответственность принимают на себя новые "петиметры", которые, твердя о "культурной отсталости" России, толкают ее на путь дальнейшей европеизации и хотят ее принудить к усвоению "задов" европейской культуры, т. е. поставить ее в положение революционной Франции в конце XVIII века и спихнуть в ту же пропасть. Они-то и есть, к сожалению, возможные отцы тех, кто, поуспокоившись и объяснив неудачу русских коммунистов их и России недостаточной "культурностью", снова примутся за проповедь социализма.

Мы видим, что революция обостряет и усиливает сознание единства и потому сознание примата государственной сферы или сознание функционального значения социально-экономической сферы по отношению к политической. Этим надо уметь воспользоваться. Государство должно ясно и четко формулировать принцип функционального значения собственности и, подчеркивая свое право, подчеркнуть обязанности, связанные с использованием собственности и участвующие в создании субъективного права. Оно должно удержать за собой захваченное большевиками "dominium directum" и всемерно охранить землевладение как "dominium utile". Отсюда, прежде всего, вытекает окончательное и безоговорочное признание совершившегося факта — перераспределения собственности. Но еще необходимее, провозгласив основной принцип, энергично и последовательно бороться с попытками исказить русское правосознание с помощью европейских правовых понятий, т. е. как с тенденцией установить священное и неприкосновенное право частной собственности, так и с тенденциями социализма, подменяющего государственно-правовые отношения частноправовыми. К тому же провозглашение новых землевладельцев собственниками в смысле субъектов священного и неприкосновенного права было бы смертельным ударом по самому правосознанию. Ведь тогда бы принцип частной собственности утверждался путем циничного ее отрицания, так как молчаливо санкционировались бы экспроприация прежних собственников и право на грабеж. Это было бы не торжеством права, а торжеством силы и циничным отрицанием права, а также отрицанием исторической правды русской революции. Однако провозглашение общего принципа как основной линии поведения не должно быть односторонним, но должно гарантировать от всякого рода социалистических и иных экспериментов. Необходимо принципиальное же признание государством своей обязанности охранять право индивидуального владения, конечно, при условии выполнения связанных с ним обязанностей,

права индивидуума на государственно-полезный и предполагающий владение труд. Это необходимо и по мотивам этически-правовым, и по мотивам экономической целесообразности. Ведь экономическое развитие в данное время, при данных условиях и для современных людей связано с индивидуальной экономической инициативой и с обеспеченным от посягательств индивидуальным хозяйством. Нельзя доверять идиллическим добродетелям доброго хозяина, появлению которого необходимо всемерно содействовать, и надо сделать так, чтобы каждый хозяин чувствовал над собой волю государства; но нельзя и ограничивать возможности стать добрым хозяином, затрудняя хозяйствование постоянной угрозой законному праву индивидуума и мелочным надзором. Условность индивидуальной собственности не должна превращаться в неопределенную угрозу: условия должны быть точно оговорены в законе и являться минимально стеснительными. Но принцип функциональности должен быть высказан совершенно ясно. Ибо и с чисто практической точки зрения необходимо найти средний путь между социалистически-аракчеевскими опытами и неизбежностью периодических кровавых поправок путем революций. В связи со всем этим мы считаем необходимым и достаточным только общую принципиальную установку, как основной регулятивный принцип поведения, а практически — в величайшей степени осторожные и частные меры. Надо исходить из создавшегося положения и, не отступая от принципа, для которого оно благоприятно, остерегаться эффектных, но вызывающих вредные и опасные потрясения актов. Конкретизация основного, хотя бы и, несомненно, верного, принципа нуждается в работе нескольких поколений и предполагает свободное развитие этически-правового сознания.

Устанавливаемый нами как существенный для русского сознания и как обостренный революцией основной принцип "производности" социально-экономической сферы и функционального значения собственности, естественно, распространяется и на область промышленности и торговли. В хозяйственной жизни России этой области принадлежит до сих пор второстепенное место: проблемы капиталистического хозяйства были у нас непомерно раздуты теоретиками. С другой стороны, именно здесь в наиболее чистом виде утвердились формы европейского капитализма, задушившие слабые начатки специфически русских форм. Вместе же с капитализмом перенесен был и социализм, являющийся, собственно говоря, симптомом его разложения. Мы знаем, что социализм проблемы не решает, ибо экономическая необходимость властно требует свободы для частного капитала и частной предприимчивости, допуская лишь очень осторожное воздействие со стороны государства, очень умелый государственный контроль и ставя некоторые границы даже борьбе государства с анархией производства. С другой стороны, приходится не преувеличивать и значение мер, вырабатываемых европейским развитием. Ни кооперация, ни участие рабочих в прибылях предприятия и управлении им, ни государственная организация производства и государственная монополия торговли социального вопроса в целом не разрешают; кооперация и участие рабочих — паллиативы, государственная организация и государственная монополия торговли во многих отраслях и случаях приносят прямой вред. Несколько большим, но все же ограниченным значением обладают "смешанные предприятия", т. е. такие, в которых государство является дольщиком; но они до сих пор строятся на частноправовом принципе. При этих условиях приходится надеяться, главным образом, на появление новых форм, которые частью кое-где на Западе уже и преднамечаются (за последнее время особенно в Италии), но которые у нас должны быть органически связаны с решением проблемы в области сельскохозяйственной. Необходимо рассеять странное, но упорно держащееся недоразумение, которое путем отрицания политического существа вопроса сводит все на борьбу экономических интересов и отожествляет целое с частью, т. е. всю проблему — с рабочим вопросом. Функциональное значение должны получить и рабочий и капиталист, а государство, охраняя необходимую для экономической жизни сферу свободной инициативы и конкуренции, регулировать и контролировать ее не с точки зрения интересов рабочего и капиталиста, а с точки зрения интересов целого. Понятно, что оно — особенно в переходный период — вынуждено руководствоваться не только чисто хозяйственными соображениями, но и соображениями общеполитическими, и, прежде всего, защитой политической независимости России, а потому и хозяйственного ее самодовления. Что же делать, если при данных условиях мы в состоянии сохранить свою самостоятельность только путем периодических, перемежающихся сокращений потребления и должны заняться "экономикой" переходного периода наоборот?

Итак, мы приходим к некоторому осознанию социально-экономической проблемы России и русской революции: детальная разработка вопроса может быть выполнена лишь в ряде индивидуальных трудов и лишь специалистами. Социально-экономическая проблема предстает перед нами в самой тесной, органической связи с проблемой политической; первая, иначе говоря, обусловлена государственным единством России и — еще точнее — самой государственно-единой Россией. Естественно, что в социально-экономических исканиях обнаруживает себя идея России, также как она, с другой стороны, обнаруживает себя в исканиях религиозных

и религиозно-философских. Тут не может быть и речи о каких-нибудь случайных совпадениях. Не случайно, конечно, что русская социально-политическая проблема этична и религиозна; и извращения этики и религии в русском коммунизме только лишний раз это подтверждают. Можно формулировать эту идею, хотя и очень приблизительно, как идею социально-политической справедливости, "правды" и даже как идею справедливой социально-политической жизни ради других, для индивидуума — ради народа и других индивидуумов, для народа — ради человечества и других народов. Только надо это правильно понимать, устраняя как свойственные многим русским гордыню, бахвальство и самохвальство, так и неумеренное смирение, вовсе не добродетельное, ибо такой смиренник поносит не себя, а свой народ. Первая и основная задача народа и индивидуума заключается в их саморазвитии. Однако, это не эгоистическое саморазвитие для себя, но — саморазвитие для саморазвития же других. Таким образом, устраняются склонности поучать и спасать других истиной, которой еще и сам не знаешь, или просто и потому неосмысленно жертвовать собой за других во имя романтической красоты жертвы. Самораскрытие и есть истинная жертва. Потому идеал русской культуры не противоречит ее общечеловеческой миссии, но с ней совпадает. Подобно тому, как исходя из целого, из симфонической личности, мы приобретаем единственную возможность понять, раскрыть и оправдать личность индивидуальную, — познавая общечеловеческую миссию России, мы познаем и оправдываем индивидуальность России.

Исторические условия слагаются для нас благоприятно. Необозримые пространства России-Евразии, совпадение сферы ее культуры с ее естественными границами, т. е. "материковый объем" ее культуры, международное положение в ближайшее обозримое будущее не ставят ее перед необходимостью энергичной самозащиты или завоевательной политики, отвлекающей от разрешения внутренних задач. Надо только ясно понимать ситуацию и не руководствоваться чувствами и случайными, хотя бы исторически и объяснимыми симпатиями. Русская революция уже пережила свой воинственный период, благополучно преодолев соблазны военной пропаганды и империалистического расширения, в свое время "сорвавшего" революции английскую и французскую. По всем данным, России не грозит бонапартизм, хотя "коллективный внутренний Бонапарт" (правительствующая партия) ей и нужен. Все толкает ее на внутреннее саморазвитие, т. е. на единственно соответствующий ее назначению путь. Природа же и общечеловеческая значимость ее идеала позволяют надеяться на то, что, не обольщаемая приманками внешнего расширения, она сохранит пафос работы над собой.

Конечно, русскому сознанию угрожает еще опасность необоснованного самомнения. Оно легко может еще раз смешать идеал с очень плохой действительностью. И допетровская Русь, и большевики поторопились признать себя третьим Римом, т. е. счесть идеал эмпирически легко осуществимым и даже "почти" осуществимым, ошибочно признавая за действительность свои неосуществленные желания. Виной — абсолютность русских заданий и недооценка пути к ним, в частности, непонимание того, что путь содержится в идеале и что без пути и движения идеала нет. <...> Идеал нужен и истинен; эмпирическое бытие обладает смыслом и ценой только в меру стремления к абсолютному идеалу и в меру его осуществления. Но думать, будто идеал осуществим эмпирически, да еще за время краткой индивидуальной жизни — значит впадать во вредный для других и для себя утопизм, частным случаем которого является вера в возможность идеального государственного и социального строя. Вера в осуществляемость идеала на земле, но в полную его осуществленность только за пределами эмпирического бытия, в какой-то сфере, которая шире и выше эмпирической и, тем не менее, целиком ее в себе содержит, а не наводит на степень простого средства для приобретения вечного блаженства, и есть православная вера в Царство Божие. Царство Божие растет и ширится на земле, несмотря на несовершенство и грехи людей, но полнота его не вместима на земле, а вмещает землю и требует от нас выхода за грани эмпирии, дабы не погибла сама земля.

ЕВРАЗИЙСТВО (формулировка 1927 г.)*

Россия нашего времени
вершит судьбы Европы и Азии.
Она — шестая часть света,
Евразия, узел и начало
новой мировой культуры.

Раздел I. Россия — особый мир

1. Россия представляет собою особый мир. Судьбы этого мира, в основном и важнейшем, протекают *отдельно* от судьбы стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия).

2. Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии.

В смысле территориальном нынешний СССР охватывает основное ядро этого мира.

3. Призрак своеобразия представляет собою черту, характеризующую историю российско-евразийского мира в ее динамическом развертывании. Формы же своеобразия различны в различные эпохи. Своеобразие это выражалось в укладе всеевразийской державы Чингисхана и его преемников в XII-XIV вв., в строе московского государства XV-XVII вв. и даже в порядках императорской России XVIII-XX вв. Несмотря на все стремления ее правителей подражать Западу, также императорская Россия представляла собою образование, не имевшее подобий ни в Европе, ни в Азии.

4. Однако отличительное для императорской России стремление ее правителей рабски копировать Запад означало, что ими утрачено понимание реальных свойств и особенностей российско-евразийского мира. Такое несоответствие должно было повлечь катастрофу императорской России. Катастрофа эта последовала в революции 1917 г.

5. Евразийцы относятся отрицательно к подражательной и западопоклоннической линии императорского правительства и социальных верхов императорской России.

7. Это отрицательное отношение усугубляется тем, что современную европейскую культуру во всех ее частях, кроме эмпирической науки и техники, евразийцы, признают культурой упадочной.

* Коллективный труд первых евразийцев, 1927 г.

8. Наряду с отрицательными сторонами революции (см. ниже), евразийцы видят положительную сторону в открываемых ею возможностях освобождения России-Евразии из-под гнета европейской культуры. Одной из задач революции евразийцы считают восстановление своеобразия евразийского мира и установления соответствия между сознанием правящей и интеллектуальной верхушки России-Евразии и условиями окружающей обстановки. Положение это имеет существеннейшее значение в определении направления, в котором следует развивать и преобразовывать нынешний строй СССР.

Раздел II. Евразийство против коммунизма

1. Политический результат революции выразился в том, что полнота власти в России оказалась в руках коммунистической партии. Компартия есть организованная, сплоченная и строго дисциплинированная группа. Приход к власти организованной подобным образом группы, в принципе, соответствует положению и условиям России-Евразии. Страна эта, помещенная между нередко враждебными ей странами Европы и Азии, с сухопутной границей огромного протяжения, которую нелегко защищать, принужденная бороться с большими трудностями экономического развития (суровая зима, огромные расстояния), может жить и развиваться только при наличии сильной и жесткой власти, принудительно организующей страну в целях социальных, хозяйственных и военных. Размякшая и выродившаяся власть последнего периода императорской России не была способна выполнить эти задачи. В условиях современности наиболее отвечает необходимостям русской обстановки установление власти организованной, сплоченной и строго дисциплинированной группы.

2. Однако власть такой группы имеет оправдание и смысл только в том случае, если группа эта своей правительственной и организационной деятельностью удовлетворяет потребности широчайших народных масс и в устремлениях своих сливается и выражает стремления этих масс. Государственный порядок, при котором власть принадлежит организованной, сплоченной и строго дисциплинированной группе, осуществляющей эту власть во имя удовлетворения потребностей широчайших народных масс и проведения в жизнь их стремлений, можно назвать демотическим строем. Евразийцы являются сторонниками демотического строя. Однако, власть коммунистической партии они отнюдь не считают демотической властью. Атеизм и антихозяйственность компартии решительным образом противоречат духовным основам народов России-Евразии.

3. Народные массы России-Евразии не мыслят жизни вне идеи Бога. Именно к этой идее обращены пробуждения добра и нравственности. Ус-

тановление благообразия жизни неразрывно связывается здесь с проникновением религии в быт, с одухотворением и упорядочением быта обрядом, с "бытовым исповедничеством". Власть, не признающая религии, как основы культуры и быта, не может быть и не будет демотической властью России-Евразии. Сила этого обстоятельства усугубляется тем, что в культурной деятельности интеллектуальных верхов, в частности, в современной науке — в противоположность тому, что утверждают коммунисты именно в самых передовых течениях (например, биологии, физики и астрономии) — выяснилась и подтвердилась ограниченность сферы, доступной научному исследованию, и невозможность познать так называемыми "научными методами" последние источники бытия. В этих условиях становится ясным, что только идея Творца делает возможным цельное понимание мира.

В этом отношении, последние выводы наиболее высоко стоящих деятелей интеллектуальной верхушки сходятся с первоначальным сознанием народных масс. Подобным схождением усиливается значимость этих выводов и этого сознания.

4. Народным массам России-Евразии свойственна положительная оценка лично-хозяйственного начала. Также, по существу, в строе аналитического экономического мышления, необходимо утвердить порядок хозяйствования за свой счет, как порядок "естественный", в определенных условиях (см. ниже) наилучше обеспечивающий объективные хозяйственные достижения и интересы занятых в хозяйстве людей. Хозяйствование же за чужой счет или за счет казенный (общий) является "искусственной системой", менее обеспечивающей эти достижения и интересы.

5. Евразийцы отстаивают лично-хозяйственное начало. Однако начало это, в их понимании, отнюдь не идентично капиталистическим порядкам.

Евразийцы считают необходимым устранение капиталистического строя. Отрицание капитализма исходит у них не из диалектического материализма, утверждающего необходимость смены материалистического капитализма материалистическими же социализмом-коммунизмом, но из явственного подразделения духовного и материального начала жизни. Это подразделение согласовано с новейшими выводами научной мысли, утаиваемыми компартией от мыслящих кругов русского общества. Подразделение это сопрягается в мировоззрении евразийцев с утверждением нравственной необходимости преобладания духовного начала над материальным. Капиталистическая система отрицает в существе духовные основы жизни и потому рассматривается евразийцами (в соответствии с основами их мировоззрения), как знак угашения духа, угашения, происшедшего на почве упадочной культуры современной Европы. Политика государства в экономической области должна базироваться, по мнению евразийцев, не на предоставлении возможности наибольшего обогащения, но на начале служения каждого своим согражданам и народно-государственному целому. Лично-хозяйственный строй они рассматривают, как *технически* наиболее обеспечивающий возможности такого служения и способствующий увеличению общественного продукта. В этом строе государственная власть своей политикой должна неуклонно обеспечивать каждому трудящемуся достаточное участие в потреблении общественного продукта и достойные человека условия существования.

6. В современной политике правящей компартии евразийцы замечают признаки *капиталистического перерождения*, что представляется вполне понятным, т.е. капитализм и коммунизм, являясь одинаково системами материалистического мировоззрения, помещены, по существу, в одной плоскости. Это перерождение выражается:

1). В факте всеми рабочими сознаваемой и все растущей, но тщательно маскируемой компартией, эксплуатации государством труда рабочих, исходящей из того, что государство выступает в отношении рабочих, как работодатель-монополист, и в лице "хозяйственников" вполне использует это положение;

2). В том, что компартия оказалась бессильной осуществить и выпустила из рук дело широкой социальной помощи и оставляет низшие слои одинаково городской и сельской бедноты в самом беспомощном и бедственном состоянии.

Современный коммунизм неуклонно перерождается в *капитало-коммунизм*.

7. В отношении равно капитализма и коммунизма евразийство представляет третье решение, выходящее на путь широкой социальности.

8. Подчиняясь силе жизни, компартия осуществила в пределах России своеобразный строй, не похожий ни на что, имеющееся в других частях мира. Однако, по самосознанию, компартия является западнической. Она не только исповедует начала западного социализма (Карл Маркс), но и полагает, в лице виднейших деятелей, своей задачей насаждать в России элементы западной культуры. В этом смысле компартия повторяет политику правительства и социальных верхов императорской России, неминуемо вызывающую откол правящей верхушки от народных масс. Устранение этого откола является, в представлении евразийцев, одной из задач дальнейшего развития СССР.

9. Принимая советский строй в качестве базы дальнейшего развития, евразийцы стремятся внести в этот строй:

1) начала религиозности,
2) начала хозяйственности в лично-хозяйственном (не капиталистическом) смысле,
3) начала социальности, утраченные в процессе перерождения коммунизма в капитало-коммунизм.
4) сознание евразийского своеобразия в форме понимания России-Евразии как особого мира и отвержения господствовавшего доселе западопоклонничества.

Раздел III. Политический строй

1. Осуществление этих целей должны взять на себя евразийцы, образовав Евразийскую партию для замены партии коммунистической в ее организационно-правительственном значении.

2. В области общеполитической евразийцы основывают свой план на анализе основных закономерностей революции. В первой фазе каждая осуществившаяся революция сводится к уничтожению прежнего строя и созданию нового. Во второй фазе революционный процесс выражается в *эволюции* создавшегося строя. Формы этой эволюции могут и должны быть различны: от выборной борьбы до вооруженного переворота (включительно). Общим признаком является сохранение основ создавшегося в процессе революции строя при внесении в него определенных изменений. Закономерности каждой из названных фаз революции в корне различны. Если в первой фазе основное значение имеет вооруженное восстание народа, уличные бои, гражданская война, то во второй фазе решающее место принадлежит образованию к действию преследующих определенные цели групп, комплектующихся из лиц, выделившихся в процессе революции в качестве руководителей политического и технического аппарата. Процесс осуществившейся революции связан со сменой правящего слоя. В первой фазе революции происходит эта смена, во второй — протекают перегруппировки в пределах уже создавшегося слоя. Евразийцы поставляют своей задачей организованное проведение такой перегруппировки во имя намеченных выше объективных целей.

Закономерности революции непреложны. Во второй ее фазе попытки применить методы первой фазы (народное восстание, гражданская война) были бы так же бесплодны, как и попытка противопоставиться самому факту революции — в форме контрреволюционного движения. Евразийцы сознательно определяют себя как группировку второй фазы революции, ставящую себе задачей *преобразовать* существующий строй путем устранения коммунистической партии.

3. Осуществление поставленных объективных целей евразийцы мыслят в форме "внутреннего движения". Вмешательство со стороны (интервенция) является, по мнению евразийцев, одновременно нецелесообразным и неприемлемым. Создание новой России-Евразии есть дело самих евразийцев.

4. Евразийцы обращаются к выдвиженцам, к личному составу РККА, к деятелям советского и профессионального аппарата, выдвинувшимся из широких рабоче-крестьянских масс, с призывом завершить начатое и частично осуществленное их руками дело построения новой России и ее демотической власти, опирающейся на широкие массы трудящихся. Это завершение требует, при сохранении основ существующего строя, устранения черт антирелигиозности, антихозяйственности, антисоциальности и элементов интернационалистического и в то же время западопоклоннического сознания как черт и элементов, чуждых широким массам России-Евразии. Никто иной, как выдвиженцы — представители широких трудящихся масс России-Евразии, внуки крепостных, дети эксплуатируемого народа могут и будут устроителями и водителями России; необходимо, чтобы дело устроительства и водительства они поставили в соответствие с упомянутыми выше основами народного духа. Пугь к тому — во вступлении и работе в рядах евразийцев.

5. Демотическую власть, опирающуюся на широкие рабоче-крестьянские массы трудящихся, евразийцы полагают единственно возможной властью и советский строй единственно возможным строем России-Евразии. Однако для того, чтобы советский строй стал строем демотическим, необходимо, чтобы коммунистическое начало, играющее в настоящее время определяющую роль в советской системе, было замещено началом евразийским, в указанных выше его основаниях. Осуществление такого замещения и является основной политической задачей евразийства. В этом смысле советский строй понимается евразийцами не как самоцель и не как самоценность, но применительно к тем основным *религиозно-культурным задачам*, которые они себе поставляют.

6. Евразийцы рассматривают советский строй как орган определения народной воли и выделения в рамки государственного аппарата годных элементов из всех слоев населения.

7. В отношении государственно-правовых форм необходимо укрепление и развитие советского строя в нижеследующих основаниях:

а) власть законодательная и исполнительная принадлежит Всесоюзному Съезду Советов; в периоды между съездами Советов она осуществляется выделенным (утвержденным) на съезде ЦИК-ом (в составе Союзного Совета и Совета Национальностей). В перерыве между сессиями ЦИК-а полнотой власти обладает президиум ЦИК-а, в промежутки между

заседаниями президиума ЦИК-а полнота власти переходит к председателю президиума ЦИК-а,

б) подлежит дальнейшему укреплению и развитию федеративный строй СССР (см. раздел VI).

в) на местах власть принадлежит советам; каждый местный совет имеет право решать все мероприятия, касающиеся местного управления, кроме определенно отнесенных законодательством центральных органов союза в исключительную компетенцию советов высшей инстанции и кроме приостановленных в действии постановлениями высших советов; этим порядком осуществлена децентрализация и создана сильная власть на местах при сохранении единства власти на всей территории путем установления руководящих и контрольных функций за советами высших инстанций и, в конечном счете, за Всесоюзным Съездом Советов.

д) Средоточием всех нитей местного управления соответственно в губ-уезд-волисполкомах и соответствующих им органах устраняется дробление местного управления по отдельным ведомствам, — одна из язв старой административной системы.

8. Евразийцы считают необходимым оформление советского строя в прочный правопорядок, понимая право, как необходимое условие устойчивого и организованного общежития. В понимании евразийцев законодательство должно быть гибким и приспособленным к условиям момента. При этом — для условий каждого момента — евразийцы отстаивают принцип верховенства закона как безусловное и непреложное начало.

Раздел IV. Вопросы религии

1. Необходимо, чтобы государственная власть относилась благожелательно и содействовала каждой вере, исповедуемой народами России-Евразии, понимая, что только вера может служить основой социальных отношений, проникнутых духом любви и неуклонным бережением человеческого достоинства. Однако содействие государства вере ни в коем случае не должно перерождаться в зависимость религиозных объединений (Церкви) от государства или государства от религиозных объединений (Церкви). Религия и государство объединяют и организуют каждая особую (хотя и связанную с другой) область человеческой жизни. Между ними должны установиться лично-духовные связи в форме личной религиозности представителей власти (их благочестия) и внимательного отношения с их стороны к голосу религии (Церкви), а также в форме лояльного отношения к государству представителей религии (Церкви) и преподания ими благословения тем начинаниям государства, которые Церковь одобряет. Но между религией (Церковью) и государством не может и не

должно быть государственно-правовых отношений или хотя бы финансовых связей. Именно для того, чтобы представители религии (Церкви) могли выполнять выпадающую на их долю роль народной совести, религиозные объединения (Церковь) должны иметь самостоятельный бюджет, независимый от средств государства. В этих целях религиозным объединениям предоставляются все права и возлагаются на них обязанности юридических лиц.

2. В области религиозной никакое принуждение недопустимо. Священнослужители, пастыри, иерархи и представители религиозных объединений избираются, в соответствии с установлениями каждой религии, верующим народом из числа лиц, почитаемых им к тому достойными; государство воздерживается от вмешательства в дела религии.

3. Положение, регулирующее, в согласии с изложенным, существование религиозных объединений в пределах государства, издается в порядке одностороннего акта государства, так как религиозные объединения (Церковь) но природе своей не могут вступать ни в какие *государственно-правовые* соглашения или договоры с государством.

Раздел V. Национальный вопрос

1. В национальном вопросе Евразийцы стоят на основе осуществления братства народов в пределах России-Евразии. Средством для осуществления такого братства Евразийцы признают нынешний федеративный строй СССР при обязательном устранении коммунистического гнета, который тяготеет ныне на этом строе, препятствуя полному выявлению национальных своеобразий отдельных народов России-Евразии. Коммунизм не соответствует духу этих народов. Закрепляя в поставленных конституцией СССР и административной практикой пределах возможности политического и языкового самоопределения этих народов, евразийцы считают необходимым обеспечить этим народам свободу духовного самоопределения также на религиозной и лично-хозяйственной основе.

2. В частности, евразийцы считают необходимым распространить права автономии на народы и своеобразные и в бытовом и историческом отношении группы (качество), до сих пор не получившие таких прав. При этом должны быть охранены права национальных и бытовых меньшинств.

Надлежит подчеркнуть, что начала федерации и автономии Евразийцы отстаивают в советском, а не европейском их понимании.

3. Евразийцы обращаются к представителям народов России-Евразии, стремящимся обеспечить себе возможность духовного самоопределения на религиозной и лично-хозяйственной основе, с призывом образовывать евразийские национальные движения для осуществления этой цели.

4. Необходимо существующий в настоящее время в СССР строй, проникнутый началами интернационализма и коммунизма, преобразовать в *наднациональный строй на национальной основе*. Обязательным условием такого перерождения является предоставление русскому народу возможностей государственно-оформленного национального самосознания и строительства национального государства, возможностей, которых он фактически лишен в настоящее время.

5. Однако национальным самоопределением не ограничивается роль русского народа в строительстве России-Евразии. Именно русская культура, пополняемая элементами культур других народов Евразии, должна стать базою наднациональной (евразийской) культуры, которая служила бы потребностям всех народов России-Евразии, не стесняя их национальных своеобразий. Евразийцы ставят своей задачей положительные мероприятия, содействующие развитию русской культуры в ее наднациональных функциях и чуждые в то же время какого бы то ни было оттенка ограничения и стеснения других национальных культур.

Раздел VI. Промышленность

1. В области экономической необходимо констатировать наличие в современной хозяйственной жизни России-Евразии весьма значительной *национальной безработицы* в широком смысле этого слова. О размерах этой безработицы нельзя судить по количеству безработных, зарегистрированных на бирже труда. Такой регистрации подлежат лица, уже работавшие в тех областях труда, в которых они в настоящее время ищут занятия. Между тем основным фактом современной российско-евразийской экономики является *аграрное перенаселение,* т.е. избыток рабочих сил в деревне, не находящих себе здесь применения и могущих получить занятия только в отраслях промышленного и ему подобного труда, в которых, однако, никогда ранее они заняты не были. Избыточные кадры сельского населения не учитываются в настоящее время в качестве безработных, сколь бы острой не являлась потребность этой группы трудящихся в отыскании новых отраслей приложения своей рабочей силы. Устранение национальной безработицы в указанном широком смысле слова евразийцы полагают во главу угла своей экономической программы. *России нужно дать работу* — вот точка зрения, с которой евразийцы рассматривают экономическую действительность современной России-Евразии. Советскими экономистами правильно намечены две основные магистрали, следуя по которым можно справиться с бедствием национальной безработицы: 1) *интенсификация* сельского хозяйства и 2) *индустриализация* страны. Однако коммунистическая власть, правильно наметив задачи, недопустимым образом суживает и устраняет применение мер, которые могли бы прямым и действительным образом послужить разрешению этих задач. Коммунистическая власть ограничивает, в частности, свободу хозяйственного самоопределения крестьян, создавая тем самым существеннейшее препятствие на пути интенсификации сельского хозяйства. Евразийцы требуют: а) предоставления крестьянам свободы хозяйственного самоопределения (см. раздел VII) и б) энергической и действительной государственной политики к увеличению фонда заработной платы. Практические мероприятия, выдвигаемые в этом отношении Евразийцами, согласованы с общим пониманием ими оснований экономической жизни.

2. Евразийцы являются сторонниками широкого государственного *регулирования и контроля хозяйственной жизни*, а также сторонниками принятия на себя государством существенных хозяйственных функций. Евразийцы отмечают, что государственное регулирование, контроль и выполнение государством хозяйственных функций, хотя и в различных формах, неизменно выступает в течение русской истории: торговые операции первоначальных князей, государственное предпринимательство московского периода, такое же предпринимательство и объемлющее регулирование хозяйственной жизни в императорский период. Евразийцы полагают, что явления эти теснейшим образом связаны с совокупностью русских условий и выражают собой необходимость русского месторазвития, т.е. русской социально-исторической среды, рассматриваемой неотрывно от условий занятою ею территории. Россия (Евразия) представляет собой целостный материк, имеющий весьма немногие соприкосновения с берегами океана-моря и, в общем, отрезанный от него. Этим затрудняется конкуренция, господствующая в мире океанического хозяйства, и выдвигаются начала монополии, с неизбежностью приводящие с собой государственное вмешательство. К этому присоединяется связанное с условиями обстановки общее мощное развитие государственного центра (см. выше), увеличивающее значимость такого вмешательства. В этих условиях нынешний экономический строй СССР представляет собою не более, как заострение и сгущение черт торгового, промышленного и земельного уклада, наблюдавшихся в киевской и в московской Руси и в императорской России. Для того же, чтобы создавшийся в результате революции экономический строй не односторонне и ущербно, как в настоящее время, но многосторонне и в полноте выражал, применительно к условиям современной эпохи, потребности евразийской обстановки — для этого необходимо в нынешний экономический строй СССР внести ряд существенных изменений, которые и выдвигаются Евразийцами.

3. При всем признании необходимости и положительного значения го-

сударственного хозяйствования, недочеты бюрократизма, волокиты и бесхозяйственности, с которым встречается каждый, знакомый с современным строем СССР, нельзя считать временными и устранимыми "недочетами технического аппарата". Евразийцы указывают, что недочеты эти вкоренены в основные свойства человеческой природы. Пока человек остается физически обособленным индивидом (а перестав быть таковым, он перестает быть человеком), хозяйствование за казенный (общий) счет будет худшим хозяйствованием по сравнению с хозяйствованием за свой счет, в котором изъяны бюрократизма, волокиты и бесхозяйственности устранены автоматически (сами собой). Необходимо стремиться к улучшению государственного хозяйствования. Определенные результаты в этом отношении *возможны*. Но не допустимо предаваться иллюзиям относительно достижимости полного искоренения недочетов этого хозяйствования. С недочетами государственного хозяйствования приходится мириться, имея в виду, что только при помощи этого хозяйствования могут быть внесены черты упорядоченности и организованности в народное хозяйство как целое, и может быть придана достаточная экономическая сила государству как отстаивателю интересов трудящихся. Однако в видах развития *производительных сил*, в котором кровно заинтересованы трудящиеся массы и от которого зависит устранение национальной безработицы, — наряду с существующей и имеющей развиваться и впредь государственной промышленностью, охватывающей важнейшие отрасли, должна быть создана *соразмерная ей частная промышленность* такого же охвата. Следствием этого будет не только широкое использование лично-хозяйственного начала в деле повышения производительности страны, но и увеличение фонда заработной платы.

4. Численность рабочих кадров и высота заработной платы зависят от размеров фонда заработной платы. В деле увеличения этого фонда недопустимо ограничиваться ресурсами накопления и организационными возможностями государственной промышленности, тем более что благодаря свойствам хозяйствования за казенный счет, эти ресурсы и возможности относительно ограничены. Основанное только на них увеличение фонда заработной платы неизбежно будет проходить медленнее, чем это требуется интересами страны и чем-то возможно *при расширении подбора применяемых организационных форм*. Каковы бы ни были стремления государственной власти, она не может повысить численность рабочих кадров и заработных плат выше предела, отвечающего объективным возможностям. Более того, положение государства как работодателя — *монополиста*, порождает возможность и факт капиталистического перерождения государственной промышленности (см. раздел II). В этих обстоятельствах монополия государственной промышленности в области наиболее важной для экономической жизни *крупной* промышленности искусственным образом ухудшает условия борьбы рабочих за повышение заработных плат. Ценя начала государственного хозяйства не менее, чем ценят их коммунисты, евразийцы высказываются, однако, за устранение названной монополии именно в целях предотвращения возможного и действительного разложения (коррупции) государственной промышленности.

5. Необходимо отметить, что в отношении частной промышленности существование госпромышленности как ее конкурента устраняет в указанных выше условиях возможность получения в частной промышленности сверхприбылей и делает невозможным эксплуатацию рабочих. Свою социальную систему Евразийцы основывают именно на сосуществовании государственного и частного предпринимательства, взаимно дополняющих и влияющих друг на друга.

6. Евразийцы считают, что неуклонное выполнение постановлений по охране труда и социальному обеспечению и выплата заработных плат *не ниже* заработных плат госпромышленности, составляет обязанность предпринимателя, вне выполнения которой не существуют и соответствующие права предпринимателя. *Хозяин же, предприниматель, выполняющий свои обязанности перед государством, есть, по мнению евразийцев, не враг, но друг власти трудящихся.*

7. Только выставив и устойчиво придерживаясь этого положения, можно рассчитывать на осуществление крупных производственных вложений со стороны частного капитала и на широкое приложение в производственной области организационных усилий частных предпринимателей. Нелепо полагать, что то и другое может произойти в условиях принципиально враждебного отношения власти к лично-хозяйственному началу. В условиях такого отношения всякая попытка широкого использования в производственной области возможностей и ресурсов лично-хозяйственной стихии — есть и останется попыткой с негодными средствами. Именно таковы попытки комвласти. В этом смысле необходимость устранения комвласти соответствует и вытекает из непреложной экономической необходимости предоставления простора развитию русских производительных сил. Постоянные колебания, сказывающиеся в политике комвласти, являются результатом того, что политика эта представляет собой лишь внешнее заигрывание с лично-хозяйственным началом, не могущее привести ни к какому действительному результату. Евразийцы считают необходимым радикальное устранение этих колебаний и принятие устойчивой линии экономической политики, на указанных выше началах.

8. В соответствии со сказанным выше (п. 2-й настоящего раздела), не-

обходимо подчеркнуть, что принятие такой линии евразийцы рассматривают не как ослабление, но как усиление начал *плановости* в народном хозяйстве России-Евразии. Силой государственного законодательства, регулирующего частную промышленность с условиями концессионных договоров, также и частная промышленность должна быть помещена в рамки общего плана. Евразийцы не только отстаивают развитие функций Госплана как органа, объединяющего государственную политику, но и высказываются за внесение плановости в отрасли, в настоящее время недостаточно ею проникнутые, как например: высказываясь за широкое применение частного жилищного строительства (см. ниже), Евразийцы подчеркивают необходимость подчинить и его общему техническому, санитарному и художественно-архитектурному плану .

9. Евразийцы отстаивают функциональную (в отношении к интересам государственного целого) природу собственности и сопрягают самое установление права собственности с выполнением связанных с ним обязанностей. Не только право собственности на предметы обихода и потребления, но также, в значительной степени, и право собственности на средства производства фактически восстановлены комвластью. Однако комвласть тщательно уклоняется от признания принципиального значения собственности. Евразийцы признают это значение в том, что именно с режимом собственности связан тот порядок автоматизма, в котором осуществляется технически *лучшее* хозяйствование. Место собственности, по мнению евразийцев, определяется ее функциональным значением в осуществлении поставленных государством объективных задач. В меру способствования осуществлению этих задач должна быть признана и утверждена собственность на средства производства. Гражданский кодекс должен давать достаточную гарантию и обеспеченность собственности — дабы внести элемент устойчивости в экономическую жизнь. Однако, *по суду*, каждый собственник, не исполняющий своих обязанностей перед государством, может быть лишен собственности (с частичным возмещением или без возмещения, в зависимости от характера нарушения).

10. В соответствии с содержанием п. 3-7 настоящего раздела, евразийцы высказываются за радикальный пересмотр и расширение концессионной политики с распространением ее, кроме промышленности, на строительное дело (в том числе жилищное), транспорт, средства связи и т.п. Создание соразмерных государственных частных отраслей хозяйства должно произойти в формах пересмотра и расширения концессионной политики. Наряду с иностранными предпринимателями к концессионному делу должны быть, *главным образом,* привлечены местные предпринимательские кадры.

11. Евразийцы подчеркивают, что способствование экономическому самодовлению России-Евразии подразумевает осуществление системы мероприятий по экономическому развитию всех (в том числе и самых малых) народов Евразии. В общей экономической рамке России-Евразии каждый из этих народов признается и является равноправным каждому другому народу. К России-Евразии не применимы принципы колониальной политики. Эксплуататорские начала последней заменены здесь понятием самодовлеющего материка с осуществленным равноправием народов.

Раздел VII. Земельное дело

1. В определении своего отношения к земельному вопросу, Евразийцы исходят из исконных воззрений народов России-Евразии на землю как на объект, конечное распоряжение которым принадлежит всему общественному целому. Интересы же общественного целого, связанные с развитием производительных сил, требуют установления личной собственности на землю (в частности, на полевые, луговые и усадебные угодья) в функциональном понимании этой собственности.

2. Евразийцы отстаивают обеспечение свободы хозяйственного самоопределения крестьян (земледельцев). Должны быть проведены без всяких ограничений, внесенных незаконной административной практикой, постановления в этой области земельного кодекса 1922 г.

3. Крестьянские хозяйства, самоопределяющиеся в пользу общинного порядка, остаются при существующем способе землепользования. Евразийцы считают необходимым проведение мероприятий по широкому распространению в их среде перечисленных в предыдущем кооперативно-агрономических улучшений.

Н. С. Трубецкой

МЫ И ДРУГИЕ

I

Евразийство как идейное движение впервые явственно заявило о своем существовании и стало кристаллизоваться в условиях и в среде русской эмиграции. Русская эмиграция есть явление политическое, непосредственное следствие политических событий. Как бы ни старались русские эмигранты уйти от политики, они не в состоянии сделать это, не перестав быть эмигрантами. Сущность беженства определяется наступившей вследствие известных политических событий паникой: как только причины, вызвавшие панику, перестанут существовать, беженец — поскольку он только беженец — может вернуться на родину. Сущность эмиграции определяется обострившимся до крайних пределов непримиримым разногласием между убеждениями одной части общества и убеждениями правящих кругов: пока это разногласие в убеждениях не кончится, эмигрант не может вернуться на родину, хотя бы там по части причин, вызывающих панику (террор, голод и пр.), все стало благополучно. А так как вернуться на родину составляет заветную мечту каждого, то беженцы всегда испытующе расспрашивают друг друга, не прошло ли то, что нагнало на них панику, и когда считать, что больше уже не страшно: а эмигранты испытывают друг друга вопросами о том, при каком характере правительства их принципиальные разногласия можно начать считать несущественными. Потому-то политические вопросы не сходят с уст, не выходят из голов русских эмигрантов. Потому-то эмигранты при всем желании вполне от политики отмахнуться не могут. И потому-то, в частности, к каждому идейному направлению в эмиграции подходят с точки зрения его политического содержания. С той же точки зрения подходят, разумеется, и к евразийству.

Евразийцам предъявляют вопросы: кто вы, правые, левые или средние? Монархисты или республиканцы? Демократы или аристократы? Конституционалисты или абсолютисты? Социалисты или сторонники буржуазного строя? А когда на эти вопросы прямых ответов не получают, то либо заподазривают какие-то глубоко скрытые тайные козни, либо с пренебрежением пожимают плечами, объявляя все это "движение" чисто литературным направлением и простым оригинальничаньем.

II

Причина всего этого недоразумения, всего этого ненахождения общего языка заключается в том, что в евразийстве проблема взаимоотношений между политикой и культурой поставлена совершенно иначе, чем к тому привыкла русская интеллигенция.

Со времен Петра Великого в сознании всякого русского интеллигента (в самом широком смысле этого слова, понимая под интеллигентом всякого "образованного") живут, между прочим, две идеи или, точнее, два комплекса идей: "Россия как великая европейская держава" и "европейская цивилизация". "Направление" человека в значительной мере определялось отношением его к этим двум идеям. Было два резко противоположных типа. Для одних дороже всего была Россия как великая европейская держава; они говорили: какой бы то ни было ценой — хотя бы ценой полного порабощения народа и общества, полного отказа от просветительских и гуманистических традиций европейской цивилизации — подавайте нам Россию как могущественную великую европейскую державу. Это были представители правительственной реакции. Для других дороже всего были "прогрессивные" идеи европейской цивилизации; они говорили: какой угодно ценой — хотя бы ценой отказа от государственной мощи, от русской великодержавности — подайте нам осуществление у нас в России идеалов европейской цивилизации (т.е. по мнению одних, демократии, по мнению других, социализма и т.д.) и сделайте Россию прогрессивным европейским государством. Это были представители радикально — прогрессивного общества.

Трагедия заключалось в том, что ни то, ни другое направление по условиям русской жизни не могло быть приведено до конца. Каждая сторона замечала внутреннюю противоречивость и несостоятельность другой, но не видела, что сама заражена теми же недостатками. Реакционеры прекрасно понимали, что, выпустив на волю русскую демократию, т.е. полудикую (с европейской точки зрения) мужицкую стихию, прогрессисты тем самым нанесут непоправимый удар самому существованию в России европейской цивилизации. Прогрессисты, со своей стороны, правильно указывали на то, что, для сохранения за Россией ее места в "концерте великих европейских держав", ей необходимо и во внутренней политике подтянуться к уровню остальных европейских государств. Но своей собственной утопичности и внутренней несостоятельности, разумеется, ни реакционеры, ни радикалы-прогрессисты не понимали. Были, конечно, и представители "золотой середины", "разумного консерватизма", "умеренного либерализма", сочетавшие великодержавный патриотизм с требованием либеральной внутренней политики. Но, в конце концов, и эта часть русского образованного общества жила утопией. Обе основные идеи, которые в разных комбинациях друг с другом создавали все разновидности русских политических направлений, — идея русской велико-

державности и идея осуществления на русской почве идеалов европейской цивилизации, — были в самом своем корне искусственны. Обе они явились порождением реформ Петра Великого. Петр вводил свои реформы насильственно, не спрашивая, желает ли их русский народ; и потому обе идеи, порожденные его реформами, остались органически чуждыми русскому народу. Ни Россия как великая европейская держава, ни идеалы европейского прогресса русскому народу ничего не говорили. Европейская великодержавность России, с одной стороны, и европейское просвещение верхов русской нации, с другой, могли продержаться довольно долгое время над русской почвой при условии искусственной бессловесности и пассивности народных масс. Но и то, и другое неминуемо должно было дать трещину и начать разваливаться, как только зашевелилась самая народная масса, составляющая природный фундамент всего здания России. Спор между русскими "направлениями", являвшимися, по существу, разными комбинациями идеи европейской великодержавности России и идеалов европейского прогресса, именно поэтому были бесплодны и праздны. На подмостках, не ими выстроенных, инженеры возвели стены здания и заспорили о том, какую лучше сделать крышу, совершенно забыв исследовать, как и для чего были сооружены подмостки, на которых велся спор; подмостки оказались живыми, зашевелились, стены здания треснули, повалились, похоронив под собой часть инженеров, и спор о крыше потерял всякий смысл.

Совершенно естественно, что как только вся эта картина открывается сознанию, так оказывается необходимым совершенно переменить весь подход к тем политическим вопросам, которые до сих пор волновали русское общество. Ведь эти вопросы обсуждались при предпосылке известных культурно — исторических понятий, вошедших в умы образованного русского общества в послепетровскую эпоху, но оставшихся органически чуждыми русскому народу. Сознавая это и не веруя в универсальность и безотносительную ценность европейской культуры и не признавая общеобязательности "законов мирового прогресса", надо, прежде всего, искать для политических вопросов новой культурно исторической базы. На этом-то и основаны все недоразумения, возникающие у представителей старых русских "направлений" при встрече с евразийством. Евразийство отвергает не то или иное политическое убеждение старых направленцев, а тот культурно-исторический контекст, с которым это убеждение сопряжено в сознании старых направленцев. Правые, левые и умеренные, консерваторы, революционеры и либералы — все вращаются исключительно в сфере представлений о послепетровской России и о европейской культуре. Когда они говорят о той или иной форме правления,

они мыслят эту форму правления именно в контексте европейской культуры или европезированной послепетровской России; изменения и реформы, которые они считают необходимым внести в политический строй или политические идеи, касаются только этого строя и этих идей, но не самого культурного контекста. Между тем, для евразийства самым важным является именно изменение культуры, изменения же политического строя или политических идей без изменения культуры евразийством отметается как несущественное и нецелесообразное.

III

Культура всякого народа, живущего государственным бытом, непременно должна заключать — в себе как один из своих элементов — и политические идеи или учения. Поэтому призыв к созданию новой культуры заключает в себе, между прочим, также и призыв к выработке новых политических идеологий. Таким образом, упреки в том, будто бы евразийство проповедует политический индифферентизм, равнодушие к политическим вопросам, основаны на недоразумении. Но не меньшую ошибку представляет из себя и встречающееся часто отождествление евразийства с каким-либо старым идейно-политическим направлением. Евразийство отвергает безапелляционный авторитет европейской культуры. А так как с понятием европейской культуры принято связывать "прогрессивность", то многим кажется, что евразийство есть течение реакционное. Евразийство выставляет требование национальной культуры и определенно заявляет, что русская национальная культура немыслима без православия. Это опять-таки по привычной ассоциации у многих вызывает воспоминание о пресловутой формуле "самодержавие, православие и народность" и еще сильнее укрепляет убеждение, будто евразийство есть новая форма старой идеологии русских реакционеров. Этой иллюзии поддаются не только левые, но и очень многие правые, которые спешат объявить евразийство "своим". Это глубокое недоразумение. В устах русских правых формула "самодержавие, православие и народность" приобрела совершенно определенное значение. Строго говоря, вся эта формула свободно могла быть заменена одним только словом "самодержавие". Еще граф Уваров(1) определял "народность" как соединение самодержавия с православием. Что же касается "православия", то под этим термином представители правительственной реакции разумели (а бессознательно разумеют и теперь) синодально-оберпрокурорское православие. Весь "русский дух" русских реакционеров не идет дальше фальшивого поддельно-народного фразерства, высочайше утвержденного "дю-рюсс съ петушками", дурного русского лубка XIX-го века, из-под которого так

и сквозит мундир прусского образца и плац — парадная муштровка; все их "православие" не идет дальше торжественного архиерейского молебна в табельный день с провозглашением многолетия высочайшим особам. И православие, и народность для них не более чем эффектный и традиционный аксессуар самодержавия. И только самодержавие является ценностью безотносительной. Подыскивая идеал в русском прошлом, эти реакционеры находят его в царствовании Александра III или Николая I. Все это, разумеется, не только не имеет ничего общего с евразийством, но прямо противоположно этому последнему. Провозглашая своим лозунгом национальную русскую культуру, евразийство идейно отталкивается от всего послепетровского, санкт-петербургского, императорско — оберпрокурорского периода русской истории. Не императорское самодержавие этого периода, а то глубокое всенародное православно-религиозное чувство, которое силой своего горения переплавило татарское иго во власть православного русского царя и превратило улус Батыя в православное московское государство, является в глазах евразийцев главной ценностью русской истории. Евразийство смотрит на императорское самодержавие, как на вырождение допетровской (дело идет, конечно, об этом самодержавии как духовной сущности, а не внешнеполитических его достижениях, которые в некоторых отраслях были громадны) подлинно-национальной монархии: оторвавшись от того "бытового исповедничества", которое в древней Руси было идейной опорой царской власти и, в то же время, находило в лице царя самого горячего своего ревнителя, императорское самодержавие естественно и неизбежно должно было опереться на рабство и милитаризм. Евразийство не может мириться с превращением православия в простой аксессуар самодержавия и с обращением "народности" в казенную декламацию. Оно требует подлинного православия, оправославления быта, подлинной национальной культуры на основе "бытового исповедничества" и признает своим идеалом только такую монархию, которая бы явилась органическим следствием национальной культуры.

IV

Недвусмысленно проявляемое евразийством отрицательное отношение к императорской России и подчеркивание ценности подлинно-народной самобытности может породить и другое недоразумение, а именно, отождествление евразийства с революционным народничеством. Однако, от этого народничества евразийство резко отличается. Как бы то ни было, русское революционное народничество всегда являлось и является разновидностью социализма. Социализм же есть порождение романо-

германской культуры, духовно совершенно чуждое евразийству. Если в умеренных течениях народничества элемент социализма выступает в ослабленном виде, то в принципе дело от этого не меняется. Отношение народников к так называемой "русской самобытности" в корне отлично от отношения евразийства к той же самобытности. Из народного быта, из народных чаяний и идеологий народничество искусственно отобрало только некоторые элементы: общинное хозяйство, сельские сходы, "артельное начало", идею о том, что "земля — Божья", рационалистическое сектантство, затаенную ненависть к "барам", разбойничьи песни и т.д. — все эти элементы быта, мировоззрения и умонастроения вырывались из их исторического контекста, идеализировались и объявлялись единственно-существенными и подлинно-народными, а все прочее отметалось. Отбор производился, конечно, по признаку пригодности к социализму. Все, что в быте и мировоззрении народа было, с этой точки зрения, непригодно, относилось на долю "отсталости" и "темноты народных масс", объявлялось подлежащим преодолению через школу и пропаганду. Школа и пропаганда должны были также привить народу те черты, которых ему "недостает", но которые присущи "демократии передовых стран Запада". Будущая Россия мыслилась народниками как образцовая демократическая республика с парламентаризмом, с небывало широким, распространяющимся чуть ли не на подростков обоего пола, пропорциональным избирательным правом, с отделением церкви от государства, с полной секуляризацией не только государственной, но и семейной жизни и т.д. и т.д. В этом идеале, целиком заимствованном у романо — германских идеологов, роль русской самобытности сводится только к тому, что земля мыслится распределенной на правах трудового пользования, причем даже это распределение, проведенное в государственном масштабе, лишь отдаленно напоминает русский сельский "мир". Таким образом, самобытность для народников играет роль лишь трамплина для прыжка в объятия нивелирующей европеизации. "Хождение в народ" в конце концов является лишь особой тактикой, особым приемом для достижения европеизации и водворения в России известных идеалов романо — германской цивилизации. Парадоксальное и внутренне противоречивое сочетание внешнего самобытничания с определенно-западническим внутренним содержанием всегда было ахиллесовой пятой русского революционного народничества.

Именно благодаря своей социалистической и западнической сущности, революционное народничество совершенно неприемлемо для евразийства. Евразийство походит к национальной русской культуре без желания заменить ее какими-либо романо — германскими формами жизни

(уже осуществленными в Европе или только преподносящимися воображению европейских публицистов), а, наоборот, с желанием освободить ее от романо — германского влияния и вывести ее на путь подлинно-самостоятельного национального развития. Разумеется, и евразийство не принимает без разбору всего, что есть или было в русском народе самобытного, и тоже производит выбор между ценным и вредным или безразличным. Но при этом выборе евразийство руководствуется не тем, пригодно ли данное явление русской культуры или народного быта к осуществлению того или иного заимствованного у европейцев идеала (социализма, демократической республики и т.п.), а исключительно внутренней ценностью данного явления в общей связи русской национальной культуры. С этой точки зрения приходится делать различие между явлениями случайными, преходящими и явлениями глубинными, с непреходящим значением, далее — между явлениями творческими, созидательными и явлениями разрушительными. Так, общинное хозяйство, "на котором особенно настаивают народники, есть преходящая, исторически возникшая и в процессе истории обреченная на исчезновение форма хозяйства: разрушение общины и переход к индивидуальной земельной собственности есть исторически неизбежное явление, которое нельзя задержать никакими искусственными мероприятиями. А поскольку общинное землевладение тормозит развитие производительности крестьянского хозяйства, его следует признать даже явлением культурно-вредным, разрушительным, и процессу его замены другими формами хозяйства следует помогать. Евразийство, проповедуя русскую самобытность, как раз общинное хозяйство не включает в число существенных признаков этой самобытности. Наблюдая народное мировоззрение и его проявления в народном творчестве, народники обходили молчанием или относили на долю "темноты" народную покорность воле Божией, идеализацию царской власти, духовные стихи, набожность, обрядовое исповедничество, между тем, как именно все эти черты, сообщающие народному фундаменту устойчивость, с точки зрения национальной культуры, как раз наиболее ценны. Наоборот, все проявления бунтарства как в умонастроении, так и в народном творчестве, ненависть народа к "барам", песни и предания, идеализирующие разбойников, сказки с насмешками над "попами" особенно ценились народниками, хотя ясно, что эти чисто отрицательные антикультурные и антисоциальные проявления не заключают в себе никаких культурно-творческих потенций. Мало того, и в этих отрицательных элементах народной психологии народники умели ценить только самую их отрицательную сторону: ненависть к "барам" ценилась, поскольку она была "социальной", между тем как именно в этой своей форме она, разрушая национальное единство, безусловно вредна, а положительной она может быть до известной степени, только поскольку "барин" рассматривается как человек иной, ненациональной, культуры.

Но основательнее всего расходится евразийство с народничеством в отношении к религии. Народники, как социалисты, являются в большинстве своем атеистами или, в крайнем случае, отвлеченными деистами. Из религиозной жизни народа они умели "понимать" и ценить только рационалистическое сектантство. Евразийство стоит на почве Православия, исповедуя его как единственно подлинную форму Христианства, и признает, что именно в качестве единственной веры Православие и могло сыграть в русской истории роль творческого стимула. Стоя на почве Православия, нельзя не видеть, что протестантство и рационалистическое сектантство являются чувственными и упадочными формами религии. Существование и некоторый успех в народе штундизма(2), баптизма и других рационалистических сект есть прискорбное последствие двух веков европеизации, во время которой верхи и низы нации были отделены друг от друга пропастью. Интеллигенция и полуинтеллигенция, закрывая глаза на духовные богатства Православия, смотрела на него как на мужицкую веру и заражалась упадочными формами западного христианства, а правительство, заморозив и оказенив Русскую Церковь и лишив ее всякой инициативы и свободы действия, не принимало никаких мер ни для поднятия уровня духовенства, ни к распространению подлинно православного просвещения. Если народ в эти тяжелые века русской истории часто уходил от Церкви, не находя в ней того подлинно православного духа, которого он бессознательно жаждал, и поддавался соблазнам дешевого рационализма, проникавшего к нему через сбитую с пути истинного интеллигенцию и полуинтеллигенцию, то в печальном явлении можно видеть только симптом болезни. Правительство, боровшееся с этим симптомом (и притом полицейскими мерами), было, разумеется, не право, ибо лечить надо было самую болезнь. Но народники, которые в этих симптомах усматривали нечто здоровое, были еще более не правы. Ни с какой точки зрения рационалистическое сектантство нельзя считать явлением положительным: с точки зрения религиозной это есть дегенерация; с точки зрения культурно-национальной это есть микроб, разлагающий национальное единство и тормозящий дружную работу всей нации на ниве духовной культуры.

Для христианина Христианство не есть элемент какой-нибудь определенной национальной культуры, но есть фермент, могущий войти в разные культуры и стимулировать их развитие в определенном направлении, не упраздняя их самобытности и своеобразия. Вынуть из русского нацио-

нального сознания Христианство или заменить в нем подлинное Христианство (Православие) упадочно-рационалистической подделкой, значит обесплодить русскую культуру и направить ее по пути разложения. Потому-то расхождение евразийства с народничеством как раз в религиозном вопросе исключают возможность какого бы то ни было сближения обоих направлений.

Следует подчеркнуть, что сущность расхождения лежит именно в области религиозной и в вытекающей отсюда положительной или отрицательной оценке тех элементов народной психики, на которых имеет быть построена национальная культура. Расхождение политическое менее существенно. Революционное народничество настаивает на своем республиканстве. Если представить себе такую православную русскую республику, в которой каждый избираемый на срок президент ("посадник") смотрел бы на себя, как на ответственного представителя народа перед Богом и как на защитника Православия, и если бы выборы президента и депутатов в этой республике не ставились в зависимость от игры на народных страстях и ненавистях, то евразийство ничего не имело бы против такой республики и, во всяком случае, предпочло бы ее "европейски просвещенной" монархии, насаждающей сверху европеизацию и держащей в кабале Церковь. Но независимо от вопроса о том, возможна ли вообще такая республика, можно усомниться в том, чтобы она удовлетворила революционное народничество.

V

Наконец, следует осветить еще один вопрос, вопрос о взаимоотношении между евразийством и большевизмом. Любители якобы "метких" словечек иногда пытаются охарактеризовать евразийство как "православный большевизм" или "плод незаконной связи славянофильства и большевизма". Хотя для всякого должна быть ясна парадоксальность этих contradictio in adjecto[(3)] ("православный большевизм" есть "белая чернота"), тем не менее, вопрос о пунктах соприкосновения и расхождения между евразийством и большевизмом заслуживает более внимательного рассмотрения.

Евразийство сходится с большевизмом в отвержении не только тех или иных политических форм, но и всей культуры, которая существовала в России непосредственно до революции и продолжает существовать в странах романо-германского запада, и в требовании коренной перестройки всей этой культуры. Евразийство сходится с большевизмом и в призыве к освобождению народов Азии и Африки, порабощенных колониальными державами.

Но все это сходство только внешнее, формальное. Внутренние движущие мотивы большевизма и евразийства диаметрально противоположны. Ту культуру, которая подлежит отмене, большевики именуют "буржуазной", а евразийцы — "романо-германской"; и ту культуру, которая должна встать на ее место, большевики мыслят, как "пролетарскую", а евразийцы — как "национальную" (в отношении России — евразийскую). Большевики исходят из марксистского представления о том, что культура создается определенным классом, евразийцы же рассматривают культуру как плод деятельности определенных этнических единиц, нации или группы наций. Поэтому для евразийцев понятия "буржуазной" и "пролетарской" культуры в том смысле, как их употребляют большевики, являются совершенно мнимыми. Во всякой социально дифференцированной нации культура верхов несколько отличается от культуры низов. В нормальном, здоровом национальном организме различие это сводится к различию степеней одной и той же культуры. Если при этом верхи называть "буржуазией", а низы — "пролетариатом", то замена буржуазной культуры пролетарской сведется к снижению Уровня культуры, опрощению, одичанию, которое вряд ли можно выставлять как идеал. В нациях нездоровых, зараженных недугом европеизации, культура верхов отличается от культуры низов не столько количественно (степенями) сколько качественно: т.е. низы продолжают жить обломками культуры, некогда служившей нижней степенью, фундаментом туземной национальной культуры, а верхи живут верхними степенями другой, иноземной, романо-германской культуры; в промежуток между низами и верхами помещается слой людей без всякой культуры, отставших от низов и не приставших к верхам, именно в силу качественной разнородности обеих культур, сопряженных в данной нации. Вот применительно к таким нациям (к числу которых принадлежала и послепетровская дореволюционная Россия) можно говорить о желательности замены культуры верхов культурой низов, но и то лишь метафорически. На деле при этом должен мыслиться не переход верхов к культуре низов, неизбежно элементарной, а к созданию верхами новой культуры с таким расчетом, чтобы между ней и культурой низов различие было не качественное, а в степенях. Только при этом условии упразднится бескультурность средних слоев нации, и национальный организм станет культурно цельным, здоровым и способным к дальнейшему развитию в целом как в своих верхах, так и в низах. Это именно то, что проповедует евразийство. Но ясно, что при этом речь идет об изменении не классовой, а этнической природы культуры.

Находясь всецело во власти марксистских схем и подходя к проблеме культуры исключительно с точки зрения этих схем, большевики, ес-

тественно, оказываются совершенно неспособными выполнить то, что они затеяли, т.е. создать на месте старой культуры какую-то новую. Их "пролетарская культура" выражается либо в одичании, либо в какой-то пародии на старую, якобы буржуазную культуру. И в том, и в другом случае дело сводится к простому разрушению без всякого созидания. Новой культуры никак не получается — это и есть лучшее доказательство ложности самих теоретических предпосылок большевизма и невыполнимости самого задания "пролетаризации культуры". Понятие "пролетарской культуры" неизбежно бессодержательно, ибо самое понятие пролетариата как чисто экономическое лишено всяких других признаков конкретной культуры, кроме признаков экономических. Совершенно иначе обстоит дело с понятием национальной культуры, ибо всякая нация, являясь фактической или потенциальной носительницей и созидательницей определенной, конкретной культуры, заключает в самом своем понятии конкретные признаки элементов и направлений культурного строительства. Поэтому новая культура может быть создана только как культура особой нации, до сих пор не имевшей самостоятельной культуры или находившейся под подавляющим влиянием иностранной культуры. И противопоставится может эта новая культура только культуре иной нации или иных наций. Из всего этого вытекает, что, если общими задачами большевизма и евразийства является отвержение старой и создание новой культуры, то большевизм может выполнить только первую из этих двух задач, а второй выполнить не может. Но выполнение одной задачи разрушения без одновременного созидания, разумеется, не может привести к благим результатам. Прежде всего, разрушитель, имеющий неясное или превратное представление о том, что на месте разрушенного должно быть воздвигнуто, непременно разрушит или постарается разрушить то, что надлежало бы сохранить. А кроме того, когда темп разрушения значительно быстрее созидания, или когда за разрушением никакого подлинного созидания не следует, нация оказывается на долгое время в состоянии бескультурности, которое не может не отражаться на ней губительно. Таким образом, даже несмотря на то, что разрушительная работа большевиков часто направлена именно на те стороны привитой к России европейской культуры, которые и евразийцы считают подлежащими искоренению, евразийство все же не может приветствовать этой разрушительной работы. Что же касается до большевистских попыток творчества, то эти попытки вызывают в евразийстве самое отрицательное отношение, так как они либо проникнуты марксистским утопизмом, либо направлены к пересадке на русскую почву еще новых элементов романо — германской цивилизации, притом, большей частью, элементов наименее для евразийства приемлемых и носящих явные признаки вырождения и упадка романс-германской цивилизации.

Из всего только что сказанного явствует, что и в вопросах об отношениях России к народам нероманo — германского мира сходство между большевизмом и евразийством является только внешним. Евразийство призывает все народы мира освободиться от влияния романо — германской культуры и вновь вступить на путь выработки своих национальных культур. При этом евразийство признает, что влияние романо — германской культуры особенно усиливается благодаря экономическому господству так называемых "цивилизованных" над "колониальными" народами, и потому призывает к борьбе за освобождение и от этого экономического господства. Но эта экономическая эмансипация не представляется евразийству как самоцель, а лишь как одно из непременных условий освобождения от романо — германской культуры, освобождения, которое немыслимо без одновременного укрепления основ национальной культуры и дальнейшего самостоятельного развития этой последней. Большевики во всех этих вопросах преследуют прямо противоположные цели. Они только играют на националистических настроениях и самолюбии азиатских народов и рассматривают эти чувства лишь как средства для поднятия в Азии социальной революции, которая должна не столько упразднить экономическое засилье "цивилизованных" держав, сколько способствовать водворению коммунистического строя с той особой "пролетарской" культурой, которая, по существу, антинациональна и построена на самых отрицательных элементах той же европейской цивилизации, доведенных до карикатурной крайности. Под личиной поощрения азиатского национализма в большевизме скрыто то же нивелирующее "цивилизаторское" культуртрегерство, и притом в гораздо более радикальной форме, чем у романо — германских колониальных империалистов. Не к созиданию подлинно-национальных культур, преемственно связанных с историческим прошлым, а к национальному обезличению и разрушению всяких национальных основ хотят большевики привести все народы Азии и Россию.

Резюмируя, можно сказать, что большевизм есть движение разрушительное, а евразийство — созидательное. Оба движения полярно противоположны, и никакое сотрудничество между ними немыслимо. Эта противоположность между большевизмом и евразийством не случайна, а коренится в глубинной сущности обоих движений. Большевизм — движение богоборческое, евразийство — движение религиозное, богоутверждающее. Есть глубокая внутренняя связь между воинствующим отрицанием

Творца и неспособностью к подлинному, положительному творчеству, между кощунственным отвержением божественного Логоса и рационалистическим утопизмом, противоречащим естественной природе жизни. Но природа не допускает чистого разрушения. Она властно требует творчества, и все, неспособное к положительному творчеству, рано или поздно обречено на гибель. Большевизму, как всякому порождению духа отрицания, присуща ловкость в разрушении, но не дана мудрость в творчестве. А потому он должен погибнуть и смениться силой противоположной, богоутверждающей и созидательной. Будет ли этой силой евразийство — покажет будущее. Но, во всяком случае, ни реставрационная идеология, подменивающая творчество починкой и восстановлением разрушенного в его старом виде, ни народничество, столь же слепое, как и большевизм, к Богом установленным положительным задачам культурного строительства и столь же зараженное упадочными идеологиями вырождающейся европейской цивилизации, признаками подлинного положительного творчества не обладают. Положительное значение большевизма, может быть, в том, что, сняв маску и показав всем сатану в его неприкрытом виде, он многих через уверенность в реальности сатаны привел к вере в Бога. Но, помимо этого, большевизм своим бессмысленным (вследствие неспособности к творчеству) ковырянием жизни глубоко перепахал русскую целину, вывернув на поверхность пласты, лежавшие внизу, а вниз — пласты, прежде лежавшие на поверхности. И, быть может, когда для созидания новой национальной культуры понадобятся новые люди, такие люди найдутся именно в тех слоях, которые большевизм случайно поднял на поверхность русской жизни. Во всяком случае, степень пригодности к делу созидания национальной культуры и связь с положительными духовными основами, заложенными в русском прошлом, послужат естественным признаком отбора новых людей. Те созданные большевизмом новые люди, которые этим признаком не обладают, окажутся нежизнеспособными и естественно погибнут вместе с породившим их большевизмом, погибнут не от какой-нибудь интервенции, а от того, что природа не терпит не только пустоты, но и чистого разрушения и отрицания и требует созидания, творчества, а истинное положительное творчество возможно только при утверждении начала национального и при ощущении религиозной связи человека и нации с Творцом вселенной.

1925 г

"*Евразийский временник*", *книга IV. Берлин, 1925, с 66-81.*

Примечания

(1) Уваров Сергей Семенович (1786 — 1855) — граф, видный государственный деятель России первой половины XIX века, министр народного просвещения (1833 — 1849) и президент Академии наук; автор знаменитой формулы "православие, самодержавие, народность", ставший принципом государственной идеологии и просвещения императорской России, никогда, впрочем не провозглашавшейся самими царями;

(2) Штунда — сектантское течение среди русских и украинских крестьян во второй половине XIX века, возникшее под влиянием протестантизма и позднее слившееся с баптизмом;

(3) Contradictio in adjecto (лат.) — противоречие в определении.

Н. С. Трубецкой

ОБ ИДЕЕ-ПРАВИТЕЛЬНИЦЕ ИДЕОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

I

Одною из основ евразийства является утверждение, что демократический строй современности должен смениться строем идеократическим. Под демократией разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку популярности в известных кругах населения, причем основными формами отбора являются в плане политическом — избирательная кампания, в плане экономическом — конкуренция. Под идеократией же разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице. Демократическое государство, не имея своих собственных убеждений (так как правящий слой ее состоит из людей разных партий), не может само руководить культурной и хозяйственной жизнью населения, а потому старается как можно меньше вмешиваться в эту жизнь (свобода торговли, свобода печати, свобода искусства и т.д.), предоставляя руководство ею безответственным факторам (частному капиталу и прессе). Наоборот, идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою идею-правительницу (носителем которой является объединенный в одну-единственную государственно-идеологическую организацию правящий слой) и в силу этого непременно должно само активно организовать все стороны жизни и руководить ими. Оно не может допустить вмешательства каких-либо не подчиненных ему, неподконтрольных и безответственных факторов — прежде всего частного капитала — в свою политическую, хозяйственную и культурную жизнь и потому неизбежно является до известной степени социалистическим.

II

Возникает вопрос: всякая ли идея может стать идеей-правительницей, и если нет, то каким требованиям должна отвечать идея-правительница подлинного идеократического государства? На этот вопрос в евразийской литературе до сих пор не было дано вполне ясного и исчерпывающего ответа.

Селекционным признаком идеократического отбора должно быть не только общее мировоззрение, но и готовность принести себя в жертву идее-правительнице. Этот элемент жертвенности, постоянной мобилизованности, тяжелой нагрузки, связанной с принадлежностью к правящему

отбору, необходим для уравновешения тех привилегий, которые неизбежно тоже связаны с этой принадлежностью. В глазах своих сограждан члены правящего отбора должны иметь моральный престиж. Известный моральный престиж принадлежит правящему отбору и при всяком другом строе, но при идеократическом строе он особенно силен именно ввиду того, что готовность жертвовать собой ради идеи-правительницы здесь является одним из основных селекционных признаков правящего слоя. Отсюда следует, что идея-правительница должна быть такова, чтобы, во-первых, ради нее стоило жертвовать собой и, во-вторых, чтобы жертва ради нее расценивалась всеми гражданами как морально ценный поступок.

Так как всякий эгоизм и всякое своекорыстие всегда расцениваются как безнравственные или, в лучшем случае, нравственно невысокие установки, то ясно, что эгоизм и своекорыстие не могут лежать в основе идеи-правительницы. Но по существу дело не меняется, и при том или ином виде расширенного эгоизма или своекорыстия — желаю ли я благополучия и наживы только себе или не только себе, но и моей семье или моим товарищам по хозяйству — эгоизм остается эгоизмом и своекорыстие — своекорыстием, а моральной ценности тут нет. Принесение в жертву моего личного эгоизма ради эгоизма биологической или социальной группы, к которой я лично принадлежу, либо бессмысленно, либо животно низменно: так поступают животные. Человек на известной степени развития не может считать такого рода жертвенность морально ценной. Он считает ценной лишь жертву во имя какого-то общего дела, т.е. жертву, оправдываемую благом целого, а не какой-либо его части, к которой принадлежит пожертвовавший собой.

Что же является тем целым, ради блага которого можно жертвовать собой так, чтобы эта жертва была морально ценной? Ясно, прежде всего, что класс таким целым быть не может, ибо по самому своему определению класс есть всегда только часть целого; притом, поскольку принадлежность к известному классу определяется общностью материальных интересов, всякая деятельность, направленная на пользу своего класса в ущерб другим классам, основана на расширенном своекорыстии. Но, с другой стороны, народ также не может рассматриваться как целое в вышеупомянутом смысле слова. Народ есть этнологическая, а следовательно, в конечном счете биологическая особь. Различие между народом и семьей не в принципе, а только в степени. И если забота только о своей семье в ущерб всем другим людям расценивается как безнравственный расширенный эгоизм, то точно так же должна расцениваться служба (хотя бы и самоотверженная) интересам одного лишь своего народа в ущерб всем прочим народам.

Итак, ни благо определенного класса, ни благо определенного народа не могут служить содержанием идеи-правительницы идеократического государства. И если современные идеократии избирают себе идеями-правительницами классовую диктатуру или национализм, то происходит это потому, что в этих государствах имеется лишь внешняя форма, но не внутреннее содержание подлинной идеократии и что вследствие этого они это внутреннее содержание вынуждены заменять идеологиями, уместными при другом строе, именно при строе демократическом. В самом деле, при демократическом строе с его установкой на индивидуализм, на борьбу эгоизмов во внутренней и во внешней политике лозунги "все для моего класса" и "все для моего народа" вполне уместны. При идеократическом же строе такие лозунги являются анахронизмами. Попытки их обоснования наивны и обречены на неудачу. Доказать, что тот или иной народ, та или иная раса лучше других, невозможно. Но так же нелепы и доказательства преимущества пролетариата над другими классами — особенно когда добрая половина людей, настаивающих на этом преимуществе, сами не принадлежат к пролетариату. Даже если бы пролетариат действительно был носителем идеи социализма, это еще ровно ничего не доказывало бы, ибо социализм сам по себе не есть ни абсолютное благо, ни содержание или задача идеократии, а только логическое следствие идеократии.

III

Но если ни класс, ни народ не являются тем целым, ради которого можно призывать жертвовать собой, то о человечестве приходится сказать то же самое. Всякое существо познается в своем противопоставлении другим существам того же порядка. Класс имеет определенное очертание, определенную индивидуальность, поскольку он противопоставлен другим классам, народ — поскольку он противопоставлен другим народам. Чему же противопоставлено человечество? Неужели другим видам млекопитающих? Но в таком случае это есть зоологическая единица, ради которой жертвовать собой можно лишь в порядке сохранения вида, т.е. в порядке рудиментарного, животного инстинкта, а не морального долга. Если же человечество ничему не противопоставлено, то оно не имеет основных признаков живой личности, не имеет индивидуального бытия и никак не может служить стимулом морального поведения.

Итак: ни класс, ни народ, ни человечество. Но между чересчур конкретным народом и чересчур отвлеченным человечеством лежит понятие особый мир. Совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства, — вот то целое, которое отвечает вышеуказанному требованию. Это не есть биологическая единица, потому что целое это многоплеменно, и связь между его членами не антропологическая. Забота о благе этого целого не есть расширенное своекорыстие, ибо, поскольку данное месторазвитие автаркично, благо всех населяющих его народов не наносит ущерба никаким другим человеческим коллективам. А в то же время такое целое не есть расплывчатая, безликая масса, подобная человечеству. Оно наделено признаком индивидуального бытия, будучи субъектом истории. Служение благу такого "конкретного человечества" особого мира предполагает подавление не только личных эгоизмов, но и эгоизмов классовых и национальных — и не только эгоизмов, но и всякого рода эгоцентрических самопревозношений. Но в то же время оно не только не исключает, а, наоборот, утверждает поддержку своеобразия каждого отдельного народа, поскольку такое своеобразие не является началом разрушительным. Живое ощущение своей принадлежности к многонародному целому должно включать в себя и ощущение принадлежности к определенному народу, сознаваемому как член многонародного целого. В то же время готовность жертвовать своими личными или семейными интересами во имя интересов целого, предполагающая, что социальные связи выше биологических, неминуемо влечет за собой аналогичное отношение и к своему народу: то, что связывает данный народ с другими обитателями данного месторазвития, оценивается выше того, что связывает тот же народ с его братьями по крови или по языку, не принадлежащими к данному месторазвитию (примат духовного, культурного родства и общности судьбы над родством биологическим).

IV

Таким образом, идеей-правительницей подлинно идеократического государства может быть только благо совокупности народов, населяющих данный автаркический особый мир. Из этого следует, что территория подлинно идеократического государства непременно должна совпадать с каким-нибудь автаркическим особым миром. К тому же следствию приводит и связанное с понятием идеократии требование планового хозяйства и государственной регулировки культуры и цивилизации, так как требования эти успешно могут быть выполнены только при условии автаркии идеократического государства. Наконец, только при том же условии государство может оградить себя от вмешательства иностранного капитала.

Итак, с разных точек зрения идеократическому государству необходи-

ма автаркия. Из этого одного вовсе не следует, чтобы всякое автаркическое государство могло стать идеократией в истинном смысле этого слова. Колониальная империя, разные части которой населены народами, не имеющими друг с другом ничего общего, кроме факта своего порабощения правящим народом, может быть вполне самодовлеющей в хозяйственном отношении, но идеократией она стать не может, ибо одной экономической связи между ее частями для создания идеи-правительницы недостаточно. Для этого необходимы живо ощущаемая общность культурных и исторических традиций, непрерывность месторазвития, и, прежде всего, отсутствие чувства национального неравенства — чего в колониальной империи достигнуть невозможно.

Из предыдущего явствует, что не всякое государство может стать идеократией. А так как водворение идеократического строя во всем мире неизбежно, то в ближайшем будущем предстоит перекройка карты земного шара. Не меньшие сдвиги предстоят и в области психологии, идеологии и самосознания народов земного шара. Современный коллективизм останавливается, так сказать, на полпути: человек сознает себя рядовым членом органического коллектива — класса или народа, но к самому этому коллективу относится так, как последовательный индивидуалист к своей собственной личности. Между тем при идеократическом строе должны будут исчезнуть эти последние остатки индивидуализма и человек будет сознавать не только самого себя, но и свой класс и свой народ как выполняющую определенную функцию часть органического целого, объединенного в государство. При этом следует подчеркнуть, что все это должно быть не только теоретически принято, но глубоко осознано и заложено в психику человека грядущей идеократической эпохи.

Современные идеократические государства еще очень далеки от подлинной идеократии. СССР несколько ближе к цели только потому, что территория его представляет собою потенциально автаркический особый мир, населенный разными неродственными, но связанными общей исторической судьбой народами. Однако, если принять во внимание, что правящий отбор СССР упорно принимает следствие идеократии (социализм) за ее содержание, что путем воспитания, прессы, лженауки и литературы широким слоям населения СССР систематически прививаются превратные представления о сущности переживаемого исторического периода и, наконец, что значительная часть невеликорусской интеллигенции СССР заражена узконационалистическими сепаратистскими стремлениями, то станет ясно, что СССР еще очень не скоро и, может быть, только ценой очень тяжелых испытаний дойдет до подлинной идеократии.

Что же касается европейских идеократических государств, то им до подлинной идеократии предстоит пройти еще более длинный путь. В настоящей стадии своего развития они увлечены частнонародным зоологическим национализмом и борются против сознания общности европейской культуры. Парадоксально, что панъевропеизм, который один мог бы стать идеей-правительницей европейской идеократии (ибо ни одна европейская страна в отдельности не может претендовать на автаркию), в настоящее время является идеологией либерализма и демократии, т.е. злейших противников идеократии. Если же прибавить ко всему этому, что данная выше формулировка идеи-правительницы подлинно идеократического государства не мирится с колониальным империализмом, от которого, однако, именно современные европейские идеократические (фашистские) течения никак отказаться не могут, то станет ясно, что Европа к подлинной идеократии может прийти лишь после кровавых и глубоких потрясений.

И все же, несмотря на перспективу этих потрясений, неизбежных при всяком переходе от одного социально-политического строя к другому, существование современных идеократических государств (хотя бы и с превратными идеями-правительницами) не является бессмысленным. Накопляемый правящим слоем этих государств политический опыт, создающиеся там формы быта и социально-политической жизни — все это пригодится в будущей, подлинной идеократии, а может быть, облегчит и перенесение тех родовых мук, которыми будет сопровождаться рождение этой подлинной идеократии.

1935 г.

Н. С. Трубецкой

ОБЩЕЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Если прежде основным фактором, спаивавшим Российскую Империю в одно целое, являлась принадлежность всей территории этого государства единому хозяину-русскому народу, возглавляемому своим русским царем, то теперь этот фактор уничтожен. Возникает вопрос: какой же другой фактор может теперь спаять все части этого государства в одно государственное целое?

В качестве такого объединяющего фактора революция выдвинула осуществление известного социального идеала. СССР есть не просто группа отдельных республик, а группа республик социалистических, т. е. стремящихся осуществить один и тот же идеал социального строя, и именно эта общность идеала объединяет все эти республики в одно целое.

Общность социального идеала и, следовательно, того направления, по которому устремляется государственная воля всех отдельных частей нынешнего СССР, разумеется, является мощным объединительным фактором. И даже если со временем характер этого идеала изменится, все же самый принцип обязательной наличности общего идеала социальной справедливости и общей воленаправленности к этому идеалу должен продолжать лежать в основе государственности тех народов и областей, которые ныне объединены в СССР. Но спрашивается, достаточно ли одного этого фактора для объединения разных народов в одно государство? В самом деле, ведь из того факта, что Узбекская Республика и Белорусская Республика обе руководствуются в своей внутренней политике стремлением к достижению одного и того же социального идеала, вовсе еще не следует, чтобы обе эти республики обязательно должны были объединиться под сенью одного государства. Мало того, из этого факта даже не следует, чтобы эти две республики не могли не враждовать или воевать между собой. Ясно, что одной общности социального идеала недостаточно и что националистически-сепаратистским стремлениям отдельных частей СССР должно быть противопоставлено что-то еще.

В современном СССР таким противоядием против национализма и сепаратизма является классовая ненависть и сознание солидарности пролетариата перед лицом постоянно грозящей ему опасности. В каждом из народов, входящих в состав СССР, полноправными гражданами признаются только пролетарии, и, в сущности, самый Советский Союз составляют не столько народы, сколько именно пролетарии этих народов. Захватив

власть и осуществляя свою диктатуру, пролетариат разных народов СССР в то же время постоянно чувствует себя под угрозой своих врагов, как внутренних (ибо социализм еще не наступил, и в переживаемую "переходную" эпоху приходится допускать существование капиталистов и буржуев даже внутри СССР), так и внешних (в лице всего прочего мира, пребывающего всецело во власти международного капитализма и империализма). И вот для того, чтобы успешно отстаивать захваченную власть против происков врагов, пролетариям всех народов СССР и необходимо объединиться в одно государство.

Благодаря этому взгляду на смысл существования СССР, советскому правительству оказывается возможным бороться с сепаратизмом: сепаратисты стремятся к разрушению государственного единства СССР, но это единство необходимо пролетариату для отстаивания захваченной им власти, следовательно, сепаратисты являются врагами пролетариата. По той же причине оказывается возможным и необходимым бороться и с национализмом, так как этот последний легко может быть истолкован как скрытый сепаратизм. К тому же, согласно марксистской доктрине, пролетариат лишен националистических инстинктов, которые являются атрибутами буржуазии и плодом буржуазного строя. Борьба против национализма осуществляется уже самим фактом перенесения центра народного внимания из сферы национальных эмоций в сферу эмоций социальных. Сознание национального единства, являющееся предпосылкой всякого национализма, оказывается подорванным обостренной классовой враждой, а большинство национальных традиций опорочено связью с буржуазным строем, с аристократической культурой или с "религиозными предрассудками". При всем том честолюбие каждого народа до известной степени польщено тем, что в пределах той территории, которую он населяет, язык его признан официальным, административные и иные должности замещаются людьми из его среды, и зачастую и самая область официально называется по населяющему его народу. Итак, можно сказать, что фактором, связывающим все части нынешнего СССР в одно государственное целое, опять является наличие официально признанного единого хозяина всей государственной территории; только прежде таковым хозяином признавался русский народ, возглавляемый своим царем, а теперь таковым хозяином считается пролетариат всех народов СССР, возглавляемый коммунистической партией.

Недостатки только что описанного современного решения вопроса сами собой очевидны. Не говоря уже о том, что деление на пролетариат и буржуазию по отношению ко многим народам СССР либо вовсе непрово-

димо, либо совершенно малосущественно и искусственно; следует особенно подчеркнуть, что все это решение вопроса само в себе несет указание на свою временность. В самом деле, ведь государственное объединение народов и стран, в которых власть захвачена пролетариатом, является целесообразным только с точки зрения данного этапа борьбы пролетариата со своими врагами. Да и самый пролетариат как угнетаемый класс, согласно марксизму, есть явление временное и подлежащее преодолению. То же следует сказать и о классовой борьбе. Таким образом, при описанном выше решении вопроса единство государства оказывается покоящимся не на каком-нибудь принципиально постоянном основании, а на основании принципиально временном, преходящем. Это создает нелепое положение и целый ряд совершенно нездоровых явлений. Чтобы оправдать свое существование, центральному правительству приходится искусственно раздувать опасность, угрожающую пролетариату, приходится самому создавать объекты классовой ненависти в лице новой буржуазии с тем, чтобы натравливать пролетариат на этот класс и т. д. ... Словом, приходится все время поддерживать в сознании пролетариата представление о том, что положение его в качестве единого хозяина государства крайне непрочно. В задачу этой статьи не входит критиковать коммунистическую концепцию государства по существу. Мы рассматриваем здесь идею диктатуры пролетариата только в одном ее аспекте, именно как фактор, объединяющий все народы СССР в одно государственное целое и противостоящий националистически-сепаратистским течениям. И следует признать, что в этом своем аспекте идея диктатуры пролетариата, хотя до сих пор и оказывалась действенной, не может стать прочным, непреходящим решением вопроса. Национализм отдельных народов СССР развивается по мере того, как эти народы все более свыкаются со своим новым положением! Развитие образования и письменности на разных национальных языках и замещение административных и иных должностей в первую очередь туземцами углубляют национальные различия между отдельными областями, создают в туземных интеллигентах ревнивый страх перед конкуренцией "пришлых элементов" и желание попрочнее закрепить свое положение. В то же время классовые перегородки внутри каждого отдельного народа СССР сильно стираются и классовые противоречия постепенно блекнут. Все это создает самые благоприятные условия для развития в каждом из народов СССР своего национализма с сепаратистским уклоном. Против этого идея диктатуры пролетариата оказывается бессильной. Пролетарий, попавший к власти, оказывается обладающим, при этом иногда даже в очень сильной дозе, теми националистическими инстинктами, которые,

согласно доктрине коммунизма, у настоящего пролетария должны отсутствовать. И такого попавшего к власти пролетария интересы мирового пролетариата, оказывается, волнуют гораздо меньше, чем это полагается по доктрине коммунизма...

Таким образом, идея диктатуры пролетариата, сознание солидарности пролетариата и разжигание классовой ненависти в конце концов должны оказаться недействительными средствами против развития националистических и сепаратистских стремлений народов СССР. Современное решение вопроса о принципе государственного объединения частей бывшей Российской Империи логически вытекает из марксистского учения о классовой природе государства и из свойственного марксизму пренебрежения к национальному субстрату государственности. Но следует признать, что для сторонников этого учения ничего и не остается другого, как заменить идею господства одного народа идеей диктатуры одного класса, т. е. подменить национальный субстрат государственности субстратом классовым. А из этой подмены все дальнейшее вытекает само собой. Таким образом, коммунисты во всяком случае гораздо более правы и последовательны, чем те демократы, которые, отрицая единый национальный субстрат русской государственности, проповедуют широкую областную автономию или федерацию без классовой диктатуры, не понимая, что при таких условиях существование единого государства немыслимо.

Для того, чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части одного государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым. При этом классовый субстрат, как мы видели выше, способен объединить отдельные части бывшей Российской Империи только временно. Прочное и постоянное объединение возможно, следовательно, только при наличии этнического (национального) субстрата. Таковым до революции был русский народ. Но теперь, как указано выше, уже невозможно вернуться к положению, при котором русский народ был единственным собственником всей государственной территории. Ясно также, что и никакой другой народ, проживающий на этой территории, не может исполнить роли такого единственного собственника всей государственной территории.

Следовательно, национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом.

Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией, ее национализм — евразийством... В применении к Евразии это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общеевразийским, т.е. евразийством. Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому-то народу (или к такой-то разновидности такого-то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации. И национальная гордость этого гражданина должна находить удовлетворение как в том, так и в другом сознании. Сообразно с этим должен строиться национализм каждого из этих народов: общеевразийский национализм должен явиться как бы расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех этих частных национализмов воедино.

Между народами Евразии постоянно существовали и легко устанавливаются отношения некоторого братания, предполагающие существование подсознательных притяжении и симпатий (обратные случаи, т. е. случаи подсознательного отталкивания и антипатии, между двумя народами в Евразии очень редки). Одних этих подсознательных чувств, разумеется, недостаточно. *Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно, прежде всего, как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов.*

Ведь по какому-нибудь частному ряду признаков отдельный народ Евразии может входить и в какую-нибудь другую не чисто евразийскую группу народов: так, русские по языковым признакам входят в группу славянских народов, татары, чуваши, черемисы и пр. — в группу так называемых "туранских" народов, татары, башкиры, сарты и пр. по религиозному признаку входят в группу мусульманских народов. Но эти связи для всех названных народов должны быть менее сильными и яркими, чем связи, объединяющие эти народы в евразийскую семью: ни панславизм для русских, ни пантуранизм для евразийских туранцев, ни панисламизм для евразийских магометан не должны быть на первом плане, а — евразийство. Ибо все эти "пан-измы", усиливая центробежные силы частнонародных национализмов, подчеркивают одностороннюю связь данного народа с какими-то другими народами только по одному ряду признаков и потому не способны создать из этих народов никакой реальной и живой многонародной нации — личности.

В евразийском же братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб . Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям.

Ничего подобного нельзя сказать о тех группах народов, которые лежат в основе понятий панславизма, пантуранизма или панисламизма: ни одна из этих групп не объединена в такой степени единством исторической судьбы входящих в нее народов. И потому ни один из этих "пан-измов" не является прагматически ценным в той мере, как общеевразийский национализм. Национализм этот не только прагматически ценен, но прямо даже жизненно необходим: ведь мы уже видели, что *только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части к величайшему несчастью и страданию всех ее частей.*

Для того, чтобы общеевразийский национализм мог успешно выполнить свою роль фактора, объединяющего евразийское государство, необходимо, соответственно, перевоспитать самосознание народов Евразии. Конечно, можно сказать, что таким перевоспитанием занимается уже сама жизнь. Уже один тот факт, что все евразийские народы (и, кроме них, ни один другой народ в мире) вот уже сколько лет совместно переживают и изживают коммунистический режим, — уже один этот факт создает между всеми этими народами тысячу новых психологических и культурно-исторических связей и заставляет их всех ясно и реально ощущать общность их исторических судеб. Но этого, конечно, мало. Необходимо, чтобы те отдельные люди, которые уже сейчас ясно и ярко осознали единство многонародной евразийской нации, проповедовали это свое убеждение — каждый в той евразийской нации, в которой он работает. Здесь — непочатый край работы для философов, публицистов, поэтов, писателей, художников, музыкантов и для ученых самых различных специальностей. С точки зрения единства многонародной евразийской нации надо пересмотреть целый ряд наук и построить новые научные системы в замену старых, обветшавших. В частности, с этой точки зрения совершенно по-

новому приходится строить историю народов Евразии, в том числе и русского народа...

Во всей этой работе по перевоспитанию национального самосознания с установкой на симфоническое (хоровое) единство многонародной нации Евразии русскому народу, быть может, приходится напрягать свои силы более, чем какому бы то ни было другому народу Евразии. Ибо, во-первых, ему более, чем другим, придется бороться со старыми установками и точками зрения, строившими русское национальное самосознание вне реального контекста евразийского мира и отрывавшими прошлое русского народа от общей перспективы истории Евразии. А во-вторых, русский народ, который до революции был единственным господином всей территории России-Евразии, а теперь является первым (по численности и по значению) среди евразийских народов, естественно должен подавать пример другим.

Работа евразийцев по перевоспитанию национального самосознания в настоящее время протекает в исключительно тяжелых условиях. На территории СССР такая работа открыто вестись, конечно, не может. В эмиграции же преобладают люди, неспособные в своем сознании реализировать объективные сдвиги и результаты революции. Для таких людей продолжает существовать Россия как совокупность территориальных единиц, завоеванных русским народом и принадлежащих на правах полной и нераздельной собственности одному этому русскому народу. Поэтому самой проблемы создания общеевразийского национализма и утверждения единства многонародной евразийской нации эти люди понять не могут. Для них евразийцы — изменники, потому что понятие "России" заменили понятием "Евразии". Они не понимают, что не евразийство, а жизнь произвела эту "замену", не понимают того, что их русский национализм при современных условиях есть просто великорусский сепаратизм, что та чисто русская Россия, которую они хотели бы "возродить", реально возможна только при отделении всех "окраин", т.е. — в границах этнографической Великороссии. Другие эмиграционные течения нападают на евразийство с противоположной стороны, требуют отказа от утверждения какой бы то ни было национальной самобытности и полагают, что Россию можно построить на началах европейской демократии, не выдвигая ни единого национального, ни единого классового субстрата русской государственности. Будучи представителями отвлеченно-западнических настроений старых поколений русской интеллигенции, эти люди не хотят понять, что для существования государства необходимо прежде всего сознание органической принадлежности граждан этого государства к

одному целому, к органическому единству, каковое может быть только либо этническим, либо классовым, и что поэтому при современных условиях возможно только два решения: либо диктатура пролетариата, либо сознание единства и своеобразия многонародной евразийской нации и общеевразийский национализм.

1927 г.

Н. Трубецкой

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ НЕ С ЗАПАДА, А С ВОСТОКА

I

Господствовавший прежде в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой Киевской Руси, вряд ли может быть признан правильным. То государство, или та группа мелких, более или менее самостоятельных княжеств, которых объединяют под именем Киевской Руси, совершенно не совпадает с тем русским государством, которое мы в настоящее время считаем своим отечеством. Киевская Русь была группой княжеств, управляемых князьями варяжской династии и расположенных в бассейне трех рек, которые почти непрерывной линией соединяют Балтийское море с Черным, и начальная летопись совершенно точно определяет географическую сущность этого государства как "путь из Варяг в Греки". Площадь этой Киевской Руси не составляла и двадцатой доли общей площади той России, в которой родились все мы. Киевская Русь не только не была по территории своей тождественна хотя бы с так называемой Европейской Россией, но даже не являлась на территории этой Европейской России самой значительной единицей в политическом или хозяйственном отношении. Государства Хазарское (в низовьях Волги и на Дону) и Болгарское (в среднем течении Волги и по Каме), существовавшие одновременно с Киевскою Русью, были хозяйственно и политически едва ли не значительнее ее. Государство (политическое или хозяйственное) на территории Европейской России в те времена было невозможно ни для одного из этих оседлых, привязанных к тому или иному речному бассейну государств, ибо на пути к Черному и Каспийскому морям лежала широкая полоса степи, а по ней кочевали воинственные кочевники, которых никто вполне подчинить себе не мог и которые делали невозможным всякое стремление оседлых государств к господству и расширению. Потому-то из Киевской Руси и не могло развиться никакого мощного государства, и представление о том, будто бы позднейшее русское государство есть продолжение Киевской Руси, в корне неправильно. Киевская Русь не могла ни расширять своей территории, ни увеличивать свою внутреннюю государственную мощь, ибо будучи естественно прикреплена к известной речной системе, она в то же время не могла вполне овладеть всей этой системой до конца; нижняя, самая важная часть этой системы, пролегающая по степи, оставалась всегда под ударами степных кочевников, печенегов, половцев и проч. Киевской Руси оставалось только разлагаться и дробиться на мелкие княжества, постоянно друг с другом воюющие и лишенные всякого более высокого представления о государственности. Это было неизбежно. Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории. Географически заданием Киевской Руси было осуществление товарообмена между Балтийским и Черным морями; задание это в силу указанных выше причин было невыполнимо, и потому Киевская Русь была нежизнеспособна, а всякий нежизнеспособный организм разлагается. Отдельным речным городам и княжествам, входящим в состав Киевской Руси, действительно не оставалось ничего другого, как самостийничать и друг с другом драться. Чувствовать себя частями единого государственного целого они не могли, ибо это государственное целое все равно физически не могло осуществлять своего хозяйственно-географического назначения и, следовательно, было бессмысленным. Итак, ясно, что не только фактически из Киевской Руси не возникла современная Россия, но что это было даже и исторически невозможно. Между Киевскою Русью и той Россией, которую мы теперь считаем своей родиной, общим является имя "Русь", но географическое и хозяйственно-политическое содержание этого имени совершенно различно.

II

Спросим же словами древнего летописца: "Откуда есть пошьла Русьская земля и како Русская земля стала есть?" — и постараемся ответить на этот вопрос, вкладывая в понятие "Русская земля" новое, современное географическое, хозяйственное и политическое содержание.

Одного взгляда на историческую карту достаточно, чтобы убедиться в том, что почти вся территория современного СССР некогда составляла часть монгольской монархии, основанной великим Чингисханом. Некоторые части прежней императорской России, присоединенные в послепетровскую эпоху: Финляндия, Польша, Балтийские провинции, — в монархию Чингисхана не входили; но они и отпали от России, так как исторической, естественной государственной связи у них с Россией не было. Другие области, случайно входившие в состав монгольской монархии, но, естественно, по своей географической или этнографической природе связанные с этой монархией и присоединенные к прежней России, удержались в СССР, и если некоторые из них (например, Бессарабия, польские кресы) теперь отторгнуто, это есть явление временное, и рано или поздно

природа возьмет свое. Присоединение к СССР Хивы и Бухары, хранивших призрачную самостоятельность при последних русских императорах, и провозглашение советской республики в Монголии являются продолжением и укреплением исторической связи России с монархией Чингисхана. На том же пути можно с уверенностью предсказать в будущем присоединение китайского Туркестана.

Таким образом, в исторической перспективе то современное государство, которое можно называвать и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом.

Однако, между Россией и монархией Чингисхана все же нельзя поставить знака равенства. В монархию великого монгольского завоевателя и его ближайших потомков входила почти вся Азия, а между тем, как бы ни распространялось влияние России на Китай, Персию, Афганистан, все эти страны все-таки не входят в Россию, и, если бы Россия присоединила их к себе, она изменила бы в корне свое историческое лицо. В исторической преемственности Россия не есть вся монархия Чингисхана, а лишь основное ядро этой монархии. Ядро это определяется особыми географическими признаками, отмежевывающими его от остальных частей бывшей монгольской монархии.

Географически территория России как основного ядра монгольской монархии может быть определена следующей схемой. Существует длинная, более или менее непрерывная полоса безлесных равнин и плоскогорий, тянущаяся почти от Тихого океана до устьев Дуная. Эту полосу можно назвать системой степи. С севера она окаймлена широкой полосой лесов, за которой идет полоса тундр. С юга система степи окаймлена горными хребтами. Таким образом, имеются четыре тянущиеся с запада на восток параллельные полосы: тундровая, лесная, степная, горная. В меридиональном направлении, т.е. с севера на юг или с юга на север, вся эта система четырех полос пересекается системами больших рек. Такова сущность внутреннего географического строения рассматриваемой географической области. Внешние очертания ее характеризуются отсутствием выхода к открытому морю и отсутствием той изорванности береговой линии, которая так типична, с одной стороны, для Западной и Средней Европы, с другой — для Восточной и Южной Азии. Наконец, в отношении климатическом вся рассматриваемая область отличается как от Европы, так и от собственно Азии целым рядом признаков, которые можно объединить под выражением "континентальность климата": резкое различие между температурой зимы и лета, особое направление изотерм и ветров и т.д. Все это, вместе взятое, позволяет отделять рассматриваемую область от собственно Европы и собственно Азии и считать ее особым материком, особой частью света, которую, в отличие от Европы и Азии, можно назвать Евразией. Население этой части света неоднородно и принадлежит к различным расам. Между русским, с одной стороны, и бурятом или самоедом — с другой, различие очень велико. Но характерно, что между этими крайними точками существует целая непрерывная цепь промежуточных переходных звеньев. В отношении внешнего антропологического типа лица и строения тела нет резкой разницы между великорусом и мордвином или зырянином; но от зырянина и мордвина опять-таки нет резкого перехода к черемису или вотяку; по типу волжско-камские финны (мордва, вотяки, черемисы) близко сходны с волжскими тюрками (чувашами, татарами, мещеряками); татарский тип также постепенно переходит к типу башкир и киргизов, от которых путем таких же постепенных переходов приходим к типу собственно монголов, калмыков и бурят.

Таким образом, вся Евразия в вышеупомянутом смысле этого слова представляет собой географически и антропологически некое единое целое. Наличие в этом целом таких разнообразных по своему природному и хозяйственному характеру частей, как леса, степи и горы, и существование между этими частями естественной географической связи позволяет рассматривать всю Евразию как до известной степени самодовлеющую хозяйственную область. Благодаря всему этому Евразия по самой своей природе оказывается исторически предназначенной для составления государственного единства.

Государственное объединение Евразии было с самого начала исторической необходимостью. Но в то же время сама природа Евразии указывала и на способ этого объединения. С точки зрения древнейших времен путями сообщения могли служить только реки и степи: горы и леса с этой точки зрения были неудобны, а тундра вообще не может идти в расчет как область слишком неблагоприятная для развития какой бы то ни было человеческой деятельности. Мы уже видели, что системы больших рек на территории Евразии идут большей частью в меридиональном направлении, тогда как система степей проходит через всю Евразию с востока на запад. При этом речных систем много, а система степи, в принципе, одна. Отсюда следует, что путь сообщения между востоком и западом — один, а путей сообщения между севером и югом — несколько, причем все эти (речные) дороги между югом и севером пересекают и (степную) дорогу между востоком и западом. С точки зрения исторической задачи государственного объединения Евразии отсюда вытекает следующий важный факт: всякий народ, овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной части Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, так как,

господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи.

Первоначально на территории Евразии наблюдались, с одной стороны, племена и государства речные, с оседлым бытовым укладом, и, с другой стороны, племена степные, а в бытовом отношении кочевнические. Между реками и степью должна была неминуемо завязаться борьба, которая и проходит красной нитью через всю древнейшую историю, притом не только Киевской Руси, но и других речных государств Евразии, например царства Хазарского и Хорезма. Вначале кочевники были не объединены, делились на множество племен, из которых каждое держалось только одного определенного участка степи и только иногда забиралось в соседний участок, в каковом случае начиналась борьба между двумя соседними кочевыми племенами. Благодаря этому речные государства могли еще довольно успешно бороться со степняками. Правда, само существование постоянной угрозы кочевнических набегов на оседлые речные поселения и вечная опасность перерыва торгового сообщения по реке делали невозможным нормальное развитие речных государств. Но государства эти все же существовали и боролись с кочевниками, хотя и не с полным успехом.

Положение резко изменилось, когда Чингисхан подчинил себе все кочевые племена евразийских степей и превратил евразийскую степную систему в одно сплошное кочевническое государство с прочной военной организацией. Перед такой силой ничто устоять не могло. Все государственные образования на территории Евразии должны были утратить свою самостоятельность и поступить в подчинение владыке степей. Таким образом, Чингисхану удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, — задачу государственного объединения всей этой части света. Он выполнил эту задачу так, как только и можно было ее выполнить, — объединив под своей властью степь, а через степь и всю остальную Евразию.

Но Чингисхан, как сказано выше, подчинил себе не только всю Евразию, но и почти всю Азию. Однако, если, завоевывая Евразию и государственно ее объединяя, Чингисхан совершал дело исторически необходимое и осуществлял вполне реальную, самой природой поставленную историческую задачу, завоевание частей собственно Азии являлось исторически вовсе не необходимым. Насколько завоевание и объединение Евразии было делом созидательным и для самой Евразии, в конечном счете, полезным, настолько же завоевание частей собственно Азии было делом разрушительным и для этих частей Азии скорее пагубным. Ни Китай, ни Персия

вовсе не нуждались в каком-то внешнем государственном объединении. Это были страны с древними национально-государственными и культурными традициями, с определенными сферами собственного культурного влияния. Правда, соединив их с Евразией, Чингисхан получил возможность ввести в созданную им евразийскую государственность элементы этих старых азиатских культур и использовать, таким образом, культурные богатства и культурное влияние Китая, Персии и Индии, не только не подчинившись в то же время политической власти какой-либо из этих стран, но даже подчиняя самые эти страны себе. Для Евразии от этого, таким образом, произошла и некоторая польза. Но для Азии получился вред, ибо монгольское завоевание, выведя отдельные части Азии из их обособленного самодовления и ворвавшись извне в их историческое бытие, надолго затормозило их дальнейшее культурное развитие. В конце концов, то положение вещей, при котором монгольские завоеватели, занявши старое культурное азиатское государство, пользовались всеми благами культуры этого государства, в то же время ему не подчиняясь, долго продолжаться не могло: монгольские правители этих государств неизбежно ассимилировались с местным населением, принимали полностью все старые местные традиции, и каждое данное государство вновь становилось тем, чем было раньше, обособившись от прочих частей монгольской монархии. Таким образом, хотя сам Чингисхан как будто больше придавал значения завоеванию Китая и вообще собственно Азии, чем подчинению Евразии, тем не менее, только в Евразии он выступил как осуществитель исторической миссии, как созидатель и организатор исторически ценного здания. И потому-то, желая определить историческую сущность русского государства как государства, распространяющегося на всю или почти на всю территорию Евразии, мы обозначили это государство как основное ядро монархии Чингисхана. Евразия представляет собой некую географически, этнологически и экономически цельную, единую систему, государственное объединение которой было исторически необходимо. Чингисхан впервые осуществил это объединение, и после него сознание необходимости такого единства проникло во все части Евразии, хотя не всегда было одинаково ясным. С течением времени единство это стало нарушаться. Русское государство инстинктивно стремилось и стремится воссоздать это нарушенное единство и потому является наследником, преемником, продолжателем исторического дела Чингисхана.

III

Чингисхан был не только великим завоевателем, он был и великим организатором. Как всякий государственный организатор крупного масшта-

ба, он в своей организационной деятельности руководствовался не только узкопрактическими соображениями текущего момента, но и известными высшими принципами и идеями, соединенными в стройную систему. Как типичный представитель туранской расы он неспособен был сам ясно формулировать эту систему в отвлеченных философских выражениях, но, тем не менее ясно, чувствовал и сознавал эту систему, был весь проникнут ею, и каждое отдельное его действие, каждый его поступок или приказ логически вытекал из этой системы. По отдельным сохранившимся до нас его изречениям и по общему характеру всех его установлений мы можем восстановить его систему и дать ей ту теоретическую формулировку, которую сам Чингисхан не дал и дать не мог.

К своим подданным, начиная с высших вельмож и военачальников и кончая рядовыми воинами, Чингисхан предъявлял известные нравственные требования. Добродетели, которые он больше всего ценил и поощрял, были — верность, преданность и стойкость; пороки, которые он больше всего презирал и ненавидел, были — измена, предательство и трусость. Эти добродетели и пороки были для Чингисхана признаками, по которым он делил всех людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность выше их личного достоинства и чести, поэтому они способны на трусость и измену. Когда такой человек подчиняется своему начальнику или господину, то делает это только потому, что сознает в этом начальнике известную силу и мощь, способную лишить его благополучия или даже жизни, и трепещет перед этой силой. За своим господином он ничего не видит; он подчинен только лично этому господину в порядке страха, т.е., в сущности, подчинен не господину, а своему страху. Изменяя своему господину или предавая его, такой человек думает тем самым освободиться от того единственного человека, который над ним властвует; но делая это всегда из страха или из материального расчета, он тем самым остается рабом своего страха, своей привязанности к жизни и к материальному благополучию и даже утверждается в рабстве. Такие люди — натуры низменные, подлые, по существу рабские; Чингисхан презирал их и беспощадно уничтожал. На своем завоевательском пути Чингисхану пришлось свергнуть и низложить немало царей, князей и правителей. Почти всегда среди приближенных и вельмож таких правителей находились изменники и предатели, которые своим предательством способствовали победе и успеху Чингисхана. Но никого из этих предателей Чингисхан за их услугу не вознаградил: наоборот, после каждой победы над каким-нибудь царем или правителем великий завоеватель отдавал распоряжение казнить всех тех вельмож и приближенных, которые предали своего господина.

Их предательство было признаком их рабской психологии, а людям с такой психологией в царстве Чингисхана места не было. И наоборот, после завоевания каждого нового царства или княжества Чингисхан осыпал наградами и приближал к себе всех тех, которые оставались верными бывшему правителю этой завоеванной страны до самого конца, верными даже тогда, когда их верность была для них явно невыгодна и опасна. Ибо своей верностью и стойкостью такие люди доказали свою принадлежность к тому психологическому типу, на котором Чингисхан и хотел строить свою государственную систему. Люди такого ценимого Чингисханом психологического типа ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь или материальные блага, а боятся лишь совершить поступок, который может обесчестить их или умалить их достоинство, притом умалить их достоинство не в глазах других людей (ибо людских насмешек и осуждений они не боятся, как вообще не боятся людей), а в своих собственных глазах. В сознании их всегда живет особый кодекс, устав допустимых и недопустимых для честного и уважающего себя человека поступков; этим уставом они дорожат более всего, относясь к нему религиозно, как к божественно установленному, и нарушение его допустить не могут, ибо при нарушении его стали бы презирать себя, что для них страшнее смерти. Уважая самих себя, они уважают и других, хранящих тот же внутренний устав, особенно тех, кто свою стойкую преданность этому уставу уже показал на деле. Преклоняясь перед велениями своего внутреннего нравственного закона и сознавая уклонение от этого закона как потерю своего лица и своего человеческого достоинства, они непременно и религиозны, ибо воспринимают мир как миропорядок, в котором все имеет свое определенное, божественной волей установленное место, связанное с долгом, с обязанностью. Когда человек такого психологического типа повинуется своему непосредственному начальнику, он повинуется не ему лично, а ему как части! известной божественно установленной иерархической лестницы; в лице своего непосредственного начальника он повинуется ставленнику более высоко стоящего начальника, являющегося в свою очередь ставленником еще более высокого начальника и т.д., вплоть до верховного земного повелителя, который, однако, мыслится тоже как ставленник, но ставленник не человека, а Бога. Таким образом, человек рассматриваемого типа все время сознает себя как часть известной иерархической системы и подчинен в конечном счете не человеку, а Богу. Измена и предательство для него психологически невозможны, ибо, изменив своему непосредственному начальнику, он тем самым еще не освобождается от суда на-

чальников, более высоко стоящих, и, даже изменивши всем земным начальникам, все-таки не уходит из-под власти суда Божьего, из-под власти божественного закона, живо пребывающего в его сознании. Это сознание невозможности выхода из-под власти сверхчеловеческого, божественного закона, сознание своей естественной и неупразднимой подзаконности сообщает ему стойкость и спокойствие фатализма. Чингисхан сам принадлежал именно к этому типу людей. Даже после того, как он победил всех и вся и сделался неограниченным властелином самого громадного из когда-либо существовавших на земле государств, продолжал постоянно живо ощущать и сознавать свою полную подчиненность высшей воле и смотреть на себя как орудие в руках Божиих.

Подразделяя людей на две вышеупомянутые психологические категории, Чингисхан это подразделение ставил во главу угла при своем государственном строительстве. Людей рабской психологии он держал тем, чем только и можно их держать, — материальным благополучием и страхом. Один факт объединения в едином государстве колоссальной территории Евразии и части Азии, обеспечения безопасности евразийских и азиатских караванных путей и упорядочения финансов создавал для жителей монархии Чингисхана такие благоприятные экономические условия, при которых их стремления к материальному благополучию могли получить самое полное удовлетворение. С другой стороны, физическая мощь его непобедимой, не останавливающейся ни перед какими препятствиями и беспрекословно ему повинующейся армии и неумолимая жестокость его карательных мероприятий заставляли трепетать перед ним всех людей, привязанных к своему личному физическому существованию. Таким образом, люди рабской и психологии были у Чингисхана в руках. Но этих людей он к правлению не подпускал. Весь военно-административный аппарат составлялся только из людей второго психологического типа, организованных в стройную иерархическую систему, на высшей ступени которой пребывал сам Чингисхан. И если прочие подданные видели в Чингисхане только подавляюще страшную силу, то люди правящего аппарата видели в нем, прежде всего, наиболее яркого представителя свойственного им всем психологического типа и преклонялись перед ним как перед героическим воплощением их собственного идеала.

При конкретизации своей государственной теории, при практическом применении ее в реальных условиях завоеванных им стран Чингисхан руководствовался тем убеждением, что люди ценимого им психологического типа имеются, главным образом, среди кочевников, тогда как оседлые народы в большинстве своем состоят из людей рабской психологии.

И действительно, кочевник по самому существу своему гораздо менее привязан к материальным благам, чем оседлый горожанин или земледелец. Питая органическое отвращение к упорному физическому труду, кочевник в то же время мало дорожит и физическим комфортом и привык ограничивать свои потребности, не ощущая этого ограничения как особенно тяжелого лишения. Он не привык бороться за свое существование с силами природы и потому смотрит на свое благосостояние фаталистически. Богатство кочевника состоит в скоте. Если богатство это будет уничтожено падежом скота, то против этого несчастия все равно ничего сделать нельзя: с эпизоотиями и сейчас трудно бороться, а в то время бороться и вовсе не умели. Скот может быть угнан врагом; но точно так же можно другой раз и самому угнать скот у врага. И то и другое зависит от личной военной доблести, а также и от самого существования неприятельских и приятельских отношений, регулируемых обычным правом и чувством порядочности и чести. Поэтому кочевник особенно ценит в мужчине, с одной стороны, военную доблесть и, с другой стороны, верность данному слову и договору. Все это и создает в кочевнике условия, благоприятствующие развитию той психологии, которую Чингисхан считал особенно ценной. У кочевнической аристократии все эти черты были еще усугублены родовыми традициями, живым чувством не только личной, но и фамильной чести, сознанием ответственности перед предками и потомками. Неудивительно поэтому, что человеческий материал для своего военно-административного аппарата Чингисхан черпал, главным образом, из рядов кочевнической аристократии. Но при этом он в принципе вовсе не руководствовался сословными предрассудками: многие назначенные им на высокие посты военачальники происходили из самых захудалых родов, а кое-кто из них и прямо был прежде по своему социальному положению простым пастухом. Важна была для Чингисхана не принадлежность данного человека к тому или иному классу или слою кочевнического общества, а его психологический тип. Но, как сказано, людей нужного ему психологического типа Чингисхан находил преимущественно среди кочевников, и связь этого психологического типа с кочевым бытом он ясно понимал.

Поэтому главный завет, который он дал своим потомкам и всем кочевникам, состоял в том, чтобы они всегда сохраняли свой кочевой быт и остерегались становиться оседлыми. Что касается до презрения Чингисхана к оседлым народам, в которых он видел людей низменной, рабской психологии, то по отношению к тем оседлым народам, с которыми ему приходилось иметь дело, он до известной степени был прав: в оседлых азиатских монархиях того времени действительно снизу доверху господ-

ствовал рабский дух; алчная приверженность к материальному богатству, не всегда честно приобретенному, высокомерное и оскорбительное обращение с низшими и униженное пресмыкание перед высшими характеризовали социальную жизнь этих государств точно так же, как беспринципный карьеризм, предательство и измена характеризовали их политическую жизнь; того разграничения между людьми двух разных психологических типов, которое Чингисхан ставил во главу угла своего государственного строительства, в этих азиатских монархиях не было, ибо в них и правительственный аппарат весь держался на физическом страхе и материальной выгоде. Таким образом, подходящий человеческий материал для военно-административного аппарата своего государства Чингисхан мог почерпнуть только среди кочевников, среди оседлых же он мог найти разве что отдельных "спецов" по финансовым делам и канцелярскому делопроизводству. Отличительным признаком государства Чингисхана являлось то, что это государство управлялось кочевниками.

Другой важной особенностью Чингисханова государства было положение религии в этом государстве. Будучи лично человеком глубоко религиозным, постоянно ощущая свою личную связь с божеством, Чингисхан считал, что эта религиозность является непременным условием той психической установки, которую он ценил в своих подчиненных. Чтобы бесстрашно и беспрекословно исполнять свой долг, человек должен твердо, не теоретически, а интуитивно, всем своим существом верить в то, что его личная судьба, точно так же, как и судьба других людей и всего мира, находится в руках высшего, бесконечно высокого и не подлежащего критике существа; а таким существом может быть только Бог, а не человек. Дисциплинированный воин, умеющий одинаково хорошо как подчиняться начальнику, так и повелевать подчиненному, никогда не теряя уважения к самому себе, и потому одинаково способный уважать других и вызывать у других уважение к себе, по существу, может быть подвластен только нематериальному, неземному началу, в отличие от рабской натуры, подвластной земному страху, земному благополучию, земному честолюбию. И проникнутый этим сознанием Чингисхан считал ценными для своего государства только людей искренне, внутренне религиозных. Но подходя к религии, в сущности, именно с такой, психологической точки зрения, Чингисхан не навязывал своим подчиненным какой-либо определенной, догматически и обрядово оформленной религии. Официальной государственной религии в его царстве не было; среди его воинов, полководцев и администраторов были как шаманисты, так и буддисты, мусульмане и христиане (несториане). Государственно важно для Чингисхана было только то, чтобы каждый из его верноподданных так или иначе жи-

во ощущал свою полную подчиненность неземному высшему существу, т.е. был религиозен, исповедовал какую-нибудь религию, все равно какую. В этой широкой веротерпимости известную историческую роль играло то обстоятельство, что сам Чингисхан по своим религиозным убеждениям исповедовал шаманизм, т.е. религию довольно примитивную, догматически совершенно неоформленную и не стремящуюся к прозелитизму. Но следует подчеркнуть, что веротерпимость Чингисхана отнюдь не была проявлением индифферентизма или пассивного безразличия. Безразлично было для Чингисхана только то, к какой именно религии принадлежат его подданные, но принадлежность их к какой бы то ни было религии была для него не безразлична, а, наоборот, первостепенно важна. Поэтому он не просто пассивно терпел в своем государстве разные религии, а активно поддерживал все эти религии. И для государственной системы Чингисхана активная поддержка, утверждение и постановка во главу угла религии были столь же важны и существенны, как утверждение кочевого быта и передача власти в руки кочевников.

Итак, согласно государственной идеологии Чингисхана, власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь правящую нацию и не на какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психологический тип людей. Высшие посты могли заниматься не только аристократами, но и выходцами из низших слоев народа; правители принадлежали не все к одному народу, а к разным монгольским и тюрко-татарским племенам и исповедовали разные религии. Но важно было, чтобы все они по своему личному характеру и образу мысли принадлежали к одному и тому же психологическому типу, обрисованному выше. А практически, в порядке применения к конкретным условиям тех стран, с которыми Чингисхан имел дело, это приводило к тому, что правящий класс набирался из среды кочевников, что каждый представитель этого класса был ревностным приверженцем какой-нибудь религии и что всем религиям оказывалась поддержка.

IV

Мы нарочно так долго остановились на идеологической основе царства Чингисхана и постарались вскрыть идейную сущность его государственной теории, чтобы уничтожить то совершенно неправильное представление о Чингисхане как о простом поработителе, завоевателе и разрушителе, которое создалось в исторических учебниках и руководствах, главным образом, под влиянием одностороннего и тенденциозного отношения к нему современных ему летописцев, представителей разных завоеванных им оседлых государств. Нет, Чингисхан был носителем большой и по-

ложительной идеи, и в деятельности его стремление к созиданию и организации преобладало над стремлением к разрушению. И в этом необходимо отдать себе отчет при признании исторической России фактической преемницей государства Чингисхана.

Вернемся, однако, к основному, интересующему нас вопросу о происхождении русской государственности. Ведь одного установления того факта, что географически территория России совпадает или стремится совпасть с основным ядром монархии Чингисхана, еще недостаточно для того, чтобы ответить на поставленный выше вопрос. Ибо все-таки остается неясным, каким образом монархия великого монгольского завоевателя оказалась замененной именно русской государственностью.

Разгром удельно-вечевой Руси монгольским нашествием и включение этой Руси в монгольское государство не могли не произвести в душах и умах русских людей самого глубокого потрясения и переворота. С душевной подавленностью, с острым чувством унижения национального самолюбия соединялось сильное новое впечатление величия чужой государственной идеи. Глубокое душевное потрясение охватило всех русских, перед сознанием открылись бездны, и выведенные из равновесия люди заметались, ища точки опоры. Началось интенсивное брожение и кипение, сложные душевные процессы, значение которых обычно недооценивается. Главным и основным явлением этого времени был чрезвычайно сильный подъем религиозной жизни. Татарщина была для Древней Руси прежде всего религиозной эпохой. Иноземное иго воспринято было религиозным сознанием как кара Божия за грехи, реальность этой кары утверждала сознание реальности греха и реальность карающего Божественного Провидения и ставила перед каждым проблему личного покаяния и очищения через молитву. Уход в иночество и создание новых монастырских обителей приняли массовый характер. Напряженно-религиозная установка сознания и всей душевной жизни не замедлила окрасить собой и духовное творчество, особенно художественное. К этому времени относится кипучая творческая работа во всех областях религиозного искусства, повышенное оживление наблюдается и в иконописи, и в церковно-музыкальной области, и в области художественной религиозной литературы (древнейшие из современных народных духовных стихов возникли именно в эту эпоху). Этот мощный религиозный подъем был естественным спутником той переоценки ценностей, того разочарования в жизни, которое было вызвано стихийным ударом татарского нашествия. Но в то же время в виде реакции против подавляющего чувства национального унижения возникло и пламенное чувство преданности национальному идеалу. Началась идеализация русского прошлого, не того недавнего удельного прошлого, теневые стороны которого, приведшие к поражению при Калке, были слишком очевидны, а прошлого более далекого. Эта идеализация сказалась и в таких памятниках, как "Слово о погибели Русския земли", и в былинах, которые, как теперь установлено, получили редакционную переработку именно во времена татарщины. Идеализация Руси и легендарного русского героизма, превращавшая в народном сознании реальных удельно-вечевых князьков и их местных, всегда связанных только с одним определенным удельным княжеством дружинников, в общерусских богатырей, а их противников, мелких предводителей половецких налетов в татарских ханов, ведущих за собой несметные полчища, — эта идеализация укрепляла восстающее против иностранного ига национальное самолюбие. Параллельно этой установке сознания на воинственно национальный героизм шла и питаемая религиозным подъемом установка на героизм аскетический, подвижнический, постоянно находивший реальное воплощение как в русских иноках, так и в отдельных мучениках, казненных в Орде, причем в русском сознании этот вполне современный и местно русский героизм соединялся с традициями древнего христианского подвижничества — внерусского. Таким образом, в качестве реакции против угнетенного душевного состояния, вызванного татарским разгромом, в русских душах и умах поднималась, росла и укреплялась волна преимущественно религиозного, но в то же время и национального героизма.

Таковы были положительные формы, в которых русское национальное чувство реагировало на татарское иго. Но, разумеется, были и формы отрицательные, наличность и распространенность которых в эту эпоху не следует замалчивать или преуменьшать. Татарский режим, унизительный для национального самолюбия многих русских людей из разных слоев общества, привел к полной утрате как национального самолюбия, так и вообще чувства долга и достоинства. Такие случаи нравственного падения, по всей вероятности, были очень нередки, встречались гораздо чаще, чем об этом позволяют судить исторические свидетельства современников. Подлое низкопоклонство и заискивание перед татарами, стремление извлечь из татарского режима побольше личных выгод, хотя бы ценой предательства, унижения и компромиссов с совестью, — все это, несомненно, существовало, и притом в очень значительной мере. Несомненно, существовали случаи и полного ренегатства, вплоть до перемены веры из карьерных соображений. Таким образом, наряду со случаями духовного подвижничества и героизма имелись и случаи глубокого нравственного падения, рядом с просветленным религиозно-национальным подъемом одних уживалось полное душевное опустошение и потеря всякого достоинства других. Такие эпохи одновременного сосуществования

высоких взлетов и глубоких падений, эпохи резких психологических противоречий, свидетельствующие о глубинном потрясении духовной жизни нации, создают духовную атмосферу, благоприятную для выковывания нового национального типа, и являются предвестниками начала новой эры в истории нации. Следует заметить, что в то время, как случаи нравственного падения в эпоху татарщины, несмотря на всю свою заразительность, оставались все же делом личной совести каждого, религиозно-национальный подъем этой эпохи становился явлением общенародным, мощным фактором развития национального самосознания и культуры.

Такова была духовная, психологическая атмосфера, порожденная в Древней Руси самим фактом татарского ига. В этой атмосфере протекал основной исторический процесс этой эпохи, восприятие и применение к условиям русской жизни самой татарской государственности. Историки обычно замалчивают или игнорируют этот процесс. О России эпохи татарского ига пишут так, как будто никакого татарского ига и не было. Ошибочность такого приема исторического изложения очевидна. Нелепо было бы писать историю Рязанской губернии вне общей истории России. Но совершенно так же нелепо писать историю России эпохи татарского ига, забывая, что эта Россия была в то время провинцией большого государства. А между тем русские историки до сих пор поступали именно так. Благодаря этому влияние монгольской государственности на русскую остается совершенно невыясненным. Достоверно известно, что Россия была втянута в общую финансовую систему монгольского государства, и тот факт, что целый ряд русских слов, относящихся к финансовому хозяйству и продолжающих жить в русском языке даже и поныне, являются словами, заимствованными из монгольского или татарского (например, казна, казначей, деньга, алтын, таможня), свидетельствует о том, что монгольская финансовая система в России не только была воспринята и утвердилась, но и пережила татарское иго. Наряду с финансами одной из основных задач всякого большого и правильно организованного государства является устроение почтовых сношений и путей сообщения в государственном масштабе. В этом отношении домонгольская удельно-вечевая Русь находилась на самой низкой ступени развития. Но татары ввели Россию в общегосударственную монгольскую сеть почтовых путей, и монгольская система организации почтовых сношений и путей сообщений, основанная на общегосударственной ямской повинности (от монгольского слова ям " почтовая станция "), сохранялась в России еще долго после татарского ига. Если в таких важных отраслях государственной жизни как организация финансового хозяйства, почты и путей сообщений между русской и монгольской государственностью существовала непререкаемая преемственная связь, то естественно предположить такую же связь и в других отраслях, в подробностях конструкции административного аппарата, в организации военного дела и проч. Русским историкам стоит только отрешиться от своего предвзятого и нелепого игнорирования факта принадлежности России к монгольскому государству, взглянуть на историю России под иным углом зрения, и происхождение целого ряда сторон государственного быта так называемой "Московской Руси" предстанет их глазам в совершенно ином виде. Приобщение России к монгольской государственности, разумеется, не могло быть только внешним и сводиться к простому распространению на Россию системы управления, господствовавшей и в других областях и провинциях монгольской империи; разумеется, должен был быть воспринят Россией до известной степени и самый дух монгольской государственности. Правда, идейные основы этой государственности со смертью Чингисхана в силу известных причин, о которых речь будет ниже, стали постепенно блекнуть и выветриваться; правда и то, что те татарские правители и чиновники, с которыми русским приходилось иметь дело, в большинстве случаев уже далеко не соответствовали идеалам Чингисхана. Но все же известная идейная традиция в монгольской государственности продолжала жить, и за несовершенством реального воплощения сквозил государственный идеал, идейный замысел великого основателя кочевнического государства. И этот-то сопутствующий монгольской государственности, сквозящий за ней, звучащий в ней, подобно обертону, дух Чингисхана не мог остаться незамеченным и непременно должен был проникнуть в души русских. По сравнению с крайне примитивными представлениями о государственности, господствовавшими в домонгольской удельно-вечевой Руси, монгольская, чингисхановская государственная идея была идеей большой, и величие ее не могло не произвести на русских самого сильного впечатления.

Итак, в результате татарского ига в России возникло довольно сложное положение. Параллельно с усвоением техники монгольской государственности должно было произойти усвоение самого духа этой государственности, того идейного замысла, который лежал в ее основе. Хотя эта государственность со всеми ее идейными основами воспринималась как чужая и притом вражеская, тем не менее, величие ее идеи, особенно по сравнению с примитивной мелочностью удельно-вечевых понятий о государственности, не могло не произвести сильного впечатления, на которое необходимо было так или иначе реагировать. Люди малодушные просто гнули спины и старались лично пристроиться. Но натуры стойкие не могли с этим примириться; небывало интенсивный ре-

лигиозный подъем и пробуждение национального самосознания, повышенного чувства национального достоинства не позволяло им склоняться перед чужой государственной мощью, перед чужой государственной идеей, а в то же время эта государственная идея их неотразимо притягивала и проникала в глубину их сознания. Из этой двойственности мучительно необходимо было найти выход. И найти этот выход удалось благодаря повышенной духовной активности, порожденной религиозным подъемом рассматриваемой эпохи.

Путь к выходу был ясен. Татарская государственная идея была неприемлема, поскольку она была чужой и вражеской. Но это была великая идея, обладающая неотразимой притягательной силой. Следовательно, надо было во что бы то ни стало упразднить ее неприемлемость, состоящую в ее чуждости и враждебности; другими словами, надо было отделить ее от ее монгольства, связать ее с православием и объявить ее своей, русской. Выполняя это задание, русская национальная мысль обратилась к византийским государственным идеям и традициям и в них нашла материал, пригодный для оправославления и обрусения государственности монгольской. Этим задача была разрешена. Потускневшие и выветрившиеся в процессе своего реального воплощения, но все еще сквозящие за монгольской государственностью, идеи Чингисхана вновь ожили, но уже в совершенно новой, неузнаваемой форме, получив христианско-византийское обоснование. В эти идеи русское сознание вложило всю силу того религиозного горения и национального самоутверждения, которыми отличалась духовная жизнь той эпохи; благодаря этому идея получила небывалую яркость и новизну и в таком виде стала русской. Так совершилось чудо превращения монгольской государственной идеи в государственную идею православно-русскую. Чудо это настолько необычайно, что многим хочется просто его отрицать. Но тем не менее, это чудо есть факт, и предложенное выше психологическое его толкование дает ему удовлетворительное объяснение. Следует, во всяком случае, иметь в виду, что с православной Византией Россия была знакома задолго до татарского ига и что во время этого ига величие Византии уже померкло; а между тем византийские государственные идеологи, раньше не имевшие в России никакой особой популярности, заняли центральное место в русском национальном сознании почему-то именно в эпоху татарщины; это ясно доказывает, что причиной прививки этих идеологий в России был вовсе не престиж Византии и что византийские идеологии понадобились только для того, чтобы связать с православием и таким путем сделать своею, русскою, ту монгольскую по своему происхождению государственную идею, с которой Россия столкнулась реально, будучи приобщена к монгольской империи и став одной из ее провинций.

V

Центром средоточия того процесса внутреннего перерождения, сущность которого мы попытались определить выше, явилась Москва. Здесь с необычайной силой отражались все явления, порожденные татарским игом. Именно в Москве и Московской области наиболее ярко проявились как положительные, так и отрицательные духовные процессы рассматриваемой эпохи. Случаи морального падения, беспринципного оппортунизма, унизительного прислужничества татарскому режиму, карьеризма, не останавливающегося перед предательством и преступлением, были здесь нередки. Но в то же время именно здесь, в Московской области, ярким пламенем горело религиозное чувство, и воплощением этого горения был Сергий Радонежский, основатель главного центра религиозного подъема эпохи татарщины — Троицко-Сергиевой лавры. Усвоение техники монгольской государственности и даже бытового влияния татар в Москве шло особенно усиленными темпами, и потому понятно, что именно здесь русские легче и скорее освоились с самим духом монгольской государственности, с идейным наследием Чингисхана. В той же Москве и в Московской области особенно заинтересовались и византийскими государственными идеологиями. Таким образом, все проявления того сложного психологического процесса, который, в конце концов, привел к превращению монгольской государственности в русскую, центрировались в Москве.

Великие князья московские становились постепенно живыми носителями новой русской государственности. Насколько они с самого начала были сознательными "собирателями земли русской", теперь, конечно, трудно судить. Возможно, что сначала они просто пристроились к татарскому режиму, стремясь извлечь из него как можно больше выгод лично для себя и руководясь простым эгоизмом, а вовсе не патриотическими соображениями. Потом они стали работать вместе с татарами, проникнувшись государственными соображениями более широкого масштаба, но, может быть, все еще не представляли себе Россию иначе как провинцией монгольского государства. Наконец, они стали работать уже сознательно против хана Золотой Орды, стремясь сами занять его место по отношению к России, а впоследствии — и по отношению к прочим землям, подвластным Золотой Орде. Известные централистические традиции в доме суздальских князей, из которого происходили князья московские, несомненно, существовали. Но их одних не было бы достаточно для превращения московских князей в "царей всей Руси". Превращение это стало возможным, с одной стороны, благодаря тому психологическому процессу, который, как мы видели выше, привел к возникновению русской государ-

ственной идеологии, а с другой стороны, благодаря тому, что московские князья, лояльно служа ордынскому хану и втянувшись в административную работу монгольского государства, пользовались полным покровительством Орды, которая могла только приветствовать административную централизацию своей русской провинции. Как бы то ни было, государственное объединение России под властью Москвы было прямым следствием "татарского ига".

Выражение "свержение татарского ига", применявшееся в прежних учебниках русской истории, крайне условно и неточно. Настоящего насильственного свержения ига, собственно, никогда и не было. После Куликовской битвы Россия еще долго продолжала платить дань татарам и, следовательно, оставалась частью татарского государства. "Свержением ига" можно было бы назвать скорее отказ Иоанна III платить дань татарам, но, как известно, событие это прошло сравнительно незаметно и даже не имело никаких военных последствий. Царский титул, который принял Иоанн III, тоже сам по себе не представлял в глазах татар чего-либо необыкновенного, ибо правители отдельных более или менее крупных областей монгольской империи издавна величали себя ханами и царями, сохраняя при этом свою государственную связь с империей. Важным историческим моментом было не "свержение ига", не обособление России от власти Орды, а распространение власти Москвы на значительную часть территории, некогда подвластной Орде, другими словами, замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву. Это случилось при Иоанне Грозном после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Замечательно, что народная традиция именно так расценивает все эти события русской истории. Имя Иоанна III в народной памяти быстро исчезло. Отказ его уплаты дани татарам нашел отражение в одной сравнительно поздней былине, склеенной из частей других, более древних; это так называемая былина о Василии Казимировиче; в ней имя Иоанна III не названо, вместо него фигурирует традиционно былинный "ласковый князь Владимир" и место действия перенесено в Киев, так что все событие отнесено к той полусказочной легендарной и исторически неопределенной стародавней старине, в которой сливаются для народного воображения все события "домосковского" периода. При этом к историческому факту отказа Иоанна III платить дань народное воображение сделало в былине характерное добавление: послы "ласкового князя Владимира" не только не заплатили дани татарам, но еще и нагнали в Орде такого страху, что татары сами стали платить дань Владимиру. Это предвосхищение исторического факта покорения ордынских земель под власть русских государей показывает, что русское национальное сознание считало

простое прекращение уплаты дани татарам еще недостаточным и требовало не отделения России от Орды, а, наоборот, соединения России с Ордой, но только под властью русского царя. Поэтому имя Иоанна Грозного, действительно осуществившего это требование национального сознания, не могло быть забыто и воспевается уже не в былинах, а в исторических песнях, причем опять-таки характерно, что народная традиция именно с него и начинает "московский период", т.е. основание уже исторической, а не легендарной или сказочной русской государственности: "зачиналась каменна Москва, зачинался грозный царь Иван Васильевич".

Таким образом, внешняя история "возвышения Москвы" или возникновения русского государства, может быть изображена следующим образом. Татары смотрели на завоеванную ими Россию как на единую провинцию. Финансовое и административное объединение этой провинции, с точки зрения общетатарской государственности, было очень желательно. За это дело взялись московские князья, явившиеся в этом отношении проводниками татарских политических планов, агентами центральной ордынской власти. На этом деле московские князья сильно нажились, а в то же время прочно завоевали доверие татар и сделали себя для татар необходимыми. Они превратились как бы в бессменных и наследственных губернаторов русской провинции татарского царства и в этом отношении сравнялись с другими ханами — правителями отдельных провинций, отличаясь от них только своим некочевническим происхождением и немусульманским вероисповеданием. Постепенно все эти провинциальные правители, именующие себя царями и ханами, а в том числе и московский царь, настолько эмансипировались, что связь их с центральной властью стала только номинальной или вовсе исчезла, и сама центральная власть перестала реально существовать. Но сознание государственного единства все-таки продолжало жить, и представлялось необходимым вновь объединить разрозненные и обособившиеся в самостоятельные царства провинции бывшего татарского государства в одно целое. Задачу эту, естественно, должен был выполнить какой-нибудь правитель одной из обособившихся провинций. Татарские правители этого не сделали, а сделал единственный не татарский провинциальный властелин — московский царь. С этого момента он перестал быть простым правителем одной, хотя бы обособившейся, провинции, перестал быть сепаратистом, а стал носителем центральной государственной власти, возродителем единства татарской государственности. Значение московских царей вовсе не сводится к тому, что они были "собирателями земли русской". Пока они "собирали", т.е. административно и финансово объединяли одни только русские земли, собирая с них подати для татарской казны и насаждая в них

государственность татарского образца, — они были только провинциальными губернаторами, местными агентами центральной татарской власти, правда, иногда бунтующими против этой власти, но все же не выходящими из рамок провинциализма. Настоящими государственными правителями они сделались лишь тогда, когда от "собирания русской земли" перешли к "собиранию земли татарской" — к покорению под свою центральную власть отдельных разрозненных и обособившихся частей северо-западного улуса монгольской империи (бывшего улуса Золотой Орды).

Но вся эта внешняя история образования московской государственности становится понятной только при свете истории внутренней, психологически-идеологической. Без того глубокого духовного перерождения русской нации, которое явилось следствием реагирования русского религиозного и национального сознания на факт татарского ига, Россия непременно вполне отатарилась бы и так и осталась бы одним из многих разрозненных обломков империи Чингисхана. Если из всех отдельных правителей обособившихся провинций монгольской империи только московские цари стали притязать на овладение всей территорией некогда объединенной Чингисханом Евразии, если у одних этих московских царей оказалась не только внешняя, но и внутренняя сила для реального осуществления этого притязания и если, присваивая себе наследие Чингисхана, Россия, тем не менее, не утратила своей национальной индивидуальности, а, наоборот, утвердила ее, — то произошло это потому, что благодаря вышеописанному психологическому процессу только в одной России дух и идеи Чингисхана религиозно переродились и предстали в обновленной и подлинно специфически-русской форме. Именно сила горения русского религиозно-национального чувства переплавила северо-западный улус монгольской монархии в Московское царство, в котором монгольский хан оказался замененным православным русским царем.

VI

Возвышение Москвы и образование русской государственности явились следствием психологических процессов, порожденных самим фактом завоевания России татарами. Но в известной мере факт перехода господствующего положения в Евразии от татар к московскому царю был вызван и некоторыми другими процессами, действовавшими в среде самих завоевателей — монголов и татар.

Вскоре после смерти Чингисхана стали обнаруживаться несовершенство и практическая неосуществимость некоторых замыслов и идей великого завоевателя. Одним из наиболее важных несовершенств "системы" Чингисхана оказалась форма связи государственности с религией. С одной стороны, религия поставлялась как одна из главных основ государственности. С другой стороны, не устанавливалось никакой логической связи между догматами той или иной религии и государственным строем. Власть Чингисхана как избранника и ставленника бога Неба (Тенгри) оказывалась мистически обоснованной только с точки зрения шаманизма, т.е. религии догматически наиболее бесформенной, не претендующей на широкое распространение, лишенной наступательной силы и потому не выдерживающей конкуренции с другими религиями, господствующими в Азии и Евразии. Обратиться от мусульманства, буддизма или христианства в шаманизм было психологически невозможно, и, наоборот, при встрече религиозно настроенного шаманиста с другими религиями этот шаманист легко убеждался в превосходстве других религий над его собственной и склонялся к переходу в другую веру. А переменив веру, он не мог не смотреть на своих прежних единоверцев-шаманистов как на первобытных язычников, пребывающих во тьме. Таким образом, религия верховного хана, единственная религия, мистически обосновывающая его власть, оказывалась в глазах подданных этого хана религией низшей. Постепенно все высшие чины и большинство рядовых представителей кочевнического правящего элемента перешли от шаманизма либо в буддизм, либо в мусульманство, а шаманизм остался религией небольшого числа племен, не играющих никакой роли в государстве. Но с точки зрения буддизма или мусульманства власть верховного хана оказывалась религиозно необоснованной. Мусульманская догматика знает религиозно обоснованную власть всемирного повелителя правоверных халифа, являющегося преемником и наследником самого великого пророка Магомета. Но между представлениями о халифе, с одной стороны, и о верховном правителе основанной Чингисханом империи — с другой, знака равенства поставить было невозможно: ни Чингисхан, ни кто-либо из его потомков не могли рассматриваться ни как преемники и потомки Магомета, ни вообще как государственные правители, внутренне связанные с исламом. Мало того, ислам имеет свою подробно разработанную систему права, как уголовного и гражданского, так и государственного, и эта система отнюдь не совпадала с тем законодательством, которое Чингисхан завещал своим преемникам. Таким образом, те из правителей разных частей монгольской империи, которые приняли мусульманство, либо частично отказывались от заветов и государственных установлений Чингисхана и в своем управлении придерживались мусульманского права, либо оказывались очень плохими мусульманами. Во всяком случае, в мусульманских частях основанной Чингисханом империи никакой крепкой внутренней спайки между господствующей религией и монгольской государст-

венностью не получилось. Монгольская государственность в таких странах теряла свой "планетарный" характер, ибо не могла совпасть с освященным религией идеалом мусульманской государственности — идеалом всемирного царства халифа. А между тем стран мусульманских в империи Чингисхана было много, значение их было велико, и ислам распространялся из них все дальше и больше.

Соединить идейно монгольскую государственность с буддизмом было несколько легче: буддизм со своим человекопочитанием и с учением о переселении душ давал возможность объявить верховного правителя монгольской империи земным воплощением Будды. Правда, это было возможно лишь при известном насилии над ортодоксальной буддийской догматикой, но насилие это все равно было неизбежно для согласования буддизма с потребностями кочевого быта, по самому существу своему несоединимого с некоторыми заповедями буддизма (например, хотя бы с заповедью вегетарианства). Такой приспособленный к быту и миросозерцанию кочевников и сильно смешанный с элементами шаманизма буддизм (так называемый ламаизм) действительно и сделался религией значительной части племен основанной Чингисханом империи, и в частности родного племени самого Чингисхана — монголов. И в буддийских частях империи государственная идея действительно оказалась прочнее обоснованной. Но, во-первых, буддизму не удалось распространиться на всю империю и вытеснить мусульманство, а во-вторых, буддизм по самому существу своему неспособен не только повышать, но даже и поддерживать того настроения государственной и военной активности, без которого государственность неизбежно слабеет и приходит в упадок. А потому переход значительной части подданных основанной Чингисханом империи в буддизм не разрешил проблемы прочного идейно-религиозного обоснования монгольской государственности.

Некоторое крушение должна была потерпеть и другая основная идея Чингисхана — идея правящей роли кочевников. Не говоря уже о том, что в завоеванных Чингисханом старых азиатских государствах эта идея была совершенно неприменима, так как там кочевники неизбежно переходили к оседлому образу жизни, усваивали местную культуру, местные государственные традиции и, слившись с туземным правящим классом, тонули в нем, так что история этих государств продолжала идти своей прежней дорогой, лишь временно прерванной монгольским нашествием; но даже в странах Евразии, где, казалось бы, господство кочевников было предуказанно самой географией и где монгольское нашествие было не просто случайным эпизодом, а действительно внесло нечто принципиально новое и положительное, даже в этих странах кочевники не оказались

в состоянии осуществить заветов Чингисхана. Положение правящих кочевников, обладающих неограниченной властью над оседлым населением, воспитанных в презрении к этому населению, как к рабским натурам, которых можно держать только страхом, это положение непременно должно было развращать кочевников. Удержаться от морального разложения можно было только при условии исключительной силы сознания долга, при постоянном согревании героического настроения и твердой памяти об идейном размахе государственного замысла Чингисхана. Но в будничных условиях реальной действительности удержаться на этой высоте было невозможно, и нравственное разложение неминуемо должно было коснуться правящих кочевников.

Таким образом, религиозно-национальный подъем, нараставший в России времен татарщины и приведший к зарождению религиозно обоснованной национально-государственной идеи, совпал по времени с противоположным психологическим процессом в среде самих правящих татарских кругов, с процессом ослабления идейных и моральных оснований монгольской государственности. И когда отдельные провинции некогда единой монгольской империи (в том числе и Россия) стали приобретать все большую степень самостоятельности, провинция русская, управляемая Москвой, по сравнению с соседними провинциями, оказалась в наиболее выгодном положении уже по одному тому, что в ней идея государственности приобрела новое религиозное, нравственное и национальное основание, тогда как в других, чисто татарских провинциях, наоборот, такое основание было уже почти совершенно утрачено.

Неудивительно поэтому, что московский князь стал пользоваться известным нравственным престижем среди самих татар, притом еще задолго до так называемого "свержения татарского ига". Татарские вельможи и высокие чиновники, живущие среди русских, постепенно переставали относиться к ним с презрением, а затем заражались сами религиозно-национальным подъемом и переходили в православие. Такие случаи перехода представителей татарских правящих кругов в русскую веру и на русскую службу стали явлением заурядным, и русское правящее сословие стало усиленно пополняться притоком татарского элемента. Явление это обычно недооценивают. Упускают из виду, что каждое такое "обращение" предполагает глубокий душевный переворот. Заставить мусульманина, притом татарина, переменить веру могла только исключительная сила религиозного горения, охватившего все тогдашнее русское общество. Эти новообращенные татары, вливаясь в русский правящий класс, имели для России громадное значение: являясь представителями именно того благородного типа кочевников, на котором Чингисхан в свое время собирался

построить всю мощь своего государства, они внесли в среду русского общества элемент весьма ценный с точки зрения государственного строительства: сделались одной из надежнейших опор зарождающейся русской государственности, а в то же время, принося с собой традиции и навыки монгольской государственности, персонально закрепляли преемственную связь между монгольской и русской государственностью. Таким образом, превращение московского государя в преемника хана Золотой Орды и замена монгольской государственности русской осуществились благодаря двум встречным психологическим процессам: одному — протекающему в чисто русской среде; другому — протекающему в среде правящих татарских кругов.

VII

Та русская государственность, которая на территории Евразии явилась преемницей и наследницей государства Чингисхана, покоилась на прочном религиозно-бытовом основании. Всякий русский независимо от своего рода занятий и социального положения принадлежал к одной и той же культуре, исповедовал одни и те же религиозные убеждения, одно и то же мировоззрение, один и тот же кодекс морали, придерживался одного и того же бытового уклада. Различия между отдельными классами были не культурные, а только экономические и сводились не к разнице в качестве тех духовных и материальных ценностей, которыми определялись мировоззрение и быт, а исключительно к количеству этих ценностей, к степени осуществления в жизни каждого лица единого культурного идеала. Боярин одевался богаче, ел вкуснее, жил просторнее, чем простой крестьянин, но и покрой его платья, и состав его пищи, и строение его дома были в принципе те же, что и у крестьянина. Эстетические вкусы и направление умственных интересов у всех были одинаковы, только одни имели возможность удовлетворять эти вкусы и интересы в большей мере, чем другие. Основанием всего была религия, "православная вера", но в русском сознании "вера" не была совокупностью отвлеченных догматов, а цельной системой конкретной жизни. Русская вера и русский быт были неотделимы друг от друга. В быте и в культуре не было ничего морально или религиозно безразличного. Быть православным значило не только исповедовать определенные догматы и исполнять нравственные предписания церкви, не только повторять установленные молитвы, совершать установленные обрядовые действия и посещать богослужения, но и вкушать в определенные дни установленную постную или скоромную пищу, носить платье определенного покроя и т.д. Вера входила в быт, быт — в веру, оба сливались воедино, в целостную систему "бытового исповедничества". Органическую часть этого бытового исповедничества составляла и государственная идеология, которая, как все в русской жизни, была неотделима от религиозного миросозерцания. Во главе государства эта идеология поставила царя, который представлялся воплощением национальной воли; в качестве такого человека, воплощающего в себе волю национального целого, царь мыслился и как принимающий нравственную ответственность пред Богом за грехи нации, а потому царствование представлялось как известного рода нравственный подвиг. Согласно христианскому учению подвиг немыслим без молитвы и без Божьей помощи, а потому царь, естественно, являлся носителем особого рода Божьей благодати, о пребывании которой на нем следовало всенародно молиться. Как всякому человеку, с христианской точки зрения, дано задание жить по велениям Бога и осуществлять в своей жизни волю Божью, так точно то же задание дано и всей нации. А поскольку вся жизнь и поступки национального целого определяются и направляются царем как воплощением национальной воли, то царь должен явиться проводником Божьих велений в жизни нации. Таким образом, идеальный царь представлялся, с одной стороны, как ответчик за народ, как народный представитель пред Богом, с другой — как орудие проведения божественных велений в жизни нации, как помазанник Божий пред народом. Но так как та нация, волю которой воплощает в себе царь, не является существом сверхъестественным, а дары благодати, преподаваемые царю через помазание на царство, не освобождают ни его, ни представляемую им нацию от свойственной человеческой природе греховности, то допускалось, что как царь, так и представляемая им нация могут уклониться от Божьего пути и впасть в тот или иной грех. И как отдельный человек предостерегается от греха голосом совести, так точно и царь в своей личной жизни в в распоряжениях, касающихся всей нации, должен, чтобы уберечься от грехопадения, прислушиваться к голосу совести как своей личной, так и общенародной, воплощенной через церковь в лице патриарха. Будучи хотя и первым из мирян и высшим воплощением национальной воли, но все же человеком смертным и ограниченным своей человеческой природой, царь, разумеется, не может обладать всеведением. Поэтому даже при наилучшем царе агенты государственной власти могут совершать злоупотребления, о которых царь неосведомлен. Эта "неправда" отдельных агентов власти, неизбежная с точки зрения христианского взгляда на нравственное несовершенство человеческой природы и на то, что "мир во зле лежит", не считалась противоречащей тому принципу, что царь во всем своем управлении стремится осуществить на земле "правду": злоупотребления агентов власти приписывались естественному факту неведения царя; ус-

транение каждого такого злоупотребления достижимо было поэтому лишь путем осведомления о нем царя, являющегося естественным и единственным земным защитником своих подданных. В то же время твердо было убеждение в том, что, как бы совершенно ни было поставлено дело осведомления царя о происходящих в его царстве злоупотреблениях, полное и совершенное устранение этих злоупотреблений и возможности их возникновения никогда достигнуто не будет. Ибо "мир во зле лежит", человеческая природа несовершенна, и никакими человеческими изобретениями исправить этого несовершенства нельзя. Совершенное царство правды есть только царство небесное, всякое же земное царство никогда не достигнет этого идеала, а может только стремиться к нему, и путь к идеалу лежит не в усовершенствовании внешних форм государственного общежития, а во внутренней работе каждого человека над своим нравственным самосовершенствованием, в работе ценной и целесообразной, только поскольку она является добровольной, а не внешне принудительной, причем одними человеческими силами даже и эта работа неосуществима, а требуется еще помощь Божья, испрашиваемая молитвой, постом и всем "бытовым исповедничеством". Таким образом, смотря на жизнь государства с точки зрения своего общего религиозного мировоззрения, православный гражданин русского государства, не обольщая себя ложным представлением о достижимости в государственном строительстве какого-то идеального разрешения всех вопросов, вполне сознавал всю ограниченность возможных в этом направлении достижений и, перенося центр тяжести в этику, видел основную причину "неправды" агентов власти в нравственном несовершенстве этих агентов, а искоренение этой неправды считал проблемой нравственности, этики, а не юридическо-политического реформаторства. Человек, твердо желающий быть нравственным, может достигнуть этой цели, если вполне подчинит своей воле всю телесную природу и будет жить по Божьему закону, призвав на помощь Бога, всегда откликающегося на этот призыв. Точно так же и нация может достигнуть максимума преодоления всяких настроений (покоящихся, как сказано, на грехе), если будет твердо стоять в жизни по закону Божьему, т.е. в бытовом исповедничестве, и если ее воля, воплощенная в царе и внимательно прислушивающаяся к голосу совести, воплощенному через церковь в патриархе, будет иметь неограниченную власть над всей телесной деятельностью нации и над органами управления.

Таким образом, наилучшее достижимое на земле государственное устройство (но все же неполное совершенство царства правды, возможное лишь в царстве небесном, а не на земле) возможно было с точки зрения древнерусской идеологии только при условии неограниченной царской

власти, сочетающейся с наибольшей осведомленностью царя о всем происходящем в государстве, с бытовым исповедничеством нации и с внимательным отношением царя к голосу церкви. Попытки же отдельных сословий ограничить власть царя представлялись греховными, ибо в плане жизни частночеловеческой они были сравнимы с попытками разных страстей ограничить и подчинить себе волю человека.

Итак, русская государственность и верховная власть русского царя покоились на идеологии, неразрывно связанной с русским религиозным миросозерцанием и со всем русским бытом. Власть царя подпиралась бытовым исповедничеством нации. Но и наоборот, самое бытовое исповедничество находило опору в царе. Царь в своей личной жизни наиболее полно осуществлял русское бытовое исповедничество и в этом отношении служил примером, "задавал тон" всей нации. Царь был самым благочестивым из всех русских мирян, а в частном домашнем быту — самым типичным русским. Царский быт был сгущенной и идеализированной, проведенной, так сказать, с наибольшим размахом формой русского быта, и все прочие русские миряне равнялись по этому образцу, каждый в меру своих сил и своего положения. Таким образом, царь и бытовое исповедничество взаимно поддерживали друг друга, составляли друг с другом нераздельное целое, и в этой крепкой спаянности и лежала прочная основа древнерусской государственности.

Не отделяя быта и культуры от веры, а воспринимая и то, и другое, и третье как единое целое, бытовое исповедничество, именуемое православной верой, русские люди того времени ставили между понятиями "русский" и "православный" знак равенства. Языковые и физические признаки русской расы рассматривались ими как несущественные. Существенно для русского было только его православие, т.е. его бытовое исповедничество. Иностранец, иноплеменник воспринимался как чужой только постольку, поскольку он в своих убеждениях и бытии отклонялся от русского бытового исповедничества; но такое же отклонение мог проявить и чисто русский по происхождению человек, впав в ересь или в грех. Поэтому между понятиями иноплеменника и грешника в русском сознании устанавливалась известная связь. "Чужой" было не этнографическим, а этическим представлением. В силу этого обстоятельства настоящего, сознательного национализма или шовинизма быть не могло. Стремления к насильственному обрусению нерусских племен и народов, входивших в состав Московского государства, не наблюдалось, и, наоборот, каждый из таких народов пользовался довольно широкой национальной автономией. Что касается до отношения к неправославным исповеданиям, то в этом вопросе государственная власть придерживалась принци-

пов, логически вытекающих из признания православия единственной истинной верой. Убеждение в том, что православие является единственным прямым продолжением учения Христа, единственным подлинным христианством, а самое христианство — единственным продолжением и завершением откровений Ветхого завета, заставляло смотреть на иудаизм, принимающий Ветхий завет, но отвергающий христианство, и на все неправославные христианские учения, приемлющие Христа, но отклоняющиеся от православия, как на ереси. Поэтому таким вероучениям государственная власть свободы предоставить не могла: всякая ересь, т.е. сознательное отвержение божественной истины, прекрасно известной отвергающему, есть грех, преступление против божественной истины, а с грехом и преступлением государственная власть обязана бороться. Что же касается вероучений, в своем обосновании не соприкасающихся с православием, не примыкающих ни к какой части того божественного откровения, полное раскрытие которого, по убеждению православных, наличествует только в православии, то к таким вероучениям — к мусульманству, буддизму и разным формам язычества — отношение было, естественно, иное. Еретик видел свет, но не захотел идти к свету, и в этом его грех; язычник же света не видел и ходит во тьме по неведению; если грех тут есть (грех в смысле пленения сатаной), то грех извинительный, оправдываемый неведением. Поэтому преследования таких религий быть не должно. Обязанность православного христианина по отношению к таким религиям сводится к обращению, к просвещению ходящих во тьме. Но этот апостольский подвиг государственная, светская власть взять на себя не может. Это есть дело церкви, которой государственная власть не должна препятствовать, может помогать, но только ненасильственными средствами: ибо, по существу, просвещение ходящих во тьме есть дело любви, а где любовь, там нет места насилию. Поэтому отношение государственной власти к религиям, не стоящим на почве новозаветного и ветхозаветного откровения, было бережное. Религии эти не преследовались, не оскорблялись, но в то же время принимались меры к тому, чтобы голос православных проповедников доходил до слуха "ходящих во тьме по неведению" и чтобы в глазах этих последних православие выступало в более достойном виде, чем их собственная религия, так, чтобы они сами убедились в превосходстве православия. Наказ, данный Иоанном Грозным преподобному Гурию Казанскому, очень ярко отражает эту точку зрения, а факт массового перехода в православие татар, притом как раз руководящих кругов татарской нации, свидетельствует о правильности принятого курса.

VIII

Несмотря на большое отличие идеологического обоснования московской государственности от обоснования государственности монгольской, между обеими идеологиями все же есть черты внутреннего родства, и положительно можно считать, что московская государственность явилась преемницей монгольской не только в отношении территории и некоторых особенностей государственного устройства, но в самом своем идейном содержании. И тут и там основой государства, признаком принадлежности к нему являлась определенная форма быта, неразрывно связанная с определенной психологической установкой: в монархии Чингисхана — кочевнический быт, в Московском государстве — православное бытовое исповедничество. И тут и там верховный глава государства являлся наиболее ярким, идеальным представителем, примерным образцом этого бытового идеала. И тут и там государственная дисциплина строилась на всеобщем подчинении всех граждан и самого монарха неземному, божественному началу, подчинение же одного человека другому и всех людей монарху мыслилось как следствие всеобщего подчинения божественному началу, земным орудием которого являлся монарх. И тут и там добродетелью подданного признавалось отсутствие привязанности к земным благам, свобода от власти материального благополучия при крепкой преданности религиозно осознанному долгу. Основное различие определялось различием в содержании самой религиозной идеи, эклектически-шаманистской у Чингисхана и православно-христианской в Московском государстве. Благодаря тому, что вместо расплывчатого и демагогически бесформенного шаманизма Чингисхана руководящей религиозной идеей Московского государства стало догматически определенное православие, должны были измениться и некоторые существенные части всей государственно-идеологической системы, которую теперь оказалось возможным теснее связать с религиозной основой. Так, роль, которую в системе Чингисхана играл кочевой быт, сам по себе не связанный ни с какой определенной религией, но зато прикрепленный к определенным этнографическим и географическим условиям, в Московском государстве заменило православное бытовое исповедничество, органическое слияние быта с определенной религией, по существу, независимое от этнографических и географических условий. Вместо полной религиозной терпимости, практически приводящей к подрыву религиозной основы всей государственно-идеологической системы, в Московском государстве установилась веротерпимость ограничения, не противоречащая, а, наоборот, вполне соответствующая догматам основной религиозной идеи и принципу выведения государственной идеологии из религиозной; практически же эта ограничен-

ная веротерпимость не могла вредить чисто светской государственности, ибо ни один из народов евразийского мира не принадлежал к тем вероисповеданиям, которые в качестве ересей выключались из принципа веротерпимости.

Черты, отличавшие русскую государственно-идеологическую систему от системы Чингисхана, составляли преимущество русской государственности над монгольской: ведь слабость монгольской системы состояла именно в отсутствии прочной связи, религиозной по своему характеру, государственной идеологии с догматами определенной религии, в несоответствии широкого размаха государственности с примитивной бесформенностью шаманизма, в практической несостоятельности ставки на этнографически и географически ограниченный и исторически неизбежно преходящий кочевнический быт. Московская государственность была свободна и от другого недостатка чингисхановской государственности, именно от притязаний на господство над старыми азиатскими царствами, ведь притязание на то, что можно завоевать, но нельзя удержать в руках, несомненно, ослабляет государство, а в данном случае попытки паназиатского империализма Чингисхана с неизбежностью вели к культурному подчинению основного ядра его империи культурному влиянию завоеванных окраин, создавая несоответствие между центрами власти и центрами культуры. При подчинении Москве евразийский мир впервые достигал культурного самодовления, соравного самодовлению старых азиатских царств, Китая, Персии. А это культурное самодовление сообщало государству прочность, устойчивость, силу сопротивляемости. Замечательно, что даже в период смутного времени и междуцарствия от московского государства не отпала, не отделилась самовольно ни одна окраина.

IX

Перед московской государственностью стояла одна важная задача, неизвестная монгольской монархии, — это оборона против Запада. Значительная часть Евразии — именно вся Украина и Белоруссия — попала под власть католической Польши, этого форпоста Европы на Востоке, и только с большим трудом удалось части этих исконно евразийских и русских земель воссоединиться с евразийским миром под властью Москвы. Но Польша была не одна. На северо-западе надвигалась опасность шведского завоевания, да и другие, непосредственно не соседящие с Россией европейские страны, через морскую торговлю жадно протягивали руки к богатствам России-Евразии. Обороняться было необходимо, а это в свою очередь ставило Россию перед лицом другой необходимости — усвоения европейской военной техники. Техника же военная влекла за

собой необходимость усвоения и техники промышленной. Положение было сложное и трудное. С одной стороны, необходимо было в целях самообороны кое-что позаимствовать, кое-чему поучиться у Европы; с другой стороны, надо было опасаться того, как бы при этом не попасть в культурную, духовную зависимость от Европы. Так как народы Европы принадлежали к неправославным, но именующим себя христианскими вероисповеданиям, т.е. с русской точки зрения были еретиками, то весь дух Европы и европейской цивилизации воспринимается русскими как дух еретический, греховный, антихристианский и сатанинский. Заразиться этим духом было особенно опасно.

Московские цари сознавали всю сложность этого положения и не решались вступить на путь технического ученичества. Они ограничивались в этом направлении частичными, половинчатыми мерами, приглашали к себе на службу европейских техников, мастеров и инструкторов, но держали их изолированно, зорко следя за тем, чтобы они поменьше общались с русскими. Разумеется, это не разрешало задачи. Рано или поздно надо было вступить решительно на путь заимствования европейской техники, приняв при этом столь же решительные меры к тому, чтобы одновременно не заразиться европейским духом.

Выполнение задачи заимствования европейской техники взял на себя Петр I. Но задачей этой он увлекся настолько, что она для него обратилась почти в самоцель, и никаких мер против заразы европейским духом он не принял. Задача была выполнена именно так, как не надо было ее выполнять, и произошло именно то, чего следовало больше всего опасаться: внешняя мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России Европой. Заимствуя западную технику для укрепления внешней мощи России, Петр I в то же время наносил русскому национальному чувству самые тяжелые оскорбления и разрушал все те устои, на которых покоилась внутренняя мощь России. Так разрушил он существенно важный, с точки зрения основной государственно-идеологической системы, институт патриаршества, разрушил в правящем классе бытовое исповедничество, упразднил роль царя как образцового представителя идеала бытового исповедничества. Поколеблены были не только государственно-идеологические, но и религиозные и нравственные устои: кощунство (всешутейший всепьянейший собор) стало придворным развлечением, замена целомудренного древнерусского женского костюма бесстыдным, с русской точки зрения, европейским платьем с глубокими декольте была проведена принудительно, точно так же, как принудительно загонялись на пресловутые ассамблеи и принуждались к предосудительному на них поведению русские бояре. Устои русской жизни были не только от-

вергнуты, но заменены своей противоположностью: царь, открыто живший без венчания с немкой-любовницей, проживший от нее детей и в довершение короновавший ее под именем императрицы Екатерины, подавал пример предосудительного образа жизни, вместо того чтобы, как прежде, быть образцом бытового исповедничества; самое бытовое исповедничество в высших классах было заменено идеалом безнационального и безрелигиозного общеевропейского чисто светского быта; вместо патриарха, воплощающего национальную совесть, возглавителем церкви явился синод, унизительно подчиненный государственной власти и лишенный возможности авторитетно возвышать свой голос. Искупаться все это должно было тем, что-де зато Россия стала теперь мощной державой, расширяющей свои границы и обладающей такой военной силой, перед которой трепещут иностранцы, а для народа явно предосудительный образ царя должен был искупаться тем, что зато это царь-плотник, царь-мастеровой, который не гнушается физическим трудом, работает совершенно так же, как простой рабочий, совершенно так же крепко ругается и, сверх того, бьет дубинкой важных и чванливых вельмож.

Совершенно естественно, что всякий русский человек, в котором сильны были национальные, религиозные и нравственные устои, от этой картины должен был отвратиться. За Петром могли пойти только либо нерусские, приглашенные им на службу иностранцы, либо русские оппортунисты, беспринципные карьеристы, гонящиеся за удовлетворением мелкого тщеславия или за наживой. Знаменитые "птенцы гнезда Петрова" были большею частью отъявленными мошенниками и проходимцами, проворовавшими несравненно больше прежних приказных. То обстоятельство, что, как с грустью отмечают русские историки, "у Петра не нашлось достойных преемников", было вовсе не случайно: действительно — достойные русские люди и не могли примкнуть к Петру.

Правда, вся работа Петра была вызвана патриотизмом. Но патриотизм этот был своеобразен и в русской жизни дотоле неизвестен. Это была не привязанность к реальной, исторической России, а страстная мечта о создании из русского материала великой европейской державы, во всем походящей на другие европейские страны, но превосходящей их величиной своей территории и мощностью своих сухопутных и морских военных сил. Отношение к самому русскому материалу, из которого требовалось создать эту великую державу, неизбежно должно было быть при этом не только не любовное, но прямо враждебное, ибо с этим материалом, естественно, противящимся искусственному втискиванию в рамки чуждого ему идеала, приходилось вести постоянную и упорную борьбу. Этим объяснялась та глубокая двойственность, которой проникнута была вся деятельность Петра: с одной стороны, казалось бы, пламенная и самоотверженная любовь к родине ("а о Петре ведайте, что жизнь ему недорога, была бы только счастлива Россия"), с другой — явно преднамеренное и злобное оскорбление национального чувства, издевательство над священными для каждого русского традициями.

Таковы были те формы, в которые вылилось при Петре заимствование европейской техники. Как сказано выше, заимствование европейской техники было исторически неизбежно в целях национальной самообороны. Но те формы, в которые оно вылилось при Петре, не только не вытекали из этих целей, но прямо им противоречили: никакое иностранное завоевание не разрушило бы так всей национальной культуры России, как реформы Петра, предпринятые первоначально для обороны России от иностранного завоевания. Это вредоносное направление реформ Петра было вызвано не исторической неизбежностью, а личным характером Петра. Но беда была в том, что и после смерти Петра нельзя было изменить принятый им курс. Благодаря тому, что антинациональная преобразовательная деятельность Петра подняла на высшие правительственные и военные посты определенный тип людей, враждебных подлинной национальной стихии, и глубоко развратила высшие слои общества, перемена курса была фактически невозможна: в новом режиме было заинтересовано уже слишком много людей, и в руках этих людей находились и военная сила, и правительственный аппарат.

X

Таким образом, Петр I задал тон всей последующей русской истории. С него начинается новый период, который можно назвать периодом антинациональной монархии.

Все основы русской жизни резко изменились. Так как все идеологические основания прежней русской государственности были свергнуты и растоптаны, то государственность эту приходилось строить только на силе. Крепостное право и военная организация существовали в России и раньше, но страной по существу крепостнической и милитаристической Россия стала только после начала европеизации. Новая идеология была идеологией чистого империализма и правительственного культуртрегерства, насильственного насаждения иноземной цивилизации внутри страны в соединении с завоевательским задором против иностранных держав вовне страны. В этой идеологии, таким образом, сохранялось то же внутреннее противоречие, которое определило собой весь характер деятельности Петра I. Взгляд на Россию и на русский народ только как на мате-

риал для создания могущественной европейской державы, презрение ко всему исконно русскому, как к варварству, и к русским людям как к полудиким дуракам, которых надо палкой научить быть европейцами, — все это, разумеется, лучше всего могло проводиться в жизнь не русскими, а иностранцами, природными европейцами. И естественно, потому, что иностранцы стали пользоваться особой благосклонностью русских монархов, заполнили собой кадры правительственного аппарата и командного состава армии и что официальная история этого периода из всех монархов после Петра I наиболее превознесла чистокровную немку Екатерину II. Так как иноплеменники-европейцы по самой своей природе были наиболее подходящими проводниками утвердившегося в России курса, то естественно, что именно они и задавали тон, которому поддавались и чисто русские по своему происхождению представители правящего класса. Тон этот состоял в потере ощущения органической связи с русской почвой, с русским материалом. При таких условиях патриотизм заменялся преданностью личной карьере, положению в свете, в лучшем случае — тому лицу, от которого это положение зависело, т.е. личности монарха, правящей династии или отдельным представителям этой династии. Монархи сами, понимая это, старались только о том, чтобы иметь вокруг себя лично им преданных людей. Это вызывало перенесение центра тяжести в придворные отношения. Отсюда — придворные интриги, борьба придворных партий, фаворитизм и, как следствие, дворцовые перевороты. То же стремление монархов опереться на группу лично преданных и обязанных им людей, которое приводило к фаворитизму, приводило и к все большему увеличению привилегий частноземлевладельческого сословия — дворянства, составлявшего кадры правительственного аппарата и военного командного состава. А эти привилегии, естественно, давались за счет угнетения других классов, особенно крестьянства.

Процесс европеизации неуклонно продолжался. Шел он сверху, т.е. европеизация первоначально распространялась только на верхние слои общества и постепенно спускалась по социальной лестнице вниз, охватывая все более и более широкие слои нации. При европеизации происходило сначала разрушение духовных основ национальной культуры одновременно с прививкой отдельных внешних черт европейской культуры, затем постепенная прививка духовной европейской культуры. Таким образом, между началом и концом этого процесса непременно существовал долгий промежуток времени, характеризуемый полным отсутствием какой бы то ни было духовной культуры. Через все эти стадии последовательно проходили один за другим все слои русского национального целого, причем весь процесс тянулся долго, на протяжении нескольких поколений. Так, высшие слои дворянства начали внешне европеизироваться уже при Петре I, а духовные основы европейской культуры стали усваиваться только к концу XVIII века; другие слои того же дворянства стали духовно европеизироваться несколько позднее и т.д. Благодаря этому социальные различия внутри русской нации углублялись различиями духовной культуры и внешних культурных привычек. Так как дело шло не о простом восхождении по ступеням интенсивности одной и той же культуры, а о смене одной культуры другой, качественно от нее отличной, причем смена эта неизбежно сопровождалась стадией прохождения через полосу бескультурности, между отдельными слоями нации образовывались глубокие социально-культурные разрывы и пропасти. Болезненность этих разрывов увеличивалась законодательным закреплением привилегированности одних и бесправности других сословий и тем обстоятельством, что поскольку перескакивание через упомянутые выше культурные пропасти, отделявшие одни слои общества от других, совершалось не целым сословием сразу, а всегда лишь отдельными людьми, то культурные слои никогда вполне точно не совпадали с юридически зафиксированными сословиями, и сословные привилегии не шли рука об руку со степенями усвоения европейской духовной культуры. Наконец, те же обстоятельства порождали и резкие расхождения между отдельными поколениями, вырывали бездны непонимания между старшими и младшими, между отцами и детьми. Словом, процесс европеизации разрушил всякое национальное единство, изрыл национальное тело глубокими ранами, посеял рознь и затаенную вражду между всеми. Всего глубже была пропасть между простым народом, живущим еще обломками прежней национальной культуры, и слоями, уже начавшими европеизироваться. В отношениях между этими двумя слоями социальный момент смешивался с национально-культурным: барин был для простого народа не только представителем господствующего класса, но и носителем чужой культуры; мужик же был для так или иначе европеизированного или хотя бы только прикоснувшегося к европеизации человека не только представителем бесправного сословия, но и темным, дикарем. Так или иначе, в России эпохи европеизации никто не чувствовал себя совсем в своем доме: одни жили как бы под иноземным игом, другие — как бы в завоеванной ими стране или в колонии.

Изуродование русского человека привело к изуродованию самой России. Потеря национального обличия вела к утрате национального лица, к забвению исторической сущности России. При таких условиях Россия не могла продолжать идти по своему естественному, самой природой предуказанному пути исторического развития. Вся послепетровская история

России определяется уже не следованием по этому естественному историческому пути, а исторически неоправданными уклонениями в сторону, в угоду ложным представлениям об исторической России. Это сказывалось одинаково как во внешней, так и во внутренней политике. И тут и там верховная власть, будучи по существу антинациональной, руководствовалась не собственными историческими традициями, а примерами европейских государств. Когда в этих последних господствовала политика династическая, видевшая в государственных территориях только частную собственность отдельных династий и благодаря этому постоянно вызывавшая самые противоестественные дипломатические союзы и войны даже с несоседними странами, — тот же вид политики был усвоен и русскими государями. Россия втянулась в эту бессмысленную чужую игру, стала принимать участие в самых нелепых, ненужных и противоестественных военных походах в странах, с ней несмежных и ни с какой точки зрения для нее неинтересных. Географические природные условия Западной Европы — гористость материка, изрезанность береговой линии, обращенность к океану и к большим морям, невозможность прокормить население одними продуктами собственной страны — делали для европейских стран естественным стремление к открытому морю, дающему возможность развить колониальную торговлю. И Россия из чистого подражания европейским державам тоже усвоила это направление внешней политики, несмотря на то, что ее собственная географическая природа была совершенно иной и ставила перед ней абсолютно иные исторические задачи. Россия готова была воевать и за идеи, и за отвлеченные принципы, но всегда за идеи чужие, за те, которые были созданы и усвоены другими, крупными и непременно европейскими державами. Воевала Россия при Александре I и Николае I за укрепление в Европе принципа легитимизма и феодальной монархии, потом за освобождение и самоопределение малых народов и за создание маленьких самостоятельных государств, а в последней войне — за свержение милитаризма и империализма. Все эти идеи и лозунги, в действительности придуманные только для того, чтобы прикрыть корыстные и хищнические замыслы той или иной европейской державы, Россия неизменно принимала за чистую монету и, таким образом, всегда оказывалась в глупом положении.

Прочно утратив историческое чутье, связь с историческим прошлым России и живое ощущение национальной сущности России, верховная власть периода антинациональной монархии в то же время постоянно пыталась оправдать свою политику ссылками на исторические традиции и на национальную природу России. Это вызывало создание фальшивых официальных идеологий, казенной лжи, в которую сама верховная власть иногда даже искренне верила. Стремление к "Константинополю и проливам", усиленно поддерживавшееся в России иностранными дипломатами, стремившимися использовать Россию как орудие для ослабления Турции, оправдывалось — помимо вышеупомянутой теории о необходимости для всякой европейской державы иметь "выход к морю" — еще и ссылкой на походы Олега, Игоря, Святослава и Владимира. При этом забывалось, что то, что называлось Русью во времена Олега, было совсем не то, что называется Россией теперь: для государства речного, занимающего бассейн речной системы между Балтийским и Черным морями, для государства, вся сущность которого сводилась к обладанию водным путем "из варяг в греки", походы на Константинополь имели совершенно иной смысл, чем для государства континентального, вытянутого не с Севера на Юг, а с Востока на Запад. Во имя якобы завещанной Олегом исторической задачи овладения Дарданеллами надолго были испорчены отношения России-Евразии, наследницы Чингисхана, с Турцией. Точно так же раздел Польши — эпизод типичный для династической европейской политики и чрезвычайно выгодно увеличивший территорию двух соседних с Россией европейских держав — оправдывался ссылкой на то, что Польша — исторический враг России. Но врагом исторической России Польша была, главным образом, как форпост в наступательном движении европейской цивилизации и латинства; раздел же Польши привел, во-первых, к усилению двух соседних с Россией стран, еще более исполненных империализма европейской цивилизации; во-вторых, к переходу под власть одной из этих стран Галичины, населенной восточнославянским племенем и составляющей естественное географическое продолжение евразийской территории; а в-третьих, к закреплению украинского населения Галичины под властью латинян. Такою же чреватой последствиями, ложной, якобы национальной идеологией, была и идеология панславизма, исповедовавшаяся, иногда даже и искренно, не только императорским русским правительством, но и частью интеллигенции; по существу идеология эта была так же чужда, так же мало связана с исторической Россией, как и идеологии просвещенного абсолютизма, либерализма, социализма и т.д.

Та же утрата сознания исторической сущности России, то же непонимание национальных традиций при искусственном, фальшивом, якобы национальном пафосе, наблюдались и во внутренней политике.

Здесь достаточно указать на две области — область отношения к инородцам и к православной русской церкви. По примеру других европейских государств, ведущих у себя дома и в своих колониях политику ассимиляции, стремящихся культурно обезличивать покоренные ими народы, императорское русское правительство проводило во всех областях с не-

русским населением политику "русификации". Эта политика была полной изменой всем историческим традициям России, ибо Древняя Русь никогда не знала насильственной русификации. Если в древности совершенно обрусели разные финские племена, составлявшие некогда коренное население значительной части Великороссии, то произошло это естественным путем, без всякого насилия и притеснения, без всякой борьбы с национальной самобытностью и искусственного насаждения через школы русского языка; если русели на русской службе принявшие православие татарские мурзы, то происходило это опять-таки естественно, и никто их к этому не принуждал. И, во всяком случае, органически сливаясь с русским племенем, все эти обрусевшие туранцы вносили с собой в русское племя, в русскую национальную психологию свои черты, так что одновременно с русификацией туранцев происходила и некоторая туранизация русских, и от органического слияния этих двух элементов получалось своеобразное новое единое целое, национальный русский тип, по существу не чисто славянский, а славяно-туранский. Русское племя создавалось не путем насильственной русификации инородцев, а путем братания русских с инородцами. И всюду, где русский народ в этом отношении был предоставлен самому себе, он продолжал эту национальную традицию братания даже и в императорский период. Искусственная правительственная русификация была плодом полного непонимания исторической сущности России-Евразии и забвения духа национальных традиций. И русскому историческому делу эта, якобы национальная политика, принесла громадный вред. Более всего антинациональность политики императорского правительства сказалась в отношениях между государственной властью и Русской православной церковью. Поскольку в церкви звучал голос национальной совести, являвшийся одним из проявлений национальной личности, антинациональная императорская власть должна была относиться к церкви враждебно, ибо игнорирование живой индивидуальности русской нации, взгляд на нее только как на материал для создания великой европейской державы вели к требованию полного безгласия этой индивидуальности. Сообразно с этим правительственная власть должна была всячески стремиться к тому, чтобы сделать церковь совершенно безгласной, и неминуемо должна была прийти к преследованию церкви при малейшем проявлении ее независимого духа. Заимствованные с запада государственные идеалы империализма, милитаризма, шовинизма и государствопоклонничества были чужды не только национальной стихи исторической России, но и христианской церкви. А потому церковь была для правительства неудобна. Но в то же время в широких народных массах еще продолжали жить по инерции обломки той идеологии

царской власти, на которой держалась допетровская Русь, и так как идеология эта была тесно связана с церковью, то предпринимать открытый поход против церкви правительство боялось. В результате получился лицемерный компромисс. Императорское правительство с виду оказывало церкви всяческую поддержку, всячески подчеркивало свой союз с церковью. Но будучи в существе своем органически чуждо подлинно церковному духу, это правительство неуклонно боролось со всяким проявлением этого духа и принимало все меры к тому, чтобы церковь оставалась в полном подчинении у государственной власти. Все иерархии и священнослужители, не хотевшие подчиняться или проявлявшие слишком самостоятельно подлинно церковный дух, систематически устранялись. Ни о восстановлении патриаршества, ни о поместных церковных соборах не позволялось и думать. В синоде, состоящем из назначенных правительством епископов, фактически всем управлял светский чиновник, обер-прокурор, и на местах, в епархиях, власть тоже фактически была в руках консисторских чиновников, а епископам предоставлен был только внешний почет. Через губернаторов правительственная власть зорко следила за деятельностью епархиальных архиереев, и при малейшем уклонении их от установленного правительством курса они смещались, ссылались в монастыри или в отдаленные "безопасные" епархии. Это полное закабаление церкви убивало в ней всякий живой дух, который только слабо теплился, задушенный лицемерно "православным" русским правительством. Это правительство постаралось привить церкви и тот дух империализма и шовинизма, которым оно само было проникнуто по образцу европейских держав. А когда народные массы, не находя в православной церкви того отклика национальной совести, который они находили в ней прежде, в допетровскую эпоху, уклонялись в сектантство или в старообрядчество, правительство принимало против сектантов и раскольников суровые полицейские гонения и репрессии. Таким образом, устанавливалось положение, при котором церковь защищалась полицией. Словом, делалось систематически все, чтобы не только оказенить и обездушить церковь, но и сделать ее непопулярной. Это было самое злостное преследование церкви, тем более злостное, что с виду оно прикрывалось лицемерным высочайше утвержденным ханжеством.

XI

Таковы были последствия уклонения России от ее исторического пути. Последствия эти были логически неизбежны. Власть, поставившая себе целью создать из русского материала мощную европейскую державу, должна была смотреть на Россию не как на живую личность, а как на

бездушный материал. Поэтому она должна была, во-первых, противопоставить себя России, а во-вторых, принимать все меры к тому, чтобы душить всякое проявление живой индивидуальности России. Она неизбежно должна была коверкать, уродовать национальное лицо. А так как при явном проявлении враждебности к исторической сущности, к реальной живой личности России, при противопоставлении себя России никакая власть удержаться не могла, а заразить чуждыми русскому духу идеалами империализма, механического шовинизма и милитаризма можно было только очень небольшое число русских, то власти оставалось только лгать и придумывать фальшивые казенные лозунги и идеологии, якобы устанавливающие преемственную связь ее с исторической Россией и оправдывающие принятый курс политики. Но и этой казенной ложью нельзя было долго обманывать нацию.

Власть, противопоставлявшая себя России как материалу, естественно, должна была стать всем ненавистна. Это происходило роковым образом и не могло быть иначе. Желая создать из русского материала мощную европейскую державу, императорская власть должна была для этой цели прививать в России европейскую цивилизацию и европейскую культуру. Но при европеизации образованное русское общество усваивало разные европейские идеи, не только те, которые угодны были правительству. Правительству нравились из европейских идей только идеи империализма, милитаризма, воинствующего шовинизма и эксплуататорского капитализма. Общество же прельщалось другими европейскими идеями — идеями либерализма, парламентаризма, народоправства, разного вида свобод, социализма и т.д. Образовывались разные партии, каждая из которых желала переделать русский материал сообразно какой-нибудь одной из этих европейских идей, а не сообразно с теми европейскими идеями, которые нравились правительству. По существу, между всеми этими партиями и правительством имелось глубокое сходство, одна основная общая черта: игнорирование живой индивидуальности России, взгляд на нее только как на бездушный материал, из которого предстоит создать здание, сообразное тем или иным чужим, европейским идеям. Но сами эти идеи были различны: одним нравилась одна европейская идея, другим — другая, правительству — третья. И правительство, и разные партии в среде русского образованного общества желали сделать из русского материала европейское государство. Но под "европейским государством " каждый понимал нечто другое. А потому неизбежна была борьба, вражда всех против всех, но, главным образом, всех против правительства, именно потому, что из всех проектов создания из русского материала европейской державы практически осуществлялся только проект правительства,

и свержение правительства было для всех прочих партий исходной точкой, первым шагом на пути к осуществлению партийного идеала. Это было логически неизбежно. Раз введя принцип игнорирования живой индивидуальности исторической России и принцип постройки из русского материала здания не сообразно органически вытекающим из сущности России идеалам, а сообразно идеалу чужому, европейскому, правительство тем самым дало возможность и всякой группе европеизированных русских мечтать о постройке из того же русского материала другого здания сообразно какому-нибудь другому европейскому идеалу. Спорить о том, какой идеал лучше, было для правительства невыгодно, ибо спор этот приходилось вести не с точки зрения вопроса о большей или меньшей применимости данного идеала к русской действительности (такая точка зрения противоречила бы основному взгляду на Россию как на бездушный материал, из которого можно сделать что угодно), а с точки зрения большей или меньшей "европейскости" данного идеала, его большего или меньшего соответствия духу европейской цивилизации. А при переносе спора в эту плоскость правительство должно было бы признать, что его идеал хуже других, ибо хотя практически все мощные европейские державы живут и держатся только милитаризмом, империализмом и эксплуататорским капитализмом, но тем не менее "хорошим тоном" в этих державах считается лицемерное исповедание совершенно иных идеалов. Не желая вступать в спор с обществом, правительство могло делать только одно: преследовать образованное общество и искоренять в нем все европейские идеи, не согласные с принятым правительственным курсом. А это, во-первых, создавало явное внутреннее противоречие-ибо выходило, что правительство европейской державы борется с европеизмом, в то же время желая оставаться в "европейском концерте", — а во-вторых, еще усугубляло остроту борьбы и углубляло вражду и недовольство всего образованного общества.

Так складывались отношения императорского правительства с образованным обществом, т.е. с европеизированной частью нации. Что касается до "простого народа", т.е. неевропеизированной части нации, то, поскольку этот народ еще жил обломками национальной, допетровской русской культуры, послепетровская государственность для него была просто совершенно чужда и непонятна. Так как единственным звеном, связывавшим допетровскую государственность с послепетровской, была царская власть, то это одно и было понятно наиболее темным, т.е. наименее затронутым европеизацией представителям народа. Естественно поэтому, что в кругах, наименее затронутых европеизацией, существовал известный культ царя, с которым по инерции продолжали связывать представления,

сложившиеся еще в допетровскую эпоху. Но этот культ был основан на иллюзии и на самообмане, ибо монархи послепетровской эпохи были совсем не тем, чем монархи допетровских времен. К тому же в допетровскую эпоху идеология царской власти была лишь частью общей государственно-идеологической системы, неотделимой от всего древнерусского бытового исповедничества, а в послепетровскую эпоху это бытовое исповедничество систематически разрушалось самим правительством. Таким образом, идеология царской власти, оторванная от своего естественного контекста, могла держаться в народе только по инерции, как пережиток старины. И по мере того, как народ, благодаря непрерывной работе правительства над созданием из русского материала мощной европейской державы, все более и более терял связь с национальным прошлым, а через солдатчину, фабрики, отхожие промыслы, школы и т.д. втягивался в русло элементарной европеизации и близко соприкасался с реальной сущностью новой государственности, старая идеология царской власти в народном сознании постепенно блекла и представление о царе теряло свой ореол. Наконец, между образованным обществом и простым народом, между европеизированной и неевропеизированной частями нации существовал широкий слой полуинтеллигенции, презирающей устои старого национального быта, но в то же время ненавидящей все более высокостоящие слои нации. Эта полуинтеллигенция не прониклась еще вполне европейской культурой, но успела уже усвоить в довольно упрощенном виде кое-какие европейские идеи, особенно легко усвояемые, и пропагандировала их в широких народных массах. С успехами этой пропаганды правительство могло бороться только полицейскими мерами и репрессиями, но этим оно только еще более восстанавливало против себя всех и ставило себя в положение открытого врага всей нации.

Таким образом, революция и свержение императорской власти становились неизбежны. Ведь своею деятельностью правительство само подготовило революцию, собственными руками рыло себе могилу. И это не потому, что императорское правительство было особенно глупо или недальновидно. Самое умное правительство не могло бы поступать иначе, самое дальновидное могло бы разве только на некоторое время отдалить, отсрочить, но не предотвратить революцию. Дело было не в уме или глупости, а в самой сути той задачи, которую поставило себе правительство: сойдя с исторического пути, вступив на путь переделки русского материала в угоду чужому идеалу создания мощной европейской державы, всякая власть, какая бы она ни была, должна была попасть в положение борьбы с русским материалом, а борьба эта рано или поздно должна была завершиться восстанием нации против правительства.

Толчком послужила мировая война. В начале ее казалось, что императорскому правительству наконец удалось заразить своими идеалами империализма и воинствующего шовинизма значительную часть общества. Но увлечение это было только временное. Вскоре борьба между обществом и правительством возобновилась, народ присоединился к этой борьбе на стороне общества, и неизбежная, давно подготовлявшаяся революция, наконец произошла.

Императорское правительство было свергнуто. Возник вопрос о том, кто станет на место свергнутого правительства, т.е., практически говоря, по которой из других известных европейских идеологий будут теперь ломать и перестраивать Россию. Борьба интеллигентских партий длилась недолго. Победу одержала партия, стоявшая за наиболее трудно осуществимый, но в то же время и наиболее заманчивый из всех европейских идеалов, и Россия вступила в новый период своей истории, в период советского строя и господства коммунизма.

XII

Нам предстоит решить вопрос, является ли этот новый период действительно новым, таким же новым, каким был, например, послепетровский период по отношению к допетровскому, или же советский период не есть новый период, а только новая фаза, новая ступень одного и того же послепетровского периода.

Вглядываясь с этой точки зрения в современное положение СССР, нельзя отделаться от двойственного впечатления. С одной стороны, советская власть, будучи выдвинута народной революцией, знаменовавшей собой отвержение прежнего курса, действительно стремится в корне изменить весь курс политики свергнутой антинациональной монархии. В области внешней политики мы отмечаем отказ от фальшивых славянофильских и панславистских идеологий, отказ от подражания империалистическим замашкам великих европейских держав. По отношению к Востоку впервые взят правильный тон, соответствующий исторической сущности России-Евразии: впервые Россия признала себя естественной союзницей азиатских стран в их борьбе с империализмом стран европейской (романо-германской) цивилизации. При советской власти Россия впервые заговорила с азиатами как с равными, как с товарищами по несчастию, и отбросила ту совершенно ей не идущую роль высокомерного культуртрегера-эксплуататора, роль, которая прежде ставила Россию в глазах азиатов на одну доску с теми романо-германскими хищниками-поработителями, которых Азия всегда боялась, но также всегда и ненавидела. Во внутренней политике следует отметить отказ от русификаторст-

ва, органически чуждого исторической стихии России и усвоенного правительством антинациональной монархии только из подражания другим европейским державам. Признание национальных прав всех народов, входящих в состав России-Евразии, предоставление каждому из них самой широкой автономии при сохранении единства государственного целого вполне соответствуют правильному взгляду на историческую сущность русской государственности, в создании которой участвовали не только русские, но и туранцы. Следует отметить и стремление к разрушению культурной пропасти между верхами и низами нации, привлечение к активной культурной и государственной работе тех слоев населения, которые прежде оставались в этом отношении неиспользованными.

Но наряду со всем этим нельзя не заметить, что советская власть все же находится всецело во власти недавнего прошлого и продолжает старый курс, хотя и в новой форме. Как-никак высшие руководители советской политики вышли из среды той идеологически обезнационаленной и европеизированной интеллигенции, которую породила в России эпоха антинациональной монархии. Прилив свежих сил из широких демократических слоев не мог изменить существа дела, ибо в революции приняли участие как раз те слои народа, которые успели уже утратить остатки устоев национальной культуры, в то же время не вполне еще усвоив элементы европейской культуры, а только нахватавшись кое-каких европейских идей (такие нахватавшиеся называются сознательными). Попадая в среду интеллигентов, такие выходцы из народа не могли ничему научить, а, наоборот, сами поддавались влиянию, так что весь тон задавался именно интеллигентами.

В силу всего этого деятельность советской власти по существу есть продолжение того курса, который был взят еще Петром I. Как и прежде, власть видит в России только материал для сооружения здания, план которого совершенно не связан с русской почвой, а прямо заимствован из Европы. Для Петра I и последующих правителей идеалом было создание из русского материала великой и мощной европейской державы, ни в чем не уступающей другим европейским государствам; современное правительство стремится из того же русского материала создать то социалистическое государство, о котором давно уже мечтают европейские социалисты. И в том и в другом случае идеал — чужой, связь его с русским материалом не естественная, а искусственная. И в том и в другом случае для осуществления идеала надо все переломать, надо бороться с естественным сопротивлением русского материала, не влезающего в чужой шаблон.

Практически последствия и в том и в другом случае оказываются одинаковыми. Во внешней политике выполнение исторических задач России

продолжает тормозиться совершенно лишним, дорогостоящим и практически не оправдывающимся вмешательством в дела других европейских стран ради поддержки чуждых исторической России принципов. Прежде русские правители входили в разные священные союзы, тратили массу денег, а иногда и человеческих жизней и, во всяком случае, подвергали страну постоянной опасности возможной войны — ради поддержки чужих престолов, укрепления власти чужих монархов и самого европейского легитимно-монархического принципа, не имевшего ничего общего с древнерусской монархической идеологией. Теперь тратятся безумные деньги на коммунистическую пропаганду в Европе и Америке, субсидируются заграничные рабочие союзы и компартии, как прежде субсидировались дворы мелких балканских монархов, субсидируются чужие заграничные забастовки, и всем этим создается постоянная угроза конфликтов с иностранными государствами. Делается все это во имя солидарности пролетариата всех стран, столь же призрачной, как та солидарность монархов всех стран, на которой была основана при Александре I идея священного союза, или во имя идей социализма, коммунизма, марксизма, столь же нерусских, столь же не связанных органически с исторической Россией, как в свое время те легитимно-монархические, феодалистические идеи, за поддержание которых в Европе распинались русские правители послепетровской эпохи. И как прежде Россия, петербургские салоны и императорский двор были прибежищем разных потерявших престол немецких герцогов или политических эмигрантов-аристократов, изгнанных из разных европейских стран в силу местных внутреннеполитических событий, так и теперь СССР становится прибежищем разных иностранных политических авантюристов, разных неудачных революционеров со всех концов европейского мира. И как прежде, так и теперь эти иностранцы у нас прекрасно устраиваются. Характерно, что те же самые балтийские провинции, завоеванные Петром I для того, чтобы быть поближе к Европе, и отомстившие России тем, что наводнили все русские министерства, флот, гвардейские полки, губернаторские посты и самый императорский двор плохо говорящими по-русски, но глубоко презирающими русский народ немецкими чинушами, солдафонами и сановниками, те же самые балтийские провинции и теперь поставляют нам такой же иностранный административный аппарат: только прежде это были немецкие бароны, а теперь — латыши.

Во внутренней политике видим то же продолжение замашек послепетровского периода. Из "русского дурака" сделать европейца трудно; надо сначала сбить с него дурь дубиной, заставить его забыть свое национальное лицо. И потому-то и Петр I, и все его преемники на русском престоле

изощрялись в оскорблении русского прошлого и русского национального чувства, в попирании исторически сложившихся устоев русской жизни, вплоть до устоев нравственных и религиозных. Это продолжается и теперь. То, что проделывается в этом отношении над широкими народными массами, иной раз до мелочей напоминает то, что проделывали в свое время Петр I и его преемники над русским дворянством. Разница только в масштабе, ибо Петр I ограничивал свою задачу только европеизацией дворянства, полагая, что оно уже само дальше будет производить ту же работу европеизации над другими слоями населения, теперь же советская власть принялась за сами народные массы. Но если отвлечься от разницы масштабов, аналогия получится в некоторых пунктах поразительная. Комсомольство, антирелигиозные представления, проповедь половой разнузданности и борьба со стыдом — все это Петр I проделывал двести лет тому назад, но только над сравнительно ограниченным кругом знати и дворянства, а теперь это проделывается над всем народом. Борьба с русской церковью — явление тоже не новое. Учреждением синода и обер-прокурора Петр I нанес русской церкви гораздо более тяжелый удар, чем советская власть арестом патриарха. Екатерина II, закрывшая 80% монастырей, реквизировавшая столь же значительную часть церковного имущества и сгноившая в ревельской крепости епископа Арсения Мациевича, стойко сопротивлявшегося ее антицерковной политике, предвосхитила поход советской власти против церкви. Стоит только подробнее вникнуть в историю русской церкви синодально-оберпрокурорского периода, чтобы увидать, как систематически боролась с церковью власть антинациональной монархии, отличавшаяся в этом отношении от советской власти только большей тактичностью, лицемерием и планомерностью.

Таким образом, советская власть явилась не противницей, а сознательной продолжательницей всей антинациональной европеизаторской политики послепетровской монархии. И как ни странно, ни парадоксально, причиною этого является то, что советская власть исповедует коммунизм. Если бы советская власть отказалась от коммунизма, порожденного европейской цивилизацией, то отпала бы и связь советской власти с этой цивилизацией и началась бы работа по укреплению и развитию национально-исторического бытия России. Это было бы действительно началом новой эры русской истории, эры сознательного осуществления национально исторических задач и создания новой культуры не по чужим европейским образцам или рецептам, а изнутри, согласно национально-историческим задачам и особенностям реальной России, рассматриваемой не как безличный и бездушный материал, а как живая личность, ищущая воплощения в своей собственной культуре. Но пока этого нет, Россия все еще находится на том же гибельном пути, на который завел ее в свое время перестаравшийся Петр I; Россия, как и до революции, остается провинцией европейской цивилизации, да к тому же еще опытным полем для производства рискованных опытов применения теорий европейских мечтателей-публицистов, опытов, для которых европейцы свой собственный ценный человеческий материал жалеют.

Естественно поэтому, что европейцы очень одобрительно смотрят на стремления советской власти и критикуют советскую действительность только постольку, поскольку эти стремления в ней еще не вполне воплотились или воплотились неудачно. Все иностранцы, посещающие СССР, по возвращении своем слегка подсмеиваются над "русскими дикарями", но все же одобряют похвальное стремление правителей России привить этим "дикарям" европейскую цивилизацию. Несмотря на всю явную, с коммерческой точки зрения невыгоду, которую представляет для буржуазной Европы существование в России коммунистического правительства, затрудняющего своими социально-экономическими опытами проникновение в Россию европейских товаров в желательном для Европы количестве, европейцы, тем не менее, мирятся с этим неудобством и считают существование коммунистического правительства в России для себя выгодным. Ибо это правительство ведет в России европеизаторскую работу. Разрушая духовные устои русской жизни и национальное своеобразие, насаждая в России то материалистическое мировоззрение, которое фактически является в Европе и Америке господствующим, и воспитывая Россию на идеях, созданных европейскими теоретиками и выросших органически из почвы европейской цивилизации, коммунистическое правительство закрепляет Россию в положении провинции европейской цивилизации и утверждает духовное завоевание России Европой, завоевание, которому начало положил Петр I. А это, в конечном счете, для европейцев выгодно. Затаенной мечтой всякого европейца является полное обезличение всех народов земного шара, разрушение всех своеобразных и обособленных национальных обликов и культур, кроме одной, европейской, которая сама, в сущности, тоже является национальной (ибо создали ее народы одной кельтско-германской расы, имевшие общую историю и представлявшие в течение всей истории такое же замкнутое единство, как отдельные части Китая), но желает прослыть общечеловеческой. Осуществление этой мечты, насаждение во всем мире "общечеловеческой" (т.е. романо-германской) культуры превратит все народы мира в европейцев второго и третьего сорта, а европейцами первого сорта останутся природные европейцы, романские, германские и англосаксонские народы, для которых эта "общечеловеческая культура" есть в то же время

культура национальная. А это поставит европейцев в господствующее положение над всем миром. Так как это является конечной целью империализма европейской цивилизации, то для европейцев безразлично, какими средствами это может быть достигнуто. И потому-то они и смотрят на русское коммунистическое правительство, как на союзника в этом деле. Единственное, что европейцам в деятельности советского правительства действительно очень не нравится, — это пропаганда в колониях и в Азии. Но эта пропаганда пугает их не потому, что она коммунистическая, а потому, что она способна разжечь национализм азиатских и колониальных народов и побудить эти народы во имя национализма отвернуться от европейской цивилизации. Таким образом, отталкивает европейцев от советского правительства именно то, в чем это правительство, как мы уже говорили, осуществляет (инстинктивно скорее, чем сознательно) историческое русское дело. Подлинным врагом паневропейского империализма, империализма европейской цивилизации, является не коммунизм, порожденный самой европейской цивилизацией и органически привязанный к ней, а историческая Россия, Россия-Евразия, по самому существу своему стихийно противящаяся европеизации, несмотря на все усилия ее правителей, будь то монархи или коммунисты.

Итак, коммунистическая власть оказалась продолжательницей европеизаторских традиций старой антинациональной монархии. Она не порвала с прошлым, а находится всецело во власти этого прошлого, пресловутых "заветов Петра Великого". Даже более того, она производит работу Петра I еще в более широком масштабе и с большим пылом, чем все послепетровские монархи. Резкого перелома, такого перелома, какой был при Петре I, в русской жизни при советской власти не произошло, а произошло лишь резкое ускорение движения все в том же прежнем направлении. И если осуждать самое это прежнее направление и видеть в революции стихийное желание исторической России в корне изменить его, то придется признать, что советская власть до сих пор еще не приступила к осуществлению задач, поставленных перед ней революцией. Она не освободила Россию от ига европейской цивилизации, а, наоборот, до сих пор работала только на укрепление этого ига.

XIII

Теперь окинем еще раз беглым взглядом всю нарисованную в предшествующем изложении картину исторического развития России-Евразии.

Итак, евразийский мир представляет собой замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно Европы, так и от собственно Азии. Сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом. Государственное объединение Евразии было впервые осуществлено туранцами в лице Чингисхана, и носителями общеевразийской государственности сначала были туранские кочевники. Затем, в связи с вырождением государственного пафоса этих туранцев и с ростом национально-религиозного подъема русского племени, общеевразийская государственность из рук туранцев перешла к русским, которые сделались ее преемниками и носителями. Россия-Евразия получила полную возможность стать самодовлеющей культурной, политической и экономической областью и развивать своеобразную евразийскую культуру. Но в связи с тем, что в соседней Европе все сильнее стал развиваться завоевательский и колонизаторский дух империализма и европейская цивилизация, односторонне направленная на технику и внешнюю организацию жизни, все сильнее проявляла стремление к экспансии, возникла потребность оградить Россию-Евразию от опасности, грозящей с Запада ее культурной, экономической и политической независимости. Для этих целей обороны необходимо было усвоить известные технические преимущества Европы. Но это усвоение вскоре превратилось для правителей России-Евразии в самоцель. Забыв, что заимствование европейской военной и частью промышленной техники понадобилось исключительно для обороны России от иноземного культурного засилья, правители России увлеклись самим процессом заимствования, прельстились самой европейской цивилизацией, возгорелись тщеславным желанием сделать из России державу, внешне совершенно подобную европейским государствам, и стать самим на равную ногу с правителями наиболее крупных европейских держав. А благодаря этому та иноземная опасность, для предотвращения которой и было затеяно заимствование европейской техники, не только не была предотвращена, но русскими же руками была введена в Россию. Россия постепенно становилась провинцией европейской цивилизации, и империализм этой цивилизации стал делать в России все большие и большие успехи. Вместо техники русские стали заимствовать европейский образ мысли, рассчитанный на совершенно иной психологический тип людей. Русский человек перестал быть самим собой, но не стал и европейцем, а просто изуродовался. Вследствие этого изуродовались и все внутренние отношения между русскими, появились глубокие пропасти, отделяющие одних русских от других, порвались социальные связи. Двухвековой режим антинациональной монархии, восстановившей против себя все слои населения, привел к революции. Но революция не изменила сути дела, ибо элементы, вставшие у власти после революции, сами оказались зараженными

теми же ядами европейской цивилизации и, насаждая в России мировоззрение, выросшее на почве европеизма и европейской цивилизации, явились орудием империализма европейской культуры, ошибочно принимаемой ими за культуру "человечества". Таким образом, Россия и после революции не стала сама собой, не освободилась из-под духовного ига европейской культуры и не может свободно творить свою собственную национальную культуру, основанную на психологическом укладе русского, евразийского, а не общеевропейского человека.

Задача России в будущем состоит в том, чтобы осознать, наконец, свою подлинную природу и вернуться к выполнению своих собственных исторических задач. Россия должна осознать, что как военная и экономическая мощь отдельных европейских держав, для борьбы с которой милитаризировала и европеизировала Россию дореволюционная антинациональная монархия, так и буржуазно-капиталистический строй, во имя преодоления которого социализирует Россию послереволюционное коммунистическое правительство, являются только органическими частями и естественными частными проявлениями одной и той же европейской цивилизации, которая в своем целом и есть главный и основной враг исторической России; что поэтому бороться следует не с одними этими частными проявлениями, а с самой европейской цивилизацией в ее целом, и особенно с основным духом этой цивилизации, и что средства для этой борьбы надо выбирать такие, которые сами не заключали бы в себе духа европейской цивилизации, так как иначе борьба оказывается нецелесообразной. Ошибка послепетровской антинациональной монархии заключалась в том, что, видя единственную опасность в военной и экономической мощи отдельных европейских держав и желая противопоставить этой опасности соравную ей военную и экономическую мощь русскую, она позаимствовала и стала прививать в России чуждый России дух европейского милитаризма, государственного империализма и лженационализма (шовинистического тщеславия). Но ошибкой послереволюционной власти явилось то, что, усматривая единственную опасность в буржуазно-капиталистическом строе, она для преодоления этой опасности стала прививать в России столь же чуждое России и столь же европейское по своему духу мировоззрение экономического материализма и стремиться осуществлять в России совершенно чуждые России и созданные европейскими теоретиками идеалы общежития. Поняв, что и та и другая ошибка ведут к духовному порабощению России европейской цивилизацией, к уродованию естественной природы исторической России, следует отказаться окончательно от всякого проявления европейского духа и повести решительную борьбу против европейской цивилизации в ее целом. Борьба же

эта должна вестись одновременно с созиданием самостоятельной и самодовлеющей русско-евразийской культуры на основаниях, совершенно отличных от духовных основ европейской цивилизации.

Нет оснований терять надежду на то, что Россия когда-нибудь, и не в слишком отдаленном будущем, вновь обретет свой собственный правильный исторический путь. Ненависть к европеизму и стремление отмежеваться от него, несомненно, стихийно существуют и сейчас в самых различных слоях населения России-Евразии. Правда, многие отожествляют предмет своей ненависти только с капиталистически-буржуазным строем современной Европы и не сознают, что то мировоззрение социализма и экономического материализма, которое этому буржуазному строю противополагается, есть тоже органическая часть того же европеизма, порождение того же духа европейской цивилизации. Но это умонастроение не окончательное. Рано или поздно оно сменится другим, более сознательным, последовательным и радикальным отвержением не только отдельных проявлений, но и самой сущности, самого духа европейской цивилизации. И через отвержение этого чужого духа Россия-Евразия обретет свое собственное, подлинное лицо.

XIV

Как это ни странно, но именно теперь, когда правительство России прилагает все усилия к тому, чтобы привить России мировоззрение, созданное типичными представителями европейского духа, и перестроить согласно созданным европейскими публицистами теориям, именно теперь, несмотря на это, стихийное национальное своеобразие и неевропейское, полуазиатское лицо России-Евразии более чем когда-либо выступает наружу. Проступает наружу, "прет из всех щелей", несмотря на всю интернационалистическую и противонационалистическую декорацию, несмотря на все претензии последнего крика "общечеловеческой" (сиречь европейской) цивилизации. Россия подлинная, Россия историческая, древняя, не выдуманная славянская или варяжско-славянская, а настоящая русско-туранская Россия-Евразия, преемница великого наследия Чингисхана. Заговорили на своих признанных теперь официальными языках разные туранские народы: татары, киргизы, башкиры, чуваши, якуты, буряты, монголы, -стали участвовать наравне с русскими в общегосударственном строительстве; и на самих русских физиономиях, раньше казавшихся чисто славянскими, теперь замечаешь что-то тоже туранское; в самом русском языке зазвучали какие-то новые звукосочетания, тоже "варварские", тоже туранские. Словно по всей России опять, как семьсот лет тому назад, запахло жженым кизяком, конским потом, верб-

лжьей шерстью -туранским кочевьем. И встает над Россией тень великого Чингисхана, объединителя Евразии...

Наследие Чингисхана неотделимо от России. Хочет Россия или не хочет, она остается всегда хранительницей этого наследия, и вся ее историческая судьба этим определяется. Даже в период антинациональной монархии, когда и правительство, и образованное общество стремились к тому, чтобы Россия была европейской державой, и всячески стыдились признать естественную связь России с Азией, даже тогда Россия силою вещей принуждена была продолжать историческое дело государственного объединения Евразии, — дело Чингисхана: присоединение Крыма, Кавказа, Закаспийского края, Туркестана, закрепление за Россией Восточной Сибири — все это были этапы на том же пути собирания разрозненившихся частей евразийского улуса Чингисхановой империи, а колонизация и запашка степи, превращение ее из кочевья в ниву было закреплением перехода евразийской государственности из рук туранцев в руки русских. И несмотря на то, что правительство, стремясь во всем подражать "великим европейским державам", готово было всюду проводить насильственную ассимиляцию и культурно обезличивать вновь присоединенные области (как это делают подлинные европейцы в своих колониях), народная русская стихия, инстинктивно ощущавшая подлинную задачу России, усваивала по отношению к туземному населению тактику братания, охотно заимствовала от покоренных разные черты их быта; в новоприсоединенных областях сами собой вырабатывались особые смешанные бытовые типы, которые со временем могли бы послужить основанием для целой радуги евразийских культур, разновидностей одной, общеевразийской: мешало только стремление русских верхов (как образованного общества, так и правительства) иметь культуру непременно европейскую. Тот же процесс инстинктивного и стихийного сворачивания России на ее естественную историческую дорогу наблюдается и в настоящее время. Несмотря на то, что коммунистическая власть лицом обращена на Запад, к пролетариату "цивилизованных" стран, и страстно мечтает только о том, чтобы именно этот европейский и американский пролетариат признал коммунистическую власть своею, России в силу обстоятельств приходится все больше и больше иметь дело с Азией, а в своем внутреннем строительстве осуществлять то братание племен Евразии, которое является неизбежным следствием исторической миссии России — государственной объединительницы Евразии, преемницы и наследницы Чингисхана. Привлечение разных племен Евразии к общему государственному строительству, соединяя их всех в одну общую семью, заставит каждого из них смотреть на русскую государственность как на свою собственную, родную. Глубокая перепашка всего социального организма нации, поднявшая наверх те слои, которые прежде были внизу, приближает возможность создания новой культуры или целой радуги родственных друг другу культур на основе народного быта и народного мировоззрения, прежде существовавших только как предмет этнографического изучения: мешает опять-таки только упорное желание руководителей культурной жизни иметь в России не свою собственную, своеобразную евразийскую культуру, а культуру европейскую, может быть, и не во всем схожую с современной культурой народов Западной Европы, но все же соответствующую мечтам и теориям европейских социологов и публицистов и, следовательно, проникнутую тем же духом европейской цивилизации.

Словом, несмотря на упорную борьбу, которую правящие круги (все равно какие, прежде — монархические, теперь — коммунистические) ведут уже более двухсот лет против природной сущности России-Евразии, эта Россия-Евразия все время не перестает стихийно стремиться к тому, чтобы быть самой собой и вновь вполне вступить на свой природный исторический путь после слишком затянувшейся диверсии подражания западноевропейским образцам и учениям. Надо, чтобы это стихийное и инстинктивное стремление, наконец, стало сознательным. Будущая Россия-Евразия должна сознательно отвергнуть дух европейской цивилизации и построить свою государственность и свою культуру на совершенно иных, неевропейских основаниях.

Конечно, невозможно предсказывать, какова будет эта государственность и эта культура. Но наследие Чингисхана, в свое время подхваченное допетровской Москвой, неизбывно находится при России, определяя не только ее прошлое, но и ее будущее, делая до некоторой степени возможным и предсказание. В международных сношениях будущая Россия, сознательная хранительница наследия Чингисхана, не будет стремиться стать европейской державой, а, наоборот, будет всячески отмежевываться от Европы и европейской цивилизации. Памятуя уроки прошлого, она будет следить за развитием европейской материальной техники, усваивать из этой техники то, что ей необходимо, но всячески будет ограждать себя от усвоения европейских идей, европейского миросозерцания и духа европейской культуры. Она не будет вмешиваться в европейские дела, не будет брать сторону той или иной из борющихся в европейских странах партий или идеологий, не будет считать своим искренним союзником ни одну из европейских социальных групп. В частности, борясь с международным капиталом как с одним из факторов европейской цивилизации, она не будет считать своим полным союзником европейский

пролетариат, учитывая, что, хотя этот пролетариат тоже борется с капиталом, но борется только наполовину, только для того, чтобы международный капитал уступил ему часть барышей, которые он наживает, эксплуатируя "нецивилизованные" страны, полная же гибель международного капитала и прекращение его эксплуататорского властвования над "нецивилизованными" или "полуцивилизованными" странами, т.е. именно то, что должно быть целью России, для европейского пролетариата невыгодно и неприемлемо, совершенно так же, как и для европейской буржуазии. Наоборот, в отношениях своих к странам и народам неевропейской цивилизации будущая Россия должна руководствоваться чувством солидарности, видя в них естественных союзников, одинаково заинтересованных в преодолении империализма европейской цивилизации. Россия должна остерегаться от всяких попыток присоединить к себе ту или иную страну, не входящую в географические пределы Евразии, помня, что такое присоединение уже раз повредило делу Чингисхана. Но в то же время с этими неевразийскими, чисто азиатскими странами Россия должна поддерживать и культурное общение, и самые оживленные торговые сношения, а сверх того, более их умудренная опытом, должна организовывать их в противодействии против европейской цивилизации, предостерегать их от проникновения к ним духа европеизма в разных его проявлениях и помогать им творить и развивать их собственные национальные культуры.

Во внутренней своей жизни будущая Россия должна твердо помнить о прошлом. Это не значит восстанавливать прошлое. Прошлое восстановить невозможно и не нужно. Но известные принципы, на которых строилась жизнь в прошлом, при Чингисхане и в допетровской московской Руси, могут быть поставлены в основу и будущего строительства. Главный из этих принципов: теснейшая связь между частным бытом, государственностью и религией. Безбожная и антирелигиозная государственность есть специально европейское изобретение, находящееся в тесной зависимости от всего духа европейской цивилизации. Правда, европейцы этим изобретением очень гордятся и считают его признаком прогресса. Но так расценивают европейцы вообще все продукты своей культуры; они рассуждают упрощенно: все, что изобретено европейцами и согласно с общим духом их культуры, -хорошо и "прогрессивно", а все, что изобретено неевропейцами, — хорошо только постольку, поскольку оно похоже на то или иное европейское изобретение. Если же рассуждать объективно, не поддаваясь самовосхвалению европейцев, то из того факта, что антирелигиозная государственность придумана одними только европейцами и ни у одного другого неевропейского народа никогда не суще-

ствовала, можно сделать только один вывод, что такая государственность противоестественна и уродлива, что она противоречит нормальной человеческой природе и что если европейской природе она не противоречит, то только потому, что сама эта европейская природа ненормальная, выродившаяся. Здоровый человек всегда религиозен. И неправда, будто бы "религия — частное дело каждого": в действительности религия всегда была, есть и будет делом не только частного человека, но и народа. Народы Евразии всегда были религиозны. Если отдельные представители их иногда отпадают от религии, то только под уродующим влиянием европейской цивилизации и европейских идей. Обрести свое подлинное лицо и стать самой собой Россия-Евразия может, только вернувшись к религии и укрепив в себе религиозную стихию. Это вовсе не значит, чтобы нужно было создать опять тот внешний союз между государственной властью и официальной церковью, который существовал в России до революции. Даже как раз наоборот — этот союз, оказенивший православие, лишивший русскую церковь способности развития и стремившийся превратить ее в полицейское орудие государственной власти, более всего противоречит духу подлинно религиозной государственности. Ни этот союз, сводящийся, по существу, к подчинению церковной организации государству и к наложению государственной цензуры на свободные проявления религиозного духа, ни какие бы то ни было другие известные проявления религиозного духа, ни какие бы то ни было другие известные в практике европейских народов формы отношения государства и религии (отделение церкви от государства, подчинение государства церковной организации, договор государства с международной церковной организацией) не соответствуют тому принципу связи между государственностью и религией, который лежит в основе всякого подлинно евразийского государственного строительства. Ибо все эти формы проникнуты духом европейской цивилизации, духом уродливым как раз в области религиозной. Все эти формы взаимоотношения между церковью и государством предполагают представление о церкви и о государстве как о двух различных организациях с разным личным составом. Между тем на деле и церковь, и государство состоят из живых людей, и притом из тех же людей. Народ в церкви и народ в государстве не два разные существа, а одно существо. В одном и том же человеке существует воля и совесть: это — не разные существа, а разные свойства, разные способности одного и того же существа; в нормальном, разумном и хорошем человеке между совестью и волей нет разлада, а есть известная согласованность: то же самое должно быть между государственностью и религией. Казенная религиозность аналогична подчинению совести воле; борьба госу-

дарства с религией аналогична борьбе воли с совестью; но подчинение государства церковной организации не аналогично подчинению начала воли началу совести, ибо при этом государство и церковная организация мыслятся как два разные существа, так что получается подчинение воли одного существа совести (а следовательно, и воле) другого. Проблема взаимоотношения государственности и религии для России-Евразии является проблемой основной, ибо, как сказано, Россия-Евразия только тогда может стать сама собой, когда будет религиозна. Решение этой проблемы лежит не в законодательстве, а в быте. При Чингисхане не было казенной религии, не было и подчинения государственной власти какой-либо религиозной организации, а, тем не менее, государственность Чингисхана была глубоко религиозна. Точно так же и в допетровской Руси вера была не казенной и государственная власть не была в подчинении у власти церковной, а тем не менее старая московская государственность была религиозной. Решение вопроса и при Чингисхане, и в допетровской Руси лежало не в области политики и законодательства, а в области быта и психологии. Каждый воин Чингисхана подчинялся не только своему начальнику (а через него — его начальнику и т.д. вплоть до самого верховного хана), но и прежде всего высшему религиозному началу и знал, что тому же высшему религиозному началу подчиняется и его начальник, и начальник этого начальника и т.д., вплоть до самого Чингисхана. При этом подчинение религиозному началу и у воина, и у начальника, и у Чингисхана было не только официальное, не только в связи со службой, но и вне службы, в самом быте. И жизнь внешней природы, и судьба человека, и быт человека мыслились как закономерное, неземным верховным существом предустановленное течение вещей; и государственность представлялась как часть этой естественной системы. Такое же отношение к делу наблюдалось и в допетровской Руси, несмотря на то, что между ней и кочевническим государством Чингисхана было громадное различие. И если Россия-Евразия хочет опять стать самой собой, а не уродливым отображением европейской цивилизации, ей предстоит создать вновь такое же положение дела. Пусть это новое положение будет внешне совсем непохоже ни на допетровскую Русь, ни на царство Чингисхана — самый принцип постройки должен быть тот же. Ибо это есть настоящий принцип всякой подлинно евразийской государственности.

Итак, путь к подлинно своему, к обретению своего настоящего лица для России-Евразии предначертан ее прошлым. И тем не менее, это не есть путь назад, а путь вперед, к подлинно новому, к небывалому. Предстоит создать совершенно новую культуру, свою собственную, непохожую на европейскую цивилизацию. То, что сейчас делается в России, только кажется новым и своеобразным. На самом же деле это разрушение, а не созидание, и разрушение это проникнуто тем же старым духом, духом Петра I, Екатерины II и всей интеллигенции XIX века, прельщенной заманчивым внешним видом европейской цивилизации и европейских идей. Подлинное творческое созидание еще впереди. И станет оно возможным лишь тогда, когда окончательно будут изжиты увлечения европейской цивилизацией и придуманными в Европе идеологиями, когда Россия перестанет быть кривым зеркалом европейской цивилизации, а обретет свое собственное историческое лицо и вновь станет сама собой — Россией-Евразией, сознательной носительницей и преемницей великого наследия Чингисхана.

Берлин, 1926 г.

П. Н. Савицкий

ЕВРАЗИЙСТВО

I

Евразийцы — это представители нового начала в мышлении и жизни, это группа деятелей, работающих на основе нового отношения к коренным, определяющим жизнь вопросам, отношения, вытекающего из всего, что пережито за последнее десятилетие, над радикальным преобразованием господствовавших доселе мировоззрения и жизненного строя. В то же время евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или "евразийским".

Имя их — "географического" происхождения. Дело в том, что в основном массиве земель Старого Света, где прежняя география различала два материка: "Европу" и "Азию", они стали различать третий, срединный материк, "Евразию", и от последнего обозначения получили свое имя...

По мнению евразийцев, в чисто географическом смысле понятие "Европы" как совокупности Европы, западной и восточной, бессодержательно и нелепо. На западе, в смысле географических очертаний, — богатейшее развитие побережий, истончение континента в полуострова, острова; на востоке — сплошной материковый массив, имеющий только разъединение касания к морским побережьям; орографически — на западе сложнейшее сочетание гор, холмов низин; на востоке — огромная равнина, только на окраинах окаймленная горами; климатически — на западе приморский климат, с относительно небольшим различием между зимой и летом; на востоке это различие выражено резко: жаркое лето, суровая зима; и т. д., и т. д. Можно сказать по праву: Восточно-Европейская, "Беломорско-Кавказская", как называют ее евразийцы, равнина по географической природе гораздо ближе к равнинам Западно-Сибирской и Туркестанской, лежащим к востоку от нее, нежели к Западной Европе. Названные три равнины, вместе с возвышенностями, отделяющими их друг от друга (Уральские горы и так называемый "Арало-Иртышский" водораздел) и окаймляющими их с востока, юго-востока и юга (горы русского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа, Малой Азии), представляют собой особый мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него. И если к первым приурочите имя "Европы", а ко вторым — имя "Азии", то названному только что миру, как срединному и посредствующему, будет приличествовать имя "Евразии"...

Необходимость различать в основном массиве земель Старого Света не два, как делалось доселе, но три материка — не есть какое-либо "открытие" евразийцев; оно вытекает из взглядов, ранее высказывавшихся географами, в особенности русскими (например, проф. В. И. Ламанским в работе 1892 года). Евразийцы обострили формулировку и вновь "увиденному" материку дали имя, ранее прилагавшееся иногда ко всему основному массиву земель Старого Света, к старым "Европе" и "Азии" в их совокупности.

Россия занимает основное пространство земель "Евразии". Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям "Европы" и "Азии" также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим, как нечто конкретное, круг "европейских" и "азиатско-азийских" культур, обозначение "Евразии" приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики(1). Обозначение это указывает, что в культурное бытие России, в соизмеримых между собой долях, вошли элементы различнейших культур. Влияния Юга, Востока и Запада, перемежаясь, последовательно главенствовали в мире русской культуры. Юг в этих процессах явлен по преимуществу в образе византийской культуры; ее влияние на Россию было длительным и основоположным. Как на эпоху особой напряженности этого влияния можно указать на период примерно с X по XIII век. Восток в данном случае выступает, главным образом, в облике "степной" цивилизации, обычно рассматриваемой в качестве одной из характерно "азиатских" ("азийских", в указанном выше смысле). Пример монголо-татарской государственности (Чингисхана и его преемников), сумевшей овладеть и управиться на определенный исторический срок с огромной частью Старого Света, несомненно сыграл большую положительную роль в создании великой государственности русской. Широко влиял на Россию и бытовой уклад степного Востока. Это влияние было в особенности сильно с XIII по XV век. С конца этого последнего столетия пошло на прибыль влияние европейской культуры и достигло максимума начиная с XVIII века... В категориях не всегда достаточно тонкого, однако же указывающего на реальную сущность подразделения культур Старого Света на "европейские" и "азиатско-азийские" — культура русская не принадлежит к числу ни одних, ни других. Она есть культура, сочетающая элементы одних и других, сводящая их к некоторому единству. И потому, с точки зрения указанного подразделения культур, квалификация русской культуры как "евразийской" более выражает сущность явления, чем какая-либо иная... Из культур прошло-

го подлинно "евразийскими" были две из числа величайших и многосторроннейших известных нам культур, а именно культура эллинистическая, сочетавшая в себе элементы эллинского "Запада" и древнего "Востока", и продолжавшая ее культура византийская, в смысле широкого восточно-средиземноморского культурного мира поздней античности и средневековья (области процветания обеих лежат точно к югу от основного исторического ядра русских областей). В высокой степени примечательна историческая связь, сопрягающая культуру русскую с культурой византийской. Третья великая "евразийская" культура вышла в определенной мере из исторического преемства двух предшествующих...

"Евразийская", в географически-пространственных данных своего существования, русская культурная среда получила основы и как бы крепящий скелет исторической культуры от другой "евразийской" культуры. Происшедшим же, вслед за тем, последовательным напластованием на русской почве культурных слоев азиатско-азийского (влияния Востока) и европейского (влияние Запада) "евразийское" качество русской культуры было усилено и утверждено...

Определяя русскую культуру как "евразийскую", евразийцы выступают как осознаватели русского культурного своеобразия. В этом отношении они имеют еще больше предшественников, чем в своих чисто географических определениях. Таковыми в данном случае нужно признать всех мыслителей славянофильского направления, в том числе Гоголя и Достоевского (как философов-публицистов). Евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и историософского мышления. Ближайшим образом эта традиция восходит к 30-40-м годам XIX века, когда начали свою деятельность славянофилы(2). В более широком смысле к этой же традиции должен быть причислен ряд произведений старорусской письменности, наиболее древние из которых относятся к концу XV и началу XVI века. Когда падение Царьграда (1453) обострило в русских сознание их роли как защитников Православия и продолжателей византийского культурного преемства, в России родились идеи, которые в некотором смысле могут почитаться предшественницами славянофильских и евразийских. Такие "пролагатели путей" евразийства, как Гоголь или Достоевский, но также иные славянофилы и примыкающие к ним как Хомяков, Леонтьев и др., подавляют нынешних "евразийцев" масштабами исторических своих фигур. Но это не устраняет обстоятельства, что у них и евразийцев в ряде вопросов мысли те же и что формулировка этих мыслей у евразийцев в некоторых отношениях точнее, чем была у их великих предшественников. Поскольку славянофилы упирали на "славянство" как на то начало, которым определяется культурно-истори-

ческое своеобразие России, они явно брались защищать трудно защитимые позиции. Между отдельными славянскими народами, безусловно, есть культурно-историческая и, более всего, языковая связь. Но как начало культурного своеобразия понятие славянства, во всяком случае в том его эмпирическом содержании, которое успело сложиться к настоящему времени, дает немного.

Творческое выявление культурного лица болгар и сербо-хорвато-словенцев принадлежит будущему. Поляки и чехи в культурном смысле, относятся к западному "европейскому" миру, составляя одну из культурных областей последнего. Историческое своеобразие России явно не может определяться ни исключительно, ни даже преимущественно ее принадлежностью к "славянскому" миру. Чувствуя это, славянофилы мысленно обращались к Византии. Но, подчеркивая значение связей России с Византией, славянофильство не давало и не могло дать формулы, которая сколько-либо полно и соразмерно выразила бы характер русской культурно-исторической традиции и запечатлела бы "одноприродность" последней с культурным преемством византийским. "Евразийство" же, в определенной степени, то и другое выражает. Формула "евразийства" учитывает невозможность объяснить и определить прошлое, настоящее и будущее культурное своеобразие России преимущественным обращением к понятию "славянства"; она указывает как на источник такого своеобразия на сочетание в русской культуре "европейских" и "азиатско-азийских" элементов. Поскольку формула эта констатирует присутствие в русской культуре этих последних, она устанавливает связь русской культуры с широким и творческим в своей исторической роли миром культур "азиатско-азийских", и эту связь выставляет как одну из сильных сторон русской культуры, и сопоставляет Россию с Византией, которая в том же смысле и так же обладала "евразийской" культурой...(3)

II

Таково, в самом кратком определении, место "евразийцев" как осознавателей культурно-исторического своеобразия России. Но таким осознанием не ограничивается содержание их учения. Это осознание они обосновывают некоторой общей концепцией культуры и делают из этой концепции конкретные выводы для истолкования ныне происходящего. Сначала мы изложим указанную концепцию, затем перейдем к выводам, касающимся современности. И в одной и в другой области евразийцы чувствуют себя продолжателями идеологического дела названных выше русских мыслителей (славянофилов и примыкающих к ним).

Независимо от воззрений, высказанных в Германии (Шпенгер) и, при-

близительно, одновременно с появлением этих последних, евразийцами был выставлен тезис отрицания "абсолютности" новейшей "европейской" (т. е., по обычной терминологии, западноевропейской) культуры, ее качества были "завершением" всего доселе протекавшего процесса культурной эволюции мира (до самого последнего времени утверждение именно такой "абсолютности" и такого качества "европейской" культуры крепко держалось, отчасти же держится и сейчас, в мозгу "европейцев"; это же утверждение слепо принималось на веру высшими кругами общества "европеизированных" народов и, в частности, большинством русской интеллигенции). Этому утверждению евразийцы противопоставили признание относительности многих, и в особенности идеологических и нравственных достижений и установок "европейского" сознания. Евразийцы отметили, что европеец сплошь и рядом называет "диким" и "отсталым" не то, что по каким-либо объективным признакам может быть признано стоящим ниже его собственных достижений, но то, что просто не похоже на собственную его, "европейца", манеру видеть и действовать. Если можно объективно показать превосходство новейшей науки и техники, в некоторых ее отраслях, над всеми этого рода достижениями, существовавшими на протяжении обозримой мировой истории, то в вопросах идеологии и нравственности такое доказательство существенно невозможно. В свете внутреннего нравственного чувства и свободы философского убеждения, являющихся, согласно "евразийской" концепции, единственными критериями оценки в области идеологической и нравственной, многое новейшее западноевропейское может показаться и оказывается не только не выше, но, наоборот, ниже стоящим в сравнении с соответствующими достижениями определенных "древних" или "диких" и "отсталых" народов(4). Евразийская концепция знаменует собой решительный отказ от культурно-исторического "европоцентризма"; отказ, проистекающий не из каких-либо эмоциональных переживаний, но из определенных научных и философских предпосылок... Одна из последних есть отрицание универсалистского восприятия культуры, которое господствует в новейших "европейских" понятиях... Именно это универсалистское восприятие побуждает европейцев огульно квалифицировать одни народы как "культурные", а другие как "некультурные"... Следует признать, что в культурной эволюции мира мы встречаемся с "культурными средами" или "культурами", одни из которых достигли большего, другие — меньшего. Но точно определить, чего достигла каждая культурная среда, возможно только при помощи расчлененного по отраслям рассмотрения культуры. Культурная среда, низко стоящая в одних отраслях культуры, может оказаться и сплошь и рядом оказывается высоко стоящей в отраслях других. Нет никакого сомнения, что древние жители острова Пасхи в Великом Океане "отставали" от современных англичан по весьма многим отраслям эмпирического знания и техники; это не помешало им в своей скульптуре проявить такую меру оригинальности и творчества, которая недоступна ваянию современной Англии. Московская Русь XVI-XVII веков отставала от Западной Европы во множестве отраслей; это не воспрепятствовало созданию ею "самоначальной" эпохи художественного строительства, выработке своеобразных и примечательных типов "башенных" и "узорчатых" церквей, заставляющих признать, что в отношении художественного строительства Московская Русь того времени стояла выше большинства западноевропейских стран. И то же — относительно отдельных "эпох" в существовании одной и той же "культурной среды". Московская Русь XVI-XVII веков породила, как сказано, "самоначальную" эпоху храмового строительства, но ее достижения в иконописи знаменовали явный упадок по сравнению с новгородскими и суздальскими достижениями XIV-XV веков... Мы приводили примеры из области изобразительного искусства как наиболее наглядные. Но если бы также в области познания внешней природы мы стали различать отрасли, скажем, "теоретического знания" и "живого видения", то оказалось бы, что "культурная среда" современной Европы, обнаружившая успехи по части "теоретического знания", означает, в сравнении с многими другими культурами, упадок по части "живого видения": "дикарь" или темный мужик тоньше и точнее воспринимает целый ряд явлений природы, чем ученейший современный "естествовед". Примеры можно было бы умножать до бесконечности; скажем более: вся совокупность фактов культуры является одним сплошным примером того, что, только рассматривая культуру расчленение, по отраслям, мы можем приблизиться к сколь-либо полному познанию ее эволюции и характера. Такое рассмотрение имеет дело с тремя основными понятиями: "культурной среды", "эпохи" ее существования и "отрасли" культуры. Всякое рассмотрение приурочивается к определенной "культурной среде" и определенной "эпохе". Как мы проводим границы одной и другой, зависит от точки зрения и цели исследования. От них же зависит характер и степень дробности деления "культуры" на "отрасли". Важно подчеркнуть принципиальную необходимость деления, устраняющего некритическое рассмотрение культуры как недифференцированной совокупности... Дифференцированное рассмотрение культуры показывает, что нет народов огульно "культурных" и "некультурных". И что разнообразнейшие народы, которых "европейцы" именуют "дикарями", в своих навыках, обычаях и знаниях обладают "культурой", по некоторым отраслям и с некоторых точек зрения, стоящей "высоко"...

III

Евразийцы примыкают к тем мыслителям, которые отрицают существование универсального "прогресса". Это определяется, между прочим, вышеизложенной концепцией "культуры".

Если линия эволюции разно пролегает в разных отраслях, то не может быть и нет общего восходящего движения, нет постепенного неуклонного общего совершенствования: та или иная культурная среда и ряд их, совершенствуясь в одном и с одной точки зрения, нередко упадает в другом и с другой точки зрения. Это положение приложимо, в частности, к "европейской" культурной среде: свое научное и техническое "совершенство" она купила, с точки зрения евразийцев, идеологическим и более всего религиозным оскудением. Двусторонность ее достижений явственно выражена в ее отношении к хозяйству. В течение долгих веков истории Старого Света существовало некоторое единое соотношение между началом идеологически-нравственно-религиозным, с одной стороны, и началом экономическим — с другой, точнее, существовало некоторое идеологическое подчинение второго начала первому; именно проникнутость религиозно-нравственным моментом всего подхода к экономическим вопросам позволяет некоторым историкам экономических учений (например, старому, середины XIX в., немецко-венгерскому историку Каутцу, работы которого доныне не утратили некоторого значения) объединять в одну группу, в их отношении к экономическим проблемам, столь разные памятники, как некоторые литературные фрагменты Китая, иранское законодательство "Вендидада", Моисеево законодательство, произведения Платона, Ксенофонта, Аристотеля, средневековых западных богословов. Экономическая философия всех этих памятников есть, в известном смысле, философия "подчиненной экономики"; в них подчеркивается, как нечто необходимое и должное, связь удовлетворения наших экономических потребностей с общими началами нравственности и религии. Экономическая философия европейских "новых веков" противоположна этим воззрениям. Не всегда прямыми словами, но чаще основами мировоззрения, новая европейская экономическая философия утверждает круг экономических явлений как нечто самодовлеющее и самоценное, заключающее и исчерпывающее в себе цели человеческого существования... Было бы знаком духовной слепоты отрицать огромность тех чисто познавательных достижений, успехов в понимании и видении экономических явлений, которые осуществила и накопила новая политическая экономия. Но, выступая в качестве эмпирической науки и действительно в определенной и большой степени являясь таковой, новая политическая экономия в целом ряде своих положений вышла на умы и эпохи как метафизика... Подобно тому, как экономические идеи древних законодателей, философов и богословов связаны с определенными метафизическими представлениями, связаны с ними и экономические идеи новейших экономистов. Но если метафизика первых была философией "подчиненной экономики", метафизика вторых является философией "воинствующего экономизма". Этот последний есть, в некотором смысле, идеологическая цена, которую заплатила новая Европа за количественно огромный экономический подъем, который она пережила в новые века и, в особенности, за последнее столетие. Есть нечто поучительное в картине, как на исходе средних и в течение новых веков древняя мудрость нравственного завета, исконная, сдерживавшая себялюбивые инстинкты человека словом увещаний и обличения, философия "подчиненной экономики" рушится под напором новых идей нового времени, самонадеянно утверждающей себя теории и практики "воинствующего экономизма"(5).

Исторический материализм есть наиболее законченное и резкое выражение последнего. Отнюдь не случайна наблюдающаяся в эмпирически-идеологической действительности связь философии "подчиненной экономики", с одной стороны, и "воинствующего экономизма" — с другой, с определенным отношением к вопросам религии. Если философия "подчиненной экономики" всегда являлась и является придатком к тому или иному теистическому мировоззрению, то исторический материализм идеологически связан с атеизмом.

Ныне атеистическая сущность, скрывавшаяся в историческом материализме, сбросила с себя, как волк в сказке, прикрывавшую ее до поры до времени, для отвода глаз, овечью шкуру эмпирической науки; атеистическое мировоззрение свершает в России свое историческое торжество, государственная власть в руках атеистов и стала орудием атеистической проповеди. Не вдаваясь в рассмотрение вопроса об "исторической ответственности" за происшедшее в России и ни с кого не желая снимать этой ответственности, евразийцы в то же время понимают, что сущность, которая Россией, в силу восприимчивости и возбужденности ее духовного бытия, была воспринята и последовательно проведена в жизнь, в своем истоке, духовном происхождении не есть сущность русская. Коммунистический шабаш наступил в России как завершение более чем двухсотлетнего периода "европеизации". Признать, что духовная сущность государственно-господствующего в России коммунизма есть особым образом отраженная идеологическая сущность европейских "новых веков" — это значит сделать констатирование, эмпирически обоснованное в высокой мере (здесь нужно учесть происхождение российского атеизма от идей европейского "просвещения", занос социалистических идей в Россию

с Запада, связь русской коммунистической "методологии" с идеями французских синдикалистов, значение и "культ" Маркса в коммунистической России). Но, увидав идеологическую сущность европейских "новых веков" в подобном, доведенном до логического завершения виде, русские, не принявшие коммунизма и в то же время не утратившие способности мыслить последовательно, не могут вернуться к основам новейшей "европейской" идеологии.

Из опыта коммунистической революции вытекает для сознания евразийцев некоторая истина, одновременно старая и новая: здоровое социальное общежитие может быть основано только на неразрывной связи человека с Богом, религией; безрелигиозное общежитие, безрелигиозная государственность должны быть отвергнуты; это отвержение ничего не предрешает относительно конкретных конституционно-правовых форм; в качестве такой формы, в представлении евразийцев, может существовать безвредно, в известных условиях, например, и "отделение церкви от государства". Но, в существе, опять-таки высоко знаменательно, что первое, быть может, в мировой истории правление последовательно-атеистической и превратившей атеизм в официальное исповедание коммунистической власти оказалось "организованной мукой", по пророческому слову глубочайшего русского философа второй половины XIX века Леонтьева, системой потрясения и разрушения "общего блага" (во имя которого якобы водворялась коммунистическая власть) и такого надругательства над человеческой личностью, что бледнеют все образы и бессильны все слова в изображении страшной, небывалой, кощунственно-зверской реальности. И повторяем: то обстоятельство, что владычество первой последовательно-атеистической власти оказалось владычеством звероподобных отнюдь — не случайно. Исторический материализм и дополняющий его атеизм снимают узду и лишают сдержки первоначально животные (и в том числе первоначально экономические, сводящиеся к грабительским) человеческие инстинкты. Основной определяющей силой социального бытия в условиях идейного господства материализма и атеизма оказывается ненависть, и приносить плоды, ее достойные, — мучение всем, а рано или поздно не может не принести и последнего плода — мучения мучителям.

Россия осуществила торжество исторического материализма и атеизма; но те закономерности, которые проявились на ходе ее революции, касаются далеко не ее одной. Культ первоначально экономического интереса и всяческой животной первоначальности обильным всходом пророс в сознании народов также и вне пределов России; также и вне пределов ее он не может являться основой длительного и благополучного общежития. Разрушительные силы, накопляющиеся в этих условиях, рано или

поздно одолеют и здесь силу социального созидания. Проблему нужно ставить во всей ее глубине и ширине. Напору материалистических и атеистических воззрений нужно противопоставить идейную сущность, преисполненную драгоценного полновесного содержания... Здесь не может быть колебаний. С еще неслыханной прямотой и непреклонной решимостью — на широчайшем фронте и везде — необходимо начать и вести борьбу со всем, что хотя бы в малейшей степени связано с материализмом и атеизмом. Зло нужно прослеживать до корней, нужно в буквальном смысле искоренять его. Было бы поверхностной и бессильной попыткой бороться только с наиболее резкими проявлениями исторического материализма и атеизма и с одним коммунизмом. Проблема поставляется существеннее и глубже. Нужно объявить войну "воинствующему экономизму", в чем бы и где бы он ни проявлялся... Во имя религиозного мировоззрения нужно собирать силы; с горячим чувством, ясной мыслью и полнотой понимания борствовать против специфического духа новой Европы... Поскольку эта последняя дошла до того исторического и идеологического предела, на котором находится ныне, с большим вероятием можно утверждать, что в какой-то срок будущего произойдет одно из двух: или культурная среда новой Европы погибнет и рассеется, как дым, в мучительно-трагических потрясениях, или та "критическая", по терминологии сен-симонистов, эпоха, которая началась в Западной Европе с исходом средних веков, должна прийти к концу и смениться эпохой "органической", "эпохой веры". Нельзя сверх известной меры попирать безнаказанно древнюю мудрость, ибо в ней правда; не на основе возведения в высший принцип первоначально себялюбивых человеческих инстинктов, преподанного в философии "воинствующего экономизма", но на основе просветленного религиозным чувством обуздания и сдерживания этих инстинктов достижима высшая осуществимая на земле мера "общего блага". Общество, которое поддастся исключительной заботе о земных благах, рано или поздно лишится и их — таков страшный урок, просвечивающий из опыта русской революции...

Евразийцы пытаются до конца и всецело уяснить и осознать этот опыт, вывести из него все поучения, которые из него вытекают, и быть в этом деле бесстрашными в отличие от тех, кто в смятении и робости отшатнулся от звериного образа коммунизма, но не может отказаться от того, что составляет основу или корень коммунизма; кто, взявшись за плуг, глядит вспять; кто новое вино пытается влить в меха старые; кто, увидав новую истину отвратности коммунизма, не в силах отречься от старой мерзости "воинствующего экономизма", в какие бы формы ни облекался последний...

Личной веры недостаточно. Верующая личность должна быть соборна.

Евразийцы — православные люди. И Православная Церковь есть тот светильник, который им светит; к Ней, к Ее Дарам и Ее Благодати зовут они своих соотечественников; и не смущает их страшная смута, по наущению атеистов и богоборцев поднявшаяся в недрах Православной Церкви Российской. Верят они, что хватит духовных сил и что борение ведет к просветлению...

Православная Церковь есть осуществление высшей свободы; ее начало — согласие в противоположность началу власти, господствующему в отделившейся от нее Римской Церкви. И кажется евразийцам: в суровых делах мирских не обойтись без суровой власти; но в делах духовно-церковных только благодатная свобода и согласие суть благие руководители. "Европа" же, в некоторых своих частях, в делах мирских разрушает действенность власти и в делах церковных вводит тираническую власть...

Церковь Православная долгие века светила только тем народам, которые остались Ей верны; светила истинами своего вероучения и подвигами своих подвижников. Ныне, быть может, наступают иные сроки: современная Церковь Православная, продолжая преемство древней Церкви Восточной, получила от нее как основное начало своего бытия полную непредвзятость в подходе к формам экономического быта (столь противоположную приемам Западной Церкви, долгие века боровшейся, например, против взимания заемного процента(6)) и к достижениям человеческой мысли. И потому, быть может, именно Церковь Православная в наибольшей мере призвана, в рамках новой религиозной эпохи, осенить своим покровом достижения новейшей хозяйственной техники и науки, очистив их от идеологических "надстроек "воинствующего экономизма , материализма и атеизма, как в свое время в эпоху Константина, Феодосиев, Юстиниана, древняя Церковь Восточная умела осенять, в рамках подлинной и вдохновенной "эпохи веры", весьма сложный и развитой экономический быт и значительную свободу богословски-философствующего мышления... В современной хозяйственной технике и эмпирической науке, каково бы ни было их развитие, нет ничего, что исключало бы возможность их существования и процветания в недрах новой "эпохи веры". Сочетание современной техники и науки с идеологией "воинствующего экономизма" и атеизма вовсе не обязательно и не неизбежно.

С религиозной точки зрения, хозяйственная техника, каковы бы ни были пределы ее возможностей, есть средство к осуществлению Завета, вложенного Творцом в создание человеческого рода: "и да владычествуют они над рыбами морскими и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею..." Эмпирическая же наука, с религиозной точки зрения, есть раскрытие картины Божьего мира, по мере успехов знания все более совершенное и полное и все ясней обнаруживающее Премудрость Творца...

IV

Евразийство есть не только система историософских или иных теоретических учений. Оно стремится сочетать мысль с действием и в своем пределе приводить к утверждению, наряду с системой теоретических воззрений, определенной методологии действия. Основная проблема, которая в этом отношении стоит перед евразийством, есть проблема сочетания религиозного отношения к жизни и миру с величайшей, эмпирически обоснованной практичностью. Постановка этой проблемы обоснована всем характером евразийства. Евразийцы суть одновременно отстаиватели религиозного начала и последовательные эмпирики. Из фактов рождается их идеология; своей характеристикой российского мира как "евразийского" они как бы прилегают всем телом к каждой пяди родной земли, к каждому отрезку истории этого мира... Но недостаточно понимать факты, ими необходимо управлять в пластическом процессе истории. Поскольку люди, ощущающие мир религиозно, подходят к этой задаче, перед ними во всей своей обнаженно-наглядной и в то же время мистически-потрясающей реальности встает проблема зла. Евразийцы в предельной степени ощущают реальность зла в мире — в себе, в других, в частной и социальной жизни. Они менее всего утописты. И в сознании греховной поврежденности и проистекающего отсюда эмпирического несовершенства человеческой природы они ни в коем случае не согласны строить свои расчеты на посылке "доброты" человеческой природы. И раз это так, задача действия "в миру" встает как задача трагическая, ибо "мир во зле лежит". Трагизм этой задачи неизбывен; и единственно, к чему стремятся евразийцы, это в ладе своих мыслей и действий быть на высоте этого трагизма. И твердое философское убеждение и, мы сказали бы, сама природа русского исторического и национального характера, в котором соучаствуют евразийцы, исключают возможность сентиментального отношения к этой задаче. Сознание греховности мира не только не исключает, но требует смелости в эмпирических решениях. Никакая цель не оправдывает средства. И грех всегда остается грехом. Но, действуя "в миру", нельзя его устрашиться. И бывают случаи, когда нужно брать на себя его бремя, ибо бездейственная "святость" была бы еще большим грехом...

В практической области для евразийцев снята сама проблема "правых" и "левых" политических и социальных решений. Это подразделение неот-

разимо значимо для тех, кто даже в своих конечных целях держится единственно за ограниченные реальности человеческого существования, кто весь с головой ушел в понятия и факты политического и хозяйственного прикладничества. Кто так относится к этим вопросам, для того и нет иных ценностей, кроме конкретных политических и социальных решений, "левых" или "правых" по принадлежности; и за каждое такое решение каждый такой человек должен стоять неуклонно и "с остервенением", ибо вне таких решений для него нет никаких ценностей и от него самого, как величины духовной, ничего не остается. И если раз принятое политическое и экономическое направление окажется не отвечающим требованиям жизни и непрактичным, то последовательный человек все-таки будет за него держаться, ибо это направление — уже он сам. Не таково отношение к практическим решениям евразийца. Для него существенен религиозный упор, который обретается вне сферы политической и экономической эмпирики. Поскольку решения этой последней сферы допускают религиозную оценку, хорошим может быть в отдельных случаях и "правое" и "левое" решение, также как и плохим может быть и то и другое... Большое же число прикладнических решений безразлично с точки зрения религиозной. Понимая всю важность политического и хозяйственного прикладничества и в то же время не в нем полагая верховные ценности, евразийцы могут отнестись ко всей религиозно-безразличной сфере прикладничества с непредубежденностью и свободой, недоступной для людей иного мировоззрения. В практических решениях требования жизни, вне всякой предубежденности, являются для евразийца руководящим началом. И потому в одних решениях евразиец может быть радикальнее самых радикальных, будучи в других консервативнее самых консервативных. Евразийцу органически присуще историческое восприятие;и неотъемлемой частью его мировоззрения является чувство продолжения исторической традиции. Но это чувство не перерождается в шаблон. Никакой шаблон не связывает евразийца; и одно лишь существо дела, при полном понимании исторической природы явлений, просвечивает ему из глубины каждой проблемы...

Нынешняя русская действительность, более чем какая-либо другая, требует такого отношения "по существу". Отношение евразийцев к духовному началу революции выражено в предыдущем. Но в своем материально-эмпирическом облике, в созданном ею соотношении политической силы отдельных групп, в новом имущественном распределении она должна, в значительной своей части, рассматриваться как неустранимый "геологический" факт. Признать это вынуждает чувство реальности и элементарное государственное чутье. Из всех действенных групп "нереволюционного" духа евразийцы, быть может, дальше всех могут пойти по пути радикального и объемлющего признания факта. Факты политического влияния и имущественного распределения, которых в данном случае касается дело, не имеют для евразийцев первостепенного самоначального значения, являясь для них ценностями вторичными. Это облегчает для евразийцев задачу признания факта. Но факт во многих случаях исходит из мерзости и преступления. В этом тяжесть проблемы. Но раз мерзости и преступлению дано было по Воле Божьей превратиться в объективный исторической факт, нужно считать, что признание этого факта не противоречит Воле Божьей. Какая-то мера прямого фактопоклонства лежит в эмпирических необходимостях эпох, которым предстоит найти выход из революции. В плане религиозном эту необходимость фактопоклонства можно приравнять искушению, через которое надлежит пройти, не соблазнившись: воздать кесарево кесарю (т. е. учесть все эмпирические политико-хозяйственные требования эпохи), не отдав и не повредив Божьего. С точки зрения евразийцев, задача заключается в том, чтобы мерзость и преступление искупить и преобразить созданием новой религиозной эпохи, которая греховное, темное и страшное переплавила бы в источающее свет. А это возможно не в порядке диалектического раскрытия истории, которая механически, "по-марксистски", превращала бы все "злое" в "доброе", а в процессе внутреннего накопления нравственной силы, для которой даже и необходимость фактопоклонства не была бы одолевающим соблазном.

1925 г.

Примечание.

(1) От имени "Азия" как в русском, так и в некоторых романо-германских языках произведено два прилагательных: "азийский" и "азиатский". Первое, в историческом его значении, относится по преимуществу к той, обнимавшей западную часть нынешней Малой Азии римской провинции, а затем диоцезу, от которых получил впоследствии свое имя основной материк Старого Света. В первоначальном, более узком смысле, термины "Асия", "асийский", "асийцы" употреблены, например, в "Деяниях Апостолов" (главы 19 и 20). — Прилагательное "азиатский" имеет касательство ко всему материку. Корневой основой слов "Евразия", "евразийский", "евразийцы" служит первое, более древнее обозначение; однако не потому, чтобы, "азийство", в этом случае, возводилось исключительно к римским провинции и диоцезу, наоборот, евразийцы обращаются в данном случае к гораздо более широкому историческому и географическому миру. Но слово "азиатский", в силу ряда недоразумений, приобрело в устах европейцев огульно-одиозный оттенок. Снять эту, свидетельствующую только о невежестве, печать одиозности можно путем обращения к более древнему имени, что и осуществлено в обозначении "евразийства". "Азийским" в этом обозначении именуется культурный круг не только Малой, но и "большой" Азии... В частности же ту культуру, которая обитала в "Азии" времен апостольских и последующих веков (культуру эллинистическую и византийскую), евразийцы оценивают высоко и в некоторых отраслях именно в ней ищут прообразов для современного духовного и культурного творчества. Об этом см. ниже.

(2) С точки зрения причастности к основным историософским концепциям, "евразийство", конечно, лежит в общей со славянофилами сфере. Однако проблема взаимоотношения обоих течений не может быть сведена к простому преемству. Перспективы, раскрывающиеся перед евразийством, обусловлены, с одной стороны, размерами совершившейся катастрофы, а с другой — появлением и проявлением совершенно новых культурно-исторических и социальных факторов, которые, естественно, не участвовали в построениях славянофильского миросозерцания. Кроме того, многое, что считалось славянофилами основоположным и непререкаемым, за истекшие десятилетия частью изжило себя или же показало свою существенную несостоятельность. Славянофильство в каком-то смысле было течением провинциальным и "домашним". Ныне, в связи с раскрывающимися перед Россией реальными возможностями стать средоточием новой европейско-азиатской (евразийской) культуры величайшего исторического значения, замысел и осуществление целостного творчески-охранительного миросозерцания (каковым и считает себя евразийство) должны найти для себя соответственные и небывалые образы и масштабы.
(3) Последнее определение может претендовать на значительную историческую точность. Сущность византийской культуры определяется сочетанием многоразличнейших элементов. Токи религиозных, художественных и других импульсов, шедших с Востока, из Палестины, Сирии, Армении, Персии, Малой Азии, а также из некоторых частей Африки сопрягались здесь с восприятием западной государственной и правовой традиции (бытие и развитие в Византии римского права). Также соприкосновение со степными культурами, столь определительное для образа русской культуры, не прошло в свое время бесследно для Византии. И многое в византийских модах и нравах восходит к заимствованию у степных "варваров", последовательными волнами набегавших на границы империи.
(4) Это же положение приложимо к области искусства, в особенности к некоторым отраслям изобразительного искусства (художественное зодчество, ваяние, живопись), где недостаточность новейших "европейских" осуществлений, по сравнению с достигнутым более древними эпохами и другими народами, особенно явственна.
(5) "Воинствующий экономизм" как инстинктивно-стихийное начало человеческого бытия существовал и существует, конечно, везде и повсюду. Существенно, что в новой Европе этот принцип возведен в идеологическое начало.
(6) Церковь Восточная, отклоняя на Никейском Соборе 325 года предположение об издании запрета заемного процента, тем самым признала властное вмешательство в экономическую жизнь не приличествующим Церкви. На этом положении Церковь Восточная стояла во все последующие века, стоит и ныне... Практика Западной Церкви была иной. В ней запрет взимания заемного процента держался тысячелетие, и еще, например, Тюрго в XVIII веке был принужден считаться с ним, как с жизненной реальностью.

П. Н. Савицкий

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ЗАМЫСЕЛ

I

В человеческой деятельности поставление цели всегда бывает неразрывно связано с анализом существующего. Чуть не каждый, в ком не умерли воля и чувство, может повторить вслед за Марксом: "Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его" (тезисы о Фейербахе). Но не менее несомненно и то, что, лишь объясняя определенным образом мир, можно стремиться к его изменению.

Евразийцы объясняют окружающую их действительность и в то же время ставят своей задачей сделать ее иной.

Проблема русской революции есть тот основной стержень, около которого движется их мысль и их воля как мысль и воля людей русского мира и носителей русского призвания во вселенной.

Они чувствуют неслучайность революции. Они прозревают ее глубокий смысл. И в то же время знают, что нынешний этап русской революции не есть последний ее этап. Они готовят следующую ее фазу. Евразийство проникнуто движением. Они все в становлении, в усилии, в творчестве. Диалектика — любимое слово евразийцев. Она является для них символом и путем движения.

Евразийцы не боятся противоречий. Они знают, что из них соткана жизнь. Евразийцы живут в противопоставлениях. В своей системе они совмещают традицию и революцию. И они совершенно уверены, что в дальнейшем развитии событий не они, но история совместит эти начала.

Даже в нынешней советской действительности иного традиционного. Традиция отрицается, но она налицо. Одно из отличий евразийцев от других современных русских группировок заключается в том, что они явственно ощущают черты исторических преемств, уже и теперь пронизывающих революцию. Здесь можно было бы многое сказать и о политическом строе, и о строе экономическом (этатизм), и о постановке национального вопроса. Кое-что на эту тему мы скажем в дальнейшем. Тут же хотим подчеркнуть, что евразийцы не закрывают глаза на отрицательное в традиционном: на малое уважение к человеческой личности, к свободе ее самоопределения, на духовный гнет, на злоупотребление принуждением.

Но они видят не только отрицательное. Они видят и положительное - и в то же время русское, традиционное — в поставлении многих на служение общему делу, в обращении к инстинктам самопожертвования и аскезы, в грандиозности замысла и в силе организации.

Чрез все это нужно пройти, чтобы отыскать синтез между общим делом и интересами личности. Евразийцы стремятся к такому синтезу. И считают, что опыт революции его подготовляет.

II

Идея и понятие личности занимают центральное место в мировоззрении евразийцев. Они вносят их также и в проблемы философии истории. Культуру и культурно-исторические миры они понимают как особого рода "симфоническую личность". Традиция есть духовный костяк такой личности. Евразийцы крепят этот костяк в той культуре, к которой принадлежат, но делают это не в спазматической гримасе охранительного рвения, а в творческом усилии, ставящем своей целью приобщить к традиции вновь возникающее, в традиционном осуществить небывалое. Дело идет не о мертвой, механической традиции, но о традиции, преображенной и очищенной.

Русский мир евразийцы ощущают как мир особый и в географическом, и в лингвистическом, и в историческом, и в экономическом и во многих других смыслах. Это "третий мир" Старого Света, не составная часть ни Европы, ни Азии, но отличный от них и в то же время им соразмерный. Подчеркнем только, что Россию-Евразию евразийцы воспринимают как "симфоническую личность". Они утверждают непрерывность ее существования. Она живет и в СССР, но только не осознает в нем своего существования.

С точки зрения евразийцев, задача заключается в том, чтобы личностную природу евразийского мира возвести в сознательное начало. Замена в революционной России лозунгов Интернационала лозунгом укрепления и развития самодовлеющего мира России-Евразии уже способствовала бы в значительной мере примирению революции и традиции. Те побуждения, которые находятся в действии во всем том, что есть творческого и подлинного в "пятилетке", подготовляют эту замену. Но в СССР побуждения эти стоят под знаком враждебности к окружающему миру (называемому там "капиталистическим окружением"). Замысел евразийцев заключается в том, чтобы самоутверждение особого мира России-Евразии сделать фактором творческого сближения ее с окружающим миром.

Чем была Россия, ощущавшая себя частью Европы, входившая в систему европейских держав, как это было во весь период Империи? Несмотря на свою политическую силу, в культурном отношении она чувствовала

себя, а часто была третьестепенной Европой. Этой установкой максимально затруднялся творческий вклад России в мировую культуру. Кому интересны зады европейской цивилизации, когда можно обратиться к передовым ее представителям? И может ли существовать настоящий пафос культурного творчества там, где основной задачей является уподобление этим передовым представителям, где подражательность, а не творчество, является законом жизни? Что же касается настоящей Европы, то пренебрежение являлось и является единственно возможным отношением к этим своим задворкам.

Коммунисты несколько видоизменили установку старых русских западников либерального и радикального толка. Вопрос идет уже не о том, чтобы "догнать" Европу. Ставится задача "догнать" и "перегнать" Европу и Америку, причем наиболее важным является, конечно, задание "перегнать". Здесь уже возникает возможность творчества, но чисто механическая постановка задачи сковывает и здесь творческие импульсы.

Есть еще одно существенное различие между русскими западниками, либералами и радикалами, и западниками новыми — коммунистами. Первые хотели и хотят (ибо и сейчас существуют еще, хотя и совершенно вышли из моды) во всем и всецело уподобить Россию Европе, сделать ее как бы зеркальным отражением Европы, повторить в ней все европейские формы. Коммунисты основное свое учение (материализм и марксизм) заимствовали из Европы. Но в жизненной практике они осуществили нечто такое, чего ни в Европе, ни в Америке нет. И от этого своего осуществления они не желают отказываться. Совсем наоборот: осуществленное ими они желают навязать и всему остальному миру. Здесь-то и разверзлась пропасть между коммунистами и евразийцами. Ибо названное стремление несовместимо с личностным пониманием культуры. Утверждая личностную природу евразийской культуры, евразийцы ценят и чтят это качество и в других окружающих культурах. Уже и в чисто формальном смысле для них неприемлема установка навязывания своего решения другим культурам. Они желают сближения с другими. Но единственный внятный для них закон есть закон творческого взаимодействия.

И не менее важно то, что по существу коммунистическое решение не кажется им ни подлинным, ни окончательным. Они не скрывают от себя, что оно связано во многих чертах с определенными сторонами русской истории, выражает их и в себе несет. Но во многом оно символизирует худшие стороны русской истории, выражает собой ее ограниченность. И по основной концепции евразийцев, оно есть всего лишь преходящий этап, который должен смениться новым, евразийским, этапом.

Каким же должен быть этот этап? Из сказанного вытекает, что ответ

на этот вопрос лежит в плоскости культурно-исторической. Евразийцы притязают на политическую роль, они стремятся решить политическую проблему. Но эта роль и это решение вытекают, в их понимании, из определенной культурно-исторической установки.

Русская революция покончила с Россией как частью Европы. Она обнаружила природу России как особого исторического мира. Но в настоящее время это не более как намек и задание. Цель евразийцев — реализовать его в исторической действительности.

Только утвердив себя как духовно и материально самодовлеющий мир, Россия организует наилучшим образом и свои отношения с Европой. Чтобы сблизиться с Европой, нужно стать духовно и материально независимыми от нее. И евразийцы утверждают, что Россия имеет все предпосылки к такой независимости. Она представляет своеобразную географическую среду, в своих простых, широких очертаниях резко отличную от дробного строения Европы. Основные географические зоны (тундра, лес, степь, пустыня) располагаются здесь как полосы горизонтально подразделенного четырехполосного флага...

Что самое важное — в ней есть самостоятельная культурная традиция, достаточно сильная для того, чтобы обосновать независимое от Европы культурное развитие. В традиции этой запечатлены начала, связанные с Востоком и чуждые Западу.

Евразия достаточно целостна внутренне таковой задачей. В истории ее неизменно возникали движения, которые сопрягали в политическое единство все пространство евразийского мира географического, всю область "флагоподобного" расположения зон (скифская держава, гуннская, монгольская, русская). Единству политическому, возникающему с неизбежностью некоего природного факта, отвечает и единство внутреннее — взаимная тяга населяющих ее народов, некоторый строй "национального мира" в ряде проявлений своих резко констатирующего с теми национальными ненавистями и отталкиваниями, которыми полна Европа.

Все это создает предпосылки для творчества. Но творчество это, проходя чрез этап обособления, в конечной цели своей должно быть направлено к универсальной задаче.

Чем своеобразнее мир, чем оригинальнее культура, тем больше своих особых вопросов он может поставить. И вопросы эти, примененные к другим мирам и культурам, освещают неожиданным светом эти последние. Возникает внутреннее движение, взаимное влияние, основанное на интенсивном общении и понимании друг друга.

Народ не должен желать "быть, как другие". Он должен желать быть самим собой. Сократовский завет о познании себя остается в силе и тут.

Каждый народ должен быть личностью. А личность единственна и неповторима. И как раз единственностью и неповторимостью своей ценна и для других.

III

Подражатель наименее импонирует. Самостоятельный творец внушает почтение и привлекает.

В восприятии европейских начал русские находятся в наименее выгодном положении. Начала эти создавались без их участия. Здесь они чувствуют себя не мастерами, но учениками. Европейские решения не вросли в их плоть и кровь. Восприятие их будет всегда механическим.

Не только для самих себя, но и для того, чтобы дать нечто ценное и важное остальному миру, Россия должна следовать своими путями. Евразийцы понимают эти пути как строительство особого мира России-Евразии.

Из всех культурно-исторических миров нашей планеты — это есть мир наиболее широкого и наиболее многостороннего участия государства во всех отраслях и во всех проявлениях жизни.

Говоря европейским термином, евразийство есть среда наибольшего развития этатизма. Это проходит чрез всю его историю. Необычная концентрация народных сил под покровом и водительством центральной власти характеризует историю кочевых империй, существовавших на том пространстве, которое теперь заселено русским народом. Эта традиция была воспринята Московским государством, в котором все было "государево", от государя исходилось и делалось его именем. Огромные элементы централизма и хозяйственного имелись и в истории императорской России.

Глубоко знаменательна та форма, которую приняла в России "социалистическая революция". Она свелась к обобщению и обострению традиционно-русского централизма и этатизма.

Недостатки этой системы очевидны. Ее преимуществом являются возможность ставить и разрешать большие задачи, а также осуществляемое в ней первенство общего дела пред личной корыстью. Весьма вероятно, что в обоих этих смыслах русский опыт может оказаться полезным и для других культурно-исторических миров нашей планеты. Но в буквальном своем виде он к ним неприменим. Русский опыт вытекает из русской истории тех навыков, которые ею создавались, из того направления умов, которое ее сопровождало. Другие же миры жили своей, а не русской историей.

Тот этатизм, который проводят коммунисты, можно назвать этатизмом механическим. Огосударствлено все, без всякого разбора. Любое явле-

ние, стоящее не под государственным управлением и контролем, признается ненормальным и недопустимым.

Евразийцы признают огромное положительное значение этатизма. Они видят в нем основной стержень русской истории. Они уверены, что только широчайшим развитием государственной инициативы также и в хозяйственной области может быть обеспечено России достойное место ее в мире. Они знают также, что в очень многих вопросах именно Россия покажет своим примером, что может осуществить и чего может добиться государство. Но механическому этатизму коммунистов они противопоставляют диалектический этатизм, то есть такой, который знает себе противоположное, осознает свои пределы. Не может и не должно быть огосударствлено все. Должна быть принципиально Призвана сфера, которая не подлежит "национализации".

В экономической области система евразийцев именуется "государственно-частной". Евразийцы уверены, что в этой сфере деятельность государства может быть только в том случае целесообразной, гибкой и успешной, если наряду с государственным сектором будет существовать сектор частный. Основным надлежит признать первый из них. Именно он выражает собой принципы "общего дела". Частный сектор нужен функционально — для того, чтобы имелось мерило "добротности" государственно-хозяйственной деятельности, для того, чтобы избежать разложения государственного сектора в обстановке ничем не ограниченной монополии.

Евразийцы работают над планом мероприятий, которые сводили бы, главным образом, при помощи обязательного синдицирования основную государственную и восполняющую ее частную хозяйственную деятельность в органическое единство. Здесь существенно подчеркнуть ту связь, которая сопрягает евразийскую государственно-частную систему с их пониманием значения личности.

Высшим призванием личности они считают служение общему делу; они полагают, что в таком служении личность приобретает и высшую свободу — не в формальном, но в материальном смысле этого слова: возможность осуществлений. Но для того, чтобы служение это не превратилось в закрепощение, в нем должна присутствовать свобода выбора. Разнообразие форм экономической жизни обеспечивает личности и эту свободу. Евразийцы отдают себе отчет в том, что выдвигаемое ими решение тесно связано с русскими условиями. Оно опирается на ход русской истории, учитывает то состояние, в котором в настоящее время находится СССР. Но это не исключает возможности, что русское решение совпадет с устремлениями, возникающими в нерусской среде. Несколько позже евразийцев европейская мысль, в лице, например, Зомбарта, тоже приходит к концепции свое-

образной "государственно-частной системы". Только она приходит к ней от единодержавия частно-хозяйственной деятельности. Евразийцы же свое решение противопоставляют механическому этатизму коммунистов.

IV

Евразийцы являются горячими сторонниками планового начала. Нет, быть может, другого вопроса, в котором мировое значение русской революции было бы столь значительным, как именно в вопросе внедрения идеи и практики плана, охватывающего собой всю совокупность жизни страны. Идея эта не принадлежит русским коммунистам. Но коренится в особенностях русской истории... Механическому этатизму коммунистов отвечают и механические методы выполнения плана в порядке прямого административного приказа, без всякого учета рынка как самостоятельной проверочной стихии.

Диалектическому этатизму евразийцев отвечает диалектическое понимание плана как действия на рынок и через рынок экономически вооруженного государства. Диалектика здесь заключается в том, что приказывающее государство признает не сводимое только к приказу, и овладевает рынком не полицейскими, но экономическими мерами. Это прежде всего страхует само государство от неудачи, ибо дает возможность проверки решений и методов. План, проводимый полицейскими .средствами, неизбежно превращается в карикатуру на план...

Плановое хозяйство есть огромный рычаг социальной политики. Оно направлено на обеспечение интересов труда. Делая накопление преимущественной функцией государства, оно позволяет идти в этом направлении так далеко, как не может идти государственная регулировка при сохранении полноты частно-хозяйственного уклада. В то же время существование частного сектора страхует рабочих от возможных злоупотреблений государства, которое, при отсутствии этого сектора, являлось бы работодателем-монополистом.

Возобладание планового хозяйства означало бы возведение Социальной жизни на новую, высшую ступень. Эту возможность евразийцы толкуют религиозно. Они видят в ней раскрытие природы человека как образа и подобия Божия, выражающееся во внесении космического лада в хаос отдельных, на этот раз экономических, фактов.

V

В социологическом смысле евразийцы понимают революцию прежде всего как смену ведущего слоя. Ведущий слой есть та Первая реальность, которую они видят в государственной жизни.

Во всяком государственном порядке можно различить властвование определенной группы людей, объединенных тем или иным признаком...

Евразийцы конструируют понятие новой формы государственного строя, в которой принадлежность к ведущему отбору связана с исповеданием и служением определенной идее. Эту форму они называют идеократической. Элементы подобного рода имеются при любом государственном порядке: их можно обнаружить и в аристократии, и в геронтократии, и даже в плутократии. Но во всех этих случаях общность мировоззрения есть производное от общности каких-то иных признаков. И только в идеократии названный момент становится самостоятельным и основным началом в формировании ведущего слоя.

Так как же можно определить революцию с точки зрения теории ведущего слоя? Это есть гибель старого ведущего отбора и нарождение нового. Только там, где есть изменение подобного рода, и можно, по мнению евразийцев, говорить о революции в точном смысле этого слова.

Подготовительный этап революции очень характерно сопровождается симптомами разложения старого правящего слоя. Оно выражается в ощущении недовольства и неуверенности, в нем появляющемся, в моральной депрессии и более всего — в утрате чувства своего права на власть. События стихийного порядка выводят на сцену новых людей. Смена личного состава сопровождается обыкновенно и изменением тех принципов, на основе которых формуется ведущий слой. Так, например, для европейских революций типична смена аристократического принципа принципом плутократическим.

В современности замечается явная тяга к идеократии, к созданию такого порядка, при котором ведущий слой создавался бы на основе общности убеждений и служения им. Мы не станем называть европейских явлений, в которых присутствуют идеократические элементы. Скажем только, что и в русской коммунистической революции действуют те же начала, и проявление их хронологически предшествует европейским событиям.

Но коммунистическая идеократия, не признавая самостоятельного значения идеи в истории, тем самым, по определению евразийцев, является лже-идеократией. К тому же нет никаких оснований предполагать, что при переходе от прежних форм государственной жизни к новым "идея-правительница" будет найдена сразу. Наоборот, каждый, кто хотя бы поверхностно был знаком с природой революций, мог бы с уверенностью предсказать, что первоначально возьмут верх утопические идеи, крайние увлечения, которые наиболее сродни такому стихийному и бурному, в своих первых этапах, явлению как революция. И только постепенно будет складываться идея, господство которой может обеспечить устойчивый порядок. Коммунизм, в его разных проявлениях, поворотах и вариантах, и представляет собой эту утопическую стихию, реализующуюся в процессе революции. Евразийцы работают над созданием идеи, которая могла бы прийти на смену ему.

Длительность господства коммунизма отнюдь не является опровержением этой схемы. Ведь нужно принять во внимание значительность тех масштабов, в которых развертываются все события русской истории, и силу той инерции, которая при этом создается. Этап, который в европейских условиях продолжается всего лишь несколько лет, в русской обстановке может занять несколько десятилетий. Это не отменяет основной социологической закономерности, лежащей в основе последовательной смены этапов.

Утопия не оказывается бесплодной. Она вводит в оборот целый ряд явлений в фактов, которые без ее содействия не выступили бы на поверхность жизни. Но заключительная фаза революции наступает в тот момент, когда революционная утопия вступает в симбиоз с традицией и, тем самым, теряет свой утопический характер, когда не только силы возобладавших фанатиков, но и все наличные силы страны бывают приведены в движение в определенном направлении. Тогда и приобретает устойчивость новый порядок.

Сила жизни, а не только евразийцы работает в том направлении, чтобы абстрактные лозунги интернационализма коммунизма были заменены порывом к самоутверждению особого мира России-Евразии. Уже и нынешняя советская действительность стоит, в этом отношении, на полпути между абстрактным коммунизмом и евразийством, хотя самое слово "евразийство" является запрещенным. Огромные стихийные силы работают и в том направлении, чтобы коммунистический "механический этатизм" был сменен евразийским "диалектическим этатизмом", чтобы все стороны человеческого духа были призваны к работе на экономическое благополучие страны.

Все сказанное выше можно резюмировать в нижеследующих чертах: русская революция, как и каждая революция, сводится к смене ведущего слоя. К настоящему моменту смена уже произошла. И каждый, кто представляет себе возможность устранить этот вновь создавшийся ведущий слой и заменить его каким-то другим (например, импортированным из-за границы) людским составом, предается бесплодной игре воображения. Вопрос может касаться устранения всего лишь отдельных лиц или отдельных групп. Дело идет о перегруппировках в пределах этого правящего отбора, о насыщении его новыми, как раз теперь создающимися, идейными импульсами.

По мнению евразийцев, европейский демократический строй как таковой решительно неприменим к условиям России. Евразийцы не отрицают, что в европейской обстановке он может являться годным решением. Но в том-то и заключается качество России как особого мира, что в России обстановка иная. Там, где широко развитой этатизм и "плановое хозяйство" есть жизненная реальность, в государственной жизни должна существовать определенная "константа", некоторый стержень, который давал бы устойчивость жизни государственного целого.

Такой "константой", по мысли евразийцев, и должна являться организация ведущего слоя, образованного на идеократических началах и снабженного определенными конституционными правами. Эту организацию евразийцы называют "государственным активом".

Но действие ее должно опять-таки быть "диалектическим", а не механическим, не должно сводиться к "зажиму". Он должен определяться сотрудничеством "государственного актива" с системой представительных учреждений (советов). Коренное отличие евразийских советов от той фикции их, которая существует в настоящее время в СССР, заключается в том, что евразийцы считают необходимым все свои силы сосредоточить на обеспечении свободы выборов.

Только при этом условии вся система приобретает подлинно диалектический характер: властная организация, костяк государственной жизни — государственный актив признает и нечто, от него отличающееся, ему противоположное — стихию меняющихся народных настроений, учитывает ее и считается с нею.

Этот строй в его совокупности евразийцы именуют "демотическим". В фундаменте его лежит идеократический принцип, которым и определяется жизнь "государственного актива".

VI

В контрасте с огромным развитием в истории евразийского мира принудительно-государственного центра режим национальностей и религиозная жизнь традиционно определяются в нем некоторыми непринудительными началами. Природе его чужды стремления вынудить ту или иную часть населения к изменению своей национальности или веры. Евразийское государство всегда понимало себя как "собор национальностей" и "собор вер".

Черты такой установки мы распознаем уже в скифской и гуннской державах, существовавших на нынешней территории России-Евразии в первое тысячелетие после Рождества Христова. Величайшей национальной и религиозной терпимостью (резко контрастировавшей с тогдашним европейским укладом) отмечалась монгольская держава XIV — XVIII веков, объявшая почти весь Старый Свет. Элементы религиозной свободы присутствовали и в весьма православном по своему укладу Московском государстве. Так, например, Иоанн Грозный ощущал себя покровителем не только православного, но и мусульманского вероисповедания. Здесь была руководящей та своеобразная формула терпимости, которая издавна выработалась в истории кочевых держав и гласила, что плохо то государство, в котором нет разнообразия языков и вер. Нетрудно объяснить тот, представляющий на первый взгляд, контраст между огромной силой принудительно-государственного центра, с одной стороны, и режимом непринудительности в национальном и религиозном вопросах — с другой, который мы наблюдаем в истории евразийского мира. Логика государственной жизни подсказывала, что широчайшая национальная и религиозная терпимость есть единственная возможная форма существования этих империй.

В евразийской истории отказ от терпимости всегда указывал на внутреннее разложение власти. Таковы были омусульманившиеся наследники монгольских держав, существовавших в XV-XVIII веках. Такова была русская власть позднего императорского периода с ее политикой "русификации".

Давая свободу и простор употреблению и развитию всех многообразных языков Евразии, коммунистическая власть, несомненно, примыкает к здоровой и творческой евразийской традиции. Требуя от всех коммунистического исповедания и обязательного безбожия, она, несомненно, попирает ее.

Евразийцы в обоих отношениях стоят на почве традиции. Как в национальном (языковом) вопросе, так и в вопросе религиозном они исповедуют принципы свободы. Россию-Евразию они воспринимают как единство. Они не согласны идти с теми, кто в своекорыстных интересах желает разорвать на клочки это единство. Более того, они совершенно уверены, что такие попытки не могут удаться, а если удадутся, то лишь на короткий срок — и более всего бед принесут своим авторам. Такие попытки противоречат природе вещей.

Наше время есть эпоха создания огромных экономических объединений, "государств-материков", охватывающих большие пространства и обеспечивающих в своих пределах беспрепятственность и устойчивость экономического оборота. Тенденция эта сказывается также и вне России-Евразии. Эта последняя по своим географическим особенностям и по своей истории представляет собой идеальный пример "государства-материка". И география, и история, и потребности современной жизни в равной степени противоборствуют ее расчленению.

Дело заключается в том, чтобы найти в ее пределах должные формы сожительства наций. Евразийцы понимают Россию как "собор народов". Они считают, что и политическое объединение этой огромной территории является результатом усилий не одного лишь русского народа, но и многих народов Евразии. Это должно найти выражение не только в чисто культурной области, но и в формах государственного устройства. В пределах общеевразийского политического единства каждому народу Евразии должна быть обеспечена область самостоятельной государственной жизни.

"Самоопределение национальностей", которое провозглашает коммунистическая власть, в значительной степени фиктивно. Это "самоопределение", даже в чисто культурной области, сводится к возможности усваивать на национальных языках коммунистическую идеологию. Ведь каждая национальная культура должна быть, по учению коммунистов, "национальной по форме, но коммунистической по содержанию".

Евразийцы глубоко ценят коренное своеобразие каждого народа. Их основное усилие направлено к тому, чтобы каждому народу обеспечить возможность выявления и развития его действительных и неповторимых качеств. И они уверены, что так называемые национальные особенности будут складываться в некоторую гармонию, будут порождать явления широкого и творческого общеевразийского национализма.

Заменить в качестве руководящего принципа в жизни России-СССР коммунистический интернационализм общеевразийским национализмом и является одной из основных задач евразийства.

Ни в одной области несостоятельность коммунизма не проявляется в такой степени, как в чисто идеологической и философской. Возобладает тот, кто подымется до уровня эпохи.

А наша эпоха не только в политической сфере обнаруживает "идеократические" тенденции. "Идеократична" она и в смысле философском. Все более выясняется значение модели, прообраза, идеи как в мире природы, так и в мире истории. Идея подчиняет себе материю, воплощается в ней, становится неотрывна от материи, делается организационной идеей. Современная физика показывает нам значение организационных идей, положенных в основу мироздания. Современная теория эволюции обнаруживает тот подбор их, которым определяется развитие органического мира. Нечто подобное вырисовывается и в философии истории. Исторический процесс понимается здесь как последовательная смена организационных идей, как их зарождение, развитие и упадок. И даже такое социологическое явление как "класс" (именно марксистами выдвигаемый на первый план социальной жизни) невозможен вне наличия идеи, его образующей. "Класс" как социологический феномен создается идеей класса — можно говорить о классообразующей силе идеи.

И нет другого более яркого примера самостоятельного значения идеи в истории, чем судьба русского коммунизма. Своей материальной основой он считает рабочий класс и промышленность. Эта основа в русских условиях была минимальна. И все-таки в первых этапах революции коммунисты одолели всех своих многочисленных противников, ибо владели наиболее вразумительной и яркой организационной идеей ("диктатура пролетариата") и наиболее ревностно служили ей. Единственное в русском марксизме живое движение мысли идет в сторону идеократического перерождения марксизма, первенства идеи прообраза над материальным субстратом, исследования факторов, к ней относящихся.

Философия евразийства есть именно философия организационной идеи. От материализма, в его классическом виде, она отграничена также резко, как и от всякого отвлеченного идеализма. Идеализм не имеет приводных ремней к материализму. Евразийцы отмечены совершенно исключительным вниманием к материальному, даже особым чутьем к нему. Недаром их часто обвиняют в "географическом материализме", материализме историческом и т.д. Но то материальное, с которым они имеют дело, — это материя, проникнутая идеей, это материя, в которой дышит Дух.

В истории евразийцы изучают организационные идеи и их носителей. И мысль их обращена к Носителю тех идей, которыми живет мироздание. Философия евразийства имеет религиозное завершение. Евразийцы далеки от мысли кого бы то ни было приводить к Богу путем давления и насилия. Но они живо ощущают Божественную природу мира. Каждая из его отраслей имеет свою самозаконную ритмику развития, но все они вместе складываются в гармоническое единство.

Евразийцы знают, что русская философская мысль и философская мысль других народов Евразии только тогда поднимутся на достойную их небывалую высоту, когда снова, после пережитых испытаний, загорится в просторах Евразии ярким огнем религиозное вдохновение. И евразийцы решительно отвергают коммунистический тезис о существовании какого бы то ни было противоречия между религиозным началом и новым социальным строем. Как раз наоборот; новый строй обретет полноту и устойчивость в тот момент, когда просветится внутренним религиозным светом.

Совершенно нелепы утверждения, что христианство соединимо с любым социальным укладом. Например, строй государственного хозяйства,

освобожденный от личной корысти и проникнутый, в своем пределе, мыслью об общем благе, никак не менее соединим с христианством, чем, например, частно-хозяйственный уклад.

Евразийцы стремятся к созданию новой социальной эпохи. В то же время, по их упованию, эпоха эта будет эпохой веры.

Здесь раскрывается, в особом повороте, сказанное выше о сочетании революции и традиции. Наиболее жизненное из осуществленного революцией должно сопрячься с наиболее просветленным в традиции.

1933 г.

П. Н. Савицкий

О ВНЕПАРТИЙНОСТИ

Либеральная, либерально-монархическая и просто монархическая эмигрантская (да и не только эмигрантская) общественность любит прикрываться словами о "внепартийности", о "надпартийном" национальном интересе и т. п. Пора отгородить евразийство от подобного рода разговоров, Партия должна рассматриваться как организация действия. Тот, кто говорит о внепартийности, — в существе отказывается от воплощения своих убеждений в действии, волевую собранность и программную определенность подменяет расплывчатыми "хорошими словами" или, проще говоря, размазнею, обнаруживает свою природу ни горячего, ни холодного, показывает свою негодность. С такими евразийцами не по пути... Наступает эпоха правления партии(1) . Те партии, которые выступают в эту эпоху, имеют мало общего с партиями прошлого. Само слово "партия" производилось в прошлом от понятия "pars civitatis", — подразумевало одну из групп, действовавших в рамке социально государственного целого. Новая — единая и единственная партия — знаменует собою "часть света" (partem mundi), нацию, или группу наций, в ее целом. Новая партия — есть "активный нумен нации" (или группы наций), их стяженное воплощение.

Правление партии есть в то же время идеократия, правление идеи. Ибо партия есть служительница идеи, выраженной в ее мировоззрении и программе. В евразийском месторазвитии действительная идеократия будущего "нумена нации", единой и единственной партии — предваряется коммунистической лже-идеократией, отрицающей само существование идеи и уничтожаемая, как идея, отрывом от Личности и отрывом от Бога, отпадением от религиозной составляющей мира. Но сознанию уже предносится новая партия евразийского месторазвития; партия, отвечающая традиции и потребности этого месторазвития — в сильной и собранной власти; партия, железная спайка которой проникнута духом братства; партия — со своей символикой и своей мистикой; партия, которая использует и включает в себя потребности и навыки русского сектантства — и обращает их на служение нравственным заповедям Церкви и мирскому государственному делу; партия, строящая культуру как систему — что возможно для нее, "нумена нации", — и недоступно для коммунистической лже-идеократии, последышу ущербленного мировоззрения марксизма...

Необходимости наступающей эпохи указывают, что национальная идея России и евразийская идея наднационального строя на национальной основе, — выльется в строгие и собранные формы национальной организации, Партии, носительницы и выразительницы потребностей и воли великой "партиемунди" — Евразии.

1927 г..

Примечания

(1) Эпоха, в нашем понимании, не есть временной отрезок; это есть совокупность явлений.

П. Н. Савицкий

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСТВА

Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться "срединным государством" ("Чжун-го" по-китайски). И чем дальше будет идти время, — тем более будут выпячиваться эти основания. Европа для России есть не более, чем полуостров Старого материка, лежащий к западу от ее границ. Сама Россия на этом материке занимает основное его пространство, его торс. При этом общая площадь европейских государств, вместе взятых, близка к 5 млн. км^2. Площадь России, в переделах хотя бы современного СССР, существенно превосходит 20 млн. км^2 (в особенности если причислить к ней пространство Монгольской и Тувинской народных республик — бывших "Внешней Монголии" и "Рянхойского края", фактически находящихся в настоящий момент на положении частей Советского Союза).

За редким исключением русские люди конца XIX — начала XX в. забывали о зауральских пространствах (один из тех, кто помнил о них, был гениальный русский химик Д. И. Менделеев). Ныне наступили иные времена. Весь "Уральско-Кузнецкий комбинат" с его домнами, угольными шахтами, новыми городами на сотню-другую тысяч населения каждый — строится за Уралом. Там же воздвигают "Турксиб". Нигде экспансия русской культуры не идет так широко и так стихийно, как в другой части Зауралья — в т.н. "среднеазиатских республиках" (Туркмения, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия). Оживает весь торс русских земель — "от стрелок Негорелого до станции Сучан". Евразийцы имеют свою долю заслуги в этом повороте событий. Но с тем вместе совершенно явственно вскрывается природа русского мира как центрального мира Старого материка. Были моменты, когда казалось, что между западной его периферией — Европой, к которой причислялось и Русское Доуралье ("Европейская Россия" старых географов), — и Азией (Китаем, Индией, Ираном) лежит пустота. Евразийская установка русской современности заполняет эту пустоту биением живой жизни. Уже с конца XIX в. прямой путь из Европы в Китай и Японию лежит через Россию (Великая Сибирская железная дорога). География указывает с полной несомненностью, что не иначе должны пролегать дороги из Европы (во всяком случае, северной) в Персию, Индию и Индокитай. Эти возможности к настоящему времени

еще не реализованы. Транспесидская железная дорога, прорезывающая Персию в направлении с северо-запада на юго-восток и связанная с железнодорожной сетью как Британской Индии, так и Европы (через Закавказье, Крым и Украину), была близка к осуществлению накануне мировой войны. В настоящее время, в силу политических обстоятельств, она отошла в область беспочвенных проектов. Нет связи между железными дорогами русского Туркестана ("среднеазиатских республик") и Индии. Нет ориентации русской железнодорожной сети на транзитное европейско-индийское движение. Но рано или поздно такое движение станет фактом — будь то в форме ж.-д. путей, автолюбительских линий или воздушных сообщений. Для этих последних кратчайшие расстояния, даваемые Россией, имеют особенно большое значение. Чем больший вес будут приобретать воздушные сообщения со свойственным этому роду сношений стремлением летать по прямой, — тем ясней будет становиться роль России-Евразии как "срединного мира". Установление трансполярных линий может еще больше усилить эту роль. На дальнем севере Россия на огромном пространстве является соседом Америки. С открытием путей через полюс или, вернее, над полюсом она станет соединительным звеном между Азией и Северной Америкой.

В последующих статьях говорится о стремлении евразийцев дать духовный синтез восточных и западных начал. Здесь важно указать на те соответствия, которые являет этому стремлению область геополитики. Россия-Евразия есть центр Старого Света. Устраните этот центр — и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в "рассыпанную храмину". Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от "классической" Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все. Это очевидно в современности, это станет еще явственней в будущем. Связывающая и объединяющая роль "срединного мира" сказывалась и в истории. В течение ряда тысячелетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам. Заняв все пространство от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией, кочевники служили посредниками между разрозненными, в своем исходном состоянии, мирами оседлых культур. И, скажем, взаимодействия между Ираном и Китаем никогда в истории не были столь тесными, как в эпоху монгольского владычества (XII-XIV вв.). А за тринадцать — четырнадцать веков перед тем исключительно и только в кочевом евразийском мире пересекались лучи эллинской и китайской культур, как то показали новейшие раскопки в Монголии. Силой не устранимых фактов русский

мир призван к объединяющей роли в пределах Старого Света. Только в той мере, в какой Россия-Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и пре вращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур Старого материка, снимается противоположение между Востоком и Западом. Это обстоятельство еще недостаточно осознано в наше время, но выраженные в нем соотношения лежат в природе вещей. Задачи объединения суть в первую очередь задачи культурного творчества. В лице русской культуры в центре Старого Света выросла к объединительной и примирительной роли новая и самостоятельная историческая сила. Разрешить свою задачу она может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада. В подобной обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу — особенность русской культуры и геополитики. Для России это два равноправных ее фронта — западный и юго-восточный. Поле зрения, охватывающее в одинаковой и полной степени весь Старый Свет, может и должно быть русским, по преимуществу, полем зрения.

Возвращаемся, однако, к явлениям чисто географического порядка. По сравнению с русским "торсом", Европа и Азия одинаково представляют собою окраину Старого Света. Причем Европой, с русско-евразийской точки зрения, является, по сказанному, все, что лежит к западу от русской границы, а Азией — все то, что лежит к югу и юго-востоку от нее. Сама же Россия есть ни Азия, ни Европа — таков основной геополитический тезис евразийцев. И потому нет "Европейской" и "Азиатской" России, а есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Урала, как есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Енисея, и т.д. Евразийцы продолжают: Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир. Чем же этот мир отличается от Европы и Азии? Западные, южные и юго-восточные окраины старого материка отличаются как значительной изрезанностью своих побережий, так и разнообразием форм рельефа. Этого отнюдь нельзя сказать об основном его "торсе", составляющем, по сказанному, Россию-Евразию.

Он состоит в первую очередь из трех равнин (беломорско-кавказской, западносибирской и туркестанской), а затем из областей, лежащих к востоку от них (в том числе из невысоких горных стран к востоку от р. Енисей). Зональное сложение западных и южных окраин материка отмечено "мозаически-дробными" и весьма не простыми очертаниями. Лесные, в естественном состоянии, местности сменяются здесь в причудливой последовательности, с одной стороны, степными и пустынными областями, с другой, — тундровыми районами (на высоких горах). Этой "мозаике"

противостоит на срединных равнинах Старого Света сравнительно простое, "флагоподобное" расположение зон. Этим последним обозначением мы указываем на то обстоятельство, что при нанесении на карту оно напоминает очертания подразделенного на горизонтальные полосы флага. В направлении с юга на север здесь сменяют друг друга пустыня, степь, лес и тундра. Каждая из этих зон образует сплошную широтную полосу. Общее широтное членение русского мира подчеркивается еще и преимущественно широтным простиранием горных хребтов, окаймляющих названные равнины с юга: Крымский хребет, Кавказский, Копетдаг, Парапамиз, Гиндукуш, основные хребты Тянь-Шаня, хребты на северной окраине Тибета, Ин-Шань в области Великой китайской стены. Последние из названных нами хребтов, располагаясь в той же линии, что и предыдущие, окаймляют с юга возвышенную равнину, занятую пустыней Гоби. Она связывается с туркестанской равниной через посредство Джунгарских ворот.

В зональном строении материка Старого Света можно заметить черты своеобразной восточно-западной симметрии, сказывающейся в том, что характер явлений на восточной его окраине аналогичен такому же на западной окраине и отличается от характера явлений в срединной части материка. И восточная и западная окраины материка (и Дальний Восток, и Европа) — в широтах между 35 и 60 град. северной широты в естественном состоянии являются областями лесными. Здесь бореальные леса непосредственно соприкасаются и постепенно переходят в леса южных флор. Ничего подобного мы не наблюдаем в срединном мире. В нем леса южных флор имеются только в областях его горного окаймления (Крым, Кавказ, Туркестан). И они нигде не соприкасаются с лесами северных флор или бореальными, будучи отделены от них сплошною степно-пустынною полосою. Срединный мир Старого Света можно определить, таким образом, как область степной и пустынной полосы, простирающейся непрерывною линией от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным ее обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от нее (лесная и тундровые зоны). Этот мир евразийцы и называют Евразией в точном смысле этого слова (Eurasia sensu stricto). Ее нужно отличать от старой "Евразии" А. фон Гумбольдта, охватывающей весь Старый материк (Eurasia sensu latiore).

Западная граница Евразии проходит по черноморско-балтийской перемычке, т.е. в области, где материк суживается (между Балтийским и Черным морями). По этой перемычке, в общем направлении с северо-запада на юго-восток, проходит ряд показательных ботанико-географических границ, например, восточная граница тиса, бука и плюща. Каждая из них, начинаясь на берегах Балтийского моря, выходит затем к берегам моря Черного. К западу от названных границ, т.е. там, где произрастают еще упомянутые породы, простирание лесной зоны на всем протяжении с севера на юг имеет непрерывный характер. К востоку от них начинается членение на лесную зону на севере и степную на юге. Этот рубеж и можно считать западной границей Евразии, т.е. ее граница с Азией на Дальнем Востоке переходит в долготах выклинивания сплошной степной полосы при ее приближении к Тихому океану, т.е. в долготах Хингана.

Евразийский мир есть мир "периодической и в то же время симметрической системы зон". Границы основных евразийских зон со значительной точностью приурочены к пролеганию определенных климатических рубежей. Так, например, южная граница тундры отвечает линии, соединяющей пункты со средней годовой относительной влажностью в 1 час дня около 79,5%. (Относительная влажность в час дня имеет особенно большое значение для жизни растительности и почв.) Южная граница лесной зоны пролегает по линии, соединяющей пункты с такой же относительной влажностью в 67,5%. Южной границе степи (на ее со прикосновении с пустыней) отвечает одинаковая относительная влажность в 1 час дня в 55,5%. В пустыне она повсюду ниже этой величины. Здесь обращает на себя внимание равенство интервалов, охватывающих лесную и степную зоны. Такие совпадения и такое же ритмическое распределение интервалов можно установить и по другим признакам (см. нашу книгу "Географические особенности России", часть 1, Прага 1927). Это и дает основание говорить о "периодической системе зон России-Евразии". Она является также системою симметрической, но уже не в смысле восточно-западных симметрий, о которых мы говорили в предыдущем, но в смысле симметрий юго-северных. Безлесию севера (тундра) здесь отвечает безлесие юга (степь). Содержание кальция и процент гумуса в почвах от срединных частей черноземной зоны симметрически уменьшаются к северу и к югу. Симметрическое распределение явлений замечается и по признаку окраски почв. Наибольшей интенсивности она достигает в тех же срединных частях горизонтальной зоны. И к северу, и к югу она ослабевает (переходя через коричневые оттенки к белесым). По пескам и каменистым субстратам — от границы между лесной и степной зонами — симметрично расходятся: степные острова к северу и "островные" леса к югу. Эти явления русская наука определяет как "экстразональные". Степные участки в лесной зоне можно характеризовать, как явление "югоносное", островные леса в степи суть явления "североносные". Югоносным формациям лесной зоны отвечают североносные формации степи.

Нигде в другом месте Старого Света постепенность переходов в пределах зональной системы, ее "периодичность" и в то же время "симметричность" не выражены столь ярко, как на равнинах России-Евразии.

Русский мир обладает предельно прозрачной географической структурой. В этой структуре Урал вовсе не играет той определяющей и разделяющей роли, которую ему приписывала (и продолжает приписывать) географическая "вампука". Урал, "благодаря своим орографическим и геологическим особенностям, не только не разъединяет, а, наоборот, теснейшим образом связывает "Доуральскую и Зауральскую Россию", лишний раз доказывая, что географически обе они в совокупности составляют "один нераздельный континент Евразии". Тундра, как горизонтальная зона, залегает и к западу, и к востоку от Урала. Лес простирается и по одну и по другую его сторону. Не иначе обстоит дело относительно степи и пустыни (эта последняя окаймляет и с востока и с запада южное продолжение Урала — Мугоджары). На рубеже Урала мы не наблюдаем существенного изменения географической обстановки. Гораздо существенней географический предел "междуморий", т.е. пространств между Черным и Балтийским морями, с одной стороны, Балтийским морем и побережьем северной Норвегии — с другой.

Своеобразная, предельно четкая и в то же время простая географическая структура России-Евразии связывается с рядом важнейших геополитических обстоятельств.

Природа евразийского мира минимально благоприятна для разного рода "сепаратизмов" — будь то политических, культурных или экономических. "Мозаически-дробное" строение Европы и Азии содействует возникновению небольших замкнутых, обособленных мирков. Здесь есть материальные предпосылки для существования малых государств, особых для каждого города или провинции культурных укладов, экономических областей, обладающих большим хозяйственным разнообразием на узком пространстве. Совсем иное дело в Евразии. Широко выкроенная сфера "флагоподобного" расположения зон не содействует ничему подобному. Бесконечные равнины приучают к широте горизонта, к размаху геополитических комбинаций. В пределах степей, передвигаясь по суше, в пределах лесов — по воде многочисленных здесь рек и озер, человек находился тут в постоянной миграции, непрерывно меняя свое место обитания. Этнические и культурные элементы пребывали в интенсивном взаимодействии, скрещивании и перемешивании. В Европе и Азии временами бывало возможно жить только интересами своей колокольни. В Евразии, если это и удастся, то в историческом смысле на чрезвычайно короткий срок. На севере Евразии имеются сотни тысяч кв. км лесов, среди которых нет

ни одного гектара пашни. Как прожить обитателям этих пространств без соприкосновения с более южными областями? На юге на не меньших просторах расстилаются степи, пригодные для скотоводства, а отчасти и для земледелия, притом, однако, что на пространстве многих тысяч кв. км здесь нет ни одного дерева. Как прожить населению этих областей без хозяйственного взаимодействия с севером? Природа Евразии в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического, культурного и экономического объединения, чем мы наблюдаем в Европе и Азии. Недаром именно в рамках евразийских степей и пустынь существовал такой "унифицированный" во многих отношениях уклад как быт кочевников — на всем пространстве его бытования: от Венгрии до Маньчжурии и на всем протяжении истории — от скифов до современных монголов. Недаром в просторах Евразии рождались такие великие политические объединительные попытки как скифская, гуннская, монгольская (XIII-XIV вв.) и др. Эти попытки охватывали не только степь и пустыню, но и лежащую к северу от них лесную зону и более южную область "горного окаймления" Евразии. Недаром над Евразией веет дух своеобразного "братства народов", имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас — от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это "братство народов" выражается в том, что здесь нет противоположения "высших" и "низших" рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается "воля к общему делу". История Евразии, от первых своих глав до последних, есть сплошное тому доказательство. Эти традиции и восприняла Россия в своем основном историческом деле. В XIX и начале XX в. они бывали по временам замутнены нарочитым "западничеством", которое требовало от русских, чтобы они ощущали себя "европейцами" (каковыми на самом деле они не были) и трактовали другие евразийские народы как "азиатов" и "низшую расу". Такая трактовка не приводила Россию ни к чему, кроме бедствий (например, русская дальневосточная авантюра начала XX в.). Нужно надеяться, что к настоящему времени эта концепция преодолена до конца в русском сознании и что последыши русского "европеизма", еще укрывающиеся в эмиграции, лишены всякого исторического значения. Только преодолением нарочитого "западничества" открывается путь к настоящему братству евразийских народов: славянских, финских, турецких, монгольских и прочих.

Евразия и раньше играла объединительную роль в Старом Свете. Современная Россия, воспринимая эту традицию, должна решительно и бесповоротно отказаться от прежних методов объединения, принадлежащих

изжитой и преодоленной эпохе, — методов насилия и войны. В современный период дело идет о путях культурного творчества, о вдохновении, озарении, сотрудничестве. Обо всем этом и говорят евразийцы. Несмотря на все современные средства связи, народы Европы и Азии все еще, в значительной мере, сидят каждый в своей клетушке, живут интересами колокольни. Евразийское "месторазвитие", по основным свойствам своим, приучает к общему делу. Назначение евразийских народов — своим примером увлечь на эти пути также другие народы мира. И тогда могут оказаться полезными для вселенского дела и те связи этнографического родства, которыми ряд евразийских народов сопряжен с некоторыми внеевразийскими нациями: индоевропейские связи русских, переднеазиатские и иранские отношения евразийских турок, те точки соприкосновения, которые имеются между евразийскими монголами и народами Восточной Азии. Все они могут пойти на пользу в деле строения новой, органической культуры, хотя и Старого, но все еще (верим) молодого, но чреватого большим будущим Света.

1933 г.,

П.Н. Савицкий

КОНТИНЕНТ-ОКЕАН (Россия и мировой рынок)

Экономическое знание в изучении хозяйственной действительности обращено, наряду с отношениями "внутреннехозяйственными", т. е. касающимися внутреннего социально-экономического строения общества, также к отношениям "внешнехозяйственным", прежде всего, к отношениям товарообмена, в междуобластных и международных масштабах. В аспекте этих отношений каждая страна и — внутри страны — область, округ или меньшее географическое подразделение рассматриваются независимо от господствующей в них социальной структуры хозяйства как "единицы"-носители экономического обмена, как неразложимые целые в их соприкосновениях, на путях обмена, с такими же "единицами" окружающей среды и всего мира. Если приступить к определению факторов, обуславливающих течение такого обмена, то наше внимание остановится, между прочим, на значении того обстоятельства, происходит ли передвижение товаров, захваченных в процессы обмена, по океану или по континенту... Издержки транспорта имеют существенное значение в формировании и междуобластного и международного обмена. Можно сказать даже, что если проблему производства (как отправного пункта всякого обмена) отнести, в ее динамической сущности, к проблемам "внутреннехозяйственного" строения общества, то издержки транспорта окажутся чуть ли не важнейшим фактором, определяющим собой процессы обмена, во всяком случае наименее поддающимся регулированию со стороны государственной власти и — в этом смысле — неизменно действующим, "естественным", как сказал бы экономист классической школы... Государство — и таможенной политикой, и воздействием на ставки железнодорожных тарифов и судовых фрахтов — властно вмешивается и направляет отношения междуобластного и международного обмена... Но даже при самом объемлющем регулировании тарифов и фрахтов только частично оно может устранить влияние издержек перевозки как самостоятельной экономической стихии. Притом государственная политика — будь то таможенная, тарифная, фрахтовая — меняется, а издержки перевозки, при неизменности техники, остаются теми же... И потому, поскольку техника в своем совершенствовании не дошла до состояния, в котором издержки транспорта приблизились бы по своей величине к нулю, эти последние остаются началом, определительным для сферы "внешне-

хозяйственных" отношений. Между тем издержки перевозки имеют существенно различные размеры, поскольку дело идет о морских перевозках, с одной стороны, и сухопутных — с другой... В расчете на одинаковое расстояние германский железнодорожный тариф перед войной был "приблизительно в пятьдесят раз выше океанского фрахта. Но даже ставки русских и американских железных дорог (которые, прибавим от себя, сплошь и рядом бывали ниже себестоимости) превосходили в 7-10 раз стоимость морского транспорта"(1)... Из разницы в размерах между издержками морских и сухопутных перевозок вытекает следующий вывод: те страны и области, которые по своему положению могут пользоваться преимущественно морским транспортом, в гораздо меньшей степени зависят, в процессах международного и междуобластного обмена, от расстояния, чем страны, обращенные в своей хозяйственной жизни преимущественно к перевозкам континентальным. Первые, в определении путей обмена, которые они избирают, могут, в известной степени, пренебрегать расстоянием. Вторые должны обращаться с перевозками экономно и всячески стремиться сократить расстояние. В силу этого можно сказать, что в качестве господствующих принципов сферы международного и междуобластного обмена "океаническому" принципу, не зависящего от расстояний сочетания хозяйственно-взаимодополняющих стран, противостоит принцип использования континентальных соседств... Конечно, это противоположение не нужно понимать буквально: ведь и стоимость океанических перевозок не сводится к нулю. Все-таки в области морского транспорта расстояние имеет значение лишь в случаях чрезвычайного различия в протяжении или, наоборот, при перевозках на близкие дистанции. Расстояние играет роль, когда дело идет о выборе между "дальним" и "каботажным" плаванием, ибо плавание у берегов, плавание по портам страны, где повсюду господствует один и тот же язык, те же законы и обычаи, предъявляет к мореплавателю и судну существенно иные — и меньшие — требования, чем "дальнее" плавание. Но поскольку "дальний" характер плавания представляется данным, то расстояние, в известных пределах, теряет значение...

Океан един. Континент раздроблен. И потому единое мировое хозяйство неизбежно воспринимается как хозяйство "океаническое", и в рамки океанического обмена неизбежно поставляется каждая страна и каждая область мирового хозяйства. Между тем отдельные страны и области мира находятся, в отношении к океану, далеко не в одинаковом положении. Одни в каждой своей точке приближены к берегу океана-моря. Для того, чтобы примкнуть к океаническому обмену, им достаточно, грубо говоря, нагрузить на суда свои продукты и разгрузить корабли, пришедшие в их порты. Другие же — всецело или на большем или меньшем пространстве — удалены от моря на то или иное расстояние... Чтобы войти в общий строй мирового обмена, этим странам нужно потратить некоторое дополнительное усилие — как на то, чтобы доставить к берегу свои продукты, так и для того, чтобы транспортировать внутрь континента товары, получаемые ими с мирового рынка. Представление о положении отдельных стран — с точки зрения интересующего нас вопроса — дают карты так называемых "областей равного отстояния" (Zones d'equidistance), на которых пункты, находящиеся в определенном одинаковом расстоянии от берега океана-моря, соединены линией(2). Таких линий проводится несколько, например, через пункты, отстоящие от побережья соответственно на 400, 800, 1200, 1600, 2000, 2400 километров. Рассмотрение такой карты дает представление о том, насколько различно расположены, в отношении к океану, отдельные области мира. Существуют обширные территории, в пределах которых нет пунктов, которые отстояли бы от моря дальше, чем, скажем, на 600 километров. Такова, напр., Западная Европа в ее пределах к западу от Пулковского меридиана. В Австралии нет местностей, расположенных далее чем на 800-1000 километров от берега океана. Наиболее "континентальные" пункты трех других материков: Африки, Северной Америки и Южной Америки — находятся не более чем в 1600-1700 километрах от морского побережья. И только в пределах Азии имеются места, от которых до берега океана-моря более 2400 километров. Таковы Кульджа и значительная часть русского Семиречья.

На картах "равного отстояния" вечно свободные ото льда побережья южных морей и, например, берега Северного Ледовитого океана у мыса Челюскина, почти никогда не освобождающиеся от льда, трактуются совершенно одинаково. При рассмотрении занимающей нас экономической проблемы следовало бы сделать соответствующую поправку: незамерзание или замерзание моря и продолжительность последнего определяют собой значение для мировой торговли данного водного бассейна. При такой поправке предстали бы еще более удаленными от океана некоторые области Северной Америки и Восточной Европы и значительная часть средней и северной Азии...

В Англии, в обороте чужестранными и отечественными товарами, на континентальные перевозки расходуются суммы, представляющиеся ничтожными в расчете на единицу товара... Но если в строй мирового обмена интенсивно вступило бы Семиречье, то издержки на перевозку товаров от моря и к морю оказались бы значительны...

Предположим существование единой для каждого товара цены миро-

вого рынка. Что же при таком предположении значат для Семиречья издержки по передвижению товаров к берегам и от берегов океана? Раз на мировом рынке все продавцы получают одну и ту же цену, то эту же цену получат и производители Семиречья. И не кто иной, как они, должны будут принять на свой счет расходы по доставке продукта на мировой рынок. Расходы эти составят для них вычет из выручки. В отношении же к товарам, приобретаемым ими на мировом рынке, себестоимость окажется увеличенной на сумму издержек по перевозке этих товаров с мирового рынка в Семиречье. Иными словами, стоимость передвижения товаров от моря и к морю явится для производителей и потребителей Семиречья потерей, которую не несут производители и потребители, чья хозяйственная деятельность протекает невдалеке от берегов океана-моря... В рассуждении нашем отвлечемся покуда от существования в пределах континентов внутренних водных путей, оказывающих, согласно характеру каждого из них, индивидуально-возмущающее влияние на стоимость внутриконтинентных перевозок, а также от других индивидуально-географических и индивидуально-экономических факторов, влияющих на стоимость транспорта; будем считать издержки перевозки — соответственно по континенту и по морю — прямо пропорциональными расстоянию. А "мировой рынок" представим себе в виде некоторого подобия Лондона, то есть пункта на берегу моря, на острове. Мы прибегаем к такой конкретизации понятия мирового рынка для того, чтобы во всех случаях участие в "мировом обмене" связать с признаком преодоления определенного океанического, морского пространства. Такое предположение кажется нам имеющим эмпирические обоснования. При этом предположении мы можем сказать определенно: масштабы отстояния Семиречья от побережий — неслыханные в остальном мире — определят, при вступлении Семиречья в строй мирового обмена, некоторую особую его "обездоленность". За свои товары оно будет получать дешевле, чем все остальные области мира; потребные ему ввозные продукты обойдутся ему дороже, чем всем другим. В области развития промышленного его конкурентоспособность, в отношении к мировому рынку, окажется ничтожной, и можно думать, что даже при благоприятных для промышленного развития естественных условиях, Семиречье будет обречено на промышленное "небытие". В отношении же к сельскохозяйственному развитию найдут применение формы запоздалой, не обеспеченной в своем существовании и всецело экстенсивной культуры(3).

Двойная обездоленность, и как производителя, и как потребителя, не может — ceteris paribus — не сделать из Семиречья как бы "задворков мирового хозяйства"...

Семиречье мы привели в качестве примера; рассуждение, к нему примененное, можно применить к любой области, отмеченной среди областей земного шара удаленностью от океана-моря. Для каких областей и стран мира имеет реальное значение изображаемая перспектива быть "задворками мирового хозяйства"? Если взять условный предел отстояния от побережий, например 800 километров, и посмотреть, какие области мира лежат в таком и еще большем расстоянии от моря, то окажется, что такими областями являются:

1) незначительная часть внутренней австралийской пустыни;

2) области внутренней Африки: часть южной Сахары и Судана, земли в верховьях Нила, Конго и Замбези;

3) области по средней Амазонке, плоскогорье Matto grosso в Бразилии, восточная (низменная) часть Боливии и Парагвай. Области эти, при нынешнем строе хозяйственной техники, частью вовсе не способны к экономическому преуспеванию (пустыни), частью хотя и способны к нему, однако не обнаруживают признаков интенсивного экономического развития, так как их "затирают", в экономическом отношении, хозяйственно однохарактерные им, но более близкие к побережью районы. К тому же все эти области лежат в пределах тропической зоны, которая в современности вообще не дала еще примеров высокой напряженности экономической жизни... Можно предвидеть, что если когда-либо произойдет экономический расцвет некоторых из перечисленных областей, то наверняка произойдет он на основе интенсивного использования тех, иногда превосходных, внутренних водных путей, которые соединяют эти области с океаном (особенно реки Южной Америки: Амазонка, частично доступная для морских судов, ее притоки, затем реки Парана и Парагвай), то есть в порядке всецелого приобщения этих областей к единому мировому, "океаническому" хозяйству...

Большее значение имеют в современности континентальные области Северной Америки: центральная Канада (район Манитобы, Саскачевана и Альберты), северная часть Соединенных Штатов, от истоков Миссури до Великих озер, и некоторые из средних штатов, образующих треугольник между юго-западной оконечностью озера Эри, городом Санта-Фэ в Новой Мексике и городом Соленого Озера. Районы эти уже и сейчас являются частично районами мощной экономической жизни, и, насколько можно судить, им доступно и дальнейшее развитие. Несмотря на существование внутренних водных путей, ведущих, по большей части, к "незамерзающему" океану (исключение — реки Канады), "континентальность" этих областей является сейчас и должна оказаться в будущем существенной для структуры обмена и, вообще, хозяйственной жизни в пределах

Северной Америки. Но с еще большей определенностью это можно утверждать относительно континентальных областей Восточной Европы и Азии... Здесь на 800 и более километров от берега моря отстоят:

1) срединные и западные части Китайской империи;

2) Кашмир, Пенджаб и примыкающие районы Индии;

3) северо-восточная Персия, весь Туркестан, все доступные экономической культуре части Сибири и Дальнего Востока, кроме Приморской области и Амурской — восточнее Благовещенска, все Приуралье и среднее Поволжье, с хорошей частью срединного чернозема (Тамбовская, Пензенская губернии!). Нужно заметить, что из числа поименованных областей Европы и Азии, значительная часть "континентальных" провинций Китая представлена пустыней Гоби и бесплодными плато Тибета; можно думать, что крайне западные части Китая ("внешняя" Монголия, восточный Туркестан, Куль-джа), отделенные от метрополии Гоби и Тибетом, предопределены к тому, чтобы экономически примкнуть к России; что же касается северной Индии, то она "прижата" к океану непроходимыми, пока что, хребтами Гиндукуша и Гималаев, отделяющими ее от остального круга континентальных земель...

Континентальные области собственно Китая тяготеют отчасти к водной артерии Янгтсей-кьянга, которая приводит с собой океан вглубь Небесной Империи к Ханькоу, куда проникают морские суда... Независимо от этого обстоятельства континентальность обширных пространств Китая не может не находить отражение в формах экономической его жизни. Но как естественнохозяйственная данность, как некий неустранимый факт природы, она в значительной степени ослаблена в экономическом своем значении, тем, что восточные территории Китая на огромном протяжении глядят: 1) в открытые и 2) в не знающие льда пространства Великого океана. И наоборот, континентальность тех территорий, которые мы будем именовать областями "Российского мира", то есть собственно России, крайнего западного и северо-западного Китая, а также Персии, в огромной мере усиливается тем, что и моря, к которым, преодолевая сотни и тысячи километров континентальных пространств, могли бы тяготеть эти области, являются:

1) во всех случаях — замкнутыми, "континентальными", "средиземными" морями;

2) в большинстве случаев — морями замерзающими, иногда на 6 и более месяцев. "Замкнутость" моря, поскольку она не переходит в "озерность" (исключающую данный водный бассейн из числа пространств океана-моря), является, казалось бы, географическим признаком, не имеющим значения для экономики, так как хотя бы море и было соединено с другими водными бассейнами мира только проливом или "горлом", оно остается открытым для мирового экономического обмена. Но этот географический признак сгущается в экономическую реальность, когда он связывается с фактом политической необеспеченности свободы торгового оборота, поскольку он определяет легкость милитарно пресечь доступ в пределы данного водного бассейна. Указанные политические и милитарные обстоятельства суть реальные факторы русской экономической действительности, поскольку речь идет о таких морях как Белое, Черное и Балтийское или Японское на Востоке... Даже забавно как-то констатировать, что Россия — даже в перспективе широкого великодержавного расширения — нигде, кроме побережий отдаленной Камчатки, не выходит и не имеет шансов выйти в берегам "открытого" моря, в точном географическом смысле этого слова, т. е. водного бассейна, принимающего участие в гидрографической циркуляции Мирового океана, ибо даже Северный Ледовитый океан, благодаря полосе небольших глубин (менее 600 метров), простирающейся между Гренландией-Исландией-Шотландией (так называемый порог Wyville Thomson), исключен из общей океанической циркуляции и имеет режим даже не берегового моря (вроде "Китайских" морей или Антильского), но замкнутого, "континентального". А на юге, в виде крайнего предела мыслимого русского расширения, выступают Средиземное море и Персидский залив, оба — характерно "континентальные" бассейны(4)... "Континентальность" такого бассейна, как тот, что простирается перед берегами Мурмана, в экономическом смысле является "абстракцией". Но хотя бы и на путях такой, привнесенной из географии "абстракции" имеет некоторую пикантность установить, что, как бы ни тщилась Россия в пределах открытого ее политико-экономическому воздействию географического мира выйти к "открытому" морю, она никогда не увидит перед собой того свободного Мирового океана, который плещет у пристаней Нью-Йорка или Сан-Франциско, у берегов Ирландии или Бретани, почти всей Южной Америки, Австралии, Африки...

Но еще большее экономическое значение имеет замерзаемость огромного большинства морей, на которые "выходит" Россия-Евразия... Некоторым фанатикам океанического обмена, учитывающим хозяйственные возможности Сибири, уже снится, что "современная техника в кратчайший срок создаст... из Карского моря Средиземное, в котором будут встречаться торговые суда всех стран"(5). В отношении к Карскому морю только и можно делать, что ссылаться на чудеса будущей техники: ныне море это три четверти года недоступно ни для каких судов... Архангельск открыт для судоходства в течение полугода. Петербургский порт замерза-

ет на 4-5 месяцев, и даже порты на нижнем Днепре, Азовское море, Астрахань закрыты для судоходства на один-два-три месяца... Следует понимать, что замерзаемость моря является, в общем строе мировых хозяйственно-географических отношений, феноменом "некоторым образом ...исключительным". Кроме России-Евразии, оно знакомо только северо-восточной части Швеции и Канаде. Но как бы ни была одарена северо-восточная Швеция природными ресурсами в железной руде, белом угле и лесе, она является всего лишь небольшим уголком, не имеющим шансов играть в экономической жизни мира определяющей роли. И среди великих экономических целых планеты замерзаемость моря определяется как некоторый — нельзя сказать, чтобы счастливый! — удел "Евразии" и Канады... Как бы ни прислушивался мир к речам о "выходе к незамерзающему морю" российских энтузиастов океанической и "понтической" политики, речи эти — в перспективе мировых экономических отношений — должны звучать как диковинка... 9/10 человечества "замерзающее" море неизвестно вовсе... Даже в Канаде, которая, как мы видели, в данной области приближается к России, не может быть речи о "выходе к незамерзающему морю": таким выходом она "органически" обладает и на своем Атлантическом (Галифакс) и на своем Тихоокеанском побережьях.

Рассмотрение положения отдельных областей мира, в отношении к океану-морю, неизбежно приводит нас к выводу: наиболее "обездоленной" среди стран мира — в смысле данных к участию в океаническом обмене — является та экономически-географическая сфера, которую мы обозначаем именем России-Евразии. Мы бы сказали даже, что сочетанием признака исключительно далекого отстояния ее областей от берега моря с признаком замерзаемости ее морей и их "замкнутости" (увеличивающей риск политико-милитарного пресечения обмена) она поставлена в обстановку, вообще не имеющую подобий в остальном мире и порождающую ряд проблем, вне ее пределов неслыханных. Вслед за Россией-Евразией идут Китай и Северная Америка. Но если оставить в стороне пустыню Гоби, пространства Тибета и области, лежащие к западу от них, то в отношении собственно Китая хозяйственно-географическое значение его "континентальности" умаляется (как было отмечено выше) не только сравнительной незначительностью максимальных отстояний его областей от берега моря (не свыше 1600 километров), но и незамерзаемостью и незакрытостью тех морей, к которым тяготеют эти области. Такие же обстоятельства оказывают смягчающее "континентальность" влияние также в южной половине Северной Америки; но не в Канаде и не в соприкасающихся частях Соединенных Штатов. Закрытость тех бассейнов, к которым обращены эти области, — Гудзонов залив и залив

Святого Лаврентия — в обстановке Нового Света, при меньшей политико-милитарной ее напряженности, покуда что, пожалуй, и не имеет значения для расчетов экономической практики. Но замерзаемость этих бассейнов делает, по нашему мнению, центральную Канаду и примыкающую часть Соединенных Штатов, несмотря на то, что "формально" эти области отстоят от Гудзонова залива не более чем на 1000-1200 километров, наиболее "континентальной" — вслед за областями России-Евразии — сферой мира... Россия-Евразия, с одной стороны, и Канада, вместе с примыкающей областью Соединенных Штатов, — с другой, являются не только наиболее "континентальными" странами мира, но, взятые каждая как совокупность, также и наиболее холодными, во всяком случае из числа областей, имеющих в современности экономическое значение, точнее, являются странами с наиболее низкой среднегодовой температурой. Здесь вскрывается связь между "континентальностью" и характером климата и, даже более того, намечается некоторый параллелизм — хотя бы только формально-логический — между данностями климатологии и теми экономическими данностями, которыми мы занимаемся в настоящих строках. Как известно, основное различение климатологии есть различение климатов, континентального и морского (Das Land — und Seeklima), исходящее из того, что суша и вода характеризуются неодинаковыми свойствами "в отношении к инсоляции и к излучению теплоты, то есть к двум основным факторам, определяющим температуру воздуха. Специфическая теплоемкость воды больше теплоемкости всякого иного известного нам тела. Если брать равный вес, то теплоемкость единицы твердой земной поверхности выразится 0,2, а если брать равные объемы, то 0,6 теплоемкости воды". Не является ли несколько аналогичным этому противоположению намечающееся в сфере международного и междуобластного экономического обмена противоположение "океаническому" принципу, выраженному в независящем от расстояния сочетании хозяйственно-взаимодополняющих стран, принципа использования континентальных соседств? Как климатологическое противоположение исходит из специфической теплоемкости воды и земли, так противоположение экономическое упирается в различие стоимости перевозок, соответственно океанических и сухопутных...

Для стран, выделяющихся среди областей мира своей "континентальностью", перспектива быть "задворками мирового хозяйства" становится — при условии интенсивного вхождения в мировой океанический обмен — основополагающей реальностью... При изолированности от мира-экономическая примитивность, связанная со строем "натурального хозяйства"... При вступлении в "мировое хозяйство" — неизбывная власть хозяй-

ственно-географической "обездоленности"... Для всего "океанического" мира есть полный расчет, чтобы континентальные страны безропотно приняли на себя бремя этой обездоленности, тем самым в распоряжение стран "океанического" круга поступят дополнительные продукты, возникнут дополнительные рынки для сбыта их собственных. Но не открывается ли пред "континентальными" областями возможность — избегая изолированности примитивного натурального хозяйства — устранить, хотя бы отчасти, невыгодные последствия "континентального"? Путь такого устранения — в расторжении, в пределах континентального мира, полноты господства принципа океанического "мирового" хозяйства, в созидании хозяйственного взаимодополнения отдельных, пространственно соприкасающихся друг с другом областей континентального мира, в их развитии, обусловленном взаимною связью... Если "континентальная" страна, при сбыте того или иного товара на мировом рынке, получает, за вычетом стоимости перевозки, минимальную выручку, то нельзя ли с большей выгодой продать этот товар, не отправляя его на "мировой рынок", т. е. где-либо "поблизу", "по соседству"? Если при покупке того или иного товара на мировом рынке товар этот обходится дороже, чем кому бы то ни было другому, благодаря дополнительной стоимости перевозки, то нельзя ли купить этого товара где-либо, откуда перевозка стоит дешевле, и по цене, которая при данной разнице в издержках транспорта представляла бы выигрыш? Так и со стороны продавца, и со стороны покупателя внутриконтинентального мира возникают побуждения ко взаимному обмену. И этот обмен осуществится при условии, если в данном товаре, производимом в "континентальном" районе, существует потребность в пределах соседних, континентальных же стран и если данный потребный для континентальной области товар производится в пределах соседних, континентальных же районов. Когда такое условие налицо, внутриконтинентному покупателю выгодно делать закупку в пределах континентального мира, поскольку стоимость провоза от внутриконтинентного места производства обходится дешевле, чем доставка с мирового рынка. Это в случае, когда внутриконтинентный продавец сбывает свои товары на месте производства в полной цене мирового рынка; но последнему есть расчет сделать скидку, ведь в случае вывоза сбываемого товара на мировой рынок он не получит в свою пользу всей цены мирового рынка, но удовольствуется той частью названной цены, которая останется за вычетом стоимости перевозки продукта от внутриконтинентного места производства на мировой рынок. Продавцу есть расчет вступать в сделку с внутриконтинентным покупателем во всех случаях, когда последний согласен оставить в его руках хотя бы некоторую часть той суммы, которую пришлось бы израсходовать на провоз товара на мировой рынок. Во всех этих случаях продавец выручит больше, чем выручил бы на мировом рынке... Обозначим стоимость провоза единицы товара от внутриконтинентного места производства к внутриконтинентному месту потребления через "z"; стоимость вывоза такой же единицы товара из континентального места производства на мировой рынок через "x + a", причем "x" будет обозначать стоимость сухопутной перевозки до ближайшего пункта океанского (морского) побережья, "a" же — стоимость морского транспорта от этого пункта до "мирового рынка"; стоимость ввоза единицы данного продукта с мирового рынка во внутриконтинентный центр потребления изобразим через "b + y", причем "b" есть стоимость морской перевозки от "мирового рынка" до ближайшего к континентальному центру порта, а "y" — стоимость сухопутного транспорта от этого порта внутрь континента. Приняв эти обозначения, мы можем сказать, что внутриконтинентное притяжение будет оставаться в силе, то есть будет существовать расчет для внутриконтинентного производителя и потребителя произвести обмен друг с другом, без посредства мирового рынка, пока $z<x+a+b+y$, то есть пока стоимость внутриконтинентной перевозки будет меньше, чем стоимость вывоза данного продукта из внутриконтинентного центра производства на "мировой рынок" плюс стоимость привоза этого же товара с мирового рынка во внутриконтинентный пункт потребления. И чем большую величину представит из себя разность:

$(x+a+b+y)= z$,

тем более действенным, в экономическом смысле, будет внутриконтинентное притяжение... Эту разность, в той или иной комбинации, могут, к обоюдной пользе, разделить между собой внутриконтинентные продавец и покупатель. В какой именно пропорции они разделят ее между собой — это зависит от конкретных условий внутриконтинентного спроса и предложения... Путем дележа этой разности внутриконтинентные продавец и покупатель могут устранить — хотя бы отчасти — последствия хозяйственно-географической "обездоленное" седалищ их экономической деятельности. Чем меньше "x" и, следовательно, чем больше эта разность, тем меньше, при прочих равных, будет сказываться на уровне внутриконтинентных продажных и покупных цен хозяйственно-географическая "обездоленность".

Как было упомянуто выше, для того, чтобы такой "дележ" мог осуществиться, должны существовать, в пределах континентального мира, соответствующее производство и соответствующая потребность... Становится ясным, в каком смысле экономическое развитие континентальных стран обусловлено их взаимною связью. Выгодные для внутриконтинент-

ных областей последствия внутриконтинентного обмена могут наступать только тогда, когда экономическое состояние этих областей дает простор для такого обмена: чтобы та или иная континентальная область вышла из положения натурального хозяйства, этого требуют, в пределах континентальных миров, интересы не только ее собственного экономического развития, но также интересы окружающих ее континентальных же стран, интересы, обращенные именно к этой внутриконтинентной области, находящейся под такой-то широтой и долготой, а не к какой-либо иной стране мира. Ранее развившиеся страны, лежащие на берегах океана, могут, благодаря свойственному океанической сфере игнорированию расстояний, отыскивать хозяйственное себе "дополнение" на всем пространстве земного шара, и каждая страна мира, независимо от того, в какой части света она находится, будет удовлетворять их требованиям, только бы она производила нужные продукты достаточно дешево! Интересы же достигших определенного преуспевания внутриконтинентных областей упираются в проблему развития не вообще "каких-либо" районов мирового хозяйства, но совершенно определенных — соседних ей областей — в обмене с которыми — и единственно с ними! — она может преодолеть специфически невыгодные последствия "континентальности"... Не случайна, конечно, потребность в международном и междуобластном обмене, сказывающаяся в сфере "океанического" хозяйства; на этом обмене, как выражении "международного разделения труда", покоится экономическое развитие современности; но случайна, в известном смысле, комбинация тех или иных областей "океанической" сферы, удовлетворяющих — на путях обмена — взаимные потребности. Сейчас осуществляется комбинация одних "взаимодополняющих" стран, скажем, мороженое мясо везется в Англию, главным образом, из Новой Зеландии, а через некоторое время с равным успехом будет осуществляться комбинация иных областей: мороженое мясо пойдет в Англию не из Новой Зеландии, но, скажем, из Аргентины. Внутри же континентального мира не случайны не только сама потребность в международном и междуобластном обмене (она и тут есть фактор экономического преуспевания), но и сочетание определенных, хозяйственно взаимодополняющих областей и районов; определенные страны внутриконтинентных сфер накрепко спаяны друг с другом некоторой связью хозяйственной взаимообращенности, исходящей из того, что в силу дороговизны сухопутных перевозок, если не из данной — соседней — страны, то неоткуда больше дешево получить необходимые продукты. Плохо будет Уральскому горнопромышленному району, если ему долгое время придется получать мясо не из Уфимской и Пермской губерний или Западной Сибири, но из Новой Зеландии или из Аргентины.

Не нужно думать, что принцип внутриконтинентных экономических притяжении сказывается в хозяйственной жизни только особо "континентальных" областей. Даже в столь океанических странах, как Англия или Япония, действуют, в известных пределах, упомянутые выше условия: и тут, например, городам выгоднее кормиться произведениями округи (поскольку в ней производятся нужные продукты), чем получать их извне. Наибольшее значение внутриконтинентные притяжения приобретают там, где:

1) сфера соприкасающихся континентальных областей имеет наибольшее пространственное протяжение;

2) области эти являют наибольшее разнообразие экономической природы. Факторы первого рода расширяют пространственную зону, в пределах которой действенны внутриконтинентные притяжения; факторы второго рода умножают число хозяйственных благ (товаров, продуктов!), к которым последние применяются.

Здесь нужно заметить, что внутриконтинентная сфера имеет свойство втягивать в специфический внутриконтинентный обмен не только области, удаленные от океана-моря, но также и те приморские районы, которые лежат между ними и морем. Эти приморские районы находятся на пути внутриконтинентных продуктов к мировому рынку; районы эти ближе к внутриконтинентным странам, чем мировой рынок. И потому, поскольку такие приморские земли являются потребителями, им выгодно покупать те продукты, которые они найдут в странах своего Hinterland'a, именно в последних. Благодаря своей близости к ним, они могут, пользуясь разницей (определяемой, по нашему предположению, стоимостью провоза) между ценой мирового рынка и ценой данного континентального "медвежьего угла", получить товар дешевле, чем если бы они привезли его для себя с мирового рынка. Поскольку они являются производителями, им есть расчет сбыть свои товары внутриконтинентным покупателям, так как те предъявляют на них спрос. Даже продав продукт на месте производства в полной цене мирового рынка (случай, в другой обстановке немыслимый), они все-таки доставят его внутриконтинентным покупателям по цене, более дешевой, чем та, в которую обошелся бы последним товар, привезенный с мирового рынка... Чем обширнее Hinterland, чем разнообразнее в экономическом отношении составляющие его области, тем определительнее такая связь приморских районов со своим Hinterland'ом, ибо тем значительнее число продуктов, которые приморская страна может найти во внутриконтинентных районах, тем большее количество своих произведений может она в них сбыть...

Стоит установить простейшие эти положения, и мы поймем, сколь грандиозными, утвержденными в себе экономическими сферами, являются такие политико-хозяйственные образования как Китай, Северная Америка или Россия... Беря только восточные части Китая, мы видим, как вслед за областями, доступными всего лишь "северным" зерновым культурам, областями со средними годовыми ниже нуля (районы Маньчжурии, по среднему Амуру), идут, в континентальной непрерывности, провинции, где процветают все сельскохозяйственные культуры, свойственные умеренному поясу (средняя и южная Маньчжурия), сменяясь затем странами хлопка и риса, все более теплыми, субтропическими и, наконец, тропическими, у южного предела Китая. Области эти перемежаются районами богатейших промышленных ресурсов, прежде всего железа и угля, где отчасти уже существует (в будущем же может развиться) самая мощная горнодобывающая и металлургическая промышленность, — столь мощная, что на основе природных данных с ней, по нынешним представлениям, в силах состязаться только промышленность Северной Америки... Китай по своим природным условиям вообще довольно близко подходит к восточной (наиболее производительной и важной) полосе Северной Америки (что имеет свое климатологическое основание в том, что обе географические сферы сходно расположены на восточной стороне континента 1). Но в Северной Америке суровые (и в то же время благодатные для человеческого развития!) области пшеничной культуры представлены сильнее (черноземы Миннесоты, Манитобы, Саскачевана, Альберты) и еще теснее сближены как с умеренными по климату областями средних Штатов и Новой Англии, так и с хлопковыми районами Юга, с обладателями полноты тропических ресурсов — штатами Флорида и Техас... И, наконец, Россия. Правда, гамма климатического разнообразия сельскохозяйственных областей не имеет в ней такой полноты, как в Китае или — Северной Америке. Если Китай включает в свои пределы земледельческие области со средними годовыми от — 2° С до + 21,7° С (Кантон) и даже выше, а Северная Америка (как совокупность Соединенных Штатов и Канады) — от наиболее суровых, в которых может жить человек, до южной Флориды, со средней годовой в + 25° С, то в России климатическая гамма, начинаясь с наиболее холодных климатов, обрывается на средней годовой в +16° С (Батумская область), и никакое доступное России в ее ближайших перспективах расширение не может этого существенно изменить: северная Персия (наиболее теплое ее место — Каспийское побережье) и Афганский Туркестан дополнили бы Российский мир областями со средними годовыми в +17°, +18° С. Только выход на Персидский залив мог бы дать России области, приближающиеся, по средней годовой температуре, к тропическим (Бушир + 23,1° С), но и то имеющие значительно более низкую, чем в тропиках, температуру зимних месяцев (январь в Бушире + 13,0° С)... Независимо от указанного климатического "изъяна", Россия заключает в себе удивительное богатство и разнообразие районов умеренно-холодного пояса (лесной и земледельческий нечерноземный Север, черноземный "Центр", Юг, Восток), дополняемых областями умеренно-теплыми (Северный Кавказ, Крым) и частью субтропическими (Закавказье, Туркестан). В пределах этих областей встречаются районы, предопределенные природой исключительно к лесному хозяйству (тайга), богато одаренные для земледелия (чернозем), предуказанные в качестве областей "чистого скотоводства" (Прикаспийские, Киргизские степи). И в эту сферу вкраплены области, обладающие ресурсами для развития промышленности (прежде всего Донецкий бассейн, Урал, Алтай, Семиречье, затем как область "белого угля" — Беломорско-Ладожский район). На основании того, что мы знаем к настоящему моменту, приходится думать, что ресурсы эти — поскольку они относятся к железу и углю — не могут, в их совокупности, равняться с ресурсами Китая и Северной Америки. Но они вполне на уровне ресурсов великих промышленных стран Запада: Англии и Германии, в их европейских пределах, и превосходят все, что, по нашим сведениям, имеется в этом отношении в остальном мире (т. е. во всей Западной Европе, за исключением Англии и Германии, во всей Африке, Австралии, Южной Америке и Южной Азии)...

К какому же выводу приведут нас наблюдения над разнообразием экономической природы областей, составляющих соответственно Китай, Северную Америку и Россию, если сопоставить эти наблюдения с приведенными выше указаниями о положении данных географических миров относительно океана, а также о возникающих в "континентальных" сферах внутриконтинентных экономических "притяжениях"? Означает ли такое разнообразие, что сферы эти в процессах экономического своего развития могут приблизиться к состоянию "хозяйственного самодовления"? Такое предположение абсурдно, поскольку "самодовление" мыслится как нечто абсолютное, как некая "китайская стена"... Весьма вероятно, что в ближайшем будущем даже Китаю непосильно воздвигнуть такую экономическую "стену"... Но в отрицании идеи утопического "самодовления" нельзя закрывать глаза на то существенно различное положение, которое занимают в современности и неизбежно сохранят в будущем различные политико-экономические цельности мирового хозяйства, в их отношении к "мировому рынку". Для одних из них общение с мировым рынком осуществляет самые основные процессы хозяйственного об-

мена, процессы "уравнения" промышленности добывающей и обрабатывающей, "промышленности" и сельского хозяйства, а также процессы экономического "дополнения" как промышленных, так и земледельческих областей умеренного пояса земледельческими странами теплого пояса (ввоз хлопка, риса, чая, кофе, пряностей и т. д.). Такой порядок явлений господствует в политико-экономических цельностях, в которых таможенно-географическая граница охватывает сравнительно узкий круг земель и где области, охваченные этой границей, относительно однородны в своей экономической природе; например, явно предопределены, в своей совокупности, к преобладанию в их пределах "промышленности", что вызывает необходимость ввоза продуктов сельского хозяйства; а поскольку являются областями сельскохозяйственными, лежат в пределах одного и того же климатического пояса. Таковы главные промышленные страны Западной Европы: Англия и Германия. Будучи, в осуществлении и потенции, странами по преимуществу "промышленными", они обращены к мировому рынку в своей потребности в продуктах питания, а также в сырье как умеренного, так и теплого пояса. Иначе обстоит дело там, где в таможенно и пространственно единое целое сопряжены страны и существенно промышленные, и существенно сельскохозяйственные, и страны умеренного, и страны теплого пояса. Здесь процессы "уравнения" промышленности и сельского хозяйства и взаимодополнения стран различных климатических поясов в гораздо большей степени, чем в политико-экономических образованиях первого рода, протекают в пределах данной географической сферы без посредства "мирового рынка". Вместо того, чтобы отображать течение основоположных процессов промышленно-сельскохозяйственного и междуклиматического обмена (как это происходило и происходит в отношении внешней торговли Германии или Англии), статьи внешней торговли таких хозяйственно-географических сфер приобретают характер как бы отдельных коррективов, вносимых к осуществляющимся внутри этих сфер явлениям взаимодополнения и взаимоуравновешения основных отраслей хозяйственной жизни. Эти коррективы будут тем незначительнее и число их будет тем меньше, чем большего экономического преуспевания достигнут — в соответствии с данностями экономического своего одарения — страны внутриконтинентного мира, и чем больше препятствий поставят естественно-географические условия данной сферы вступлению ее в мировое хозяйство, то есть чем "обездоленнее", чем "континентальное" данная сфера в смысле возможностей океанического обмена.

Эти два условия влияют в двух противоположных направлениях на структуру мыслимых отношений современной России к "мировому хозяйству". Было бы безумием проповедовать в истощенной и разоренной стране принципы хозяйственного "самодовления"; какие могут быть внутриконтинентные притяжения, когда "притягиваться" нечему! Но было бы неправильно думать, что состояние интенсивного ввоза иностранных товаров, и прежде всего фабрикатов, оплачиваемых, в лучшем случае, вывозом сырья, которое наступит вслед за тем, как Россия вновь откроется для международного обмена, — что это состояние есть нормальное и длительное... Из всех великих цельностей мирового хозяйства Россия есть наиболее "обездоленная" в смысле возможностей океанического обмена. И Россия, обнаружившая в последние века своего существования, в частности, в последние годы великие потенции мощи политической и культурной и великую напряженность искания, — Россия не удовольствуется, конечно, диктуемой этой обездоленностью ролью "задворков мирового хозяйства". И в своем экономическом устремлении она неизбежно придет к интенсификации своего сельского хозяйства в пределах умеренно-холодных и умеренно-теплых областей, к расширению используемой (что во многих случаях значит орошаемой) площади примыкающих к ней областей субтропических и отчасти к реконструкции, отчасти к созданию наново мощной, удовлетворяющей внутренние потребности промышленности, — там, где к тому имеются естественные данные, т. е., прежде всего, в некоторых южных и восточных окраинно-европейских и азиатских провинциях, и затем в Центре и на Северо-западе... Транспортная обездоленность огромного круга ее областей (связанная с нарочитой их "континентальностью") побудит не рассчитывать на мировой рынок и призовет к жизни центры производства многих — доселе ввозных — продуктов в собственных пределах; создание таких центров в свою очередь — расширит базу и усугубит действенность внутриконтинентных притяжении. Можно быть уверенным, что в интенсивном использовании принципа континентальных соседств географический мир России-Евразии действительно представит собою образ некоторого хозяйственного "самодовления", не буквального, конечно, но в смысле завершения в пределах этого мира основных явлений взаимоуравнения и взаимоуравновешения главнейших географически-экономических стихий современного хозяйства. В среде политико-экономических цельностей мира Россия-Евразия явится сферой самодовления по преимуществу — и притом в сочетании областей, определяемом не прихотью политических судеб, как это мы видим на примере нынешних "колониальных", "океанических" империй, но необходимым, неустранимым, при неизменности техники, взаимотяготением стран, обращенных друг к другу силой "океанической" своей "обездоленное". Такое взаимотяготение определяется объективным географиче-

ски-техническим фактором. Государственная политика, направленная к созиданию "самодовления", может лишь дополнить и усилить влияние этого фактора...

С точки зрения этих положений и категорий нужно оценивать господствовавшую в России долгое время политику искания "выхода к незамерзающему морю". Нельзя, конечно, отрицать обоснованности стремлений Hinterland'а обладать морским побережьем. Но не только это стремление двигало наших теоретиков океанически-понтической политики. Так как выход русского Hinterland'а к побережью сплошь и рядом не дает выхода к "незамерзающему", а тем более к "открытому" морю, то такой выход стремились найти хотя бы в стороне от основного круга земель Российского мира; обретали его на Квантунском полуострове. Но воздвигаемый здесь Дальний поистине оказывался лишним. Те, кто приказали его строить, не понимали, что в таком искании "выхода к морю" океан, как путь осуществления основного промышленно-сельскохозяйственного и междуклиматического обмена, был не перед ними, но за их спиной, т. е. не океан-море, но континент-океан. Ибо то, что в экономическом смысле дает океан, соединяя, напр., Англию с Канадой как страной пшеницы, Австралией как страной шерсти, Индией как областью хлопка и риса, то в пределах Российского мира дано континентальным сопряжением русских промышленных областей (Московской, Донецкой, Уральской, а в потенции также Алтайско-Семиреченской), с русскими черноземными губерниями (пшеница), русскими скотоводческими степями (шерсть) и "русскими субтропиками": Закавказьем, Персией, Русским Туркестаном, а в потенции также Туркестаном Афганским, Китайским и Кульджей (хлопок и рис)... И в отношении к действительному и мыслимому хозяйственному самоутверждению этих областей, созидающему взаимную экономическую их связь и "самодовление", выход к океану через Дальний был подлинно выходом в пустоту...

Нельзя ни на минуту забывать трагической бедности, убожества современного хозяйства Российского. Но даже помимо горестей момента, даже в перспективе на будущее, в результате успеха и творчества, оно всегда, в известной степени, пребудет незавершенным, и не только в том смысле, что оно не может в своих недрах удовлетворить, напр., своих потребностей в специфически тропических продуктах, но и во многих других смыслах. И поэтому, в определенной степени, море как связь с "мировым рынком", нужно и останется нужным России; но необходимо понять ту существенно ограниченную роль, которая выпадает на долю "океанического", "морского" принципа в построении хозяйства Российского... Следует добиваться реальной гарантии, что флот противника не будет пропущен через проливы и не придет громить берега Черноморья. Полезно приобрести выход на Персидский залив (хотя бы с точки зрения возможности организовать, при помощи этого "выхода", наиболее дешевым и удобным способом ввоз во внутреннюю Россию тропических продуктов). Но нужно помнить, что в деле хозяйственного становления России и та, и другая задачи являются, в известном смысле, принципиально второстепенными. Какой бы выход в Средиземное море или к Индийскому океану ни нашла бы Россия, морской прибой не принесет своей пены к Симбирскому "Обрыву". И Симбирску, вместе с необозримым кругом других областей и мест России-Евразии, придется все так же ориентироваться не на обретенный выход к "теплому" морю, но на присущую им континентальность... Не в обезьяньем копировании "океанической" политики других, во многом к России неприложимой, но в осознании "континентальное" и в приспособлении к ней — экономическое будущее России.

1921 г.

Примечания.

(1) Carl Ballod. Grundiss der Statistik, enthaltend Beuolkerungs, — Wirtschafts, — Finanz — und Handels — Statistik. Berlin, 1913, s. 115 (курсив наш).
(2) Моря-озера, вроде Каспийского, в расчет не принимаются.
(3) В данном случае найдут себе применение те формы сельскохозяйственного развития, которые в рассуждениях о земельной "дифференциальной" ренте изображаются как удел земельного участка, поставленного в наименее благоприятные условия, а в Тюненовской схеме всецело континентального "изолированного государства", располагающегося концентрическими кругами вокруг своего промышленного центра, выпадают на долю крайней, наиболее далеко отстоящей от центра полосы...
(4) Персидский залив соединяется с другими водными пространствами мира проливом, имеющим менее 100 километров ширины, и притом прегражденным островами и мелким, как и весь Персидской залив: менее 200 метров глубины, что в масштабах океанических глубин представляется совершенно ничтожным.
(5) D-r A. Petermanns Mitteilungen, 1920, Dezember — Heft, Priv. — Doz Schultz. Die Verteilung des Landbesitzes in Sibirien, S. 254.

Н. Н. Алексеев

ОБЯЗАННОСТЬ И ПРАВО

1. В последующем изложении мы будем понимать под "правом" то, что называется "правомочием" т. е. свободную возможность к совершению каких-либо положительных или отрицательных действий, допущенных законом, обычаем или каким-либо другим источником права в каком-либо организованном общежитии. Под обязанностью же мы будем понимать вынужденность каких-либо положительных или отрицательных действий, безразлично, проистекает ли она из внутренних побуждений или из внешнего давления. Под правоотношением будем понимать связь между правомочиями и обязанностями, наблюдаемую в жизни человеческих обществ. Существуют различные типы подобных связей, в которых различно сочетаются между собою правомочия и обязанности, Типы эти могут быть исчерпаны следующей классификацией. I. Односторонние правоотношения, в которых правомочие одного лица соответствуют обязанности другого. Здесь можно говорить о двух случаях: 1) Правомочиям соответствуют положительные обязанности что-либо делать. Общеизвестный пример таких отношений — один имеет право что-либо приказывать, другой обязан повиноваться. В жизни подобные отношения встречаются прежде всего там, где имеются властвующие и подвластные, управляющие и управляемые. Господин имел право приказывать рабу, который был обязан повиноваться. Неограниченный монарх имел право приказывать подданным и т.п. (назовем этот тип отношений типом А). 2) Правомочиям соответствуют отрицательные обязанности от чего-либо воздерживаться, что-либо терпеть, что-либо допускать. С чистым примером подобных отношений мы встречаемся там, где есть один собственник земли и ряд живущих на этой земле лиц, которые сами собственности на землю не имеют. Таковым собственником может быть феодальный монарх, или целый класс (феодальная аристократия), или государство в целом. Очевидно, что названный собственник не связан никакими обязанностями по отношению к другим земельным собственникам, ибо последних не существует. Существуют только временные владельцы, пользователи, обязанные воздерживаться от посягательств на права собственника, терпеть его различные действия по отношению к собственности, допускать то или иное его поведение. В известных нам исторических отношениях живущие на земле собственника лица были обязаны также и к работе в пользу его (крепостные), однако, это уже иное отношение (тип А). Логически можно мыслить, что рассматриваемое нами здесь отношение (назовем его ти-

пом Б) с типом А и не связано. II. Многосторонние отношения, при которых правомочия и обязанности своеобразно сочетаются в том и другом, входящем в правоотношение лице или лицах. Нужно различать, прежде всего разное качество этих сочетаний прав и обязанностей: права и обязанности могут сочетаться или внешне, механически, или внутренне, органически. Таким образом, мы различаем два основных подвида многосторонних правоотношений. 1) Механические многосторонние сочетания прав и обязанностей: случай а) При котором на одной стороне правоотношения имеется право лица, внешне соединенное с отрицательной обязанностью воздерживаться от каких-либо действий, и на другой стороне также имеется подобное право, соединенное с подобной же отрицательной обязанностью терпения, воздержания и т.п. Примером таких отношений может служить институт собственности в буржуазном обществе (абсолютная римская частная собственность). В названном обществе все лица или большинство их являются собственниками недвижимости и движимости, причем каждый собственник может неограниченно владеть, пользоваться, распоряжаться своей собственностью и в то же время обязан уважать права другого собственника, то есть должен терпеть все его действия по владению, пользованию, распоряжению всем тем, что этому другому принадлежит. В свою очередь, этот другой, распоряжаясь своим, обязан уважать права другого. Характеризуемое нами правоотношение принадлежит к числу самых обычных в современной жизни. Люди, не слишком тонко разбирающиеся в юридических отношениях, оперируют обыкновенно с ним как с единственно возможным. Когда, например, говорят, что в "современной Европе" права "соединены с сознанием обязанностей", разумеют именно этот тип отношений, построенный на правиле: я распоряжаюсь своим и тебя не трогаю, не тронь меня и ты. В подчеркнутом нами "не" и выражается отрицательный характер заключающихся в правоотношении обязанностей. И даже в самом праве распоряжения своим имуществом не лежит ровно никакой обязанности, чистое право собственности в своих собственных пределах ни к чему не обязывает, не обладает каким-либо функциональным характером, не требует служения или жертвы. Напротив, оно есть чистое право, проявление чистой мощи собственника: иметь правомочие здесь значит обладать полной мощью, то есть делать что угодно, вплоть до порчи имущества, его уничтожения. Правда, использование правомочия и в среде буржуазных отношений связано иногда с сознанием обязанностей, например, перед детьми, семьей и т.п., однако, только в виде исключения такая связь с обязанностями находит признание в обществе. Внутренние обязанности собственника в большинстве случаев и в качестве принципа есть его "частное", "личное"

дело. Те же отрицательные обязанности, о которых мы говорили, вытекают не из внутренней природы собственности, но из чисто внешнего, если угодно, случайного факта, что не я один обладаю имуществом, что имеются и другие состоятельные люди, с которыми волей-неволей приходится считаться. Обязанность "уважения" к чужому является здесь продуктом подчинения некоторой внешней необходимости или расчета: если я не буду чужого уважать, не будут уважать и моего. Следовательно, уважать приходится, с волками жить — по волчьи выть. Мы назовем этот тип отношений типом В. б) Другой случай, тоже часто встречающийся и обыденный, примером которого является все обязательственное, договорное право: в нем мы имеем дело с многосторонним отношением, в котором на одной стороне право и положительная обязанность и на другой стороне — право и положительная обязанность. Я что-либо купил, следовательно, имею право получить купленное, но обязан уплатить эквивалент: другая сторона имеет право получить плату, но обязана передать мне вещь. Подобное отношение имеется в мене, найме, договоре об услугах, залоге и т. д., словом, во всех договорных сделках, на которых покоится экономический оборот современных обществ. Связь здесь между правом и обязанностью также внешняя, механическая. Само право не предполагает еще никакой обязанности, но эта последняя присоединяется как выгодный результат использования моего права. В некоторых случаях мне выгодно обязать себя, тогда я свободно обращаю свое право в обязанность и приобретаю тем новое право. Я даю, чтобы получить, do ut des. По существу дела договор одной стороне может быть выгодным, другой — разорительным. Однако, заключивший разорительный договор должен разориться. В принципе никакой обязанности не разорять в классическом буржуазном законодательстве не существует. Из нравственных соображений можно быть милостивым к должнику, можно быть человечным к рабочим и слугам, но все это не суть юридически признанные обществом обязанности. Это есть "частное" дело, а публично признанные, официальные правовые источники признают в общем только то, что в договоре формально выражено и закреплено. Следовательно, признается случайное, внешнее, механическое сочетание прав и обязанностей, происходящее на случайном соотношении интересов. Назовем этот случай случаем Г. 2) Внутреннее, органическое сочетание прав и обязанностей. В нем право, так сказать, пропитывается обязанностью и обязанность правом. На место отдельного от обязанности права и отдельной от права обязанности получается то, что можно было лучше всего назвать русским словом правообязанность. О таком сочетании учили некоторые представители органической школы в Германии, у нас в России — славянофилы, его имел в виду Достоевский, о котором писал склоняющийся к тем же взглядам покойный П. И. Новгородцев(1). Его разумеет С. Л. Франк, когда говорит, что "никакое человеческое право не имеет имманентной моральной силы"(2). Однако названное внутреннее сочетание права и обязанности не есть только теоретическая идея, продукт мечтаний, далекий от каких-либо жизненных воплощений. Мы можем назвать целый ряд институтов публичного права, где сочетание это давно уже произошло. Таково, например, понятие компетенции какого-либо государственного органа или какой-либо должности. Компетенция всегда есть право и обязанность вместе. Прокурор может арестовать обвиняемого, а может его оставить на свободе. Эта свободная возможность есть право, но в то же время прокурор обязан арестовать преступника и даже в некоторых случаях ответствен, если он его во время не арестует, это будет небрежение по службе. Таким образом, здесь, в публичных отношениях свободная возможность внутренне соединена с долгом, и право превратилось в право-обязанность. Другими словами, входящее в правоотношения начало публичности, которое есть в то же время начало общественности, придает праву характер обязанности, превращает его в правообязанность, и, наоборот, входящее в государственные обязанности начало публичности или общественности придает обязанностям характер права. Это органическое сочетание прав и обязанностей в многосторонних отношениях может иметь также несколько видов, а) Правообязанностям на одной стороне могут соответствовать односторонние положительные обязанности с другой. Идеальным случаем подобных отношений мог бы быть тот неограниченный монарх, который рассматривал бы свою власть не как право, но и как обязанность по отношению к подданным, как служение им. Это соответствовало бы тем идеальным понятиям о монархии, которые имели славянофилы или некоторые публицисты московской Руси. Такое понятие монархии развивается китайской теорией государства, особенно школы Конфуция и т.д. Назовем это типом Д. б) Правообязанностям могут соответствовать односторонние отрицательные обязанности других лиц. Таковой случай мы имеем в идеализированных представлениях помещика по отношению к своим крепостным, как они, например, рисовались Гоголю в его "Переписке с друзьями", где он рисовал идеал "барина-батюшки", отца своих крестьян, опекающего их по нравственному закону и правде (Тип. Е). в) Правообязанностям с одной стороны соответствуют правообязанности с другой. Ясно, что сочетание это мыслимо только в положительных, а не в отрицательных отношениях: ибо сама идея правообязанности включает в себя мысль о некоторой положительно направленной деятельности. Таким образом, мы имеем здесь дело с некоторым предельным типом отно-

шений, который в то же время является типом наиболее совершенным, отвечающим понятию общественного идеала. Он мог бы быть осуществлен в том случае, если бы ведущий слой государства проникся бы мыслью, что власть его не есть право, а и обязанность; и если в то же время управляемые не были бы простыми объектами власти, не были бы только носителями обязанностей, положительных и отрицательных, но и носителями правомочий. Притом правомочия эти они не считали бы "правами", противостоящими другим, враждебным "правам" (как "права" народа "правам" властвующих — типичное отношение, при котором родилась идея современного избирательного права в Европе), но как истинные "правообязанности", то есть как соединенные с свободным усмотрением обязанности по участию в государственной власти. В таком государстве поистине свобода была бы идеально соединена с повиновением. Повиновение в нем было бы не рабским, но свободным (libertas oboedientiae), однако же свобода эта понималась бы не как свобода договора (по Руссо), но как свобода органической принадлежности к целому (Тип Ж). 2. Когда мы утверждаем, что в западной государственной жизни начало "права" преобладало над началом "обязанности", мы хотим этим сказать, что в истории западных государств последовательно преобладали сначала типы правоотношений А и Б, а потом, с крушением феодального строя и со вступлением западной жизни в капиталистическо-демократическую фазу, — типы В. и Г. Западные представления о государственной власти сложились под влиянием римского права и его учения об императорской власти (imperium). По старым римским представлениям imperium есть право, перенесенное римским народом на императора, причем под народом, вопреки современным представлениям, римляне никогда не понимали голосующий корпус граждан, но совокупность всех поколений в целом, исторический, вечный Рим. Таким образом, уже республиканские должности не были "доверенными", "комиссарами", тем более не был "народным представителем" император. В своей власти он осуществлял свое право во имя Рима как целого, праву императора соответствовала безусловная обязанность повиновения граждан. Это начало права на власть доминировало в римских представлениях, а через них стало оно преобладать и во всем западном мире. Период феодальный разложил единое imperium на целую сумму властных прав, принадлежащих отдельным владельцам земель, между которыми часто устанавливались чисто договорные отношения, построенные по типу Г. Однако эти отношения связывали только высших, властвующих (potentiores), низшие же, крепостные, жили на земле феодальных владельцев, подчиняясь их праву распоряжения и пользуясь их землей (тип А. и Б). В феодальном обществе царствовала вечная борьба за верховные права на власть первого сеньора, на которые притязали папы, императоры, короли. История разрешила этот спор, в конце концов, в пользу королевской власти отдельных национальных государств. Так возник начальный пункт новой западной истории с утверждения неограниченного права на власть неограниченных монархов. Теоретики западной монархий так и строили понятие королевской власти как неограниченное право, подобное праву собственника на свою землю. Феодальный строй, по крайней мере на континенте, постепенно стал сословным, а этот последний весь построен на признании особых прав, "предоставляемых законом целому классу общества в постоянное обладание" (Ключевский). Ведущий слой западного общества базировался, следовательно, на преимущественном признании своего права. Сословным правам соответствовали, конечно, и обязанности, но первые задавали тон всей жизни, преобладали. В своих частных отношениях высшие классы жили в значительной степени по типу В и Г, но в отношениях публичных, властных преобладал тип А и Б. Революционный процесс, наметившийся в государствах европейской культуры с XVII века, настоятельно требовал изменения властных отношений. Тип государства, построенного на односторонне властных отношениях, стал устарелым и отжившим. Развитие этого процесса пошло тем путем, что западная история сначала в лице своих идеологов, а потом и в своей практике стала стремиться к тому, чтобы всю государственную жизнь построить по типу отношений В и Г, то есть образовать общество собственников, которые бы и в частной и в общественной жизни руководствовались принципами: не тронь меня, и я тебя не трону, do ut des. Иными словами, праву властвующих было противопоставлено самостоятельное право подвластных. Началась борьба за права "граждан", противопоставляемые правам монарха, и начались отдельные соглашения о взаимных правах (то есть конституции). В результате этого процесса и образовался современный западный демократический строй. Нужно быть очень невежественным человеком, чтобы отрицать в подобном общественном строе наличность обязанностей. Однако обязанности эти или чисто отрицательны, или же, если они являются положительными, связь их с правами чисто внешняя. Обязанность признается здесь только как уступка сопротивлению. Так идейно было построено западное государство. Люди договариваются о власти, учреждают государство, как торговую компанию: do ut des. Условие не соблюдено, компания прекращается; это значит, люди осуществляют свое "право на восстание", делают революцию и учреждают, если хотят, новое государство на новом договоре. Так — в государственной жизни. В частной же каждый владеет своим и не трогает чужого. Чужой

может умереть с голода — это его частное дело. Если в голоде он начинает воровать, общество вправе от него обороняться: он трогает чужое. Таким образом, безусловная обязанность здесь есть одна: не тронь меня. Остальные все — условные обязанности, "постольку — поскольку", пока договорился и на чем договорился. Что касается до частных отношений, то западная жизнь выработала очень совершенную технику исполнения отрицательных обязанностей, воздержания от посягательств на чужое, и условных обязанностей, основанных на договоре и из него вытекающих. Неприкосновенность и точность обязательств суть основные гражданские добродетели западного мира — добродетели отнюдь не плохие, создающие устойчивость повседневной жизни и экономического быта. Но в то же время западная жизнь породила великий собственнический эгоизм среднего обывателя, вытекающее из культа собственности вещепоклонство, формализм в представлениях о своих обязанностях, интересующийся только "внешней правдой" человеческих отношений, а не "правдой внутренней", не их нравственным содержанием. Поэтому, скажем, евразийский человек представляется западному беспорядочным и с "душой нараспашку", а западный представляется нам черствым и формальным. Не нужно забывать, что технически западные добродетели удобнее, но морально широкая душа "нараспашку" имеет более возможностей, чем формально замкнутая душа Запада. Это не значит, что мы "лучше", но в то же время величайший грех совершают те, кто думает, что наше призвание заключается в угасании всего своего и в культе средних западных добродетелей. В добродетелях этих нужно дать себе отчет, понять их, но не превращать их в окончательный идеал, который воплощением своим имеет столь известный нам тип западной квартирной хозяйки. Воспевание этого идеала, которому ныне многие предаются, поистине является надругательством над нашей культурой и ее ценностями. Но еще более отрицательных свойств проявило западное понятие об обязанностях в области государственных отношений. Вообще можно сказать, что между идеей государства и отношениями, которые мы характеризовали в типах В и Г, существует глубочайшее противоречие. На норме "не тронь меня, и я тебя не трону" государства не построишь. Мир не трогающих друг друга собственников есть, в сущности, мир анархический, который нуждается в государстве только на предмет ограждения от грабежа (государство — "ночной сторож"). Но ведь если такой мир действительно установится, то и грабежа не будет. Следовательно, в пределе своем мир собственников должен стремиться к уничтожению государства. Так, впрочем, и учили западные экономисты классически-либерального направления, фритредеры, из школы которых родился и западный анархизм, последовательно утверждавший, что в мире свободных собственников установится некий "ordre naturel" и государство будет ненужным. Вместо государства, как мы уже говорили, может быть установлено при нужде договорное общество, которое можно распустить, когда оно станет не нужным. Нам скажут, что подобный порядок невозможен. Западные государства развалились бы уже давно, если бы они его завели, а между тем они жили, боролись, успешно вели войны, собирали налоги, приказывали и требовали повиновения. Да, все это было, но было только благодаря тому, что огромные, главным образом крестьянские, народные массы не впитали в себя теории нового западного государства. Они жили остатками прежней культуры и исполняли приказания тех, кто стоял у власти. У власти же стал новый правящий класс в лице буржуазии и тех ее организаций, которые создались в политических партиях. На Западе создалась олигархия политических, преимущественно поддерживаемых буржуазией, партий. Партийные вожди и партийные комитеты стали теми "правящими", которые новыми приемами сумели диктовать свою волю "народу". И в пределах этих фактических отношений существовали признанные народом положительные обязанности, которые, однако же, не находили адекватного выражения ни в теоретических воззрениях на государство, ни в законодательных памятниках. Надо признать, что фактическое существование этих обязанностей на Западе с каждым десятилетием иссякает. Буржуазия постепенно теряет характер ведущего слоя, буржуазные партийные комитеты перестают быть управляющими. В современный момент особенно ясно чувствуется, что далеко не все веления управляющих будут исполнены народом. С другой стороны, организовался новый ведущий слой в лице пролетариата и новая управляющая группа в лице социалистов. Рабочие городские массы считают в корне неправильным сложившийся порядок гражданских отношений и не прибегают к социальной революции не по принципу, а из чувства осторожности, по соображениям тактическим. Самое же главное заключается в том, что ближайшие наследники нынешних правителей в точности усвоили взгляд на власть, как на свое право. По своему праву властвовала аристократия, по своему праву стал властвовать "народ", а так как народ состоит из бедных(3) — таково его большинство — то по своему праву теперь должны бедные властвовать над богатыми. Такова необходимая логика европейской политической истории — от imperium'а монарха и аристократии через imperium буржуазии к imperium'у пролетариата. Новое право на власть сталкивается со старым, с ним борется ("в борьбе обретешь ты право свое"), его насильственно преодолевает, становится на его место. На место государства, которое пытались построить договорным путем (по типу Г), стано-

вится государство, построенное по типу А, то есть путем односторонних властных правоотношений. 3. В противоположность западной жизни наше государство сложилось при преимущественном преобладании начала обязанности над началом права (то есть при преобладании правоотношений типа Д и Е). Когда мы это говорим, мы разумеем именно сложившуюся государственность, возникшую на преодолении остатков удельно-вечевой системы. В этой последней (как это правильно показано было еще Б. Н. Чичериным(4)), значительно господствовали частно-правовые и договорные отношения, несколько похожие на предфеодальный период западной жизни. Б. Н. Чичерин только недостаточно оценил, что даже и в этот период у нас вместо римских представлений о субъективном праве доминировало утверждение семейно-патриархальных обязанностей, столь приметное во всех междукняжеских отношениях удельного времени. Оно-то и заменяло у нас элемент "римского такта" и римской "юридической формы", свидетельствуя в то же время, что даже в этот период существовала у нас какая-то более тесная связь между правом и обязанностью, чем на Западе. Преимущественное развитие органической связи права и обязанности по типу Д и Е достигнуто было у нас в московский период. Представления о власти московских царей не испытали влияний со стороны римского права с его учением об imperium. В праве царя на распоряжение никто не сомневался, но столь же мало сомнения было и в том, что истинный, православный царь определяет свою власть и сознанием нравственных обязанностей, на нем лежащих. Этого мнения одинаково придерживались и московские публицисты школы Иосифа Волоколамского и Ивана Грозного и противники их, исповедующие идеал "милостивого", праведного царя(5). Иван Грозный считал, что Господь Бог наложил на него тяжкое бремя ответственности за спасение душ подданных, которых он должен страхом вести к праведной жизни. Тем более обязанным по отношению к подданным должен был считать себя не грозный, а милостивый царь, подобный милостивому Богу. По-видимому, все различие между пониманием царской власти у Иосифа Волоколамского и Ивана Грозного, с одной стороны, Нила Сорского и "партии" заволжских старцев, с другой — сводилось к тому, что первые считали царя правообязанным к распоряжению, а подданных только обязанными к повиновению; вторые же считали, что правообязан и царь и подданные. Первые, следовательно, строили государство по типу правоотношений Д, вторые — по типу Ж. В общем, в московской монархии победило первое направление, а не второе. Не существовало в Московском государстве и идеи сословного права на власть. "В других странах, — говорит В. О. Ключевский, — мы знаем государственные порядки, основанные на сочетании сословных

прав с сословными обязанностями, на сосредоточии прав в одних сословиях и обязанностей в других. Политический порядок в Московском государстве основан был на разверстке между всеми классами только обязанностей, не соединенных с правами. Правда, обязанности соединены были с неодинаковыми выгодами, но эти выгоды не были сословными правами, а только экономическими пособиями для несения обязанностей. Отношение обязанностей к этим выгодам в Московском государстве было обратно тому, какое существовало в других государствах между обязанностями и правами: там первые вытекали из последних, как их следствия; здесь, напротив, выгоды были политическими последствиями государственных обязанностей (В. Ключевский. История сословий в России, М., 1886, стр. 110). Правильнее было бы, может быть, сказать, что в жизни Московского государства преобладало то органическое начало правообязанности, о котором мы говорили выше. И им была окрашена не только публичная, но и частная жизнь. Достаточно сказать, что один из основных устоев этой последней — отношения к земле, — в общем, строились не по типу правоотношений, названных нами типом В. Если взять высшие классы, то здесь намечались правоотношения типа Ж. Земля была государева, но государь обязан был служить государству; владели землей служилые люди, и это владение было не только правом, но и службой. Что касается до низших классов, до крестьян, то для свободных из них владение было также правом и службой вместе; со времени же прикрепления крестьян элемент права утратился и крестьянин стал только обязанным работником, т. е. отношения стали строиться по типу Е. Наконец, в частном, торговом и деловом обороте в старой Москве существовали многочисленные договорные отношения, построенные на многосторонней связи обязанностей и прав (тип. Г). Однако, никогда договорное начало у нас не было доведено до такой абсолютизации, которым оно отмечено на Западе. Достаточно сказать, что даже нашим революционным течениям совершенно чужды были договорные попытки построения государства в той форме, в какой они стали преобладать на Западе с XVII века. Учения естественного права совершенно чужды нашей истории, а с ними чужды и представления о государстве как о торговой компании, основанной множеством независимых и несвязанных собственников. Так было у нас вплоть до XVIII века. Решительным поворотным моментом нужно считать не столько реформы Петра I, сколько мероприятия его наследников. Правда, Петр сильно содействовал укреплению начал западного абсолютизма, который смотрит на царскую власть как на право. Однако, при Петре у нас не было еще сословий в европейском смысле слова, государство все было подтянуто к центру, все служили начиная с дворянства, и все

права были службами, обязанностями. Однако, усиленная политика прикрепления крестьян свидетельствовала о стремлении к неравному распределению обязанностей и соответствующих им прав. XVIII век совершил разрыв органической связи между обязанностями и правами. Указ о вольности дворянской превратил государевых слуг в сословие в западном смысле этого слова. Отношение этого сословия к неограниченному государю юридически строилось по схеме: права — с одной стороны, обязанности — с другой (тип А). Но фактически дворянское сословие было правящим и стремилось закрепить свои отношения с короной договорным путем (по типу Г). Отсюда "конституционные" стремления дворянства начиная с XVIII века. В своих частных отношениях дворянство стало жить целиком по типу отношений В и Г, то есть владело собственностью и получило право совершать все сделки. Другие сословия правами этими пользовались ограниченно, а низшее из них — крестьянство — почти что лишено было основных гражданских прав. Так высший класс стал жить у нас по правовому типу западной жизни, крестьянство же, до освобождения, а в некоторых отношениях после него, жило еще в условиях остатков XVIII века и даже старой Москвы, то есть в условиях предшествующей эпохи, измененных к тому же к невыгоде крестьян. В жизни нашей получилось поражающее несоответствие между юридической формой и бытом: усвоив западную юридическую форму, мы, однако, не выработали соответствующей ей техники; в то же время не вполне отрешившись от своих собственных форм, мы теряли постепенно все то положительное, что им было свойственно. Мы не развили в себе западной техники исполнения отрицательных и условных обязанностей, мы не были крепки ни в уважении к собственности, ни в исполнении договоров; но в то же время мы не развивали нашего права в сторону проникновения в него начала правообязанности и даже утеряли в этом отношении многое, что было заложено в московскую эпоху. Таким образом, наша жизнь в это время была типичным "ни то ни се". Революция 1917 года, по замыслу ее авторов, должна была двинуть нас еще далее по пути принятия западных начал. Мы должны были превратиться в общество собственников, которое организует государство на основах свободного договора. Однако, народ наш не принял этой программы. Из революционных групп возобладали не те, которые стояли на точке зрения западной буржуазно-демократической программы. Успех оказался на стороне коммунистов, которые построили республиканское государство отнюдь не на западных началах, но, скорее, на типах правоотношений отчасти А и Б, отчасти Д, Е, Ж. Учение Маркса заставляло истолковывать власть как право рабочего класса; между тем, организация государства трудящихся, государства рабочих и крестьян, в котором есть свой особый правящий слой, ставит правителей вовсе не в положение односторонне управомоченных, а подчиненных — не в положение односторонне обязанных. В государстве трудящихся правообязаны все — и властвующие и подчиненные. И начало правообязанности проникает здесь не только в отношения политические, но и в отношения частные — право собственности, право договоров. Таким образом, диктатура прав угнетенных силою вещей превращается в организм трудовой демотии, построенной на внутреннем сочетании прав и обязанностей всех и каждого [6]. Мы убеждены в том, что в этом направлении — разрешение русского революционного процесса. И разрешение это может быть достигнуто путем творческого усилия, а не в результате сочетания стихийных сил. Такое разрешение означало бы, что мы, тем самым, вступили на почву развития особенностей нашей истории — на почву наших исторических культурных традиций. В то время, как современные наши "западники", начиная с социалистов и кончая монархистами, сочувствуют пробужденной революции буржуазной стихии и верят в то, что им удастся построить русский мир по типу договорившихся между собою собственников, знающих два закона: "не тронь меня" и "do ut des". Отсюда — общий противоевразийский фронт, раздираемый разногласиями о том, кто будет собственниками. И кто с кем будет договариваться: бывшие владельцы, "верховный вождь" и "народ" или новые собственники между собою...

1932 г.

Примечания.

(1) P. Nowgorodzeff, Uber die eigentumlichen Elemente der mssischen Rechtephilosophie, "Philosophic und Recht". September, 1922.
(2) Евразийский Временник". Кн. 5, стр. 265.
(3) Говорим, конечно, не об абсолютно, но относительно "бедных", по сравнению с более состоятельными членами общества.
(4) Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, Москва, 1858, стр.232.
(5) Об этом подробнее см. в моей статье "Русский народ и государство". "Путь" № 8.
(6) Во избежание недоразумений хотим подчеркнуть, что организм трудовой демотии отнюдь не дан, но задан в современном русском процессе.

Н. Н. Алексеев

ЕВРАЗИЙЦЫ И ГОСУДАРСТВО

Живой и глубоко жизненный характер евразийского учения проявляется, прежде всего, в том постепенном процессе самоуяснения, который стихийно влечет нас к познанию нашего собственного существа как некоторой особой идеологической группы. В первых стадиях этого процесса ставился ряд проблем, но не было еще их системы; в последующих стадиях проблемы начинают выступать в некотором систематическом порядке. Так стихийно и в то же время систематически разрабатываются нами в настоящее время проблемы политические и социально-экономические. Можно сказать, что в этой области многое уже у нас установлено, однако далеко не все. Из числа еще не вполне выясненных вопросов нужно, прежде всего, назвать вопрос о нашем собственном существе как организованной группе и о нашем месте в государстве. По этому вопросу уже высказаны общие мысли, однако, они не имеют характера окончательных, установившихся формул. Представляем ли мы собою партию или нет? Должны ли мы стремиться к образованию единой партии? Если нет, то кто же мы? И каково наше место в государстве, которое мы считаем своим, нормальным, евразийским государствам, так же, как и в государстве современном, в условиях текущей политики?

В последующем будет сделан опыт решения названных вопросов, опыт, который мог бы иметь значение "дискуссионное", а мог бы и послужить материалом для окончательных решений. Тема — многопланова, отдельные планы следует различить и в зависимости от разных плоскостей вынести различные формулировки. Тогда, может быть, окажутся одинаково правыми и те, кто говорит, что мы — партия, и те, кто отрицает за нами характер партии.

I

Политической партией в современном смысле этого слова называется возникшая свободно (а не в результате учреждения государством) группа лиц, которая объединена общими целями и общностью в понимании средств, ведущих к осуществлению названных целей (единством средств). Существенным для партии может являться иногда единство целей, а иногда — единство средств. Все различие между большевиками и меньшевиками, например, сводится к разногласию по поводу тактики, а не окончательных целей; но различие целей отличает партии социалистические от буржуазных. Ближайшей задачей всякой политической партии является завладение аппаратом государственной власти с тем, чтобы провести в жизнь свои основные цели (будем называть это "политическим действием"). Однако, многие современные политические партии отнюдь не стремятся к немедленному осуществлению этой последней цели. Тактические соображения часто побуждают партию всячески удерживаться не только от захвата власти, но и от прямого участия в правительстве. Современный европейский политический режим особо благоприятствует подобной тактике воздержания, в силу которой очень мощные современные политические партии, например, социалисты, представляют вечную оппозицию в парламенте всем другим политическим партиям и любому правительству. Подобное положение очень удобно, ибо "воздерживающиеся" вечно критикуют и не берут на себя никакой ответственности, создавая убеждение, что всякое правительство плохо, за исключением социалистического, которому еще не пришли сроки.

Так как современные европейские политические партии суть свободные объединения, то партийный режим в той или иной степени предполагает многопартийность как выражение личного права участия в политике, как результат свободы политических мнений. Различные эти мнения не могут не находиться в процессе конкуренции и борьбы, потому на борьбе построены и отношения между партиями. Нормальным способом партийной борьбы считается приобретение большинства, которое бы обеспечивало партийное господство. Приобретение большинства предполагает, что другие партии должны ему подчиниться и, впредь до изменения политических настроений, отказаться от преобладания. Иной, не считающийся нормальным путь, является путем диктатуры, при которой одна из партий, не обладая большинством, захватывает власть и проводит свою программу насильственно, вопреки воле большинства. Диктатура может быть или "мягкой", когда захватившая власть партия не уничтожает другие, допуская в известных пределах их деятельность; или же "жесткой", когда захватившая власть партия просто уничтожает остальное и становится единственно господствующей группой в государстве (например, фашизм в первой и в последней стадиях своего развития).

Исторически демократический режим западных государств выработал два вида партийных образований, границы которых иногда сливаются, хотя в типичных формах могут быть выражены вполне определенно. Первый из них характеризуется тем, что основанием партийного объединения служит не какая-нибудь социально-политическая доктрина (не "идеология"), не догма или сумма догматов, но какой-либо практичес-

кий вопрос очередной политики или сумма таких вопросов (например, вопросы таможенной политики, вопрос об избирательных правах, аграрный вопрос в его текущей постановке и т.п.). Это партии "на платформе" или лиги. Огромную роль они сыграли в жизни англо-американских государств. В сущности, основные политические партии Англии суть подобные партии "на платформе", а не идеологические объединения "на программе". Другим типом современных партийных образований являются объединения чисто идеологические, а их наиболее яркий современный пример — социалисты. Основой современных социалистических партий является известная общественная доктрина, известная концепция социально-политической жизни, даже некоторая философия. Таков, например, марксизм. Если для партий "на платформе" политика это как бы цель в себе, то для партий "на программе" она есть только одно из средств для достижения основных идеологических целей. Было время, когда социалисты не признавали политической борьбы и не участвовали в ней (особенно в борьбе парламентской), но Лассаль и Маркс вывели их на дорогу политики. Особенностью этого рода партий "на программе" нужно считать то, что, хотя основные задания их и не сводятся к "политике", однако, современная партия всегда является продуктом известной социально-политической идеологии. Современные партии, в конечном счете, стремятся к преобразованию общественной жизни, имеют основой своей некоторую общественную доктрину и, если связаны целым миросозерцанием, то последнее — философия социальная. Партии эти являются продуктом той "религии общественности", которой живут многие современные люди западной цивилизации, веря, что преобразование общества есть основная проблема жизни, что вместе с этим преобразованием будут достигнуты наивысшие жизненные задачи, стоящие перед человеком.

Современные политические партии только отчасти совпадают с исторически возникшими общественными группами и общественными слоями социального целого. Так, например, рабочая партия английского типа совпадает, в общем, с тем общественным слоем Великобритании, который носит имя рабочего класса. Многие национальные партии в различных государствах базируют на историко-антропологической и расовой основе. Но большинство современных партий не только не совпадает с реальными общественными группами, но даже более — в обычном порядке каждой определенной общественной группе соответствует несколько различных политических партий. Так, различные социалистические партии считают себя представителями "пролетариата". Небезызвестная русская социалистическая партия, состоящая в основе своей из деклассированной городской интеллигенции, считала себя почему-то призванной представительницей крестьянства, тогда как крестьян в ней не было и 10%. Впрочем, при помощи широковещательных лозунгов ей удалось во время революции привлечь значительное количество крестьянских голосов. Таким образом, политическая партия в современном смысле есть объединение, которое служит не представительству чисто реальных интересов общественных слоев и групп, но стремится играть на известных реальных интересах в известных политических целях Эта особенность отличает политические партии от профессиональных союзов, синдикатов, тред-юнионов и т.п. реальных объединений.

От политических партий в описанном смысле нужно отличить те современные, также идеологические объединения, которые, хотя и стремятся к достижению известных политических целей, однако отнюдь не считают их своей последней задачей, а иногда и просто не выставляют их открыто как свою цель. Нельзя недооценивать роли таких объединений в жизни современных западных государств. К ним принадлежат, например, католические ордена, в особенности, здесь нужно назвать иезуитов, политическая роль которых была огромна, хотя они никогда не были политической партией вроде социалистов или коммунистов. Если иезуиты и ставили перед собою, а иногда и прямо проводили в жизнь цели, подобные целям современных коммунистов (учреждение коммунистического государства в Южной Америке), то для них все же это не было последним и высшим заданием, а только рядом средств для осуществления некоторых высших, религиозных планов. Равным образом, католики и их ордена участвовали и участвуют в современной политической жизни, но на этот предмет они образовывали везде особую политическую партию, какой является, например, партия центра в Германии. К такому же роду идеологических объединений относится масонство, не являющееся политической партией, но и идеями своими, и своей организацией, и своими действиями способствующее проведению некоторых политических целей. Основные задачи масонства отнюдь не покрываются решением общественных проблем. Масоны имеют и религиозные, и нравственные задания, почерпнутые ими из довольно старых исторических традиций, и политика является только одним из частных планов их общей деятельности.

Поставим теперь вопрос, к какому же из названных типов объединений ближе всего подходят евразийцы? Само собою разумеется, что евразийцы не есть партия "на платформе" или лига. Мы являемся объединением идеологическим и всегда себя опознаем как таковое объединение. У нас имеется не только программа, нас объединяет доктрина, со-

вокупность догм, целое миросозерцание, целая философия. В этом смысле формально мы ближе стоим к социалистам и коммунистам, особенно к таким, как марксисты. Но от социализма нас решительно отделяет все наше миропонимание. Помимо того, что мы строим совсем другую социальную систему, чем социализм, помимо этого мы выдвигаем совсем иные моральные, социальные, философские и религиозные учения. Мы не исповедуем западной религии общественности, мы не считаем, что решение социального вопроса есть последняя человеческая проблема, мы отвергаем теорию земного рая. Политическое действие для нас, как и для социалистов, не есть самоцель, мы также стремимся к политическому действия в особых, верховных целях, но этими целями не является для нас достижение окончательного социального благополучия на этой планете. Оттого задачи наши не покрываются ни политикой, ни планами социальных преобразований, как у социалистов. В этом смысле объединение наше, если характеризовать его по моменту целевому, ближе стоит к таким объединениям, как религиозный орден. Нам нужно с особой силой опознать, что формально (а не по существу) мы стоим ближе не к политическим партиям, а к таким объединениям, каковыми являются католические ордена или масоны. Но и то и другое суть продукты западной культуры, западного христианства, мы же — восточники и, конечно, нас не могут вдохновить ни идеалы иезуитов, ни идеалы их западных антиподов — "свободных мыслителей", реформаторов и протестантов, учеников Якова Бема, Вейгеля и Каббалы, объединивших в себе антидогматическую оппозицию против ортодоксального католицизма и ортодоксального иудаизма. По духу своему, мы, пожалуй, первый тип русского ордена. Были ли у нас предшественники? — этот вопрос еще не ясен. Мне лично кажется, что за нами просматривается старейшая традиция. В числе прообразов особенно важно указать ту "партию" — я ставлю это слово в кавычки, — которая действовала в старой Москве под именем заволжских старцев. Старчество, в силу особых условий, сошло с политической сцены, превратилось в жизнеучение без особой интенции к политическому действию. Сейчас наступил момент снова вызвать это политическое действие в жизнь. Мы призваны начать строить Россию-Евразию по заветам старцев, наполняя эти заветы новым историческим содержанием.

Таким образом, название "партия" для нас узко, мы по целям своим идейно больше любой политической партии, включая социалистов и коммунистов. Мы — организованное евразийство, род особого восточного ордена. Название "партия" не охватывает нашего внутреннего существа, не совпадает с ним. Поэтому только с некоторыми оговорками, чисто условно, мы можем называть себя "партией". Нужно понять, что при наших целях, во многих ситуациях нам более подобает выступать как орден, как духовное объединение, а не как партия. Мы в этом смысле должны дать себе отчет во всех преимуществах католической или масонской тактики и ими воспользоваться. Может создаться такая констелляция, когда евразийцам гораздо удобнее будет действовать через другое партии, даже создать себе известный фактотум, принявший то или иное легальное оформление, в то время как евразийское ядро будет хранить не партийный характер. Это не противоречит возможности при других условиях образовать самостоятельную евразийскую партию, выступающую наряду с другими политическими партиями. В конце концов все это — проблемы тактические, которые не подлежат решению без соображения с конкретными жизненными условиями. Центр же вопроса резюмируется в следующем положении: существо наше не совпадает с природой политической партии (в обычном смысле этого слова) и партийность есть только одна из возможных форм нашей деятельности.

II

Для определения тех условий, при которых организованное евразийство должно принять внешние оформления политической партии, нужно различать два вопроса: 1) вопрос о нашем положении и нашей роли в государстве, которое не построено по нашему образцу и которое мы, следовательно, не считаем вполне отвечающим нашим идеалам, и 2) вопрос о нашем месте в государстве, которое мы сами построили по нашему собственному плану. Вопросы эти не вполне различаются, и из неразличения их вытекает неясность нашего отношения к партийному началу и возможность разногласий в нашей среде. Вопросы эти мы и разберем по очереди.

Что касается первого вопроса, то практически он сводится к выяснению нашего положения в условиях жизни современной России-Евразии. Нашей отправной точкой мы считаем советский государственный строй. В его современных условиях мы не принадлежим к числу легально действующих политических группировок. Мы можем стать таковой только при изменении современной политической конъюнктуры. Попытаемся в дальнейшем определить, каково может быть отношение евразийства к вопросу о партии в случае более или менее решительного изменения существующего политического режима в Советской России.

Можно предполагать следующие возможности такого изменения:

а) Путем постепенной эволюции, как этого желают и как это предполагают демократы, однопартийный коммунистический режим заменит-

ся многопартийным в западном или полузападном смысле этого слова. Отколется оппозиция, будет легализирован этот раскол, будут легализированы затем меньшевики и эсеры, эвентуально эрдеки. Советское государство превратится в нечто вроде того, что временами можно было наблюдать в Европе "второго сорта" — в Болгарии или Сербии. Спрашивается, каково должно быть наше отношение к принципу партийности в случае некоторой более или менее длительной стабилизации такого режима? Ясно, что в возможной эволюции, проделанной советским государством в означенном направлении, мы, евразийцы, не принимали никакого сознательного участия, оно — не дело наших рук, новый режим возник помимо наших намерений как организованной группы. Для нас, стало быть, он является чистым фактом, которого мы в аксиологическом порядке не одобряем, но к которому принуждены как-то приспособляться. Думается, что в умении приспособляться к нему мы должны многому научиться и у католиков, и у социалистов. И те и другие не являются поклонниками буржуазной демократии, которую, однако, весьма умело используют а своих целях. Иными словами, с водворением названного режима для нас настанет момент, когда мы принуждены будем вступить в политическую борьбу как определенная политическая группировка среди других политических группировок. Тогда серьезно станет вопрос о превращении евразийства в политическую партию. Нам не следует забывать, что разбираемая нами возможность не принадлежит к числу тех, к которым мы стремимся. Возможность эта основана на предположении постепенного угасания того запаса энергии, который создала революция. Вступление советского государства на означенный путь означало бы, что творчество новых политических форм кончилось, революция угасла, наступает царство задворков Европы, чего, в сущности, и желают все наши, с позволения сказать, "прогрессисты". Однако нам не следует и пугаться наступления названной возможности. Мы планируем наше бытие не на ближайшие десять лет и мы знаем, что такая революция как русская, в конечном счете? не может не привести к установлению некоторых новых форм жизни, если бы даже эта революция видимо и окончилась временной реакцией. Возможный период развития России как Европы "второго сорта" будет более или менее кратковременным. В течение его мы принуждены будем выступить как политическая партия наряду с другими политическими партиями. Причем мы выступаем как партия, которая стремится к построению нового государства и к уничтожению партийного режима. В полуевропейской демократии мы сидим не на правой стороне, а на крайней левой. И мы уверены, что победим. Если это будет демократия в стиле Керен-

ского, то мы будем первой силой, которая ее свергнет; если эта демократия будет склоняться к новым формам в стиле фашизма, режима Пилсудского и т.п., то мы и будем тем главным хребтом, около которого будут складываться и кристаллизоваться новые демократические силы и который ростом своим будет преодолевать ограниченность, присущую названным европейским явлениям.

б) Можно предположить, что изменение современного советского режима произойдет в результате насильственного переворота, который будет сделан одной из современных реальных сил, играющих роль в советском государстве. Причем сила эта будет посторонней евразийству. Евразийцы не будут принимать ни идейного, ни фактического участия в перевороте. В России воцарится, скажем, единоличный или коллективный Бонапарт, который в значительной степени примет наследие революции, сохранит ее фразеологию, впитает в себя многое из ее правовых установлений и организационных сил, отвергнув, однако, коммунизм, прежде всего как социально-экономическую систему, а затем, может быть, и как идеологию. Подобные перевороты известны истории. Делаются они обычно людьми, вышедшими из революции, энергичными и волевыми практиками, лишенными в то же время каких-либо принципов. Не было собственной доктрины и идеологии у Наполеона, нет ее и у Муссолини, что сознают сами фашисты. При таком обороте дела наше положение будет довольно благоприятным, но только при условии, если мы не будем афишировать себя как особую, единую политическую партию. Захватчики власти, стабилизировав положение во имя каких-либо самых бедных титулов, не потерпят вторжения в сферу их деятельности посторонней партии; но они будут глубоко нуждаться в идеях, в политических принципах, в истинных титулах, обосновывающих их власть. Евразийцы должны при этом приложить все усилия, чтобы сделаться постепенно мозгами этого нового режима, чтобы наполнить новым содержанием унаследованные им от революции обветшалые формы, осмыслить их и оживить. Евразийцы должны всеми силами просочиться в этот новый режим и руками новой власти построить свое новое государство.

в) Наконец, можно предположить, что переворот будет совершен или группой, близкой к евразийству, или самими евразийцами. Это ставит нас перед необходимостью немедленного построения по нашему собственному плану. В каком отношении мы будем стоять тогда к партийному началу? Будем ли "партией" в процессе построения своего государства и сохраним ли форму партии, когда государство это будет построено?

III

Противники наши упрекают нас в том, что мы в своем государстве намерены упразднить свободный режим партий и, подобно коммунистам, объявить власть одной партии, евразийской, которая станет на место коммунистической. Упрек этот делается не только "левыми", но, что особенно курьезно, даже и "правыми". Между тем то, что нам приписывается, составляет подлинный замысел всех русских эмигрантских "партий". Допустим, что у власти станет П. Н. Милюков. Можно ли предположить, что он легализирует в своей республике партию Маркова? Сомневаемся, чтобы он легализировал и "николаевцев". И, разумеется, "николаевцы" сделают то же с р.-д. Подозреваем даже, что А. Ф. Керенский не будет очень щедр по части "партийной свободы", памятуя уроки прошлого. Иными словами, каждый идиллически мечтает о восстановлении тех порядков, которые были при царизме, когда одни партии были легализированы, другие — запрещены; различие только в том, какой группе партий собираются предоставить "свободу" и какую хотят загнать в подполье. Мы, евразийцы, полагаем, что нет такого политического течения, которое столь мало было бы реставрационным, как наше. Мы отлично знаем, что политика запрещения есть наименее целесообразная и наименее мудрая из всех политик. Только наихудший политический режим стремится обстричь под одну скобку идейные разногласия людей. Свобода в обнаружении мнений во всех областях жизни, стало быть и в политике, является непременным условием бытия всякого нормального государства. То же самое нужно сказать и о самоорганизации народа, о так называемой "свободе союзов". Наша политика не преследует цели отрицательного "запрещения" и "пресечения"; она исходит из того, глубоко продуманного нами нового понятия о государстве, которое составляет альфу и омегу нашей государственной системы и решительно отличает ее как от системы демократической, так и от системы коммунистической.

а) Евразийское государство является политическим образованием, как мы говорим, демотической природы. Мы хотим этим сказать, что государство наше построено на глубоких народных основах и соответствует "народной воле". Если бы понятие народного суверенитета не было столь затасканным и не утратило бы всякий внутренний смысл и всякое внешнее обаяние, то мы готовы были бы сказать, что мы строим наше государство на суверенитете народа, но не на том дезорганизованном, анархическом суверенитете, на котором строятся западные демократии (где "народный суверенитет" = механическому агрегату мнений отдельных достигших политической зрелости граждан), а на суверенитете организованном и органическом. Мы считаем "народом" или "нацией" не какой-то случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры. Мы отдаем себе отчет в том, что "нация" в таком понимании неспособна к какому-либо политическому действию, что она недееспособна, что она должна действовать через каких-то заместителей, что воля ее должна получить выражение через определенного реального носителя. Однако, мы не можем допустить тот порядок, при котором выразительницей такой воли считается кучеобразная масса всех живущих ныне людей, достигших, скажем, 18 или 20 лет. Честные демократы знают, что такая "куча", во-первых, также недееспособна, а во вторых, нет никакой гарантии, что ее устами говорит истинная нация.

Современной западной демократии свойствен особый, не имеющий никакого оправдания эгоцентризм голосующего корпуса взрослых граждан, который, будучи неорганизованным, сам по себе не способен провести ни одного голосования. Современная демократия есть олигархия живущего ныне взрослого поколения над нацией как целым, олигархия, которая в то же время сама не может управлять и ищет себе заместителя, реального политического деятеля. Таким деятелем и является политическая партия, организующая голосующий корпус и подменяющая своей волей мнимую волю голосующего корпуса. Мы, евразийцы, не признаем такой порядок нормальным. Мы заявляем: олигархии дезорганизованной массы пришел конец; связанный с нею явочный порядок в вопросах народного представительства должен быть решительно отменен. Государство не может считать выразителями народной воли всех взрослых вообще, взрослых как таковых, отвлеченно взрослого гражданина без отношения к тому, кто он, где живет и что делает. Государство должно пробудиться от немой пассивности; оно должно определить тот объективный и реальный принцип, на основе которого может быть построено истинное национальное "представительство", то есть найдены реальные носители организационных государственных функций, действительные выразители национальной воли. Мы хотим, иными словами, заменить искусственно-анархический порядок представительства отдельных лиц и партий органическим порядком представительства потребностей, знаний и идей. Поэтому нам не нужна политическая партия, как она нужна демократии западного стиля.

Вопрос о замене механической системы народного "представительства" органическим давно уже возник перед западной демократией. Сейчас он является очередным вопросом внутренней политики западных госу-

дарств, хотя свойственный демократии консерватизм, своеобразная демократическая косность и ретроградность всячески препятствует реальному продвижению этого вопроса в жизнь. Мы находимся в более благоприятном положении, так как менее скованы предубеждениями, более свободны и более подвижны. К тому же идея, лежащая в основании советской системы (а не советская практика), разрешила довольно успешно проблему органического "представительства". В советской системе отправным пунктом является не отдельный человек и не искусственное соединение людей, но органический территориальный член целого — совет, округ, область, город и т.п., или же профессиональные объединения людей в пределах этих территориальных единиц, наконец, национальные части государства. Начала эти и подлежат дальнейшему укреплению, развитию и усовершенствованию в евразийском государстве.

б) Европейская демократия гордится тем, что она основывает свою власть на "свободном" общественном мнении, выражающем волю большинства "нации". Общественное мнение по внешней видимости играет немалую роль в жизни европейских демократий, оно свергает правительства, изменяет состав парламентов, определяет основные направления политики. Но что же называет демократический режим таким "общественным мнением"? "Общественным мнением" на Западе называется не стабилизированное, прочное, глубоко укоренившееся в народе убеждение, а скорее, известные, очень изменчивые народные настроения, возникшие к тому же не самостоятельно, а искусственно привитые политическими партиями. Политические партии в демократическом государстве инспирируют такое "общественное мнение" по любому вопросу политики. Партии вызывают и пробуждают политические настроения, разжигают страсти и их культивируют. Такое "общественное мнение", по большей части, создано искусственно, вздуто и не отвечает ни интересам отдельных народных слоев, ни интересам государственного целого. Существуют особые приемы такого возбуждения "общественного мнения" — это политическая агитация, вооруженная ныне всеми приемами новейшей рекламной техники. Оттого "общественное мнение" в демократической Европе меняется так же, как погода. Сегодня оно склоняется на сторону консерваторов, завтра — на сторону социалистов. Мы отлично понимаем, что "общественное мнение" не может быть чем-то совершенно неподвижным. Меняется общественная жизнь, должно меняться и "общественное мнение". Однако, истинная динамика народных убеждений не может выражаться в той нервной скачке политических настроений, которой характеризуется политическая жизнь современных демократий. Демократическая "динамика" общественного мнения есть вид общественной неврастении, являющийся безошибочным показателем растрепанности современного человека и всей его жизни. Можно сказать, что, если бы система дезорганизованного и нестабилизированного "общественного мнения" без всякого ограничения господствовала бы в государственной жизни, любое государство распалось бы и перестало существовать. Если западные демократии не подвергаются распаду, это значит, что в них существует некоторый корректив безбрежной динамики неорганизованного общественного мнения. О коррективе этом не говорится в учебниках конституционного права, но он действительно существует, и его существованием объясняется, почему, например, несмотря на постоянную смену правительств, Великобритания вела одну и ту же внешнюю политику; или, почему, не смотря на скачку министерств во Франции, устои Французской Республики оставались весьма консервативными, то есть правила одна и та же бюрократия, существовало одно и то же административное устройство и т.д. Мы хотим сказать, что во всяком, даже самом демократическом государстве имеется некоторая политическая константа, хотя ее наличность и заслонена ныне пышными декорациями демократического режима и фразеологией парламентаризма. Наше евразийское государство исходит из требования, что константа эта должна быть опознана и ясно сформулирована. Мы стремимся сознательно зафиксировать в политическом бытии нашего государства то, что западные демократии старательно прячут: путеводную идею государства как целого, его основное призвание, его цель. В этом смысле можно назвать наше государство идеократией или иначе государством стабилизированного общественного мнения. Мы считаем, что в понятии народа как совокупности исторических поколений и воплощена истинная народная воля, единственным органом которой отнюдь нельзя признать случайное голосование наличного большинства взрослых граждан. Оттого мы народному голосованию и не придаем последнего, решающего значения, хотя и считаем его органом, очень важным для определения динамики общественной жизни. Государственная константа является принципом, который требует конкретизации. Народное голосование и призвано дать стабилизированной народной воле конкретные приложения к частным случаям государственной жизни.

Мы считаем, что опять-таки в идее, а не в практике, советская система дает возможность удачно сочетать наличность стабилизированного общественного мнения с его динамикой. Советская система слагается из диктатуры единой партии и из ряда "представительных" учреждений. Первая воплощает начало постоянное, вторые — начало подвижное. Правильное сочетание этих двух начал и составляет основную задачу евразийской политики.

в) Наши противники упрекают нас в том, что мы копируем режим коммунистической диктатуры и если стремимся к его преобразованию, то только путем превращения правящей партии в новое дворянство, которое будет, подобно старому, стоять наверху государства и управлять им. В подобном упреке обнаруживается бедность и косность демократической мысли, которая привыкла к установившимся трафаретам и вне их вообще ничего не представляет. Наше новое понятие государства принимает во внимание опыты прошлого и настоящего, но не делает из них каких-либо безусловных норм. Для истории России особо характерна наличность правящего слоя, который ранее олицетворялся в дворянстве, ныне олицетворяется в коммунистической партии. Но ни учреждение дворянства, ни фактическое бытие коммунистической партии не решают проблемы организации правящей группы в государстве нормального типа. Дворянство было основано на наследственных привилегиях, дарованных тем, кто особо отличился в государственной службе. Дворянство не было, следовательно, организацией идеологической, потому дворянство и обречено было на духовное изживание, на идеологическую смерть. Избавиться от этой судьбы наше дворянство могло бы только в том случае, если бы оно само организовалось на основе какой-либо почвенной, национальной идеи. Дворянство же наше такой идеи не нашло, напротив, оно офранцузилось, омасонилось, явилось наиболее активным фактором нашей европеизации. Дворяне были первыми нашими проповедниками европейской революции, которая, раз свершившись, истребила своих отцов до последнего корня. Новый, революцией рожденный, правящий слой имеет то преимущество, что является объединением идеологическим, однако ему свойственны и громадные недостатки. По существу своему его идеология является ложной и, кроме того, нам чужеродной, заимствованной с Запада. И, что самое главное, по положению своему в государстве новый правящий слой имеет характер западной партии, то есть частного объединения, преследующего некоторые политические цели. В смысле юридического положения коммунистическая партия никак себя не закрепила: в советском государстве она существует фактически, официально в советской конституции о ней ничего не говорится. Поэтому вся постройка советского государства как бы двоится между официальными учреждениями советов и неофициальными учреждениями коммунистической партии. Получается два правительства — явное и тайное: съезды советов и их органы, съезды партии и ее органы. Такое положение нельзя признать нормальным. Оно необходимо толкает или к превращению советского режима в многопартийный или к конституционной легализации "партии" как официального органа республики. Теперешние вожди республики должны понять, что перед нами только эти два пути, причем вступление на первый означает превращение России в подобие Европы второго сорта, вступление же на второй является попыткой построения государства нового типа.

Новый же тип государства требует, чтобы тот общественный слой, который является носителем стабилизированного общественного мнения из политической партии в европейском смысле этого слова, превратился бы в органическую часть государства. Мы видели уже, что такими частями являются территориальные элементы республики, ее профессиональные и национальные клетки. Правящая партия должна быть поставлена наряду с ними как носительница органической государственной идеи. Тогда вышеназванная проблема сочетания государственной константы с государственной динамикой решается путем организации правильного соотношения в советах делегатов от территориальных и национальных частей и от профессиональных организаций с делегатами от правящего слоя.

2) Таким образом, в нашем государстве мы партии заменяем реальными общественными слоями, и это создает условия, при которых нам партии и технически становятся ненужными. Наши противники говорят, что мы хотим запретить другие партии и властвовать при помощи диктатуры. Но если брать нормальное государство в нашем понимании, то дело идет не о механическом запрещении партий, а о сложной политике, направленной на уничтожение партийного режима. Мы не будем запрещать партии, но, безусловно, будем бороться при выборах с тем навязыванием партийных программ, с той безобразной партийной рекламой, с теми бессовестными приемами посулов и обещаний, к которым прибегают современные политические партии. Да и при выборах в советы все эти приемы не будут нужны, а кроме того, ни одна из современных русских ничтожных партий ими не сумеет воспользоваться. Приемы эти пригодны, когда избиратель представляет аморфную массу, идущую к урнам и голосующую те списки незнакомых ей лиц, которых выдвинули партийные комитеты. А когда выборы происходят в каждом селе, то выбирают по деловому признаку, по местной деловой программе, а не по посулам. Тем более, деловой принцип господствует в последующих стадиях, когда происходит отбор делегатами наиболее способных и опытных лиц. Современные представители русских политических партий потому и против советской системы, что они отлично понимают ее несовместимость с партийным режимом. "При советской системе партиям делать нечего, а потому долой советскую систему"... Однако выборы

при советской системе, если они делают ненужными партии, то они отнюдь не упраздняют свободу обнаружения мнений и борьбу различных течений среди избирателей. При выборах в советы мы вполне допускаем возможность деловых расхождений и деловых группировок. Но мы не хотим, чтобы избирателю его мнимые интересы вколачивала партия, мы стремимся к тому, чтобы избиратель сам уяснил эти интересы и отобрал людей, которые окажутся истинно способными выражать волю нации как некоторого органического целого.

1926 г.

Г. В. Вернадский

МОНГОЛЬСКОЕ ИГО В РУССКОЙ ИСТОРИИ

I

Сто лет тому назад, в 1826 г., русская Академия Наук предложила такую задачу на разрешение современных ученых: "Какие последствия произвело господство монголов в России, и именно, какое имело оно влияние на политические связи государства, на образ правления и на внутреннее управление оного, равно как на просвещение и образование народа". Сроком для представления ответа было назначено 1-е января 1829 г.

К назначенному сроку поступило лишь одно сочинение на немецком языке, которое не было признано достойным награды.

Через несколько лет после неудачной попытки Академия вновь предложила задачу в той же области, но определила ее гораздо более узко. В новой постановке (1832 г.) задача была выражена следующим образом: "Написать историю Улуса Джучи или так называемой Золотой Орды, критически обработанную на основании как восточных, особенно магометанских историков и сохранившихся от ханов сей династии монетных памятников, так и древних Русских, Польских, Венгерских и проч. летописей и других, встречающихся в сочинениях современных европейцев, сведений".

Срок для решения этой новой задачи поставлен был также трехлетний (1 августа 1835 г.). На этот раз в Академию поступила также работа на немецком языке, большая и значительная, но, однако, после отзывов академиков Френа, Шмидта и Круга премия за работу и на этот раз не была присуждена .

С тех пор прошли десятки лет. Несколько поколений русских ученых трудились над изучением вопросов, поставленных Академией Наук в первой половине XIX века. Многое исследовано и уяснено; помимо источников арабских и персидских привлечены к рассмотрению источники китайские.

Однако, если мы приблизились теперь к разрешению второго вопроса, поставленного Академией (о Золотой Орде), то первый общий вопрос об удельном весе монгольского ига в истории русского народа остается, в сущности, до сих пор без ответа. Между тем, то или иное решение этого вопроса имеет громадное значение для понимания всего хода русской истории.

Русскую историю можно рассматривать с двух точек зрения. Можно изучать внутреннее развитие русской жизни и русского народа безотносительно к окружающим народам. Можно, с другой стороны, стремиться выяснить развитие русской истории на фоне истории мировой.

Когда смотрели на русскую историю с этой последней точки зрения, то обычно под мировой историей понимали историю западноевропейского мира. Русская история являлась тогда как бы только привеском истории Западной Европы. Все мировое значение России во времени представлялось лишь в том, что она оберегала западноевропейскую цивилизацию от азиатского "варварства".

Излагая происхождение "восточного вопроса" во время русско-турецкой войны при Александре II, историк Соловьев писал так: "У нашего героя древнее и знаменитое происхождение... Восточный вопрос появился в истории с тех пор, как европейский человек сознал различие между Европою и Азиею, между европейским и азиатским духом. Восточный вопрос составляет сущность истории древней Греции; все эти имена, знакомые нам с малолетства, имена Мильтиадов, Фемистоклов, близки, родственны нам потому, что это имена людей, потрудившихся при решении восточного вопроса, потрудившихся в борьбе между Европою и Азиею. Ожесточенная борьба проходит через всю европейскую историю, проходит с переменным счастьем для борющихся сторон; то Европа, то Азия берет верх: то полчища Ксеркса наводняют Грецию; то Александр Македонский с своею фалангою и Гомеровою Илиадой является на берегах Ефрата; то Аннибал около Рима; то римские орлы в Карфагене и в его метрополии; то гунны на полях Шалонских и аравитяне подле Тура; то крестоносная Европа в Палестине; то татарский баскак разъезжает по русским городам, требуя дани, и Крымский хан жжет Москву; то русские знамена в Казани, Астрахани и Ташкенте; то турки снимают крест со Св. Софии и раскидывают дикий стан среди памятников древней Греции; то турецкие корабли горят при Чесме, при Наварине, и русское войско стоит в Адрианополе. Все одна великая борьба: все один восточный вопрос",

"Но, разумеется, — добавляет Соловьев, — восточный вопрос имеет наибольшее значение для тех европейских стран, которые граничат с Азией, которых борьба с нею составляет существенное содержание истории, таково значение восточного вопроса в истории Греции; таково его значение в истории России вследствие географического положения обеих стран".

Конечно, в историческом весе России этот элемент — защита Европы от Азии — играл роль. Понятно также и возмущение русских мыслите-

лей, когда в Европе об этом забывали. В свое время (1834 г.) ярко выражено было это возмущение А.С. Пушкиным: "Долго Россия была совершенно отделена от судеб Европы. Ее широкие равнины поглотили бесчисленные толпы монголов, остановили их разрушительное нашествие. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено истерзанной, издыхающей Россией, а не Польшей, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как неблагодарна".

Несомненно, в исторической роли России была и эта сторона. Русь была в течение ряда веков рубежом между Западом и Востоком, Европой и Азией. Этой стороной, однако, далеко не исчерпывается историческая роль России в истории мировой. Мировая история — понятие гораздо более широкое, чем история европейская.

У нас создалась искривленная историческая схема мировой истории. Германо-романская Европа нам представляется основным стержнем исторического процесса. Такое представление создалось главным образом на основании бурного роста европейской культуры в XV-XIX веках.

Между тем, эта культурная гегемония Европы (притом ее надо понимать преимущественно в ограниченном смысле развития прикладного естествознания и техники промышленной, военной и политической жизни) — явление временное. Как сложится мировая жизнь уже в XX веке — большой вопрос и большая загадка. Среди романо-германских народов все больше выдвигаются в жизни новые образования — Америка англосаксонская, а также Америка испано-португальская. Предстоят колоссальные сдвиги народов Азии и Африки — индусов, китайцев, японцев, монголов, турок, негров.

Картину, столь же непохожую на романо-германскую гегемонию XV-XIX веков, мы находим в прошлом.

Так называемое "падение римской империи" есть соприкосновение средиземноморского греко-римско-сирийского и еврейско-арабского мира с миром среднеазиатских и южнорусский кочевников. Кажущийся "регресс" материальной культуры средиземноморского мира был, с другой стороны глядя, "прогрессом" — грандиозным раздвиганием культурно-исторических и культурно-географических рамок. Кочевники, шедшие волнами друг за другом из черноморских степей и из глубин континента, оказывались часто посредниками между цивилизацией и культурою средиземноморскою и дальнеазиатскою (китайскою и индусскою), не говоря о том, что сами кочевники несли с собою совершенно новую культуру, например, в области искусства.

Материальная культура "римской империи" оказалась бессильна перед напором культуры новых народов, "варваров".

Но духовный подъем средневекового мира, связанный с новой религией — христианством, в значительной степени совладал с разбушевавшимися историческими стихиями.

Церковь была связующим началом между миром средиземноморским и миром "варварским". Через церковь многие элементы "варварской" цивилизации проникли в жизнь народов, подчиненных ранее римскому мечу. С другой стороны, церковь захватывала в черту своего влияния и своей организации новые "варварские народы".

Все дальше на восток двигался центр церковного влияния. Первый церковный "Рим" был в старом средиземноморском Риме. Второй, Новый Рим, был уже на рубеже Европы и Азии, на Босфоре, в Византии. Третий Рим был еще дальше на восток, в недрах восточной, монгольской Руси — в Москве.

Царьград, он же Константинополь, Византия тож, — был центром Православия в средние века.

В разные стороны от этого центра, по мере уменьшения его влияния, распространялись боковые (со всемирной для средневековой истории точки зрения) ветви христианства, — на Западе, в мире романо-германской Европы, латинство, — на Востоке, в мире иранской Азии и турецкой и монгольской степи, — несторианство.

II

Вся история Византийского царства проникнута взаимоотношениями со степным Востоком. Теми же отношениями окрашены ранние века русской истории, ее "домонгольский период", — Киевская Русь. Печенеги, половцы, торки, берендеи, черные клобуки — все эти, по преимуществу, турецкие народы южнорусских степей входили в постоянное соприкосновение с миром греческим и русским, то враждовали и воевали с Царьградом и Русью, то в отдельных частях и в разных комбинациях вступали с ними в союзные и дружественные отношения.

Русская цивилизация и культура постепенно пропитывалась началами, с одной стороны, византийской (т.е. греко-восточной) цивилизации и культуры. С другой — цивилизации и культуры степных кочевников, перенимая от них одежду и оружие, песнь и сказку, воинский строй и образ мыслей.

С этой точки зрения монгольское нашествие XIII в. не было чем-то принципиально новым. Это была такая же глубинно-материковая волна, только волна необычайной силы и невиданной ранее степени напряжения. Притом эта волна совершенно захлестнула собою русский мир, по крайней мере, восточную его половину. Этим и создана была новая основа русско-восточных отношений. Началось политическое подчинение Русской Земли Востоку — "монгольское иго".

III

В нашем сознании понятие "монгольского ига" связано прежде всего с отрывом русской земли от Европы. Однако, это обстоятельство имело и обратную сторону.

Если "монгольское иго" способствовало отрыву русской земли от Европы (большой вопрос, насколько глубок был этот отрыв), то, с другой стороны, то же "монгольское иго" поставило русскую землю в теснейшую связь со степным центром и азиатскими периферями материка.

Русская земля попала в систему мировой империи — империи монгольской.

Мировой характер этой империи как-то недостаточно до сих пор нами сознается.

Мировое значение имела римская империя времен Траяна и историческое продолжение ее — византийская империя эпохи Юстиниана, а затем эпохи Василия II. Мировая империя Византии была разрушена крестоносцами-латинянами в 1204 г. Латинские же средневековые империи — учрежденная Карлом Великим в 800 г. "священная римская империя германской нации", и другая — Константинопольская империя Балдуина — мирового значения иметь не могли. Империя "германской нации" имела значение лишь провинциально-европейское. Империя Константинопольская Латинская не имела и такого значения.

Роль Рима и Византии — объединительницы культур Запада и Востока, культуры земледельческой морской и культуры кочевнической степной — эта роль в начале XIII века, после падения империи Византийской, — перешла на империю Монголов.

При этом, однако, круг земель и народов, охваченный монгольской саблей, был значительно шире того, который очерчен был ранее римским мечом.

Римская и позднее Византийская империя построены были на системе взаимоотношения средиземноморского очага цивилизации (земледельческо-морской) и степной культуры кочевников.

Монгольская империя захватила уже два очага цивилизации (земледельческо-морской): с одной стороны Китай, с другой — земли; входившие в Византийскую империю (Малая Азия, Кавказ, Крым, Балканы) . При этом произошло перемещение центра тяжести из одного типа в другой.

Византийско-римская империя основана была на морском-земледельческом типе, и из этой основы вступила в соприкосновение с типом кочевническим, континентальным. Монгольская империя имела как раз центр в кочевническом мире, а боковые ветви этой империи — земледельческие очаги (Китай и М. Азия — Балканы).

Русская земля имела ранее культурную связь с одной мировой империей — Византийской. Политическая гегемония Византии имела, однако, характер довольно слабой связи (за исключением церковных отношений). Связь эта совсем расшаталась и ослабла с падением Византии и установлением в Константинополе латинской империи (1204).

В результате монгольского завоевания Русская Земля попала в систему другой империи — Монгольской, за исключением только церковных отношений; в церковном отношении Русь продолжала подчиняться вселенскому патриарху, который большую часть XIII в. пребывал уже не в Константинополе, а в Никее (в Малой Азии).

Подчинившись государям из дома Чингис-хана, русская земля в политическом отношении была включена в огромный исторический мир — простиравшийся от Тихого океана до Средиземного моря. Политический размах этого мира наглядно рисуется составом великих монгольских курултаев XIII века: в этих курултаях участвовали (помимо монгольских князей, старейшин и администраторов всей средней, северной и восточной Азии) русские великие князья, грузинские и армянские цари, иконийские (сельджукские) султаны, кирманские и моссульские атабеки и пр. К центру монгольской власти должны были тянуться люди из разных концов материка по своим разным делам — административным, торговым и т.п.

Для Руси оказались открытыми дороги на Восток. Русские военные отряды ходили с татарскими царями далеко за Дон, из которого раньше половцы мешали им испить воды шеломом .

"Гости Рустии" — русские купцы — были в большом числе в Орде на Северном Кавказе во время убиенья князя Михаила Ярославича Тверского (1319 г.). По всему северному Кавказу можно было найти в это время "церкви христианские", где молились эти купцы.

Русские военные отряды участвовали также в войсках Кубилая при завоевании южного Китая во второй половине XIII в.

Монгольская империя, совершенно единая при первых великих ханах, быстро начала распадаться на отдельные государства — китайское, персидское, Джагатайское, Золотую Орду. Тем не менее, связь между отдельными монгольскими государствами продолжала еще долго существовать, и долго еще поддерживались вассального типа отношения различных монгольских государей к лицу великого хана, пребывавшего в Китае со времени знаменитого Кубилая . Таким образом, до падения монголов в Китае, т.е. до средины XIV века (1368), поддерживалось, хотя и ослабленное, единство всей имперской монгольской системы.

Наглядным документом этого имперского единства является любопытный чертеж монгольской империи, относящийся к 1331 г.

На этом чертеже монгольская империя разгорожена чертою на несколько отдельных частей, но все они вместе слагаются в целое единство.

Части эти следующие: 1) Основное ядро — Срединная Империя (Китай) — империя Тоб-Тимура. 2) Персия — держава Бу-са-ина (Абусаида). 3) Туркестан — Джагатайская держава . 4) Кипчацкое царство — Держава Ю-дзу-бу (Узбека).

Согласно этому чертежу, Русская Земля ("А-ло-ш" в передаче монгольского чертежника — ср. мадьярское "орош", калмыцкое "орос", кавказское "урус") является крайним северозападным уголком великого азиатского мира, который можно сопоставить со "вселенной" (икумени, Византийцев).

Русская Земля выступает однако не самостоятельным членом этого мира; Великому Хану она подчинена не прямо; Русская Земля входит в царство Узбека — составляет часть улуса Джучиева.

IV

Из русских земель северо-восточная и юго-восточная Русь вошли на более продолжительное время в состав улуса Джучиева. Другая половина Руси уже в середине XIV в. оказалась под властью Запада. Хотя русские земли, вошедшие в состав Польского, Литовского и Венгерского государств, во многом сохранили свои культурные начала, но культуру национально-государственную они утратили.

Основное русло исторического процесса развития русской государственности пролегло не в западной, охваченной латинством, Руси, а восточной, захваченной монгольством.

Восточные русские земли тоже вошли в состав государства иноплеменного — монгольского. Однако это государство было — мировая империя, а не провинциальная держава.

Эта империя не мешала внутренней культурной жизни своих частей — в том числе и Земли Русской.

Империя, эта вела борьбу со своими западными соседями — Литвою, Венгрией, Польшей — а эти соседи были как раз и неприятелями народа русского. Монгольско-татарская волна поддержала на своем гребне оборону русского народа от латинского Запада. Когда Монгольская империя

окончательно распалась, прежняя ее часть, улус Джучиёв, Золотая Орда, продолжала традиционную имперскую политику борьбы с Западом.

Как и Москва, Сарай боролся с Литвою. Исторически роль Сарая в этом направлении была не меньше. Нападая на Литву, Сарай защищал этим русскую культуру даже тогда, когда политически уже враждовал с Москвою.

В 1380 г. на Куликовом поле Москва в первый раз открыто выступила против Сарая — и устояла. Устояла ли бы она в эти же годы против Литвы без монгольской помощи — далеко неизвестно. Сильный литовский князь Витовт расширял все больше на Восток свои владения. Большой вопрос — без вмешательства Сарая в борьбу, чем кончилось бы дело: укрепился ли бы центр русской государственности в православной Москве или в полуополяченной Вильне.

Сарай решил дело.

В 1399 г. рать Витовта потерпела на реке Воркслe страшное поражение от Эдигея. После этого поражения Литва долго не могла оправиться; напор латинства на Восток был с тех пор подорван. Историческое значение битвы на Ворскле 1399 г. не меньше, чем битвы на Ворскле же с небольшим 300 лет спустя (Полтава — 1709г.).

Битва на Ворскле 1399 г. — одно из величайших событий в русской истории, хотя в этой битве восточно-русские полки не участвовали вовсе, а западно-русские — участвовали на стороне Витовта.

Успехом Сарая исторически воспользовалась — Москва.

V

Совместная историческая жизнь Русской Земли и улуса Джучиева в течение двух столетий имеет громадный исторический интерес и большое историческое значение.

Монгольская империя распалась на несколько держав. Большая часть из них совершенно слилась с теми старыми государствами, в рамках которых возникли монгольские новообразования. В историю этих государств монгольский элемент вошел просто в виде определенной династии. Такой характер имеет период монгольской династии Кубилая и его преемников в Китае (1260-1368) или период монгольской династии Хулагу и его преемников в Персии (1256-1334) .

Иная историческая судьба была суждена Джучиеву улусу. Мы не видим полного слияния его с русской государственностью. Мы видим как бы два центра: Сарай и Москву. Первый центр имеет главное, основное значение в административно-государственной жизни всего царства Золотой Орды — но все же это не единственный центр. Исторически это, может быть, объясняется тем, что Золотая Орда явилась преемницею сразу двух государственных миров: степного (частью половецкого) и лесного (северно-русского).

В пределах первого — в южнорусских степях — оказался главный центр Золотой Орды — недаром государство Джучи-дов известно было на всем востоке под именем "Кипчацкого царства" .

В пределах второго — в северно-русских лесах — возник дополнительный, русский, центр улуса Джучиева — Владимир, потом Москва.

Теоретически мыслимо было течение дальнейшего процесса двумя руслами.

Или могло постепенно возрастать внутреннее значение северного, русского дополнительного центра — т.е. Москвы, — до тех пор, пока этот дополнительный центр не стал бы сильнее прежнего, главного центра, — тогда уже был неизбежен разрыв, распадение на два центра. В действительности, как известно, так и произошло. Когда Сарай ослаб, а Москва усилилась, царство Джучидов разорвалось на две половины: Золотую Орду и великое княжение Московское.

Но мыслимо было обратное явление. Главный центр мог получить преобладающее значение и постепенно захватить и переработать все внутренние и внешние силы обоих половин улуса Джучиева — татарской и русской. Золотая Орда могла стать если не прямо русским, то монголо-русским государством, как было монголо-китайское, монголо-персидское, а с другой стороны — литовско-русское.

Существенным для такого слияния в новых монгольских государствах был вопрос религиозный.

Культурное слияние было полным и решительным, когда правящая монгольская аристократия принимала веру большинства населения страны, куда внедрилась эта аристократия (буддизм в Китае, мусульманство — в Персии) .

Иными словами, если бы монгольские ханы, потомки Джучи, приняли Православие, то, вероятно, не Москва, а Сарай оказался бы духовным и культурным центром русской земли.

В обычном сознании так прочно укоренились представления о чуть ли не исконном мусульманстве татар и монгол, что предположение о переходе в Православие ханов Золотой Орды покажутся, может быть, праздными и пустыми фантазиями. Однако, фантазии эти несколько раз близки были к осуществлению. Мусульманство вовсе не было исконною верою монголо-татар .

Не кто иной, как сын Батыя Сартак, был, вероятно, или очень близок к Православию, или прямо в Православие перешел. О христианстве Сар-

така есть показание добросовестного арабского историка аль-Джауздани, автора книги "Насировы таблицы". Аль-Джауздани в 657 г. мусульманского летоисчисления (1258-1259 г. от Р. Х.) видел в Дели приехавшего из Самарканда по торговым делам сеида Ашрафа-эд-дина. Сеид рассказывал историку следующее о Сартаке и его смерти.

Сартак, гонитель мусульман, наследовал своему отцу Батыю после смерти его. Вступив на престол, Сартак должен был отправиться на поклонение великому хану Менке. На обратном пути Сартак проехал мимо орды дяди своего Берке и повернул в сторону, не повидавшись с ним. Берке послал спросить его о причине такого оскорбления. Сартак ответил: "Ты мусульманин, а я исповедаю христианскую веру; видеть лицо мусульманина есть несчастье". Берке заперся в своей палатке, положил веревку себе на шею и трое суток провел в плаче и молитве: "Боже, если вера Мухамеда согласна с истиною, отомсти за меня Сартаку". На четвертый день после этого Сартак умер .

Преемник Сартака, Берке, наоборот, официально принял мусульманство. Обращение Берке не означало, однако, окончательного обращения в мусульманство всей Орды. Один из следующих "ординских царей", Тохту (1291-1313 гг.), был ревностным почитателем шаманства и ламаизма. Преемник его Узбек, на сестре которого женат был московский князь Юрий Данилович, был очень расположен к Православию.

На саранских монетах относящихся, по-видимому, ко времени Узбека, встречаются изображения двуглавого орла и, вероятно, Богородицы (женщины с младенцем). Узбек перешел, однако, в мусульманство: "Царь Озбяк обесерменился", отмечают и наши летописи. Лишь с этого времени (начало XIV в.) положена была окончательная грань между Золотою Ордою и Русью. Впрочем, и сам Узбек, и его ближайшие преемники доброжелательно относились к русской церкви и давали "ярлыки" в обеспечение прав русских митрополитов и епископов, точно так же, как не ставили никаких препятствий переходу монголо-татар в Православие.

VI

Два культурных центра Джучиева улуса — Сарай и Москва — тесно связаны между собою в устройстве величайшей русской исторической культурной силы — Православной Церкви.

Вскоре после монгольского завоевания руководители русской Церкви поняли и осознали необходимость крепче связаться с новым государственным центром, Сараем. Русская Церковь пережила время неустройства. Кафедрою митрополита с самого начала на Руси был Киев. После монгольского погрома 1240 г. Киев потерял значение и долго не мог оправиться.

Митрополиты стали подолгу жить в северо-восточной Руси, во Владимире на Клязьме, в конце XIII в. окончательно переселились во Владимир, а затем в Москву .

Митрополит жил во Владимире (потом в Москве), поэтому Владимир (Москва) был государственным центром русских земель, входивших в улус Джучиев.

Митрополит не мог, однако, оставить без внимания главный центр улуса Джучиева — Сарай. Каждый русский митрополит XIII-XIV в.в. должен был часто ездить в Сарай и подолгу пребывать там. Понятна была мысль — устроить в Сарае нечто вроде постоянного своего представительства. Таким представительством была основанная в 1261 г. митрополитом Кириллом Сарайская епископская кафедра .

Со своей стороны и "царь татарский" требовал, чтобы в столицу его назначен был "большой поп". Сарайский епископ был как бы представителем митрополита всея Руси подобно тому, как этот последний сам был на Руси как бы представителем Вселенского Патриарха Царьградского.

Сарайский епископ служил посредником между митрополитом и монгольским ханом с одной стороны, вселенским Царьградским императором и патриархом — с другой. К патриарху и к царю греческому в Царьград ездил Сарайским епископ с грамотами от царя ординского и от митрополита всея Руси.

Таким образом, если было два центра в улусе Джучиевом — Сарай и Москва — то эти же центры служили средоточиями и церковного устройства Руси.

С точки зрения государственно-административного механизма главный центр был Сарай, дополнительный — Москва.

В церковном отношении было наоборот. Главный центр был Москва, дополнительный — Сарай.

Но если бы оправдались вышесказанные предположения о переходе сарайских ханов в Православие — ясно, что быстрее переменились бы роли Москвы и Сарая и в церковном отношении. Митрополия всея Руси, утратив Киевские корни, укрепилась бы окончательно не в Москве, а в Сарае.

Сохранились кое-какие исторические следы притязаний Сарайского епископа на внушительную роль в русской церковной жизни. Сарайский епископ постоянно настаивал на расширении своей власти в сторону русских земель. В течение второй половины XIII и первой половины XIV века шли постоянные споры за пограничные приходы рязанской земли (по верховьям Дона) между владыками Саранскими и Рязанскими. Митрополит Феогност решил спор в пользу Сарая, и с тех пор Сарайский владыка стал

именоваться "Саранским (позже Сарским) и Подонским", — даже когда спорные приходы отошли снова к Рязани. Один из Саранских епископов, Измаил, питал какие-то замыслы против самого Московского митрополита, так что митрополит Московский Петр (позже причисленный к лику святых) лишил Измаила сана и епархии (1312).

Притязания Сарайского владыки в действительности не осуществились.

Центр православной государственности укрепился в Москве, а не в Сарае.

Церковно-политическое значение Сарая падало вместе с падением силы Золотой Орды — и, наконец, пало окончательно. В средине XV в. Сарайский епископ Вассиан перенес свою кафедру в Москву, поселившись в Крутицах, которые уже с конца XIII в. служили подворьем сарайских епископов в Москве. Сарайский епископ превратился в епископа (затем митрополита) Крутицкого.

Крутицкий митрополит, викарий и правая рука Патриарха Московского и всея России — представляет собою, таким образом, исторический пережиток глубокого значения.

Крутицкий митрополит, викарий Московского Патриарха, есть напоминание о неосуществившейся исторической возможности — патриархе Сарайском, для которого святитель Московский был бы, наоборот, викарием.

Крутицкий митрополит — глубокий символ монгольского влияния на развитие русской культуры.

1925г.

П.П. Сувчинский

СИЛА СЛАБЫХ

Что в том, что один еще не начинал
беспокоиться, а другой у же успел дойти
до запертой двери
и об нее крепко стукнулся лбом.
Всех в свое время то же самое ожидает,
если не выйдут на спасительную дорогу
смиренного общения с народом.

Достоевский (Речь о Пушкине)

В настоящее время развертывается событие мирового значения, подлинную сущность и последствия которого даже самым прозорливым не угадать.

Событие это — Русская Революция, но не в ее социально-политическом смысле и значении, а в ее национально-метафизической сущности. Как явление порядка социально-политического, она, вероятно, подчиненно протекает по руслу революционной законности. Тайна — в ее национально-мировом итоге.

Не коммунистической только заразы боится Запад, когда пытается окружить Россию заставами. Европа поняла, правда, не отчетливо и не уверенно, скорее ощутила, грядущий итог Русской Революции и уже содрогнулась перед ним и приняла меры защиты. Она поняла, что итог этот определится не революционной энергией русского коммунизма, а историческим предопределением всего русского народа. Поняла, что на глазах у всех вырастает и крепнет прежняя Европейская провинция, с которой неминуемо придется сразиться, которая даже первая, не дожидаясь высокого вызова, — обручится войной обличения, укора и гнева на свою недавнюю и, казалось, вечную метрополию.

Россия была великодержавной, никогда не будучи государственной. Государственный навык всякого народа определяется равнодействующей государственной сознательности всех индивидуумов, его составляющих. Великодержавность есть предопределенная потенция властности, размаха и разлива всей народной сущности. Это бессознательное ощущение мощи, это удельный вес всей народной массы, вытесняющей, раздвигающей собою окружающую среду. Это — невольное самоутверждение, droit sacre[1] собственного бытия. Иногда великодержавность высокомерно разрастается, иногда слабеет, разлагается, превращая крепкую, казалось, государственную плоть в рыхлое, бессильное, рассыпающееся человеческое вещество. Бывает, что дар великодержавности совпадает с выработанными способностями к государственной технике — иногда же они взаимно исключают друг друга...

Слава России — не сознательно обусловлена государственной способностью ее народа. Славой — Россия слепо одарена к ее великодержавной сущности. Этой сущностью определена вся история русского народного коллектива, ей всецело подчинена русская личность, ею обусловливаются свойства русской души и воли, вернее даже свойство массы вытекает из свойства личности. Подобно приливам и отливам великодержавности русского государственного коллектива, русская личность на путях духовного восхождения, на путях великого жизненного искуса также колеблется, шатается между подвигом и падением, между взлетом и срывом. Взлет поражает своей возносящей силой, точно невидимая рука с неба простирается и подхватывает. Срыв — всегда ужасен бездной своего падения, потерей Лика Божьего.

И тогда смирение, покорность граничат с подобострастием, с трусостью, с подлым чувством собственной потерянности — иногда смелость становится безумной, вызывающей гордыней. В этих колебаниях — закон истории русского народа, равно как и закон жизни каждой его личности. В этой смене возвеличения и унижения жила народная, стихийная Россия, то безмерно великодержавная, то обессиленная и порабощенная, когда внезапно таинственные силы народной напряженности, эластичности иссякали, складывались, поджимались, как гигантские крылья испуганной птицы.

Русская интеллигенция издавна привыкла воспринимать европейскую культуру не в сознании равенства, а в убеждении ее превосходства, обязательности, исключительности и правоты. Эта робость и подчиненность безусловно коренится в самом существе русской природы: если уж признать себя неравным, допустить над собой чье-либо превосходство — то необходимо и подчиниться, смириться, малодушно отречься от своего. Это своего рода послушничество, даже самопредательство. В отношении чужих народов стихийная Россия была великодержавной, т. е. владычной, либо разлагаясь, безвольно покоряясь, сдаваясь в работе, — все-таки судорожно сжимала, равно затаивала свои заветы в глубинах народной души...

Всечеловеческие идеи отображаются у различных народов в формах разнообразных культур. Развивая в себе гений всечеловеческого идейного вместительства, русская интеллигенция тем самым совмещала, вбирала в свое сознание, до полного сродства с ними, все разновидности чужих европейских культур, в ущерб самораскрытию и утверждению собственной. Вследствие этого русская интеллигенция оказалась интернационально просвещена, но обезличена. Специфическая "интеллигенция", конечно, не исчерпывает России как великого целого. В проявлениях владычной великодержавности, в творческом деле культуры Россия хранит, как драгоценное достояние, примеры своеобразной, исключительной и подлинной национальной воли.

В настоящее время, в эпоху величайшей трагедии упадка, паралича державных сил и воли русского народа, в эпоху, когда вся собранность русской государственности ослабела и расплылась, и тем самым должны наново рождаться и строиться все внутренние ее взаимоотношения, — народная стихия бессознательно, но властно подняла гонение мести и обличения на свою сознательную часть, когда та не смогла ответить ей, в великий момент испытания — близкой, понятной ей, народной, национальной культурой. Нельзя сказать, что вся интеллигенция изгнана, но можно смело утверждать, что, за малыми исключениями, изгнана только интеллигенция.

Этим изгнанием произнесен грозный приговор той форме восприятия западной культуры, которая со времен Петра признавалась русской сознательностью — непреложной и истинной. Насколько творящий, вещающий гений России оказался свободным и самобытным, настолько гений вмещающий, усвояющий — раскрылся во всей своей робости и подчиненной обусловленности.

Интеллигенция оказалась распыленной по всему миру. В то время как народная стихия в мучительных борениях и страстях вновь обретает свои таинственные, великодержавные силы, которые рано или поздно раскинут, разольют ее в прежней славе и силе, — русская интеллигенция, впервые поставленная лицом к лицу, личность к личности к культурным народам всего мира, и поставленная тем самым в необходимость, наконец, заслуженно самооценить свои возможности, а главное, свои национальные, народные истоки, начала переживать искупительный процесс позднего самонахождения и самоутверждения. Только в действенном, фактическом противоположении, а не из "прекрасного далека" и не в процессе слепого усвоения русская интеллигенция реально ощутила черту, которая прошла между ней и ее вчерашним духовным кумиром. Поняла и раскаянно содрогнулась, так как слишком неоценно-драгоценным оказалось свое и слишком изжитым и бедным чужое. Бессильная, изгнанная, она начала свое перерождение и если от него не отступится, то в близком грядущем обретет опять свои подлинные силы и права.

Народ собирает свои силы в коллективном борении, интеллигенции — в опыте личности. Сейчас — это враги, так как в жажде самовыявления и освобождения от чужих форм сознания и жизни народ поставил интеллигенцию на сторону своих европейских врагов. Но было бы великой ошибкой думать, что мечом коммунизма борется русский народ с Ев-

ропой и интеллигенцией. Наоборот, коммунизм — это последнее обличье, которое приняла интеллигенция в своем фанатическом отстаивании принципа уравнительности и всеобщности.

Изгнав в порыве ненависти своих ложно-идейных водителей, русский народ в своем искании сознательной истины, по привычной подчиненности отдал свою судьбу, поверг себя в рабство еще раз, новой диктатуре той же интеллигенции, но наиболее страшной и властной ее части, не сознательно-идейной, которая господствовала до тех пор, пока революция не стала фактическим осуществлением, а фанатически-волевой. Безответственно-мятежные силы интеллигенции, отбираясь в слепом устремлении к всемирно-социалистическим идеям, — сосредоточили страшную волевую энергию в нездоровой, перегретой атмосфере эмигрантства и подполья. Эта воля — жгучая, жестокая, мстительная, не знающая удержа, ныне схватила в свои тиски потерявшие свою звезду народные массы. Но ее путеводная истина чужда и ненавистна подлинной России, как и прежняя, ибо большевистский интернационал есть лишь волевое последствие космополитических блужданий и соблазнов русского безбожного, греховного интеллигентского духа; греховного, ибо вне Церкви не может быть праведна мечта о всемирное™ и истине. Это рано или поздно будет понято всеми, после чего волевая (последняя?) диктатура интеллигенции будет так же стихийно сметена. Тогда совершится великий завет России, сбудется пророческая ее тайна: умудренный и успокоенный народ и прозревшая интеллигенция примирено объединятся под одним великим и всеразрешающим куполом Православной Церкви.

1921 г.

Л.П.Карсавин

ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ

I

Для обозначения систематического учения о культуре как о целом мы избираем старый аристотелевский термин "политика" (от "полис" — огосударствленное целое). Таким образом "снимается" господствующая доныне антитеза общества и государства, и вместе с тем государственность признается моментом, качеством или признаком, определяющим единство и целостность культурного организма. Изучая культуру со стороны ее единства, мы принципиально отвергаем и понимание культуры как простого систематического единства ряда "самостоятельных" сфер (государственности, социального строя, экономического строя, духовной культуры), и монистическое понимание ее путем выведения всех частных сфер из одной какой-нибудь частной же сферы (например — экономической), и пренебрежение к самому существенному моменту культуры к принципу ее единства, не совпадающему ни с одной из частных сфер, хотя и участняющемуся в одной из них (именно — в государственной). Всем этим знаменуется решительный разрыв с "социологией", которая до сих пор без успеха притязает на звание науки и беспомощно путается в приблизительных обобщениях и примитивных попытках определить свой "метод". Социология является характерным продуктом европейского рационалистически-индивидуалистического развития; и не случайно самою стройною и влиятельною социологическою системою оказался материалистический марксизм, теоретически (не на практике!) отрицающий государственность, т.е. живое и духовно-личное единство культуры. Мы, русские, находимся в исключительно благоприятном положении. У нас была своя "Европа" в лице дореволюционного правящего слоя. И эта "Русская Европа" опередила свою метрополию — "Европу Европейскую", бесстрашно сделав последние выводы из предпосылок европейской культуры и жизненно предвосхитив угрожающий ей смертельный кризис. Но в гибели "Русской Европы" возрождается Евразийская Россия, раскрывая себя, как великую мировую культуру и как новое миросозерцание. Уже не годятся старые формы и старые термины: в новых обнаруживается вечное существо всякой культуры. И не в маленьких поправках, не в наивных переименованиях социологии в "обществоведение" заключается проблема, а в новой миросозерцательной установке. Вместе с новою культурною эпохою на смену "социологии" приходит "политика".

Политика строится не на индивидуалистически-материалистических и не на бездейственно релятивистических предпосылках и гипотезах, а на философском учении о личности (просопологии или персонологии). Из учения о личности выясняются природа и строение субъекта культуры, как личности соборной, природа государственности, как формы, определяющей личное бытие этого субъекта и органичность культуры, смысл духовного и материального творчества культуро-субъекта и, наконец, отношение культуро-субъекта к своему совершенству, т.е. его религиозно-нравственная деятельность и смысл права.

Здесь дается лишь первоначальный очерк политики, по внешним условиям неравномерный в отдельных своих частях и даже не затрагивающий ряда важных проблем. Так, не затронуты проблемы историософские, только намечена проблематика духовной и материальной культуры и устранена критика современного индивидуалистического миросозерцания. Равным образом не взята в надлежащей глубине проблема религиозная. Приходилось считаться с ограниченностью места, с актуальностью тех или иных вопросов и со степенью разработки их в евразийской литературе. Тем не менее нам кажется, что общий остов системы выступает с удовлетворительною ясностью, а на большее пока мы и не притязаем.

II

Смысл существования определяется теми культурными ценностями, которые хранит и многообразно видоизменяет субъект развития. Эти ценности составляют некоторое органическое единство; и его-то мы и называем культурою. Таким образом, культура — не простая сумма ценностей и даже не система их, но их органическое единство, всегда предполагающее существование некоторого субъекта, который их создает, хранит и развивает, который, нужно сказать и так, сам в них, и только в них, развивается. Живая еще культура всегда обладает способностью к развитию и совершенствованию. И каждый ее "момент" отличается своею особою и особенною, неповторимою и незаменимою, единственною и необходимою для существования культуры как целого ценностью. Однако именно с точки зрения целого культуры есть более и менее ценные ее моменты и периоды. Таким образом, все моменты культуры обладают "первичным равенством" и "соотносительным неравенством" или "иерархическим взаимоотношением". Вытекающее отсюда противоречие, с которым эмпирически считаться необходимо, преодолимо вполне только в метафизике и религии.

Культура создается свободным субъектом и есть свободное его самопроявление, частью живое и становящееся, частью словно отрывающееся от субъекта и застывающее в форме традиции, которую он свободно приемлет, одобряет и видоизменяет соответственно "духу" или целому культуры, т.е., в конце концов, соответственно себе самому. В культуре поэтому следует различать прошлое или историческую традицию, настоящее и будущее или сферу свободно полагаемых целей. Впрочем, как полагаемые самим субъектом культуры, эти цели определяются его свойствами и тем самым согласуются с историческою традициею. Так сохраняются единство культуры и свобода ее субъекта, ибо, если моменты культуры и распределяются во времени и пространстве, субъект ее не ограничен своими временем и пространством, а содержит их в себе и выше их .

Культуре, как целому и как органическому единству, принадлежит примат над отдельными ее проявлениями или моментами, откуда вытекает уважение к традиции в самом акте творчества нового и оправдание этого акта в самой охране традиции. В частности, культуре принадлежит примат и над внешним выражением ее единства или внешнею ее организациею, т.е. над ее государственностью (см. далее, § 6).

Субъект развития может быть индивидуальным или соборным (симфоническим). Понятие и термин "культура" применяются почти всегда к субъектам второго рода. Так говорят о "культурном человеке", предполагая освоенность им культуры, и о "культуре" человечества, народа, сословия, класса, а "класс", "сословие", "народ", "человечество" и являются примерами "соборных" субъектов. Симфонический субъект не агломерат или простая сумма индивидуальных субъектов, но их согласование (симфония), согласованное множество и единство и — в идеале и пределе — всеединство. Поэтому и народ не сумма социальных групп (сословий, классов и т.д.), но их организованное и согласованное иерархическое единство; культура народа — не сумма, а симфоническое единство более частных культур, и она не существует иначе, как их реально-конкретное единство, и вне их. Таким же образом народные культуры могут составлять большее культурное единство (эллинистическое, европейское, евразийское), предполагающее существование особого соборного субъекта. Поскольку же мы говорим о культуре человечества, мы предполагаем не отвлеченное единство, по отношению к которому безразличны многонародные и народные культуры, и не одну какую-нибудь их них, но реально-конкретное единство их всех, распределенное во времени и пространстве.

Отсюда следует, что можно созидать общечеловеческую культуру, но только путем созидания своей частной, народной и многонародной, и что события данного культурного круга могут обладать иногда решающим значением для всего культурного развития человечества. Таким со-

бытием является и русская революция, в которой проблема России-Евразии обнаруживает свой общечеловеческий смысл и раскрывается как историческая миссия России. С судьбами России связаны сейчас и судьбы вновь осознающих себя азийских культур и выход европейской культуры из переживаемого ею индивидуалистического кризиса, выход или — смерть.

III

Соборный или симфонический субъект есть действительность, меньшая, чем индивидуум, но далее большая. Индивидуум в том виде, как его обычно себе представляют, просто не существует и является вымыслом или фикцией. Человек "индивидуален" вовсе не потому, что он отделим и отделен от других и целого и замкнут в себе, но потому, что он по-своему, по-особенному, специфически выражает и осуществляет целое, т.е. высшее сверхиндивидуальное сознание и высшую сверхиндивидуальную волю. Другие "индивидуумы" выражают и осуществляют то же самое иначе, каждый по-своему, несводимо на других и целостно, т.е. именно неразложимо или "индивидуально". Если уничтожить это высшее, индивидууму нечего будет по-особому выражать и не в чем себя осуществлять, т.е. его совсем не будет. Напротив, чем богаче по содержанию это "высшее", тем богаче и полнее индивидуальное существование. Однако вне "индивидуальных" своих проявлений, вне свободных индивидуумов и иначе, как свободного их единства, высшего нет; и оно может осуществляться только чрез индивидуумов и в индивидуумах. Поэтому нельзя его понимать как отвлеченное от индивидуумов нечто, которое бы стесняло их свободу и предопределяло их действия; и потому же можно сказать, что "высшее" само себя осуществляет в свободных актах каждого индивидуума (§ 2). Высшее есть единство всего индивидуального, входящего в данное единство и выражающего его, и вместе — само это множество индивидуального. Поэтому "соборное" не отрицает и не ограничивает индивидуального, как его ограничивает и отрицает "коллективное", т.е. "собранное" или "сборное". Для бытия соборного целого необходимо как выражение его множества, т.е. сферы индивидуального бытия, так и выражение его единства, т. е. взаимная согласованность индивидуумов. Есть единство, но не только как единство, а и как единство необходимо выражающееся во множестве. И есть множество, есть индивидуум, как отдельный центр специфического выражения целого, но не только как множество и не только как отдельный, но и как единство и как единый со всеми. Единство индивидуумов вовсе не безличная сфера ценностей и не метафорический субъект. Тогда бы как индивидуум мог лично его выражать,

быть личностью? Это единство — не меньшая, а большая, чем индивидуум, личность, однако лично осуществляющая себя только в свободных индивидуальных личностях и их согласовании.

Однако надо считаться с тем, что вся эмпирическая действительность и всякий эмпирический субъект несовершенны. Эмпирически ни один соборный субъект не достигает полного своего единства, но остается только на пути к нему, только "согласованным" или симфоничным", да и то не до конца. Мы не хотим сказать, что это состояние согласованности не нужно и не ценно абсолютно. Оно необходимо, как необходимый момент в становлении и бытии симфонического субъекта, который сверх того и абсолютно един и абсолютно множественен. Не данную эмпирически полную множественность пытается признать единственною реальностью индивидуализм; не данное эмпирически полное единство пытается утвердить за счет множественности отвлеченный универсализм. Такими путями отрицается специфичность и реальность эмпирии. Эмпирия должна отрицаться только в том смысле, что она не все бытие симфонического субъекта, а лишь момент этого бытия, и к тому же момент несовершенный. Эмпирически соборный субъект "забывает" о своем единстве и о своем множестве. Эмпирически бытие его связано с борьбою и некоторым насилием. Индивидуум преувеличивает свое значение, как "отдельного"; отъединяется от других и целого и стремится стать самоцелью. Он то отрицает целое, то считает выражением целого свое "только единичное", призрак, возникающий как следствие отрицания целого, "забвения" о нем или "лжи" (ибо "истина" есть "память").

Все это тем легче, что наше "самосознание", наше "я", никоим образом не может быть уподобленным какой-то резко и раз навсегда очерченной сфере. Скорее всего оно подобно центру, который иногда совпадает с математическою точкою, иногда расширяется и превращается в сферы разных радиусов, в зависимости от "объема" индивидуализуемого. Так, иногда "я" обозначает сферу узких эгоистических интересов, противопоставляемую другим таким же, иногда — самосознание социальной группы, когда человек делает своими ее волю и ее идеологию, правда, всегда их индивидуализируя, иногда (например, в актах знания) — сознание всего человечества, хотя и тоже индивидуализуемое. Однако "я", выражая целое, выражает его однозначно-индивидуально; и потому оно — носитель "cantus firmus" в вызываемой им к бытию полифонии. В этом своеобразном строении личности — тайна личного бытия; в нем же разгадка таких создающих жизнь актов, как самопожертвование (всегда — жертва низшею или меньшею сферою "я" ради высшей его сферы), и самого строения общества. В несовершенной эмпирической действительности индивиду-

ум неизбежно тяготеет к низшим сферам своего "я". Он стремится замкнуться в сфере своих эгоистических интересов, из нее оценивая другие индивидуальные сферы и целое, в нее стараясь вобрать и превратить все остальное. Если не будут положены границы индивидуально-эгоистическому интересу, самим ли индивидуумом или извне, — индивидуум разрушит целое и, уничтожив других индивидуумов, тем самым уничтожит и себя. (Обратное наблюдаем в коллективизме, который из высшей сферы единства индивидуумов выпаривает индивидуумов, превращая таким образом это единство в безличное и абстрактное и, разрушая индивидуальные сферы, разрушает себя самого). В этом смысле можно и должно сказать, что право ограждает и сохраняет индивидуальное бытие; однако не тем, что признает его абсолютно непроницаемую сферу, а тем, что ставит границы его эгоистическим проявлениям.

Итак, целое не существует само по себе, отвлеченно, но — только чрез индивидуумов, в индивидуумах и в качестве современного и всепространственного единства индивидуумов, которые и являются его "моментами", выражающими его каждый по-своему. Поэтому, раз целое существует, существует уже и выражающее его множество индивидуумов, существует и каждый из них, как само свободно осуществляющее себя в специфической сфере целое. Таким образом, целое не сумма индивидуальных сфер, и нет непроницаемой для целого индивидуальной сферы, ибо тогда бы они не являлись целым и оно само не существовало. Но равным образом вне индивидуальных сфер нет особой сферы целого. Однако есть реальное единство и (эмпирически: только) реальная согласованность множества индивидуальных сфер, как само целое. Это понимание одинаково отлично и от чистого индивидуализма, который признает лишь индивидуальные сферы, и от коллективизма, который знает лишь всеобъемлющую сферу отвлеченного целого.

IV

Мы не утописты и строго отличаем существо и идеал от несовершенного эмпирического факта. По идеалу и существу соборная личность есть всеединство своих, индивидуальных и низших соборных личностей. Она есть всякая своя индивидуация, и всякая ее индивидуация есть вся она в особом качестве; но она — и все свои индивидуации, а потому всякая ее индивидуация есть и все другие. Она есть и абсолютное единство их и абсолютное множество их, т.е. она и есть, и не есть (ибо абсолютное множество равно небытию, как давно уже показал Платон). Она: и есть, и не есть, и переходит от бытия к небытию, т.е. становится или возникает чрез погибание и погибает чрез возникание. Поэтому она — и согласование

своих индивидуаций и их иерархическая (ибо ведь она едина!) и движущаяся (динамическая) система. Такое всеединство, в котором часть совпадает с целым, но и качественно отлична от всех прочих частей и как часть для целого необходима, достижимо лишь во всевременном единстве и чрез посредство полной взаимоотдачи (т.е. совершенного взаимообщения), чрез единство бытия и небытия каждой "части" и всех "частей".

Эмпирически всякая личность отказывается от себя и жертвует собою (преодолевая свою низшую эгоистическую сферу, разную, конечно, в зависимости от иерархического положения личности, т.е. одну у индивидуума, другую у социальной группы и т.д. ср. § 3) лишь до известной степени. Она пытается утвердить себя в себе, бережет себя, но все же (в силу самого строения всеединства) — погибает, хотя уже и не путем свободного самопожертвования, а путем роковой необходимости. Взаимоотдача принимает форму борьбы, и на место свободной жертвы становятся насилие и убийство . Впрочем, все это не всецело, а — до известной степени, определено религиозно-нравственным уровнем общества. Во всяком случае, эмпирически соборная личность (а следовательно, и всякая ее индивидуация) не обладает полнотою своего единства (а также — и полнотою своего множества). Потому-то эмпирически она и не всеединство, но только согласованность, притом неполная, т.е. соотносительная несогласованности или раздору.

Отсюда опять (ср. § 3) ясно, что эмпирически должны существовать индивидуальные и частные сферы, и еще — как сталкивающиеся друг с другом и взаимно друг друга ограничивающие. Но ясно также, что в подобном эмпирическом состоянии и само целое не может предстать, как таковое, во всей своей полноте и чистоте. Становясь в соотношение с обособленными индивидуальными сферами, подчиняясь факту дурного, т.е. не восполняемого единством разъединения, и оно обособляется как особая, хотя и высшая сфера. Это значит, что во всякой соборной личности (в семье, социальной группе, нации, культуро-субъекте) должен всегда быть преимущественный носитель и выразитель ее целости и единства. Иногда, особенно в малой соборной личности (семья, небольшая социальная группа), таким преимущественным носителем единства может быть одно лицо (отец, старший брат, "большак", "староста", "председатель"); иногда, особенно в больших соборных личностях, преимущественные носители единства сами являются некоторыми соборными личностями (совет старейшин в роде, "президиум" или "исполнительный комитет" в социальных группах, правящий слой и правительство в народе и т д.), хотя и здесь, как мы увидим далее (§ 6), нормальным представляется опять-таки единоличное возглавление подобной социальной руководящей группы.

Во всяком случае, чем длительнее и непрерывнее жизнь соборной личности, тем необходимее некоторое постоянство ее возглавления. Указываемый факт эмпирически приводит к тому, что соборная личность обладает некоторою организациею, тем более развитою и прочною, чем больше и выраженнее сама личность и ее воля. В силу же первенствующего значения, которое принадлежит преимущественному выразителю единства личности, т.е. ее соборного сознания и ее соборной воли, между ним и прочими моментами личности должны установиться отношения господства и подчинения, а сам он должен обладать некоторою сферою или областью безусловного господства, т.е. властью. Однако, определяя власть, как область безусловного господства, не следует думать, будто это совпадает с так называемою абсолютною или деспотическою властью. Абсолютная власть отличается от неабсолютной тем, что сфера или область первой не ограничена, не определена. В сфере же, определенной для нее, всякая власть абсолютна; иначе она бы не являлась властью.

Так и во всяком народе, во всякой единой (национальной или многонациональной) культуре необходимо происходит социальная дифференциация и выделяется в качестве носительницы и выразительницы целого некоторая социальная группа, которая и противостоит другим индивидуациям целого, хотя и не на равных с ними основаниях, ибо она и их выражает. Такую группу мы называем правящим слоем. Естественно, что между выражаемым им государством и индивидуациями государственного целого, т.е. низшими соборными и индивидуальными субъектами, эмпирически неизбежна борьба за разграничение их сфер, которая и приводит к некоторой закрепляющей на неопределенное время результаты ее норме. Конечно, "олицетворяющий" и преимущественно воплощающий целое правящий слой тоже эмпирически несовершенен. Он выражает целое "более или менее", "приблизительно". Но пока целое, как таковое, существует эмпирически, пока оно "государственно", он все же его хоть немного, да выражает.

Из этого эмпирического, но плохо понимаемого ими факта исходят все государственно-правовые теории, либо — в индивидуализме — отрицая сферу государства или допуская ее лишь как минимальное зло, либо — в коллективизме (этатизме) — пытаясь отрицать индивидуальные сферы низших соборных субъектов. Таким образом, признается факт, что не худо. Но уже худо, что этот факт искажается, что он теряет свой символический по отношению к совершенному целому смысл, что он берется только как эмпирический и в эмпиричности своей наделяется абсолютным смыслом и значением. Мы же, не отрицая факта и относительной полезности закрепляющих его норм, исходим, все же, не из него, а из того,

что он символизирует. Поэтому, с одной стороны, получает известное объяснение и оправдание динамика политической и социальной жизни, а с другой стороны, устраняется вредное действие ошибочно абсолютируемых и все равно существующих только в воображении теоретиков конкретных норм. Во всяком здоровом государстве есть и сфера собственно государства и сферы индивидуаций целого, в частности — сферы индивидуумов, причем принципиально и — до известной степени — фактически и материально эти сферы разграничены. Без такого разграничения не может быть в эмпирии целого и нет нормальной государственности. Ведь целое в том и существует, что является согласованностью своих моментов, которые свободно выражают его, как самих себя. Но раз навсегда точно эти сферы разграничить нельзя, ибо эмпирически целое развивается и его индивидуации находятся в состоянии вечно меняющегося и напряженного равновесия. Государство всегда стремится расширить свою сферу и растворить в себе индивидуальные и частные; но в этом движении оно наталкивается на известный предел, за которым начинается гибель индивидуаций и потому и его самого. Подобным же образом наступают на государство и индивидуации, останавливаясь лишь пред гибелью его и потому и себя самих. Отсюда не следует, что некоторое закрепление отношений бесполезно. Напротив, оно и полезно и нужно и в осуществлении его смысл права. Не надо только придавать этому закреплению абсолютный смысл, верить в его незыблемость, чрезмерно его детализировать, одним словом — смешивать проблемы практические с теоретическими, государственное искусство с теорией права.

V

Эмпирическое несовершенство соборного субъекта определяется эгоистическим самоутверждением всякого его "момента", всякой его "индивидуации", т.е. всякого из осуществляющих его индивидуальных или частнособорных субъектов (социальных групп). Это эгоистическое самоутверждение (§ 3,4), будучи качеством всех индивидуации данного соборного субъекта, тем самым должно быть и качеством, присущим ему как целому. Так оно и есть на самом деле. Соборный субъект данной культуры эгоистически обособляется от других таких же субъектов и утверждает себя в борьбе с ними. Даже человечество, как высший соборный субъект, эгоистически самоутверждается в противопоставлении себя миру природы, к тому же пополняя рабочий скот рабами или деклассированным пролетариатом. В последней глубине своей эгоистическое самоутверждение человечества есть самозамыкание его в себе от Бога или разъединение его с Богом, которое и выражается в самом человечестве как

внутреннее его саморазъединение. Следовательно, и в основе эгоистического самоутверждения всякой соборной личности и всякого индивидуума тоже лежит отъединение их от Бога, условие единства с которым есть любовь (к Богу и людям). Но наибольшая любовь у того, кто "душу" (жизнь) свою полагает за других. Существо любви в отказе от всего "своего", от себя самого ради других, в свободной жертве, в самоотдаче (§ 4).

Но, если так понятая, т.е. истинная, любовь и является отрицанием эгоистического самоутверждения личности, любовь вовсе не уничтожает личного своеобразия и личности. Напротив, — тот и находит себя как личность, "душу" или жизнь свою, кто теряет свою "душу", отдавая ее другим. Так человек может умственно и духовно развиваться лишь в том случае, если он перестает быть прежним (умирает) для того, чтобы становиться новым, если он, отвергая свою косную самоутвержденность в себе, подчиняется тому, кто открывает ему истину, и самой истине. Не принося в жертву предвзятых своих убеждений, "части своей личности", человек ничего познать не может, не может раскрыться, как личность. Замыкаясь в себе, он становится нищим, хиреет и погибает. Преодолевая же себя, свое ограниченное, маленькое эгоистически-личное бытие, человек расширяется и обогащается, делается истинною личностью. Только чрез общение с другими людьми, т.е. чрез самоотдачу, без которой такое общение невозможно, достигается личное многообразие и личное единство индивидуума. Ведь и единство личности существует потому, что оно коренится в сверхъиндивидуальном личном единстве и его индивидуализирует. Все это справедливо и для личности соборной. На гибель обрекает себя народ, замыкающийся в себе от других народов и лично, т.е. по своему, специфически не осваивающий их труда . Гибнет сословие, огораживающее себя привилегиями и кастовым духом от других сословий: желая утвердить себя и повелевать над другими, оно само разлагается. Если есть еще в мире личное бытие, если мир не погиб, так только потому, что в нем не совсем еще иссякла любовь. Мы стремимся к самоутверждению и считаем плодом этих стремлений наше личное бытие. Но мы просто не замечаем, что мы развиваемся, только теряя себя, т.е. вольно или невольно, сознательно или бессознательно себя отдавая, и что наше "самоутверждение" нас только ограничивает, обедняет, обессиливает и обезличивает.

Таким образом, эгоизм должен приводить и приводит к умалению личного бытия в индивидууме и во всяком соборном субъекте. Индивидуум начинает считать свое индивидуальное сознание чем-то раз навсегда и непреложно очерченным (ср. § 3 о "я"). Он утрачивает сознание своего личного единства. До самого последнего времени он считал правильным

и "научным" рассматривать свою душевную жизнь, как сочетание и чередование во времени разъединенных "ощущений", своего рода, "душевных атомов", и даже признавать сознание продуктом материальных процессов, чем-то вроде мочи. Когда сама наука отказалась от этих заблуждений, индивидуум не сдался и объявил ее "буржуазною". Теряя сознание своего личного единства и своеобразия, индивидуум предполагает, будто все люди рождаются "совсем одинаковыми" и что только внешние условия (воспитание, влияния среды) делают их непохожими друг на друга. В социальном общении замыкающийся в себе индивидуум не раскрывает себя другим всецело, а показывает им только тот либо другой свой лик (лик "политического деятеля", "профессора", "бездушного чиновника — формалиста" и т.п.), или обманчивую личину более либо менее искусного актера.

Конечно, такой индивидуум перестает ощущать себя живым членом той либо иной социальной группы. Для него эта группа делается простою совокупностью похожих на него и друг на друга индивидуумов, которых соединяет лишь общий партийно-экономический, профессиональный или политический интерес. Не желая знать, что такое социальная группа и как в ней, в соборной личности, относятся друг к другу индивидуумы, он уже не в состоянии оценить единственное значение всякой индивидуальной личности и их иерархическое взаимоотношение, несмотря на абсолютную ценность всякой личности и в этом смысле на "первичное равенство" всех (§ 2). Естественно, что сама социальная группа хиреет и, переставая многообразно связывать индивидуумов, теряет свое личное бытие. Она делается либо "инструментальною" по отношению к индивидуумам, т.е. средством для осуществления ими своих эгоистических интересов, либо только «функциональною» по отношению к высшему целому (государству), которое пользуется ею для того, чтобы господствовать над индивидуумами. Но если утрачивают соборное сознание и соборную волю, т.е. перестают быть действительными соборными личностями, оставаясь ими лишь в возможности, социальные группы, то и само огосударствленное целое также уже не воспринимается как личное и своеобразное единство, и действительно перестает быть таковым. Государство воспринимают как неудобную, но неизбежную для существования индивидуума организацию и противопоставляют его "свободному обществу" (§ 1), хотя без своего огосударствления общество вообще не может быть, а тем более — быть свободным.

Всякий индивидуум есть свободное и своеобразное выражение "первичной", т.е. ближайшей к нему соборной личности или социальной группы. Но и всякая социальная группа может быть действительною личнос-

тью лишь в том случае, если она не только выражается в индивидуумах, но и сама выражает в себе высшую соборную личность. Так евразийско-русская культура может обладать личным бытием своего субъекта только потому, что она своеобразно осуществляет человечество и сама осуществляется в ряде соборных личностей или наций. Всякая нация, в свою очередь, должна осуществляться в ряде дальнейших соборных личностей, из которых каждая определена своим особым качеством, своею особою по отношению к нации функциею, но для полноты личного бытия нуждается в многообразии своих проявлений. Тот же процесс продолжается вниз, пока мы не дойдем до первичных соборных личностей или первичных социальных групп, составленных непосредственно из индивидуумов. Таким образом, культура и раскрывается как личное иерархическое (§ 2) многоединство. Конечно, в каждом ряду соборных личностей все они, различаясь качественно и, по отношению к высшей личности, функционально, соотносительны, связаны друг с другом и нуждаются друг в друге. Но каждая нация специфически осуществляет всю культуру, культуру как целое. Она может поэтому, оторвавшись от связи с другими нациями, образовать некоторое самостоятельное целое, хотя в силу обособления и ущербленное. Несколько иначе обстоит дело со вторыми (считая сверху) индивидуациями культуры (с первыми индивидуациями наций), например с правящим слоем, субъектом хозяйства и т.п. Вторые индивидуации тоже соотносительны и качественно-функционально определены. Но соотносительны они не только в пределах нации, а и в более широких пределах всей культуры, так что, например, правящие слои еще и объединяются в один правящий слой, тем самым объединяя нации в одну многонациональную культуру. С другой стороны, вторые индивидуации ограниченнее наций в личном своем бытии.

Функции нации — своеобразное осуществление многонациональной культуры как целого; функция второй индивидуации — осуществление национальной и всей культуры только в одном из ее аспектов. Нация — функциональный организм; вторая индивидуация — функция-орган. Разумеется, вторая индивидуация может и должна расширить свои качествования за пределы качествования функционального; и только в этом случае она станет многообразною личностью. Так, наиболее развитая из вторых индивидуации, правящий слой, не только осуществляет соборную волю культуры. Правящий слой создает свою собственную духовную культуру как специфическое выражение культурно-соборной: свою идеологию, свои формы быта, свои ученые и учебные учреждения. Равным образом он может хозяйствовать, создавая государственные предприятия, организуя государственную торговлю и т.д. Однако все это является вторичными его качествованиями, подчиненными определяющей его функции. И потому духовная культура и хозяйство правящего слоя соотносительны духовному творчеству и хозяйству вне правящего слоя (§ 6). Благодаря своей духовно-культурной деятельности и своему хозяйствованию правящий слой лучше и легче выполняет свое функциональное задание, т.е. регулирует деятельность субъектов духовной культуры и хозяйства. Если он попытается устранить их и присвоить себе их функции всецело, он обнаружит все недостатки коммунистического правящего слоя и даже правящим слоем быть перестанет, ибо — чем же он будет "править"? Ясно, что второй индивидуации, которую можно назвать функциональною личностью, несравнимо труднее стать самостоятельною, чем нации. Вторая индивидуация, взятая сама в себе, обладает меньшею полнотою личного бытия. Это особенно ясно в сферах духовной культуры и хозяйства. Обе они в современных культурах предстают, как мало организованные. Субъекты их не получают определенности, остаются почти в потенциальном состоянии, как бы сливаясь с субъектом культуры. И, если деятельность правящего слоя явственно предстает "качествованием" субъекта культуры чрез посредство именно правящего слоя, — духовное творчество, техника и хозяйствование без труда представляются непосредственными качествованиями самого субъекта культуры. Однако и здесь должны быть вторые индивидуации, как частные соборные субъекты, хотя бы и потенциальные. Об этом свидетельствует существование низших соборных субъектов в названных сферах (например, ученых и учебных учреждений, хозяйственных организаций, индивидуальных хозяйств и т.д. ср. § 2). Стремление к борьбе с хозяйственной анархией и к организации хозяйства также является симптомом того, что нормальное состояние хозяйства нуждается в большей выраженности субъекта хозяйствования, который, стало быть, существует.

Мы отнюдь не склонны к выдумыванию несуществующих соборных личностей, но мы усматриваем умаление личного бытия в том, что существующие остаются потенциальными, и этим объясняем дезорганизованность культуры. Понятно, что еще менее выраженным оказывается личное бытие в "третьих индивидуациях", функции которых ограниченнее, чем функции вторых. Опускаясь далее вниз, мы встретимся с социальными группами, личное бытие которых почти совсем не проступает. Однако как раз первичные (т.е. ближайшие к индивидуумам) социальные группы снова выделяются своим более развитым личным бытием, достигая довольно ясного соборного сознания (первичное профессиональное объединение, сельская община, индивидуальное хозяйство). Происходит это именно от того, что первичные соборные личности непосредственно осу-

ществляются в индивидуумах, а индивидуумы и существуют прежде всего как их свободные и своеобразные самовыражения (§ 3,4). В индивидуумах последний упор соборного субъекта культуры, но обособленный индивидуум, индивидуум без социальных связей с другими — фикция.

Как ясно уже из характеристики вторых индивидуаций, функциональная личность не может обладать полнотою личного бытия только в себе и чрез себя; и чем она ограниченнее и ниже иерархически, тем — менее. Функциональная личность становится многообразною, действительною личностью лишь путем постоянного и живого взаимообщения с другими такими же личностями. Только чрез это взаимообщение приобретает она вторичные качествования и делается "многоликою", т.е. настоящею личностью. В основе же взаимообщения лежит любовь (§ 4), эмпирически выражаемая еще идеею служения другим и целому, онтологически тождественная взаимоотдаче. Конечно, эмпирически взаимоотдача никогда не бывает полною и совершенною. Только в течение довольно долгого времени данная социальная группа погибает и растворяется в сменяющей ее другой (пример — смена правящего слоя в революции). Но все же взаимоотдача, как социальное взаимообщение групп, существует и является необходимою для существования соборной личности. Социальные группы взаимно ограничивают друг друга, вступая в соглашение, усваивая одна от другой быт, нравы, идеологию. Сливаясь друг с другом, группы образуют "переходные группы"; а индивидуумы "передвигаются" из одной группы в другую, вечно изменяя личный состав социальных групп. "Передвижение" индивидуумов представляется особенно важным, так как всякая соборная личность существует лишь в индивидуумах и чрез индивидуумов. Благодаря "подвижности" индивидуумов возможны и "переходные группы", нуждающиеся в некотором описании их.

Собственно говоря, всякое взаимообщение индивидуумов всегда предполагает, что они образуют некоторое единство, некоторую соборную личность. Она может быть очень ограниченною, в случае, например, мимолетной встречи, но может стать и довольно многообразною и длительною (дружба, научная экспедиция). С этой точки зрения особую соборную личность образует даже объединяемая какою-нибудь одною целью или одним чувством (молитвенным экстазом, страхом, яростью и т.п.) толпа. Таким образом на основе первичного и потенциального единства все время возникают и погибают соборные личности, разрушая или сливая на некоторое время уже существующие и относительно устойчивые и делая личным все социальное бытие. Ежемгновенно возникает и погибает бесконечное множество таких "социальных эфемерид". Часть из них остается, как более длительные и социально-существенные, которые

при благоприятных условиях, могут явиться зачатками устойчивых социальных групп и заменить собою уже существующие социальные группы. И вот чрез посредство таких "социальных эфемерид" осуществляется социальное взаимообщение соборных субъектов внутри высшего соборного субъекта.

Таким образом, вскрывается природа и динамика социального бытия. Оно является потенциально личным и, осуществляясь, становясь из возможного действительным, предстает как бесконечное множество соборных личностей, в разной степени ограниченных и длительных, вечно распадающихся на новые соборные личности или сливающихся в новые соборные личности, причем все эти процессы получают выражение свое лишь чрез индивидуумов и в индивидуумах. Среди прочих выделяются наиболее устойчивые и социально-политически существенные соборные личности, тоже достигающие разной степени многообразия и оформленное в процессах самообразования и общения с другими. Так создается некоторая иерархия культурного целого, однако иерархия, не исключающая социальной динамики, но только в силу этой динамики и возможная. По истине, в социальной действительности не меньше жизни, и жизни личной, чем в органическом мире с его мириадами существ, видимых и не видимых невооруженному глазу .

Личное бытие несовершенного соборного субъекта умалено, и притом в разных направлениях. Устойчивые социальные группы ограничиваются, сводя свое бытие к чисто функциональному и оставаясь или становясь потенциальными личностями. Это особенно характерно для "средних" социальных групп, так что личное бытие преимущественно обнаруживается, с одной стороны, наверху — в культуре-субъекте (не в человечестве, как в целом!), в нациях, частью во вторых индивидуациях (правящий слой), с другой стороны, внизу — в "первичных" социальных группах и осуществляющих их индивидуумах. Индивидуумы утрачивают свое внутренее личное единство и как бы распадаются на множество ликов и личин, редко гармонически объединяющихся, с чем связан и современный распад семьи, этого биологически обоснованного микрокосмоса культуры. Распад соборных личностей вообще знаменует собою не рост социального общения, а его умаление. Оно умаляется, поскольку всякая соборная личность эгостически замыкается в себе и, стремясь стать кастою, хочет господствовать над другими (привилегированное сословие, освобождающееся от своих обязанностей по отношению к целому, пролетариат, притязающий на единовластие; теория классового строения общества и классовой борьбы). Ведь такое самозамыкание социальных групп, в конце концов, приводит к их распаду и к действительному перерожде-

нию общества в простую совокупность эгоистических индивидуумов, к индивидуалистическому анархизму.

VI

Субъект культуры дифференцируется в первую очередь (в многонациональной культуре чрез посредство наций, но вместе с тем и непосредственно) на ряд частных соборных субъектов (на "вторые индивидуации", § 5) по принципу функционального различия их качествований. При этом эти частные субъекты в современных культурах не являются за редкими исключениями вполне определившимися в личном своем бытии и строго отличимыми друг от друга и от самого субъекта культуры. С другой стороны, и по существу их качествования суть вместе с тем и качествования самого культуро-субъекта. По этим двум основаниям мы и не проводим резкого различия между частными соборными субъектами и субъектом культуры, когда определяем сферы их качествований, а говорим просто о "сферах культуры". К тому же надо всегда помнить, что данная сфера культуры не может быть резко отделена от других не только по определяющему ее частному соборному субъекту, но к в силу органического взаимопереплетения ее с другими сферами (§ 5).

Со всеми высказанными оговорками мы считаем возможным установить следующие основные сферы культуры: 1) сферу государственную или политическую, в которой преимущественно осуществляются единство культуры и личное бытие ее субъекта; 2) сферу духовного творчества, или духовной культуры-, духовно-культурную сферу и 3) сферу материально-культурную или сферу материальной культуры. Несмотря на многообразное взаимопереплетение, эти сферы различимы сравнительно легко и относятся друг к другу в порядке иерархическом, определяемом значением их в культуре как целом.

Иерархически низшее место принадлежит сфере материально-культурной. Она существенно определена отношением субъекта культуры (и его соответствующих индивидуации) к миру природы и использованием этого мира ради высших, духовных заданий культуры, причем в эти высшие задания входит и одухотворение ("лицетворение", в частности — познание) самой природы. Именно потому ценности материально-культурной сферы и предстают как разъединенные и следовательно сравнительно легко определимые. Однако было бы ошибочным считать их материальными. В культурной деятельности само материальное одухотворяется; и лишь потому и может быть устанавливаемо взаимоотношение наиболее "материальных" ценностей, ибо даже связь двух материальных тел уже духовна и познается и осуществляется вполне только в сознании.

Но в сферу материальной культуры входят и чисто духовные ценности, поскольку они материально определены, хотя бы и опосредствованно. Так "хозяйственною" ценностью или "хозяйственным" благом являются не только материальные вещи, но и труд, производящий или преобразующий их, и чисто духовные акты (например, услуги, продаваемая умственная работа ученого, литератора, публициста). Отсюда не следует, что все духовное становится и может стать хозяйственным. Духовное становится и хозяйственным благом только чрез отнесение его к благам чисто материальным, и далеко не все духовное может быть отнесено к хозяйственным ценностям. Вопреки мнению бывшего марксиста г.Петра Струве, любовь, общественно-политические убеждения и многое другое не продажны и не могут стать хозяйственными ценностями, не переставая быть собою. Но многое из духовного бытия (именно — отделимые от личности продукты ее духовной деятельности, "уже осуществленное" личностью) может без всякого повреждения становиться и соотнесенным с материальными ценностями, т.е. и хозяйственным благом. В таких, по удачному определению П.Н.Савицкого, "двуаспектных" ценностях и обнаруживается яснее всего взаимопроникновение разных сфер культуры. Для материальной сферы остается определяющим непосредственное или опосредствованное отношение к природе ради использования ее, но эта сфера частично вовлекает в себя и явления других сфер, иногда, впрочем, их искажая (торговля убеждениями и т.п.).

В материальной сфере необходимо различать ряд частных сфер, главным образом: технику и хозяйство. Техника преобразует и одухотворяет самое природу и (материальные и духовные) средства такого преобразования и одухотворения ради целей хозяйства и целей духовной культуры. Таким образом, техника, с одной стороны, служебна по отношению к хозяйству, с другой стороны — стоит рядом с ним, являясь, как и оно, служебною по отношению к духовной культуре. Хозяйство определяется таким преобразованием и одухотворением природы, в которых господствуют принципы специфической заменимости и принципиальной соотносительности. Его роль служебна по отношению к духовной культуре. Из развиваемого нами учения следует, что природа при всем служебном ее значении обладает и некоторою самоценностью (как одухотворяемая или лицетворимая), а потому требует религиозного к ней отношения, т.е. религиозного осмысления материальной культуры, в частности, техники и хозяйства. С другой стороны, в хозяйстве представляются необходимыми как существование частно-соборных и индивидуальных хозяйств, так и их согласование или объединение в одно хозяйство, соборное. Такое согласование и объединение предполагает организацию, т.е. действитель-

ное личное бытие субъекта хозяйства, а не распадение его в хозяйственной анархии, и подчинение хозяйственной сферы сфере государственной, преимущественно осуществляющей единство всей культуры. Для того же, чтобы это подчинение оказалось реальным и плодотворным, а не бюрократически-некомпетентным, необходимо соучастие правящего слоя в хозяйствовании в качестве одного из частных соборных его субъектов, т.е. государственное хозяйство рядом с частным (государственно-экономический дуализм; ср. § 5 и "Евразийскую Хронику", № IX).

Сфера духовного творчества определяется тем, что в ней абсолютно истинное (как и смысл природы) опознается и осуществляется чрез свое отнесение к идеалу культуры и ее ценностям. Таким образом, сфера духовного творчества есть сфера свободного познания и самопознания культуро-субъекта в его религиозно-метафизических исканиях, науке, искусстве, в его религиозно-нравственной деятельности. Как вполне свободная и в то же время единая, эта сфера существует лишь в соборной Православной Церкви, а менее выражено — во всякой религии. Вне Церкви и религии духовное творчество ограничено в своей свободе и своих возможностях, хотя этого отчетливо и не осознает, и вместе с тем, особенно в современных культурах, дезорганизовано и индивидуалистично. Достаточно напомнить о дезорганизованном состоянии современной науки и явно упадочных течениях современного искусства. Само собой разумеется, что и духовная сфера культуры настоятельно нуждается в самоорганизации и внутренней собранности, т.е. в личном самоопределении ее соборного субъекта. И точно так же, как организация хозяйства, организация духовной культуры предполагает соучастие в ней и направляющую деятельность государства (правящего слоя).

На первое место в иерархии сфер культуры следует поставить сферу государственную, преимущественным выразителем и субъектом которой является правящий слой (§ 4). С точки зрения современного демократического понимания государства это может казаться крайним "этатизмом". Но такое впечатление быстро рассеивается, если вполне уяснить себе природу государственности и отношение ее к другим сферам.

Государственная или политическая сфера обладает первенствующим значением потому, что чрез нее и в ней осуществляется и выражается единство всех сфер, как сама и внешне единая культура. Благодаря политической организации получают выражение и оформление сознание и воля симфонического субъекта, а сам он приобретает действительное личное бытие. Государственность, государство можно определить как форму личного бытия и личное качествование культуры. Только не следует представлять себе соборное сознание по типу индивидуального (скорее

наоборот) или как что-то отвлеченно-общее и отдельно существующее. Оно есть сознание "симфоническое", "согласованное", а потому содержащее в себе всякое свое индивидуальное выражение. Индивидуальное сознание, как и отвлеченно-общие формулы, может лишь "означать" или "символизировать" сознание соборное, но никак не выражать его исчерпывающим образом.

Ошибочно всякое обоготворение государства и всякое признание его последнею целью культурного развития и бытия. Из нашего определения этого никак не вытекает. Как "личная форма" культуро-субъекта, государство подчинено его целям, на чем мы и настаиваем, утверждая примат культуры (§ 2). Как форма "само по себе" государство не обладает творческою силою, хотя именно чрез него осуществляется творческая деятельность культуро-субъекта. Государство может мешать культурному развитию, но оно не может создавать, будучи лишь орудием субъекта культуры, который его создает и чрез него действует. Мешать же развитию культуры государство может уже потому, что по самой природе своей всякая государственность обладает большею устойчивостью и косностью, меньшею гибкостью, чем иные сферы культуры. Проистекающие отсюда трудности можно ослабить только некоторым ограничением политической сферы и последовательною борьбою со всяким стремлением к чрезмерной детализации и фиксации государственного строя. Подмена же примата культуры приматом государства и вера в единоспасающее значение второго как раз и ведут к непомерному расширению политической сферы, а в связи с ним к вредному формализму.

Итак, государство по отношению к культуре вторично и является только формою ее личного бытия. Оно не должно стеснять свободного саморазвития культурно-народной или культурно-многонародной, как Россия-Евразия, личности, в себе и чрез себя открывая ей путь для свободного выражения и осуществления ее воли. Государство направляет развитие культуры, но направляет в качестве преимущественного выразителя воли культуро-субъекта. Смысл же и существо политической организации заключаются в следующем.

Индивидуум реагирует на внешние события единично-индивидуально. Как единично-индивидуальные осознает он свои цели, осуществляя их путем единично-индивидуальных же актов. Именно в меру этого он — индивидуум (ср. § 3). Всякий акт и всякая реакция соборной личности, как таковые, не индивидуальны, но являются согласованием множества индивидуальных актов, из которых каждый специфичен и единично-индивидуален, но тем не менее объединяется с другими в целое, хотя в эмпирической действительности и несовершенно, т.е. не без борьбы и насилия (§ 4).

С другой стороны, всякая реакция и всякий акт соборной личности должны быть в некотором смысле и единичными. Иначе невозможны ни взаимодействие соборных личностей (например, народов, социальных групп), ни осознание соборных актов индивидуумами, ни сознание последними своей укорененности в соборной личности.

Определенность и единичность симфонического акта достижима только одним путем. Из множества индивидуумов, которые составляют данную соборную личность (например, народ) и которые склонны действовать так, что единично-индивидуальные акты их "означают" или "символизируют" друг друга и единый симфонический акт, — органически вырастает правящий слой. Внешние эмпирические условия его возникновения могут быть весьма различными. Существенно, что он находится в органической связи с массой населения и способен выражать ее сознание и волю. Сохраняя эту органическую связь с народом и это органическое взаимодействие с ним, правящий слой сам становится некоторою соборною личностью, что и сказывается в известном единстве миросозерцания, волеустремления и — на высших ступенях развития — в организации. Так же органически, как он рождается сам, правящий слой порождает правительство, уже обязательно организованное. А оно благодаря своему организационному единству и количественной ограниченности своего состава способно к определенным единичным актам.

Органическое взаимодействие членов правительства и его органическое взаимообщение с правящим слоем, а чрез него и со всем народом позволяют устранять и, во всяком случае, ослаблять субъективную односторонность и ограниченность единичных правительственных актов. Будучи единичными, эти акты получают возможность быть действительными и общезначимыми символами народных, реально симфоничными. Выражая свое миросозерцание и осуществляя свою волю, правительство тем самым выражает и осуществляет народное миросозерцание и народную волю. Своим единичным актом оно "дает выход" для множества единично-индивидуальных актов: индивидуумы признают, одобряют и поддерживают действие правительства, индивидуализируя и осуществляя его каждый в своей сфере. Так правительство чрез посредство правящего слоя становится носителем народного миросозерцания и народной воли; и вне его — это миросозерцание остается невыраженною системою трудно даже определимых тенденций, эта воля — бессознательною.

Для того чтобы единичные акты правительства получали полную определенность и конкретность, а не превращались в абстрактные компромиссные формулы, необходимо и в самом правительстве некоторое преобладание индивидуально-личного начала (ср. § 3). И для того, чтобы длительная и многообразная деятельность правительства являлась целостною и последовательною, необходимо постоянство этого начала. Надо учитывать вред коллегиальности, и полезно помнить мудрые слова одного из римских императоров: "Senatores — optimi viri, senatus — mala bestia" . Нормальная, т.е. наиболее соответствующая природе своей, организация государства предполагает единоличное его возглавление.

Итак, государственностью мы называем единство большой соборной личности (многонационального культуро-субъекта или народа, нации). Государственно все постольку, поскольку оно относится к единству и органически входит в целое. Государство же есть внешняя форма этого единства и преимущественная сфера его выражения, как сфера деятельности частного соборного субъекта, преимущественно осуществляющего соборную волю. Таким образом, существование государства предполагает: 1) существование преимущественного субъекта государственности, т.е. правящий слой, 2) организацию как форму бытия и деятельности правящего слоя, 3) организационные формы, определяющие его отношение к другим частным соборным субъектам, индивидуирующим целое, и, конечно, к индивидуумам, 4) область его, правящего слоя, деятельности, т.е. его суверенную власть (§ 4) и внешние пределы ее действенности или территорию.

VII

Уясненные нами основные черты политической организации являются некоторым общим социологическим фактом. Его легко можно уяснить путем исторических примеров и анализа современности, тем более что уже на наших глазах протекает самообразование нового правящего слоя в России и Италии. Неумение или нежелание видеть и понимать описываемый нами факт объясняется предрассудками и предвзятостью современных идеологов демократии и социализма. Однако признавая всеобщность описанного нами социологического факта, надо раз навсегда устранить утопическую мысль о возможности создать идеальную государственную организацию, которая бы годилась для всех народов и всех времен, никогда не старела и не подвергалась опасности вырождения. Всякая государственность подвержена присущим самой природе ее опасностям. Их надо знать, надо с ними бороться, надо изыскивать пути наиболее безболезненного (нереволюционного) их устранения; но совершенно устранить их невозможно уже потому, что они связаны с возрастом культуры и степенью ее здоровья. Так и кризис современной европейской государственности лежит не столько в господствующих формах демократии и их технической непригодности, сколько в органической болезни самой европейской культуры.

Государственности всегда угрожает разрыв между народом и его правящим слоем, нарушение органического их взаимодействия. Эта опасность особенно велика, если сами формы государственности заимствуются извне (в Европе — из Англии, в России — из Европы), а не являются плодом органического развития или, по крайней мере, освоения. Трансплантация головы — операция неслыханная. В связи с этим может обнаружиться (и даже непременно обнаруживается) разрыв между правительством и правящим слоем, т.е. саморазложение правящего слоя. А раз такая болезнь уже налицо, — деятельность самого правительства неизбежно или направляется по пути отвлеченных и безжизненных компромиссных актов, что связано с ослаблением в правительстве лично-индивидуального начала, или превращается в ряд судорожных "индивидуалистических" актов, не "означающих" соборной воли, что связано с индивидуалистическим преувеличением личного начала. Конечно, идеальная государственность невозможна, а потому фактически всегда неизбежна та либо иная степень расхождения между управляющими и управляемыми. Но отсюда не следует, что невозможно постоянное приближение к наилучшему и что не надо к такому приближению всегда и неутомимо стремиться. Неправильно предаваться оптимизму и не видеть всей трагичности нашего эмпирического бытия, которого мы совершенным сделать не можем. Но еще более ошибочно опускать руки и не сознавать абсолютной ценности всякого улучшения.

Государственное искусство и заключается, с одной стороны, в изыскании возможно наилучших форм взаимодействия между индивидуально-личным и "общим" в самом правительстве и, с другой стороны, в изыскании форм, которые бы наилучшим в данных условиях образом обеспечивали нормальное и по возможности непрерывное взаимообщение правительства, правящего слоя и широких масс населения, т.е. народность или демотичностъ государственной власти. Ясно, что задача не в построении общеобязательных и "вечных" форм государственности, а в предельно конкретной постановке проблемы, т.е. в постановке ее применительно к данным условиям и времени и к данному культурному целому. При этом не следует ни на одно мгновение забывать о том, что государственность лишь форма и средство, а не цель. Цель наша выше и значительнее. Она—-в раскрытии культурою ее возможностей и ценностей, ее идеи и миссии. Идея культуры определяет ее государственность; и государство должно быть не демократическим и не аристократическим, ибо не для того существует культура, чтобы хорошо жилось "всем" или "лучшим", но для того, чтобы наилучшим и возможно полным образом осуществилась идея культуры. Государство должно быть идеократическим, идеократией; условием же идеократии является демотичность власти.

Устроение государства должно исходить из ясного осознания его значения как преимущественной сферы единства всей культуры (§ 6), его органической связи с другими сферами культуры, его формально первенствующего положения среди них и служебной по отношению к целому культуры роли. В государстве находит себе выражение и необходимую форму личное бытие субъекта культуры и слагающих культуру низших соборных субъектов и индивидуумов. Поэтому при самом решительном отрицании ложного европейского индивидуализма государство должно открывать путь к актуализации всякой личности, как соборной, так и индивидуальной.

Всякая личность, как индивидуальная, так и соборная, достигает полного раскрытия только как орган высшей соборной личности. Это справедливо и для огосударствленной нации, индивидуирующей культуру, и для огосударствленного субъекта многонациональной культуры или народа, который жив и силен своею общечеловеческою, мировою миссией (§ 2). И только через иерархический ряд личностей, из коих всякая высшая является согласованностью и единством низших, может личность стать действительным и живым органом такого целого, как культура. Лишь в этом случае взаимоотношения личностей могут быть реальными и конкретными, конкретно-личными, а всякая личность свободно развиваться. Но действительное бытие соборной личности, без которого невозможна и полнота индивидуально-личного бытия, необходимо предполагает внешне выражающуюся связь ее личностей-моментов, т.е. организацию. А так как мы не мыслим культуры-государства иначе как в смысле органического целого, ясно, что не должно быть каких-то внегосударственных организаций или объединений, но что всякая организация должна быть и органом государства. Это не значит, что государственная власть насаждает искусственные организации: таким бюрократическим путем живые организмы не создаются. Государство лишь оформляет и закрепляет свободно возникающие объединения, а в нормальном государстве и сами они свободно самовозникают, как органы целого, как "государственные", а не как индивидуалистически самодовлеющие. Это не значит, далее, что государство налагает на них обязанности без прав или дает им права без обязанностей. Государство признает их субъектами правобязанностей, имеющих публичный характер. Это не значит, наконец, что государство закрепощает свободные объединения, ограничивает их свободу. Такое предположение естественно, если мы будем исходить из современного социального и политического строя Европы. Но оно вовсе не необходимое и не единственно возможное предположение.

Нормальная государственность предполагает прежде всего развитие

и огосударствление местно-профессиональных (сельскохозяйственных) и собственно профессиональных единств, огосударствление, конечно, не в смысле бюрократизации, чем грешит коммунистическая власть, а в смысле установления их функциональности по отношению к государственному целому и органического их в него включения. Таким путем легче всего преодолевается индивидуализм и разрушается фиктивная (но фактически весьма ощутимая по своим последствиям) антитеза государства и индивидуумов, как единственных выразителей социального целого. Государство имеет свой последний упор не на индивидуума, а на ближайшую к нему, первичную социальную группу, на первичную соборную личность (§ 5). Первичные социальные группы, будучи живыми органами целого, входя, как живые клетки, в высшие иерархические социальные группы и чрез них в государственное целое, объединяют индивидуумов и юридически, и политически, и культурно. (В этом смысле название "профессиональный", разумеется, неудачно и, давая чисто внешний признак, не передает многообразия живого и культурного единства.) Упор на социальную группу, на "социальный узел", а не на индивидуума вовсе не знаменует отрицания индивидуума или его "бесправия". Напротив, этот упор впервые дает индивидууму возможность не обособляться и гибнуть в борьбе всех против всех, а нормально развиваться, становясь самостоятельною и личною индивидуацией высшей личности. Этот упор наполняет формальную свободу индивидуума положительным содержанием, оберегая его силою социальной группы. Высшая личность, индивидуацией которой он является, для него не что-то далекое и отвлеченное, а нечто созидаемое и конкретно переживаемое им, он сам. Благодаря же иерархическому строению всего общества, благодаря органическому вхождению низших индивидуаций в высшие, и само государство уже не предстает, как неведомый Левиафан, но становится ощутимою и переживаемою реальностью. Вполне понятно, что при многонародном составе России-Евразии высшими после общегосударственного единства единствами и первыми его членениями должны быть единства национально-областные ("нации").

При нормальном развитии самой культуры народ является иерархически расчлененным организмом, в котором всякое целое составляется из низших целых, из него почерпающих свои жизненные соки и живущих как в себе, так и в нем. Только при этом условии и возможны органическая связь моментов в моменте высшем и вместе с тем непрерывность связи сверху и донизу, нормальное кровообращение. Конечно, такое конкретно-реальное единство и есть единство государственное и обязательно выражается как государство и чрез государство. С точки зрения европейских представлений о государстве и европейской антитезы "государства" и "общества" это неизбежно будет воспринято, как предельный "этатизм", как неслыханное засилье государства. На самом деле, подобные обвинения нас нимало не затрагивают; им мы смело противопоставляем связь евразийской идеи с правдою русского анархизма, конечно, отнюдь, не считая себя анархистами. Мы ни минуты не предполагаем, будто современное европейское государство способно приняться за осуществление такой задачи иначе, как путем крайнего деспотизма.

Только чрез совершенно тираническую власть захватившей все в свои руки партии возможен для современного государства выход к новым формам государственности. Блестящими аргументами в пользу этого являются итальянский фашизм и русская коммунистическая партия, к счастью, уже выполнившая в существе свою историческую задачу, т.е. ставшая ненужною для дальнейшего развития евразийско-русской государственности. Правда, русское государство и теперь еще вынуждено считаться с остатками индивидуалистической эпохи. Но само оно уже определилось, как не индивидуалистическое и не отвлеченно-универсалистическое (коллективистическое, социалистическое, коммунистическое). Поэтому оно и должно, устанавливая и осторожно проводя в жизнь принцип функциональности других сфер культуры, регулировать умирающую индивидуалистическую действительность.

На основе развиваемого нами учения о соборной личности; сфера государства выделяется не по принципу одной из частных; функций культуры, как все прочие сферы. Функция государства есть функция целого как такового. Поэтому государство, будучи одною из частных сфер, соотносится с ними и как целое со своими частями. Сфера его определяется не в порядке функционального расчленения целого, а в порядке взаимопересечения частнофункциональных сфер. Правящий слой не такой же субъект, как субъекты хозяйства и духовной культуры; он как бы порождается ими для того, чтобы они чрез него над собою властвовали. Через признание всех соборных личностей, относящимися к их единству и соотносящимися в их единстве, создается естественное и органическое выделение из них "правящих" индивидуумов, которые соотносятся друг с другом сообразно соотношению выделяющих их социальных групп и, не теряя связи с ними, вовлекают их в государственность. Таким образом государство оказывается децентрализованным соответственно природному членению целого, благодаря чему оно должно быть соборным и не может сделаться деспотическим, т.е. выполняющим не соборную, а свою эгоистическую волю. Но вместе с тем, в силу иерархичности целого, государство и централизуется, т.е. объединяется и получает крепкую организацию, т.е. становится сильным.

Ведь государство в таком большом и многонациональном, культурном целом, как Евразия-Россия, может только или быть сильным или совсем не быть. Даже самому пламенному (?) либералу (хотя это и "contradictio in adjecto") должно быть ясным, что только единая и сильная власть способна провести русскую культуру через переходный период, канализировать и направить пафос революции. Но либерал ошибается, если думает, будто великие и неслыханные по своему размаху задания русской культуры вообще когда-либо осуществимы без такой власти. Чтобы остаться сильною, власть должна быть единою. В Европе попытка последовательно провести разделение законодательной и исполнительной властей закончилась жалкою неудачею, прикрытою бумажными фикциями. Обе власти сосредоточились в парламенте, который и законодательствует и "исполнительствует" при помощи выбираемых и свергаемых им правительств и многочисленных комиссий. Так может существовать только слабая власть и в действиях своих неумная власть. В самом парламенте голов больше, чем умов, а "умы" нейтрализуются взаимною борьбою и неизбежною при неорганизованности правящего слоя многопартийностью. Нужен иной исход.

Этот исход дан оформляющимся в России государственным строем. Здесь нет принципиального разделения между властями исполнительной и законодательной, как нет и различия по характеру и объему власти между "советом" и его "исполнительным" органом. Вместо этого вступает в полную силу принцип полного "замещения" первого вторым в междусессионный период первого, причем сессии первого кратковременны. Таким образом, "исполнительный" орган получает всю полноту власти, а ответственность его перед "советом" является не стесняющими каждый его шаг путами, а отчитыванием перед советом" за деятельность в целом и за сравнительно длительный период. Но и совет не распыляется в мелочах видимостью государственного дела, не запутывается в "вермишели", но определяет общие линии и задачи политики и общую годность своего "исполнительного" органа. С другой стороны, советы низших степеней органически, чрез посредство своих делегатов, связи с ними не разрывающих, входят в высшие советы, так что существует как бы один совет, несмотря на его дифференциацию во множество иерархически излучающихся из него частных, меньших советов, каждый из которых является не только органом высшего совета, но словно и им самим, "советом на местах".

Порядок вхождения низших советов в высшие путем делегирования первыми своих членов в высшие можно называть "многостепенными выборами" лишь условно и с оговорками. Выборная система характерна для европейской демократии; и для нее и в ней прямые выборы, конечно,

справедливее косвенных или многостепенных. При системе же делегирования делегат является постоянным членом своего (низшего) совета. Он связан с другими его членами постоянною деловою работою и многообразными культурными связями. Он хорошо известен им всем, и, назначая его своим делегатом в высшем совете, они могут вполне оценить, насколько он способен быть выразителем их соборной воли даже в непредвидимых заранее случаях. В нем они выбирают не отвлеченную партийную программу, а живую личность, притом личность, выражающую их соборное сознание. Вступая в высший совет, он не перестает быть членом своего низшего совета, а в случае своего расхождения с ним может быть им и отозван.

Только на этих путях обеспечивается органическая и постоянная связь верхов государства с его низами. Только такая система связует все советы в один совет и позволяет народным низам выбраться из положения голосующей и при нужде прикармливаемой правителями скотинки, из положения, в которое европейская демократия загнала свои низы. Всякий втягивается в живое государственное дело, а не в бесплодное философствование о безличных партийных программах; и само государственное дело выносит наверх наиболее активных и способных. Таким образом, становится возможным осуществление основного принципа демотии, т.е. оформление воли и "миросозерцания" целою организованным меньшинством.

VIII

Либерально-демократическая психика определена верою в единоспасающее "laissez faire, laissez aller" , т.е. верою в имманентную мудрость бессознательного натурального процесса. Все делается само собою, утверждает либерализм, либо склоняясь к мистическому упованию на эту мудрость, либо разочаровываясь и слюняво исповедуя бессилие человеческого разума. Конечно, бессилен разум, если под ним подразумевают то "нечто", которое порождает рационалистические выдумки "марксистов", коммунистов и демократов. Но ведь мы-то говорим не о таком нечто, а о подлинном разуме. И в "натуральный процесс" входят сознательные усилия и акты человека, так что сам этот процесс, не будучи вполне свободным, не вполне и необходим. Много делается как бы само собою, очень многое, но далеко не все. Возможны разумное осмысление процесса и разумное руководство им без рационалистической узости и рационалистического высокомерия, особенно же теперь — когда взволнованная революцией стихия входит в свои берега и когда разумное овладение ею становится жизненною необходимостью.

Если так, то возможна единая культурно-государственная идеология. Ее не следует смешивать с идеологиею партийною, ибо партийная идеология нечто совсем иное. Культурно-государственная идеология устанавливает основные принципы и задания культуры и ставит их в связь с переживаемым культурою моментом, являясь, таким образом, необходимою базою, на которой производится конкретная государственная работа и которая сама должна и может служить основанием для индивидуальных построений. Эта идеология не содержит в себе утопических планов будущего социально-политического устроения и не представляет собою детально разработанной, выдуманной в кабинете, но навязываемой жизни программы. Смысл этой идеологии в том, что она приобретает конкретность в самом живом государственном деле. Но она вовсе не сводится к ряду общих высказываний о "любви к отечеству и народной гордости", высказываний, которые находят себе столь жалкое выражение в беспринципной деятельности современных демократических правительств, определяющейся как равнодействующая партийной борьбы. Культурно-государственная идеология все же системна и конкретна, хотя и не детально и не безответственно конкретна, как всякая партийная программа; и культурно-государственная идеология, опять-таки в отличие от партийной программы, требует постоянной своей конкретизации и потому постоянно поверяется действительностью. Сама действительность является тем регулятором, каким при господстве партийного министерства является давление других партий.

Возможна ли единая культурно-государственная идеология без насилия над свободою индивидуумов, естественна ли она? Но как же такая идеология невозможна и неестественна, если и культура едина и если едино олицетворяющее культуру государство? Если выражающая себя чрез государство культура является действительным единством, определяемым ее мировым заданием и, в конце концов, обоснованным абсолютно, если культура и государство не разваливаются, как может это единство остаться без внешнего выражения, т.е. без идеологии? А мы хотим строить и раскрывать нашу культуру не на индивидуалистических предпосылках и видим, что не на них она строится. Для нас Россия-Евразия не случайный продукт взаимной борьбы между нациями, социальными группами, индивидуумами, а живое, органически раскрывающееся целое. Как же может оно не обладать единою волею и единым миросозерцанием, не отвлеченно-едиными, конечно, а соборно-едиными? Отрицать это — значит отрицать истину, хотя бы и в лукавой форме утверждения, будто истина непознаваема. Отрицать это — значит быть или нигилистом или скептиком-релативистом. Но релятивизм опять-таки характерен для европейской индивидуалистической культуры, а не для России. Он является следствием и проявлением эгоистического самоутверждения, которое пытается обосновать себя ложью — мнимою непознаваемостью истины, но в свою-то "истину" верит, как в абсолютную, если, впрочем, не отказывается от всякого действия. Пора бросить либерально-демократическую расслабленность и коммунистический узкий фанатизм! Перед нами, русскими людьми, стоит ясно и резко поставленный вопрос. Хотим ли мы строить великую и потому единую Россию и верим ли мы в будущее ее величие и единство? Если же да, так неужели мы не сойдемся на некоторых общих целях и задачах? Неужели, стремясь к единству, мы будем мечтать о многопартийности и борьбе партий, т.е. утверждать, что единства нет или что оно неопределимо даже в основных своих чертах? Если мы так думаем, мы в творческом труде России участия не примем, но будем ему только мешать. Она-то, конечно, и тогда себя раскроет, только... не через нас и не нашими руками.

Единая культурно-государственная идеология правящего слоя так связана с единством и силою государства, что ее нет без них, а их нет без нее. Поэтому возражения против единой идеологии являются по существу возражениями против сильного государства, и обратно. Но, чтобы вполне оценить и устранить все подобные возражения, необходимо понять неизбежность их на почве демократического строя и индивидуалистически-демократического миросозерцания. В демократическом государстве "народ" сводится к голосующему время от времени и дезорганизованному населению, права которого сведены буквально на нет тем, что оно фактически только переизбирает предлагаемых ему и мало ему известных депутатов. Борющиеся же друг с другом на выборах депутаты могут за краткий период избирательной компании собирать голоса в свою пользу только рекламою и заискиванием перед избирателями, т.е. широковещательными программами, да еще тем, что добьются включения себя в кандидатский список какой-нибудь влиятельной партии путем партийной, а не общегосударственной работы. Партии — удобное средство для учета и распределения голосов избирателей и единственное средство "как-то" организовать для выборов предварительно дезорганизованное население. Но это голосующее население с трудом может даже приблизительно понять партийные программы и отделить в них неосуществимые посулы от осуществимого и государственно-полезного. Ведь в политических правах народ до смешного ограничен и от участия в управлении страною фактически устранен. Государственная же идеология — редкая птица в демократиях.

Вся государственная власть сконцентрирована в небольшом и оторванном от народа правящем слое, на авансцене которого вертятся парламен-

тарии и журналисты, а за кулисами вертят чуть ли не всем банкиры. Но благодаря существованию многолюдного парламента, учреждения неработоспособного, сконцентрированная в небольшой социальной группе государственная власть, по существу олигархическая, по имени демократическая, оказывается совершенно неорганизованною. И опять-таки единственным средством некоторой ее организации является образование ряда политических партий. Именно множество партий обеспечивает всякую из них и весь правящий слой от установления в нем самом сильной власти, которая при оторванности правящего слоя от народа только и может быть "своевольною", т.е. деспотическою. В многопартийности для демократии (!) заключается единственная гарантия против деспотии. Но та же многопартийность позволяет каждой партии быть уверенною в том, что другие, наверно, не дадут ей целиком осуществить ее программу и безответственно философствовать и украшать свою программу любыми посулами, любыми цветами красноречия. "Держите меня, а то я набезображу больше, чем русские коммунисты", взывает каждая партия ко всем другим. Только единство и сила государства от этого отнюдь не выигрывают. Напротив, государство становится исключительно непоследовательным в своих действиях и слабым. У него не может быть единого идеологического пути, ибо путь его — путь компромисса между многими отрицающими друг друга партийными программами. Этот путь очень хорошо иллюстрируется "коалиционными" и особенно "деловыми" министерствами. Партийные программы, сыграв свою роль, цинично прячутся в карман.

Таким образом, демократическое государство обречено на вечное колебание между опасностью сильной, но деспотической власти и опасностью совсем не деспотического бессилия. Оно не может преодолеть своего бессилия иначе, как путем тирании, и не может спастись от тирании иначе, как слабостью. Поэтому и переходною формою от современного государства к лучшему неизбежно должна быть диктатура одной из партий, а одна из современных партий без сдержки со стороны других не может быть не деспотической, как показывают примеры коммунистов и фашистов. Органического (не революционного) перехода здесь нет и быть не может. Вполне естественно, что мысль о сильной власти или о единой государственной идеологии наполняет ужасом сердце всякого "демократа". Кроме того, понятие единой идеологии в его ограниченное сознание, знакомое лишь с партийными программами, просто не укладывается.

Где и как возникают партийные программы? Благодаря ненормальной концентрации государственной власти в небольшой олигархической группе создается особая внегосударственная пустота. Эта пустота заполняется людьми, в серьезной политической деятельности не участвующими и политически безответственными, и противопоставляется "государству" как "общество", признаваемое настоящим и свободным культурным единством. И понятно, что безответственно живущие в этой внегосударственной пустоте люди могут без всякого опасения измышлять какие им угодно теории общества, государства, социального переустройства и т.д. Если даже они договариваются до самых диких фантазий, они в большинстве случаев уверены, что им никто не поверит и что ощутительного вреда их дикие фантазии не принесут. Уверены же они в этом еще и потому, что являются детьми индивидуалистической эпохи, которая просто не верит в истину, исповедуя релятивизм, и, не видя единого государства, не имеет оснований допускать и единую идеологию. Душевно-умственное состояние таких теоретиков очень своеобразно. Его бы невозможно было допустить, если бы оно уже не существовало. С одной стороны, теоретик не верит в общеобязательную истину и в истинность всякой, в том числе и своей, теории; с другой стороны, он все чужие теории отвергает и непременно хочет построить свою. За неспособностью он иногда притязает даже на то, что первый пустил в оборот какой-нибудь употребляемый другими термин. (За последнее время появились претенденты, правда, основывающие свои притязания не на фактах, а на чем-то другом, на изобретение терминов "Евразия" и "демотия").

Таким образом, теории и программы растут, как грибы после дождя, и "определяются бытием" — эгоистическим индивидуализмом европейского сознания, а иногда и мелким тщеславием.

Мы знаем уже, что демотическое государство, ныне оформляющееся в России, сочетает децентрализованность и органическую связь с народным массивом с объединенностью и силою. В этом государстве нет объективных условий для появления многопартийности. В нем партии в европейском смысле слова просто не могут появиться. Даже в современной коммунистической России, где деспотически господствует одна из прежних (!) партий, создание многопартийности кажется возможным лишь потому, что с призраками партий борются коммунисты, невольно внушая мысль о реальности призраков. Призраки существуют, пока в них верят. Лишь только прекратится борьба с ними, как их нереальность сейчас же обнаружится. Но невозможность многопартийного режима в демотической России (не говорим уже здесь о его опасностях) повелительно требует единой государственно-культурной идеологии. Не она уничтожает партии, а невозможность партий вызывает ее к жизни. С другой стороны, единая культурно-государственная идеология представляется нам необходимою еще и потому, что мы утверждаем примат культуры над государством, а культуру русскую определяем ее исторической миссиею.

Проблема идеологии связана с проблемою единства государственной власти, равно и с тем, что государство не только вырастает из сферы хозяйственной, но и из сферы духовно-культурной, т.е. преимущественно идеологической. Из всего сказанного должно быть ясным, что демотическое государство по самой природе своей едино и сильно. В нем правящий слой несравнимо объединеннее и организованнее, чем в демократиях, и потому природно предрасположен к единой идеологии. Как соборная личность, правящий слой предполагает свое возглавление или демотическое правительство. Однако это правительство в силу самой структуры правящего слоя не может совпадать с личным составом высших органов государства. Демотическое правительство должно прорезать правящий слой сверху и донизу. И во избежание вполне естественного смешения с правительствами обычного типа лучше всего и называть его как-нибудь иначе, например "государственным активом".

Вот этот-то государственный актив, которому принадлежит в государстве руководящая роль, должен быть и культурно-государственным идеологическим объединением. Он должен быть стержнем правящего слоя, вонзающимся в глубину народного материка, живым стволом, ветви которого прорастают все толщу народной жизни. Он прорезает культурное целое и в вертикальном, и в горизонтальном направлениях. И при соблюдении этих условий его идеология может быть действительно народною, а он сам — выражать народную волю. Как идеологическое объединение, государственный актив, распространяясь за пределы правящего слоя и объединяя вокруг себя и политически не активные элементы, т.е. уподобляясь "партии", основывается на бессознательной идеологии целого, ставит и решает проблемы, предлежащие целому. В нем — лаборатория государственного миросозерцания, на Западе выносимая во внегосударственную пустоту; в нем же государственное миросозерцание выливается в конкретную деятельность. Осмысляя и направляя ход государственной машины, он вместе с тем вводит в русло, упорядочивает и организует то, что хаотически и бессознательно происходит в европейском правящем слое. Поэтому и нет партий, появление которых свидетельствовало бы о дефективности государственного актива и правящего слоя.

До сих пор мы называли и продолжаем называть государственный актив единственною правительствующею партиею. Тем, что она "единственная", уже исключается смешение ее с европейскими партиями. Их всегда и необходимо много. Каждая из них "часть" разделенного на многие части правящего слоя и мыслима лишь как соотносительная другим "частям" и потому относительная. Партии могут возникнуть лишь на почве парламентского строя и классовой борьбы, в конце концов — на почве

релятивизма. Единственная же "партия" связана с единым государством. Она может, при переходе от старого строя к новому, вырасти из одной из партий в старом смысле и долго сохранять их относительность и дурные качества (примеры — коммунистическая партия, фашисты). Но не в этом ее природа. Ее можно также назвать идеологически-политическим союзом или идеологически-политическою лигою, но подобные наименования не будут выражать ее организационного единства и действенности. Лучше всего, пожалуй, назвать ее идеологически-политическим или евразийским отбором.

IX

Подчиняя государство культуре мы тем самым отрицаем эмпирическую возможность совершенных форм государственности. Государство могло бы стать совершенным, если бы стала совершенною сама культура. Совершенной же эмпирической культуры мы не только не знаем, но не можем даже ее помыслить. Это вытекает из данного нами в § 2 определения культуры. В самом деле, эмпирическое совершенство культуры не совместимо с эмпирическим ее развитием. Допуская такое совершенство, мы бы должны были поместить его либо в прошлое, либо в будущее, так как настоящее единой соборно-человеческой культуры, да и всякой частной культуры, очевидно, несовершенно. Но подобное предположение, в свою очередь, предполагало бы, что вся полнота и все развитие культуры сосредоточились в одном каком-нибудь из ее моментов. А тогда бы не нужны были, не имели никакой цены и даже не существовали все прочие моменты культуры. Тогда бы потеряла всякий смысл человеческая деятельность, а у культуры не было ни прошлого, ни будущего. Она бы перестала быть временною и развивающеюся, т.е. тою эмпирическою культурою, о которой мы говорим. Вера в возможность эмпирического "совершенства" культуры является незакономерным и наивно непродуманным смешением двух планов: эмпирического и метафизического. Это — засорение реальности дурною метафизикою и вредная утопия. Примеры — идеалы прогресса и коммунистического "рая" (в древности — понятие "золотого века").

Поэтому можно и должно стремиться в действенном развитии культуры ко все новому и лучшему ее раскрытию; но не должно ставить целью развития какую-то абсолютно совершенную форму культуры, не должно потому, что это просто невозможно и, следовательно, глупо. Стремиться же к новому и лучшему должно, ибо, если не появится нового, не будет культура полною, а если новое не будет возможно лучшим — культура может погибнуть.

Эмпирически абсолютное совершенство культуры невозможно. Тем не менее осуществляющее ее общество всегда стремится, если только оно не поражено серьезною болезнью, к возможному, даже к предельному эмпирическому совершенству. Такое "совершенство" может быть лишь совершенством всякого момента развития и прежде всего данного, предлежащего и только потому доступного непосредственному воздействию момента. Ведь, чем менее развитым предстанет он, тем меньшего развития достигнут и целое культуры и все прочие ее моменты и периоды. В этом смысле здоровая культура живет настоящим, злобою дня сего. Однако, поскольку она осуществляется в целеполагающей деятельности, в создании нового, ее настоящее уже содержит в себе "завтрашний день", ее ближайшее будущее: в меру непосредственной связанности его с настоящим, его предвидимости и его основных линий. Будущее должно органически вытекать из настоящего, но не отменять и не обесценивать его, не разрушать его, как это происходит при всякой руководящейся отвлеченным идеалом будущего утопической деятельности идеологов прогресса или социализма. Так мы расширяем понятие настоящего культуры, "дня сего" данного ее момента, и противопоставляем нашу точку зрения как бессознательной, автоматической жизни изо дня в день, так и отрицанию настоящего ради гадательного будущего, утопизму, за которым скрывается наивная вера в возможность эмпирического совершенства культуры или, по крайней мере, полное непонимание того, что такое культура.

Однако, как ни очевидны заблуждения утопизма и как ни убийственны для него уроки истории, его никогда не удастся уничтожить одними эмпирическими аргументами. Он жив и силен исподтишною метафизикою, которую надо обличить и которой надо противопоставить явную и подлинную. Очевидно, что стремление к возможному совершенству всякого и прежде всего данного момента развития не лишено смысла только в том случае, если он не исчезает бесследно, а как-то (хотя и не эмпирически) сохраняется, если степень его эмпирического совершенства не безразлична для бытия всей культуры в эмпирическом и сверхэмпирическом плане и если, стало быть, этот свсрх-эмпирический план действительно существует, и притом так, что в качестве своего необходимого момента содержит и самое эмпирию. Можно выразить эту мысль еще и следующим образом. Эмпирическое совершенство культуры невозможно, а сверх-эмпирическое ее совершенство, содержащее в себе эмпирию, и усовершающее ее, не зависит от наших эмпирических сил. Но от нас зависит, будет ли, есть ли само сверх-эмпирическое совершенство, ибо: если не будет эмпирии, — как оно будет? И если мы не будем стремиться к совершенствованию эмпирии, — как будет она? Мы стремимся к ее усовершению, и только этим, только идеалами и стремлениями нашими мы и живы. А это значит, что сверх-эмпипирическое совершенство, наверно, есть. Оно-то и предносится нам, являясь путеводной звездой нашей жизни. И его-то и смешивают, сами того на замечая, с эмпирическим будущим всякие утописты. Каждый из нас внутренне связан со своим совершенством, которое и является нашим идеалом, источником, смыслом и критерием нашей деятельности. И в том же смысле связана со своим идеалом культура, как и всякая индивидуация, всякий момент ее.

X

В идеальном, но более реальном, чем эмпирическое, бытии — основа и источник религиозно-нравственной деятельности. (Просто нравственной, автономно-нравственной деятельности совсем нет; и разговоры об автономной этике — плод философского недомыслия; ибо: раз этический идеал "абсолютен", он тем самым уже религиозен, а об относительном нравственном идеале и говорить не стоит). Совершенство личности, как индивидуальной, так и соборной, противостоит ей, как ее идеальное бытие, как ее "идеал", ее "абсолютное задание", истинная и единственно действительная ее цель, истинный и единственно действительный, хотя и не всегда правильно понимаемый объект ее желаний и стремлений. Но совершенство личности, или "образ Божий", и есть ее единство с Богом. Поэтому религиозно-нравственная деятельность есть качествование личности, определяемое ее отношением, к Богу. Для всякой и во всякой эмпирической и несовершенной действительности идеальное бытие не является чем-то осуществленным, но только должным и осуществляемым, не установленным, а становящимся, вечно постигаемым и осуществляемым и тем самым конкретизируемым. Идеал не может быть выражен в каких-либо конкретных определенных формулах, ибо он "осуществляется" (хотя в эмпирии и всегда неполно, частично), осуществляется путем развития данной конкретной действительности в новую, конкретную же действительность, которая, именно как юная и небывалая, до осуществления своего еще не действительность (эмпирическая), еще не конкретна, а потому и еще не познаваема конкретно. Но, с другой стороны, идеал не выразим и в отвлеченных, абстрактных формулах, ибо такие формулы — сеть, сквозь которую, как вода, протекает конкретность. В том и природа религиозно-нравственного идеала, что он реально существует и предносится нам, но до своего осуществления может быть лишь условно и приблизительно означен каким-нибудь относительно (!) конкретным заданием ("помоги этому несчастному") или общею, отвлеченною формулою, отрицательною ("не убий", "не укради") либо даже поло-

жительною ("любите друг друга", "любите врагов"). Лучше всего существо религиозно-нравственного долга выражается конкретным примером или притчею, в чем и сказывается симфоничность идеала.

Таким образом, религиозно-нравственный идеал нельзя адекватно выразить в нормах и в "кодексе нравственности", хотя нравственность исторически нормативировалась и кодифицировалась (например, в Ветхом Завете). Последнее объясняется смешением ее с правом. Другою особенностью религиозно-нравственной деятельности является ее свобода, а потому отсутствие внешней санкции и принуждения. Принудительно никого сделать нравственным нельзя. Принуждение нравственно уничтожает и того, кто принуждает, и того, кто подчиняется.

Определим все-таки (означим) основные религиозно-нравственные идеалы личности, и прежде всего личности соборной (ибо она онтологически первое), даже — высшей соборной личности (скажем — "человечества").

Долг соборной личности заключается в том (ср. § 4,5), чтобы соединиться с Богом чрез совершенное самоосуществление. Это значит всецело отдать себя Богу или принести себя Ему в жертву тем, чтобы осуществить себя. Но для соборной личности самоосуществление не что иное, как самоисчерпание и, следовательно, самоуничтожение себя в своих индивидуациях (самоотдача, любовь). Вся соборная личность всецело, но специфически выражает себя в первой своей индивидуации для того, чтобы, перестав быть ею и в качестве ее погибнув, выразить себя в иной специфичности: как вторая своя индивидуация и т.д., пока она не исчерпает себя. Так, "уходя во множество", соборная личность погибает и отдает себя Богу, дабы в Нем воскреснуть и истинно быть над бытием и небытием.

Однако всякая индивидуация соборной личности есть сама она и потому в известном смысле даже единственная соборная личность, свободная, самодвижная. Поэтому ее религиозно-нравственный идеал — тот же самый идеал. Она, поскольку она и отлична от высшей соборной личности, отдает себя Богу чрез ее посредство, т.е. она тоже исчерпывает себя в свободных своих индивидуациях, которые и есть ее самоосуществление и самоуничтожение. Однако ее природа, как момента высшей личности, требует и новых форм ее религиозно-нравственной деятельности, определенных ее отношением 1) к самой высшей личности и 2) к другим индивидуациям последней.

По отношению к другим таким же, как она, индивидуациям высшей соборной личности, частная соборная личность осознает свой нравственный долг в том, что она существует и должна существовать, т.е. вполне индивидуировать и выразить себя, и ради них. Она должна за них "положить свою душу", т.е. жизнь, и в этом ее самоосуществление, — ибо как она "положит душу", если души у нее не будет? Как отдаст себя, если себя не осуществит?

Отсюда ясно и отношение ее к высшей личности. Ведь, отдавая себя другим индивидуациям этой высшей, она осуществляет волю высшей, как свою свободную волю. Следовательно, по отношению к высшей личности долг ее в самоотдаче себя другим индивидуациям и ради высшей личности, как и ради них она себя осуществляет.

Я думаю, что сказанного достаточно и что мы можем не усложнять анализа рассмотрением дальнейших индивидуаций высшей соборной личности и их взаимоотношений. Религиозно-нравственный долг любой индивидуации, а значит, и индивидуума, который тоже индивидуируется и вовсе не есть последняя индивидуация всеединства, мы определяем следующими положениями.

1) Индивидуация должна осуществлять, т.е. жертвенно индивидуировать себя вниз ради своего совершенства, которое есть единство с Богом, и, следовательно, всецело отдавать себя Богу; 2) индивидуация должна согласовать свою волю с истинною волею высшей личности и потому 3) осуществлять себя ради других индивидуаций ("любите друг друга" и "больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя"); 4) индивидуация должна всецело отдавать себя своим (низшим) индивидуациям или своим "моментам", ибо это и есть ее самоосуществление и совершенствование. Если всякая индивидуация выполняет этот свой религиозно-нравственный долг, есть и совершенное всеединство, соборная личность сотворенного Богом мира. Говоря кратко, всякая совершенная личность определяется полнотою ее любви к Богу и ко всем другим личностям, т.е. полнотою самоотдачи.

Мне кажется ясным, что наше рассуждение не что иное, как изложение основ христианской нравственности, раскрывающей истинное существо мира. Если нам возразят, что христианский нравственный идеал не осуществим, мы предоставим возражателей их маловерию и выдумываемому ими абсолютному этическому идеалу, который отличается от христианского вовсе не своею осуществимостью, а своею языческою мерзостью. Всякий идеал эмпирически неосуществим. Если нам возразят, что христианский идеал не осуществляется (конечно, частично и приблизительно) и даже противоречит существованию мира, мы без труда покажем, что мир и существует-то лишь в меру осуществления им христианского идеала (в меру стремления его к своему совершенству). Но вот идеи "самоутверждения", самостоятельного в своей уединенности (в "гордом одиночестве") индивидуума, "индивидуальной личности", с которой мно-

гие ныне носятся, как курица с яйцом, у нас действительно нет. Да нам ее и не надо. Самоутверждение есть непроизвольное, спонтанное и неизбежное следствие самоотдачи и как бы дар Божий за нее. В этом и смысл открытой миру Христом тайны, против которой топорщатся и надуваются мыльные пузыри, разные "индивидуумы", не знающие того, что они такое, и не подозревающие, что скоро лопнут и смердеть будут.

Вполне естественно, что несовершенство и, в частности, эмпирическое несовершенство соборной личности осложняет религиозно-нравственную проблему. Несовершенная соборная личность останавливается и замыкается в своем становлении, не желая и не достигая ни полноты единства, ни полноты множества. Вся она и всякая ее индивидуация отличаются тем, что, признавая получаемое ими от Бога за свое, самобытное, т.е. "хищением" равняясь Богу, надеются утвердиться в себе без самоотдачи, но утверждаются в себе, самозамыкаются и уединяются ценою роковой и нежеланной самоотдачи, т.е. рокового погибания, ибо самоотдача остается необходимым условием всякого самоутверждения (§ 5). Так возникает несовершенная, дурная разъединенность мира и становится неодолимым для него фактом. Религиозно-нравственная деятельность этим фактом, разумеется, эмпирически ограничена: она всегда эмпирически встречает некоторый предел в осуществлении идеала, предел, снимаемый лишь метафизически и метаэмпирически — Боговоплощением. В эмпирии религиозно-нравственная деятельность неизбежно направлена не только на самоотдачу, но и на преодоление греховного самоутверждения. Она приобретает характер самопреодоления и даже, так как эмпирически полное самопреодоление невозможно, ибо его ни соборная личность и ни одна из ее индивидуаций не хотят, — характер борьбы с собственным своим хотением, самообуздания. Это свойственно всей соборной личности и всякой ее индивидуации. Поскольку же мы рассматриваем их как множество, т.е. в их взаимоотношениях, относительный (хотя тоже всецело не осуществимый для эмпирии) идеал становится "распределительным", т.е. выражается в идее справедливости . Идея справедливости ставит грани самоутверждению, не отрицая его, как факта, напротив — считая необходимым его преодоление, но словно закрепляя некоторое его состояние, на почве которого такое преодоление может начаться, и отражая в несовершенстве само всеединство. Идея справедливости утверждает абсолютную ценность всякой личности и равноценность их всех независимо от иерархического положения. Она извне ограничивает самоутверждние каждого тем, что защищает от него других. Но вместе с тем она указывает каждой личности ее место в иерархии и таким образом выдвигает согласование их всех и нравственно определяет несовершенное

целое как единую соборную личность. И только этим путем делается возможною высшая религиозно-нравственная деятельность для несовершенной личности. В самом деле, я должен любить других, т.е. отдавать им себя свободно, ибо религиозно-нравственная деятельность есть деятельность свободная. Конечно, даже если меня оскорбляют, лишают всякой внешней свободы, убивают, я все же могу свободно подчиниться всему этому и сделать, таким образом, совершаемое надо мною насилие вполне свободным актом моей самоотдачи. Однако я, как человек несовершенный, на подобное напряжение моей воли просто не способен. И очевидно, что, если не будет ограждена какая-то сфера моей свободы, религиозно-нравственная деятельность станет для меня, человека морально среднего, прямо невозможною. Обратно: если мною самим или другим не будет поставлена какая-то граница моему эгоистическому самоутверждению и произволу, я сделаю невозможною религиозно-нравственную деятельность для других. Таким образом, из глубины нравственного сознания, из понимания того, что нравственная деятельность должна быть свободною, и того, что все эмпирические личности несовершенны, возникает идея справедливости. Стремление к ней тоже свободный акт, возможный в силу реального единства всех людей и непосредственного осознания каждым онтологически первичного равенства всех и особого достоинства каждого. Сфера справедливости — низшая сфера нравственности, являющаяся необходимым условием высшей. Однако и эта низшая по сфере своего действия нравственность, нисколько не отрицающая высшей, а истекающая из нее и направляющая к ней, не выразима в нормах и требует свободы, т.е. не совместима с каким бы то ни было принуждением.

XI

Здесь перед нами и встает проблема права. Эмпирическая соборная личность должна в меру возможностей своих эмпирически сохранить себя, как единство и как множество, т.е. согласовать свое единство с множеством своих индивидуаций, равно утверждая и первое, и вторых, и их иерархическое взаимоотношение. Иными словами, она должна создать эмпирические условия своей религиозно-нравственной деятельности в эмпирии, найти внешнюю форму для выражения своей религиозно-нравственной воли. Из всего сказанного ясно, что, говоря о воле соборной личности, мы говорим о симфонической ее воле, почему всякие возражения с точки зрения насилия над индивидуумом неуместны и глупы. Фактически насилие появиться может, но принципиальной необходимости в его появлении нет. Говоря, далее, о воле, мы не отделяем ее от водящего субъекта: она и есть он сам. Если же мы называем ее религиозно-

нравственной и, следовательно, укореняем ее в Абсолютном, то тут нет никакого ограничения свободы, ибо воля религиозно-нравственна как раз постольку, поскольку она свободно согласуется с Абсолютным. С другой стороны, наша постановка вопроса устраняет многие недоразумения. Нельзя сказать, что нравственность и право "ниже" соборного (и индивидуального) субъекта, и он их создает, ибо, во-первых, они — он сам в своих качествованиях, а во-вторых, они определены свободным согласованием его с собственным идеалом и Богом, абсолютно обоснованы. Но нельзя сказать и обратного, т.е. что он "ниже" их, и по тем же самым основаниям.

Итак: поскольку соборная личность определена своим религиозно-нравственным идеалом, а чрез него отношением своим к Богу и поскольку она (считая осуществление этого идеала должным и вместе с тем определяемая своею разъединенностью, как своим греховным несовершенством) стремится создать и создает эмпирические условия своей религиозно-нравственной деятельности, она обладает правовым качествованием. Право, следовательно, обосновано абсолютно, истекая из идеи справедливости, правды. Но, в отличие от нравственности, право формально, определяя условия религиозно-нравственной деятельности, а не ее самое, так что в формах права возможна и деятельность безнравственная. Поэтому оно охранительно. Оно может охранять данный религиозно-нравственный уровень общества и создавать условия для его дальнейшего развития, но не обладает творческими силами нравственности и не может сделать людей нравственно более совершенными.

В связи с формальным характером права стоит то, что оно может выражаться в отвлеченных формулах, как отрицательных или запретительных, так и положительных. Право нормативно, давая отвлеченные общие формулы должного, и в развитом виде предстает как система норм. Само рождение права связано с обобщением конкретно-индивидуальных актов, с отвлечением от полноты конкретности, т.е. с появлением общих норм. В этой нормативности второе отличие права от нравственности.

А с нормативностью права связано и сверхиндивидуальное значение правовых норм, их непреодолимость иначе, как в порядке изменения самой симфонической воли. Конечно, нравственное требование еще неодолимее; но здесь право и нравственность обнаруживают новое, третье различие. Норма права неодолима для соборной и индивидуальной личности, во-первых, постольку, поскольку эта норма укоренена в идее справедливости, т.е. обоснована абсолютно. (В этом, например, отличие основной сферы права от сферы нравов и быта.) Однако, так как право всегда выражается в норме, и всякая норма условна, правовая норма не обладает

в конкретной своей формулировке тою же неодолимостью, как нравственное требование, нормативно невыразимое, но за то и не подверженное относительности всякой формулировки. Во-вторых, норма права неодолима потому, что она является свободным волеизлиянием соборной личности, в котором эта личность и всякая ее индивидуация свободно себя связывают. То же самое, разумеется, есть и в нравственном требовании, но оно немыслимо без абсолютной обоснованности, а правовая норма (хотя бы в форме своего выражения, практически же и по существу) мыслима. Далее, нравственное требование не принуждает, а в правовой норме — и в этом опять отличие права от нравственности — целое принуждает индивидуума или частную соборную личность, когда их самосвязывание остается бессознательным и неполным, например, — в случае непредвиденного индивидуумом следования данной нормы из другой, всецело принимаемой им. Правовые нормы обладают (в-третьих) неодолимостью в силу принудительного их характера.

Итак, право отличается от нравственности тем, что 1) связано непосредственно лишь с низшею сферою нравственности — с идеею справедливости, что оно 2) формально и охранительно, 3) нормативно и 4) обладает принудительным характером.

Определяющим и формулирующим правосубъектом является сама симфоническая личность, хотя и в соединении со своим религиозно-нравственным идеалом и Богом. Без этого последнего условия право теряет принципиальную и абсолютную свою обоснованность и из права, обоснованного на справедливости, превращается в произвол, сохраняющий, в лучшем случае, лишь форму права, его мертвую оболочку. Так как соборная личность греховна и несовершенна, она может ошибаться в формулировании права и даже поддаваться своему произволу. Мы же знаем, что и без того сам акт формулирования неизбежно должен способствовать появлению ошибок. Поэтому во всяком положительном праве мы и найдем много противоречащего идее права и религиозно-нравственному идеалу. Отсюда вытекает практическая необходимость — сохраняя идею и форму права, сделать их достаточно гибкими.

Соборность формулирирующего права и им самого себя связывающего субъекта устраняет неразумные вопли о насилии над индивидуумом, который ведь входит в состав этого субъекта, как его живая и свободная индивидуация. На почве идеи соборности понятны существование и значение обычного права, процесс "правотворчества" и многое другое. Но указать на соборность и здесь остановиться — значит остановиться на чем-то еще очень неопределенном. Надо уяснить, каким путем определяется право.

Мы знаем уже (§ 5), что симфоническое сознание и симфоническая воля находят себе преимущественное выражение в определенной социальной группе — в руководящем или правящем слое. Он же конкретно является и субъектом определяющим, формулирующим и санкционирующим положительное право. В силу органической связи своей с массами он в состоянии оформлять и систематизировать инстинктивное и фрагментарное правотворчество, в силу преимущественного своего положения он сам способен к правотворчеству в духе культуры и к утверждению права. В органической же связи его с массами лежит гарантия того, что его правотворящая и правохранящая деятельность будет органическою, а не утопическою. В этой связи и в абсолютной обоснованности права заключается также и условие того, что сам правящий слой подчиняется праву, которое он только опознает и формулирует, но не "творит" в строгом смысле слова.

Обвинения евразийства в отрицании права и правового государства, причем всегда идея права незаконно смешивается с конкретным европейским правом, связаны с вопросом о "субъективных публичных правах". Выше (§ 5,7) уже высказаны некоторые общие соображения и указана необходимость различать теорию права и государственное искусство, принцип и форму, с одной стороны, и материальное содержание формы, с другой (§ 6, 7). Полезно еще более отчетливо различать факт и его принципиальное обоснование, а равно учитывать и историческую обстановку, так как само собой разумеется, что вызванная революционной перестройкой общества неустойчивость социально-правовых отношений вовсе не представляется нам естественным или нормальным явлением. Здесь надо проводить четкое различие между революционным и переходным периодом, с одной стороны, и нормальным, "устоявшимся" порядком, с другой. В революционный и переходный периоды, когда новый правящий слой, новые формы государственности, сам идеологически-политический отбор только слагаются, когда возникают новая идеология и новое правосознание в обстановке катастрофической гибели всего старого, — действительно замолкают не только музы, а и право и правда. Когда же установится нормальный порядок, сами собой исчезают эксцессы и болезненные явления. И сам переход от коммунистической партии к евразийскому отбору не связан необходимо с особенно болезненными явлениями. Дело совсем не в том, чтобы на место устойчивых отношений поставить неустойчивые, а в том, чтобы нормальную и необходимую устойчивость не абсолютировать в какой-то раз на всегда Богом установленный порядок, жесткий и никаким изменениям не подлежащий, чтобы сохранить пластичность и гибкость форм и норм. Что же касается факта и его принципиального обоснования, так мы идем дальше наших противников, требуя не формальных только, а положительных свобод, самым решительным образом отвергая всякую попытку индивидуалистического их обоснования. Мы принимаем упрек, что наши субъективные права не являются абсолютными правами обособленного индивидуума. Но за то нас никто не сможет упрекнуть, что эти права остаются только формальными и на деле превращаются в удобные орудия для эксплуатации слабых сильными.

Всякий индивидуум (§ 3) существует и специфичен постольку, поскольку он специфически, по-своему осуществляет целое (соборную личность). Он определяется двумя не отделимыми друг от друга моментами: своей специфичностью и своим отношением к целому. Без этих двух моментов индивидуума быть не может. Отбрасывая специфичность (а вовсе не просто нумерическую отличность), мы приходим к уничтожению индивидуума в абстрактно общем; отбрасывая отношение к целому — к разрушающему себя индивидуализму. Осуществление обоих моментов, как некоторого неразложимого двуединства и составляет жизнь индивидуума. Оно — его цель, его долг, его обязанность. Возможность его — его право. Таким образом, нет права без обязанности, и нет обязанности без права . При этом право сопряжено с обязанностью уже в сфере самого индивидуального бытия, хотя их сопряженность и они сами определяются только чрез отношение индивидуума к целому и чрез разъединенность целого на множество индивидуаций и индивидуумов. У индивидуума как такового, у "homo Hobbesicus" нет никакого права и никаких обязанностей. И ни то ни другие не могут даже возникнуть, если целое не есть нечто иное, чем сумма индивидуумов. У действительно существующего индивидуума, т.е. у индивидуума как живого и свободного органа целого, есть зачаток права-обязанности. Но этот зачаток актуализуется только вместе с выходом индивидуума за границы субъективной сферы и становится правом-обязанностью эмпирического целого, внешне предстоя как права-обязанности индивидуаций по отношению к другим индивидуациям, единство которых и есть самое целое. Эти соображения применимы как к индивидууму, так и ко всякому частному целому, ко всякой соборной личности. И они должны найти себе закрепление в сфере политической, как в преимущественной сфере единства.

Иными словами, государство должно следить за тем, чтобы всякое субъективное право сочеталось с субъективной обязанностью, не выводя, однако, ни первого из второй, ни второй из первого, но просто и ясно утверждая их неразрывность. Так как обязанность, в конце концов, есть обязанность по отношению к целому, эмпирически "олицетворенному"

государством, утверждение необходимой связи ее с субъективным правом будет и утверждением функционального смысла всякого субъективного права. Такое утверждение отнюдь не делает его неустойчивым и произвольно отъемлемым: оно нерушимо и неприкосновенно постольку, поскольку субъект верен связанной с его правом обязанности. Более того — субъект" имеет право на право", поскольку он признает и приемлет свою обязанность.

Таким образом, положительное право должно быть гибким и меняться соответственно изменению жизни. Но в нормальных условиях оно должно быть устойчивым, ибо без такой устойчивости невозможны ни экономическое развитие, ни политическая жизнь. С другой стороны, неизбежная изменчивость положительного права нисколько не умаляет самого принципа права, т.е. того, что право абсолютно обосновано и для развития культуры необходимо. Это выражается в том, что во всякий данный момент действующее право непреложно и должно быть осуществляемо, связывая и государство, которое его охраняет, и частные соборные личности, и личности индивидуальные. Право изменяется не иначе, как в порядке изменения поддерживающей его симфонической воли, т.е. не иначе, как в установленной форме законодательствования, ибо право формально и в процессе своего раскрытия. Для охраны же действующего права, конечно, необходима здоровая организация суда, который его применяет. В независимости суда и получает выражение тот факт, что правом связано и само определяющее его государство.

XII

Государство никогда не строится на голом месте и по заранее придуманному плану. Если и производятся когда-нибудь попытки в таком духе, — они приводят к результатам только отрицательным. Развитие государственности является процессом органического ее роста, хотя бы иногда и протекающим в бурных формах революции. И государственное искусство заключается более всего в ясном понимании этого. Во всякой творчески-государственной работе надо исходить из уже данного и существующего и двигаться вперед не путем ломки и разрушения, а путем содействия тому, что здорово, и путем осторожных изменений и поправок. Такой здоровый реализм, такое признание факта, неудачно названное "фактопоклонством", являлись бы необходимыми даже в том случае, если бы организация современного русского государства оказалась преимущественно отрицательною. К счастью, дело обстоит существенно по-иному. За время революции органически создались (а не созданы коммунистами, которые были лишь плохими и бессознательными орудиями народной воли) основы новой русской государственности. Они нуждаются в дальнейшем развитии, в частичных улучшениях и поправках, в освобождении от пережитков старого, а среди этих пережитков прежде всего от социалистического доктринерства всех видов и от тиранической коммунистической партии. Но все это — сфера органической работы, нуждающейся в уяснении принципов, исходящей из данного и в общем удачно. намеченного.

Наметившиеся основы новой русской государственности оправдываются нашими идеями. Она не потому приемлется нами, что мы просто признали факт, но потому, что факт в своем существе и в своих вероятных дальнейших возможностях совпадает с требованиями и выводами, вытекающими из нашей идеологии.

Основы соответствующего культуре России-Евразии государственного строя уже заложены. Этим облегчена задача нашего поколения, перед которым открывается не только борьба с коммунистическим засилием, искажающим создающееся, но и широкий простор свободной творческой работы. Россия выходит из стадии натурально необходимых и стихийных процессов революции в стадию сознательного и свободного самоопределения. Признавая факт и учитывая его возможности, мы не считаем, однако, первого безусловно обеспеченным и вторых безусловно неизбежными. В этом ответственность нашего поколения, ведущего борьбу и против коммунизма, и против других сил старой русской общественности за новое евразийско-русское государство. Мы не станем отрицать, что наша установка обусловлена верою — верою в Великую Россию и мы знаем, что у верующего только один исход — или погибнуть или победить.

1927 г.

Г. В. Флоровский

О НАРОДАХ НЕИСТОРИЧЕСКИХ
(Страна отцов и страна детей)

Н.Н. С...ой
Der Proze? der Geschichte ist ein Verbrennen.

Новалис

Из глубокой древности ведет свое начало идея культурно-исторической неравноценности и, стало быть, неравноправности народов, еще с тех пор как "избранный народ Божий" — Израиль выделял себя из пестрой массы "языков", и "свободные" эллины противопоставляли себя рабам — "варварам". В сознании ближайших к нам поколений эта мысль отлилась в форму антитезы народов "исторических" и народов "неисторических", народов старых, живших и проживших длинные ряды исторических превращений, и потому несущих в себе толщу последовательных культурных напластований, и народов, доселе немотствовавших, культурно-девственных, "лишенных наследства" и предков, народов новых. Проблема национальности преломлялась здесь сквозь призму всемирно-исторического плана жизни и получала разрешение с точки зрения единичности исторического процесса и линейности его пути. Не пучком лучей и не связкою параллелей, а именно одною-единственною линией направляются судьбы человечества как единого целого к осуществлению единой, всеобщей задачи. Медленными, но непрерывными шагами подвигается оно к своей заветной цели. Но не сразу все человечество выступает на мировую арену: народы сменяются народами и водружают одну над другой все новые и высшие скрижали. Они не отменяют друг друга, а неуклонно накопляют и углубляют наследственную мудрость. В настоящем, как говорил Гегель, совмещаются все былые века. Нарастают и крепнут богатства "общечеловеческой цивилизации". И вот, казалось, ограниченное число народов "исторических", наследующих друг другу в возглавлении вселенской жизни, уже исчерпано, и тот народ, на чью долю выпала последняя очередь, призван навсегда сохранить за собою права культурной гегемонии и значение мирового центра. Такова завидная доля "Европы", того "романо-германского" мира, который сложился на развалинах Древней римской империи и унаследовал от своих предшественников их государственную мудрость, религиозные откровения и культурные предрасположения. И к пределах этого мира происходила своя "смена народов", приведшая, в конце концов, тому, что "сердцем" и "столицею" мировой культуры стал германский народ. Во

дни патриотического горя, государственного унижения и народного отчаяния, в порыве религиозного энтузиазма убеждал Фихте "немецкую нацию" в том, что лишь она есть "народ" в подлинном и строгом — мессианском смысле слова и только ей доступна настоящая, просветленная идеалами "любовь к отечеству". И в те же почти годы, стараясь воссоздать в целостном образе последовательные судьбы человечества, Гегель приходил к заключению, что именно "народный дух" германского племени, его являет высшую точку развития мирового Разума. После ряда попыток он находит наконец адекватную форму своего самооткровения.

Ряд культурно-исторических миграций закончился. И, как немудрые девы евангельской притчи, те народы, которым не приходилось еще выступать в первых ролях в "прошлом", обречены навсегда оставаться на положении исторических статистов, если только вообще придется им выйти из-за кулис исторической жизни, куда уже отошел — в мрак забвения — не один отживший народ. Право на участие в исторической драме дается, таким образом, происхождением, благородством, так сказать, чистотою крови, — безродные и непомнящие родства уже тем самым исключены из нее. Единственно, что могут они обнаружить, это отнюдь не творческие силы, а лишь способность переимчивости, и тем выше будет их относительное значение в мировом обороте, чем ближе в процессе подражания подойдут они к оригиналу, чем более точною копией его станут они.

Запас "новых" слов уже истощился. В сокровищницах "вековечной и абсолютной" мудрости, совместилось уже все, что доступно человеческому достижению. Разгадка мировой тайны уже найдена. Прозвучало всепримиряющее и всеразрешающее слово. Отныне проблема производства должна в экономии культурной жизни уступить свое место проблеме распределения и обмена. Не о создании новых ценностей должна впредь идти речь, а об усвоении наличного, достигнутого, о "приобщении" к мудрости веков. Тип самоотверженного искателя правды и истины должен смениться типом Kulturtrager'a, просветителя, проповедника отеческих заветов. "Благодетельная рука Провидения", или диалектическое самоосуществление мирового Разума, или железные законы биологической и экономической "борьбы за существование", или "самые неизменные законы физиологии" — безразлично: фатальная необходимость исторического развития заставила человеческую жизнь отлиться в окончательные, непреложные формы, нормальные для всего антропологического рода — bipedes .

"Единообразие природы" — основной закон и мировой, и исторической жизни. Число действующих космических факторов постоянно, и правящие ими законы неизменны. Так было, так будет — вот основная всепро-

никающая идея "эволюционного" мировоззрения. Силы, действующие в природе, действовали всегда, — и они одни — и все по тем же железным, необходимым законам, которые открывает современный испытатель природы и наблюдатель жизни людей и человеческих обществ. "Будущее", как выразился со своей всегдашней беспощадностью Герцен, "отдано в кабалу до рождения". Но зато рассеяны те страхи, которыми наполняло робкое человеческое сердце старинное "катастрофическое" мировоззрение времен Вико, времен споров "нептунистов" и "плутонистов", времен даже Кювье. Не раз менявшиеся "законы природы" ведь могут измениться еще раз, космический процесс может свернуть на новые пути, новые силы могут неожиданно врезаться в мировую гармонию, и все бывшее доселе сорвется в небытие... "Теория прогресса" страхует от этого наверняка. И вместе с риском упраздняется и чувство "личной ответственности", совершенно излишнее для колесика в хорошо заведенном механизме "системы природы". Так за культурно-историческим противоположением народов исторических и неисторических скрывается другая, более глубокая противоположность — культурно-философская, противоположность двух тонусов жизни, двух жизнепонимании — ретроспективного и проспективного, которую певец Заратустры так проникновенно сгустил в свои летучие слова о "стране отцов" и "стране детей" — Vaterland и Kinderland.

"Кто может узнать вас? — спрашивал он "современников". — Лицо ваше все исчерчено знаками прошлого и поверх них еще новые знаки, — вы хорошо загримировались, чтобы обмануть всякого гадателя. — Все времена и народы пестро сквозят из-под ваших покровов; все веры и нравы слышны в ваших песнях..." Но нет у них ни своего живого лица, ни своего убежденного слова. У них есть только мудрость отцов, только прародительские заветы. Их взоры обращены к прошлому: там, даже не в настоящем, ищут они обеспечения будущего, стараясь уловить "тенденции развития". Создается своеобразная гордость летами, числом истекших поколений. Древнейшее считается прочнейшим. Генеалогия заменяет принципиальное оправдание, обоснование по существу. Испытание временем — испытание идеалами. Создается тип "западного старообрядца". "До нас положено, лежи оно во век!" Все, не уходящее корнями в глубокие подпочвенные слои, кажется химерой. "Беспочвенным мечтаниям" противопоставляются "истоисконные начала", "преемственные предания рода человеческого". Свершения выше возможностей. Герцен схватывал самую суть этой идеологии, когда писал Чичерину: "Вы знаете много, знаете хорошо, все в вашей голове свежо и ново, а главное, вы уверены в том, что знаете,

и потому спокойны; вы с твердостью ждете рационального развития событий в подтверждение программы, раскрытой наукой. С настоящим вы не можете быть в разладе, вы знаете, что если прошедшее было так и так, настоящее должно быть так и так, и привести к такому-то будущему... Вы... определенно знаете, куда идти, куда вести".

Философия прогресса ориентируется всецело на прошлое. Из прошлого вычитывается программа действий, по прошлому создаются исторические предсказания. Само будущее проецируется в прошедшее либо в виде предвечного замысла мироправящего Разума, либо в виде скрытых потенций сущего, развертывающихся с имманентною необходимостью во времени, либо в виде сознательного избрания воли к жизни. И мало того, "история повторяется". Все "народы" проходят один и тот же цикл превращений; разница только в темпе и ритме, разница только в счете поколений. И по истории одного народа мы можем прочитать вперед творимую историю другого. Historia est magistra vitae — в этом афоризме Цицерон слил все культурно-философские упования "отцов". "Мы, Русские, — писал Тургенев Герцену с раздражением человека, принужденного твердить азы, — принадлежим и по языку и по породе к европейской семье, "genus Europaeum", и, следовательно, по самым неизменным законам физиологии должны идти по той же дороге. Я не слыхал еще об утке, которая, принадлежа к породе уток, дышала бы жабрами, как рыба". И он злостно высмеивал русскую "загадку", "русский сфинкс" с его годами молчания, узнавая в нем знакомые черты ярославского мужичка, забитого нуждой и непосильным трудом, с его запахом и изжогой. Он мерял его, вероятно, масштабами "величественного здания величавой цивилизации, слагавшейся веками" — на Западе...

Именно в этой, идеологической атмосфере зародилась первая попытка "философии русской истории". Русская историософия началась сразу с отходной. Мрачный, безотрадный, удручающий пессимизм чаадаевского первого "философского письма" внушен был именно тем, что "мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода" и не жили общею с ними жизнью. "Наша история ни к чему не примыкает, ничего не уясняет, ничего не доказывает". Мы ничего не делали "в ту пору, когда в борьбе энергического варварства северных народов с высокой Мыслью христианства складывалась храмина современной цивилизации.,. и ничто из происходившего в Европе не достигало до нас". "Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы". "Придя в мир, подобно незаконным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах

ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию". "Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня", и потому, не восприняв ничего "из преемственных идей человеческого рода", не имея "внутреннего развития", "мы все имеем вид путешественников", "мы растем, но не созреваем". "Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед пришедший миг исчезает для нас безвозвратно", "каждая новая идея бесследно вытесняет старые", "в нашем мозгу не образуются те неизгладимые борозды, которые последовательное развитие проводит в умах и которые составляют их силу", И вполне естественно, "что ни одна полезная мысль не родилась на почве нашей родины, ни одна великая истина не вышла из нашей среды": ибо мы совершенно лишены "преемственного идейного наследства" рода человеческого, "мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества", "мы — народ исключительный". И если бы мы захотели отказаться от этого сомнительного и тягостного преимущества, если бы мы захотели войти в историю и в ней "занять положение, подобное положению других цивилизованных народов, — мы должны (были бы) некоторым образом повторить у себя все воспитание человеческого рода", заново и вкратце. Так на почве всемирного плана человеческой историй рождалось русское "западничество". Это был уже не здравый смысл "Царя-мастерового", и не стихийный Drang nach Western , не бытовая европеизация, а подлинная историософия национальной судьбы. Раз нет предков кровных, надо их добыть, нужно добиться усыновлением доступа в "одно из великих семейств рода человеческого". Эти семейства нечто вроде ковчега Ноева: не попавшие внутрь его обречены на гибель, на безвестность, на бесплодность...

И патриотическая тревога Чаадаева тотчас же смягчилась, претворилась в благодатное упование, в напряженное ожидание будущего, как только он понял, что быть историческим новорожденным вовсе не означает еще обреченности на долю всегдашнего младенчества, что иметь в своем прошлом лишь белые листы далеко еще не равнозначно перспективе вечного ничтожества. Наоборот. "Мы никогда не жили под роковым давлением логики времен, — писал он в своей "Апологии сумасшедшего", — никогда мы не были ввергаемы всемогущею волею в те пропасти, какие века вырывают перед народами. Воспользуемся же огромным преимуществом, в силу которого мы должны повиноваться только голосу просвещенного разума, сознательной воли". Так неимение исторического наследства из позорной нищеты превращается в бесценное богатство. Старая почва слишком насыщена "воспоминаниями", слишком засорена отбросами долгих веков жизни, и новым росткам приходится всходить на

"истощенной почве", пробиваться среди теснящихся состарившихся уже побегов. Груз вековых приобретений, унаследованных предрассудков, сбывшихся и разбитых надежд всегда гнетет и обременяет мысль, всегда парализует бестрепетность творческого искания, мощностью выкристаллизованной апперцептивной массы мешает непредубежденности взгляда, осложняет прямизну самобытности замысловатыми изломами. "Прошедшее Запада обязывает его, — писал Герцен. — Его живые силы скованы круговой порукой с тенями прошедшего... Светлые человеческие стороны современной европейской жизни выросли в тесных средневековых переулках и учреждениях: они срослись со старыми доспехами, рясами и жильем, рассчитанными совсем для другого быта, — разнять их опасно, те же артерии пробегают по ним. Запад в неудобствах наследованных форм уважает свои воспоминания, волю своих отцов. Ходу его вперед мешают камни, но камни эти — памятники гражданских побед или надгробные плиты". Запад — страна только прошлого, страна установившаяся и потому уже не двигающаяся более. Все силы уходят на охрану дедовских богатств и на чистку музейных сокровищ. Но никакие культурные богатства не могут заменить неудержимой импульсивности юного роста. "Sero venientibus ossa" — в эту западноевропейскую пословицу заключена ложная мудрость: опоздавшие получают в дар запасы скристаллизованного жизненного опыта, избавляясь тем самым от мучительной тяготы переживать его самим, освобождаясь от доброй половины исторических искушений и грехопадений.

Такой ход мысли повторялся в русском сознании неоднократно со времен Чаадаева и до Соловьева и Достоевского, — разгоняя беспощадный призрак "неисторичности". "Славянофилы" не хуже "западников" ощущали, "как прекрасен был тот Запад величавый", где "в ярких радугах сливались вдохновенья и Веры огнь живой потоки света лил"... Недаром славянофильские уста обронили крылатое слово — "страна святых чудес"... Они страстно исповедовали "Европу" своим "вторым отечеством". Но они знали также, что "все это давно уже кладбище и никак не более"; правда, это — "самое дорогое кладбище", "дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг", что невольно подгибаются колени и навертываются слезы на глазах. И не те же ли самые — почти буквально — слова говорил Герцен в лице Тургенева русским "западникам". "Вы любите европейские идеи, — люблю и я их, — это идеи всей истории. Это надгробный памятник, на котором написано завещание не только вчерашнего дня, но Египта, Индии, Греции и Рима, католицизма и протестантизма, народов римских и народов германских". Все это — "ред-

кость, саркофаг, пышный след прошедшей жизни"... Вся "европейская культура", весь этот блеск и шум "цивилизации", потрясающий и поражающий чувства, все это — прошлое, а не грядущее. "Ветер с Западной стороны слезы навевает", — скажет через несколько десятилетий Влад. Соловьев. Да, но и только слезы, слезы умиленной благодарности отжившему и умирающему миру, слезы примирения. Пусть "из края мертвецов сердце не вернулось": новой "властительной мысли и слова" оно будет ждать из другой, тоже новой страны... Старая рождает стимулы к действию лишь по контрасту.

Давно уже стало избитым, что поэты не создаются обучением: они рождаются. Но никому еще не удалось внушить человеческим массам, что культуре нельзя научиться, что ее нельзя "усвоить", "перенять", "унаследовать", что ее можно только создавать, творить свободным напряжением индивидуальных сил. "Культурная традиция" — в этом выражении заключается роковая двусмысленность. Natura non facit saltus — исторически это ложь. Наоборот, история вся состоит из "прыжков". Продолжает культурное преемство только тот, кто его обновляет, кто претворяет предания в свою собственность, в неотъемлемый элемент своего личного бытия, и как бы создает его вновь. "Творцы, вы, высшие люди, — говорил Заратустра, — можно быть беременным только собственным ребенком". .. Когда прекращаются исторические "мутации", непредвиденное возникновение новых форм существования, тогда "культура умирает, и остается один косный быт. И вот быт, действительно, передается по наследству. Быт — это застывшая культура, воплощенные идеи, — воплощенные и от того потерявшие свою собственную жизнь, свой самостоятельный ритм. Быт слагается не сразу, он выковывается иногда столетиями; но когда, наконец, он образовался, это значит, что жизнь пока, по этой линии развития, исчерпала себя, толкнулась о какой-то внутренний свой предел. Культура и есть не что иное, как еще не готовый быт, быт in statu nascendi . "Там, где вид сложился, — писал Герцен, — история прекращается, по крайней мере становится скромнее, развивается исподволь... в том роде, как и планета наша. Дозревши до известного периода охлаждения, она меняет, свою кору понемногу; есть наводнения, нет всемирных потопов; есть землетрясения там-сям, нет общего переворота... Виды останавливаются, консолидируются на разных возможностях, больше или меньше, в ту или другую сторону односторонних; они их удовлетворяют, перешагнуть их они почти не могут, а если б и перешагнули, то в смысле той же односторонности. Моллюск не домогается стать раком, рак — форелью; если бы можно было предположить животные идеалы, то идеал рака был бы тоже рак, но с совершенным организмом"...

"Складывающийся вид, порываясь выше сил, отставая ниже возможностей, мало-помалу уравновешивался, умерялся, терял анатомические эксцентричности и физиологические необузданности, приобретая зато плодовитость и начиная повторять, по образу и подобию первого остепенившегося праотца, свой обозначенный вид и свою индивидуальность". "Еще поколение, и нет больше порывов, все принимает обычный порядок, личность стирается, смена экземпляров едва заметна в продолжающемся жизненном обиходе". И "пока одни успокаиваются в достигнутом, развитие продолжается в несложившихся видах возле, около готового, совершившего свой цикл вида".

В этом и состоит единственный "закон" жизни: молодые непрестанно вытесняют старых. И только поэтому она и есть жизнь. И если бы вправду число "народов исторических" было исчерпано, если бы действительно "смена народов" прекратилась, то это бы означало только то, что жизнь окончилась, и наступает смерть. Если бы мечта о золотом веке, об островах блаженных могла когда-нибудь стать фактом, то это означало бы наступление нескончаемой эпохи вечной спячки, вечного застоя. За достижением всех целей самое понятие движения потеряло бы смысл. Нам, предшественникам этой воображаемой эпохи, некогда столь страстно желанной и призываемой, и в грезе не выдумать типа такого "будущего человека", для которого противоположность данного и нормы, искомого и наличного должна представляться не имеющей смысла. А между тем если природа — только система, то и наперекор нашей воле это царство наступит. Второй закон термодинамики, на котором зиждутся все наши расчеты в физическом мире, которому подчинена и человеческая борьба с природой, "завоевание природы" для своих целей, гласит, что энтропия мира возрастает, т. е. что все неравномерности в мире сглаживаются, что число космических превращений беспрестанно уменьшается, для них остается все меньше и меньше простора, словом, что мир стремится к покою. Этот покой смерти есть ведь лишь другое выражение для устранения всех дисгармоний, угашения всех неравенств. Если в мире владычествуют одни "законы", значит, мы собственными руками роем себе могилу и готовимся сами себя засыпать в ней.

Но что представляют собою законы мира и в каком смысле можно говорить об их господстве над существующим? "Реальности" их в том смысле, что они представляют собою, так сказать, точную копию отношений между силами природы, как они существуют сами по себе, in und fur sich , теперь никто не станет утверждать. Уже достаточно глубоко укоренился взгляд на них как на способ понимания мира: законы природы, известные нам, суть законы существующего, пропущенные сквозь призму нашего

миропонимания, способы нашего мышления о мире. И вот, спрашивается, непреложны ли и неизменны ли эти способы? Единственной опорой положительного ответа является пресловутое "единообразие природы", выражающее не что иное, как догматическую, волеутверждающую веру в то, что будущее есть однозначная функция прошлого. Мы стараемся создать своей интеллектуальной фантазией такой идеальный образ мира, чтобы действующими в нем силами порождались как раз те явления, которые наблюдаются нами ныне и, как известно нам, наблюдались до нас. Мы стараемся, таким образом, объяснить определенный фактический материал, определенные конкретно-исторические факты. Строя "план" исторического процесса, мы имеем в виду установить причинную неизбежность настоящего и исходим из молчаливого предположения, что в настоящее прошлое упирается, как в тупик. И если, в конце концов, нам начинает казаться, что исторической жизнью управляют железные законы рокового предопределения, то только потому, что из этой предпосылки мы исходили. Ведь разум человеческий всегда находит в вещах только то, что он сам вложил в них. — В действительности исторические перспективы раздвигались и менялись не раз. Было привычно делить историю на древнюю, среднюю и новую, и с этой привычкой пришлось расстаться, когда внутри античности раскрылось свое "средневековье" и выяснилось, что то, что мы считали за один из периодов единого всемирно-исторического процесса, есть, в сущности, законченное целое, самостоятельная культурно-историческая единица, имевшая свое начало, свое акме и свой финал. И за пределами средиземноморского культурного мира обнаружились еще другие такие замкнутые исторические циклы... Как долго ни держалась схема четырех царств Данииловой книги, наконец, полная непригодность этого образа стала ясной.

Наши историко-генетические схемы всегда упираются одним концом на такое-то настоящее, другим — на такое-то прошлое. Делать прогнозы и предсказания с уверенностью мы можем лишь под тем условием, что заранее исключена возможность неожиданностей, переломов, изгибов, — словом, творчества. Расчеты должны вестись так, как будто существует только быт, и нет культуры. И тогда мы выводим новый быт из старого, забывая о связующем их звене — человеческой личности. Та магистраль всемирной истории, которая делилась на древнюю, среднюю и новую, утверждал охваченный зловещими предчувствиями Владимир Соловьев, кончилась. Осталось доиграть эпилог великой драмы, и он может растянуться на много актов. Но призрак "бледной смерти", вставший перед действительно уже близким к могиле мыслителем, был ли призраком всеобщей смерти или только приговором былому? Смерть Европы есть ли

смерть количества? Для того чтобы это утверждать, нужно было бы поставить знак равенства между Европой и человечеством. Можно ли это сделать, не насилуя фактов? Первая ли в мире по времени культура европейская и не знаем ли мы случаев вымирания не менее величественных "культур"?!

"Не долго ждать, — предсказывал Заратустра, — и "новые народы возникнут", и новые источники низвергнутся в новые бездны. Землетрясения, — они засыпают много источников и многое ниспровергают; но они зато открывают и выход новым силам... В крушении старых народов пробиваются новые ключи".

"Общий план развития, — писал Герцен Тургеневу, — допускает бесконечное число вариаций непредвидимых... Чего и чего не развилось на одну тему: собаки, волки, лисицы, гончие, борзые, водолазы, моськи... Общее происхождение нисколько не обусловливает одинаковых биографий. Каин и Авель были родные братья, а какие разные карьеры сделали". И воспоминания о тургеневском сравнении он продолжет: "Что утка не дышит жабрами, это верно, еще вернее, что кварц не летает, как колибри. Впрочем, ты верно знаешь... что в жизни утки была минута колебания, когда аорта не загибалась своим стержнем вниз, а ветвилась с притязанием на жабры; но, имея физиологическое предание, привычку и возможность развития, утка не остановилась на беднейшем строении органа дыхания, а переходила к легким. Это значит просто-напросто, что рыба приладилась к условиям водяной жизни, и далее жабр не идет, а утка идет"... "Перед нами стоят теперь оконченные, оседлые типы, до того далекие друг от друга, что всякий переход между ними невозможен. За каждым животным просвечивает длинная история — стремлений, прогресса, avortement и уравновешения, в котором формы его успокоились наконец, не выполнив смутного идеала своего, но остановившись на возможном, на русском "живет и так"... Одни части рода человеческого достигли соответствующей формы и победили, так сказать, историю; другие в разгаре деятельности и борьбе творят ее; третьи, как недавно обсохнувшее дно моря, готовы для всяких семян, для великих посевов и всем дают неистощенную тучную почву". Как бы предваряя современного нам теоретика "Творческой Эволюции", Герцен закладывает основы новой социологии, — увы, до сих пор еще не построенной, — социологии, основанной не на идее монофилетического развития жизни, а на идее веерообразного расхождения ее путей.

"Страну отцов", страну преданий и преемств сменит "страна детей", не открытая, в дальнем море"... куда исступленно звал "высших людей" пророк "сверхчеловека". Но где она, эта новая "земля блаженных"? Ка-

кой компас укажет, куда направлять паруса? И ясен ответ — в страну народов "неисторических".

Юноша Киреевский еще в свои "западнические" Lehrjahren писал в 1830 году: из европейских народов "каждый уже совершил свое назначение, каждый выразил свой характер" и, как бы выговорившись, пройдя через свой черед быть общечеловеческим "сердцем", "столицей" "просвещенных народов", впал в старческий сон. "Вот отчего Европа представляет теперь вид какого-то оцепенения", — "запоздалые мнения, обветшалые формы, как запруженная река, плодоносную страну превратили в болото, где цветут одни незабудки, да изредка блестит холодный, блуждающий огонек. Изо всего просвещенного человечества два народа не участвуют во всеобщем усыплении, два народа, молодые, свежие, цветут надеждой: это Соединенные Американские Штаты и наше отечество". Сам Гегель называл Америку страной будущего, в которой в грядущие времена... "предстоит раскрыться всемирно-исторической ценности", отличной и отдельной от той почвы, на которой до сих пор развивалась всемирная история. И он припоминает гордые слова Наполеона: "Cette vieille Europe m'ennuie". Уже в 60-х годах, пройдя болезненный искус революционных созерцаний, Герцен находил "вне Европы... только два деятельных края — Америку и Россию, разве еще начинающуюся Австралию". Правда, Америка это та же Европа, но молодая, растущая. "Волна за волной несет к ее берегам наплыв за наплывом — и они не остаются на месте, но идут далее и далее... Движение продолжается в самой Америке, новые пришельцы просачиваются сквозь основное народонаселение, иногда увлекают его — и все стремится, толкаясь и торопясь"... "Соединенные Штаты, как лавина, оторвавшаяся от своей горы, прут перед собой все, — писал Герцен Тургеневу. — Россия понимает кругом, как вода, обходит племена со всех сторон... И тот же юный пластицизм! Чему смеялся Иосиф II на закладке Екатеринослава, говоря, что императрица положила первый камень города, а он последний? Не город там построился, а государство... А вся Сибирь? А теперешние поселения на берегах Амура, где на днях будет развеваться звездчатый флаг американских республик? Да и самые восточные губернии Европейской России? Читая летопись семейства Багровых, я был поражен сходством старика, переселившегося в Уфимскую провинцию, с "сетлерами", переселяющимися из Нью-Йорка куда-нибудь в Висконсин или Иллинуа... Когда Багров сзывает со всех сторон народа засыпать плотину для мельницы, когда соседи с песнями несут землю и он первый торжественно проходит по побежденной реке, так и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона"... Так сама "географическая физиология" России свидетельствует о ее мощи и силе, о "неутомимости" ее

народа и пророчит ей будущее, которое сторицей вознаградит ее за отсутствие прошлого.

Эти оптимистические прогнозы опирались, конечно, не на один "юный пластицизм"; под них подводилась определенная социологическая база, правда, не совсем одинаковая у Киреевского и у Герцена. Различие между ними обусловливалось, однако, не противоположностью "славянофильства" и "западничества", консервативного национализма и либерального космополитизма, а тем, что только Герцен доводил до конца свою разрушительную критику исторических предрассудков, а представления ранних славянофилов оставались в прежнем кругу, внутренне расщепленные. Они, в сущности, только прибавляли к числу народов "исторических" еще один народ и обосновывали это восстановлением забытой "традиции", нередко заведомо фиктивной. Наряду с "западной" колеей всемирно-исторического пути, исходящей из Рима, устанавливалась "восточная", ведущая начало из Византии, быть может, из самой Эллады и Иерусалима. Славянское племя включалось в планы исторического предопределения на то самое место "увенчания здания", на которое на Западе ставили "немецкую нацию". И так же, как и там, культуру смешивали с бытом, свершения с идеалами. Будущее выводили из прошлого, и все надежды упирали на него, на то, что и мы имели историю, — не хуже, а, пожалуй, даже получше западной: и наше наследство богато и старо. Опять делался смотр предкам, вместо того чтобы считать наличные силы. Один только Герцен преодолел понятие "исторического" народа вполне, и лишь его исторические предсказания опирались на идею непредопределенности исторического процесса, на идею "растрепанной импровизации истории", не знающей ни монополий, ни прерогатив. Лишь он не возводил исторических подпорок, глядя только вперед.

Но и социология, какова бы она ни была, не может обосновать творческих предчувствий, — она лишь раскрывает возможность рождения "новых" культур, возможность вечно обновляющейся культуры сверх быта. И все русские провидцы, утверждая русское или славянское будущее, имели перед своими духовными очами вполне четкий образ грядущего культурного типа.

"Православие" и "социализм" — вот те две главные вехи, по которым обыкновенно ориентировались русские предсказатели. "Святая Русь", "народ-богоносец" и "земельная община", "хоровое начало" — вот неизменно повторявшиеся лозунги сторонников русской "самобытности". В эти слова не следует вкладывать застывшего содержания, не следует понимать под ними конкретных исторических форм: под ними всегда разумелись прежде всего "идеи", и если пристально всматриваться в тот

контекст, в котором они обычно мыслились, то станет совершенно ясно, что эти как будто несовместимые идеи пересекались в понятии "цельной жизни" или "свободного всеединства", как выражался Влад. Соловьев. Недаром Достоевский называл православную вселенскую церковность — "нашим русским социализмом". Как бы часто "должное" и "наличное" ни сплавлялось в русском интеллигентском сознании в уродливый слиток националистической утопии, как бы часто ни делались попытки апологии всего конкретно-исторического русского — и византийско-славянского вообще — пути, движущей мыслью оставалась всегда идея преодоления "организации", идея творческой личности. Не о строе, а о духе томилась русская душа. И, томясь, верила, что можно построить жизнь вне "рамок узких юридических начал", что можно заменить все писаные законодательства неписаным законом, запечатленным в человеческом сердце, что власть и принуждение могут быть замещены искренним исповеданием правды. И верила потому, что знала, что только такая жизнь была бы верным осуществлением великого завета Богочеловечества, претворением в дело пророческого моления Вечного Первосвященника: "Да вси едино будут". Владимир Соловьев ярче других выразил это упование в ранний, еще чисто "славянофильский" период своего творчества. "Такой народ, — говорил он о народе-мессии, — не должен иметь никакой специальной ограниченной задачи. Он не призван работать над формами и элементами человеческого существования, а только сообщить живую душу, дать средоточие и целость разорванному и омертвелому человечеству, чрез соединение его с всецелым, божественным началом. Такой народ не нуждается ни в каких особенных преимуществах, ибо он действует не от себя, осуществляет не свое". Он — подлинное орудие Божие, творческий носитель Божественной и вселенской жизни, "общечеловеческой или вселенской культуры". Есть ли здесь горький привкус национального "самовозвеличения", исказилась ли здесь "любовь к отечеству" — в "народную гордость"? И были ли элементы превозношения в том истинном мессианизме, которому основа была положена обетованием, данным свыше Аврааму, вместе с призывом уйти из земли предков "не на год лишь один, не на много годин, а на вечные веки?..".

Но более того, в самой попытке воссоздания "прошлого" для грядущей культуры было верное и неисключимое зерно. Эти неудачные "апологии" хотели показать возможность осуществления именно такого идеала — именно русским народом или всем славянским племенем. "Кто должен творить, — проповедовал Заратустра в "стране учения, — тот всегда имеет свои вещие сны и звездные знамения — и верует в веру". Так создается неотложная необходимость исторической ретроспекции, погружения

в недра народных стихий, чтобы проверить соответствие замыслов и сил для их воплощения. Исторические упования требуют для себя опорных точек в прошлом и настоящем. Здесь нет никакого противоречия с восстанием против отеческих преданий, с призывом смотреть только вперед. Понятие "традиции" в области "культуры" и в области "быта" — это далеко не одно и то же понятие.

Когда мы говорим, что правовые нормы современной Европы покоятся на римском праве, мы можем шаг за шагом проследить все этапы непрерывного преемства, показать узловые пункты пересекающихся нитей. Мы можем указать вещественные памятники, в которые отливалась эта традиция, все непосредственно касающиеся меж собой звенья цепи, натянутой от Лициниевых законов до Дигест и оттуда до Code Napoleon и позднейшего германского уложения. Мы можем показать, что здесь происходило сознательное "усвоение", "рецепция" в строгом и точном смысле слова. И то же можно сказать о бытовой эллинизации римского мира, об европеизации современной Японии и т. д. Но в том же ли смысле понимал "традицию" Достоевский, совершенно справедливо утверждая, что утопический социализм Фурье и икарийцев дышит духом римского католицизма? В таком же ли смысле употребляем мы понятие "преемства", говоря, что философия Европы насыщена платоническими реминисценциями?

Потоки культурной и бытовой "традиции" могут резко и обостренно расходиться. От этого именно так загадочен лик Дальнего Запада — Америки. По быту это повторение и утрировка "Европы", гипертрофия общеевропейского демократизма и буржуазности. И тем неожиданнее встретить под этою коркой определенно гетерогенную традицию культуры, ведущую от первых иммигрантов через Бенжамена Франклина и Эмерсона к self-made men Джека Лондона, традицию радикального отрицания мещанства и утверждения индивидуальной свободы. Где проходит колея этой традиции? Она почти неуловима: "пластицизм" лишь символизирует ее. Но именно в ней, а не в "капитализме" усматривает свой "дух" американское самосознание, исповедующее Джемса своим пророком.

Таков и "русский сфинкс". Несмотря на свою — во "всемирно-историческом плане" — "неисторичность", Россия есть в высшей степени сложная историческая формация. Не трудно различить в русском быте разнородные слои — варяжский, византийский, славянский, татарский, финский, польский, московский, "санкт-петербургский" и прочие, и не трудно возвести эти осадочные образования к определенным причинно-действиям. Как бы сами собой перебрасываются мостики к норманнским "вооруженным купцам", к византийскому цезарепапизму и Номоканону,

к Золотой Орде и кочующим инородцам, к иезуитам и шляхте и т. д. Но этим бытом русское бытие явным образом не исчерпывается. "В рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя" русские степи и леса. И нити паутинной тонкости тянутся от Достоевского и Толстого, от Гоголя и Самарина, от отца Амвросия и преп. Серафима куда-то назад, в заволжские чащи, к Нилу Сорскому и преп. Сергию, а оттуда на Афон и далее, в раскаленные пространства Фиваиды. Чрез века и пространства безошибочно осязается единство творческой стихии. И точки ее сгущения почти никогда не совпадают с центрами быта. Не в Петербурге, не в древле-стольном Киеве, не в Нове-городе, не даже в "матушке" Москве, а в уединенных русских обителях, у преподобного Сергия, у Варлаамия Хутынского, у Кирилла Белозерского, в Сарове, в Дивееве чувствуется напряжение русского народного и православного духа. Здесь издревле лежали средоточия культурного творчества. И поныне разве не "незримый град Китеж" в далекой, лесной глуши, на брегах завороженного озера, ведомый лишь верующему взору, притягивает к себе магическим очарованием разлаженные струи национальной стихии? Традиция культуры — неосязаема и невещественна. Ее силы — мистические межиндивидуальные взаимодействия. Ее нити перекрещиваются в неведомых тайниках человеческого творческого духа. Ее седалище — его интимные недра. Когда мы разлагаем живые течения русской культурной жизни на их составляющие и отчеканиваем последние в отточенные формы, что-то всегда проскальзывает меж пальцев, и интуитивно-несомненная русская "культура", "русская стихия" перед рассудочным анализом оказывается пустым местом. Ее вспышки кажутся какими-то разрывами "традиции", загадками, уродствами. Не таков ли образ Достоевского: "российский маркиз де Сад", по ощущению Тургенева, человек, "принявший в свое сердце давно с восторгом" Тихона Задонского, по его собственным словам... По быту порождение страшного града Петрова, по культуре — отпрыск Оптиной пустыни.

Подлинное творчество, подлинно новое всегда "необъяснимо". Мутационные взрывы, искривления наследственных путей всегда остаются за пределами рационального осознания. Но значит ли это, что они "беспричинны", что к ним не ведет, не вело никакое "прошлое"? Мир — "космичен" (не хаотичен) не для одного разума. "Импровизации" имеют свою имманентную необходимость. Творчество, как и бытовая переимчивость, имеет свои традиции. Но эти культурные связи постигает не разум, не дискурсивный анализ, а чувство, сгущающее века в мир единый. В мистической интуиции охватывается зараз, "что есть, что было, что грядет во веки", в их подпочвенной таинственной связи. В мистическом

чувстве ощущаются и сознаются "народ-богоносец", "Святая Русь", "православный Восток" и "безбожный Запад". И религиозно-просветленный взор видит под конструктивною преемственностью бытовых картин трагическую мистерию исторической жизни, воспринимает мир как непрестанную борьбу веси Божией с градом Антихриста — борьбу, тяготеющую к апокалиптическим катаклизмам, как веками разыгрывающуюся единую драму; он схватывает культурно-психологические преемства свои и своих врагов, он чувствует себя в определенном русле. Но это "прошлое" незримо и не гнетет настоящего и будущего слепой неотразимостью Рока. В этой мистерии священнодействуют свободные служители идеалов, — правда, в благодатном общении между собой.

Раскрывающиеся в интимных созерцаниях идеалы и предчувствия будущего становятся подлинным стимулом культурного творчества и жизни, — но не в качестве исчерпывающей программы действий или непогрешимой regula vitae, а в виде вдохновляющей веры, любовью споспешествуемой. Центр тяжести всецело переносится в глубь личности. Будущее становится причиною настоящего, по вещему слову Заратустры. Много ли, мало ли поколений жило до меня, стою ли я в "чистой" или в "гибридной" линии — безразлично: внутренний, "внеисторический" голос, а не генеалогические выкладки, говорит "куда идти"... "Кто открыл землю: "Человек, — говорил Заратустра, — тот открыл и землю "человеческого будущего"...

Здесь глубинное, можно сказать, интуитивно-мистическое средоточие "неисторического" восприятия мира. Не vis a tergo "жизненного порыва", не бесчисленный сонм предыдущих поколений, не непреодолимые навыки движут "культуру" и творчество вперед, а свободно избранный идеал призывно влечет его вдаль...

И голос все тот же звучит в тишине без укора. "*Конец уже близок; желанное сбудется скоро*".

1921 г.

Я.А. Бромберг

ЕВРЕЙСКОЕ ВОСТОЧНИЧЕСТВО В ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ

"Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые"... Конечно, не скоропреходящее земное блаженство имел здесь в виду поэт: в его время, в те, другие, классические 30-е годы еще свежа была память о грозных годах революции и империи. Но за слепой борьбой страстей и вожделений скрываются иные, высшие и оправдывающие смыслы. В духовной глубине человека живет неистребимо "любовь к року", жажда подвига и ответственности, вины и искупления. И потому возможно утвердительное приятие исторической катастрофы во всей ее неизбывной трагике — для кабального подданного невиданной по деспотизму власти, как и для подневольного изгнанника.

В лотерее истории на долю нашего поколения опять выпало тяжкое счастье выигрыша. При нас закончился некий звездный цикл, "великий год", и именно мы удостоились наблюдать очередное затмение солнца истории, и для нас оно заиграло невиданными, нездешними огнями. Будем же, как звездочеты, ловить драгоценные мгновения нашего тяжкого опыта, в котором столь явственно заколыхалось "покрывало Майи", зашатались еще вчера, казалось, непоколебимые устои, и сокровенный смысл всего того, что раньше прикрывалось косностью мысли, ложью и условностями, придвинулся к нам до жуткой близости. На наших глазах половодье истории смывает и разбивает в щепы целые царства, навеки разрушает давние и привычные скрепы, уводит в область предания целые культурные миры. Но в то же время завязываются новые, еще странные и непривычные связи, выявляются неожиданные итоги предыдущих развитий, облекаются в плоть неожиданнейшие сопоставления и на многие годы устанавливаются очертания новой исторической реальности, совсем не похожие на то, что предсказывалось глубокомысленными научными прорицателями и не в меру нетерпеливыми утопистами.

Универсально-историческая катастрофа русской революции одним из своих ответвлений и следствий означает крупный поворот на длинном историческом пути ветхого днями Израиля. Колеблется и обваливается идейное здание, больше ста лет с надеждой и тщанием возводившееся евразийскими идеологами и "властителями дум". Истончаются и рвутся бесчисленные нити на поношенных одеждах еврейского просветительства и рационализма западничествующего толка. При всем официальном

оптимизме еврейских деятелей и дельцов опасность духовного оскудения неминуемо следует за небывалым территориально-политическим и экономическим разгромом основной этнической базы иудейства — востоеврейского народа России.

Все надежды фанатического еврейского западничества на наших глазах заканчиваются крушением — и вожделенное царство разума и справедливости, оказывается, либо не задалось совсем на земле, либо придет совсем не оттуда, откуда все его ожидали. Наряду с неуклонным распылением социальных связей в среде урбанизованного и стандартизирующегося западного человечества по мере его "освобождения" от высших сословий, от уз церкви, монархии и плутократии (последнее, конечно, еще только in spe) растут в то же время в Европе и Америке силы национально-культурной дифференциации в первобытном, расово-этническом смысле. И не добром, к изумлению еврейских деятелей и идеологов, этих самых верных рыцарей "свободы" и "прогресса", поминается теперь их неустанная историческая борьба против "темных сил" за "нашу и вашу" свободу и право. Не настает гармонического слияния культур и народов в служении истине и справедливости, все крепчают диссонансы духовных ритмов европейско-арийской и азийско-еврейской стихии, все напряженнее и непримиримее делаются силы отъединения и отталкивания.

Завершает свой предустановленный круг дело М. Мендельсона, не оправдав чаяний, на него возлагавшихся, и исторические итоги его взвешены на весах и найдены очень легкими. Впрочем, отбросим привычную еврейскую односторонность: как общее правило, всякий культурно-исторический почин губится руками не врагов и гонителей, а адептов и последователей, и наследие Мендельсона постигла та же участь. Первоначальная чистота учения и возвышенность личного примера основоположников, как всегда, помутнела и измельчала у эпигонов и подменялась слепой притязательностью оскорбленных самолюбий, нетерпеливой жаждой преждевременных итогов и удовлетворений.

Наступает конец еврейского западничества, не в меру засидевшегося за столом истории, и последние остатки его духовных энергий быстро растрачиваются в идейном организме еврейско-интеллигентского фанатизма — как в лжегосударственнической, сионистской, так и в лжерелигиозной, коммуно-социалистической разновидности единой утопии.

Но еще жив и силен дух древней религиозно-культурной традиции в народных низах, в реалистической и практической тенденции народной мудрости, сложившейся в тысячелетиях житейского и политического опыта. И расхождение между основной культурно-религиозной стихией восточно-еврейского народа и его "правящим слоем" интеллигентов, уто-

пистов и денежной буржуазии, столь давно и привычно представляющим Израиль на исторической сцене, к нашему времени достигло необычайной остроты. Не будет большого преувеличения в сравнении этого расхождения с общеизвестной послепетровской культурной псевдоморфозой "правящего слоя" в России, расколовшей русский народ глубокой трещиной надвое и повлекшей в конечном счете за собою революционную катастрофу наших дней.

В условиях небывалых культурно-государственных экспериментов, в моральной атмосфере, нагнетаемой до невыносимого давления под действием жестоких и хищных сил, поделивших вчера еще единую территорию "черты оседлости", заканчивается процесс напряженной поляризации.

Пали завесы, воздвигнутые досужим утопизмом и оптимистическим празднословием, и, как в страшной гоголевской легенде, "вдруг стало видимо далеко во все концы света": истинная мера и цена вещам все выпуклее и ярче обрисовывается при зловещем освещении революции. Уже не беспочвенные домыслы идеологов ныне предопределяют (по крайней мере, внешне) формы национально-культурного бытия восточного еврейства, как это было еще столь недавно. Сейчас реалистическая проза житейского опыта, горьких разочарований понуждает его пересмотреть заново культурные устои еврейства, опять приникнуть к истокам вод, его питающих. Из-под спуда, из-под пыли долгих десятилетий прозябания на задворках культуры приходится ему извлечь старое восточное, азийское наследие, тот самый жупел, которым пугали и попрекали его враги, который так основательно был спрятан на дне души, под грудами условностей и выдумок. И уже начинает одумываться даже кое-кто из идеологов и деятелей, и уже еврейскими устами начинают произноситься еще робкие и отрывистые слова о "единственных в Европе подлинных азиатах". Для восточного еврейства пришла пора перестать напрашиваться на двусмысленные комплименты и полупризнания со стороны просвещенного Запада и по-новому, в свете исторического опыта современности, осмыслить факт нахождения исходной точки своего исторического пути в пределах — не азиатской, впрочем, а азийской, еще вернее — асийской, ближневосточной икумены. Этот основоположный факт сразу создает известную генетическую общность религиозно-культурных начал с "народом-хозяином", которого рецепция византийского православия в ином смысле вводит в круг асийских культур. Как бы ни переоценивать глубокую разницу догматического содержания православия и иудейства, и то и другое в своем мирском, универсально-историческом аспекте восходит к тому единому кругу асийской, магической культуры, яркая характеристика которого составляет одну из заслуг О. Шпенглера.

Для пытающегося постичь глубокий смысл этого факта открываются новые и неожиданные точки зрения на великую историческую драму, развертывающуюся в непосредственном соседстве и окружении восточного еврейства, при участии немалого — слишком немалого! — числа его собственных сынов, но также и при большем числе кровавых жертв и всяческих страданий с его стороны.

Еврейское сознание только сейчас начинает понимать, задним числом, смысл и глубокое значение старой борьбы западных и восточных начал в русской душе, в свое время прошедшей как-то почти совсем мимо его внимания.

Что восточное еврейство только теперь ощутило не только метаисторическую важность судьбы России, но и неслучайность своей собственной прошлой и будущей роли в ней, и многочисленность точек соприкосновения своей собственной культурной сущности с душой России, и даже просто хронологическую исконность своих связей и сношений с нею, — все это есть тоже одно из следствий тумана, напущенного в историческую науку устарелыми схемами и категориями западничествующей подражательности. Но к нашему времени историческая наука расширила свой предмет далеко за пределы Европы и Средиземноморского бассейна, еще не так давно почитавшихся монопольными носителями вселенско-исторического замысла. В частности, евразийская критика и научный почин с большим рвением пытаются пролить свет на те доселе темные места и провалы истории евразийского мира, мимо которых традиционная вульгата русской истории проходила с небрежной и невнятной скороговоркой. Может быть, именно последнему обстоятельству мы обязаны скудостью и нераспространенностью сведений об одном из замечательнейших в религиозно-культурном отношении эпизодов истории евразийских степных пространств. Мы имеем в виду историю зарождения, расцвета и гибели обширного Хазарского царства, основавшегося на степных раздольях нынешней Новороссии, нижнего Поволжья и Предкавказья и в котором господствующей верой была еврейская, при большой терпимости к христианству и исламу, также имевшим в нем распространение.

С собственно еврейской точки зрения хазарский эпизод представляет собой завершение целого культурного цикла, в еврейской (да и во всеобщей) истории очень мало освещенного, несмотря на свою большую религиозно-историческую важность. Государственная и прозелитическая деятельность евреев в Хазарии представляет собой последнюю крупную попытку евреев выйти за пределы своей национально-культурной ограни-

ченности и замыкает собой целую цепь исторических попыток, развертывавшихся на Ближнем Востоке, в черноморских царствах и по обоим берегам Красного моря (Аксумское, Гимьяритское царства). Именно на этих местах впоследствии, с окончательным ослаблением еврейской тяги к прозелитству, обоснуются православные общины — от нынешнего юга России через Балканы и Коптский Египет до далекой Абиссинии, отдельные остатки которых впоследствии выдержат даже стремительный смерч новоявленного ислама. В Хазарском каганате иудаизм совершает самую существенную попытку утвердить свою вселенскую сущность в рамках некоего земного царства. Отсюда, из укрепленных убежищ в устьях великих степных рек (Дона, Днепра и Волги) иудео-хазарское царство, верное вековым территориально-политическим инстинктам последовательно сменявших друг друга кочевых культур, тянулось на запад, к подчинению и введению в область своего культурно-религиозного влияния южных племен восточного (позднее ставшего русским) славянства. Здесь разыгрались первые эпизоды провиденциальной встречи России с еврейством.

Хазарский каганат осуществил если не самый первый, то все же один из самых ранних организованно-государственных замыслов на территории современной России, и притом замысел, нигде не выходящий за ее будущие пределы.

Уже в нем явственно звучит один из лейтмотивов евразийской истории, восточнославянский этнический субстрат вовлекается здесь в государственное сожительство с кочевыми народностями туранского и отчасти семитического происхождения — покуда еще только в первом наброске государственных границ будущих евразийских царств: от Карпат до Тмутаракани.

Но в ход иудео-хазарской истории еще раз вмешался тот таинственный рок, который начиная с 70 года по Р.Х. неизменно сокрушал всякие попытки еврейства обосноваться в пределах некоего земного царства, вновь и вновь уничтожал воздвигнутые государственные здания и гнал еврейство обратно в рамки чисто духовного религиозного consensus'а, не отвлекаемого в сторону заботами о мирском властодержательстве. И Хазарское царство как политическая сила погибло насильственной смертью: оно пало под ударами воинствующего язычества в лице новой силы, рвавшейся по встречным путям на просторы евразийских степей. Этой силой было Новгородско-Киевское княжество во главе с неутомимым и грозным воином Святославом Игоревичем, этим последним и "сознательнейшим" язычником поры раннего христианства, какой известен истории вне пределов греко-римского мира. В далекой глуши степей, в глубокой тайне от современников и потомства произошла, по-видимому, одна из самых кровопролитных сеч в бурной истории евразийского мира; о ней глухо и отрывочно сообщает Нестерова летопись под 965 годом. Судьба решила великий спор в пользу славянства; но Хазарское царство не было уничтожено, а только лишилось своего былого политического могущества.

Замечательно, однако же, что интерес иудейства к русскому славянству как к объекту религиозной проповеди не минул и после политического столкновения. Знаменитый эпизод с посылкой евреями послов к кн. Владимиру на единственный в своем роде конкурс религий все еще не понят и не истолкован во всем своем значении. Мы все помним летописный рассказ:

"Се слышавше Жидове Хозарьсти придоша рекуще: "слышахом, яко приходиша Болгаре и хрестеяне, учаша тя кождо вере своей; хрестеяне бо веруют, его же мы распяхом, а мы веруем единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю". И рече Володимер: "что есть закон ваш?" Они же реша: "свинины не ясти, ни заячины, субботу хранити". Он же рече: "то где есть земля ваша?" Они же реша: "в Ерусалиме". Он же рече: "то тамо ли есте?" Они же реша: "разгневался Бог на отци наши, и расточи ны по странам грех ради наших, и предана бысть земля наша хрестеяном". Он же рече: "то како вы инех учите, а сами отвержени от Бога и расточени? аще бы Бог любил вас и закон ваш, то не бысте расточени по чужим землям; егда нам тоже мыслите прияти?"

Еврейская периферия доныне видит в словах кн. Владимира чуть ли не первоначальную идеологию русского антисемитизма. На самом деле в этих словах едва ли содержится неприязненная критика иудаизма. Ритуальная практика еврейства не показалась кн. Владимиру чрезмерно обременительной, не в пример мусульманству с его "сухим законом". Рецепция иудаизма не казалась ему также слишком резким разрывом с традицией отцов: в этом смысле наименее приемлемой верой для него было немецкое латинство. Отрицание еврейства у Владимира вызвано соображениями чисто мирского, политического характера, смешанными со смутным, еще по-язычески суеверным страхом перед необычайностью земных судеб Израиля, поразившей его, конечно, еще до непосредственной встречи с еврейством в лице послов. Но, может быть, под понятным нежеланием связывать будущее Руси с трагической судьбой векового исторического неудачника скрывается еще нечто другое. В лице св. Владимира мы впервые на русской почве встречаем сознание значительности и поучительности судеб еврейства в этом мире и вместе с тем смутное предчувствие, на конкретном примере от противного, иноприродности путей России к ее чаемому мессианскому призванию. Историческому назначению России суждено было осуществиться в своеобразном сопряжении

религиозного пафоса аскетической скудости и самоуничтожения с упорной волей и оригинальным вкусом к обширному государственному строительству как высшей форме утверждения и приятия земной реальности в целом. Иудейство всегда шло (и притом в глубочайшем смысле добровольно) от одной национально-государственной катастрофы к другой, никогда не завязывая порванной нити, а начиная всякий раз новую и как бы отталкиваясь от соблазнов землеустроения и властодержательства. Россия неизменно воскресает с новыми силами и в новом образе после таких катастроф, усваивая наследие разрушителей и обращая его на новые цели. Не здесь ли, в этой глубочайшей разнице путей и в неясно предвосхищаемом единстве целей и назначений таятся корни русско-еврейской проблемы, даже поскольку она ставится в чисто мирском, культурно-историческом аспекте?

Долговременному плену и русских, и еврейских историков у подражательного, шаблонного западничества мы обязаны тем, что историография русско-еврейских отношений все еще не вылилась в связный, непрерывный рассказ. Только оторванные эпизоды, отдаленные друг от друга вековыми промежутками, свидетельствуют об "избирательно-сродственной" тяге евреев на евразийский Восток. Почти одновременно с основанием крупного культурно-политического центра на крайнем юго-западе европейского мира, в рамках и в сотрудничестве с Кордовским халифатом, происходит другое расселение, затрагивающее юго-запад евразийских равнин (еще до того, как он стал русским). Расселение это опирается как на исходный пункт на Крымский полуостров, этот замечательный морской привесок "континента-океана", извечный плавильный котел народов и немаловажный перкуссионный центр переселений-взрывов. Кипучая торговая деятельность еврейских общин Каффы и Херсонеса, от которых остался немой, но красноречивый памятник — некрополь Чуфут-Кале, — не раз соприкасалась на побережье "Русского моря" с военно-стяжательской предприимчивостью варяго-славянских вольниц и с широким хозяйственным оборотом приднепровских князей. Что еврейская "черта оседлости" заходила довольно далеко на север уже при первых христианских князьях-рюриковичах, об этом свидетельствует весьма вероятное еврейское происхождение Никиты Затворника и новгородского епископа Луки Жидяты, первого русского писателя и проповедника. Проникновение евреев на Русь продолжалось и позже: так, есть известие о том, что среди ближних слуг и дружинников вел. кн. Андрея Юрьевича (Боголюбского), составивших против него заговор и умертвивших его в 1175 г. (первый дворцовый переворот на Руси революционного характера), находился и еврей по имени Ефрем Моисич. (Напоминание об этом факте может послужить — или уже послужило — лишним доводом для поддержания антиеврейской аргументации в известных кругах; но — из песни слова не выкинешь.)

Золотоордынский период евразийской истории был также весьма небезразличен для судеб еврейства. При всей известной религиозной терпимости монгольских ханов (по крайней мере, до принятия ими мусульманства), в разных частях их необъятных владений (в южнорусской степи, в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии и, по-видимому, на Руси в тогдашнем смысле) не редкость было встретить еврейские общины. О них неоднократно упоминает Рубруквис в описании своего путешествия в ханскую ставку. К сожалению, эта глава истории евреев в России почти совсем не освещена наукой.

Упадок Золотой Орды и переход политической гегемонии над евразийским миром к Москве совпадают с новой широко задуманной попыткой некоторых еврейских групп развернуть прозелитическую деятельность в пределах Московской Руси. Крымский еврей Схария заносит с собою на Москву зерна нового учения, пытающегося сблизить ветхо-и новозаветное направление асийской религиозной традиции. В Новгороде Великом объявляется "ересь жидовствующих", в которой еврейское влияние проявляется не только посредством личного участия (количество еврейских полемистов, судя по числу имен, сохранившихся в истории, было, по-видимому, невелико), сколько в неожиданно обнаружившемся созвучии ветхозаветных начал каким-то сектантски-хлыстовским и утопистским элементам русской стихии, здесь впервые встретившимся с еврейским пафосом мессианского избранничества.

Ответные отклики "ересь жидовствующих" вызвала не только среди простонародья, но и в среде крупной думной и приказной бюрократии, при великокняжеском дворе и даже среди духовенства. Благосклонный нейтралитет по отношению к движению занимал сам вел. князь Иван Васильевич. Оно все разрасталось, вовлекая в свою орбиту крупные государственные вопросы (например, вопрос о престолонаследии).

Ересь вызвала в недрах православия ответное движение, некоторыми чертами на сто лет предварившее европейское явление контрреформации. Пресловутое "бродильное начало" в иудаизме вполне оправдало себя: в диспутах с еретиками впервые получает полемический закал богословская мысль русского православия. Для борьбы мобилизуются все его наличные культурные силы, возникает полемическая литература, производится пересмотр положительного содержания религиозной традиции (Библии, Житий Святых). Но приходится отдать справедливость православию в целом: "каленое железо" не фигурировало в числе средств борь-

бы с ересью. Были уклоны и соблазны, и даже на огромном расстоянии, понаслышке из десятых уст, действовала грозная повесть об Инквизиции (эпоха "ереси жидовствующих" знаменательно совпадает с гибелью мусульманско-еврейского месторазвития на Пиренейском полуострове). Кое-кто грезил и тогда о праведном насилии, о мече карающем и очищающем. Но против почитателей Фердинанда Католика зазвучал предостерегающий голос "заволжских старцев" с знаменитым пустынником Нилом Сорским во главе. По парадоксу истории на полемике вокруг жидовствующих на Руси впервые идеологически оформляется отталкивание от догматики и практики католичества; этим упраздняется то опасное наследие, которое таило в себе "пораженческое" поведение московско-русской делегации на Флорентийском соборе 1439 г., этом своеобразном церковном прообразе германо-большевистского действа в Брест-Литовске.

Шестнадцатый век знаменует массовое устремление евреев на места, на целые века сделавшиеся "месторазвитием" восточноеврейского народа. Движение надолго задерживается на крайних западных пределах древней Хазарии. Здесь еврейская масса впервые соприкасается с западнорусской стихией, переживающей смутную эпоху польского анарховладычества. Общеизвестна печальная роль, которую сыграло малорусское и галицийское еврейство как орудие эксплуатации крестьянства польскими магнатами — колонизаторами и латинизаторами. Она едва ли чем-нибудь может быть оправдана, и еврейство за нее жестоко поплатилось ужасами хмельнищины. Едва ли не ужаснее сказалась рука карающей Немезиды в тяжком духовном и нравственном наследии многих поколений еврейских "факторов" и посредников, этих, в известном смысле, еще более жалких жертв тяжелогнетущего ясновельможного самодурства, чем кабальная крестьянская масса, исповедовавшая "холопскую веру". Но, с другой стороны, есть основания думать, что и в ответной борьбе западнорусского крестьянства против насилий шляхты еврейство сыграло известную роль. Еще ждет своего исследователя история еврейских отношений с казачеством; отношения эти отнюдь не ограничивались услугами маркитантского характера, бессмертное олицетворение которых мы имеем в лице гоголевского Янкеля. (Последний, кстати, является первым крупным опытом художественного освоения еврейства русской литературой и внедрения его как составной части в русский географический и культурный ландшафт.)

Вопреки распространенному мнению, уже в XVII (и даже XVI) веке проявляется после долгого перерыва тяга евреев в Великороссию, несмотря на резко отрицательное отношение московского правительства. Так, именно в середине XVII века укоренился в России род Шафировых. Знаменитому вице-канцлеру Петра Великого его еврейское происхождение часто припоминалось в ссорах "птенцов гнезда Петра" из-за власти и влияния. Совершенно равнодушен к этой особенности биографии Шафирова был сам Петр с его умением практически использовать людей различнейшего звания для государственной работы. Великому царю не пришлось раскаиваться: общеизвестен факт спасения Петра из прусской ловушки, расставленной румынским вероломством, благодаря дипломатическому искусству Шафирова.

Ярким примером непреодолимой тяги в Россию у евреев является в несколько более позднюю эпоху судьба известного героя дела "о совращении" в 1738 г. — Боруха Лейбова. В нем как бы оживает дух Схарии Новгородского; его влечение к России (из которой он несколько раз был изгоняем) явно доходит до маниакальной Idee Fixe, за которую он поплатился трагической гибелью.

Волна массовых еврейских переселений остановилась на пороге пустынных и бесхозяйственных пространств нынешнего юга России. Как и малорусское крестьянство, восточное еврейство переходит этот порог только после первого раздела Польши, от которой русская государственность впервые унаследовала территорию с большим еврейским населением. Еврейские публицисты и историки, кажется, ни разу не помянули добром первого крупного факта в истории отношений русской государственности со своими еврейскими подданными: мы имеем в виду расширение границ еврейской "черты оседлости" на обширные пространства Новороссии (кажется, первый пример этого рода в истории христианских государств). В это самое время во многих микроскопических государствах просвещенной и философической Германии евреи при въезде в города еще платили за себя "скотскую пошлину". Вообще, история евреев при Екатерине II производит как бы experimentum crucis над позднейшими предрассудками западничествующих еврейских деятелей и историков, фанатиков рационализма и уравнительства. Например, льготы еврейскому населению Риги давались екатерининским правительством втихомолку от просвещенного остзейского бюргерства.

Первым русским государственным деятелем, обратившим пристальное внимание на еврейский вопрос, был знаменитый поэт Г.Р. Державин. Его пространное "Мнение о предотвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев" проникнуто искренним доброжелательством к евреям, несмотря на, в общем, отрицательное о них мнение, и обличает желание подойти к трудной и сложной проблеме с широко государственнической точки зрения. Это не помешало тому, что в еврейской "периферийной" среде укоренился взгляд на Державина как на отъявленного антисемита.

Конец восемнадцатого века, принесший гибель изжившей себя польской анархо-государственности, вознес в то же время петровскую Россию на большую высоту политических успехов (приобретение Белоруссии, Волыни, Подолии и Новороссии). В это время в духовный инвентарь восточного еврейства входит новый чрезвычайной важности элемент. Зарождается духовное движение хасидизма, одними встреченное восторженно, как ответ на тоску народной души, как избавление от слишком долгого засилья религиозного формализма и законничества; другими же анафематствуемое, как опасная и соблазнительная ересь.

Уже встречались замечания о том, что мистический аскетизм первоучителя хасидизма Израиля Межибужского, философски разработанный в трудах его ученика Бера Межиредцкого и др., во многом сходен с воззрением его младшего современника Тихона Задонского. Основной стержень хасидического учения, и по богословским и полемическим писаниям его основателей, и в аскетической практике первых знаменитых "цадиков" Подолии, Волыни и Белоруссии (Наум Чернобыльский, Залман Борухов-Шнеерсон, Арон Старосельский и др.), состоит в крайне напряженном ощущении благодатной близости Божества к творению. Из этой близости проистекает возможность посредничества между Богом и человечеством в лице многих праведников одновременно, сокрытых от ведения мира, но уже при жизни почитаемых в тесном кругу посвященных. При всей глубине непрестанного духовного созерцания Божества сила благодати у праведника обращена не столько к единоличному душевному спасению, сколько к высшему благополучию верующих, проявляясь не только в исповедничестве и учительствовании, но и в мирском делании.

Таким образом, хасидизм, возникая у самого географического рубежа латинства и православия, сближается с последним в своем теургическом и нравственном идеале назначения праведника в этом мире. Как известно, именно в этом пункте традиция русского старчества столь сильно расходится с крайностями воззрений латинства на монашеский затвор и умерщвление плоти. Учение же основателей хасидизма об обязательности духовной радости о Господе, о слиянии с Божественной субстанцией в молитвенном восторге — также противоположно суровому, отрешенному от реальности творения духу католического монашества, доходящего в экзерцитациях Лойолы и в "трупном повиновении" иезуитов, при всей их обращенности к суете мира сего, до некоей болезненной некрофилии.

Есть глубокий смысл в близости местозарождения хасидического движения к русско-восточному миру. Географическое, ландшафтное окружение основателя хасидизма и его ближайших последователей не напрасно совпадает с местностями, освященными в православии старинной религиозной и культурной традицией. Зародившись в глинистых пещерах у Буковинских Кутт, где Израиль Межибужский (Бал Шеи Тов) проводил целые месяцы в молитве и размышлениях, новое учение неудержимо влеклось на Восток, через Подолию и Волынь в Киевщину и Белоруссию по тем же дорогам, по которым шли паломники в Киевские Печеры, Почаев и Острог. Очень важная и доселе, по-видимому, не осознанная сторона хасидизма была в том, что в нем впервые сказался протест против векового загона в немецкое и польское гетто, жажда приближения к земле, к природе, тяга к внедрению в определенные ландшафтные рамки. Хасидизм был порождением главным образом местечкового и сельского еврейства юго-западной окраины евразийского мира; в нем есть много свежего, степного воздуха и живое ощущение обширности родных пространств с их разбросанными поодиночке жилищами и сборищами верующих. Драматическое действо хасидической легенды развертывается в уединенных степных корчмах, в таинственных далях бескрайних полей, изрезанных бесконечными петлями проселков, по которым ветхозаветные "балагулы" везут через непролазную, черноземную грязь таинственных пассажиров. Над таинственными прибежищами легендарных еврейских затворников Полесья и Белоруссии веют те же древние, мистические ветры, что и над срубами исконно русских скитских пустынножительств. И белорусский или подольский крестьянин в культурно-географическом реквизите хасидической легенды фигурирует не как статист, но как частый гость, как бессознательное орудие божественных предначертаний, как излюбленный праведниками образец для преодолеваний, воплощений и сокрытия от нескромных мирских взоров в их земных странствиях. (Замечательно, что, с другой стороны, картина хасидической религиозности и быта всегда вызывала глубокий интерес окружающего крестьянского населения.)

Могучие восточнические тяготения хасидизма оказали решающее влияние на отношение еврейства к событиям 1812 г. Русское командование в Отечественную войну сумело установить наилучшие отношения с еврейским населением западного театра войны и не раз отмечало его похвальную верность русскому идеалу. Донесения французских разведчиков в штабы о том, что на пути Великой армии "все исчезает и ничего нельзя достать, даже евреев", верно выражают действие, произведенное на евреев ужасом перед именем Наполеона, внушенным слухами о его смесительных и уравнительных новшествах.

Вообще хасидическая культура, развертываясь на самом стыке русского и западного миров, рано и с большой настойчивостью ставит себе вопросы об отношении к государству, о судьбах и иерархии земных царств. Легендарные сказания о могуществе Белого царя упираются в область

мистического и потустороннего, кульминируя в личности имп. Николая I. Изощренный политический опыт еврейства с большой ясностью ощутил в этом монархе ту предельную высоту могущества петровской империи, за которой начиналось нисхождение ее фантастической кривой. Странным образом с этим началом понижения совпадает начало упадка самого хасидизма; именно в эпоху Николая I обозначается впервые ущерб и излет хасидических энергий, который можно приурочить к вынужденному выселению (по мотивам, доселе не совсем выясненным) некоторых "цадиков" с многочисленными группами последователей из пределов империи. Замечательно, однако же, что вся эта хасидическая эмиграция не рассасывается по западным странам еврейского рассеяния, а жмется тесно к русской границе, как бы в ожидании вести о снятии запрета. Возникает ряд хасидических центров в Галиции, Буковине, Молдавии: Чортков, Боян, Садагора, Бочач, Стефанешты — ожерелье огненных точек, обрамляющее те заветные владения Белого царя, откуда идет беспрестанный поток верующих паломников, идейной переписки и денежных средств от скудных лепт из местечек и сел: все это благодаря благосклонному нейтралитету русских пограничных властей, в общем не чинивших напрасных препятствий. Так возникла своеобразная еврейская вариация Белой Криницы, и паломничества в это близкое заграничье были непрерывной практической школой, где беспрестанно дебатировался извечный вопрос о Западе и Востоке. Ответ на вопрос получался сам собою: только на Востоке способно было соблюсти себя беспримесно строгое благочестие отцов. Разложение хасидизма произошло не только под напором вольнодумных идей "берлинского" просветительства — этой первой ласточки "периферийной" лжекультуры и измельчания: ему способствовал также роскошный образ жизни некоторых цадиков, пришедший на смену освященной преданиями героической бедности, на который тратились трудовые гроши верующей массы. Хасидическая легенда иссякла и изошла уже на глазах современного поколения, когда кое-кто из "цадиков" стал уходить на Запад, в чужую, негостеприимную и грешную Вену и еще дальше, а с Востока пришла в конце концов вместо снятия запретов война и за нею революция. Наконец, тяга "последних в роде" цадиков и хасидов за океан, на потеху и удовлетворение тщеславия снобов и выскочек Бруклинского гетто, является последним грустным аккордом некогда могучей и торжественной мелодии. Без сомнения, однако, некоторые элементы культурного наследия хасидизма еще живы сейчас в искаженном виде в разных областях еврейской жизни. Так, несомненно, что всеобщий социальный утопизм русско-еврейской периферии, восходя идейными корнями своими к западной традиции, получил свою эмоциональную окраску лжерелигиозной исступленности из пережитков хасидического наследия. Из него же черпает свою тематику и мирочувствование и еврейское искусство последних десятилетий, в котором столь сильно представлен лжерелигиозный пафос футуристского разлагательства и подмены реальности. Есть жуткая символика в том, что, как и русская деревня, еврейское местечко со своей фантастикой беспочвенности, внезапно вырастающей из степного ландшафта, с хаотической перекошенностью перспектив и планов своего убогого строительства, оказалось настоящей находкой для футуристского лжехудожества, вышедшего из социальной мути мировых городов Запада. Совпадение русских и еврейских элементов утопического разрушительства в искусстве являет обратное и искаженное подобие тех творческих созвучий, которые в свое время проявились, например, в деятельности И.И. Левитана и ряда других евреев, сделавших вклад в развитие русского искусства.

Здесь было бы уместно провести некоторые аналогии из области искусства и литературы и остановиться на отражении русско-еврейских отношений в общерусской культуре. Немаловажное участие евреев в строительстве этой последней не раз трактовалось, по большей части с апологическими и самопревозносительными целями, в писаниях радикально мыслящей "периферии" с особенным подчеркиванием освободительной и радикально-утопической публицистики. Гораздо новее и своевременнее было бы напомнить, во-первых, о своеобразном отношении (независимо от оценок) к еврейству во всей русской литературе нового времени, столь исключительно отличающейся от европейских своим подходом к теме еврейства как бы изнутри, без европейской расовой надменности (Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лесков, Розанов, славянофилы, Мережковский, Л. Андреев); во-вторых, об участии еврейских писателей в антирационалистических и восточнических течениях русской мысли (М.О. Гершензон, Л.И. Шестов, А.Л. Волынский, Ю.И. Айхенвальд) и в литературе, обличающей утопические крайности современного радикализма, в том числе и еврейского (Г.А. Ландау, Д.С. Пасманик, И.М. Бикерман и др.). Но обширность этих тем, выходящая далеко за пространственные пределы настоящей статьи, заставляет ограничиться одним неполным перечислением имен.

В русской революции подвергается полному разгрому весь основной культурный массив восточного еврейства в смысле физического существования, территориально-политического единства, религиозно-культурного процветания и экономического благополучия; в этом смысле она представляет собою одну из самых грозных катастроф в его истории, хотя еще до сих пор — что весьма показательно — не осознанную в качест-

ве таковой современным "правящим слоем" еврейства — его интеллигентской периферии. Но зато в ней же получила полный простор для злой игры своего рационалистического фанатизма и социально-утопического изуверства еврейская западническая полуинтеллигенция. Проблема активности еврейского участия в самых разрушительных крайностях революции на долгие годы останется краеугольной для восточноеврейского самосознания и требующей для своего уразумения и преодоления прежде всего беспощадной искренности и прямолинейности, не совращаемой со своего пути ложным стыдом или страхом. В другом месте мы попытались показать возможный подход к этой проблеме и не будем здесь повторять там сказанного. Отметим только, что если еврейское западничество сыграло столь вредную роль в русской истории последних десятилетий, то, с другой стороны, нельзя не поразиться тем обстоятельством, что если обратить тему настоящего очерка и попытаться найти в русской стихии черты сходства с еврейской и библейской, то наиболее яркое подобие можно будет найти именно в стихии русского религиозно-сектантского, хлыстовского изуверства и революционно-утопического разрушительства. Еще на заре времен библейское мироощущение, в наивной цельности своей воспринимающее действительность исключительно как функцию сверхмирового начала, сводит и олицетворяет стихию разрушительства в идолопоклонном отступничестве; и русский революционный утопизм, развертывая свое злое марево уже в поздний час истории, открыто приемлет наследие тех древних богоборцев, о которых тревожная повесть дошла до нас из уст старейших насельников земли. Так азийское начало в русской стихии, столетиями искривляемое и уродуемое в угоду чужеродным началам, в наши дни кульминирует в небывалом, вселенских размеров, Валтасаровом пиршестве изуверского богоотступничества.

Но, по нашему твердому упованию, судьбы русского утопического замысла уже взвешены на весах вселенских судеб, и по роковому сплетению исторических свершений его гибель будет также крушением надежд и идеалов еврейско-западнической периферии.

Минет наконец всемирно-историческая катастрофа русской революции, прейдет преходящее, изобличится лживое и фантасмагорическое, но живое, истинное и вечное останется, будет жить и восстанавливать то, что восстановимо из разрушенного.

Освобождение России от цепких пут утопического наваждения застанет восточноеврейский народ в состоянии небывалого духовного и материального оскудения. Не только развеяны в дыме революционного пожара плоды труда и бережливости целых поколений незаметных, упорных тружеников, но подорваны глубочайшие основы всего многовекового быта, как он успел сложиться на обширных пространствах "черты". И вина за это разрушение падает почти исключительно на идеологов и утопистов, которые сами вышли из "черты", и ни на кого не может быть переложена, вопреки всем самообольщающимся усилиям "общественных деятелей". Экономическая почва, на которой веками держалось еврейское ремесло и мелкая торговля, надолго, если не навеки, обеспложена, и подвижное, деятельное население, еще столь недавно сыгравшее спасительную роль своей изворотливой борьбой против самодурского декретотворчества военного коммунизма, сейчас окончательно превращено в миллионную массу нищих побирушек. В религиозных гонениях на иудаизм, воздвигнутых уже не жестокими иноверными царями, как во времена оны, а жестокой и фанатичной чернью из "евсеков", что-то самое драгоценное и хрупкое из всего тысячелетнего духовного наследия навсегда разбито и обезображено. Значительные части как лесной, так и степной части "черты" разбросаны по рукам разными дружественными или самоопределившимися державами, и еврейское население этих областей загнано в культурные колодки пресловутых "прав меньшинств" и задыхается в непривычной атмосфере самодовлеющего и нетерпимого провинциализма.

Но еще одна, может быть, самая высшая, и уже, во всяком случае, самая невосстановимая и невознаградимая ценность утеряна восточным еврейством в мутных волнах революционного половодья. Это — та некогда столь прочно установленная непричастность к неизбежному, функциональному злу, сопряженному со всякими видами участия в управлении и властодержательстве, в которой можно было видеть единственную положительную сторону еврейского бесправия. Сейчас весь нравственный капитал, накопленный в десятилетиях правового прижима, без остатка растрачен в изуверских эксцессах тех десятков тысяч выходцев из черты, которые либо приложили руку к напраснейшим, бессмысленнейшим насилиям революционной стихии, либо образуют собою ее самую убежденную и восторженную клаку. Грубое прикосновение революции и здесь сорвало покровы лжи и условностей с неприглядной истины — и в результате еще на одну легенду — легенду о "народе-непротивленце" — стало беднее наше прозаическое человечество.

Обнищалым, раздробленным, выбитым из колеи привычного быта, духовно опустошенным и обезглавленным, вдобавок с бременем ужасного обвинения перед судом истории, — выйдет восточное еврейство из огненного кольца революции. Но то, что уцелеет от великого пожара, сможет и должно будет жить и изживать лихолетье.

Всякая великая национальная катастрофа есть призыв к пережившим

произвести пересмотр духовных ценностей, которыми жил до нее народ, и именно под знаком этого самоуглубленного пересмотра нарождается новая жизнь после урагана, а не из бесславнего наследия утопического насильничества. И вопреки оптимистическим прорицаниям социалистических и сионистских утопий, усыпляющим в народе его острое чутье реальности, для российского еврейства пришла пора радикально пересмотреть основы своего духовного достояния, как оно сложилось в полутора веках жительства в рамках русской государственности и в течение многих веков исторических тяготении к своему современному "месторазвитию". Ему надо прежде всего проникнуться духом реальности — не в том смысле, какой придают ему пошлые адепты материалистической цивилизации и утопические проходимцы, а в ином, религиозном и вечном, ныне вновь освобожденном из-под идеологического хлама очистительной грозой революции. Практически это означает — стать на путь по-новому и в положительном смысле этого слова, революционный, рвущий со всеми бесславными пережитками европейского XIX века, со всем тем, что с таким яростным, псевдорелигиозным рвением проповедуют мистагоги материальной вещественности и устроители всеобщего счастья из еврейско-интеллигентской среды. Утопическое увлечение этого еврейского "правящего слоя" соблазнами западного рационализма и "внешнего", политического революционаризма с его непримиримым отрицанием исторически сложившейся государственности, при всей его кратковременности (можно считать бесспорным, что революционные симпатии в русско-еврейской среде гораздо более позднего происхождения, чем в собственно русской) существенно способствовало разрушению "общего дома" — государства, принесшему с собою, в частности, как раз для еврейства величайшую катастрофу за всю историю диаспоры.

Но поворот на исконные пути своего векового культурно-исторического прошлого означает для русского еврейства отнюдь не только реакцию против духовных корней минувшего национального несчастья. Еще не минуло господство утопических изуверов, хотя уже подорвана идейная основа революционной легенды и рассеиваются — пусть и очень медленно — ядовитые туманы одержимости. Своевременное отвержение еврейским народом идейного наследия его перманентно разлагающейся периферии, столь безраздельно и неоспариваемо его представляющей за последние десятилетия, еще способно сыграть (и даже в некоторой степени уже сыграло) известную роль в борьбе живых сил страны против мертвящих объятий коммунизма.

И более того. Есть основания опасаться, что и с падением власти утопистов чаша испытаний России еще не будет выпита до дна. Опасность

еще раз угрожает с Запада, но на этот раз уже не в виде утопических учений, против которых Запад, сбыв свое опасное наследие наивному русскому западничеству, оказался в достаточной степени иммунным; дело идет о непосредственных и откровенных захватнических стремлениях. К настоящему времени вульгарно-народоправческие устремления европейской политической мысли XVII и XIX веков проделали свой полный круг и обернулись пред лицом изумленной современности небывалым разлитием похоти властвования и угнетения — уже не у отдельных только честолюбцев, а у обширных масс уличной черни современных мировых городов. В частности, по отношению к еврейству совсем неожиданный результат выказала эволюция тех демократических учений, которые еще доныне вербуют столько восторженных адептов в еврейской среде. То, что еще столь недавно считалось одним из наиболее несомненных предрассудков, обреченных очень скоро исчезнуть перед победным шествием разума и демократии — расовые предубеждения, — в настоящее время выказало прочную укорененность в самых основах европейской стихии и обрело молниеносное распространение. И, как уже столько раз, первобытная ненависть непросветленного этноса, начинающего одолевать устои национального государства (в этом один из симптомов оскудения Европы), обрушивается в первую очередь на самого подлинного представителя азийского начала в Европе — на европейское еврейство.

Но в то же время расистское поветрие наших дней ищет для себя также и более существенных, а главное — доходных объектов порабощения и эксплуатации. И в первую голову на роковую чреду нового, "массового" империализма поставлена Россия с ее неисчислимыми естественными богатствами и пресловутым "неумением управляться". В расистских ячейках, где фанатическая национальная гордыня уже носится с проповедью железопоклонного язычества и отпадения от слишком еврейского христианства, зреют также планы разделов и аннексий. Таким неожиданным путем выявляется ныне органическая зависимость судеб восточного еврейства от путей России. Так грядущее участие еврейства в борьбе за Россию, в обороне общей родины от опасности, грозящей с Запада, — обращается в буквальном смысле в борьбу за самое заветное и последнее — pro aris et focis.

Еврейскому народу пришла пора по-новому осмыслить глубокое значение столь трагического для обеих сторон сплетения своих судеб с судьбой России в самый критический час вселенской истории. Есть какие-то созвучные струны в древнем еврейском мессианизме, пронесенном через века скитаний, и в мессианизме русском, в муках искупающем вину и груз величайшей на памяти людей национально-государственной ката-

строфы. И есть, с другой стороны, некое умопостигаемое сходство между нигилистским, пересмешническим богоборчеством еврейской периферии в ее непрерывном состоянии разлагающего брожения — и государственно-самоистребительской яростью русского революционного разночинства, этого последыша западнической псевдоморфозы: в последнем, онтологическом плане у обоих обличается лжерелигиозная одержимость чисто асийского, библейского типа.

В свое время расцвет хасидизма и в то же время первые робкие шаги в сторону культуры Запада не напрасно совпали с периодом смут и тревог на юго-западной окраине Евразии (разделы Польши, наполеоновские войны). Есть все основания ожидать, что мировые катастрофы последних десятилетий не останутся без отклика в народной душе восточного еврейства. Пусть еще тянется мучительный бред материалистической утопии: ее засилье и гнет воспринимаются только как нечто внешнее и навязанное, ее внутренняя живая сила подорвана и утрачивает власть над лучшими умами. Новый смысл исторических реальностей постигается в грозном хаосе разбушевавшихся страстей; новые пути открываются перед мыслью, не застывшей в обветшалых западнических шаблонах. Но на эти новые пути может повести народ лишь новое возглавление, новый "правящий слой", а не старая, безнадежно скомпрометированная, обнищавшая духовно "периферия", обреченная вечно вращаться в кругу сменяющих друг друга утопий, неизменно приводящих к новым крушениям и разочарованиям. И в числе самых насущных духовных задач, стоящих перед новым возглавленном, стоит проблема осознания глубочайших связей восточноеврейского народа с его современным "месторазвитием" на юго-западной окраине Евразийского континента. Предстоит основательное исследование исторического прошлого этих связей, оформление накопившихся религиозно-культурных, бытовых, языковых, литературных и всяких иных общностей. Только на органическом "приятии" единственно данного земного поприща своих судеб — может восточноеврейский народ обосновывать свое право на сожительство с прочими народами России и на покровительство общей родины. Меньше всего может помочь та слишком шумная и нескромная требовательность "идеологов" и "деятелей", которая все еще носится с правовыми понятиями и концепциями времен, поистине допотопных.

В области практической политики перед русским еврейством стоит огромная и настоятельнейшая задача: разрыв со старыми методами "нейтрального выжидания" и "лояльного безразличия" по отношению к государственности, столь дорого обошедшимися ему в наши дни, и поворот на новые пути действенного приятия. Ибо только тот может притязать

на уважение и недруга и друга, кто в час великой борьбы совершил свободный и всегда глубоко трагичный акт выбора своих соратников, своей судьбы, своего пути, своего назначения и своих врагов. Значение этого выбора сейчас даже объективно немаловажно: в высоко вероятной решительной борьбе русско-евразийского мира против захватнических предприятий, угрожающих ему с Запада, еврейский народ имеет шансы сыграть видную и даже почетную роль.

Не малодушные жалобы на чужое несовершенство способны вывести восточноеврейский народ из его теперешнего тупика, а только приятие своей доли ответственности за общие судьбы России в прошлом и в грядущем, свободное от оговорок законнического лукавства "вождей" и "деятелей". И вопрос о том, хватит ли на это у него духовных сил в ныне наступающий двенадцатый час его истории, есть вопрос о том, быть ему или не быть.

Право на будущее не выигрывается сутяжнически в безнадежных исторических спорах, а обретается в акте свободного творчества своей судьбы. Docunt fatî volentem, nolentem trahunt.

1931г.

Э. Хара-Даван

ЕВРАЗИЙСТВО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МОНГОЛА

Все дореволюционные русские партии были западническими; по их взглядам, Россия была — отсталый медвежий угол Запада, а мы, монголы, и вообще народы Востока, были еще дальше от Запада, следовательно, были в их сознании некультурными полудикарями, стояли на низшей степени культуры, с кочевым образом жизни и родовым бытом.

Евразийство же — учение, возникшее не на заимствовании с Запада, каковыми были все существовавшие до сего времени учения, а на выходе России из рамок современной европейской культуры и обосновании ее на самобытности Евразии. Поэтому оно не есть партия в европейском смысле, но новое учение, появившееся как результат российских великих потрясений (европ. война и революция). Такое учение должно завоевать сердца и умы монголов, и потому когда я прочитывал евразийскую литературу, то все ложилось на готовую благоприятную почву. Думалось, почему мы и русские так долго находились под гипнозом величия упадочной культуры Европы.

До революции из всех партий депутаты "инородцев" примыкали в Государственной Думе к партии ка-де, как защитнице своих интересов. Эта партия, теперь Р.Д.О., имеет в своей программе свободу народов, автономию, также и федерацию, но в своей реальной политике не могла и не хотела защитить интересы и земли кочевых народов, например, от самовольных захватов крестьянами переселенцами, соседними селами и т.д. Это проистекало из того, что эта партия, будучи чисто западнической, считала крестьянина, идущего с плугом насильно колонизовать места, населенные кочевым народом, делом "культуртрегерским" и поэтому считала нужным защищать подобные явления.

Подобного взгляда держатся и теперь не только Р.Д.О., но и русские социалистические и монархические партии, так как в основе их лежит взгляд западной культуры на нас как на народ, находящийся на низшей ступени культуры; потому нас нужно своей политикой "русифицировать", так как крестьянин с плугом стоит на ступень ближе к западной культуре, чем кочевник-скотовод — отсюда ясно вытекает для них задача всех нас как можно скорее, чрез русификацию, европеизовать. Заставить осесть на землю, вместо скотоводничества взяться за плуг. Затем, по программе западнических партий, мы были обречены на пролетаризацию, и, только переварившись в фабричном котле будущего капиталиста, мы можем увидеть "рай на земле". Мы, отдельные лица из монголов, получившие образование, познакомившись с столь трудными этапами будущего развития наших народов, были подавлены: с одной стороны, авторитетностью схем развития, сочиненных европейскими учеными, а с другой стороны, участью наших народов — пройдут ли благополучно между Сциллой и Харибдой, дойдут ли до верхов европейской культуры? Я находился все время под этим гипнозом, пока не познакомился с новым учением по этому вопросу кн. Трубецкого ("Европа и Человечество") и Шпенглера ("Закат Европы").

В действительности ступени развития "общечеловеческой", т.е. романо-германской культуры не могут вместить в рамки своей схемы, например, всю историю монголов. Монголы со своим гениальным вождем Чингис-ханом в XIII в. вписали блестящие страницы в мировую историю. Будучи, по современным европейским учениям, на низшей ступени культуры, как кочевники с родовым бытом и скотоводы, — они создают сильную державу с хорошим административным устройством и лучшим войском в мире того времени. Европейские ученые учат нас, что в войне побеждает более культурный. Монголы в своей экспансии во главе с гениальными вождями (Чингис-хан, Дже-бе-нойон и Субедей) побеждают почти все народы Азии и значительной части Европы. Таким образом, границы, начертанные кривой саблей монгольской конницы, превосходят границы, проведенные копьем македонских колонн Александра и легионов Цезаря и пушками армий Наполеона. На основании исторической истины историки Европы должны были признать, по результатам побед и достижений, не знавших ни одного поражения Чингис-хана, Джеб-нойона и Субедея еще не превзойденными до сего времени военными гениями; однако мы встречаем эгоцентризм европейцев и здесь; монгольские полководцы, завоевавшие 3/4 известного тогда света, считаются варварами.

Где же здесь историческая правда? Почему монгольские полководцы, применяющие после взятия укрепленных городов штурмом и жестокого их сопротивления террор как устрашающий метод в войне и разрушающие крепости-города, — именуются варварами, а применение в европейской войне, и в неизмеримо больших размерах, более усовершенствованными средствами ядовитых газов, бацилл заразы и разрушение соборов Реймса и Лувена — называются "военной необходимостью"? Мы не защищаем жестокости: мы требуем одинакового отношения к историческим фактам.

История монголов говорит, что они еще в XIII в. обладали достаточной культурой, которая дала им возможность завладеть почти целым светом,

тогда известным. Что это не сходится со степенями развития европейской культуры, это показывает неверность этой схемы, а никак не дикость монголов. Верно, что монголы и по сие время кочуют, ибо занимаются исключительно скотоводством, а последним занимаются потому, что степь к этому занятию пригодна больше, чем к каким-либо другим, в том числе больше, чем, например, для хлебопашества.

В таких же условиях в Канаде, Аргентине и Южной Африке англичане и американцы занимаются также в чистом виде скотоводством и также принуждены кочевать, так как скоту необходима перемена пастбища, которое он вытравил; возможно, что вместо кочевой кибитки американец имеет шатер или будку и вместо себя посылает своего пастуха, но это дела не меняет. Таким образом, монгола жить в кочевой кибитке заставляет образ его занятия: скотоводство. Кроме того, жизнь в кибитке предохраняет от заболевания туберкулезом, как показало научное исследование антитуберкулезной комиссии института Пастера в Париже во главе с проф. И.И. Мечниковым в 1911 году.

Была произведена к громадных размерах во всем калмыцком народе реакция на присутствие в организме латентного и активного туберкулеза по способу Pirquet, которая в 24 часа показывает присутствие в организме хотя бы малейшего очага туберкулеза. В то время как у народов оседлых, то есть живущих в домах, где нет того постоянного чистого воздуха, как в кибитке, — статистика реакции Пиргэ показывает положительную реакцию у всех лиц возрастом выше 25 лет, то есть 100 процентов, у калмыков, живущих круглый год у кибитках, эта реакция отрицательна почти у всех, а по периферии, где калмыки зимой живут в домах, там уже эта реакция дает 80 процентов. В девственных степных условиях, на чистом воздухе в кибитке, где постоянный обмен воздуха, степняк предохранен, он же, очутившись в городских условиях жизни, где даже наружный воздух кишит бациллами заразы, а воздух в доме никогда не может быть настолько чист, как в кибитке, — степняк заражается туберкулезом.

(Проблема туберкулеза разрешима в будущем в городах-садах, а не в городах-небоскребах; и в разбросанности, а не в сплоченности городов.)

Таким образом, и с этой точки зрения романо-германская культура с ее большими городами не может служить идеалом для степняка, живущего в кибитке. Нездоровые условия городской жизни ведут европейские народы к физическому вырождению, вот почему как защитная реакция атрофирующегося организма — появилось у старейших носителей европейской культуры, англо-саксов, увлечение спортом, и увлечение им захватило всю Европу.

Монгол, который проводит жизнь с 7 лет на коне и на охоте, в постоянном общении с природой, — имеет здоровый и упругий организм. Общение с природой, нормальный физический труд необходимы для равномерного развития и тела, и духа, причем надо образ жизни построить на этом принципе; спорт же есть паллиатив, и то для профессионалов. В этом отношении европейская культура создала условия ослабления сопротивляемости организма, отсутствие физического труда дает условия для атрофии мышц и дегенерации организма человека, — будущая культура должна создать здоровые условия для всестороннего развития тела и духа человека; и в этом западная цивилизация привела человечество в тупик. Для монголов, детей степи, условия городской жизни были пагубны, в особенности в переходной стадии, что также доказывают научные исследования проф. Мечникова. Характерный пример: из 11 калмыцких детей, поступивших в гимназию, окончили гимназию и университет только 30 процентов, остальные или умерли, или принуждены были покинуть учебные заведения ввиду заболевания туберкулезом, несмотря на то что учились все легко, шли лучше городских товарищей. У европейцев только дети свободны от туберкулеза, а взрослые имеют все если не активный, то скрытый, латентный туберкулез, отсюда открытый путь к физическому вырождению народа. Высокой ценой, громадной жертвой сопровождается подъем по ступеням европейской цивилизации народов Европы. Уместен здесь вопрос — стоит ли эта цивилизация таких жертв? Действительно ли эта культура ведет человечество ко всеобщей любви, а не народоненавистничеству, к братству их, а не периодическим ужасным бойням народов, к правде, а не к использованию в эгоистических, корыстных целях слабых сильными народами? Вот для того, чтобы избавиться от этих ужасов и неправды, монголы должны избрать путь, указываемый евразийцами. Их программа нам ближе: народоводительство евразийцев понятнее нам, чем народоправство с его парламентаризмом, где бы силы тратились в борьбе многочисленных партий. Первое исторически вытекает из времен Чингис-хана, а второго у монголов никогда не было.

У евразийцев у власти находится евразийский отбор (не коалиция партий, как в парламенте), — в Монгольской же империи у Чингис-хана подобно тому мы видим у власти не аристократию, не классовое представительство и не политическую партию, а особый отбор людей, удовлетворяющих известным нравственным требованиям, — эти добродетели были верность, преданность и стойкость. Чингис преследовал и никогда не допускал к власти людей с пороками: измена, предательство и трусость.

Монгольские народы и вообще народы Востока имеют очень ограниченное количество интеллигенции, и для них было бы безрассудством или большой роскошью, разделившись по несколько человек по всем европейского типа партиям, заниматься взаимной грызней, обливать

друг друга ушатами грязи, называемой в Европе политической предвыборной борьбой партий, с целью получить больше голосов у неорганизованного "голосующего корпуса". При этой системе программы всех партий равняются по сознанию и желаниям низшего слоя народа, — в то время как при единой партии, правильнее — при евразийском отборе, мы имеем равнение по желаниям интеллектуально верхнего слоя. При многопартийной системе случайное меньшинство оказывается у власти, так как большинство раздробляется на мелкие партии. В евразийском отборе "лучших" мы имеем полную концентрацию сил нации; отбор правит как действительный представитель народа, без раздробления сил в партиях.

Отбор лучших у евразийцев должен удовлетворять не только идейному содержанию евразийства, но и нравственным требованиям, подобно отбору лучших Чингис-хана. Как бы велик ни был Чингис-хан лично, один никогда, конечно, он не мог бы создать величайшую в истории империю, — он создал ее при помощи именно такого отбора людей, находящегося у власти. В то время как один тип людей подчиняется начальнику своему из-за страха лишиться своего благополучия или жизни, а убивая или изменяя своему начальнику, думает избавиться от источника страха, другой тип людей, из которых черпал силы для правящего отбора Чингисхан, подчиняясь своему начальнику, знал, что чрез него подчиняется следующему и так до главы государства, а сам Чингис-хан, в свою очередь, управлял народами как ставленник Бога. Вот почему эти люди были и должны быть религиозными. Евразийцы ставят в основу своего учения религию, проведенную в жизнь, в то время как западная цивилизация произвела отрыв народа от религии. Жизнь у них противоречит религии; исключение составляет русской православие, которое в своем "бытовом исповедничестве" ближе к религиям востока, чем к западным, христианским же, как справедливо пишет митрополит Антоний. Восточные религии — буддизм и магометанство — в быте народном, и быт их в религии: вот в чем разница и преимущество духовного Востока над Западом. Не будем спорить, какая религия выше или лучше в своих учениях (каждый верующий убежден в правоте своей веры); практически важно, проведена ли религия в жизнь народа. Всякая религия есть ценность как моральный кодекс, поскольку ее учения осуществимы и проводимы в повседневную жизнь не только отдельных самоотверженных избранников, а обыкновенных смертных людей в их массе. Важна религиозная напряженность народной массы, которая живо ощущает религию и руководствуется ею в своей повседневной жизни...

Программа евразийства в формулировке 1927 г., напечатанной в "Евразийской Хронике", вып. IX, представляет собою логическое целое, вытекающее из всего евразийского учения. Диагноз и пути излечения Евразии назначены правильно на основе научных данных и исходя из современной России-Евразии. В этом программа единственна и оригинальна среди всех программ старых партий, представляющих копию западных оригиналов.

В особенности глубоко правильно решение национального вопроса. Когда Евразия будет иметь наднациональный строй на национальной основе, то все народы ее, а их 106, почувствуют себя у себя дома в Евразии. Если императорскую Россию теперь называют "тюрьмой народов", то Евразия будет их матерью. Евразийство отвергает колониальную политику России по отношению к ее народам: "обрусить" и "оправославить" — так как ценно не то, что все будут русскими, а то, как будут себя национально чувствовать. Гражданская война показала, что и сами русские между собой дерутся как националисты и интернационалисты. Горький опыт осудил старую политику обрусения. Важна группация не по признаку нации, а по признаку идеи; отсюда идеологический отбор, где будут все нации представлены по этому признаку.

Затем осуждается насильственное или через аппарат власти, как было раньше, насаждение православия у народов неправославных. Для государства и общества важно иметь гражданина религиозного, какую бы он ни исповедывал религию. Мы, монголы, хотим, чтобы давления на совесть больше не было и чтобы была свобода совести, как было в империи Чингис-хана еще в XIII в.

Для общества и государства нежелателен гражданин, не имеющий никакой веры, так как он не имеет у себя в душе и того кодекса морали, который имеет верующий.

Признание начал федерации и автономии в советском, а не европейском понимании наиболее соответствует правильному решению национального вопроса, но с обязательным устранением сейчас существующей коммунистической или какой другой опеки.

Учение о функциональной собственности и устранение в будущем алчного колониального капитализма по программе евразийцев спасет нас, то есть народы Востока, от жестокой участи "перевариваться в фабричном котле", то есть пролетаризоваться.

Усвоение прикладных знаний Европы, одухотворение культурой Востока на самобытной почве Евразии — вот те основы, на которых должна быть построена евразийская культура, созданная общими усилиями всех ее народов, и эти условия, как самые здоровые для их развития, должны быть приветствуемы всеми народами Евразии.

Программа евразийцев не хочет все народы стричь под общую российскую гребенку и тем обезличивать их: дается право н возможность каждой из наций Евразии внести свою индивидуальную национальную культуру как частицу общей наднациональной культуры евразийской — чем из более разнообразных цветов и запахов составлен будет букет, тем будет он пышнее и ароматнее.

1928

Л.Н. Гумилев

ЧИНГИС-ХАН — НЕОЖИДАННЫЙ РАКУРС

История культуры часто бывает трагична. В XX столетии самым явным свидетельством кризиса некогда единой и великой культуры России стал ее распад. Политические коллизии последних десятилетий привели к эмиграции множества выдающихся культурных деятелей, а оставшимся на Родине пришлось выбирать между молчанием и участием в "советской культурной работе". Таким образом, естественная взаимосвязь между русским Зарубежьем и его Отечеством оказалась прервана по чисто идеологическим мотивам.

Справедливости ради заметим, что наше знание русской зарубежной культуры было и остается неодинаковым в разных ее областях. Если имена деятелей искусства — писателей Владислава. Ходасевича, Владимира Набокова, Бориса Зайцева, Ивана Бунина, музыкантов Игоря Стравинского, Сергея Рахманинова — все же пользуются известностью, то с представителями зарубежной русской науки дело обстоит гораздо хуже. Лишь специалистам ведомы труды инженера Игоря Сикорского, изобретателя цветного телевидения Владимира Зворыкина, лауреатов Нобелевской премии экономиста Василия Леонтьева, естествоиспытателя Ильи Пригожина. А что скажут большинству наших современников имена филолога князя Николая Трубецкого, философа и политолога Ивана Ильина, историка Георгия Вернадского? Почти ничего.

Между тем наука в русском зарубежье развивалась и ничуть не менее, а может быть, и более интенсивно, чем на покинутой эмигрантами Родине. К числу выдающихся деятелей этой науки, без сомнения, с полным правом может быть причислен и д-р Эренжен Хара-Даван.

Детали биографии Э. Хара-Давана практически неизвестны. Достоверно можно утверждать лишь то, что в потоке первой волны русской эмиграции д-р Хара-Даван покинул Россию и обосновался в Югославии, где и увидела свет его книга, изданная на собственные средства автора.

В своей научной деятельности за рубежом д-р Э.Хара-Даван примкнул к одной из наиболее значимых и крупных историко-политических школ, получившей название "евразийства". Отношение Э. Хара-Давана к "евразийству", бесспорно, само по себе является ключом для понимания всего его творчества, в том числе и для понимания рассматриваемой кни-

ги о Чингис-хане. А поскольку "евразийство" принадлежит к числу наиболее сложных и дискуссионных явлений русской интеллектуальной жизни XX в., то, наверное, не будет лишним сказать несколько подробнее о его месте и содержании.

Среди эмигрантских историков и политиков, очутившихся в изгнании, резко преобладали две точки зрения на происшедшее в 1917-1920 гг. Находящиеся в большинстве деятели либерально-западнического толка рассматривали революцию и большевистскую диктатуру как результат победы традиций азиатско-татарской "нецивилизованной" русской государственности над неокрепшими институтами российской демократии, утвердившейся в феврале 1917 г. Малочисленные патриоты-почвенники вообще отказывались от какого-либо содержательного анализа происшедшего. Для них революция и террор были скорее жуткой случайностью, последствиями "дьявольского морока", затмившего души и умы "народа-богоносца".

Однако нашлись люди, одинаково отвергавшие и ту и другую точку зрения. Среди эмигрантов молодого поколения особенно сильным было стремление непредвзято разобраться в глубинных корнях случившегося в России и извлечь уроки на будущее. Именно эти представители "молодых эмигрантов" составили костяк кружка "евразийцев". Виднейшими представителями "евразийства" стали Н. С.Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Н. Толь, Э. Хара-Даван.

Полный содержательный анализ концепции "евразийства" потребовал бы слишком много места, поэтому на этих страницах мы коснемся лишь тех аспектов "евразийской концепции", которые непосредственно относятся к теме книги Э. Хара-Давана.

Основным парадоксальным выводом в историографии евразийцев стал абсолютно новый взгляд на ту роль, которую сыграло военно-политическое наследие Чингис-хана в русской истории. Евразийцы стали первыми русскими учеными, отказавшимися от концепции татаро-монгольского ига. Эта заимствованная и глубоко поверхностная концепция официально утвердилась в русской историографии еще со времен В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, то есть с окончательной победой русского западничества, и сие нисколько не удивительно. Ведь подлинным автором этой теории был статс-секретарь Стефана Батория Геберштейн.

А между тем в русском языке XШ-XIV вв. само слово "иго" никогда и не употреблялось в значении "господство", "угнетение" ("иго" для русичей тех времен обозначало то, чем скрепляют узду или хомут). Употребление слова "иго" в его политическом смысле восходит лишь к эпохе Петра: так писали в грамоте запорожские казаки, указывая, что они "с немалой жалостью под игом московского царя воздыхают".

Ничуть не меньшей была и методологическая новизна евразийских идей. Евразийцы первыми обратились к реальному изучению тех взаимосвязей, которые существуют между географическими условиями жизни личности и народа и характером их культуры.

Евразийство в отличие от западноевропейских и большинства русских историков ориентировалось на осмысление естественноисторических закономерностей жизни народов и государств, и надо отдать ему должное — достигло на этом пути впечатляющих успехов. Именно отсюда ведет свое происхождение и сама идея существования России — Евразии как особого историко-культурного региона, равно несхожего с Западной Европой, Ближним Востоком или Китаем. Потому-то идея России — Евразии рождает вполне реальную нравственную координату — идею братства и естественной исторической близости между всеми разнообразными евразийскими народами. Соответствует этому научному и нравственному посылу и содержание книги Э. Хара-Давана. Но, разумеется, как и всякое другое значительное культурное явление, книга Э. Хара-Давана — памятник своего времени, иначе и быть не может.

Уровень знаний своего времени сказывается, конечно, не только на отношении автора замечательной книги к источникам. Не в меньшей мере этот уровень отразился также на, общей концепции возникновения Монгольской державы, исповедуемой Э. Хара-Даваном.

На уровне логики событий причины и следствия создания Улуса рисуются им следующим образом.

"Если земледелие вырабатывает у народов мирный характер, то скотоводство, а главное охота, воспитывают воинственный дух. Находчивость, выдержка, удаль, храбрость у монголов вырабатывались под влиянием главного их занятия — звероводой охоты".

Итак, по Хара-Давану, начальной посылкой создания огромной, державы, выступает характер ландшафта, определяющий и характер занятий, а тем самым и свойства поведения данного народа. Такая точка зрения была, в общем, характерна для науки конца XIX начала XX века, но сегодня она выглядит безнадежным анахронизмом, противоречащим фактам. В самом деле, в истории мы видим сколь угодно много примеров агрессивности оседлых народов и мирного характера народов кочевых. Разве в ходе второй мировой войны немцы (по преимуществу земледельцы) выглядели более мирно, чем скотоводы — шотландцы? Классическим примером беззащитности и доброты являются кочевые эвенки. Ответ на вопрос о причинах человеческой активности лежит, как показывает историческая практика, отнюдь не на поверхности — в сфере занятий. Лишь в конце 70-х годов нашего столетия, путем эмпирического обобщения множе-

ства исторических фактов методами естествознания, удалось установить, что видимые проявления **активности у вида Homo sapiens носят** прерывистый дискретный характер и связаны с наличием специфического признака — пассионарности. Пассионарность проявляется у человека как непреоборимое стремление к деятельности ради отвлеченного идеала, далекой цели, для достижения которой такой человек — пассионарий, жертвует не только жизнью окружавших, но и жизнью своей собственной. Именно сила пассионарности создает такие специфические, человеческие коллективы, как этносы (народы), а изменение числа пассионариев со временем изменяет и возраст этноса. Таким образом, каждый народ переживает детство, юность, зрелость и старость как фазы этногенеза. Именно количество пассионарности в этносе — фаза этногенеза — определяет характер поведения народа. Источником пассионарности являются взрывы этногенеза — пассионарные толчки, причина которых, по всей видимости, лежит в ближнем космосе. Один из таких пассионарных толчков, происшедший где-то на рубеже XII-XIII вв., и стал причиной резкого подъема активности монгольских племен в Забайкалье.

Именно рост пассионарности, появление пассионариев (получивших у монголов название "людей длинной воли") привели к появлению среди монгольских племен таких отмечаемых Э. Хара-Даваном качеств, как храбрость, находчивость, удаль и выдержка.

Процесс роста пассионарности хорошо объясняет и весь дальнейший ход событий, приведших к созданию великой монгольской державы. Э.Хара-Даван правильно отмечает и последующие обстоятельства: "Таким образом мы видим, что в умах монгольского общества того времени создались условия для появления гениального вождя и полководца". Правильнее будет, однако утверждать, что подлинные предпосылки миссии Чингиса заключались не в "умах общества", а в "поведении этноса", определяемом деятельностью множества появившихся пассионариев среди монгольских племен. Э. Хара-Даван так объясняет, почему именно Чингис-хан оказался достоин своей великой роли: "... Чингисхан презирал оседлые народы и дал завет своим потомкам и всему монгольскому народу сохранить свой кочевой быт и остерегаться становиться оседлым.." Чингис-хан всегда и везде поддерживал аристократические начала: власть феодала над вассалом, господина над рабом, поощряя всегда верных слуг, и наказывая смертью изменников своему господину, хотя бы последний и был его врагом. Властелин монголов этим выражал истинные чаяния степной аристократии, которая потому и гордилась своим вождем и была ему слепо предана". Противником Чингиса и, соответственно, приверженцем демократии Э.Хара-Даван считает

Джамугу. Заметим, что в делении монголов на партии аристократов и демократов Э.Хара-Даван следует позиции Б.Я.Владимирцова.

С точки зрения современной науки эти выводы, конечно, устарели. Даже если возводить аристократизм Чингис-хана к политике его отца, Есугей-багатура, как это делает Э.Хара-Даван, тогда в жизни монгольского общества XII в. невозможно обнаружить предпосылок для формирования аристократии и демократии. Сие и неудивительно — до начала XIII в. общество Монголии было родовым. Тот же Есугей был отнюдь не государем монголов, не являлся он и "владельцем 40 000 кибиток" (столько было всех монголов в его эпоху). Выражение "владелец 40 000 кибиток" следует понимать метафорически в том смысле, что все собственно монголы (как одно из племен степи) признавали Есугея своим военным вождем и также легко отказались от этого впоследствии.

На самом деле деление монголов в эпоху Есугея и Чингиса шло не по социальному, а по поведенческому признаку — сторонникам традиционных форм быта, "людям куреней" противостояли степные богатыри — "люди длинной воли". Да и сам Э. Хара-Даван, справедливо ссылаясь на работу Н. С. Трубецкого "Наследие Чингис-хана", указывает, что Чингис "...при назначении на высшие должности по войску и по администрации никогда не руководствовался только происхождением, а принимал во внимание техническую годность данного лица и степень его соответствия известным **нравственным** (выделено Э. Х.-Д.) требованиям, признававшимися им обязательными для всех своих подданных, начиная от вельможи и кончая простым воином".

Назвать такой принцип подбора людей аристократическим в привычном нам сословном понимании трудновато. Если мы учтем, что добродетелями для Чингиса были верность, преданность и стойкость, а пороками — измена, трусость и предательство, то станет очевидным совсем иной подход монгольского вождя к окружающим его людям. Вождь монголов делил людей на две категории — для одних — "подлых", "черная кость" их безопасность и благополучие выше их личного достоинства и чести, для других — "белая кость" — честь и достоинство всегда ценнее безопасности, благополучия и самой жизни. Чингис делал ставку именно на людей второго типа и именно для них он был вождем. Люди же первого типа — обыватели, среди которых были и родственники будущего хана — делали, как мы знаем, все возможное, чтобы избавиться от власти Чингиса и сохранить за собой право на безответственность и безобразия.

И если теперь мы вспомним, данное нами выше определение пассионарности, то поймем, что именем "белой кости", "людей длинной воли" монголы XII в. называли именно пассионариев, не жалевших своей и чу-

жой жизни ради далекой цели. С учетом этого соображения легко объясняются присущие Чингису и специфические взгляды на монголов, в которых он видел особую породу людей , кочевников, образ жизни которых казался ему предпочтительнее, и оседлые народы, которые он презирал за высокомерие, предательство, карьеризм.

В своих соотечественниках Чингис-хан действительно видел особую породу людей, и у него были некоторые основания. Народ с растущей пассионарностью всегда смотрится особо, ибо ему присуще чувство стихийной инициативы. Ошибка Чингиса была в другом: как и всякий современник, он решил, будто сегодняшние свойства его подданных сохранятся вечно.

Образ жизни кочевников действительно казался ему предпочтительнее, но не забудем, что это был его родной образ жизни.

Кроме того, как и всякий пассионарный человек эпохи подъема, Чингис придавал большое значение сохранению этнической традиции своего народа, справедливо видя в этом защиту от возможных потрясений.

А вот говорить о презрении Чингис-хана к оседлому быту как таковому, на наш взгляд, не приходится. Считая кочевой быт монголов предпочтительным, Чингис ценил достижения культуры оседлых народов: письменность, ремесла, административные навыки. Учтем, однако, что в XIII веке большинство оседлых народов, соседствующих с монголами, имели гораздо более низкую пассионарность, чем степняки. Соответственно, их отличал весь букет пороков, вызванных падением пассионарности. Монголы же и сам Чингис-хан просто приписывали эту разницу между собой и соседями наиболее ощутимому различию — различию в образе жизни.

И, наконец, необходимо коснуться еще одного мифа о Чингис-хане, которому отдал дань Э. Хара-Даван. Речь идет о якобы присущем Чингису стремлении к мировому господству, к созданию мирового государства. В подтверждение этому Э. Хара-Даван приводит официальную формулировку, вырезанную на государственной яшмовой печати: "Бог — на Небе. Ха-Хан — Могущество Божие на Земле. Печать Владыки Человечества".

Отметим в этой связи несколько существенных обстоятельств. Официальная формулировка не может рассматриваться буквально, ибо отражает не реальные устремления, а этикетные установки того времени. Кроме того, сам Чингис никогда не стремился к мировому господству. Его цель была совершенно очевидна и гораздо более узка. Он стремился к объединению под своей властью всех племен Великой Степи, дабы добиться мира, порядка и уверенности в завтрашнем дне. Все прочие его войны носили вынужденный характер. Другое дело, что политика

объединения и, говоря современным языком, коллективной безопасности в Степи воспринималась его противниками как пролог к мировой экспансии, однако сказать, что такова была и внутренняя мотивация великого полководца, было бы, на наш взгляд, неправильно. Да и политика Чингис-хана в завоеванных странах мало напоминала тактику других завоевателей мира типа Наполеона или Гитлера. Сам Э. Хара-Даван приводит следующее высказывание Марко Поло: "Завоевывая какую-либо область, он не обижал население, не нарушал его прав собственности, а только сажал среди них нескольких своих людей, уходя с остальными на дальнейшие завоевания. И когда люди покоренной страны убеждались, что он надежно защищает их от всех соседей и что они не терпят никакого зла под его властью, а так же когда они видели его благородство как государя, они тогда становились преданными ему телом и душой и из бывших врагов становились его преданными слугами". Все, что мы знаем фактически о монгольской политике в отношении других народов, подтверждает правоту наблюдения знаменитого путешественника. В самом деле, к 1227 г. Чингис разгромил только печенегов (канглы) в Средней Азии, тангутов и маньчжуров. Таким образом, при жизни Чингиса монголы воевали почти исключительно с такими же кочевниками или ближайшими евразийскими народами за гегемонию в Степи. Даже в позднейшее время во всем обширном монгольском улусе иль-ханы (т. е. ханы завоеванной страны) правили только в Персии. Все остальные страны считались не завоеванными, а присоединенными или союзными (такова была, например, Владимирская Русь).

Как видим, книга Э. Хара-Давана, как и всякий другой старый научный труд, может быть правильно понята и оценена лишь с учетом современных знаний о предмете. Да это и естественно: наука не стоит на месте, развитие взглядов и уточнение оценок — необходимый и важный процесс развития наших знаний о прошлом.

Необходимость поправок и корректировок отнюдь не означает, что книгу Э. Хара-Давана читать не надо, ибо в ней заключено главное — непредвзятый взгляд на саму фигуру Чингис-хана и его роль в истории народов нашего Отечества. Разве не будет для современного читателя откровением то, что пишет Э. Хара-Даван о свободе Чингиса от национальных предрассудков, его военных и политических талантах и даже о его поисках союза с христианством? А ведь все эти зерна, заложенные основателем монгольской державы, дали плоды при его детях и внуках. Союз с христианами продолжал искать сын Угэдэя Гуюк, а осуществили его внук Чингиса Бату и его сын Сартак. Свобода от национальных и религиозных предрассудков была фактом монгольской истории вплоть

до Узбека. Военный и политический опыт Чингис-хана, слившись с русским православием, в XIV веке дал жизнь Московской Руси. И поэтому читать книгу Э. Хара-Давана стоит. Отрадно, что издательство "КРАМДС-Ахмед Ясави" издает ее именно сегодня, когда так велика, потребность обратиться к истории и извлечь из нес уроки для настоящего и будущего.

1992 г.

Л.Н. Гумилев, В. Ю. Ермолаев

ГОРЕ ОТ ИЛЛЮЗИЙ

Ах, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять.
Премудрого у них — Незнанья иноземцев.

А.С. Грибоедов

Когда говорят о причинах произошедшего на наших глазах распада страны, то наиболее часто употребляемым из всех объяснений становится социально-политическое. "Происходит-де закономерный распад последней из колониальных империй прошлого. Россия, если она захочет войти в сообщество цивилизованных наций, поневоле должна быть поделена на ряд независимых государств". Популярность такого объяснения равна его внутренней противоречивости.

Во-первых, и об этом уже писалось многократно. Россия никогда не была империей в западноевропейском смысле. Если колониями считать периферийные республики Прибалтики, Средней Азии, Казахстана, Кавказа и т.д., то место метрополии остается только собственно России. Но коль скоро так, то Россия должна была бы напоминать Англию XVIII-XIX вв. в сравнении с Индией: обладать повышенным благосостоянием населения, сформировавшимся третьим сословием, активно развивать социальную инфраструктуру за счет колониальных инвестиций. Но, помилуйте, ничего похожего нет в России. По благосостоянию жителей Кавказ гораздо больше напоминает метрополию, нежели Москва или Петербург. По формированию третьего сословия Средняя Азия ушла куда дальше. Что же касается колониальных инвестиций, то газ и нефть из Сибири продолжают поступать в отделившуюся от Союза Прибалтику по ценам ниже мировых, тогда как в историческом центре России, названном почему-то Нечерноземьем, и проехать-то можно далеко не во все деревни и поселки из-за отсутствия дорог.

Во-вторых, почему условием входа в семью цивилизованных наций считается распад огромной державы? Если "довлеет дневи злоба его" и перед глазами очарованных россиян стоит современная европейская практика управления в виде Европейского экономического сообщества, то сие тем более ошибочно. ЕЭС и Европейский парламент с их лозунгом "Европа — наш общий дом" действительно представляют собой закономерный итог развития отдельных цивилизованных стран с устоявшимися традициями рыночной экономики в XX в. Но если брать европейский опыт, стоит рассматривать его целиком, а не отдельными фрагментами.

Для европейских государств дезинтеграция всегда была способом существования, но цивилизованной Западная Европа стала отнюдь не сегодня. По М. Веберу, процесс превращения Христианского мира в мир Цивилизованный проходил уже в XVI — XVIII столетиях. Таким образом, формирование "семьи цивилизованных наций" совпадает вовсе не с распадом империй, а, напротив, с их созданием в результате европейской колониальной экспансии в Африку, Индию, Новый Свет.

А ведь можно не останавливаться на уровне всей Западной Европы и последовательно рассмотреть с этой точки зрения отдельные европейские страны. Современная Франция в ее политических границах, по мнению выдающегося французского историка О. Тьерри, есть результат военного покорения парижскими королями очень разных земель и народов. Кельтская Бретань была окончательно присоединена лишь при Наполеоне, Бургундия — в XV в., покорение Юга — Прованса и Лангедока — потребовало от центральной власти непрерывной войны, тянувшейся от первой Альбигойской в XIII в. до подавления восстания камизаров на рубеже XVIII столетия. То же и в Англии. Уэльс сопротивлялся англичанам до XIII в., Шотландия — практически до XVIII в., а Северная Ирландия и доныне не совсем примирилась с властью Лондона. Италия точно так же объединила в себе совершенно различные в этнологическом отношении Пьемонт и Неаполь. Стоит ли упоминать Корсику, Наварру или лужицких сербов, до сих пор живущих в Германии? Но вряд ли сами западноевропейцы поддержат политика, который потребует политического отделения Бретани, Бургундии, Прованса, Корсики, Пьемонта или Наварры, с тем чтобы Франция, Англия, Испания и Италия стали еще более цивилизованными.

Противоречивость социальной точки зрения побуждает нас искать объяснения, лежащие в иной плоскости, и мы попробуем найти ответ в этнической истории и этногенезе народов нашей страны. Правда, здесь мы сразу встречаемся с очень существенной сложностью. Сегодня у нас не существует общепринятого, т.е. разделяемого большинством общества, взгляда на историю Отечества. Что такое, например, 70 с лишним лет советской власти для твердокаменных большевиков? "Новая эра в развитии человечества". А демократ совершенно верно охарактеризует вам эти же 70 с лишним лет как "время господства тоталитарного режима, подавившего свободу, демократию и права человека, провозглашенные Февральской революцией". Однако патриот-почвенник резонно возразит: "Именно Февральская революция, направляемая руками инородцев, уничтожила традиционную российскую государственность и положила начало Большому террору". Количество

высказываний легко умножить, но, находясь в рамках социально-политической системы координат, практически невозможно элиминировать влияние "партийных пристрастий". И положение такое вполне естественно — в борьбе за власть каждая политическая группировка стремится завоевать симпатии общества, а потому трансформация истины проходит легко и как-то незаметно.

Попробуем поставить вопрос иначе. Возможна ли альтернатива не отдельно марксистам, демократам, почвенникам, анархистам (несть им числа), а социальной интерпретации истории как таковой? Ведь на деле политиков при всей мозаике политических взглядов роднит глубокая внутренняя убежденность: история делается людьми и этот процесс поддается сознательному регулированию. Недаром ключевой момент в деятельности любого политика — момент так называемого принятия решения. Однако не только политик, но и любой обыватель способен привести массу примеров того, как на первый взгляд правильные и взвешенные политические решения приводили к совсем иным последствиям, нежели те, на которые были рассчитаны. Например, желая поправить пошатнувшееся благосостояние с помощью военных успехов, какой-нибудь средневековый герцог, разумно оценив свои силы, "принимал решение" начать вербовать себе наемников. Вскоре мажордом герцога уже давал какому-нибудь прохвосту золотую монету и говорил; "Милейший, возьми это, иди и объясни всем своим друзьям, что наш герцог — добрый герцог". И вот искатели оплачиваемых приключений начинали прибывать во владение герцога нестройными толпами. В результате еще до начала войны благосостояние сеньора падало, ибо после ландскнехтов оставались потравленные поля, пустые бочонки да оборванные женские юбки. Конечно, наш современник задним числом легко объяснит происшедшее недальновидностью герцога и низким уровнем образования в средние века. "Правитель должен был предвидеть последствия приглашения на службу жадных кондотьеров, и вообще гораздо правильнее было бы ему освободить крестьян от крепостной зависимости, просветить их, обучив азам политической экономии и военного дела, и, оперевшись на крестьянскую массу в союзе с ремесленниками, совершить буржуазную революцию". Пример намеренно утрирован, но заметим, что такую программу вряд ли бы одобрили вассалы герцога, а ссора с окружением и тогда уменьшала шансы вождя на счастливую старость.

Но самый парадоксальный вывод из приведенного примера заключается в том, что методология социальной политики сегодня остается такой, какой она была несколько сотен лет назад. Назовите герцога — президентом, наемников — партократами, крестьян — цивилизованными бизнес-

менами, а буржуазную революцию — демократической, и вы получите точную копию высказываний вчерашней газеты по поводу дискуссий в парламенте.

Как видим, выбор сознательных решений для политика всегда ограничен влиянием поведения окружающей среды и адекватностью представлений самого политика об этой среде. Следовательно, для верной оценки происходящего крайне важно представлять себе механизмы поведения человеческих коллективов. Но еще более важной является правильность представлений политика о природе объектов, с коими ему volens nolens приходится иметь дело. Здесь-то, на наш взгляд, и скрыты корни межнациональных проблем.

Европейское образование и европейский менталитет среди множества прочих иллюзий породили и иллюзию социальной природы этносов (народов). Нам стоило бы более критически отнестись к этому устоявшемуся и широко распространившемуся заблуждению.

Можно, конечно, продолжать считать, будто история определяется социально-экономическими интересами и сознательными решениями. Но давайте задумаемся над вещами очевидными. В жизни человеческой нет ничего более нестабильного, чем социальное положение и социальные отношения. Одному из авторов самому довелось испытать превращение из бесправного государственного раба в ученого, пользующегося некоторым вниманием публики. Еще легче обратный переход: в зэка может превратиться и глава политической полиции, и спикер новорожденного парламента — печальные примеры В.А. Крючкова и А.И. Лукьянова у нас перед глазами.

Но никакими усилиями и желаниями не может человек сменить свою этническую принадлежность — каждый принадлежит к какому-нибудь этносу, и только к одному. Не заставляет ли это предположить, что именно в недрах многообразной этнической стихии человечества сокрыты глобальные и объективные закономерности исторических процессов? Еще совсем недавно для такого рода предположений оснований не было. В рамках социальной доктрины (будь то марксизм Сталина или структурализм Леви-Строса) отличия одного этноса от другого связывались с какой-либо совокупностью социальных признаков, и на том дело кончалось. В трудах Института этнографии АН СССР подобный взгляд бережно культивировался до самого последнего времени.

Возникновение альтернативного подхода оказалось связано с применением к историческому материалу методов естествознания. Альтернатива получила свое воплощение в виде пассионарной теории этногенеза, предложенной одним из авторов этих строк в семидесятые годы. В рамках названной теории отличия одного этноса от другого определяются не "способом производства", "культурой" или "уровнем образования". Этносы объективно отличаются друг от друга способом поведения их членов (стереотипами поведения). Эти стереотипы человек усваивает в первые годы жизни от родителей и сверстников, а затем использует их всю жизнь, чаще всего не осознавая стереотипности своего поведения. В этносе, в отличие от общества, работают не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексы.

Грубо говоря, поведение каждого человека и каждого этноса — просто способ адаптации к своей географической и этнической среде. Но на то, чтобы по-новому приспособиться к своему окружению, т.е. создать этнос, нужны силы, нужна какая-то потенциальная энергия. В этом — сердцевина новизны пассионарной теории этногенеза. Она впервые связала существование этносов как коллективов людей со способностью людей как организмов "поглощать" биохимическую энергию живого вещества биосферы, открытую В.И. Вернадским. Поведенческая практика свидетельствует, что способности разных людей поглощать биохимическую энергию живого вещества различны. Проще всего классифицировать всех людей по этому признаку на три типа.

Наибольшее количество персон располагает этой энергией в количестве, достаточном, чтобы удовлетворить потребности, диктуемые инстинктом самосохранения. Эти люди (их принято называть гармоничными) работают, чтобы жить — никаких иных потребностей у них не возникает. Но заметно в истории и некоторое количество людей с "экстремальной энергетикой". Избыток энергии живого вещества был назван Л.Н. Гумилевым пассионарностью. Если пассионарности больше, чем требуется для спокойной жизни, человек-пассионарий живет, чтобы работать ради своей идеальной цели. Однако возможен и иной вариант. Когда пассионарность человека заметно меньше, нежели необходимо даже для обывательской жизни, индивид, называемый субпассионарием, живет, чтобы не работать, и ориентируется на потребление за счет других людей.

Соотношение людей разных типов в каждом этносе изменяется со временем, и этот процесс определяет пассионарность уже не на индивидуальном, а на популяционном уровне.

Допустим, популяция воспроизводит биохимическую энергию на уровне нормы (а биологической нормой организма считается приспособление ради воспроизведения потомства). Тогда мы видим этносы неагрессивные, вполне довольные жизнью. Таковы, например, современные исландцы, бедуины Саудовской Аравии или манси. Но если в такой популяции вдруг появляется известное количество пассионариев, то картина поведе-

ния этноса меняется. Поскольку есть избыток энергии — люди поневоле должны на что-то этот избыток тратить. Вот тут и начинается новый этногенез, появляются на свет Божий различные социальные идеалы, то бишь иллюзии, — комфорта, знаний, справедливости, победы и т.п.

Стремясь к своему идеалу, люди пассионарные часто жертвуют своей жизнью ради других людей, но самое главное — они попутно, ради достижения своих практических целей, перестраивают саму этническую систему, меняют ее стереотипы поведения и цели развития. А когда все инициативные фигуры и их энергичные потомки оказываются перебитыми в войнах и стычках, все возвращается на круги своя, и мы вновь видим народ трудолюбивый, спокойный, вполне довольный жизнью. Но вспомним: те же исландцы — потомки грозных "пленителей морей", викингов; предки бедуинов Саудовской Аравии когда-то создали могучий Арабский халифат. И даже безобидные современные манси происходят от свирепых воинов Аттилы, разрушивших Римскую империю.

При прочих равных условиях от момента пассионарного толчка (появления первых пассионариев в спокойной популяции) до возвращения в новое состояние равновесия — гомеостаз — проходит около 1200-1500 лет. В течение столь долгого времени пассионарное наполнение этноса не остается стабильным. Вначале пассионарность устойчиво растет — это фаза пассионарного подъема, когда структура этнической системы постоянно усложняется, из разрозненных субэтносов (сословий) возникает единый новый этнос. Затем пассионарность достигает максимальных значений, и наступает акматичсская фаза этногенеза. Именно в этой фазе создается единый этнический мир — суперэтнос, состоящий из отдельных, близких друг к Другу по поведению и культуре этносов. Вся последующая этническая история связана с обратным процессом — разрушением создавшегося суперэтноса вследствие спада пассионарности. Резкий спад пассионарности (фаза надлома) наступает вслед за "перегревом" акматической фазы и не несет ничего хорошего.

Энергичных пассионарных людей с каждым поколением становится все меньше и меньше, но увы, социальная система, созданная людьми, не успевает за этими переменами. Она всегда гораздо более инерционна и менее пластична, нежели природная среда. И если предки когда-то создали государство и экономику в расчете на множество пассионариев акматической фазы, то теперь в надломе приходится все постоянно перестраивать, приспосабливая к ухудшающимся условиям. Коль скоро этот процесс закончится благополучно, этнос имеет шанс дожить до следующей фазы этногенеза — инерционной. В ней пассионарность убывает медленно и плавно, а люди живут "без заморочек", но зато наслаждают-

ся благами материальными и культурными. Однако когда пассионарность падает еще ниже — приходит деструктивная фаза обскурации, обманчивое благополучие гибнет от рук собственных субпассионариев, этнос исчезает, а отдельные люди либо инкорпорируются в новые этносы, либо остаются в виде этнических реликтов — осколков когда-то бушевавших страстей.

Но самые тяжелые моменты в жизни этноса (а значит, и в жизни людей, его составляющих) — это смены фаз этногенеза, так называемые фазовые переходы. Фазовый переход всегда является глубоким кризисом, вызванным не только резкими изменениями уровня пассионарности, но и необходимостью психологической ломки стереотипов поведения ради приспособления к новой фазе.

Перечисленные фазы этногенеза и фазовые переходы проходит любой этнос, хотя и по-разному. Кроме того, любой процесс этногенеза может быть насильственно оборван извне — в результате массовой гибели людей при агрессии иноплеменников или эпидемии вроде чумы или СПИДа.

Изменения пассионарности в ходе этногенеза создают исторические события. Таким образом, история идет не вообще, а именно в конкретных этносах и суперэтносах, каждый из которых обладает своим запасом пассионарности, своим стереотипом поведения, собственной системой ценностей — этнической доминантой. И поэтому говорить об истории всего человечества не имеет смысла. Так называемая всеобщая история есть лишь механическая совокупность знаний об истории различных суперэтносов, так как с этнической точки зрения никакой феноменологической общности историческое человечество не представляет. Поэтому и все разговоры о "приоритете общечеловеческих ценностей" наивны, но небезобидны. Реально для торжества общечеловеческих ценностей необходимо слияние всего человечества в один-единственный гиперэтнос. Однако до тех пор, пока сохраняются разности уровней пассионарного напряжения в уже имеющихся суперэтносах, пока существуют различные ландшафты Земли, требующие специфического приспособления в каждом отдельном случае, — такое слияние мало вероятно и торжество общечеловеческих ценностей, к счастью, будет лишь очередной утопией. Но даже если представить себе гипотетическое слияние человечества в один гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют отнюдь не "общечеловеческие ценности", а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса.

Причина здесь проста. Суперэтнические системы ценностей, как правило, взаимоисключающи и, уж во всяком случае, плохо совместимы между собой. Такая несовместимость вполне оправданна и отвеча-

ет функциональной роли суперэтнических доминант. Ведь именно они служат индикаторами принадлежности отдельного человека и этноса к "своему" суперэтносу. Доминанты как бы блокируют слияние суперэтносов между собой. Например, можно найти много общего в теологии христианства, ислама и даже буддизма. Этого общего и раньше находили достаточно. Однако историческая практика свидетельствует, что все ранее предпринимавшиеся попытки искусственно создать на основе этого общего не то что общечеловеческую, а просто межсуперэтническую систему ценностей неизменно заканчивались крахом и приводили только к дополнительному кровопролитию. Иначе говоря, хоть и считают мусульмане Азербайджана Евангелие наряду с Кораном святой книгой (Инджиль), а Иисуса Христа — пророком Исой, но к примирению с армянами-христианами сие не приводит и привести не может принципиально.

Таким образом, соединение двух суперэтносов как таковых невозможно, но остается возможным отрыв отдельных этносов и присоединение их к другому суперэтносу. Вхождение России в "семью цивилизованных народов Европы" как раз и является одним из проигрываемых сегодня вариантов присоединения страны к новой суперэтнической системе. Но было бы величайшим заблуждением думать, что итогом строительства "общеевропейского дома" станет обоюдное торжество общечеловеческих ценностей.

Вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от своей собственной этнической доминанты и замену ее на господствующую систему ценностей нового суперэтноса. Вряд ли в нашем случае произойдет иначе. Ценой входа в цивилизацию станет для нас господство западноевропейских норм поведения и психологии. И легче ли окажется оттого, что эта суперэтническая система ценностей неправомерно наречена "общечеловеческой"? С той же степенью обоснованности могла бы фигурировать в качестве общечеловеческой православно-христианская, исламская или конфуцианская система взглядов и оценок.

Но что же, спросит недовольный читатель, от нас-то, выходит, и вовсе ничего не зависит? Поспешим успокоить читателя. Речь вовсе не идет о факте влияния человека на историю. Было бы смешно отрицать, что людские замыслы и дела рук человеческих влияют на историю, и подчас очень сильно, создавая непредвиденные нарушения — зигзаги — в ходе исторических процессов. Но мера влияния человека на историю вовсе не так велика, как принято думать, ибо на популяционном уровне история регулируется не социальными импульсами сознания, а биосферными импульсами пассионарности.

Образно говоря, мы можем, подобно резвящимся глупым детям, переводить стрелки на часах истории, но возможности заводить эти часы мы лишены. У нас роль самонадеянных детей исполняют политики. Они по своему почину переводят стрелки с 3 часов дня на 12 часов ночи, а потом страшно удивляются: "Почему же ночь не наступила и отчего трудящиеся спать не ложатся?" За ответом на последний вопрос обращаются к тем самым академикам, которые научно обосновали необходимость перевода стрелок. Таким образом, те, кто принимает решения, совершенно не учитывают натуральный характер процессов, идущих в этнической сфере. И, зная пассионарную теорию этногенеза, удивляешься отнюдь не тому, что в стране "все плохо". Удивляешься тому, что мы все еще существуем.

Чтобы авторский пессимизм не выглядел голословным утверждением, достаточно произвести простой подсчет. Пассионарный толчок нашего суперэтноса, который раньше назывался Российской империей, затем Советским Союзом, а теперь, видимо, будет именоваться Союзом суверенных государств, произошел на рубеже XIII в. Следовательно, сейчас наш возраст — около 800 лет. Общая модель этногенеза свидетельствует, что на этот возраст падает один из наиболее тяжелых моментов в жизни суперэтноса — фазовый переход от надлома к инерции. Так что переживаемый нами кризис вполне закономерен и происходящие события в целом не противоречат такой интерпретации. Надлом в российском суперэтносе впервые обозначился после Отечественной войны 1812 г. Поскольку общая продолжительность фазы надлома около 200 лет, становится понятным, что так называемый советский период нашей истории является наиболее тяжелой, финальной частью фазы надлома, в которой былое единство суперэтноса исчезает и сменяется кровавыми эксцессами гражданской войны. Следовательно, горбачевская перестройка в действительности представляет собой попытку перехода к новой фазе развития — инерционной. Перестройку часто называют последним шансом, но в этническом контексте ее правильнее было бы назвать единственным шансом на дальнейшую жизнь, ибо исторический опыт свидетельствует, что суперэтносы, не пережившие этот фазовый переход, просто прекращали свое существование как системы, элементы которых распадались и входили в состав других суперэтнических систем.

С учетом ретроспективы этнической истории ничего уникального в нашей ситуации нет. Конечно, если мы сравниваем себя с современными западноевропейцами или американцами, то сравнение не в нашу пользу: мы огорчаемся, и совершенно напрасно. Сравнение имеет смысл лишь для равных возрастов этноса. Европейцы старше нас на 500 лет, и то, что переживаем мы сегодня, Западная Европа переживала в конце XV — начале XVI в.

Мы почему-то легко забываем, что благосостояние, гражданский мир, уважение к правам ближнего, характерные для современной Европы, являются результатом очень длительного и не менее мучительного, чем наше, исторического развития. Тихая и спокойная Франция при Миттеране, для которой террористический акт — событие, в XV в., точно так же как Россия в XX, полыхала в огне гражданской войны, только сражались в ней не белые и красные, а сторонники герцога Орлеанского и герцога Бургундского. Повешенные на деревьях люди расценивались тогда французами как привычный элемент родного пейзажа.

И потому как бы мы ни стремились сегодня копировать Европу, мы не сможем достичь их благосостояния и их нравов, потому что наш уровень пассионарности, наши императивы предполагают совсем иное поведение. Но даже с учетом отмеченного возрастного различия суперэтносов было бы неверно утверждать, будто распад страны есть только и исключительно следствие фазы надлома. Да, падение пассионарности в фазе надлома и даже в инерционной фазе в принципе всегда увеличивает стремление провинций к самостоятельности, и это вполне естественно. Ведь признак пассионарности в ходе этногенеза как бы дрейфует по территории страны от центра к окраинам. В итоге к финальным фазам этногенеза пассионарность окраин этнического ареала всегда выше, чем пассионарность исторического центра. Схема процесса очень проста: люди энергичные, стремясь избавиться от пристального внимания начальства и обрести побольше простора для деятельности, покидают столицы и едут осваивать новые земли. А затем начинается обратный процесс — их дети и внуки, сделав карьеру "на местах", едут в Москву или Петербург хватать фортуну за волосы. Таким образом, в центре власть оказывается в руках тех же провинциалов. Много ли среди политических лидеров последних лет коренных москвичей или петербуржцев? Н.И. Рыжков и Б.Н. Ельцин — уральцы, А.А. Собчак и Е.К. Лигачев — сибиряки, М.С. Горбачев и Е.К. Полозков — выходцы с Северного Кавказа и т.д. Мы намеренно упоминаем политиков с диаметрально противоположными программами, ибо суть не в лозунгах.

Разумеется, если провинции чувствуют свою силу, они не склонны слушать центральную власть. Так, в античном Риме на рубеже I в. н.э. провинциалы тоже стали единственной реальной опорой трона. Провинция наполняла легионы, давая империи защиту, провинция платила налоги, обеспечивая процветание Рима, который преимущественно потреблял. Но император Август, в отличие от М.С. Горбачева, понимал, что коль скоро провинции стали опорой его могущества, то расширять права провинциалов необходимо, но нельзя делать это в ущерб целостности государства. Август последовательно защищал провинции от произвола своей

собственной центральной бюрократии, на деле считался с мнением местных властей, всячески стремился компенсировать собираемые большие налоги установлением законности и поддержанием твердого экономического и правового порядка. Именно таким образом он обеспечил империи процветание, а себе — 44-летнее правление. Конечно, сепаратистские эксцессы случались и при Августе, но носили они локальный характер и, как правило, легко ли, тяжело ли — улаживались.

У нас же центр со времен Ленина и до самого последнего времени руководствовался не национальными интересами страны, а человеконенавистнической коммунистической идеологией. Красная Москва перекраивала в соответствии с директивами ЦК образ жизни всех без исключения народов, подгоняя его под вымышленную вождями социальную схему. Реализуя политические утопии, власть насильственно перемещала ингушей и прибалтов — в Сибирь, а корейцев и калмыков — в Казахстан. Реализуя утопии экономические, та же большевистская власть переместила русских и украинцев по оргнабору в Прибалтику.

Да, налоги с провинций собирали твердо — за этим следили и Минфин, и Госплан, а вот решать местные проблемы кремлевские старцы чаще всего предоставляли "краям, областям, автономным и союзным республикам". Стоит ли удивляться тому, что окраины, как только появилась возможность, захотели избавиться от такой опеки центра? А ведь еще в 1986-1989 гг. даже наиболее радикально настроенные литовцы ограничивали свои требования предоставлением большей хозяйственной и политической самостоятельности. Иначе говоря, они были не прочь остаться в перестроенном Союзе Горбачева, если им дадут устроить свою жизнь так, как им нравится. И если бы возможность быть самими собой, жить по-своему была предоставлена всем — литовцам и чеченам, русским и узбекам, азербайджанцам и армянам, гагаузам и молдаванам — именно тогда, то наверняка не было бы сегодня десятка суверенных государств, не было бы прямой гражданской войны на Кавказе, не было бы гражданского противостояния в Прибалтике и Молдавии. Но центральное правительство продолжило безответственную интернациональную "политику социалистического выбора" и в результате не только не смогло удержать окраины, но и Москву потеряло окончательно.

Таким образом, "парад суверенитетов" не был запрограммирован в ходе этногенеза. Его вполне можно было бы избежать, если бы не проводимая коммунистическим правительством "линия партии". Она вполне сознательно игнорировала сам факт существования в стране разных этносов со своими традициями и стереотипами поведения и тем самым провоцировала эти народы к отделению.

Сегодня процесс распада, по-видимому, стал необратимым, и сделанного не вернуть. К сожалению, на окраинах дезинтеграция стала усугубляться и еще одним обстоятельством. Местными национальными движениями политика коммунистов воспринимается как русская национальная политика. Такая аберрация рождает величайшее заблуждение, ибо русские с октября 1917 г. точно так же были лишены возможности проводить свою национальную политику, как и все другие народы. Но даже в теоретическом смысле отождествление русских с коммунистами неправомочно. Коммунисты изначально представляли собой специфический маргинальный субэтнос, комплектуемый выходцами из самых разных этносов. Роднило их всех не происхождение, а негативное, жизнеотрицающее мироощущение людей, сознательно порвавших всякие связи со своим народом. (Такие структуры известны в этнической истории со времен античности, их принято называть антисистемами.) Вспомним знаменитое определение Л.Д. Троцкого — "кочевники революции" и вполне искреннее высказывание идейного доносчика и человекоубийцы Л.З. Мехлиса: "Я не еврей, я коммунист". Вряд ли найдутся эмоциональные, а уж тем более научные основания считать русским В.И. Ленина, поляком — Ф.Э, Дзержинского, а тофаларом — К.У. Черненко. Нам кажется одинаково неправомочным возлагать на русских ответственность за ленинскую национальную политику, а на латышей — ответственность за террор "красных стрелков" в отношении семей русских офицеров.

К сожалению, происшедшая подмена "коммунисты — русские" опасна в первую очередь тем, что она сильно сужает и без того малые возможности союза России с суверенными государствами. Но в одном можно быть уверенным "на все сто": если национальная политика России вновь будет партийной политикой, если эта политика вновь поставит своей целью построение очередной утопии — за развалом Союза последует развал России, а Б.Н. Ельцин вполне сможет превратиться в президента Московской области. Будем надеяться, что российское правительство сможет увидеть очевидное и сумеет считаться с реальностью. А уж на все остальное — воля Божья.

1992 г.

Л.Н. Гумилев

"МЫ АБСОЛЮТНО САМОБЫТНЫ"

Со Львом Николаевичем Гумилевым я (корреспондент газеты — Владимир Лысов) встречался пять или шесть раз в августе — сентябре прошлого (1991) года. Разговор шел о русской истории. В сущности, мы не столько беседовали, сколько я слушал: о знаменитой теории этногенеза, о давних и не столь отдаленных событиях. В июне в Москве неожиданно настигло сообщение о смерти Льва Николаевича. А ведь незадолго до этого звонил ему по телефону, и он жаловался, что почти не встает с постели, болеет. Теперь жалею: почему подробно не расспросил его о ныне происходящих событиях, ситуации, которую мы переживаем сегодня? Но, все-таки, было в наших беседах кое-что и об этом. Надеюсь, и читателю будет небезынтересно знать, что думал о сегодняшнем дне большой русский ученый.

— Лев Николаевич, Ваша теория этногенеза подробно изложена в книге " Этногенез и биосфера Земли". Но дело в том, что книгу эту не так-то просто купить, поэтому о теории больше слухов и пересудов, чем истины: ну, возникает и развивается этнос, народ, затем начинается тенденция к упадку, народ исчезает, на его месте появляется новый, другой... А точнее? Период существования этноса, Вы утверждаете, равен примерно полутора тысячам лет. Так?

— Или меньше того... Возраст человека нормальный, будем считать, что около 80 лет. Но человек может заболеть, погибнуть. Меньше можно. А больше — маловероятно.

— То есть, в жизни этноса, народа, нации случайность, видимо, играет ту же роль, что в жизни отдельного человека?

— Случайности постоянно возникают, компенсируются, как плюс на минус, и исчезают. Хотя, конечно, ими не следует пренебрегать и в исторической науке.

— Существуют определенные фазы этногенеза: развития и постепенного затухания. Какое место на этой графической кривой Вы отводите нынешней России?

— Россия возникла в XIII веке, в середине его. Прожили мы 700 лет. Так что нам предстоит еще примерно столько же при благоприятных условиях. Мы сейчас переживаем ту же самую фазу надлома, которая была в Европе в XY-XVI веках. Пережили Возрождение, оно кончилось. Теперь переживаем Реформацию.

В XVI веке по всей Германии шли "ведьмовские" процессы. Жгли красивых женщин. Так много, что мужчины вступились и стали ловить самих инквизиторов. Инквизиторы сожгли огромное количество умных женщин в северной Франции и западной Германии. Жгли и протестанты, и католики. В результате французы и немцы получили поколение обывателей, бездарных, ничем не примечательных, но работящих...

Ну, а мы на пятьсот лет моложе. То есть, мы переживаем сейчас примерно тот же этногенетический период. Так что судите сами.

— С точки зрения историка, который владеет широким историческим материалом, множеством фактов, наша многонациональная Россия — пример единственный?

— У монголов было больше народов, чем у нас. Это было слишком пестрое население, и оно в конце концов распалось. Монгольская пассионарность проявилась в XI веке, в XII веке поднялась до перегрева, до акматической фазы, и затем, к 1370 году, монголы потеряли свои позиции и в Китае, и в Иране, и в Средней Азии. Да и у нас фактически тоже. Они начали переходить на русскую территорию и смешиваться с русскими. Чем это все кончилось? Потерей пассионарности. По существу, монголы стали жертвой завоеванных ими народов, на Востоке — китайцев, на Западе — мусульман.

— Как складывалась Россия? Давайте вспомним. Чаще всего Россия не приказывала, не покоряла, не склоняла, привлекала к себе. Не так ли?

— В России были очень гуманные законы, и там можно было легко и свободно жить, вот почему имело смысл войти в состав России.

Например, украинцы платили полякам небольшие налоги, но восстали против них, потому что никакого продвижения украинским казакам в Польше не было. Стать полковником — очень трудно, есаулом — более или менее, а обычный предел — сотник. Когда же украинцы подчинились Москве в XYII веке на Переславской Раде, они получили как единоверцы все права. Они стали генералами, канцлерами — Безбородко, например, который хорошо говорил по-французски и по-латыни, плохо — по-русски. Мужем царицы был украинский певчий Разумовский. Украинцы и русские были уравнены в правах. И поэтому украинцы предпочли эти возможности тем небольшим налогам, которые они платили в Польше, но где находились в пренебрежении.

Казахи добровольно подчинились правительствам Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны в несколько приемов. Грузины просили чтобы их приняли в состав России еще при Борисе Годунове. Россия не принимала, не хотела иметь лишнего фронта, лишней обузы. Но Павел Первый все-

таки согласился. Создали Закавказскую армию и стали защищать грузин от черкесов, чеченов, лезгинов, турок и персов. Результат: при царице Тамаре в ХП веке сильная, пассионарная Грузия имела 4 миллиона населения. Ко времени последнего грузинского царя Георгия ХШ их осталось 800 тысяч человек, был отрицательный прирост. А за сто лет подчинения России стало опять 4 миллиона.

Большая часть народов примкнула к России добровольно. Казаки и грузины, казахи и буряты. Украинцы гордились Переславской Радой. Они присягали Алексею Михайловичу, звали его царем.

— Нынешние национальные конфликты — как, на ваш взгляд, они связаны с возрастными особенностями этносов? Нынешнее расползание России на отдельные республики, суверенитеты — как Вы его оцениваете?

— Ослабление пассинарного напряжения в результате гражданской войны, эмиграции, сталинские казни — они не могли не сказаться. Ведущий русский этнос стал не в силах осуществлять свое преобладание. Так же, как в 1917 году, все произошло не оттого, что образовалась могучая сила большевиков, которая ниспровергла монархию, — монархия сама распалась.

— Как же теперь жить?

— Для того чтобы жить в единой целостности, нужно относиться прежде всего с уважением к тем народам, которых вы включаете в свою систему. Требовать от них можно, но умеренно, столько, сколько они могут дать. Не мешать им жить по-своему, уважать их традиции.

— И национальная политика большевиков тоже, видимо, сыграла свою роль?

— Скажите, пожалуйста, для чего мы всеми силами старались, чтобы туркестанские женщины ходили без паранджи? Чем нам эта паранджа мешала? Они, коммунисты, хотели, чтобы эти женщины были как наши комсомолки — в коротких юбках и с открытыми лицами. Но для них это неприлично! В конечном счете это стимулировало басмаческое движение.

— В какой степени образцом для нас может служить исторический опыт, традиции Запада, который старше нас, по вашей теории, на пять веков? В какой мере мы самобытны?

— Мы абсолютно самобытны. Сравнивать этносы можно, но только когда вы сравниваете "а" с "а", "в" с "в" и так далее. Но сравнивать "а" в восемнадцатой степени с "в-прим" бессмысленно.

Моя студентка как-то спросила: "Но все-таки мы отстали от Запада?.." Я ей говорю: "А Вы, моя дорогая, отстали от меня. Я профессор, я читаю

лекцию, вы ее записываете, чего я не требую, кстати сказать; я требую, чтобы Вы понимали, а Вы записываете, зря, но это Ваше дело. Я получаю большую зарплату — Вы маленькую стипендию. Но, с другой стороны, Вы можете пойти в турпоход, Вы можете заниматься физкультурой, а я уже не могу. Так кто от кого отстал? Имеет смысл сравнивать меня, когда мне было 2О лет, с Вами 20-летней. Не 60-летнего с Вами теперешней".

— Ваша теория — может она иметь практическое, прикладное значение? Предвидеть, прогнозировать...

— Большой для меня вопрос. Теорией интересуются, изучают, даже изучают всерьез. Но все равно в восприятии иных людей остается налет некоторой экзотики. А она должна иметь практическое значение. Наука на 90 примерно процентов — познание истины, лишь 10 процентов достижений ученых дают практический выход, результат. Но эти 10 процентов с лихвой окупают затраты на все фундаментальные исследования, вот ведь в чем дело.

К примеру, мы никогда не научимся управлять циклонами, землетрясениями, не сможем предотвратить цунами. Но это не значит, что нам не нужны метеорологические, сейсмические службы. Не можем предотвратить — но можем вовремя предупредить людей об опасности, чтобы свести к минимуму разрушительное воздействие стихий. В этом смысле моя теория ждет активного продолжения и продолжателей.

1992 г.

Л.Н. Гумилев

"СКАЖУ ВАМ ПО СЕКРЕТУ, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава"

Вопрос: Приходилось слышать, что Ваш, Лев Николаевич, интерес к евразийству проявился очень рано. Не могли бы Вы рассказать, как открыли для себя евразийство?

— Когда я был молод, точнее, когда я еще только поступил на первый курс исторического факультета Ленинградского университета, меня уже тогда интересовала история Центральной Азии. Со мной согласился поговорить "заслуженный деятель киргизской науки" Александр Натанович Бернштам, который начал разговор с предостережений, сказав, что самое вредное учение по этому вопросу сформулировано "евразийством", теоретиками белоэмигрантского направления, которые говорят, будто настоящие евразийцы, то есть кочевники, отличались двумя качествами — военной храбростью и безусловной верностью. И на этих принципах, то есть на принципе своего геройства и принципе личной преданности они создавали великие монархии. Я ответил, что мне это, как ни странно, очень нравится и мне кажется, что это сказано очень умно и дельно. В ответ я услышал: "У вас мозги набекрень. Очевидно, вы — такой же, как и они". Сказав так, он пошел писать на меня донос. Вот с этого и началось мое знакомство с евразийством и с научным работником Бернштамом... А в 1938 году, когда я учился на четвертом курсе и был арестован в третий раз (всего же меня арестовывали четырежды), в Крестах, в душной тесноте под нарами (я спал на голом асфальтовом полу), мне пришла в голову замечательная идея...

Да, это было в Крестах. Меня отвезли на Беломорканал на лесоповал, а потом вернули, потому что приговор был отменен за мягкостью, то есть меня должны были расстрелять. Я с удовольствием поехал, потому что Кресты казались мне после лагеря Беломорканала вообще обетованной землей. Там можно было залезть под лавку и лежать. И у меня возникла мысль о мотивации человеческих поступков в истории.

Почему Александр Македонский шел в Индию и в Среднюю Азию, хотя явно там удержаться не мог, и ограбить эти земли не мог, не мог доставить награбленное обратно к себе в Македонию — почта тогда работала очень плохо. И вдруг мне пришло в голову, что его что-то толкало, что-то такое, что было внутри его. Я назвал это "пассионарность".

Я выскочил из-под лавки, пробежал по камере. Вижу: на меня смотрят как на сумасшедшего, и залез обратно. Так мне открылось, что у человека есть особый импульс, называемый пассионарностью, который я описал до-

статочно подробно в своей книге. Это не просто стремление к достатку и прямой выгоде, а стремление к иллюзорным ценностям: власти, славе, алчности, стремление к накоплению богатств, стремление к знанию, стремление к искусствам. Когда я был арестован во второй раз за маму после постановления о "Звезде" и "Ленинграде" и сидел в Лефортовской тюрьме в Москве, прочел там среди книг, которые нам давали, книжку Тимирязева о фотосинтезе. А потом увидел свет солнца на полу камеры и понял, что пассионарность — это та избыточная энергия, не солнечная, а неизвестно какая, которая адаптируется человеком, и затем он не может ее не выдать в виде работы. Так, если вы наливаете в стакан воду, то когда-нибудь вы его перельете, и она растечется.

Если человек обладает возможностью и способом, который позволяет ему накопить эту пассионарность, она выходит в виде социальной или мыслительной деятельности. Но что это за энергия, я не знал и узнал только в 1965 году, когда прочел книжку Вернадского "Химическое строение биосферы земли и ее окружения". Оказывается, Вернадский обнаружил эту энергию саранчи, которая является кузнечиком, сошедшим с ума и почему-то летящим. Ее что-то толкает, так же, подумал я, как толкает Александра Македонского или Люция Корнелия Суллу на совершенно бессмысленные и очень трудные завоевания, которые не приносят пользы и не могут ее принести. Он делает это не из расчета, а из внутреннего желания. Это то же самое, что толкало Жанну д'Арк на освобождение Франции от англичан или Гуса на освобождение Церкви от католических извращений, введенных папизмом, а именно индульгенций и безграмотных священников, что имело место в том страшном XIV веке. И он, и она заплатили за это сожжением на костре, настолько сильная у них была внутренняя энергия. Все это я подробно изложил начиная с 1973 года, когда мне исполнилось 70 лет, в своей книжке "Этногенез и биосфера Земли".

Вопрос: Считаете ли Вы себя преемником евразийской школы в исторической науке? Правильно ли Вас называют иногда "последним евразийцем"?

— Когда меня называют евразийцем, я не отказываюсь от этого имени по нескольким причинам. Во-первых, это была мощная историческая школа, и если меня причисляют к ней, то это делает мне честь. Во-вторых, я внимательно изучал труды этих людей. В-третьих, я действительно согласен с основными историко-методологическими выводами евразийцев. Но есть и существенные расхождения: в теории этногенеза у них отсутствует понятие "пассионарность". Вообще им очень не хватало естествознания. При том, что евразийская доктрина замышлялась как синтез гуманитарной науки и естествознания, синтез истории и географии. Уже при первом знакомстве с теориями евразийцев у меня возникло сомнение: правильный ли они избрали путь — сопоставление вмещающих ландшафтов и истории населяющих их этносов. Основной принцип, найденный

Петром Николаевичем Савицким, видным русским географом, верен: границы России-Евразии, отделяющие этот внутренний континент от Западной Европы, проходят по изотерме января. На восток она отрицательна, что имеет следствием сильные и продолжительные морозы, а на запад она положительна — оттепели.

Другой общеметодологический принцип евразийского учения, а именно принцип полицентризма, я усвоил самостоятельно, размышляя над вопросами, которые волновали и евразийских теоретиков. Первой прочитанной мною евразийской книгой было историческое исследование Хара-Давана о Чингисхане (Э. Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие: культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV веков. Белград, 1929). Позже я прочел в Публичной библиотеке книгу Толля о скифах (Н.П. Толль. Скифы и гунны, Прага, 1927), но ни Савицкого, ни Георгия Вернадского, ни евразийских сборников в библиотеках в те сталинские времена, конечно, не было. Правда, в экземпляре книги Толля, который мне попался, было приложение — статья Савицкого "О задачах кочевниковедения: Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?..". Поэтому я вынужден был соображать сам и доходить до многого, так сказать, своим умом. Впоследствии, когда эмигрантская литература стала более доступной, я прочитал работы князя Н.С. Трубецкого и убедился, что задолго до открытия системологии, авторство которой приписали американскому биологу Л. Берталанфи, он использовал ее постулаты в своей практике как лингвист, этнограф и философ. Особенно важны две его работы: "К проблеме русского самопознания" и "Об истинном и ложном национализме", в которых он подвергает критике укоренившийся в нашем сознании "европоцентризм". Евразийский полицентризм предполагает, что таких центров много. Европа — центр мира, но и Палестина — центр мира. Иберия и Китай — то же самое, и т.д. Центров много, число их можно подсчитать по сходству ландшафтов.

Вопрос: Существует версия, что Вы познакомились с Савицким в мордовском лагере, где он и проповедовал Вам свое учение. Когда Вы на самом деле познакомились с ним и были ли знакомы еще с кем-либо из видных евразийцев?

— Это миф, я познакомился с Савицким Петром Николаевичем много позже. В 1956 году, вернувшись в Ленинград, я некоторое время работал в Государственном Эрмитаже. Однажды я разговорился с часто захаживавшим в нашу библиотеку профессором Гуковским Матвеем Александровичем. Вот он-то и сидел в Мордовии вместе с Савицким. Когда он сказал мне, что они расстались друзьями и что у него есть адрес Савицкого, я попросил написать ему в следующем письме, что хотел бы вступить с ним в переписку. Десять лет мы переписывались, а когда я приехал в Прагу на археологический конгресс в 1966 году, он встретил меня на вокзале. Мы несколько раз встречались, долго гуляли, он рассказывал о пережитом...

Вопрос: Каким Вы видите будущее евразийства, есть ли у него перспективы и что наиболее актуально и ценно в нем сейчас?

— Прежде всего, надо отказаться от таких аберраций массового сознания, как европоцентризм. Считаю, что самое ценное — это то, что мы наконец-то можем разобраться в истории человечества, рассматривая последнее не как единое целое с единственным центром в Европе, а как мозаичную целостность, вид, разбитый на разные ландшафты.

В этой связи многократно усиливается роль географии. Благодаря евразийству и той солидной исторической подготовке, которой обладали евразийские теоретики, ныне можно объединить такие науки, как история, география и природоведение. И в этом я вижу главное научное достижение, а равно и главную научную перспективу евразийства. Что же касается политики, то я в этом деле специалист никакой и ничего в этом не понимаю, но я знаю одну простую вещь, что если вы оскорбляете людей обидчивых, то они на вас рано или поздно очень обидятся и вам этого не простят...

Вопрос: Были ли Вы знакомы с Вернадскими, отцом и сыном?

— С Владимиром Ивановичем Вернадским я не был знаком, я как-то все больше по тюрьмам сидел в то время... С Георгием Владимировичем Вернадским я также не был лично знаком, но мы с ним переписывались.

Вопрос: А каково было место в евразийстве монархической идеи, на Ваш взгляд?

— Возьмите работы князя Трубецкого и посмотрите: довольно слабое место они отводили в общественном устройстве России монархическому принципу. Петра Первого Трубецкой ругает всеми словами, а монархическая идея — он считал — может быть, а может и не быть, он не хотел предрешать выбор народа. Самое главное — "не попасть к немцам на галеру", к европейцам то есть. Я с ним полностью согласен, это самое главное. Я не хочу быть у немцев на галерах. Это уже было у нас не однажды.

Евразийский тезис: надо искать не столько врагов — их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам надо искать искренних. Так вот, тюрки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами.

Вопрос: По поводу союзников — Вы не могли бы сейчас указать, кто они, нынешние союзники России?

— Ей-Богу, не могу, не сейчас. Я очень долго болел, у меня был инсульт, и я не знаю, что делается в мире. Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство.

1992 г.

Раздел III

ТЕОРИЯ НЕОЕВРАЗИЙСТВА

А. Г. Дугин

ЕВРАЗИЙСКИЙ ТРИУМФ (эссе о Петре Николаевиче Савицком)

Понять не понимаемое умом...

Панорама русской мысли, русской культуры в целом отличается главным и фундаментальным качеством — парадоксальностью. Эта парадоксальность сопряжена с отсутствием законченной и полной концептуальной картины, изложенной в спектре рациональных дискурсов. Грани русских теорий и учений всегда размыты... Основные вектора мысли перемешены и заслонены множеством случайных и необязательных замечаний, отступлений, деталей, импрессий. Русская мысль — даже научная или политическая — всегда литературна.

Это ведет к тому, что строго разметить пространство русского интеллектуализма на основании собственных, имманентных русской культуре, критериев практически невозможно. Складывается странная картина полемики или исторических споров, в которых сплошь и рядом ставятся совершенно невозможные в западной культуре вопросы (например, существовала ли русская литература до Ломоносова? Есть ли такое явление как "русское богословие" или это лишь инерциальное воспроизведение поздневизантийских клише? и т.д.) Иными словами, под вопрос ставятся сплошь и рядом не частности, но сам факт существования того или иного явления, а это придает всему дискурсу несколько лунатичный характер, как будто кто-то силится проснуться ото сна, отличить фантомы сновидений от прорезающейся яви, восстановить картину прошлого, как оно было, а не как шепчут о нем неразвеявшиеся грезы, силится, но ... не может, снова срывается в полудрему.

Это обстоятельство вполне применимо ко всей русской культуре. В равной (а может, и в большей) степени применимо оно и к евразийству, особому и крайне интересному явлению в русской мысли. Это явление, на первый взгляд, размыто и неопределенно, противоречиво и парадоксально. Но вместе с тем, оно исключительно тем, что не просто представляет собой одну из разновидностей русской мысли, а пытается концептуа-

лизировать саму специфику этой мысли, дать самый общий контур того. что является основной и главной чертой "русского субъекта", понятого в самом широком смысле — как народ, государство, религиозный тип, геополитический организм, конкретная национальная личность. Евразийство пытается не просто мыслить в полусне, как все русские, но стремится концептуализировать это состояние, предлагает систему, учитывающую всю серию парадоксов, которая составляет характерную атмосферу национального мировоззрения в его общем виде.

Уже постановка такой задачи делает евразийство уникальным и беспрецедентным явлением в русской истории. Ведь речь идет о систематизации того, что, по выражению Фета, "нельзя понять умом".

В евразийстве мы сталкиваемся с двойной степенью неопределенности — неопределенностью, свойственной самой русской мысли, и попыткой широкой систематизации этой неопределенности в новую неопределенную, но обладающую своей собственной логикой, концепцию. Если принять во внимание еще обстоятельство, что в нашем положении мы также имеем дело с чрезвычайно запутанной идеологической ситуацией, в которой сосуществуют на равных основаниях взаимоисключающие друг друга философско-идеологические установки — как продукты духовного смятения нашей неясной эпохи, то выносить суждение о евразийстве и оценивать успех или неудачу этого начинания становится в высшей степени трудно.

Но мы, сознавая всю рискованость этого предприятия, все же попытаемся это сделать.

Петр Савицкий — идеолог Великой Евразии

Отцами-основателями евразийства могут считаться два человека Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938) и Петр Николаевич Савицкий (1895 — 1968). На определенном этапе к ним примыкали такие известные люди как Г.В. Вернадский, Г.В.Флоровский, П.М.Бицилли, А.В.Карташев, Н.Н.Алексеев и т.д. Евразийцами второго порядка могут быть названы П.П.Сувчинский, П.С. Арапов, П.Н. Малевский-Малевич, В.Н.Ильин (не путать с крайне правым монархистом И.А.Ильиным — злостным противником евразийства), Н.П.Рклицкий, В.П.Никитин, А.Я.Бромберг, кн. Д.Святополк-Мирский, М.В.Шахматов, И.В.Степанов и т.д.

Если первый интеллектуальный толчок движению дал основополагающий труд Н.Трубецкого "Европа и человечество", то главным идеологом евразийства, его вождем следует назвать именно Петра Савицкого. Конечно, евразийство было сугубо коллективным движением, в общей сложности на протяжении всей его истории оно объединяло вокруг себя множество людей — евразийские митинги и конференции собирали тысячи участников, а влияние их идей распространялось на широкие круги русской эмиграции и даже на значительные секторы спецов и попутчиков. оставшихся в Советской России и принявших советскую власть со значительными оговорками. Но все же в центре всего движения стоял один человек Петр Савицкий, именно он был душой евразийства, его бесспорным лидером, его лицом. Другие видные евразийцы — Н.С. Трубецкой, Г.В.Флоровский, Г.В.Вернадский, Л.П. Карсавин утвердились как авторитеты в какой-то конкретной области — Трубецкой как лингвист, Флоровский как богослов, Вернадский как историк, Карсавин как философ, а к евразийству они примыкали в качестве признанных авторитетов в иных сферах. Савицкий же — несмотря на профессиональную подготовку в географической науке, правоведении, теории международных отношений и т.д. — был собственно евразийцам по преимуществу, евразийцем номер 1, подобно тому как Ленин, являвшийся философом и публицистом, был,в первую очередь, большевиком, а потом уже всем остальным.

Петр Николаевич Савицкий родился на Черниговщине в дворянской семье. Позже в своих статьях он будет подчеркивать свое малороссийское происхождения в полемике с украинскими самостийниками, упрекавшими евразийцев в узко-великоросской идее.

Образование Савицкого было техническим. Он окончил Петроградский политехнический институт по специальности экономист-географ. Блестящее знание иностранных языков и компетентность в области международных отношений способствовали тому, что уже в ранней юности он занимает в Русской миссии в Норвегии должность секратаря-посланника.

Его политические взгляды изначально сформировались под влиянием партии кадетов, т.е. он был умеренным национально ориентированным либералом. Идеологи кадетов — П.Струве и знаменитый ученый В.И.Вернадский — были для него основными учителями. В полном соответствии с кадетской логикой Савицкий не принимает Октябрьской революции, и становится на сторону белых. Он участвует в правительстве Врангеля, где занимает важную должность — первого помощника-секретаря Петра Струве, министра иностранных дел в этом правительстве.

После поражения белых он оказывается в Галлиполе, а позже в Праге, традиционном пристанище для белой эмиграции. Здесь в Праге и начинается история евразийства.

Савицкий знакомится с трудами Трубецкого, а также с ним самим и предлагает ему учредить новое идеологическое движение на основании тех идей, которые Трубецкой наметил в своей книге.

Так появляется первый евразийский сборник "Исход к Востоку. предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев" (София, 1921). В нем в сжатой форме излагаются основные принципы нового движения, новизна и смелость которых потрясла все русскую интеллектуальную элиту того времени. На этот сборник откликнулись практически все крупные фигуры того времени — Струве, Бердяев, Милюков, Ильин, Краснов, Гиппиус и т.д. Отныне именно отношение к евразийцам и их тезисам будет отличительной чертой для самоопределения идеологической позиции русской эмиграции. Те, кто отнесутся сочувственно и положительно к их программе составят фракцию Третьего Пути (ни большевизма, ни царизма). Те, кто отвергнут ее, однозначно отождествятся с антикоммунистической консервативной или либеральной реакцией. "Исход к Востоку" — первая законченная и последовательная декларации русской Консервативной Революции, того парадоксального движения, которое было чрезвычайно популярно в эту эпоху в Европе и дало жизнь некоторым известным тоталитарным режимам.

В центре сборника стоят Савицкий и Трубецкой. Причем Савицкий формулирует основные принципы резче, яснее, дерзновеннее, чем его коллеги. В некотором смысле, это произведение Савицкого, его яркий, гениальный и до конца не понятый ни тогда, ни сейчас вклад в русскую культуру. в становление русского мировоззрения.

Евразийство захватило умы, и в результате инициатива получила свое развитие. В 1922 году последовал второй сборник — "На путях. Утверждение евразийцев". Позднее стали выходить отдельные номера "Евразийского временника", а в 1926 году программный документ "Евразийство. Опыт систематического изложения.", большая часть которого написана Савицким. Кроме того, спорадически появлялись выпуски "Евразийской хроники".

За всеми этими инициативами всегда ясно проступает личность Савицкого — он пишет большинство манифестов, определяет планы и темы изданий, редактирует материалы, организует симпозиумы и конференции. При этом надо учитывать. что все это происходит в тяжелейших моральных условиях, в эмиграции, при полной оторванности от горячо любимой, обожествляемой евразийцами России. А кроме того, двусмысленность евразийского Третьего Пути, его принципиальный и декларируемый разрыв и с правыми (рыночниками, царистами, консерваторами) и с левыми (большевиками), автоматически создает врагов в обоих секторах расколотого Революцией и Гражданской войной русского общества.

Савицкий является истинным вождем евразийства, уступая руководящие роли в официальных евразийских структурах Н.Трубецкому лишь по

соображениям старшинства. На самом деле, Трубецкой — чистый интеллектуал, не склонный к политическому активизму. В Вене, где Трубецкой жил, так никогда и не было создано полноценной евразийской ячейки, тогда как в Праге, Белграде и Софии Савицкому лично удалось создать многочисленные и прекрасно организованные структуры.

Один участник евразийского движения так описывал психологический портрет Савицкого: "Савицкий, конечно, лидер... Он является крестным отцом евразийской идеологии... Он хорошо и всесторонне образован. Кроме того, он в высшей степени одаренный человек, способный мыслить логически. Диалектически его способности развиты великолепно. Ко всем его интеллигентским дарованиям надо прибавить основной стержень — бешеное честолюбие, которое нельзя понимать вульгарно. Его привлекает не министерский портфель. Его идеал — Ленин, вождь и пророк масс..."

В середине 20-х годов евразийское движение входит в полосу затяжного кризиса. Намечается раскол между правой и левой версиями самого Третьего Пути. Это вполне логично — долго выдерживать напряжение этого новаторского, парадоксального синтеза, да еще при попытках придать ему идеолого-политическую нагруженность, невероятно трудно. Это драма всего евразийства и личная драма Савицкого, его главного идеолога.

В Париже в 1926 году начинает выходит газета "Евразия", в которой все яснее проявляется откровенная пробольшевистская направленность движения. С другой стороны, Пражский кружок, объединяющий отцов-основателей (в частности самого Савицкого, Алексеева, Карташова и т.д.), все более тяготеет к консервативным позициям. Дело усугубляет выход из движения Флоровского и Бицилли, которые не в силах выдержать новаторство и авангардность евразийской идеологии, выбирают социальную пассивность, отрекаются от мировоззренческой борьбы и углубляются в архивно-историческую работу, махнув рукой на бросаемый историей вызов.

Итак, евразийство раскалывается, а к середине 30-х годов практически затухает. Левые евразийцы фактически становятся послушными инструментами Москвы, отказываясь от изначальной оригинальности движения, а правые сосредотачивают свое внимание на узкоспециальных областях — истории, геополитике, экономике и т.д.

Сам Савицкий преподает в пражской гимназии вплоть до 1945 года, когда его арестовывают советские войска. За антисоветскую деятельность он получает 10 лет лагерей, где он пребывает вплоть до 1956 года. В заключении он знакомится с молодым талантливым историком — сыном гениального русского поэта и не менее гениальной поэтессы —

Львом Николаевичем Гумилевым. Гумилев становится прилежным учеником Савицкого, и позже именно он станет главным теоретиком и вдохновителем евразийского подхода в советской историографии. Позже они снова встретятся, но уже в Праге, на научном симпозиуме. Именно у Савицкого Гумилев заимствует все основные положения своей собственной теории этногенеза, именно Савицкий заражает его интересом к Евразии, Турану, культурным циклам и т.д. Без Савицкого Гумилева не было бы.. . Так даже мрачные условия ссылки становятся для не сломленного евразийского интеллектуала способом распространения своих идей. И история показала, что это дало свои результаты — несравненный успех воззрений Гумилева, невероятная популярность его книг и теорий в наше время. свидетельствуют о том, что, в конечном счете, главное дело жизни Савицкого не пропало даром — в евразийские исследования включились сотни русских историков. интеллектуалов, географов, даже часто не осознававших, что через Гумилева и его идеи они напрямую выходят к полноте евразийского мировоззрения, чреватого многими имплицитными выводами, которые сам Гумилев по вполне понятным причинам не делал.

В 1956 году Савицкого освобождают и даже реабилитируют. Он возвращается в Прагу к семье. В 1961 году он публикует в эмигрантской прессе под псевдонимом "Востоков" тексты, описывающие его пребывание в лагере, за что снова попадает в заключение. Только вмешательство известного философа Бертрана Рассела позволяет ему выйти на свободу.

Савицкий умер в 1968 году всеми забытый, никому не нужный, гонимый, усталый, с полным ощущением того, что все дело его жизни окончилось совершенным провалом.

Мы позволим себе опровергнуть это. Нет, именно он оказался прав, именно его дело имеет реальные шансы на великое будущее, именно его Россия, Россия-Евразия окажется финальной и триумфальной реальностью, которой суждено воплотить в себе все мистические, духовные, философские и религиозные поиски уникальной и загадочной русской души.

Tertium datur

Евразийство — мировоззрение, которое ставит своей целью объяснит все несуразности, трагические и страстные порывы русской истории в таком же парадоксальном ключе, подобрав к уникальной и парадоксальной стихии такую же уникальную и парадоксальную концепцию. Евразийцы отказываются становится на привычные позиции, признавать банальные клише во всех историко-философских, мировоззренческих, политических, правовых и религиозных вопросах, которые они затрагивают. Им

свойственен сугубо диалектический метод, напоминающий удивительную индусскую формулу. которая призвана описать высшую трансцендентную реальность Божества — "ни это, ни иное". Это запечатлено уже в самоназвании всего движения — евразийцы, сторонники России, понятой как Евразия.

Евразия — концепция парадоксальная. Это ни Европа, ни Азия. В такой перспективе сама проблема адекватной интерпретации России, ее истории, ее религиозности, ее этно-социальной и экономико-политической реальности может решаться только в рамках новаторского. авангардного подхода, отвергающего традиционно принятые в этой сфере нормативы. Западническая линия в русской интеллигенции рассматривала Россию как "отсталый сектор Запада", а следовательно, применяла сугубо западные романо-германские критерии к оценке основных вех ее истории. Европейские же историки вообще относили Россию к темным, азиатским, деспотически-авторитарным государствам.

Евразийцы вслед за славянофилами утверждали, что обе точки зрения на Россию (и как на "отсталую часть Европы" и как на "развивающуюся часть Азии") не достаточны, что Россия представляет собой самостоятельную категорию, особое "месторазвитие" (по терминологии Савицкого). Но в отличие от славянофилов евразийцы смотрели не в прошлое, а в будущее, не идеализировали старину (часто понятую довольно лубочно), но стремились выдвинуть проект творимой истории, не романтизировали крестьянскую общину и официальную триаду (православие, монархия, народность") , а разрабатывали теории жесткой идеократической власти, основанной на активной циркуляции элит.

Евразийцев называли поэтому "славянофильскими футуристами" или "православными большевиками". Еще точнее подходило к ним определение "консервативные революционеры".

"Ни это, ни иное", tertium datur — вот общая формула евразийского метода. Отсюда вытекает и их отношение к большинству важнейших вопросов. В политике это означало — "ни за белых, ни за красных" или "ни царизм, ни большевизм". В религии — "ни петербургское синодальное официозное православие, ни марксистский атеизм". В экономике — "ни социализм, ни капитализм". В философии — "ни абстрактный идеализм, ни грубый материализм". И так далее.

Повсюду и во всех вопросах это заветное евразийское tertium datur.

Более частный вопрос — отношение к Революции. Здесь евразийцы применяют все тот же принцип. Они рассматривают революцию как зло. Это естественно, если учесть общее для всех них белое прошлое и традиционное национал-патриотическое воспитание (а также дворянское про-

исхождение). Это отличает их от левых, сменовеховцев и самих большевиков. Но в то же время они рассматривают ее как зло неизбежное, совершенно не случайное, вытекающее из всей логики русской истории, а следовательно, чреватое — как кульминация болезни — новым выздоровлением, новым преображением, пробуждением.

Евразийцы считали, что большевики явились закономерным следствием всего петербургского периода, в котором доминировали западнические, светские, отчужденные тенденции, а православно-монархические и народнические лозунги лишь стыдливо прикрывали самодурство чиновничьей бюрократии и ориентированного на Европу дворянства. Особенно клеймили евразийцы элементы западного капиталистического хозяйствования, внедрявшиеся в Россию с середины XIX века и глубоко чуждые национальным традициям. Октябрьская революция положила конец петербургскому периоду — в крови и насилии, в экстатике бунта и неистовстве восстания, но отчужденная. светская, петровская почти "протестантская" Россия исчезла. После переходного периода евразийцы ожидали нового национального возрождения, перерождения марксизма в нечто иное, возврат на новом диалектическом уровне к высоким идеалам Православной Империи, под древним допетровским лозунгом — "За Веру и Правду!"

Евразийцы говорили о "новом строе" и "новом человеке", черты которых ясно различимы в коммунистических революционных преобразованиях, но как искажение, гротеск, экстравагантная пародия. Жесткость, модернизм, новые люди у власти, укрепление центральной власти, модернизация всех сторон жизни — все это евразийцы у большевиков приветствовали. Но в то же время они настаивали на духовной ориентации общества, доминации православной религиозности, жесткой иерархии, основанной на меритократии, мистическом, а отнюдь не экономическом понимании сути истории.

Из всего этого складывалось уникальное идейное образование, представляющее собой некий сверхрадикальный консерватизм с одной стороны, и логичный и авангардный модернизм с другой.

В общей логике своего парадоксалистского мышления евразийцы по новому посмотрели на этнически-расовый состав России. Ключом к пониманию специфики русского народа для них была. развитая Трубецким идея о синтетической периоде русских, состоящих из двух принципиальных компонентов — арийского славянства и туранских (тюркских) этносов. Из двух противоположных полюсов — арийского и туранского — родилось нечто третье, новый уникальный синтез, представляющий собой нечто особое, ни на что не похожее, оригинальное и мессиански выделенное.

Русские это не славяне и не тюрки, не арийцы и не азиаты. Они особая общность, наделенная великой миссией и глубоко своеобразной культурой, не подчиняющейся логике ни европейских, ни азиатских культурных интерпретаций.

Этой расовой диалектике точно соответствовала ландшафтный дуализм — Леса и Степи. Оседлый, северный, населенный преимущественно славянами Лес был одной составляющей русского государства. Кочевая, южная, преимущественно тюркская Степь была второй составляющей. Из этих двух элементов и сложилась Россия-Евразия и этнически, и географически, и культурно, и мировоззренчески синтезировавшая в себе пары противоположностей, приведя их к высшему синтезу, имеющему отнюдь не локальное, но абсолютно универсальное значение.

Такой подход, специфически евразийский метод объяснял практически все несообразности. все парадоксы и противоречия русского пути, отметая европоцентристскую трактовку русской истории. но вместе с тем корректируя в значительное степени и славянофильскую линию.

В вопросах философии, культуры, религии евразийцы также имели свои особые воззрения. Безусловно, все они были православными, но вместе с тем их явно не удовлетворяло казенное петербургское вероисповедание, почти чиновничий морализм клира и аллегорическая интерпретация таинств. бытовавшее в Церкви. Они искали основ и глубин, стремились к новой (или, наоборот, древнейшей, изначальной) религиозности, "бытовому исповедничеству", что могло бы распространить религиозный опыт на всю полноту космической Среды. Поэтому у евразийцев столь важный акцент делается на идее "стихий", космических "элементов". Мир, природу, историю, общество — все это они понимали как грани латентной Божественности, как аспекты световой теофании, тотально и повсеместно связывающей низшее с высшим. имманентное с трансцендентным, посюстороннее с потусторонним. Для них был неприемлем классический дуализм романской теологии — идея о "двух Градах", ставшая основой романо-германской религиозности и государственности. Напротив, как нельзя близок и внятен им был допетровский глубинно русско-православный, а ранее византийский идеал "Православного Царства", в котором высшее и низшее слиты воедино в общей социально-религиозной литургии, "общем делании", "святого народа" (ieros laos), аристократической элиты, монарха-василевса, государя-предстоятеля и созерцательного, мистического, исиахстского Православия — афонского, святоотеческого, восточного, аскетического, светового. Такая особая религиозность, в которой вновь как и повсюду у евразийцев явно обнаруживается та же тринитарная логика, — "не мир сей, не мир иной, но нечто третье", — резко контрастировала с общими настроениями

в церкви, особенно в эмигрантских кругах, где нормой было крайне замкнутый, угрюмый, антисоветский. гиперконсервативный настрой. Евразийцы же, отправляясь от своего идеала, напротив, значительно расширяли тему религиозности, положительно относясь не только к самому Православию, но и к иным евразийским концепциям — исламу, буддизму, индуизму, ламаизму и т.д. Более того, евразийцы огромное внимание уделяли сектам и в первую очередь русским сектам. вышедшим из старообрядчества, так как и в этом случае они считали, что полноты истины нет ни у никониан, ни у сторонников древлего благочестия (или сектантов), и что в данном случае снова следует искать пути для нового синтеза и духовного преодоления противоположностей. В той же перспективе они рассматривали и большевизм — он представлялся им глубоко религиозным, духовным. народным, мистическим и национальным импульсом, облекшимся в искаженные формы заимствованного с Запада, материалистически-экономического учения. В конечном итоге. часть левых евразийцев выдвинуло совсем уже парадоксальную формулу — "необходим синтез между Православием и марксистским атеизмом"! Но даже такой парадокс, отвергнутый впрочем более умеренным (пражским) крылом вполне вписывался в логику "евразийской ревизии"(1).

Все эти тринитарные парадоксы воплощаются и оживают только в одном уникальном пространстве мира — в России-Евразии. Россия сама по себе — всегда нечто Третье, выходящее за рамки дуалистической оценки. Это объясняет и наш темперамент, и нашу культуру, и нашу удивительную литературу, и нашу страстную религиозность, совмещаемую подчас с предельным нравственным падением, и нашу азиатскость, и нашу европейскость, и нашу чуткость ко всему новому, и нашу глубоко консервативную психологию, наш монархизм, и нашу демократичность, нашу покорность и наше бунтарство...

Россия — особый мир, континент, несхватываемый в нормальных категориях, уникальные земли, избранные Божественным проведением для какой-то невероятной важной всечеловеческой миссии...

Евразийцы вплотную подошли к интуированию какой-то величайшей тайны, к прозрению в некую трансцендентальную сферу, обнаружение которой связано с определенными пиковыми точками мировой истории... Они заглянули по ту сторону вуали, скрывающей от людей таинство космического замысла.

Геополитика евразийства

Пожалуй, никто из исследователей евразийства не обратил внимание на то обстоятельство, что именно евразийцы были первыми русскими авторами, которые начали употреблять термин "геополитика".

И тем не менее это факт. Более того, именно лидера евразийцев Петра Савицкого следует назвать первым русским геополитиком в полном смысле этого слова. Для того, чтобы во всей мере оценить уникальность роли Савицкого. предпримем кратчайший экскурс в историю этой явно недооценивавшейся до самого последнего времени науки.

Базовые принципы геополитики были сформулированы немецким географом Ратцелем (он называл новую науку "политической географией"), шведом Рудольфом Челленом, англичанином Хэлфордом Макиндером, американцем Мэхэном, французом Видалем де ля Блашем и немцем Карлом Хаусхофером. Все эти авторы, не смотря на глубокие расхождения в своих идеологических и политических симпатиях, были согласны относительно базовой, основополагающей картины мира, вытекающей из данных этой уникальной науки. В основе ее лежит противостояние двух типов цивилизаций, предопределенных географическими категориями. С одной стороны, речь идет о "талассократических", морских цивилизациях, связанных с островным или береговым типом существования, мореходством и торговым строем. Пример этого типа — Карфаген, Афины, Португалия, Британская Империя, в современном мире — США. В первой половине 20-го века в понятие талассократии включались страны Антанты (за исключением России), т.е. западные республиканско-демократические режимы. После 1945 года эта геополитическая категоряи отождествилась с либерально-демократическим лагерем и странами НАТО.

Вторым полюсом является теллурокартическая цивилизация — континентальная, авторитарная, сухопутная. Ее древнейшими примерами могут служить Рим, Спарта, Византия, позже Россия. Теллурократическая зона — это земли, довольно удаленные от теплых морей, удобных для торговли береговых зон. Это внутренние пространства континентов. Эта территория называется также Heartland или "сердечная земля". Макиндер(2) считает, что в настоящее время heartland'ом являются земли, прилегающие к центру евроазиатского материка, т.е. территория России(3).

Между "сердечной землей" и морской цивилизацией расположены береговые зоны, rimland. За контроль над ними ведется стратегическая борьба континенталистов и талассократов.

Такова в самых общих чертах картина геополитического видения основных факторов государственного, цивилизационного, идеологического и политического хода истории. В основе таких воззрений лежит принцип "географии как судьбы".

Англосаксонские геополитики применяя научные данные к конкретной политической действительности, делали на этом основании вывод о прин-

ципиальной и структурной противоположности собственных интересов интересам континентальных держав — в первую очередь России и Германии. На основании этого самой большой опасностью представлялась перспектива русско-германского геополитического и стратегического альянса, так как он мог бы укрепить беспрецедентным образом мощь двух континентальных, теллурократических держав.

Германские геополитики внимательно рассматривали выводы англосаксов и приходили к аналогичным выводам, только с обратным знаком. Так Карл Хаусхофер глава немецкой геополитической школы выступал за создание "континентального блока" по оси Берлин-Москва-Токио[4]. Это представлялось ему адекватным ответом на англосаксонский вызов.

Обычно историки геополитики, говоря о континентализме, заканчивают свой разбор школой Хаусхофера, считая ее прямым антиподом англосаксонской линии. Но в этом-то и состоит самое удивительное. Одновременно с Карлом Хаусхофером развивалась полноценная и самостоятельная геополитическая доктрина, еще более последовательная и законченная нежели германская модель, так как в отличие от двойственного положения Германии, здесь континентальный выбор был органичным, естественным и единственно возможным. Речь идет о теориях Петра Савицкого.

Савицкий является фигурой ничуть не уступающей по масштабу Хаусхоферу или Макиндеру. Он представляет собой голос той реальности, которую именуют heartland, "сердечная земля". И именно эта сугубо геополитическая категория, учитывающая и принимающая весь объем уникального геополитического подхода, всю колоссальную теорию "исторической функции пространства", стоит в самом центре мировоззрения Савицкого и его сподвижников. Это и есть Россия-Евразия. Россия-Heartland, Россия-Срединная земля... Именно Савицкий является той личностью, которая наиболее адекватно и последовательно дала осмысленный и полноценный ответ на проблему, поставленную геополитикой как наукой. Если американец Мэхэн (а позже Спикмен) выразил основной вектор американской геополитики — как магистральный путь к принятия полноты ответственности за мировою талассократию, к превращению в "главный остров" мира; если англичанин Макиндер рассматривал талассократию как стратегическую судьбу Англии и всего англосаксонского мира; если француз Видаль де ля Блаш полагал, что геополитическое будущее Западной Европы (в частности Франции) лежит в тесной солидарности с Англией и Америкой; если немец Хаусхофер полагал, что будущее Германии зависит от эффективного противостояния на планетарном уровне западному талассократическому блоку, то от лица геополитических интересов России последовательно и ответственно выступал один единственный человек — Петр Николаевич Савицкий[5], разработавший полноценную и развитую теорию специфически русской геополитики, осознающей свою континентальную миссию, радикально противостоящую талассократическим тенденциям и принимающую свою материковую, сухопутную, и поэтому универсальную судьбу.

То досадное обстоятельство, что этот великий человек был незаслуженно забыт, что его имя в контексте геополитической науки практически не упоминается. является глубокой несправедливостью. Без него и его идей геополитический дуализм представляется неравномерным. Талассократический полюс и противостоящий ему германский континентализм считаются классическими позициями, породившими собственные школы и теории, а русский полюс рассматривается как бессловесный, исполняющий свою геополитическую миссию по инерции, бездумно и не рефлекторно. Это абсолютное заблуждение, и тексты Петра Савицкого являются прекрасным и выразительным опровержением такого мнения.

Теллурократия в ее самой радикальной и последовательной форме имеет свое выражение, свое школу, своих выдающихся теоретиков. Оппозиция Востока и Запада, буржуазного меркантилизма и либерализма с одно стороны, и идеократических форм с другой, прекрасно осознавалась и осмыслялась евразийцами, которые — в их левом крыле — довели логику этого дуализма до самых последних выводов и ... признали правоту большевизма, выполнявшего, с геополитической точки зрения явно континенталистскую функцию.

Макиндер называл русские земли "географической осью истории". Евразийская геополитика представляет собой концептуализацию стратегических, культурных и духовных интересов этой оси. В евразийцах ось истории обретает свой голос, пронзительно и однозначно заявляет о себе.

Великоконтинентальная утопия

Все упоминания о евразийцах и их истории постоянно сопровождается указанием на утопичность их воззрений, на их идеализм, абстрактность. Именно в этой утопичности и романтизме принято видеть причину их исторического краха. Но приглядимся к этой проблеме внимательней. Большевики тоже были утопистами, и их взгляды даже в общем контексте хаотических настроений предреволюционной поры казались верхом экстравагантности и мечтательности. И тем не менее, эта небольшая секта фанатиков смогла перевернуть устои гигантской. консервативной, довольно пассивной страны. И после всех экспериментов, даже закончившихся крахом спустя более 70 лет, вряд ли найдется кто-то, кто осмелился бы утверждать, что коммунистический утопизм помешал большевикам создать на определенный и довольно период времени уникальное новатор-

ское авангардное и сносно функционирующее государственное образование. Тот или иной утопический проект реализуется или не реализуется отнюдь не из-за того, что он слишком абстрактен или далек от суровой реальности. Причины гораздо глубже. Кстати, наряду с теми же большевиками, в России существовало множество иных и мощных и решительных и довольно фанатичных партий (левые эсеры или анархисты, к примеру), но они растворились в истории , почти ничего не оставив после себя.

Утопизм, безусловно, присущ евразийскому мировоззрению. Но он присущ вообще любому проекту, ведь сущность проекта как раз и заключается в том, чтобы изменить актуальное состояние реального положения вещей, а не концептуализировать постфактум статус кво. Заметим, что наиболее последовательный "антиутопизм" привел самых радикальных либеральных авторов (например, фон Хайека) к отрицанию и дискредитации самого понятия "проект", распознанного как нечто "аморальное"(6) (так как осуществление проекта сопряжено с насилием над существующим де факто положением вещей).

Поэтому указание на "утопизм", будучи справедливым, еще ничего не объясняет. Да, многие евразийские предвиденья оказались либо не точными, либо слишком поспешными. Так евразийцы предвидели быстрый крах марксизма в России, и перерождение правящего режима под давлением внутренних энергий в идеократическое государство Третьего Пути с доминирующей консервативно-революционной идеологией. Они полагали, что Православие и религиозный дух в скором времени вытеснят марксистскую ортодоксию, и на место большевизма придет идеология евразийства и его партийное выражение. Когда к концу двадцатых годов стало очевидно, что такой поворот событий маловероятен, евразийцы подошли к важнейшей для движения черте — либо надо было признать (как Устрялов и национал-большевики), что евразийский идеал в большевиках и воплотился, либо надо было оказаться от основной идеи, признав правоту реакционного и радикально антисоветского крыла эмиграции, утверждавшего, что "Россия кончилась", что "весь народ впал в сатанизм" и "продался дьяволу" и что только "интервенция Запада и оккупация им России может изменить ситуацию к лучшему".

Это была самая драматическая эпоха для всего евразийского движения. Бесконечная ностальгия по оставленной родине, усталость от сирого эмигрантского существования, нарастающая неприязнь к безразличному, эгоистическому Западу и его культуре, моральный надлом и внутри эмигрантские склоки — все это постепенно разрушило изначальный авангардный пафос, обессилило вождей, внушило скепсис и сомнения рядовым активистам.

Георгий Флоровский, разочаровавшись во всем, выбрал крайне правый путь, замкнулся в богословской тематике, переехал в США и, начав с отстаивания абсолютной чистоты Православия(7),окончил тем, что стал лидером эйкуменического движения, которое, по всем параметром, глубоко чуждо православном духу.

Но оставим Флоровского и других критиков евразийства справа. Гораздо важнее понять смысл евразийского замысла, основанного на особой диалектике, самостоятельной и оригинальной геополитической доктрине, уникальном духовном синтезе.

Евразийцы сформулировали в общих чертах модель Русской Утопии, причем сочетающей в себе как резюме консервативных славянофильских и народнических чаяний, так и футуристические и мобилизационные, авангардные мотивы. Эта евразийская Утопия, объединяла в себе критический реализм, строгое знание об экономико-технической и промышленной стороне реальности с предельным идеалистическим, духовным напряжением. Интуиции Достоевского о всечеловеческой миссии русского народа, традиционное учение о Москве-Третьем Риме, о Святой Руси, ковчеге спасения и даже коммунистический хилиастичсекий мессианизм большевиков (Третьего Интернационала) все эти важнейшие тенденции русской истории, аспекты уникальной и не имеющей аналогии Русской Судьбы переводились евразийцами в форму законченного мировоззрения, одновременно и непротиворечивого, и открытого для всех возможных форм уточнений и нюансировок (8).

Россия — особый континент, утверждали евразийцы. Этот континент по меньшей мере равен по своему значению не просто какой-то одной европейской или азиатской стране, но такой крупной цивилизационно-географической формации как Европа или Азия (взятые в целом). Полновесное и всеобъемлющее утверждения такой самобытности. вписанной в географию, культуру, этническую психологию, цивилизацию, исторический путь Русского Народа и Русского Государства является для евразийцев осью их Проекта. Но и эта довольно сильная мысль не является пределом дерзновенного мировоззрения евразийцев. В далекой перспективе Русская Правда видится как высшая и уникальная форма духовно-культурного, религиозно-исторического синтеза, способного вместить в себя все высшие, световые, богоявленческие аспекты и Европы и Азии, и Востока и Запада, чтобы слить и утвердить их в эсхатологической благодати нового Русского Рая, предчувствия которого пронизывают всю русскую культуру, историю, литературу, поэзию, даже политику.

Евразийцы иногда применяли к самим себе название "третий максимализм". Имелось в виду, что это — движение столь же радикальное,

экстремистское, утопическое и предельное, как правые и левые "максималисты" (монархисты и большевики). Но "третий максимализм" представлял собой не абсолютизацию, доведение до крайности одной из полярных тенденций (радикальный модернизм или радикальный архаизм), за счет полного отрицания другой. Евразийская Утопия предполагала особый своеобразный синтез, некое обобщение обоих максимализмом в головокружительной, рискованной и сверхнапряженной модели. Можно считать это "соблазном", как свойственно поступать более умеренным темпераментам, более чиновничьим и обывательским натурам... Но все великое требует невероятного напряжения сил, творчества и созидания не бывает без риска.

Евразийцы не смогли приступить к реализации своего проекта. Эмигрантская среда была бессильна и раздираема внутренними противоречиями, а вожди СССР считали, что марксизм является самодостаточным учением, и даже если в Революции участвовали национал-мессианские элементы, осознавшие большевизм в мистико-религиозных терминах, то это следовало использовать в прагматических целях. Но все же постепенно начав с принципа "прав народов и наций на самоопределение", сами большевики пришли к подлинному империостроительству, и реализовали на практике некоторые существенные аспекты евразийского плана (хотя и в усеченном, искаженном виде). Конечно, евразийцы оказались прозорливей антисоветских сред в эмиграции, постоянно заявлявших о скором конце большевиков. Конечно, только евразийский анализ позволяет понять перерождение в патриотическом, этатистском духе марксизма в СССР. Конечно, только евразийская геополитика объясняет поведение Сталина и позже Брежнева на международной арене. И в этом смысле, левые евразийцы и национал-большевики были абсолютно правы. а их анализ событий той эпохи совершенно не потерял актуальности (в отличие от полностью опровергнутых историей "предвидений" реакционеров и антисоветчиков).

Но все же очевидно, что СССР так и не стала той Великой Евразийской Империей, Русским Раем, о которых грезили евразийцы. Полной и совершенной трансформации не произошло, каких-то важнейших компонентов не хватило для эсхатологического синтеза.

И в этом свете трагическое свидетельство судьбы Петра Савицкого приобретает значение символа. Его отказ от левого уклона парижского отделения "Евразии"(хотя самого себя он и называет в письме Струве в 1921 г. "национал-большевиком"[(9)]) имеет огромное значение. Духовный вектор, солнечный православный ориентир даже понятый максимально широко, парадоксально и новаторски не просто один из компонентов евразийской утопии, которым можно пренебречь по прагматическим соображениям. Савицкий настаивает на том, что необходимо "различать духов". Что "третий максимализм" — это все же не одна из версий "максимализма красного", но нечто самостоятельное, требующее своего собственного воплощения, своей собственной истории, своей собственной партии, своего собственного пути.

И снова Савицкий оказывается прозорливее других. Тот зазор, который существовал между советской идеологией, советской государственной практикой с одной стороны, и евразийским проектом, с другой, и явился, в конечном счете, рычагом, с помощью которого развалилось Великое Государство, потерпело крах великое начинание. Лишенная идеологической гибкости евразийцев, парадоксализма их философии истории, особой мистической интегрирующей религиозности, их ясного геополитического анализа советская государственно-идеологичесчкая конструкция, в конце концов, разлетелась вдребезги, не в силах противостоять агрессивному давлению извне и не в состоянии удовлетворить адекватным образом культурно-духовных запросов изнутри.

Утопия, как показал, в частности, наш век, вполне реализуема. Но пока осуществлялись лишь ее промежуточные, приближенные, искаженные версии, в которые уже изначально были заложены подвох, порча, роковые элементы подделки, недодуманности, несовершенства.

Евразийская Утопия (как и проекты Консервативной Революции в широком смысле) — самая совершенная, логичная, последовательная, непротиворечивая, жизненная, страстная, световая и солнечная, а самое главное — так резонирующая с высшими уровнями нашего национального духа, нашего исторического пути.

Евразийский проект, в отличие от большевистского, не знает печальных результатов поражения, а что еще хуже — вырождения, превращения в самопародию, внутреннего разложения. Он просто отложен на некоторое время. Видимо, сроки рождения Великой Евразийской Империи еще не подошли. Но строго говоря, кроме этого проекта никакого иного на данный момент не существует — кроме него либо полная капитуляция перед Западом, либо страусиная политика беззубого, архаичного, безответственного, "археологического" консерватизма.

Пусть Савицкому (как и Устрялову, Артуру Мюллеру ван ден Бруку, Тириару, Никишу[(10)]) не суждено было стать "Лениным евразийской революции". Что ж, значит он будет "евразийским Марксом" или даже "евразийским Фурье".

Солнечная мечта о мире справедливости и братства, о Государстве Духа и нового человека, о полной победе светлого разума над мраком материи никогда не исчезнет из человечества или по меньшей мере из

русского народа. В противном случае от этого человечества останется лишь кишащая масса эгоистических мертвецов, последних людей, о которых пессимистически пророчествовал Ницше. Но этого не будет, не должно быть...

А раз так, то евразийская мечта, высокий идеал Последнего Царства, спасительной, богоносной России-Евразии обязательно воплотится в жизнь. И исходя из высшей трансцендентной логики мы уже сегодня с полным основанием и правом можем сказать — Евразийство просто обречено на триумф, на то. чтобы стать главным духовным орудием Русской Борьбы и Русской Победы — победы над хаотической, фатально дуальной, безысходно гравитационной и энтропийной роковой логикой "мира сего", тщетно пытающегося сегодня порвать последние связи с "миром Иным".

Послесловие к книге П. Н. Савицкого “Континент Евразия”, М., 1996 г.

Примечания.

(1) До окончательного логического вывода данный тезис довел представитель родственного евразийцам направления — национал-большевик Николай Устрялов.

(2) Кстати, сам Макиндер, один из классиков геополитиков и автор самой базовой концепции геополитического дуализма был представителем Великобритании в Белой армии, консультируя Колчака и Врангеля. Не исключено, что Савицкий, занимавший высокий чин в правительстве Врангеля, был с ним лично знаком (хотя документально подтверждающих это сведений нет).

(3) См. Ж-л "Элементы. Евразийское обозрение", Москва. 1995, № 7. Хэлфорд Джордж Макиндер "Географическая ось истории", стр. 26-31

(4) Там же. Карл Хаусхофер "Континентальный Блок: Берлин—Москва—Токио", стр. 32-36.

(5) Подробно о соотношении геополитических доктрин Макиндера, Хауфхофера, Мэхэна и Савицкого см.: А.Дугин "Основы Геополитики. Геополитическое будущее России", Москва, 1997

(6) См. "Элементы", 1995, № 5. Ален де Бенуа " Хайек: Закон Джунглей" стр. 43-47

(7) ровского постоянно повторяется выражение "смутился", такой-то смутился об одном богословском вопросе, такой-то о другом, и складывается впечатление, что задача заключается не в том, чтобы найти истину, а чтобы паче чаяния "не смутиться", даже ценой выспреннего повторения витиеватых, но бессодержательных банальностей.

(8) См. на эту тему также "Элементы", 1996, № 8. "Геополитика Православия" ЦСМИ, стр. 38-42 и А.Дугин "Тамплиеры Пролетариата", Москва, Арктогея, 1997

(9) Цит. по ГАРФ, ф. 5783, оп. 1, д. 358, л. 110

(10) Об идеях и судьбах этих мыслителей и политических деятелей см. ж-л "Элементы", №№ 1 (1992), 3 (1993), 8 (1997), а также А.Дугин "Консервативная Революция", Москва, Арктогея, 1994 и он же "Тамплиеры Пролетариата", op.cit.

А. Г. Дугин

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗАПАДА (эссе о Николае Сергеевиче Трубецком)

Памятник на "площади Евразии"

Князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938) по праву может быть назван "евразийцем номер 1". Именно ему принадлежат основные мировоззренческие тезисы, с которых началось это удивительное творческое мировоззрение. Князь Трубецкой может быть назван "евразийским Марксом", тогда как Савицкий явно напоминает "евразийского Энгельса". Первым собственно евразийским текстом является книга Николая Трубецкого "Европа и Человечество", в которой легко угадываются все основные принципы грядущей евразийской идеологии.

В некотором смысле, именно Трубецкой создал евразийство, открыл главные силовые линии этой теории, которые в дальнейшем разрабатывались целой плеядой крупнейших русских мыслителей — от Петра Савицкого, Николая Алексеева и Льва Карсавина до Льва Гумилева. Место Трубецкого в истории евразийского движения центрально. Когда это течение утвердится в качестве доминирующей идеологии Российской Государственности (а это обязательно рано или поздно произойдет), первым, кому воздвигнут памятник, будет именно он — князь Николай Сергеевич Трубецкой. Главный монумент на грядущей, утопающей в роскошной листве и залитой чистейшими струями серебряных фонтанов, великой "площади Евразии", как непременно назовут центральную площадь возрожденной России.

Судьба "русского Шпенглера"

Говорить о Трубецком — то же самое, что говорить о евразийстве как таковом. Его личная и интеллектуальная судьба неразделима с этим течением. Крайне проста биография Трубецкого. Типичный представитель известнейшего княжеского рода, давшего целую плеяду мыслителей, философов, богословов, он получил классическое образование, специализировался в области лингвистики. Интересовался филологией, славянофильством, русской историей, философией. Отличался ярким патриотическим чувством.

Во время гражданской войны оказался на стороне белого движения, эмигрировал в Европу. Вторую половину своей жизни провел заграницей. С 1923 года преподавал на кафедре славистики Венского университета филологию и историю славянской письменности. Трубецкой вместе с Ро-

маном Якобсоном входил в ядро основателей Пражского лингвистического кружка, разработавшего в 20-30-е годы основы структурной лингвистики — того интеллектуального направления, которое впоследствии стало известным под именем "структурализма".

Князь Николай Трубецкой был душой евразийского движения, его главным теоретиком, своего рода русским Шпенглером. Именно с его книги "Европа и человечество" следует отсчитывать историю этого движения. Трубецкой активнее всех развивал основные принципиальные аспекты евразийства. Но будучи ученым и значительную часть времени уделяя филологическим изысканиям, он мало и неохотно интересовался аспектами применения принципов евразийства к текущей политике. Функцию политического вождя в евразийстве исполнял его близкий друг и сподвижник Петр Савицкий. Темперамент Трубецкого был более отвлеченным, со склонностью к умозрению и абстракции.

Кризис политической составляющей в евразийстве. который стал очевиден с конца 20-х годов, тяжело и болезненно переживался его главным теоретиком. Укрепление позиций советской власти, косность, архаизм и безответственность эмигрантской среды, духовный и интеллектуальный застой, наступавший в обеих ветвях русского общества начиная с 30-х. после бурного духовного подъема начала века, — все это идеологическое остывание ставило евразийскую идеологию, основанную на гамме тончайших интуиций. парадоксальных прозрений и страстных взлетов политического воображения, в безысходную, тупиковую ситуацию. Трубецкой, видя, как маргинализируются евразийские идеи, в последние годы все больше времени уделяет чистой науке: он перестает участвовать в полемиках и конфликтах внутри движения после его раскола, оставляет без внимания замешанную на неизменном ressentiment'е критику эмигрантских противников евразийства. В 1937 году в Вене князь Трубецкой схвачен гестапо и три дня проводит в заключении. Пожилой ученый так и не смог оправиться от удара и вскоре умер.

Его смерть была не замеченной практически никем. На мир надвигалась страшная катастрофа. Ее главными идеологическими предпосылками было отвержение тех принципов и аксиом, которые в высшем духовном, интеллектуальном напряжении сумели сформулировать русские евразийцы и их европейские аналоги — консервативные революционеры, сторонники национал-большевизма и Третьего пути.

Евразийцы предсказывали мировоззренческие маршруты и их политические результаты с пророческим ясновидением. Но судьба пророков во все времена , увы!, одинакова : камни, бросаемые толпой, костер, Гулаг, Гестапо...

Человечество против Европы

Наиболее ценным аспектом мысли князя Трубецкого, фундаментом всего евразийского мировоззрения является утверждение радикального дуализма цивилизаций. Осмысление исторического процесса как конкуренции двух альтернативных проектов. Именно этому дуализму посвящена первая теоретическая книга князя Трубецкого "Европа и человечество" . В ней в скупых и часто приблизительных выражениях проводится следующая мысль: никакого единого пути развития цивилизации не существует, за такой претензией скрывается лишь стремление одной конкретной агрессивной формы цивилизации, а именно, романо-германской цивилизации, к универсальности, единственности, гегемонизму и абсолютности. Именно гигантоманические, расистские по сути своей, претензии романо-германского мира на то. чтобы быть мерилом культуры и прогресса, лежат в основе необходимости деления всего мира на Европу, с одной стороны, и человечество, с другой. Романо-германский мир, будучи лишь частью многополюсной мультикультурной исторической реальности, возымел сатанинскую претензию на то, что он и есть концептуальное целое, высокомерно отбросив остальные культурное типы в регионы варварства недоразвитости, примитивности, дикости. И человечество, в понятии Трубецкого, является объединенной категорией всех тех народов, культур и цивилизаций. которые существенно отличаются от европейской модели. Трубецкой утверждает, что это отличие не просто констатация факта, но формула цивилизационного исторического противостояния, демаркационная линия. по которой проходит нерв современной истории. Плох, по мнению Трубецкого, не сам романо-германский мир со своей специфической культурой — в качестве одного из множественных миров он был бы напротив крайне интересен и содержателен. Недопустимым. неприемлемым в нем является лишь его агрессивное отношение ко всем остальным культурам, его колониализм, доминаторство, склонность к цивилизационному геноциду и порабощению всего инакового по отношению к нему.

Таким образом, человечество, по Трубецкому, должно осознать свое единство через отрицание тоталитарной модели современного Запада, объединив "цветущую сложность" народов и культур в единый лагерь антизападной планетарной освободительной борьбы.

Наиболее обобщенной формой человечества, "цветущей сложности" (по выражению Константина Леонтьева-) виделась Трубецкому Евразия. Идеальная формула того, как духовное послание от степных туранцев Чингиз-хана было передано московской Руси. Россия-Евразия в такой картине мира становилась оплотом и рычагом планетарной борьбы чело-

вечества против универсального планетарного романо-германского ига.

Удивительно, насколько этот тезис созвучен позиции крупнейшего французского традиционалиста Рене Генона, который в своей книге "Восток и Запад" утверждает абсолютно то же самое, за исключением выделения особой роли России в планетарном противостоянии современному Западу. Трудно сказать, знаком ли был Трубецкой с трудами Генона. Известно лишь, что Генон упоминается в текстах другого видного евразийца, сподвижника князя Трубецкого — Николая Николаевича Алексеева. Но если у Генона речь идет лишь о необходимости противодействия современному западу со стороны оставшихся традиционных обществ, то евразийский проект, помимо вполне обоснованного пессимизма относительно инерциального развития событий, имеет развитую футурологическую революционную составляющую, стремится предложить проект такой культурно-социальной формы, которая сочетала бы верность традиции и социально-технологический модернизм.

Главным упованием Трубецкого и всех евразийцев была Россия — их горячо любимая родина. Именно здесь проницательно видели они парадоксальное сочетание двух начал — архаической укорененности в традиции и стремления к авангардному культурно-технологическому рывку. Россия-Евразия, в евразийской идеологии, мыслилась как форпост человечества в его противостоянии романо-германской Европе, как территория фронта, на котором решается судьба тыла.

Из этого общего подхода, конкретизируя различные аспекты исходной парадигмы, и складывалось реальное содержание евразийской теории. До каких бы деталей ни доходили конкретные исследования, изначальный цивилизационный дуализм, вскрытый и постулированный князем Николаем Трубецким,постоянно оставался общим знаменателем, неизменным фоном всего евразийского дискурса — как ортодоксального, воплощенного в линии Савицкого, Алексеева, Сувчинского, так и еретического, марксистско-федоровского, по которому пошла парижская ветвь евразийцев, безусловных советофилов (Эфрон, Карсавин и др.).

Евразийская парадигма Руси

Общая позиция Трубецкого предопределила специфику взглядов евразийцев на русскую историю. Наиболее подробно эту концепцию развил крупнейший деятель евразийского движения Георгий Вернадский, сын великого русского ученого. В своих многочисленных работах он развертывает панораму евразийского видения Руси, но и эта монументальная экспозиция по сути есть лишь развитие тех тезисов, которые сформулировал князь Трубецкой. Доминантой евразийского понимания русской

истории является представление о сущности русского народа и русского государства как о чем-то, в корне отличном от путей романо-германского мира. Русь мыслится как органическая часть Человечества, противостоящего Европе. Следовательно, необходима тотальная ревизия русской исторической школы, которая ранее отталкивалась прямо или косвенно от канонов европейской учености. Конечно, славянофилы, Достоевский, Леонтьев и Данилевский сделали чрезвычайно много для того, чтобы подобраться к альтернативной собственно русской, не романо-германской, оценке нашего пути. Сами евразийцы считали себя продолжателями именно этой линии. Однако они были еще радикальнее и революционнее, чем их предшественники в вопросе отвержения Запада. Они настаивали не только на подчеркивании нашей национальной самобытности, но на альтернативности цивилизационных парадигм Европы и органической, донной Руси, Руси — Евразии.

Как аномалия рассматривались евразийцами все периоды сближения России с Западом. И наоборот, всякое обращение к Востоку, к Азии виделось им как шаг духовного самоутверждения. Такой радикальный взгляд опрокидывал все нормы отечественной историографии и историософии. Если русские западники, презирая Родину, считали Русь отсталой "недоевропейской" страной, то славянофилы, как бы оправдываясь, пытались защитить национальное своеобразие. Евразийцы же шли гораздо дальше, не останавливаясь только на охранительной апологии самобытности. Они утверждали, что романо-германский мир с его культурой есть историческая патология, тупиковый путь дегенерации и упадка. В значительной степени идеи Трубецкого резонируют с концепциями немецкого консервативного революционера Освальда Шпенглера, который поставил Западу аналогичный диагноз и так же, как Трубецкой, пророчествовал о грядущей спасительной миссии восточных регионов евразийского континента.

Общая картина евразийского взгляда на историю Руси изложена в программной книге князя Трубецкого "Наследие Чингис-хана."

Осью Руси, центральным парадигматическим моментом ее истории, когда идеальное и реальное как бы наложились друг на друга, является для Трубецкого двухсотлетний период Московской Руси, последовавший за татаро-монгольским контролем и предшествующий петербургскому периоду. Киевская Русь, к которой традиционно возводят истоки российской государственности, по мнению Трубецкого, цивилизационно, культурно и геополитически не была, на самом деле, колыбелью Руси; это не более чем одна из нескольких составляющих грядущего Русского Царства. Преимущественно славянская, занимающая территории

между Балтикой и Черноморским побережьем, укорененная в лесных зонах и на берегах рек и слабо контролирующая степные пространства, Киевская Русь была лишь разновидностью восточноевропейского княжества, централизация которого была сильно преувеличена впоследствии, а интегрирующей идеи которого и вовсе не существовало. Это религиозная провинция Византии, политическая провинция Европы.

Татаро-монгольское завоевание легко справилось с этой незаконченной геополитической конструкцией, вобрало ее в себя как составляющую часть. Но монголы были не просто варварами. Они исполняли великую империостроительную функцию, закладывая фундамент гигантского континентального государства, базу многополюсной евразийской цивилизации, сущностно альтернативной романо-германской модели, но вполне способной к динамическому развитию и культурной конкуренции.

Трубецкой всячески подчеркивает колоссальную ценность тюркско-монгольского импульса, проницательно указывая на тот важнейший геополитический факт, что все просторы восточной Евразии интегрируются за счет объединения степной зоны, простирающейся от Манчжурии до Трансильвании. Татары совершили то, что было предначертано в географии, и тем самым стали фактом планетарной истории.

Подлинно русское, евразийское государство, по мнению Трубецкого, возникло тогда, когда московские князья взяли на себя татарскую геополитическую миссию. Московский византизм становится доминирующей государственной идеологией уже после краха Византии и в органичном сочетании с государственным строем, полностью заимствованным от монголов. Это и есть Святая Московская Русь, царская и евразийская, континентальная, строго отличная от романо-германского мира, радикально противопоставленная ему.

Двести лет Московской Руси — это двести лет Руси идеальной, архетипической, строго соответствующей своей культурно-исторической, политической, метафизической и религиозной миссии. И именно великороссы, духовно и этнически смешавшиеся с евразийскими империостроителями Чингисхана, стали ядром и зерном континентальной России-Евразии, переплавились культурно и духовно в особый интегрирующий, государствообразующий этнос.

Это очень важный момент: евразийцы всячески подчеркивали исключительность великороссов среди остальных славянских племен. Будучи славянами по языку и расе, великороссы были среди них единственными евразийцами, туранцами по духу. И в этом и состоит уникальность Москвы.

Переняв инициативу изначального Чингизовского импульса, московские цари принялись за воссоздание татаро-монгольского евразийского государства, объединяя его распавшиеся сегменты в новую империю под эгидой белого царя. На сей раз цементирующей религией стало Православие, а государственной доктриной — московская версия византизма, знаменитая концепция псковского старца Филофея "Москва Третий Рим". Практическое же устройство государства, и что самое главное, вектора его пространственного оформления были калькированы с империи татар.

Конец "идеальной Руси" совпадает с концом "Святой Руси", с расколом. Нововведения патриарха Никона, формально нацеленные на укрепление геополитического могущества Московского Царства, но осуществленные с преступной культурной и религиозной халатностью и небрежностью, приводят к двусмысленным, во многом катастрофическим результатам, расчищают путь секуляризации и европеизации России.

Раскол — это точка разрыва светской России со Святой Русью.

С приходом Петра Первого начинается то, что в евразийской теории принято называть "романо-германским игом". Если "татарское иго" было для русских ферментом грядущего империостроительства, евразийским импульсом, то "романо-германское иго", длившееся от Петра до Революции 1917 года, несло с собой лишь отчуждение, карикатуру, вырождение глубинного импульса. Вместо отстаивания собственной культурной самобытности, евразийской Идеи — неуклюжая имитация дворянством европейских универсалистских и рационалистических образцов секуляризированного общества. Вместо византизма — англиканство. Вместо "цветущей сложности" (К.Леонтьев) — серая казенная бюрократия и солдатчина. Вместо живой веры — канцелярский синод. Вместо народной стихии — циничная трескотня официальной пропаганды, вуалирующая полное культурное отчуждение европеизированных верхов от архаичных низов.

Романовский период, начиная с Петра, рассматривался евразийцами как сущностное отрицание Московского этапа, сопровождавшееся внешним пародированием. Продолжается освоение Востока Евразии, но вместо "братания" идет "культурная ассимиляция" по романо-германскому образцу, вместо насыщенного диалога цивилизаций — формальная русификация, вместо общности континентальной воли — плоская колониальная методика.

Здесь евразийцы, как славянофилы и народники, разделяли историю послепетровской России на два уровня: дворянско-аристократический и народный. Верхи шли путем западничества, калькировали с большей или меньшей степенью неуклюжести европейские образцы. Они были как бы "колониальной администрацией" русских пространств, цивилизационными надсмотрщиками за "диким народом".

Низы, этот самый "дикий народ", напротив, оставались в целом верными допетровскому укладу, бережно сохраняли элементы святой старины. И именно эти донные тенденции, все же влияющие в какой-то степени и на верхи, и составляли все наиболее евразийское, ценное, национальное, духовное, самобытное в петербургской России. Если Россия так и не стала восточным продолжением Европы, несмотря на все "романо-германское иго", то только благодаря народной стихии, "евразийским низам", осторожно и пассивно, но упорно и несгибаемо противившимся европеизации вглубь.

С точки зрения элиты, петербургский период был катастрофическим для России. Но это отчасти компенсировалось общим "почвенным" настроем евразийских масс.

Такая модель русской истории, отчетливо изложенная у Трубецкого, предопределяла и отношение евразийцев к Революции.

Революция: национальная или антинациональная?

Анализ евразийцами большевистской революции является осевым моментом этого мировоззрения. Его особенность и отличала представителей этого направления от всех остальных мировоззренческих лагерей.

В белом стане доминировали два общепринятых взгляда: реакционно-монархический и либерально-демократический. Оба они рассматривали большевизм как строго негативное явление, хотя и по полярным соображениям.

Реакционное крыло, монархисты утверждали, что "большевизм" — это целиком западное явление, результат "заговора" европейских держав с "инородцами" и "евреями" в самой России, направленный на уничтожение последней христианской Империи. Эта группа идеализировала Романовых, всерьез верила в уваровскую формулу "Православие, Самодержавие, Народность", придерживалась "черносотенных мифов" о "иудо-масонском всемирном правительстве", винило во всем дряблость дореволюционных властей, несовершенство карательного аппарата и предательство разночинной интеллигенции. Революция виделась в такой перспективе как занесенная извне зараза, развитию которой помогли случайные и чуждые системе элементы. Сама же предреволюционная Россия в своих мировоззренческих и социальных основах представлялась этому лагерю как нечто абсолютное.

Либеральное крыло белой эмиграции считали большевизм абсолютным злом по совершенно противоположным причинам. Им в большевизме виделось проявление варварских русских толп, не способных на установление просвещенной "февральской" демократии и извративших либеральные реформы до "буйства, дикости, разгула темных стихий". Либералы критиковали в большевизме не элементы западничества, но их недостаток, не внешние формы, но народное содержание.

Обе эти позиции русской эмиграции продолжали спор двух традиционных лагерей, на которые делилась последние сто лет царской Империи правящая элита романо-германского образца. Это был спор в рамках одной и той же "колониальной администрации", в равной степени антинародной и абстрагированной от евразийской идентичности Руси. Реакционеры считали, что евразийские массы надо держать в строгой узде, что они не поддаются "окультуриванию", а либералы-западники верили, что при определенных условиях они все же могут быть выдрессированы по образцу европейских обществ.

Евразийцы, со своей стороны, предложили совершенно особую трактовку большевизма, вытекающую из совершенно инаковых предпосылок. Они полагали, что историческая рефлексия правящего класса при царизме вообще была неадекватной, ненациональной, а следовательно, она оказалась ошибочной, преступной, и в конце концов довела народную стихию до точки радикального бунта.

Евразийцы видели сущность большевизма в подъеме народного духа, в выражении донной Руси, загнанной в подполье еще с раскола и времен Петра. Они утверждали глубинно национальный характер Революции, как смутное, неосознанное, слепое, но отчаянное и радикальное стремление русских вернуться к временам, предшествующим "романо-германскому игу". Перенос столицы в Москву интерпретировался ими в этом же ключе. Здесь они были согласны с либералами относительно национальной природы большевизма, но рассматривали этот фактор не отрицательно, а положительно, как наиболее ценный, созидательный и органичный компонент большевизма.

С другой стороны, евразийцы были традиционалистами, православными христианами, патриотами, ориентированными на национальную систему культурных ценностей. Поэтому марксистская терминология большевиков была им чужда. Здесь они были отчасти согласны с крайне правыми эмигрантскими кругами, считая, что западнический, проевропейский элемент в большевизме является его негативной стороной, препятствует органическому развитию большевистского движения в полноценную русскую, евразийскую реальность. Но в то же время вину за западнический (отрицательный) компонент в Революции евразийцы возлагали не на мифический "иудо-масонский" заговор, но на петербургскую модель государственности, которая была западнической во всех своих аспектах, и настолько повлияла в этом смысле на российское общество, что даже

протест против "романо-германского ига" смог оформиться лишь в терминах, заимствованных из арсенала европейской мысли — конкретно из марксизма.

Трубецкой и его последователи, таким образом, отвергали позиции и реакционеров, и либералов, утверждая в эмиграции совершенно особое, необычное, уникальное мировоззренческое течение, захватившее в определенное время (20-е годы) лучшие умы.

К евразийскому понимаю Революции примыкали и слева и справа. Слева — крайние народники, часть левых эсеров и анархистов, которые в отличие от либерал-демократов весьма положительно оценивали народный, донный элемент большевизма. Справа — консервативные круги, следующие за славянофилами, Данилевским и Леонтьевым, которым романовский строй представлялся, в свою очередь, "либеральным компромиссом". Почти такой же позиции в отношении революции как князь Николай Трубецкой придерживались и русские национал-большевики (Устрялов, Ключников и т.д.).

Конечно, сами большевики выражали свое понимание русской истории несколько иначе. Во всем у них доминировала узкомарксистская догматика, не способная охватить и адекватно осознать многомерные культурно-цивилизционные процессы, чуждая истории религий и геополитики. Но справедливости ради следует сказать, что и в большевизме (особенно на ранних его стадиях) существовала тенденция сближения марксизма с народными гетеродоксальными верованиями. В частности, ближайший соратник Ленина Бонч-Бруевич с благословения вождей РСДРП издавал специальную газету для русских сектантов и староверов крайних толков "Новая Заря".

Евразийцы же понимали большевизм гораздо объемнее, в контексте многочисленных факторов русской истории, с учетом истории религии, социологии, этнологии, лингвистики и т.д. Не случайно некоторые недоброжелатели называли евразийцев "православными большевиками". Конечно, это было некоторым преувеличением, против которого возражал и сам Трубецкой, но доля истины в этом все же была, если отказаться от заведомо негативного понимания самого термина "большевизм".

Для реакционных политиков интернационализм, проповедуемый большевиками, был подтверждением антирусской, антинациональной сущности всего этого течения. Евразийцы же видели всю картину совершенно иначе. Они уловили в "пролетарском интернационализме" вождей русской революции не стремление "уничтожить нации", но воссоздать в рамках СССР единый евразийский тип, мозаику "общеевразийского национализма", о которой писал Трубецкой. В таком случае большевистский интернационализм, ограниченный пространством Советского Государства и относящийся в первую очередь к евразийским этносам был в глазах евразийцев длишь эвфемизмом, иным названием для "имперского национализма", особой модели универсальной континентальной общины народов Востока, для "Человечества", в том смысле, в каком понимал его Трубецкой, противопоставляя "Европе".

Так как для евразийцев идеалом было не слепое копирование европейских "национализмом", родившихся из общей романо-германской матрицы, но обращение к евразийской модели Московской Руси, общность которой было обеспечена в большей степени единством культурного и религиозного типа, нежели расовым и языковым родством, то они узнавали в практической национальной политике Советов знакомый и близкий им интеграционный принцип. И по этой причине им был также внятен призыв большевиков к глобальной деколонизации, к сбрасыванию народами Востока романо-германского ярма, планетарное национально-освободительное движение. Проведение такой политике точно соответствовало представлению самих евразийцев о планетарной освободительной миссии России.

На пороге Старой Веры

В религиозной сфере евразийская теория неизбежно приводит к утверждению того, что подлинным Православием, наследующим непрерывную традицию Московской Руси является русское старообрядчество, Древле-Православная Церковь. Ровно в такой степени, в какой антинациональная монархия Романовых привела Россию к катастрофе XX века, никонианство — подчиненное, обмирщвленное, послушное, синодальное, казенное "православие" — привело русских к атеизму и сектантству, обескровив истинную Веру, бросило народ в объятия агностицизма, бытового материализма и ересей. Западническая сущность псевдо-монархического послепетровского Государства точно отражалась в синодальном никонианском "православии". Европеизированные, озападненные верхи Империи трансформировали официальную Церковь в некий аналог государственного департамента. Это не могло не сказаться на самой природе Русской Церкви. Истинный православный дух ушел в народ, в низы, в раскол.

Именно к старообрядчеству, как к подлинному аутентичному русскому Православию логично было обратиться и евразийцам. Так оно и было: Н.С.Трубецкой (вместе с другими евразийцами и вообще лучшими политическими и религиозными деятелями своей эпохи, такими как еп.Андрей Ухтомский) полностью признавал правоту Аввакума, традиционность дву-

перстия, незаконность "разбойничьего собора 1666 года", никонианской справы, неоправданность и ошибочность перехода к малороссийской редакции Священных и богослужебных текстов от редакции великоросской, московской. Но возможно "барское", аристократическое происхождение вождей исторического евразийства препятствовало тому, чтобы однозначно и полностью признать не только историческую (это как раз было), но и экклесеологическую, церковную правоту староверов. Староверие воспринималось дворянством как "религия черни", и элитаристы (а евразийцы были именно таковы) испытывали "классово" предопределенную сдержанность в отношении "простонародной веры". К старообрядчеству испытывали огромный интерес практически все евразийские авторы. Показателен культ Аввакума, которого евразийцы считали основателем всей современной русской литературы и чье "Житие" превозносилось как первый и уникальный образец русского национального экзистенциализма.

Идеократия: анагогический тоталитаризм

Важную роль в евразийской философии занимает концепция идеократического государства, идеократии. В ее основе — представление о государстве и обществе как о реальности, призванной осуществить важную духовную и историческую миссию. Эта теория получила название "идеократия", " власть идеи", "власть идеала". Такой подход вытекает из более общего представления евразийцев о смысле человеческого существования, о высшем предназначении коллектива, народа, всякой общности. Человеческий факт расценивался евразийцами как переходный этап, как отправная точка для самопреодоления, а следовательно, вся антропологическая проблема виделась как задание, а не как данность. В основных своих чертах такое представление было свойственно всем духовным и религиозным традициям. В современной философии и в совершенно ином контексте мы сталкиваемся с аналогичной перспективой у Ницше и у Маркса. Православные евразийцы могли вполне повторить вслед за Ницше его знаменитое определение: "Человек есть нечто, что следует преодолеть". Но вполне в духе общего для русской философии стремления говорить не об отдельном индивидууме, но об общей цельной общности, переносить антропологическую проблематику на коллектив евразийцы вслед за Трубецким выводили из такого подхода императив всеобщего самопреодоления.. Воплощением такого коллективного самопреодоления, самовозвышения, преображения и очищения для исполнения высшей миссии являлось, по их мнению, идеократия, возведенная в социальную государственную норму. Итальянский традиционалистский философ Юлиус Эвола называл аналогичную модель общественно-политического устройства "анагогическим тоталитаризмом", то есть строем. при котором бытие каждого отдельного человека принудительным образом вовлекается в спиралевидное движение общего духовного восхождения, облагораживания, сакрализации.

Трубецкой считает, что проблема идеократии, ее признания или отвержения не является делом частного выбора. Это общеобязательный императив исторического коллектива, который самим фактом своего существования обязан выполнить сложное и ответственное задание, врученное ему предвечным Промыслом. Самое главное в идеократии — требование основывать общественные и государственные институты на идеалистических принципах, ставить этику и эстетику над прагматизмом и соображениями технической эффективности, утверждать героические идеалы над соображениями комфорта, обогащения, безопасности, легитимизировать превосходство героического типа над типом торгашеским (в терминологии Вернера Зомбарта).

Определенные черты идеократического характера евразийцы распознали в таких явлениях, как европейские разновидности фашизма и советский большевизм. Парадоксально, но тоталитарный характер этих режимов виделся им скорее как благо, нежели как зло. Единственно, что они ставили под сомнение (и это радикально отличало их от коммунистов и фашистов), так это анагогический характер данных социально-политических форм. Сакральный, духовный идеал был подменен в этих движениях либо вульгарным экономизмом, либо безответственной и тупиковой расовой теорией. Подлинной идеократией для Евразии, по мнению Трубецкого, должна была бы быть лишь неовизантийская, неоимперская модель, просветленная спасительными лучами истинного христианства, то есть Православия. Только это могло бы обеспечить тоталитарным режимам сакральную инвеституру, таинственное благословение Града Невидимого Света. Но эта православная евразийская идеократия не предполагала, по Трубецкому, конфессионального эксклюзивизма, агрессивного миссионерства, насильственной христианизации. Православная идеократическая империя мыслилась евразийцами в будущем как ось и полюс общепланетарного восстания разных культур, народов и традиций против одномерной гегемонии утилитарного буржуазного колонизаторского империалистического Запада. В перспективе можно было бы предложить целый ансамбль идеократических обществ и культур, укорененных в истории различных государств и народов. Общим же должен был бы быть лишь главный принцип — отвержение западной антиидеократической формулы и представления о высокой идеальной задаче каждой человеческой общности как единого целого, охваченного страстным импульсом

исполнить свою духовную миссию.

Увы, чаемого преображения большевизма в идеократию евразийского типа не произошло, и сбылись самые тревожные предсказания евразийцев относительно того, что незаконченная и противоречивая сама в себе большевицкая идеократия без обращения к высшим духовным ценностям обречена на деградацию, падение, вырождение до того прагматического, утилитарного, безжизненного буржуазного строя, который давно укрепился на романо-германском Западе.

И все же высокие идеалы идеократии, евразийские концепции "анагогического тоталитаризма" остаются удивительно актуальными и сегодня, придавая смысл и цель борьбе тех, кто отказывается воспринимать человека и человечество как механический конгломерат эгоистических машин потребления и наслаждения и считает, что у каждого из нас и у всех вместе есть высшая задача, духовное содержание, идеальное предназначение.

Евразийство и структурализм

Когда сегодня говорят о философии структурализма как правило упускают тот факт, что одним из основателей этого метода, столь значительно повлиявшего на всю современную мысль был князь Николай Сергеевич Трубецкой, чьи филологические идеи стали фундаментом "функциональной лингвистики" т.н. "Пражской Школы", которая наряду с Копенгагенской и Американской школами является одним из трех китов структуралистской философии. Те, кто анализируют филологические идеи Трубецкого и его капитальный труд, посвященный "Основам Фонологии" (Прага, 1938), никак не связывают их с евразийским мировоззрением автора, которое остается за кадром в большинстве научных исследований, посвященных Трубецкому-лингвисту. С другой стороны, историки евразийства как мировоззрения мало обращают внимания на лингвистические исследования Трубецкого, считая их частным делом мыслителя, совершенно обособленным от его идеологической активности. Однако это не верно. Филология и философия связаны между собой теснейшим образом, как явствует уже из работы самого проницательного современного философа Фридриха Ницше "Мы филологи".

Как утверждает знаменитая гипотеза американских структуралистов Уорфа и Сэйпера "язык, на котором мы говорим, выковывает наше восприятие реальности". Язык есть идеальная парадигма реальности, предшествующая материальности вещей, предопределяющая и организующая эту материальность. Для структурной лингвистики в целом характерно стремление избавиться от поступательной, эволютивной, логически-рациональной интерпретации языка, от языка, лишь тождественного логическим последовательностям атомарных слов. Вместо этого необходимо увидеть язык "холистически", весь целиком, как общую функциональную протоструктуру, которая своими донными очертаниями предопределяет слова и послания, исходя из общего контекста, а не наоборот, т.е. не как сложение готовых рациональных элементов.

Школа антрополога и психолога Грегори Бэйтсона (1904-1980), работавшая в том же направлении, вскрыла так называемый "аналоговый уровень" языка, состоящий из "шумов", интонаций, оговорок, функционального фона, предшествующего рациональному дискурсу, выстроенному по законам аристотелевой логики. Князь Трубецкой работал именно в этом направлении, которое в своем мировоззренческом истоке идеально гармонирует с фундаментальным для евразийства стремлением преодолеть одномерный романо-германский рационализм, выйти за пределы формальной логики. Показательно, что структуралистский метод в самых общих чертах сводится к приоритетному выделению пространственной парадигмы. Это так называемый синхронический метод, противопоставляемый диахроническому. Такой выбор методологического приоритета в области лингвистического (шире, гносеологического, философского) анализа, на самом деле, есть не что иное как проекция основной идеи евразийства — идеи плюрального, многополярного параллельного и разнообразного развития национальных культур в "цветущей сложности". Евразийцы противопоставляли плюральное человечество одномерному универсализму Европы и именно на этом базовом цивилизационном, геополитическом дуализме основывали все остальные теории. В рамках лингвистики этой унитарной, классически "романо-германской" одномерной логике соответствует диахронический подход, представление о словеконцепте и логической конструкции как о сущностной основе языка. Синхронический подход, напротив, позволяет частное вывести из общего, причем это общее, схватывается одновременно как цельный и живой организм, а не как мертвая механическая конструкция, целиком предопределенная функционированием своих частей.

"Функциональная лингвистика" Пражского Лингвистического Кружка, активным участником которого был князь Трубецкой, оказывается, таким образом, своего рода проекцией пространственной парадигмы, характеризующей суть евразийского мировоззрения на сферу науки о языке. Синхронический метод, лежащий в основе структурализма, является тем же самым ходом мысли (воспроизведенном на ином уровне и применительно к иным реальностям), что и базовая установка евразийской философии.

Развитие этого замечания и продолжение отслеживания аналогичных соответствий между различными научными дисциплинами и мировоззренческими установками могло бы привести нас к совершенно новой, неожиданной трактовки основных тенденций современной философии, где сквозь сложнейшие терминологические напластования проступила бы скрытая матрица глубинного диалога между двумя фоновыми протоидеологиями, предопределяющими на уровне изначального импульса все дальнейшие построения тех или иных научных и философских школ. Но если аналогичный прием у марксистов заключался в том, чтобы выяснить классовый характер теории того или иного философа и ученого (что подчас приводило к весьма остроумным и продуктивным гносеологическим классификациям), то в данном случае мы имели бы иную дуальность — нескончаемый тайный спор между гносеологией Европы и гносеологией Человечества, между мышлением атлантистов и евразийцев. А такие фигуры как князь Трубецкой явились бы для нас важнейшими пунктами, в которых воедино сходятся отвлеченное политико-идеологическое мировоззрение и профессиональное занятие конкретным научным направлением.

Сколько неожиданных и ревелятивных соответствий обнаружилось бы в том случае, если бы историю современного структурализма сопоставить с основными мировоззренческими установками евразийства... Но это отдельная тема.

Евразия как проект

Учение евразийцев было чрезвычайно актуально в 20-30-е годы. Наполнено почти пророческими интуициями, озарениями, прозрениями в тайну судеб России и остального мира. Евразийцы дали самый емкий и убедительный анализ государственных потрясений России в XX веке. Они сумели возвыситься над клише, свойственными их классовому и кастовому происхождению, приняв и угадав исторический позитив большевизма, но остались верными подлинным корням своей национальной и религиозной идентичности. Ими двигал не конформизм, но мужественное и смелое стремление постичь правду как она есть, по ту сторону узких, ничего не объясняющих и, в конечном счете, безответственных банальностей, которыми довольствовались остальные мировоззренческие лагеря.

Евразийство вобрало в себя все самое яркое и жизнеспособное в русской политической мысли первой половины XX века. Но их идеям не суждено было осуществиться на практике. Их страстный героический порыв не был поддержан ни Советской Россией, ни иммиграцией. К их пророчествам никто не прислушался, события шли фатальным чередом, приближая глобальную катастрофу, в которой поражение терпела не

просто Россия, не просто Евразия, но все Человечество. Тревожная одномерная тень Запада, как трупное пятно, распространялась по всему миру, поражая "цветущую сложность" народов, культур и цивилизаций недугом плоско-буржуазного конца истории.

Два типа идеократии, к которым пристально приглядывались евразийцы, рухнули именно по тем причинам, которые были ими увидены и вскрыты: им обоим не хватило анагогического компонента, и каким бы второстепенным ни казался он политическим прагматикам, никакое историческое здание не будет без него стоять долго и прочно.

Сегодня мы живем в эпоху, когда Европа и ее наиболее законченное монструозное воплощение — США — отмечают последний этап своей цивилизационной победы над Человечеством. Когда рухнули последние оплоты, пусть частичной, но идеократии. Когда Евразия — как культура, государственность и идеал — пала под давлением альтернативного полюса истории. Лишь сегодня мы способны по достоинству оценить гениальность основателей евразийства, и в первую очередь, Николая Сергеевича Трубецкого. Запоздалое, трагично запоздалое признание все же приходит к ним.

Евразийцы сверстали нам полноценный, логически совершенный, удивительно притягательный идеал, объемное, многомерное открытое ко всестороннему развитию национальное мировоззрение, глубоко патриотическое по сути, но заключающее в себе заведомо действенное противоядие против вырождения до вульгарного шовинизма. Это — мировоззрение, приветствующее модернизм, жесткость и авангард, социальных технологий большевиков, но отбрасывающее порочную загипнотизированность экономико-материальными формулами. Мировоззрение глубоко христианское и православное, но преодолевшее двухсотлетнее синодальное отчуждение и формалистический официоз, а вместе с тем открытое к созидательному и веротерпимому диалогу с иными традиционными евразийскими конфессиями.

Самые авангардные методологии, ставшие основой сугубо современного анализа, впервые были задействованы именно евразийцами. Им принадлежит первенство в разработке принципов таких наук, как русская геополитика (Петр Савицкий), русская этнология (впоследствии блестяще развитая их учеником Львом Николаевичем Гумилевым), русская структурная лингвистика (структурализм), русская социология (особенно, теория элит) и многое другое.

Мы не можем требовать от исторических евразийцев того, чтобы они ответили на все стоящие перед нами вопросы, но мы должны быть им безмерно благодарны уже потому, что они завещали нам сокровищницу по-

разительно верных интуиций, развивать которые, модернизировать, обогащать новейшими данными и технологиями, почерпнутыми в других местах, является нашей самой насущной задачей.

И геополитика, и социология, и структурализм, и психология глубин, и традиционализм, и история религий активно разрабатывались в XX веке целым созвездием гениальных авторов, но нам не удалось бы адекватно применить их открытия к нашему собственному русскому опыту, если бы не гигантский теоретический рывок, осуществленный евразийцами. А с их помощью, напротив, все немедленно встает на свои места, помещается в адекватный национальный и исторический контекст, начинает играть новым светом.

Евразийство актуально как никогда именно сегодня. Это не прошлое. Это проект. Это будущее. Это императив. Это наша общая задача.

На всех уровнях, во всех секторах мысли, в религии и экономике, в философии и в политике, в культуре и науке одна цель, один метод, один путь, одна отправная черта: Евразия.

Предисловие к книге Н. С. Трубецкого
"Наследие Чингисхана", М., 1997 г.

А. Г. Дугин

ТЕОРИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (эссе о Николае Николаевиче Алексееве)

Один из трех наилучших

Имя Николая Николаевича Алексеева при перечислении ведущих евразийцев упоминается не всегда. Это — досадное недоразумение, резко контрастирующее с масштабом и глубиной этого мыслителя, с важностью его трудов и концепций для всего евразийского мировоззрения. Имена Карсавина (мыслителя довольно ординарного) или Сувчинского (который вообще ценен больше своей финансовой поддержкой движения, чем посредственными статьями) идут в первом ряду перечисления евразийцев, а Алексеев — после запятой, а иногда его и просто забывают. На самом деле, он вполне может быть включен в тройку наиболее интересных, оригинальных, глубоких евразийских авторов наряду с Николаем Трубецким и Петром Савицким. Но если Трубецкой специализировался на культурно-этнических и идеологических аспектах евразийства, если Савицкий вел геополитику, географию и возглавлял политико-заговорщическую линию, то Алексеев является столпом "теории евразийского права". Этот культурно-политико-правовой триумвират (Трубецкой-Савицкий-Алексеев) и должен рассматриваться как три основные линии евразийского учения, составляющие совокупно абрис уникального, полноценного, крайне оригинального, мировоззрения, единственно непротиворечивого, адекватного самой сути русского пути по истории.

Алексеев заложил основу "евразийского права", той юриспруденции, которая должна была, согласно евразийским чаяниям, сменить советскую юриспруденцию после неизбежного краха коммунистического правления, но при этом сохранить всю полноту идеократического, глубокого национального пафоса большевизма, безошибочно распознанного евразийским как доминирующая национальная черта русского народа.

Итак, перед Алексеевым стояла вполне конкретная задача. — Ему надлежало выработать юридическую теорию, которая, с одной стороны, проистекала бы из магистральной линии органического социального развития русского народа, а с другой, максимально соответствовала бы современным критериям и требованиям. Для осуществления такой задачи, следовало самым серьезным образом пересмотреть все существующие и существовавшие в России правовые концепции — от трудов дореволюцион-

ных авторов до советских юридических и конституционных документов. Кроме того, необходимо было выработать адекватную позицию и относительно юридической мысли Запада.

Можно ли представить себе задачу более масштабную, необъятную, явно превышающие возможности одной единственной личности, даже одаренной и прекрасно подготовленной? И тем не менее, Алексеев справился с этой миссией, и благодаря ему сегодня мы имеем основы уникальной теории, которая, на наш взгляд, рано или поздно, но станет отправной точкой в выработке органического, укорененного в истории, модернизированного и идеально соответствующего нашей национальной среде Русского Права.

Но и этой заслугой не исчерпывается вклад Алексеева в евразийское дело. Параллельно собственно юридической стороне вопроса, он развивал и крайне интересные философские, культурно-исторические темы. Поразительно, но именно у Алексеева чаще всего встречаются ссылки на плеяду современных ему консервативно-революционных мыслителей. Он постоянно обращается к Освальду Шпенглеру и Карлу Шмитту, к немецкой органицистской социологической школе и даже к ... Рене Генону! Насколько нам известно, это уникальный случай цитирования Генона среди русских философов той эпохи, и уже один этот факт показывает насколько истинно и точно постоянно проводимое нами отождествления евразийского движения с магистральной линией западного традиционализма, теорий Третьего Пути и Консервативной Революции.

Открытие Алексеева, возврат и осмысление его наследия — категорический императив нашего общего евразийского возрождения.

Евразийский контекст

Будучи евразийцем, Алексеев остается радикальным "восточником". Это означает, что географический и геополитический Восток представляет для него положительный полюс, тогда как романо-германский мир, Запад, вызывает неприятие и отторжение в его наиболее существенных аспектах. Такое выделение строгой дихотомии между Западом и Востоком является отличительной чертой евразийства в целом и восходит к формуле князя Николая Трубецкого — "Европа и человечество", где "Европа" (="Запада") противопоставляется остальному человечеству, как агрессивная, претендующая на уникальность и полноту моральной и физической власти, аномалия. "Человечество", как обратный "Европе" термин, отождествляется с "Востоком". Кстати, крайне любопытно указать на существование книги Рене Генона "Восток и Запад"(1) (цитируемой Алексеевым), где утверждается точно такая же концепция: "Запад" — мир вырождения и упадка, декадентский "современный мир" как резкое, катастрофическое отклонение от норм и принципов Традиции, а "Восток" — мир Традиции и верности принципам, полноценная реальность, сохранившая связь с изначальным миром "золотого века".

Русские славянофилы и евразийцы, немецкие органицисты (Фердинанд Теннис и т.д.), а позже Консервативные Революционеры (Артур Мюллер ван ден Брук, Эрнст Юнгер, Освальд Шпенглер, Мартин Хайдеггер, Карл Шмитт и т.д.)(2) и романские традиционалисты (Рене Генон, Юлиус Эвола) утверждали в сущности очень близкий подход к современности, подход культурно-протранственный, явно резонирующий с геополитикой, но в то же время и основанный на исторической парадигме, причем в корне противоположной доминирующей на Западе прогрессистски-эволюционистской модели. "Современность" отождествлялась с Западом, Традиция — с Востоком. Но при этом привычные оценочные знаки менялись на противоположные. "Современный мир", "прогресс" рассматривался как вырождение и упадок, Традиция и постоянство культурно-религиозной парадигмы бралось в качестве высшего блага.

Таким образом, "современное", "западное", "прогрессивное" рассматривалось как отрицательное, подлежащее преодолению или даже разрушению. Положительным же тезисом было "Великое Возвращение", "исход к Востоку", как к "Истоку", к началу, к Принципу, к забытой, утраченной сердцевине вещей, к Heartland'у, "сердечной земле"(3).

Однако в этот общий для всего консервативно-революционного движения на европейском континенте, русские евразийцы вносили существенную поправку, сформулированную впервые Петром Савицким. Он заявил в своей рецензии на основополагающую книгу Трубецкого, что выделанная тем дихотомия "Европа и Человечество" должна быть конкретизирована, так как второе понятие — "Человечество" — слишком расплывчато для того, чтобы служить оперативной категорией исторического противостояния цивилизаций и чтобы мобилизовать геополитические и национальные организмы для конкретного политического и метаполитического действия. Савицкий, опираясь на геополитику, предложил сделать следующий концептуальный шаг — отождествить "Человечество", противостоящие Европе, то, что Генон называл "Востоком" с Россией, но понятой не как национальное государство, а как континетально-культурная потенция, как идеальная инстанция, достаточно ясно осознающая свою историческую миссию с одной стороны, и достаточно открытая и в тоже время концентрированная, чтобы выступать от имени всей "Не-Европы". Когда Достоевский, этот величайший русский консервативный революционер, говорил о "всечеловечности русских", он имел в виду ту же самую мысль. "Европа" предлагает, навязывает силой всем остальным свой архетип "человечества", тождественный "современному евро-

пейцу и его системе ценностей и приоритетов". Это "прогрессивный западный космополитизм". Этому европейскому космополитизму, стремящемуся стать универсальным и единственным, противостоит "Русский Всечеловек", леонтьевская "цветущая сложность", евразийский ансамбль культур, религий и этносов, объединяющийся вокруг России с тем, чтобы противостоять агрессии Запада и утвердить право на Традицию и самобытность.

Петр Савицкий подробно развил эти тезисы, снабдив их как геополитическими исследованиями, так и анализом глобальных процессов конкретной политики. Ту же самую геополитическую русофилию мы встречаем и у большинства Консервативных Революционеров в Германии — у Мюллера ван ден Брука, переводчика на немецкий Достоевского и автора эпохальной книги "Третий Райх" (термин, узурпированный позднее нацистами), у Эрнста Никиша, у геополитика Карла Хаусхофера (с его доктриной евразийской оси Берлин-Москва-Токио[4]). Эта "евразийская составляющая" в движении немецких консервативных революционеров получило название Ostorientierung.

Правда Рене Генон сделал иной вывод и просто перешел в ислам, переехал в Каир, и полностью интегрировался в арабскую социально-религиозную среду, оставив Запад, который, с его точки зрения, был отныне безвозвратно потерян. Его ученик и друг Юлиус Эвола, кстати, переводчик Шпенглера на итальянский и друг Мережковского, пытался реанимировать индоевропейское "язычество" и участвовал в идеологическом обеспечении фашистского и национал-социалистического движений, которые в целом отвергали выводы геополитики и евразийский подход. Но это уже детали. Отправная толка у всех была одинаковой, и бесславный конец стран Оси во Второй мировой войне подтвердил теоретическую правоту именно евразийцев и их европейских единомышленников, а не расистов и сторонников возврата к "традиционной Европе" в одиночку, без помощи Востока.

В контексте таких базовых ориентаций и действовал Алексеев, полностью разделявший радикальные евразийские взгляды, которые в контексте всех направлений консервативной революции были наиболее последовательными, законченными, непротиворечивыми и убедительными. Если Россия-Евразия должна осознать свою особую цивилизационную миссию и воплотить ее в жизнь, ей требуется готовая доктрина, охватывающая все общественные, идеологические, экономические и социальные уровни. Николай Алексеев поставил перед собой задачу создания теории евразийского государства (или гарантийного государства, в его терминологии). И в этом смысле, его роль вполне тождественна с позицией гениального немецкого юриста Карла Шмитта[5], перед которым стояла аналогичная задача, но в ином национальном контексте.

Алексеев — это русский Шмитт, и продолжая эту аналогию, можно утверждать, что без евразийской философии права Николая Алексеева полноценного представления о евразийстве нельзя получить точно также, как нельзя говорить о немецкой Консервативной Революции, обходя молчанием одну из ее центральных фигур — фигуру Карла Шмитта.

"Обязательное государство" против "правового государства"

Философия евразийцев базировалась на противопоставлении органицистского, "холистского" подхода к и обществу и истории и подхода механицистого, "атомарного", индивидуалистического", "контрактного". Органицизм (холизм) видит исторические народы, государства и общества как органические сущности, как цельные естественные существа, рождающиеся совместно из духа и из почвы, из органического сочетания субъектных и объектных аспектов. Отсюда вытекает специфический подход ко всем остальным, более частным вопросам.

Атомарный подход, напротив, рассматривает все социально-исторические образования — этносы, государства, классы и т.д., как следствие произвольного объединения в группы отдельных атомарных личностей, индивидуумов, которые фиксируют такое объединение в разнообразных формах "контракта", "договора". Иными словами, неделимым, константным в таком механицистском подходе является только индивидуум (это латинское слово и означает "неделимый", а его точным греческим аналогом будет слово "атом" — "неделимый"), все остальные образования в конечном итоге являются историческим произволом, не обладают никакой самостоятельной онтологией и поэтому могут столь же произвольно меняться, уступая место иным формам контрактных групп.

Любопытно, что органицистский подход был наиболее распространен в среде германских ученых, тогда как "индивидуализм" получил свое приоритетное развитие в Англии и Франции. Русские консервативные философы (славянофилы) всегда тяготели к органицизму и в этом отношении преимущественно опирались на немецких авторов. В пространственном смысле прослеживается такая закономерность — органицизм (холизм) характерен для Востока, индивидуализм — для Запада, причем это справедливо как для европейской части Евразии, так и для всего континента (дальневосточная традиция и индуизм представляют собой наиболее радикальные формы холистской философии и религиозной доктрины).

Николай Алексеев спроецировал этот дуализм на теорию права и получил очень интересный результат. Исследование западной юридической мысли привело его к выводу, что само понятие права уже изначально связано

с механицисткой индивидуалистической доктриной. "Право" описывает сферу свободы индивидуума относительно иных реальностей — других индивидуумов, собственности, природных и культурных сред, социальных институтов и т.д. Иными словами, право исходит из предпосылки "автономности", "суверенности" индивидуума, его самодостаточности и законченности перед лицом иных пластов бытия. Отсюда Руссо вывел свою экстремальную теорию "естественных прав". Но уже задолго до Просвещения, на феодальном Западе и даже отчасти в античном мире Алексеев видит тенденции к автономизации индивидуума и подтверждения этой автономизации в социальном кодексе. Изначально понятие "права" относится к избранных категориям — к Императору, к патрициям, позже к сеньорам, представителям клира и т.д. Здесь еще далеко до Руссо, признававшим "естественное право" за всеми членами человеческого общества, но общая тенденция прослеживается довольно ясно. По мере движения в этом направлении мы приходим к современным либеральным теориям права, наиболее полно изложенным в трудах австрийского либерального юриста Кельсена. Расширив понятие права на каждого члена общества, мы приходим к концепции правового государства, к знаменитой сегодня концепции "прав человека".

Николай Алексеев показывает, что этот путь юридической мысли и эволюции правовых институтов отражает лишь одну из возможных линий социального развития, основанную на атомарной индивидуалистической, рационалистической философии, которая естественна и логична для Запада, но совершенно чужда и неприемлема для Востока. Очень важно акцентировать этот момент мысли Алексеева — само понятие "права" связано со строго фиксируемой геополитической, географической реальностью. Оно претендует на универсальность, но на самом деле, отражает сугубо локальный процесс развития лишь одного из сегментов человечества. С иронией Алексеев указывает на тот факт, что под "Общей теорией права" западные юристы понимают "общую теорию западного права", оставляя вне сферы рассмотрения все альтернативные юридические модели, которые, однако, распространены и до сих пор среди народов, составляющих большую часть человечества, а кроме того, существовавшие и на самом Западе в иные исторически эпохи. Иными словами, в юридической сфере снова вскрывается типичный обман — Запад стремится навязать свои локальные установки всем остальным народам, отождествляя свой уникальный географический и исторический опыт с "общей теорией развития", с "магистральным путем социальной и моральной эволюции" и т.д. Интереснейший вывод Алексеева — когда мы употребляем слово "право", мы уже имплицитно входим в систему западного образа мышления. попадаем в философский контекст, чуждый органицистской логике.

Но что же противостоит концепции права в альтернативных социальных моделях? Концепция обязанности. На этом Алексеев останавливается подробно. Приводя в пример социальную историю Руси он очень точно употребляет старый термин "тягловое государство", государство, строящееся на принципах доминации обязанностей.

В наиболее чистой форме такая "тягловая система" вообще не знает и не признает никаких прав, но повсюду утверждает только обязанности. Это вытекает из философской установки традиционного общества, которая рассматривает индивидуума как часть целого, как несамостоятельную и не самодостаточную проекцию на единичное всеобщего. Отсюда индивидуум представляется лишь частичкой единого целого — Церкви, государства, народа, нации, общины. Это — общинный принцип, принцип предшествования общего в формировании целого. Фердинанд Теннис, на которого часто ссылается Алексеев, прекрасно разобрал это дуализм в противопоставлении принципов Gemeinschaft и Geselschaft(6). Gemeinschaft означает "община", Geselschaft — "общество". Латинскими эквивалентами являются "communa" и "socium". "Коммуна", "Gemeinschaft", "община" предполагают, что целое предшествует частному, предопределяет его, и поэтому у частного перед целым есть только обязанности. "Socium",Geselschaft, "общество", напротив, видит общее как продукт частного, целое — как составленное, возникшее посредством связи ("socium", "Geselschaft" — дословно означает "связанное", "соединенное", "искусственно скрепленное"). Следовательно, такое "составное единство" самим своим существованием целиком обязано своим частям, которые за счет этого автоматически получают базовые "права", "права", проистекающие из их онтологического первенства.

Фактически возникает две возможные теории права. В одной фигурируют индивидуумы как частное и договорное сообщество как продукт связей частного. Соотношения между ними и индивидуумов между собой и составляет содержания права, как его понимает Запад. Предельным выражением такой конструкции является теория "правового государства" и "прав человека" (это последнее вообще не предполагает государства, которое в данном случае можно заменить какой-то иной формой ассоциации, что приводит к современным теориям "мондиализма", "Мирового Правительства" и т.д.)

Вторая теория права имеет дело не с индивидуумами ("неделимыми"), но с персонами, личностями, так как термин "персона" в греческом означало "маску" и применялось к характеристики участников трагедии. Русское "личность" — этимологическая калька с греческого, и означает оно более "функцию" и "роль", "маску", а не самостоятельную и суверенную,

автономную единицу. Эти личности-маски являются дискретными формами выражения единого — общины, народа, государства. Они выполняют "тягловую функцию", "тянут" лямку общественного бытия, которая так тяжела именно потому, что речь идет об операции со всеобщим, с целостным, с единым. Общественное поле каждой личности в "тягловом государстве" заведомо сопряжено с полнотой весомой онтологии. Здесь все служат всему, осуществляя роль, заданную целым и имея в качестве награды онтологическую, постоянную перспективу полноценного соучастия в этом целом, возможность неограниченного черпания из этого целого бытийных сил и душевного покоя.

Не является исключением в "тягловом государстве" и сам суверен, Царь, василевс, тот, кто является носителем права по преимуществу в западной концепции задолго до Просвещения и либерализма. Евразийский царь, царь органицистского общества — такая же персона, маска, такая же тягловая фигура, как и все остальные. Он служитель общего бытия, а следовательно, он первый, кто чувствует на себе все бремя онтологического служения. Царь более обязан, чем все его подданные. Он лично ответственен за бесперебойное функционирование всех остальных личностей. Он не собиратель тягловой дани, а надсмотрщик, "епископ" общего бытийного предприятия, которое ему поручено чем-то высшим, нежели он сам, в отношении чего сам он — лишь маска и роль, функция и служитель.

Алексеев мягко, чтобы окончательно не запугать русскую эмигрантскую старорежимную интеллигенцию, воспитанную в подавляющем большинстве на либеральных теориях, говорит о концепции "правообязанностей", как об альтернативе правового подхода. Но объективно следовало бы все же говорить только об "обязанностях", об "обязательном государстве", о "тягловом государстве", которое, если и пользуется категорией права, так только в прикладном, инструментальном, подчиненном смысле, для структурализации и рационализации тех юридических вопросов, которые удобнее рассматривать с позиции прав. Но эта техническая необходимость обращения к "правам" еще не означает их причастности к общественной онтологии, а следовательно, имеем смысл, строго говоря, исключить само упоминание о "правах" из базового определения "евразийской юриспруденции" и говорить только об "обязанностях", что будет являться вполне симметричным западным концепциям "правового государства".

"Монастырь наш — Россия"

Чтобы не передергивать позицию нашего автора, все же следует уточнить, что он не называет евразийское государство "обязательным", но говорит о "правообязанностях", о "гарантийном государстве", о "демотии"

и "идеократии". Термин "демотия" евразийцы употребляли, чтобы разграничить между собой механицистское и органицистское понимание демократического принципа. "Демотия" — это "органическая демократия", принцип "соучастия народа в своей собственной судьбе", по определению Артура Мюллера ван ден Брука[7]. Такое соучастие, в отличие от либеральной демократии предполагает соучастие в судьбоносных социальных, государственных решении не только ныне живущих, совершеннолетних граждан, принадлежащих к конкретной территории и социальной системе, но некоего особого существа, народного духа, который складывается из мертвых, живых и еще нерожденных, из общего естественного пути народа как общины сквозь историю. "Идеократия" же означает подчинение социальной жизни конкретного идеалу, естественному "телосу", вытекающему из культуры, религии и духа нации и государства, остающегося постоянным несмотря на политические, идеологические, этнические и даже религиозные катаклизмы. Конечно, и принцип "демотии" и концепция "идеократии" однозначно приводят к "обязательному государству", как к радикальной антитезе западному праву, к своего рода Анти-Кельсену. Но все же Алексеев лично стремится акцентировать более благодатные, положительные черты евразийского государства, а не ту довольно жесткую социальную онтологию, которая сопряжена с "обязательным государством" и которая так наглядно воплотилась в советском строе.

Такое стремление несколько дистанциирования от радикальной модели "обязательного государства" проявлена у Алексеева в социально-юридическом осмыслении традиционного для русской историософии противопоставления иосифлян, сторонников Иосифа Волоцкого, епископа Волоколамского, и заволжцев, последователей исихаста Нила Сорского. Иосиф Волоцкий, почитаемый русский святой, был одним из первых русских теоретиков "тяглового государства". Он рассматривал все социальные и даже духовные проявления личности как служение национально-религиозному Целому, Православному Царству, Святой Руси. Позже линию Волоцкого продолжил Иван Пересветов, главный теоретик опричнины, и сам Иван Грозный, знаковая фигура Московской Руси, этого яркого исторического примера "обязательного государства". Совершенно справедливо различает Алексеев эту же линию в пафосе ранних старообрядцев, а в наше время в большевизме и ленинизме. Алексеев признает, что "иосифлянство" явление глубоко евразийское, симптоматичное, крайне существенное для понимания альтернативной Западу социально-юридической модели. Но при этом Алексеев склонен рассматривать такой тип не как центральную ось, но как один из возможных полюсов евразийской социальной организации, как Грозный Полюс, как ограничительный, запретительный, подавляю-

щий, террористический режим абсолютизированного общественного служения. Кстати, из современников Алексеева такую иосифлянскую модель защищали национал-большевики и сменовеховцы.

Но, признавая преимущества иосифлянства перед либерализмом, Николай Алексеев все же тяготеет к иной версии социального устройства, которую он возводит к линии заволжских старцев, к Нилу Сорскому, его ученику Вассиану Патрикееву, князю Курбскому. Это — Милосердный Полюс евразийской модели, высвобождающий для духовного, созерцательного делания по ту сторону социально-тяглового служения, особое культурно-духовное пространство, призванное компенсировать эксцессы социализации и тоталитаризма, облагородить и утончить пафос "обязательного государства". И эта линия, безусловно, также является глубоко укорененной в русской национальной стихии, которая наряду с этикой службы и подвижничества прекрасно знает этику светлого умозрения, фаворского созерцания, светового преображения плоти в дух. Линия заволжских старцев, ее проекция в политику, в некое тайное общество, на которое намекает Алексеев и которое, по его словам, стоит за самим явлением евразийства, дает теорию полноценного мессианского государства, идеальной России-Евразии, Третьей Руси, которая кладет в основу "обязательное государство" иосифлян, но сублимирует его до исихастско-монастырского умного созерцания. "Монастырь наш Россия" — говорил по сходному поводу Николай Гоголь.

Причем этот Милосердный Полюс отнюдь не является, строго говоря, уступкой правовому принципу. Просто представление о базовой личности, являющейся инобытием общественного единства, возвышается до мистически-церковного, созерцательно-монашеского уровня. Никаких прав у личности так и не возникает, но помимо тягловой социально-политической, трудовой обязанности, возникает благодатная, компенсирующая, световая , но то же обязанность, обязанность личностного исихастского соучастия в полноте нетварного фаворского Света, открытого Иисусовой жертвой каждому члену Церкви, Церкви как изначального единства, конституирующей "новую личность", "благодатную личность" христианина, рожденного свыше.

Мистика русской истории подтверждает правоту Алексеева. — Нил Сорский был канонизирован и причтен к лику святых, так же как и его оппонент Иосиф Волоцкий. Но почитание Нила Сорского было довольно локальным, тогда как Иосиф Волоцкий пользовался славой общенационального святого, любимого и широко почитаемого всем народом. Точно также и в политических моделях евразийского государства — иосифлянская, Грозная, Московская, опричниково-большевистская линия была

общераспространенной, как своего рода "экзотеризм". Тогда как Милосердная лини заволжских старцев была внятна элите — старцам Оптиной, монашеству, тонким пророкам России (таким как Достоевский или Блок), нашим мистикам и духовидцам.

Византизм

Крайне интересна типология двух альтернативных социальных моделей, предложенная Алексеевым в статье "Идея "земного града" в христианском вероучении", соотносящая юридические формы с религиозно-конфессиональными установками. Алексеев точно указывает на тот важнейший факт, что ветхозаветное общество было прообразом современных либерал-демократических режимов, так как оно не знало теории "органического государства", основывалось на исключительно теократических принципах и всячески релятивизировало (а некоторых случаях и демонизировало) значение царской власти(8). Элементы этой "теократической демократии" Алексеев прослеживает через всю историю западной юриспруденции вплоть до современных теорий "правового государства". Это очень важный элемент — отождествление иудейской традиции с западным духом, с западной формой. То же самое (хотя в другом контексте) утверждал Рене Генон, причислявший иудаизм к духовным традициям Запада(9). В дальнейшем, уже в христианском обществе, та же линия привела к католической модели, к папо-цезаризму и т.д. Высшей и самой законченной формой такого государства-антигосударства ветхозаветного типа Алексеев считает США, страну крайнего Запада, где все социал-либеральные тенденции достигли своей исторической кульминации. И не случайно США являются делом рук протестантских экстремистских сект, которые пытались искусственно воссоздать в Новом Свете копию древне-иудейской реальности, к которой традиционно апеллируют все кальвинистские ветви протестантизма.

Алексеев совершенно справедливо утверждает, что Восток придерживался иной социальной модели, в которой, напротив, подчеркивалось значение монархического принципа, "деспотии". Вместо "общественного договора" под надзором теократии — "холистское государство" под главенством Царя-Отца, по своей органичности напоминающее трудовую семью или даже единый организм. Можно сопоставить теократический принцип с доминацией рассудка, головы. Монархический принцип — с доминацией сердца, центра существа.

Русь изначально строилась как государство восточного типа, противоположного иудаистической модели. Еще раньше такая радикально неиудейская форма сложилась в Византийской Империи, которая была воплощением христианской традиции, распознанной в восточном ("евразийском") клю-

че. Православие и его политико-социальная доктрина — это евразийское христианство. Но в отличие от нехристианских монархий Востока, православный василевс не обожествляется в полном смысле этого слова. Его функции и даже священство его общественного, холистского служения подчиняются световым принципам Церкви не персонифицировано, как в католичестве, но мистически, провиденциально, эсхатологически. Грубо такая модель называется "цезаре-папизмом". Но здесь не просто перевернуты пропорции относительно папо-цезаризма западного христианства. Здесь качество обоих функций совершенно иное, формы властвования сконфигурированы отлично от соответствующих институтов Запада. Византизм, на самом деле, в чем-то созвучен гибеллинской идеи в ее наиболее возвышенной версии. Царство понимается как религиозное служение, как аспект Церковного экклесиологического домостроительства. Император не отбирает у Патриарха (Папы) религиозные полномочия, но сакрализует в полной мере свою светскую власть, делая ее более чем светской, преображающей службой. Духовный же владыка помещается еще выше в духовном смысле, но в светском, напротив, его полномочия сокращаются, освобождая энергии для чисто религиозно-созерцательного, мистического, евхаристического служения. Таким образом, византийская модель не просто восточная деспотия (хотя в худшем случае она скатывается именно к ней), но идеальный сбалансированный строй, с оптимальными пропорциями между "тягловым принципом" холистского Государства, государства как идеи, как онтологической нерасчленимой сущности, как принципа, как сакральной Империи, и духовным деланием религиозного домостроительства спасения.

Но даже если этот гармоничный, провиденциальный баланс между двумя типами власти теряется (а именно такой баланс Рене Генон считал отличительным признаком подлинно традиционного, совершенного общества), византизм обречен на нисхождение в восточную модель деспотии, а отнюдь не в "правовое государство", в которое вырождается ветхозаветная или католическая социальные формы.

Проект Евразийского Государства

Каковы основные выводы из трудов Алексеева? Что предлагает он взамен критикуемых юридических, правовых систем?

Во-первых, и это важнее всего, Алексеев однозначно утверждает, что право в России должно строиться на принципах и предпосылках, альтернативных западно-либеральным юридическим теориям. Не право важно, но правда, государство правды. Гарантийное, "обязательное" Государство, имеющее дело с личностями, но не с индивидуумами, с проекциями единого, а не атомарными учредителями произвольного и необязательного коллективного предприятия. Следовательно, национальная юриспруденция должна резко и жестко отказаться от копирования правовых теорий Запада, подвергнуть их детальному и скрупулезному историко-геополитическкгому и критическому анализу, перенимая лишь то, что не противоречит принципам "тяглового государства" и может быть использовано в ограниченно-инструментальных целях.

Во-вторых, идеальным типом Евразийского Государства будет полноценная византийская модель, сочетающая грозный принцип иосифлянского тотального служения, общенародного тоталитаризма, общегосударственного домостроительства, с милосердным принципом заволжского созерцания, возвышающего общинное делание до уровня Умного Делания.

В-третьих, Евразийское Государство должно последовательно идти к универсализации своего типа, вбирая в себя иные культуры и этносы, обогащая их светом спасительной миссии и обогащаясь само уникальностью многообразия культурных форм. В конечном счете, сама Евразия должна быть осознана и рассмотрена как Единое Целое, как нерасчленимая общность, как пластическая протореальность историко-географической (пространственно-временной) судьбы. Но это Целое проявляется через учреждаемые им самим "персоны", национальные личности, которым доверено тягловая миссия — свести континентальную мозаику к единой картине, расшифровать ландшафты и этнические ансамбли как фрагменты единого законченного текста, прочтение которого доверено поколениям эсхатологической эры, населению Великой Евразийской Империи Конца, создание и укрепление которой является высшей миссией и последним избранничеством народа, русского народа-богоносца.

Николай Алексеев сделал на этом пути очень многое. Остальное он предоставил тем, кто прийдет за ним, то есть нам.

Предисловие к книге Н.Н. Алексеева
"Русский народ и государство", М., 1998 г.

Примечания.

1. См. также Рене Генон "Кризис современного мира", Москва, 1994.
2. См. А.Дугин "Консервативная революция", Москва, 1994.
3. См. А.Дугин "Основы геополитики", Москва, 1997.
4. Там же.
5. Там же. См. также "Консервативная революция", op. cit., ж-л "Элементы" № 3, 1993 и № 8, 1997.
6. См. А.Дугин "Консервативная революция", op. cit, или ж-л "Элементы"№ 4, Москва, 1993.
7. См. А.Дугин "Консервативная революция", op. cit.
8. Подробно соотношение жреческого и царского принципа в православной традиции разобрано в книге А.Дугина "Метафизика Благой Вести (православный эзотеризм)", Москва, 1996.
9. См. А.Дугин "Основы геополитики", op. cit.

А.Г.Дугин

ОН ВЕРНУЛ НАМ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАШЕЙ СУДЬБЫ!
Выступление на конференции "Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии" (СПб, Географическое общество, 22 апреля 2002г.)

Эволюция идеи Руси рассматривается с разных точек зрения. Недавно в Москве в МГУ им. Ломоносова и в Институте Философии РАН была проведена серия очень интересных семинаров и конференций относительно русской идентичности.

Хочу сразу сказать: мое выступление пристрастно и "партийно", так как я являюсь убежденными евразийцем, наследником основных интуиций евразийства, следуя за основными линиями мысли Савицкого, Трубецкого, Алексеева и Гумилёва, полностью признавая главные философские, интеллектуальные, духовные и исторические векторы их теорий. Даже самый общий взгляд на проблему эволюция идеи Руси — при полном отсутствии консенсуса относительно того, что такое Русь, что такое человечество, что такое мировая история, что такое Запад, что такое цивилизация — требует нескольких парадигмальных объяснений.

Необходимо хотя бы в нескольких словах описать философский смысл евразийской парадигмы.

Корни евразийской парадигмы следует искать в славянофильской философии. Евразийство таким образом — глубоко национально, является плодом обостренно патриотической, идентитаристской, русской мысли. Все евразийцы считали себя наследниками Хомякова, Аксакова, Самарина, Леонтьева и Данилевского. Но вместе с тем, следует вспомнить, что и сами славянофилы находились под серьезным влиянием немецких романтиков. Общим и для тех, и для других был так называемый "органицистский подход". Неустанные и последовательные критики "романо-германской цивилизации" евразийцы — вместе с тем — двигались в направлении "органицизма", являющегося важнейшим элементом германской философии и социологии.

"Органицизм" — это специфический метод научного, исторического, философского анализа, свойственный немецкой школе от Гердера к Фердинанду Теннису, Шпенглеру и течению "консервативной революции" (Артур Мюллер ван ден Брук, Эрнст Юнгер, Фридрих Юнгер, Мартин

Хайдеггер, Томас Манн, Эрнст фон Заламон, Гуго Гофманшталь и т.д.). Причем сам термин "Konservative Revolution" был заимствован Гофманшталем у Самарина — "революционный консерватизм".

Русская ветвь философов-органицистов развивалась по самостоятельному пути, но очень многое в этом маршруте было общего — пересечений, сходных выводов, синхронных открытий. Евразийцы, ориентировавшиеся на славянофильское наследие, Константина Леонтьева и Данилевского, а также на школу русских географов (Ламанский, Семенов-Тяншаньский и т.д.), были вместе с тем по-европейски образованными людьми, и, естественно, с большим вниманием относились именно тому, что им было близко.

Гумилев принадлежал именно к этой линии — к евразийству и к русской органицистской школе, что в широком смысле синонимы.

Конечно, Лев Николаевич Гумилев — самородок, гениальный человек, абсолютно оригинальный, самостоятельный, но подобные люди не появляются на пустом месте. Гумилев был прямым наследником "органической" славянофильской, евразийской философии культуры, евразийской исторической традиции.

В отличие от уважаемого академика Панченко, я не думаю, что "политика является грязным делом", и уж совершенно неверно, с исторической точки зрения, утверждать, что "евразийцы были чужды политике", поскольку основные евразийские идеи предельно и эксплицитно заострены в политическом ключе. Евразийство было для его отцов-основателей отчетливо "политическим проектом".

Все дело здесь и везде упирается в принципы. Если они есть, то они выражаются во всем — в науке, культуре, политике, быту, религии. Если их нет, то это способно осквернить любую область деятельности — как самую возвышенную, так и самую простую и конкретную.

Гумилев был продолжателем евразийской традиции, а соответственно, его идеи имели имплицитно политический оттенок. Другое дело, что в эпоху доминации тоталитарного "марксизма" прямо провозглашать это было невозможно. И не только "политическое евразийство", но и "евразийство" вообще — так как оно было приравнено к "белогвардейщине".

Хочу еще раз подчеркнуть, что евразийский подход Гумилева к истории проистекает из основных предпосылок органицизма. Именно здесь следует искать фундаментальные парадигмальные постулаты теории этногенеза Гумилева.

Для Гумилева человеческое существо, человеческий коллектив, человеческое общность, язык, культура, история — это не нечто отделенное непроходимой бездной от биологического существования, от природы, от земли, ветров, камней, живого и неживого мира, ландшафта, но элемент

некоего единого Целого. Именно это и является главным принципом холистского органицистского подхода к реальности. Человек — это организм, человеческая мысль — это органическая мысль, человеческая культура, человеческое общество — это определенная форма существования живого и единого, целостного, органического существования. У Льва Николаевича, этносы представляют собой не автоматы, не агрегаты, не агломераты автономных частиц, как в количественном "атомистском" видении позитивистов.

В западной философии Нового времени господствует "метафора часов" (по Локку), согласно которой человек, животное, Вселенная есть просто разновидности механизмов. Декарт был убежден, что всякое животное — это просто сложный механизм, а Ламетри приравнял и самого человека к машине. Объектом изучения социальных и этнических процессов при таком подходе становится, своего рода, "мертвая жизнь", "биос некрос" по выражению святоотеческой традиции (хаотические импульсивные столкновения разнородных автоматов), которую необходимо вычислить, код которой необходимо открыть, обнаружить. Такой подчеркнуто неорганический, механический подход является нормой гуманитарных исследований Нового времени.

Основное направление западной мысли начиная с первых шагов Нового времени заключается в том, что позитивистская наука рассматривает процесс рационализации, отчуждения от естественного и органического уровня бытия, перевод органического в рациональное как абсолютно позитивное и необратимое явление. Отсюда тезис о необратимости преодоления этнического начала. Историческое вбирает в себя органическое и "снимает" его. И мы имеем при таком подходе однонаправленное движение от "варварства примитивных народов" ("примитивов", "дикарей"), от органического полуживотного существования к продвинутому технологически, высоко-рациональному обществу, которое возникает через распад, уничтожение, преодоление общины.

Послание Гумилева революционно в этом контексте не только по своим выводам, но и по своим предпосылкам.

У нас принято относиться к евразийцам как к мыслителям, утверждающим самобытность русской цивилизации и большое (позитивное!) значение тюркско-монгольских народов в этногенезе русских и в становлении русской государственности. Это верно, но нельзя забывать и акцентированного, пронзительного критицизма в адрес Запада, радикальное его отторжение, что составляет важный аспект евразийского учения. Уже в первой по-настоящему евразийской книге князя Трубецкого, "Европа и человечество" — это своего рода "Капитал" для евразийцев — Европа выступает как антитеза всему остальному человечеству, как угроза для всего остального человечества. В самом заглавии читается решительная дилемма — "либо Европа, либо человечество" (позже мы увидели ту же мысль у Тойнби в тезисе "Запад против всех остальных", "The West against the Rest"). Трубецкой первым предложил контуры альтернативного планетарного фронта — "The Rest against the West", то есть — "все остальные" (традиционные общества) против "Запада" как претендующей на универсализм, агрессивность и тотальность рационалистической утопии, называемой сегодня "глобализмом". Запад ("Европа", у Трубецкого) не географическое понятие, это расползающаяся по всей планете "метафора часов", тень умертвляющего подхода к таинству жизни — человеческой и природной.

Князь Н.С. Трубецкой предложил политически и мировоззренчески мобилизовать народы, которые руководствуются в своей культуре "метафорой дерева". Гумилев является продолжателем этой линии. Он был настоящим духовным революционером и глубоким русским патриотом, носителем уникального парадигмального послания. Это послание несло в себе опрокидывание всех принципов и устоев "метафоры часов", оно ставило во главу угла жизнь и целостность бытия — вопреки установившейся западной позитивистской привычке дробить все явления на отдельные механические сектора. Парадигмальный срез мысли Гумилева нуждается в новом исследовании, в новом постижении.

О многом он не мог писать прямо — жизнь была трагичной и сложной, как у любого гения. Многие его идеи остались за кадром. Сейчас его больше нет с нами, и мы можем лишь догадываться о том, о чем он умолчал. И, конечно, наши догадки останутся лишь гипотезами. Он унес с собой секреты своей философии. Но, тем не менее, совершенно очевидно, что философия Гумилева была органицистской альтернативой западному механицистскому, позитивистскому мировоззрению.

Сам Гумилев открыто говорил, что у русских, восточных славян есть комплиментарность с тюрками, уграми и монголами, шире, с народами Востока, с "восточной составляющей", но нет подобной комплиментарности с народами Запада. Если мы переведем это этнологическое замечание на уровень мировоззренческих парадигм, мы увидим всю колоссальную глубину такого вывода, который можно адекватно расшифровать лишь в законченном евразийском контексте, где из него можно вывести разнообразные прикладные моменты — в том числе и политические.

Если продлить эту мысль дальше, мы сможем угадать, что, по Гумилеву, Восток — это органицизм, это — цикличность, жизненность, а Запад — механицизм, историцизм, однонаправленное время. И в тонком резонансе с Элиаде и Геноном Гумилев намекает, что концепции "однонаправленного времени" возникают у этносов в период надлома, когда пассионарность остывает и начинается стадия обскурации. "Историцизм" ("ра-

ционализм) — порождение сумерков этноса, когда этнос переживает расцвет, он мыслит в категориях становления и вечности, вечного настоящего, укорененного в прошлом и суверенно обустраивающего будущее.

В Западе и в современной западной ментальности Гумилев видел, безусловно, врага Евразии, распознавая его в западном философском "позитивистском" обобщении и универсализации следствий этнического старения и вырождения, определивших основные параметры современной западной культуры и цивилизации.

Обращение Гумилева к древним эпохам Евразии также глубоко символично. Гумилев уделял колоссальное внимание истории Евразии, вернув нам две тысячи лет полноценной истории, насыщенной столкновениями множества народов, религий, цивилизаций, драмами, подвигами, невероятными взлетами и падениями, преступлениями, свершениями, достижениями — техническими, интеллектуальными, творческими и культурными. Он вернул нам две тысячи лет нашей судьбы! Какой невероятный бесценный дар! Какое удивительное достояние!

До Гумилева мы привычно смотрели на себя самих глазами Запада, видя в нашей старине, в древности лишь тягостные века варварства, кровавого недоразумения, бессмысленного, застойного, мертвого существования. Мы стеснялись своих азиатских корней, находя их столь отличными от изученной до мелочей аккуратной компактной Европы. С точки зрения западного человека, Евразия в ее северо-восточной глубинке населена "недоразвитыми механизмами", в то время как в Европе и иных подконтрольных ей секторах планеты проходило блистательное становление цивилизации, шел полным ходом прогресс, протекала историческая, политическая, культурная и экономическая эволюция. Мы знаем подробности жизни каждого французского монарха, имена его любовниц, любимые блюда его меню, но о существовании меркитов или чёрных татар, савиров, роксаланов, джурдженей, согдийцев, половцев, аваров и тохаров мы не знаем ровным счетом ничего — для нас это темный лес, хотя с Францией мы никак не связаны, а наша кровь и наши земли наполнены сырым духом наших этнических и культурных корней, наших предков, их страстью, их силой, их особым светом и особой энергией.

Гумилев восстановил для нас колоссальное наследие, расшифровал послание крови, земли и пространств Евразии, которые постепенно стали обретать для нас (в значительной мере благодаря ему) зримые и внятные черты. После Гумилева наш собственный взгляд на нашу страну, наши корни, нашу роль в истории, на наше национально-этническое происхождение, не чисто славянское и не чисто тюркское, существенно изменился. Мы начинаем гордиться нашим "я", начинаем любить и изучать каждый элемент нашего прошлого и искать в этом прошлом перспективные пути в будущее.

Этот уникальный, органицистский подход Гумилева основан на евразийской методологии, является ценнейшим звеном современного евразийства.

С евразийской точки зрения, Русь жива тогда, когда она является этничной, когда она сохраняет запас пассионарности и не растрачивает его полностью в технологиях, государственности или в рационалистическом культуростроительстве. Русь жива и особенно ценна, когда она донная, когда в ней происходит бурление первобытных, изначальных энергий, связанных с колоссальным взаимодействием солнечных, космических и органических лучей. Мир, в котором мы находимся, мир, увиденный Гумилевым, жив, он пульсирует в человеческих и нечеловеческих популяциях. Эта священная энергия Целого выплескивается в бурном, роскошном потоке бытия, источая из себя энергию этногенеза и пассионарных толчков. И тайные истоки этой энергии следует искать на Востоке, в глубине Евразии.

С точки зрения Гумилева, Русь, обращаясь к степи, к кочевникам, к Сибири, к тюрко-монгольской стихии, обретала жизнь, припадала к тайному источнику, дававшему новую жизненную энергию, постоянно циркулирующую между оседлостью и кочевничеством, между индоевропейским и тюркским началами, между Западом и Востоком, Европой и Азией. Это сочетание иранского (европейского, арийского) и туранского, сочетание оседлости и кочевничества, западного и восточного, иррационального и рационального породило всю уникальность и ценность русской культуры.

Теперь об эволюции образа Руси. До монгольского нашествия Руси, по Гумилёву, евразийского содержания в Русском Государстве отчетливо не было, хотя на этих землях туранские и арийские энергии скрещивались еще за долго до империи Чингизхана и Московского Царства. Евразийство, безусловно, было, но Евразийского Государства, т.е. особой формы самоопределения, идентичности не было. Киевская Русь была скорее смешанным типом, где преобладали черты восточно-европейского уклада, хотя и с изрядной долей половецкого, туранского начала. В самобытный культурный тип это, однако, не преобразовалось. Древняя Русь представляла собой периферию Европы, Византии и некоего евразийского пространства.

Русь стала обретать черты самостоятельной цивилизации, единства и государственности в монгольскую эпоху как часть улуса Джучиева. Московская Русь вышла из улуса Джучиева столбовым, огромным, державостроительным и континентальным образованием. И здесь византийская идеология (после падения Царьграда), взятая как метафизическая, духовная, православная идея, сочеталась с татаро-монгольской административностью, военными навыками и авангардными информационными технологиями. Из этих двух частей, сплавившихся в нераздельном синтезе, возникла подлинно Евразийская Русь.

Московская Русь, с точки зрения евразийцев и Гумилева, была эпохой расцвета, своеобразным золотым веком нашей национальной истории. Тогда же сложилось и представление о "Святой Руси", о "Москве-Третьем Риме". Именно этот Московский период является мерилом расцвета нашей национальной, этнической, цивилизационной самоидентичности.

Дальше после раскола, в романовскую эпоху и вплоть до революции, мы смотрим на Русь глазами Запада (евразийцы до Гумилева называли эту эпоху "романо-германским игом"). Евразийцы в полемическом накале отрицали полномочность самого термина "татаро-монгольское иго", считая Чингизхана охранителем национальной цивилизационной идентичности, и напротив, постоянно описывали романовский период как "романогерманское иго". Санкт-петербургский период, таким образом, с точки зрения евразийства, представляет собой некий синкретизм, отчуждение, остывание пассионарности.

Часть левого крыла евразийцев — "парижская группа" (Эфрон, Карсавин), и даже Савицкий, называвший себя в письмах "национал-большевиком", а также примыкавшие к евразийцам "сменовеховцы" пытались увидеть в Октябрьской революции, своего рода, новый пассионарный толчок, возврат к евразийским корням. Тогда в их кругах был популярен взгляд на Ленина, на большевиков, как на восточную евразийскую силу. Во всяком случае, ряд знаковых элементов советизма — вплоть до факта переноса столицы в евразийскую Москву из "романо-германского Санкт-Петербурга — можно было бы истолковать скорее в евразийском ключе. И этот евразийский характер советской государственности подтверждается целым рядом соображений иного порядка.

Сегодня в нашем обществе относительно советского периода преобладает довольно скептический подход, но та эпоха, которую многие из нас застали, увы, в стадии заката, нуждается в очень глубоком и серьезном переосмыслении. А евразийское прочтение советского периода еще только предстоит сделать.

Хочу закончить следующими словами: наследие Льва Николаевича Гумилева, бесценная сокровищница его трудов, выкованная им методология является важнейшей составляющей русской евразийской культуры, незаменимым элементом современного евразийства, являющегося единственной непротиворечивой формой Национальной Идеи.

СПб, апрель 2002 г.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Александр Дугин:

"Я — ЗА МНОГОПОЛЯРНУЮ ГЛОБАЛИЗАЦИЮ"
Беседа корреспондента турецкого журнала «Диалог Авразия» с лидером движения "Евразия", июль 2001 г.

— "ДА": *В конце апреля этого года в средствах массовой информации появились сообщения об учредительном съезде Общероссийского политического общественного движения "Евразия". Из них следует, что у "Евразии" уже более 50 представительств по всей России. Значит ли это, что евразийские идеи теперь становятся достоянием широкой общественности, политическим фактором?*

— Александр Дугин: Долгое время мы обсуждали евразийские идеи на базе интеллектуальных центров, молодежных, студенческих, профессорских групп, среди энтузиастов-востоковедов. Большинство политических партий, определяющих сегодня лицо Думы, так или иначе восприняли евразийские идеи. Например, коммунисты взяли из евразийской философии много идей, которые не имеют отношения к марксизму. Также очень много, только в своей манере, заимствовал Жириновский в либерально-демократической партии. "Единством" очень многие вещи взяты, и даже у либералов есть определенные элементы евразийства.

То есть нельзя сказать, что мы в самом начале пути — это неверно. Просто сейчас мы объединяем тех, кто нам близок: интеллектуальные центры, политических деятелей. Проявляет заинтересованность экономический сектор — наш российский бизнес, банковская система, экспортная сфера. Дело в том, что бизнесмены, столкнувшись с истинным рельефом международной жизни, с закономерностями, которые они вначале игнорировали, все больше и больше начинают интересоваться некоторыми глобальными закономерностями, взаимодействием глубинных мировых сил. И такое знание становится коммерческой информацией, а незнание может привести к ощутимым убыткам.

С другой стороны, растет популярность евразийских идей в научной, интеллектуальной среде, отмечено увлечение этими вещами в правительственных кругах. Огромен интерес к геополитике, которая в наших рос-

сийских условиях почти тождественна евразийству. Все это вызвало необходимость оформить наше евразийское движение именно как общественно-политическую силу, предлагающую совершенно новый взгляд на многие стороны экономической, социальной и интеллектуальной сфер. Мы — политическое движение, основанное на мировоззрении, все наши 50 организаций представляют собой объединения разнообразных сил вокруг мировоззренческих ячеек, связанных все эти годы со мной, с нашим центром.

— *В названии движения стоят рядом определения "политическое" и "общественное". Значит, "Евразия" заявляет о своем участии в политической жизни России и о своих амбициях на вхождение во властные структуры. Это так?*

— Политика — дело рук не политических технологов, некой замкнутой касты; она должна быть сопряжена с социальными требованиями, поверяться общественными движениями, которые должны оформлять, возвышать свои требования до политических проектов. Евразийство в этом отношении наследует славянофильскую идею: государство, общество, дух, идея, плоть — все суть едино, все должно быть неким всеобщим деланием, общенациональной, общесоциальной литургией. Мы являемся преемниками этой холистской (целостной) традиции, и сочетание в нашем названии двух элементов — "общественное" и "политическое" — имеет концептуальное значение. Мы настаиваем на гармоничном единстве двух уровней.

— *В чем же выражается политическая составляющая вашего движения? В какой конкретно деятельности?*

— Конечно, мы постепенно будем двигаться к полноправному участию в политическом процессе. Но мы не хотели начинать с этого. Мы себя партией не осознаем и, конечно, не являемся пока партией. Ведь большинство сегодняшних политических партий в России на самом деле таковыми не являются, это разного рода конъюнктурные, ностальгические образования, которые объединены не по внутренним признакам. Мы не хотим быть еще одной квазипартией. Это и накладно и не нужно.

Согласно нашему прогнозу, в ближайшее время политические и общественные объединения будут более или менее адекватны общему раскладу социальных и политических сил, мировоззренческих тенденций. Я не исключаю, что в будущем мы станем одним из элементов обширного конгломерата пропрезидентских центристских движений. У нас есть представление о будущем, прошлом и настоящем нашей страны, мы не дискредитировали себя ни коммунистическими, ни псевдодемократическими экспериментами, у нас есть определенная позиция по любому вопросу,

например, по вопросам культурным, этническим, по вопросам федерализма, и это не какой-то жалкий лепет и не популистский лозунг, а адаптация нашего мировоззрения к конкретной проблеме. Мало кто из общественно-политических движений в сегодняшней России может похвастаться, что обладает мировоззренческой составляющей.

— *Вы говорите, что у вас есть представление о путях развития страны. Они в чем-то выражаются, в каких-то проектах, например?*

— Конечно. Вот, например, перед вами мой учебник "Основы геополитики". Это тысяча страниц мелкого текста с картами. Здесь содержится геополитический проект развития Российской Федерации, анализ проходящих процессов, прогностические представления, концепция геополитического будущего России. Этот учебник выдержал четыре издания, по нему преподают в Академии Генерального штаба, Дипломатической академии, во многих региональных вузах. В Челябинском университете два года существует факультет Евразии с двумя кафедрами. Есть и другие книги, где содержатся конкретные проекты, конкретные предложения. Это не публицистические статьи, а концептуальные материалы философско-стратегического характера.

Мы издали серию всех классиков русского евразийства с моими комментариями, это томов 15, и продолжаем ее издавать. Мы не только воссоздаем евразийское наследие, мы его реанимируем и переверстываем на современный лад, добавляем новейшие компоненты: геополитическую методологию, новейшие модели по истории религии, философские вопросы. В июле 2002 г. мы организовали — актуальнейшую конференцию "Угроза ислама или угроза исламу?", которая прошла в "Президент-отеле", где были представители посольств всех исламских государств, главный муфтий России, огромное количество ученых, специалистов. Там были даны: проект решения исламского вопроса в России, рекомендации по учету исламского фактора в странах СНГ, осмысление того, способствует он интеграции или нет, модель отношений России с другими исламскими государствами — какие из этих отношений являются приоритетными, какие второстепенными. То есть, мы ведем именно практическую политическую деятельность. От обычной политики она отличается тем, что не прибегает к популизму, шоу-бизнесу и коррупции. Таким образом, пока мы сосредоточились на том, чтобы сделать первый шаг — от чистой философии к политической деятельности.

— *Как трактуется термин "Евразия" с точки зрения геополитики? Что такое, на Ваш взгляд, евразийское пространство в географическом, политическом, культурно-историческом планах?*

— Евразия для меня — понятие геополитическое. Оно связано с распределением сил в той картине, которую геополитики предлагают в качестве базовой схемы. Существует борьба морской и сухопутной цивилизаций. В XX веке морская цивилизация все больше отождествляется с англосаксонским миром, атлантическим фактором. Евразийство — это тот блок, который связан с Россией, Советским Союзом или неким его аналогом — современной Россией плюс СНГ. А между этими двумя блоками — морским (атлантическим) и сухопутным (евразийским) — идет непримиримая дуэль, не зависящая от режимов. Между королевской Англией и царской Россией шла борьба двух монархий. Потом эта борьба приобрела характер противостояния капиталистического лагеря с социалистическим.

Сегодня Россия демократическая и Запад демократический. Казалось бы, тема снята. Ничего подобного — НАТО расширяется на восток, МВФ просто уничтожает и душит российскую экономику. И опять мы оказываемся среди стран-париев, что уже совсем кажется непонятным. Между тем геополитика это прекрасно объясняет. Евразия — это не географическое и не континентальное понятие. Это тот уровень развития русского народа, русской государственности, в который она вступила начиная с возвышения Московского царства. Перед этим Евразия была империей Чингисхана.

Евразийство может быть относительным и абсолютным. Абсолютным евразийством является империя Чингисхана, и наследниками этой империи стали сначала Московское царство, а потом — собственно Россия и СССР. Нынешняя Россия является единственным адекватным ядром этого евразийского направления.

Но Евразия не имеет четко очерченных границ. Евразия — это цивилизационная структура, это геополитический полюс. Следовательно, мы не можем говорить, что Евразия и Россия совпадают по границам. Нет. Они совпадают по историческому направлению, по вектору развития. И именно на этом основана вся философия евразийцев. Традиционно они были тюркофилами, безусловно, но в очень конкретном, "чингисовском" смысле, потому что тюрки первыми создали сухопутную империю, а потом передали эстафету Московскому царству, которое, опять же пользуясь наследием Чингисхана, создало свою собственную модель. И корни России, с нашей точки зрения, лежат отнюдь не на Западе. Мы не часть Запада, мы — самостоятельный мир, больше связанный с Востоком, но с Востоком Турана, с Востоком варваров — степных кочевников и жителей лесов — славян.

Нельзя отождествлять Евразию с государством или с этносом, например, с русским, хотя великороссы, которые появились в результате слияния восточно-славянских племен с уграми и тюрками, являются наиболее приоритетным евразийским этносом, наиболее типичным. Следовательно, они наиболее соответствуют исполнению цивилизационной геополитической исторической миссии, но не потому, что "избранные", просто они "наиболее евразийские" среди всех остальных евразийцев.

Оставаясь в рамках исторической преемственности, евразийством следует называть именно это движение русской государственности, обращенное к Востоку — к Владимирской, а потом Московской Руси, к Ивану Грозному, к тюркофилии, к очень доброжелательному отношению к восточным культурам, но, тем не менее, к утверждению своей собственной уникальной самобытности, особенно перед лицом глобализации. Евразийцы задавались вопросом: что хуже было для России — монгольское завоевание либо польско-литовское? Ответ очевиден. Мы видим, что русские, попавшие под западное влияние, утратили свою самобытность, стали восточной периферией западного мира, а русские, которые освобождались постепенно из-под монгольского контроля, не только становились сплоченными, но и восприняли гигантский имперостроительный импульс независимости, суверенности, цивилизационной самобытности.

— Вы уже произнесли слово "глобализация". Мне кажется интересным рассмотреть это понятие в контексте евразийских идей. Ведь процесс, называемый глобализацией, фактически означает распространение "единственно правильной" цивилизации, которую Вы называете атлантизмом. Следует ли отсюда, что концепция глобализации мира и концепция евразийства являются антиподами?

— Глобализация вообще очень двусмысленный термин. Создается впечатление, что говорится о разнообразных контактах между народами мира, о повсеместном диалоге. На самом деле, речь идет совершенно об ином. Меньшая часть человечества (конкретно, американская и западноевропейская часть) диктует остальным свою модель, которая является результатом ее уникального пространственного, исторического и географического развития. Вот в этом и заключается так называемая однополярная или атлантистская глобализация. Она представляет собой не что иное как процесс распространения американской модели, социально-экономического и политического устройства, американского контроля, американского геополитического могущества, американского образа жизни на все регионы земли, чтобы постепенно искоренить самобытность каждого из них, — не только русского, но и турецкого, и арабского, и иранского, и японского, — абсолютно всех, и создать для всех единую модель, скопированную с американской. Ясно, как может относиться к этой ситу-

ации евразийство, которое традиционно рассматривает в качестве позитива отстаивание восточными регионами независимости от универсализирующих тенденций Запада. Никогда еще Запад не был так нагл, столь дерзок и решителен в навязывании исполнения своей псевдомиссианской задачи, как сегодня.

Однополярная глобализация является для евразийства главным врагом. Но евразийство противопоставляет глобализации не проект полной закрытости или изоляционизма перед лицом этой угрозы. Евразийство осмысляет этот вызов, осознает его историческое значение, цели, причины и ориентации и предлагает преодолеть, превозмочь этот импульс через новый ответ. Мы должны мобилизовать сейчас на борьбу с глобализмом потенциал всего евразийского континента. Это требует не только, скажем, опоры на патриотизм и государственность. Надо придать патриотизму новое измерение.

Против глобализационного вызова выступают и русские, и татары, и тюрки, и мусульмане, и буддисты, и иудеи, следующие своим традиционным наставлениям, поскольку это для всех одинаковая смерть. Сознательные элементы самых разнообразных направлений должны сплотиться и предложить очень широкую модель сосуществования различных конфессий, различных этносов в едином стратегическом блоке, достаточно объемном для конкуренции с атлантизмом и достаточно открытым внутри себя и по отношению к своим непосредственным союзникам или стратегическим партнерам на Востоке и на Западе. Речь должна идти о проекте континентальной или частичной глобализации, противостоящей тотальной однополярной глобализации, то есть об идее многополярной глобализации. Мы готовы к диалогу культур, мы готовы полностью открыть наше евразийское общество тенденциям, идущим с Востока и Запада, но при сохранении нашей идентичности. Вот в чем состоит суть евразийского проекта. И согласитесь, он не совпадает ни с советской моделью, хотя есть переклички, ни с царской моделью, хотя тоже есть переклички, ни с демократической моделью. Это нечто новое, чего еще не было.

— Считаете ли Вы, что существуют какие-то политические ответы на вызовы глобализации?

— Конечно. Во-первых, в концепцию национальной безопасности России не без нашего влияния включен тезис о многополярном мире как главной цели России. Это фактически означает, что наше государство, с точки зрения национальной безопасности, руководствуется евразийской моделью, потому что концепция многополярного мира — другое название для евразийской модели прогнозирования и реализации будущего. Мы видим, что наш президент утверждает, что Россия является евроазиатской страной.

Мы с оптимизмом смотрим на те процессы, которые разворачиваются в России при нынешнем президенте. Он много совершил ошибок, многие вещи нас удручают, но позитивные сдвиги превосходят все недостатки, тем более, что часть их можно списать на историческую инерцию. Мы считаем, что Россия в ближайшие годы перейдет на евразийские рельсы — ведь это единственное, что ей остается. Поразительно, что еще в начале XX века пророки евразийской идеи видели все эти закономерности. Они говорили, что коммунизм падет из-за отсутствия духовной составляющей, что советское пространство может стать жертвой атлантических западных проходимцев, но они говорили также, что в этом случае — единственный путь — это евразийский путь. К сожалению, те великие люди не дожили до этого момента, да и потом, наверное, им было очень грустно видеть, что происходит в России в этот период. Они никогда не хотели зла для своей Родины, были горячими русскими патриотами, и считали, что Советская власть должна эволюционировать в евразийском мировоззренческом ключе. Это был бы выход бескровный. К сожалению, получилось не так, тем не менее, этот вектор в конце концов возобладает.

— Спасибо. Желаю успехов евразийскому движению и выражаю надежду, что мы еще встретимся на страницах "Диалога Евразия".

А.Г. Дугин

ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛИЗМА — ФИЛОСОФИЯ КОНТРГЛОБАЛИЗМА (доклад на конференции по «глобальной безопасности», декабрь 2000 г., Храм Христа Спасителя)

Наше государство, лидеры нашего народа огромное значение уделяют проблеме глобализации, проблеме стратегического мышления. Этим, как мне кажется, новый курс нашего нового руководства в значительно лучшую сторону отличается от утопического, мифологического и по сути безответственного мышления предшествующей группы руководящих кадров.

Слава Богу сегодня наш Президент всерьез озабочен судьбами нашего Государства, ролью и местом России в новом мире и я, занимаясь профессионально геополитикой, могу констатировать, что интерес к геополитическому мышлению у первых лиц Государства возрастает по экспоненте.

Я много лет жизни отдал делу развитию геополитической науки в России, заложил основы современной школы отечественной геополитики, дал старт мощному и набирающему сегодня силу неоевразийскому движению. Долгое время власть (периода Б.Н.Ельцина) игнорировала геополитический подход, отказывалась от учета евразийского характера российского Государства, пренебрегала нашей цивилизационной спецификой, а это, в свою очередь, наносило серьезный удар по системе национальной безопасности. Помимо всего прочего, проблема глобализма, содержательная сторона этого процесса, его импликации и принципы, его геополитический "фундаментал", оставались на периферии внимания. Внутренние проблемы застилали глаза, образ внешнего мира, и особенно западной цивилизации был нечетким, расплывчатым, расфокусированным. Даже при принятии серьезных и судьбоносных решений оперировали с устарелыми мифами, повторяющими (хотя на сей раз с обратным знаком) неадекватные концепции "холодной войны".

Сегодня все меняется. Новое руководство России всерьез озабочено и стремительно складывающейся структурой "нового мирового порядка", глобализацией, подъемом "новой экономики", и особенно местом России в этом новом контексте (точнее, отсутствием этого место в том случае, если все процессы будут развиваться в том же ключе, в каком они развиваются сейчас).

Позволю высказать себе ряд предположений на тему однополярности,

многополярности, глобальной безопасности, исходя из геополитических предпосылок.

Эти темы очень серьезны, несмотря на свое, может быть, абстрактное звучание, они затрагивают каждого из нас.

Теперь несколько слов относительно собственно глобализации. Во-первых, хотим мы этого или нет, *глобализация — это объективное явление современного мира*. Это, пожалуй, самое обобщающее явление, резюмирующая формула, финальное определение всех основных процессов, которые происходят в международной политике в новом столетии и в новом тысячелетии. Глобализация является тем трендом, тем вектором развития человечества, с которым мы имеем и будем иметь дело в самом ближайшем будущем.

Здесь следует сразу подчеркнуть, что процесс глобализации чисто теоретически мог бы быть двойственным.

Первый вариант: в общую копилку человечества вносятся проекты и тезисы, обобщающие исторический, культурный, хозяйственный, социальный, политический, национальный, религиозный опыт различных народов и государств. Это можно было бы назвать "соборной моделью" глобализации или "соборной глобализацией". Это чисто теоретическая возможность.

Второй вариант: все человечество выбирает (добровольно или не совсем добровольно, под нажимом) в качестве универсальной схемы развития какую-то одну цивилизационную модель, которая становится общеобязательным эталоном в политике, общественном устройстве, экономике, культуре. Какая-то часть человечества, определенный народ или государство вырабатывают цивилизационную схему и предлагают ее в качестве универсальной всем остальным. В отличие от "соборной глобализации" второй вариант можно назвать "однополярной глобализацией".

О каком процессе глобализации идет сейчас, сегодня речь в конкретной жизни? Безусловно о втором. Первый вариант глобализации остался неиспользованной, незадействованной возможностью. В демократической общечеловеческой риторике ранней перестройки, у Горбачева и его сторонников, в теориях конвергенции 70-х годов подразумевалась первая модель с определенными нюансами. Как показала жизнь, это было довольно эфемерный процесс, не более чем гуманитарный вербализм...

Мы видим, что нынешняя глобализация есть сугубо однополярная партикулярная глобализация. Она представляет собой процесс униформного навязывания всем народам земли частной социально-экономической парадигмы, связанной с западной, а еще точнее, с американской цивилизационной моделью. Не просто с западноевропейской, а именно с американ-

ской, которая далеко ушла от своей исторической колыбели. Налицо навязывание american way of life всем остальным народам Земли.

Учет национального и исторического колорита в процессе этой однополярной глобализации сводится лишь к тому, чтобы адаптировать эту модель, взятую как базовую, нормативную к конкретным условиям конкретных государств и народов. Проявление самобытности локальных объектов глобализации допустимо лишь в тех пределах, в каких они окрашивают универсальную парадигму в местные, региональные тона. Ни о каком (даже относительно равноправном) соучастии в выработке самой парадигмы не идет и речи.

Иными словами, когда мы говорим о той глобализации, которая активно реализуется на практике в современном мире, речь идет о навязывании и установлении цивилизационных моделей, скопированных с американского общества, с американской истории, и о внедрении этой частной парадигмы, этой модели в конкретные государства, в конкретные народы с поверхностными и не затрагивающими сущности процесса отклонениями. Все допустимое "разнообразие" здесь заключается не в том, что каждый народ и каждая цивилизация привносит в этот глобальный мир свою собственную специфику, но в том, что преодоление национальной и исторической самобытности перед лицом общеобязательного штампа в каждом конкретном случае проходит по-разному, а процесс стандартизации и унификации имеет некоторые отличия.

Иными словами, в той модели глобализации, которая сейчас является безальтернативной, и которая, не будучи чьим-то злым умыслом, является объективным процессом, происходящим с человечеством, есть только один субъект.

Субъектом глобализации является только одно действующее лицо международной политики. Это — США, возглавляемый ими блок НАТО.

Какова же функция остальных участников процесса глобализации: России, стран Западной Европы, Индии, стран Востока, Исламских государств? Этим образованиям, каждое их которых имеет солидную и многовековую, многотысячелетнюю цивилизационную историю, специфику и миссию, особую идентичность, предоставляется единственная роль — *роль объекта глобализации*. Нынешний порядок, "новый мировой порядок" XXI века складывается по схеме: *взаимодействие единственного субъекта глобализации с многомерными и разнообразными объектами глобализации*.

Именно в такой системе координат и следует рассматривать те международные события, которые разворачиваются на заре XXI века. Таковы правила игры, с которыми мы имеем дело.

В таких условиях ни о какой многополярности не может идти речь, поскольку то, с чем мы имеем дело, тот процесс, который бурно развивается сегодня и имеет все тенденции стать необратимым, представляет собой только и исключительно *универсализацию именно однополярной системы мира*.

Здесь следует обратить внимание на следующий аспект: какова модель этой однополярной глобализации и какую, собственно, философию пытается универсально внедрить субъект глобализации?

Сразу замечу: эта философия глобализация не является смутным и неопределенным, случайным хаотическим набором парадигм, ценностей, тезисов, моделей, схем и проектов. Это очень конкретный и вполне определенный набор философских, мировоззренческих, стратегических, экономических и культурных установок. Совокупно все они могут быть названы "американизмом".

США и подконтрольный им блок НАТО всячески подчеркивают осевое значение "американизма" в самых различных областях — от культуры до военных конфликтов.

Я хочу подчеркнуть, что в примере с агрессией против суверенной Югославии речь шла не столько о принятии военного решения странами НАТО, сколько о единоличной инициативе США, причем в обход Совета Безопасности ООН. Это вызывающее поведение призвано было еще раз акцентировать субъектность США в процессе формирования "нового мирового порядка" и объектность остальных государств.

Итак моделью, которая подлежит глобализации, является "американизм". Не просто западноевропейская культура, но та форма, в которую развились и воплотились предпосылки западноевропейской культуры, экономики, социальной структуры, политического устройства, дойдя до своего наиболее рафинированного парадигматического состояния именно в США.

Я убежден, что США не являются побочным продуктом или каким-то промежуточным этапом развития западноевропейской культуры Нового времени. Я уверен, что США — это *резюме западноевропейской культуры*, что в политической, цивилизационной, идеологической, стратегической, экономической структуре США воплощен наиболее чистый, доведенный до схематического кристального выражения окончательный результат тех тенденций, которые зародились в человечестве в Новое время в Западной Европе и достигли сегодня своего расцвета по ту сторону Атлантики.

Иными словами, в процессе глобализации всем остальным народам Земли, которые шли в течение тысячелетий своим собственным путем,

(Индия по-своему; Исламские страны — по-своему; Иран вообще обладает уникальной самобытной многотысячелетней историей; Россия же отстаивала свою цивилизационную идентичность путем сложнейших кровавых конфликтов, мировых войн, недавней "холодной войны" и т.д.), сегодня предлагается отказаться от своих собственных мировоззренческих установок и принять ту модель, которая является последним рафинированным выводом из развития исключительно западной цивилизации, причем в своих самых радикальных следствиях.

Философия глобализации (философия однополярности) проистекает из либерально-буржуазного мировоззрения, основана на специфической антропологии (на представлении о примате индивидуального начала над коллективным), на специфической экономической доктрине (на свободе торговли и приоритете частного предпринимательства над иными формами хозяйствования, на дефундаментализации капитала), на представлении об оптимальности либеральной политической модели (либерал-демократия), на культуре melting-pot, на "толерантной синкретической гуманитарной религиозности", на нарциссизме, на возвеличивании эфемерности и дезонтологизации истории (как прошлой, так и будущей), на космополитизме и новом кочевничестве, на виртуализации пространства и т.д.

Эта цивилизационная парадигма является неким мировоззренческим обоснованием и одновременно философским качественным содержанием того многомерного процесса, который поддерживается глобальной военной мощью и экономической силой США, ставших сегодня, после распада социалистического лагеря и СССР, фактически безальтернативными финансовыми и военными господами всего мира. Обратите внимание на то, на какую валюту мы в любой точке мира пересчитываем местные цены, и это все сразу поставит на свои места.

Доллар является геополитической валютой, обеспеченной ни золотом, ни ВВП, ни товарным покрытием США как отдельного государства, но всей совокупностью стратегического и политического потенциала США в планетарном масштабе.

Сравните военный бюджет США (300 млрд. долларов) с соответствующими показателями других стран в том числе и "великих держав". Он несопоставим не только с военным бюджетом РФ или с военным бюджетом других государств, но даже с общим государственным бюджетом России, который представляет собой незначительную часть от того, что американцы тратят только на вооружение.

Теперь поставим вопрос с совершенно иной стороны. Да, мы имеем "новый мировой порядок" и философию "нового мирового порядка". Да, мы понимаем всю серьезность и объективность стоящих за этим процессов и неумолимую логику поступательного развития западной цивилизации, которая, начиная с Нового времени (а предпосылки уходят в куда более древние эпохи), идет к особой цели по особому пути и постепенно обретает безраздельный контроль над остальными странами, народами и культурами мира.

Но как мы должны ко всему этому относиться?

Когда гитлеровские войска пришли на нашу землю, наверное, были и те люди, которые шли работать полицаями, печально и покорно говорили, что "с этой железной махиной, организованным национал-социализмом, справиться невозможно и единственный способ — это как-то адаптироваться, принять эти условия". Сегодня вопрос стоит точно так же. Не случайно это сходство в терминах: "новый порядок" Гитлера, "новый мировой порядок" США.

Адаптироваться к глобализации — это способ физического выживания, но вместе с тем это и путь духовного уничтожения. Все больше и больше людей в современном мире понимают, чем чреват процесс американоцентричной однополярной глобализации: это *физическое выживание* (тоже, кстати, не гарантированное) и *духовная* (культурная, национальная, цивилизационная) *смерть*.

Следовательно, сама собой напрашивается необходимость, *императив альтернативы*. Сама собой напрашивается попытка объектов глобализации отказаться от той роли, которую им навязывает субъект глобализации и разработка основных параметров иного видения будущего.

Такой проект постепенно складывается, осмысляется, зарождается... Безусловно, сегодня все чаще и чаще говорят о негативных, отрицательных сторонах однополярности, об отрицательных аспектах, сторонах и издержках глобализации. Такая критика очень важна. Еще важнее, если она доходит до такой степени интенсивности, когда осознается в императивной форме необходимость отказа от глобализации, сопротивление глобализации, протест против нее. Но даже этой решимости отнюдь не достаточно. Особенно в тех случаях, когда речь идет о разрозненных и легко локализуемых попытках отдельных народов и стран в одиночку увернуться от тотального давления американизма.

В одиночку ни один из объектов глобализации (по целому ряду параметров: стратегических, культурных, экономических и т.д.) принципиально не способен предложить и сформулировать какую бы то ни было действенную и эффективную альтернативу. Глобальность вызова предполагает глобальность ответа, так как в противном случае сопротивляющийся субъект будет просто временно обойден, а потом мягко задушен — в стиле традиционной для США стратегии "анаконды", лежащей в основе клас-

сической англосаксонской геополитики.

Единственным адекватным ответом на угрозу глобализации будет организация планетарного и глобального сопротивления, основанного на стратегическом альянсе дифференцированных полюсов. Симметрично *философии глобализма* должна быть разработана *философия контрглобализма*, не просто "неглобализма", а глобального и действенного опровержения и отвержения партикулярного глобализма.

Понимая всю серьезность исторической угрозы либерализм приобретает все более и более жесткие черты. Победа в США жесткого (крайне правого даже в своей партии) республиканца Дж. Буша демонстрирует это со всей наглядностью тем, у кого есть еще сомнения.

Противникам однополярной глобализации остается только один путь: попытка *объединить объекты глобализации в некий альтернативный субъект*. Не только для сохранения самих себя по одиночке (это, действительно, едва ли возможно), но для того, чтобы обосновать, выдвинуть и предложить некую *альтернативу развитию мировой истории*. Следует подчеркнуть, что именно этого и опасаются США более всего.

В 1997 году президент США Клинтон издал документ о "стратегических перспективах развития США в XXI веке". Главной угрозой американским интересам президент США называет "возможность возникновения в Евразии определенного стратегического блока, способного ограничивать реализацию глобальных проектов США в планетарном масштабе и на этом континенте". Иными словами, именно эту опасность видят для себя творцы "нового мирового порядка". Любая тоталитарная, пусть даже и скрыто тоталитарная (либерально-тоталитарная), система боится только одного: объединения сил сопротивления в некий альтернативный солидарный субъект, возникновение глобального сопротивления в мировом масштабе.

Соответственно, если люди, народы, государства и цивилизации, которые осознают угрозу глобализации и стремятся противиться ей, хотят добиться результатов, то для них было бы вполне естественно осуществить то, чего более всего опасаются их антогонисты, т.е. сами архитекторы однополярности. *Те, кто не согласен с процессом глобализации, объекты глобализации должны реализовывать именно то, чего от них менее всего ожидает субъект глобализации.*

Исходя из всего вышесказанного становится очевидным, что в нынешних условиях сам термин "глобальная безопасность" представляется полностью лишенным содержания.

У глобального сообщества нет общих глобальных интересов. Процесс глобализации является процессом неравновесным. Он направлен на

удовлетворение и реализацию интересов только одной части человечества, и этот пресловутый "золотой миллиард", "богатый Север" *является, безусловно, меньшинством, которое претендует на то, чтобы диктовать свою волю большинству*. Но для того, чтобы преступить к сложнейшему процессу консолидации *объектов глобализации* и превращения их в новый *субъект альтернативной глобализации*, "*соборной глобализации*" *или* "*многополярной глобализации*" (в ядро и зародыш некой альтернативной модели мирового устройства в XXI веке), необходимо выработать достаточно емкую и понятную людям разных стран (по меньшей мере, элитам, интеллигенции и истеблишменту) "*философию многополярности*" или "*философию не однополярности*".

Эта "философия реальной многополярности", которая бы предложила человечеству выход из кризиса, сопряженного с угрозой и опасностью однополярной глобализации, находится пока в зачаточной, зародышевой стадии. Но, тем не менее, без ее развития, ее формирования, ее разработки невозможно предпринять никаких серьезных действий по организации альтернативных стратегических союзов, ни треугольников, ни четырехугольников (замечу, что трехполюсная модель оси "Москва-Токио-Пекин" является урезанной моделью стратегического евразийского блока, куда в полной четырехполюсной версии непременно должен быть включен Иран, который со стратегической точки зрения является главным геополитическим партнером России в новых условиях, поскольку Иран это то государство, которое наиболее ясно, открыто и последовательно противостоит тенденциям к глобальному однополярному миру). Для того, чтобы преступить к масштабной реализации этого сложнейшего процесса по созданию новой модели международного устройства и по общему противодействию угрозе глобализации, необходимо выработать некую альтернативную "философию многополярности".

Теперь следует сказать несколько слов о тех двух аспектах, двух краеугольных камнях назревающей "философии многополярности" или альтернативной философии виденья международной системы в XXI веке, которая противостояла бы процессу универсализации либерально-буржузной модели.

С самого начала следует выделить то, что является общим, что может и должно быть общим принципом такой философии. Есть два источника этой мировоззренческой альтернативы.

Во-первых, это те учения или те социально-политические и социально-экономические теории, которые *отвергают либерализм* по экономико-культурным соображениям, т.е. различные формы левой политической мысли от социал-демократии до экологов. Левая социал-демократичес-

кая, социалистическая мысль при должном развитии, модернизации и адаптации к новым историческим условиям могла бы быть одним из важнейших элементов философии многополярности. Это *контрлиберализм слева*. На практике, я имею в виду в большей степени социал-демократические тенденции современного Евросоюза.

Вторая составляющая формулы философии контрглобализации — это (так же отвергающие либерал-демократическую, либерал-буржуазную модель) традиционалистко-консервативные фундаменталистские тенденции, которые имеют большое влияние в обществах Востока, в Азиатских странах. Это *контрлиберализм справа*.

На мой взгляд, эти две тенденции, которые на практике пока еще как правило противостоят друг другу в локальном политическом ландшафте, перед лицом глобализации, глобальной угрозы, воплощенной в "новом мировом порядке" призваны *объединиться*, поскольку между ними в новой ситуации существует глубинное единство позиций, диктуемое наличием "общего врага", который отсутствовал ранее, когда региональные политические системы обладали относительной автономией.

Такой синтез позиций мне представляется некоей первичной матрицей, зародышем той новой альтернативной философии, под эгидой которой должен происходить процесс выработки цивилизационной планетарной альтернативы.

На более конкретном политическом уровне, можно сказать, что социал-демократия в Европе должна научиться понимать фундаменталистов и традиционалистов Азии, и в данном случае место России как евразийской площадки, как территории, в которой традиционно европейские (особенно лево-европейские) и азиатские (фундаменталистские) тенденции постоянно соприкасались.

Сложив вместе все элементы данного обзора можно сказать, что у нового мирового порядка есть мировоззренческая философская альтернатива. Это — философия евразийства.

А. Г. Дугин

ГЕОПОЛИТИКА И СТРУКТУРА МИРА В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Геополитический дуализм

Геополитическая дисциплина видит историю народов и государств как диалектическую реализацию дуального кода. Этот код может быть назван "цивилизационным" или "метацивилизационным". Речь идет о надисторическом противостоянии цивилизации Суши и цивилизации Моря.

Происхождение этого кода уходит в глубокую древность, где формировались первые социальные и политические, а также мифологические представления народов.

С точки зрения геополитики, базовая рефлексия человеческой общности на вызов качественного пространства, на специфику ландшафта, предопределяет структуру цивилизации, довлеет над историей, логикой развития, трансформациями и т.д.

Цивилизация Суши связана со статической моделью мировоззрения, с устойчивостью социальных, юридических, религиозных и политических институтов. Здесь доминирует принцип Традиции. Суша, континент имеет в целом константный ландшафт, что предопределяет историю сухопутных народов и государств. Стартовой чертой такой цивилизации является почва, земля. Вода, море, река, озеро и т.д. рассматривается как вторичная, во многом антитетичная реальность.

Сухопутная психология ярче всего выражена у оседлых народов и (с некоторыми характерными смещениями) среди сухопутных кочевников.

Цивилизация Моря, напротив, динамична. Здесь стартовой чертой являются подвижность, текучесть, ликвидность, отсутствие фиксированного ландшафта, легко поддающегося территориальным измерениям, разграничениям, с фиксированными в (естественном или искусственном) пейзаже ориентациями. Берег, суша видится как нечто вторичное.

Морская цивилизация коренится в таком ответе человечества на вызов Моря, когда оно отождествляется с его стихией, ассимилирует свою психологию с архетипами мореплавания. Динамика плавания и принципиальное отчуждение от ландшафта порождают особую цивилизационную установку, связанную с утилитаризмом, модернизмом, демократическими и олигархическими инструментами политического управления.

Два геополитических вектора нашли свое выражение в парах Рим — Карфаген, Спарта — Афины и т.д.

Более или менее подробно картина геополитического взгляда на историю человечества изложена у Хэлфорда Макиндера и Карла Шмитта.

США и СССР

Геополитики США "холодную войну" XX века интерпретировали именно в такой перспективе. Западный мир, страны НАТО воплощали в себе Морской полюс, "Sea Power" (по выражению адмирала Мэхэна).

В СССР для них воплощался сухопутный полюс, наследие Рима. Отсюда "Москва-Третий Рим". Характерно, что идеологическая структура психологической войны стран НАТО против СССР во многих параметрах воспроизводила систему образов, — косности, тоталитарности, авторитарности и т.д. — фигурирующих еще в древние эпохи, когда Запад критиковал Византию, потом Русь.

Ясного геополитического сознания в СССР не было, так как все немарксистские модели анализа отвергались автоматически.

Как бы то ни было, общая структура советской цивилизации, безусловно, точно соответствует сухопутной геополитической модели.

Двухполюсный мир, возникший в результате Ялты после победы союзников над странами Оси, идеально соответствовал и исторически, и социально, и стратегически базовым постулатам геополитики.

Страны Оси и, в первую очередь, Германия были геополитически непоследовательны, балансируя между проатлантистским Мюнхеном и евразийским пактом "Риббентропп-Молотов". Война на два фронта — и против цивилизации Моря (Англия, США) и против цивилизации Суши (СССР) — стоила Гитлеру всего. Характерно, что немецкие геополитики (в частности, Карл Хаусхофер, Обст и т.д.) предупреждали руководство нацистов о катастрофичности отказа от однозначной геополитической ориентации. По их вполне обоснованному мнению, Германия должна была выбирать: либо с державами Моря против СССР (Суша), либо с СССР против стран Моря.

Поражение Германии были закреплено Ялтой. Основа послевоенного мира состояла именно в стратегическом паритете двух геополитических полюсов, обобщающих изначальную цивилизационную дуальность. Причем Запад осознавал и признавал это положение, прямо заявляя о таком наследии, Восточный блок объяснял стратегическую ситуацию, не прибегая к геополитике.

Подобная асимметрия в геополитическом сознании, возможно, была одной из причин краха СССР.

Конец двухполярного мира

Конец двухполюсного мира и "холодной войны", по логике американских (атлантистских) геополитиков, означал не только крах советской системы, но и жесточайшее поражение Римского, сухопутного, цивилизационного начала. За идеологическим давлением Запада на СССР находился второй пласт — геополитический. Если на внешнем уровне "свободный и рыночный" Запад стремился освободить и привести к рыночной экономике "страдающий под гнетом тоталитаризма советский Восток", то на уровне геополитическом цивилизация Моря стремилась нанести очередной сокрушительный удар по своему главному противнику — цивилизации Суши. Не для того, чтобы облагодетельствовать — для того, чтобы победить, сломить, ослабить и уничтожить.

Именно геополитикой прекрасно объясняется все то, что последовало после конца "холодной войны". В сфере идеологии противоречия отпали, в сфере геополитики не могли отпасть. Отсюда расширение НАТО на Восток, война Запада против Югославии, протесты против операции России в Чечне.

Распад Восточного блока и СССР означал, что из двухполюсного мира мы перешли не к многополюсному и не к бесполюсному, но к однополюсному.

Если в традиционной геополитике полюса понимаются как плюс и минус в теории электричества, то сегодня однополярный мир (=доминация США) стремится выдать себя за полюс (=центр) окружности с новой дуальностью: центр (=Запад, = "золотой миллиард", = "богатый Север") — периферия (= "бедный Юг", остальное человечество").

С точки зрения геополитической доктрины второй полюс необходим. Но перестав существовать как нечто проявленное, осязаемое и конкретное, он перешел в иную форму сущестования. Периферия одополярного, атлантоцентричного мира (Pax Americana) заняла сегодня место советского блока. Цивилизация Суши изменила модальность геополитического существования, но никуда не исчезла.

Конец двухполярного мира означает конец международных правовых институтов — таких, как ООН и т.д. — возникших как формальное закрепление ялтинской картины мира. Отсутствие проявленного сухопутного полюса создает предпосылки к созданию новых международных организаций, целиком и полностью зависимых от США и проводящих их волю.

Новый мировой порядок требует новых международных институтов. Международное право есть функция от баланса силовых, стратегических факторов. Отсутствие у США (=цивилизации Моря) геополитического противовеса (что включает как объективные параметры — вооружение, промышленность, ресурсы, хозяйство, так и субъективные — волю к могу-

ществу, универсализм ценностной системы и т.д.) подразумевает создание международных юридических стандартов с радикально иной структурой.

Любые апелляции к чисто юридической стороне дела — к декларациям ООН и т.д. — ничего изменить не могут. Геополитические законы безжалостны. Правом обладает только сильный, способный это право доказать и отстоять.

Требовать от США подчинения резолюциям ООН сегодня так же наивно, как требование участия Гитлера (или Геринга) в Ялтинской конференции.

Vae victis.

Многополярный мир

Разговоры о "многополярном мире" на практике представляют собой либо ничего не значащие и наивные благопожелания, либо завуалированный призыв к восстановлению двухполюсного мира в новой конфигурации.

Однополярный мир может приобрести видимость многополярности в том случае, если США решит в превентивных целях делегировать периферии определенную долю геополитической самостоятельности. Но главным условием будет непременно соответствие общей цивилизационной направленности интересам США. Ни стратегические цели США, ни либерал-демократические принципы, ни рыночная система не должны ставится под вопрос. Лишь при принятии таких условий — что на деле означает прямой геополитический и цивилизационный вассалитет "гипердержаве" (так принято сегодня называть ту "сверхдержаву", которая выиграла ядерное соревнование) — отдельной стране будет позволено вести более или менее самостоятельную локальную политику.

Очевидно, что такая "многополярность" будет чистой фикцией.

Все остальные варианты становления многополярного мира как геополитической реальности должны проходить через формирование силового блока, способного ограничить нынешнее всевластие США. Т.е. на основании имеющихся потенциалов периферии должна быть образована "коллективная гипердержава". И лишь при создании такой сдерживающей инстанции можно говорить о наличии у человечества нескольких возможностей выбора путей, о цивилизационной альтернативе, об истинной свободе развития — т.е. о том, что мы понимаем под термином "многополярность".

Тезис "реальной многополярности", таким образом, сегодня фактически тождественен тезису о "новой модели биполярности". И означает стремление к воссозданию устойчивого геополитического дуализма.

Только на этом пути можно остановить надвигающуюся планетарную диктатуру атлантизма.

Евразия

На основании исторических прецедентов и учета стратегического потенциала латентный второй полюс геополитики отождествляется с Евразией. Поэтому большинство американских советологических центров переименованы сегодня в "Центры исследования Евразии" или нечто в этом роде.

Евразийские территории с ядром России, т.е. вчерашний "второй полюс", "цивилизация Суши", "Восточный блок" имеет все необходимые параметры для того, чтобы в новой ситуации стать зародышем новой двухполярной (= "многополярной") системы.

Однако этого нельзя достичь путем (невероятной) реставрации Советского государства и соответствующей системы. Такой реставрационистский путь невозможен и по технологическим и по социальным причинам, и из-за сегодняшнего стратегического превосходства стран НАТО.

Переход от потенциального состояния к актуальной биполярности крайне проблематичен. Если оценивать ресурсы, которые понадобятся для этого, и делать это по шкале, навязываемой Западом (на основании технологических, экономических, финансовых и социальных критериев), то задача представляется невыполнимой.

Однополярный мир — это данность, это актуальность. Если основываться на критериях такой актуальности, любой подсчет резервов, необходимых для воссоздания серьезной альтернативы, будет заведомо давать отрицательные результаты.

Убеждение (часто навязчивое, как в книге Бжезинскогоо "Великая шахматная доска" или у российских апологетов Запада) в невозможности альтернативы, в ее необеспеченности сегодня является до какой-то степени объективной констатацией, но вместе с тем и пропагандистским ходом, заряженным суггестивной энергией.

Силовой выигрыш Запада (цивилизации Моря) в "холодной войне" есть существенный эпизод. Но он еще не доказывает "морального триумфа" Моря. Налицо лишь неадекватность той социально-политической и стратегической формы, в которую облекала свою цивилизационную инициативу советская сверхдержава.

Сегодня необходима мощная ревизия самих основ сухопутной цивилизации, отбрасывание ограничительных факторов (многие из которых как раз и привели к поражению), выстраивание новой небывалой евразийской модели.

Натовские стратегические центры прорабатывают варианты того, как

не допустить Евразию к существованию в качестве полноценного геополитического полюса, как флагмана периферии, как нового оплота цивилизации Суши.

Континентальные стратегические центры — и в первую очередь, российские — должны работать над прямо противоположной задачей.

Восток и Запад — две ценностных системы

В "холодной войне" геополитический дуализм Суша-Море совпал с еще одной традиционной моделью цивилизационного анализа: Восток-Запад. Когда мы рассуждаем в терминах "Восток-Запад", мы, сами того не осознавая, апеллируем к смутным геополитическим интуициям.

Современный атлантистский мир является цивилизационным и стратегическим наследником Западной Римской Империи. "Морское могущество", с его типичными чертами: утилитаризм, оптимизация, прагматизм, индивидуализм, отчужденность, моральная гибкость, плутократия и т.д. оказалось конгруэнтно базовым предпосылкам западной цивилизации. По крайней мере из них формировалась специфическая романо-германская, западно-европейская культура.

И наоборот: сухопутные ценности связаны с Востоком, с созерцательностью, неэкономической мотивацией труда, общинностью, героической шкалой ценностей и т.д.

Уместно вспомнить Достоевского с легендой о "Великом Инквизиторе". "Великий Инквизитор" — Запад, атлантизм, рациональная секулярная оперативная цивилизация Моря, где все ориентировано на достижение максимальной выгоды ценой безразличия к трансцендентальной, отвлеченной системе ценностей.

Достоевский проницательно вскрывает этот цивилизационный дуализм, сам, будучи русским патриотом, выбирая сторону, противоположную "Великому Инквизитору".

Внимательное рассмотрение двух геополитических цивилизационных полюсов приведет нас к любопытным выводам. Ценностные системы Востока и Запада, Суши и Моря имеют автономные границы. Иными словами, и позитивные и негативные критерии оказываются непересекающимися.

Цивилизации Востока (сухопутные режимы) в качестве достоинств имеют душевную широту, идеализм, героизм, жертвенность, общинность, верность. На противоположном — отрицательном уровне эти же качества дают : неорганизованность, лень, пассивность, покорность, терпимость к жестокости и т.д.

Морские, западные достоинства: оперативность, модернизм, динамика, инновации, хозяйственная гибкость, скорость обмена, технологический порыв. Но они же порождают и недостатки: цинизм, эгоизм, индивидуализм, утилитаризм, отчужденность.

Совершенно неадекватно оценивать ценностные системы одной геополитической формации, используя критерии формации противоположной. Здесь минусы и плюсы распределены не просто противоположным образом, но с произвольным смещением.

Одна из важнейших задач Евразии — восстановить несколько размытую сегодня полноту собственных геополитических критериев и на базе их переосмыслить саму себя. И через новую цивилизационную и геополитическую самоидентификацию собрать все ресурсы.

Парадигма миллениума: потенциальное vs актуальное

Запад верит в то, что есть, в актуальное. Восток в то, что может быть, в то, что должно быть, в потенциальное.

Сегодня эта цивилизационная аксиологическая симметрия приобретает эсхатологический

характер.

Единственным полюсом в актуальности осталась Морская цивилизация, которая всегда настаивала на первичности актуального. Не просто советская модель потерпела поражения — сегодня в эклипсе вся цивилизация Суши, с ее особой системой ценностей, с ее убежденностью в этическом превосходстве потенциального над актуальным. Рушится Eurasian Dream. Именно это и дает основания атлантистским стратегам говорить о "конце истории".

Не следует строить иллюзией: конец наступает вместе с тотальным поражением нас как цивилизации, как нравственной идеи, как народа, как исторической миссии.

Те, кто настаивали на приоритете потенциального, носители Восточного духа и сухопутного импульса, сегодня сами представляют собой потенциальность.

Геополитическая и даже онтологическая проблема современности — нового тысячелетия — формулируется таким образом: актуальное против потенциального. Однополярность доминирующей актуалистской цивилизации против потенциальной двуполярности, где второй полюс латентно представляет собой цивилизацию, настаивающую на превосходстве потенциального (идеального, отвлеченного).

Такова геополитическая и цивилизационная парадигма миллениума.

1999 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ НЕОЕВРАЗИЙСТВА

А. Г. Дугин

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Три модели (советская, западническая, евразийская)

В современной России существует основные, конкурирующие между собой, модели стратегии Государства как в области внешней политики, так и в области политики внутренней. Эти три модели составляют современную систему политических координат, на которые раскладывается любое политическое решение российского руководства, любой международный демарш, любая серьезная социальная, экономическая или правовая проблема.

Первая модель представляет собой инерциальные штампы советского (особенно позднесоветского) периода. Это очень укорененная система, часто подсознательная, которая подталкивает ответственных российских руководителей к принятию того или иного решения на основании прецедента. Эту модель подкрепляет важный аргумент: "Раньше работало, сработает и сейчас". Советская референтная модель гораздо шире и глубже структур КПРФ, которые находятся на периферии исполнительной власти. Сплошь и рядом ей руководствуются политики и чиновники, никак не отождествляющие себя с коммунизмом формально. Сказывается воспитание, жизненный опыт, образование. Для того, чтобы понимать сущность происходящих в российской политике процессов, этот "бессознательный советизм" необходимо внимательно учитывать.

Вторая модель является либерально-западнической, проамериканской. Она стала складываться в перестройку и стала своего рода доминирующей идеологией в начале 90-х годов. Ее обычно отождествляют с политическими силами либерал-реформаторов. Эта модель основана на выборе в качестве главной системы отсчета американского общественно-политического устройства, его копирование на российской почве и следование в русле США в международных вопросах. Данная модель имеет то преимущество, что может опираться на "заграничное настоящее" (в отличие от "отечественного прошлого", к которому тяготеет первая модель). И аргумент здесь тоже довольно простой: "У них работает, сработает и у нас". Важно подчеркнуть, что речь здесь идет не просто о "заграничном опыте", но об ориентации именно на США как

на флагман преуспевающего западного капиталистического мира.

Эти две модели во всех своих вариациях представлены в российской политике очень полно. Начиная с конца 80-х годов основные мировоззренческие конфликты, дискуссии, политические баталии проходят именно между этими двумя позициями. Они слишком известны, чтобы останавливаться на них подробнее.

Гораздо менее известна третья модель. Ее можно определить как "евразийскую". Смысл ее сводится к более сложной операции, нежели простое копирование либо советского, либо американского опыта. Эта модель относится и к отечественному прошлому и зарубежному настоящему дифференцированно, берет отдельные моменты из политической истории, другие из реальности современных обществ. Евразийская модель исходит из той предпосылки, что Россия (как Государство, как народ, как культура) является самостоятельной цивилизационной ценностью, что она должна сохранить свою уникальность, независимость и мощь во что бы то ни стало, поставив на служение этой цели любые учения, системы, механизмы и политические технологии, способные этому содействовать. Евразийство оказывается таким образом своего рода "патриотическим прагматизмом", свободным от любой догматики — как советской, так и либеральной. Но вместе с тем, широта и гибкость евразийского подхода не исключают концептуальной стройности этой теории, имеющей все признаки органичного, последовательного, внутренне непротиворечивого мировоззрения.

Евразийство как политическое направление становится более популярным именно сегодня — по мере того, как доказывают свою непригодность первые две более ортодоксальные модели. Советская модель оперирует с устарелыми политэкономическими и социальными реалиями, эксплуатирует ностальгию и инерцию, отказывается от трезвого анализа новой международной ситуации, развития экономических тенденций. Проамериканская либеральная модель наталкивается на то обстоятельство, что Россия исторически и органически не способна скопировать западную систему, да и сам Запад доказал, что предпочитает видеть в России не процветающую демократическую державу, а рассыпающуюся, ослабленную, страну погруженную в пучину хаоса и коррупции.

Следовательно, именно евразийская модель становится сегодня наиболее актуальной и затребованной обществом.

Стоит присмотреться к ней внимательнее.

Евразийство и внешняя политика России

Сформулируем основные политические постулаты современного российского евразийства. Начнем с внешней политики.

Как и везде, во внешней политике евразийство предлагает третий путь — ни советизм, ни американизм. Это означает, что внешняя политика России не должна напрямую воссоздавать дипломатический профиль советского периода (жесткое противостояние с Западом, восстановление стратегического партнерства со странами-париями — Северная Корея, Ирак, Куба и т.д.), но вместе с тем и не следовать послушно и безгласно американской политике. Евразийство предлагает собственную внешнеполитическую доктрину. Суть ее сводится к следующему.

Современная Россия сможет сохраниться как самостоятельная и независимая политическая реальность, как полноценный субъект международной политики только в условиях многополярного мира. Признание однополярного американоцентричного мира для России невозможно, так как в таком мире она будет приравнена к простому объекту глобализации, утратит самостоятельность и самобытность. Противодействие однополярной глобализации и отстаивание многополярной модели является главным императивом современной Российской внешней политики. Это положение не должно ставиться под сомнение никакими политическими силами, а следовательно, носители американоцентричной глобализации внутри самой России должны быть (морально, по крайней мере) делегитимизированы.

Построение многоплярного мира (жизненно важного для России) возможно только *через систему стратегических альянсов*. В одиночку Россия с этой задачей не справится, для полной автаркии нет достаточных ресурсов. Следовательно, все зависит от адекватности и активности внешней политики.

В современном мире есть несколько геополитических субъектов, которые по историческим и цивилизационным причинам также жизненно заинтересованы в многополярности. Эти субъекты логически должны быть преимущественными партнерами России.

Они делятся на несколько категорий.

Первая категория: мощные региональные образования (страны или группы стран), у которых относительно России существует взаимодополняемость. Принцип взаимодополняемости означает, что у этих стран есть нечто, что жизненно важно для России, а у России есть нечто, что жизненно важно для этих стран, при том, что стратегический обмен потенциалами укрепляет оба геополитических субъекта.

К этой категории (симметричной взаимодополняемости) относятся — Европейский Союз, Япония, Иран, Индия. Все эти геополитические реальности вполне могут претендовать на роль самостоятельных полюсов в условиях многополярности, а американоцентризм лишает их этой возможности, объективизирует их. При отсутствии в лице новой России *идеологического врага* (что обеспечивало США главный аргумент для удержания Европы и Японии в своей орбите, и не позволяло сблизиться с СССР исламскому Ирану в период холодной войны), императив полного подчинения американской геополитики у этих стран практически ничем более не обосновывается (кроме исторической инерции). Следовательно, противоречия между США, с одной стороны, и этими державами, с другой, будут постоянно возрастать.

Если Россия проявит активность и подкрепит своим потенциалом эти многополярные тенденции, найдя для каждой из этих геополитических образований свою аргументацию стратегического альянса и дифференцированные условия для него, клуб сторонников многополярности станет могущественным и влиятельным, способным эффективно настоять на собственном проекте будущего устройства.

При этом каждой из этих держав у России есть что предложить — ресурсы, стратегический потенциал вооружений, политический вес. Взамен Россия получает экономического и технологического спонсора в лице Евросоюза и Японии, политико-стратегического партнера на Юге в лице Ирана и Индии.

Евразийство концептуализирует такой внешнеполитический курс, обосновывает его научной методологией геополитики.

Вторая категория: геополитические образования, заинтересованные в многополярности, но не являющиеся симметрично взаимодополняющими для России. Это — Китай, Пакистан, арабские страны. Традиционная политика этих геополитических субъектов имеет промежуточный характер, прямой всесторонней выгоды от теснейшего партнерства с Россией они не имеют. Более того, евразийский альянс России со странами первой категории усиливает традиционных соперников стран второй категории в региональном масштабе. У Китая традиционные трения с Японией и Индией, у Пакистана, Саудовской Аравии и Египта с Ираном. Отношения России с Китаем представляют собой особый случай, осложненный демографическими проблемами, повышенным интересом Китая к малонаселенным территориям Сибири, отсутствием у Китая серьезного технологического и финансового потенциала, способного положительно решить важнейшую для России проблему технологического освоения Сибири.

Все страны этой второй категории поставлены перед необходимостью лавировать между американоцентричной однополярностью (которая им также не сулит ничего хорошего) и евразийством.

В отношении стран этой категории Россия должны действовать в высшей степени осторожно, хотя и не включая их в евразийский проект,

но по меньшей мере нейтрализуя возможный отрицательный потенциал их противодействия и препятствуя их активному включению в процесс однополярной глобализации (а для этого есть достаточно предпосылок).

Третья категория представляет собой страны Третьего Мира, не обладающие достаточным геополитическим потенциалом для того, чтобы претендовать даже на ограниченную субъектность. В отношении этих стран Россия должна проводить дифференцированную политику, способствуя их геополитической интеграции в зоны "общего процветания", под контролем мощных стратегических партнеров России по евразийскому блоку. Это означает, что в Тихоокеанской зоне России выгодно преимущественное усиление японского присутствия. В Азии следует поощрять геополитические амбиции Индии и Ирана. Способствовать расширению влияния Евросоюза на арабский мир и Африку в целом.

Те же государства, которые входят в орбиту традиционно русского влияния, естественно должны в ней оставаться либо быть туда возвращены. К этому и направлена политика интеграции стран СНГ в Евразийский Союз.

Четвертой категорией являются США и страны американского континента, находящиеся под контролем США. Международная евразийская политика России должна быть ориентирована на то, чтобы любыми способами доказать США несостоятельность однополярного мира, конфликтность и безответственность всего процесса американоцентричной глобализации. Жестко и активно (в первую очередь, через инструмент евразийского альянса) противодействуя такой глобализации, Россия, напротив, должна поддерживать изоляционистские тенденции в США, приветствовать ограничение геополитических интересов США американским континентом. США как мощнейшая региональная держава, с кругом стратегических интересов, заключенным между Атлантическим океаном и Тихим океаном, может быть стратегическим партнером для евразийской России. Более того, такая Америка будет очень важна для России, так как она будет ограничивать и Европу и Тихоокеанский регион, а также исламский мир и Китай, в случае их стремления пойти по пути однополярной глобализации на основе своей собственной геополитической системы. Если же однополярная глобализация будет продолжать развертываться, то в интересах России поддержать антиамериканские настроения в Южной и Центральной Америке, пользуясь, однако теперь мировоззренческим и геополитическим инструментарием, гораздо более гибким и объемным, нежели марксизм. В том же русле лежит курс на приоритетную работу с антиамериканскими политическими кругами Канады и Мексики, использование для лоббистской деятельности в этом направлении евразийских диаспор в самих США.

Евразийство и внутренняя политика

Во внутренней политике у евразийства есть несколько важнейших политических пунктов.

Интеграция стран СНГ в единый Евразийский Союз является важнейшим стратегическим императивом евразийства. Минимальным стратегическим объемом, необходимым для того начать серьезную международную деятельность по созданию многополярного мира, является не Российская Федерация, но именно все СНГ, взятое как единая стратегическая реальность, скрепленная единой волей, общей цивилизационной целью.

Политическое устройство Евразийского Союза логичнее всего основывать на "демократии соучастия" ("демотия" классиков евразийства), с упором не на количественный, но на качественный аспект представительства. Представительная власть должна отражать качественную структуру евразийского общества, а не среднестатистические количественные показатели, основанные на эффективности предвыборных шоу. Особое внимание следует уделить представительству этносов и религиозных конфессий.

"Демократия соучастия" должна органически сопрягаться с определенной долей единоначалия, максимально выраженного в стратегической области. В лице Верховного Правителя Евразийского Союза должна концентрироваться общая воля к достижению мощи и процветания Государства.

Принцип общественного императива должен сочетаться с принципом личной свободы в пропорции существенно отличной как от либерально-демократических рецептов, так и от полного коллективизма марксистов. Евразийство предполагает тонкий баланс между этими категориями, где общественный фактор должен быть довольно сильным. Активное развитие общественного начало — константа евразийской истории, она проявляется в нашей психологии, этике, религии. Но в отличие от марксистских моделей общественное начало должно быть утверждено как нечто качественное, дифференцированное, связанное с конкретикой национальных, психологических, культурных и религиозных установок. Общественное начало должно усиливать личностное начало, давать ему качественную подоплеку, но не противостоять ему, не подавлять его. Именно качественное понимание общественного позволяет точно определить золотую середину между гипериндивидуализмом буржуазного Запада и гиперколлективизмом социалистического Востока.

В административном устройстве евразийство настаивает на модели "евразийского федерализма". Это предполагает выбор в качестве основной категории политической федерации не территории, но этноса. Оторвав принцип этно-культурной автономии от территориального принци-

па, евразийский федерализм навсегда ликвидирует саму предпосылку сепаратизма. При этом в качестве компенсации народы Евразийского Союза получают возможность максимально развивать этническую, религиозную и даже в определенных вопросах юридическую самостоятельность. Безусловное стратегическое единство в евразийском федерализме сопровождается этническим плюрализмом, подчеркиванием юридического фактора "права народов".

Стратегический контроль над пространством Евразийского Союза обеспечивается единством управления, федеральными стратегическими округами, в состав которых могут входить разнообразные образования — от этнокультурных до территориальных. Дифференциация территорий сразу по нескольким уровням даст системе административного управления гибкость, адаптативность и плюрализм в сочетании с жестким централизмом в стратегической сфере.

Евразийское общество должно основываться на принципе возрожденной морали, имеющей как общие черты, так и более конкретные формы, связанные со спецификой этноконфессионального контекста. Принципы естественности, чистоты, сдержанности, упорядоченности, ответственности, здорового быта, прямоты и правдивости — являются общими для всех традиционных конфессий Евразии. Этим безусловным моральным ценностям следует придать статус государственной нормы. Вопиющие социальные пороки, дерзкое и публичное попрание моральных устоев должны быть безжалостно искоренены.

Вооруженные силы Евразии, силовые министерства и ведомства должны рассматриваться как стратегический остов цивилизации. Социальная роль военных должна возрасти, им необходимо вернуть престиж и общественное уважение.

В демографическом плане необходима "пролиферации евразийского населения", моральное, материальное и психологическое поощрение многодетности, превращения многодетности в евразийскую социальную норму.

В области образования необходимо усилить моральное и научное воспитание молодежи в духе верности историческим корням, лояльности евразийской идеи, ответственности, мужественности, творческой активности.

Информационный сектор евразийского общества должен исходить из цивилизационных приоритетов в освещении внутренних и внешних событий. Принцип образования, интеллектуального и морального воспитания должен быть поставлен над принципом развлекательности или коммерческой выгоды. Принцип свободы слова должен быть сочетаем с императивом ответственности за свободно сказанные слова.

Евразийство предполагает создание общества мобилизационного типа,

где принципы созидания и социального оптимизма должны быть нормативом человеческого бытия. Мировоззрение должно активизировать и раскрыть потенциальные энергии людей, дать каждому возможность, преодолевая (внутренние и внешние) косность и ограниченность, выразить себя в общественном служении и личном пути.

В основе евразийского подхода к социальной проблеме лежит принцип баланса между государственным и частным. Этот баланс определяется следующей логикой: все масштабное, имеющее отношение к стратегической сфере (ВПК, образование, безопасность, мир, моральное и физическое здоровье нации, демография, экономический рост и экономическое развитие и т.д.) определяется и контролируется Государством, все имеющее отношение к частной сфере (мелкое и среднее производство, сфера услуг, личная жизнь, индустрия развлечений, сфера досуга и т.д.) остается в ведении негосударственных инстанций. Личное и частное начала приветствуются там, где они не вступают в противоречие со стратегическими императивами евразийства в глобальной сфере.

Евразийство и экономика

Евразийство в отличие от либерализма и марксизма считает экономическую сферу не самостоятельной и не определяющей для общественно-политических и государственных процессов. По убеждению евразийцев хозяйственная деятельность является лишь функцией от иных культурных, социальных, политических, психологических и исторических реальностей. Можно выразить евразийское отношение к экономике перефразируя евангельскую истины: "не человек для экономики, но экономика для человека". Такое отношение заставляет искать оптимального сочетания либеральных и социальных механизмов для обеспечения общественного процветания в целом. Такое отношение к экономике можно назвать качественным: упор делается не на формальные цифровые показатели экономического роста, но на более широкий социальный спектр, где чисто экономический фактор рассматривается в неразрывном единстве с иными показателями. Некоторые экономисты (в частности, Й.Шумпетер) уже пытались ввести качественный параметр в экономику, разделяя между собой критерий экономического роста и экономического развития. Евразийство ставит вопрос еще шире: важно не только экономическое развитие, но экономическое развитие в сочетании с развитием социальным.

На практике евразийский подход сводится к госрегулированию стратегических областей — ВПК, естественных монополий, — и к либерализации среднего и мелкого бизнеса.

Важнейшим элементом евразийского подхода к экономике применительно к текущей ситуации является идея решения многих российских хозяйственных проблем в рамках внешнеполитического евразийского проекта. Некоторые геополитические силы, жизненно заинтересованные в реализации многополярного мира — в первую очередь, Евросоюз и Япония — обладают огромным финансово-технологическим потенциалом, привлечение которого в Россию может резко изменить экономический климат. Хотя упор следует делать на активизации внутреннего потенциала, на данном этапе достаточных ресурсов для автаркии (даже относительной) у России нет. Поэтому инвестиционное и иное взаимодействие с развитыми хозяйственными регионами просто необходимо. Это взаимодействие изначально должно строиться на логике более объемной, нежели узко экономические отношения — инвестиции, кредиты, импорт-экспорт, поставки природных ресурсов и энергоресурсов. Эти конкретные моменты должны заведомо вписываться в более широкий контекст общих стратегических программ — таких как совместное освоение месторождений, общие энергопроекты создание единых евразийских транспортных и информационных систем.

В некотором смысле, России должна возложить бремя возрождения своего экономического потенциала на партнеров по "клубу сторонников многополярности", адекватно оперируя с общими транспортными проектами (трансевразийская магистраль) и поставкой (а также добычей и переработкой) энергоресурсов.

Важной задачей является вопрос возврата в Россию капитала. Для этого евразийство создает очень серьезные предпосылки. Между растерянной, целиком обращенной к Западу, брезгливо относящейся к самой себе, погруженной в психоз приватизации и коррупции Россией либеральных реформ (начало 90-х) и евразийской патриотической государственно-ориентированной Россией начала XXI века существует обратная симметрия. Капиталы утекали из России слабой и разваливающейся. В Россию, ставшую на путь силы и выздоровления, капиталы должны вернуться.

В западных странах эти вывезенные из России капиталы в большинстве случаев не могут быть ни сохранены, ни тем более приумножены. Если западный мир смотрел на это сквозь пальцы в начале 90-х, считая, что ослабление посткоммунистической России на руку странам НАТО, так как это означает ослабление главного противника в совсем недавно закончившейся "холодной войне", то в нынешних условиях у владельцев этих в подавляющем большинстве случаев нелегальных капиталов возникнут серьезные неприятности.

Евразийская логика подводит к тому, чтобы создать максимально положительные условия для такого возврата, что даст серьезный импульс развития экономики. Вопреки некоторым чисто либеральным абстрактным догмам — капиталы скорее вернутся в страну с сильной властью и четким стратегическим ориентиром, нежели в нерегулируемую Государством, но хаотичную и нестабильную систему.

Евразийский путь

Евразийство является моделью, наиболее точно соответствующей стратегическим интересам современной России. Оно дает ответы на самые сложные вопросы, предлагает выходы из самых головоломных ситуаций.

В евразийстве открытость и ориентация на диалог сочетаются с верностью историческим корням и последовательным отстаиванием национальных интересов. Евразийство предлагает непротиворечивый баланс между русской национальной идей и правами многочисленных народов, населяющих Россию, шире Евразию.

Определенные аспекты евразийства уже задействуются новой российской властью, ориентированной на созидательное, хотя и сложное, решение исторических проблем, стоящих перед Россией в новом столетии. И всякий раз, когда это происходит, налицо эффективность, оперативность, серьезный стратегический результат.

Интеграционные процессы в СНГ, создание Евразийского Экономического Содружества, первые шаги новой внешней политики РФ в отношении Европы, Японии, Ирана, стран Ближнего Востока, создание системы Федеральных округов, укрепление вертикали власти, ослабление всевластия олигархических кланов, курс на патриотизм, государственность, повышение степени ответственности в СМИ — все это важные и существенные элементы евразийства. Пока эти элементы перемежаются инерциальными тенденциями двух других моделей — либерал-западнической и советской. Но даже постороннему наблюдателю ясно, что евразийство движется к зениту, тогда как две другие модели ведут уже арьергардные бои за влияние на умы властителей России.

Повышение значения евразийства — процесс эволюционный, постепенный. Но уже подходит время более внимательного и скрупулезного изучения этой теории, этой философии, это политической и мировоззренческой практики.

2001 г.

А. Г. Дугин

ИЗОЛЯЦИЯ?

Агония либералов уводит нас от главного

В настоящий момент в стране складывается новая политическая конфигурация, чьи очертания ускользают от нашего внимания из-за напряженной, истерической схватки между агонизирующими либералами, стремительно теряющими власть, влияние, финансовый потенциал, и мерным и неспешным лагерем "просвещенного патриотизма". Олигархи и медиакраты упорствуют, отчаянно пытаясь удержаться на плаву или дать решительный реванш. Но, невзирая на прощальный аккомпанемент "явно вчерашних", в объективном состоянии России, в ее хозяйственной инфраструктуре, в ее геополитическом статусе происходят необратимые перемены, по своему значению гораздо более серьезные, чем мучительное прощание с "молодыми реформаторами".

Реальная проблема, перед которой стоит сегодня Россия, обладает именем. Изоляция. Если ранее "изоляция", "автаркия", "национальная самодостаточность" были политическими лозунгами радикальной оппозиции, противостоящей глобалистским тенденциям "реформаторов", стремившихся полностью открыть Россию перед Западом, то сегодня это не пожелание, но фактическое состояние дел. И отныне любой последовательный политический курс партий и движений, групп влияния или отраслевых лобби должен дать свой собственный ответ, каким образом следует относиться к изоляции России, как строить хозяйственную и политическую реальность в ситуации вынесения за скобки основных трендов мировой экономики?

То, чем последние годы либералы пугали не очень ясно соображающую общественность, свершилось, причем не через революционный приход к власти национал-патриотической оппозиции, а в результате серии действий самих либеральных политиков.

Самое время задуматься о содержании понятия "изоляция" применительно к России на пороге тысячелетия.

Экономический гений Фридриха Листа

Термин "изоляция" устойчиво сопровождается неким негативным понятийным фоном. Либералы успели вбить нам в голову, что "открытость" — это хорошо, а "изоляция" — плохо. В качестве положительного примера обычно приводятся рыночные экономические режимы, основанные

на открытости и свободе торговли, им противопоставляются "тоталитарные государства", где царит если не нищета, то постоянный дефицит и заниженные нормы жизни. Отсюда делается поспешное отождествление: "открытость, глобализация — процветание, изоляция — нищета". Но все далеко не так очевидно.

Немецкий экономист прошлого века Фридрих Лист, оказавший колоссальное влияние на самых разнообразных экономистов и политиков (от Кейнса до Ратенау, Витте и Ленина), логически безупречно разбил либеральный тезис ("открытость — добро, изоляционизм — зло") серией аргументов, настолько неопровержимых, что они полностью сохраняют свое значение и сейчас. Так, Лист на примере Англии показал, что либеральная открытость экономических систем двух обществ неизменно приводит к тому, что ей в полной мере может воспользоваться только одна из сторон — та, которая имеет более развитую и укорененную, отлаженную и давнюю рыночную инфраструктуру. Иными словами, Фридрих Лист вскрыл важнейший пункт либеральной идеологии — *она пристрастно служит интересам тех стран или стратегических блоков, которые первыми встали на этот путь*. Таким образом, видимая незаинтересованность и внешне провозглашаемый "универсализм" либерально-рыночной доктрины оказываются *лишь прикрытием для довольно эгоистических интересов вполне конкретных стран*. А те государства, которые по каким-то причинам развивали свою хозяйственную структуру, следуя иными путями, обречены в случае либерализации на утрату суверенности и попадание в зависимое, подчиненное положение относительно более "продвинутых" в рынке соседей. С другой стороны, Лист прекрасно понимал, что динамическое развитие экономики в современных условиях *не может происходить в рамках отдельно взятого государства* при полной блокировке внешних экономических контактов, и на экономический вызов современности *невозможно ответить простым отказом от диалога*. Иными словами, изоляционизм тоже не выход, он с неминуемостью приведет рано или поздно к стагнации и — далее — *к прямой колонизации динамически* развивающимися либеральными конкурентами.

Что же делать?

Проанализировав множество параметров экономических и геополитических моделей, Фридрих Лист пришел к выводу, что спасением для государства, конкурирующего с либеральными соседями, но вставшего на этот хозяйственный путь в более поздние исторические сроки, является только одно — "*автаркия больших пространств*".

Смысл листовской теории "автаркии больших пространств" сводится

вкратце к следующему. Открытость хозяйственной структуры является важнейшим компонентом социально-экономической динамики общества, но, вместе с тем, открытость по отношению к более развитым в рыночным смысле государствам неминуемо ведет к колонизации и утрате суверенитета. Следовательно, необходимо прибегнуть к *избирательной открытости,* которая наличествует в отношении государств, столь же или менее развитых в рыночном смысле, нежели данное государство, но которая превращается в "железный занавес" там, где речь идет о более развитых государствах. Но и в последнем случае отношения сводятся не к полной таможенной блокаде, а к экономическому сотрудничеству, которое квалифицируется государственными органами, следящими за соблюдением геополитических интересов державы, как безвредное или даже полезное. Обмен, способствующий экономическому росту державы, приветствуется и в случае более развитых стран; то, что может препятствовать этому росту, ставится вне закона.

Но такая *избирательная открытость* будет действенна только в том случае, если развивающимся странам удастся создать довольно *крупный экономический континент, объединенный единой таможенной границей.* Иными словами, *единственно возможная "автаркия" может эффективно существовать только на территории "больших пространств"*. Отдельно взятое национальное государство не способно на автаркию по объективным причинам.

Фридрих Лист формулировал свою теорию, находясь в гуще конкретных исторических событий. Перед его глазами была развитая либеральная Англия, навязывающая — к своей выгоде — правила игры феодальной, континентальной Германии, казалось бы, безнадежно отставшей. Но Лист гениально предугадал вехи того пути, который изменил всю картину. У правителей Германии хватило ума, чтобы прислушаться к мнению ученого. Выходом стал "таможенный союз", Zollverein, который объединил в единый экономический блок хозяйства Германии, Австрии и Пруссии. Этническая и историческая близость служили в данном случае благоприятным фактором. "Избирательная открытость" позволила не просто придать новый динамический импульс Германии, но стала своеобразной хозяйственной традицией для всей Европы. И именно благодаря реализации "автаркии больших пространств" — пускай в новой форме — континентальной Европе (и особенно Германии) удалось стремительно оправиться от катастрофы Второй мировой. Даже несмотря на то, что англосаксам (в первую очередь, США) удалось навязать рыночный порядок в форме официальной экономической доктрины Запада. Однако за "германское чудо" ответственно именно молчаливое и осторожное использование листовской патерналистской модели, а отнюдь не оккупационный и колонизационный по сути план Маршалла.

Прямая историческая параллель

Возвращаемся к нашей стране. Общая логика реформ удивительно напоминает ситуацию, с которой имел дело Фридрих Лист. Радикальные либеральные реформы в нерыночной стране (СССР) приводят не к развитию хозяйства, а к его полному разрушению, к утрате суверенности и к превращению великой страны в колонию и ресурсо-добывающий придаток Запада. Молодые реформаторы упорно и агрессивно замалчивают Кейнса, клеймя всех, кто хоть на гран отличается от чикагской либеральной ортодоксии, как "красно-коричневых" и "реваншистов". В результате, тотальный крах реформ, дестабилизация социальной и политической реальности в России. По ходу дела разваливается гигантское государство. Промышленность парализована. Финансовые, отвлеченные от хозяйственной конкретики, мондиалистские игры вполне закономерно приводят к августовскому (1998 г.) "дефолту" на государственном уровне. Даже самым пристрастным и ангажированным политикам становится ясно, что России беспроблемно вписаться в "мировой рынок" не удалось. Инфляция рубля в отношении мировой резервной валюты (которой де факто является доллар) не может более сдерживаться никакими — даже самыми искусными — финансовыми авантюрами. Реальный сектор российской экономики вошел в объективное противоречие с глобальными рыночными моделями. Продолжение движения к рынку требует окончательного отказа от последних элементов суверенитета, от территориального единства страны, от минимальных гарантий социальной стабильности и национальной безопасности. Остановка реформ неминуемо ведет к изоляционизму, причем к изоляционизму в рамках отдельного национального государства, находящегося в крайне тяжелом экономическом положении. Оба пути представляются гибельными.

Но в аналогичном положении была и Германия конца прошлого века, только роль нынешних США выполняла тогда Великобритания. И выход нашелся в "автаркии больших пространств".

Этот выход является сегодня единственным спасительным и для России.

Путь спасения

Реализация проекта "автаркии больших пространств" для современной России в самом общем виде сводится к следующим магистральным шагам:

— создание, укрепление и расширение "евразийского таможенного союза", создание "четвертой геоэкономической зоны" (кроме Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии туда могли бы войти и некоторые континентальные страны дальнего зарубежья — Сербия, Греция, Иран, Индия, Ирак, Сирия, Ливия и т.д.);

— установление режима "избирательной открытости" в сфере экономических отношений с Западом, жесткий геополитический (а не лоббистский и коррупционный, как сегодня) контроль над таможней, монополизация некоторых стратегических областей промышленности;

— дифференцированный подход к экономическим связям с развитыми странами (приоритет должен отдаваться Европе, Китаю и тихоокеанским государствам вместо США и тех международных институтов, которые беспрекословно исполняют волю США);

— переориентация на международную валюту, отличную от доллара, к примеру, на европейское экю, с последующей перспективой создания собственной "евразийской валюты" — "евразийского рубля" или даже "евразийского доллара";

— введение внутри страны норм особой "политической корректности" евразийского типа, автоматически исключающей из общественной, социально-политической и медиакратической жизни те политические и экономические силы, которые отрицают "евразийский проект" и образованный на его основании широкий консенсус, настаивают (теоретически или практически) на выборе иного исторического пути (что неизбежно приведет к катастрофе — причем, как в случае дальнейших либерально-мондиалистских реформ, так и в случае узко-национального изоляционизма);

— переход к мобилизационному режиму в экономике;

— проведение широкой кампании по пробуждению творческих созидательных энергий в народных массах, пребывающих в настоящий момент в состоянии депрессии и апатии.

Мы находимся на критическом рубеже. То, что умерло, должно не реветь с экранов, а быть как можно быстрее похоронено. Перед нами просторы великого созидания. Если мы упустим свой шанс, разменяемся на мелочь и сиюминутное, мы совершим непростительное историческое преступление. Сегодня есть уникальная возможность резко свернуть с дороги, избежав и старой и новой пропасти.

Ни открытость, ни изоляционизм.

Третий Путь.

Евразийский Путь.

1998 г.

А.Г. Дугин

КПРФ И ЕВРАЗИЙСТВО

Колебания автора о целесообразности написания этой статьи

Я долго колебался, писать ли статью о КПРФ. Отношение к этой партии и ее лидерам у меня очень сложное. Это не нечто безразличное и отстраненное — ко многим идеям, политическим требованиям и историческим оценкам я отношусь с глубокой симпатией, искренне разделяю их. С другой стороны, я не могу отделаться от глубинного раздражения, которое внушают мне лидеры, аппаратчики, активисты КПРФ. Странная смесь глубокой симпатии с резкой неприязнью... Это не только мое личное отношение — что-то подобное смутно ощущают многие и многие... Попробуем в этом разобраться.

КПРФ не является идейной преемницей КПСС

Идейная платформа нынешней КПРФ пока никем всерьез не разбиралась.

С одной стороны, мы видим, что КПРФ объявляет себя наследницей КПСС, претендует на преемственность (и теоретическую и организационную) с правящей (и единственной) партией советского периода. Такая прямая преемственность вроде бы предполагает *непрерывность идейного теоретического наследия*. Т.е. мы в праве предположить, что идеологической основой КПРФ является развитие основных политических и идейных позиций той версии марксизма, которая сложилась в СССР к концу 80-х годов. А раз так, то мы ожидаем от КПРФ *ортодоксально марксистских рефлексий* относительно причин краха СССР, соответствующей оценки мировой ситуации, внятного объяснения того, в чем состояли фундаментальные теоретические и практические ошибки КПСС, бывшей правящей партии, создавшей и укрепившей континентальную конструкцию СССР и в одночасье исчезнувшей с исторической арены, оставив после всего грандиозного интеллектуального, индустриального, административного, военно-стратегического и социального наследия — пенсионный дымок и пару истеричных газет, да «красного дьякона» с пустой кастрюлей на анпиловском грузовичке...

Таких рефлексий *нет*, искать их мы будем *тщетно*. В этом вопросе вместо реальной преемственности — завуалированный (но от этого не менее радикальный) разрыв. Приводимые объяснения — почему же всетаки так произошло? — поражают своей нелепостью или прямой принад-

лежностью к совершенно *чуждому* идейно-теоретическому контексту. Все объясняется либо «заговором», либо «проникновением в партию чужеродных — в том числе «расово» – элементов», либо «успешной операцией американских спецслужб», либо «национальным сепаратизмом республик», либо «предательством», либо «сатанизмом Горбачева», либо «русофобией». Никакого адекватного классового, социально-экономического, марксисткого анализа нет и в помине. Про классы, «пролетариат», «трудовое крестьянство», «циклы капитала» вообще не идет речи.

Вплоть до последней минуты своего существования КПСС (и ее последнее российское воплощение РКП) следовали в русле классического советского дискурса с вкраплением осторожной социал-демократии в горбачевский период. Т.е. советская идеология, как она существовала исторически, варьируется от *революционного большевизма* (ленинизм) через *социалистическую государственность* (сталинизм) к легкому (и незавершенному) реформированию основных марксистских доктрин *в социал-демократическом ключе* (Горбачев). Советским марксизмом — «преемницей» которого объявляет себя КПРФ — может называться только что-то, что принадлежит этому циклу, имеющему ясные этапы и совершенно однозначную характеристику — что сюда *может быть* включено, а что *нет*. В основных программных и теоретических документах КПРФ нет ничего подобного остается совершенно *непонятным*, преемницей какого конкретно этапа советской истории является КПРФ, как она оценивает каждый из них, какой анализ дает логике развития советского марксизма и советской государственности.

Что означает это наблюдение? *То, что идеологическая преемственность КПРФ в отношении КПСС является абсолютно голословной и по существу фиктивной*. Такой преемственности, которая вообще игнорирует непрерывность идейного, политико-экономического дискурса, *не бывает*. В идейно-политическом смысле КПРФ — это нечто *абсолютно новое*, никак не вытекающее из основной линии развития советского марксизма, который был безусловной и ортодоксальной платформой КПСС.

Мы сейчас не будем выносить суждения относительно того — хорошо это или плохо. Мы просто вскрываем вопиющее несоответствие: *КПРФ утверждает тезис о своей «преемственности», хотя таковой не существует и близко*.

КПРФ не является левой партией

В нынешней идейной платформе КПРФ присутствуют элементы, которые не могут быть отнесены не только к ортодоксальному марксизму — как советскому, так и западному, — но даже к общему, широко понятому спектру *левых идеологий*. Есть целый ряд отчетливых позиций, постоянно и настойчиво озвучиваемых лидерами КПРФ, — в частности, Геннадием Зюгановым, — которые совершенно не вписываются в *левые* идеологические рамки. К примеру, КПРФ провозглашает в качестве высших ценностей Государственность, державность, верность нравственным устоям, национальным корням, религиозной системе ценностей, Православию.

В политическом смысле в любой партийной системе данный блок тезисов характеризует именно *правые, консервативные* партии и движения — *республиканского* или даже *крайне правого* толка. Так как в текстах видных идеологов КПРФ сплошь и рядом наличествуют скрытые и подчас явные намеки на этническое или расовое происхождение того или иного политического или государственного деятеля, а для периферийного слоя КПРФ вообще характерен откровенный антисемитизм и даже расизм в сочетании с православно-монархическими настроениями, то можно сделать вывод о доминации именно *крайне правых элементов*.

Исторический анализ идеологов КПРФ оперирует преимущественно формулами *геополитики*, где преобладают термины «атлантизм», «евразийство», «глобализм», «мондиализм», «русская цивилизация», «пространственные константы», «консервативная революция» и т.д. Такая модель политического анализа является вообще *совершенно оригинальной* и не встречается ни у левых, ни у правых политических партий.

Но *правизна* КПРФ не заканчивается политикой. Самое странное, что лидер КПРФ Г.Зюганов постоянно в общем потоке внешне левой риторики — о «социальной защите» и «пересмотре результатов приватизации» — упоминает на одном дыхании странную фразу — «*задушили налогами*», т.е. ратует за *понижение налогов* (за что фракция КПРФ в Госдуме регулярно и последовательно голосует). Здесь уже налицо вообще вопиющее противоречие, так как ни одна — даже самая экстравагантная — партия *левого* толка ни в одной стране мира никогда и ни при каких условиях не голосует *за снижение налогов*. Это, напротив, главное требование всех либеральных партий— т.е. экономически «*правых*». Как бы ни сильна была в определенных случаях путаница между «правыми» и «левыми», самым последним и самым надежным критерием является именно *вопрос о налогах*. Это абсолютный критерий: *«правые» всегда и во всех обстоятельствах— за снижение налогов, «левые» всегда и во всех обстоятельствах— за их повышение*. Сложно себе представить «православного марксиста», но представить себе «левого» поборника снижения налогов вообще немыслимо.

Итак, в программе и практике КПРФ наличествуют в качестве констант *консервативные, крайне правые и даже либеральные* элементы.

В таком случае нельзя говорить не только о преемственности КПРФ в отношении КПСС, но даже о принадлежности ее к разряду *левых* партий.

Оказывается, КПРФ — это что-то совершенно особенное, уникальное, экстравагантное и необычное, возникшее совершенно недавно и основанное на особой идейной платформе, не поддающейся лобовой классификации.

Электоральный секрет успеха КПРФ

Вместе с тем, несмотря на шокирующую идейную мешанину, мы можем констатировать, что КПРФ имеет *устойчивую поддержку в широких народных массах современной России*. Более того, следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что все политические партии и движения, которые пытались выдвинуть более *последовательные и рациональные идеи*, частично наличествующие в мировоззрении КПРФ, терпели сокрушительное поражение. Прямые наследники разных этапов собственно советской идеологии, — партии Шейнина, Анпилова, Тюлькина, Умалатовой и множество других, — которые последовательно и непротиворечиво воссоздают ленинизм, сталинизм, брежневизм и т.д. в своих программах и идейных платформах, не пользуются *никакой поддержкой населения*, несмотря на то, что в их доктринах есть теоретическая логика и последовательность. Еще плачевнее обстоит дело с социал-демократами, наследующими основные политические тенденции горбачевского периода, — партиями Г.Х.Попова, А.Н.Яковлева, И.Рыбкина и т.д., — упорно занимающими последние места в электоральных списках. Не лучше положение откровенных националистов, расистов, православно-монархических и антисемитских блоков, которые неизменно проваливаются.

Мы вынуждены констатировать, что огромными массами населения поддерживается именно экстравагантная и противоречивая идейная конструкция КПРФ, а все логичные и последовательные идеологические модели, доведенные до уровня минимальной последовательности и рациональной непротиворечивости *упорно отвергаются*.

Конечно, многие спишут это обстоятельство на политические технологии и успешные предвыборные компании. Но это явно не так. Группа угрюмых косноязычных с непривлекательными унылыми лицами чиновников в полный рост, в безобразно выстроенном кадре, что-то невнятно бормочут про «олигархов», идут по улице с гвоздиками, неаппетитно выставляя откормленные животы, вяло поплясывают в какой-то провинциальной луже с напуганными старушками... Это пи-ар? Нет, это не пи-ар,

это какой-то ужас, этим можно только испугать или усыпить. Любой шизофреник на этом фоне мгновенно становится ньюс-мэйкером: пример— Шандыбин, а ведь в народе подобных остроумных идиотов — море, каждый второй сантехник или газовщик — это сто шандыбиных, любой из них оживил бы Думу на много порядков. Все-таки это не пи-ар...

Значит секрет в другом.

Кто стоял за «сменой вех»?

Мне кажется, сегодня следует пролить свет на некоторые идеологические подробности истории становления КПРФ тем, чем она является сейчас. Это имеет самое прямое отношение к автору этих строк.

Я познакомился с Геннадием Андреевичем Зюгановым в 1991 году. Нас представил друг другу Александр Проханов. Зюганов был тогда крупным партийным чиновником с консервативными (в смысле антиреформаторскими) симпатиями. Никаких идей он не высказывал, чувствовал себя довольно спокойно и уверенно. Типичный советский аппаратчик без характерных деталей.

Его самочувствие резко изменилось после путча. Теперь он сидел в приемной газеты «День» с озабоченным лицом, его спокойствие было поколеблено неприятной тенью неуверенности в будущем. Этой щелью в самочувствии — только что была партия, авто, аппарат, система, и вдруг ничего нет — активно воспользовался Проханов.

Проханов — эстет позднесоветского разложения, бывший участник шизоидного «южинского» кружка, он сделал выбор триумфального, чрезмерного служения духу позднего советизма, стал певцом брежневского периода, но что-то от южинского в нем осталось. В эпоху реформ эта глубоко запрятанная в советское время сторона его души проявилась с новой силой в прохановской образной публицистике — в мамлеевских героев были переряжены немцовы и чубайсы, хакамады и грефы, черномырдины и березовские. Это, безусловно, социальный и безвкусный кич, но сегодня время кича, и никого этим не удивишь — можно подумать, что все остальное не кич...

Так вот, корректному выбеленному аппаратчику Зюганову, внезапно оставшемуся без аппарата — как инвалид без ног — Проханов стал усердно вставлять в освободившееся время и место в мозгу продукты своих видений. Но *откуда* он их сам брал, будучи типичным продуктом не сильно образованной, но зато сильно пьющей позднесоветской писательской среды? Иными словами, одна, даже насыщенная галлюцинациями, пустота не способна заполнить другую — стерильную, но настырно решившую вернуть себе утраченное любой ценой.

В это время — с 1991 года — начинаются интенсивные контакты Проханова и Зюганова с автором этих строк. Здесь следует сделать несколько пояснений: с начала 80-х годов я с узкой группой единомышленников разрабатывал особую идеологию, которую точнее всего определить как «*неоевразийство*». Это было уникальное сочетание классических евразийских идей с теориями «третьего пути», «консервативной революции», теориями европейских «новых правых». Важное место в этой идеологии играла *геополитика и ее методы*. Данная идеология изначально не имела *никакого отношения к советизму*, резко отвергала все разновидности марксизма, отличалась подчеркнутой национально-консервативной и религиозно-традиционалистской ориентацией. Она позиционировалась на одинаковой дистанции как от коммунизма (социализма), так и от западной либеральной демократии. Она была державной, религиозной, имперской и национальной, но вместе с тем антизападной и антисоветской.

В этом направлении велась огромная, методичная работа по отысканию и переводам классиков этой идеологии, изданию их трудов, применению определенных методов к анализу отечественной истории. В качестве основных концептуальных инструментов выступал анализ «парадигм», «история религий», «геополитика», «теория заговора», «исследование рас» и т.д. К концу 80-х годов идейный корпус «неоевразийства» приобрел более или менее *законченную форму*. Он-то и стал основным стержнем того множества материалов, интервью, переводов и публикаций, которые я принес в газету «День» Проханову. Многие статьи писались под псевдонимами, другие — от лица вымышленных авторов и исторических фигур, некоторые материалы время регулярно публиковало агентство «День-континент», в круглых столах участвовали как российские так и европейские «неконсервативные» генералы и политики.

Конечно, помимо этой линии в «Дне» на сто голосов ныли писатели-почвенники, бессмысленные патриотические политики из ФНС, РОСа, Верховного Совета, различные экстравагантные «академики солнца», буйные антисемиты и тихие православные. В какую-то единую линию собираемый Прохановым собачий хор несогласных, естественно, не складывался — от большинства завсегдатаев патриотического издания того периода сегодня остались лужицы отекших сентенций... Другое дело настойчиво и последовательно утверждаемая «*неоевразийская идеология*». В тот момент — даже, вероятно, без ясного осознания самим Прохановым — *именно она стала осью того, в чем нуждался экс-аппаратчик Зюганов*. Проханов облучал Зюганова магистрально, я — периодически. Но в конце концов, на переломном моменте перехода от бывшей и запрещенной КПСС к новой КПРФ это влияние оказалось *решающим* (в идейном смысле).

И в данном вопросе важнейшую роль сыграла сама *неопределенность* персоны Зюганова. Он — неотчетливый человек, мысль продумывает трудно, с неохотой. Идеям не доверяет, интуитивно старается их обойти. Но вместе с тем, он чутко прислушивается к конъюнктуре — а уникальность «Дня» того периода состояла в том, чтобы эту конъюнктуру, эти бессознательные пласты населения, выводить, активиривать, разогревать, провоцировать. Это, действительно, был орган «*евразийского пробуждения*», тогда как «Советская Россия» своим монотонным возмущением лишь усыпляла, ориентируясь при этом на разбавленную версию основных тем «Дня».

В критический момент идеологического выбора Зюганов сделал ставку на «*неоевразийский популизм*», общие контуры которого были описаны и сформулированы мной и моими коллегами в газете «День». *И именно на этом этапе была сформирована идейная платформа КПРФ*. Если применить к расшифровке этой платформы ключ евразийской (и особенно неоевразийской идеологии), *все становится на свои места*.

На самом деле, общеизвестно, что «евразийство» исторически было преимущественно *правым*, консервативным, традиционалистским, имперским и державным, но вместе с тем существовала и его *левая версия* — т.н. «национал-большевизм». Русские «национал-большевики» (Устрялов, «смено-веховцы») были русскими националистами-консерваторами с евразийскими взглядами, которые, однако, восприняли режим большевиков как *новое парадоксальное выражение русского национализма и империализма*. Иными словами, это была имперско-консервативная и совершенно *небольшевистская* трактовка большевизма (хотя и позитивная, с оговорками).

Это левое евразийство («национал-большевизм») стало для меня самого понятным и приемлемым ровно в момент краха СССР; перед лицом западнической либерал-демократии я, вчерашний антикоммунист, сказал только что рухнувшему советизму «да», *признав правоту левых евразийцев*, которых раньше не понимал и отвергал. В этот же самый момент — но исходя, скорее, из конъюнктуры, нежели из убеждений — Геннадий Андреевич Зюганов сделал симметричный шаг, сказав (вернее, выказав) «да» *евразийству*. Однако, это «да», эта резкая «смена вех» от коммунизма к консервативному национализму имперского типа (основанному на идеях «консервативной революции» и «третьего пути») осуществились Зюгановым *тихо и тайно*, возможно даже тайно

от самого себя, от самых близких товарищей. Внешне декларировалась *преемственность*. И она действительно была — но только в отношении формы, оставшихся партийных аппаратных структур, «связей, паролей и явок». Идеи же были совершенно *новыми* и беспрецедентными для марксистского контекста, немыслимыми для него.

КПРФ — партия левого евразийства

Теперь все становится на свои места. Нелогичные и даже абсурдные моменты полностью проясняются. Зюганов в качестве лидера КПРФ с максимальной эффективностью для партии и себя самого использовал несколько разнородных элементов: *ностальгию* старшего поколения по «светлому советскому прошлому», партийные и аппаратные *связи и структуры* (этому контингенту ничего про евразийство не говорилось, но, напротив, говорилось только про «преемственность») и смутное, *бессознательное «евразийство»* россиян, их патриотические, державные, консервативные, почвенные предпочтения, их *цивилизационно-культурный код*, который всплыл и обнажился после того, как рассеялась жесткая тоталитарная марксистская догматика (к этой категории обращены зюгановские речи и тексты из открыто «евразийского» арсенала — вспомнить хотя бы его «Географию Победы», с подзаголовком «Основы российской геополитики», списанную в основных чертах и без ссылок с моего учебника «Основы Геополитики»). И именно это *наложение двух идейно различных, но синтезируемых в евразийстве (особенно в его левой версии) реальностей стало основой невероятного успеха КПРФ в течение 90-х годов* — особенно если учесть, что на сей раз «коммунисты» (а точнее, «левые евразийцы») сами были жертвой тоталитарного идеологического преследования со стороны либералов-западников.

КПРФ Зюганова, таким образом, является не коммунистической, не социалистической, не националистической, но именно *лево-евразийской партией*. При таком отношении к ней все становится логичным и понятным. Если же мы будем исследовать КПРФ, следуя за формальными тезисами ее вождей, то безнадежно запутаемся с самого начала.

Личность лидера КПРФ

Геннадия Андреевича Зюганова сегодня критикуют все и с разных сторон. Рассудочным коммунистам не может быть внятен его евразийский демарш, это, действительно, фундаментальный развод с марксизмом. Новопоявившимся националистам и правым консерваторам непонятны его апелляции к коммунизму. Идейные критикуют его за оппортунизм. «Центристы» — с полным отсутствием позвонков — напротив, укоряют его в радикальности. Для либералов-западников он вообще — «исчадие ада».

На самом деле, как и всегда в подобных случаях, грехи и добродетели растут из одного корня — слабые черты человека (и политика) суть обратная сторона его сильных черт. Зюганов сделал ставку на неартикулированный, подразумеваемый, ускользающий, двусмысленный *лево-евразийский популизм*. И именно он — этот популизм — был (и отчасти остается) затребован политической конъюнктурой российских 90-х. Невнятность Зюганова не его недостаток, это, скорее, производное от общей невнятности всего общества. Пока есть ЛДПР и «Единая Россия» — как крайние случаи политического бреда в первом случае, и политической немоты во втором — *для Зюганова еще не все потеряно*. Он туманнее многих, но и яснее многих — можно подумать, что сама высшая власть ясно отдает себе отчет в том, что ей делать и куда ей идти... У Зюганова, по меньшей мере, *есть вектор*. Этот вектор, правда, не его. Он его позаимствовал у евразийства, но это второстепенно. Пока второстепенно. И будет второстепенным еще некоторое время, если политический и мировоззренческий расклад в обществе останется таким, какой он есть.

И лишь *на следующем этапе* политической истории России нам всем понадобится нечто *более последовательное и более артикулированное*, нечто *ясное и непротиворечивое*, опирающееся не просто на конъюнктуру и интуицию, не просто на популизм, но на осмысленный и полноценный проект, на сильную волю, на ясную и стройную теорию, на внятный метод и отточенную организацию.

Электорат КПРФ — это электорат евразийский, точнее, лево-евразийский. Есть еще и право-евразийский электорат, и есть евразийский центр. Я думаю, что, увы, еще какое-то время порядок в этом вопросе наведен не будет, и россияне будут голосовать любыми своими органами, только не головой. Но это наше российское право, голосовать тем, чем хотим.

КПРФ — это очень серьезно, но *евразийство — еще серьезнее*, и шире, и глубже, и основательней, и свежей. Перспективы у КПРФ есть, но рано или поздно ограниченность этой модели обнаружится.

В том виде, в каком КПРФ существует сегодня, *к власти в стране она не придет*. Никогда. Это не ее задача, не ее профиль, не ее цель. Он делает сегодня максимум, что может. И баланс в целом положителен. Напрасно сетуют некоторые, что она занимает чужое место. Да, занимает. Но если вы сильнее — придите — и сбросьте Зюганова с трибуны.

А если вы не способны, то не скулите и не нойте. Политика — дело сильных и решительных мужчин.

И все же, я глубоко сомневаюсь, что КПРФ можно расколоть, трансформировать в какую-то еще более бледную и невыразительную «социал-демократию». Куда уж бледнее... КПРФ уйдет тогда, когда мы кожей почувствуем ветер иного исторического цикла. Когда начнется истинный ужас, и мы всерьез осознаем, что атлантизм и глобализм обрекли нас на гибель, и что заклинаниями больше тут не отделаешься. Но вместе с КПРФ должны будут уйти и все остальные — все те временщики, которые наивно верят в мантру: «мы пришли всерьез и надолго». Многих не будет уже завтра. А КПРФ еще продержится.

Я убежден, что у евразийства огромное политическое будущее. И придет время Геннадию Андреевичу Зюганову сдать в кассу идеологий выданный в критический момент мировоззренческий кредит. Но важно до этого подготовить надежную и серьезную, основательную и живую, молодую и эффективную смену. И тогда это произойдет безболезненно. И мы искренне поблагодарим его за его отличную и верную службу народу и Отечеству.

май 2002 г.

А. Г. Дугин

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

Федерализм в эпоху Ельцина

Устройство российского федерализма периода ельцинизма имело следующие фазы.

На первом этапе Ельцин прагматически поддерживал тезис о *максимальной суверенизации внутрироссийских субъектов*. Но это была не более, чем электоральная популистская риторика, которую наиболее активно навязывали и пытались привить на практике лишь крайние либералы-западники, считающие, что демократическая Россия должна быть существенно меньше РФ. Эти проекты содержались в документах большинства раннеперестроечных демократических движений, на которые опирался Ельцин.

С другой стороны, в том же направлении действовал Горбачев в его противостоянии с Ельциным и с руководством Союзных Республик. Ведомство Крючкова и еще более сомнительные инстанции внедрили Горбачеву идею: *если поддерживать внутриреспубликанский и, в частности, внутрироссийский сепаратизм на определенном уровне, зависимость стремительно набирающих силу республиканских лидеров от Союзного руководства будет сохраняться*. Именно с этой поры следует отсчитывать такие явления, как "татарстанский проект" или истоки "губернского" местничества.

Абхазия, Осетия, Приднестровье, Чечня — все это кровавые результаты горбачевской двухходовки. При этом показательно, что Союзный Центр и экстремистский фланг демократов-западников в этом вопросе действовали в общем ключе.

Ползучий сепаратизм внутри российских федеральных субъектов был тем, с чего Ельцин начал. Эти процессы в несколько сглаженной форме продолжались вплоть до его отставки.

После выхода России из состава СССР Ельцин стал постепенно, вяло и непоследовательно, *но противодействовать дальнейшей суверенизации субъектов РФ*. Бурная фрагментаризация российского пространства закончилась, был взят курс *на сохранение территориальной целостности России под эгидой демократии*.

Вооруженный Горбачевым, ДемРоссией, Турцией и США Джохар Дудаев бросил ельцинизму вызов. Ответом была первая чеченская компания. И ее непоследовательное, колеблющееся ведение, и позорный предательский Хасавюрт, и попустительство пораженческим, доходящим до

прямой русофобии, настроениям СМИ, и "аферы на крови" олигархов — все это было типичным образчиком *ельцинизма в сфере государственности*. Ельцинизм — это вялое противодействие откровенному, декларируемому, бравирующему своей безнаказанностью дикарскому сепаратизму, и слабоумное соглашательство в решающий момент с "демократической" демагогией реформаторского окружения, подкрепленной коррупционными методами олигархов, продававших Россию и ее народы по несколько раз и тем, и этим, сдавая в аренду и забирая обратно.

В первой чеченской компании мы видели экстремальный пример ельцинизма, где безобразно переплелись фрагментарный покалеченный патриотизм с предательством и торгашеством. Но точно такая же ситуация, только в сглаженной форме, была характерна и для общей модели отношений ельцинского Центра с регионами. На ужесточение централистских мер в политической или экономической областях губернаторы и президенты отвечали саботажем. Национальные лидеры одной рукой предъявляли карманных националистов, которых обещали присмирить в обмен на отступные льготы. Русские регионы шантажировали экономически: сбор налогов, юридический хаос... Но принцип был один и тот же: *между Центром и субъектами Федерации велась вялая торговля*. Малоадекватного Президента пугали ростом "красно-коричневых настроений", "реваншизмом", "угрозой национализма", "социальных восстаний". Так сложились и проекты Уральской и Дальневосточной Республик, некоторые документы Сибирского Соглашения и т.д.

Федеральная политика Ельцина была под стать горбачевской. И только его персональное упрямство и децентрированный волюнтаризм не позволили в годы его правления свершиться непоправимому. Это "непоправимое" всерьез началось с налета Басаева и Хаттаба на Дагестан. *Это был поворотный пункт новейшей российской истории*. Ельцину был брошен такой вызов, на который он по самой структуре своего правления не мог ответить.

В августе 1999 года, когда впечатлительные земляне, верящие Нострадамусу, ожидали прихода "великого короля ужаса", и.о. Премьера вместо Степашина был назначен Владимир Владимирович Путин, которого французский геополитик и мистик Жан Парвулеско сразу же опознал "как человека судьбы".

"Человек судьбы" и его реформы

С назначения Путина и.о. Премьера начинается иной этап истории российского Государства. И в первую очередь, это относится к его структуре, к его федеральному устройству. Путин своими жесткими действиями в Дагестане, а потом в Чечне, обозначил *радикально новую схему отношений Центра с регионами*. Именно тогда произошел конец федерализма по Ельцину.

Федеральная реформа Владимира Путина началась с Карамахи, Чабанмахи и Новолакского района и продолжилась взятием Грозного.

Избранный Президентом весной 2000 года, Владимир Путин первым делом приступил к приданию новой федеральной политике законодательного статуса. Если отвлечься от пиара, передержек, политических и медиакратических технологий, мы вынуждены признать следующий факт: *Путина избрали за Чечню, за его федеральную политику, за то, что он недвусмысленно, на практике, а не на словах, положил конец эпохе ельцинизма — по меньшей мере, в деле государственного устройства России*.

Путин предлагает главам субъектов Федерации привести свое законодательство в соответствие с общероссийскими нормами. Это символично. Правовая анархия была прекрасной средой для потенциального вызревания сепаратизма — удар, нанесенный в этом направлении, не менее серьезен по своим последствиям, чем ввод федеральных войск в Чечню. Усмирение восставших (или готовых в любую минуту восстать) подданных бывает разным — силовым, юридическим, правовым, моральным и т.д. Важно, что налицо основная линия — политическое пространство России должно быть интегрированно, любые попытки ускользнуть от контроля Центра и предаться на сторону будут отныне жестко пресекаться.

Следующий шаг: реформа Совета Федераций. Губернаторы утрачивают политическую роль "самостийных бояр". Ельцин давал суверенитет, а потом торговался относительно его объема, Путин забирает суверенитет назад и торговаться не собирается.

И наконец, 7 федеральных округов. 7 генерал-губернаторов призваны стать административными скрепами всей российской территории, надзирать над ее целостностью, неделимостью, искоренять сепаратизм в зародыше.

Если добавить последовательную поддержку Путиным интеграционных процессов в СНГ, благожелательное отношение к расширению намерениям Армении и стран "таможенного союза", то мы увидим образ "собирателя русских земель", то есть нечто прямо противоположное основной ориентации предшествующего периода российской истории, когда земли разбазаривались, а с безответственными и хищными регионалами велся нудный, бесчестный, нерешительный и густо замешанный на коррупции и интригах олигархов (больших и малых) торг.

Позитивный фактор евразийства

Россия по своей специфике исторически является Государством "имперского типа", что подразумевает *широкую дифференцированность ре-*

гиональных образований, входящих в ее состав. Эта дифференцированность обусловлена историей формирования различных общностей, сложившихся на территории России. Стереть эти особенности, нивелировать их, не удалось ни романовскому православно-монархическому строю, ни советской власти. Тем более не решить проблемы простым — даже самым решительным — декретом или опорой на голую силу. Горбачевско-ельцинский сепаратизм, даже будучи инспирированным сверху безответственными в геополитическом и историческом смыслах политиками, имел под собой и некоторое *серьезное основание*. В данном случае — органический импульс народов России к утверждению своей идентичности, своей культурной и конфессиональной самобытности был грубо использован в политических целях. Но это еще не значит, *что проблемы не существует* и поиск новой идентичности для народов и даже преимущественно русских регионов России "целиком выдуман циничными политиками".

Россия переходит к новому этапу своей истории, и Центр просто обязан предложить народам, входящим в ее состав, *новую формулу солидарности, новую модель взаимоотношений, новую стратегию реализации* "*общей судьбы*", а вместе с тем, новые парадигмы для (органичного и не противоречащего геополитическим интересам Государства в целом) *утверждения собственной национальной и культурной идентичности*.

Россия сегодня меняет идеологическую, мировоззренческую составляющую. Возврат в прошлое — и советское, и карикатурно либеральное — невероятен. Мы стоим перед необходимостью сформулировать нашу Национальную Идею на новом этапе. *Никакая иная версия, кроме евразийской, не является универсально приемлемой*. Ни царизм, ни советизм, ни тем более, либерализм не могут сегодня консолидировать общество в той мере, в какой это необходимо, чтобы осознание принадлежности к общему Государственному Целому объединило бы разные этнические, классовые, конфессиональные и культурные слои. Но утверждение Евразийской Идеи в качестве общенациональной потребует времени, большой работы, серьезных концептуальных усилий. Вопрос же о федеральной реформе актуален именно сейчас и ждать не может.

Народы и регионы, входящие в наше Государство, помимо отрицательного импульса, формулирующегося как запрет на выход из состава России, должны иметь еще и *положительное обоснование такого запрета,* ясный ответ — почему, собственно, это запрещено? Здесь вопрос о евразийском федерализме приобретает важнейшее значение, так как *эта модель и призвана дать положительное обоснование и стремление к национальной или региональной идентификации, и к императиву Государственного единства*.

Реформы Путина только начаты. Они ставят перед собой цель экстренно погасить наиболее острые очаги сепаратизма и децентрализации. Это в некотором смысле "*чрезвычайные геополитические меры*". И в таком качестве их можно только приветствовать. Но сопротивление им будет постепенно нарастать. И в какой-то момент региональный или национальный фактор откроется — естественно или искусственно — как та реальность, не считаться с которой будет невозможно.

Евразийский индекс

Евразийский проект предлагает *идти навстречу* этим идентификационным тенденциям народов и регионов не спонтанно, а по строгой логике соблюдения приорита Государственной целостности и расширения его влияния. Такой евразийский подход требует *тщательной и тонкой геополитической экспертизы* самых различных региональных, конфессиональных и этнологических факторов на предмет их внутренней и органичной (исторически и типологически) солидарности с общим вектором Евразийской Государственности.

Рассмотрим пример такой геополитической экспертизы применительно к российскому исламу.

Здесь необходимо произвести квалификацию течений, распространенных у мусульман России, в соответствии с "евразийским конфессиональным индексом". Опуская подробности, приведем сразу вывод: *евразийскими и традиционными для России являются ханифитский мазхаб (для Татарстана и татар в целом), шафиитский мазхаб плюс суфизм (для мусульман Кавказа). Следовательно, именно эти направления ислама — вплоть до фундаменталистских версий — надо поддерживать Центру, противодействуя иным версиям*. Переходя к еще более конкретному уровню, следует заметить, что наиболее адекватной евразийскому федерализму является позиция ЦДУМ (верховный муфтий Талгат Таджуддин), а также традиционные шафиитские муфтияты Северного Кавказа с четко выраженной тарикатистской спецификой. И наоборот, деятельность ваххабитских, салафитских и иных исламистских групп, подмявших под свое влияние всех противников Талгата Таджуддина, должна быть пресечена. И это забота Государства.

В данном случае речь идет не просто о лояльности этих исламских течений Российской Государственности, но о *совпадении цивилизационных векторов традиционного евразийского ислама и русского народа*. Эту форму идентичности Центр должен не нивелировать, но, напротив, *активно поддерживать и развивать*.

Точно так же и с Чеченской проблемой. Евразийская модель для Се-

верного Кавказа должна предусматривать не только *значительную степень национальной, культурной и религиозной автономии для чеченцев, но и поддержку традиционного для чеченцев ислама*, окрашенного повсеместным распространением тарикатов. Лишь ваххабитская ересь должна выжигаться огнем и мечом, и не только из-за явной несовместимости с интересами России, но и в силу необходимости Центра помогать утверждению полноправных конфессиональных субъектов, входящих в состав Государства. Чеченцам и не только тем, кто уже перешел на нашу сторону, но и тем, кто пока еще сопротивляется, от Москвы сегодня нужна позитивная геополитическая программа, основанная на принципах "евразийского федерализма". Это — императив.

Урок о том, что бывает, если какие-то силы стремятся нарушить территориальную целостность России, усвоили сегодня все. Но за этой отрицательной фазой, должна следовать положительная.

Реальная Россия — соборная Россия

Сходная схема "евразийского федерализма" действенна и в отношении русских регионов. И здесь региональные амбиции являются не только результатом интриг и манипуляций правящей верхушки. Здесь также явно ощущается *потребность в новой идентификации* — на уровне области, города, села. Не только легкость административного управления или возможность экономического самообеспечения должна лежать в основе определения того, что может, а что не может являться полноценным субъектом Федерации. Не менее важен фактор исторического самосознания, культурной самобытности региона. И самое главное федеративный субъект во всех случаях должен быть качественным, органичным, живым и индивидуальным. Тогда сухой централизм гармонично переродится в живую соборность.

Евразийский федерализм — это положительная составляющая тех реформ, которые ведет сегодня Владимир Путин при поддержке Думы. Она не второстепенна и не сама собой разумеется. Нельзя недооценивать ее важнейшего значения уже на этом начальном этапе.

Вместо позорной практики закулисных сделок и интриг между Центром и регионами в новой нормальной, сильной и здоровой России должны установиться ясные здоровые и открытые отношения, и каждый шаг Центральной власти по укреплению Российской Государственности и по проведению федеральных реформ должен терпеливо и последовательно доводиться до сведения субъектов федерации, до простых людей, россиян, которые и есть смысл и цель всех преобразований, так как из них — а не из царьков и олигархов — складывается реальная Россия.

2000 г.

ПРАВА НАРОДОВ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА (интервью А.Г.Дугина казахстанской газете «Навигатор», апрель 2002 г.)

«Навигатор» - Александр Гельевич, Вы преобразуете движение "Евразия" в политическую партию. В связи с этим, ответьте на вопрос: каково Ваше место среди огромного множества других политических партий России?

Александр Дугин - Во-первых, не такое уж огромное множество. Закон о партиях принят специально для того, чтобы упорядочить эту ситуацию. После перерегистрации из 300 политических партий останется одна десятая часть, если не меньше. Поэтому определяться "Евразии" следует не по отношению к этому хаосу, а в отношении наиболее крупных и устойчивых политических образований, которые у всех на слуху.

Партия "Евразия" — партия, создаваемая на мировоззренческой, идеологической основе. В этом ее уникальность. Евразийство — сформированная идеология, с четкими отличительными признаками. Она существенно отличается от основных привычных идеологических клише. Евразийство идеология патриотическая и консервативная, традиционалисткая. Оно основано на убежденности в самобытном пути российской цивилизации, не имеющей аналогов ни на Запада, ни на Востоке. Эта самобытность берется как высшая ценность, которую необходимо всячески укреплять и защищать. Мы утверждаем, что у России особый путь, это главный постулат. Согласитесь, что это заведомо иной подход, нежели у либералов из СПС, "Яблока", а также марксистский универсализм коммунистов. От узких националистов евразийцев отличает убежденность в полиэтнической и поликонфессиональной природе России. Евразийская цивилизация соткана из плодотворного культурного и этнического альянса славян и тюрок, с большим участием других евразийских народов. Этот пункт евразийства существено отличает нас от расистского шовинистического популизма ЛДПР, КРО и других более маргинальных националистических групп. Кроме того, мы убежденные сторонники интеграции стран СНГ в единый Евразийский Союз. "*Евразия" — единственная политическая партийная сила в России, которая ставит интеграцию во главу угла своей политической программы*.

От невразумительного центризма нас отличает, напротив, ясная идеологическая картина мира — и того, который объективно существует вокруг нас, и того, который мы собираемся строить — иногда вразрез неев-

разийским тенденциям. *Мы — партия радикального и последовательного антиглобализма*. При этом мы не просто отрицаем его, но указываем иной, альтернативный путь развития, включающий открытый, достойный и равноправный диалог культур. Глобализм в его нынешнем виде — это не диалог культур, это "монолог цивлизизации", "западной цивилизации", узурпировавшей — на гребне успеха от выигрыша "холодной войны" — право диктовать всему миру свою волю и свою систему ценностей. *Мы считаем, что мир завтрашнего дня должен быть иным: каждый народ и каждая культура должны активно и полновесно соучаствовать в выработке образа будущего, а не быть ранжированными по унизительной шкале — дозрели они или еще нет до "общечеловеческих" ценностей, т.е. "рыночной экономики", "прав человека" и "демократии". Глобализм — это новая форма расизма, только на сей раз этот расизм не биологический, но цивилизационный, экономический, моральный, ценностный*. Как видите отличий очень много. Ничего подобного в российском политическом поле нет. Сами эти тенденции по отдельности можно встретить и там и там, но нигде они не возведены в ранг доктрины, мировоззрения, оформленного, осмысленного, связного. Мы — партия Идеи. Евразийской Идеи.

«Н.»— Вы говорите об особой, евразийской или органической демократии, построенной на качественном подходе, в отличие от демократии западной, учитывающей количественный подход. Не могли бы Вы подробнее раскрыть этот тезис — в чем все-таки конкретное отличие евразийской и западной демократий? И какие конкретно механизмы должны действовать в модели евразийской демократии?

А.Д. Давайте обратимся к самым основам. Если "народы" (демосы) качественно различны, каждый имеет свою историю, свой опыт, каждый развивается в особом ландшафте, в определенных условиях, то почему их "кратос" ("власть") должен быть чем-то универсальным? Разные народы создают разные политические системы, разные модели власти. Они, являясь разными, по-разному правят собой, создают разные системы. В этом многообразие мира, истории. Западная демократия воплощает в себе опыт западных этносов, обобщает их историко-политический и социальный опыт. Это замечательно, но откуда берется убежденность, что это есть универсальный критерий? Что это политический оптимум? Она берется только из расистских, по сути, предпосылок, отождествляющих только западный сектор человечества с собственно людьми, а остальные народы приравнивающих к дикарям, недочеловекам. Идея универсальности западной демократии — идея нацистская. И тем не менее, она прочно вбита нам в головы — мы некритически впитали ее, как нечто само собой разумеющееся. Так нацизм незаметно поражает нашу душу, подавляет волю к критической мысли...

Евразийские народы имеют собственную историю. Для них — т.е. для нас — само понятие "народ" — это не механическое собрание граждан, атомарных индивидуумов, но нечто цельное, нечто единое, коллективная ("соборная") личность. Для Евразии общее идет прежде частного, для Запада — наоборот: частное создает условное общее. Органическая (или евразийская) демократия — это идеальный политический строй, основанный на историческом опыте народов. Он предполагает придание народам Евразии статуса политической субъектности ("евразийский федерализм"), представительство во властных инстанциях должно основываться не на количественном, но на качественном принципе — не население, но народ и народы должны решать судьбу государства. Причем народы Евразии различны и формы исторического авторитета в каждом из них также различны. Где-то акцент ставится на общинном, где-то на социальном, где-то на духовном авторитете. Эта дифференциация лежит в основе многоуровневого представительства. Органическая демократия может существенно различаться в разных точках Евразии, общий принцип таков — общегосударственной конструкцией должны править наиболее авторитетные, инвестированные глубоким и органическом доверием народа и народов люди, а не паяцы и шоумены в стиле "западной демократии", которые на евразийской почве смотрятся как отталкивающее уродство.

При этом "органическая демократия" не противоречит принципу личной власти — в частности, для русского народа фигура Царя, как своего рода вершины соборной личности, естественно вытекала из всей национальной, религиозной и духовной истории.

Что касается конкретных механизмов, то о них пока говорить несколько преждевременно. Сейчас важно привнести сами принципы в нашу политическую жизнь, озвучить их, показать, что представление о "западной демократии" как о чем-то безальтернативном является ложью и формой "интеллектуальной оккупации". Необходимо пробудить в людях творческое отношение к политике... Сейчас же они воспринимают все это как грязный спектакль с предопределенным исходом. Самое главное в органической демократии: свою судьбу должен решать народ — свободно и суверенно, по ту сторону политического и экономического давления элитных групп, являющихся проводниками западных влияний.

С Запада стоит что-то черпать, но не как догму, а как объект размышления и критического рассмотрения. Пока такая ситуация в российском обществе не сложится, вся политика будет по большому счету духовным насилием.

«Н.» - Хотелось, чтобы Вы подробнее рассказали о концепции

"прав народов", в отличие от западной концепции "прав человека"?

А.Д. Это связано с предыдущим вопросом. "Права народов" — это международная юридическая норма, которая последнее время резко уступает концепции "прав человека". Если хотите, "права народов" — это ось евразийской юриспруденции, тогда как "права человека" — "боевой клич" глобализма, атлантизма и вестернизации. Выше я уже говорил почему. Для Запада "народ" состоит из "людей" ("граждан", "индивидуумов"), и если люди перегруппируются, например, переедут в другую страну, сменят гражданство, то они образуют другой "народ", так как "народ" в таком понимании есть нечто искусственное, оторванное от качественной природы. Для евразийства "народ", напротив, первичен по отношению к "индивидууму", "человеку". "Народ" и есть то, что делает "человека" "человеком". "Человек" сам по себе есть клон, голем, биоробот, механизм, машина. Все богатство жизни заключено в этносах, в языке, в культуре, в специфическом, всякий раз разном отношении к пространству и времени, к вызовам природы и истории... Начиная с Нового времени Запад встал на путь механического уравнивания народов, а США есть великий эксперимент по организованному стиранию этнического начала, тот самый melting-pot. Это искусственная цивилизация искусственных людей. Отсюда "права человека".

"Права народа" подразумевают самое главное, что народ имеет право сохранять свою идентичность, оставаться уникальным и самобытным, идти развиваться своим собственным путем, что он должен быть защищен от размывания в агрессивной глобалистской эрзац-культуре, что он должен любой ценой сохраниться в истории. Все это не означает, однако, "сегрегацию" и "миксофобию" — народы подчас смешиваются, участвуют в этногенезе, чтобы сформировать иные народы и так далее... Органическое смешение с другим народом — тот же элемент "прав народа". Но никто не имеет права никого принуждать к этому искусственно.

Я думаю, что тема "прав народов" в скором времени выйдет на первый план в самой Европе. Как иначе сохранить французам, немцам или итальянцам свою идентичность в Евросоюзе, где постепенно упраздняются границы Государств-Наций, которые служили до последнего времени этой идентичности. И тут Европа столкнется с той же темой, что Евразия сегодня. Евразийский принцип "прав народов" станет актуальным и там и у нас. Кто такой француз в Евросоюзе? Гражданин Европы? Хорошо. Но как ему осознавать себя французом, когда Франции как государства больше нет? Это возможно только, если французы станут этно-политической категорией — с соответствующим правовым оформлением. Для Евразии — и в малом (российском), и в широком (СНГ) масштабе — это

столь же актуально. Кто такие русские в Казахстане? Казахи в России? Только граждане? Гости? Иностранцы? Мигранты? Оккупанты? В рамках полиэтнических систем "права человека" не являются панацеей — они лишь откладывают проблему, отдаляют ее решение. Русские — этнос Евразии. Казахи — этнос Евразии. И как этносы они должны быть признаны за самостоятельную категорию — вплоть до определенных форм "коллективной ответственности": русские отвечают за русских, казахи за казахов, татары за татар, армяне за армян. И в рамках своих этнических систем народы должны политически организовываться самостоятельно и естественно — т.е. снова по принципу "органической демократии".

«Н.»- Как евразийская идея соотносится с этноцентризмом? Каким должен быть этноцентризм, чтобы соответствовать евразийской идее? Бывает ли этноцентризм позитивным и негативным?

А.Д. Этноцентризм — термин пожалуй неудачный. Евразийская полифония (многоголосие) народов — это нечто иное. Этонцентризм предполагает зацикленность на этносе, тогда как в евразийском проекте первоочередным является надэтнический, цивилизационный, геополитический масштаб. Этносы — это жизненные компоненты огромного цивилизационного целого, которое, собственно, и есть Евразия как сложное единство. Там, где мы подходим к геополитике, полномочия этноса и этнизма заканчиваются. Этнос делегирует своих лучших представителей, свою наиболее универсальную элитарную часть в более общую, сверхэтническую инстанцию — в центр геополитической власти, где вырабатывается и осуществляется глобальная евразийская цивилизационная стратегия. И эта геополитическая инстанция является в отношении этноса высшим полюсом. Однако, фундаментальное отличие евразийства от привычных моделей Государства-Нации (которое также претендует на то, чтобы быть высшей надэтнической инстанцией), в том, что этнос рассматривается не как нечто временное и подлежащее ассимиляции в "гражданском обществе", а напротив, этнос воспринимается как колонна, остов, живой организм, на котором стоит геополитическая конструкция. Это конструкция вбирает из этносов самое главное — пассионарность, жизненность, витальность, органичность, цельность, но эта цельность уже иного уровня.

Совершенно очевидно, что организация этносов в геополитическую евразийскую суперструктуру — дело тонкое и непростое. Оно будет вполне внятно элитам, но индиферентно массам. Здесь и состоит самое главное: этнический фактор может тяготеть к "солипсизму", к безразличию, а то и к агрессивности в отношении других этносов или надэтнических геополитических проектов. И это тоже органическое свойство этноса, которое должно управляться через работу с элитами.

Примером такого соотношения могут служить древние империи, сочетавшие этническую автономию своих частей со стратегической централизацией. И инструмент был тем же — вовлечением национальных элит в управление целым. Императоры каких только кровей не правили Римом, Византией, Российской Империей...

«Н.» -Вопрос конкретно по Казахстану. По этническому составу Казахстан уникален. Государствообразующий этнос — казахи — в силу исторических обстоятельств густо перемешан с другими этносами, главным образом, со славянскими. Разделить их сейчас практически невозможно. Каким образом можно соблюсти права народов так, чтобы сохранить языковую и культурную автономию каждого народа, не производя при этом территориальных перемещений отдельных народов? Может ли быть у этого конгломерата общая национальная идея?

А.Д. Общая для всех казахстанцев национальная идея, может быть, и есть. Это — евразийство. Впрочем, Президент Назарбаев давно эту линию провозглашает. Сейчас, насколько мне известно, в этом направлении работают многие видные казахские политики — в частности, Балташ Турсунбаев.

Национальный состав Казахстана прямое следствие предшествующей исторической стадии, которую можно назвать "советским евразийством". "Советский народ" мыслился как евразийская общность нового типа. Однако в силу определенных марксистских предрассудков, целиком и полностью вытекающих из общезападного атомистского просвещенческого подхода, качественной стороне этногенеза, а тем более культурно-духовной стороне внимания не уделялось. Поэтому межэтнические проблемы в СССР были не решены, но отложены, что заложило основу позднейшего распада и посеяло опасные ростки национальной розни. Просто так с русским фактором в Казахстане не разобраться. Я полагаю, что единственным приемлемым решением было бы построение Евразийского Союза, с элиминацией внутренних границ и соответствующим признанием русских и казахов полноправными евразийскими этносами — политическими субъектами единой Евразии.

Что же касается территорий — то это самый главный вопрос. Если закрепить за этносом территорию, мы приходим не к евразийству, а к классическому Государству-нации (даже в миниатюре), со всеми вытекающими последствиями. А государственность — это совсем другая история. Более того, евразийство в качестве своей осевой идеи имеет как раз императив преодоление буржуазного Государства-Нации во всех его вариациях. Государство есть результат отчуждения этноса от его витальности

и спонтанности в пользу механической конструкции. Даже если Государство создается каким-то одним этносом, оно в дальнейшем обязательно начнем этот этнос разлагать, смешивая его с иными, дробя на "гражданские атомы", расчленяя на "автономных индивидуумов". И это будет всегда, даже если мы начнем имитировать государственность в полусуверенных образованиях — таких как Республики в составе РФ. *Поэтому смысл евразийства в том, чтобы отделить юридически этнос от конкретной территории. Этнос может пребывать и распространяться там, где это естественным образом складывается. Но он подлежит юрисдикции как политический субъект независимо от того, на какой территории он находится — в местах компактного исторического проживания или в дали от них.* В Евразийском Союзе вопрос о русских и казахах будет немедленно снят. Административные границы утратят свое разделяющее значение, станут условностью, отвлеченной от конкретного политического или этнического содержания.

Что же касается сохранения автономий и языковых культур, то это должно быть первоочередной заботой самого евразийского центра. Это должно быть основным содержанием Евразийского Союза, его отличительной политической характеристикой. Причем мы видим, что не всегда язык развивается и сохраняется в контексте его доминирования — часто малые общины, живущие вне этнического контекста, консервируют культуру и язык в чистом виде (как русские староверы, например). Культивировать этническую автономию следует на всей территории Евразии. Казахи, проживающие в Москве или Омске должны иметь такую же возможность обучать своих детей родной речи, культурным обычаям, вере отцов, как и те, кто живет в Казахстане. И гарантировать это должна евразийская власть всей своей геополитической мощью. Это и есть "права народов", как фундамент евразийства. Точно так же дело обстоит и в случае русских — где бы они ни жили...

«Н». -Ваше Движение определяет общие основы для консолидации нескольких конфессий. Если в отношении православия, ислама и буддизма все как бы ясно, то в отношении иудаизма возникают вопросы. Может ли религия, основанная на богоизбранности народа, ее исповедующего, найти что-то общее с религиями, построенными не на этническом факторе?

А.Д. Догматические противоречия между православием, исламом, буддизмом и иудаизмом в равной степени неснимаемы. Попытка примирить их на этом уровне катастрофична для этих религий и невыполнима. Поэтому *базой для межконфессионального диалога евразийство выбирает не догматику, которая и в случае иудаизма, и в случае дру-*

гих конфессий, несводима к универсальной форме, но общность интересов всех традиций перед угрозой глобальной секуляризации и отказа от религиозности вообще, ее растворения. У религий есть неснимаемые противоречия. Но есть и нечто общее — общий враг, секулярный глобализм западного, американоцентричного образца. Когда такого врага не было, межрелигиозные противоречия были в центре внимания (правда не везде и не всегда). При наличии общего врага — отрицательного знаменателя — традиционные религии получают новую базу для сотрудничества и союзничества. В этом — смысл евразийства.

Каждая религия, не только иудаизм, претендует на монополию на истину, и не может от этого отказаться. Но секулярный глобализм агрессивно (или мягко) распыляет все эти претензии. И иудаизм в его традиционалистской версии также является жертвой этого процесса, как и православие или ислам. Глобализация готова принят только "реформированные" версии религий, их эрзацы, искаженные в угоду нормам "прав человека", "толерантности", "политкорректности", "антисексизма" и т.д. Открытое общество глобализма отрицает саму возможность "догматики", утверждая, что истина есть переменчивый и относительный продукт коллективного договора. Это означает, что традиционные религии в глобализме обречены. Наиболее ответственные и последовательные представители традиционных конфессий это прекрасно осознают, и сознательно примыкают к евразийству (или взаимодействуют с ним). Традиционный иудаизм здесь не исключение.

«Н».- Ваши евразийские идеи вызывают уважение, но они полностью понятны только весьма продвинутым гражданам. Как сделать понятными Ваши идеи большинству населения? Планируете ли Вы создать более простой уровень "понимания евразийства", доступный практически любому гражданину?

А.Д. Это очень важная тема. Известно, что самые доходчивые школьники учебники по физике написаны гигантами этой науки и нобелевскими лауреатами. Поэтому когда доктрина евразийства или точнее уже неоевразийства окончательно сложится на теоретическом плане, мы же сами и займемся ее адаптацией к широким массам. Это не может быть иначе, так как скоропалительное стремление быть доходчивыми погубит чистоту идеи, которая находится в стадии созревания. Это как с рождением ребенка — пока он недоношен, его смертельно опасно высвобождать из утробы. Мировоззрение должно созреть, иначе будет очередной кич. Есть любители погреть себе руки на евразийстве, и наверняка будут еще. Но эта шелуха отпадет. Не стоит и недооценивать народ. Он изголодался по идеям и мыслям, он захлебывается тошнотворной тоталитарной агрессией рекламного шоу-идиотизма. Его воротит от бесконечного рециклирования одних и тех же бессмысленных личностей, бессвязных персонажей, от марки лака для ногтей Хакамады или очередного похождения Жириновского по стрип-барам. У нас далеко не все люмпены, и многие стоически противятся интенсивному одурачиванию через СМИ. Сейчас мы, партия "Евразия", обращаемся к думающим людям. Их немало. Совсем немало... И вместе с ними шаг за шагом, тестируя готовность к усвоению идей и отрабатываю обратную связь, мы будем постепенно упрощать наши идеологические и политические установки.

И последний вопрос на злобу дня. Как бы Вы могли прокомментировать все последние события, случившиеся после 11 сентября, особо остановившись на Цетрально-Азиатском регионе? Какие у Вас прогнозы по Центрально-Азиатским республикам и «в частности» по Казахстану?

А.Д. Теракт ударил по американцам. Но ответили они в духе глобалистского колониализма — не столько по террористам, сколько по своим планетарным стратегическим антагонистам — т.е. по нам, по Евразии. Мы не угоняли самолеты и не взрывали башен, а получили расширение пояса "Анаконды" в Средней Азии, а сегодня стратегические силы США рвутся на Кавказ. Такое впечатление, что США цинично использовало трагедию своих людей как повод для нового витка стратегического захвата Евразии под отвлекающей внимание риторикой "борьбы с международным терроризмом". Цепкий и практичный англосаксонский ум умеет использовать свои стратегические креатуры — Бин-Ладена, Аль-Каеду, фундаменталистский исламизм — во всех позициях: они взрастили и экипировали эти структуры для борьбы с СССР в Афганистане и для противодействия просоветским режимам в арабском мире, а когда те стали утрачивать актуальность, воспользовались ими еще раз, но только выставив их как врагов. *США руководствуются не эмоциями и не гуманитарной риторикой — но строго и последовательно только геополитикой. Геополитика же основана на постулировании конфликта между Сушей и Морем, Евразией и Атлантикой.* И атлантисты всегда последовательны в этом — любую ситуацию они поворачивают к своей пользе. Евразийство же должно действовать симметрично: настаивать на сближении стран СНГ, на укреплении ЕвразЭса, на создании мощного Евразийского Союза. Геополитическая конъюнктура в Азии после 11 сентября 2001 года изменилась не в нашу пользу. Это следует признать. Это неприятно, но ничего другого и не следовало ожидать от США. Они верны себе. Мы тоже должны быть верны ... но только не им, а Евразии.

апрель 2002 г.

А. Г. Дугин

ПРОЕКТ "ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО" КАК УГРОЗА РОССИЙСКОЙ САМОБЫТНОСТИ (по материалам интервью "Русскому Журналу", ноябрь 2001 г.)

Рассуждая о национальной политике в России и т.н. "конституционном патриотизме", нужно помнить, что *гражданского общества* как явления у нас не существует, и более того, не может существовать по историческим причинам. Вместо этого в России возможно существование разнородной структуры *евразийского общества,* сплоченного по одному признаку — стратегическому, и дифференцированному по другим — общинным, религиозным, этно-конфессиональным. *Евразийское общество*, стратегически интегрированное и этно-конфессионально, шире, общинно, дифференцированное, является формулой, которую Россия выстрадала на всех этапах своей истории.

Гражданского общества в России не может быть даже в теории, поскольку гражданское общество — это *социально-политический продукт развития западно-европейской романо-германской цивилизации, двигавшейся по совершенно иной логике*. Попытки превратить авторитарным образом социальную организацию россиян в *гражданское общество* (или его прообразы), что на практике было тождественно его *радикальной вестернизации,* всякий раз приводили к катастрофическим последствиям, к расколу, жестокой диктатуре, отчуждению правящих элит от широких масс. Попытки привнести гражданские элементы в просвещенно-монархическом обрамлении (Петровские реформы) привели к невиданной "рабовладельческой" диктатуре дворян, бездонному отдалению правящего класса от народных слоев; то же самое в радикально-демократическом исполнении дало большевизм со всеми присущими ему эксцессами. Но и при таких кровавых и жестких методах, народная евразийская стихия находила способы трасмутировать основы гражданских реформ, навязать режиму определенные евразийские, автохтонные черты.

Концепция индивидуальной ответственности, представление о гражданине как атомарной личности, вынесенной из конкретной общинной или этно-конфессиональной группы, а также наделение личности высшим правовым статусом прямо *противоположны* совершенно иной, *общинной, коллективной, самоидентификации русского народа, других народов России, Евразии*. Весь наш исторический опыт показывает, что эта коллективная идентичность сохранялась на всей протяженности российской государственности, трансформируясь на различных этапах исторического пути, но никогда не исчезая. Все попытки агрессивной вестернизации России Петром I, большевиками или Ельциным приводили к расколам и всеобщей отчужденности, но никакое насилие над нашей национальной стихией не приносило реформаторам абсолютного успеха. И не принесет никогда.

Социальная политика на основе концепции "гражданского общества" не только не решит проблем сепаратизма и этно-конфессиональных трений, но только усугубит их

Навязывание искусственной модели "конституционного патриотизма" и "гражданского общества" безмерно усилит сепаратистские тенденции любого рода и будет лишь препятствовать реальному единению народов России. Против этой модели восстанут органичные цивилизационно уникальные сектора реальной России, отказывающиеся от превращения своей самобытности в абстрактную, не близкую им и не понятную догму. На следующем этапе возникнет порочная альтернатива в российской политике: *атлантистский централизм* (гражданское общество) против *евразийского регионализма* (вплоть до сепаратизма), и эта дилемма не имеет позитивного решения. В данном случае условием интеграции будет утрата идентичности, деисторизация, денационализация России, а идентитаристские тенденции будут ориентированы в антицентралистском, антифедеральном ключе. Нельзя исключить, что одной из задач нынешних строителей "гражданского общества" как раз и является провоцирование распада России, разведение *по разные стороны баррикад* двух органичных импульсов, которые должны в теории быть гармоничными и взаимодополнять друг друга.

Единственным правильным решением может быть только "*евразийский централизм*". Евразийский централизм представляет собой сочетание *стратегической интеграции* (основанной на геополитических континентальных принципах) с *многообразием этно-культурных, региональных, конфессиональных и иных автономий,* каждая из которых образует элемент внутренней многополярности, основанной на разнообразных моделях коллективной самоидентификации, закрепленной в правовой системе.

России необходима *последовательная национальная политика* (которая не может быть никакой иной, кроме как *евразийской*). Проблема в том, что для сегодняшних строителей "гражданского общества"

национальная политика сама по себе, учет разнообразия различных национальных и социальных форм человеческого бытия является *нонсенсом*, так как гражданское общество отрицает правовое (особенно субъектное) оформление коллективов, отличных от Государства-Нации, отрицает юридическое существование этносов, культур, общин, рас и т.д. Нельзя забывать, что идеи конституционного патриотизма являются прямым продуктом Великой Французской революции, наряду с другими ее фундаментальными принципами: Государством-Нацией, гражданским обществом, правовым государством. Французская Революция, в свою очередь, абсолютизировала определенные тенденции социально-политического развития некоторых западно-европейских Государств, облекла в радикальные политические формы крайние выводы механицистского взгляда на реальность, свойственные Просвещению. Все это не сами собой разумеющиеся вещи, но продукт субъективного пути определенного сектора западно-европейской цивилизации. Даже в европейской Германии политическая история (правовое сознание) двигалась гораздо более извилистым путем, не говоря уже о восточно-европейских странах, а тем более о России. Идея абсолютизации статуса "гражданина", как автономного и атомарного индивидуума, движимого эгоизмом и агрессивностью ("человек человеку волк" — это максимума именно гражданского общества), подотчетного лишь бюрократической системе ("Левиафану" Гоббса), была принята за правовую и мировоззренческую основу в Западной Европе и США, но для нашей этики, для нашей культуры это "волчье" общество глубоко отвратительно, совершенно неприемлемо и *непременно будет отторгнуто*. На такой базе никакой гармоничной и действенной национальной политики выстроить невозможно. Те, кто всерьез настаивают на этой идее, ведут дело к серьезному гражданскому конфликту.

Передача межнациональных и миграционных вопросов в ведение МВД может быть оценена двояко.

Сегодня межэтнические отношения в России давно переросли уровень гуманитарно-социальный и стали проблемой политической, относящейся к вопросам национальной безопасности страны. Поэтому ликвидация Миннаца, Эмиграционной Службы и переход его основных функций в ведение МВД можно расценить как нормальный, даже позитивный, факт, но только при том условии, что МВД придется *пересмотреть ряд своих функций*. В таком случае общая структура МВД должна серьезно трансформироваться, включив в себя ряд областей, связанных напрямую с национальной безопасностью, которые сейчас находятся в ведении ФСБ, но недостаточно активно курируются (в том числе и из-за

отсутствия четкой юридической проработанности полномочий в этом вопросе). Это предполагает, что МВД должно заниматься напрямую не только гражданскими и уголовными вопросами, но отчасти и геополитикой. Если события будут развиваться в этом направлении, то это будет позитивным моментом. С другой стороны, если истолковать данное ведомственное преобразование как результат влияния строителей "гражданского общества", то это, напротив, окажется выражением *пренебрежения к национальной политике со стороны государства,* опускающего эту важнейшую политическую тему до уровня банальной юридически-правовой гражданской процедуры. Для "гражданского общества" такой категории как *национальность* просто не существует юридически, так как все граждане — независимо от их общинной, этнической, конфессиональной и др. принадлежности — отвечают только за себя и только перед отчужденными юридическими структурами государства, а следовательно, никаких ведомств, занимающихся вопросами национальностей, просто не должно существовать. Если мы истолкуем названные преобразования в таком ключе, то следует их признать *крайне негативными* и лишь способствующими возникновению новых межэтнических конфликтов и активизации уже имеющихся.

Методы преодоления и профилактики сепаратистских тенденций зависят от более общего подхода к проблеме — гражданского и евразийского.

Сторонники ускоренного внедрения "гражданского общества" аргументируют свой проект, в частности, тем, что такой подход отнимает у сепаратизма правовую базу, поскольку юридически нации и народности вообще лишаются каких-либо политических прав, какой-либо субъектности. Такой план, на самом деле, представляет собой *экстремистскую утопию*, обреченную на провал. В настоящий момент самосознание отдельных народов и национальностей, входящих в состав РФ, столь развито, что они ни в коем случае не согласятся на такой поворот. *Вместо противодействия сепаратизму регионов проект "гражданского общества" взорвет Россию.*

Единственной приемлемой моделью для современной России является "евразийский федерализм". Эта концепция оформляет юридически и политически субъектность этносов, народностей, культурно-религиозных групп как "коллективных элементов" федерализма, но в то же время относит все вопросы распоряжения территориями в ведение "стратегического центра". Аналоги такого подхода мы видим в прошлом — принцип "империи", включающей в свой состав различные "царства" и "княжества", и в настоящем — к этой модели постепенно эволюционирует

Евросоюз, когда на месте европейских государств-наций постепенно заново возникнут народы как политические и правовые субъекты — французы, англичане, итальянцы, немцы и т.д. "Евразийский федерализм" удовлетворяет и стремлению народов России, шире Евразии, к сохранению идентичности, в том числе и юридической (так как они становятся субъектами Федерации), и стратегическому, геополитическому единству государства, перерастающего узкие и отжившие рамки Государства-Нации и эволюционирующего в Евразийский Союз (с параллельной интеграцией со странами СНГ).

Только применение принципов "евразийского федерализма" может эффективно и долгосрочно решить ситуацию в Чечне (шире, на Северном Кавказе), в Татарстане, в Башкирии, а также в русских областях, явно тяготеющих при определенных обстоятельствах к отделению от федерального центра (Краснодарский край, Красноярский край, Свердловская область, Приморский край и т.д.). При этом если Федеральный Центр будет ассоциироваться в глазах регионов исключительно с проектами "гражданского общества", процесс сепаратизма и отчуждения только усилится.

Возможность использовать русскую диаспору дальнего зарубежья в деле построения "гражданского общества" в современной России

Чисто теоретически, русские эмигранты, проживающие в дальнем зарубежье, могли бы стать агентами внедрения в России норм "гражданского общества", так как сама их ментальность неизбежно впитала в себя западный код. Однако, когда мы переходим к практике, то возникают три серьезных соображения, которые сводят на "нет" эту теоретическую возможность.

Во-первых, русским, освоившим и впитавшим как нечто позитивное и "развитое" "гражданское общество", нет никакого резона возвращаться в Россию, где до такого общества еще очень далеко, а на самом деле, если говорить честно, то оно вообще никогда не будет построено. Следовательно, большинство искомых типов останутся на Западе. Их принудительная репатриация по понятным причинам исключается.

Во-вторых, русские — очень пластичная нация, которая легко интегрируется в иную социально-культурную систему. Проникаясь "гражданским обществом", они перестают быть *русскими* (что логично, так как этничность не обладает здесь юридическими правами), и в отличие от других этносов (китайцев, армян, греков, евреев и т.д.) естественная национальная или расовая солидарность в нашем случае почти полностью отсутствует.

В-третьих, те зарубежные русские, которые действительно заинтересованы в контактах с Россией, как правило, горячие русские патриоты, которым — именно потому, что они *русские патриоты* — гражданское общество должно быть глубоко отвратительно. Они его знают достаточно, и если и посоветуют что соотечественникам, так это держаться от этой химеры подальше (таковы Солженицын, Зиновьев, Мамлеев, Лимонов, покойные Синявский, Максимов). В Мадриде незадолго до смерти Владимира Кирилловича я участвовал с ним в передаче про "русский патриотизм", и он горячо поддерживал евразийские взгляды. Это показательно, так как *евразийство есть полная антитеза гражданскому обществу*. Честные русские люди никак не будут способствовать строительству "гражданского общества", так что придется их потом искусственно и грубо замалчивать, как Солженицына.

Поэтому на практике архитекторы "гражданского общества" вряд ли смогут серьезно опираться на русских за рубежом.

ЕВРАЗИЙСТВО И ИСЛАМ

Талгат Таджуддин
шейх-уль Ислам, Верховный муфтий Центрального Духовного Управления мусульман России и Европейских стран СНГ

«РУССКИЕ СТРОИЛИ НЕ ИМПЕРИЮ, НО ЕВРАЗИЮ — НАШ ОБЩИЙ ДОМ»

Выступление на VI-м Всемирном Русском Народном Соборе (декабрь 2001, Москва, Храм Христа Спасителя)

Бисмиллахи-р-рахмани-р-рахим!
Уважаемый г-н Президент!
Ваше Святейшество Патриарх, архиереи и иереи Русской Православной Церкви!
Уважаемые делегаты VI Всемирного Русского Народного Собора!
Разрешите приветствовать Вас от лица всех российских мусульман!
Это событие является очень важным и для нас. Ведь российские мусульмане видят в русском народе, в русской государственности, в русском Православии самую близкую нам, светлую силу.

Роль тюркских народов и традиционных мусульман в создании и укреплении Российской Государственности

В России тюркские народы являются вторым этносом после славян, а мусульмане — второй конфессией после православных. Это заставляет нас с особым вниманием относиться к культуре, вере, обычаям, языку русского народа. Корни российского государства уходят глубоко в прошлое, и это прошлое у нас общее. Тюрки вместе с индоевропейскими племенами, одним из которых было племя древних россов, испокон веков, долгие тысячелетия осваивали бескрайние просторы Евразии, степи и леса, реки и просторы. Каждый квадратный метр современной России — это исторический памятник: здесь повсюду наши святыни, погосты, могилы предков. Повсюду древние знаки, символы духовного завета.

В разные периоды нашей бескрайней истории — столь же бескрайней как наши земли — наш славянско-тюркский евразийский союз существовал под разными политическими, государственными, религиоз-

ными и цивилизационными системами. Возникали и исчезали царства и ханства, каганаты и княжества, империи и государства. С XV века миссия объединения Евразии окончательно перешла к русскому народу под знаменами Православия.

Русский народ и Православная Церковь приняли древнюю эстафету наших предков. Русские двигались на Восток не как колонизаторы и узурпаторы, но как носители Белого Завета. Русские строили не империю, но Евразию, наш общий евразийский дом. И мы, представители неславянских народов России, российские мусульмане, мы именно так осознали и восприняли это движение к Востоку, этот державостроительный импульс. Не покоренные и завоеванные русскими, но вступившие с вами в великий духовный союз, ставшие по сути одним народом, создателями общей государственности, носителями единой этики.

Поэтому мы, мусульмане, не просто гости на вашем соборе, мы — братья, самые близкие родственники, ваши соработники в деле великого державного созидания.

Вызов глобализации

Сегодня мы живем в непростое время, хотя когда оно было простое! Кое-кто на Западе упорно хочет столкнуть христиан с мусульманами, славян с неславянами, индо-европейские народы с тюрками и семитами. Коварные архитекторы так называемого "нового мирового порядка" понимают, что пока они не посеют среди нас рознь, пока не разделят то, что веками объединялась и собиралась, их планам не суждено сбыться, и мы все будем отстаивать нашу самобытность, наши духовные ценности, нашу культуру и нашу цивилизацию перед лицом всеуравнительного, плоского, размывающего нравственные и духовные константы глобализма.

Древний циничный принцип "разделяй и властвуй" действует, увы, и поныне. Зная коварные геополитические навыки Запада, не стоит удивляться и тому, что во всем действует у них двойной стандарт: с одной стороны, еретические экстремистские секты, т.н. "исламского радикализма", не имеющего с традиционным исламом ничего общего, искусственно поддерживаются и оснащаются для решения геополитических задач Запада, а с другой, против этой угрозы, созданной ими самими, стратеги Запада призывают объединиться "христианскому миру". Их задача внести раскол. Но мы, вожди традиционного ислама, прекрасно понимаем смысл этой зловещей игры, и надеемся, что русский народ, его духовные и светские правители также прекрасно знают этому цену.

Мы, российские мусульмане, исповедующие традиционный ислам, верны нашей традиции, Корану и Сунне и, одновременно, Русскому Государству. У нас нет более близкой инстанции, нежели русский народ и Православная Церковь, у нас общая судьба, и на основании верности ей мы всегда сможем избрать правильные ориентиры, не допустить размолвок и недопонимания, предотвратить и сорвать зловещие планы тех, кто любой ценой стремится нас поссорить. Этого не будет никогда!

Религиозное образование — залог гармоничного сосуществования традиционных конфессий

Однако для того, чтобы сплотить российских мусульман в этой непростой ситуации, мы должны усилить позиции традиционного ислама, развить духовное, религиозное и культурное образование, просвещение. Если российские мусульмане вернут хотя бы в незначительной степени сокровищницу своего древнего наследия, узнают правду о своей истории, они никогда не станут жертвами заезжих проповедников новомодных ересей — типа ваххабизма, талибан и т.д., камуфлирующих свою реформаторскую сущность под "ислам" и ведущих к экстремизму, террору, крови, разрушению основ исламской веры, исламской этики. Религиозный экстремизм процветает на почве духовного невежества, истинное углубление в религию приводит к просветлению и святости, а не к ярости, интригам, продажности, жестокости и бандитизму. Во всех этих чудовищных проявлениях виновата не вера, но ее отсутствие, ее симуляция.

В этом вопросе мы полностью поддерживаем позицию Православной Церкви: духовное образование должно стать неотъемлемой частью общего образовательного процесса. Только знание основ традиционных для России конфессий — Православия и ислама, а также иудаизма, буддизма и т.д. — даст нам гарантии духовного взаимопонимания, сохранения и укрепления межнациональных, межконфессиональных уз, связующих всех россиян.

Значение организационного единства российских мусульман

Еще один важный момент: на примере Русской Православной Церкви мы видим, насколько важно в духовной сфере сохранение духовного единоначалия. Благодаря соблюдению иерархии Русское Православие сохранилось даже в самые тяжелые годины испытаний и трагедий, и "врата ада не одолели Церковь". Не будь этого священноначалия страшно даже представить себе, что ожидало бы русских христиан...

Ислам имеет иное видение религиозной иерархии, но, тем не менее, священный "Коран" призывает нас к покорности и смирению в отношении духовных авторитетов, к единомыслию и гармонии — само слово "ислам" можно перевести как "гармония". Поэтому силы традиционного ислама, а таких в России подавляющее большинство, должны сегодня сплотиться в единую структуру, покончить с розныю и разделением, с мелкими обидами. Давайте будем брать пример в этом вопросе с Русской Православной Церкви. Если единоначалие спасительно для наших братьев-христиан, почему бы и нам не последовать этому доброму примеру? Только так мы сможем на деле эффективно противостоять тем духовным и политическим болезням, которые подчас, увы, зреют в нашей среде.

Евразийство как наилучшее средство борьбы с национализмом

Еще одна тема, которую я хотел бы затронуть. Это тема национализма. Сегодня, увы, кое-где в России еще остаются очаги, где тлеет эта духовная зараза, где легитимное стремление каждого народа к сохранению и развитию своей национальной особенности переходит в неприязнь к русским, в разговоры о "колонизации" и "исторической несправедливости". Это подчас затрагивает и мусульман. Сразу хочу заметить, что за всем этим неизменно прослеживаются политические цели, интриги региональных князьков, которые таким образом выторговывают себе у центра политические и экономические льготы, а то и прямое действие враждебных России зарубежных сил и подрывных фондов. Сам русский народ — открытый для всех братских народов — дает нам пример добра, терпимости, удивительную способность привлекать к себе, включать в себя другие народности, не растворяя, не уничтожая при этом их особенностей. В этом мы должны следовать этому великодушному, нравственному примеру, оценить тот факт, насколько непопулярны и мало распространены среди русских шовинистические настроения, расизм, национализм, ксенофобия. Конечно, бывает и такое, но широкой поддержки ни в массах, ни среди духовенства, ни у русских политиков это не находит.

Я уверен, что наилучшим противодействием всем формам национализма является евразийское мировоззрение, и я не случайно являюсь одним из лидеров Общероссийского Политического Общественного Движения "Евразия". В евразийстве каждый народ России, представители всех традиционных конфессий могут найти себе достойное место, развить и утвердить свою самобытность, но не вопреки общему всерос-

сийскому целому, а на его пользу, обогащая сокровищницу нашей общей евразийской культуры, великой евразийской цивилизации.

Именно евразийский подход должен быть положен в основу урегулирования чеченского военно-политического кризиса. Здесь огромную роль может сыграть православное и традиционное мусульманское духовенства, общественные организации, разделяющие евразийскую идеологию. Центральное Духовное Управление мусульман и Общероссийское Политическое Общественное Движение "Евразия" выступают с предложением сформировать Координационный Центр, для содействия установлению в Чечне прочного и справедливого мира, что возможно только в рамках евразийского подхода. Залогом успеха его деятельности будет активное участие в его работе представителей Русской Православной Церкви, на что мы очень надеемся.

Хочу также подчеркнуть, что евразийство исторически было создано именно русскими, горячими русскими патриотами, православными мыслителями, философами, историками, юристами, географами, этнологами. Мы, мусульмане, с радостью поддерживаем это движение, которое является по преимуществу именно русским и православным. И вместе с тем оно предполагает своего рода особую "евразийскую соборность", где разные российские народы и конфессии могут занять свое достойное, высокое и почетное место. Вызывает сожаление лишь то, что эта высокая идея, это чистое начинание сегодня подчас становится жертвой нечистоплотных политических интриганов, которые подменяют понятия и присваивают высокое имя "евразийства" применительно к провокационным экстремистским организациям, не имеющим ничего общего с подлинным евразийством. Я имею в виду самозванную "Евразийскую партию России". Но в этом я вижу не только авантюризм, но и изощренную диверсию тех зарубежных сил, которым процветание и укрепление Великой России, воссоздание Евразийского Союза на базе стран участниц ЕвразЭс и СНГ, смерти подобно. Эта тема неприятная, но я просто обязан предупредить высокое собрание об этой опасной подделке, дискредитирующей ислам, тюркские народы, евразийскую идею.

Святость нельзя разделить

И последнее. За плечами у русского народа долгая и прекрасная история. Этот народ создал такие духовные, материальные, культурные и политические ценности, которым нет равных. Недаром русский народ называют народом-богоносцем. Только с верой во Всевышнего Творца, только с покорностью и волей к победе над силами зла можно было осуществить все это.

Русь по праву называют Святой. И она свята не только для самих русских, но и для нас. Как свята земля, где мы родились и выросли, где становились людьми, преодолевали трудности, учились впервые возносить молитвы Господу миров. Мы и наши предки обильно полили эту землю потом и кровью, возделали с любовью и тщанием каждый ее клочок. Эта земля не может не быть святой. Свята она для русского, но свята она и для татарина, башкира, мордвина. Святость нельзя делить, ее надо хранить, ей надо служить, непрестанно возвышая себя, чтобы оказаться достойным ее.

Я желаю всем вам побед и свершений, стойкости и мужества в служении Всевышнему, в укреплении Государства, в осуществлении ежедневных, подчас незаметных, трудов и подвигов на благо Великой России.

Благодарю!

Декабрь 2001 г.

А.Г.Дугин

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ ОТ ИСЛАМА

Евразийство и ислам

Исламская политическая мысль народов Евразии и в первую очередь России долгое время стояла особняком от евразийского течения. Показательно, что мусульман среди евразийцев за все почти 100 лет этого идейного течения не было. Этому есть причины.

Исламская политическая мысль (там, где она есть) является слишком самостоятельной в определении своих социально-политических интересов, выводимых из нормативов исламской догматики и исламской культуры, для того, чтобы сочетаться с евразийством, в котором явно доминирует не менее яркий и настойчивый русско-имперский настрой. В исламской традиции изначально содержатся элементы, которые позволяют говорить о ней не только как о религии, но и как об определенном социально-политическом и хозяйственно-правовом учении. Концепцию исламской цивилизации можно вполне сопоставить с концепцией евразийской цивилизации, если понять евразийство ограниченно — как синтез православного византизма с тюркско-монгольским административным централизмом на основе политической державостроительной истории восточных славян (великороссов).

Конкурентность и претензия на выполнение в чем-то сходных цивилизационных задач между евразийством и исламским миром отчетливо читается в размышлениях президента Ирана Маххамада Хаттами о смысле "исламской цивилизации", когда он говорит о "необходимости диалога между цивилизацией современного мира и цивилизациями Азии в той области, "где встречаются культура Востока и Культура Запада, точно так же, как в человеке встречаются Восток души и Запад разума". В сходных терминах определяли культурно-историческое значение Евразии и отцы-основатели евразийства (П.Савицкий).

Созданная на основе Корана и сунны в VIII-IX веках исламская цивилизация, несмотря на то, что ее золотой век давно миновал, и ныне не перестает утверждать, что она способна самостоятельно представить достойный и адекватный ответ любому цивилизационному вызову, откуда бы он ни исходил, с Запада или с Востока. "Между нашим религиозным мировоззрением и западными ценностями существуют коренные различия: наше учение основано на вере в существование всемогущего и всеведущего Бога, а Запад отрицает это; в духовной сфере Запад слабее нас...", — пишет тот же М.Хаттами. Подобное высказывание является типичным и для многих других духовных лидеров исламского мира и теоретиков исламской цивилизации.

Таким образом, теорию исламской цивилизации можно поставить примерно *на одну ступень с евразийством,* уже даже в силу того, что она, так же, как и евразийство, дает обоснование полноценной, культурной, религиозной и цивилизационной автаркии. Именно по этой причине долгое время проекты исламской цивилизации и евразийства не соприкасались, развиваясь одинаково динамично, но в то же время параллельно, являясь равноценными и по сути не противоречивыми, но *конкурентными* цивилизационными моделями.

При всей конкурентности взгляды Хаттами, удивительно напоминающие мистические и сакрально-географические теории средневекового иранского шейха Шихабоддина Яхья Сохраварди (основателя школы "аль-ишрак"), вполне комплиментарны евразийству и по основным метафизическим установкам не опровергают, но скорее повторяют его в несколько ином цивилизационном контексте.

Совершенно другую картину мы видим на ином полюсе современного ислама — в среде так называемых "исламистов". Если пафос Ирана ("иранизма", "res iranica", по выражению А.Корбена) состоит в том, чтобы исламская цивилизация сочетала в себе традицию и современность, архаическое и рациональное начала, то исламисты — в духе христианской Реформации — навязчиво настаивают на общеобязательной доминации своего типа рациональности, выводимой ими из буквалистского и во многих аспектах крайне современного толкования исламской доктрины и "Корана". Не случайно у истоков саудовского ваххабизма (крайней формы догматического исламизма) мы встречаем агентов влияния протестантской Англии (Хемфер).

У радикальных исламистов есть свой цивилизационный проект, который не просто конкурентен евразийству, но *прямо противоположен ему по основным параметрам*. Евразийство (как и иранизм) терпимо, а то и прямо позитивно относятся к традициям Востока, к сохранению этнической самобытности, к плюрализму социально-политических укладов, к архаическим пластам бытия. Все эти черты вызывают у исламистов откровенную ненависть. Для ваххабитов и талибов, к примеру, не приемлемы не только национальные культы "неверных", но и мистические традиции самого ислама, освященные веками. Наряду со статуями древних Будд исламисты уничтожают и взрывают "мазары", почитаемые веками могилы исламских святых, уничтожают "тарикаты" и т.д.

По версии идеологов исламизма, ислам являет собой ниспровержение всего архаического и традиционного, а евразийство представляется им не иначе, как "цветущая сложность местечковых туземных традиций, патро-

нажно перекрываемая единой централизованной системой абсолютно бездуховной и совершенно прагматичной бюрократии" (Гейдар Джемаль, руководитель "Исламского комитета").

В радикальном исламизме — пусть даже в утрированной форме — проявляется *полная антитеза евразийству*. И по этому критерию, а также на основании своеобразной интерпретации ряда исторических, политических и теологических фактов неоевразийцы вообще отождествляют исламизм с одной из версий атлантизма, точнее, с исламским прагматическим его инструментом в ряде локальных и региональных ("береговых" — от rimland) ситуаций.

Что такое "исламское евразийство"?

Феномен *исламского евразийства* является совершенно новым.

В отличие от классического русского евразийства, насчитывающего более чем восьмидесятилетнюю историю, он только находится в стадии рождения и представляет собой зародыш мировоззрения с неопределенным будущим. Проведем беглый обзор того, что основательно или безосновательно понимается сегодня под этим словосочетанием.

В последние годы по ряду исторических обстоятельств появилась ошибочная тенденция обнаруживать евразийство во всех мусульманских территориальных образованиях России и на постсоветском пространстве, объяснять им любые происходящие там явления. Это проистекает из определенной терминологической аберрации и отсутствия у широких масс ясного представления о сущности, происхождении и истории евразийского мировоззрения.

Дело в том, что эти территории, более не являясь политически и идеологически советскими и эмансипируясь в той или иной степени от русского влияния, вместе с тем наделены определенным своеобразием, отличающим их как от европейских государств, так и от традиционных государств Востока. К примеру, такое понимание "евразийства" характерно для Казахстана в масштабах СНГ и Татарстана в масштабах РФ. На самом деле, все это имеет мало общего с магистральной линией развития евразийства от классиков до современных неоевразийцев.

Феномен постсоветского тюркско-исламского "евразийства" видится, скорее, как форма компромисса, очередного этапа в продолжающемся и поныне общем процессе распада евразийской общности масштаба СССР. Поливалентность и расплывчатость термина "евразийство" в современном строго политическом контексте позволяет оперировать с ним в своих интересах — с одной стороны, Москва усыпляется "интеграционной" интонацией, явно заложенной в апелляции к евразийству, а с другой, это служит хорошим прикрытием для укрепления суверенитета

в бесконфликтном режиме. В отличие от жестких форм сепаратизма, за которые в определенных ситуациях придется серьезно отвечать, пока Москва остается достаточно сильной, такое демагогическое псевдо-"евразийство", напротив, обеспечивает широкий оперативный простор для "сепаратизма мягкого".

В случае с Татарстаном необходимо также отметить не просто стремление подчеркнуть *тюркский* фактор в исторической системе России-Евразии (что охотно признают русские классики евразийства, традиционно отличающееся мировозренческой "монголо" и "тюркофилией"), но и противопоставить его русскому, что радикально *противоречит самим основам евразийского мироучения и мировидения*. Такое татарско-исламское евразийство, весьма распространенное в казанском истеблишменте, отмечено серьезной долей русофобии. Не случайно идеологами такого "евразийства" являются бывшие главные идеологи ТОЦ, русофобской экстремистской татарской шовинистической организации (Д.Ицхаков, Р.Хакимов).

Крайним выражением такого тюркско-мусульманского, имплицитно-антироссийского псевдо-"евразийства" является т.н. "Евразийская партия России" Абдул-Вахеда Ниязова. Одним из активистов этой партии является самопровозглашенный муфтий Азиатской части России Нафигулла Аширов, открытый сторонник талибов и ваххабизма, т.е. снова крайний исламист и антиевразиец. Фигура самого Ниязова, обвиненного единоверцами в содомии и замешенного в многочисленных финансовых скандалах, больше напоминает классического авантюриста, следующего за конъюнктурой, хотя и он был связан с кавказскими ваххабитами и играл определенную роль вместе с Надиршахом Хачалаевым в ваххабитских восстаниях в Дагестане в 1999 году, которые привели к кровавым событиям в Чечне и "второй чеченской войне".

Если псевдо-"евразийство" служит прикрытием осторожным политикам-прагматикам из Казани и Астаны, то такая концентрация крайних исламистов в российской "Евразийской партии России" является полным недоразумением и, скорее всего, грубой попыткой группы исламских радикалов вывернуться из-под ответственности в ситуации усиления в России государственных централистских тенденций.

Понятно, что далеко не все российские мусульмане татаро-тюркского происхождения эксплуатируют евразийскую идеологию в утилитарных целях. В этой сфере есть отрадное исключение, и отнюдь не малое. Речь идет о признанном лидере российских мусульман, верховном муфтии РФ, главе ЦДУМ, шейх-уль-исламе Талгате Таджуддине.

Талгат Таджутддин представляет собой авторитетную фигуру высокого исламского лидера, который принимает евразийство в его ортодоксальных

пропорциях. Позиции Талгата Таджуддина в целом отражают духовно-политический и культурный опыт многих поколений мусульман (в первую очередь, татар и башкир), живущих долгие века вместе с русским народом в разных государственных системах от Империи Чингиз-хана через Золотую Орду, Московское Царство, Романовскую России, СССР до нынешней демократической РФ. Евразийство Таджуддина является органической частью общего российского евразийства, являясь естественным продолжением его мировоззренческих в среду российских мусульман и россиян неславянского (в первую очередь, тюрско-угорского) происхождения. Это евразийство, признающее "общность судьбы" татар и тюрок (Исмаил Гаспринский), не является при этом специфически мусульманским, исламским. Точнее будет сказать, что это линия классического евразийства, принятая как наиболее адекватная платформа большинством российских мусульман (это, впрочем, касается преимущественно мусульман татаро-башкирского угрского происхождения, проживающих на Европейской и Азиатской части России, на которых распространяется юрисдикция ЦДУМ — мусульмане Кавказа представляют собой отдельный случай).

Особый интерес вызывает попытка обосновать исламское евразийство на основе исламского традиционализма с учётом основных направлений подлинно евразийской мысли (Трубецкой — Савицкий — Гумилёв) в случае чеченского публициста и политика Хож-Ахмед Нухаева, на которой стоит остановится подробнее.

Чеченско-евразийская голография

Чеченец Хож-Ахмед Нухаев личность многогранная. У него есть опыт активной политической деятельности в русле чеченского национализма. Он бывший начальник военной разведки мятежного генерала Дудаева и вице-премьер в правительств Зелимхана Яндарбиева. Нухаев — крупный бизнесмен, с опытом той формы (подчас не вполне прозрачного) бизнеса, которая была характерна для постсоветского периода накопления капитала. Бизнес Нухаева серьезно связан с нефтью, и не исключено, что работа с нефтепроектами (в ходе которой он встречался с видными западными геополитиками и политиками от Бжезинского и Аттали до Маргарет Тэтчер, проявлявшими практический интерес к нефтепроектам кавказско-каспийского региона) привела его к повышенному интересу в области геополитики. Анализ трагических военных столкновений в Чечне также заставил его искать причины трагедии в области высоких идей. Обладающий острым умом и удачным сочетанием богатого жизненного опыта с широкой эрудицией, Нухаев подошел к формулировке евразийской концепции применительно к исламу. В принципе, это первый опыт полноценного доктринального сочетания евразийских принципов и основных

моментов традиционалистски понятого ислама. Нухаев первым из подобной конфессионально-культурной среды выдвинул проект "исламского евразийства", претендующий на универсальное значение.

Рассматривая теории Нухаева, следует учитывать следующее. Чеченцы — очень архаический народ, поэтому не удивительно, что в своих работах Нухаев так часто обращается к национальной архаике, уделяя основное внимание двум фундаментальным аспектам — духовному и этническому и по сути выстраивая на них всю свою концепцию *национального порядка*: "Этот порядок построен не на искусственной пирамиде иерархического, чиновничьего, "бумажного" уклада гражданской жизни, а на естественной горе иерархического, родоплеменного, "варварского" уклада национальной жизни — на скале истины. Именно горы создал наш Творец для скрепления земли, для упрочения общественной системы бытия. Кавказские горы — это последний шанс России, а вместе с ней и всей Евразии и всего человечества на защиту от моря и его губительных соблазнов" (Х.-А. Нухаев "Ведено или Вашингтон?", Москва 1999 г.). За этими высокими фразами скрывается ключ к нухаевской теории: "естественная иерархия родоплеменного строя" представляется ему оптимальной.

Второй момент: чеченцы представляют собой довольно редкую общность в исламском мире, где суфизм (исламский эзотеризм) не просто весьма распространен, но покрывает сетью своих школ все население Чечни без исключения. Иными словами, отношение чеченцев к исламу заведомо проходит через призму мистического, эзотерического толкования, воплощенного в системе "вирдов".

Оба этих момента являются определяющими для чеченской этнопсихологии: яркое проявление *родового этнизма* (со своими обрядами, правовыми нормами — адат, специфической межклановой и межсемейной этикой и т.д.) и *эзотерически истолкованный* ("дифференцированный", если угодно) *ислам,* насыщенный многочисленными элементами почвенной автохтонной мифологии, включенной в религиозный контекст.

Не исключено, что эти два пункта и позволяют Нухаеву найти реальные точки соприкосновения с евразийской доктриной, и несмотря на геополитическую локальность и узко-чеченский национализм, выйти на серьезные доктринальные обобщения.

Проект Нухаева, являясь с одной стороны "чечено-центричным" или "кавказоцентричным", на самом деле открывает более широкие перспективы построения концептуально-доктринального комплекса, далеко превосходящего область расселения вайнахов и весь кавказский регион: "Горный центр Евразии, земля народа Нуха (мир ему), может сыграть интегрирующую, спасительную роль в борьбе суши с морем, если весь свой национальный, пассионарный заряд, весь свой эсхатологический потенциал на-

правит на возрождение полноценной, первичной родоплеменной системы бытия. Восстановленная таким образом первозданная община для всех народов континента станет образцом социокосма, действующей моделью патриархальной нации во главе с харизматическим лидером, управляющим делами нации без армии, полиции, судов и чиновников, согласно традиции "первых отцов" (адатам), разумно и справедливо, как это принято у истинно верующих людей". (Х.-А. Нухаев "Ведено или Вашингтон?").

В этом отрывке мы видим наложение друг на друга сразу нескольких перспектив:

— мифологическую (Кавказ как центр мира, как образ Горы мира, световой оси — элемент сакральной географии);
— геополитическую (базовый для геополитической методологии пункт о противостоянии цивилизации Суши, т.е. собственно Евразии, "евразийства" с Морем, т.е. с Западом, "атлантизмом";
— энергетическую (апелляция к теории пассионарности);
— национальную (родоплеменной фактор);
— эсхатологическую (связанную с идеей вселенской битвы сил добра и сил зла за смысл "конца истории");
— правовую (апелляции к истокам "правовой традиции", связанной не с универсалистским западным правом, но с многобразием автохтонных юридических норм);
— религиозную (обращение к исламскому понятию "истинно верующие люди").

Эти принципы и являются основой евразийской теории в наиболее общей форме, так как евразийство представляет собой сочетание именно мифологического (традиционалистского), геополитического, эсхатологического, правового (в дифференциалистском смысле), национального и религиозного факторов. Для Нухаева маленькая горная Чечня голографически отражает гигантский континентальный евразийский проект.

Показательно, что ни у пантюрикстов, ни у панарабиситов, ни у "иранистов", — оперирующих с гораздо более объемными пространственными и расово-этническими категориями, — мы не встречаем столь полного аналога ортодоксального *евразийского* подхода.

Исламское евразийство versus ваххабизм

Весьма показательно, что Нухаев отчетливо осознает тот факт, что исламский традиционализм, и тем более "исламское евразийство", противоположно по основным параметрам универсалистскому "исламизму", особенно в его наиболее радикальных формах — таких как "ваххабизм" (сам Нухаев предпочитает пользоваться термином "ихванство").

"Если, учитывая долговременность существования в Чечении вирдовых братств, о вирдизме можно условно говорить как о "традиционном" Исламе, то "ваххабизм" не только не является *исламским фундаментализмом*, это — новый Ислам" (Х.-А. Нухаев "Ведено или Вашингтон?").

В своей книге Х.-А. Нухаев доказывает неправомочность претензий "ваххабизма" на то, чтобы называться "исламом изначальным". Свою позицию он подкрепляет кораническими аятами, подводя к заключению, что провозглашаемая "ваххабизмом" ориентация на огосударствление ислама (атомизацию мусульманских обществ, приведение их к количественной массе) есть не что иное, как проявление модернизма, никак не соответствующего и не соотносящегося с подлинным понятием исламского фундаментализма и по сути противоречащего изначальному исламу (отождествляемого Нухаевым с общинной системой). "Если Халифат никогда, ни в один из периодов своего существования не ставил перед собой сознательной задачи ликвидировать при помощи государственных рычагов и форм насилия общинные традиции (...), то учение "ваххабизма" впервые в истории Ислама нанесло по общинным, родоплеменным традициям и институтам целенаправленный силовой удар, вполне сознавая задачу государства по их сокрушению и искоренению. На место кровнородственных и родоплеменных уз, скрепляющих братство мусульман, было поставлено интернационализированное, оторванное от почвы и крови "ихванство". Именно поэтому "ваххабизм", апофеоз государственной идеи, миф "исламского государства" — это, по сути, бегство от Ислама".

Предлагаемый Нухаевым в качестве альтернативы, своего рода ответа ваххабистскому вызову *тейповый принцип,* отрицает государственнический уклад постхалифатского ислама, расшифровывает социально-политическое единообразие, предполагаемое "исламизмом", как "унифицирущего идола" (тагута). "Сегодня очевидно, что в Чечении процессы огосударствления развивались более медленно. Причина тому — наличие в повседневной жизни чеченцев на протяжении всей истории чеченских взаимоотношений с внешним миром традиции "первых отцов": тейповой инфраструктуры чеченской нации, адатной системы естественного права, институтов кровной мести, равенства, основанного на отрицании всех, не освещенных Божьим законом, форм человеческой власти" (Х.-А. Нухаев "Ведено или Вашингтон?").

В этом пассаже дается недвусмысленное опровержение стержневой для всех форм исламизма теории "Исламского Государства", которое замещается совершенно иной концепцией — концепцией "исламского общества", развивающегося на основе этно-национальных принципов.

Это место принципиально важно, так как любой диалог между евразийцами и мусульманами, по определению, заканчивается, как только дело доходит до теории "Исламского Государства". Как бы ни сходились идентитаристские и "многополярные" (антиглобалистские) геополитические инте-

ресы евразийцев и исламских фундаменталистов, именно эта теория является камнем преткновения. Нухаев отвергая ее и заменяя концепцией "исламского общества" создает важнейшие теоретические предпосылки для интеграции исламского традиционализма в пространство евразийской концепции. Виды и типы обществ, этносов, культур и конфессий в полноценном евразийском проекте могут быть самыми разнообразными, а интегрирующим фактором (общим знаменателем) служит здесь не конфессия, но осознание "общности судьбы", подкрепленное на практике единством цивилизационного типа и стратегических интересов.

Этот момент делает теорию Нухаева важной не только в теоретическом, но и в практическом смысле.

Геополитический масштаб евразийской интеграции по Нухаеву

Евразийский ислам Нухаева представляет собой зачаток нового направления в исламской мысли, своего рода "третий путь" между "модернизмом" и "исламизмом". Многие аспекты этой теории лишь намечены, но уже сейчас можно предвидеть серьезность развития исламской мысли именно в этом направлении.

Евразийское будущее Нухаев видит в тесном стратегическом союзе основных конфессий и рас континента.

Основа евразийской интеграции, по Нухаеву, — "Три большие евразийские семьи — славяне, тюрки и персы <...> те "союзники", от объединения которых зависит судьба Евразии и ее способность защитить сушу от морских "врагов" (Х.-А. Нухаев "Ведено или Вашингтон?").

Это три основные силы евразийского геополитического строительства. При этом евразийский общий проект рассматривается как границы органической универсализации каждой из этих масштабных реальностей — русско-православной, турано-тюркской и иранской. Каждой из этих пан-идей — славянофильству, пантюркизму и "иранизму" — предлагается сделать творческое усилие и подняться на еще одну ступень исторической самоидентификации, обнаружив геополитическую и даже эсхатологическую общность.

Естественно, в этом случае речь идет не об "исламском евразийстве", но просто о евразийстве в самом широком смысле, где "исламская ветвь" является одной из закономерных и "ортодоксальных" составляющих.

Очень важно, что в такой оптике к тюркизму и "иранизму" прилагаются типологически те же критерии, которые Нухаев выделяет на основании чеченского опыта. Эта экстраполяция чрезвычайно важна: последовательно проводимая критика "исламизма" как теоретической базы интеграции мусульманских народов и культур Евразии, выделяет три уровня

интеграции в евразийский проект:

— низший: этно-национальный (расовый в случае тюрок);
— средний: конфессиональный (объединяющий мусульман в одно целое, а православных другое);
— высший: геополитический (объединяющий всех в едином стратегическом блоке).

Нухаев пишет и о четвертой метафизической инстанции, сопряженной с единством "верующих разных конфессий" перед лицом апокалиптической угрозы, надвигающейся с Запада. Но эта тема более тонкая и деликатная, требующая особого разбора.

Роль самих чеченцев в реализации этого проекта Нухаев видит в свете уже упоминавшейся "голографии". Чеченцы являются "хранителями гор", "оси мира". Их метафизическая задача — сохранение архаических устоев и проекция обобщенных принципов вовне. Нухаев предлагает чеченцам стать "образцом национального порядка, но не только для исламского мира, а для всех народов, принимающих для себя за основу евразийский традиционный вектор".

Евразийский альянс с исламом

Концептуализация *этнического и эзотерического* факторов *как основополагающих* в пространстве современной исламской мысли делает нухаевскую теорию удобной базой для разработки долгосрочного цивилизационного альянса между Россией-Евразией и всем исламским миром.

Этноплюрализм, спиритуальный подход к религии, эксплицитный отказ от концепции теории "исламского государства" и "исламизма" позволяет вписать на достойных основаниях такой проект в общеевразийскую теорию, открывая тем самым возможность совершенно новых геополитических, стратегических и концептуальных разработок. Развитие данного вектора в исламской мысли может дать колоссальные — в том числе и практически-политические — результаты в пространстве различных исламских стран и обществ. Причем в далекой перспективе это может оказаться актуальным не только для кавказско-тюркско-иранского ареала (т.н. "континентальный ислам"), но и для арабского мира, где все больше людей начинают понимать безысходную тупиковость как "исламизма", так и "прозападной секуляризации и модернизации ислама".

апрель, 2002 г.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА

А. Г. Дугин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕОЕВРАЗИЙСТВА

Изменение качества евразийства

С начала перестройки неоевразийское мировоззрение активно развивалось группой подвижников, интеллектуалов, ученых, идеологов. Если на первых этапах неоевразийство выглядело как экстравагантное учение для изысканных элитарных кругов или необязательная добавка к программным документам национально-патриотической оппозиции (иначе и быть не могло в эпоху повального увлечения атлантизмом, Западом, либерал-демократией, являющихся прямой антитезой евразийства), то в наше время актуальность и даже неизбежность евразийства осознается все более широкими кругами правящих российских элит.

Следовательно, после периода чисто теоретических, философских и геополитических изысканий, наступает время конкретизации отдельных аспектов евразийской (неоевразийской) доктрины применительно к насущным проблемам современной России.

Такое существенное изменение статуса евразийства как мировоззрения, все более приближающегося к тому, чтобы стать официальной идеологией новой России, требует нового этапа большой работы, на сей раз адаптационного свойства.

Рассмотрим вопрос об отношении евразийского курса к теме собственности, хозяйственного уклада России в актуальных исторических условиях.

Евразийство как экономический прагматизм

Евразийство исходит из принципа "идеократии", т.е. доминации в общественной и политической жизни идеального начала, "идеи-правительницы". Это предопределяет весь строй евразийского учения. Вопросы о структуре хозяйственного уклада, таким образом, имеют в общем контексте евразийства второстепенный характер. Экономика не является судьбой, высшей инстанцией, универсальным показателем при определении политического строя. Она призвана лишь транслировать общие политические установки на конкретный хозяйственный уровень.

Утверждая принцип идеократии, евразийство тем самым отказывает-

ся от претензии на выработку особой экономической ортодоксии — социалистической, или либерал-капиталистической. Экономика — средство, а не цель, атрибут, а не сущность политического устройства. *Это предопределяет прагматизм евразийского учения применительно к экономической сфере*. Экономические формы и инструменты, служащие политическому и мировоззренческому идеалу евразийства, способствующие процветанию Евразийской Державы, приветствуются. Те же, что наносят ущерб ее солидарности, стабильности и эффективности, порицаются, независимо от узкоэкономического эффекта. Евразийское Государство, евразийская цивилизация, евразийская культура идут в первую очередь. Экономическая сфера, производство, финансовая система и т.д. — во вторую.

Евразийство — мировоззрение (в отличие от марксизма и либерализма) не экономоцентричное. Поэтому его экономическое выражение во многом зависит от специфики конкретной исторической ситуации.

Контекстуалистский подход к экономике

В самой экономической теории существует целый спектр направлений, которые вполне в духе основного евразийского подхода отказываются от экономоцентризма и выработки схематических догм. Это учения т.н. "гетеродоксальных экономистов", настаивающих на необходимости исторической, культурной, цивилизационной, пространственной, национальной контекстуализации хозяйственной деятельности и рассматривающих экономическую жизнь как производную от культуры область. Такие гиганты экономической мысли, как Сисмонди, Лист, Кейнс, Шумпетер, Шмоллер, Перру, Гезелль и т.д., принадлежат именно к этой "гетеродоксальной традиции". Все эти разновидности экономической теории можно объединить в отдельный блок "экономики третьего пути", отказывающейся и от социалистической и от либерал-капиталистической ортодоксии.

Общим знаменателем этих направлений является рассмотрение хозяйства как проекции базовых культурных установок общества. На практике это равнозначно прагматическому подходу к конкретике экономической системы и ее механизмов при приоритете надэкономических ценностей.

Такой подход может выражаться как в *социальных моделях* хозяйства, обычно относимых к социализму (где над общественные интересы ставятся выше частных), в *этатистских и национальных моделях* (где приоритет отдается интересам Государства или нации), в религиозных подходах к экономике (где экономический механизм подстраивается под систему религиозных заповедей и их экзегетических интерпретаций),

в *этно-культурной* доминанте, в *регионализме* и т.д. Все эти направления едины в релятивизации экономики как приоритетного и самодостаточного языка, в подчинении экономических отношений внеэкономическим критериям, целям, факторам.

Евразийство в полной мере относится к разряду таких идеологий, которые сопряжены с гетеродоксальной экономикой и спектром хозяйственных моделей "третьего пути".

Если несколько конкретизировать ситуацию, то можно сказать, что евразийство, ставя во главу угла Традицию, исторические корни и ценность национального бытия, естественно, отдает предпочтение формам хозяйствования, укоренившимся в национальной истории евразийских народов. Для русского народа традиционно был характерен именно общинный, солидарный подход к труду, приоритет "правды" и "справедливости" над западными категориями "права". Русские видели труд как литургию, как инструмент для стяжания спасения (см. концепцию "тяглового Государства" у Ивана Пересветова, главного идеолога Ивана Грозного). Такой подход сближал экономику с религией, физический труд и структуру производственных отношений с сотериологией. Начиная с XV века к этому комплексу добавилась и идея национальной избранности русского народа и русского Государства, которые стали наследниками Византии. Отсюда концепция Святой Руси, которая еще более укрепляла неразрывный синтез между Верой, Государством, миссией народа и трудовой деятельностью.

В той степени, в какой евразийцы являются традиционалистами, они наследуют этот синтетический подход, стремятся на новом историческим уровне воссоздать это литургическое единство, интегрировать хозяйственную деятельность в более широкий социальный, национальный, культурный и духовный контекст.

Это является предпосылкой для евразийского идеала "интегрального хозяйства", где экономический срез общества является неотъемлемой частью воплощения общей идеи-правительницы.

У этой идеальной стороны, сопряженной с традиционализмом, есть и прагматический аспект. Коль скоро Евразийское Государство имеет конкретную форму и конкретные стороны, то его утверждение и укрепление становится главной целью хозяйственной деятельности. Таким образом, у евразийски понятой экономики появляется цель, определяющая ее структуру и ее характер в каждой конкретной ситуации.

И наконец, последнее теоретическое замечание. Не разработав в силу исторических причины своей собственной экономической логистики, евразийство может органично черпать теории и идеи, а также конкретные рецепты, механизмы и методы из широкого спектра "гетеродоксальной

экономики", из "экономики третьего пути", так как основные предпосылки здесь практически тождественны. И в данном случае к общим мировоззренческим установкам на верность традиции и подчиненности хозяйства "идее-правительнице" добавляется современный экономический аппарат, адаптированный к национальной евразийской среде в конкретном историческом периоде.

Евразийский солидаризм

Экономическая ортодоксия марксизма традиционно была тем аспектом советской системы, который евразийцы резко критиковали. Поддерживая геополитические стороны советской политики, централизм, сам факт идеократии, противостояние Западу, москвоцентризм, народность, определенный мифологизм и архаизм большевиков, евразийцы отрицали марксизм в его догматических формах, равно как и в его культурной надстройке. Предсказывая неизбежный кризис марксизма, евразийцы предлагали пути эволюции Советского Государства в полноценно Евразийское Государство, что предполагало введение определенных капиталистических элементов на нижнем и среднем уровнях, а также преобразование секулярной этики большевизма в православную традиционалистскую идеократию.

Предлагая такой подход, евразийцы подчеркивали прагматически положительную роль мелкого и среднего частного предпринимательства для гибкости и стабильности, а также динамизма хозяйственной системы. Однако такие шаги в сторону частного предпринимательства не означали признания либерализма в качестве приоритетной экономической теории. Евразийцы признавали "общество с рынком", но не "рыночное общество". Здесь проходит существенная грань: рыночный принцип может быть до определенной степени полезен идеократическому строю — в той мере, в какой он способствует развитию гибкой хозяйственной инфраструктуры. Но там, где рыночный принцип приобретает черты ценностной системы (либерализм), он вторгается в область, ему не свойственную и несет в себе угрозу идеократии, подрывая и релятивизируя суверенность идеи-правительницы. На практике такая поправка означает локализацию правомочности частнособственнических отношений нестратегической сферой производства товаров и услуг, кредитной банковской системы. Рынок и частная собственность в евразийстве не наделяется ценностным качеством: ни позитивным (как в либерализме), ни негативным (как в марксизме). Эта сфера есть область прагматической допустимости и прагматической полезности. Расширение рыночных отношений на область социального регулируется и ограничивается духовной мобилизаци-

онной надстройкой евразийского социума, их позитивный динамизм служит решению практических хозяйственных задач.

Стратегические области экономики находятся под государственным контролем, и здесь действует принцип протекционизма и патернализма, а также элементы плана, сопряженные с реализацией Государством задач геополитического масштаба. Вместе с тем налоговая система призвана служить гармонизации социальной ситуации, поддерживать экономически слабых или несостоятельных участников хозяйственной жизни. Общим же принципом остается принцип общеевразийской солидарности, солидаризм, где наемные работники, частные предприниматели и госслужащие объединены общим культурным и социальным стилем, захвачены творческим созидательным порывом служения высшему идеалу. Эта хозяйственная солидарность подкрепляется сверху и имеет разные уровни — от региональной, профессиональной до этно-культурной и религиозной, общинной солидарности.

Негативная оценка евразийцами либеральных реформ в России

Здесь следует пояснить отношение евразийства к либеральным реформам в России, так как без этого все остальное останется непонятным.

Отказ от марксизма как правящей идеологии неоевразийцы восприняли позитивно, и на первых этапах реформ были вполне солидарны с теми процессами в экономике, которые способствовали раскрепощению инициативы — кооперативной, коллективной и частной — на мелком и среднем уровне. Пока эти процессы не входили в противоречие с геополитическими интересами страны и не превращались в новую рыночную догматику (либерализм), они приветствовались. Смена административного экономоцентричного государственного социализма более гибким и прагматическим подходом была вполне приемлема. Но уже ранний этап перестройки сопровождался риторикой в духе теории конвергенции, и с самого начала рынок сопрягался не с идеей усиления и динамичного развития хозяйственной инфраструктуры евразийского Государства, остающегося высшей ценностью, а со стремлением скопировать западную модель.

Евразийство, исходящее из принципа неснимаемых противоречий между Евразией и Западом (особенно США) на уровне глубинных цивилизационных принципов, и утверждающее высшей ценностью культурную и социально-политическую самобытность России-Евразии, сразу распознало катастрофичность либерал-демократических реформ, и позитивный сам в себе момент развития рыночной инфраструктуры на мелком и среднем уровне никак не компенсировал колоссальный ущерб, который

несла в себе безоглядная ориентация на Запад. В такой ситуации, представители коммунистической и, шире, национал-патриотической оппозиции были куда ближе неоевразийскому движению, нежели либерал-реформаторы. Тем более, что национал-коммунисты в перестройку отказались от догматизма и ортодоксии и взяли на вооружение многие тезисы, почерпнутые именно из евразийского мировоззренческого арсенала.

Сложившаяся за годы либеральных реформ экономическая система подтвердила полную адекватность политических позиций неоевразийцев конца 80-х — середины 90-х годов, находившихся в лагере национал-патриотической оппозиции. Вместо одной экономоцентричной модели, привязанной к косвенно евразийским принципам, мы получили другую экономоцентричную модель, столь же тоталитарную и жесткую, но ориентированную не на собственный потенциал России, а на интеграцию на унизительных основаниях в периферию западного мира. Открытость Западу и его либеральной экономике не привело и не могло привести к подтягиванию хозяйства России к европейскому или американскому уровням. Советские структуры хозяйства были сломлены, а получившие неожиданные геополитические козыри страны Запада (в первую очередь, США) стали обращаться с Россией как с экономической колонией.

Рыночные отношения стремительно вышли за рамки мелкого и среднего бизнеса, приватизации подверглись стратегические сферы производства. Долгосрочные, государствообразующие отрасли и, особенно, система предприятий ВПК, не подлежащие приватизации в силу их специфики, вообще были выключены из рассмотрения как "пережитки холодной войны".

В результате таких реформ в России сложился олигархический строй, проецирующий на общество тоталитарные догматы либерализма и добровольно передавший рычаги управления экономикой страны заокеанским центрам экономического контроля и международным финансовым институтам, функционирующим в интересах атлантистского геополитического полюса (США, страны НАТО).

Приоритет в экономической сфере был всецело отдан краткосрочным операциям, финансовая система, трансакции, промышленные проекты были ориентированы на стремительный оборот средств. В такой ситуации аккумуляция финансовых средств и производственных структур проходила в руках тех социальных групп, кто более всего был ангажирован в либеральные структуры как в политическом, так и в экономическом смыслах, а также, кто ориентировался на западные атлантистские экономические модели. Подчеркнем особо: речь шла не о заимствовании западного хозяйственного опыта и его адаптации к национальным условиям, но о сознательной ликвидации национальной хозяйственной системы во имя аб-

страктных догм либерализма и практических интересов экстерриториальных экономических центров силы.

В результате в России сложился не капиталистический класс собственников, но либеральный класс, олигархия, ориентированная целиком и полностью на краткосрочные модели экономической деятельности и работающая на интересы зарубежных (западных) финансово-промышленных групп и транснациональных корпораций. Сложился не рынок, но полуколониальная децентрированная экономика либерал-атлантистского образца.

Если на самой ранней стадии реформ (конец 80-х годов) евразийцы еще могли быть относительно солидарны с процессами эволюции советского общества в расчете на то, что это эволюция пойдет в евразийском ключе, и реформы укрепят евразийскую государственность, одухотворят культуру, сделают хозяйство более динамичным и эффективным и усилят нашу геополитическую мощь (освобожденную от марксистского догматизма), то с начала 90-х евразийцы не могли не быть в жесткой оппозиции режиму и либерал-демократическому истеблишменту, олигархии, радикально атлантистской культуре.

Плюсы отмены марксисткой ортодоксии в идеологии и в экономике никак не компенсировали развал евразийского геополитического блока, потом СССР, разрушение хозяйства, введение либерал-атлантистской мировоззренческой диктатуры.

Экономические реформы в России Ельцина в свете евразийской логики следует оценивать со знаком тотального минуса. Сегодня однако важно, что этот негативный баланс реформ стал очевиден для подавляющего большинства россиян. Все, кроме узкой прослойки олигархов и безответственной неквалифицированной интеллигенции крупных мегаполисов, оказались в результате данных реформ в материальном и моральном убытке. Это закономерно. Но в ходе этих реформ, помимо горстки олигархов и обнищавших масс, спонтанно сложились различные экономические группы, которые, разделяя негативную евразийскую оценку либеральных реформ, постепенно осознают специфику своих собственных интересов и ждут от идеологических и политических кругов внятного и приемлемого для них проекта. Речь идет о разнообразных финансово-промышленных кругах, которые по различным обстоятельствам занимались среднесрочными проектами и сумели, несмотря на все сложности, выжить, состояться и развиться в сложнейших условиях. Это не средний класс, но отдельные пассионарные ядра хозяйственной деятельности, использовавшие деструкцию советской системы для высвобождения своего творческого, активного делового потенциала, но не попавшие или не пожелавшие попадать в пирамидальные структуры олигархов-атлантистов.

Именно эти круги, подчас очень влиятельные и могущественные, ожидают от новой власти в России и от евразийской мысли внятного ответа и последовательной программы.

Возрождение национального хозяйства не придет ни от ВПК, ни от социализма, ни от экспроприации олигархов

Неоевразийство отдает приоритет геополитическим и цивилизационным факторам. Следовательно, в хозяйственной сфере привилегированными должны быть те области, которые напрямую сопряжены с геополитической мощью страны. Интересы ВПК и связанных с ним структур являются приоритетными в евразийской экономической программе.

Вторым важнейшим элементом является принцип социальной гармонии, солидарности и взаимопомощи, т.е. социально ориентированная экономика.

Но обе эти сферы являются затратными для государственного бюджета. Инфрастуктура ВПК частично может быть задействована в технологическом рывке, в развитии высоких технологий и инновационном процессе, но специфика всей области такова, что не предполагает коммерциализации. Развитие национального ВПК не может быть поставлено в зависимость от эффективности или неэффективности внедрения побочных технологических разработок в область промышленности, хотя такое внедрение, безусловно, полезно и желательно. В переоценке возможностей ВПК в вопросе развития национальной промышленности заключается основное заблуждение т.н. "государственников". Правильно полагая стратегические сферы производства приоритетными, они заблуждаются относительно ее самодостаточности для гармоничного развития хозяйства. Заказы оборонной промышленности играют, без сомнения, значительную роль в экономике крупных геополитических держав, но это возможно лишь за счет того, что эффективно и адекватно сконфигурированы иные области хозяйства.

Что касается социальной сферы, то это вообще исключительно затратная статья. Ее значения нельзя преуменьшать, так как социальная сфера активно влияет на общее состояние народа и, при адекватной структурализации, она способна серьезно оздоровить экономическую жизнь в обществе. Образование, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение, культура досуга и помощь социально обездоленным являются в среднесрочной и долгосрочной перспективах предпосылками не только социального, но и хозяйственного и экономического процветания.

Олигархические круги и сектора хозяйства, ангажированные в сферу

краткосрочных операций, в фондовый рынок, в спекуляции с ценными бумагами и валютами, портфельными инвестициями, а также экономические структуры, являющиеся проводниками зарубежных промышленно-финансовых корпораций — являются вообще разрушительным элементом экономики, не только не способствуют ее развитию, но активно препятствуют развитию хозяйственного фундаментала, делают невозможными среднесрочные инвестиции в реальный сектор, релятивизируют и маргинализируют хозяйственные инициативы, укрепляющие в национальном масштабе реальные промышленно-финансовые структуры. Аккумуляция большого процента оборотных средств и акций в руках олигархов-атлантистов является серьезной угрозой национальной безопасности Государства, тормозит и, в ряде случаев, препятствует экономическому развитию.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что простая деприватизация олигархических структур, национализация их пакетов в целых отраслях промышленности и ресурсодобывающих областях не даст никакого серьезного оздоровительного эффекта само по себе, так как специфика их экономического состояния неконвертируема во что-либо позитивное и полезное для евразийской экономики. Самым полезным был бы сам факт отсутствия олигархии и упразднения политико-экономических и медиакратических систем, с ними связанных. Это расчистило бы поле действия для продуктивных экономических инициатив.

Таким образом, методом исключения мы приходим к выводу, что для адекватного возрождения национальной экономики в евразийском ключе необходимо выделение особого типа хозяйственных деятелей, отличных и от работников стратегических предприятий (ВПК), и от обездоленных неимущих масс, и от олигархов (пусть даже подвергшихся экспроприации). Представляется, что такую функцию наиболее динамичной хозяйственной среды должен был бы играть средний класс, но как раз этого класса по множеству причин в России за года либеральных реформ и не сложилось.

Либерал-евразийцы (евразийский капитал)

В такой ситуации необходимо внимательнее присмотреться к классу средних и крупных предпринимателей (особенно региональных), структура собственности и интересы которых по объективным параметрам сопряжены с евразийским пространством и не связаны напрямую с Западом.

Этот тип предпринимателя и собственника — довольно часто встречающийся, чтобы быть отдельными исключениями, но далеко не столь стабильный, чтобы являться классом — может быть описан как "евразийские предприниматели" или даже как "либерал-евразийцы". Максимально используя процесс либерализации этот тип — пассионарный, деятельный, способный к адаптации — сумел за годы реформ преуспеть в создании финансовых, промышленных, ресурсообрабатывающих, сервисных, коммерческих и торговых структур, неразрывно связанных с конкретным пространственным, социальным и хозяйственным контекстом. Совокупно эта область формирует то, что можно условно обозначить как "евразийский" или "национальный капитал". Предпочтительно все же говорить именно о "евразийском капитале", так как термин "национальный" и слишком широк (под ним можно понимать результаты капитализации всей национальной промышленно-финансовой системы), и слишком узок (если использовать термин "нация" как синоним этнической принадлежности). Формула "евразийский капитал" описывает не только формальный, но и качественный признак, содержит в себе указание на природу этого капитала, подчеркивает его неразрывную связь с конкретным географическим, культурным, социальным и политическим рельефом.

Либерал-евразийцы, полюса "евразийского капитала", его создатели и организаторы, отличаются тем, что не способны конвертировать этот капитал в формы либерал-атлантизма. Ликвидность этого капитала невысока, скорость обращения невелика. Будучи переведенный в валюту и помещенный вне евразийского пространства, такой капитал обречен на быструю диссипацию. Вся его структура эффективна лишь в конкретном контексте, вне его она утрачивает свою рентабельность. Хозяйственная психология либерал-евразийцев такова, что максимально эффективной она оказывается в своей привычной среде, с которой они связаны органически, прекрасно отдавая себе отчет в формальных и неформальных закономерностях локального бизнеса. Более того, именно конкретика локального контекста, ее понимание и умение ее использовать лежат в основе экономического успеха этого типа предпринимателей.

Приоретная сфера деятельности такого рода предпринимателей является среднесрочной. В этом масштабе они крайне эффективны и адаптативны, способны на извлечение максимальной прибыли.

Такие очаги и отдельные полюса являются матрицей поколения "евразийских хозяев", конкретного среднего класса, его прототипом.

В настоящее время либерал-евразийцы в силу конкретных исторических обстоятельств вынуждены контролировать намного больший объем предпринимательского сектора, чем это имело бы место при достаточно развитом среднем классе. Сегодня это почти олигархи или олигархи регионального масштаба. Однако от настоящих олигархов они отличаются природой и структурой своей собственности, тем, что их капитал является "евразийским" и слабо (или почти не-) конвертируемым в атлантистские формы. Либерал-евразийцы часто имеют собственность и авуары за

рубежом, но эта дань моде не меняет их структурной укоренности. Наличие заграничных счетов и вилл выполняет роль временной эфемерной безопасной кассы и произвольной траты. Это не показатель, все это сохраняется до той степени, в какой эффективно функционирует финансово-промышленная структура, остающаяся на Родине.

Тип либерал-евразийца, хозяина, предпринимателя, собственника является той ключевой фигурой, от позиции, консолидации интересов, самосознания и исторической ответственности которой зависит эффективность возрождения евразийской экономики. И сегодня эта проблема является центральной.

Социальная роль «Евразии»

Сегодня либерал-евразийцы ни политически, ни структурно, ни организационно никак не связаны. Самоорганизация и ясная политическая платформа отсутствует. Ни в одной из существующих партий — ни чиновничьих ("Единство", ОВР), ни ностальгически-советских (КПРФ), ни либерал-атлантистских (Яблоко, СПС), при том, что практически все они курируются олигархическими кланами федерального уровня — не видят они представительства их специфических интересов. У чистых государственников им неприемлемо безразличие и инстинктивная брезгливость к стихии предпринимательства, у коммунистов — ностальгия по догматизму, свежие воспоминания о последних стадиях вырожденного социализма, у атлантистов — ориентация на либеральный универсализм, краткосрочные операции, обслуживание экстерриториальных финансовых и геополитических интересов. Более всего в современной ситуации привлекательна для этого типа фигура Президента России Владимира Владимировича Путина. Но один человек, даже Президент, не способен воплощать чаяния конкретной социально-экономической группы. А политические структуры, призванные выражать и осуществлять политику Президента явно не соответствуют уровню и качеству ожиданий.

Евразийские собственники, либерал-евразийцы нуждаются в социально-политическом выражении своих интересов. Можно зайти и с другой стороны: успех оздоровления отечественной экономики в евразийском ключе требует консолидации этого типа, объединения его в особые структуры, наделение его полноценной политической субъектностью и исторической ответственностью.

Новый курс власти в современной России все более однозначно тяготеет к евразийской парадигме. Действия Президента В.В.Путина во внешней политике, в деле укрепления державности, в отказе от разрушительного, гибельного атлантизма, в прогрессивной маргинализации олигархов

недвусмысленно указывают ориентацию на Евразию.

В такой ситуации придание евразийским тенденциям статуса общественно-политического движения с последующей постепенной трансформацией в партию — давно ожидаемое и назревшее решение.

Движение "Евразия" свободно от экономической догматики, как марксистской, так и либеральной. Но сам тип евразийского предпринимателя, хозяина, либерал-евразийца не только вполне соответствует социально-политическим целям и задачам "Евразии", но является столь же необходимым, как тип ученого, ответственного патриота, государственного чиновника.

Судьба либерал-евразийцев, динамика их консолидации и осознания своей исторической и хозяйственной миссии и роли в Евразийском Проекте является ключевым моментом в деле возрождения национальной экономики, промышленности, финансов, торговли. Здесь стоит вспомнить важное правило: для того, чтобы перераспределять, надо иметь что распределять. Либерал-евразийцы — мотор создания "евразийского капитала", не столько денежного, сколько структурного, промышленного, системного, кадрового, ресурсного.

Сегодня реализация евразийской идеи, Национальной Идеи зависит от успеха их объединения в сплоченное, компактное движение, последовательно и преемственно выражающее и реализующее основные задачи для возрождения и расцвета Великого Евразийского Государства.

июль, 2001 г

А. Дугин

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

Ортодоксия и гетеродоксия в экономической мысли

Помимо двух магистральных и противоположных друг другу экономических теорий (т.н. "ортодоксий" — марксизм и либерализм) существует еще одно громадное семейство, называемое совокупно "*еретическим*". "Еретичность" этого направления состоит в отказе от тех общих постулатов, которые лежат в основании как либерализма, так и его последовательного и радикального отрицания, воплощенного в марксизме.

И либерализм, и марксизм оперируют с одним и тем же понятийным и методологическим аппаратом. Основные предпосылки экономического анализа в обоих случаях тождественны (хотя выводы делаются прямо противоположные). В частности, любая экономическая ортодоксия признает универсальность и однородность основных этапов экономической истории, приоритет хозяйственной логики перед всеми остальными факторами (национальными, культурными, религиозными, историческими, географическими и другими составляющими), определяющими сущность общества, стадию его развития, его идентичность.

Обе разновидности экономической ортодоксии — либеральная и марксистская — являются одновременно и философией, и идеологией, причем, и та и другая представляют собой варианты именно "экономизма", так как экономический фактор является в них основополагающим. Вероятно, универсализм и редукционизм, позволяющие свести все своеобразие и многоцветие хозяйственной жизни различных человеческих обществ к единой упрощенной схеме, и стали причиной популярности этих учений, привели к тому, что они воспринимаются как магистральные направления в экономической мысли ("мейнстрим"), вытеснив на периферию (в область маргинального) иные модели.

Я думаю, что именно в этом состоит различие между ортодоксией и гетеродоксией в экономике: *ортодоксальным считается "экономизм", абсолютизация собственно экономического фактора в сравнении со всеми остальными*. И далее, эта абсолютизация не просто провозглашается, но ложится в основу построения определенных математических формул, закрепляющих основные закономерности экономики.

Напомним, что экономическая мысль (в современном смысле этого понятия) зарождалась в эпоху Просвещения, когда образцом "научности", "точности" и "строгости" служили как раз естественнонаучные дисциплины, в которых преобладали физико-математические методы исследования и описания реальности. Будучи, по определению, наукой гуманитарной, экономика, тем не менее, тяготела к сближению с науками точными. А это, в свою очередь, порождало стремление уйти от рассмотрения феноменологического многообразия форм хозяйствования к упрощенным схемам с ограниченным набором критериев.

Экономическая ортодоксия состоит в "эмансипации" от внеэкономических факторов. Когда эта ортодоксия из науки превращается в философию и идеологию (а именно это произошло с либерализмом и марксизмом), "экономизм" становится мировоззренческим императивом, и абсолютизация набора определенных критериев в рамках научной дисциплины переходит в разряд социальной истины, запечатлевшей в себе окончательный приговор относительно самой природы реальности. В этом вопросе "экономика" повторяет траекторию естественных наук, которые из инструментальных гносеологических методологий (подчиненных мифологической или теологической системе — как это имело место в традиционных обществах) на заре Нового Времени превратились в совокупность суждений относительно самой природы реальности, подчинив себе философию, религию, социальный миф.

Этот момент концептуального зарождения экономической ортодоксии для нас принципиален именно потому, что сегодня она явно испытывает существенный (возможно, фатальный) кризис, и по этой причине мы стремимся выйти за ее рамки, найти иной путь, обращаемся к *экономической гетеродоксии*. Очень важно, что в начальный период своего становления экономическая наука была особенно озабочена отбрасыванием многочисленных факторов, препятствующих выработке непротиворечивой схематической картины. То, что отбрасывалось или не было учтено по историческим причинам, для экономической гетеродоксии представляет особый интерес.

В качестве простого примера приведу замечание последователя русских народников Чаянова, взгляды которого заново систематизировал С.Г. Кара-Мурза. Речь идет о законе неисчерпаемости и предполагаемой "бесконечности" природных ресурсов, который лежит в основе классических теорий экономической ортодоксии. *Приравнивание бесконечно-малого фактора к строгому нулю — вообще является основой всех заблуждений современной научной методологии, которые драматически и с трудом изживает наука XX века*. На уровне экономики это очевидно: если включить в число основных вводных парамет-

ров образования стоимости природные ресурсы и саму природную среду, то вся ортодоксальная экономическая модель (и либеральная и марксистская) рушится в своем основании, и мы получаем совершенно новую — и, в определенном смысле, "гетеродоксальную" — экономическую теорию, с системой новых выводов и методов. Можно назвать это "*экологической экономикой*". Мне могут возразить, что, мол, во времена А. Смита, Д. Рикардо и К. Маркса ресурсы действительно ничего не стоили и были "бесконечны" в сравнении с потребностью в них человечества, находившегося на предшествующей стадии технического развития, и что позже экономисты прекрасно и точно учли этот параметр. Это верно, но давайте посмотрим на это внимательнее: поправки на исчерпаемость и стоимость природных ресурсов внесены в готовые и отработанные экономические модели, основанные на молчаливом согласии относительно "бесконечности" и "бесплатности" ресурсов, причем внесены не в основания ортодоксальных экономических теорий, — что потребовало бы их тотальной переработки, ревизии, — а просто добавлены к общей схеме, обсчитаны исходя из ее догм. Такие поправки не меняют ничего в основании экономической ортодоксии, они лишь добавляются к ней, как дополнительные факторы, не влияющие на корректность всей схемы. По этой причине экономика ресурсов, и тем более экология, оказываются на периферии основной магистрали развития ортодоксальной экономической мысли, учитываются эпизодически по мере необходимости. Более внимательное отношение к этим факторам неминуемо привело бы к ревизии самих основ этой ортодоксии.

Итак, экономическая ортодоксия представляет собой схематический редукционизм, в основе которого лежит абсолютизация экономического фактора, "экономизм".

Совершенно логично предположить, что гетеродоксией в таком случае будет в корне иной подход. То есть гетеродоксальная экономическая мысль исходит из базовой предпосылки, что экономическая реальность не является базовой, универсальной, основополагающей для идентификации общества, а "экономизм" не есть последний критерий в определении социальной значимости тех или иных явлений. Экономическая гетеродоксия отказывается от редукционизма и от "экономизма".

И здесь возникает любопытный момент: в XIX в. появился специальный термин для обозначения такого взгляда на общество, его устройство, логику его развития, его историю и его цели, который отказывается от "экономизма", утверждает в качестве приоритетной иную систему (или системы) критериев, гораздо более широкую, нежели "ортодоксия". Этот термин — "социализм".

Новый социализм — эвристика и традиции

Сегодня проблема нового определения социализма, экономики социалистического типа, стоит как важнейшая теоретическая и практическая задача не только перед Россией, тяжело страдающей от брутальной смены одной модели экономической ортодоксии на другую, но и для всего мира, где глобализация либеральной модели, ее абсолютная доминация порождает новейшие формы невыносимой эксплуатации, экономической колонизации, острейшей социальной несправедливости. Экономическая ортодоксия поставила человечество на грань экологической и социальной катастрофы, и причину этого можно распознать в том игнорировании множественных природных и культурных факторов, которое мы встречаем в самих истоках экономической мысли.

Социализм — понятый исторически, в отрыве от узко марксистской догматики, как антитеза "экономизму" — это направление научной мысли, призванное сформулировать выход из идеологического и экономического тупика, показать новые ориентиры к ответственному, справедливому и нравственному общественному устройству. Это вопрос не только адекватного проекта, но самого выживания человечества.

Важно заведомо направить теоретическую мысль, движущуюся в социалистическом направлении, в русло, свободное от догматизма, от незыблемых экономических аксиом. Сами основы экономического мышления должны быть подвергнуты ревизии, заново выявлены, разобраны и освещены. Доверие экономической ортодоксии слишком дорого стоит, чтобы сохранять его нетронутым и далее. Мы просто обязаны подвергнуть фундамент этой ортодоксии сомнению. И в этом традиция гетеродоксальной экономической теории окажет нам неоценимую услугу.

Не следует воспринимать это приглашение к свободной мысли по социалистическому вектору как некую голословную и лишенную содержания реальность, основанную на простом отторжении существующего положения в экономической науке. Напротив, мы должны лишь продолжить и расширить традицию, которая объективно существует, и в ходе развития которой были сделаны колоссальные по значимости открытия, наблюдения, выводы. Но приходит время сделать это более решительно, чем ранее, когда основное внимание экономической мысли было приковано к драматическому соревнованию двух ортодоксальных школ — марксизма и либерализма. Сегодня, когда марксизм проиграл, самое время всерьез обратиться к немарксистским моделям социализма, и именно из этой — ранее остававшейся на периферии — матрицы скорее всего родится новая гибкая и адекватная экономическая теория, призванная предложить человечеству в XXI веке спасительную альтернативу от того жесто-

кого, несправедливого и скрыто тоталитарного строя, которым является современный капитализм.

Поэтому для нас новым и весомым содержанием наполняются теоретические работы мыслителей, двигавшихся в этом направлении прежде или движущиеся сейчас. Из этих источников и из этих составных частей будет складываться и развиваться социалистическая мысль следующего столетия.

Это — стартовая черта новой фазы концептуального творчества.

Четырнадцать авторов

Генеалогия гетеродоксальных экономических теорий восходят в этико-философском аспекте преимущественно к немецкой идеалистической философии, особенно к Фихте. С точки зрения сугубо хозяйственной, огромное влияние на них оказали теоретики немецкого камерализма (фон Юсти, Зоннерфеедс и т.д.) Эта линия ведет к выдающемуся экономисту, ключевой фигуре всего этого направления — Фридриху Листу.

Фридрих Лист (1789-1846)

Проанализировав практическое применение либеральной теории на практике, Лист открыл следующий закон: "*повсеместное и тотальное установление принципа свободной торговли, максимальное снижение пошлин и способствование предельной рыночной либерализации на практике усиливает то общество, которое давно и успешно идет по рыночному пути, но при этом ослабляет, экономически и политически подрывает то общество, которое имело иную хозяйственную историю и вступает в рыночные отношения с другими более развитыми странами тогда, когда внутренний рынок находится еще в зачаточном состоянии*". Исторически Лист имел в виду наблюдения за катастрофическими последствиями для слаборазвитой, полуфеодальной Германии XIX века некритического принятия либеральных норм рыночной торговли, навязываемых Англией и ее немецкими лоббистами. Лист поместил либеральную теорию в конкретный исторический и национальный контекст и пришел к важнейшему выводу: вопреки претензиям этой теории на универсальность, она, на самом деле, отнюдь не так научна и беспристрастна, как хочет казаться; рынок — это инструмент, который функционирует по принципу обогащения богатого и разорения бедного, усиления сильного и ослабления слабого. Таким образом, Лист впервые указал на необходимость сопоставления рыночной модели с конкретными историческими обстоятельствами, а следовательно, перевел всю проблематику из научной сферы в область конкретной политики. Лист предложил ставить вопрос следующим образом: мы не должны решать "рынок или не рынок", "свобода торговли или несвобода торговли". Мы должны выяснить, какими путями развить рыночные отношения в конкретной стране и конкретном государстве таким образом, чтобы при соприкосновении с более развитым в рыночном смысле миром не утратить политического могущества, хозяйственного и промышленного суверенитета, национальной независимости.

И Лист дал ответ на этот вопрос. *Этим ответом явилась его знаменитая теория* "*автаркии больших пространств*". Лист совершенно справедливо посчитал, что *для успешного развития хозяйства государство и нация должны обладать максимально возможными территориями, объединенными общей экономической структурой*. Только в таком случае можно добиться даже начальной степени экономической суверенности. Для этой цели Лист предложил объединить Австрию, Германию и Пруссию в единый "таможенный союз", в пределах которого будут интенсивно развиваться интеграционные процессы и рыночные отношения. При этом он настаивал на том, чтобы внутренние ограничения на свободу торговли в пределах союза были минимальны или вообще отменены. Но по отношению к более развитому и могущественному англосаксонскому миру, напротив, должна существовать гибкая и крайне продуманная система пошлин, не допускающая зависимости "союза" от внешних поставщиков и ориентированная на максимально возможное развитие промышленно-хозяйственных отраслей, необходимых для обеспечения полной автаркии. Вопрос экспорта был предельно либерализирован и полностью соответствовал принципам "свободы торговли"; импорт же, напротив, подчинялся стратегическим интересам стран "таможенного союза" (Zollverein): второстепенные и не обладающие стратегическим значением товары и ресурсы допускались на внутренний рынок беспрепятственно, а пошлины на все, что могло бы привести к зависимости от внешнего поставщика и создавало бы тяжелые условия конкуренции для отечественных отраслей, напротив, искусственно и централизованно завышались.

Учение Листа получило название "*экономического национализма*". Именно Ф. Лист является основателем теории "*государственного протекционизма*". Хотя в определенных своих аспектах учение Ф. Листа носит либеральный оттенок, на практике оно применимо к экономическим системам различных типов. Самым важным в нем является историко-географическая и политическая коррекция "либерального универсализма", привязка экономической ситуации к конкретному политическому и таможенному пространству, что представляет собой шаг в сторону широко понятого социализма. Исторически идеи Листа были (с огромным успехом) применены в Германии в 1834 (создание "таможенного со-

юза"), позже его теориями вдохновлялись граф Сергей Юльевич Витте, Вальтер Ратенау и Владимир Ленин периода НЭП.

Граф Витте написал специальную работу "Национальная экономика и Фридрих Лист": "Мы, русские, — писал он, — в области политической экономии, конечно, шли на буксире Запада, а потому при царствовавшем в России в последние десятилетия беспочвенном космополитизме нет ничего удивительного, что у нас значение законов политической экономии и житейское их понимание приняли нелепое направление. Наши экономисты возымели мысль кроить экономическую жизнь Российской империи по рецептам космополитической экономики. Результаты этой кройки налицо". Главный вывод Витте состоял в том, что общие экономические принципы непременно должны "получить видоизменение, соответствующее различным национальным условиям"*.

В той степени, в какой современная Россия говорит о "поддержке национального предпринимателя" ("об обучающем протекционизме"), она следует в этом за мыслью Сергея Витте и Фридриха Листа.

Жан Шарль Симонд де Сисмонди (1773-1842)

Швейцарский экономист Сисмонди разработал теорию, на основании которой позднее развились многие более современные социалистические учения. Сисмонди жестко критиковал теорию Адама Смита, доказывая, что автономная логика развития либеральной экономической модели не приведет автоматически к повышению благосостояния граждан, так как динамика роста спроса будет серьезно опаздывать за ростом предложения, порождая кризис перепроизводства. Маркс обильно цитировал Сисмонди как своего предшественника в "Нищете философии".

Самое главное теоретическое утверждение Сисмонди состоит в формуле, ставшей основным законом любой экономической модели, хотя бы отдаленно напоминающей социализм. Подоходный налог и налог на наследуемую собственность (шире, другие виды налогов) должны быть основным инструментом перераспределения. Такое перераспределение может производиться как в национально-государственном, так и в общественном масштабе, способствовать решению государственно-стратегических и социальных вопросов одновременно. Развивая линию Сисмонди, можно прийти как к классическому социализму, так и к этатистским теориям, к моделям экономики национального типа.

Вообще говоря, у истоков социалистической мысли забота о процветании государства, нации и общества еще не разделена, как в последующих, более догматических учениях. Это очень важная черта: изначальный социалистический импульс не дифференцирует жестко конкретных граждан и органические коллективы от политических и административных образований. В ортодоксальной экономической теории такое "неразличение" рассматривается как архаическая черта, как недостаток "прогресса". С интересующей нас точки зрения "гетеродоксии", все наоборот. Сведение воедино проблемы сбора налогов и функции перераспределения средств в обществе представляется весьма продуктивной.

Полноценное развитие концепций Листа и Сисмонди осуществлялось в Немецкой Исторической Школе (Вильгельм Рошер, Бруно Гильдербрандт, Карл Книс, Ингрэм). Выдающимся теоретиком этого направления был Густав Шмоллер, лидер "кафедральных социалистов" (Verein fur Sozial-politik), также Луиджи Брентано, Карл Бюхер, Адольф Хельд, Г.Ф. Кнапп и их последователи.

Густав Шмоллер (1838-1917)

Одновременно с марксистской концепцией получила распространение теория возникновения классов на основе разделения труда и образования профессий.

Видным представителем этого направления был Г. Шмоллер. Он видел причину классовой неоднородности общества в расовых, профессиональных и имущественных различиях между людьми. При этом, профессиональным различиям придавалось решающее значение. Шмоллер считал, что неравномерное распределение собственности и материальных благ является результатом профессиональных различий.

Противоречия между предпринимателями и наемными рабочими возникают только потому, что они принадлежат к разным профессиональным группам. По мнению Шмоллера, профессиональная принадлежность играет решающую роль в деле формирования национального характера. Появление профессий внутри народов создает при известных условиях особые разновидности в народном характере, которые путем наследственной передачи переходят из поколения в поколение. Благодаря этому образуются расхождения в условиях труда, способе жизни. С прогрессирующим разделением труда духовная и физическая приспособленность к определенного рода деятельности настолько развивается, что дети зачастую продолжают профессию отцов, выбирают жен из одного и того же круга родственных профессий. В итоге вырабатывается определенный вид воспитания, нравственности и привычек, что во всей совокупности своей способствует закреплению типических классовых черт.

Такой подход контекстуализирует экономическую теорию, заставляет ввести в логистический аппарат экономических теорий как самостоятельные параметры национальные, культурные и профессиональные признаки.

Шмоллер заложил основы социологического подхода к экономике.

Макс Вебер (1864-1920)

В том же направлении, параллельно экономисту Шмоллеру, формулировал социологическую теории экономики знаменитый Макс Вебер.

Макс Вебер предложил рассматривать экономическую структуру общества в чисто социологической перспективе, показывая, что хозяйственный уклад есть ничто иное как проекция определенных философских, религиозных, метафизических и культурных установок, т.е. не самостоятельная реальность, обладающая автономной и внутренней логикой (как считают представители "экономической ортодоксии"), но производная от внеэкономических социальных факторов.

Такой подход заставляет отнестись к анализу хозяйственного уклада как к структуре, являющейся воплощением комплекса этических и философских установок. Либеральную модель хозяйства и ее отражение и закрепление в теориях Смита и Рикардо Вебер идентифицирует как материализацию "протестантской этики", локализуя тем самым капитализм и его наиболее прогрессивные формы исторически, национально, религиозно. Само такое утверждение лишает ортодоксальные экономические теории их претензии на универсализм, заставляет строго сопрячь конкретную систему хозяйства и ее философию с культурно-историческим контекстом.

Сам Вебер не делает из своей теории радикального вывода, который, тем не менее, сам собой напрашивается: *развитие капиталистических отношений несет в себе — в секуляризированном виде — идеологический комплекс, связанный с универсализацией автономизированной* "*протестантской этики*".

Этот вывод крайне важен при разработке теоретических моделей, призванных релятивизировать или вовсе отбросить "экономическую ортодоксию" как необоснованную абсолютизацию и догматизацию в сущности локального (исторически, теологически и географически) феномена.

Вернер Зомбарт (1863-1941)

Развивая подход М.Вебера, В.Зомбарт применил его еще более широко, распознав предпосылки буржуазного строя уже в католичестве, в логике отношения индивидуального и общественного, в понимании частной собственности у Фомы Аквинского (шире, у всех схоластов).

Зомбарт выделял два социологических типа, воплощающихся в хозяйственной деятельности — тип торговца (посредника) и тип предпринимателя (созидателя, производителя, организатора). В "экономизме" и классической экономической ортодоксии Зомбарт видит абсолютизацию подхода к хозяйству именно посредника. Экономическая теория, свойственная типу "производителя", по Зомбарту, должна быть совершенно иной, более многофакторной и представлять собой вариант "национального социализма".

По Зомбарту, социально ориентированная экономика должна отражать типологические черты "героя", "деятеля", "созидателя", тогда как экономическая ортодоксия имеет в своей основе типологию "торговца". Марксизм и ортодоксальный социализм Вебер критикует за то, что они соглашаются с основными теоретическими предпосылками классической политэкономии (которую Ф. Лист, кстати, называл "классической космополитэкономией"), а не показывают их произвольность и культурно-религиозную взаимосвязь со специфическим типом цивилизации.

Жозеф Прудон (1809-1865)

Вне рамок марксисткой ортодоксии остался выдающий французский мыслитель Жозеф Прудон, оказавший огромное влияние на всю линию гетеродоксальной социалистической традиции. Традиция французского социализма считает Прудона классиком и отцом-основателем. Чаще всего его взгляды квалифицируются как анархизм.

Подход Прудона основан на двух постулатах: тотальное отвержение либеральной модели, традиции Смита-Рикардо (на основании разоблачения фундаментальной несправедливости, которая, согласно Прудону, лежит в основе капиталистического подхода и частной собственности — его знаменитое "Propriete? C'est le vol") и жестокая критика государственного социализма, любого участия Государства в перераспределении. С точки зрения Прудона, социализм и справедливое перераспределение добавочного продукта могут иметь реальное значение только тогда, когда они осуществляются в рамках небольшой конкретной трудовой общины, где процесс распределения сопряжен с реальным соучастием всех членов в выборе и определении пропорций такого распределения. Прудон всячески стремился избежать угрозы отчуждения, которая, по его убеждению, неминуемо возникает всякий раз, когда в дело распределения вступает расчетный бюрократический механизм, выходящий за рамки конкретной общины.

Прудон видел будущее социальное устройство состоящим из значительного числа трудовых общин (ячеек), федерированных на демократическом основании. Каждая из ячеек должна быть самоуправляема и обмениваться с другими ячейками произведенной продукцией на солидарной, безденежной основе. В начале же процесса построения солидарного общества должен быть создан "Народный банк", спонсирующий деятельность рабочих коопераций. Согласно Прудону, это будет банк "социальной экономики" как основной инструмент федерирования трудовых общин в национальное целое.

Теория Прудона получила название "общинного социализма" ("le socialisme communautaire").

Эта теория тем более привлекательна и актуальна, что содержащаяся в ней критика "государственного социализма" и отчуждения при редистрибуции с применением административного управленческого аппарата блестяще подтвердилась в трагическом факте деградации и исчезновения советской системы, представлявшей собой образец реализации проекта "догматического социализма".

Теории Прудона весьма соответствуют общинной организации хозяйства традиционных обществ.

Сильвио Гезелль (1862-1930)

Другим крупнейшим теоретиком атипичного социализма является немецкий мыслитель и экономист Сильвио Гезелль.

Теория Гезелля основана на концептуализации следующего наблюдения за конкретной особенностью устройства современного капиталистического общества. — Любые конкретные материальные объекты, находящиеся в частной собственности, являются постоянным источником дополнительных трат и объектом приложения трудовых усилий. Собственность нуждается в уходе, подлежит амортизации, стареет, изнашивается, требует для поддержания своего существования труда и финансовых вложений. По контрасту с этим деньги и их существование следуют обратной логике. Это единственная хозяйственная реальность, которая не требует для своего поддержания затрат, и наоборот, будучи пущенной в оборот, самим фактом своего существования приносит прибыль (банковский процент). Начальная стоимость капитала, воплощенная в товаре, требует дополнительного производственного процесса для того, чтобы сохраниться. С деньгами наоборот: денежный капитал — в нормальном случае — не обесценивается сам по себе, а прирастает.

Отсюда Гезелль делает вывод о постоянно возрастающей диспропорции между финансовым капиталом и реальным капиталом, воплощенным в вещах ("товарным покрытием"), и предсказывает возникновение чисто спекулятивной "финансовой экономики", "финансизма", которые полностью подчинят абстрактной биржевой фондовой игре сектор реального производства, что будет способствовать усилению социального неравенства, появлению отраслевых диспропорций и деградации хозяйственной системы. Иными словами, Гезелль делает вывод о "пирамидальной природе денег". Кстати, это предсказание полностью сбылось в системе новейшей экономики.

Чтобы остановить этот негативный процесс, Гезелль предлагает поставить финансовый капитал в равное положение с "капиталом физичес-

ким". Это предполагает введение "свободных денег" (Freigeld). Такие "свободные деньги" по истечении определенного срока должны терять часть своей стоимости, поэтому держатель денег будет вынужден стараться как можно скорее от них избавиться, вкладывая их в реальное производство, тем самым стимулируя и интенсифицируя его.

В 1932 в Австрии в местечке Worgl эта система была с потрясающим успехом протестирована на местном уровне. Повторный эксперимент длился два года в Швейцарии в Линьер-ан-Берри (1956-1958) и также дал позитивный результат, взлет промышленного производства и т.д. Обе попытки были искусственно пресечены вмешательством федеральных властей, увидевших в таком подходе угрозу всей финансовой системе, основанной на "ортодоксальной" логике.

Ценность теории Сильвио Гезелля особенно наглядна для тех, кто воочию столкнулся с пирамидальными финансовыми структурами, с разрушительными последствиями финансовой экономики и портфельных инвестиций. Общий принцип Гезелля: *деньги, которые не вкладываются в реальные товары и предметы — в реальный сектор экономики, не просто не способствуют развитию этой экономики, но ее разрушают,* является совершенно корректным законом, в справедливости которого каждый может убедиться.

Дж. Кейнс (1883-1946)

Крупнейший экономист века Дж. М. Кейнс с огромным интересом отнесся к концепции С. Гезелля. Знаменитое кейнсианское утверждение о позитивной функции инфляционного процесса для развития реального сектора производства является смягченной версией "свободных денег" Гезелля. Постепенная и незначительная инфляция валюты стимулирует вкладывание денег в товары и способствует развитию реального сектора экономики.

Другой важнейшей линией теории Кейнса является теория "экономической инсуляции". Для Кейнса культурно-исторический фактор не столь важен. Он оперирует с довольно прагматическими категориями, но его вывод приводит к необходимости *ограниченного регулирования экономики со стороны государства и ориентации на промышленно-экономическую автаркию*. Кейнс не рассуждает в терминах "культуры" или "нации", его интересуют исключительно соображения экономической эффективности, но именно исходя из этих соображений, он в значительной степени сближается с позициями Листа и Сисмонди.

Концепция Кейнса может быть квалифицирована как либерал-капиталистическая. Но при этом она фокусируется на описании тех явлений, которые выходят за рамки классической либеральной школы, признает важ-

ность "таможенного союза", протекционизма, относительного "дирижизма". Можно сказать, что теория Кейнса — это наиболее серьезная и обоснованная попытка уйти от логики экономической ортодоксии, не порывая с ней окончательно. В каком-то смысле, Кейнс (как, впрочем, и Гэлбрэйт, но с другой стороны) представляет собой промежуточный вариант между экономической ортодоксией и экономической гетеродоксией.

Показательно, что в контексте современного победившего либерализма (причем в его экстремальной чикагской версии) теории Кейнса воспринимаются как "коммунизм".

Йозеф Шумпетер (1883-1950)

Крайне интересны взгляды Й. Шумпетера на обреченность либерал-капиталистической модели. Й. Шумпетер был убежден, что развитие капитализма постепенно приводит к отказу от "духа предпринимательства", лежавшего в основе буржуазной системы. Происходит "механизация" предпринимательства, от принципа личной конкуренции осуществляется переход к соревнованию элит и усилению вмешательства государственного сектора в экономику.

Шумпетер предрекает перерождение капиталистической системы в госсоциализм, обнаруживает в современной ему картине экономического развития западных стран многие "нелиберальные" черты.

Можно сказать, что теоретическое наследие Шумпетера позволяет наметить и осмыслить те эволюционные пути, следуя которым либеральное общество может мутировать в сторону социалистического или социал-демократического.

Очень содержательна критика Шумпетером классической политэкономической теории, его полемика с Кейнсом, его акцент на социологическом измерении хозяйственных процессов.

Шумпетер ввел в экономическую науку разграничение между понятиями "экономический рост" и "экономическое развитие". Разница такова:

"*Поставьте в ряд столько почтовых карет, сколько пожелаете — железной дороги у Вас при этом не получится*". (Й. Шумпетер)

Экономический рост — это увеличение производства и потребления одних и тех же товаров и услуг (в частности, почтовых карет) со временем.

Экономическое развитие — это прежде всего появление чего-то нового, неизвестного ранее (например, железных дорог), или, иначе говоря, инновация.

Инновация включает пять случаев:

— Создание нового товара, с которым потребители еще не знакомы, или нового качества товара.

— Создание нового метода производства, еще не испытанного в данной отрасли промышленности, который совершенно не обязательно основан на новом научном открытии и может состоять в новой форме коммерческого обращения товара.

— Открытие нового рынка, то есть рынка, на котором данная отрасль промышленности в данной стране еще не торговала, независимо от того, существовал ли этот рынок ранее.

— Открытие нового источника факторов производства, опять-таки независимо от того, существовал ли этот источник ранее или его пришлось создать заново.

— Создание новой организации отрасли, например, достижение монополии или ликвидация монопольной позиции.

В обществе, переживающем экономический рост, товары и деньги движутся навстречу друг другу по давно установившимся путям. Шумпетер называл такое движение "циркулярным потоком экономической жизни". Экономическое развитие нарушает ход циркулярного потока, вызывает к жизни новые отрасли промышленности и прекращает существование устаревших. Например, изобретение автомобиля привело не только к созданию автомобильной промышленности, но и к очень значительным изменениям в производстве стали, резины и стекла. В то же время автомобиль "похоронил" конные заводы и шорные фабрики — разведение лошадей и изготовление упряжи для них из промышленности превратилось в полукустарное ремесло.

Однако экономическое развитие не может происходить непрерывно просто потому, что новые идеи появляются не каждый день. Инновация, а с ней и экономическое развитие, носит *прерывистый характер*. Именно прерывистым характером инновации Шумпетер объяснял экономический цикл.

Для нового социализма концепция "экономического развития" (противопоставленная "экономическому росту") имеет большое значение, поскольку привносит *качественное измерение* в экономическую модель и показывает значение *инновационного потенциала*, способного в определенных случаях компенсировать отсутствие значительного "экономического роста" или даже "экономическую деградацию".

Франсуа Перру

Последователь Шумпетера француз Франсуа Перру продолжил линию на контекстуализацию экономики, выдвинув теорию "очагов роста".

С его точки зрения, развитие каждой конкретной хозяйственной и промышленной системы тесно сопряжено с некоторыми локальными точками, "полюсами", которые за счет своего особого положения, специфичес-

кой инфраструктуры, социального и культурного профиля становятся *очагами развития* всей хозяйственной системы.

"Полюса роста" по определению — это агломерации предприятий, сконцентрированных в определенных местах, где экономический рост, предпринимательская активность, инновационный процесс отличаются наибольшей интенсивностью, оказывая влияние на другие территории, которые не входят в "полюса". Это и есть "поляризованное" развитие.

Концепция "поляризированного" развития была подхвачена многими бурно развивающимися странами (в частности, Тихоокеанского региона), так как давала возможность дифференцированно организовывать хозяйственное пространство, делая упор на отдельные компактные зоны, в то время как остальные — слабо развитие — территории, получали поддержку и экономические ресурсы развития от "полюсов".

Серж Кристоф Кольм

Этот автор критикует экономическую ортодоксию, показывая теоретическую недостаточность анализа основных хозяйственных процессов как в либерализме, так и марксизме. С его точки зрения, в обоих случаях фактическое положение дел в экономическом развитии определенных обществ в определенную эпоху неадекватно берется за основание для глобальных обобщений. Кольм утверждает, что следует относиться к человеку как к меняющейся социо-экономической инстанции, способной к качественному, а не только количественому развитию.

Кольм настаивает на превалировании социальных услуг как "этической парадигмы экономики".

Большое значение Кольм уделяет "экономики дара", развитой в традиционных обществах (тема разобрана у французских философов-структуралистов М. Мосса, Ж. Батайя, М. Фуко, Ж. Делеза, Г. Дебора), подчеркивает необходимость учета экологических факторов.

Николас Жоржеску-Реген (1906-1994)

Ученый румынского происхождения Жоржеску-Реген — ученик Йозефа Шумпетера. Он развил теорию "биоэкономики", основанную на принципе учета ограниченности ресурсов и экологических последствий индустриального развития. Жоржеску-Реген утверждает, что в области минеральных ресурсов (которые в отличие от растительных и животных не восстанавливаются) действует физический закон энтропии.

Разделяя вслед за Шумпетером "экономическое развитие" и "экономический рост", он идет еще дальше и *противопоставляет эти понятия,* рассматривая "экономический рост" как отрицательную в конечном итоге характеристику, приводящую экосистему к необратимой деградации.

Жоржеску-Реген настаивает на необходимости "экономического спада" для того, чтобы экосистема земли могла выжить и развиваться гармонично.

Жоржеску-Реген предупреждает: "мечта о бесконечном экономическом росте рано или поздно обернется кошмаром".

Мишель Альетта

Современный социолог и специалист в теории систем Мишель Альетта с группой последователей разработал "теорию регуляции" или "регуляционизм". С точки зрения этой теории, общество и особенно его экономический сектор следует изучать на основании той модели регулирования, которая ему присуща.

"Регуляционисты" показывают, что капиталистическое общество на разных этапах своего развития применяет различные модели хозяйственной регуляции — конкурентная регуляция, монополистическая, регуляция с помощью экстенсивной, интенсивной или прогрессивной аккумуляции.

С 30-х годов западное общество, по мнению М. Альетта, приоритетно опиралось на "фордистскую" модель регуляции, которая исчерпала свою применимость к настоящему времени. Альетта жестко критикует либералов за несостоятельную идею *возврата к конкурентной регуляции*, которая не соответствует новым параметрам развития общества.

В теории "регуляционизма" особенно интересны критика современного либерализма (вывод о регрессивной роли для экономики классических либеральных рецептов) и развитые концепции *альтернативных экономических систем,* ставящих акцент на новых моделях перераспределения доходов, гибкой формы управляемой адаптации производственного процесса к новым открытиям в биотехнологиям, информатике, коммуникационных средствах.

Клиффорд Дуглас

Клиффорд Дуглас — автор экономической теории "социального кредита". С точки зрения Дугласа, большинство экономических проблем сводится переходу от концепции кредита как дела частных банков *к кредиту как равномерно распределенному по всем членам общества социальному достоянию*.

Дуглас (в книге "Монополия кредита") предлагает следующие конкретные шаги.

Необходимо создать добавочную покупательную способность в форме беспроцентного кредита, что уравновесит платежные средства с объемом предложения. Для этой цели Центробанк должен быть наделен правом денежной эмиссии.

Эта дополнительная покупательная способность должна проистекать не из дополнительных затрат, но из новых кредитов, связанных с новым производством; этот кредит аннулируется после потребления и обесценивания продукции.

Социальный кредит должен быть распределен, с одной стороны, в форме дивидендов в каждой семье, считая по количеству людей, независимо от трудовых доходов, уровня расходов и размера собственности, а с другой — в форме компенсаций, предоставляемых предприятиям, которые соглашаются снизить отпускные цены. В такой ситуации покупательная способность постепенно будет все меньше и меньше зависеть от заработной платы, а развитие производства постепенно приведет к тому, что дивиденды серьезно эту заработную плату потеснят.

Легко понять, что концепция "социального кредита" является смелой теорией откровенно социалистического типа. Показательно, что эта теория нашла много сторонников в Канаде, причем из числа политиков и экономистов консервативного направления. Здесь мы видим ту конвергенцию "левого" и "правого", о которой говорилось выше.

Все эти авторы и школы в совокупности представляют собой целый спектр учений, расположенный *между крайним либерализмом и ортодоксальным марксизмом*. Но при этом важно подчеркнуть, что они отнюдь не являются простым *компромиссом* между либерализмом и марксизмом, неким промежуточным, средним вариантом. Весь этот теоретический комплекс основан на совершенно инаковых и самодостаточных мировоззренческих и научных предпосылках, и поэтому может быть рассмотрен потенциально как нечто самостоятельное и законченное.

И все же применение подобных принципов на практике равнозначно созданию такого типа хозяйствования, который будет иметь в себе элементы обоих ортодоксальных моделей (капитализма и социализма), только взятых в отрыве от их идеологических предпосылок, от их "экономизма".

Основные теоретические принципы неортодоксального социализма

Легко сформулировать теперь обобщающие положения, которые укажут направление для разработки теории нового социализма.

Контекстуализация

Экономическое устройство общества должно естественно вытекать из его *исторической, культурной, этнической, географической, религиозной и государственной специфики,* корениться в конкретике его традиционных институтов. Общая оценка уровня хозяйственного развития общества должна включать в себя качественные (не связанные с логикой обмена

и торговли) параметры — синтетический индекс, учитывающий культурные, психологические, гигиенические и образовательные факторы.

Культуроцентрический плюрализм хозяйственных форм

Между принципом экономической свободы отдельных субъектов (обеспечивающим хозяйственную динамику) и рычагами социального регулирования должен быть найден баланс, природа и объем которого устанавливаются не произвольно, но исходя из исторической и географической конкретики.

Синтез конфликтологического и балансного подходов

Между принципом "борьбы"(марксизм) и принципом "равновесия" (либерализм) должно быть найдено *промежуточное решение:* например, равновесие на общесоциальном (государственном, национальном) уровне и динамичная конфликтность на уровне классов, профсоюзов или отдельных социальных секторов.

Социологизм, гуманизм и квалитатизм экономической системы

Экономическая модель должна быть рассмотрена как *функция* от социологической модели, что предполагает акцент на факторе "экономического развития" (по Й. Шумпетеру), "качественного измерения", "этической ориентации хозяйства". На практике необходимо предоставить для индивидуумов и коллективов, не желающих интегрироваться в экономическую систему, основанную на конкурентном принципе, возможность обратиться к *альтернативным структурам* внеденежного обмена, к социальным организмам, основанным на взаимопомощи, кооперации, ассоциации, общинности и т.д.

Мезоэкономизм, коллективная конкретизация

Постоянный акцент, падающий не на микроэкономический уровень (как в либерализме), и не на макроэкономический уровень (как в госсоциализме), а на *мезоэкономический срез,* что подразумевает поощрение плюральных экономико-социальных институтов, выходящих за уровень частного сектора, но и не подлежащих прямому государственному регулированию.

Автоцентричность, широко понятый регионализм

Широко понятая *регионализация* экономики, поощрение и приоритетное развитие структур, связанных принципом территориальной близости (от локального до континентального масштабов), стремление к сельскохозяйственной автаркии, протекционизм производственного сектора в целях повышения уровня его развития в контексте мировой конъюнктуры, учреждение публичных фондов для создания привлекательных полюсов фундаментальных исследований и высоких технологий.

Экологизм, амбиентализм

Экономические модели должны включать в качестве основных вводных параметров не только количественные факторы (как в классических теориях), но и *качественные* — такие, как стоимость ограниченных планетарных ресурсов, стоимость экологических последствий промышленного производства, вред, наносимый вследствие хозяйственной деятельности окружающей среде.

Интеграционизм, таможенный союз континентального масштаба

Императив "*автаркийности больших пространств*" (термин Ф.Листа), тяготение к объединению плюральных мезоэкономических систем в общий пространственный блок с единой таможенной структурой и общей валютой.

Дифференциализм

"*Социализм разных скоростей*", гибкая шкала соотношений между частным и общественным уровнем в рамках одного и того же государственного образования в зависимости от особенностей его секторов.

Таковы самые общие черты экономической модели, которую можно отнести к *новому социализму*. Если основной закон либерализма и капитализма — закон рынка, а главный принцип догматического социализма — план, то главным законом альтернативной теории нового социализма будет принцип "*зависимости экономики от общества*" или "*закон социологичности экономики*".

сентябрь, 2000 г

А. Г. Дугин

ЭКОНОМИКА: ЧЕТВЕРТАЯ ЗОНА

Экономика — это не более чем язык

Сегодня многие убеждены, что экономика — это судьба, что это реальность в себе, предопределяющая все остальное и служащая универсальным шифром к пониманию важнейших исторических процессов. Противники такого узкого подхода склонны, в свою очередь, принижать значение экономики, игнорировать ее закономерности, отмахиваться от ее императивов. Обе позиции неконструктивны.

На самом деле, экономика не что иное, как язык. И на этом языке можно выразить самые разные идеи и послания.

Определение геоэкономики

Среди экономических теорий, выражающих в специфической манере целый веер подспудных мировоззренческих позиций, есть такие, которые считают экономические закономерности чем-то универсальным и всеобщим (таковы либерализм и марксизм). Но есть и другие модели, неразрывно связывающие экономику с иными факторами — историческими, культурными, этническими, религиозными, социальными и т.д. Все эти теории могут быть обобщенно названы "экономикой третьего пути" или "гетеродоксальной экономикой", так как "ортодоксальными" до последнего времени считались только либеральный и марксистский подходы.

Среди "гетеродоксальных" моделей наиболее интересными являются те, которые *связывают экономику с пространством, с географией,* и в конечном счете, с геополитикой как универсальной дисциплиной, исследующей влияние пространства на историю цивилизаций. Такие теории получили название "*геоэкономики*". В них экономическая модель связывается со спецификой исторического пространства каждого конкретного народа и государства.

Можно сказать, что геоэкономика — это составной язык, в котором совмещаются элементы традиционных экономических концепций с чисто геополитическим аппаратом.

Геоэкономика основана на следующем принципе: *конкретное историческое место применения экономических моделей на практике влияет на всю экономическую систему, подстраивая ее под уникальную цивилизационную среду*. Таким образом, в любые экономические модели вносятся существенные поправки, делающие каждый конкретный слу-

чай существования экономической системы уникальным и особым. Особые случаи затем обобщаются и возникает *цельная и органичная типологическая система*.

Заметим, что современная геоэкономика восходит к таким теоретикам, как немец Фридрих Лист и американец Дж.М. Кейнс. Каждый из них посвоему сформулировал принцип своеобразия экономических зон. Лист говорил об "автаркии больших пространств", Кейнс об "экономической инсуляции", т.е. о построении экономических систем по "островному принципу" ("инсула" — по-латински "остров").

Три зоны и Трехсторонняя комиссия

В настоящий момент геоэкономическая картина мира представляет собой три гигантские экономические зоны — американскую, европейскую и тихоокеанскую. В соответствии с таким делением в середине 70-х годов крупнейшими интеллектуальными фондами и финансовыми транснациональными корпорациями капиталистического мира была создана Трехсторонняя комиссия, призванная регулировать сложнейшие отношения между этими тремя мирами. В руководство комиссии вошли, соответственно, представители США, Европы и Японии.

Каждая из трех геоэкономических зон является в значительной степени самостоятельной и ограниченной, автаркийной, конкурирующей с другими зонами. Но они не однородны в качественном смысле. Американская зона является среди них главенствующей. Не столько по экономическим показателям, сколько по стратегическим и политическим — только США обладает ядерным оружием и выступает поэтому как политико-силовой гарант всей мировой капиталистической системы. Две другие зоны находятся в отношении США в полувассальном положении и обязаны подчинять логику развития своих чисто экономических процессов внешней стратегической воле США.

Эта закономерность воплощена в структуре Трехсторонней комиссии, бессменным председателем которой является американец — Дэвид Рокфеллер ("Чэйз Манхэттен банк"), главные же интеллектуальные кадры тоже представлены США: это знаменитые Генри Киссинджер, Збигнев Бжезинский и аппарат их научных фондов.

В этой картине наглядно видно, что капиталистический мир только внешне кажется однородным рыночным полем, сплошным "открытым обществом". На самом деле, его структура определяется геополитическим, цивилизационным проектом: США, оказавшиеся главными победителями во Второй Мировой войне, стратегически подчинили себе в экономическом смысле две другие геоэкономические зоны — европейскую (сложившуюся, в основном, вокруг Германии) и азиатскую (организованную вокруг Японии). При этом обе эти зоны вынуждены были платить США своего рода "ядерный налог", отдавая дань за американскую функцию "защиты мирового капитализма".

Обреченная Родина

После падения социалистического лагеря геоэкономическая картина мира резко изменилась. На месте стран с социалистической экономикой, занимавших положение в сердце Евразии, возник определенный вакуум. Вся трехзоновая система была выстроена таким образом, чтобы конкурировать с СССР и сдавливать его с Востока и Запада. Когда разрушительная цель была достигнута, в общей системе произошло смещение равновесия.

Стратеги Запада и идеологии Трехсторонней комиссии постепенно пришли к выводу, что возникшие на месте СССР новые государства с рыночно ориентированной экономикой, выступая единым блоком, представляют собой колоссальный дестабилизирующий фактор для всей системы, лишают США логического обоснования их стратегического главенства, делают оправданным стремление двух других геоэкономических зон к полной независимости от атлантистского кураторства.

Было принято решение активно способствовать экономической дезинтеграции стран СНГ, ослаблению экономического единства внутри самой РФ, а далее и политической фрагментации евразийских государств. Этот проект озвучен в знаменитой статье Бжезинского "Геостратегия для Евразии". Речь идет о необходимости расчленения России и о постепенном включении ее различных частей и других стран СНГ в три существующие зоны, которые таким образом расширят свои ареалы влияния.

На геоэкономическом языке этот проект приговора, вынесенного РФ и СНГ, называется "верностью концепции трех геоэкономических зон". На чисто экономическом языке синонимом такого проекта является формула "углубления либеральных реформ".

В традиционной для капиталистического мира модели у России, СНГ и Евразии просто нет своего места. Это не злая воля каких-то мифических "тайных организаций", это простая и ясная логика геоэкономического устройства нашей планеты на рубеже второго тысячелетия. И этому обучают в высших западных колледжах, а не за плотными покровами масонских ателье.

Патриотическая идея в экономике

Патриотический проект вполне может быть сформулирован и на гео-

экономическом языке, с той же ясностью, с какой он формулируется в политике. Здесь задача однозначна: *четвертая экономическая зона*.

Будущее России, будущее Евразии как самостоятельного и независимого "острова", "континента" зависит от того, сможем ли мы отстоять сейчас *процессы экономической интеграции в рамках СНГ и сохранить в целостности экономические связи в самой России*.

Полной национальной изоляции в нашем мире быть не может. И чем шире будет евразийская экономическая зона, тем более выгодно это в далекой и средней перспективе, несмотря на временные издержки, которые могут возникнуть из-за включения в единый таможенный союз некоторых бедных стран СНГ. Очевидно, что патриотические мотивы в российской политике сразу же наталкиваются на активное противодействие Запада. Это влияет не только на западные СМИ в их отрицательной оценке патриотической оппозиции, но и на образ самого современного и колеблющегося, в целом, прозападного российского истэблишмента, который постепенно также представляется на Западе во все более негативном свете.

В такой ситуации — при том, что мы не можем взять курс на прямую политическую и идеологическую конфронтацию с Западом — важнейшей сферой действия является экономика, особенно в геоэкономическом ключе. Если западной общественности стратеги Трехсторонней комиссии еще могут объяснить, почему они жестко реагируют на изменения российской политики в национальном духе, то разумно оправдать жесткое сопротивление чисто экономическим интеграционным процессам в Евразии им будет гораздо сложнее.

Раз экономика это только язык, патриотическая идея может быть точно сформулирована и на этом языке.

Ядерный фактор

Если Россия сумеет собрать четвертую геоэкономическую зону — развивая линию "договора 5" о таможенном союзе (Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) — вся картина мира изменится. Сохранение у нас ядерного потенциала поставит европейскую и тихоокеанскую геоэкономическую зоны перед новым выбором. А так как чисто идеологические мотивы в данном случае будут отсутствовать, совершенно не очевидно, что выбор будет сделан в пользу США, которые в отношении двух структурообразующих держав этих геоэкономических зон (Германия для Европы и Япония для Тихоокеанского ареала) выступают как "победители" и "оккупанты", осуществившие некогда политическую кастрацию этих могущественных держав, вынужденных отныне вкладывать свой исторический потенциал только в экономику. Геоэкономически интегрированная Евразия может стать источником колоссальных мировых трансформаций, инициировать процесс геополитического освобождения иных зон из-под американского кураторства.

Больше всего США боятся пролиферации Россией ядерного вооружения. Особенно в отношении тех государств, которые отказываются слепо подчиняться американскому геополитическому и геоэкономическому диктату. Следовательно, именно это нам и надо делать.

Обрекающие нас на смерть больше всего боятся, что мы останемся живы. Это естественно. Но если мы все же хотим жить, приглядимся внимательней — чего конкретно так опасается безжалостный палач?

1998 г

А. Г. Дугин

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ
(доклад на международной финансовой конференции "Глобализация и вероятный кризис мировых резервных валют", февраль 2001 г.)

Мировая резервная валюта: генезис

Вопрос: является ли современная мировая резервная валюта — доллар — результатом совокупности чисто экономических процессов? Ответ однозначен: НЕТ.

Как так случилось, что именно доллар играет эту роль?

Очевидно, что развитие экономики и, в частности, финансовой системы, как стержня современной экономики, проходит в многомерном контексте. Бегло посмотрим на этапы суверенизации доллара.

Этапы возвышения США

США стали планомерно двигаться к единоличной доминации на мировом рынке уже с 1919 года.

"Первыми конкурентами, которых следовало обойти, были англичане, чье политико-экономическое присутствие простиралось на всю планету. Американские операции последовали одна за другой. Английские военные базы исчезли с Бермудов, Ямайки, Антигоа, с Багам, Санта-Люсии и Гианны, а на их месте появились американские военные базы. В Исландии и Гренландии также появились американцы, хотя, ранее эти страны находились в английской зоне влияния. США предоставили Англии огромные кредиты (проценты от которых были еще баснословнее), получив доступ к ключевым финансовым и торговым сферам. Усиление политического альянса с Канадой, контроль за английским капиталом, помещенным в американские предприятия, инфильтрация в Сингапур, на западное побережье Африки и вплоть до Персидского залива (острова Бахрейн)... Дело дошло даже до совсем неслыханного вмешательства в дела суверенного государства — представитель президента Рузвельта, Гарри Гопкинс, присутствовал при закрытых заседаниях английского кабинета министров..."

Процесс "деколонизации", вдохновляемый Штатами, был на самом деле путем установления американской колониальной гегемонии.

В 1945 году *главным победителем в мировой войне стали США*. Единственный конкурент США, Советский Союз, был измотан страшной пятилетней войной на своей территории и ослаблен потерей миллионов человеческих жизней.

Ялта, помимо очевидного раздела мира между США и СССР и порабощения Америкой Западной Европы, означала еще и "вытеснение" с планетарной политической сцены "европейских" союзников (Черчилль особенно подчеркнул это). Отныне на мировом рынке США властвовали единолично. Им оставалось лишь перемоделировать этот мировой рынок по своему образцу и извлечь из него максимальную выгоду.

" *В 44-ом все западные экономисты, как либералы, так и марксисты, предсказывали неизбежный кризис американской промышленности, связанный с неизбежной перестройкой экономики с военного на мирный лад. И несмотря на эти предсказания, произошло нечто прямо противоположное. Благодаря экономической экспансии США в Европу и гигантским инвестициям, предусмотренным планом Маршалла, американцы спасли свое положение, подготовив для своего будущего прекрасные рынки сбыта.*

Американский военно-промышленный комплекс, который, по логике экономических прогнозов, должен был бы стать препятствием экономическому и индустриальному развитию, стал, напротив, фактором, обеспечившим успех.

Никто не ожидал, что послевоенный период быстро перейдет в "холодную войну". Взяв на себя планетарную ответственность по борьбе с коммунизмом, США окончательно заменили собой Англию в капиталистическом мире, сделав свою военную мощь принципиальным гарантом экономической стабильности. Постепенно благодаря приоритету военно-промышленного сектора США смогли окончательно избавиться от последствий биржевого кризиса 1929 года. Уровень безработицы сократился в 4,5 раза по сравнению с довоенным, заводы и фабрики заработали на 100 % мощности (до войны — лишь 75%).

Половина мировой прибыли принадлежала теперь исключительно США. Америка могла теперь навязывать миру такую экономическую среду, которая была бы выгодна в первую очередь ей самой. Благодаря "холодной войне" у США не было никаких морально-политических трудностей по моделированию мировой экономики в соответствии со своей схемой".

Доминик Барух "Конверсия американской промышленности"

В 1945-ом США достигли цели, которая стояла перед ними, начиная

с XIX века. Как не вспомнить слова сенатора Бевериджа, глашатая американского империализма конца XIX века: "*Судьба предопределила нам нашу политику — мировая торговля должна быть в наших руках. Наши торговые корабли избороздят все океаны. Мы создадим военный флот, соответствующий нашему могуществу. Американский закон, американский порядок, американская цивилизация воцарятся на всех берегах, вплоть до самых далеких и погруженных в мрак невежества и бескультурности, но они станут благословенными и счастливыми под влиянием сил, данных нам Богом*".

Франсуа Перру, выдающийся экономист, писал: "*Представители неоклассического либерализма жили в эпоху сложившихся наций. В рамках этих наций по их теории экономический интерес сводился к максимально свободному обмену. Разделение труда между различными нациями теоретически было бы, по их мнению, наиболее эффективным способом осуществления свободного обмена... Но на практике, концепции либерализма сталкиваются с экономической реальностью, в которой существует сложившееся "неравенство структур", и при этом неравенстве, самые могущественные и сильные нации стремятся получить для себя наибольшую экономическую выгоду за счет остальных.*"

Резюме: "неравенство структур", отсутствие конверсии после 1945, идеал мессианского либерализма, т.е. факторы собственно геополитические привели США к тому, что их доминация в планетарном масштабе стала фактом.

Факт становления доллара мировой резервной валютой есть лишь проявление общего цивилизационного геополитического триумфа США.

Следовательно, разбираемая нами ситуация имеет геополитическую подоплеку. *Доллар — валютно-финансовое выражение общей планетарной позиции США.*

Геополитическое содержание доллара начиная с 1947 года

Если *геополитика* ответственна за феномен глобализации доллара, то следует обратиться к ситуации периода "холодной войны" 1949-1991. В этот период доллар становился тем, чем он является сейчас — т.е. мировой резервной валютой.

Выступая *геополитическим* полюсом Запада, США максимально использовало в этот период "неравенство структуры". Если в первой половине века США обменивало стратегические позиции Великобритании в обмен на кредиты, т.е. использовало финансовый механизм, то в эпоху "холодной войны" Европе и Японии (Азии) предлагался не только финансовый план Маршалла, но и военно-стратегическая опека. США стали полноценным полюсом, проецирующим свои структуры на 2\3 мира. Важнейшим концептуальным элементом американской геополитики этого периода был сам факт существования СССР — социалистического лагеря.

"Общий враг", императив защиты от потенциальной "советской угрозы" был центральным аргументом в организации структуры подконтрольного США мира. На этом основывался и империализм доллара: США выступали в роли стратегического (военного) протектора несоциалистических стран, и эмитента денежных и идеологических эталонов.

Важно подчеркнуть, что доллар в этот момент начинает обретать иное качество.

Отмена золотого эталона вслед на биржевым кризисом 1929 года сделало национальную валюту функцией *от конкретного товарного покрытия* — расцвет теорий Кейнса и "New Deal" Рузвельта. Расцвет "экономики больших пространств" ("экономических островов") в различных формах — от сталинизма и европейского национал-социализма до Оттавской конвенции Великобритании 1932 года. В этот период "резервная валюта" не имеет ясного выражения, зависит от международной политической конъюнктуры, что приводит к Второй мировой войне.

После нее американская экономика не возвращается ни к чисто либеральным стандартам доузвельтовского времени, ни к инсуляционной модели Кейнса. Доллар приобретает новое качество: *он становится геополитической единицей, функцией от общего стратегического и идеологического потенциала США, от роли США в мировом ансамбле*.

Мировая финансовая система, функция доллара как мировой резервной валюты неразрывно связаны с конкретикой геополитической ситуации второй полвины XX века. Без учета геополитического среза, анализируя только финансово-экономические процессы, мы ничего не поймем в этой области.

Синкопа: гибель СССР, неожиданно экстренный вызов однополярности

Трехсторонняя комиссия предполагала мягкое удушение СССР, с постепенным втягиванием СССР в логику атлантизма и плавным конвергентном переводе секторов Советской Евразии в зоны влияния трех макроэкономических регионов.

В этом смысле будущее "евро", доллары и гипотетическая тихоокеанская валюта служили бы инструментами постепенного вовлечения эконо-

мики СССР в мировую систему, с постепенным размыванием структуры социалистического лагеря. Этот процесс и начали под прямым влиянием Трилатераля и его представителей в Москве горбачевцы в середине 80-х.

Но на рубеже 90-х случилось непредвиденное: пропустив постепенный цикл конвергентной интеграции, СССР самораспустился и в одностороннем порядке приступил к активной, стремительной самоликвидации.

Был обесценен рубль, причем, без всякого опосредования, он был привязан к доллару. США втянулись напрямую в постсоветскую финансовую систему.

Параллельно с этим стремительно самоликвидировался важнейший элемент геополитической картины мира "холодной войны", само наличие которого было важнейшим смысло и структурообразующим элементом всей геополитической конструкции, в том числе и той, на которой основывался доллар.

Получив вместо ясного и предсказуемого "советского противника" черную дыру, непредсказуемую, хаотичную, агрессивно иррациональную, не включенную ни в один мало-мальски позитивный финансово-экономический проект, США оказались неожиданно для себя в новой ситуации.

Эта новая геополитическая ситуация вовлекла США в процесс ускоренной, экстренной однополярности. В экономике США это сопровождалось перегревом рынка высоких технологией, финансовых пирамид, подъемом чисто финансового сектора в отрыве от реального. Важнейший для экономической системы США Военно-Промышленный Комплекс также стал перед новой глобальной ситуацией, резко отличающейся от прежней.

Новая роль геоэкономических секторов

Непредвиденный ритм ликвидации и дезинтеграции советского (=евразийского) геополитического полюса создал новую ситуацию в общей геополитической картине мира, и соответственно, бросил новый вызов экономической и финансовой системе США. Эта система отныне должна была приступить к ускоренной реализации однополярности, т.е. глобализации.

Несколько планируемых этапов исчезали. Возникла принципиально новая и неожиданная ситуация: доллар был вынужден становиться мировой резервной валютой быстро и непосредственно, США стало единоличным гегемоном в стратегическом плане, назрел быстрый передел международных институтов, отражающих баланс сил в Ялтинском мире, Америка была вынуждена скоропалительно использовать "неравенство структур".

Это проявилось в правлении демократов администрации Клинтона. "Фукуямовский "конец истории" наступил слишком быстро.

Это создало важнейшие экономические и логистические проблемы.

Общее: США не готовы здесь и сейчас к роли однополярного глобализатора. Это выражается

— в политическом осознании американцами этого факта (победа Буша-мл.);
— в кризисе перегретого рынка в стиле финансовых пирамид, падение NASDAQ;
— в надвигающейся катастрофе доллара.
— в неготовности основных геополитических субъектов включиться в глобализацию в новых темпах и по лекалам США.

Отсутствие евразийского полюса, превращение Евразии в "черную дыру" породило неснимаемую в краткосрочной перспективе геополитическую проблему.

Наличие со стороны Евразии конвенционального, формального и логически предсказуемого среднесрочного сопротивления являлось важнейшим элементом американской стратегии во второй половине XX века. Убрав этот элемент, вся конструкция подверглась риску.

Отсутствие формальной и определенной угрозы с Востока в корне меняет и геополитическое значение Европейского Союза, и соответственно. роль и миссию "евро".

Европейский союз сложился не в условиях конфронтации с СССР, как предполагалось (и этот аргумент был решающим в моделировании сохранения американского влияния на Европу — в том числе и в финансовом смысле), но именно в момент самоликвидации СССР. Следовательно, он несет совершенно иную функцию, и является потенциальным субъектом планетарной геополитики. Эмиссия "евро" приобретает иной смысл. В принципе, это вызов доллару как мировой резервной валюте.

Новое вхождение Европы в историю чревато самыми серьезными потрясениями для глобализации по однополярному образцу. Напрашивается вариант "региональной или континентальной" интеграции или многополярной глобализации, что в любом случае идет против того процесса, в который лавинообразно и независимо от своей воли вовлечены сегодня США.

Нечто аналогичное верно и для Тихоокеанского региона. Здесь добавляется фактор Китая. Но и одного "евро" и Евросоюза достаточно, чтобы серьезно поколебать единоличную доминацию США, а следовательно, обвалить доллар и связанные с ним привычные инструменты международной финансовой системы.

Так как доллар связан с мировой геополитикой, а не только с экономикой США, то изменение расклада сил в этой сфере автоматически влечет за собой радикальное изменение в функции доллара. Доллар меняет свою приро-

ду, и отныне функция мировой резервной валюты становится неочевидной.

США должны заново определить свою роль в мире и соответственно обосновать на новой геополитической карте функции мировой резервной валюты — доллара. Непротиворечиво это сделать крайне трудно.

Вся экономическая система США основана на глобальном распределении труда на условиях шумпетеровского "неравенства структур".

Изменение этой системы влечет за собой серьезные последствия.

То же самое можно сказать относительно "новой экономики" с переразвитым финансово-биржевым сектором. Реальным парадигматическим актором, неизменно остающимся за кадром "новой экономики", но предопределяющим основные параметры базовых трендов финансовых рынков (внешне представляющихся независимыми от внемаркетовых факторов, оторванными от фундаментала), является именно геополитика и однозначная доминация США. Игровой характер трендов — удел пролетариев биржи, простых брокеров, не допущенных по ту сторону финансовой кулисы, где сидят не просто удачливые спекулянты, но эксперты CFR, Бильдерберга и Трилатераля — такие, как Джордж Сорос. С той стороны устанавливаются правила игры. Обвал бирж или национальных валют не случай ловких операций, но детально разработанные и подготовленные планы.

Резюме: новые геополитические условия ставят на повестку дня возникновение новых финансовых полюсов, а следовательно, подсобные мировые резервные валюты постепенно могут претендовать на роль конкурентных и мировых. Это делает дальнейшее развитие мировой экономики и финансовой системы бифуркационным и историчным (прямо вопреки Фукуяме), подтверждая скорее тезис Хантингтона.

Попытка притормозить глобализацию: концептуальный тупик Дж. Буша-мл.

Усиление Европейского и тихоокеанского секторов, эмиссия твердой региональной валюты, связанной не с глобальной геополитикой, но континентальной или островной (показательно в этом отношении новое — осторожное — обращение к кейнсианству современной социал-демократии) сужает функцию США.

Необходимость этого — частичную, по меньшей мере — осознает администрация Буша-младшего. Буш-мл. — попытка притормозить глобализацию. Но это не может решить радикально проблемы — американская геополитика "перегрета", overhitten, "американская империя перерастянута" — overstreched.

Получается концептуальный тупик: США *не может не продолжать* *активную однополярную глобализацию, и не может продолжать ее.*

Точно так же с долларом: США *не может сохранить доллар как мировую резервную валюту, но не может и отказаться от этой функции доллара*.

Получается парадокс — исчезновение врага (СССР) поставило победителя в неудобное положение. Это типичная Пиррова победа.

Второе пришествие Евразии

Ранний проект Трехсторонней комиссии был сверстан в целях постепенной ликвидации СССР (России).

Когда СССР не постепенно, а резко распался, стал геополитическим "ничем", он дал импульс (по меньшей мере, потенциальный) исторического бытия Европе и Азии.

В дальнейшем судьба России-Евразии будет непрямую связана с судьбой США, а соответственно, с судьбой доллара.

Коллапс американского господства даст России небывалый шанс возрождения.

Но этого можно достичь лишь при очень адекватной геополитической стратегии в отношении Европы и Азии.

Если Россия бросит свой оставшийся стратегический потенциал — в том числе логистический и ядерный — на поддержку всех альтернатив однополярного глобализма, история имеет шанс продолжиться, а крах доллара стать крахом мирового геополитического долларового рабства человечества.

СОБЫТИЯ 11 СЕНТЯБРЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СМЫСЛ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Выступление А.Г. Дугина на круглом столе "Апокалипсис нового века" в Центре Общественных Наук МГУ ("Экономико-философское собрание", ноябрь 2001 г.)

Каковы экономические последствия терактов 11 сентября? В чем их смысл?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться немного назад. Что происходило в экономике Соединенных Штатов Америки накануне 11 сентября, непосредственно перед терактами? Происходили очень тревожные и значительные события — американская экономика активно двигалась в сторону виртуализации. Биржа была чрезвычайно перегрета. Отношение капитализации акций многих флагманов "новой экономики" к реальному росту прибылей составляло подчас сотни процентов, а в случае интернет-компании Yahoo речь шла о рекордной цифре в 1000%! И Yahoo — не исключение. Та же тенденция была характерна для большинства компаний, формирующих индекс NASDAQ. Биржевые ожидания держателей акций предприятий "новой экономики" (а ими в современной Америке являются более 50% населения страны, что, в свою очередь, тоже составляет рекорд) порождали некий автономный мир развоплощенных финансов, где ценовые тренды полностью оторваны от хозрасчетного фундаментала традиционной капиталистической экономики.

Режим финансовых пирамид — в отличие от "доморощенных" российских версий, типа "МММ" — обосновывается изощренной логистикой манипуляций с общественным мнением, искусственным воздействием на коллективную психологию держателей акций, многочисленными ухищрениями компаний, затрачивающих львиную долю своих баснословных доходов не на реальное развитие бизнеса и технологий, а на презентации, формирование привлекательного имиджа, PR и т.д. Биржевая аналитика сама по себе постепенно превратилась в самостоятельный род PR-технологий. Щедро оплаченные "новой экономикой", эксперты предрекали ее безоблачный рост и "вечную стабильность" вопреки очевидным опасным симптомам, число которых росло, как снежный ком. Зазор между реальным положением вещей в американской экономике и ее старательно

сфальсифицированным образом (который приобрел не только хозяйственное, но и политическое — более того, геополитическое — значение) стремительно увеличивался.

Объективные статические данные показывают, что повальная информатизация производства в целом представляет собой чисто имиджевую кампанию, поскольку реальному росту прибылей компьютеризация, внедрение "высоких технологий" и перманентный upgrade способствует лишь в очень узком экономическом секторе. В большинстве же случаев в реальном секторе информатизация либо вообще никак не сказывается на хозяйственной эффективности (и является лишь данью сомнительной моде), либо дает очень небольшой плюс, совершенно не сопоставимый с капитализацией фирм, работающих на рынке информационных технологий и услуг. Держателей акций убеждают, что эффект проявится позже, и коммерческая эксплуатация ожиданий, действительно, приносит стабильный высокий доход. Однако на определенном этапе такой великолепно поданный рекламный и спекулятивно проиллюстрированный волюнтаризм не может не войти в конфликт с объективными хозрасчетными показателями.

Сложная ситуация, созданная чрезмерной активностью биржевых операций с акциями усугублялась также бурным ростом рынка деривативов — опционов, свопов, варрантов, фьючерсов, опционов на фьючерсы и т.д. Объем денежных средств, задействованных в этом секторе, постоянно возрастал, и на фоне цепной индукции все более и более виртуальных операций с финансами сектор реального производства утрачивал свое значение, переставал играть сколько-нибудь значимую роль.

Так сложилась некая самопродуцирующаяся система "виртуального капитализма", "виртуального экономического роста", который существовал, скорее, в области пропаганды и обеспечивался подчас хитростями подсчета. Так, например, в цифру роста ВВП включались потенциальные затраты американцев на жилье, которые, однако, в реальности не производились в том случае, если это жилье было частным. Указаный автор, в частности, обращает внимание на введение так называемого "гедонистического индекса", призванного учитывать (довольно условно) "степень наслаждения" потребителя от приобретения какой-то вещи или услуги. Если бы те же самые процессы оценивались по критериям "старой экономики", с позиции рыночного фундаментала, то экономическая картина получалась бы куда менее оптимистичной, а развитие основных процессов вообще внушало бы самые серьезные опасения.

Неоэкономическая модель, развивающаяся в США, ставшая там главенствующей (Литвак назвал ее "турбокапитализмом") перешла, по мне-

нию целого ряда специалистов, некий рубеж, "критический порог перегретости". Экономическая состоятельность флагманов американской (а соответственно, и мировой) "новой экономики" зависела от довольно эфемерных процессов, и при первом серьезном испытании, — например, при требовании обращения критической массы акций в некий эквивалент из области реальной (старой) экономики, скажем, в товарное покрытие или в деньги, — опасность тотального краха всей мировой финансовой системы, в той или иной степени связанной с американской экономикой и долларом, становилась вполне конкретной и весьма вероятной.

Еще одним важным показателем является резкое увеличение в американской экономике сервисного сектора по отношению к производственному. В настоящее время около 30% всех американцев, участвующих в экономическом процессе, заняты именно в этой сфере. Это также является ярким выражением виртуализации экономики, маргинализации основных секторов "старой экономики", явной переоценки автономного значения разнообразных "имиджевых" структур.

Собственно производство, инвестиции в реальный сектор, не приносящий тех быстрых доходов, которые стали нормой в перегретых механизмах биржевой игры, не развивались, смещаясь в иные геоэкономические зоны — в Евразию, Латинскую Америку и т.д. Туда, где цена рабочей силы и отсутствие экологических стандартов позволяли создавать реальные товары, добывать и перерабатывать энергоресурсы в ином экономическом режиме (как бы на периферии "основной" виртуальной экономики), задействуя малый экономический потенциал, без особых проблем извлекаемый из манипуляций с цифрами.

Сложная ситуация складывалась и с долларом. Доллар как мировая резервная валюта является таким же геополитически важным элементом доминации США, как и ядерное оружие, новые технологии, информационные сети. Причем, будучи точкой пересечения глобальной геополитической стратегии (атлантизм) и экономического механизма хозяйствования самих США, доллар отражал и магистральные процессы американской экономики (в частности, виртуализацию). Следовательно, рост зазора между реальным сектором и виртуальными финансами не мог не отразиться на геополитическом статусе Америки.

Перспектива введения наличных "евро" в Старом Свете, эмиссия которых Евросоюзом опиралась на экономические структуры более конвенционального образца, приближенные к реальному, а не виртуальному капитализму, не только подрывала "долларовый империализм", но ставила под вопрос всю геополитическую и экономическую мощь США. В условиях отсутствия угрозы со стороны демократической России, с учетом новых

энергетических горизонтов, открывающихся перед Европой в свете беспрепятственного освоения ресурсов Евразии (минуя отлаженную модель снабжения из арабского мира под жестким контролем США), экономическая ситуация для Вашингтона становилась поистине критической.

Аналогичные проблемы назревали и в геоэкономическом секторе Азии. Несмотря на рецессию, Япония оставалась второй страной в мире по объему ВВП, а темпы роста Китая и экономическое развитие всего Тихоокеанского региона постепенно подводили к логической неизбежности эмиссии новой "тихоокеанской" валюты — "тихоокеанского юаня" или "новой йены". В этой геоэкономической области валютное обеспечение логически привязывалось бы к реальному сектору производства.

Автономизация Евразии — экономическая, ресурсная, а впоследствии политическая и стратегическая (особенно если в этом вопросе активную позицию заняла бы ядерная Россия) — на фоне стремительной "виртуализации" экономической мощи Америки (что не могло не сказаться и на ее геополитическом статусе) создавало фундаментальную угрозу дальнейшей доминации США в планетарном масштабе. При этом "падение Америки", "the decline of the Great Power" (если вспомнить название апокалиптического бестселлера Пола Кеннеди), становилось чем-то почти неизбежным, особенно, если предположить мирное и эволюционное развитие основных мировых процессов.

Единственной солидной основной американской экономики, действительно и прочно связанной с реальным (а не виртуальным) сектором, а также с конкретикой геополитического контроля, был ВПК. Здесь наличествовали: реальное производство, технологическое развитие, реальные рабочие места и инвестиции. Этот сектор и представлял подлинный оплот американской экономики. Однако именно этот наиболее весомый, конкретный и адекватный модуль американской экономики в ходе мирного развития событий в эпоху после окончания "холодной войны" на глазах утрачивал свой raison d'etre, свою оправданность, свою социально-политическую легитимацию. Он обеспечивал содержание американской мировой доминации, давал ей устойчивую базу, в то время как американская система виртуальных финансов — при всех ее гипнотических информационных атрибутах и PR-стратегиях — напротив, делала позиции США в мире более шаткими и уязвимыми, неся в себе серьезную угрозу скорой и необратимой катастрофы.

Ситуация усугублялась еще и тем, что США — в навязанной ими же политической конфигурации, занявшие позицию центра однополярной глобализации и ставшие единственной "гипердержавой" — не могли сделать шаг назад и сузить пределы своего контроля до границ Американского континента.

Сталкиваясь с колоссальными трудностями, сопряженными с "мировым господством", США не могли в то же время отказаться от него. Экономическая картина сложилась так, что важнейшие центры реального производства находились уже не только вне национальной территории США, но и вообще вне Нового Света, а гигантские массы ничем (кроме геополитики и финансово-имиджево-информационной сети) не обеспеченных долларов, хлынув в США, мгновенно затопили бы экономику, породив гиперинфляцию.

Иллюзия процветания США, тесно связанная с планетарным масштабом американского присутствия, могла бы рухнуть в одночасье. Безысходность ситуации отразилась в беспрецедентно жесткой президентской компании Буш-младший (ставленник ВПК) — Гор (выразитель интересов "новой экономики"). Предвыборный "message" Буша-мл. американскому народу состоял примерно в следующем: "США не способны более продолжать курс на перегрев экономической системы и перерастяжку геополитического присутствия; дальнейшее втягивание в процесс глобализации в заданном ритме может привести к катастрофе". "Message" Гора был иным: "США не могут не продолжать этого курса, так как в противном случае реакция на затормаживание этих процессов со стороны остальных стран похоронит Америку. Стоит прекратить индуцировать виртуальную иллюзию экономического процветания — и все те, кто сегодня вкладывает в этот сектор реальные средства, начнут их оттуда выводить. Это повлечет за собой коллапс всей системы, что скажется в конечном итоге и на геополитическом статусе США. Следовательно, единственным выходом для Америки является продолжение активной глобализации".

Самое интересное, что оба эти утверждения справедливы... Нетрудно подсчитать, в какой момент мыльный пузырь такого состояния в экономике должен был достичь критической точки.

Какой из всего вышесказанного можно сделать вывод? Эффективная игра с финансовыми технологиями, дававшая краткосрочную иллюзию "экономического процветания" США, на деле маскировала собой неизбежно назревающий коллапс всей хозяйственной системы, сопоставимый с биржевым крахом 1929 года и "великой депрессией". Причем сравнение показателей этих двух эпох — нашей и конца 20-х годов XX века — убеждает в том, что нынешний кризис стал бы чем-то значительно более масштабным. Особенно если учесть доминирующую роль США в планетарном масштабе и их геополитическую функцию "гипердержавы".

Так обстояли дела с американской экономикой до 11 сентября 2001 г. Но вот 11 сентября настало... Рушится здание "Всемирного Торгового Центра", горит здание Пентагона. Всемирный Торговый Центр — символ

экономической мощи США, Пентагон — символ их стратегического могущества. Обе цели одинаково символичны. Казалось бы, удар нанесен в самое сердце США. Продемонстрирована уязвимость Америки, которая позиционируют себя как гарант безопасности, стабильности, процветания (экономического, военно-стратегического и социально-психологического) для всех остальных стран.

Однако, этот жесткий, в чем-то даже душераздирающий кризис, транслируемый всему человечеству через сеть CNN, — угнанные самолеты, рухнувшие здания, паника властей и ужас населения, — оказывается миниатюрной и относительно безвредной, локальной неприятностью по сравнению с той планетарной катастрофой, которая рано или поздно постигла бы США, если бы трагедии 11 сентября не произошло, а события продолжали развиваться в том же ключе, что и до этого.

Давайте посмотрим, что происходит через несколько дней после случившегося на бирже? Индекс NASDAQ падает, но падает довольно плавно. Конечно, многие говорят о биржевом кризисе, но у этого кризиса теперь есть внешнее оправдание — он не является следствием критического состояния американской экономики, а, следовательно, он воспринимается как преходящий, случайный, ситуативный, а не тотальный и не системный. Иными словами, "новая экономика" получает важнейший концептуальный аргумент для того, чтобы несколько снизить зазор между виртуальным и реальным секторами хозяйства, сохранив свой имидж и привлекательность для держателей акций, удачно, замаскировав катастрофический характер протекающих в ней процессов.

Следующий момент: какова качественная структура тех акционеров, которые играют после 11 сентября на "медвежьем" поле? Независимый экспертный анализ показывает, что речь идет о флагманах "новой экономики", тогда как рядовые держатели акций остаются прикованными к телеэкрану, в ожидании "американского ответа" и решения судьбы злополучного Бин Ладена. Введение чрезвычайного положения облегчает эту задачу.

В этой ситуации очень важно, кто именно сбрасывает акции, в каком режиме и под каким предлогом. Если бы на фондовом рынке и, соответственно, на рынке деривативов, началась массовая паника, то в проигрыше оказались бы компании, тогда как рядовые держатели акций не особенно бы пострадали. Так было во время Токийского кризиса, когда рядовые акционеры практически не понесли ущерба, в то время как ситуация в национальной экономике серьезно ухудшилась.

В итоге, ситуация на фондовом рынке в значительной степени исправлена, или, по крайней мере, коллапс отложен.

Далее. Буш-мл. объявляет о необходимости чрезвычайных мер по преодолению в стране "экономического кризиса". Для этой цели выделяются спецсредства из бюджета. Открыто декларировано 92 млрд. долларов, но эта сумма, очевидно, не покрывает всего дефицита... Реальные убытки, связанные с уничтожением WTC и крыла здания Пентагона серьезны, но далеки от этих баснословных сумм. По всем параметрам теракты не могут быть причиной "экономического кризиса". И тем не менее, речь идет именно о нем. Это противоречие имеет только одну разгадку: "*экономический кризис*" *в США действительно был и очень серьезный; только произошел он не после 11 сентября 2001 года, а задолго до этой даты, достигнув к этому дню крайне серьезной, почти фатальной стадии*.

Падение двух башен WTC спасает таким образом "новую экономику" США. Таким образом, для своей экономики США смогли извлечь из трагедии очевидную и очень серьезную выгоду.

Выше я говорил о том, как связана американская экономика и геополитика атлантизма. Удар по зданию Пентагона также оказался США и особенно самому Пентагону весьма на руку. Отныне геополитическая и ядерная мощь США вновь получает легитимность — как в международной политике, так и в сознании американцев. Перед лицом новой угрозы, нового врага (дерзкого и "зрелищного") — "международного терроризма" — оправданы любые расходы на вооружение, необходимость НПРО, дальнейшее развитие ВПК и т.д. Все это предоставляет прекрасную концептуальную базу для того, чтобы дать новый импульс развитию ВПК и связанных с ним отраслей — своеобразного ядра реального сектора американской экономики. С чисто теоретической ультра-либеральной точки зрения такое решение задачи не совсем корректно, но мы знаем, что Америка в критических ситуациях всегда прибегает к подобному решению — разрубает Гордиев узел по ту сторону экономической ортодоксии и неоклассики. Так было в эпоху New Deal Рузвельта, что позволило США выйти из Великой Депрессии. Позднее аналогичные результаты принес перевод американской промышленности на военные рельсы после Пирл-Харбора. Когда же, после окончания Второй Мировой войны, обратный процесс грозил поставить страну лицом к лицу с новой волной экономического упадка, как нельзя кстати пришлась "холодная война". Геополитическая поправка на внешнюю угрозу неоднократно в XX веке выручала экономику США (не претендуя, впрочем на то, чтобы корректировать либеральную теорию эксплицитно).

В международной сфере стратегическая роль США также укрепляется, поскольку продолжение взимания Америкой "ядерной ренты" с союзных блоков Европы и Азии приобретает новый весомый аргумент. Защищая себя от угрозы "международного терроризма", США защищает всех остальных, а следовательно, "все остальные" должны платить за то, чтобы "защитник" был силен, могущественен и во всеоружии. Экономическая конкуренция между геоэкономическими зонами, уже грозившая перерасти в политические трения с Европой (оттуда уже рукой было подать до относительно автономной системы Европейской, а в перспективе, и Евразийской безопасности) в новой ситуации отступает на второй план. Перед лицом "нового вызова" она может быть проинтерпретирована ни больше, ни меньше, как "косвенное пособничество международному терроризму". Вашингтон отныне волен сказать Европе: "международный терроризм" развязал Третью мировую войну, и мы в наших отношениях переходим к логике военного времени.

Именно это и имел в виду президент Буш-мл., когда в ультимативной форме заявил, что "все страны мира должны в этой критической ситуации определиться — с кем они в этот решительный час: с Вашингтоном или с "международным терроризмом. Или-или, третьего не дано." Таким образом, логика Третьей Мировой войны приходит на помощь США именно в тот критический момент, когда их планетарная глобальная функция поставлена под вопрос. И здесь очень важно понять, что однополярному миру под единоличной гегемонией США накануне 11 сентября 2001 года угрожал не "международный терроризм", а естественная перспектива мирной и мягкой эволюции главных геополитических субъектов — Евросоюза, России, Китая, Индии, Ирана, Японии, стран Тихоокеанского региона и арабского мира в самостоятельные автономные структуры, образующие многополярный ансамбль. Не теракты, а отсутствие терактов более всего угрожало американской доминации, однополярному глобализму, создавая предпосылки альтернативного мироустройства, где США отводилась почетная, но отнюдь не главная роль. А с учетом того геополитического и экономического состояния, в каком находилась Америка накануне 11 сентября, это было равнозначно катастрофе.

Важно также обратить внимание на тезис об экстерриториальном характере новой угрозы — "международного терроризма". Бин Ладен и его сподвижники (символические "назначенные" фигуры, олицетворяющие "врага") не только не имеют строгой локализации, воплощая в себе не страну, державу, государство, народ, но лишь "политизированную секту". Сама их причастность к злодеянию в Нью-Йорке и Вашингтоне является "плавающей" презумпцией — не исключено, что виновником может оказаться кто-то еще. Такой экстерриториальный враг при необ-

ходимости может обнаружиться где угодно, превращая любую территорию в зону прямого военно-стратегического вмешательства США. Таким образом, де-факто легализуется право прямой интервенции США в любой точке мира.

Точно такая же картина наблюдается в финансовой сфере, где тоже наличествует присутствие "мирового терроризма" (его финансовой базы). Это обстоятельство позволяет США, как главной жертве и главному борцу с "международным терроризмом", резервировать за собой право прямого вмешательства в финансово-экономические процессы. Причем экстерриториальность "преступника" подразумевает экстерриториальные (в данном случае глобальные) полномочия того, кто его преследует.

Ультиматум Буша-мл. относительно необходимости всем странам определить свою позицию, свой лагерь, несет в себе недвусмысленный подтекст: "экстерриториальность врага", его расплывчатый статус, неопределенность его очертаний позволяют "проследить его связи" вплоть до любой страны, любого народа, который хоть в чем-то пытается дистанцироваться от планетарной воли Америки, вступившей на тропу Третьей Мировой войны. В сфере экономики это позволяет США присвоить себе невиданные сверхполномочия.

Может сложиться впечатление, что демократические нормы остановят Америку в осуществлении прямой доминации, удержат от злоупотребления теми инструментами, — в том числе моральными и правовыми, — которые оказались у них в руках после событий 11 сентября. Однако на это вряд ли можно всерьез рассчитывать: США давно тяготятся "демократическими" институтами (особенно в международной сфере) и другими рудиментами исчезнувшего "Ялтинского мира". Не исключено, что в какой-то момент либеральная экономическая модель и сугубо американская система ценностей возьмет на вооружение методики, имеющие с демократией довольно мало общего...

Если трезво взвесить исток и происхождение угроз, существовавших для США накануне терактов (особенно в экономической области), то мы увидим, что они концентрировались именно в тех странах, которые сегодня вовлечены в антитеррористическую коалицию на стороне США. Следовательно, объявляя Третью мировую войну против "терроризма" США на практике расправляется со своими конкурентами, формально играющими роль союзников в борьбе против "мирового терроризма". Декларированные противники (талибы, Бин Ладен) выступают здесь лишь в роли своеобразной "дымовой завесы".

Удивительно, но нечто подобное мы можем увидеть, если обратим наше внимание на фигуру "врага". "Врагом" объявлены те силы, которые по своему происхождению, масштабу и геополитическому потенциалу не только не представляют для США серьезной угрозы, но и являются довольно эффективным инструментом американской политики в региональных конфликтах, — начиная с противодействия СССР в период афганской войны, и заканчивая дестабилизацией положения в Средней Азии и на Кавказе — направленной против стратегических интересов России и Ирана. Более того, избирая в качестве главного противника единственной и не имеющей сегодня равных гипердержавы периферийное и довольно маргинальное явление (в свое время оснащенное и выпестованное в недрах самих американских и отчасти английских спецслужб), США невероятно завышают статус этой силы, сообщают ей геополитический вес, который она сама по себе не приобрела бы ни при каких обстоятельствах.

Возводя фиктивный, с геополитической и экономической точек зрения, полюс в разряд реального и наиболее опасного, США могут отныне под вполне благовидным предлогом требовать от своих реальных конкурентов (оказавшихся в роли невольных союзников) уступок в тех сферах, которые наиболее чувствительны для сохранения и укрепления американской гегемонии. Такого рода требования руководители большинства крупных мировых держав или блоков государств получили сразу же после 11 сентября.

В каждом конкретном случае эти требования были сформулированы посвоему. Евросоюзу и американским стратегическим партнерам в Тихоокеанском регионе (Япония и пр.) предлагалось затормозить выход из долларовой зоны или диверсификацию валютных вкладов, а также оплатить военные расходы коалиции. Вместе с тем, недвусмысленно предлагалось забыть о повышении политической или геополитической самостоятельности, об альтернативной модели глобализации, о многополярном мире.

России пригрозили экономическим давлением и зачислением в разряд стран-изгоев, потребовав ослабить стратегическое присутствие в странах СНГ (особенно, в Средней Азии), и в кратчайшие сроки ликвидировать военные базы времен "холодной войны" за пределами собственно российской территории.

Руководство Китая было деликатно проинформировано относительно назревающих проблем в Синьцзянь-Уйгурском автономном округе. И так далее.

Отдельно поручения, изложенные в ультимативной форме, получили страны СНГ. Им было предложено впредь учитывать новую модель взаимоотношений с США как главным субъектом мировой политики, отвечающим, — в том числе стратегически и экономически — за своих "партнеров по коалиции" (особенно из числа "слабых").

Все вместе страны "многополярного клуба" получили мягкое, но настойчивое пожелание самораспуститься. И как можно скорее...

Выбор Афганистана в качестве плацдарма для "ответа" также прекрасно вписывается в американскую логику. Это страна расположена в центре Евразии, ее окружение — Россия, Китай, Иран, Пакистан, Индия, среднеазиатские государства СНГ — составляет остов потенциального евразийского блока, который более всего заинтересован в многополярном мироустройстве и более всего выигрывал в случае ослабления Америки и ее ухода с позиции единственного и безусловного мирового лидера.

Афганистан — удобная площадка для того, чтобы ввести главные державы потенциального "Евразийского блока" в чрезвычайный режим, в зону повышенной нестабильности, в перспективе распространяя на них очаги напряженности, зоны "войн малой и средней интенсивности".

Могли ли Россия и другие континентальные державы отказаться выполнять ультиматум США после событий 11 сентября 2001 г.? На этот вопрос очень сложно ответить. Теоретически могли. Но это означало бы прямую конфронтацию с США. Причем, российское руководство должно было в кратчайшие сроки, молниеносно, усвоить и тотально признать как свою единственную и безальтернативную политическую и геополитическую платформу Евразийскую Идею. Процесс освоения этой идеи шел и так достаточно интенсивно, тем более что сама логика событий накануне 11 сентября 2001 года подталкивала российскую власть к такому выбору. Однако неверно считать, что это выбор уже был сделан, все ключевые решения приняты, а стратегические планы составлены так, чтобы в критический момент можно было начать действовать в полном соответствии с евразийской моделью. Для того, чтобы хотя бы немного дистанциироваться от США в столь критической ситуации, необходимо было быть законченными и последовательными евразийцами...

Столь же не готовыми к прямой и жесткой конфронтации с США, спасающими свою планетарную позицию, оказались и остальные геополитические игроки. Соответственно, и консолидированной позиции между этими "недозревшими" до радикального евразийства субъектами в условиях цейтнота, под жестким американским прессингом выработано быть не могло.

Для того чтобы в экстремальной ситуации Россия могла реагировать иным образом, должна была бы существовать совершено иная структура власти. В спокойном эволюционном режиме Президент Путин двигался в этом направлении. В том же направлении протекали процессы в Европе, Иране, Китае, Индии, Японии, арабских странах. Однако оказавшиеся для всех полной неожиданностью события 11 сентября спутали основным мировым "игрокам" (потенциальным союзникам в рамках "Евразийского блока") все карты...

Объективно, сегодня уже можно говорить о начале Третьей Мировой войны. После терактов 11 сентября 2001 года Америка объявила миру войну. Не просто "холодную войну" — войну с очевидными "горячими" элементами. Права самостоятельно решать: участвовать или не участвовать в "антитеррористической кампании", затеянной США, не имеет никто. Все крупные геополитические силы получили на этот счет настоятельные предложения. Предложения, от которых невозможно отказаться... Но поскольку именно те страны, которым это предлагается, и являются настоящими геополитическими, геоэкономическими и геостратегическими конкурентами (потенциальными противниками) Соединенных Штатов, то согласие на выполнение "союзнического долга", в данном случае для них равнозначно предложению о полной и безоговорочной капитуляции.

Чисто теоретически можно представить себе евразийский сценарий реакции России, Европы, Китая, Японии, Индии, Ирана, арабских стран на военную акцию США в Афганистане...

12-13 сентября созывается экстренная конференция стран-сторонников многополярного мира. Проводится срочный саммит глав стран СНГ. Вырабатывается общая стратегия пацифистского решения конфликта. Осуждается терроризм, усилиями всех спецслужб разыскивается и передается США Бин Ладен. Америке оказывается мощная экономическая и гуманитарная помощь. Начинается активная компании под эгидой ООН "за лучший мир", за "мир без террора", проводятся фестивали, симпозиумы, осуждается и искореняется "исламской радикализм"... И мы возвращаемся к ситуации до 11 сентября 2001 года.

Разумеется, реальных предпосылок для такого развития событий не было. Для этого необходимо было заранее отработать всю инфраструктуру, систему взаимодействий, выработать ясную геополитическую и экономическую стратегию, позволяющую давать адекватный ответ при столкновениях с серьезными, судьбоносными вызовами.

Анализируя все вышесказанное, неизбежно приходишь к следующему выводу: время проведения терактов, стиль их осуществления, форма трансляции катастрофы, выбор целей и исполнителей — все идеально соответствовало тому, чтобы добиться заранее поставленных и идеально просчитанных целей. Теракты произошли как раз в тот момент, когда США стояли на пороге скрытого экономического, геополитического и стратегического коллапса. В результате терактов, в ходе продуманной и великолепно рассчитанной реакции на них, Америка, фактически,

смогла предотвратить этот коллапс, блестяще решив в свою пользу одновременно целую серию сложных экономико-геополитических "уравнений" с основными игроками мировой политики в качестве "неизвестных". При этом состояние самих игроков и степень консолидированности их позиций оказались таковы, что они не смогли сколько-нибудь заметно помешать осуществлению американских планов.

Слишком идеально все сходится, чтобы списать это на совпадение, случайность или молниеносную геополитическую реакцию американского руководства, сумевшего в считанные часы оправиться от шока и прореагировать с гениальной находчивостью.

Многие говорят сегодня о волне терроризма, которая поднимается в мире, о возможности масштабных терактов в США и других частях мира. Я полагаю, что никаких масштабных терактов, сопоставимых с происшедшими, больше не произойдет. Если только кто-то из союзников США по "борьбе с терроризмом" не станет упрямиться. Тогда снова, но уже не на американской территории, а на территории этого несговорчивого союзника что-нибудь "нештатное", возможно, и произойдет.

Если рассмотреть ситуацию геоэкономически и геостратегически, то становится очевидной несостоятельность нескольких расхожих моделей толкования происходящего, с которыми мы постоянно сталкиваемся в СМИ.

Во-первых, абсолютно неправильно трактовать происходящее как столкновение цивилизаций — конфликт "христианских" стран с "исламом". США — страна не христианская, а ислам настолько разнороден, что говорить о единой цивилизационной позиции исламских стран абсолютно некорректно, тем более, что исламский радикализм, которому приписывается ответственность за теракты, представляет собой маргинальную ересь реформаторского ("салафитского") толка. Поэтому распространять ответственность за теракты на всех мусульман совершенно неправомочно... Тем более, что даже причастность к ним радикальных исламистских организаций пока не доказана.

Во-вторых, совершенно неочевидна и не доказана личная вина Бин Ладена. Этот саудовский миллионер (выпестованный и оснащенный американскими спецслужбами, встречавшийся с представителем ЦРУ в Дубае (ОАЭ) в одной из больниц в августе 2001 года), безусловно, "назначен" на эту роль. Нельзя исключить того, что речь здесь идет об искусственном повышении его статуса и роли в среде радикального ислама для его дальнейшего использования в американских стратегических интересах. Миф об экономическом могуществе Бин Ладена и вовсе несостоятелен. Отследить передвижение сколько-нибудь значительных капиталов в современной финансовой системе не составляет труда, а в каждой террористической или радикальной группировке осведомителей всегда хватает.

В-третьих, понятие "международного терроризма" является геополитически бессодержательным. Политическая, экономическая и религиозная реальность гораздо сложнее, чем примитивное — в духе американских вестернов — деление всех на "good guys" и "bad guys". Если люди прибегают к террору, то у них на это есть определенные социальные, экономические, геополитические и иные причины. При этом они остаются людьми — носителями определенных тенденций, имеющих истоки, логику и объяснение, — а не абстрактными "bad guys"...

Третья Мировая война — это реальность. Реальность очень серьезная. Она имеет очень мощную экономическую, геоэкономическую и геостратегическую подоплеку. Она началась...

Что же все-таки случилось 11 сентября 2001 года?

Эти события имеют множество толкований — геополитических, геоэкономических, социально-политических, технических. Однако совершенно очевидно, что они имеют и глубинный цивилизационный смысл.

Это не поход "Севера против Юга", "Запада против Востока", богатых против бедных. Это "крестовый поход" Соединенных Штатов Америки против всех остальных — против Евразии. Причем США в данном случае тоже уже не только страна, не только нация, не только государство, но авангард и, своего рода, резюме особой цивилизации — результат развития европейской постпросвещенческой истории, пик либерально-капиталистической системы. Воспринимать эту реальность можно и как "глобальное добро", и как "глобальное зло". Однако истиной здесь может являться что-то одно. Что именно? Это вопрос нашей веры, наших истоков, нашей самоидентификации.

А. Г. Дугин

МЕТАФИЗИКА И ГЕОПОЛИТИКА ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Природа и стоимость

Тема экономики природных ресурсов обычно трактуется с определенной долей стыдливости. Это показательно, так как природа стала трансцендентной для современного человека, скрытой в глубинах бессознательного, и говорить о ней ясным языком как-то не принято. Современный технологический человек, вооружившийся аппаратом экономической теории, чувствует себя в техносфере как в своей естественной среде, а любое упоминание о природе и ее особенностях воспринимается как досадный голос давно преодоленного атавизма. Тема природных ресурсов в экономической теории сходна с темой исследований подсознания: рационалистическая мысль тяготится бессознательным, стремится ускользнуть от столкновения с ним, также и оценка природных ресурсов, и особенно, тема их дефицита и исчерпаемости, возвращает экономическую мысль человечества к неприятным реалиям природы, заявляющей о своем присутствии в мире тотальной цифровой виртуализации.

В теме природных ресурсов есть нечто "конспирологическое". Для желтой прессы, и особенно для малотиражных падких на сенсацию листков, проповедующих "теорию заговора", характерны мотивы, объяснения всех масштабных политических процессов борьбой за природные ресурсы. Показательно, что такая модель объяснения воспринимается одновременно как нечто почти очевидное и как нечто экстравагантное, полупристойное. Ровно так же относится бодрствующий человек к голосу подсознания: он очевиден и непристоен. Культура, сфера образов и, в конце концов, реклама ставит работу с бессознательным на поток, всячески обыгрывает его сюжеты. Нечто подобное проделывают и авторы хлестких передовиц, бойко утверждающих, что в "основе чеченского конфликта лежит нефть", что "исход выборов в России зависит от поставок газа в Европу", а "неудавшийся переворот в Венесуэле заказали американские нефтяные магнаты". Но как объектом пристального и глубокого исследования респектабельных экономических изданий эта тема становится крайне редко, и да и в этом случае он сопровождается таким количеством фигур умолчания, намеков и двусмысленностей, что более затемняет логику основных процессов в этой области, чем проясняет ее.

Если мы посмотрим в истоки формирования современных экономических теорий, то наша аналогия между природными ресурсами и областью бессознательного получит новое подтверждение. Базовые теории классиков либеральной мысли были по сути лишь применением рациональной механицистской номиналистской философии (Ньютон, Локк, Гоббс и т.д.) к области хозяйства. Подобно тому, как рационалисты сводили весь процесс познания к рассудочной деятельности, прогрессивно освобождаясь от "иррационального" — т.е. "бессознательного", "природного", "инстинктивного", "архаического", "сакрального" — в человеке, так и отцы-основатели классической политэкономии выделяли в хозяйственной деятельности те элементы, которые наиболее соответствовали коду рационализации и оптимизации, оставляя в стороне те стороны хозяйства — природные, исторические, обрядовые и т.д. — которые не укладывались в рассудочные клише.

Рационализм классической либеральной теории был унаследован методологически и марксистами, хотя и в других вопросах позиции этих экономических школ существенно разнились. Маркс видит современного человека как существо, полностью преодолевшее природу и целиком и полностью социальное. И в теории социализма рационализация хозяйства занимает столь же центральное место, как и в либерализме. Природа же ограничивает эту рациональность спонтанным узором своих проявлений. Если понимать "природные ресурсы" в широком смысле, это современная экономическая система борется не за "природные ресурсы", но против "природных ресурсов", стремясь, в конечном итоге, окончательно эмансипировать хозяйственный цикл от всех естественных зависимостей, от externalaties.

Данные теоретические соображения нашли свое отражение в самой основе современного экономического подхода, а более конкретно — в тезисе "неисчерпаемости (бесконечности) и бесплатности природных ресурсов".

Такими "бесконечными и бесплатными" природные ресурсы, действительно, были на ранней стадии развития индустриального капитализма в XVIII-XIX веках. Или, точнее, в общем контексте капиталистического хозяйства предел стоимости природных ресурсов стремился к нулю. Как и во многих других областях позитивистских наук и в самой структуре дифференциальных исчислений, бесконечно малой погрешностью пренебрегали. И в основу экономической логистики стоимость природных ресурсов была включена как нулевая, а их объем — как бесконечный. Сделав такое допущение, основатели экономической науки двинулись дальше — к тем областям хозяйственных алгоритмов, где природы как фактора уж

не было. Схемы рассудка подавили погрешности бессознательного. Исключив природу, экономика стала рассудочно-позитивной.

Показательно, что первые подозрения в неадекватности такого базового подхода стали проявляться параллельно в самых разных областях науки — как естественной, так и гуманитарной. Параллельно обнаружению физиками XX века фундаментальных противоречий в основе классических аксиом современной физики и кризису позитивизма в философии, человечество столкнулось со сходной проблемой в сфере экономики: природные ресурсы оказались конечными, ограниченными и не бесплатными, т.е. имеющими самостоятельную стоимость, связанную с многочисленными факторами — причем не только чисто экономического, но и политического, шире, геополитического порядка. Это теоретическое положение в экономике человечество познало эмпирически: в форме империалистических войн, конфликтов цивилизаций, борьбы за ресурсы.

Столкнувшись с этой проблемой, экономисты поступили так же, как философы-рационалисты, обнаружившие на заре XX века наличие подсознания — стали исследовать вновь обнаружившиеся (но исконные) реальности с помощью методов, которые сложились как раз за счет вытеснения этих реальностей. Когда экономика не могла более игнорировать влияние природных факторов, она стала обсчитывать их с помощью тех инструментов, которые сформировались именно через отбрасывание их как несущественной погрешности.

Здесь налицо следующее несоответствие: сам алгоритм экономического анализа как классической политэкономии, так и у марксистов, исходит из предпосылки бесконечности и бесплатности природных ресурсов. Столкнувшись на практике с эмпирическим опровержением этого тезиса, теоретики не стали пересматривать основы своей теории, но, не обращая внимание на логическое противоречие, стали исследовать вновь открывшиеся обстоятельства с помощью традиционных теоретических инструментов. Именно по этой причине сектор экономической дисциплины, занятый изучением природных ресурсов, пребывает в столь странном состоянии — между сенсационалистской конспирологией, формальным описанием "статус кво" и многочисленными тавтологическими заключениями, перемешанными с фигурами умолчания. Раз природный фактор был изначально исключен из базовых парадигм определения стоимости, он стал фигурировать в качестве "постороннего аттрактора" (если использовать язык современной физической теории фракталов — В.Мандельброт).

Конечно, кое-какие попытки включения природного фаткора в механизмы определения стоимости делались. Например, русским экономистом-народником А. В. Чаяновым, французскими социологами — М.Моссом, Ж.Батайем, американским физиком Ф.Капра и т.д. Но это оставалось в русле маргинальных теоретических построений.

Ресурсы и геополитическое пространство мира

Одной из удобных методологий, позволяющих оперировать с темой стоимости полезных ископаемых на практике, является геополитика. Если взглянуть на земную карту основных крупных месторождений глазами геополитика, мы получим в высшей степени поучительную модель, легко объясняющую многие темные стороны современной политической и экономической истории. Геополитику можно назвать "политическим психоанализом, привязанным к пространству".

Тема природных ресурсов, их местонахождения, их доставки, рынков сбыта вписана в конкретные пространства, где живут народы, пролегают конкретные политические, этнические, религиозные, национальные культурные, цивилизационные границы — это тема геополитики.

С точки зрения геополитики, тематика природных ресурсов — как и всего, касающегося пространством земли и почвы — является важнейшим качественным параметром, связанным с человеческим обществом и логикой (пространственного) развития человеческой истории.

Здесь мы сталкиваемся с очень важным моментом: при переходе к геополитике природных ресурсов от чисто экономического подхода, который описывает эту тему поверхностно (что, где находится, насколько ресурсов хватит человечеству, где, что и кому выгоднее продать, как и куда удобнее доставить, где переработать и т.д.) к более сложной картине, где собственно экономические показатели и расчеты ставятся в зависимость от более глубоких и неочевидных процессов. Перевод темы экономики природных ресурсов в геополитическую плоскость даст нам новое понимание множества труднообъяснимых закономерностей: почему разрабатываются те или иные месторождения и не разрабатываются иные, казалось бы, более привлекательные? Почему маршруты доставки полезных ископаемых сплошь и рядом выбираются не самым оптимальным, с чисто экономической точки зрения, образом? Как связаны политические процессы в основных ресурсодобывающих странах с полезными ископаемыми и т.д.?

Не осмыслив эту область, Россия не сможет строить адекватную стратегию в этой сфере. И без внимательного учета геополитических факторов мы всегда будем наталкиваться здесь на препятствия, природа и структура которых будет от нас ускользать.

С геополитической точки зрения, существует две основополагающие модели (базовых проекта) обращения с реальным пространством нашей

планеты. Эти проекты по-своему и в соответствии со своими целями учитывают специфику развития различных регионов, культур, цивилизаций, этносов, политических систем, стремясь поместить их в собственный контекст. Так как природные ресурсы, будучи ограниченными и имеющими стоимость, и более того, будучи принципиально важными для технологического развития отдельных регионов земли и всего человечества, представляют сегодня фактически поле конкуренции и борьбы за выживание, цивилизационное выживание, то оба геополитических проекта предполагают свой макросценарий по оперированию с ними, что включает весь цикл: разведку месторождений, их разработку, переработку ископаемых, доставку и сбыт. В реальной жизни пока не существует единого человечества, единой системы управления. Поэтому тезисы о контроле и управлении природными ресурсами не могут разбираться абстрактно, в утопическом ключе как "осознанная задача всего человечества, стоящего перед проблемой оптимизации этой жизнедеятельности". К сожалению, до сих пор существуют антагонистические противоречия между различными регионами земли, и если они перестали формулироваться в колониальных или идеологических терминах, это не значит, что они исчезли. Геополитическая оценка этих противоречий является наиболее взвешенной и объективной.

Если мы сделаем краткий экскурс в геополитическую картину мира, то сразу же поймем, в чем суть и проблема, например, ближневосточных нефтяных ресурсов, и какие основные параметры должна учитывать Россия при работе с долгами бывших развивающихся стран, сопряженными с полезными ископаемыми.

Геополитическая модель, развитая англичанином Х. Макиндером, американцем адмиралом Мэханом и т.д., предполагает, что существует два фундаментальных геополитических образования, тяготеющих к глобальному формату — силы Суши (теллурократия, евразийство) и силы Моря (талассократия, атлантизм). Это было написано еще в конце XIX — начале XX века, и мы видим, что история прошлого столетия полностью подтвердила правоту этих прогнозов. Эти два полюса представляют собой два антагонистичных начала полюса — не в классовом, а в пространственном смысле. Основой полюса Суши (Евразии) является так называемый heartland, "сердцевинная земля", которая лежит в глубине российской территории, это — оплот теллурократии. Противоположное "островное могущество", "морское могущество" (Sea Power), называемое также "таласократией", находится либо в береговом секторе (на начальном этапе), либо в океаническом секторе (на более поздних этапах). Между этими двумя геополитическими началами развертывается геополитическое про-

тивостояние, связанное с цивилизационными, технологическими, стратегическими, культурными сторонами жизни. Напрямую затрагивает оно и область природных ресурсов.

Согласно классической формуле Макиндера, "тот кто контролирует Евразию, контролирует мир". Способ контроля над Евразией может быть двояким. И это принципиально.

Континентальный способ контроля над Евразией предполагает преобладание импульса, исходящего изнутри континента, из heartland'а. В геополитике название политического образования, контролирующего на данный момент heartland, не принципиально; будь это Российская Империя, Советский Союз, Демократическая Россия, СНГ или какое то новое образование, которое может возникнуть на этой территории.

Задача сухопутного полюса — максимально расширить свое влияние на те зоны, которые лежат между heartland'ом и акваторией, омывающей евразийский материк, максимально интегрировав их в стратегическом, экономическом смыслах. Естественно, то же самое касается и ресурсов. Евразийский подход к ресурсам состоит в создании единой ресурсодобывающей и ресурсоперерабатывающей сферы на максимально широком пространстве континента. Это определяет требования к пространственному размещению транспортных сетей, газопроводов и нефтепроводов, в частности, позиционирование центров переработки, способы доставки вторичной продукции и т.д. Относительно доставки ресурсов можно сказать, что евразийский проект состоит в связывании каждого конкретного месторождения с внутриконтинентальными пространствами. Если мы учтем этот факт, то станет понятно геополитическое значение газопроводов и нефтепроводов, связывающих российские, центрально-азиатские и кавказские месторождения с Европой (и тихоокеанским регионом) континентальной сетью. Консолидация евразийских ресурсов в континентальном фокусе усиливает общий геополитический потенциал Евразии.

Существует вторая модель контроля над Евразией (и сответственно, над природными ресурсами): это — контроль внешний, со стороны Моря (талассократии). Этот тип (атлантического) контроля над той же ключевой стратегической зоной, предполагает внешнее освоение "берегового пространства" (rimland), которое отделяет "сердцевинную землю" от теплых морей. Эта вторая модель связана исторически с англосаксонским могуществом, Британской империей и США, другим англосаксонским государством, к которому постепенно перешла талассократическая миссия, и которое сегодня фактически правит миром. В этом случае предлагаемая геополитическая модель совершенно другая. В данном случае речь идет о связывание структуры "береговых пространств" с заокеанским центром

силы и о манипуляции планетарной стратегией с помощью контроля над водными просторами — морями и океанами. Если евразийский сухопутный импульс стремится интегрировать материковое пространство, то атлантистский, морской импульс, напротив, ставит своей целью не допустить этой интеграции, преградить доступ к теплым морям, установить контроль по всему периметру береговых пространств. В случае природных ресурсов здесь также напрашивается альтернативная система их разработки, переработки, транспортировки и сбыта. Транспортировка производится преимущественно морскими путями с помощью танкеров.

Таким образом, существует не единый план энергетического развития планеты, разработки природных ресурсов, а как минимум два.

То, с чем мы имеем здесь дело, это не просто конфликт двух идеологических систем. С точки зрения геополитики, идеологические системы могут быть очень похожи: например, Империя Британская и Российская могут быть противоположны (капиталистическая и социалистическая), могут быть тождественны — например, демократия одинакова в основных чертах как в России, так и на современном Западе. Конкретная форма, в которую облекаются геополитические противоречия, второстепенна, суть же остается неизменной. Даже в том случае, если это противостояние, эта борьба за модели освоения, переработки и сбыта тех или иных природных ресурсов разворачивается в форме цивилизованного диалога, ситуация остается крайне напряженной.

Вопрос о том, какие месторождения следует развивать, каким образом они будут влиять на экономику регионов и каким образом доставлять природные ресурсы и куда, на какие рынки, не может быть рассмотрен в исключительно энергетическом, экономическом смысле в отрыве от геополитики. С точки зрения чисто энергетической или чисто экономической, мы ни когда не объясним множество явлений, связанных с этой сферой. За покровом цифр, данными геологоразведки, информацией о создании холдингов и т.д. скрыты глубинные геополитические тенденции.

Если говорить о евразийском подходе к проблемам энергоресурсов, то мы приходим к необходимости выработки самостоятельной евразийской концепции их извлечения, развития, переработки и транспортировки. Причем эта модель, по определению, должна существенно отличаться от того, как видит эту проблему атлантистский полюс и, соответственно, как она трактуется в глобализме. России как стране, совпадающей геополитически с пространством heartland'а, выгодно (не только в долгосрочном, но и в краткосрочном аспекте) развитие собственных месторождений, внедрение наших технологий, укрепление нашего присутствия на тех месторождениях, которые находятся вблизи наших границ, в странах

СНГ, и далее — в Азии, странах Ближнего Востока. Кроме того, особое значение в этом ключе имеет развитие транспортных сетей евразийских магистралей. При этом, естественно, данный проект не может развиваться исключительно на отраслевом уровне. Необходима целостная ресурсная, энергетическая политика Государства, сформулированная на основе геополитической методологии.

Береговая зона и диалектика природных ресурсов

Теперь рассмотрим несколько более пристально, что представляет собой сегодня "береговая зона", rimland, которая тянется через европейское пространство, Ближний Восток к Дальнему Востоку и Тихоокеанской зоне? Некогда сама Европа (особенно, Англия и Франция) была полюсом Запада, фокусом атлантизма и выполняла в планетарном масштабе ту атлантическую и талласократическую функцию, о которой мы говорили выше. Когда в течение XX века центр тяжести атлантической системы сместился еще западнее, по ту сторону океана, теперь уже сама Европа стала периферией атлантического сообщества, а не центром, как было раньше. Этот процесс развертывался постепенно, начиная с доктрины Монро, предполагавшей уже в первой половине XIX века вытеснение европейского влияния с американского континента, и заканчивая доктриной Вильсона, провозгласившей, что США имеет отныне глобальные интересы — в том числе и в Европе. На данный момент Европа представляет собой некоторое "промежуточное пространство", контролируемое стратегически — в том числе и через энергоресурсы — американским полюсом. Наличие 6-го флота США в Средиземном море, американская политика на Ближнем Востоке, подчинение европейской политики американским приоритетам — все это держит Европу в стратегической и энергетической зависимости.

Манипулируя различными инструментами влияния на процесс энергоснабжения Европой, США сохраняют и укрепляют над ней свой геополитический контроль. Одним из самых важных рычагов этого контроля является участие США в ближневосточной политике, постоянный контроль над нефтедобычей и доставкой нефти в Европу из арабских стран. При этом для США необходимо соблюдать постоянный баланс нефтедобычи в этом регионе, ограничивая его рост, чтобы у Европы сохранялась постоянная энергозависимость от северо-африканского региона.

Совершенно обратная ситуация в Венесуэле, где для США, напротив, выгодно повышение объемов добычи нефти, так как на этот раз от данного фактора зависит в определенной мере экономика самих США. И совсем не заинтересован атлантический полюс в развитии евразийского неф-

тедобывающего комплекса.

В настоящее время Объединенная Европа, очень мощная экономически, безусловно, заинтересована в том, чтобы усилить свою энергетическую безопасность, которая является прямой предпосылкой дальнейшего возвращения Европы в историю как важного геополитического субъекта. В этом смысле она фундаментально заинтересована как в прямом взаимодействии с ближневосточными регионами и проведением в них своей, независимой от США, ресурсодобывающей политики, так и в развитии евразийских месторождений и, соответственно, в транспортировке ресурсов по сухопутным маршрутам. Благодаря такой диверсификации поступления энергоресурсов Европа может сделать тот энергетический, а в конечном итоге, стратегический и геополитический скачек, к которому она тяготеет как новый потенциальный субъект, получающий большую степень свободы в проведении собственной геополитической стратегии в пространстве rimland.

В этом отношении вопрос о российско-европейских, российско-американских, российско-арабских отношениях в огромной мере предопределен размещением месторождений, их объемом, возможностью технологического освоения и статусом в международной политике, который имеет та или иная страна. К примеру, пока Ирак находится под санкциями ООН, его месторождения имеют одно значение и одни функции. Если санкции будут сняты — значение будет иным. Кстати, причиной нападения Ирака на Кувейт была именно несдержанность Багдада в стремлении получить прямой доступ к портам Персидского залива, открывающим Ираку возможность свободной поставки нефти во все страны мира — и в первую очередь, в Европу. Но и само государство Кувейт было изначально специально создано англичанами для того, чтобы контролировать стратегическую зону богатого Междуречья через марионеточное образование, полностью лояльное Великобритании и препятствующее прямому доступу Ирака к морским просторам. Заложенный в предыдущие столетия геополитический алгоритм остается действенным и в наше время. То же самое касается Ливии и Ирана. Императив атлантистского контроля потребовал в определенный момент ограничения поставок энергоресурсов богатых ливийских и тем более иранских месторождений, результатом чего стала международная изоляция этих стран, признанная под давлением США остальными государствами.

Россия как Евразия должна выстраивать свою ресурсную и энергетическую политику внутри страны и за рубежом исходя из своих собственных интересов, которые, по определению, не могут совпадать с тем, что устраивает атлантический полюс. Не трудно сделать вывод, что в этом

вопросе евразийские интересы России и энергетические приоритеты современного Евросоюза очень близки. Иными словами, и Россия и Евросоюз заинтересованы в реорганизации ресурсной и энергетической политики на значительном секторе rimland'a, "береговой зоны" от Европы до Ирана и Центральной Азии. И столь же очевидно, что США, напротив, заинтересованы в сохранении статус кво.

Теперь обратимся к восточному сектору "береговой зоны", окаймляющей евразийский материк. На Дальнем Востоке в рамках тихоокеанского региона существует пространство, которое во многих отношениях можно сопоставить с современной Европой. В первую очередь, речь идет о Японии и ее геополитических и энергетических перспективах. Своих ресурсов в Японии нет, и это при том, что она представляет собой колоссальный рынок потребления энергоресурсов. В этом смысле между Японией и Евросоюзом существует почти полная аналогия, и ей точно так же жизненно необходимы альтернативные способы поставки энергии, подключение к евразийскому евразийско-азиатскому потенциалу. Ответственные правительственные и экономические круги Японии сегодня ясно отдают себе отчет в том, что зависимость от США в энергетической сфере ограничивает Японию и не дает усилить ее геополитический статус. Наиболее дальновидные политики, профессионально занимающиеся геополитическим анализом, глубоко заинтересованы в совместном с Россией освоении евразийских пространств. На основе этой логики возникла идея создания системы транспортных сетей, которые бы связали Японские острова с континентальной территорией Евразии. Реализации этого проекта препятствуют политические моменты и вопросы об Курильских островах. Ту же функцию выполняет тема Чечни соблюдения "прав человека" в российско-европейских отношениях. В обоих случаях мы видим, что серьезной реорганизации геополитического пространства Евразии в выгодном для основных ее субъектов — России, Евросоюза и Японии — ключе препятствуют некоторые моменты, чье геополитическое значение представляется несопоставимо малым перед лицом той перспективы, которая открывается в сфере энергетического сотрудничества и совместной стратегии разработки природных ресурсов. Сама эта диспропорция наводит на мысль, что за этими "политическими" вопросами стоят фундаментальные интересы третьей стороны, заинтересованной в сохранении статус кво. Совершенно очевидно, речь идет о США.

Если спроецировать все высказанные соображения на более конкретную проблематику поиска инвестиций в геологоразведывательные проекты и развитие энергоресурсов, мы получим совершенно однозначную картину.

Максимум финансов и заинтересованности в развитии месторождений

находятся в странах Запада, и особенно в США. Англосаксонский капитал и соответствующие технология являются наиболее мощными в этой сфере. Но с учетом геополитических закономерностей легко понять, что не всегда конкретные инвестиции со стороны этого полюса, действительно, способствуют развитию этой сферы, не всегда декларируемая цель будет реализовываться, так как все зависит не столько от экономической рентабельности и прибыльности проекта, сколько от над-экономических, геополитических стратегических интересов. Вполне возможны инвестиции с целью замораживания производства. Контроль над месторождениями природных ресурсов, безусловно, является приоритетной задачей атлантического капитала. Развитие и эксплуатация их — совершенно иное дело, и здесь более не действительны никакие подсчеты и никакие объемы прибылей. Инвестиции атлантического полюса всегда имеют определенную геополитическую специфику. В "береговой зоне" и особенно во внутриматериковом пространстве Евразии они сопряжены со стремлением усилить контроль, но вместе с тем затормозить процесс развития. Поэтому американские (шире, англосаксонские) инвестиции в эту область на всем пространстве Евразии имеют совершенно определенный характер, и несмотря на их привлекательность могут привести не совсем к тем последствиям, которые изначально декларируются.

Теперь рассмотрим обратный вариант — возможность собственно евразийских инвестиций в эту сферу — как в России (СНГ), так и в "береговой зоне". Естественно, в нынешнем состоянии у России нет никаких экономических инструментов для самостоятельной стратегии в этом вопросе. Россия не может даже отдаленно рассматриваться как источник инвестиций в какую бы то ни было масштабную область. Это немыслимо при росте ВВП в 4%, но и при росте в 8% ситуация качественно не изменится.

Следовательно евразийского энергетический проект должен выстраиваться асимметрично относительно атлантистского проекта в этой области. Россия (Евразия) может выступить в роли энергетического диспетчера в новой модели организации евразийского энергетического комплекса, предлагая альтернативный атлантистскому алгоритм. Для этого у России есть все основания — и собственные месторождения, и пространственное расположение, ключевое для организации транспортных сетей, и особые отношения со странами СНГ и даже с некоторыми странами, рассматривающиеся как "парии" (Иран, Ирак, Ливия), и определенные навыки в энергодобыче, и серьезный интеллектуальный, логистический потенциал. Фатально отсутствуют лишь финансы.

Но здесь мы видим, что в случае Европы и Японии (шире, стран Тихоокеанского региона), напротив, есть дефицит самих природных ресурсов, пространства, политической свободы маневра, но финансово-инвестиционный потенциал, напротив, имеется в полном объеме.

Таким образом, евразийский проект приобретает вполне реалистичные черты, если учесть комплиментарность разных зон евразийского материка.

Эти соображения делают актуальным выработку нового формата евразийской энергетической стратегии. Так как здесь политика, экономика, энергетика, культура, история, дипломатия, отраслевые и технологические вопросы, конфессиональные и территориальные проблемы тесно переплетены между собой, то продвижение евразийского проекта требует объединения усилий многих инстанций — властных, силовых и отраслевых. Логичнее всего сосредоточить мониторинг этих проблем в единой консультационной структуре, объединяющей представителей Правительства, силовых министерств и ведомств, магнатов энергетических отраслей, интеллектуалов-геополитиков, финансистов и отраслевых специалистов.

Нам надо брать пример с США, где подобные объединения давно существуют и действуют в высшей степени эффективно — что мы и видим в современной геополитической картине мира, которая сегодня складывается, увы, отнюдь не в пользу Евразии.

июнь 2002 г.

А. Г. Дугин

ЭВАПОРИЗАЦИЯ ФУНДАМЕНТАЛА В "НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ"
Выступление в Центре Общественных Наук МГУ ("Экономико-философское собрание", июнь 2001 г.)

Экономоцентризм является общим знаменателем большинства социально-политических воззрений современности. Экономика видится истоковой реальностью общественного развития и одновременно судьбой. Спор с теми, кто придерживался других онтологических экваций, выигран был давно. Именно поэтому философский контекст, в который помещается сегодня тема "новой экономики", выяснение "онтологии турбокапитализма", и в частности, относительно катастрофичности "эвапоризации фундаментала", строго лимитирован парадигматическими предпосылками — *онтология классического рынка и тревожные перспективы ее утраты в новых тенденциях перехода к виртуальности*.

В чем же состоит специфика т.н. "новой экономики"? Среди всех обычно приводимых критериев, на наш взгляд, следует особенно выделить *дематериализацию реального сектора,* а именно существенное изменение пропорций между объемом и структурой капиталов, циркулирующих в традиционных сегментах классической экономики (производство, услуги, инвестиции), с одной стороны, и в области фондовых бирж, виртуальных финансов, игры на рынках ценных бумаг и деривативов разного рода (свопы, фьючерсы, варранты, опционы и т.д.), с другой.

Известный американский экономист Г.Б.Литвак, (выдвинувший и развивший, кстати, в свое время концепцию "геоэкономики"), предложил определить "новую экономику" как "*турбокапитализм*". В турбокапиталистической экономике — в отличие от экономики классического индустриального капитализма — *чисто финансовый спекулятивный сектор, фондовая игра, высокорискованные и краткосрочные операции с ценными бумагами* (что ранее составляло лишь фрагмент классической экономики, ее довольно небольшой сектор) *непропорционально возрастает, автономизируется, отрывается от классических моделей хозрасчетного баланса,* где область чистых финансов всегда сохраняет коррелятивность с производством, динамикой соотношения спроса и предложения, вращающихся вокруг конкретных товаров.

Некоторые теоретики "технического анализа" говорят о том, что современные фондовые биржи, и особенно рынки ценных бумаг и деривативов функционируют *в отрыве от обычного фундаментала капиталистической экономики, приобретая самостоятельность относительно сферы реального производства*. Объемы финансов, задействованные в кредитные и инвестиционные механизмы реального сектора, оказываются *во много раз меньше* объемов виртуального капитала, циркулирующего в области фондовой игры. На некоторых стадиях этого процесса происходит крайне интересное явление: *динамика эволюции цен становится на определенные промежутки биржевого времени совершенно независимой от хозрасчетной составляющей акций,* так как скорость рационального расчета фундаментала оказывается значительно более медленной, нежели время, необходимое для принятия решения биржевыми игроками. А следовательно, определенные моменты биржевой игры выпадают из-под логики динамики ценообразования, свойственной классическому капитализму. Подобные явления наблюдались и ранее, и некоторые приверженцы классической системы были склонны сводить это явление к случайным флуктуациям (random walk theory), которые выглядели как аномалия лишь при очень большом приближении, вписываясь в среднесрочных и долгосрочных моделях в нормативную логику эволюции рынка.

Турбокапитализм характеризуется тем, что фактически настаивает *на конститутивном нормообразующем статусе этих аномалий,* придает им самостоятельное теоретическое значение. Краткосрочные флуктуации ценовых трендов и высокорискованные операции ценными бумагами и деривативами берутся в качестве *приоритетного критерия* для оценки темпов экономического роста, а возрастание объема капитала, задействованного в этом секторе, в сравнении с традиционными секторами, видится как доказательство этого роста. Учет виртуального сектора циркуляции капиталов порождает впечатляющую картину процветания "новой экономики", а горячечное участие простых граждан в фондовой игре (в настоящее время беспрецедентное количество обывателей США являются держателями акций — это 50% всех американцев!) подкрепляет иллюзию.

Такой вектор виртуализации в условиях турбокапитализма сопровождается увеличением сервисного сегмента экономики, когда основные денежные массы вращаются не в области производства, а во вторичных секторах. Старая экономика, связанная с реальным сектором, обесценивается, начинает выступать в качестве второстепенной подсобной области. Менеджеры, специалисты в области PR-технологий, оформители, дизайнеры и т.д. оплачиваются несопоставимо выше, чем работники собственно производственной сферы и даже работники торговли.

Процесс виртуализации отражается и в том, какого рода компании становятся в центре фондовой игры. Это компании, связанные с "высокими технологиями", с информатизацией и логистикой информатизации. С этим направлением связаны основные ожидания держателей акций, оно максимально рекламируется в глобальном масштабе, как "экономическая судьба человечества". Любопытно, что эти технологии оцениваются через стоимость акций в существенном отрыве от их реальной прибыльности.

Причем зазор фондовой капитализации и реальной эффективности (прибыльности) подчас достигает сотен процентов. Например, в случае интернет-компании Yahoo этот зазор достигает беспрецедентной цифры в 1000%! Иными словами, люди, вкладывающие деньги в акции флагманов "новой экономики" (Microsoft, AOL и т.д.), руководствуются двумя различными мотивами. — В долгосрочной перспективе они покупают фьючерсную эффективность, т.е. платят за убежденность в том, что эти сегодня не очень эффективные компании через некоторое время совершат качественный рывок. На поддержание такой убежденности, на провоцирование ожиданий у держателей акций идет львиная доля прибылей, получаемых "новой экономикой". Очевидно, что категории "ожидания" и даже "убежденности" представляют собой *виртуальность*. Ожидания могут сбыться, но могут и нет. Эффективность этих компаний также виртуальна. Невиртуален, *а реален в такой ситуации лишь рост цен на акции*, и любой участник процесса может в этом убедиться, обменяв их на наличные деньги. Так как вся машина "новой экономики" направлена на поддержание ожиданий, то такие проверки не достигают критической массы, оставаясь частными случаями: купив и перепродав акции с выгодой, не приложив при этом никакого труда, держатель обязательно подвергнется искушению повторить проделанное.

В турбокапитализме происходит, таким образом, *эвапоризация фундаментала*. Что подчеркивает термин "эвапоризация", по-латински, "испарение"? Не то, что капитал исчезает в циркуляционных процессах "новой экономики", но то, что он *радикально меняет свое качество*. В классической модели деньги — кровь экономики. Кредиты, инвестиции, ценные бумаги, акции, займы и т.д., в конечном итоге, лишь *обслуживают реальный сектор, создавая операционную среду для возникновения, метаморфоз и исчезновения товаров*. Самые абстрагированные экономические модели применительно к индустриальному капитализму *не придают сфере финансов самостоятельного онтологического значения*. А значит, капитал остается привязан к материальной (или полуматериальной) реальности хозяйственной жизни, являясь все же *производным элементом*, хотя и получившим огромную степень самостоятельности. Какой бы сложной она ни была, но это все же *лишь функция от реального сектора*, его логистическая, хитроумная проекция.

В классической либеральной теории основной онтологической реальностью рынка остается все же т.н. "*фундаментал*", т.е. вполне конкретный и верифицируемый, связанный с конкретикой товара (или услуги), *баланс спроса и предложения*. Этот фундаментал является объектом самых усложненных головоломных манипуляций, которые и составляют живую ткань экономической истории. Разоблачение некоторых из этих манипуляций — суть марксизма. Но во всех случаях фундаментал сохраняется, какую бы позицию в отношении него ни занимали основные акторы экономического процесса.

В "новой экономике" именно этот фундаментал подвергается *качественной трансформации*. Сфера виртуальных финансов и ценных бумаг начинает постепенно заявлять свои права на то, чтобы отменить саму реальность рыночного фундаментала как основы операционной системы хозяйствования. И вследствие этого присвоить самой себе статус *ультимативной реальности,* постулирующей рыночный фундаментал в соответствии со своими ингерентными закономерностями тогда и там, когда и где это необходимо. В турбокапитализме первичное и вторичное, базис и надстройка меняются местами — в этом проявляется сама суть его виртуальности. Виртуальное — это возможное, рыночный фундаментал — это момент действительного. "Новая экономика" постулирует, что процессы в возможном автономны относительно действительного. Спрос и предложение, а также конкретное соотношение между ними не являются отныне "атомарными фактами" хозяйствования. Они, напротив, воспринимаются как побочное следствие колебаний трендов в фондовых играх. Спрос и предложение могут быть полностью спровоцированы или искусно визуализированы в зависимости от автономных биржевых процессов.

Эвапоризируясь, фундаментал переходит к особому уровню существования — это больше не предметы и отношения, выстраиваемые применительно к предметам, *но знаки и отношения, возникающие применительно к знакам* (см. Г.Дебор, Ж.Бодрийяр и т.д.).

Знак становится основным эквивалентом виртуальности. При этом знак, изначально призванный лишь временно замещать вещь, служить ее относительным и конвенциональным субститутом, приобретает *самостоятельную онтологию,* освобождаясь от зависимости в отношении обозначаемой вещи, представляя — начиная с некоторого момента — лишь себя самого. А раз так, то знак может быть интерпретирован через различные вещи, не имея точного эквивалента, *гипнотизируя сознание самим фактом своего наличия, своей самоценности*. Ценным становится само созерцание знака, уверенность в том, что он присутствует, что он где-то рядом. Знак при этом для недоверчивых и недоразвитых может доказать свою обратимость в фундаментал, но смысл турбокапитализма состоит в том, что эта обратимость столь "очевидна", что любые попытки свериться с реальностью воспринимаются как нечто досадное и неуместное, "нецивилизованное". "Conventional wisdom доверяет знаку" — это императив "новой экономики". Сомневаться в этом значит проявлять не совсем пристойные качества, "плыть против течения".

Здесь может сложиться мнение: *описанная таким образом модель представляет собой плотно нагнетенную иллюзию*. "Старая экономика", ведь, никуда не девается, ее законы никто ни отменял. И если реальный сектор не будет развиваться или вообще функционировать, то фосфорисцентная настройка виртуальных пирамид и перегретых рынков, несмотря на всю свою гипнотическую убедительность в какой-то момент рухнет... Когда зазор между эвапоризированным фундаменталом (осно-

ванном на онтологии знака) и фундаменталом реальным, классическим, достигнет *критической величины* произойдет обвал, рецессия, биржевый крах и все снова вернутся к неотменимым классическим моделям, к реальному сектору и т.д. На самом деле, все сложнее. Но давайте посмотрим, откуда проистекает такая точка зрения явных или неявных адептов "старой экономики", критикующих турбокапитализм и предрекающих его неизбежную кончину?

Чтобы адекватно разобраться в онтологии "новой экономики" следует вернуться в прошлое. Да, сегодня вырисовывается реальность "эвапоризации фундаментала" хозяйства. Но сам фундаментал, когда и каким образом стал он выступать в качестве базовой референтной онтологической реальности?

Сторонники "старой экономики" чаще всего таких вопросов не ставят. Для них онтологичность экономического понимания реальности принадлежит к разряду аксиом: хозяйство и его законы развития фундаментальны, поскольку они сопряжены с базовыми, основными аспектами человеческого бытия — с удовлетворением первичных материальных нужд и с вырастающей на их фундаменте сложной социально-психологической и политэкономической суперструктурой. Классическая экономика — и либеральная, и как ее экстравагантный дериват, марксистская — исходили (по умолчанию) из признания за логикой развития хозяйства глубинной онтологичности. Экономика и ее поле были рассмотрены как самая глубинная основа человеческого бытия, как черта "реальности", в ее этимологическом смысле — "вещности".

Экономоцентризм является общим знаменателем большинства социально-политических воззрений современности. Экономика видится истоковой реальностью общественного развития и одновременно судьбой. Спор с теми, кто придерживался других онтологических эквации, выигран был давно. Именно поэтому философский контекст, в который помещается сегодня тема "новой экономики", выяснение "онтологии турбокапитализма", и в частности, алармистские сигналы относительно катастрофичности "эвапоризации фундаментала", строго лимитирован парадигматическими предпосылками — *онтология классического рынка и тревожные перспективы ее утраты (трансмутации) в новых тенденциях перехода к виртуальности*. При этом усиление виртуализации распознается сторонниками "старой экономики" как катастрофическая аберрация, как некий исторически случайный "тупик эволюции". Далее ими прогнозируется либо крах турбокапитализма и возврат к классическим нормативам хозяйства, либо тотальная катастрофа. Интересно, что апологеты "новой экономики", к философским заключениям которых, впрочем, следует прислушиваться с большой осторожностью, так как конъюнктурный (и солидно оплаченный) характер выводов очевиден, решают эту задачу более остроумно и (на наш взгляд) более последовательно: они утверждают, что *виртуализация хозяйства и автономизация знаков не несут в себе*

особой драмы, и человечество (пусть не все) прекрасно разместится в самогенерирующемся зрелище, как ранее оно ассимилировало вызов Нового времени и углубилось в экономоцентризм. Эта позиция взятая с определенными коррекциями более интересна, нежели "предостережения классиков" (не говоря уже об арьергардных залпах исчезающих как вид марксистов, захлебнувшихся постиндустриализмом). Там, где апологеты "старой экономики" опознают невиданный разрыв, сторонники турбокапитализма наблюдают *континуум*; то, что "классики" рассматривают как случайную девиацию, "виртуалисты" отождествляют с единственно логичным и вытекающим из всего предыдущего этапом.

Чтобы адекватнее охватить взглядом суть проблемы, следует обратиться к историческому и парадигматическому контексту, в котором появились первые экономические теории. Конечно, определенные аспекты осмысления хозяйства были всегда, во всех обществах. Но до определенного, строго фиксируемого исторически, момента они не претендовали (и по множеству причин не могли претендовать) *на статус автономной дисциплины, а тем более на функцию приоритетной философской интерпретации*.

Заметим, что вначале теоретические построения Адама Смита и других основателей политэкономии не претендовали на онтологические обобщения, рассматривались как инструментальное и прикладное развитие общего либерал-механицистского подхода, применяющего социально-философские установки Ф.Бэкона, Дж.Локка и Дж.Гоббса и физико-математические методики Г.Галилея, И.Ньютона к области хозяйства. Но именно в этой прикладной поначалу области политэкономии сосредоточились основные мотивы Нового времени, сведенные к симплистской, физико-математической формуле. Производность человека и человеческого опыта, а следовательно человеческого бытия, от некоторых низших, материально-онтических, примарных реальностей — от мира вещей и его закономерностей, а также системы обменов и вожделений, с ними связанных — стала замечательным и дерзким выводом из основного вектора мышления Нового времени, легко воплощаемым в рационально исчислимые структуры, наглядные и прекрасно применимые на практике. Но, как часто бывает, весь объем онтологических импликаций из такого поворота вывели не сами классики политэкономии, но их самый серьезный и основательный противник, Карл Маркс, гениально распознавший именно в области экономики поле эсхатологической битвы человечества за смысл и судьбу реальности.

Как бы то ни было именно тогда, на переломном моменте наступления Нового времени и в контексте общей гносеологической революции, отказывающей нормативам традиционного общества в доверии и активно разыскивающей корни онтологии в системах материальных предметов и представлений о них, *зародились первые ростки* онтологии рынка, а значит, тот самый фундаментал, эвапоризация которого внушает сегодня многим столь серьезные опасения. Дезонтологизация хозяйства не является, таким образом, ис-

ключительным свойством "новой экономики". Турбокапитализм, доминация виртуального сектора лишь продолжает и развивает импульс, данный в самих истоках современного хозяйства.

В ценностной системе традиционного общества, которая была осознанно и последовательно опрокинута Новым временем, хозяйство обладало вторичным качеством,

Хозяйство в целом не могло быть фундаментальным, и автономная логика рынка постоянно осекалась высшими инстанциями, *подчиняющими весь этот план иным приоритетам, сопряженным с системой идей, жестко доминирующей над системой вещей*.

Онтология хозяйства была частным случаем онтологии общества (политики), а она, в свою очередь, частным случаем онтологии Церкви. Новое время само по себе было уникальным периодом эвапоризации иного фундаментала — фундаментала традиционного общества. Этот фундаментал не исчез окончательно (поэтому мы и говорим именно об "эвапоризации", а не об отмене), но поменял свою природу, воплотился в нечто иное.

Каждый вопрос стал измеряться его ценой. Экономические циклы и денежные инструменты стали общей мерой, вытеснив дух, волю, силу. Онтология традиционного общества была растворена. Несгибаемые консерваторы предрекали, что мир без фундаментала долго не простоит...

Однако история показала, что новые ценностные установки вполне способны конденсироваться в нечто *относительно устойчивое*, и эпохи становления капитализма, его экспансии, его материализации, его проникновения во все поры человеческого бытия и общественных институций породили масштабную картину его динамической стабильности. Фундаментал рыночного баланса справился со многими вызовами. С огромным трудом и ценой невероятных издержек был побежден марксизм, расставивший знаки в этической оценке надвигающихся общественно-политических перемен обратным образом, нежели те, кто без особой рефлексии двинулся по столбовой дороге капитализма. И как раз в тот момент, когда победа над марксизмом предстала как нечто окончательное, и наследие Нового времени безальтернативно досталось либерал-капиталистической системе, снова на повестку дня встал вопрос о серьезной качественной мутации онтологии капитализма — в сторону виртуальной логики турбокапитализма, к парадоксальным лабиринтам "новой экономики".

С одной стороны, *дезонтологизация капитала представляется катастрофическим явлением*. С другой стороны, это закономерный процесс: автономная онтологизация хозяйства, неявно присутствующая уже у классиков, и до конца распознанная Марксом (в альтернативной этической системе координат), означала дезонтологизацию более масштабной системы ценностей традиционного общества, где миры материальных предметов были крайней периферией. Эти предметы и их циклы (shenanigans of the commodity — Хаким Бей) казались весьма малой реальностью

в сравнении с массивом спиритуальной, позже политико-феодальной онтологии традиционных обществ. Тогда реальным и даже актуальным признавалась безусловная сфера метафизических принципов, а область хозяйства была сферой вторичного и случайного. Это означало, что экономическая модель могла варьироваться в зависимости от более глубоких социальных трендов.

Из всех этих соображений следует: "новая экономика", разъедая знакомый нам в последние столетия фундаментал, делает нечто подобное, что произошло тогда, когда этот фундаментал был утвержден впервые. *В турбокапитализме мы достигаем не просто границ онтологии, но границ онтологии третьего сословия, пределов буржуазной системы мер*. Причем сама "новая экономика" еще не новая эра — это двусмысленный, а то и многосмысленный вызов, предлагающий распроститься со старым, *но не предлагающий вместе с тем ничего нового*.

Процесс эвапоризации фундаментала в "новой экономике" достаточно легко поддается фиксации. Гораздо сложнее определить то, во что он выльется.

Родится ли из этого нечто новое? Рухнет ли, не выдержав пограничных напряжений — ведь сам человеческий вид пролифирацией новых технологий, автоматов, виртуализации и генной инженерии поставлен под вопрос? Обратится ли человечество к тому, что было легкомысленно оставлено им на пороге Нового времени? Станет ли сфера "новой экономики" областью борьбы различных геополитических, культурных и цивилизационных тенденций?

Это открытый вопрос, в решении которого нам всем предстоит принять участие.

РУСЬ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ

А.Г. ДУГИН

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ

Выступление на VI Всемирном Русском Народном Соборе (декабрь 2001 г., Храм Христа Спасителя)

Глубокоуважаемый г-н Президент, Ваше Святейшество Патриарх Московский и Всея Руси, досточтимые архипастыри, высокие гости, делегаты и участники VI Всемирного Русского Народного Собора!

Позвольте приветствовать всех вас от имени Общероссийского Политического Общественного Движения "Евразия" и выразить вам искреннюю благодарность за организацию Собора в этом святом для каждого русского человека месте и участие в таком важном, насущном и историческом деле.

То, что происходит сегодня, я глубоко убежден, будет иметь далеко идущие последствия. Цвет нации собрался сегодня в этих стенах, и быть может, впервые с такой отчетливостью, пронзительностью и силой, с болью и надеждой поставлен вопрос о судьбе нашего русского народа. Народа, который сегодня снова находится на перепутье, снова колеблется на пороге важнейшего выбора, всматривается в глубины нашей истории, нащупывает нити, соединяющие нас с нашим великим прошлым, обращает взгляд в будущее, совещаясь и раздумывая: к какой цели идти, какую стезю избрать?

При всем различии взглядов, я убежден, что каждому из нас по сердцу слова нашего Президента: "Россия может быть либо великой, либо никакой!" Мы — великороссы. Мы стали народом под сенью Великой Мечты и Великой Цели, и не мыслим себя иными.

За величие история требует высокую цену. Но сколько раз мы доказывали, что иной судьбы нам не надо. И сегодня все повторяется вновь. Мы собираемся духом, силой, умом, совещаемся, советуемся друг с другом, чтобы двигаться дальше, чтобы и впредь созидать и творить нашу особую, ни на что не похожую, священную русскую судьбу.

Всегда в сложные времена русский народ за советом и словом спасения обращался к Православной Церкви. Мы стали народом, тем, кем мы есть, благодаря Православию, под сенью Православия, внутри Православия. Как бы далеко мы ни отходили от Веры Отцов, есть что-то такое, что сильнее всех исторических обстоятельств. И эта тайная сила заставляет нас вновь и вновь возвращаться к Матери-Церкви, к христианской вере, как духовной оси нашего общенародного, державного бытия. Поэтому символично, что сегодня высокий Собор окормляет сам глава Русской Православной Церкви, святейший Патриарх Алексий и высокопреосвященнейший владыка митрополит Кирилл. Этим мы словно хотим сказать: и прошлое и будущее немыслимы для нас без святого Креста Господня, без веры в Господа нашего Исуса Христа Сына Божия.

Опрос ВЦИОМ

Позвольте мне привести следующий пример.

Совсем недавно 13 ноября 2001 года Всесоюзный Центр Изучения Общественного Мнения опубликовал результаты масштабного опроса о том, какой именно страной, принадлежащей к какой цивилизации, считает большинство россиян нашу Родину. Результат получился следующим:

"По мнению 71% опрошенных россиян, Россия принадлежит к особой — "евроазиатской" или «православной», — цивилизации, поэтому ей не подходит западный путь развития. Только 13% считают Россию частью западной цивилизации."

На мой взгляд, эта краткая формулировка заключает в себе информацию исторического, судьбоносного значения.

Православие как цивилизация

Сразу хочу обратить ваше внимание на следующее выражение "евроазиатская" или "православная" цивилизация. Эти понятия как синонимы при проведении массового статистического опроса использованы далеко не случайно. Я думаю, что такая формулировка появилась спонтанно, может быть даже неосознанно. Но ее точность и ее глубочайший смысл очевидны.

Само выражение "православная цивилизация" очень много говорит нам. Цивилизация — понятие значительно более широкое, нежели религия. Религия подчас имеет сугубо личное измерение. Так, каждый человек волен сам выбирать свой путь ко спасению души, и в этом вопросе не может быть принуждения или насилия. Принадлежность к цивилизации, напротив, делом выбора не является. Цивилизация через множество путей — язык, культуру, этику, обычаи, символы, привычки, жесты, тексты, высказанные и подразумеваемые нормативы поведения — формирует личность сызмальства, закладывая основы взрослой жизни, конструируя самые первичные культурные реакции, порою наличествующие на бессознательном уровне.

Религия предполагает сознательный выбор, цивилизация — пронизывает нас помимо нашей воли, мы являемся ее продуктами независимо от того хотим мы этого или нет.

Поэтому, когда вопрос заходит о "православной цивилизации" мы должны сосредоточить свое внимание не столько на сознательных христианах, воцерковленных чадах Церкви, но на том культурном типе, который исторически сформировался и постепенно утвердился на Руси. Русский народ и есть зримый результат, воплощение "православной цивилизации". Все наши отличия от других народов (равно как и общее) — результат этого цивилизационного воздействия.

Русский характер как результат влияния православной нравственности

При этом не суть важно, отдаем ли мы сами себе отчет, откуда взялись такие специфически русские черты, как созерцательность, небрежение дольними практическими делами, великодушие, открытость, доброта, общинность, сострадание к обездоленным, неприязнь к жесткой эгоцентрической конкуренции, жертвенность, любовь к Отчизне, смешение личного и социального, духовного и материального, интуитивность и эмоциональность оценок, приоритет правды, нравственности над законом и правом, удивительно проникновенное восприятие земли, почвы, чувство цельности, неприязнь к дробности мира, консерватизм (но вместе с тем любовь к крайностям) и многое другое. Каждый русский человек (в широком смысле — каждый, кто испытал на себе воздействие русской цивилизации) обязательно в той или иной степени наделен этими чертами. И эти культурные черты суть ничто иное как православное учение, вошедшее в быт, в плоть и кровь поколений, это христианская нравственность, высокие идеалы Нового Завета, впитавшиеся в самую основу русской души.

Если пристально вглядеться в историю Руси и историю Русского Православия, можно проследить, каким образом богословские, догматические споры между Восточной Церковью и отпавшим от Вселенского Православия Римом еще со времен Византии (когда сама Русь была языческой и еще не познавшей Христовой истины) предопредели тот комплекс духовных, культурных, нравственных и даже бытовых установок, которые мы воспринимаем сегодня как естественные проявления русского характера. Загадочность русской души таится в таинственных судьбах Вселенского Православия, и поэтому разгадать ее методами чистого рассудка, действительно, невозможно.

Православие для нас, русских, — наша матрица, цоколь нашего исторического бытия.

Что такое западная цивилизация?

Вернемся теперь к уже упомянутому опросу ВЦИОМа. Евроазиатско-православной цивилизации в нем противопоставляется "цивилизация западная". И это тоже не случайно. Формирование западной системы ценностей — в Европе, а позднее в США — шло по совершенно иной траектории, нежели судьбы русской, в широком смысле, евразийской цивилизации. Начиная с католичества через схоластику Средневековья и позднейший триумф рационализма, пути Запада вели в совершенно противоположном, в отличие от нашего, направлении. Для западного человека характерны: оттачивание практического рассудка, деловитость, индивидуализм, прагматизм, четкое юридическое сознание, строгое разделение частного и общественного, духовного и светского, дискретность оценок, рациональность, преобладание частных интересов над общественными, пристрастие к точным вербальным определениям, ориентация на разумную середину, взвешенность суждений, пренебрежение к созерцательности, слепая вера в прогресс, прагматическое отношение к природе и людям, технический склад ума и т.д.

Христианский Запад был взращен на рациональной латыни, с точными техническими терминами Христианский Восток унаследовал сложную, парадоксальную, онтологическую лексику древних греков — народа философов и созерцателей. В Средние века это был догматический спор, потом — окончательный разрыв между двумя ветвями христианства. Но и в Новое Время, когда и Запад и Восток вышли из тех религиозных форм, которые их породили, цивилизационный результат оказался не менее разительным: стремительная секуляризация Запада породила индивидуалистический либерал-капитализм, секуляризация христианского Востока дала обратный результат — экстремальные формы общинности, социализм.

Переход к секулярным формам не снимает цивилизационных противоречий

Но казавшиеся еще вчера незыблемыми установки материалистических атеистических идеологий сегодня на глазах рушатся, и мы, как на Востоке, так и на Западе, вновь возвращаемся к тем истокам, благодаря которым мы есть те, кто мы есть, к тем изначальным кодам, которые лежат в основе наших цивилизаций. Правда заключается в том, что эти коды глубоко различны, и напряженные отношения между Востоком и Западом имеют не случайную природу и более чем тысячелетнюю историю.

В секулярной ли, в догматически религиозной ли формах, но наши цивилизации являются разными, существенно и глубинно отличными друг

от друга. Поэтому говорить о едином "христианском мире", включающем все номинально христианские конфессии, могут только невежественные люди. Между "евроазиатско-православной" цивилизацией и "западной цивилизацией", действительно, существует противоречие, альтернативность, исторически сложившееся сложнейшее "или-или".

Такое положение прекрасно подтверждается законами геополитики — науки, развитию которой в современной России я отдал много лет моей жизни. Геополитика утверждает, что между определенными типами государств и культур существуют более глубинные противоречия, нежели исторические претензии, различия социально-политических или экономических систем, конфессиональные разногласия, территориальные требования и т.д. Причем эти противоречия проявляются на самых разных этапах истории — как в религиозно-конфессиональных, так и в светских формах. Ярким подтверждением этому на современном этапе является и то, что после отказа России от идеологического противостояния с Западом и одностороннего роспуска Варшавского договора (а затем и ликвидации СССР), блок НАТО никуда не исчез и продолжает свое планомерное распространение на Восток. Идеологические расхождения с новой демократической Россией отсутствуют, а геополитические противоречия никуда не исчезли... Потому что они не могут исчезнуть в принципе.

То же самое мы наблюдаем и на примере постхристианских обществ Запада и Востока. Большинство людей и на Востоке и на Западе уже не могут правильно произнести свой Символ Веры, даже не подозревая о той существенной богословской нагрузке, которая заложена в добавлении католиками Filioque, однако ощущение цивилизационной и духовной чужеродности остается при этом не менее острым.

Не конфликт цивилизаций, но диалог культур

Утверждая и признавая этот фундаментальный дуализм христианской и постхристианской цивилизаций, мы должны перед своими предками и потомками, перед всем человечеством взять на себя ответственность за то, чтобы это безусловное различие цивилизаций не перешло в "конфликт цивилизаций", но развивалось в режиме их диалога. Идя навстречу всем мирным и созидательным инициативам, исходящим от Запада, мы должны твердо блюсти собственную цивилизационную идентичность, в уникальности которой (как показывает тот же опрос) убеждено подавляющее большинство россиян. Более того, мы должны углублять ее, укрепляя в творческом диалоге и с Западом и с нехристианским, неправославным, Востоком наше собственное цивилизационное, русское, евразийское "я".

Сторонники западничества, абсолютизирующие его исторический опыт и призывающие немедленно и безотлагательно "идти в Европу", строить по либерально-демократическому образцу "гражданское общество" (безжалостно уничтожая при этом нашу цивилизационную самобытность), демагогически пугают нас тем, что если мы, русские, будем настаивать на "особом пути", "особом цивилизационном выборе", на верности нашим традициям и нашим корням, то это, якобы, приведет к мировому конфликту, вызовет насилие и кровь. Это ложь. Трагическим конфликтом чревато пренебрежение к цивилизационным устоям, игнорирование мнения 71% россиян, евразийцев, русских людей. Неоднократно нас пытались загнать "в Запад" силой, и исторический опыт России показывает, что из этого ничего не получилось. И не получится. Гордое, свободное, достойное, осмысленное утверждение нашей цивилизационной самобытности, спокойное осознание своей силы, вера в свое величие — это и есть гарант мира и согласия, возможности вести открытый, доброжелательный и взвешенный диалог с другими цивилизациями. Величие России — не источник проблем и угроз, а залог нашей безопасности, что бы ни говорили вечные клеветники России.

Евразийство как сущностно православное явление

Иногда мы, евразийцы, слышим от нашего духовенства упрек: отождествляя Православие с религией Евразии, мы, якобы умаляем его Вселенский смысл, а тезис о "православной" и, тем более, о "евразийской" цивилизации растворяет будто бы ясность и цельность православного церковного вероучения. На это можно ответить, что евразийство ни в коем случае не посягает на сферу догматики, полностью оставаясь под окормлением Русской Православной Церкви и ревностно исповедуя православную веру. Просто мы подчеркиваем, нисколько не претендуя на истину в последней инстанции, тот замечательный факт, что история и география демонстрируют нам удивительную преемственность Восточного христианства и особенно Русского Православия — в его культурно-социальном, этическом, психологическом и политическом планах с цивилизационным вектором, характерным для Востока и его традиций, и напротив, множество противоречий с основными векторами развития цивилизации Запада. И это замечание отнюдь не противоречит Вселенскому измерению Православной Церкви, открывающей двери спасения всему человечеству, независимо от рас и культур. Но Восток, Евразия — это понятие не чисто географическое, но духовное. На Востоке расположен рай, в эту сторону обращены алтари наших храмов. Каждый, кто принимает Православие, обращается к этому вечному невечернему Востоку, вступает на путь духовной истины. Стано-

вясь членом Русской Православной Церкви, каждый становится хотя бы немного русским.

Евразийство — это мировоззренческое и социально-политическое учение, разработанное горячими русскими патриотами, глубоко православными людьми, наследниками славянофилов, Достоевского, Константина Леонтьева и Данилевского. Это мировоззрение глубоко консервативное по духу, но открытое к диалогу с современностью, призванное не размыть нашу идентичность, но укрепить и развить ее, сделать ее активной, самосознательной, даже наступательной, если угодно.

Будучи православным в своем ядре, оно открыто для других народов России, в широком смысле Евразии, для других традиционных конфессий, приверженцы которых сохраняют верность русской цивилизации, российской государственности, константам нашей культуры, нашего исторического пути. Именно таким было и остается истинное евразийство — от православных патриотов князя Н.С.Трубецкого, П.Н.Савицкого, Н.Н.Алексеева, В. Ильина, через великого русского историка Льва Гумилева до нашего движения "Евразия". Без Русской Православной Церкви, с нашей точки зрения, Евразии просто не может быть. Ее место в Евразии — центрально.

Евразийское большинство

Итак, опрос ВЦИОМ, с которого я начал свой доклад, говорит нам очень много. В нем абсолютно верно отмечено конечное тождество православного и евразийского отношения к особости русской цивилизации.

Кроме того, оптимизм — в том числе и в электоральном смысле — внушает высокий процент тех, кто признает евразийскую уникальность России (равно как и мизерность доли тех, кто наивно полагает, что мы, русский народ, русское Государство — всего лишь недоделанный, недоразвитый, неудавшийся пародийный Запад).

Счастливы будут те правители России, которые признают и согласятся с тем, что у нас есть свой особый путь, своя особая судьба, и еще более счастливы будем мы, русские люди, евразийцы, если у нас будут такие правители.

Благодарю за внимание. Спаси Христос!

А. Г. Дугин

ПРАВОСЛАВИЕ И ГЕОПОЛИТИКА

Выступление (тезисы) на секции "Церковь, Государство, Нация" VI Всемирного Русского Народного Собора

Геополитический индекс в истории христианства

Фундаментальность геополитики как дисциплины очевидна, так как на ее базе мы можем объяснить определенные закономерности не только социально-политической истории, но и истории религий.

Пример: история разделения христианских Церквей с IX века по настоящее время. Разделение Римской империи на Восточную и Западную есть явление геополитическое и исторически обусловленное. Однако, как это не удивительно, географический раскол отражает также и дифференциацию культур Средиземноморья.

Дуализм "Греция — Рим" философски соответствует дуализму: "рационализм — созерцательность", "практика — умозрение", "рассудочные понятия — целостные категории" (см. работы Хайдеггера).

Западная Церковь трансформирует не столько букву христианства (хотя и букву тоже), сколько дух. Рим тяготеет к морю, Царьград к суше.

Можно сказать, что с первых веков воцерковления Римской империи постепенно проясняются два полюса культурно-духовной интерпретации Благой Вести. До какого-то момента единомыслие удерживается, но потом линия раскола становится все более и более очевидной. Геополитика, оперирующая с дуальным кодом, помогает систематизировать по определенному признаку историю христианства. Мы имеем дело не с разнообразием христианских конфессий и церквей, но с двумя группами: с Восточным христианством (преимущественно, с Православием, а также с типологически близкой ему Армянская монофизитской Церковью) и Западным христианством (преимущественно католичеством, из которого вышел позднее веер протестантских сект). Здесь в рамках христианства проявляется общий цивилизационный дуализм: Восток-Суша соответствуют созерцательности, умозрению, холизму, целостности, сердечному знанию; Запад-Море — практицизму, индивидуализму, дискретности, рассудочности.

Россия как сухопутная держава

В истории Руси есть свой геополитический дуализм. Есть две противоположные оси: "Киев-Чернигов-Новгород" и "Владимир-Суздаль-Москва". Изначально обе оси находились под влиянием Византии и политически и религиозно. Но позднее на западных пространствах Руси все более и более стало сказываться влияние Европы. Восток же тогдашней Руси — Владимир и Москва — были оплотом дважды сухопутного цивилизационного импульса. Это удвоенная сухопутность Москвы особенно проявилась после распада империи Чингизхана и автономизации и возвышения Улуса Джучиева. Ось "Сарай-Москва" — чьим зримым воплощением является сегодня Крутицкое подворье, бывшая ставка архиепископа Сарайского — была прообразом грядущего Московского царства.

После полного освобождения Москвы от контроля Орды Русь оказалась в авангарде двух радикально сухопутных тенденций:

— византийской (чью государственно-религиозную эстафету Русь в полной мере приняла после падения Царьграда),

— ордынской (чью эстафету Русь приняла после распада Золотой Орды, как административный, политический, пространственный импульс).

Оппозиция западной цивилизационной матрице в Московском Царстве была полной. Здесь важно отметить, что такие события как установление Патриаршества на Руси, наречение великого князя Московского Царем и Самодержцем Всея Руси, объявление Москвы "Третьим Римом", канонизация русского обряда Стоглавым Собором, созванным митрополитом Макарием — все это важнейшие признаки превращения Руси в самостоятельный полюс цивилизации. До этого Русь была просто страной — совокупностью княжеств. С этого момента Русь стала именно цивилизацией, подобной не странам (Франции, Австрии, Германии), но "большим пространствам" (подобным Европе в целом). Начиная с Московского периода Русь уже не страна, но духовный политико-социальный континент. Русь с этих пор есть Евразия. Именно двойное наследие — византизм и приемственность Орде — сделало русских русскими. Великороссы как народ, как этнос, как язык, как культурный тип появляются именно в период Московского Царства. Конечно, Киевская Русь, Новгород, Галиция, Чернигов, Псков — это часть нашей политико-религиозной истории. Но это все же лишь пролог, становление. Настоящая история Руси начинается в эпоху "Третьего Рима". До этого русские лишь готовились стать Москвой.

После раскола они по инерции продолжали ей быть.

Москва есть геополитический полюс Суши, несущая точка опоры всей континентальной конструкции. Москва — это ядро евразийского начала.

Геополитический фактор в расколе

Базовое для русской церковной и политической истории явление — раскол XVI-го века может быть интерпретирован и геополитически. Неслучайно среди роковых для русской церкви фигур-делателей раскола так много представителей Киевской семинарии и тайных папских легатов. Ключевой момент — лингвистическая основа книжной справы. Исчерпывающую оценку этому дал лингвист и евразиец кн. Николай Трубецкой (один из "отцов структурной лингвистики", основавший вместе с Романом Якобсоном, т.н. «Пражский кружок»). Справа состояла не столько в сверке старорусских книг с новогреческими изводами, но, главным образом, в подгонке московской редакции церковно-славянского языка под нормативы киевской, малороссийской редакции.

Носителями нового обряда первые сто лет были сплошь малороссы. Это от них пошли обливательное крещение, крыж вместо восмиконечного креста и другие квази-униатские крипто-католические элементы. Великороссы некоторое время после раскола были первыми подозреваемыми в симпатии к "брынской", "раскольничей" вере. Таким образом, новообрядчество было теснейшим образом связано с западничеством.

Равнение же на греков XVII века (особенно если учесть, что на соборе 1666-67 годов от имени патриарха Константинопольского и Иерусалимского действовали и вовсе самозванцы) также было далеко не евразийским деянием, так как Фанар к тому времени давно уже утратил политическую составляющую евразийской византийской государственности.

Собственно, и сама Флорентийская уния — т.е. обращение на Запад — была мистически осмысленной причиной отдаления Руси от греков. Движение к католикам — это, безусловно, антиевразийская тенденция. Именно в результате определенного прерыва связей с Царьградом, усугубившихся последующим турецким завоеванием, русский обряд законсервировался в форме древнего Студийского устава. Отсюда же на Руси сохранилось древнее двуперстие.

Двуперстие — символ не только Старой Веры, но и евразийской тенденции Православия, символ Московской и великороссийской ориентации, вопреки малороссийской, ново-греко-киевской.

Что такое атлантистский путь развития РПЦ в будущем?

Сегодня Россия вновь на распутье. Опять стоит выбор между Западом и Востоком, между сохранением евразийской идентичности отказом от нее в пользу Запада, морской цивилизации, атлантизма.

Основные закономерности геополитики непреложны и объективны. Уйти от себя Россия не может. Ни кровь, ни жестокость, ни насилие не дадут результата. Россия есть Евразия, и никакими декретами это обстоятельство не отменить. Этого не смогли добиться ни Петр, ни кадеты и эсэсеры Февраля, ни большевики. Евразийская идентичность неизбежно проявит себя.

Как сопряжен этот геополитический выбор с Православной Церковью?

Здесь можно выделить две тенденции: "атлантистский" и "евразийский" сценарий развития РПЦ.

В случае атлантистского выбора.

Православие будет минимализироваться. Фундаментальные стороны Церкви (обряд, догматы и пр.) искусственно демонизироваться, жизнь клира — всячески очерняться. Особенно это коснется традиционалистских тенденций, которым будет инкриминироваться "обскурантизм", "мракобесие", несоблюдение "прав человека", ограничение "свободы личности" и т.д. Все собственно православные черты, сохранившиеся в РПЦ, будут подвергнуты критике. Различные же модернистские тенденциии — "кочетковщина", "меневщина", "церковный либералам" — приводящие Церковь к некому подобию протестантизма, сводя ее учение до уровня светской морали, с вероятным отказом от некоторых таинств, понижением планки благочестия, ориентацией на смешение в общехристианском протестантского типа "плавильном котле", напротив, будут всячески поощряться. Видимыми признаками этого процесса станут перевод богослужения на современный русский язык, новая волна эйкуменизма, модернизация Церкви и т.д.

Будут редактироваться церковные догматы. Наиболее сложные для современного рационального сознания сюжеты Священного Писания и Священного Предания будут перетолковываться как "моральная аллегория", либо цензурироваться. Будут копироваться католические и протестантские моральные и социальные доктрины. Религия будет все больше отдаляться от Государства, политики, образования.

Государство будет бездействовать перед лицом импортированных культов и сект, не препятствовать расколам и усобицам, ставя на одну планку традиционные религии и ереси, экзотические или искусственно созданные культы под предлогом невмешательства в вопросы "свободы совести". Другими словами, в ускоренном темпе будет проделан тот путь секуляризации, который Запад прошел постепенно в течение последних нескольких веков. Такой вектор развития можно определить как атлантистский или Морской.

Что такое евразийский вектор развития РПЦ в будущем?

"Евразийский сценарий" приблизительно состоит в следующем:

РПЦ признает свою ответственность не только за религиозную сферу, но и за социально-политическое бытие русского народа, евразийской цивилизации. Усилятся разнообразные москвоцентричные тенденции, вопреки санкт-петербургским, сопряженным с приматом светского, секулярного подхода.

Церковь будет активно взаимодействовать с Государством и обществом, соучаствовать в наиболее важных государственных решениях, окормлять власть не только духовно, но и концептуально, на основе той системы ценностей, которая составляет основу православного мироучения. Т.е. будет взят курс на сакрализацию политики и социальной сферы в православном ключе.

Параллельно в обрядовой сфере новый импульс получат дораскольные обычаи в совершении чина Крещения (трехпогружательного), молитвы, церковного пения (знаменный распев). Будет дан "зеленый цвет" единоверческим инициативам, сугубое внимание будет уделено связям со старообрядцами.

РПЦ заявит свои претензии на формирование мировоззрения россиян — через образование, СМИ, широкое распространение нормативов православной нравственности.

Государственный приоритет (и де-факто и де-юре) будет закреплен за РПЦ (наряду с другими традиционными для России религиями — традиционным исламом и иудаизмом, а также буддизмом). Это можно будет назвать евразийской (сухопутной, континентальной) тенденцией.

Излишне, наверное, упоминать, что движение "Евразия", все мы — чада Православной Церкви, русские люди, которым небезразлично наше прошлое и наше будущее, сделаем все от нас зависящее, чтобы реализовался второй сценарий.

Благодарю.
Спаси Христос

Декабрь 2001 г.

А. Г. Дугин

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ РУСИ (РОССИИ) НА РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭТАПАХ (доклад в Институте философии РАН, февраль 2002 г.)

Модели осмысления русской истории

Очевидно, что история это дисциплина, отражающая мировоззренческие установки того общества, в котором она изучается. В зависимости от этих установок варьируются не только нюансы оценок или моральные знаки, поставленные перед теми или иными событиями и персонажами, но и сама *методология*. В зависимости от того, кем и в каких исторических условиях написана история народа (государства), в зависимости от национальности, конфессиональной и идеологической, а также классовой принадлежности автора (группы авторов, целой исторической школы), мы заведомо будем иметь *разные* результаты. История не может быть "строгой наукой", это типичная гуманитарная область, в которой отражается структура человеческого духа, всегда осуществляющего (сознательно или бессознательно) цепочки сложнейших выборов.

Русская история во всех ее версиях также является *продуктом мировоззрения*. Поскольку Россия всегда выдвигала довольно амбициозные исторические проекты с отчетливо выраженным "универсализмом" и "мессианством", то ее соседи, и тем более соседи с Запада, обладающие своими собственными, весьма отличными от русских, "универсализмом" и "мессианством", выработали довольно критическую "концепцию русской истории". Естественно, эта "внешняя версия" русской истории была чрезвычайно пристрастна, хотя в совершенно ином ключе и с совершенно иным семантическим рисунком, нежели разновидности русской истории, написанной русскими. Это замечание чрезвычайно важно для нас. — Когда мы имеем дело с описаниями и исследованиями русской истории, предпринятыми *западными* авторами, мы должны постоянно иметь в виду, что прямо или косвенно, сознательно или по инерции воспроизводя глубинные культурные клише, они на парадигмальном уровне движимы подспудным стремлением либо "разоблачить" претензию на "универсальность", отличную от их собственной, либо "доказать ее несостоятельность", либо подчеркнуть те издержки, которые она несет в себе, либо высмеять ее. Западный человек, хочет он того или нет, всегда бдительно стоит на страже своего цивилизационного кода, а следовательно, все предлагаемые им версии русской истории скрывают под собой невысказанную, но вполне ощутимую "геополитическую цель". Это обстоятельство гораздо древнее идеологических коллизий времен холодной войны и противостояния двух мировых систем. Запад формировал отрицательное отношение к православному Востоку (Византии) начиная с IX века, а в XI веке отнесение Православия к "восточной ереси" (к разряду "схизматиков") стало религиозной (и цивилизационной) нормой западного христианства.

По мере секуляризации западного сознания религиозно-догматические претензии уходили на задний план, но сама тенденция не исчезала, приобретая иные выражения, более свойственные светскому мышлению. Русские из "еретиков, не признающих власть Папы" превратились в "варваров", носителей "средневекового духа", "абсолютистского мракобесия". После Октябрьской революции все это перенесли на режим Советов.

В настоящее время наиболее расхожим аргументом Запада в пользу "ненормальности" России служит тема "несоблюдения прав человека" и "криминальный характер экономики".

С IX века применительно к православной Византии до XXI века применительно к "демократической" России мы видим со стороны Запада приблизительно одно и то же *устойчиво негативное* отношение, которое оформляется в зависимости от мировоззренческих клише, свойственных каждой эпохе.

Конечно, эта геополитическая пристрастность при рассмотрении русской истории иностранцами не является достаточным аргументом, чтобы пренебречь вовсе их трудами, которые подчас дают много полезных сведений и содержат интересные выводы и заключения. Однако мы просто обязаны при изучении таких трудов делать постоянные поправки, связанные с "культурным фоном" западных авторов, тщательно отделять слой "русофобских презумпций" от действительно ценных элементов. Иными словами, изучение иностранных версий русской истории должно быть делом *зрелых людей,* обладающих ясным национальным самосознанием и способных к совершению довольно тонких операций с парадигмальными основами мышления. Ни в коем случае такие пособия не должны использоваться в педагогической практике обучения незрелого юношества (1).

К великому сожалению, на практике дело обстоит иначе, и взгляд на национальную историю "извне" не просто активно тиражируется в России, но и некритично усваивается даже вполне авторитетными учеными, а это, в свою очередь, порождает обманчивое впечатление, что в нацио-

нальном контексте возможен произвольный выбор взгляда на свою собственную национальную историю — можно смотреть на нее "изнутри", а можно "извне", и те и другие примеры подтверждаются ссылками на авторитетных авторов с русскими именами. В силу определенных исторических причин взгляд некоторых россиян на Россию и ее историю формировался в контексте своего рода "экстерриториальности". Форма высказывания "эта страна" по отношению к Родине, печальная традиция "русофобии" со стороны самих русских имеет, увы, историю гораздо более длительную, нежели смутное время новейших либеральных реформ(2).

Поэтому сегодня как никогда важно навести в этом вопросе порядок, выяснить основные параметры *русской идентичности*, развитие формулы Национальной Идеи на разных этапах истории.

Предмет такого рода исследований во многом зависит от точки зрения. Но в любом случае, начинать следует с того, чтобы поставить определенный *интеллектуальный фильтр* перед парадигмальными влияниями западнического подхода ("западнического" в широком смысле — т.е. включая взгляды на Россию западных историков и тех россиян, которые находятся под западным влиянием).

Однако и этого недостаточно. Необходимо внимательно исследовать парадигмальные основания различных этапов национальной исторической школы — от летописца Нестора и авторов "Слова о полку Игореве" до наших современников. Эти парадигмальные основания, безусловно, столь сильно влияют на конечный результат, что без их учета мы рискуем получить совершенно дисгармоничную картину прошлого.

Среди наиболее внушительных парадигм в русской исторической мысли можно выделить следующие семейства:

— *национал-консервативная школа* (С.С.Уваров, К.П.Победоносцев, Д.И.Иловайский и т.д.);
— *революционно-демократическая* школа, позже развившаяся в марксистско-советскую (от А.П.Герцена, Н.Г.Чернышевского, П.Л.Лаврова, Г.В.Плеханова, М.Н.Покровского и т.д. до советских историков-марксистов);
— *либерально-этатистская*(3) западническая школа (от Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, В.О.Ключевского до Б.Н.Чичерина, К.Д.Кавелина, П.Н.Милюкова и П.Б.Струве);
— *славянофильско-евразийская* школа (А.С.Хомяков, И.В.Кириевский, братья А.С. и К.С.Аксаковы, К.Н.Леонтьев, Н.Я.Данилевский, кн. Н.С.Трубецкой, А.В.Флоровский, Г.В.Вернадский, П.Н.Савицкий, Н.В.Устрялов)(4).

Эти школы, являвшиеся доминирующими на определенных этапах,

описывали и расценивали эволюцию Национальной Идеи совершенно поразному. По-разному определяли они и сущностную *идентичность* России как главного объекта исторического исследования. В одном случае субъектом истории выступало преимущественно *Государство* (национал-консервативная и либерал-этатистская школы), в другом — *народ* (революционно-демократическая школа), в третьем — *классы* (марксистская школа), в четвертом — *хозяйство* (либеральная и социалистическая школы), в пятом — *геополитическая общность, цивилизация* (славянофилы, евразийцы).

Поскольку в зависимости от той или иной школы меняется основополагающее выделение *самого предмета исследования,* простым механическим соединением этих позиций объективного описания Национальной Идеи получить невозможно, а сильное влияние пристрастной западной парадигмы (особенно заметной в либерал-этатистском и национал-консервативном подходах, но также повлиявшей на революционно-демократический и марксистский классовый метод) еще более усугубляет дело.

И не случайно в современной России, когда возникла потребность в Национальной Идее, любые попытки ее формулировать давали хаотичные и несостоятельные результаты. Предварительной и кропотливой работой по выяснению сложного переплетения парадигм заниматься никто не захотел. А если добавить к этому окончательно путающий карты остроумный "исторический нигилизм" творцов "новой хронологии" и нарождающуюся диктатуру "либерального западничества" в сфере истории, то даже приближение к выяснению сущности Национальной Идеи становится более, чем проблематичным.

Но сложность задачи не должна нас останавливать. Не имея здесь возможности должным образом останавливаться на описании основных парадигм, продемонстрируем лишь в самых общих чертах то, как видит Национальную Идею и ее эволюцию парадигма *славянофильско-евразийская,* наиболее близкая автору этих строк. Вместе с тем, представляется весьма желательным, чтобы историки с иными мировоззренческими наклонностями проделали бы нечто аналогичное в области остальных парадигм. Результат сопоставления этих моделей мог бы существенно помочь нам в нашем поиске самоидентификации.

Отступление о методе: Московское Царство как квинтэссенция (средостение) национальной истории

Славянофильско-евразийская парадигма исходит из предпосылки, что *высшим моментом русской национальной истории был 200-летний период Московского Царства*. Именно здесь следует искать *контуры*

русской идентичности. Все предшествующее в таком случае можно рассматривать как прелюдию к Московскому Царству, все последующее — как развитие (с искажениями) заложенных в нем импульсов.

В Московском Царстве мы видим формирование:
— *единого народа,*
— *единого государства,*
— *единой религиозной (сотериологической) миссии,*
— *единого политического организма,*
— *единого геополитического вектора развития*.

Русь выступает в этот период как *ядро самостоятельной православной цивилизации*, обладающей ясно осознанной сотериологической (эсхатологической) функцией "последнего Рима" и ориентированной на противостояние с европейскими (католико-протестантскими) соседями и на интеграцию евразийских просторов ("наследие Чингизхана"). Русь в этот период активна и созидательна, энергична и собрана. Волевой державостроительный импульс сопряжен с глубоким историческим драматизмом.

Образ Руси в Киевский период

Киевский период русской государственности делится на два логических отрезка — *до* и *после* принятия христианства. Строго говоря, дохристианская государственность древних россов представляет собой белое пятно. Зачатки этой государственности апостериори осмыслены в русских летописях (Нестор), но следует подчеркнуть, что трактовка отмечена интеллектуальными клише более позднего христианского периода. В довладимирской Руси мы видим ряд восточно-славянских племен, перемешанных с финно-уграми, организуемых в некоторое подобие государственности княжеской знатью частично норманского (Рюриковичи), частично автохтонно славянского происхождения (к примеру, основатель Гостомысл, Словен, древлянский князь Мал). Баланс между княжеской властью, народным вече и институтами жречества (волхвы) существенно варьируется в зависимости от конкретных областей (это момент в политической истории Древней Руси сохранится вплоть до Московских времен), и о наличии единой модели государственности в полном смысле этого слова говорить затруднительно. Этот период был осмыслен как зачаток будущей Руси, как пролог к грядущему объединению лишь много позже. А если учитывать наслоение исторических идеологий, существенно менявших образ Древности в зависимости от формы актуальной идентификации русскими самих себя и своего Государства, то картина становится совсем смутной. Есть историки, которые отрицают сам факт существования у россов до св. Владимира государственности, предпочитая рассуж-

дать о мозаике родо-племенных анклавов и городов-государств, не имеющих между собой никакой политической связи и не объединенных никакой общей организацией. Другие говорят о доминации норманской аристократии со своей (ксенохтонной для славян и угров) культово-религиозной моделью (в этой гипотезе соблазнительны параллели с историей политического объединения галлов, иберийцев и самих германских племен под эгидой германской знати на всех секторах Древней Европы — как входивших в периферию Римского владычества, так и лежащих за ее чертой). Третьи гипотетически предполагают наличие у древних славян культурно-политического единства, которое к концу первого тысячелетия переживало период упадка и разложения. Гумилев видит в истоках киевской Руси смешение групп восточно-славянских племен с кочевыми иранскими племенами (роксоланы). Как бы то ни было, этот период русской государственности *не имеет какой бы то ни было ясной политической идентификации*, а следовательно, говорить об "образе Руси" этого периода мы с определенностью не можем.

Концептуализацию Руси как политического целого следует, безусловно, относить к периоду св. равноапостольного князя Владимира (Красное Солнышко) и к принятию русскими Православия. Трудно сказать, в каких терминах осознавали крещение Руси его современники. Также проблематично и само существование Киевской Руси как законченного политического единства. Но в отличие от предшествующего периода после св. князя Владимира мы уже можем впервые говорить об "образе Руси", хотя законченную формулу он обрел много позже, в монгольский период.

Киевская Русь после крещения представляет собой великое княжество, расположенное на самом севере православной эйкумены. Заметим, что к X веку Византия уже отчетливо осознает свое отличие от западнохристианских политических образований под контролем Рима. Трения с римской кафедрой и франкскими монархами, незаконно узурпировавшими, пользуясь внутривизантийской усобицей, в IX веке императорские функции, нарастают. Геополитически Византия придает всем народам, принявшим Православие, особое измерение — не только узко-конфессиональное, но и культурно-политическое, *цивилизационное*. Чтобы понять особенности русской истории, этот момент следует подчеркнуть особенно. Вхождение в сферу византизма народами и политическими образованиями, принимавшими Православие, означало признание не только *конфессионального* верховенства Патриарха Константинопольского и принадлежность к его канонической территории, но и *политико-социальной* модели Восточно-Римской Империи, в основе которой лежало совершенно иное, нежели на Западе, соотношение между императорской

властью василевса и духовным владычеством Церкви, с одной стороны, и между императором и князьями зависимых (целиком или частично) от Византии политических образований, с другой. Кроме того, византийское право имело *общинную ориентацию,* искусственно сдерживало развитие феодальных отношений, что также отразилось на социальном и хозяйственном укладах (5).

Византизм выработал собственное решение основополагающих моментов политико-социального устройства, что в значительной степени повлияло на идентичность всех народов, попавших под его влияние. Иногда эту модель именуют "*цезаре-папизмом*", в отличие от латинского "*папо-цезаризма*". Роль и функции императоров в Византии имели в себе ярко выраженный *сакральный и сотериологический* характер, что резко контрастировало с десакрализацией светского начала в католичестве, доведенной Папской партией до окончательной формулы в ходе гвельфско-гибеллинского конфликта. Но и попытки Каролингами, а позже Штауфенами применить "цезаре-папизм" к германским императором не снимали трений с Константинополем, так как греки видели в этом лишь нелегитимную узурпацию. Кроме того, догматически вселенская власть Пап никогда не ставилась под сомнение даже самыми ярыми гибеллинами.

Став частью православного мира, Древняя Русь получила оттиск своеобразного религиозного, культурного и социально-политического устройства, который — на фоне слабой идентичности предшествующей социально-политической традиции (либо деградировавшей, либо вообще несуществовавшей) — лег в основу *всего дальнейшего исторического пути*. Это является довольно четким *идентификационным* признаком. Византизм предполагает приоритетную ориентацию на греческие модели, ясное концептуальное осознание православной Русью своего отличия как от западных, католических, так и от восточных — шире, степных — нехристианских соседей.

По другим параметрам Киевская Русь остается довольно типичным *восточно-европейским государством*, имеющим много сходных черт как с православными странами (Болгария, Сербия, Румыния, Грузия и т.д.), так и с неправославными (Польша, Литва, Чехия, Моравия, германские княжества и т.д.). В то же время уже на этом этапе Русь гораздо более, нежели европейские народы, открыта к *этнокультурным влияниям Степи:* с тюркскими кочевниками (особенно с половцами) существуют очень тесные контакты. А кроме того, большое значение имеют этнические связи (особенно на северо-востоке) россов с угро-финскими автохтонами, гораздо более многочисленными, чем в остальной Европе. Восток в виде туранского элемента (тюрки, финно-угры) влияет на Русь

постоянно и интенсивно на южном, собственно восточном (волжские татары, башкиры, чуваши) и северно-восточном направлениях. Кроме того, финно-угрский элемент пропитывает славян северо-восточных и центральных районов изнутри. Суммируя эти моменты, мы можем вскрыть наличие собственно *евразийского начала* уже в этот период.

Итак, после крещения Киевская Русь представляет собой геополитически слабо *централизованное восточно-европейское государство, с православно-византийской идеологией и сильным евразийским элементом*.

В этом образовании не было пока еще ничего экстраординарного, предвещающего особую историческую миссию, уникальную геополитическую роль. Единственно, что принципиально отличает Русь от иных политических образований, принадлежащих к периферии Византии, греческой эйкумене, это ее *крайне северо-восточное месторасположение*. Эти земли в "сакральной географии" греков считались зоной, находящейся *за пределом* цивилизации, своего рода "анэйкуменой", "необжитыми" территориями. Этнографические сведения о автохтонах этих пространств скудны, экстравагантны и приблизительны. Для греков северо-восточная граница цивилизации проходила по Балканам, Македонии, Фракии, северному побережью Понта Эвксинского. Выше начинался мифологический мир, "не поддающийся окультуриванию". Показательно, что в своих легендарных походах Александр Великий не смог преодолеть символического порога "Каспийских ворот", остановленный ордами "варваров", туранских кочевников (предположительно, скифов или сарматов). Позже эти туранские автохтоны, древние евразийцы, были отождествлены с библейскими "ордами гогов и магогов", а их родина — "Великая Скифия" — с "проклятыми землями Тубалкаина" (о них же речь идет и в "Коране", повествующем о столкновениях Зу-ль-Карнайна с демоническими ордами "яджуд-ва-маджуд"). Эта же страна в библейской географии отождествлялась со страной "Роша, Мешеха и Фувала", местом рождения зловещего "северного царя". Для Средиземноморского цивилизационного самосознания территории Древней Руси находились *за пределом сакральной черты*, отделяющей "обитаемые" пространства от "необитаемых". Тот факт, что Русь принимает Православие и входит в культурно-цивилизационный ареал византизма, означает серьезное изменение *сакрально-географических представлений, свойственных средиземноморской эйкумене*. Показательно, что эти "антиевразийские" сакрально-географические представления вспыхнут с новой силой на католическом Западе в отношении всех "восточных схизматиков", в целом, и в отношении русских, в частности.

Крещение Руси означает *прорыв запретной границы*, включение в пространство "цивилизации" (в ее средиземноморском понимании) новых земель.

Следует выделить на этом этапе определенное различие между *западными* полюсами Руси (Волынь, Галиция, собственно Киев) и *восточными* (Суздаль, Владимир, Чернигов, Рязань). Новгород и Псков представляют собой особый случай. Мы видим, что между Западом и Востоком складывается модель *качественного* различия. На Западе культурно-социальная сфера более напоминает типичный уклад Центральной или Юго-Восточной Европы, тяготеет к европейскому образцу. На Востоке же, напротив, сильно влияние *евразийских черт,* отчетливей проступают узоры тюркского и финно-угрского элемента. Конечно, до определенной исторической эпохи эта линия разлома неочевидна и будет проведена политически лишь при монголах, но определенные ее признаки можно встретить уже в киевский период.

При Ярославе Мудром возникают первые теории об особой *избранности Руси*, о специальном предназначении русского народа и русского государства. У митрополита Иллариона, первого славянского автохтона на митрополичьей Киевской кафедре (возведен в 1051г.), мы встречаем толкование евангельского выражения о том, что "последние станут первыми" применительно к русским(6). Митрополит Илларион интерпретирует это место в том смысле, что русские среди близлежащих народов "последними" приняли крещение, но в будущем им суждено стать "первыми" по благочестию и чистоте Христовой веры. В этом еще нет эсхатологической ясности, и мы можем отнести это место к простой метафоре, к риторической фигуре морального наставления, но, тем не менее, сам факт такого высказывания первого русского архипастыря негреческого происхождения показателен, а еще более показательно то, как внимательно к этой идее отнеслись последующие поколения русских людей.

Здесь можно усмотреть первые подходы к тому, что называется "translatio imperii", "переносом империи". Это явление было характерно в разные эпохи для целого ряда православных держав, которые видели себя продолжателями идеи Рима — династическими, цивилизационными, геополитическими. Это имело место и в древней Болгарии, и в Сербии династии Неманичей. В случае митр. Иллариона, конечно, до "translatio imperii" еще далеко, но *предварительную интуицию* в этом предсказании о том, что "русские станут первыми", распознать уже можно.

Впоследствии образ Киевской государственности — особенно, период правления Ярослава Мудрого, Мстислава Великого и т.д. — в национальном сознании приобретает символический смысл как "золотой век" Древней Руси. И хотя многие легенды Киевского цикла были созданы намного позднее, в частности, при монголах, в них отразилось представление об этом периоде как о *первом* (во многом мифологизированном) этапе русской государственности, когда Русь стала осознавать свою историческую и *цивилизационную субъектность* и свое предназначение.

Едва ли можно точно утверждать, до какой степени эта субъектность ясно воспринималась народом Киевской Руси, какова была глубина и широта распространения этого зародышевого мессианства. Есть основания предполагать, что в большей степени это результат духовного труда русских на следующих исторических этапах. Нельзя исключить и того, что такой образ возник как результат ностальгии в период усобиц и разложения XIII века, накануне нашествия монголов, как своего рода национальный миф "об истоках", о "потерянном рае" государственности. Но не подлежит сомнению, что этот идеал Киевской Руси как "благословенной эпохи" играл впоследствии значительную роль в самоидентификации русских. В период же Московского Царства этот образ, насыщенный мессианским содержанием, достигнет максимального расцвета.

Русь Монгольская

Большинство историков отчетливо фиксирует XIII век как конец Киевской Руси, распад единства, эпоху усобиц, культурной и социально-политической деградации, резкого сужения геополитического самосознания русских, утрату идентичности. В рязанском "Плаче о погибели русской земли" мы видим *скорбь о распаде*. Показательно, что Восток и Степь осознается русскими этой эпохи с позиций средиземноморской эйкумены, а монголы видятся как "орды гогов и магогов" в сакральной географии евреев, греков и арабских мусульман.

Монгольское нашествие расшифровывается как "расплата за грехи", как "бич Божий". На национальном уровне "грехом" представляется *утрата единства*, солидарности князей между собой, отступление от социально-политической миссии. Эта концепция "платы за грехи" очень важна, так как отмечает существенный этап эволюции национального самосознания. В политической мифологии возникает важный диалектический фрагмент: "золотой век" Киевской государственности (осознанный в православном ключе, как результат крещения русского народа, Руси) уходит в прошлое, происходит своего рода "политическая апостасия" ("отступничество"), выражающаяся в децентрализации, усобицах, утрате цельности, и как следствие, приход монголов ("гогов и магогов") лишает Русь самостоятельности, ставит на колени.

Эта национальная диалектика учит русских людей *позитивно оцени-*

вать единую государственность, солидарность, централизм. При этом не столь важно, существовали ли эти реальности на самом деле: они постулируются историческим самосознанием, упорно утверждаются в качестве *инструмента идентификации*. Русские, в конце концов, хотят, чтобы их история осознавалась в этом ключе, и следовательно, размышления об исторической логике прошлого, о связи и соподчиненности событий выковывают проект будущего, ложатся в основу формулировки Национальной Идеи как завета последующим поколениям.

В период XIII-XV вв. грань между западными областями Руси, попавшими под контроль европейских государств (Польша, Литва, Венгрия), и восточными, ставшими частью империи Чингизхана, постепенно приобретает ярко выраженный *геополитический и цивилизационный характер*. Евразийские монголы, следуя "Ясе" Чингизхана, практикуют полную веротерпимость (один из законов "Ясы" строжайшим образом запрещает направлять насилие против жреческой касты завоеванных народов), настаивая лишь на военно-политическом и хозяйственном (дань) подчинении русских. Оценка этого *монголо-русского симбиоза* различается в зависимости от исторических школ и мировоззренческих предпочтений. Безусловным остается лишь тот факт, что этот симбиоз был значительным и глубинным, и обмен культурными, административными, геополитическими, хозяйственными навыками, а также этническое смешение были весьма масштабными и постепенно привели к появлению *новой этнической единицы*, объединившей "восточных русских", после Куликова поля осознавших себя "великороссами".

Великороссы укрепили свою религиозную идентичность, впитали евразийские геополитические импульсы, усвоили динамизм и жестокость монгольского войска, оперативность ямской связи, рационализацию сбора дани, навыки жесткого административного централизма, строгой иерархии. Постепенно в теле Золотой Орды стал вызревать *политический субъект нового типа* — Московское княжество. Здесь евразийские черты проявляются в полном объеме: традиционный уклад, воинская этика, религиозная самобытность, осознание важности единства и дисциплины, подчинения и *централистской организации*, столь явно наличествовавшей у монголов и осознанной как *историко-политическая ценность* (небрежению которой русские были обязаны историческим проигрышем XIII века).

Завоевание восточных территорий Руси монголами привело к осознанию русскими очевидной *политической несвободы* (как платы за раздробленность и разобщенность) и укреплению *религиозной идентичности*.

Постепенно изменилась и геополитическая самоидентификация великороссов. Они стали на многие вещи смотреть "монгольскими глазами". Туранский элемент, осознававшийся до определенной поры через призму "средиземноморской эйкумены", перестал быть чем-то внешним и чуждым, непознанным. Тюркско-монгольская Евразия стала "своей" для русских XIII-XV веков. Именно этот существенный поворот в геополитической самоидентификации сделал возможным всю дальнейшую историю Руси, открыл беспрепятственный путь к освоению Востока. Уже при Хубилай-хане русские отряды участвовали в корейском и индокитайском походах последнего.

Совсем иная картина складывалась на западных землях. Галиция, Малороссия, Беларусь попали под власть совершенно иной культурной, социально-политической и цивилизационной модели. Этой части бывшей Киевской Руси был придан совершенно *иной* оттиск. Европа была настойчива в навязывании католической парадигмы, и там, где этого не удавалось добиться напрямую и "окатоличить" местное население, культурный тип навязывался *косвенно* — через политическое, административное и хозяйственное давление. Православные россы в этом европейском контексте становились в положение "религиозного меньшинства", рассматривались как "схизматики", а если их вероисповедание и культурный тип терпели, то все равно в качестве чего-то "второсортного" и "второстепенного". В европейском контексте православные россы подвергались "религиозной дискриминации", а значит на национальную идентичность оказывалось гораздо более прицельное и настойчиво давление, нежели в случае россов, попавших под контроль орды. Этнические контакты приводили здесь к размыванию русской идентичности в сторону общеевропейского образца. Вместе с европеизацией терялся важнейший компонент идентичности. Нечто аналогичное произошло на два века позже с сербами: попавшие под турецкое иго православные сербы в значительной мере сохранили свою этно-конфессиональную (славянско-православную) идентичность, несмотря на прямой геноцид, тогда как оказавшиеся под католическим влиянием хорваты и словенцы славянскую самобытность в значительной степени утратили.

На Западе Руси постепенно формируются иные этнические группы — малороссы и белорусы. Их национальное самосознание складывается по иным контурам, нежели у жителей Московской Руси. Они разрозненны, входят в различные культурные контексты, не вырабатывают централистского социально-политического проекта. Самосохранение в довольно активной и "этнически некомплиментарной" (по выражению Льва Гумилева) среде отнимает все силы. Конечно, и среди западных россов живет предание о "золотом веке" Киева, но эта ностальгия *не превращается*

в проект, не обретает животворящего импульса извне: с Запада лежит густонаселенная, прозелитически активная Европа, которая стремится перемолоть "схизматиков", с Востока — Орда. Долгие века будут ждать западные россы чаемого освобождения и национального возрождения, а в это время Москва будет подниматься и отвоевывать все новые исторические горизонты. Вместе с тем, и в западных землях будут сохраняться очаги православного "византийского" сопротивления, героически отстаивающие чистоту веры под тяжелым духовным игом Европы. Они дадут таких подвижников, как Афанасий Брестский, Захарий Копыстенский, Исайя Копинский и т.д.

Московское Царство

Окончательный распад ордынского цикла приходится на XV век. Это уникальная дата русской истории. За двести лет владычества монголов поднимается Москва и начинает собирать восточные земли по совершенно новой логике. Постепенно нарождается новый образ Руси, новое издание Национальной Идеи. Отныне это *Московская Идея,* так как выпестована она восточным полюсом россов, пропитанных *евразийскими энергиями*.

Здесь следует обратить внимание на исключительно важное совпадение в XV веке двух символических событий: *безвозвратное ослабление Золотой Орды и падение Константинополя*. Причем падение Царьграда, Нового Рима последовало за подписанием греками Флорентийской Унии с католиками. Для русских наступает решительный, поворотный, судьбоносный момент. Открывается уникальная перспектива для реализации мессианских чаяний и в *религиозном* (Православие) и в *социально-политическом* (независимость) аспектах. Московская Русь представляет собой *радикально новый исторический субъект*: сбываются интуиции митрополита Иллариона относительно *эсхатологического предназначения* русского народа и русского Государства.

Падение Царьграда в социально-политическом контексте Православия означало сгущение эсхатологических сумерек: византийский василевс отождествлялся в этом контексте с "удерживающим теперь" из 2-го послания ап. Павла к Фессалоникийцам, т.е. с фигурой, препятствующей приходу в мир "сына погибели", "антихриста"(7). Победа турок связалась русскими с отступлением Константинополя от чистоты веры и с решением "пойти на поклон к папежникам", многовековое противостояние с которыми к тому времени стало *неотъемлемой стороной православной идентичности*, особенно остро осознававшейся именно среди русских, оказавшимися под ордынцами. В Москве в темницу был заключен митрополит Исидор, приехавший из Флоренции обращать русских в унию. Москвичи с негодованием отвергли это предложение как отступничество. Несколько позже они узнали о падении Византии. И все это на фоне подъема независимости и усиления мощи Московского царства... В этот момент русские перестали быть просто периферией православной цивилизации. *Они остались в истории одни* перед лицом чуждого им мира. Отныне их идентичность была целиком и полностью вверена им самим, и византийское наследие транслировалось на новое северное царство в полном объеме. Так, в кругах святителя Геннадия Новгородского, преподобного Иосифа Волоцкого стала зарождаться идея "богоизбранности" Руси, окончательно оформленная псковским старцем Филофеем в знаменитой теории "Москвы — Третьего Рима".

Теперь Русь становится *новой Византией*, а московский Великий Князь (с XVI века Царь) начинает выполнять функцию "катехона", "удерживающего теперь". Это стало возможным только на фоне социально-политического упадка Византии. Русь не узурпировала миссию (как когда-то Карл Великий на Западе), она подобрала брошенный венец, царский и мученический одновременно.

В этой ситуации распад Орды и начало самостоятельного политического периода Московской Руси были восприняты не только как хронологическое совпадение, но как логически связанные события, как подтверждение того, что Русь вступила на новый и принципиально отличающийся от прежнего этап, и эта роль одобрена Промыслом.

Важно понять, что обретение политической полноценности именно *на фоне утраты независимости греками* имело для русских колоссальный историософский, метафизический смысл. Они созерцали в этом *знамение*, проявление Божественной воли, призыв к исполнению новой миссии, так как православное учение связывает наличие полноценной православной государственности — православного царства — с определенным смыслом, т.е. с периодом временного *откладывания окончательного воцарения апокалиптического зверя*.

В этот период и возникает идея о русских как о "богоносном народе", а о Руси — как о "Святой Руси". Апостериорно эта святость распространялась и на мифический "золотой век" Киевской государственности, но историософское подтверждение было получено, актуализовано *только в московский период*. С этого момента сугубо сакрализируется не столько даже Русская Церковь, сколько *Русское Государство и русский народ*. И уже вторично это качество переносится на русский обряд, с его спецификой. "Два Рима падоша", пишет Филофей. Это очень важная формула. "Новый Рим", "Второй Рим" тоже пал, и пал как воплощение право-

славного царства, сотериологического полюса духовно-политической целостности. Эта целостность заново обнаружилась отныне на севере, в евразийских просторах континента. "Третий Рим стоит". Стоит *новый субъект* христиански понятой священной истории.

Но православная циклология подчеркивает, что это возвышение не есть нечто абсолютное и долговременное. Все события развертываются накануне неминуемого "конца света". Русь избрана перед этим концом, чтобы служить последней преградой антихристу, но антихрист *близок* и со всех сторон обступает Святую Русь. Отсюда зловещий оттенок доктрины Филофея — "Четвертому Риму не бывать".

Обнаружив эту собственную миссию, Москва активно принялась за использование ордынских навыков. Государство отстраивается по законам строжайшей централизации, вечевые элементы отступают на второй план. Огромные территории, великие задачи, выход глубинных накопленных сил — все это требует организации и этики, подобной монголо-татарской. Этот момент подкрепляется осознанием той национальной диалектики, о которой мы говорили выше: отступление от политического единства привело к распаду Киевского организма и как наказание за это последовало нашествие монголов. Политический "грех" разобщенности достаточно осознан и искуплен. "Бич Божий" выполнил свою задачу в полной мере. Отныне императив единства, целостности, централизма осознан и признан в полной мере. Подкрепляясь и административными навыками, почерпнутыми от евразийских завоевателей, и вновь обнаружившейся миссией, и опытом тяжелых рефлексий относительно предшествующей эпохи упадка, новая Национальная Идея приобрела отчетливые черты "*сакрального государства*", *призванного совершить на фоне довольно драматической исторической апокалиптической реальности великие подвиги*.

Высшего напряжения эта линия получает в период царствования Ивана IV. — Здесь соединено все: идея "тяглового государства", translatio imperii, теория "Третьего Рима", освящение русского обряда на Стоглавом соборе, предания о "белом клобуке", чудом попавшем на Русь, драма централизма, за которую платят любую цену, темные нагнетенные эсхатологические предчувствия, пронзительно ощущающаяся близость Грозного Ангела, канон которому слагает Царь, всполохи "конца времен", проглядывающие в ужасе, припадках гнева и безумия. Святость Руси оплачивается дорогой ценой. Это не пастораль, не официоз, не пропаганда — это кровавая и прекрасная драма, пронизанная *высшим присутствием,* сосредоточенным на страдающей и прекрасной, занесенной снегами, разворачивающейся во весь свой бескрайний размер стране. Оптимизм и пессимизм формулы Третьего Рима *нераздельно слиты*, глубинно переплетены.

Московское царство формулирует Национальную Идею в ее максималистской версии. Русские теперь осознают себя *центральным субъектом мировой истории,* Новым Израилем. Им вверена особая миссия, трагичная и прекрасная, превосходящая все мыслимое доселе. Русские, великороссы, московиты отныне призваны ни больше ни меньше как *спасти мир*. Они остаются последним оплотом "удерживающего теперь", его индивидуальным (русский Царь) и массовым (русский народ) выражением.

Показательно, что в этот период различные сословия характеризуются не столько *качественным* различием быта, костюма, форм хозяйствования, сколько *количественным*. На этом делал акцент П.Н. Савицкий: структура жилища, наряда, внешний вид, нравственность и даже времяпровождение аристократии (вплоть до Царя) и простых людей была сущностно и типологически *схожей*, различался лишь материал, из которого были созданы соответствующие предметы — у простолюдинов он был дешевый, у бояр — изысканный. Обязательные полунощницы и павечерницы, послеобеденный сон, длинная рубаха на выпуск, бороды и сапоги у мужчин, красный угол в светлице, полный икон старого письма, сарафаны, подвойники и платки женщин, пояски и лестовки — все то, что позже стало атрибутом староверов и простонародья — в московском периоде было в той же мере атрибутом национальной знати, неотъемлемыми элементами боярского быта. В этом наглядно проявлялся интуитивно осознаваемый всеми императив *единства, цельности*.

Татары и другие евразийские народы прекрасно вписались в этот общерусский стиль. Причем до такой степени, что Стоглав был вынужден специально подчеркнуть запрет на хождение в православные храмы в татарских шапочках (сам уровень запрета намекает на степень распространения этого явления). Русские как бы поменялись с татарами местами. Евразийский импульс и контроль над континентальными пространствами взял на себя Белый Царь. Сами тюрки часто рассматривали возвышение Москвы как продолжение дело Чингизхана. Их этническое смешение с россами привело к новому "пассионарному" (по Гумилеву) типу новых державостроителей.

Новый московский порядок имеет отныне следующие черты:

- осознание Руси как *единственной наследницы полноценного византизма* (что предполагает сочетание Православия и Царства, Царя-катехона);
- *самостоятельность и независимость* мощной политической державы, занимающей обширные земли на северо-востоке континента;
- *геополитическое наследие* Чингизхана, задача "собирания" прост-

ранств Евразии;
— осознание Москвы как духовно-культурной, геополитической и, конкретно, православно-мессианской *антитезы* католической (и протестантской) Европе.

Теперь национальное мессианство уже не нечто "футурологическое" (как у митр. Иллариона), но реализованное и конкретное, *запечатленное в плоти*.

Именно в этот период осознание национальной идентичности русских приобретает наиболее пронзительные черты. Самосознание и историческое самоощущение выливаются в доктрину, в своего рода историософский канон. Это — вершина, так как даже теоретически невозможно представить себе более возвышенной и радикальной формулировки Национальной Идеи, нежели рассмотрение *народа как главного субъекта мировой истории*, которому вверена миссия спасения человечества перед надвигающимся концом света... Аналог этого можно встретить лишь в иудаистском национальном самосознании или в "мистическом расисизме" древних иранцев, возводивших себя к роду "световых богов", Ахура-мазды, а остальные народы — к "потомкам темных демонов", Ангро-манью.

Синтез Московского Царства выстаивает даже перед такими испытаниями как Смутное время эпоха Лжедмитриев, нашествие польско-литовских и шведских войск (т.е. европейского полюса). Окончательная катастрофа настает лишь в середине XVII века вместе с книжной справой, реформами Никона и церковным *расколом*(8).

В этом сложном периоде для нас важно то, что здесь происходит *расслоение Национальной Идеи,* самого образа Руси на несколько составляющих. Расколу подвержена не только Церковь, но и многие другие аспекты древне-русского бытия и самосознания.

Староверы видят в реформах Никона повторение истории с Флорентийской унией. *Отказ от древнего русского обряда они распознают как отступничество от московской эсхатологической миссии, как лишение нации качества уникальной субъектности,* о которой мы говорили выше. Следовательно, раскол не исчерпывается книжной справой или отказом от двуперстия, он затрагивает *формулу русской идентичности*. Сторонники Аввакума распознают за новинами Никона проникновение на Русь тех тенденций, — в первую очередь, западных, но и греческих (так как сами греки уже 200 лет как жили под турками и не могли рассматриваться как эталон Православия, напротив, Православная Русь была этим эталоном на этом этапе), — противление которым составляло важнейшую сторону национального субъектного самосознания. Это подозрение окончательно укрепляется после событий печально известного собора 1666-1967 годов, когда подложные представители "восточных патриархов" низлагают самого Никона и окончательно перечеркивают историософскую формулу московского периода, осуждая как теорию Третьего Рима, так и Стоглав, а вместе с тем и древне-русский Студийский устав, пришедший (как и двуперстие) от греков, когда те сохраняли еще свое катехоническое измерение(9).

Старообрядцы видят в событиях того времени:
— наступление "конца света",
— отступничество Руси от своей миссии (как эсхатологического синтеза Церкви, государственности и народности),
— "отход благодати" ("десакрализацию"),
— победу неправославных (крипто-униатских) сил над носителями Православия,
— противопоставление аристократии и белого духовенства — народным низам.

Отныне старообрядческие согласы становятся носителями драматической, *пессимистической* стороны Московского порядка. Для них Третий Рим пал и "четвертому не быти". "Рим" стал "Вавилоном". Русь уходит в бега и гари. Сакральность "съеживается". Национальная Идея приобретает трагический оттенок, на грани отчаяния. Уже не сама Русь является "удерживающим теперь", но только редкие и гонимые официальной властью старообрядческие толки. Для староверов национальная диалектика закончилась. Конец света практически наступил.

Нечто обратное мы встречаем в русском хлыстовстве, расцветшем на Руси приблизительно в то же время (Данила Филлипович был современником раскола). Здесь, напротив, упраздняется всякий пессимизм, наличие "живого духа" утверждается повсюду и в совершенно адогматических формах. Хлысты, тем не менее, наследуют в искаженной форме "*московскую радость*". Национальные ереси (хлысты, скопцы, ранние молокане) живут ожиданиями волшебного царства, "рая на земле". Ясность православного учения размывается, народный национал-мессианизм приобретает гротескные черты.

Официальная *Русь* в этот период *меняет свое имя*. Отныне это *Россия*. Совершено *иная* страна, с совершенно иной формулой самоидентификации и Национальной Идеей. Как бы мы ни оценивали события XVII века, очевидно, что в эту эпоху цикл "Святой Руси" подходит к концу.

Показательно в этом смысле резко усиливающееся влияние западных россов, необходимостью возврата которых в лоно единого Государства Никон оправдывал смысл своих нововведений. Они становятся отныне *привилегированным инструментом* официальной церковной и отчасти

светской политики, направленной на вымывание "старомосковского" начала. Мало того, что никоновская справа канонизирует малороссийский извод церковно-славянского языка, уже при Петре мы не встречаем среди архипастырей и следа великороссов, малороссийский, прямо или косвенно "окатоличенный" элемент довлеет во всех церковных вопросах (отсюда берет свое начало чисто католическая практика "обливательного" крещения, строго отвергаемого ортодоксальным Православием), если только ему не противостоят протестантские влияния. Весь XVIII век церковная полемика в официальной российской Церкви развертывается между партией "католиков" и партией "протестантов". Носители собственно Православия (как староверы, так и сторонники восстановления патриаршества, "дашковцы") жестоко преследуются.

Романо-германское иго

Смена имени в официальном названии государства показательна. Славянское Русь меняется на латинское "Rossia". Россия со времен Алексея Михайловича смотрит *на себя* чужими глазами. Она более *не одинока* в окружающем мире: Петр Первый "прорубает окно". Но утратив одиночество, страна теряет смысл своего существования. Европейский взгляд видит в Rossia карикатуру на нечто знакомое и привычное. Романовы начинают исправлять картину. Новый двухсотлетний период этого исправления евразийские авторы называли "романо-германским игом".

Если разложение Киевской Руси привело к расщеплению русских на западных и восточных, то конец Московского Царства разделил *народ и элиту,* пессимистическую и оптимистическую формулы национальной идентификации, старообрядцев и новообрядцев. В начале XVIII века постмосковский образ России получил символическое воплощение в новой столице — *Санкт-Петербурге*. Очевидно, что назвать русский город на немецкий (и католический, одновременно) манер было элементом важнейшей программы преобразований, кратким резюме новой редакции Национальной Идеи. Официальная власть в России противопоставляла таким образом "старое" и "новое", "прошлое" и "будущее", "имеющееся" и "поставленное в качестве цели". "Старое", "прошлое" и отчасти "имеющееся" были синонимами Московского Царства. Его атрибуты — двуперстие, византизм, бороды, татарщина, общинность — были осмеяны и попраны.

Россия в отличие от Руси как бы снимала с себя бремя быть "единственным субъектом священной истории на фоне апокалиптических ожиданий и во враждебном окружении". Петр провозгласил курс на Запад. Очевидно, что глубинным изменениям подверглась сама сущность влас-

ти, религии, общественных институтов. Россия начинает осознавать себя как *атипичный фрагмент Европы*. Причем в XVIII веке это проявляется резче и гротескнее, нежели в XIX. Санкт-Петербург выстраивается как наглядная *антитеза* Москвы: вместо естественной, долго и трудно вызревавшей евразийской столицы — стремительная новостройка по амстердамским и венецианским лекалам.

Отныне между властью и массами лежит бездна. Аристократия осознает себя в роли "колонизаторов" диких земель, а русский народ предстает в роли "экзотичных туземцев". Меняются язык, календарь, стиль одежды, каноны иконописи (отныне это светская живопись по мотивам христианских сюжетов), обряды, внешний вид, нравственные устои. Консервативные народные массы вовлекаются в реформы опосредованно, по инерции сопротивляясь им. Московский порядок уходит на нижние этажи жизни, в область бессознательного, ностальгии. На поверхности царит европейский вектор.

Меняется отношение к освоению евразийских пространств. Теперь речь идет не столько о возрождении наследия Чингизхана, сколько о "насаждении цивилизации и привитии ее плодов аборигенам", отчетливо заметен "колонизаторский" подтекст.

Национальная Идея раздваивается: официальная версия — "романовщина", и неофициальная версия — "немая ностальгия масс" (обретающая концептуальный язык лишь в старообрядческих средах). *Народ остается в Москве, элита уходит в Санкт-Петербург.*

Российская империя — государство десакрализованное, светское, прагматичное, ориентированное на Европу, стремящееся стать мощной европейской державой путем имитации европейского опыта и жесткого выбивания из автохтонного населения "старых привычек". Это — издание Национальной Идеи *для верхов*. Практически в течение всего XVIII века у монархов не возникает сомнений относительно безукоризненности такой постановки вопроса. Сопротивление народной среды расценивается как досадное недоразумение, как *механическая реакция косной материи*.

Однако это сопротивление оказывается гораздо более глубоким, нежели думали Петр или Бирон. Народ отвечает казаками и Разиным, саботажем и иронией, бегунами и нетовцами. Несмотря на скудость самовыражения и жесткость официальной пропаганды (вплоть до практики насильственного причащения староверов в никонианских церквах!), народ продолжает свою рефлексию, пестует иную редакцию Национальной Идеи. Этот параллельный образ живет в легендах и преданиях, в сектах и обрядах, в сказках и песнях. Параллельная Русь, сказочная и светлая, рай-

ская, московская, цельная, нерасколотая, живет в просторах национального бессознательного. Она влияет исподволь, изнутри, косноязычно и обрывочно. Но внимательный взор легко различает присутствие *тайной линии*. Эта параллельная идея сочетает укорененность в прошлом, в сакральных (цельных) моделях понимания веры, государства, народной общинной жизни, образ "утраченной Руси", "потерянной Родины", и вместе с тем, жаркие эсхатологические предчувствия наступления "конца времен", "царства Божия на земле".

Такой настрой масс приводит к постоянному перетолковыванию официального языка российской элиты на свой манер, к "двуязычию", к вездесущей амбивалентности. В чем-то это можно уподобить "шизофрении" в этимологическом смысле — "расколотости сознания". Смысловые поля элит и масс различны, образы двоятся, разговор об одном и том же скрывает полное различие контекста. "Смысловые диалекты" Москвы и Санкт-Петербурга некомплиментарны. Сплошь и рядом народная формула выражается не в прямом протесте, а в ироничном рассмотрении явно десакрализованных начинаний элиты в "сакральном" ключе, русские находят способы растворить вполне рациональные начинания в стихии автохтонного абсурда. "Город Глупов" — сознательная конструкция, своего рода семиотический редут, призванный защитить параллельную идентичность. Этот город представляет собой "*альтернативную версию рациональности*".

Отчетливо стихия народного сопротивления начинает учитываться в последние годы правления Екатерины Великой, особенно после того, как ее напугала Французская революция. Русская аристократия в этот период делает какой-то очень важный выбор, который предопределит судьбу XIX века. Она решает в чем-то *уступить* той инерциальной национальной стихии, с которой боролась весь XVIII век. Восстанавливается харизматический институт старчества, в церкви возвращается традиционный восьмиконечный крест, еще недавно называвшийся "брынским" и "раскольничьим", возникает некоторая настороженность относительно полного и буквального копирования европейских образцов; от этого не отказываются, но появляется избирательность. Отныне европеизм элит приобретает отчетливо *консервативный* характер, который по своей структуре предполагает некоторый учет национальной самобытности. Эта самобытность *частично реабилитируется*.

Павел и Александр I символизируют существенный поворот русской аристократии в западно-консервативную сторону. Впервые отчетливо сугубо национальные элементы в этот консервативный комплекс стали вводить первые славянофилы. Они развивают свои идеи в идеологическом пространстве между западным консерватизмом и зачаточным "евразийством". Особенно важно влияние на них немецких романтиков и идеалистов, которые сами по себе могут быть отнесены к "европейскому евразийству" (воспевание Древности, Средневековья, Востока, мифологии, экзотических обрядов и культов). Славянофилы XIX века вырабатывают еще один образ Руси, еще одну формулу Национальной Идеи. Она существенно отличается от формулы XVIII века. Отныне Россия осмысляется как оплот "европейского консерватизма", как *могучая и своеобразная восточно-христианская держава, сохранившая систему фундаментальных ценностей, значительно растраченных "прогрессистским", "просвещенческим" Западом*. Знаменитая формула Уварова "Православие, самодержавие, народность" подытожила славянофильскую мысль применительно к национал-государственнической позиции.

Очень важно отметить, что в этом образе России все еще наличествует много европейских черт. Запад остается эталоном, но только в своей консервативной составляющей — латинская схоластика, протестантский спиритуализм, прусская дисциплина, английский национализм. Славянофилы занимают здесь *пограничную позицию*, выходя в отдельных моментах своей философии за пределы романовской "политкорректности", а в других вопросах сближаясь с позицией Романовых. Их критика Петра, апология Московской Руси, восхищение народными обычаями не вписываются в систему официоза. Отсюда постоянно сопровождавшее славянофилов подозрение в диссидентстве и негласный надзор полиции. Даже лозунг "Православие, самодержавие, народность" как продукт исторической рефлексии славянофилов и как фасад царизма качественно различаются. В первом случае, эти три понятия понимаются в московском духе (Православие — как самостоятельное церковно-социальное, цивилизационное начало, самодержавие — как суверенность царя-катехона, народность — богоизбранность эсхатологической нации, призванной к исполнению вселенской миссии), во-втором случае — в духе санкт-петербургского периода (синодальное Православие — как социал-моральный институт, "духовный департамент" правительства, самодержавие — как абсолютистская власть правящей этнически немецкой династии и франкофонной элиты, народность — как бессодержательный декор, дань европейскому либерализму). Особенно показательны поздние славянофилы (К.Н.Леонтьев, Н.Я.Данилевский), сформулировавшие крайне консервативную ("евразийскую") программу, доходящую до революционности (термин "революционный консерватизм" впервые применил Ю.Ф.Самарин , а проницательный Константин Леонтьев вообще писал о желательности сочетания монархии и социализма).

Консервативное западничество романовского официоза "справа" граничит со славянофилами, а "слева" — с западниками умеренно либеральной ориентации. Эти либеральные западники тяготеют к тому, чтобы восстановить в общих чертах пропорции XVIII века и верстать Россию под европейский манер, следуя за "прогрессом" и "реформами".

Западники составляют устойчивый сектор правящего класса, противоположный славянофилам. Россия представляется им архаической безнадежно отсталой страной, требующей всесторонней модернизации в европейском "просвещенном" ключе. Самобытность России видится как совершенно негативное явление, как *совокупность цивилизационных дефектов*. Это — либерал-реформаторское крыло элиты, фактически рассматривающее российскую действительность, историю и будущее в оптике среднего европейца.

"Слева" от либерал-реформаторов и — что самое главное "справа" (!) от славянофилов — размещается в XIX веке *зреющая рефлексия безгласных народных масс* (проступающая в лице разночинцев). Этот пласт является продолжением московского начала, загнанного в XVIII веке в глубокое подполье. Нагляднее всего это воплощено в течении "революционных демократов", которые, с одной стороны, оказываются еще более радикальными, нежели либерал-реформаторы, в подражании европейской "прогрессистской" мысли и критике режима, а с другой — выступают от лица архаичных масс. Революционные демократы вдохновляются не существующей консервативной Европой, но футурологическим проектом Европы, который имеет в то время довольно смутные очертания. В этот неясный образ будущего поколения русских революционеров (от декабристов до эсеров) вносят самобытные национальные черты. Сами того не подозревая, они оказываются, в определенном смысле, гораздо "консервативнее" консерваторов, хотя занимают "крайне левый" политический сектор.

Особенно отчетливо это проявляется в нарождающемся "народническом движении". Народники вбирают в себя *обе* неполиткорректные для санкт-петербургской романовщины тенденции — и крайне правую, "славянофильскую", и крайне левую, "революционно-демократическую". Показательны в этом отношении планы Герцена и Кельсиева по организации бунта староверов-бегунов, агитацию среди некрасовцев, проекты по вовлечению "австрийского согласа" старообрядцев в революционную деятельность[10]. Народники выступают от лица московской линии, но не только и не столько в ее "пассеистском" аспекте, сколько в футурологическом, мессианском, эсхатологическом проекте, высказанном подчас на заимствованном с Запада языке "социальной революции". Это удивительное сочетание старообрядческого пессимизма и хлыстовского энтузиазма, хилиастических чаяний и апокалиптических предчувствий, глубинно народного иррационального импульса и "прогрессистской", "позитивистской" вербальности рационалистов. *Ключ к советскому периоду следующего столетия следует искать именно в этом феномене.*

Итак, формула Национальной Идеи в XIX веке подвергается существенным изменениям в сравнении с веком XVIII. Молчаливый протест народных масс против западничества элит нарастает и постепенно обретает выражение. Сами элиты также начинают все больше учитывать это давление низов, за которым мы распознаем *тайный голос Москвы*.

В начале XX века эти противоречия обостряются. Эсеры (прямые наследники народников) и социал-демократы превращаются в самостоятельный политический революционный фактор.

Революция 17 года завершает романовский санкт-петербургский период. Образ старой России (а точнее, весь спектр этих образов, все разновидности национальной диалектики) рушится. Впредь Национальная Идея будет выражаться в радикально ином контексте.

Советский период

Советский период следует понимать *как исторический реванш народной, массовой составляющей романовской эпохи над аристократией*. В некотором смысле можно сказать, что это была победа московского начала над санкт-петербургским, "евразийского" над "атлантистским". Факт переноса столицы в Москву сразу же после победы большевиков является в высшей степени показательным. Наследники славянофилов на новом этапе — евразийцы (кн.Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий) и "сменовеховцы" (Н.В.Устрялов)[11] — дали развернутую панораму национального, "консервативного" толкования советского строя. Заимствованная с Запада "прогрессистская" риторика марксизма, обращение к Просвещению, вульгарный механицизм философии Ленина, атеистические эксцессы, т.е. форма саморефлексии большевиков не должны вводить нас в заблуждение относительно их реальной миссии. *Это было милленаристское, хилиастическое, апокалиптическое движение, вызревшее в народной среде, в сектантских и старообрядческих кругах, но оформленное с помощью радикально революционной марксистской доктрины, заимствованной с Запада.*

Национальная Идея в СССР, образ Советской России — не сводится к "советскому патриотизму". СССР мыслится как *мессианская реальность*, часть мира, где отменены законы капиталистической энтропии, где реализованы на практике условия "земного рая", "агнец возлегает ря-

дом с волком". *Советский народ занимает место народа-богоносца.* Он призван нести человечеству весть о "*социальном спасении*". Противоречия с Западом, приравненным идеологически к источнику буржуазного зла, приобретают радикальный характер. В новых терминах возрождаются давние геополитические противоречия. Москва и красные вожди выступают в роли "нового катехона", "коммунистического удерживающего теперь"(12). Столица Третьего Интернационала перенимает (восстанавливает) эстафету Третьего Рима. *Советскую Идею следует квалифицировать как универсализацию, обобщение московской идеи, экстремальное, пароксистическое социально-политическое воплощение того образа Руси, который предшествовал санкт-петербургскому периоду, а в течение этого периода находился в подавленном состоянии.* Республика Советов стала новым этапом "византийско-монгольского" геополитического утверждения.

Новый цикл национальной диалектики совершенно закономерен и замечательно вписывается в нашу историософскую модель. Как Московское Царство вызрело в монгольский период, так и советский проект в основных чертах оформился в период ига романо-германского. Все парадоксы советского строя, все отступления от догматического марксизма, политические и культурные несуразности его объясняются тем, что коммунистическая элита *не знала, не смогла или не успела создать адекватного языка для самоосознания и самовыражения*(13).

Показательно, что в этот период с альтернативной линией большевики поступили радикально; реализуя классовую установку на уничтожение эксплуататоров, они фактически подвергли геноциду романовскую западническую элиту.

Крах советского цикла был связан с размыванием четких контуров образа Советской Руси. Абсолютизация марксистской вербалистики, догматизация официальной доктрины партии поставили непреодолимые преграды для органичного и "прозрачного" взаимодействия между глубинными народными энергиями, изначально оживлявшими советизм, создавшими его, и уровнем исторической рефлексии коммунистической элиты. В критический момент, когда внешние и внутренние вызовы социалистической системе достигли максимального напряжения, народная, "национал-большевистская" стихия — к тому же всерьез пострадавшая от концептуального насилия советских элит — не смогла прийти на помощь распадающейся советской империи, поддержать Национальную Идею новыми спасительными (геополитическими, цивилизационными и мессианскими) аргументами, невозможными в рамках официальной догматики. К тому же к 70-м — 80-м годам XX века постепенно иссякли социал-мес-

сианские ожидания, государственный аппарат в значительной мере прошел стадию отчуждения от масс, воспроизводя худшие образцы романовской бюрократии.

Демократическая Россия?

На фоне упадка советской идеи снова возродились западнические настроения, — на сей раз в либерал-реформаторской (либерал-демократической) форме, — последовательно отторгавшиеся национальной историей на предыдущих этапах.

Распад СССР, крах советской идеи в качестве национальной оставил и за собой вакуум. Образ новой "демократической" России пока остается довольно смутным.

Последнее десятилетие новейшей российской истории показывает, что прочно утвердившиеся у власти западнические элиты даже в такой короткий срок значительно эволюционировали. Первые радикальные либерал-демократические идеи постепенно стали уступать место западническому консерватизму. В течение 90-х мы прожили на новом этапе в резюмированной (почти пародийной) форме XVIII век и вступили в XIX. Прямая русофобия младореформаторов на глазах уступает место "просвещенному консерватизму" и "умеренному европеизму".

Власть в современной России в поисках Национальной Идеи пока остается в рамках западничества (от либерального до консервативного). Но из этого обстоятельства нельзя делать выводов относительно того, что такая ситуация стабильна и предопределит образ России в достаточно долгой исторической перспективе. Состояние общественного сознания таково, что большинство россиян мировоззренчески, безусловно, ориентированны на совершенно иную модель — на модель *евразийского типа*. И если возрождение коммунистической догматической ортодоксии исключено, то внутренняя содержательная "московская" составляющая советизма, отражающая гораздо более глубинные архетипические установки, нежели результат марксистской индоктринации, вполне устойчива и только ожидает адекватного мировоззренческого выражения.

Евразийство представляет для выработки альтернативного образа России-Руси широкие возможности. Однако подробное изложение евразийского Проекта, евразийской версии Национальной Идеи не укладывается в рамки данной работы(14).

Будущее открыто, и каким бы трудным ни был настоящий этап, борьба за Национальную Идею, за ее формулирование и ее воплощение в жизнь далеко не закончена.

Примечания

(1) Вопиющим нарушением этого, казалось бы, само собой разумеющегося правила является попытка навязать в качестве учебных пособий для российских школьников серию учебников по отечественной истории, выпускаемых фондом Сороса и написанных иностранными авторами, не скрывающими своей враждебности к любым проявлениям российской самобытности.

(2) Современным образцом "экстерриториального" взгляда являются книги историка А.Янова, эмигранта из СССР, получившего американское гражданство и создавшего "образцовую" версию русофобского взгляда на историю России. Янов, не задумываясь, отождествляет любые формы самобытности России с "фашизмом", и для пущего впечатления вместо понятия "самобытность" употребляет без перевода немецкий термин из нацистского лексикона "Sonderweg".

(3) Мы используем термин "либерал-этатистская школа" для характеристики исторических воззрений русских западников, которые, с одной стороны, придерживались умеренно либеральных взглядов на общественные и классовые проблемы, а с другой — были сторонниками Государства-Нации в классическом для их времени европейском понимании.

(4) Основатели русской исторической науки В.Н.Татищев, М.В.Ломоносов, Ф.И.Миллер , Г.-З.Байер, А.-Л.Шлецер и т.д. едва ли могут быть точно отнесены к какой-то из 4 перечисленных категорий. Можно сказать лишь, что Татищев и Ломоносов повлияли впоследствии на славянофилов и евразийцев, а обрусевшие немцы (Миллер, Байер, Шлецер) на западников. Позиции основных выделенных нами исторических школ можно условно соотнести с "правым центром" (национал-консервативная позиция), с "левым центром" (либерал-этатизм), с "крайне левыми" (революционные демократы) и "крайне правыми" (славянофилы-евразийцы). Показательно, что в феномене народничества (позже эсеров) "крайне правые" и "крайне левые" сходятся, а центристы совпадают в том, что можно назвать полюсом романовской политической системы или, собственно, "режимом".

(5) "На Востоке (т.е. в Византии — А.Д.) крестьянская община была предохранена от разрушения. Задержав социальную эволюция на первой, т.е. на экономической стадии, византийские цари несомненно предупредили тем развитие того порядка вещей, который последовал на Западе; в Византии не могло развиться сеньоратных и вассальных отношений, не могло образоваться феодальной системы. Византийская община не только пережила экономический кризис, но была поставлена в такое положение законодательными памятниками X в., что ее будущность была вполне обеспечена, и никакие разрушительные силы не могли сломить ее до турецкого завоевания. Сельская община служила государству, удовлетворяя его расходы и защищая его от внешних врагов. Приведенные факты общественного развития, будучи сведены к конечным результатам, дают для Запада крупное землевладение и сословные притязания поместной и служилой аристократии; для Востока же — господство свободного мелкого землевладения и подчинение государственному принципу интересов поместного и служилого сословия." Ф.Успенский "История Византийской Империи VI-IX вв.", М., 1996, стр. 29.

(6) Митр. Илларион Киевский "Слово о законе и благодати", 1043 г.

(7) 2-е послание святого апостола Павла к Фессалоникийцам (гл.2)

"*3 Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, пока не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели,*
4 противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святыней, так что в храме Божьем сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога.
5 Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это?
6 И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время.
7 Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.
8 И тогда откроется беззаконник, которого Господь Исус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего
9 того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякой силой и знамениями и чудесами ложными,
10 и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения.
11 И за это пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи,
12 да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду."

(8) См. А. Дугин "Русская Вещь", М., 2001, т. 1 "Яко не исполнилось число звериное..."

(9) Там же.

(10) См. М. Агурский "Идеология национал-большевизма", Париж, 1986.

(11) Там же.

(12) См. А. Дугин "Русская Вещь", указ соч., т. 1 раздел "Национальная Идея".

(13) Интуиции А. Платонова, А. Блока и Н. Клюева способствовали выработке этого языка больше, чем тонны трудов по "историческому материализму" официальной советской науки.

(14) См. "Наш Путь", М., 1998 под редакцией А.Дугина, "Евразийский Взгляд", М., 2002.

А. Г. Дугин

СЛАВЯНСКИЙ МИР И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГЕОПОЛИТИКИ (доклад на «Славянской Конференции», май 2001 г., Москва)

Славянство не является геополитической категорией

Вопрос о геополитическом статусе славянского мира имеет несколько аспектов. Здесь не все так просто, как кажется. Геополитический анализ славян может вестись на нескольких уровнях. Перечислим основные.

С точки зрения глобальной геополитики (распределяющей основные силы, активно действующие в качестве субъектов в планетарной геополитике, по двоичному коду — атлантизм-евразийство), понятие "славянский мир" не представляет собой не только самостоятельной реальности, но даже не может быть рассмотрено в качестве однородной группы, входящей в состав самостоятельного геополитического субъекта. Славянство, взятое совокупно, не может быть оценено ни как атлантистская, ни как евразийская сила. Более того, славянство поделено по конфессиональному, культурному, политическому признакам. Часть славян принадлежат целиком Европейскому контексту (словенцы, хорваты). Другая часть населяет принципиально "пограничные", буферные зоны, где Европа соприкасается с Евразией (поляки, западные украинцы, часть белорусов). Третья часть формируют юго-восточный фланг Средней Европы (чехи, словаки). Четвертая — органично принадлежит Евразии (великороссы, малороссы, белорусы, сербы, болгары). Такое многообразие геополитической идентичности славян делает рассмотрение геополитической структуры и функции славянского мира, как в историческом, так и в актуальном контексте, довольно сложным делом. Однако уже с самого начала напрашивается следующий очевидный и аксиоматический постулат: никакого геополитического единства славянского мира не существует. Русский философ Константин Леонтьев выразил эту мысль еще в XIX веке в знаменитой формуле: "славянство есть, славизма нет".

Это означает, что с геополитической точки зрения, мы не можем говорить о славянстве как единой геополитической категории. Это и подразумевал под термином "славизм" Константин Леонтьев.

Общий интегрирующий вектор для славянства — это раса и языковая общность. Это важная, но никогда не главенствующая составляющая геополитического единства. Геополитика рассматривает целую совокупность факторов, формирующих геополитических субъектов. Расовой и лингвистической общности для этого недостаточно. Следовательно, славянство как несомненная этно-лингвистическая общность не является "славизмом" (по Константину Леонтьеву), то есть, общностью геополитической.

Тезис Хантингтона о "православно-славянской цивилизации"

Потребность как-то геополитически определить славянскую общность, однако, возникает, и в результате этого, появляются различные апроксимативные конструкции. С одной из этих конструкций мы сталкиваемся в знаменитом тексте американского политолога Самуила Хантингтона "Столкновение цивилизаций". Среди выделенных Хантигтоном "цивилизаций", имеющих собственную идентичность, фигурирует некая "славяно-православная цивилизация". Это очень неточное определение, о содержании которого остается только гадать.

Если говорить о "православной цивилизации", элементы которой представлены в странах Восточной Европы, Евразии, на Аппенинском полуострове и Балканах, то нечто подобное действительно существует, но включает в себя, помимо славянских стран и народов (русских, малороссов, белорусов, болгар, сербов, македонцев, русин), и православных румын, молдован и греков, так как неславянские народы явно тяготеют к общей православной политике (по меньшей мере, в культурном аспекте). Но в этот контекст совершенно не вписываются такие многочисленные славянские народы, как поляки, чехи, словаки, хорваты, словенцы, а также униаты и католики Украины и Беларуси. По этой причине термин "православно-славянская" цивилизация остается очень двусмысленным — он неточен, некорректен, и не проясняет, а напротив, запутывает реальный геополитический анализ, складывающейся на наших глазах картины мира.

Более того, складывается впечатление, что речь идет не просто о терминологической неточности, но о сознательном (или бессознательном) стремлении включить главную геополитическую реальность, фигурирующую в анализе Хантингтона — Россию-Евразию, представляющую собой самостоятельный геополитический субъект, в разряд невнятного и расплывчатого представления о "православно-славянской цивилизации". Такое определение урезывает геополитический статус России до регионального масштаба, отрицает евразийский, а значит, континентальный и, в конечном счете, планетарный масштаб российской стратегии. Кроме того,

понятие "православно-славянская цивилизация" урезает славянство (которое шире Православия) и Православие (которое шире славянства).

Если считать выбранное Самуилом Хантингтоном выражение "славяно-православный" не случайным недоразумением, можно распознать в нем тенденцию к закреплению у международного экспертного сообщества подсознательного представления о редуцированном, локальном и региональном характере России, о второстепенности ее геополитического статуса.

Использование хантингтоновской категории в политологическом и геополитическим анализе, таким образом, нельзя признать вполне безобидным.

Евразийские славяне и европейские славяне

История разделила славянский мир на два цивилизационных ареала, которые на разных основаниях и с разной степенью сохранения национальной, собственно славянской идентичности, включились в более широкий геополитический контекст. Эта линия раздела представляет собой переменную, постоянно меняющую свою четкую и строгую конфигурацию линию (полосу).

Восточные славяне, принявшие Православие и связавшие тем самым свою судьбу с Византией, составили основу евразийского славянства. После распада Орды и ослабления тюркского контроля над Северо-Восточной Евразией, они стали осью мощного геополитического субъекта — Евразии как таковой. Унаследовав от империи Чингисхана ее собственно туранский, Северо-Евразийский "отсек", эта ветвь славян создала мощную особую цивилизацию, в XVI веке принявшую к тому же второе геополитическое наследие — византийское.

Осевым народом, в наибольшей степени отождествившимся с глобальной геополитической функцией, стали великороссы — восточнославянский этнос, являющийся не только самым многочисленным, но и самым субъектным с геополитической точки зрения. В великороссах евразийская ориентация славянства достигла своего окончательного глобального воплощения. Великороссы стали этническим ядром евразийства, остовом мощного геополитического субъекта, вокруг которого сплотились как остальные славяне евразийской ориентации, т.е. собственно "православные славяне" (малороссы, белорусы, сербы, болгары), так и другие этносы — как православные (грузины, румыны, молдоване), так и неправославные (татары, угры, якуты, армяне, азербайджанцы и т.д.).

С расовой точки зрения великоросский этнос более всего смешивался

именно с тюркско-угрскими племенами, и следовательно, впитал в себя генетически и психологические многие туранские черты. Эти неславянские примеси в значительной степени способствовали складыванию особой русской культуры — бытовой, социальной, хозяйственной, политической, правовой. Показательно, что помимо собственно великороссов мощный державостроительный импульс, стремление стать самостоятельным геополитическим субъектом наличествовали именно у православных славян (у болгар и сербов), причем и те и другие в разные периоды также получили сильный прилив тюркской крови. Евразийское славянство — и в большом масштабе (русские) и в малом (болгары, сербы) — с геополитической точки зрения были преемниками двух геополитических импульсов: византийского и туранского. Это обстоятельство в огромной мере определяет основополагающие социально-психологические черты этих народов и по сию пору.

Совершенно по-иному складывались судьбы тех славян, которые жили западнее и примыкали геополитически к Средней Европе. Эти славяне были интегрированы в католическую сферу и развивались в европейском контексте, на его периферии. Конечно, специфически славянские черты сохранялись — язык, особая созерцательно-интуитивная психология, эмоциональность, страстность и т.д., — но выражались они совершенно иначе, воспроизводя общие для европейцев культурные формы. Только в определенные критические периоды славянство давало о себе знать в специфических, экстремальных формах (гностицизм, эсхатологические восстания в Моравии, гуситские войны и т.д.). Показательно, что собственно славянские элементы в католическом контексте последовательно маргинализировались, так что этническая самобытность западных славян, включенных в среднеевропейский ареал и в зону контроля Священного Престола, выражались косвенно и периферийно. И даже в эпоху секуляризации и подъема славянского национализма в Европе (особенно в период краха Австро-Венгрии), католические славяне избирали исключительно западные политико-государственные и правовые модели, копирующие франко-английскую систему. Единственным исключением являются поляки, которые предпринимали попытки (вместе с литовцами) организовать весьма специфическое католико-славянское государство, отличающееся как от общеевропейских стандартов, так и от евразийских славян. Но, как пишет историк Арнольд Тойнби, "эта попытка создания самостоятельной балтийской цивилизации, с польско-литовским ядром, оказалась абортивной".

Западное славянство, таким образом, геополитически (на разных основаниях) является восточной периферией Европы и относится к зоне соб-

ственно европейской геополитики. В самой Европе эта славянская область была зоной борьбы западно-европейских и средне-европейских тенденций (Франция-Англия против Германии-Пруссии и Австро-Венгрии). При этом германская Средняя Европа стремилась удержать славянские земли под своим прямым контролем, а франко-английская политика состояла в поддержке славянского национализма, что на практике означало поощрение антигерманского импульса, ослабляющего влияние Средней Европы и укрепляющего позиции западно-европейских держав. Напомню, что славянофильское направление возникло в России в XIX веке как раз в период активного противостояния двух геополитических сил в Европе Англии-Франции, с одной стороны, и Австрии-Германии, с другой. Но если философия славянофилов черпала вдохновение как в собственно русских корнях, так и в немецком романтизме (хотя отчасти и в западно-европейских, особенно англосаксонских источниках), то в политической практике поздних Романовых славянофильство проявлялось в антигерманской и, следовательно, прозападно-европейской политике, которая в конечном счете привела к Антанте и известному раскладу сил в Первой мировой войне. Идея о возможной самостоятельной общеславянской цивилизации и, соответственно, о единой геополитике славянского мира — т.е. политически и стратегически осознанное славянофильство, "славизм" (по Леонтьеву) — на практике выражалось в общей антигерманской стратегии западно-европейских держав и романовской России. То есть, это нечто противоположное евразийской геополитике, подразумевающей проекцию интересов восточного славянства далее на Запад. Интуиция этой двусмысленности политического романовского славянофильства (которое не следует смешивать с философией Хомякова, Киреевского, Аксаковых и т.д.), впервые осознанная Константином Леонтьевым, позднее легла в основу евразийского мировоззрения. Даже в редуцированном виде — в форме утверждения неразрывного единства великороссов, малороссов и белорусов — славянофильство не является геополитически подкрепленным. Западные области Украины и Беларуси в культурном смысле принадлежат Средней Европе, и идея сближения между славянами по ту и эту сторону Российской границы (позже советской, а теперь границы СНГ) ничего иного, кроме укрепления этой европейской культурной составляющей, не давало и дать не могло. В то же время православие малороссов и беларусов имеет евразийскую природу, поэтому консолидацию этих народов вокруг великоросского стержня следовало бы осуществлять вокруг конфессиональных и государственных начал, а не на основании этнического родства. Пространственно-географический, религиозный, и культурный факторы здесь являются значительно более важными и определяющими, нежели этнос или язык. Западное славянство пространственно и культурно входит в Среднюю Европу, и свою особость и славянскую сущность оно стремится выразить через оригинальные формы, которые, увы, пока не найдены. Конечно, вполне возможно теоретически выработать евразийский проект и для западных славян, и Варшавский договор предлагал вариант такого включения на основе советской идеологии. Но этот опыт явно не удался — он только укреплял внутриевропейские противоречия, что в итоге ослабляло Европу, а следовательно, и Евразию. При этом совершенно очевидно, что "реанимация" славянофильства не является выходом, в той же степени, в какой выходом не может являться попытка воссоздания СЭВ или возвращение к моделям послевоенной эпохи.

Славянский мотив в разрушении СССР

Каково значение славянского мира в современной геополитической ситуации, фундаментально изменившейся за последние 30 лет? Восточное славянство, которое составляет ядро евразийского геополитического субъекта сегодня ослаблено и разобщено. Между великороссами, сосредоточенными в большинстве своем в рамках РФ, и другими православными славянами отношения складываются сложно и проблематично. Не следует забывать, что распад мощного евразийского Государства, обладавшего почти совершенной геополитической субъектностью происходил под сомнительным лозунгом "объединения трех славянских республик" в Беловежской пуще. На практике же эта идея была не только антисоветской (сыгравшей роковую роль в разрушении СССР), но и, главным образом, антиевразийской, наносящей жестокий удар в самое сердце ядра евразийского славянства и континентальной стратегии великороссов. Не менее показательно и то, что Беловежские соглашения не только не сблизили великороссов, малороссов и белорусов, но, напротив, их разделили, расчленили, закрыли в искусственных, противоестественных, исторически и геополитически необоснованных, конфессионально и этнически противоречивых границах. Беловежское "славянофильство" применительно к Украине и Беларуси (особенно на первых этапах) привело к доминации в этих республиках элементов, которые особо подчеркивали различия славян: украинцев и беларусов с великороссами ("москалями"). Образ России был демонизирован, отождествлен с "тюрьмой народов", с колониальным империализмом. На практике, развитие национальной славянской самобытности на Украине и в Беларуси заново возрождало расистский лозунг, бытовавший у немецких нацистов, относительно того, что великороссы утратили свою "арийскую

чистоту", смешавшись с тюрками, финно-уграми, другими туранцами. Негативное отношение к России зачастую прямо аргументировалось "отступлением" великороссов от "славянской чистоты", "обазиатчиванием славянства". Отношение же к западным славянам формировалось в духе общего европоцентризма. Лишь во второй половине 90-х годов, когда "самостийность" проявила свои отрицательные стороны, славянофильский тезис в этих странах стал эволюционировать в сторону постепенного сближение с Россией. Но эта тенденция, которая носит все отличительные признаки евразийской геополитики, чаще всего формулируется в экономических, исторических, политических и стратегических терминах. Возможность оформления ее в устойчивую славянофильскую модель маловероятна. Чаще всего ее элементы сопряжены с обращением к собственному евразийству или ностальгическим мотивам "восстановления Советского Союза", сопровождаемым реставрационистской социалистической риторикой.

Геополитические вызовы славянству в будущем: два пути

Каковы основные геополитические тенденции в современном славянском мире?

Здесь следует сразу подчеркнуть, что любой серьезный геополитический прогноз должен учитывать две тенденции или два конкурирующих между собой сценария развития событий — атлантистский и евразийский. Как правило, при разборе конкретных ситуаций это эксплицитно не уточняется, оставаясь на уровне фонового кодового языка. А так как любой прогноз имеет суггестивное измерение, то в описании будущего обязательно вкрадывается проективная воля, по определению небеспристрастная. Это уточнение позволяет яснее осознать то аналитическое поле геополитического прогноза относительно судьбы славян, в котором рассматриваются эти вопросы. Итак, евразийский анализ славянской геополитики.

Евразийский проект рассматривает славянский фактор как важнейший осевой элемент всего евразийства. Причем речь идет именно о великороссах как об этническом ядре всей континентальной конструкции. Русские восприняли синтезированную византийско-туранскую геополитическую эстафету в максимальном масштабе и выступили инициаторами стратегической интеграции евразийского континента. Являясь, вместе с тем, самым большим и самым сильным славянским народом, русские исторически стали полноценным геополитическим субъектом, важнейшим конституирующим фактором мировой истории, одним из двух базовых полюсов в диалоге цивилизаций. Следовательно, в русских воплощено то измерение славянства, которое встало на путь максимальной универсализации, тотализации его глубинной исторической миссии. Универсализация геополитической и цивилизационной, а также культурной и мировоззренческой миссии прослеживается уже в истоках русской государственности, где наряду с восточно-славянскими племенами мы встречаем финно-угрские народы и германцев. Славянство в русских трансцендентализируется — превосходит само себя. Положительный результатом этой мессианской универсализации является имперский масштаб русской истории, русского Государства, русской культуры, русского Православия. Отрицательным: определенное распыление этнической связанности, культурная перерастяжка, ослабление племенной идентичности. Но как бы то ни было, геополитическая миссия великороссов неразделима с этим континентальным имперским импульсом, с трансцендентализацией этноса в стратегической Империи, в цивилизации и геополитике. Если проследить логику русской истории, становится очевидным, что сама идентичность великороссов состоит в цивилизационной экспансии, в универсализации внутреннего идеала до вселенских масштабов. Это идеал евразийской соборности, уникальный, глубоко национальный тип культуры и этики, буквально, рвущийся к тому, чтобы стать всеобщим. Этот процесс напрямую воплощен в евразийской геополитике. И если мысленно продолжить этот вектор, мы увидим, что следование ему в будущем должно привести к окончательному и на сей раз сознательному признанию великороссами своей евразийской идентичности, взятой уже не просто как фон, но как мировоззрение, как доктрина, как проект. Это означает, что судьба великороссов отождествляется с судьбой континентального процесса, в результате которого евразийский стратегический полюс должен быть восстановлен не только в прежнем (советском) объеме, но в масштабе, существенно его превосходящем. Это строгий геополитический императив, так как законы геополитики утверждают, что крах СССР как стратегической конструкции был предопределен именно недостаточностью (количественной и качественной) подконтрольных Москве евразийских пространств. С другой стороны, это восстановление не может проходить по прежним лекалам — ни в качестве прямого расширения Российского Государства через аннексию прилегающих земель (колониализм, империализм), ни через экспорт идеологии, подкрепленный военной силой (советский вариант). Евразийская стратегия должна быть совершенно новой и основываться не на государственно-национальных и не на догматически-идеологических, но на геополитических принципах. Евразийский блок может быть многоуровневым стратегическим

единством, различные части которого связаны с "сердцевинной землей" различными типами интегрирующих отношений. В определенных случаях, это будет стратегический союз автономных государств, в других — объединение на основе конфессионального или этнического родства, в третьих — альянс по принципу экономической таможенной выгоды, в четвертых — согласно логике "общего врага", в пятых — исходя из баланса ресурсов и т.д. В рамках этого евразийского проекта (полностью описать все грани которого в рамках короткого доклада невозможно) развитие славянского мира можно представить следующим образом. Во-первых, усиление интеграционных процессов между наиболее евразийскими славянами-россами — великороссами, малороссами и беларусами вплоть до слияния в единое федеративное (для начала, конфедеративное) Государство. Общая судьба, общая культура, общее пространство, а также общая основа языка и общие стратегические интересы являются достаточными стимулами этого процесса. При этом для западных земель вполне можно предоставить определенную и существенную автономию, чтобы превентивно снизить отрицательный, отталкивающий потенциал этого фактора, который будет тем активнее препятствовать интеграции, чем успешнее она будет развиваться. Православие, культура, психология, история и экономика здесь должны играть более существенную роль, нежели собственно этнос. Во-вторых, к этому вновь сплачиваемому блоку россов могли бы примкнуть на союзной или даже конфедеративной основе другие православные славянские народы — сербы, болгары и македонцы. У сербов предпосылки для такой эволюции уже налицо (после прямого столкновения с атлантизмом), у болгар они постепенно созревают, по мере дискредитации прозападного курса и усиления национальных и социалистических тенденций (в этом смысле показательна позитивное сотрудничество Социалистической Партии Болгарии с Партией, объединяющей болгарских турок. Это пример политического евразийского синтеза в самой Болгарии). В-третьих, в отношении неправославных славян евразийская геополитика предполагает культурную политику, максимально акцентирующую именно их этно-лингвистическую самобытность, особость в рамках католического мира и Средней Европы. Не политическая суверенность или особая общность неправославных славян, но акцентирование этно-культурной автономии каждого славянского этноса в отдельности при общей геополитической лояльности Средней Европе и Европе в целом — такой проект был бы наиболее позитивным и реалистичным. При этом в лучшем случае славянский ренессанс западных славян имеет смысл ориентировать в неоязыческом или неофолклорном ключе, так как любые политические проекты в католических и либерал-демократических формах (что является нормативом для Европы) для неправославных славян евразийского содержания, по определению, нести не могут. Через этнический элемент неправославные славяне могли бы быть постепенно вовлечены в орбиту геополитического влияния своих восточных соседей, но это едва ли сможет затронуть широкие массы и, скорее всего, останется на уровне элит, что, в общем-то, само по себе не мало.

Таков в общих чертах евразийский проект развития славянского мира в геополитической перспективе.

Атлантистский проект, естественно, прямо противоположен евразийскому во всем. В атлантистском проекте все строго симметрично. На уровне отношений России с Украиной и Беларуси должны развиваться отрицательные тенденции, направленные на отторжение этих стран друг от друга. Этот импульс должен подпитываться раздуванием тематики "московского империализма", "коммунистического реваншизма", а также настаиванием на национальном суверенитете Украины и Беларуси, на необходимости укрепления государственности и национальной идентичности вновь образовавшихся государств. Как мы указывали выше, в этом случае акцентирование славянской самобытности может использоваться атлантистски ориентированными силами в дезинтеграционном ключе. "Мол, россияне утратили свою идентичность, стали рабами империализма, смешались с тюрками и т.д.". Задача атлантистской политики в этом вопросе как можно дальше развести три Государства, населенных преимущественно россами. Для реализации этой задачи могут использоваться как откровенно националистические партии, так и прозападные, либерально-демократические круги. Такое же разделение предполагается и в отношении православных славян вне СНГ, причем инструментом может служить акцентирование локальных противоречий — между сербами и болгарами, и даже между сербами и македонцами, сербами и черногорцами. Основная цель: ослабить конфессиональные и этнические, а также культурные и политические связи православных славянских стран с Россией, вовлечь их в локальные европейские контексты по экономической, политической, информационной и социальной линиям. И наконец, в отношении неправославных славян — католиков или униатов — тактика атлантизма заключается в их противопоставлении славянам православным, разжигание межконфессиональных трений, акцентирование взаимных исторических претензий, дискредитация России и союзных ей евразийских сил, демонизация советского этапа восточноевропейской истории, акцентирование конфессиональной и социально-политической суверенности. Мы видим, что эта тактика реализуется в бывшей Югославии, начиная с сербско-словенских (и особенно серб-

ско-хорватских) столкновений, носивших особенно ожесточенный характер. Тот же подход мы наблюдаем в Польше и в западных областях Украины. Попытки создания агрессивного русофобского политического движения с опорой на католиков и униатов предпринимаются и в Беларуси. Так выглядят основные тенденции развития геополитических процессов в славянском мире.

Совершенно невозможно заранее утверждать, что реализуется тот или иной проект. История не закрыта, и временное превосходство атлантистов может оказаться лишь эпизодом. Остальное зависит от нас, от братьев-славян, от нашей верности истокам, от нашего мужества, от нашего ума, от нашей воли. Много мы пережили испытаний, но двигались всегда к победе. К нашей славянской Победе.

Восток и Запад — суть различия

Давайте попробуем проникнуть в суть различия между Востоком и Западом. Что же именно присутствует в Востоке и делает его радикально отличным от Запада?

Для начала попытаемся отделить главное от второстепенного. Существует множество разных вещей, например, таких как склонность какого-либо народа к торговле, которые многие склонны трактовать как характерную черту Востока (однако, далее выясняется, что в такой же мере характеристика присуща и Западу). Например, Великий Шёлковый Путь имеет западный противовес в виде торговых путей Испании и Англии, а позже Америки, идей свободного рынка Адама Смита, Милтона Фридмана и прочих. На северо-востоке нашей страны существует обычай не подбирать найденного золотого самородка — мол, это слёзы Земли, и кто соблазнится золотом, останется несчастен — и обычай соблюдается с незапамятных времён. Представляете себе такое в Англии, Франции? Многое из того, что характерно на Востоке, в равной мере присуще и Западу, и не может раскрыть суть различия между ним и Востоком. Нам важно избежать заблуждений такого рода для того, чтобы исследование дало удовлетворительный результат. А различие между Востоком и Западом имеется существенное, давайте попробуем его осознать.

Во-первых, чтобы освободиться от путаницы, мы должны осознавать, что кроме оси Восток — Запад присутствует ярко выраженная внешне ось Север — Юг. На юге преобладают захлёстывающие эмоции, горячий и необузданный порыв, на севере — хладнокровие, закон и рассудок. Юг, он на Западе — Юг, и на Востоке — Юг, и разницы между Востоком и Западом атрибуты Юга сами по себе не покажут. Взять, например, Дальний

Восток, Сибирь, Китай, Японию, Индию — там эмоциональный порыв не преобладает над разумом, более того — все телесные и материалистические субстанции строго и беспрекословно подчинены здравому смыслу, который находит свой максимум в духовном учении. Это многотысячелетняя традиция стран Востока. Законы главенства духа над телом испокон веков добровольно соблюдаются подавляющим большинством населения в Индии, Китае, Японии, и мало что способно заставить людей от них отказаться. Православие в России также прививает людям внутреннюю дисциплину, неистощимую веру, ставит заслон на пути материальных вожделений и даёт огромный запас прочности. Не менее важную роль играет и традиционный Ислам.

Попробуем отыскать в Востоке то, чему ничего подобного не противопоставлено на Западе. Наиболее отчётливо бросается в глаза повсеместное и постоянное, всепроникающее присутствие веры во что-то, направление большой доли внимания и душевных сил на нечто не присутствующее в материальном мире. Готовность потеснить свои телесные и материальные интересы и втиснуть между ними или над ними, что-то третье, не дающее материальной отдачи. Готовность приложить в том числе и материальные усилия, не получая и не рассчитывая на получение какой-либо материальной отдачи или выгоды, а получая то мистическое, что с материальной точки зрения кажется неопределённым, т.к. не может быть измерено в материальном эквиваленте. Удовлетворение человеческих чаяний происходит из источников, не связанных с физическими вещами, непосредственно окружающими человека. Итак, внимание, надежды и ожидания направлены на нечто, более всеобъемлющее нежели конкретные материальные предметы. Присутствует Вера. И с объектом веры имеется обратная связь, то есть верующий получает отдачу в виде тонких материй, благодати, которую ценит превыше всего. Вот единственное и коренное отличие, которое проводит непереходимую грань между Западом и Востоком.

Вера на Востоке означает глубокое убеждение, сверхрациональность, превосходящее всё человеческое, сверхлогичность, способную развеять любые сомнения разумными и здравыми доводами. Она пронизывает всё человеческое бытиё, неразрывной нитью проходит сквозь всю жизнь, помогает претерпевать невыносимые иначе испытания, даёт зарядку перед тяжёлым трудом, формирует нормального человека со смыслом жизни, здоровым умом, счастливым и открытым сердцем.

А как же католическая Европа? Воздержимся от приведения собственных доводов, т.к. их слишком много, и у читателя в том числе, а коротко процитируем Л.Н.Гумилёва о событиях столь характерных для истории Западной Европы, в том числе и нашего времени:

"На сегодня нет фактически верного ответа, почему так преступно безответственно и равнодушно европейская общественность XII-XIII вв. отнеслась к судьбе христианства на Востоке. И там, где маячила великая цель — просвящение во имя Святой Троицы в степях и равнинах Евразии, вдруг возникла трагическая и безысходная коллизия избиения всех христиан — православных, католиков, несториан и других в целях узковедомственной шкурной политики нескольких орденов рыцарей и небольшой торговой прослойки, обнаглевшей от спекуляции дорогостоящими товарами Востока на жаждавших роскоши дворах Запада. Ублюдочная политика Европы — папы, нотаблей, авантюристов, хищных сторонников вождей-императоров в сто лет между 1187 и 1287 гг., до окончательного падения Святой земли, обетованной земли христианства, — необъяснимисходя из логики эволюционных воззрений, присущих традиционной историографии Европы или России начала XX в." (Цит. по рукописи "Чёрная легенда". С. 11; опубликована в прим. сост., Поиски Вымышленного Царства, гл. 3). Коротко напомним, что тогда католики заключили с мусульманами негласный союз против восточных христиан.

Верить, чувствовать связь, черпать из веры душевную силу, совсем не одно и то же что и внешнее сухое приличие и ледяной страх перед могущественным и часто непонятным. Вера не может быть карманным атрибутом, дополняющим перспективой спасения джентельменский набор самолюблённого индивидуума. Магия и суеверия, столь распространённые в современном "интеллектуальном" мире, являются верхом цинизма, т. к. обслуживают материальные цели.

А как же "цивилизованный мир", источник, которого, как нас убеждают, находится на Западе? Не означает ли отдаление от Запада отказа от цивилизации? Давайте дадим в двух словах определение цивилизации, чтобы проще было ответить на вопрос. Цивилизация это в первую очередь социальный строй — когда общество выступает единым организмом и при этом каждый его член интеллектуально осознаёт свою роль и стремится её выполнять, рассматривая интересы общества как единственные и первичные свои интересы.

Только так способен человек реализовать заложенные в нём потенции. Живущий для себя оперирует со слишком малой сферой интересов и деятельности, а потому гноит лучшие качества, которые могли быть его "коньком", и в то же время так необходимы стране. Такой человек душевно слаб, озлоблен, ущербен и несчастен. Для нормального человека, который заинтересован чтобы его дети, внуки, правнуки и все дальнейшие наследники, которых теоретически может быть сколь угодно много, и которые обязательно в общей массе станут среднестатистическими членами общества, важно чтобы они жили в достатке и безопасности, с мирным небом, с чистой душой и безоблачным будущим. Полноценный человек заинтересован в своей стране.

Цивилизация — мощнейшая сверхфункциональная система, а не просто дворцы, ювелирные изделия, парики и пудра, это скорее памятники цивилизации. Суть цивилизации оголяется в её жизненно важных центрах — центральной власти, армии, церкви, системе образования и воспитания, идеологии и национальной идее, отношениях между людьми, научных и производственных проектах требующих консолидации сил трудящихся, интеллигенции, идеологов.

Только цивилизованное в таком понимании общество способно долго жить и процветать без помех, иметь впереди будущее и быть счастливым в настоящем. Это и значит быть человеком. Цивилизация это не плохо, это хорошо, это необходимо.

Теперь посмотрим какой выбор нам настойчиво внушают: либо привить себе "Западную цивилизацию", либо разойтись по лесам и стать зверьми. Оба варианта изначально неприемлемые, и в том и в другом случае у нас отнимают цивилизацию, в первом, правда компенсируя потерю техническими изощрениями и изворотами.

Нужно ли нам это, зная что запасов чистой пресной воды хватит на 20 лет, нефти на 60, а растопленные глобальным потеплением полярные шапки сокроют под водой пригодные для жизни пространства?

Рассмотрим коротко и ещё один аргумент: мол, говорят, что на Востоке у людей больше эмоций и они мешают прогрессу, затягивают в прошлое, а на Западе эмоций нет, там только интеллект и техническое развитие, как эталон совершенства. Аргумент неверен по следующим причинам: 1. Эмоций везде поровну, скорее европейцы более капризные, а Восток более терпелив. 2. На Востоке — красочные и высокие переживания, а высокие чувства это сильные чувства, но строго подчинённые интеллекту и этике. На Западе — базовые инстинкты: "хочу деньги, хочу машину, готов на всё". Не инстинкты контролируются разумом, а разум инстинктами, хотя и слабыми. Всё вверх ногами. Без инстинктов не было бы и побуждения к действию, т.к. более высокие чувства почти отсутствуют, возможно, по причине вырождения.

Подведём черту. На Востоке — вера как эталон здравого смысла и высокие душевные переживания. Как следствие не такая большая привязанность к материальным благам, тяготение к созерцанию. Сознание не приковано повсеместно к вещам, а больше живёт идеями, за которые борются, и весьма отчаянно, в то время как материальные лишения воспринимаются легче.

На Западе — более грубые вожделения, прикованные к физическим вещам и к деньгам как к супервещи, техническое развитие — направление деятельности, дающее удовлетворение эмоциям. Более тонкие чувства лежат в другой плоскости и трудно воспринимаются.

Здесь возникает недоумение: вышеописанные черты Запада почти совпадают с соответствующими характеристиками диких аборигенов, которые тоже подчинены животным инстинктам и мало похожи на человека, с той лишь разницей, что на Западе человек подчинён больше деньгам и вещам, а дикарь — половому влечению и деньгам (если таковые присутствуют). Но западный человек имеет чрезвычайно высокие интеллектуальные способности, несёт за спиной огромный багаж достижений и побед, продолжает претендовать на мировое лидерство и имеет к тому основания.

Так почему же им движут не тяга к прекрасному и высокому, не изысканные чувства и благая вера, которые тем глубже, чем больше развит человек? Почему он идёт на поводу базовых инстинктов, которые, собственно, тоже слабы, так как развитому человеку не свойственны? Единственная аналогия, приходящая на ум, это жизненный путь человека: ребёнок несмышлён и слаб, взрослый и умён и силён, старый ещё грозен, но уже не соображает и впадает в детство. И действительно, на поводу у инстинктов Запад идёт не потому, что инстинкты эти очень сильны (как у дикарей), а потому что более высокие чувства атрофированы. Но всё же это не совсем старческий маразм, западная Европа сравнительно молода, но при этом духовно, а затем и физически вырождается: видимо, в этом и есть феномен Запада как антипода Востока. Морально Запад находится в упадке, когда последует упадок физический — неизвестно, как не знаем мы и какими потрясениями он обернётся.

Если цвет и форма лучше сохранилась на Западе, то суть и духовный стержень мы можем найти лишь в Востоке. Восток — это Россия, Индия, север Китая и близлежащие страны.

Россия шире Востока — не она существует в нём, а скорее сам Восток черпает в пространствах России свою жизненную силу. Мы вмещаем в себя наиболее радикальный Восток — и географически и метафизически.

А. Дугин

УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ И ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ (фрагменты интервью Лидера "Евразия" сетевому порталу "Кирилл и Мефодий", июль 2001 г.)

Для того, чтобы Россия могла занять правильную позицию в круговороте происходящих мировых событий, мы должны понять, кто мы и кто не мы, и в какой системе координат мы действуем. Это не вполне очевидно. Наше общество остается глубоко расколотым по мировоззренческому признаку. Оно смущено, растерянно, испугано, подавлено.

Российское общество сегодня пребывает в тайной борьбе за альтернативные самоидентификации, за каждой из которых стоят те или иные группы влияния, те или иные пласты населения, но между которыми не существует ни идеологического, ни политического, ни мировоззренческого консенсуса. Можно провести аналогию с эпохой Петра I, когда перед Россией стоял вопрос выбора дальнейшего пути развития, и в обществе не существовало единства мнений по этому вопросу.

Я сторонник евразийского взгляда на русскую историю. Соответственно, вся система оценок Московской Руси, Петра I, романо-германского ига (так называли послепетровский период Трубецкой и Савицкий) вписывается у меня в рамки оценок классического евразийства.

У современной политической элиты очень много общего с мыслителями романо-германского периода. Присутствует, как и тогда, негативные оценки "особости" русского народа, который считается недоразвитым европейским народом, живущим в отсталой европейской стране. У российского общества не существует консенсуса относительно путей дальнейшего развития России.

Первая модель — это самоидентификация России как некой отсталой, периферийной части *западной цивилизации*. Это тезис — "*Россия есть недоразвитая западная страна*".

Одна часть таких "западников" считает, что "недоразвитость" проявляется лишь в технологических параметрах, а в остальном Россия — просто особая страна, имеющая право на самостоятельное самобытное существование. Вероятно, подобного взгляда на Россию придерживаются просвещенные патриоты во власти, к которым принадлежит и Владимир Путин.

Другая часть западников убеждена в неисправимой и фатальной отсталости России, в ее тотальной правовой, культурной, интеллектуальной и идеологической недоразвитости, периферийности, маргинальности. Такой позиции придерживаются, например, Чубайс, Кох, Гайдар и другие, т.н. "российские атлантисты".

Для людей, рассматривающих Россию как часть западной цивилизации, *опасность кроется* в том, что мы можем либо просто не догнать Запад, не влиться в Европу, не развиться технологически или морально, не построить гражданского общества и не создать у себя института свободного рынка (такова позиция западников-патриотов), либо вообще остаться самими собой, утонуть в самобытности, неповторимом укладе, навсегда разойдясь с Западом (с позиции западников-русофобов, это — настоящая "трагедия").

Между двумя разновидностями западников есть и сходства и различия. Но и те и другие, исходя из тезиса "Россия есть недоразвитая западная страна", определяют своих противников. К внутренним противникам относятся все те, кто препятствует вестернизации России, ее атлантизации, ориентации на технологический прогресс, свободный рынок и гражданское общество. К внешним врагам принадлежат те люди, которые отстаивают иную систему ценностей, например, религиозные фундаменталисты. Для западников опасны все те, кто стремится тем или иным способом свернуть с западного пути развития, повести Россию по иному, альтернативному пути.

Сторонники тезиса "Россия есть недоразвитая западная страна" многочисленны в руководстве страной, среди столичной интеллигенции, столичных бизнес-элит, федеральных СМИ. Их значительно меньше в Думе, еще меньше в народе. Чем дальше от Москвы, тем ниже падает их процент во всех слоях общества, включая власть, бизнес, не говоря уже о массах. В абсолютном соотношении — это подавляющее меньшинство россиян, хотя среди федеральной элиты, особенно в исполнительной власти и СМИ, они составляют, напротив, подавляющее большинство. Это очень *опасная и неприятная диспропорция*, чреватая в дальнейшем серьезными *социально-политическими кризисами и взрывами*.

Вторая *позиция* — это самоидентификация России как самобытной цивилизации, а, соответственно, уже не "отсталой" и не" западной", потому что общего мерила между Россией и Западом здесь нет.

Те, кто придерживается евразийской идентификационной позиции (сознательно или бессознательно), убеждены, что существует особая, присущая лишь русской истории и русскому обществу, система ценностей, возможно, не до конца выявленная, но интуитивно предчувствуемая славянофилами, Данилевским, Леонтьевым, которая позволяет измерять Россию по внутренней суверенной шкале.

По мнению сторонников данной идентификационной модели, к которым принадлежу и я, главная опасность заключается в движении на Запад в любом вопросе: в геополитическом, культурном, экономическом, технологическом, медиакратическом. Этот патриотический лагерь также неоднороден.

В нем есть чистые националисты, озабоченные интересами только великороссов, славян с изрядной долей ксенофобии. Есть ностальгирующие по советской модели. И евразийцы.

Все патриоты отрицают западный вектор развития и отказываются считать Россию "недоразвитой западной страной". Но дальше картина усложняется и начинаются внутренние противоречия.

Так, "узкие националисты" считают, что помимо Запада, опасность представляют также те, кто хочет в очередной раз "перерастянуть" Россию, расширить идентификацию за пределы русского этноса. Следовательно, у них есть претензии и к евразийцам и к неокоммунистам. В экстремальных случаях такие "чистые националисты" могут идти на определенный союз даже с "западниками" — их объединяет с ними антикоммунизм.

Сторонники неосоветской версии национальной идеи считают основным злом капитализм, либерализм, буржуазный строй. Следовательно, к антизападной ориентации они добавляют социально-экономическое измерение. Для них капитализм — враг номер 1, тогда как для евразийцев экономический аспект является второстепенным.

Евразийцы рассматривают существующую ситуацию в особой перспективе. Их главный враг — западная цивилизация. Они обобщают все антизападные тезисы — геополитические, мировоззренческие, религиозные, исторические, культурные и социально-экономические и готовы идти на любые альянсы со всеми патриотами и державниками (как правыми, так и левыми) для спасения российской самобытности перед угрозой глобализации и атлантизма.

Евразийцы утверждают идентичность России в широком цивилизационном смысле, где общий знаменатель подводится под разные этические, расовые, культурные и конфессиональные сектора. Все вместе они составляют уникальную евразийскую цивилизацию — Россию-Евразию. Политическим и мировоззренческим выражением этой позиции служит возглавляемое мной движение "Евразия".

Для нас, евразийцев, вся угроза для России-Евразии исходит от Запада и от проводников западнических тенденций в России. Мы против растворения России в Западной цивилизации, против пути на Запад, но в отли-

чие от чистых националистов и неокоммунистов мы отлично понимаем, что одна Россия в условиях глобализации просто отсидеться не может.

Российская самобытность и многоукладность существовали всегда. Мы никогда не были и никогда не смогли бы стать такой полноценной западной гражданской страной, как, например, Франция. Цветущая сложность, свойственная традиционному обществу, обществу имперского типа, сохранялась у нас в самые тяжелые периоды. В России никогда не существовало универсальной модели для всех входящих в нее этносов, даже при коммунистах. Всегда сохранялись архаические пласты, сохранялось многоцветье.

Сегодня наша задача именно русскую самобытность превратить в универсальную модель культуры, в некое альтернативное атлантистскому глобализму, но по-своему тоже глобальное мировоззрение. И при наличии общего противника — атлантизма, нового мирового порядка, американоцентричной глобализации, открыто заявляющего о своих планах, намерениях, целях и методах, сделать это возможно. При абсолютной гегемонии США и примкнувшим к ним стран все остальные государства как бы автоматически становятся единым целым. Они по очереди подвергаются бомбовым ударам (вспомним югославов, иракцев, афганцев, ливийцев, не далек тот час, когда к ним присоединятся украинцы или белорусы). Не исключено, что и нас ждет подобная участь. Война в Европе идет уже давно, и она идет не по принципу "мусульманин против христианина". За всем стоит геополитика, противостояние атлантизма и евразийства.

Я был на Балканах, там идет настоящая резня, почти как в Средневековье. Это значит помимо всего прочего, что человечество, постоянно меняясь, остается по сути тем же самым — все также важны и фундаментальны для него этнос и религия, несправедливость и жажда свободы, вера в идеал.

Я не верю в серьезность противостояния "США (Запад) — ваххабизм". Мы знаем, что последняя встреча Бен Ладена с куратором ЦРУ состоялась в августа в Дубае, где он лечился. Об этом сейчас пишут все английские газеты. Но это деталь. На самом деле, так называемый "радикальный ислам" (ваххабизм, "салафизм") есть сила, созданная и постоянно накачиваемая США и направленная против Евразии, против потенциального евразийского альянса, против России, Ирана, Китая, Индии, Европы...

Сейчас, как во время Второй мировой войны, во время других серьезных потрясений, трудно и неожиданно для многих, но все же формируется новая коалиция. Это зреющая консолидация стран, культур, конфессий, общественных организаций, политических движений, недовольных однополярной глобализацией.

Однако неверно считать, что сегодня универсальная обобщающая антиглобалистская модель уже существует. Пока это только процесс, при этом евразийская философия обладает всеми параметрами, необходимыми для того, чтобы стать закваской такого универсального антиглобализма. К тому же, "общий враг" сплачивает и дает некие геополитические, стратегические базовые цивилизационные основы, с которыми уже можно работать. И, конечно, на первый план выходит геополитика.

Евразия предлагает некую фундаментальную *философию многополярности,* когда различие берется не в *отчуждающем*, а в *объединяющем аспекте*. То есть мы хотим отстоять свою уникальность (которая в каждом случае различна) перед лицом унификации, которая одинаково гибельна для всякого различия. Мы хотим, чтобы многомерность и многообразие культур, этносов, народов не препятствовали консолидации усилий перед *общим противником*, а, наоборот, способствовали этому.

Политически и философски Европа едва ли способна освоить евразийство, да и сами основатели этого течения относились к романо-германской культуре весьма прохладно. Однако основной сближения может выступать в политике отвержение радикального либерализма (а это характерно и для социал-демократов и для правых европейских республиканцев — голлистско-аденауэровского типа), а также "экономическое или энергетическое евразийство" в сфере чисто материальных интересов. Общие интересы могут возникать и в практической материальной сфере — в области энергоресурсов, которые в современном мире ограничены. Так на уровне энергетики есть множество общих интересов между Россией и Евросоюзом. Культурные различия в данном случае не мешают стратегическому партнерству на экономической и энергетической почве.

У нас есть сегодня возможности заключать геополитические альянсы с разными державами на разных условиях. С Ираном нас сближают региональные интересы в Средней Азии, общая стратегия в политике и экономике. С Индией — то же самое, только в Восточной Азии. С Японией — экономические и ресурсные интересы на Дальнем Востоке, общие трения с Китаем. В краткой перспективе и Китай может быть рассмотрен как тактический союзник России, но в долгосрочном плане выполнять серьезную евразийскую роль регионального и тем более, глобального масштаба Китай не в состоянии.

У нас с китайцами довольно невысокая степень геополитической комплиментарности.

Но, безусловно, главная опасность, для противостояния которой можно солидаризироваться даже с китайцами, — это Запад во главе с США. Если посмотреть на происходящее в мире, то в США, за кулисами демо-

кратического фасада, мы увидим четко действующий мощный механизм, который, независимо ни от чего, двигается к своей цели.

Есть некий модуль, который пронизывает все американское общество. Есть некая парадигма, в соответствии с которой принимаются все решения во властных структурах. Это "атлантистский завет" — то, что они называют "manifest destiny".

Гетерогенность, разнородность, американского общества странным, даже загадочным образом совершенно не препятствует предельной консолидации и преемственности внешнеполитического курса США, не взирая на трения между партиями и поколениями политиков. Меняется только фасад, основной "морской код" остается постоянным. На все случаи жизни готов конверт с запечатанным посланием Левиафана. В критические моменты такие послания распечатываются, и становится ясно, что делать. У этого завета Левиафана есть и явные носители — таковы американские геополитики, которые предельно ясно осознают логику этого кода и транслируют ее через систему особых фондов и организаций типа CFR, "Совета по Международной Политики", где большую роль играет Збигнев Бжезинский.

У России-Евразии тоже есть аналогичный код парадигма "сухопутной цивилизации". У нас тоже есть своя "проявленная судьба", но она радикально отлична от судьбы Запада. Цивилизационные константы явно проступают при осмыслении русской истории — причем на всех ее этапах. Но складывается впечатление, что это происходит спонтанно, бессознательно, а на субъективном уровне элиты часто уклоняются от предначертания, кидаются в крайности, стремятся сойти (или бывают сбиты) с магистрального евразийского пути.

При этом часто наше русское общество кажется извне сплоченным, а элиты при этом действуют хаотично и разрозненно. В США же наоборот — общество внешне кажется разбросанным, но элиты действуют солидарно и жестко. Вообще говоря, тип истинной элиты Америки — WASP или даже новые типы элитных афро-американцев (типа Кондолизы Райс) — имеет очень много жестко-тоталитарных черт, в то время как привыкшее к авторитарности евразийское общество несет внутри себя значительную степень свободы.

Обычные республиканская партия США, в отличие от крайних, не ставят под сомнение необходимость доминации Америки в мире. В этом они не расходятся с демократами. И у тех и у других есть общая цель, единый планетарный идеал: рыночный демократический мир под эгидой США, представляющий собой перенесение американской политико-социальной и экономической модели на всю планету — melting pot из народов, культур, религий, рас.

Спор между чистыми глобалистами (демократами) и чистыми атлантистами (республиканцами) ведется лишь о степени, формах и моделях управления миром со стороны США. Глобалисты говорят, что надо предоставить определенное право голоса и другим странам, кроме Америки. Атлантисты утверждают, что в "мировом правительстве" должны быть только американцы, и что правление должно основываться в значительной степени на прямом применении силы против непокорных со стороны США и их партнеров по НАТО. Впрочем, демократы не отрицают и этого.

Я начал с того, что в нашем обществе есть достаточно мощный слой, рассматривающий Россию как "недоразвитую западную страну". Есть также множество тех, кто так не считает. Самое главное, что в российском обществе нет консенсуса относительно самоидентификации России.

А раз так, то из этого логически вытекает неопределенность относительно характера основной угрозы, того, откуда она исходит, и как следует ей противодействовать.

Можно, наверное, сказать, что главная угроза целостности и идентичности страны присутствует сегодня *внутри самого общества*.

Наша евразийская идея состоит в противопоставлении однополярному общепланетарному глобализму под эгидой США альтернативной модели глобализации — многополярной или региональной глобализации. Наличие общего противника сплачивает самых разнообразных участников этого альтернативного проекта, дает некие геополитические, стратегические, базовые, цивилизационные основы, с которыми уже можно работать.

Евразийство предлагает свой интегрирующий проект и внутри страны. Пожалуй, это единственный путь реального объединения различных общественных сил России вокруг наиболее общей и приемлемой формы Национальной Идеи. Евразийство есть гарант безопасности нашего общества и в стратегическом, и в цивилизационном, и в политическом смыслах.

А. Г. Дугин

ЧИНГИС-ХАН И МОНГОЛОСФЕРА (по мотивам книги калмыцкого евразийца Хара-Давана)

Архетип Темучин

Монгольский воин и великий континентальный монарх Темучин Чингис-хан — ключевая фигура Евразии и евразийства. Его личность, отраженная в его исторических деяниях, в составленных им законах предопределила в значительной мере весь ход мировой истории последнего тысячелетия. Созданная им в немыслимо короткие сроки империя стала основой принципиально новой политической организации пространства Старого Света.

Наследие Чингис-хана представляет собой, своего рода, континентальный Завет, духовную ось Суши(1).

Изучение истории империи Чингис-хана оставляет ощущение чуда. Рождается чувство: так не бывает, не может быть. В течение одной жизни владения бедного монгольского аристократа Темучина, сына Есугей-багадура, разрослись от крохотного надела бесплодной земли до просторов обширного континента.

Темучин создал все из ничего, опираясь на свою бесконечную волю, на жаркую энергию своего небесного сердца, завещанного древним белым духом, проникшим к праматери Алан-гоа через дымник юрты (как повествует нам "Сокровенное Сказание" монголов).

Не удивительно, что Чингис-хан считал себя избранным высшими силами. Даже те властители, которые совершили много меньше подвигов, чем Темучин, кичась, претендовали на небесную родословную. Он же в действительности совершил то, что едва ли под силу даже самому достойному из сыновей земли.

Показательно число лет жизни Темучина — 72 года. Это число в древнейших сакральных системах означало полный цикл жизни и лежало в основе древнейших круговых календарей. Оно неизменно встречается во всех мифологических сюжетах, связанных с полнотой времени. Круг делится на 72 составляющие. Из 72 временных промежутков (мгновений, хелеков) складывается первичная система древнееврейского исчисления времени. Согласно реконструкции древнейших календарей Германом Виртом, они состояли из 72 недель по пять дней в каждой(1-1).

72 года жизни Чингис-хана, таким образом, представляют собой парадигму Евразии, синтезированную карту-календарь, воплощенную в идеале сакрального властелина.

Мы, русские, живем *под сенью Чингис-хана*. Он принес нам не только иго с Востока, но и свободу от ярма Запада. Он распластал нас под своим владычеством, но научил нас бороться и побеждать. Он не просто организовал железной дланью континентальную административную машину, где мы поначалу были данниками, но передал нам основы государственного аппарата, которыми мы пользовались в течение долгих веков. Он увел русских жен в стан диких монголов, но дал нам через свою кровь степную ярость и великую энергию пространства; мы сделали их своими и явили миру грандиозные образцы империостроительства.

Мы, русские, дети Чингис-хана, наравне с татарами, тюрками, монголами. Но если они наследуют в первую очередь кровь, то мы наследуем дух, помноженный на просторы сакральных почв.

Русские до Чингис-хана и русские после Чингис-хана — *это два разных народа, две разные идеи, две расы, две миссии*.

Русские до Чингис-хана — периферия Византии и Европы.

Русские после Чингис-хана — оплот Вселенской Империи, новая Византия, последний Рим, абсолютный центр геополитической битвы за судьбы мира.

Чингис-хану мы обязаны всем.

За пределом полярных гор (Гиперборея и Евразия)

В географии древнего мира существует интересная закономерность. Древние цивилизации складывались под воздействием импульсов, идущих с Севера, но застывали и становились собой только южнее некоторой географической черты — *гряды евразийских гор, тянущихся от Пиренеев до Манчжурии*. В этом таинственная парадигма цивилизаций. С Севера от этих гор рождается тонкая живая сила и оседает южнее, застывая в конкретной форме.

Мифы древних народов закрепили эту модель в двучастном делении пространства: благое (цивилизованное) пространство — Китай, Индия, Иран, Шумер-Ассирия, Греция, Италия, Иберия — лежит к югу от горной цепи, и пики ее обозначают сам Север: Тибет, Кайласа, Альборз (Эльбрус), Олимп... То, что лежит за Севером, по ту сторону Севера (отсюда греческое слово "Гипер-борея", буквально лежащее "по ту сторону Севера", "за Бореем-Севером", "Jenseits des Nordens" Ницше) представляет собой *темную неизвестную сферу*, мир варварства, потустороннюю обитель инфернальных существ — пиктов, диких германцев, туранцев.

Особенно подробно эта двухчастная модель сакральной географии была описана у древних иранцев, например, у Фирдоуси в "Шахнаме". Там изложена классическая дуалистическая концепция — Иран=Свет — Туран=тьма, Иран=цивилизация — Туран=варварство, Иран= оседлость — Туран=кочевничество.

Северная полоса Евразии от Франции до Приамурья есть единый Туран (т.е. Гиперборея или ее расширенное преддверие).

Эта демонизированная цивилизациями древности туранская область постоянно вторгалась в бытие южных систем, не только сея разрушение, гибель и смерть, но и привнося новую жизнь, новую кровь, новую свежую силу в медлительно разлагающиеся режимы Юга. *В варварских нашествиях было нечто божественное*. Грабя, насилуя, разрушая и сжигая центры цивилизации, туранцы обнажали тайную сущность — *голую сущность бытия*. Они оставляли после себя императорские династии и непобедимые армии, новую этику братства и солидарности, крепкого слова и железной воли, жарких объятий и жестокой смерти... Они, как "бич Божий" (чем и считались), *возвращали изнеженный Юг к суровым проблемам Севера*.

Туран боялись и не понимали, для защиты от него строили Великие Стены и вели карательные операции, его презирали и ненавидели, но он с завидной периодичностью напоминал о себе. Яростный, неукротимый Туран, беспощадный, скуластый, голубоглазый, белокурый и раскаленный...

Туран — в широком гиперборейском смысле — был *источником королевской крови*. Большинство имперских и королевских родов истории приходило в цивилизацию с Севера. Китайские династии по большей части были туранского происхождения — хунну, табгачи, кераиты, чжурдјени, манджуры, потом монголы. Сам Александр Великий был сыном царя северных варваров — Филиппа Македонского.

Налицо парадоксальная двойственность Турана: *это варварство, несущее культуру; смерть, призывающая жизнь; разрушение, открывающее путь новому созиданию*.

Туран — "бич Божий", великий континентальный импульс, разбивающий сосуды, чтобы освободить заключенный в них примордиальный свет.

В своем импеостроительном импульсе Чингис-хан осуществил важнейшую сакрально-географическую операцию: "он сравнял горы", сделав естественную северную границу южных цивилизаций *прозрачной и проходимой*. Открывшиеся таким образом северо-евразийские пространства невероятно расширили географические представления южан. Условный Север материковой горной цепи, "заместитель" полюса обнаружился как

нечто локальное. *Истинный Север — великая Арктида — дали о себе знать*. Сами же евразийские территории и на Севере и на Юге были интегрированы в единый блок, подчиненный воле Севера уже в планетарном, континентальном смысле. В этом состояла великая *нордическая реставрация* сакральной географии, которую осуществил Чингис-хан в своей империи. В этом заключается ее фундаментальное отличие от империи Александра Великого, которая находилась *южнее* евразийской горной цепи, хотя ее истоковый импульс был также локально полярного (применительно к сакральной географии Греции) происхождения — балканская Македония.

Монголосфера Чингис-хана была не только симметричной фигурой относительно западной империи Александра Великого, но только со стороны Востока. Она открывала цивилизациям *новый трансцендентальный горизонт,* нордическое измерение бытия, тот самый "Свет Севера", о котором учит исламский эзотеризм [(2)]. Чингис-хан приходил с Севера, открывая доступ к новым духовным просторам.

"Стирание гор" — важнейший сакрально-географический элемент всей монглософеры и в историческом, и в архетипическом, и в геополитическом смыслах.

Туран в апогее (культура против цивилизации)

Великий монгольский шаман Кокэчу (Теб-Тенгри) провозгласил Темучину и монголам в 1206 г. в верховьях реки Онон: "Всевышний дарует тебе царство лица земного. Теперь, когда побеждены твоей десницей государи этих земель, называемые каждый Гур-ханом, и их области достались тебе, то пусть будет твое прозвище "Чингис". Ты стал царем царей, Всевышний Господь повелел, чтобы прозвание твое было: Чингис-хан, Царь царей и государь государей".

В ответ на это сам Чингис-хан демонстрирует, что вполне осознает сакральный смысл своей миссии. Он произносит: "Вечно Синее Небо (Тэнгри) повелело мне править всеми народами. Покровительством и помощью Неба я сокрушил род кераит и достиг великого сана. Моими устами говорит Менкэ-Кеке-Тэнгри (Вечно Синее Небо). В девятихвостое белое знамя вселяется гений-хранитель рода Чингиса, это "сульде"-знамя будет оберегать его войска, водить их к победам, покорит все страны, потому что Вечное Небо повелело Чингис-хану править всеми народами. Чингис царствует "силою Вечного неба" (Менкэ-Тэнгри-кючин-дур").

На яшмовой печати Чингисхана было выгравировано: "Бог-на небе, Хахан — Могущество Божие на земле. Печать Владыки Человечества".

Так, как Чингис-хан правил Евразией, ею не правил никто.

Его власть, его империя была чистейшей парадигмой туранского начала. Чингис-хан, как свидетельствуют исторические документы, прекрасно осознавал дуализм Иран-Туран или оседлость (городское устройство, цивилизация)-кочевничество (скотоводство, военное дело).

Хара-Даван(3) пишет "...Чингис-хан делил людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность выше их личного достоинства и чести; поэтому они способны на трусость и измену. Такой человек подчиняется своему начальнику из-за его силы и мощи, посредством которых он может лишить его благополучия и жизни, поэтому он трепещет перед его силой.(...) Это — низменные, рабские, подлые натуры, и Чингисхан беспощадно уничтожал их на своем завоевательном пути, например, когда они появлялись к нему, предав своего господина — врага Чингис-хана — в надежде получить награду. (...) Ценимые Чингисом люди ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь и жизненные блага, они боятся совершить поступок, который может обесчестить их или умалить их достоинство — не в глазах людей, а в своих собственных. (...) Человек подобного психологического типа повинуется начальнику не как лицу, а как части известной, Божественно установленной иерархической лестницы, как ставленнику вышестоящего начальника, который в свою очередь повинуется поставленному над ним высшему начальнику и т.д. до Чингис-хана, который правит народом и Вселенной по велению Вечно Синего Неба. Вот на такой иерархической лестнице, с людьми такого психологического типа в качестве начальников и строил свою всю империю Чингис-хан, который, будучи сам типичным монголом и человеком этого типа, искал таких людей среди кочевых народов. (...) Кочевник все, что ему дорого, носил в душе, а горожанин все ему дорогое видел в материальном достатке."

И далее: "Относя горожан к первым из двух очерченных психологических типов, Чингис-хан только в исключительных случаях ставил на высшие должности людей городской или оседлой культуры, несмотря на то, что завоевал столько царств с более высокой культурой (точнее было бы сказать, с более высокой цивилизацией, учитывая противопоставление культуры и цивилизации у Шпенглера — А.Д.), как Китай и Персия. По той же причине Чингис-хан презирал оседлые народы и дал завет своим потомкам и всему монгольскому народу сохранить свой кочевой быт и остерегаться становиться оседлым, завет, который до сего времени соблюдается монголами".

Два описанных Эренженом Хара-Даваном психологических типа соответствуют южному и северному (гиперборейскому) началам. Именно туранский этический тип следует называть евразийским.

То, что находится севернее евразийской гряды гор, имеет свою собственную онтологию, свою энергетику, свой особый уникальный пафос. Даже оседлость в этих туранских регионах несколько меняет свое значение, сохраняя многие этические и психологические черты, свойственные кочевью — суровый климат евразийского Севера делает общинность, жертвенность, солидарность столь же необходимыми, как и в степных кочевьях.

Империя Чингис-хана была не только чисто территориальным завоеванием, но и утверждением особой универсальной этики, которую Чингисхан сам ясно осознавал, пытаясь обобщить туранский духовный закон в историческом памятнике огромного значения — в "Великой Ясе".

Яса

"Великая Яса" была принята на курултае в 1206 году.

Отличительной особенностью "Ясы" было утверждение о необходимости почитания Единого Бога (каким бы ни было его подлинное имя — "Тэнгри", "Исус", "Будда" или "Магомет"). Вера в монгольском государстве охранялась законом. Точно так же под особым покровительством в империи Чингис-хана находились служители культа, которые освобождались от податей и налогов.

Основы "Ясы" формализируют туранскую этику, возводя ее в ранг закона. "Смерть положена за обращение князей к третьим лицам помимо хана, за неоказание помощи в бою, за оставление своего поста без разрешения начальника, за небрежность солдат и охотников в исполнении обязанностей службы, за оказание милосердия пленным без ведома того, кем они были взяты, за невыдачу беглых рабов и пленных владельцу, за убийство, за кражу, лжесвидетельство, измену, прелюбодеяние, заведомую ложь, волшебство, тайное подслушивание, поддержку третьими лицами одного из двух спорящих (борющихся) и т.д."(4) Показательно, что все это вполне сопоставимо с моисеевыми заповедями, но акцент сделан именно *на морали верности и чести,* которые поставлены в начало, а остальные нормативы гражданского общежития видятся второстепенными.

Дело в том, что туранское единобожие предельно конкретно. "Бог — на небе, Ха-хан — Могущество Божие на земле." Нельзя даже помыслить одновременно верность Богу и предательство начальника, который есть подчиненный другого начальника и так вплоть до самого Чингисхана. Социальный мир "Ясы" целен и открыт. Вся иерархия составляет единое тело, во главе которого стоит персонифицированное "Могущество Божие на земле", а следовательно, верность и дисциплина являются основными критериями конкретного и легко верифицируемого благочестия. Служители культа несколько вынесены из этих рамок чисто воинской иерархии, у них

особый статус и к ним особое отношение. Но основной акцент сделан на реальный становой хребет евразийской государственности — на пассионариев, служилый класс, воинов-организаторов. Жесткая этизация на основе "Ясы" именно этого слоя лежит в центре туранского порядка.

И в таком порядке благополучие и защищенность "горожан", "индивидуумов", "родов", "семей" хотя и признается и гарантируется, но все же подчиняется высшей цели, ставится на второе место.

Права человека здесь второстепенны перед лицом прав империостроительной евразийской иерархии, которая призвана не только сохранять достигнутое, но и преумножать, воспроизводя снова и снова великий завет "Царя царей и Владыки человечества".

Сам Чингис-хан уделял очень большое значение соблюдению "Ясы". "Если государи, которые явятся после этого (самого Чингис-хана), вельможи, багадуры и нойоны... не будут крепко соблюдать Ясы, то дело государства потрясется и порвется. Опять будут охотно искать Чингис-хана и не найдут...", — говорил он.

"Яса" соблюдалась довольно долго и после смерти Темучина. Но постепенно этот чистый туранский закон утратил свое значение, забылся. Евразийский дух искал иные формы. Но именно "Яса" является чистой парадигмой того, что можно назвать евразийским правом.

Евразийский отбор

Огромную роль в чудесной империи Темучина играл принцип "ротации элит", сформулированный в XX веке Вильфредо Парето. Конечно, ни одно из рациональных объяснений не способно даже относительно приблизить нас к таинству рождения великого континентального образования. Но все же принцип "монгольского отбора" в истории Чингисхана показателен.

Очень важно обратить внимание на личную судьбу самого Темучина. Будучи первенцем крупного монгольского аристократа Есугей-багадура, главы рода Кият-Борджигин, и обладая значительным родовым наследством, он оказался после смерти отца в крайне печальном положении, все худшее, что могло случиться с человеком его статуса, с ним случилось. Он был предан, унижен, раздавлен, распластан, лишен всего. Он стал временно "обездоленным мира сего", "лишенным наследства". Прошел плен, гонения, пленение меркитами любимой жены (что автоматически подразумевало насилие над ней похитителей). Жизнь поставила его с юности в предельно критическую ситуацию. Испытания, которым он подвергся, были способны сломить любого.

Но он выстоял. Прикоснувшись к стихии дна, он всей своей монгольской мощью *оттолкнулся от него*. Для этого необходим был высочайший аскетизм, нечеловеческое упорство, постоянная жгучая ярость, черная решимость, безразличие к пустякам, готовность для реализации цели преступить любые границы, выдержать любые лишения. Вместе с тем, раз с детства все давалось так нелегко, он научился добиваться своего в отложенном режиме, идти при необходимости на временные компромиссы, входить в вассальные отношения с теми, кто пока сильнее. Это важнейшая психологическая траектория — «король-свинопас», «лишенный наследства младший брат», «властелин, все утративший, но вставший на путь воссоздания всего сторицей». Темучин стал Чингис-ханом потому, что он был образцом пассионарной элитарной личности. Его заслуги и достижения — судьба архетипа, они сверхличностны. Хара-Даван пишет(5): "Глава обширнейшего из государств мира, занимавшего 4\5 Старого Света, властелин около 500 миллионов душ(...), он до конца своих дней чуждался роскоши и излишеств. (..) Он продолжал носить одежду кочевника и держаться степных обычаев, завещав своим наследникам и всему монгольскому народу не изменять этим обычаям во избежание растлевающего влияния на нравы культур китайской и мусульманской. У него не было таких личных потребностей, в жертву которым он, подобно другим избалованным счастьем венценосцам, принес бы высшие цели своей политики. Вся его жизнь была посвящена осуществлению его высочайшего идеала — созданию Единого Мирового Царства, которое было бы в то же время идеалом военной культуры монголов XIII и XIV веков.".

Он сам демонстрирует своей судьбой материковое "вращение избранных" ("ротацию элит"), правящий отбор. Властвовать должен не тот, кто получил на это наследственное право, этого мало. Необходимо конкретными подвигами закрепить, доказать это право, отвоевать его у темных углов мира, наползающих на пятачок умалившейся Родины, грозящих убить, уничтожить, раздавить, схватить, обокрасть, обесчестить. Надо разогнуться во весь великий монгольский размер, напрячь, как тетиву лука, все мышцы и сухожилия, собрать воедино все мысли и чувства, и прильнув к верной холке коренастой лошади, нанести жестокий, беспощадный удар. Смертельный, неисправимый, фатальный, судьбоносный. Только тогда и только так будет пробуждена небесная сила Тэнгри, дающая победу и власть.

Монгольский отбор элиты — это отбор жестокого противостояния света и тьмы. Испытуемого бросают в колодец ночи, в ничто, в нищету, в лишенность и ждут, пока внутренний свет в нем созреет настолько, что тьма вокруг него начнет гаснуть. То, что не завоевано в жестоком поединке, не считается вообще. Только отважный, верный, справедли-

вый и бесстрашный воин достоин называться "человеком", "монголом". Остальное второстепенно и подсобно, относится к добродетелям и ценностям рабов и трусов.

Ротация элит по-монгольски поощряет опасность. Само общество здесь предполагает постоянную опасность, «бытие-в-риске» (М.Хайдеггер). И именно в нескончаемом диалоге со стихией смертельного вызова выковывается характер тех, кто имеет основания править, властвовать, повелевать, обладать, распоряжаться, отдавать приказания, свободно и удало охотиться, сжимать в объятиях послушных, дрожащих, влажноглазых женщин. Это — этика бесконечного мужества, постоянного неусыпного доказательства верности, смелости, жестокости и высшей трезвости. Этот критерий у Темучина был превыше всего. Можно назвать его "принципом неотчуждаемой иерархии". То, что не доказано жизнью, опытом, не действительно. По этой причине Чингис-хан не останавливается перед тем, чтобы назначать на высшие посты простолюдинов, и не испытывает ни малейшего снисхождения к тем аристократам, кто опозорил свое звание. Головы летят направо и налево.

Отбор лучших в туранском режиме никогда не прекращается (по крайней мере, в теории). Каждый обязан вновь и вновь подтверждать свой статус конкретными делами — победами, успехами, подвигами, жертвами, великими свершениями. Отсюда экспансивный характер империи Темучина. Каждый член туранской иерархии должен иметь пространство для личной и коллективной реализации. Чтобы не обращать дух агрессивный активности вовнутрь (в склоки, интриги, междуусобицы) самое органичное и естественное проявление — вовне. Поэтому царство Ха-хана подобно ядерному взрыву — туранская пассионарность свободно движется по континенту, сметая раздробленные, потонувшие в неге, усобицах и роскоши цивилизованные центры.

Монголы Чингис-хана действуют не по праву силы, но по логике евразийской ротации. Они воплощают в себе норматив имперской элитарности, являющейся не просто отражением их общинной племенной психологии (и до них и после них было много кочевников, не совершивших и тысячной доли того, что смог совершить Чингис-хан со своими людьми), но ярко осознанным, возведенным в закон "Великой Ясы" универсальным принципом. Орды Темучина несут в себе универсальную весть. Они не просто уничтожают противника, завоевывают народы и государства, захватывают добычу, они предлагают фундаментально новый порядок — *новый евразийский порядок*.

В новом евразийском порядке абсолютизируется этика динамической агрессивной гармонии, проникнутой земной воинской волей и отмеченной богоприсутствием.

Прежде чем монголы нападали на другие страны, они отправляли туда послов с предложением мирно признать истину *туранского света*. Таким, например, было послание монгольского императора королю Людовику: "Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, королю Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны. Когда Воля Небес исполнится, и весь мир признает меня своим повелителем, тогда воцарится на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделали! Но если дерзнешь отвергнуть повеление божественное и скажешь, что земля твоя отдаленная, горы неприступные, моря глубокие и нас не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебе, что мы можем сделать"(6). Эта формула не пустые слова амбициозного и хищного завоевателя, она точно выражает духовный, метафизический настрой *евразийской империи*: физическая мощь и материальная победа рассматриваются лишь как доказательство триумфа *высшей идеи*, воплощающейся в исторической конкретике в ходе реализации уникального эсхатологического сценария — создания Всемирной Туранской Империи.

Улус "Третий Рим"

Бросим взгляд на монголосферу после смерти Чингис-хана. Его уход был подобен драме "изъятия катехона", "удерживающего". Уникальная конструкция утратила свое оживляющее начало. Завет "неотчуждаемой иерархии" без личностного воплощения "Высокого Ясного Неба" стал быстро формализироваться. Апогей Турана отныне позади. Впереди было остывание.

Монголосфера утрачивает со смертью Темучина (1227 г. — полнолуние месяца "Свиньи"(7)) органическое живое единство, хотя еще некоторое время остается формально связанной. Отношения между основными ее частями — Китаем, Персией, Туркестаном и Кипчакским царством — сохраняются до середины XIV века, с подчиненностью верховной ставке великого Хана в Китае. Эволюция разных ядер монголосферы показательна. В Китае и Персии (устойчивых цивилизациях, расположенных южнее евразийской гряды гор) монгольский импульс не порождает радикальных и необратимых изменений. Живая сила туранизма лишь временно стимулирует эти государства, концентрируясь в династическом начале, в оздоровлении нравов, в прививке воинственного, реалистического динамического духа аристократическим слоям. Постепенно туранизм там испаряется, и монгольскому импульсу не удается фундаментально повлиять на геополитическую судьбу этих стран. Завет Чингис-хана забывается, как забывается "Яса".

После временного возвышения при Тамерлане, воспроизводившего изначальный чингисхановский импульс в мусульманском контексте (империя Тимура простиралась от Родоса до Индустана), Туркестан (Джагатайская держава) постепенно также утратил политическое единство, потеряв былой геополитический вес.

Единственный сектор монголосферы, который, в конечном счете, избежал процесса остывания (энтропии), был Улус Джучиев, Кипчакское царство, называемое также "Золотой Ордой". Территория "Золотой Орды" была существенно вытянута на Север и имела несколько внутренних полюсов — главный монгольский в Сарае (ставка кипчакского хана) и несколько периферийных. Самый северный полюс Улуса Джучиева был в Москве.

Москва начала свое геополитическое возвышение как северный сектор "Золотой Орды", которая по своим основным параметрам являлась миниатюрным повторением всей империи Чингис-хана. Именно в "Золотой Орде" продолжала культивироваться монгольская самобытность, туранский дух, этика "Ясы". Здесь нераздельно переплелись Север и Юг, лес и степь, кочевье и оседлость (при превосходстве динамики, свойственной кочевью). Отсутствие древних цивилизационных материальных клише (как в Китае или Персии) позволяли Улусу Джучиеву во всех своих проявлениях развиваться творчески, новаторски, активно и экспансивно. Сарай перенял от Чингис-хана основную геополитическую и сакрально-географическую миссию — миссию вселенской империи, тогда как основная ставка Великого Хана в Китае постепенно переродилась в центр регионального могущества с ярко выраженным локальным колоритом.

"Золотая Орда" была прямым продолжением "Белого Царства", как еще при Чингис-хане называлась западная часть его империи, царство Кипчака. "Белое Царство" подхватило наиболее масштабный аспект завета Чингис-хана — противодействие Югу (как оседлой цивилизации — презираемые Темучином люди второго типа) и Западу. Сарай вел себя в истории так, как должна была бы вести себя вся монгольская империя, если бы она соблюдала в точности завещание своего основателя.

"Белое Царство" Сарая стало матрицей русской государственности в ее московском облике. Московия под воздействием монголосферы обрела навыки административного централизма, информационной упорядоченности (система "ямов"), налоговой и статистической прозрачности, эффективную и гибкую финансовую систему. Огромное влияние на Московскую Русь оказало военное искусство монголов, с которыми русским пришлось много воевать совместно — войска великого русского князя сражались вместе с монголами уже при Хубилае в Китае. Как справедливо пишет Эренжен Хара-Даван(8), "русские при Дмитрии Донском, в конце концов, применили основы монгольского военного искусства и против самих монголов, добившись самостоятельности". Но самое главное, что Москва впитала от Улуса Джучиева *геополитическое таинство монгольской воли к новому евразийскому порядку*, переняла (порядком увядший, но все же сохранившийся в "Золотой Орде") завет построения Всемирной Империи на новых, сухопутных, полярных основаниях. Москва усвоила *континентальный универсализм, понимание евразийского материка как единого пространства,* подлежащего универсальной унификации на особых сакральных принципах, сопряженных с этикой Великого Турана.

Москва и русский великий князь осознали себя осью "Белого Царства", что означало преемственность через Улус Джучиев изначального чингис-хановского импульса. Из локальной восточно-европейской державы, принадлежащей к периферии Византийского влияния и находившейся под постоянным натиском католической Европы, Русь Московская переродилась в ядро мирового могущества.

После падения Константинополя, совпавшего с фактическим освобождением русских от прямого контроля со стороны "Золотой Орды", Москва приняла эстафету центра вселенского Православия, вступила в наследие византизма(9), усугубленного в евразийском ключе и помноженного на имперостроительную энергию монголосферы.

Показательно, как мифологическое сознание древних русских оценивало степных кочевников (называемых в летописях обобщенно "татарами") до монгольских завоеваний и после них. До завоеваний отношение к евразийским кочевым автохтонам воспроизводит типичные мотивы "западной ойкумены", где они считались "ордами гогов и магогов", "демонами", "варварами", "полчищами бесов" и т.д. Эта христианская идентификация является продолжением греко-латинской сакральной географии, где туранский, "гиперборейский" ("за-северный") пространственный сектор неизменно демонизировался, населялся "людоедами", "чудовищами", "инфернальными существами". Отождествляя евразийских выходцев с глубинного Востока с апокалиптическими ордами, русские Киевского периода опасливо жались к Греции, а то и к Европе. Киев был колыбелью именно такой русской государственности — национальной, локальной, периферийной относительно и Царьграда и папской Европы.

Совершенно иная картина наблюдается в Московской Руси. Отождествление народов Востока, монголо-татар с "гогами и магогами" полностью исчезает. И даже победу на Куликовом поле и освобождение от власти "Золотой Орды" русские не осознавали как победу "сил добра" над

"силами зла", "христиан" над "иноверцами". Отныне мы имеем дело с совершенно иной моделью геополитической идентичности. Русские Московского Царства выступают и осознают себя как *самодостаточный культурно-цивилизационный полюс*. Это уже не региональная держава, не периферия чего бы то ни было, но центр в себе, источник политической и исторической воли. Третий Рим. По сути "Белое Царство" Московской Руси и есть полюс *неовизантийски оформленной православной монголосферы*. Всемирное Царство завещано московскому Риму именно Чингис-ханом, и завет этот воплощен в кровь, в культуру, в навыки, в государственную и хозяйственную систему, в административный уклад.

В отличие от всех остальных частей империи Темучина только северный сектор Кипчакского царства сохранил и развил изначальный импульс.

И встал Третий Рим, Русь Монгольская, несущая народам и царствам "Белый Завет", новую этику, новую весть, новый порядок.

Тропой Чингис-хана

В какой степени актуален сегодня завет Чингис-хана, и актуален ли он вообще? Отнюдь не праздный вопрос. Евразийский взгляд на русскую историю (Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Н.Н.Алексеев, Э.Хара-Даван, Я.Бромберг, Л.Н.Гумилев, как и современные неоевразийцы) трактует ее как развертывание во времени геополитического, этно-культурного и цивилизационного *наследия Чингис-хана*. И само Московское Царство, и Романовская Империя и даже Советский Союз демонстрируют нам разнообразные версии Руси Монгольской, чингисхановской, развитие, расширение и укрепление единой монголосферы, явственно проступающей сквозь внешние оболочки и разнообразные идеологические самоидентификации. Подчас отступая временно, на каждом новом витке геополитическая миссия Москвы становилась все более масштабной и вселенской.

Наблюдение за историей евразийских пространств показывает нам следующую закономерность — после великого начала Чингис-хана все евразийское пространство, вся монголосфера, давно превзошедшая монголов как этнос, обязательно *стремится к интеграции, к единству, к новой консолидации и возрождению*. Эстафета переходит от одних секторов континентального пространства к другим, оформляется разнообразными мировоззренческими доктринами, но процесс никогда не затухает окончательно. Высокое Синее Небо продолжает упорно делать свое дело, внушая сынам земли отважные и дерзкие замыслы, будоража их древнюю кровь, подвигая на новые свершения и победы.

Сегодня в истории Евразии драматический период. Распад СССР, роспуск Варшавского Договора напоминает события XIV века. Так же разлагалась и монгольская империя. Но ведь позже, так или иначе, вновь и вновь давали о себе знать подземные ручьи большой воли, неустранимый, неумолчный шепот Белого Завета. Нет сомнений, что точно так же случится и на этот раз.

Все чаще сегодня говорят о евразийстве, о необходимости возврата России к своей планетарной миссии, хотя отныне ее надо формулировать в новых терминах, соответствующих критериям нашей эпохи. Набирают силы интеграционные процессы среди стран СНГ. Заставляет искать адекватного ответа на неприемлемый для нас вызов и вечно агрессивный Запад, облекающий на этот раз свой атлантический антитуранский импульс в теорию глобализации. Геополитическое сознание многих евразийских держав, лежащих южнее материковой гряды гор, продолжает быть заворожено этой границей как непреодолимой преградой, а значит, полная карта мира остается у них искаженной локальными пропорциями. И открыть им истинную и полную картину сакральной географии — дело Турана.

Все это — знаки времени, недвусмысленные намеки, что дело начатое "Великим Моголом" у реки Онон не исчезло окончательно.

Белое Царство Евразии еще дышит, еще силится вырваться из области мечты, смутного позыва, из жара внезапно и без повода закипающей великоросской, русско-татарской, русско-монгольской, евразийской крови, из континентальных снов, из тайных желаний, о которых мы сами себе боимся признаться — желаний великой победы и пронзительной, вселенской, неутолимой любви.

Надо сказать всему этому "да". Как это сделали Александр Блок и Лев Гумилев. — "Да, скифы мы, да, азиаты мы".

Книга Эренжена Хара-Давана должна стать нашей настольной книгой. И относиться к ней надо соответствующим образом. Это не только историческое повествование, — это проект, завещание, кодекс, задание, идущие из глуби веков.

Многие великие люди хотели пережить свою личную смерть. Размышлял об этом и Темучин, специально выписавший к себе в ставку для этой цели даосского алхимика. Внешняя история повествует, будто алхимик посчитал предприятие нереальным. Но так ли было на самом деле? Не были ли похороны Темучина на горе Бурхан-Халдун лишь помпезной инсценировкой?

Жизнь Евразии — это его жизнь, а его жизнь — это наша жизнь.

Никто не свободен от прошлого, от завета, от того, что сделало нас такими, какие мы есть — скуластыми, безумными, непокорными, бескрай-

ними, опьяненными волей и судьбой, миром и небом над ним, жестокими и нежными, русскими, вселенски, бесконечно, абсолютно русскими, палящими нашей тенью, нашим укусом, нашим достоевским надломом пресные народы мира, пока еще ускользнувшие от нашей неминуемой, никогда не отклоняющейся от предначертанной судьбой траектории, свинцовой длани.

Да, сегодня мы слабы. Но до какого низа дошел Темучин, чтобы однажды стать Чингис-ханом? Да, сегодня ничто не предвещает, что мы не только возвысимся, но даже сумеем сохранить имеющееся. А каково было Темучину в колодках у грязных предателей тайджиутов, неверных вассалов? Да, сегодня мы преданы друзьями, унижены и подавлены. Но что чувствовал Темучин, когда его молодую красавицу жену Бортэ насиловали меркиты, а он был слишком слаб и одинок, чтобы защитить ее и воздать врагам должное?

Он не забыл и закалил свою великую ненависть, великую любовь.

Наше дело встать на тропу Чингис-хана. Вернуться в нашу историю, вновь обрести смысл и цель нашего общего национального евразийского бытия.

Предисловие к книге Э. Хара-Даван
"Русь Монгольская", М., 2001 г.

Примечания.

(1) См. А.Дугин "Основы геополитики", М., 2000.
(1-1) См. "Милый Ангел", М., 1997, "Рассветное познание восточного шейха", стр.71.
(2) См. Henri Corbin "L'Homme de la lumiere", Paris, 1972.
(3) Эренжен Хара-Даван "Чингис-хан как полководец и его наследие".
(4) I.J.Korostovetz "Von Chingis Khan zur Soviet Republik", Berlin-Leipzig, 1926.
(5) Э. Хара-Даван, указ. соч.
(6) Там же.
(7) Указание на месяц "Свиньи" архетипично. Континентом "Свиньи" ("Землей Кабана") индусы называли Арктиду, Гиперборею, сакральную землю полярного рая, находившегося in illo tempora на крайнем севере. См. подробнее А.Дугин "Абсолютная Родина. Мистерии Евразии", М., 1999 г. И его же "Основы Геополитики", указ. соч., книга 2., часть 6, гл.2.
(8) Э. Хара-Даван, указ. соч.
(9) А. Дугин "Абсолютная Родина. Метафизика Благой Вести", указ. соч., "Мы — Церковь последних времен", его же "Русская Вещь", т.1, М., 2001, "Абсолют Византизма", его же "Основы Геополитики", указ. соч., "Геополитика Православия".

А. Г. Дугин

РОССИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ИЛИ ВЕЛИКОЙ ИЛИ НИКАКОЙ

Понятие "Великое Государство" не является простой эмоциональной националистической формулой бытовой или политической речи. За этим понятием стоит очень конкретная геополитическая реальность. Сочетания "Великая Сербия", "Великая Россия", "Великий Израиль", "Великая Германия" и т.д. несут совершенно определенный исторический смысл, варьирующийся в зависимости от того, какая именно страна и какой именно народ стремится добавить к своему самоназванию прилагательное "великий".

Сербия, к примеру, отличается от "Великой Сербии" не только территорией, хотя и ею тоже. Понятие "Великая Сербия" имеет конкретный пространственный смысл; произнося это словосочетание, балканские политики подразумевают историческую формацию, образованную сербским царем Душаном Сильным, которая располагалась на территории нынешней Югославии, части Болгарии и захватывала северные регионы Пелопонесского полуострова, Македонию и Грецию. Это была своего рода *сербская империя*. Хотя она просуществовала недолго, но оставила в национальной психологии сербов неизгладимый след; до сих пор только сербы из всех балканских народов воспринимают себя как "имперский народ", и от этого их переживание нынешней национальной катастрофы носит столь драматический, надрывный, глубинный характер.

Но не только *исторический прецедент* владения обширными землями формирует концепт "великой державы". Это еще и *внутренний идеал*, сопряженный с уровнем *национальной мечты* конкретного народа. И даже несбыточные *фантастические* представления о границах такой "великой державы" много говорят о степени универсальности, обобщения, на которую способен данный народ пусть только теоретически — умозрительные границы всегда несут в себе очень конкретную информацию о качестве духовного национального идеала. Та же "Великая Сербия" представима (пусть в мечтах) как объединение балканских славян под эгидой Православия, с некоторой степенью терпимости в отношении католического меньшинства (хорватов и словенцев). Не менее, но и *не более* того. Когда же сербы начинают мыслить еще более глобально, выходит поговорка — "нас и русских 200 миллионов", то есть "Россия и есть следующая ступень за Великой Сербией".

Границы "Великого Израиля" тоже вполне конкретны: от Нила до Евфрата. За этими территориальными пределами дерзновенная мысль даже самых радикальных сионистов останавливается. Дальнейшее наращивание величия предполагается уже не через экстенсивное (внешнее), но через интенсивное (внутреннее) развитие нации. Через мессианские события, чудеса и знамения, которые будут распространяться уже по иным каналам на весь мир. Но основа — от Нила до Евфрата. Не более, но и *не менее*.

Если у многих народов понятие "великой державы" остается на уровне потенции, нереализованного национального идеала, есть некоторые исключения, — исторические счастливчики, — которым удается добиться своего на практике. Показательно, что Англия в своем официальном названии "Great Britain" ("Великобритания") уже имеет этот атрибут. И действительно, эпоха "величия" Англии была отнюдь не эфемерной, англичанам принадлежало реально полмира, пока они не передали эстафету своему заатлантическому детищу. Максимальные же границы Великобритании (профильно морской державы), по представлению самих англичан, совпадают с береговыми зонами всех материков и простираются вглубь настолько, насколько позволит сопротивление аборигенов суши. Объем претензии приличный. Правда, сама Великобритания сегодня уже мыслит себя не через себя саму, а через США, полагая, что "их успехи, это наши успехи". И в смысле преемственности геополитической эстафеты, а также цивилизационного содержания проводимой США мировой политики, они совершенно правы. Greater Britain ("еще более великая Британия") это и есть сегодня США.

Что же в таком случае "Великая Россия"?

В нашем языке уже есть термин, который в последнее время используется не часто, но несет очень глубокий исторический смысл. Это термин "*великороссы* ". "Великороссами" традиционно называли восточных славян, живших в Московском Царстве, и в отличие от других православных братьев ("малороссов" и "белорусов") никогда не терявших своей *суверенной государственности* и не подпадавших под политическую и религиозную власть инородцев и иноверцев . Название "Великороссия", таким образом, связывает воедино *этнос, религию, территорию, ареал расселения, фактор государственной независимости (суверенности)*, что в целом и составляет культурный и исторический облик нации. Собственно "русские" именуются "великороссами" не столько по своей численности и не по объему занимаемых территорий, но именно по той причине, что им удалось воплотить в исторической реальности мечты об универсализации своего национального идеала. "Великая Россия", давшая этническое

самоназвание великоросскому племени (кстати, в паспорте в графе "этнос" имело бы смысл вместо "русский" писать именно "великоросс" — тем, естественно, кто, на самом деле, великоросс; а вот в графе "гражданство" или "национальность" — "русский": такими могли бы быть многие и не великороссы), это совершенно конкретная историко-пространственная и культурно-политическая реальность, которая должна рассматриваться как основа нашей специфической российской цивилизации, как общая матрица, из которой развились все политические формации нашей истории — от самого Московского Царства через Романовых к Советскому Союзу и современной Российской Федерации. "Великая Россия" не условность и не миф — это вполне конкретная и строго фиксируемая *ось нашего исторического бытия*.

Однако все это относится к области прошлого, к области фундамента. Там мы видим и *ценностный заряд,* давший гигантскую энергию державостроительству: идею единственного (после падения Царьграда) оставшегося подлинным христианства — *Православной Веры*; теорию "*спасительного царства*", "тяглового Государства", где гражданское и социальное служение неразрывно связано с общенациональной литургией спасения души (концепция "Москва — Третий Рим", св. Иосиф Волоцкий и т.д.); представление о русских как о *народе-богоносце* , Новом Израиле, несущем свет Веры всем отпавшим от истинной Церкви народам мира. И тот факт, что этот ценностный заряд удалась реализовать на огромном секторе географической, политической и этнической карты в глазах самих русских, — а еще более глубоко и неизбывно в глубинах национальной психологии — подтверждает *нашу историческую правоту и обосновывает наше право следовать по этому пути в дальнейшем*. Как бы этот изначальный заряд ни изменял своего внешнего выражения, — и в романовской секуляризации, и в атеистическом (внешне) мессианстве большевиков, — именно он оставался в течение веков путеводной звездой Великой России, делал ее Великой и субъективно и объективно.

Что же означает "Великая Россия" сейчас? Только ли ностальгию по безвозвратно утерянному прошлому?

Ответить на это бесстрастно и объективно невозможно. То, что сегодня наше самосознание, наша Государственность, наше национальное чувство переживают глубочайший кризис, очевидно. Поэтому столь неадекватно воспринимается многими само выражение "Великая Россия". Раздаются голоса: "Слишком большую цену мы заплатили за эту дерзкую мечту... Слишком большими потерями дается участие в мировой истории в достойном и гордом качестве "великой державы"... Не пора ли остановиться и стать "нормальным Государством"..."

"Нормальное" (еще несколько лет назад говорили "цивилизованное", но теперь, когда ближе узнали далекий от идеала Запад, стало стыдно использовать эту унизительную для русских формулировку) Государство противопоставляется "великой державе" или "империи". Сегодня волна острой русофобии (свойственной периоду начала либеральных реформ) стала постепенно спадать, и идеи о том, что "России вообще не должно быть" (до чего договаривались ранние реформаторы), больше никто выдвигать не рискует. Вопрос только о том: *или "нормальное" Государство или Великая Держава?*

Очень корректная постановка проблемы. "*Нормальное*" *противопоставляется* "*великому*". Идет ли в таком противопоставлении речь только о территории? Нет, не только, но и о территории тоже. "*Великая Россия*" *в будущем не должна быть меньше, чем* "*Великая Россия*" *в прошлом*. И это очень серьезное положение. О каком величии и универсализме можно говорить, если мы умаляем наши геополитические позиции и, соответственно, сужаем пропорции нашего национального идеала?! Но вопрос о национальном идеале и его универсальности является здесь еще более важным, нежели проблема территории. Основная грань между "нормальным" и "великим" проходит именно *на уровне нашего духа*, нашего самопереживания, нашей готовности и способности сказать другим народам "новое слово", даже не обязательно "слово", может быть, какой-то иной жест, звук, знак... Но обязательно свое, глубинное, новое для всех остальных (и может быть, даже для самих себя).

Великодержавное чувство предшествует завоеваниям, аннексиям или союзам. Оно движет политической историей больших народов. Иногда исторический процесс поворачивается не в пользу реализации этого чувства, и тогда "великая держава" переходит в параллельный мир психологии, ностальгии, тайной, глубоко спрятанной воли. Но она никогда не исчезает окончательно. Мы ни за что не поймем состояния нынешних сербов, горделиво бросивших вызов всему миру ради суженой невесты своей, огненной Сербии, Сербии духа и просветленной национальной плоти ("Я даю за тебя жизнь, отчизна моя... Знаю, что даю и за что даю..." — по словам великого сербского поэта). Сквозь турецкое тяжелое господство, сквозь отчужденный пресс формального социализма вырвалась из подсознания "Великая Сербия" — как реальность, как язык пламени, как автоматная очередь.

И не поймем мы израильских поселенцев, которым предлагается в ходе "мирного процесса" убираться назад (куда назад?), с земли, священная любовь к которой оживляла народ в тысячелетиях рассеяния: ведь параллельный "Великий Израиль" никуда не исчезал из еврейской души, из еврейской тоски, из беспредельного, озлобленного и изощрившегося в скорби горя. От Нила до Евфрата. Наяву ли, во снах... Но считаться придется. Пока жив национальный идеал сионизма, никто не может спать спокойно-— ни враги, ни друзья.

И в Сербии, и в Израиле стоит тот же вопрос, что и в России: "великое" или "нормальное"? Идеальное или прагматическое? Героическое или торговое? Укорененное в земле или фланирующее по мегаполисам, напоминающим друг друга, как серийные детали — Вашингтон, Париж, Москва, Тель-Авив, Гонконг — одинаковые рекламы, одинаковые Мак До, одинаковые тинэйджеры с серьгой в ухе и широких дегенератских штанах на роликах...? Нормальный мир против Великого Мира.

Россия родилась как нечто обреченное на величие, страстно этого величия жаждущее. Мы шли к этому, мы этого достигли, и пошли еще дальше. Наш национальный идеал возрастал от гордых, трудолюбивых и мирных белокурых славянских племен до солнечной Киевской государственности, до угрюмо святой, неколебимой, торжественно континентальной Москвы, до бюрократического, не совсем русского, но пространственно безудержного петербургского периода, до высшей советской формы общечеловеческой мировой державы, где русский идеал справедливости, общинности, братства и счастья распростерся до масштабов планеты, вышел за ее пределы.

Да, сейчас, горько, что советское величие рассеялось. Да, это безвременье пережить трудно. Но отказываться от нашей исторической миссии, от той наглядной последовательности, с которой мы — упорно, кроваво, тяжело, но *все больше и больше — расширяем границы нашей земли и нашей истины*, значит совершать чудовищное преступление: *убийство национальной идеи страшнее геноцида*.

Прошлое учит нас: из каждого кризиса, временно сжимаясь пространственно и духовно, русские выходят обновленными и окрыленными, делают новый бросок. Кровавый бросок, но дух истории питается кровью, как преображенной кровью Господней питается душа христианина. Из монголо-татарского периода мы вышли континентальным царством. Смутное время спровоцировало лишь западные походы русских царей за освобождение православного славянства — наших малороссийских и белорусских братьев. Даже за потрясающей основы русской Веры катастрофой раскола последовало романовское движение в глубь Сибири, русский Drang nach Osten. И наконец, из кровавой бани Первой мировой и Гражданской, из пепла восстала мировая Советская Держава, великая и непобедимая.

Да, сегодня мы пьем полынь поражения, на наших губах боль, они слег-

ка дрожат. В наших глазах скорбь, недоумение, потерянность. Но в наших сердцах тайный свет, в наших сна Великая Русь, в нашей крови воют мертвые, породившие нас, завещавшие нам огромные пространства, которые должны стать еще огромнее, пока не заслонят солнце, и Луну, и звездное небо над нами, и паршивый, никем и никогда не соблюдающийся, навязанный коварным Западом "нравственный закон в нас". Нравственна только Родина, нет такой цены, которую жалко заплатить за ее величие. Хоть душу. Есенин писал:

Если скажет рать святая,
брось ты Русь, живи в раю.
Я скажу, не надо рая,
Дайте Родину мою.

Никакого уютного "нормального" рая с гамбургером и путевкой в Анталию, где мало воды, грязные чашки и мутные вирусы, не надо. Нашли нормальность, ничего себе "рай"... Но и настоящего рая не надо русскому человеку. Даже если "нормальность" будет, действительно, нормальной (конечно, этого никогда не произойдет, допущение чисто теоретическое, какая в России нормальность!) и ее не надо, ведь не надо же Есенину даже белоснежного крылатого счастья, длящегося вечно.

Если Россия не будет великой, ее не будет вообще. Величие — наша великоросская сущность. Но тогда, пусть лучше ничего не будет. Без России мировая история немыслима. Тогда пусть кончается мир.

Новая ценность пробуждается в тайне нашего бытия. Еще не оформленная, не произнесенная, не высказанная, но уже великая, уже раскаленная, без названия, без облика, без авторства, без подписи. Какая-то темная, огромная, воспаленная, невероятно сладкая, научная и пророческая, плотская, животная, с крыльями, пахнущая могильной землей и первыми лучами рассвета Истина. Истина нашего величия вопреки всему и всем, добродушного, жестокого, бесконечного величия, сметающего границы и государства, изливающегося от внутренней переполненности, страстности, одичалого кипения вовне, повсюду, на отуреченный Берлин и Токийскую биржу, на базары Эр-Рияда и колдунов Австралии...

Никто не может фактами обосновать право на величие. Новая Идея, призванная овладеть миром, не обязательно должна быть коммерчески привлекательной или теоретически обоснованной. Тонны книг по развитому социализму ничего не изменили — можно было бы и так. А телебашни, как известно, горят и падают. Гипноз и соблазн "нормальности" велик. Но это "PR" эфемерности.

Величие в "PR" не нуждается. Оно нуждается в воле и действии.

И наши дети, братья, убивающие и умирающие за Родину, строят Россию не "нормальную", строят Россию Великую. И каждый выстрел их упорно сверлит брешь в толщах истории. Мы выбираемся из норы, куда оскользнулись. Пока медленно, неуверенно, неуклюже, хватаясь за ссохшуюся траву по краям, вырывая ее с корнем, катясь назад.

Но мы шевелимся — значит, мы живы.

1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Рождение партии

ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСТВА

Составители: Н. Агамалян, В. Галимова, А. Гуськов, Н. Мелентьева,
П. Зарифуллин, М. Хрустов.

Макет, обложка А. Шаумян.

Сдано в набор 21.05.2002. Подписано в печать 04.07.2002. Формат 60x90\16
Гарнитура QuantAntiqua. Усл. печ. л. 50. Тираж 5000 экз. Заказ №

Москва, ул. Азовская, д.6 стр. 3 «Евразия» (9/2)

Тел/факс: (095) 310-5172, (095) 310-7397

e-mail: webmaster@dugin.ru, dugin@dugin.ru

www.eurasia.com.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов